Литературное наследство

Н. А. НЕКРАСОВ

II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО – ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

51-52

Н. А. НЕКРАСОВ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 4 · 9

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ!..

Н. Некрасов

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ НЕКРАСОВА

ПИСЬМА НЕКРАСОВА

П. В. АННЕНКОВУ, М. А. АНТОНОВИЧУ, А. Н. АПУХТИНУ, В. П. БОТКИНУ, С. П. БОТКИНУ, А. А. БУТКЕВИЧ, П. И. ВЕЙНБЕРГУ, Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО, Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, Д. В. ГРИГОРОВИЧУ, Я. К. ГРОТУ, А. В. ДРУЖИНИНУ, Г. В. ДРУЖИНИНУ, А. Н. ЕРАКОВУ, Л. А. ЕРАКОВУ, П. А. ЕФРЕМОВУ, АЛ—ЕЮ М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ, П. М. КОВАЛЕВСКОМУ, В. С. КУРОЧКИНУ, В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ, И. Т. ЛИСЕНКОВУ, О. Ф. МИЛЛЕРУ, Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ, Д. Л. МИХАЛОВСКОМУ, А. Н. ОСТРОВСКОМУ, И. А. ПАНАЕВУ, А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ, Я. П. ПОЛОНСКОМУ, А. Н. ПЫПИНУ, С. С. РЕШЕТНИКОВОЙ, В. А. СЛЕПЦОВУ, Н. А. СТЕПАНОВУ, Н. П. ТРУШКОВСКОМУ, А. А. ФЕТУ, А. Н. и В. И. ЯКОБИ, Е. И. ЯКУШКИНУ и П. И. ЯКУШКИНУ

Подготовка текста и примечания: Н. Болотиной, Вас. Гиппиуса, К. Григорьяна, В. Евгеньева-Максимова, А. Иващенко, Л. Катанской, Ю. Красовского, В. Любимовой-Дороватовской, Н. Максимова, М. Маловой, В. Нейштадта, М. Панченко, С. Рейсера, А. Соболевой и И. Ямпольского

Общая редакция и предисловие С. Рейсера

Разбросанные по частным коллекциям, напечатанные в виде отдельных публикаций или вошедшие в состав различных статей, письма Некрасова долгое время оставались несобранными. Первая попытка собрать их была сделана В. Е. Евгеньевым-Максимовым. Вышедший под его редакцией в 1930 г. пятый том шеститомного собрания сочинений Некрасова был посвящен письмам поэта. В издание вошло около 700 писем к 114 адресатам, причем свыше 200 писем (к 75 адресатам) появилось в печати впервые. Несмотря на отдельные погрешности этого издания, оно до настоящего времени не утратило своего значения как первый свод эпистолярного наследия поэта.

За девятнадцать лет, истекших со времени выхода в свет первого собрания писем Некрасова, государственные архивохранилища обогатились рядом новых фондов; были описаны и стали доступны исследователям многие из старых архивов, ранее не разработанных, обнаружено несколько автографов в частных собраниях. Эпистолярный фонд Некрасова, таким образом, пополнился. О размерах этого пополнения можно судить по следующим данным: в подготовляемое Гослитиздатом полное собрание сочинений Некрасова войдет около 1250 его писем к 165 адресатам (из них более чем 150 ранее неизвестных), т. е. число писем по сравнению с изданием 1930 г. увеличится почти вдвое.

Публикуемая в настоящем томе «Литературного Наследства» подборка представляет собой лишь часть неизданной корреспонденции Некрасова. Для публикации отобраны 126 писем поэта к 38 разным лицам, из них 17 имен в качестве его адресатов ранее не были известны. Таковы: М. А. Антонович, А. Н. Апухтин, С. П. Боткин, П. И. Вейнберг, Т. Н. Грановский, Л. А. Ераков, П. И. Якушкин и др. Этот список включает в себя передовых ученых, писателей, журналистов, издателей и общественных деятелей, а также официальный чиновничий мир 60—70-х годов, с которым Некрасову приходилось вступать в сношения.

Публикуемые письма вносят немало нового в личную и творческую биографию Некрасова. Они пополняют ее некоторыми до сих пор не известными фактами из его жизни, литературной и общественной деятельности, устанавливают авторство для ряда

анонимных или скрытых под псевдонимами статей самого Некрасова и его сотрудников в «Современнике» и «Отечественных Записках», уточняют отдельные даты и т. п.

Таковы письма 1850—1870-х гг. к П. В. Анненкову, М. А. Антоновичу, П. И. Вейнбергу, Г. В. Дружинину, В. С. Курочкину. О. Ф. Миллеру, И. А. Панаеву, А. Н. Плещееву, П. И. Якушкину и др.

Из ранних деловых писем отметим два письма к книготорговцу и издателю И. Т. Лисенкову, позволяющие установить авторство Некрасова для некоторых рецензий в «Литературной газете» 1842 г. Автограф одного из этих писем утрачен, и письмо воспроизводится по факсимиле «Некрасовского сборника» 1921 г. Опубликованное там двадцать восемь лет назад, оно ускользнуло от внимания всех исследователей жизни и творчества Некрасова и лишь теперь впервые вводится в научный оборот.

Многое в финансовой политике «Современника» уясняют письма к Ип. Панаеву, заведывавшему конторой журнала: о материальной поддержке семье Чернышевского, о пенсии М. А. Панаевой (матери Ивана Ивановича Панаева) и т. д.

Любопытны письма к П. А. Ефремову, связанные с изданием в 1874 г. сборника «Складчина» в пользу голодающих крестьян Самарской губернии, хлопоты по которому *отняли у Некрасова много времени и сил* (см. *в разделе «Письма к Некрасову»*).

Из переписки с сотрудниками «Современника» и «Отечественных Записок» прежде всего надо назвать переписку с П. М. Ковалевским, автором интересных, но весьма недоброжелательных мемуаров. Ковалевский в качестве адресата Некрасова до сих пор не был известен. Публикуемые 20 писем к нему Некрасова (1867—1876) показывают их отношения гораздо более дружескими и сердечными, чем это можно было предполагать, читая воспоминания Ковалевского, необходимым коррективом к которым они являются.

Особую группу составляют письма Некрасова к представителям цензурного ведомства и лицам, занимавшим видное положение в официальном мире.

Среди этих адресатов Некрасова, прежде всего, следует выделить В. М. Лазаревского. Из 200 с лишком писем и записок Некрасова к нему в настоящей подборке публикуется 38 и в подборке писем к Некрасову (см. ниже) 4. Кроме того, в первом томе настоящего издания, в статье Б. Папковского и С. Макашина «Некрасов и литературная политика самодержавия», опубликовано еще 4 письма Некрасова к Лазаревскому (на стр. 500, 503, 506 и 518). В названной работе дана новая характеристика взаимоотношений Некрасова и Лазаревского, исправляющая те неверные представления, которые возникли вследствие недостаточности и односторонности ранее известных материалов, относящихся к этому вопросу. Из всей переписки Некрасова и Лазаревского до выхода в свет настоящего издания было опубликовано лишь три письма Некрасова, из них два в отрывках.

Журналы Некрасова часто подвергались репрессиям, произведения поэта безжалостно кромсались цензурою. Это находит отражение и в печатаемых письмах. Для характеристики особенно тревожных моментов в жизни Некрасова, когда не только его журнал висел на волоске, но и ему самому грозил арест, может служить записка к В. С. Курочкину 1863 г., отобранная жандармами во время обыска в квартире Курочкина. К той же категории писем принадлежит и краткая записка к А. Н. Пыпину, датируемая приблизительно 1863—1866 гг., когда вся редакция, после «дела» Михайлова и ареста Чернышевского, жила в тревожном ожидании дальнейших жандармских ударов.

Отдельную группу образуют письма к друзьям и близким. Сдержанный и замкнутый, Некрасов очень редко и очень немногим «открывал» свою душу. Тем более важны немногочисленные письма Некрасова, в которых он до конца откровенен. Отметим здесь письмо к Т. Н. Грановскому. Его имя в сознании Некрасова было окружено, как и для большинства современников, высоким нравственным авторитетом. Отрицательные суждения Грановского о Некрасове (см. ниже в примечаниях) не могли быть безразличны для поэта, и он спешил оправдаться перед ним. Замечательно по искрен-

ности и силе письмо Некрасова к В. П. Боткину, написанное после получения известия о смерти Грановского.

Сестра Некрасова, Анна Алексеевна Буткевич, в течение всей жизни поэта оставалась самым близким и интимным его другом. Очень интересно первое из публикуемых писем, ей адресованных,— одно из самых ранних писем Некрасова вообще и важнейший документ для характеристики одинокого поэта, бьющегося в тисках нужды

НЕКРАСОВ
Фотография с дарственной надписью: «Брату Федору, 1861, 14 мая Ник. Некрасов»
Литературный музей, Москва

и голода в неприветливо встретившем его Петербурге. Отдельные недоразумения (неприязненное отношение А. А. к «Зине») не могли нарушить этой дружбы. Записки периода предсмертной болезни Некрасова, когда А. А., «соперничая с Зиной в самоистязании», ухаживала за умирающим, — завершают цикл этих трогательных и сильных писем.

Таковы состав и содержание публикуемой подборки неизданных писем Некрасова. Открываясь одним из самых ранних писем — письмом к А. А. Буткевич 1842 г., она заканчивается одним из последних — запиской к тому же адресату, датируемой октябрем 1877 г., и представляет, таким образом, все периоды жизни поэта.

П. В. АННЕНКОВУ

⟨Петербург, понедельник, конец 1858 г.⟩ [1]

Посылаю Вам рассказ Салтыкова [2]. Пожалуйста, завтра (вторник) приходите ко мне обедать и к этому времени прочтите рассказ, ибо нам предстоит уговорить Мацкевича, чтоб он его пропустил. Я дал его читать Гончарову, который тоже будет и будет Тургенев.

Ваш Н. Некрасов

Понед⟨ельник⟩, вечер

Л. 2. об.: Е⟨го⟩ в⟨ысокоблагородию⟩ Павлу Васильевичу Анненкову

Печатается впервые по автографу ИЛИ (5697. XXVI б. 153).

[1] Датируется на основании пометки на рукописи: «Некрасова. 1858» и времени цензурования «Совр.» Д. И. Мацкевичем.

[2] «Рассказ Салтыкова» — вероятно, «Развеселое житье», напечатанный в февральской книге «Совр.» 1859 г. Значительные цензурные искажения в этом рассказе (произведенные именно Мацкевичем) устранены в т. III Полн. собр. соч. Салтыкова-Щедрина (Л., 1934). Ср.: В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, 308—309 и 324—326.

М. А. АНТОНОВИЧУ

⟨1⟩

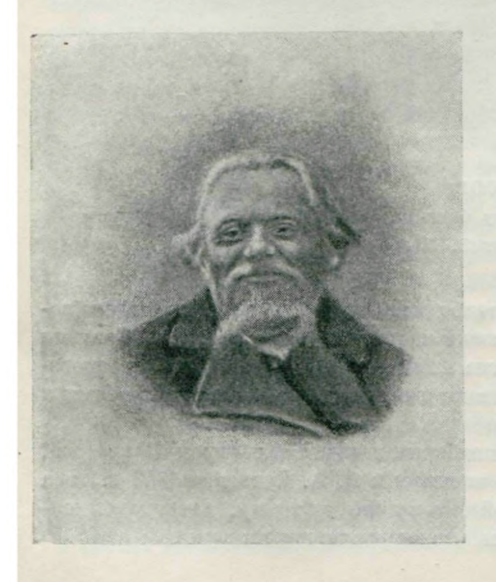
⟨Петербург, конец марта — до 2 апреля 1864 г.⟩[1]

Пожалуйста, Максим Алексеевич, прочтите эту вещь поскорее (т. е. завтра, например, к обеду). Что до меня, то я того мнения, что ее следует взять в «Современник»: она эффектна, об ней говорят и будут говорить, а относительно содержания (обстоятельство, по которому преимущественно я препровождаю ее к Вам) тоже, кажется, не представляется препятствия. — Этот вопрос предоставляю окончательно решить Вам [2].

Н. Некрасов

Полностью печатается впервые по автографу ИЛИ (Ф. 305, № 6). Ранее, в большей своей части, процитировано в воспоминаниях М. А. Антоновича о Некрасове («Слово», 1878, № 2, стр. 122 и «Журнал для всех», 1903, № 2, стр. 210). Подготовка текста и примечания В. Е. Евгеньева-Максимова.

[1] Датируется на том основании, что 2 апреля 1864 г. Некрасов известил Я. П. Полонского (в письме речь идет о помещении его пьесы «Разлад») о своем решении.

М. А. АНТОНОВИЧ
Фотография 1900-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Подумав немного, я подумал: а если подписка на Совр. 1866 года убавится, что при теперешних обстоятельствах весьма вероятно? Вы скажете — она могла бы и прибавиться — и это непременно было бы, если б стало быть, при убыли, вы в выигрыше право давать нам меньше.

И будете правы.

И так все дело в том, чтоб не связывать себя такими обязательствами, которых выполнение зависит от обстоятельств, еще неопределившихся.

Первую часть вашего условия, т. е. что в первые три месяца 1866 года ваши расчеты будут такие же, как в истекшем году — могу считать окончательною и поконченною; что же касается до второй — то подумаю об окончательном решении теперь не могу, о чем и прошу вас уведомить. Она определится только по подписке.

Я сейчас получил еще какое-то весьма нужное приглашение в комитет для объяснения по делам печати, как сказано, с завтра.

Ваш Н. Некр

АВТОГРАФ ПИСЬМА НЕКРАСОВА К М. А. АНТОНОВИЧУ, КОНЕЦ 1865 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

[2] М. А. Антонович рассказывает о своем отношении к этой пьесе: «Я, не полагаясь на себя, отправился к Елисееву, и мы вместе с ним прочли драму; нашли, что сцены изображены в ней очень односторонне, и притом освещены каким-то странным, неестественным светом, что вообще она слаба и неудовлетворительна, особенно для такого автора, как Полонский, и что печатать ее в «Современнике» не стоит. Я отправился к Некрасову и решительно сказал, что, по моему мнению, драму печатать не следует. (Она была напечатана в «Эпохе», в № 4,1864 г.). Он совершенно спокойно, без всякой обиды и без всякого самолюбивого неудовольствия, просто сказал: „А, если вы находите, что ее не следует печатать, так и не напечатаем, и я ее возвращу Полонскому"». (М. А. Антонович. Воспоминания. — Сб. «Шестидесятые годы». Academia», М. — Л., 1933, 199).

После того как выяснилось, что «Разлад» не будет помещен в «Современнике», Некрасов написал об этом Полонскому, мотивируя непринятие пьесы соображениями денежного порядка («Заплатить Вам дешево не могу... дать много не из чего... поэтому пристройте Вашу вещь в другой журнал». Некрасов, V, 396).

‹2›

‹Петербург, конец 1865 г.›[1]

По уходе Вашем я подумал: а если подписка на «Совр‹еменник›» 1866 года убавится, что́ при теперешних обстоятельствах весьма возможно? [2] Вы скажете — она могла бы и прибавиться — и мы не получили бы больше, стало быть, при убыли, Вы не имеете права давать нам меньше. И будете правы.

Итак все дело в том, чтоб не связывать себя таким обстоятельством, которого выполнение зависит от обстоятельств, еще не определившихся.

Первую часть нашего условия, т. е. что на первые три месяца 1866 года наши расчеты будут такие же, как в нынешнем году, — можете считать порешенною и поконченною; что же касается до второй, то положить ей окончательное решение теперь не могу, о чем и спешу Вас уведомить[3]. Оно определится только подпиской.

Я сейчас получил еще какое-то весьма нужное приглашение в комитет для объяснения по делам печати, как сказано в повестке.

Ваш Н. Некрасов

Печатается впервые по автографу ИЛИ (Ф. 305, № 6).

[1] Вопрос о новой оплате работы руководящих сотрудников «Современника» в предстоявшем 1866 г. мог возникнуть не ранее конца 1865 г. Вот основание, по которому мы датируем это письмо концом 1865 г.

[2] Под «теперешними обстоятельствами» Некрасов, без сомнения, разумеет то трудное положение, в котором оказался «Совр.», получивший в течение двух последних месяцев 1865 г. два предостережения. — Ср. письмо Некрасова М. П. Щербинину (Некрасов, V, 407—408) и статью: В. Е. Евгеньев-Максимов. Агония «Современника». — «Былое», 1922, № 20. Клеветническое изложение этого же эпизода см. в «Записках» Екатерины Жуковской (Л., 1930, 229).

[3] Условие, о котором здесь говорится, — неизвестно.

А. Н. АПУХТИНУ

‹Петербург› Суббота ‹1873 г.›[1]

Любезнейший друг Алексей Николаевич, бог знает, отчего Вы не заглянете к нам. Сегодня в 9-ть вечера я читаю мою поэму «Кн. Волконская» у А. С. Энгельгарда [2], — в пользу больного литератора Благовещенского [3], не придете ли? Не посылаю Вам подписного листа, ибо отослал его к другому.

Пред‹анный› Вам
Н. Некрасов

Суббота

Л. 2 об.: А. Н. Апухтину

А. Н. АПУХТИН
Фотография 1870-х гг.
Литературный музей, Москва

Печатается впервые по автографу ИМЛ (596). Подготовка текста А. И. Соболевой.

[1] «Княгиня Волконская» написана летом 1872 г.; напечатана в «О. З.», 1873, I. Дата письма определяется пометкой В. П. Гаевского («1873 г.») на адресованной ему записке Некрасова аналогичного содержания (Некрасов, V, 515). А. Н. Апухтин (1840—1893) познакомился с Некрасовым, вероятно, во второй половине 60-х гг. С Некрасовым Апухтин, по словам его биографа, «сталкивался только как светский человек».

[2] Александр Сергеевич Энгельгардт (1833—1889) в 1873 г. был членом Совета министерства иностранных дел.

[3] Беллетристу-этнографу Николаю Александровичу Благовещенскому (1837—1889), дважды разбитому параличом (в 1869 и 1871 гг.), Некрасов неоднократно оказывал помощь лично и через Литературный фонд. См.: ИЛИ — Неизданные дела Лит. фонда; «Архив села Карабихи» (М., 1916, 80—81) и письма Н. А. Благовещенского к Некрасову в наст. томе.

В. П. БОТКИНУ

〈Петербург, 8 октября 1855 г.〉

Боткин, ради бога напиши мне о Грановском [1]. Сегодня принесли газету — я нечаянно прочел — и опомниться не могу. Ни о ком я так не жалел после Б〈елинского〉, даже о Гоголе, может быть, потому, что лично его не знал. Словно, как я одурел, — все мараю то стихи, то прозу — у меня так всегда — не могу оставаться в бездействии, когда сильно потрясен. Но нет сил привести в порядок стихи, а то бы тебе прислал. И никто ко мне не идет — вот уж 4-й час сижу один — измаялся, думая, жалея, припоминая. К этой скорби примешивается другая — тяжкая. Нет! не живется у нас людям, которые всего нам нужнее!

Я никак не думал пережить Грановского. Последнее мое свидание с ним живо помню. В день его отъезда в деревню я пришел к Шевалье [2], где они втроем (с Кетч〈ером〉 и Пик〈улиным〉) обедали, и принес ему на дорогу только что полученный 6 № «Современника». Он прочел стих〈отворение〉 «Русскому писателю», очень похвалил и сказал несколько слов по поводу

мысли, в них высказанной [3]. И слова эти помню: их можно назвать его завещанием русским литераторам — по крайней мере, я им останусь верен.— Не много написал Грановский, но не писателя в нем жаль, в нем жаль профессора, и еще более человека — он поощрял людей быть честными — вот его заслуга! Его влияние далеко простиралось.

В деятельности писателя не последнюю роль играет так называемое духовное сродство, которое существует между людьми, служащими одному делу, одним убеждениям. Иногда у изнемогающего духом писателя, в минуты сомнения, борьбы с соблазном, в самых муках творчества встает в душе вопрос: да стоит ли мне истязать себя? Если и добьюсь чего-нибудь путного, кто оценит мой труд? Кто поймет, чего мне это стоило? Кто будет ему сочувствовать?

Так, по крайней мере, бывало со мной. Смешно приводить в пример себя, но я пишу, чтобы поверить мое чувство чувством другого. И в эти минуты к кому с любовью, с верой обращалась мысль моя? К тебе, к Тургеневу, к Грановскому. В эти же минуты я всегда глубже жалел Б‹елинского› (человек никогда не может отделаться от самолюбия!). Если это не мое только личное чувство, то вот где самое сильное, широкое и поистине чудное влияние чистой и прекрасной личности на современников!

О Грановском можно сказать, что он уже тем был полезен, что жил, и это не будет преувеличено, а как вдумаешься в эти слова, так ведь это величайшая похвала, какую можно сказать человеку!

Напиши или приезжай сам скорее.

Твой Н. Некрасов

8 октября 1855 г.
СПб.

Полностью печатается впервые по автографу ГИМ (Ф. 345, № 29). Отрывок в «Лит. Газете», 1940, 26 марта, № 17 (868). Подготовка к печати А. Иващенко.

Имя Грановского было для Некрасова одним из наиболее значительных имен первого периода его литературной деятельности. Оно стояло для него вслед за именем Белинского, окруженное высоким моральным авторитетом. (Ср. строки о Грановском в «Медвежьей охоте»). Скептическое отношение Грановского к «Современнику» и особенно к «практичности» Некрасова не могло быть безразличным для поэта и постоянно волновало его.

[1] Т. Н. Грановский скоропостижно скончался 4 октября 1855 г. В. П. Боткин написал об этом Некрасову 6 октября («Голос Минувшего», 1916, IX, 179—180). Но еще до получения письма Некрасов узнал о событии из газет.

[2] Шевалье — ресторан в Москве.

[3] Шестая книжка «Совр.» вышла в свет в начале июня 1855 г. В это время Некрасов был в Москве. Тогда и произошла его встреча с Грановским, Кетчером и врачом П. Л. Пикулиным (1822—1885). Стихотворение «Русскому писателю» Некрасов в переработанном виде включил в стихотворение «Поэт и гражданин».

С. П. БОТКИНУ

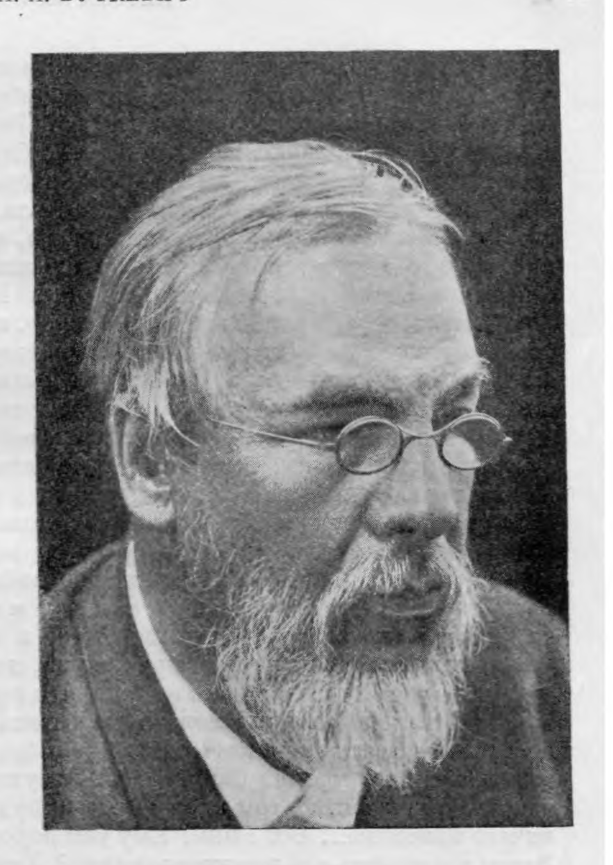
‹Петербург,› Вторник, 9-го марта ‹1865 г.›

Я слыхал, что в Медицинс‹кой› Академии нет медведя. Третьего дня я убил 3-х медведей, они у меня в сарае. Я готов одного, любого, подарить Академии, если ей нужно. Медведи еще не сняты и очень удобны для обделки чучела*. Только надо скорее сдать мастеру. Не возьмете ли на себя, глубокоуважаемый Сергей Петрович, уведомить Академию или указать мне, куда я должен обратиться с моим предложением [1].

Вполне преданный Вам
Н. Некрасов

* Росту изрядного, весом в 10-ть и 8 пуд.

С. П. БОТКИН
Фотография 1880-х гг.
Исторический музей, Москва

Печатается впервые по автографу ЦГВИА, в Ленинграде (Фонд Военно-медицинской академии, д. № 22, л. 32). Подготовка текста Н. А. Максимова.

[1] Сергей Петрович Боткин (1832—1889) — известный врач-клиницист, профессор Военно-медицинской академии, брат В. П. Боткина, давний знакомый Некрасова и лечивший его врач. В тот же день, т. е. 9 марта, С. П. Боткин обратился к президенту Академии П. А. Дубовицкому с сообщением, что им получено письмо «от г-на Некрасова, который предлагает Академии одного из убитых им медведей» (ЦГВИА, в Ленинграде, д. № 22, л. 31). 10 марта П. А. Дубовицким было послано Некрасову письмо с благодарностью за дар (текст его см. ниже, в разделе «Письма к Некрасову»).

А. А. БУТКЕВИЧ

⟨1⟩*

⟨Петербург, 9 октября 1842 г.⟩

Извини, извини, извини, бедненькая Анета!

В твоем горестном и затруднительном положении даже участие брата, участие, которого ты вправе была надеяться, не посетило тебя: я был так ленив или так глубоко занят собственным своим несчастьем, что не писал к тебе так долго, так долго... с того самого известия, которое чуть не убило меня [1]. Не стану распространяться об этом: это очень тяжело!.. Жалею только об одном, — жалею и буду жалеть вечно, — зачем вы не известили меня о болезни сестры? Проститься с нею мне было бы мучительно, но все же легче, чем привыкнуть к мысли, что я никогда уже не увижу ее!.. Теперь, в настоящее время, меня всего более мучит твое положение: ты очень справедлива, отвергая предложение папеньки жить в Грешневе. С другой

* Первое письмо точнее надо бы назвать письмом к А. А. Некрасовой. Сестра поэта в 1842 г. еще носила свою девичью фамилию. — Ред.

стороны, житье в чужом доме, в компанионках, в гувернантках, представляет большие неудобства. Если это неизбежно, то дай бог, чтоб ты нашла себе место у добрых и честных людей. Твой ум и твои правила ручаются мне, что во всем, зависящем лично от тебя, ты всегда будешь достойна твоей сестры и матери, на памяти которых не лежит упрека ни в чем. В нашем тяжелом и горьком состоянии, что же и осталось нам в утешение, как не чувство собственного достоинства, как не сознание силы душевной в борьбе с обстоятельствами враждующими?..

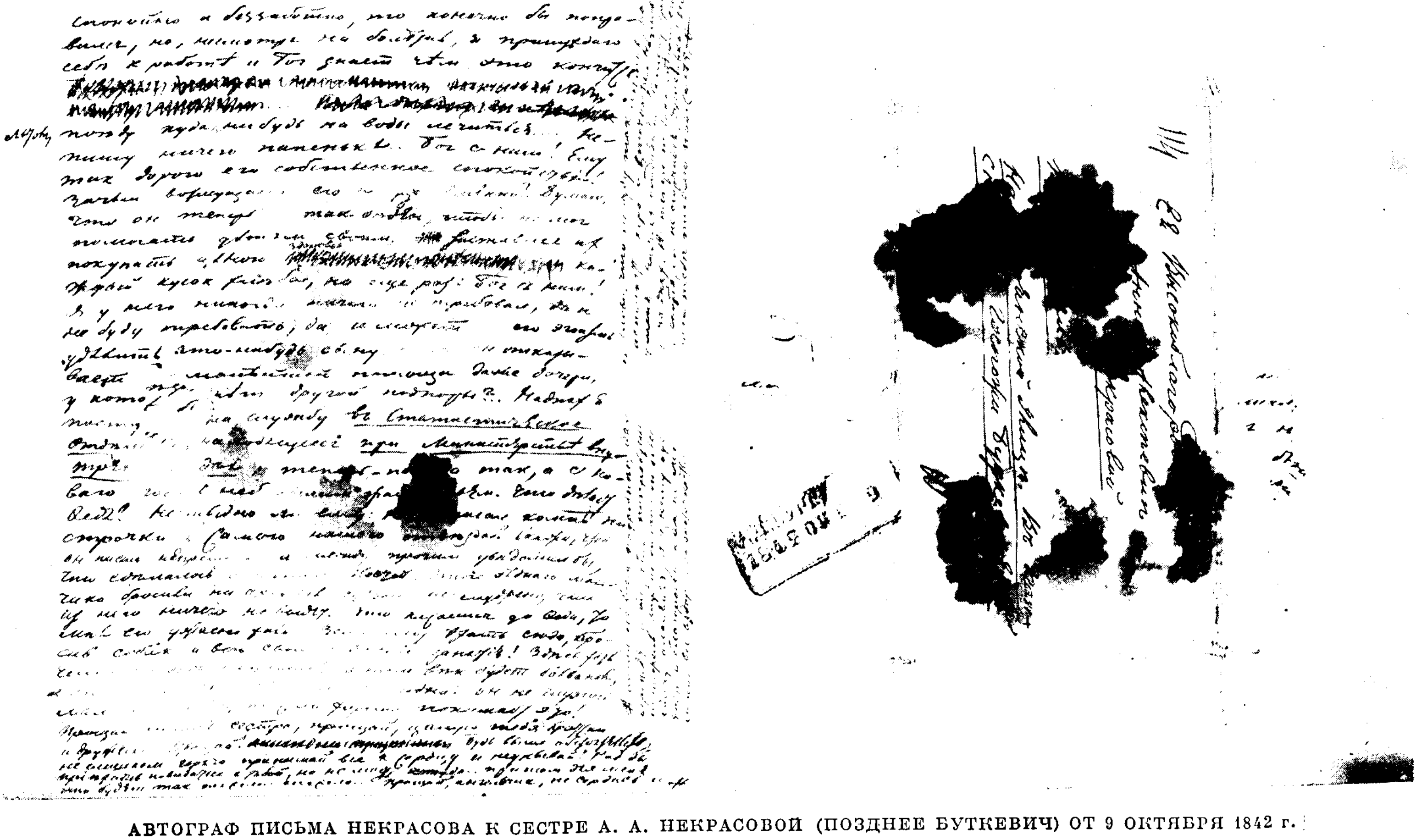
Наумов [2] мне говорил, что тетушка Носачевская [3] (кажется?) зовет тебя жить к себе. Уведомь меня поскорее, правда ли это? И каким образом вы думаете это устроить? И что тебе по этому случаю нужно будет вытребовать от папеньки — пиши ко мне; я имею на него некоторое влияние и думаю, что он мне не откажет. А между тем я разузнаю от Маслова [4] о самой Носачевской кой-что. Она, кажется, сама очень небогата, и муж ее живет жалованьем. Впрочем, это не беда; все бы лучше, если б ты с ней поселилась. Ты, как я слышал, живешь у м⟨адам⟩ Будкевич? Уведомь меня, на каком основании? Если ты слишком бедствуешь, то пиши ко мне: при всей моей теперешней бедности, я могу тебе уделить что-нибудь в ноябре месяце. А я теперь сам ужасно не богат. У меня обыкновенно деньги бывают, когда я работаю, а так как я теперь почти постоянно болен, то работать не могу — следовательно, и ничего не зарабатываю. И это уж продолжается целых четыре месяца, и не знаю, когда кончится: грудь у меня болит так часто и так сильно, что при малейшем напряжении я становлюсь никуда негоден: ложусь в постель и пью лекарство. Если б я мог несколько месяцев прожить спокойно и беззаботно, то, конечно, бы поправился, но, несмотря на болезнь, я принуждаю себя к работе, и бог знает, чем это кончится. Летом поеду куда-нибудь на воды лечиться... Не пишу ничего папеньке... Бог с ним! Ему так дорого его собственное спокойствие! Зачем возмущать его преждевременно? Думаю, что он теперь не так беден, чтобы не мог помогать детям своим, заставляя их покупать ценою здоровья каждый кусок хлеба, но еще раз: бог с ним! Я у него никогда ничего не требовал и не буду требовать; да и может ли его эгоизм уделить что-нибудь сыну, когда он отказывает ⟨в⟩ малейшей помощи даже дочери, у кото⟨рой⟩ нет другой подпоры?.. На-днях я посту⟨паю⟩ на службу в Статистическое Отделе⟨ни⟩е, находящееся при Министерстве внутренних дел; теперь — покуда так, а с нового года с небольшим жалованьем [5]. Что делает Федя? Не стыдно ли ему: не написал ко мне ни строчки с самого нашего отъезда? Скажи, чтоб он писал непременно и между прочим уведомил бы, что случилось с братом Костей. Этого бедного мальчика бросили на произвол судьбы — не мудрено, что из него ниче⟨го⟩ не выйдет. Что касается до Феди, то мне его ужасно жаль. Вели ему ехать сюда, бросив собак и все свои свинские занятия! Здесь хоть чему-нибудь научится, а там век будет болваном, а болваном век быть очень невыгодно: он не глупый мальчик, и, верно, сам хорошо понимает это.

Прощай, милая сестра, прощай, целую тебя братски и дружески. Прощай! Будь выше обстоятельств, не слишком горячо принимай все к сердцу и не унывай! Рад бы приехать повидаться с тобой, но не могу покуда... притом для меня это будет так тяжело... тяжело... Прощай, ангельчик, не сердись и пиши обо всем подробнее; даю ⟨те⟩бе слово, что не буду так ленив, как прежде, и все, что потребуешь, ⟨буд⟩у исполнять скоро и в точности. Наумов твою портфель еще не отдал; он боле ⟨пропуск⟩ умен... На-днях отдадим. Семену Григорьевичу [6] кланяйся, я к нему буд⟨у писат⟩ь на-днях. Я теперь только оценил его: он добр и благороден, как немн⟨огие. Пиши⟩ скорее, да не огорчайся, душенька! Помни — все вздор и скоротечность; ⟨пропуск⟩[7] пришлю тебе письмо повеселее, чтоб разогнать твою скуку. Разболтаюсь о своей хандре, своих занятиях и разных лите-

АВТОГРАФ ПИСЬМА НЕКРАСОВА К СЕСТРЕ А. А. НЕКРАСОВОЙ (ПОЗДНЕЕ БУТКЕВИЧ) ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1842 г.

Страницы 1-я и 2-я

Институт литературы АН СССР, Ленинград

АВТОГРАФ ПИСЬМА НЕКРАСОВА К СЕСТРЕ А. А. НЕКРАСОВОЙ (ПОЗДНЕЕ БУТКЕВИЧ) ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1842 г.

Страницы 3-я и 4-я

Институт литературы АН СССР, Ленинград

ратурных сплетнях. То, что замарано в этом письме, вырвалось у меня невольно, в дурном расположении духа, теперь мне повеселее — и я это — вон! Пиши, пожалуйста, подробнее, откровеннее, смелее и яснее; все, что можно, я сделаю.

До свиданья, милая Анета.

Брат твой
Н. Некрасов

9 октября 1842 г.

Л. 2 об.: Ее высокоблагородию
Анне Алексеевне Некрасовой
В Ярославль. На Дворянской улице
В пансионе у госпожи Будкевичевой.

Письма 1—7 и 9—11 печатаются по автографам ИЛИ (письмо 2 — Ф. 203, № 54, остальные Ф. 134, оп. 11, № 6). Подготовка текста М. А. Панченко и С. А. Рейсера. Письмо 8-е печатается по автографу ЦГЛА (Ф. 338, № 54). Текст подготовлен А. И. Соболевой.

Все письма печатаются впервые, кроме письма 1-го, опубликованного в «Лит. Газете», 1938, 5 января, № 1 (708), стр. 4.

Анна Алексеевна Буткевич (1823—1882) — любимая сестра Некрасова, ближайший друг поэта. Тяжелая жизнь в доме самодура-отца, особенно после смерти в 1841 г. матери, Е. А. Некрасовой, заставила ее поселиться в качестве компаньонки в Ярославле в пансионе Буткевич. В 1844 г. А. А. вышла замуж за подполковника Г. С. Буткевича (ум. 1879 г.), женой которого оставалась до 1864 г., а впоследствии (со середины 1860-х гг.) стала гражданской женой А. Н. Еракова. В качестве переводчицы, А. А. была несколько причастна к литературе. Ей были завещаны Некрасовым авторские права на его произведения. В 1879 г. А. А. выпустила, с помощью библиографа С. И. Пономарева, 4-хтомное собрание стихотворений Некрасова, не утратившее своего значения и до наших дней (письма А. А. Буткевич к С. И. Пономареву, посвященные подготовке этого издания, см. в т. 53—54 «Лит. Наследства»). Она выпустила также два издания однотомного собрания, рассчитанного на широкие читательские круги. В изданиях А. А. Буткевич впервые была сделана попытка собрать воедино поэтическое наследие Некрасова.

[1] Некрасов пишет о смерти сестры — Елизаветы Алексеевны Звягиной.

[2] Вероятно, Александр Михайлович Наумов (1815—1879) — экономист, журналист и переводчик, приятель Некрасова в 40-х годах.

[3] Юлия Андреевна Носачевская (рожд. Закревская) — сестра матери Некрасова.

[4] Вероятно, Лев Маслов — двоюродный брат Некрасова (сын сестры матери Некрасова — Евфросиньи Андреевны).

[5] Это предположение не осуществилось.

[6] Звягин — муж покойной сестры Некрасова, заседатель Ярославской уголовной палаты.

[7] Места, заключенные в конце этого письма в угловые скобки, в подлиннике повреждены и не поддаются прочтению.

〈2〉

〈Петербург, 1844—1864 гг.〉[1]

Здравствуй, мой друг, спасибо, что ты туда поехала — авось что-нибудь сделаешь для брата; если будет нужно, я готов денег дать.

Кланяйся батюшке, пусть не ругает меня, что я молчу — горбатого могила исправит! Не правда ли, ты теперь сама убедилась, что он молодец молодцом — и дай ему бог здоровья на будущее время. Я дал деньги для тебя Генриху [2].

Весь твой Н. Некрасов

[1] Анна Алексеевна была женою Генриха Станиславовича Буткевича в 1844—1864 гг. Этим временем и датируем письмо. О какой помощи и какому брату (Федору или Константину) идет речь в письме — неясно.

[2] Буткевичу.

〈3〉

〈Париж, 19/31 августа 1869 г.〉[1]

Милая Анна, вчера (30 авг〈уста〉) мы прибыли в Париж, а послезавтра, (т. е. в четверг 2 сент〈ября〉) выедем в Россию. От Левы[2] получили телеграмму, что он в среду будет в Берлине и в тот же день уедет. Из этого видно, что он очень торопится, — и нам не было возможности поспеть в Берлин, чтоб застать его. Увидим его, значит, в Петербурге. Как-то ты поживаешь? Пиши мне теперь в Петербург и назначь, куда тебе писать. Я взял в Диеппе 22 морских ванны, кажется, не без пользы, и, во всяком случае, очевидно, без вреда. Здоровье мое недурно, нервы немного крепче, хотя к расстройству их приняты были меры радикальные, как ты знаешь. Человеку на роду написано делать глупости, это несомненно; лишь бы полегче с рук сходило, но надо быть или более сильным или более слабым, чем та фигура, которую я собою представляю, а то, право, тяжело иногда. Впрочем, все это скоро сделается прошедшим. Так как мне в это время было иногда и хорошо, то, значит, жаловаться не на что. Уехать теперь очень желаю, хотя не Петербург меня влечет, а шататься надоело, да и глуповатое положение чаще и чаще напоминает себя с противной своей стороны[3]. Прощай покуда. Ты одна мой настоящий друг. Целую тебя. Кланяюсь Александру Николаевичу.

Твой друг Некрасов

П〈етр〉 Ив〈анович〉[4] тебе кланяется. От Селины получил записку, что она приезжает в 3 часа. Значит, будем обедать вместе, поедем за город; завтра, вероятно, та же история, а послезавтра в 7 ч. утра на железную дорогу.

[1] Датируется временем заграничной поездки Некрасова с П. И. Сизеневским, а также календарными данными, содержащимися в письме.

[2] Лев Александрович Ераков (1839—1885) — сын А. Н. Еракова.

[3] Речь идет, повидимому, об отношениях с Селиной Лефрен.

[4] Петр Иванович Сизеневский — врач, сопровождавший Некрасова в заграничной поездке.

〈4〉

〈Петербург〉 17 сент〈ября 1869 г.[1]〉, вечер

Милая сестра, пишу тебе несколько строк, чтоб сказать, что я решил окончательно: в Париж или Ниццу эту зиму не поеду, вставляю двойные рамы и подумываю о том, как бы найти друга на зиму или зимнего друга, но такого, который согревал бы меня в это суровое время года, а что будет весной и летом — увидим. Зимний друг уже наклевывается[2], только жутко здесь. Мне все недостает воздуху, отвык от петерб〈ургских〉 людей и мостовой, от запертых рам, от адских обедов, беспрестанно желудок болит! Думаю, что я его испортил Кисингеном![3] Экую глупость мы проделали. Нужно же было пить эту гадость. Впрочем, не все же пить шампанское, видно так следовало — перст божий, как говорит князь Юрий Голицын (которого записки мы теперь печатаем). Кланяюсь Алекс〈андру〉 Ник〈олаевичу〉; скажи ему, что я теперь часто в клубе беседую с Дельвигом и выслушиваю за новость анекдоты о Клейнмихеле, притворяясь довольно искусно[4]. Других развлечений почти нет. Погода скверная, вчера охотился весь день под дождем. — Будь здорова. Мой совет ехать тебе сюда с верой, что не умрешь от скуки, но без надежды на особенные развлечения и в несомненном чаянии обрести здесь любовь твоего преданного тебе, бестолкового, не совсем несчастного и не вовсе счастливого, не совсем глупого и далеко не умного брата твоего

Николая

[1] Год определяется временем появления в печати упоминаемых в письме записок Ю. Н. Голицына — «Прошлое и настоящее» («О. З.», 1869, X—XI).

[2] Прасковья Николаевна Мейшен, с которой Некрасов находился в связи зимою 1869—1870 гг. О ней см. ст.: К. Чуковский. Подруги поэта. — «Минувшие Дни», 1928, № 1.

[3] Некрасов лечился в Киссингене в конце июня и первой половине июля 1869 г.

[4] Андрей Иванович Дельвиг (1813—1887) — в это время член совета министерства путей сообщения, главный инспектор частных железных дорог в России.

А. А. БУТКЕВИЧ
Фотография конца 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

<5>

<Петербург, не раньше сентября 1869 г.>

Приезжайте сегодня в час (и 10 минут), 2 линия, д. Переяславцева, № 3, кв. № 9. Там ждет г-жа Якоби [1], и мы там будем смотреть картину. Жду тебя, Алек<сандра> Ник<олаевича> [2] и еще кого захватите.

Среда Некрасов

[1] Детская писательница и издательница Александра Николаевна рожд. Сусоколова (1842—1918); в это время — жена художника В. И. Якоби. Некрасов познакомился с нею весною 1867 г. в Риме. В Петербург Якоби вернулась 13 июля 1869 г. (запись в неизд. дневнике), в отсутствие Некрасова, в свою очередь, возвратившегося в Петербург из заграничной поездки, в начале сентября 1869 г., чем и определяется terminus post quem записки. Текст ее написан на визитной карточке: «Н. А. Некрасов, на Литейном пр., д. № 38». Ср. ниже, стр. 72 и 558—563.

[2] Александр Николаевич — Еракoв.

<6>

<Петербург, 1874—1876 гг.>

У меня сегодня в 11 часов будет Шипулинский [1]. Не хочешь ли приехать поговорить с ним?

Н. Некрасов

На обороте: Е<е> в<ысокоблагородию>
Анне Алексеевне Буткевич

[1] Павел Дмитриевич Шипулинский (1808—1872) — петербургский врач.

<7>

<Чудовская Лука, около 16 июля 1876 г.>[1]

Любезная сестра Анна. Я уже третий раз странствую в Гатчино к Боткину и живу там по три дня, но мне совестно тебя вызывать туда. Это верст сорок, и в Лигове надо час дожидаться; интересного со мной мало, а скверного много — я веду каторжную жизнь дней уже 80-ть — меня не покидают боли, мешающие не только спать, но и спокойно лежать; нечего и говорить о работе и т. п.

Даже читать не всегда возможно, ибо как лягу, то и верчусь ежеминутно.

Весь твой Некрасов

На л. 2 об. неизвестною рукою: «Царскосельского уезда по Варшавской желез. дороге на Сиверскую станцию в деревню Куравицы. Сельской учительнице».

[1] Датируется по связи с письмом к Ф. А. Некрасову от 11 июля 1876 г. и к А. А. Буткевич от 26 июля того же года (Некрасов, V, 574—575). Здоровье Некрасова в то время стало резко ухудшаться.

<8>

<Ялта, между 14 и 19 сентября 1876 г.>[1]

Милая сестра. Пишу к тебе на всякий случай — может, ты уже <вы>ехала.

Мне получше немного... Я езжу по утрам в горы, иные ночи сплю, как эту, изрядно.

[1] Письмо написано слабой рукой, карандашом и с большим трудом поддается прочтению.

Датируется по связи с письмами к А. А. Буткевич от 14 и 19—21 сентября 1876 г. (Некрасов, V, 577—578).

<9>

<Петербург, 1876—1877 гг.> [1]

Милая сестра Анна, я вспоминаю о тебе каждый час — но не торопись, поправься, а то меня страх за тебя забирает. Не мне одному. Зине без тебя тяжело и скучно, но надо терпеть — теперь вот терплю, милая, но особенно за столом без тебя чего-то недостает. Положение мое то же, но не хуже.

Весь твой Некрасов

А<лександру> Н<иколаевичу> и всем — поклон.

[1] Это и следующие два письма датируются предположительно, временем предсмертной болезни Некрасова.

<10>

<Петербург 1876—1877 гг.>

Сестра, я начинал беспокоиться о тебе; как возобновились припадки — и я все забыл. Теперь стало полегче. Я боюсь, не обидел ли я тебя и не

сильнее ли ты больна, чем сказал Ераков. Прости меня. Я могу быть груб, но я тебя люблю, без тебя хуже. Ты нужна мне, но не будь сиделкой — ты нервозна. Я за тебя боялся, и это портило для меня твои услуги. Приезжай как друг. Я тогда же со всеми переругался и помирился теперь. Скорее покажись, милая моя.

Весь твой Н. Некрасов

Я двинул поэму [1], но не кончил еще.

[1] Глава «Кому на Руси жить хорошо» — «Пир на весь мир».

<11>

<Петербург, около 20 октября 1877 г.>[1]

Сестра Анна,

Вчера я уже очень орал, и ты, должно быть, уехала под самым тяжелым впечатлением — боюсь не захворала ли ты. Вот книга — срок цензурный еще через три дня, поэтому не выпускай ее из рук [2].

Весь твой Н. Некрасов

Уведомь о своем здоровьи — и если не намерена быть у меня сегодня, то оставь у себя книгу, т. е. во всяком случае, оставь ее своим. Я уже просмотрел.

Некрасов

[1] На конверте рукой Буткевич надпись: «Последнее письмо брата ко мне. Октябрь 1877 г.». Дата уточняется временем выхода «О. З.», X (23 октября).
[2] Очередная, десятая книжка «О. З.».

П. И. ВЕЙНБЕРГУ

<Петербург, 27 сентября 1869 г.>

Уважаемый Петр Исаевич,

Вашею просьбою о выдаче супруге Вашей и в дальнейшие месяцы по 100 р. в месяц Вы меня поставили в затруднение. За Вами уже до 800 р., и касса от этого продолжать эту выдачу не может. Однако, не желая поставить и Вас, может быть, в затруднение, я распоряжусь о выдаче покуда г-же Вейнберг по 50 р. в месяц, в надежде, что Вы не замедлите выслать главный из обещанных Вами трудов Ваших — Уриэль Акоста [1], которым мы надеялись до некоторой степени уровнять наши счеты. Жду Вашего ответа по сему предмету.

Ваш Жижка помещен в № 9 [2], а статья об Дж. Элиоте [3] набирается.

Вполне Вам преданный
Н. Некрасов

27 сентября 1869 г. СПб.

Печатается впервые по автографу ИЛИ (Ф. 62). Подготовка текста и примечания В. Е. Евгеньева-Максимова.

Ниже, в разделе писем к Некрасову, публикуется 10 писем П. И. Вейнберга к Некрасову 1868—1876 гг.

[1] Трагедия Гуцкова «Уриэль Акоста» в переводе Вейнберга была напечатана в «О. З.», 1872, II, XI и XII.
[2] Стих. «Иван Жижка» (из Ленау) в переводе Вейнберга.
[3] Это указание устанавливает, что автором неподписанной статьи «Джорж Элиот» в «О. З.», 1869, X, был Вейнберг.

Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО

<Петербург, 14 декабря 1869 г.>

Милостивый государь
Федосей Федорович.

Очень бы желал услужить Вам относительно журнала Хметевского [1], но едва ли смогу. Сколько помню, рукопись (подлинная) этого журнала получена была редакциею «Современника» от аптекаря одного из уездных городов Влад<имирской> губернии (кажется Вязников), но возвращена ли ему — не помню. Печаталась же она, действительно (по крайней ее сухости для литературного журнала), с пропусками. Помню даже, что о необходимости сделать эти пропуски редакция списывалась с владельцем рукописи, но поставил ли он нам в обязанность возвратить ему подлинник — не помню. Если поставил, то рукопись ему возвращена; если не поставил то где она, не знаю. Всего вероятнее истреблена с прочими остатками покойного журнала.

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности.

Н. Некрасов

14 декабря 1869 г.
СПб.

Печатается впервые по автографу ИЛИ (Р. II). Подготовка текста К. Н. Григорьяна.

Феодосий Федорович Веселаго (1817—1895) — историк русского флота, некоторое время цензор. См. ниже его письмо к Некрасову.

[1] В «Совр.» (1855, I—II) был напечатан «Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770—1774 годах».

Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

<Петербург, 9 сентября 1855 г.>

Добрейший Тимофей Николаевич,

Пишу к Вам, чтоб разъяснить дело о г-же Энгельгардт и снять с Вас беспокойство по этому делу — беспокойство, в котором я виноват.

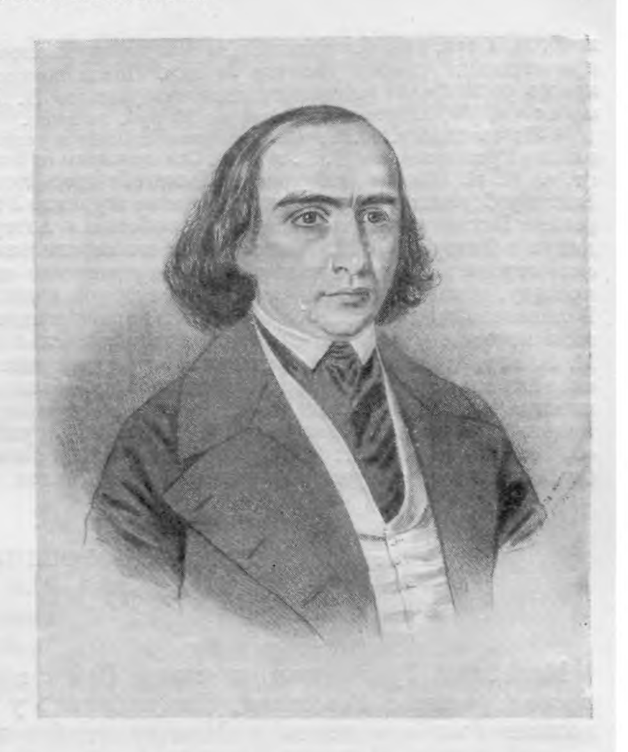
Повесть эта была нам доставлена без всяких условий, поэтому я мог бы заплатить за нее по ценам существующим на такие повести в «Современнике», — но так как я продержал деньги автора почти год у себя в кармане, то о цене я уже теперь спорить не буду и готов заплатить высшую из платимых нами цен, т. е. по 50 р. сер. с листа. — В этом тоне письмо, наполненное извинениями, послал я к г-же Энгельгардт и надеюсь — это дело уже Вас не будет тревожить более.

Между прочим я пишу ей, что готов и впредь печатать ее повести, но только не драматические пословицы — этого я не прибавил и, однако, желал бы, чтобы она это приняла к сведению, если желает печатать в «Современнике» [1].

Добрый Тимофей Николаевич, скажу Вам, что кроме болезни нынешний годик достался мне очень солон по причине боязни за судьбу «Современника». Каков бы ни был этот журнал, я затеял это дело, я посвятил ему несколько лет кровного труда и паче страха смерти мне была горька мысль, что дело это может провалиться.

Из этого положения вывел нас Ваш благородный друг Козьма Терентьевич; Ваше прекрасное мнение об этом человеке, которое высказали Вы мне нынче весной и на основании которого я решился прибегнуть к нему, вполне справедливо, и да пошлет ему судьба всевозможные блага! Скажите ему, как увидите, мое глубокое спасибо и прибавьте к этому, что деньги

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ
Автолитография К. А. Горбунова, 1845 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

его никак не пропадут — ручаюсь в этом головой, если только буду жив эти два года. Теперь принимаю меры решительные, чтоб впредь не доводить журнал до трагического положения, и надеюсь, что эти меры будут удачны.

Не смею Вас просить, но Вы много бы помогли нам, если б дали свою статью на следующий год или на нынешний и склонили к тому же Забелина. Будьте с нами откровенны; если Вам что-нибудь не нравится в «Современнике», что препятствует Вам печататься в нем, скажите мне. Я всегда готов слушаться людей, которые и умнее меня и больше во сто раз знают.

Думаю, что если б «Современник» издавался в Москве, то при тех же средствах и тех же сотрудниках он был бы гораздо лучше, потому что мы имели бы возможность пользоваться Вашими советами и указаниями. Самые лучшие времена нашей журналистики были те, когда петербургский литературный кружок находился в тесной связи с московским [2].

Ум хорошо, а два лучше, да притом такая уж судьба покуда русской журналистики, что журналисты в ней имеют все, кроме самого нужного для журналистов, — дельного и многостороннего образования.

Я заболтался. Прощайте. Поклон от меня передайте Кетчеру и Забелину. В здоровьи моем, кажется, что-то совершается странное: мне делается лучше, чего я никак не ожидал.

Весь Ваш
Н. Некрасов

9 сентября 1855 г.
СПб.

Печатается впервые по автографу Исторического музея (Ф. 345, № 4). Подготовка текста А. Иващенко.

[1] Софья Владимировна Энгельгардт (рожд. Новосильцева, 1828—1882) напечатала в «Совр.» (1854, XII), под псевдонимом «Ольга Н.», повесть «Не так живи, как

хочется, а так, как бог велит». По обычаю журналов того времени, за это первое ее произведение гонорар уплачен не был. После некоторого шума по этому поводу Некрасов решил «для избежания сплетен» (письмо В. П. Боткину 8—9 сентября. — Некрасов, V, 223) заплатить ей по 50 руб. за лист.

[2] Летом 1855 г. К. Т. Солдатенков одолжил редакции «Совр.» 3000 рублей. Ср. в письме Грановского к Е. К. и А. В. Станкевичам от 5 сентября 1855 г.: «„Современники" ⟨т. е. И. И. Панаев и Некрасов⟩ были оба здесь летом; отлично устроили дела свои. Взяли у С⟨олдатенкова⟩ на поддержание журнала 3 тысячи рублей, да с Василия Петровича Боткина, снова пылающего любовью к литературе, сорвали 2000 и унеслись ликуя в Питер» («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, II, 306). Эти иронические строки характеризуют враждебное отношение «москвичей» (Кетчера и др.) к Некрасову, обвинявших Некрасова в чрезмерной практичности. История с исключением Белинского из числа дольщиков «Совр.», приглашение А. В. Никитенко, а не Белинского, в качестве редактора (хотя бы почти номинального), невыплата обещанной пенсии М. В. Белинской после смерти мужа, расчеты по изданию Кольцова, наконец, «огаревское дело» и история с гонораром Энгельгардт—были использованы москвичами для демонстрации своего холодного и почти враждебного отношения к новому журналу. Вопреки настояниям Некрасова, «московский кружок» не порывал отношений и с «О. З.». Подробнее см.: В. Евгеньев-Максимов. «Современник в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского». Л., 1934, 43 след.

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

⟨1⟩

Москва, 10 апреля ⟨1853 г.⟩

Милейший Григорович, посылаю Вам сто руб. сер. Извините, что не послал раньше; Газ⟨етная⟩ Экс⟨педиция⟩ у нас остановила деньги, и я должен был сам ехать в Москву, чтобы как-нибудь достать их хоть немного.

Ваш роман без преувеличения удивительно хорош [1]. Это все находят в Петербурге, и здесь я отовсюду слышу ему похвалы. Васинька просто тает, когда говорит о нем [2]. Я еду на самое место действия Вашего романа — в деревню, лежащую при Оке [3], и мне любопытно будет посмотреть, насколько верны Ваши описания.

Прощайте. Будьте здоровы. Если вздумаете писать ко мне, то адресуйте так: Владимирской губернии, в город Вязники.

Ваш Н. Некрасов

Это и следующее письмо печатаются впервые по автографам Горьковского областного исторического архива. Подготовка текста В. И. Нейштадта.

[1] Григорович печатал в это время в «Совр.» роман «Рыбаки» («Совр.», 1853, III, V—VI, IX). См. ниже письма Григоровича к Некрасову.

[2] Васинька — Василий Петрович Боткин.

[3] С конца апреля 1853 г. Некрасов жил в с. Алешунино близ Мурома на берегу Оки (см. письмо к И. С. Тургеневу от 9 июля 1853 г. — Некрасов, V, 179). Отсюда и датировка письма.

⟨2⟩

⟨Петербург, около 30 ноября 1857 г.⟩

Любезнейший друг Григорович,

Хлопотать Вам в губернии о паспорте ни мало не нужно, полу́чите его здесь в двои сутки [1].

Повесть ваша — прелесть [2]. Напечатана в XII № «Совр⟨еменника⟩» без перемен.

Приезжайте обирать деньги.

Весь Ваш
Н. Некрасов

[1] В письме от 27 октября 1857 г. Д. В. Григорович спрашивал Некрасова о порядке получения заграничного паспорта. Ответом на этот запрос и является письмо Некрасова (см. «Архив села Карабихи», 99—100).

[2] Повесть «Кошки и мышки» напечатана в «Совр.», 1857, XII (ценз. разр. — 30 ноября). Приблизительно этим временем и датируется письмо.

Я. К. ГРОТУ

〈Петербург, 18 января 1870 г.〉

Я. К. Гроту. Председателю комитета литературного фонда

Милостивый государь
Яков Карлович.

Я только что узнал, что г. Верховский не внес должных им обществу 200 р. своевременно. Вследствие моего ручательства долг этот падает на меня, почему и препровождаю эти 200 р. к Вам.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности

Н. Некрасов

18 января 1870 г.
СПб.

Внизу: Его п〈ревосходительст〉ву Я. К. Гроту.
Г-ну Председателю Общ〈ества〉
Лит〈ературного〉 Фонда

Печатается впервые по автографу ЦГЛА (Ф. 123, № 2). Подготовка текста А. И. Соболевой.

Студент юридического факультета С.-Петербургского университета и начинающий журналист и переводчик Никандр Иванович Верховский просил Некрасова исходатайствовать ему в Лит. фонде 200 р., недостающих для приобретения рекрутской квитанции, которая избавила бы его брата от рекрутчины (письмо Н. Верховского к Некрасову в бумагах Лит. фонда 1868 г., не издано — ГПБ). Лит. фонд 23 декабря 1868 г. постановил выдать эту сумму под поручительство Некрасова. 27 декабря «чек в 200 р. для доставления Н. А. Некрасову получил В. Гаевский» (не издано — ГПБ). Ср. письмо Некрасова А. П. Заблоцкому от 16 декабря и в комитет Лит. фонда от 27 декабря 1868 г. (Некрасов, V, 448—449).

Квитанция стоила около 750 р. Недостающая сумма была собрана по подписке среди литераторов по почину Некрасова. Н. И. Верховский эту ссуду в срок не возвратил; ее возместил Лит. фонду, согласно своему ручательству, Некрасов.

Я. К. ГРОТ
Фотография 1870-х гг.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

В 1885 г. Н. И. Верховский прислал М. Е. Салтыкову 758 р., с просьбой употребить их «на благотворительное дело», а последний передал деньги в распоряжение Лит. фонда. См.: Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XX, Письма, М., 1937, 155 и 159 (дата письма к пред. Лит. фонда Н. С. Таганцеву неверна; оно написано, как это видно из письма к Верховскому, до, а не после ответа ему).

А. В. ДРУЖИНИНУ

<1>

Рим <26 сентября> 8 октября 1856 г.

Милейший Дружинин. Не успел я написать Вам перед отъездом, хоть и очень желалось. Желание и теперь есть, но тупость и леность так мною завладели, что не умею склеить фразы. — Вот Вам мой искренний совет: при первой возможности поезжайте за границу — Вам будет очень, очень хорошо, потому что даже мне не дурно. Не ждите от меня никаких описаний: описывать Европу так же скучно, как весело ездить по ней. Но, право, Венеция стоит того, что о ней писали разные великие и не великие люди. Волшебный город — ничего поэтичнее даже во сне не увидишь, наглотавшись хашишу! Флоренция также недурна. С Римом я еще мало знаком, но, право, шататься по Колизею в лунный вечер дело недурное; этим я покуда занимаюсь в Риме, да еще хожу по вечерам в оперу. Дорогу сделал я легко, безъязычие мало стесняет, при постоянно открытом кошельке. Кстати, вот вам маршрут проеханного мною пути — он, может быть, Вам пригодится, если на следующий год вздумаете ехать. От Штетина до Берлина — по железной дороге $3^{1}/_{2}$ часа. Останавливайтесь в Otel St. Petersbourg (дешевизна). От Берлина до Вены по желез<ной> дороге — 21 час. В Вене останавл<ивайтесь> в Otel Lamm. Leopoldstadt (дорого, почти как в Петербурге). От Вены до Лейбаха по желез<ной> дороге (эта дорога чудо из чудес!) — 14 часов. В Лейбахе надо брать почту до Триеста — езды часов 18-ть, экипажи и лошади подлейшие, везут скверно. В Триесте ост<анавливайтесь> Otel National. Из Триеста до Венеции — 6-ть часов на пароходе. В Венеции ост<анавливайтесь> Otel della Luna, или Otel Italien — эти дешевы и недурны, а то есть богаче. Жизнь вообще дешевая. От Венеции до Падуи 2 часа по железной дороге — здесь надо брать почту, и через полторы сутки вы во Флоренции — проедете через Феррару (где взгляните клетку, в которой держали Тасса) [1] и Болонью (где покушайте местной колбасы). Во Флоренции съел я первый хороший обед (Hotel du Nord) с тех пор, как выехал из России. Жизнь изумительно дешевая. — Из Флоренции до Рима берите почту, и через 36 часов вы в Риме. В Риме останавливайтесь Otel Europe — здесь такой удивительный обед (table d'<h>ôt<e> в 6-ть часов), какого я сроду не едал. Жизнь в Риме довольно дорога.

Напишите мне, пожалуйста. Адрес à Rome, via del Corso, № 453, на мое имя. Но пишите поскорее, ибо я в Риме не останусь долее месяца; затем адресуйте мне в Неаполь, poste restante.

Что вы делаете? Приняли вы уже редакц<ию> «Б<иблиотеки> д<ля> Ч<тения>» или нет? [2] Я дал Майкову еще 2 стих<отворения>, которые обещал Вам [3]. Напишите мне о Толстом, от которого не имею известия. Прощайте. — Посылаю колизейского моху.

Весь Ваш Н. Некрасов

Письма к Дружинину печатаются по автографам ЦГЛА (Ф. 168, № 199). Подготовка текста А. И. Соболевой.

А—др В. Дружинин (1824—1864) был сотрудником «Современника» с 1847 и до 1856 г., когда он перешел в «Библиотеку для Чтения», редактором которой он стал с этого года. В сотрудничестве Дружинина в «Совр.» Некрасов был очень заинтересован и неохотно с ним расставался. 6 августа 1855 г., прельщая его различными ма-

териальными выгодами, он писал ему: «Мне, Дружинин, весьма хочется возобновить Ваше постоянное участие в „Современнике"» (Некрасов, V, 210). Тем не менее сотрудничество Дружинина в «Совр.» оборвалось. После 1856 г. он напечатал в «Совр.» в 1860 и 1862 гг. лишь перевод «Ричарда III» Шекспира. Обострение отношений с «Библиотекой» не входило в планы редакции «Совр.»: «Об этом посланы Чернышевскому самые определенные внушения, от которых, я надеюсь, он не отступит» (письмо 2-е наст. публикации); редакция желала поддерживать с журналом самые «добрососедские» отношения, образовав нечто вроде блока против «О. З.» и реакционных журналов*. В начале 60-х годов — в период резкого обострения идеологической борьбы между «разночинцами» и «дворянами», после враждебного выпада Писемского против Некрасова, после напечатания пасквиля Григоровича «Школа гостеприимства» и др. аналогичных фактов, — отношения эти расстроились, но в открытую вражду и полемику не перешли и тогда.

На смерть Дружинина (19 января 1864 г.) Некрасов откликнулся дружеским некрологом в «Совр.», 1864, II. Письма А. В. Дружинина к Некрасову — см. ниже, в разделе «Письма к Некрасову».

[1] Торквато Тассо (1544—1595), по приказу герцога Феррарского Альфонса II, после ссоры с ним, в течение семи лет находился в заключении в госпитале св. Анны в Ферраре. О том же в письме к Тургеневу от 21 сентября (3 октября) 1866 г. (Некрасов, V, 261).

[2] В конце 1856 г. Дружинин стал редактором «Библиотеки для Чтения».

[3] О каких стихотворениях и для какого издания идет речь, не установлено. В № 10 «Библиотеки для Чтения» (ценз. разр. — 9 октября) были напечатаны стихотворения Некрасова: «Прекрасная партия», «Школьник» и «Прости, не помни дней паденья...»

〈2〉

Чивитта-Веккия 〈Ливорно, 13—14〉 25 〈—26〉 янв〈аря〉 1857 г.

Милейший друг. Я виноват перед Вами моим долговременным молчанием, которое, конечно, было причиною, что и Вы ко мне не писали. Письмо Ваше я получил давным-давно, до меня доходят тоже слухи о Вашей журнальной деятельности от Тургенева из Парижа, куда я сам теперь еду. Говорят, Вы молодецки повели дело [1]. Я в этом не сомневался и — что еще важнее, — не сомневаюсь в постоянстве Вашей деятельности. Я видел уже на опыте, что Вы можете вести продолжительно, ровно и притом красиво. Это, при должной осмотрительности — не переходящей, однако, в пугливость (которая в журналисте, по крайней мере, столько же могла бы быть вредна для литературного движения, как и излишняя рьяность), — это самые необходимые журналисту качества, и я рад, что Вы, а не иной кто, вступили на эту дорогу. Не все же Старчевским да Краевским держать литературные вожжи, которые — что ни говори — у нас в руках журналистов. Итак, дай Вам бог терпенья, а уменья у Вас хватит! В Париже увижу «Библиотеку» и напишу Вам. Что касается до наших журнальных отношений, то об этом посланы от меня Чернышевскому самые определенные внушения, от которых, я надеюсь, он не отступит [2].

Понедельник 26 янв〈аря〉. Предыдущее писал я Вам из Чивитта Веккия (городишко приморский близ Рима), а теперь пишу из Ливурно, сделав в ночь препоганый переезд. Качка меня не берет, но все-таки было скверно — и впереди еще два плохих переезда, пока доберусь до Марселя и железной дороги. Ливурно такая дрянь, о которой не стоит говорить. Вообще Италия зимой, куда ни загляни — жалкая вещь; единственная краса ее — синее небо и теплый воздух; этого зимой нет — значит, и ничего нет. Храни вас бог от мысли ехать в Италию зимой!

Перо такое поганое, что мочи нет — продолжать буду в Генуе, если там попадется перо получше.

---

* Ср., впрочем, очень резкий выпад Некрасова против безидейности «Библиотеки для Чтения» «дружининского направления» в письме к Тургеневу от 18(30) декабря 1856 г. (Некрасов, V, 273).

Поглядел на Ливурно и нахожу, что город не так гадок, как показался с первого взгляда — движение страшное, разнохарактерность одежд и рож удивительная, дешевизна всего — невообразимая! а все-таки ничего нет гаже, как толкаться между чуждым народом.

С изнеможением в кости [3] — чорт знает как медленно тянется время! Пароход уходит в 4-ре часа, а я здесь уж болтаюсь с 9-ти утра. До того дошел, что даже осмотрел жидовскую синагогу! И все-таки добил время только до $12^1/_2$! Вот самая нестерпимая вещь в путешествии — эти пережидания, которые неизбежны и беспрестанны; если к этому прибавить поминутное таскание себя и своих вещей, переезды до пристани в экипаже, до парохода в лодке, тоже наоборот, и при этом адски скучная необходимость держать кошелек постоянно отворенным, — то окажется, что не из чего хлопотать!

[1] Отзыв этот не был искренним. Всего лишь на месяц раньше Некрасов писал И. С. Тургеневу, в письме от 18/30 декабря 1856 г.: «Больно видеть, что Толстой личное свое нерасположение к Чернышевскому, поддерживаемое Дружин[иным] и Григоров[ичем], переносит на направление, которому сам доныне служил и которому служит всякий честный человек в России... Не знаю, как будет кушать публика..... со сливками, называемое дружининским направлением, но смрад от этого блюда скоро ударит и отгонит от журнала все живое в нарождающемся поколении, а без этих сподвижников еще готовящихся — журналу нет прочности» (Некрасов, V, 273—274).

[2] Ср. примеч. 1-е к письму 1-му. Упоминаемое Некрасовым письмо его к Чернышевскому неизвестно.

[3] Слова из стихотворения Тютчева «Как птичка раннею зарею...»:

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести...

Это стихотворение Некрасов полностью процитировал в своей статье о Тютчеве «Русские второстепенные поэты» в «Совр.», 1850, I.

⟨3⟩

Рим, 14 ⟨26⟩ февр⟨аля⟩ 1857 г.

Милый Дружинин, я слышал, что Вы с Ботк⟨иным⟩ и Григор⟨овичем⟩ отправляетесь за границу. Умнее ничего нельзя было придумать. При некотором здоровье и душевной свободе — Вам эти несколько месяцев обещают постоянный праздник — светлый и ровный — я в этом убежден и радуюсь за Вас. Куда Вы прямо едете — не знаю. Если в Италию, то теперь лучшее время. Здесь уже все зеленеет и цветет — погода прелесть. Я сделал несколько загородных поездок, и душа встрепенулась. Тиволи Вам особенно понравится. Берите с собой вина больше и съедобного — все это на воздухе страшно уничтожается. (Вино рекомендую следующее: Orviet⟨t⟩o della grotes, Aliatica di Firenza, — недороги, легки, и выпить можно ведро — безвредно для здоровья). Приехав в Тиволи, садитесь на ослов (любезное и кроткое животное) и марш в горы — вина тоже возьмите и на прогулку. Наберите с собой мальчишек и заставьте их петь. (Кстати, примиритесь сразу с беспрестанным приставаньем всяких бродяг, просящих mezzo baioco [1], — лучше тратить полтину лишнюю в день, чем сердиться). День Вы проведете отличный (остановитесь в отель Сибилла); если останетесь и на другой, то скучать не будете, а не то возвращайтесь в город. . . . .

— О природе, о древностях, об этом не пишу, но и это все будет Вас занимать; только подступайтесь исподволь, не обращайте себя в смотрительную машину, а то оскомину набьете.

Теперь мне следует извиниться перед Вами в гнусном молчании. У меня в портфеле лежит большое письмо к Вам, писанное перед поездкой в Па-

риж, — оно теперь устарело, посылать не стоит, а все-таки оно может Вам засвидетельствовать, что я таки думал об Вас [2]. Не знаю, что помешало мне послать его. Правду сказать, я опять сбился с панталыку и часто бываю в подлейшем состоянии духа. Ах, друг мой! Я неисцелим ни физически, ни душевно. Так мне, знать, на роду написано. — В Париже я видел «Биб⟨лиотеку⟩ для Чт⟨ения⟩» (и читал) и порадовался. Да, я не ошибался, что из Вас будет отличный журналист, и если б я Вас не любил, то, может быть, менее горячо убеждал бы Вас вступить на это поприще. Право, я рад был и продолжаю быть рад за Вас и за литературу — не все же Краевски⟨м⟩ и Старчевски⟨м⟩ держать литературные вожжи, которые

БРАТЬЯ АНДРЕЙ, ГРИГОРИЙ и АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧИ ДРУЖИНИНЫ
Акварель П. А. Федотова, 1840 г.
Русский музей, Ленинград

у нас в руках журналистов. До меня доходят славные слухи о вашей деятельности. Да! Вы умеете *везти* — ровно, продолжительно и еще притом красиво! Смотрите, озаботьтесь, чтоб без Вас не подгадили. Впрочем, Вы, вероятно, уезжаете ненадолго? Хотелось бы мне с Вами встретиться за границей, но не знаю, удастся ли. На всякий случай вот Вам мой маршрут. Я теперь еду в Неаполь, там пробуду до 6 апреля; от 6 до 15 апр⟨еля⟩ — опять буду в Риме, от 16 до 20 или 25 во Флоренции, от 25 до 30 в Генуе, а в первой половине мая в Париже, где и пробуду до конца мая. Потом поеду в Спа — брать ванны. Напишите мне в Рим или во Флоренцию, poste restante. Прощайте. Крепко жму Вам руку.

Весь Ваш
Н. Некрасов

P. S. Вульф[3] мне писал о наших счетах. Я их вел в последнее время аккуратно и помню, что за Вами осталось несколько денег, сколько не знаю,

но потом, когда ворочусь, буду в состоянии узнать и Вам доказать. А теперь из недоданных Вам Вульфом 170 р. вытребуйте у него 100 р. (показав ему это письмо), — если Вам нужно, — а там в свое время мы уясним счеты.

[1] Мелочь (байоко—старинная монета в 5 чентезимо).
[2] Судя по тому, что в настоящем письме Некрасов дословно повторяет часть своего письма к Дружинину от 13—14 (25—26) января 1857 г. (письмо 2-е наст. публикации), очевидно, он имеет в виду именно это письмо. Однако неотосланное письмо находится в архиве Дружинина и, вероятно, было ему все же передано Некрасовым при встрече.
[3] Карл Иванович В у л ь ф — служащий конторы «Современника».

⟨4⟩

⟨Петербург, 31 декабря 1863 г.⟩

Деньги у меня начинают появляться, и я спешу послать Вам 200 р. Да прежних у меня за Вами 150, итого: 350.

Я все сбираюсь лично появиться у Вас и на-днях этого достигну. Как здоровье? Если выезжаете, то в любой день между 3 и $4^1/_2$ застанете меня за обедом.

Весь Ваш
Н. Некрасов

31 декабря ⟨18⟩63 г.

Г. В. ДРУЖИНИНУ

⟨Петербург, 5 апреля 1865 г.⟩

Милостивый государь
Григорий Васильевич,

Так как «Короля Джона» кто-то у Вас затерял (только не я, — вспомните, что я был у Вас только однажды, после того, как бумаги поступили к Вам, именно прошлой весной, перед отъездом моим за границу), и расквитаться, таким образом, не предвидится возможности, да притом мне теперь нужны деньги, то я прошу Вас прислать мне 350 руб., должные мне покойным Александром Васильевичем. На всякий случай сообщаю здесь историю этого долга, сколько ее помню.

В 1861 году Ал⟨ександр⟩ Вас⟨ильевич⟩ занял у меня 500 рубл. (п р и л а г а ю е г о р а с п и с к у).

В 1862 году он напечатал в «Современнике» перевод «Ричарда»; мы уговорились за пятьсот рубл., но так как из этой драмы большой отрывок был прежде года за полтора или за два напечатан в «Современнике» и за отрывок этот я тогда заплатил 150 р., то мы положили, что при печатании драмы вполне эти 150 руб. должно из условной платы вычесть.

Таким образом, за Алекс⟨андром⟩ Вас⟨ильевичем⟩ осталось 150 р. Затем, по возвращении из деревни в последний раз, незадолго уже до смерти, Александр Васильевич прислал мне записку (п р и л а г а ю е е) и просил зайти к себе. Я приехал к нему, и он мне между прочим сказал, что «Король Джон», обещанный им для «Современника», у него готов. «Я его пересмотрю и пришлю Вам, а между тем мне нужны деньги, дайте теперь, если можете». Я сказал, что пришлю сколько могу, и через несколько дней послал ему 200 рубл. Об этом мною было нарочно заявлено тогда же товарищу моему по ред⟨акции⟩ «Современ⟨ника⟩» Салтыкову, так как я предвидел, что спросить расписку у Ал⟨ександра⟩ Вас⟨ильевича⟩ будет неудобно.

Все это может быть лишнее да и Вы сами мне сказали, что не нуждаетесь в доказательствах, однако в денежных делах лучше держаться фактов.

Если «Король Джон» найдется, то я его с удовольствием напечатаю в «Современнике», и тогда заплачу деньги [1].

Примите уверение в совершенном моем уважении и пред⟨анности⟩.

Н. Некрасов

5 апр⟨еля⟩ 1865 г.

СПб.

Автограф — ЦГЛА (361—58 А). Печатается впервые. Подготовка текста А. И. Соболевой.

[1] «Король Джон» Шекспира в переводе А. В. Дружинина был напечатан в «Совр.», 1865, VII, и перепечатан в том же году в т. III Собр. соч. А. В. Дружинина (СПб., 1865) и в т. II изд. Некрасовым «Полного собрания драматических произведений Шекспира

А. Н. ЕРАКОВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

в переводе русских писателей» (СПб., 1866). В следующем 1866 г. между Некрасовым и Г. В. Дружининым (1821—1889) снова возникли денежные недоразумения в связи с расчетами по «Королю Джону» (Некрасов, V, 415—416).

А. Н. ЕРАКОВУ

10 авг⟨уста 1874 г.⟩ Лука на Керести [1]

Милый мой и единственный друг Александр Николаевич.

Получил я твою краткую записку [2] и подметил в ней, несмотря на шуточный тон, некоторую горечь; как будто ты такую возымел думу, что для меня все равно, существуешь ли ты на белом свете или нет.

Не думай ничего подобного, пожалуйста. Я отчасти хандрю, отчасти работаю, отчасти лечусь. Охота на втором плане.

Впрочем, следующий отчет о поведении моем, начиная с 6 июня (день переезда в деревню), лучше всего меня оправдает.

Употреблено на питие мариенбадской воды 30 дней и по сей причине не пил ни вина, ни водки 60 дней.

В первые 30 дней читал только корректуры, затем принялся писать и написал след<ующие> пьесы:

Уныние, довольно большая пьеса.

Горе старого Наума, поэма.

Ночлеги, три пьесы: 1) Новый барин, 2) Гари, 3) У Трофима и затем еще несколько мелких лирических стихотворений [3].

В то же время прочтено корректуры более 80-ти листов и выпущены две книги От<ечественных> З<аписок> [4], причем двукратно ездил в город и каждый раз возвращался с мерзостью на душе. В последний приезд была хорошая погода — эта причина, что не дал тебе телеграммы: жаль было лишить тебя двух хороших дней.

Зачем ты ездил в Варшаву? Решительно ли едешь за границу и надолго ли? Я с тобой поеду, коли в Париж, только попозднее бы, этак в сентябре. На-днях буду в городе, и увидимся. Во всяком случае, не уезжай не повидавшись со мной [5].

Насчет имения вот моя мысль: купить мне хотя бы и отличное имение, значит навязать себе обузу и источник разорения — неумно! Лучше выстроиться в Карабихе: место красивое, людное, близко и к Москве и к Ярославлю. И только дом, да сад, да огород. Ничего более; когда я там — со мной мои люди к моим услугам, а остальное время все-таки сберегут.

Это самое выгодное условие в моем положении, как я ни думал. И давно бы надо это сделать! Я теперь посерьезнее принялся за охоту: работать устал, да и приобрел право пить и есть, без чего охота утомительна и не впрок здоровью. Отвечай мне слова два.

Весь твой

Н. Некрасов

Автограф. — ЦГИА (Ф. 694, оп. № 1, ед. хр. № 916). Подготовка текста и примечания Л. А. Катанской.

Александр Николаевич Ераков (1817—1886) — близкий друг Некрасова и Салтыкова; по образованию — инженер путей сообщения, автор напечатанной в «О. З.» (1873, V) статьи: «Исследование о полной сети железнодорожных сообщений в России». Ераков принимал участие в строительстве шлиссельбургских шлюзов, Петровского канала и в сооружении гранитного моста через Обводный канал, в Петербурге. В 1869 г. Ераков, по совету Некрасова, вышел в отставку и, в качестве выборного члена правления железнодорожных акционерных компаний, принял активное участие в строительстве частных русских железных дорог. В семье Еракова много лет жила в качестве воспитательницы его детей сестра поэта — А. А. Буткевич, со средины 1860-х годов гражданская жена Еракова.

Еракову Некрасов посвятил поэму «Недавнее время» (1871) и «Элегию» (1874), написанную почти одновременно с настоящим письмом. «Посылаю тебе стихи: так как это самые мои задушевные и любимые из написанных мною в последние годы, то и посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу» (письмо от 29 августа 1874 г., — Некрасов, V, 538).

В печати до сих пор известны 22 письма Некрасова к Еракову и 4 письма Еракова к Некрасову.

[1] «Лука» — охотничий домик Некрасова, расположенный в нескольких часах езды от Петербурга, у станции Чудово, Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, в деревне Чудовская Лука, Новгородской губ. Усадьбу эту опоясывала река Кересть (левый приток Волхова).

[2] Эта записка неизвестна.

[3] В ИЛИ (Ф. 203, № 42, лл. 3—4) сохранилась рукопись Некрасова, представляющая собой следующий список стихотворений, написанных им осенью 1874 г. в Луке:

«Список стихотворений. Все: „Старый дом“, „Страшный год“, „Даже в полголоса мы не певали“, „Пускай нам говорит изменчивая мода“, „Сын с отцом косили в поле“, „С французского“, «Не говори: „Забыл он осторожность“», „В городе волки по улицам бродят“, „Уныние“, „Притча“, „Наум“».

Этот перечень несколько отличается от приводимого в письме и его дополняет, хотя в нем не упомянуты «Ночлеги».

Рукопись ИЛИ интересна еще и тем, что позволяет уточнить датировку некоторых произведений, которые ранее датировались другими годами, а теперь должны быть отнесены к 1874 г. Это стихотворения: «Страшный год! газетное витийство...» (до сих пор датировалось 1870-м г.), «С французского» («Смолкли честные, доблестно павшие...» — 1877), «Притча» («Прислушайтесь, братцы! Жил царь в старину...» — датировалось 1869—1870 гг.). Ср. в первом томе наст. изд., стр. 413 сл.

4 Сдвоенная V—VI книжка, вышедшая 28 июня, и VII, вышедшая 24 июля.

5 О предполагавшейся поездке Некрасова с Ераковым в Париж в сентябре 1874 г. до сих пор не было известно.

Л. А. ЕРАКОВУ

Ницца, ⟨11⟩ 23 апр⟨еля⟩ ⟨18⟩67 г.

Любезнейший Лев Александрович.

В Ницце мы нашли восхитительную погоду, чудесные виды, прелестнейшую местность. Я бы не прочь здесь остаться и разложить рабочий станок, но наши дамы!.. [1] в Рим хочется им, и мы послезавтра, в четверг 25, пускаемся в путь. Наняли ветурина [2] в коляске четверней и будем следовать медленным ходом по Карниту [3] до Генуи трое суток, а там, посидев два дня в Генуе, оттуда тем же медленным ходом до Специи, а оттуда уже по железной дороге во Флоренцию, куда и пишите poste restante. Посылать мне туда ничего не надо, я напишу куда послать сигары. Если увидите Зубкова [4], скажите ему, что из Ниццы выбыл. Поеду ли в Рим, не знаю — может быть, отправлю одних дам, а сам примусь за работу. Просто хочется работать, и каждый день просыпаюсь с каким-то чувством, похожим на сожаление 50-летней женщины о потере своей невинности. Но напьешься и как рукой сняло! Это хорошо — неправда ли? А что еще в нас лучше, это то, что, находясь среди превосходной горной природы, — мы не забываем отечества, и в сию минуту передо мною икра и селедка, только что купленные, и мы сейчас намерены на деле доказать свой патриотизм.

Ну, будьте здоровы. Не забудьте о моем ружье.

Душевно Вас любящий

Н. Некрасов

Печатается по копии, хранящейся в ИЛИ, в архиве Д. А. Лутохина (Ф. 592, № 406); копия сделана племянницей Л. А. Еракова — Л. Давыдовой. Подлинник письма, судя по приложенной к копии заметке Л. Давыдовой, находился в ее семейном архиве; местонахождение его ныне неизвестно.

Адресат письма — Лев Александрович Ераков (1839—1885), сын приятеля Некрасова — А. Н. Еракова, впоследствии профессор Института путей сообщения. Отношения Некрасова и Л. А. Еракова, судя по одной не вполне ясной строке в письме к А. А. Буткевич, впоследствии осложнились: 30 октября 1874 г. Некрасов писал, что лишь из уважения к сестре он подает «руку Льву А⟨лександро⟩вичу» (Некрасов, V, 543).

1 Сестра Некрасова А. А. Буткевич и Селина Лефрен, а не З. Н. Викторова, как пишет в своих примечаниях Л. Давыдова.

2 Ветурино (итальянск.) — возница, извозчик.

3 Карнит (точнее Карниче) — береговая полоса между Генуей и Ниццей.

4 Кто такой Зубков — не установлено; может быть — Владимир Васильевич (ум. 1903), служивший в Азиатском департаменте?

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

⟨1⟩

⟨Петербург, 23 января 1856 г.⟩ [1]

Любезный Алексей Михайлович, Вы ни сами не показываетесь, ни стихов Толстого [2] мне не присылаете. Будьте добры, заезжайте ко мне со сти-

хами на этих днях и также привезите адрес Толстого, куда ему присылать «Современник». Ваши стихи я пустил во 2 книжку и желал бы также поместить в ней несколько пьес Толстого.

Ваш Н. Некрасов

23 янв⟨аря⟩ 1855 г. ⟨!⟩

Л. 2 об.: Его высокородию
Алексею Михайловичу Жемчужникову
Во 2-й линии, дом Ф ⟨нрзб.⟩
Среднего проспекта

Первое и третье письма печатаются впервые по автографам ЦГИА (Л) — фонд Жемчужникова. Подготовка текста И. Г. Ямпольского. Второе письмо (автограф там же) было первоначально неточно напечатано в «Русской Мысли», 1913, II, 101 и со всеми искажениями, совершенно меняющими смысл, перепечатано в изд.: Некрасов, V, 472.

[1] Некрасов ошибочно датировал письмо 1855 г.; оно относится к 1856 г.: во второй книжке «Совр.» за 1855 г. нет стихотворений ни Толстого, ни Жемчужникова; между тем, во второй книжке за следующий год напечатано стихотворение Жемчужникова «С вечера едет все лесом дремучим» и шесть стихотворений А. К. Толстого.

[2] Алексея Константиновича.

⟨2⟩

⟨Петербург, 26 февраля 1870 г.⟩

Уважаемый Алексей Михайлович.

Простите, что я Вам не писал. Хворал, а теперь здоров.

Скука у нас жестокая; если на Вас нападает иногда хандра в Висбадене, то утешайтесь мыслию, что здесь было бы то же — вероятно, в бо́льшей степени, с примесью, конечно, злости по поводу тех неотразимых общественных обид, под игом которых нам, то-есть нашему поколению, вероятно, суждено и в могилу сойти. Более тридцати лет я все ждал чего-то хорошего, а с некоторых пор уж ничего не жду, оттого и руки совсем опустились, и писать не хочется. А когда не пишешь, то не знаешь, зачем и живешь. Благо Вам, что Вы, повидимому, до этого еще не дошли. Ваши последние вещи (как в «Петерб⟨ургских⟩ Ведомостях» [1], так и нам присланные), отчасти мне известные, хороши; в новой своей форме они много выиграли. Говорю это Вам для того, чтобы Вы не складывали рук. Ваши стихотворения (кроме пьесы «Свободное слово») напечатаны на первых страницах 3-го № «Отеч⟨ественных⟩ Зап⟨исок⟩» [2]. Пишите, что делать с оставшеюся пьесою и сериею пьесок «В альбом современных портретов», которую мы тоже не решились напечатать. Деньги за напечатанное отошлю по Вашему указанию.

Напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение о последних главах «Кому на Руси жить хорошо» во 2 № «От⟨еч⟩. З⟨ап⟩.». Продолжать ли эту штуку? Еще впереди две трети работы.

Будьте здоровы и бодры.

Душевно Вас уважающий

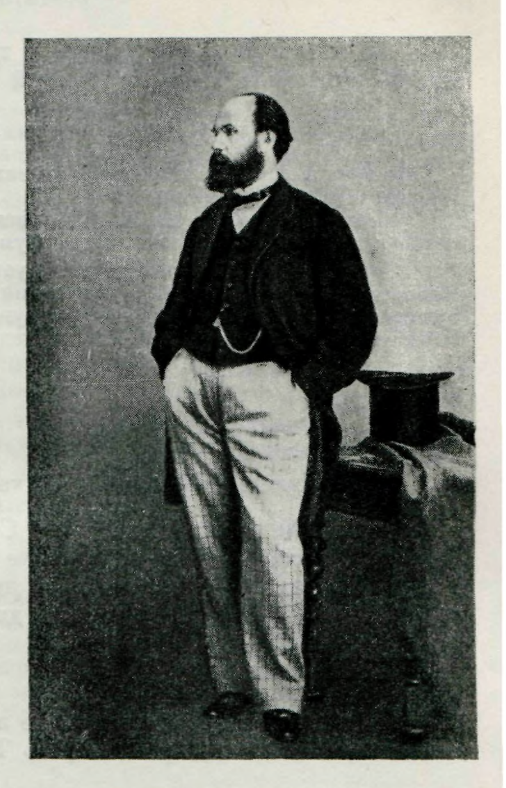
Н. Некрасов[3]

26 февр⟨аля⟩ 1870 СПб.

[1] В № 30 «С.-Петербургских Ведомостей» за 1870 г. был напечатан отрывок из сатирической поэмы Жемчужникова «Пророк и я», направленной против Каткова, под названием «О времени недавно прошедшем и частью о настоящем (Опыт фельетона в стихах)». Ср. с отзывами Некрасова о поэме его письма к Жемчужникову 1868 и 1869 гг.

[2] В «О. З.» (1870, III) напечатан цикл стихотворений Жемчужникова «Современные песни». «Очень мне жаль, — писал Жемчужников Некрасову 25 марта 1870 г. о «Свободном слове», — что стихотворение о нашем литературно-полицейском направлении не пошло в Отечественных Записках» (В. Евгеньев-Максимов. Черты редак-

П. М. КОВАЛЕВСКИЙ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

торской деятельности Н. А. Некрасова в связи с историей его журналов. — «Голос Минувшего», 1915, XI, 84). Стихотворения под названием «Свободное слово» в собрании сочинений Жемчужникова нет. Весьма вероятно, впрочем, что оно вошло сюда под другим названием: «Литераторы-гасильники» («Свобода слова, статься может...»). «Литераторы-гасильники» датированы 1870 г. и помещены рядом с четырьмя стихотворениями, впервые напечатанными в «О. З.», 1870, III (ср. «Стихотворения» Жемчужникова, т. I, СПб., 1892, стр. 69—72).

[3] Одна часть ответного письма Жемчужникова от 25 марта 1870 г. была напечатана в указанной выше статье В. Е. Евгеньева-Максимова («Голос Минувшего», 1915, XI); другая — в его же статье «Поэзия Некрасова в оценке некоторых из его современников» («Совр.», 1915, III, 125). Письмо содержит восторженный отзыв о поэме. Полностью текст этого письма см. в наст. томе, в разделе «Письма к Некрасову».

〈3〉

〈Петербург, воскресенье, 1855—1875 г.〉

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Не забудьте, что Вы во вторник у меня обедаете. А. М. Унковский тоже будет, и будет еще несколько общих знакомых.

Весь Ваш
Н. Некрасов

Воскресенье

П. М. КОВАЛЕВСКОМУ

〈1〉

〈Петербург〉 23 дек〈абря 1867 г.〉[1]

Павел Михайлович. Я не смею Вам мешать входить в условия с другими журналистами, ибо я в сие время нахожусь в положении человека, не выяснившего еще себе, что ему будет нужно. Видите ли, у меня теперь два фельетониста: Салтыков и Слепцов, но насколько они обнаружатся благонадежными, покажет только время. Поэтому войти с Вами в определи-

тельные постоянные отношения я теперь бы не мог; делайте, как для Вас лучше, и верьте моей искренней преданности и уважению.

Н. Некрасов

Все письма печатаются впервые по автографам ИЛИ (Л) — Р. I, оп. 20, № 14. Подготовка текста М. И. Маловой.

О взаимоотношениях П. М. Ковалевского и Некрасова см. во вступительной заметке к публикуемым в наст. томе двум письмам П. М. Ковалевского к Некрасову.

[1] Письмо предположительно датируется 1867 г., перед переходом «О. З.» в руки Некрасова (ср.: «нахожусь в положении человека, не выяснившего еще себе, что ему будет нужно», «... насколько они обнаружатся благонадежными ...» и т. д.). О сотрудничестве Ковалевского в «О. З.» см. в след. письмах.

<2>

<Петербург> 10 янв<аря 1868 г.>

Уважаемый Павел Михайлович.

№ 1 не выйдет еще дней 8 мь. Сегодня дают «Василису Мелентьеву»[1]. До след<ующей> книжки это уже будет истрепано, а теперь было бы как раз кстати. Вы имеете 3—4 дня и, если сегодня посмотрите пьесу, то, конечно, успеете написать две-три страницы, а это все, чего бы я покуда желал[2].

Ваш Н. Некрасов

Если не найдете билета, то не захотите ли притти к нам в ложу, бельэтаж № 15, в Мариинск<ом> Театре.

[1] Премьера «Василисы Мелентьевой» состоялась в Петербурге 10 января 1868 г. в Мариинском театре, и до 13 февраля пьеса шла 12 раз (См. «Островский. Новые материалы...», 1924, 354 и 419, и «СПб. Ведомости», от 10 января 1868 г.).

[2] Статья Ковалевского (без подписи) напечатана в «О. З.», 1868, I, 130—134: «Василиса Мелентьева. Новая пьеса г. Островского».

<3>

<Петербург, после 10—до 15 января 1868 г.> [1]

Мне неудобно, чтоб с 1-ой же книги на «От<еч>. Зап.» посыпались доносы. Поэтому исключите или замените как-нибудь выходку против Скарятина[2].

Ваша статья хороша, но начало заголовка напоминает фельетонную рутину. Первые три строки лучше бы вовсе выкинуть или заменить одной — впрочем, это мелочь[3].

Гедеонов[4] употребляет покуда усилия оживить театры — не сердите его очень за личные пристрастия, неизбежные во всяком, власть имеющем, или смягчите какой-нибудь конфеткой. Остров<ский> говорит, что он обещал душу положить за русский театр, хочет разогнать воров и проч. Будет еще время с ним поссориться, когда он этих надежд не оправдает. Его щиплют меньше и крупные газеты, и он ждет, что серьезные журналы отнесутся сочувственно к началу его деятельности.

Разумеется, последовать или нет чему-нибудь из сказанного здесь — дело Вашего убеждения.

Я надеюсь, что в понед<ельник> Вы дадите ст<атью> об Мелентьевой.

Н. Некрасов

[1] Премьера «Василисы Мелентьевой» состоялась в среду 10 января; первая книжка «О. З.» вышла в свет во вторник 23 января; стало быть письмо относится ко времени до понедельника 15 января 1868 г. (ср. последние слова письма).

[2] Владимир Дмитриевич Скарятин — реакционный публицист, издатель газеты «Весть».
[3] Судя по окончательному названию — «Василиса Мелентьева. Новая драма гг. Островского и ***, в пяти действиях, в стихах», — Ковалевский послушался совета Некрасова и «фельетонный» заголовок устранил. Вместе с тем он изъял из статьи и выпады против Скарятина и Гедеонова.
[4] Степан Александрович Гедеонов (1816—1877) — с 1867 до 1875 г. директор императорских театров в Петербурге, писатель, драматург.

⟨4⟩

⟨Петербург, после 10 — до 23 января 1868 г.⟩

Отмеченная страница была бы единственная, написанная в этом тоне во всех 37 листах 1го №. Поэтому желательно ее исключить. Я надеюсь, что Вы не рассердитесь, ибо дело несущественное. Некогда распространяться, при свидании объясню, а теперь дайте разрешение ее исключить. Дело несущественное [1].

Пожалуйста, не сердитесь, что я Вам надоедаю.

Ваш Н. Некрасов

[1] Записка связана, вероятно, все с той же статьей Ковалевского о «Василисе Мелентьевой» в «О. З.», 1868, I, о которой идет речь в предыдущем и последующем письмах. Подтверждением такого предположения является указание Некрасова на объем «1го №». Из январских книжек «О. З.» за период 1868—1875 гг. объем близкий к 37 печатным листам имели лишь две книжки: за 1868 г. ($36^{1}/_{2}$ п. л.) и 1869 г. (38 п. л.). Но январский номер 1869 г. отпадает: в нем не было никакой статьи Ковалевского. Сказанным определяется датировка письма.

⟨5⟩

⟨Петербург, после 10 — до 23 января 1868 г.⟩

Я не знаю, что Вас затруднило. Я Вам писал, что передаю свое замечание для соображения, а Вы поступайте по Вашему убеждению. Значит, нечего, кажется, и говорить.

Прибавку Вашу с Гед⟨еоновым⟩ я выкину, и останется, как у Вас было. Делать примечание редакции по этому поводу неудобно, равно как и по поводу «Вести». Как ее так и других подлых газет и журналов не надо трогать вскользь и часто — это непременное условие участия в «От⟨еч⟩. Зап.» и я думаю, если Вы вообразите себя на месте журналиста, то согласитесь с этим нашим планом.

Если мы будем о них говорить, то раз-два в год, и тогда серьезно, с доказательствами и т. п.[1]

Я простудился и сижу дома. Вы бы очень хорошо сделали, еслиб на минуту заглянули ко мне, в любой час дня или вечера сегодня или завтра.

Ваш Н. Некрасов

[1] См. примеч. 2-е к письму 3-му. «Весть» (1863—1870) — реакционная крепостническая газета; орган дворянских групп, враждебных реформам 1860-х гг.

⟨6⟩

⟨Петербург, до 23 января 1868 г.⟩.[1]

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Препровождаю сто двадцать рубл., следующие Вам за статьи в № 1 «Отечеств. Зап.» [2].

Теперь о следующем №. Так как я имею для отдела театр. статью Салтыкова [3], то для этого отдела от Вас желал бы на эту книгу небольшую статейку о новостях русской сцены [4], а статью о русской опере удобно было бы приберечь для № 3-го [5]. Вот мои мысли. Если у Вас будет время,

то может быть напишете что-нибудь в библиографию по части русских художеств, если только стоит.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов

[1] Датируется по связи с ответным письмом Ковалевского Некрасову от 23 января 1868 г. (см. ниже).

[2] В «О. З.» (1868, I) известна принадлежащая П. М. Ковалевскому анонимная статья о «Василисе Мелентьевой» Островского и Гедеонова и статья его «Итальянская опера в Петербурге», подписанная псевдонимом «Петербургский житель».

[3] Имеется в виду анонимная статья «Золотая рыбка». Балет... Соч. Сен-Леона, напечатанная в «О. З.», 1868, III. Под названием «Проект современного балета» статья вошла потом в щедринский цикл «Признаки времени».

[4] Статья «Последние новости русской драматической сцены» (в оглавлении: «Последние явления русской сцены») напечатана, без подписи, в «О. З.», 1868, II. Принадлежность статьи Ковалевскому подтверждается тем, что гонорар за нее был выслан ему (см. след. письмо).

[5] Статья Ковалевского под названием «Русская опера: „Орфей“ Глюкка и возобновленная „Жизнь за царя“ Глинки» появилась лишь в «О. З.», 1868, V, в разделе «Петербургские театры» (подпись: «Петербургский житель»).

⟨7⟩

⟨Петербург, январь—март 1868 г.⟩[1]

40 р. добавляю, но протестую против того, будто я уговорился с Вами платить Вам по 100 р. Вы сказали, что на статьи об опере потребуется до 25 р. расхода в месяц — и вот за эти-то статьи я, точно, согласился платить по 100 р.[2].

Н⟨екрасов⟩

[1] Датируется предположительно, по связи с письмом 6-м.

[2] «Статьи об опере» — вероятно, статья «Итальянская опера в Петербурге» («О. З.», 1868, I) и непоявившаяся в печати статья о русской опере, предназначавшаяся для «О. З.», 1868, III (см. письмо 6-е).

⟨8⟩

⟨Петербург⟩ 16 февр⟨аля 1868 г.⟩

Заметки о римских художниках я найду сегодня или завтра[1]. Картина Соколова — Пастух убитый громом продана некоему Охаченскому[2], у которого можно ее видеть. Я на-днях узнаю его адрес и зайду к Вам. Посылаю деньги за ст⟨атью⟩ «Послед⟨ние⟩ новости русской сцены»[3].

Ваш Н. Некрасов

[1] О каких «заметках» идет речь — неизвестно.

[2] Имеется в виду картина маслом художника П. П. Соколова «Пастух убитый громом», написанная на сюжет «Деревенских новостей» Некрасова. Репродукцию с этой картины, находящейся ныне в картинной галлерее г. Молотова, см. на след. стр. Охаченский — вероятно, известный в 1850—1860-х гг. петербургский коллекционер Ахачинский, собиравший преимущественно акварельные работы русских художников (см. брошюру «Несколько слов о художнике М. А. Зичи», СПб., 1869).

[3] См. письмо 6-е.

⟨9⟩

⟨Петербург, 10 апреля 1870 г.⟩[1]

За что же это Вы на нас прогневались, Павел Михайлович, и не даете нам ни стихов, ни статей?

Ваш Н. Некрасов

[1] Датируется по карандашной надписи под текстом письма, сделанной, повидимому, рукой П. М. Ковалевского.

«ПАСТУХ УБИТЫЙ ГРОМОМ»

Картина маслом П. П. Соколова на сюжет стихотворения Некрасова «Деревенские новости», 1868 г.

Художественная галлерея, г. Молотов

<10>

<Петербург. Не позднее ноября 1870 г.>[1]

За присылку стихов благодарю — и воспользуюсь ими. Письмо с адресом Яснопольск<ого> посылаю [2].

Постараюсь на-днях зайти к Вам.

Ваш Н. Некрасов

[1] Датируется по связи с письмом 11-м.

[2] Николай Петрович Яснопольский (1846—1920) — экономист; автор статьи «Экономическая будущность юга России и современная его отсталость», напечатанной в «О. З.», 1871, VI и VII.

<11>

<Петербург, ноябрь 1870 г.>

Добрейший Павел Михайлович.

Я отыскал и перечел Ваших 8мь стихотворений. Главная причина, почему я их не печатал — дорого. По нынешней подписке не могу платить 20 р., даже 15 р. за маленькую пьесу. Я другим плачу за таковые 10ть. Итак, разрешите мне тиснуть все 8 разом в № 1м <...> [1].

[1] Конец письма оборван. Восемь стихотворений Ковалевского были напечатаны в «О. З.», 1870, XII, чем и определяется дата письма.

<12>

<Петербург, февраль—март 1871 г.>

Уважаемый Павел Михайлович. Салтыков пришел к решительному заключению, что печатать произведение Пальма в «От<еч>. З<ап>.» нельзя. Это очень прискорбно, но что же делать. Материалом посредственным мы очень, даже чересчур, теперь богаты. Я все-таки думаю, что вещь Пальма настолько недурна, что все-таки может быть принята «Вестником Европы» или «Делом». Это Вы попробуйте обделать. Стасюлевич любит такие заглавия — да и скуку уважает [1].

Давненько мы не видались.

Пред<анный> Вам
Н. Некрасов

[1] Александр Иванович Пальм (1822—1885) — бывший петрашевец, беллетрист, сотрудничал в «О. З.» в 1871 и 1873 гг. («Просветители» и «Старый барин»). В письме от 15 февраля 1871 г., публикуемом ниже в наст. томе, Пальм извещал Некрасова о высылке ему второй части своего романа «Книга скорбей», первая часть которого уже набиралась. Однако на страницах «О. З.» это произведение не появилось. Видимо, именно оно и было отвергнуто Салтыковым. Этим предположением и обосновывается условная датировка письма. В «Вестнике Европы» из произведений Пальма были напечатаны: его повесть «Конец старого романа» (1874) и известный роман из жизни петрашевцев «Алексей Слободин» (1872—1873). Отзыв Некрасова о «скуке» и отказ Салтыкова вряд ли могли относиться к этим двум произведениям.

<13>

<Петербург> 21 янв<аря 1873 г.>

Многоуважаемый Павел Михайлович.

В эти два дня нервы мои были прогнаны сквозь строй (по поводу 1-ой кн. «От<еч>. Зап.», представленной куда следует), дело все еще не кончено [1]. Никуда я негоден, и притом заболело горло. Не могу быть у Вас, о чем искренне сожалею и в чем извиняюсь перед Вами и Анной Федоровной [2]. Зайду, успокоившись, утром на-днях, непременно.

Весь Ваш
Н. Некрасов

[1] Основание датировки: выход в свет 1-й книжки «О. З.» после 21 января приходился на 1868, 1873, 1875 и 1876 гг.; цензурные осложнения сопровождали январскую книжку 1873 г. (в связи со статьей А. Щапова «Развитие человеческой способности питания»); цензурная судьба этой книжки должна была особенно волновать Некрасова потому, что в ней печаталась его вторая «декабристская» поэма «Княгиня Волконская».

[2] Жена П. М. Ковалевского (рожд. Кожевникова).

⟨14⟩

⟨Петербург, до 13 ноября 1873 г.⟩[1]

Одиннадцатая книга будет только во вторник. Посылаю две последние книги: «Старину» с «Русск⟨им⟩ Вестник⟨ом⟩», хотя и мало в них толку.

Что же Вы не написали, что сидите дома. Мы бы Вас навестили. Завтра, если что не помешает, приду к Вам вечером читать свою поэму.

Весь Ваш
Н. Некрасов

Л. 2 об.: П. М. Ковалевскому

[1] Обоснование датировки: упоминание «Русской Старины», начавшей выходить в 1870 г., определяет этот год как terminus post quem письма; выход ноябрьской книжки «О. З.» приходился на вторник в 1873 г. (объявление в «Голосе» появилось в среду 14 ноября); 12 ноября этого года Некрасов закончил «Крестьянку» — вторую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которую и собирался читать у Ковалевского.

⟨15⟩

⟨Петербург, понедельник, не позднее 1875 г.⟩

Если милость Ваша будет, милый и многоуважаемый Павел Михайлович, то пожалуйте ко мне в середу к обеду в $4^{1}/_{2}$. Успеем прочитать и отпустить Вас к $8^{1}/_{2}$[1]. Очень и давно хочется Вас видеть.

Весь Ваш
Н. Некрасов

Понедельник

[1] О каком чтении идет речь — не установлено.

⟨16⟩

⟨Петербург, вторник, 1868—1875 гг.⟩

Сегодня у меня обедают Салтыков, Елисеев и нек. др. Не соблаговолите ли присоединиться к нам? — в $4^{1}/_{2}$ ч.

Ваш Н. Некрасов

Вторник

Л. 2 об.: Его превосходительству
Павлу Михайловичу Ковалевскому

⟨17⟩

⟨Петербург, четверг, 1868—1875 гг.⟩

Многоуважаемый Павел Михайлович.

О стихах Ваших, которые я очень рад печатать, поговорим завтра, если Вы не откажетесь завтра (т. е. в пятницу в 5 ч.) притти ко мне пообедать вместе с другими сотрудниками «От. Зап.», мною приглашенными.

Вполне Вам пред⟨анный⟩
Н. Некрасов

Л. 2 об.: Павлу Михайловичу Ковалевскому.
От Некрасова

<18>

<Петербург, 1868—1875 гг.>

Я поджидал от Вас адреса, а потом уехал на охоту. Пришлите адрес — и мы пошлем завтра в Ниццу просто весь 4 № «От<еч>. Зап.». Это, я думаю, самое удобное [1].

Ваш Н. Некрасов

При сем *50* р. за статью.

[1] Кому посылалась в Ниццу 4-я книжка «О. З». — не установлено. Возможно, что В. Майкову (ср. публикуемое в наст. томе его письмо к Некрасову от 8 ноября 1867 г. и комментарий к нему).

<19>

<Петербург, 1868—1875 гг.>

Благодарю и кланяюсь как Вам, так и Анне Федоровне. Стихи сейчас примусь читать.

Душевно пред<анный>
Н. Некрасов

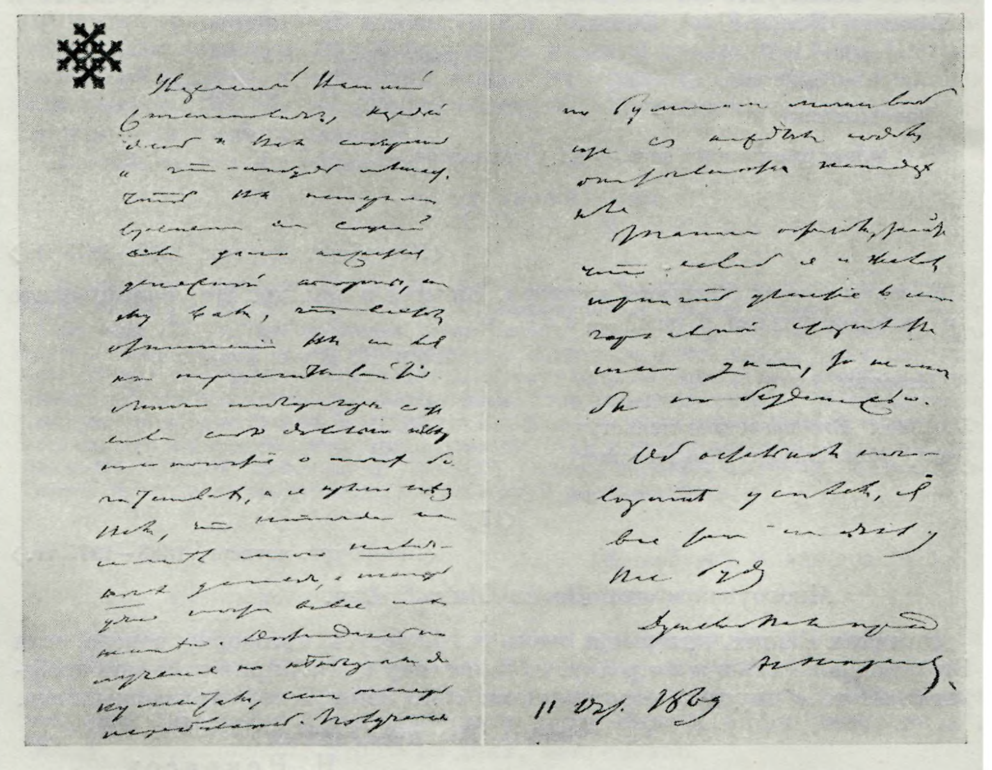
Л. 2 об.: П. М. Ковалевскому.
От Некрасова

<20>

<Петербург 6 апреля 1875 г.>

Многоуважаемый Павел Михайлович, не полагал я, что для появления Вашего к нам нужны приглашения.

Всю зиму я нахожусь в хронической хандре, настроение пассивно, предпринять что-либо, даже в таком роде, чтоб написать записку к человеку, которого всегда рад видеть, — это для меня уже в некотором роде усилие.

АВТОГРАФ ПИСЬМА НЕКРАСОВА К В. С. КУРОЧКИНУ ОТ 11 ОКТЯБРЯ 1869 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

В. С. КУРОЧКИН
Фотография 1860-х гг.
Центральный литературный архив, Москва

Поэтому не удивляйтесь, что я Вам не писал, но вспоминал о Вас часто.

Не напишете ли для «О⟨теч⟩. З⟨ап⟩.» несколько страниц о передвижной выставке [1].

Не завернете ли к какому обеду, по обыкновению в 4 часа?

При сем записка на «От⟨еч⟩. З⟨ап⟩.» (о чем ранее распорядиться, к стыду моему, забыл).

Весь Ваш
Н. Некрасов

6 апр⟨еля⟩

[1] О первой выставке передвижников в «О. З.» была напечатана статья М. Е. Салтыкова (1871, XII. Подпись: «М. М.»), о второй — П. М. Ковалевского (1873, I. Подпись: «П. К.»). Отчет о следующих выставках в «О. З.» не появлялся. В записке речь идет скорее всего о третьей выставке. Она была открыта с 27 февраля по 6 апреля 1875 г. Отсюда предположительная датировка письма.

В. С. КУРОЧКИНУ

⟨1⟩

⟨Петербург, 15 февраля 1863 г.⟩

Николай Алексеевич Некрасов имеет честь Вас уведомить, что по случаю его отъезда на охоту субботние собрания отменяются на неопределенное время [1].

15 февраля 1863 г.

Автограф. — ЦГИА (М.). Дело III Отделения, 1 эксп., 1863 г., № 97, ч. 2, л. 102 (бумаги, взятые при обыске В. С. Курочкина). Подготовка текста А. И. Соболевой.

[1] Отъезд на охоту, вероятно, был только предлогом. В обстановке правительственного террора, после «дела» Михайлова, ареста Чернышевского и др. Некрасов решил прекратить субботние собрания друзей, которые могли бы дать властям повод проявить «интерес» к этим собраниям и их участникам.

<2>

<Петербург, 11 октября 1869 г.>

Уважаемый Василий Степанович, каждый день к Вам собираюсь, и что-нибудь мешает. Чтоб Вы не теряли времени на случай, если дело касается денежной стороны, скажу Вам, что в этом отношении Вы на меня не рассчитывайте. Многие литераторы составили себе довольно неверное понятие о моих богатствах. Скажу Вам, что никогда не имел много наличных денег, а теперь уже тоже вовсе их не имею. Дожидаясь получения по некоторым документам, сам теперь перебиваюсь. Получение по бумагам моим вообще с каждым годом оказывается ненадежнее.

Таким образом, знайте, что если б я и желал принять участие в материальной стороне Вашего дела, то не мог бы по безденежью [1].

Об остальном поговорить успеем, я все-таки на-днях у Вас буду.

Душевно Вам преданный
Н. Некрасов

11 окт<ября> 1869 г.

Автограф. — ИЛИ (Ф. 123, оп. 1, № 591).

[1] О каком «деле» В. С. Курочкина идет речь — не установлено.

В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

<1>

<Петербург>, 21 окт<ября 1868 г.>[1]

Мне кажется, что следует заключить условие сначала на один год [2], ибо если даже и окажутся земли хороши, то в год увидим, возможно ли будет сладить с караулом — впрочем, как вы решите, так и действуйте. Мою долю денег отдам при свидании.

Видел я Краббе [3]. Он объявил, что непременно поедет на охоту в след<ующий> понедельник. Надо, значит, готовиться.

История о пересылке журналов по новому способу — для развития журналистики, как выразился почтовый департамент, — весьма для нас убыточна. Еще не решились мы ни на что [4].

Весь Ваш
Н. Некрасов

Печатается по автографам ЦГЛА (Ф. 277, № 131 — «Альбом В. М. Лазаревского» и № 132). Подготовка текста А. И. Соболевой.

Видный административный деятель, член Совета Главн. управл. по делам печати, сам несколько причастный к литературе, В. М. Лазаревский (1817—1890) оказал редакции «О. З.» немало ценных услуг, информируя Некрасова и Салтыкова о настроениях в цензурном ведомстве, очередных проектах, грозящих репрессиях и порою отводя от журнала жестокие удары «предостережений». Дружба с Лазаревским являлась, в значительной мере, одним из проявлений тактики борьбы Некрасова с царской цензурой. См. об этом в первом томе наст. издания в работе Б. Панковского и С. Макашина: Некрасов и литературная политика самодержавия (стр. 488—506) и ниже в разделе «Письма к Некрасову».

[1] На письме, рукою Лазаревского, помечено: «1868».

[2] Об аренде земли для охоты.

[3] Николай Карлович Краббе (1814—1876) — видный военно-морской деятель; с 1860 по 1876 г. — управляющий морским министерством. Краббе значительно усилил боеспособность флота, преобразовал морские учебные заведения и провел ряд других реформ. Знакомство с ним Некрасова, а через него и Лазаревского, «охотничьего» происхождения. С осени 1868 г. они, как видно из неизданного дневника Лазаревского, почти всегда охотились втроем.

[4] В № 226 «Северной Почты» от 20 октября 1868 г. был распубликован новый порядок оплаты почтовых расходов по пересылке бандеролью периодических изданий — 20% с подписной цены и 5% комиссионных в пользу казны, причем рассылку изданий

(по однажды сообщенному списку) почтовое ведомство брало, в этом случае, на себя. Подчеркнутое в письме выражение Некрасов взял из этой публикации («Предлагая вышеизложенный способ как новое средство к развитию русской журналистики...»). Редакции, не пожелавшие принять новый порядок пересылки бандеролью, могли остаться при старом способе рассылки в закрытых пакетах, с уплатою казне 20% подписной цены, сообщив об этом заблаговременно почтовому департаменту.

Несколько позже этому вопросу была посвящена специальная заметка «От редакции» в «О. З.», 1869, II, 397. Не исключено, что текст ее принадлежит Некрасову.

〈2〉

〈Петербург〉, 14 ноября 〈1868 г.〉[1]

Не забудьте, что сегодня четверг. Жду в 9-м часу. Есть и сообщить кое-что.

Весь Ваш
Н. Некрасов

[1] Датируется только на основании местоположения письма в «Альбоме Лазаревского».

〈3〉

〈Петербург, начало декабря 1868 г.〉

В 2 часа у меня был секретарь Комитета от Петрова с требованием еще одной вымарки [1]. Я не согласился. Хотелось бы поговорить с Вами. Если не лень, то зайдите или черкните два слова, если было что-нибудь по поводу моей книги [2].

Весь Ваш
Н. Некрасов

[1] На какой вымарке настаивал Александр Григорьевич Петров (1802—1887), с августа 1865 до середины 1885 г.— председатель Петербургского цензурного комитета, — неизвестно.

[2] Над словами «моей книги» Лазаревским надписано: «IV ч. Стихотворений». Датируется временем выпуска в свет ч. IV, изд. 1868 г. (объявление о нем см.: «О. З.», 1868, XII).

〈4〉

〈Петербург, начало января 1869 г.〉[1]

Совсем неловко было не пустить Петрова, говорят, он встретился с Вами. По этому и некоторым другим соображениям я уступил, т. е. согласился вымарать пьесу, взяв с него слово, что уже более никаких притязаний не будет [2]. Но ежели Вам не в тяготу, то ждем поиграть на бильярде, а час — который Вам удобнее.

Некрасов

[1] Письмо имеет следующие пометы Лазаревского: а) дату «1869», б) «№ 1» («О.З.»); в) «председатель цензурного Комитета» (при подчеркнутой фамилии Петрова) и г) «у Некрасова на лестнице» (при словах: «он встретился с Вами»).

[2] На «вымарку» какого произведения из «О. З.» (1869, I) согласился Некрасов — неизвестно. Сам он напечатал в январской книжке «Притчу о киселе» и «Суд».

〈5〉

〈Петербург, 5 марта 1869 г.〉

Покажите, пожалуйста, книгу[1]. Завтра утром возвращу непременно.

Ваш Некрасов

[1] К слову «книгу» рукой Лазаревского приписано: «Антоновича и Жуковского». Записка датируется на основании даты следующего письма (6-го) и времени выхода «Материалов для характеристики современной русской литературы» М. Антоновича и Ю. Жуковского. Через Лазаревского Некрасов имел возможность ознакомиться с книгой до ее выхода в свет.

<6>

<Петербург, 6 марта 1869 г.>

Извините, бога ради, что книгу не возвратил. Доставлю сегодня вечером [1].

Кстати, я и прочел и в ужас не пришел!

Хотя у меня сегодня большого вечера не будет, но часов до 11-ти или 12-ти буду дома, и придут Елисеев и Салтыков. Если зайдете, то очень буду рад.

Весь Ваш
Некрасов

6 марта

Л. 4 об.: В<асилию> М<атвеевичу> Лазаревскому

[1] Против первого абзаца помета Лазаревского: «Антонович и Жуковский».

<7>

<Петербург, 13 марта 1869 г.>[1]

Два-три пункта жестоки — но вряд ли их теперь можно будет выкурить.

Что такое восстановление сословия против сословия? Это могло родиться только в Фуксовой голове! Вносить эту дичь в закон безбожно!

Хороша будет наша история с новым законом! [2]

Все еще сижу — кашель и хрипота. Сегодня вечером милости просим пожаловать.

Ваш Некрасов

13 марта

[1] Год проставлен рукой Лазаревского.

[2] 2 ноября 1869 г. был дан приказ главноуправляющему II Отделением собств. его имп. величества канцелярии кн. С. Н. Урусову об организации комиссии по пересмотру действующих постановлений о цензуре и печати, чтобы привести их «в надлежащую систему и полноту» («Петербургская Газета», 1869, 6 ноября, № 160). Комиссия работала свыше двух лет, и новые правила о печати были утверждены 7 июня 1872 г. Через Лазаревского и при его посредстве Некрасов имел возможность ознакомиться с одним из проектов будущего закона до организации правительственной комиссии для его рассмотрения и задолго до его утверждения. (Ср.: «вносить эту дичь в закон безбожно», «...вряд ли их теперь можно будет выкурить»).

<8>

<Петербург>, 19 марта <1869 г.>

Отец родной, рассудите сами, что же делать «Отеч<ественным> Запискам» с речью Цицерона! [1] При свидании, впрочем, поговорим. Надеюсь, Ваши силы окрепли? Сегодня у меня обедают два Ераковых, сестра и m-me Маркович [2]. Очень желательно, чтоб Вы присоединились. Все это будет крайне скромно. Ждем.

Преданнейший
Некрасов

Л. 2 об.: Е<го> п<ревосходительст>ву
В. М. Лазаревскому

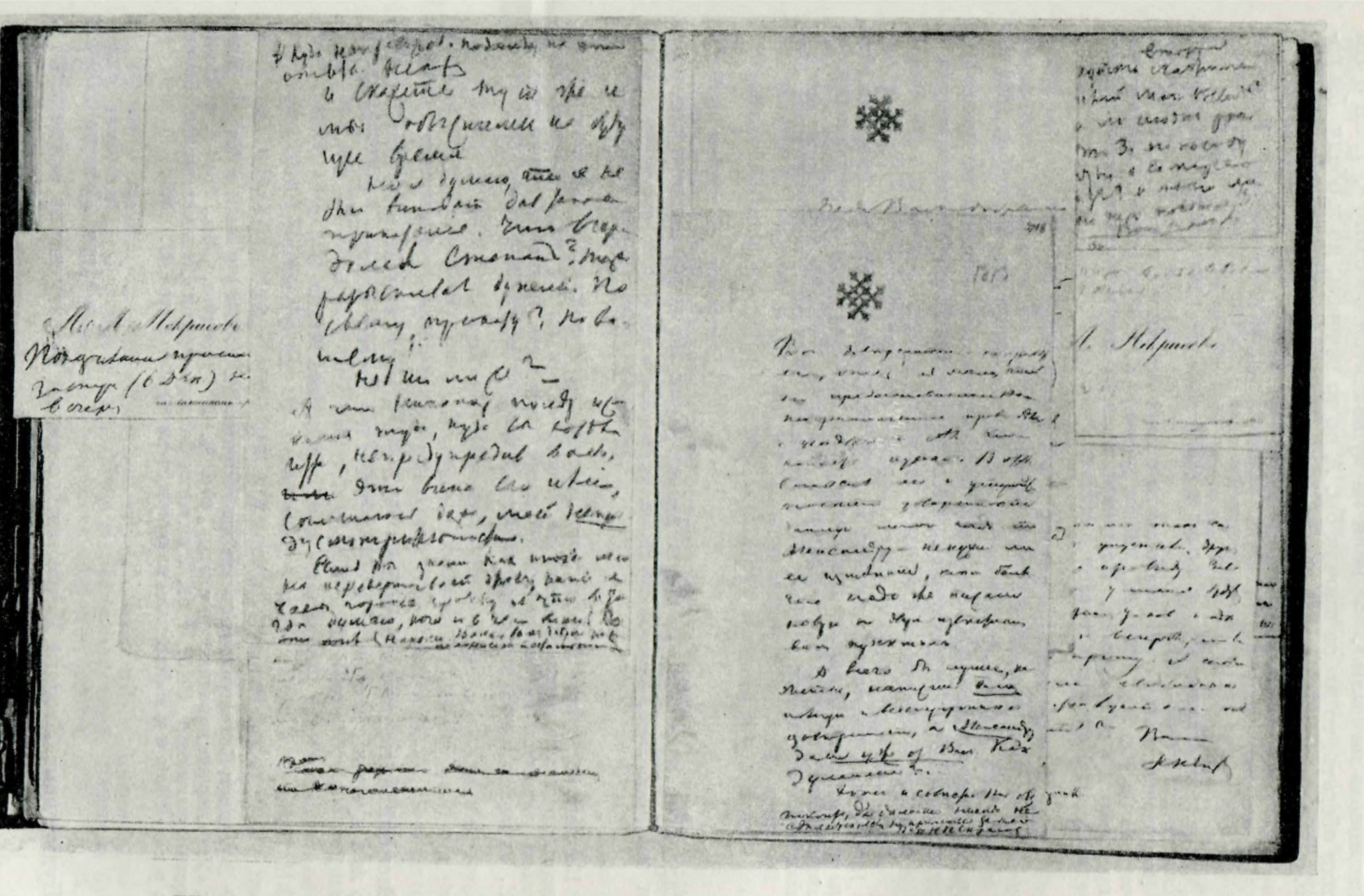
[1] В «О. З.» 1869 г. никакой «речи Цицерона» не появлялось.

[2] Об отношениях Лазаревского с М. А. Маркович (Марко Вовчок) см.: «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 495—506.

<9>

<Петербург, март 1869 г.>

Посылаю книгу. Поездка на охоту будет зависеть от телеграммы, которую я велел мне прислать сегодня вечером; но очень бы хотелось ехать.

ПИСЬМА НЕКРАСОВА К В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ, 1868—1874 гг., СОБРАННЫЕ В АЛЬБОМ

Листы 247 об. — 248 альбома

Центральный литературный архив, Москва

У Похвиснева не были [1]. У меня на душе статья об охоте [2]. Если б Вы пришли обедать, то мы ее прочли бы. А не то вечером, но к обеду бы веселее.

Преданный Вам
Н. Некрасов

[1] Михаил Николаевич Похвиснев (1813—1882) — начальник Главн. управл. по делам печати в 1866—1870 гг.

[2] Несомненно, статья о «Журнале охоты и коннозаводства», под ред. А. Ф. Паули, напечатанная в «О. З.», 1869, IV, 283 сл. (указано К. И. Чуковским). Соответственно определяется и дата письма. Настоящая записка документально устанавливает принадлежность Некрасову названной статьи.

〈10〉

〈Петербург, 17 ноября 1869 г.〉

Приходите обедать к Огюсту в 5 часов — там и поговорим о медведях. Что-то уже очень хорошо, должно быть, мошенничество [1].

Н. Некрасов

[1] На письме Лазаревским помечено: «17. XI. 69. Спасская полесть—3 медведя. Отобраны на государя». К письму приложено меню дорогого обеда в ресторане Огюста. На меню помета Лазаревского: «Некрасов, Салтыков, Елисеев, Ераков, 17. XI. 69». Это был день выхода «О. З.», 1869, XI, и редакция собралась на традиционный обед.

〈11〉

〈Петербург, 21 ноября 1869 г.〉[1]

Ради бога простите. Я вчера забыл. Если не лень, зайдите теперь, а то я зайду к Вам, как оденусь, т. е. в 12-ть.

Некрасов

[1] На записке, рукою Лазаревского, помечено: «По вопросу о пересмотре Отеч. Записок, по предложению М〈инист〉ра. (Лоси) 〈?〉» и «21/XI 69». — Надпись Лазаревского уясняется из резолюции об «Отеч. Записках» министра внутренних дел А. Е. Тимашева, опубликованной в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 482.

〈12〉

〈Петербург, 1869 г.〉

Василий Матвеевич, пришлите теперь рассказы Марка Вовчка, изд. Кожанчикова и изд. Щепкина, если можете, на полчаса [1].

Весь Ваш
Н. Некрасов

[1] В издании Кожанчикова вышли два сборника М. А. Маркович (Марко Вовчка): «Украинские народные рассказы», пер. И. С. Тургенева, СПб., 1859 г. и «Новые повести и рассказы», СПб., 1861. В издании Солдатенкова и Щепкина вышел сборник Марко-Вовчка «Рассказы из русского народного быта», М., 1860.

〈13〉

〈Петербург, 23 марта 1870 г.〉

Будьте друг, Василий Матвеевич, достаньте нам эту штуку, если можно [1].

Весь Ваш
Н. Некрасов

23 марта 1870 г.

[1] Впервые: Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 223—224. В этой публикации тексты Салтыкова и Некрасова слиты вместе и подписи произвольно соединены. В действительности Некрасову принадлежат лишь две последние строки опубликован-

ного там текста, являющиеся продолжением обращения Салтыкова к Некрасову: «Нельзя ли на короткое время прочитать проект административно-полицейской реформы, если можно, то и с объяснительною запискою». Некрасов, получив записку Салтыкова, дописал несколько слов и переслал ее Лазаревскому.

В записке речь идет об обсуждавшемся в это время реакционном проекте административной реформы, сводящемся к усилению власти губернаторов. Указание Н. В. Яковлева будто бы Салтыков имел в виду откликнуться на этот проект — не обосновано: у Арсеньева, на которого Яковлев ссылается, идет речь о проекте устава о книгопечатании 1862 г. См. «Вестник Европы», 1890, II, 812—814; ср.: Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 435.

⟨14⟩

⟨Петербург, начало мая 1870 г.⟩

Будьте добры, Василий Матвеевич, распорядитесь: если Федор Иванов (колонист-охотник) в Чудове, то пусть приедет ко мне, для переговоров. Если почему-нибудь не может теперь приехать, то прошу Вас сдайте ему Раппо на обучение на тех же условиях, как сдавали других собак.

Накажите накрепко, чтоб Раппо оберегали от моих собак, зараженных паршами, т. е. чтоб он жил у Степана, пока не возьмет его егерь или не последует другого распоряжения. Раппо — это собака Елисеева, и я должен сберечь ее как обещал.

Если Федор не может теперь ко мне приехать, то приехал бы на-днях.

Я не попал в Чудово в эти дни по случаю приготовлений к отъезду — теперь все готово, но возникло нечто, вследствие чего надо остаться еще несколько дней здесь [1]. Не думаю, чтоб в эту мерзостную погоду вы хорошо... [2]

[1] Против этого места Лазаревским написано: «Зина». В неизд. дневнике Лазаревского (ЦГЛА) под датой от 7 мая 1870 г. описана поездка в Чудово на охоту с Некрасовым впервые вместе с Зинаидой Николаевной. Отсюда датировка письма.

[2] Окончание письма не сохранилось.

⟨15⟩

23 июня ⟨1870 г.⟩ Карабиха

Многомилейший Василий Матвеевич,

У нас здесь отлично. Жаль, что Вы не можете приехать. Не попадете ли хотя на обратном пути, около 10-го—15-го июля? Именно Вам как охотнику мог бы обещать здесь много удовольствия и удобства [1]. Я на охоте, впрочем, еще не был; не хочется в своем гнезде и близ него подавать пример беззакония, начну накануне Петрова дня.

Другой день купаюсь. Рыбы много в нашей реке Которости. Зина начинает пристращаться к ужению. Она Вам кланяется. Поклонитесь от нее и от меня всем нашим добрым знакомым, как-то: Романовскому, Марье Гр⟨игорьевне⟩, а Петра Ивановича попросите, чтоб заходил в мой кабинет и посматривал — цел ли мой железный шкаф.

Весь Ваш

Н. Некрасов

[1] Ответное письмо Лазаревского из Конотопа от 12 июля 1870 г., в котором он выражает сожаление, что не попал в Карабиху, и спрашивает, когда Некрасов будет в Москве, чтобы там съехаться, см. в «Записках отдела рукописей ЛБ», VI, 33.

⟨16⟩

⟨Карабиха, 6 августа 1870 г.⟩

Многоуважаемый
Василий Матвеевич,

Я буду в Петербурге к 20-му августа. Разумеется, бейте тетеревей сколько душе угодно, разве оставьте где-нибудь одно место для меня.

Краббе мне писал о собаках [1]; дело в том, что кобель, по его словам, недоученный, без послушания, значит, чорт ли в нем! а о суке неизвестно.— Так как он выписывал собак для н а с, то, разумеется, я возьму одну — посоветуйте ему для другой искать покупателя.

Удивляюсь Гамильтону[2], который выслал собаку, не вполне готовую! — Он знает, что в России нет породы и еще менее классической дрессировки, за которую, собственно, и стоит платить, а не за красоту и даже не за породу, которая от Венка, например, весьма надежна. Ну да это при свидании.

Весь Ваш
Н. Некрасов

6 августа

[1] Ответ на письмо Лазаревского от 3 августа 1870 г., опубликованное в «Записках отдела рукописей ЛБ», VI, 34. Письмо Краббе от 19 июля 1870 г. напечатано в «Архиве села Карабихи» (стр. 111) с ошибочной подписью Краевского.
[2] Английская охотничья фирма.

⟨17⟩

⟨Петербург, 1 сентября 1870 г.⟩

Ну, как вчерашняя охота?

Уведомьте с е г о д н я или з а в т р а у Вас заседание Совета? Если сегодня, то будьте друг, придите ко мне в 11-ть или $11^1/_2$, у меня будут в это время Салтыков и Краевский — и мы должны посоветоваться с Вами об одном деле, которое сегодня же (если есть заседание) должно поступить от нас в Совет.

А если заседание завтра, то прошу зайти завтра в такое же время [1].

Н. Некрасов

1 сентября

[1] На письме рукою Лазаревского: «О передаче Салтыкову редакции „Отеч. Зап.“» и «1870». Подробнее см.: «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 460 сл.

⟨18⟩

⟨Петербург, 2 сентября 1870 г.⟩

Пожалуй, перекинем день, а завтра поедем в моей карете. По совести, не объясню ничем некоторой путаницы на охоте, кроме недоразумения и личной своей нервности, да еще считаю себя виноватым перед Вами в том, что выразился при Степане: «и за коим чортом он ее оставил в трактире?» [1]

Ваш Некрасов

Л. 1 об.: В. М. Лазаревскому

[1] На письме рукою Лазаревского пометка: «2. IX. 1870» и «По поездке в Чудово. История с Зиной».

⟨19⟩

⟨Петербург, 11 сентября 1870 г.⟩ [1]

Я прибыл вчера и целый день спал. В середу носил телеграмму в кармане к Вам, да нашел уже мало [2] и потому не послал. А вообще охота была хороша; в 1-й день убито 18 штук — 11-ть дупелей и 7 бекасов; во второй — 6 дупелей и 4 бекаса. Затем болота оставлены пусты.

Нет ли каких новостей по нашему делу в цензуре? — У меня сидит Салтыков [3]. Напишите.

Ваш Н. Некрасов

[1] Датируется на основании пометки Лазаревского: «11/IX 70».
[2] Эти слова следует, очевидно, понимать: «нашел уже мало дичи».
[3] См. прим. 1-е к письму 17.

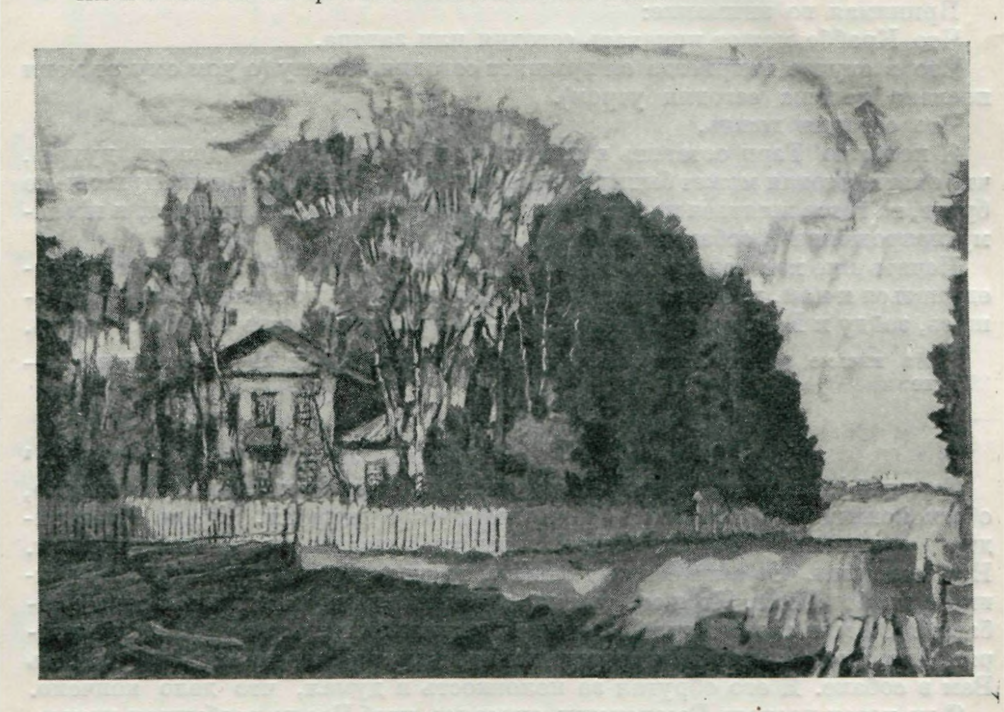
<20>

<Петербург, 17 сентября 1870 г.>[1]

Я сейчас воротился — охота была подлая; дупели улетели, и я в три дня нашел всего шесть, да гаршнепов и бекасов несколько — всего 14-ть штук! — Знаю, что у Вас сегдня именины [2] и Вам не до того, но если есть что-нибудь важное — черкните два слова, а то — до завтра.

Ваш Н. Некрасов

[1] Датируется на основании пометки Лазаревского: «17. IX. 70».
[2] Именины жены Лазаревского — Любови Ивановны.

ЧУДОВСКАЯ ЛУКА
Картина маслом К. И. Горбатова, 1921 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

<21>

<Около половины ноября 1870 г.>

Страницы 49—50, вероятно, [будут] вырежем, по совету Теофила Толстого [1].

Пробегите «Кузнеца». Он скорее против стачки, чем за стачку, но Толстой и этого боится [2].

Я еду к Петрову [3]. Есть или нет у Вас сегодня заседание? Книга представлена в цензуру вчера.

Ваш Некрасов

Нашелся ли кобель?

[1] Очевидно, имеется в виду статья А. М. Скабичевского в «О. З.», 1870, XI: «Очерки умственного развития нашего общества». В этой статье были вырезаны две страницы, а две соседние растянуты путем увеличения отбивок между строками и заняли стр. 49—52. Такой прием применен, чтобы не делать больших переверсток текста в уже отпечатанном номере журнала и не нарушать пагинации. Так как XI книжка вышла в свет 19 ноября, датируем письмо временем около половины ноября 1870 г. (на подлиннике имеется ошибочная помета Лазаревского «1871»).

[2] В том же номере «О. З.» (1870, XI) было напечатано также стихотворение П. И. Вейнберга «Кузнец» (из Фр. Коппе), в котором описывается забастовка кузнецов. Вследствие суровой нужды и голода маленьких детей и жены один из них решается стать штрейкбрехером, но предварительно советуется с руководителями забастовки; эти последние живут, не испытывая никаких лишений. Один из кузнецов называет своего голодающего товарища подлецом; оскорбленный убивает его ударом молотка. Стихи появились в «О. З.» полностью. Об этом стихотворении см. письмо цензора Лебедева к А. Г. Петрову. — «Русские Записки», 1918, IV—VI, 47—48.

[3] Председателю С.-Петербургского цензурного комитета.

〈22〉

〈Чудовская Лука, 26 августа 1871 г.〉[1]

Принимая во внимание:

Что Краббе может приехать сегодня или завтра.

Что в случае неприезда он пришлет сегодня депешу (о чем ему от меня послана депеша сегодня утром).

Что сегодня дождь.

Я полагаю Гари оставить в покое; вообще, по случаю дождя, думаю, что охота сегодня может быть удачнее на дупеля. Впрочем, если дупеля не будет, то готов шляться на тетерева. Я думаю Кадо оставить дома, и поэтому приращения в собаках не будет.

Начать мне хочется около дому. Мне кажется, что Вы могли бы присоединиться к нам, ибо дождь претерпевать удобнее под кибиткой. — Одевшись, зайду к Вам, а если Вы одеты — то приходите, есть нечто сообщить.

[1] На письме рукою Лазаревского: «1871, августа 26» и «Краббе не приехал— 29 дупелей».

〈23〉

〈Чудовская Лука, 3 сентября 1871 г.〉[1]

Василий Матвеевич, прошу Вас извинить меня, если что-нибудь вышло, обеспокоившее Вас серьезно. Я, впрочем, этого не думал. Что до Александра[2], то с ним мне об этом много говорить казалось и кажется неловким. Нет сомнения, что если б я ему сказал, то он пошел бы и десять раз извиниться перед Вами. Но я его только спросил (вчера) что такое вышло с собакой? Он мне сказал, что Вы его не дослушали и прогнали, а затем уверял, что, зная наши близкие отношения, конечно, не посмел бы отказать Вам в собаке. Я его обругал за неловкость и думал, что дело кончено.

Я не хотел послать Вам депешу, опасаясь, чтоб Вас не разбудили ночью, но писал в ней: *приеду утром, извести Лазаревского*, что, по-моему, должно было служить ответом на Ваше письмо, т. е. что Вы меня подождете, и мы поедем на охоту вместе. Александр говорит, что пришел к Вам с этим известием сам, но Вы еще спали, и он сообщил его для передачи Вам Степану. — Теперь на вопрос мой: Василий Матвеевич присылал к тебе *за депешей*, что же ты ее не послал ему? Он отвечал: за депешей ко мне не присылали, или: депеши у меня никто не спрашивал, и я прекратил расспросы, ибо дальнейшие расспросы походили бы на следствие, что просто между Вами и им нелепо, является третье лицо — посланный — не очные же ставки делать. По-моему, Вам следовало, если еще не следует, обругать его — и конец, что я теперь опять сделал, конечно, веря безусловно Вам.

Еще: я уезжал в понедельник и сказал Александру: завтра Вас〈илий〉 Матв〈еевич〉 хочет взять Раппо. — Пускай берет; а потом сказал: перемажь собакам ноги; затем еще было говорено, что я *в среду* приеду. Вот все.

Пожалуйста вспомните, что в ежедневности сталкивается много пустяков, из которых выходит кой-какая дрянь, на которую надо плевать.

Весь Ваш

Н. Некрасов

[1] Датируется по надписи Лазаревского: «3. IX. 71 Чудово».
[2] Александр — чудовский егерь Некрасова.

⟨24⟩

⟨Петербург, сентябрь—октябрь 1871 г.⟩ [1]

Толстой уведомил меня, что он от чтения «Отеч⟨ественных⟩ З⟨аписок⟩» отказался. Я прошу Каменского [2] взять их и Вы, с своей стороны, попросите. При сем письмо к Каменскому — прочтите его, залепите и скажите адрес подателю, дабы он отнес к Каменскому немедленно.

Ваш Н. Некрасов

Пятница, ночь

[1] Разъяснение смысла настоящего письма, связанного с вынужденным отказом Ф. М. Толстого от официального наблюдения за «Отеч. Зап.», см. в статьях: Б. Панковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия. — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 471, 484 сл. и К. Чуковский. Феофил Толстой и его письма к Некрасову — в наст. томе.
[2] Дмитрий Иванович Каменский (1818—1880) — член Совета Главн. управл. по делам печати.

⟨25⟩

⟨Петербург, сентябрь—октябрь 1871 г.⟩

Не знаю, что будет — увидим!

Жду Вас ужо к обеду.

Ответьте: не заручиться ли мне письмецом от Турунова к Каменскому (т. е. с тою же просьбой) и ловко ли будет, если это письмо подадут прямо в Совете, ибо ранее вряд ли успеется? [1]

Н. Некрасов

[1] Письмо касается, очевидно, того же эпизода, что и предыдущее письмо.

Михаил Николаевич Турунов (1813—1890) — член Совета Главн. управл. по делам печати, сенатор. — См. в «Лит. Наследстве» (т. 49—50, стр. 477) записи Лазаревского о взятках, которые Турунов получал от Некрасова.

⟨26⟩

⟨Петербург, ноябрь 1871 г.⟩

Дело пустое. Продали ошибкой азбуку. Приказчики уже выпущены. Ждем обедать к 4-м [1].

Некрасов

Л. 2 об.: В. М. Лазаревскому

[1] Лазаревским пояснено: «Азбука социальных наук» В. Берви-Флеровского, ч. 1—3, 1871; им же написано: «Запечатан магазин Черкесова».

Обыск в магазине Черкесова в связи с запрещением «Азбуки...» был произведен 1 ноября 1871 г. (см. «Лит. Наследство», т. 7—8, М., 1933, стр. 166).

⟨27⟩

⟨Петербург, 4 февраля 1872 г.⟩ [1]

Краевский прослышал, что завтра «Голосу» готовится какая-то беда, и очень просит меня, чтоб я попросил Вас, Василий Матвеевич, замолвить доброе слово за его газету. Новая строгая мера против «Голоса», действительно, походила бы на намеренное усилие доканать «Голос». Я, впрочем, сказал Краевскому, что Вы больны и едва ли будете.

Весь Ваш
Н. Некрасов

Л. 2 об.: Его превосходительству
Василию Матвеевичу Лазаревскому

[1] Датируется на основании пометы Лазаревского: «1872» и распоряжения министра внутренних дел от 5 февраля 1872 г., которым «Голосу» объявлялось третье предостережение, и издание приостанавливалось на четыре месяца за помещенную в № 33—34 статью «Реальные училища», направленную против классической системы гр. Д. А. Толстого («Правительственный Вестник», 1872, 6 февраля).

<28>

<Петербург, 7 марта 1872 г.>[1]

Василий Матвеевич, сообщаю Вам к сведению, что я вчера лично вручил Лонгинову прошение[2] о назначении меня или Елисеева на время отсутствия Краевского исполнять обяз<анности> редактора «От<ечественных> З<аписок>». — Мы написали двух, думая, что совету легче будет решить в утвердительном смысле сразу, выбрав того или другого. Я сказал Лонгинову, что, желая тоже весной поехать за границу, хотел бы, чтоб был назначен Елисеев, но если относит<ельно> Елисеева возникнут трудности, то и я готов к услугам вашим, а за границу могу поехать по возвращении К<раевско>го.

Лонгинов меня встретил на ты. Говорили мало, ибо был Богушевич[3].

Вы можете сегодня, если вздумаете, обедать у нас с тем, чтобы после обеда тотчас уйти домой.

Если Вы не спите, то пришлите адрес Веселаго[4].

Ваш Некрасов

[1] На письме рукой Лазаревского: «72». Дата уточняется на основании «прошения» Краевского и Некрасова в Главное управление по делам печати от 6 марта 1872 г., о котором идет речь в письме («... вчера... вручил»). Текст «прошения», ранее неизвестный, см.: «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 463.

[2] Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875) — председатель Главн. управл. по делам печати (1872—1874). Некрасов был давним (с середины 40-х годов) знакомым его. В 50-х годах Лонгинов был близок к писателям «Совр.», в котором и сам принимал участие рядом библиографических заметок.

[3] Юрий Михайлович Богушевич (1835—1901) — экономист и библиограф, в то время делопроизводитель Главн. управл. по делам печати.

[4] Письмо Ф. Ф. Веселаго (1817—1895) к Некрасову см. в наст. томе.

<29>

<Петербург, 1872 г.>[1]

Пожалуйста, напишите два словечка — не было ли вчера чего-либо, касающегося нас и, конечно, неприятного[2].

Сегодня в 4-ре ч<аса>, если Вы свободны, — ждем Вас обедать. Ераков будет у нас.

Ваш Н. Некрасов

[1] Датируется по местоположению записки в «Альбоме Лазаревского».

[2] Имеется в виду: на заседании Совета Главного управления по делам печати

<30>

<Петербург, середина января 1873 г.>

У меня все дерет скулу, и я не выхожу. Пришлите мне № 1 «От<ечественных> Зап<исок>». Я забыл взглянуть — правильно ли напечатаны некоторые строки, которые я изменил в корректуре, да и надо мне по ней счет написать[1].

Ваш Н. Некрасов

[1] Лазаревским надписано: «Кн. Волконская». Соответственно определяется дата письма. Повидимому, Некрасов послал первый экземпляр книги на просмотр В. М. Лазаревскому до 22 января (время выхода «О. З.», 1873, I).

⟨31⟩

⟨Петербург⟩, 1 сентября 1873 г.

Милейший друг, пришлите мне, пожалуйста, телеграмму — об дупелях и о Кадошке [1]. На Голодае [2] вчера убил пару (да другой дичи 7) и сейчас еду туда опять. А завтра бы можно и в Чудово.

Гр⟨игорий⟩ Данилевский прислал на Ваше имя свой роман; рукопись я читаю, а приложенного к ней текста, запечатанного, пока не дерзнул вскрыть, несмотря на Ваше разрешение. Может быть, понадобится вскрыть, дочитавши рукопись [3]. Сегодня придет ко мне обедать Каменский, Унковский тоже приехал уже.

Будьте здоровы.

Весь Ваш
Н. Некрасов

ИСАДСКОЕ ОЗЕРО (В БЫВШЕЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)
Любимое место охоты Некрасова
Фотография А. В. Попова, 1935 г.

[1] Лазаревский находился в это время в Чудовской Луке. Телеграммы были посланы. Текст их записан Лазаревским на полях публикуемого письма.

[2] Остров Голодай — в настоящее время Остров Декабристов (в черте Ленинграда).

[3] На следующем письме, от 2 сентября, Лазаревский сделал надпись о том, что в это время Данилевский хотел напечатать свой новый роман «Девятый вал» в «О. З.» и надоедал по этому поводу и Некрасову и особенно ему, Лазаревскому (давнему знакомому Данилевского еще по Украине). Роман Данилевского в «О. З.» не появился. Он был напечатан в «Вестнике Европы», 1874, I—III. См. в след. томе «Лит. Наследства» сообщение В. Холодовой, На страже направления.

⟨32⟩

⟨Петербург, 2 сентября 1873 г.⟩

Сегодня и я присоединяюсь к Вам на зайцев. Александр советует направиться за железную дорогу. Только я желал бы не ахти торопиться, ибо вчера сильно устал. Убито вчера 8 штук, в том числе 4 вальдшнепа. —

Размазыватель ненужных слов как будто годы, десятилетия ждал случая донять Вас письмами, так остервенело накинулся он на Вас по поводу романа! [2]

Утешения надо искать в том, что ему, вероятно, назначено будет на том свете размазывать собственное г.... на собственной роже несколько тысячелетий, да еще в том, что Суворину и проч. вероятно не менее достанется.

Около Глушицы мне что-то не очень понравилось для охоты с народом.

Ваш Н. Некрасов

[1] Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

[2] Рукою Лазаревского написано сбоку: «Письмо Г. П. Данилевского 28 августа 1873 г.» (см. примеч. к предыдущему письму).

<33>

<6 сентября 1873 г.>[1]

Василий Матвеевич, если не сейчас, то когда пройдет несколько дней Вы придете к убеждению, что это дело пустое. Так как я сам подвержен желчным припадкам, то до утреннего Вашего письма не видел в этом ничего серьезного. — Если Вы будете иметь великодушие сказать мне, что это Ваше письмо было писано под продолжением того же желчного настроения, то мне более ничего не надо. Положим мы не то, что называется в строгом смысле друзья (я так думаю, что отношения, завязываемые в 40 лет, не могут быть названы дружбою, ибо у каждого до этих лет успевает накопиться более желчи и холоду, чем допускает дружба, безусловно понимаемая), но все-таки мы были коротки настолько, что эта короткость обязывает говорить прямо, и я Вам сказал вчера, что наши права равны и что если Вы сердитесь на Никанора, что он пошел разыскивать дупелей по моему приказанию, то виноват *я*. Я не думал, что из этого выйдет то, что Вы мне написали. Если б даже мое приказание было ошибочно, неловко, даже в каком-либо смысле обидно для Вас, — то я считал себя вправе ждать, что Вы мне это так и скажете тут же, и мы объяснимся на будущее время.

Но я думаю, что я не был виноват, дав такое приказание. Что вчера делал Степан? Тоже разыскивал дупелей. По чьему приказу? По Вашему! Не то ли же?

А что Никанор полез искать туда, куда Вы хотели итти, не предупредив Вас, это вина его или, соглашаюсь даже, моей непредусмотрительности [2].

Если б Вы знали, как иногда меня перевертывает желчь, какие я часы горькие провожу и что я тогда думаю, кого и в чем виню! Все это мне знакомо. Желаю Вам доброго расположения, а в остальном сойдемся, и я наперед согласен на все, что Вы пожелаете касательно нашей охоты. — Я теперь еду и всего бы лучше кабы Вы ехали со мной. Или отдельно, сказав куда направитесь. Подожду на это ответа.

Некрасов

[1] В «Альбоме Лазаревского» письмо помещено под 1873 г. и снабжено пометой: «6/IX».

[2] Против этого абзаца Лазаревским написано: «Не искать, а стрелять. Степан не стреляет на розысках».

<34>

<Петербург, первая половина октября 1873 г.>

Записка отдана Ивану Герарду для передачи брату [1].

Иванову о порохе послано [2].

Лалаева [3] еще не видел, ибо по болезни мало выезжаю.

Я воображал, что Вы сидите в Чудове!

Ваш Некрасов

Мне говорил Петров о притязании к моим стихам, да я забыл Вам сказать. Стихи вышли [4]. О Луи-Блане тоже говорил, да эта статья не опасна и очень обрезанная нами [5].

[1] Ивану Николаевичу Герарду — чиновнику министерства государственных имуществ. Он должен был передать какую-то записку своему брату Николаю Николаевичу Герарду (род. 1838)— известному судебному и впоследствии государственному деятелю, в это время председателю Петербургского мирового съезда, или другому брату Владимиру Николаевичу (1839—1903) — видному адвокату, председателю Совета присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты. Записка была связана с хлопотами Некрасова за Анатолия Васильевича Лазаревского — сына В. М., которого он устраивал на службу по судебному ведомству.

[2] Федор Иванов — колонист-охотник.

[3] Матвей Степанович Лалаев (1828—1912) — видный военный педагог и писатель; давний, с 40-х годов, знакомый Некрасова (через Гамазовых и Панаевых).

[4] Имеется в виду трехтомное издание стихотворений Некрасова 1873 г.

[5] Речь идет о статье П. Д. Боборыкина «Политическая злоба», напечатанной без подписи автора в «О. З.», 1873, X. Статья посвящена разбору книги Луи-Блана «Questions d'aujourd'hui et de demain», Paris, 1873. Упоминанием этой статьи устанавливается датировка письма.

<35>

<Петербург, 12 декабря 1873 г.> [1]

Пожалуйста, известите, не было ли чего вчера по поводу № 12 «От<ечественных> З<аписок>», представленного в цензуру в понедельник [2].

Хотел утром заглянуть к Петрову, да поленился и на Вас, признаться, рассчитывал.

Если не претит Вам перловый суп, то не придете ли обедать к 4-м, даже без $^1/_4$?

Не помню, говорил ли я Вам, что четверги я учредил постоянные, и завтра вечером Вы будете наслаждаться лицезрением Фукса, если пожалуете ко мне. Очень усердно прошу.

Ваш Н. Некрасов

[1] Датируется по содержанию письма и его местоположению в «Альбоме Лазаревского».

[2] «О. З.», 1873, XII благополучно вышли в свет в субботу 15 декабря. Некрасов беспокоился за судьбу книги, вероятно, из-за статьи Щедрина — «Благонамеренные речи».

<36>

<Петербург, февраль 1874 г.>

Что Вы запропали, отец? Надеюсь сегодня придете?

Вот полный экземпляр моих стихотворений [1], а вот VI часть, которую с предыдущими можете пустить в ход на авось [2].

Ваш Некрасов

Вот письмо Сухова. Чай, не поедете, как и я?

Не найду письма Сухова. Он зовет нас на медведя в воскресенье, где-то за Полестьем.

[1] Письмо вклеено в 1-ю часть 1-го тома изд. «Стихотворений» Некрасова в 6 частях (СПб., 1873). На последней чистой странице первой части этого тома Некрасов, по ошибке перевернув книгу, написал: «Василию Матвеевичу Лазаревскому на память. Н. Некрасов».

[2] Смысл этого выражения неясен.

<37>

<Петербург, 16 апреля 1874 г.>
Вторник 6-ть часов

Пожалуйста, скажите, Василий Матвеевич, была ли сегодня речь об «От<ечественных> З<аписках>» по поводу статьи о самарском голоде? и точно ли задано нам предостережение? [1]

Ваш Некрасов

[1] Речь идет о статье Д. Л. Мордовцева «Действительные причины самарского голода», напечатанной за подписью «С...о-М...ь» в «О. З.», 1874, IV, вышедших в свет 17 апреля. Соответственно датируется письмо Некрасова. Предостережения журналу «задано» не было; статья о самарском голоде недовольства в Цензурном комитете не вызвала. Зато статьи: Щедрина — «Зиждитель», Ефименко — «Народные взгляды на брак», Деморта— «Наши общественные дела» и «Иностранное обозрение» Лонгинов отметил как «тенденциозные», и совет предложил Петербургскому цензурному комитету на будущее время подвергнуть журнал «строжайшему наблюдению». См. В. Е. Евгеньев-Максимов. «Очерки по истории социалистической журналистики». М. 1927, 169 и 177.

<38>

<Чудовская Лука, понедельник, 24 июня 1874 г.> [1]

На основании несомненной пословицы, что старый друг лучше новых двух, обращаюсь к Вам, добрый Василий Матвеевич, с просьбою: сегодня (понедельник) представлена наша 5—6 книга (я велел ее Вам послать) в цензуру. Наблюдите — какое впечатление она сделает завтра в Вашем заседании. Или пощупайте Петрова. Я в середу приеду в Петербург и зайду к Вам. В случае благоприятных впечатлений на кого следует мне и ехать-то бы незачем [2], ибо водопитие идет в полном ходу и не без пользы (уже 18 бутылок мариенбадской воды проглочено) и лучше бы его не прерывать; но едва ли увернешься от поездки. Я просил бы Вас в случае благоприятных известий (но только в случае положительно благоприятных) послать мне после заседания телеграмму.

Искренне Вам пре<данный>
Н. Некрасов

Понедельник

[1] Сдвоенная книжка «О. З.», 1874, V—VI, вышла в свет 28 июня; понедельник, когда писалось это письмо, приходился на 24 июня. Книгу пришлось сдвоить ввиду ареста и запрещения № 5.

[2] Из письма к О. Ф. Миллеру от 14 июля 1874 г. (см. ниже) видно, что Некрасов был в Петербурге в конце июня. Он выехал туда, вероятно, как и намеревался, в среду 26 июня.

И. Т. ЛИСЕНКОВУ

<1>

<Петербург, 12 января 1842 г.>

Почтеннейший Иван Тимофеевич! Пришлите, сделайте одолжение, книгу «Избранные стихотворения для дам» и другие вновь вышедшие книги (особенно из детских); они нужны для разбора в «Лит<ературную> Газету» [1]. Я и Федор Алексеевич Кони ручаемся, что книги эти через три дня будут возвращены Вам в целости и чистоте, а за то, что Вы нас одолжите ими — будет безденежно объявлено в «Литер. Газете» о продаже их в Вашем магазине [2].

Многоуважающий Вас Н. Некрасов

12 января 184<2> года

Впервые — факсимиле — в «Некрасовском альбоме», под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова (П., 1921, 27). В изд. писем 1930 г. пропущено. Автограф, находившийся ранее вероятно, в собрании П. А. Картавова, ныне неизвестен.

Иван Тимофеевич Лисенков — петербургский книгопродавец и издатель.

[1] Книга, неточно названная Некрасовым, — «Альбомы избранных стихотворений, посвященные прекрасному полу», изд. штабс-капитана Милюкова 1842. Рецензия Некрасова на эту книгу напечатана в «Литер. Газете», 1842, № 4.

[2] Объявление о продаже книг в магазине Лисенкова в «Литер. Газете» не появлялось.

<2>

<Петербург, 26 января 1842 г.>

Почтеннейший Иван Тимофеевич! Все будет сделано по Вашему желанию... «Человека с высшим взглядом» возвращаю [1]. Пришлите, пожалуйста, книгу: «Повесть Ангелина» Н. Молчанова; очень обяжете уважающего Вас

Н. Некрасова

26 января 1842 года

Да нельзя ли не надолго новое издание «Истории крестовых походов» Мишо. Нет ли также «Сто двадцать сказок» издание Ф. Кузмичева? [2]

Автограф. — ЦГЛА (Ф. 338, № 44). Подготовка текста — А. И. Соболевой.

[1] «Человек с высшим взглядом», соч. Е. Г., СПб., 1842 — разбор этой книги, вероятно принадлежащий Некрасову, напечатан в «Литер. Газете», 1842, № 6.

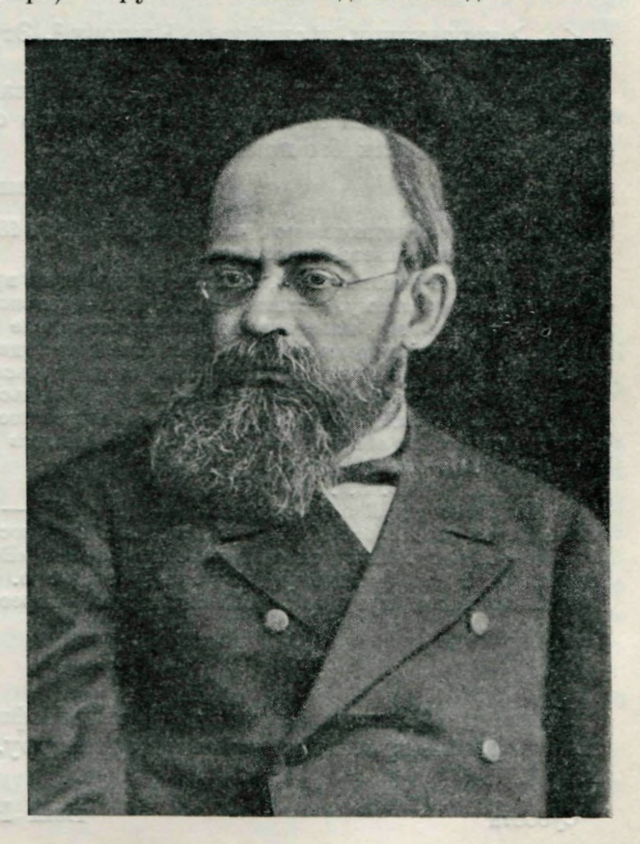
[2] Разборы книг: Н. Молчанов. Повесть Ангелина. СПб., 1841; Жозеф Мишо. История крестовых походов. Изд. 2-е, СПб., 1841; Ф. Кузмичев. 120 сказок и басен. М., 1841—в «Литер. Газете» напечатаны не были.

О. Ф. МИЛЛЕРУ

<Чудовская Лука, 14 июля 1874 г.>

Многоуважаемый Орест Федорович,

Не знаю, что делать с г-жею Ожигиной [1]. Я помог ей, сколько мог, т. е. три недели тому назад в бытность в Петербурге дал ей 50 р. (да она и прежде была должна нашей конторе). Поручиться за нее для меня даже невы-

О. Ф. МИЛЛЕР
Фотография начала 1880-х гг.
Музей Достоевского, Москва

годнее, чем вынуть из кармана эти 200 р.: есть много людей, которые, бедствуя, имеют, так сказать, более прав на мое ручательство, но я боюсь, что, начав ручаться, не увижу этому и конца; поэтому дозволяю себе это с крайней умеренностию. Жаль-то ее жаль, да кроме фонда никто не может ей помочь; а фонд, по-моему, может и должен: надо, чтоб она удостоверила его, что начало труда действительно существует и тогда нет причины отказать ей в помощи в видах его окончания.

Искренне преданный Вам
Н. Некрасов

14 июля 1874. Дер. Лука

Автограф. — ИЛИ. Дело Лит. фонда, 1874 г.

Орест Федорович Миллер (1833—1889)—историк русской литературы и фольклорист умеренно-либерального направления славянофильского оттенка; в 1873—1876 гг. трижды избирался членом Комитета Лит. фонда; в 1874—1875 гг. членом Комитета был и Некрасов (в 1875—1876 гг. Некрасов был избран товарищем председателя).

[1] Людмила Александровна Ожигина (1837—1899) — писательница, автор романа «Своим путем. Из записок современной девушки» («О. З.», 1869, III, V—VII). Она обратилась в Лит. фонд с просьбой о пособии, и ее ходатайство было поддержано членом Комитета О. Ф. Миллером.

В заседании 2 июля 1874 г. Комитет постановил: «Просить О. Ф. Миллера собрать сведения, не примет ли на себя редакция „Отеч. Зап." ручательство в верности возвращения просительницею ссуды». Ответом на обращение О. Ф. Миллера и является письмо Некрасова. 16 июля 1874 г. Комитет постановил: «Выдать Ожигиной в единовременное пособие 50 р.».

Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

‹1›

‹Отрывок›

‹Петербург, январь 1873 г.› [1]

‹....› корректуру, и сдайте ее Чижову [2]. Эту статью пустим в 1-м отделе, а Щапова отодвинем на летние книги.

Но статья Колюпанова [3] наверное наделала бы журналу беды. Ее печатать нельзя. Если хотите, я Вам пришлю о ней подробную записку [4], которую Вы могли бы показать авто‹ру›.

Ваш Некрасов

Оба письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 181, оп. 1, № 479). Подготовка текста В. Е. Евгеньева-Максимова.

[1] Письмо не имеет начала, а также указания на время и место написания. Некрасов пишет, повидимому, о статье Н. К. Михайловского «Идеалы человечества и естественный ход вещей», напечатанной в первом отделе февральской книжки «О. З.» за 1873 г. Датировка письма январем 1873 г. подтверждается упоминанием Некрасова о Щапове, работы которого должны были отодвинуться на летние номера журнала. Это, очевидно, и было сделано: в первом отделе июльского номера «О. З.» за тот же 1873 г. была помещена статья А. П. Щапова «Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества с XVIII в. до 40-х годов XIX и с 40-х годов до настоящего времени», III—IV главы.

[2] Метранпаж «О. З.».

[3] Нил Петрович Колюпанов (1827—1894) — публицист и общественный деятель. Начал печататься в «С.-Петербургских Ведомостях», в редакции В. Ф. Корша; в 1866—1868 гг. был деятельным сотрудником «Вестника Европы» и «Русского Вестника». О какой статье идет речь, не установлено.

[4] Записка эта (вряд ли самого Некрасова, скорее Елисеева) неизвестна.

‹2›

‹Январь — февраль 1874 г.›

Давно сдал стихи для выправки в типографию, но за хлопотами по 1 № типография не принималась за эту корректуру. Сегодня непременно пришлю [1].

Суббота

Ваш Н. Некрасов

[1] В письме речь идет, возможно, о стихотворении знакомого Михайловского, начинающего поэта В. Шмакова, студента Института путей сообщения, о поэтическом даровании которого Некрасов был высокого мнения (см. письмо Некрасова к Михайловскому от 30 января 1874 г. — Некрасов, V, 517). В своих воспоминаниях Н. К. Михайловский рассказывает, что незадолго до смерти Некрасов признался, что он считал фамилию Шмаков — псевдонимом самого Михайловского, стеснявшегося своих стихотворений (см. Полн. собр. соч., т. VII. Изд. Н. К. Михайловского, СПб., 1909, 70). Три стихотворения В. Шмакова были напечатаны в мартовской и апрельской книжках «О. З.» за 1874 год. По этим соображениям письмо предположительно датируется январем — февралем 1874 г.

Д. Л. МИХАЛОВСКОМУ

〈Петербург, 25 мая 1868 г.〉

Многоуважаемый Дмитрий Ларионович [1], мне очень досадно, что я не мог принять Вашу супругу — она заходила слишком рано, когда я еще был не одет, и поневоле пришлось отказать. Жаль, что она не оставила адреса.

Пишите, что Вам нужно.

Гайавату напечатал в № V, а остальное (Пост) пущу в № VI-м [2]. Если можете, то присылайте еще. Пост — прелесть! Я для Вас теперь приискиваю работу по части переводов с английского. Будьте здоровы. Пишите.

Пред〈анный〉 Вам

Н. Некрасов

25 мая 1868 г.

СПб.

Автограф. — ЦГЛА (Фонд 309). Подготовка текста И. Д. Болотиной.

Дмитрий Лаврентьевич Михаловский (1828—1905) — известный поэт-переводчик. С 1857 г. Михаловский сотрудничал в «Совр.», в котором был напечатан ряд его переводов из Байрона, Гуда, Лонгфелло, Брет-Гарта и др. Ему, в частности, принадлежит нашумевшая, в свое время, статья «Шекспир в переводе Фета» («Совр.», 1859, VI), долгое время приписывавшаяся Добролюбову (см., напр., Полн. собр. соч., II, 1934, 619—643; ср. V, 1941, 578). Эта статья—одна из причин ссоры и разрыва Фета с «Совр.».Впоследствии Михаловский печатался в «О. З.». Публикуемое письмо — единственное известное из писем Некрасова к Михаловскому. Письма последнего см. ниже.

[1] В обращении у Некрасова описка: «Ларионович» вм. «Лаврентьевич».

[2] Перевод «Гайаваты» печатался в «О. З.», 1868, V, VI, X, XI и 1869, VI. До того— отрывок в «Совр.» 1866, VI.

А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈1〉

〈Петербург, 5 марта 1873 г.〉

Многоуважаемый Александр Николаевич, Звонарев по глупости расстроил свои дела и должен лопнуть. Он, может быть, не лопнет гласно, но надежды на него совершенно нет. Ваше дело должно к кому-нибудь перейти. Так как мне Звонарев должен более 8 т〈ысяч〉, то может быть я возьму этот контракт на себя, имея в рассчете, что по нем уже выплачено 2800 р. (до получения Вашего письма я считал, что 3600) [1]. Кроме меня он должен Варгунину, Кожанчикову, Черкесову [2] — и мы теперь хлопочем, чтоб как-нибудь обеспечить хоть часть своих денег. Как только это дело примет какую-либо определенность, тотчас напишу Вам и если возьму издание Ваше на себя, то вышлю деньги [3]. Если другой возьмет, то обяжем его.

Признаюсь, это дело несколько подействовало на мой карман, который чувствовал себя хорошо.

Все же жаловаться было бы совестно — дела идут недурно... но состояние духа плохое и, надо думать, что когда человеку пойдет на 6-ой десяток, то другого нечего и ждать.

Получили ли Вы 5-ую часть моих стихов?[4]. Я ее выслал дней 10-ть тому. — Скажите, при случае, что Вы думаете о моей последней поэме. Следующая вещь из этого мира у меня укладывается... в драму! Боюсь, и может быть обойду эту форму[5].

Давай бог вам здоровья и успеха Вашей работе. Я уповаю, что Вы ее отдадите нам[6].

Душевно любящий Вас

Н. Некрасов

5 марта 1873 г.

Все письма печатаются по копиям ЦГЛА, кроме письма 3-го, которое публикуется по автографу, хранящемуся в Театральном музее им. А. А. Бахрушина. Подготовка текста и комментарий Ю. А. Красовского.

Некрасов заинтересовался А. Н. Островским (1823—1886) еще в 1850 г., после появления пьесы «Свои люди — сочтемся», и уже тогда хотел привлечь молодого драматурга к участию в «Совр.». В своем письме от 10 февраля 1855 г. И. С. Тургенев от имени Некрасова предложил Островскому напечатать в «Совр.» его комедию «Не так живи, как хочется». С этого времени начинается постоянное сотрудничество Островского в журнале. В конце 1856 г. Островский, совместно с Толстым, Тургеневым и Григоровичем, подписал соглашение о публикации своих произведений исключительно в «Совр.». Это соглашение для большинства участников осталось только на бумаге. Островский оказался наиболее верным своему слову. С 1857 по 1865 г. он поместил в «Совр.» 9 своих пьес. А в «О. З.» при жизни Некрасова, т. е. с конца 1868 до 1877 г., появилось еще 13 произведений Островского («Лес», «Горячее сердце», «На всякого мудреца довольно простоты» и др.).

В печати известно 21 письмо Островского к Некрасову. См.: «Архив села Карабихи», 136—141; «Вестник Европы», 1916, X, 73; «Архив Островского», 704; «Бирюч Петроградских гос. театров», 1920, II, 195—197; «Сборник памяти Островского», М., 1923, 70—71 и сб. «Островский... Новые материалы...» Л., 1924, 204—208 и 211. Ряд писем, несомненно, утрачен. См., напр.: «А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма...» М., 1923, 163, 203 и др.

[1] Письмо Островского к Некрасову неизвестно. Оно касалось, видимо, вопросов издания сочинений Островского.

В 1867—1868 гг. вышло четырехтомное собрание сочинений Островского (второе по счету) в издании Д. Е. Кожанчикова. В 1870 г. вышел пятый дополнительный том. В это время у Островского завязались связи с другим петербургским книгоиздателем — С. В. Звонаревым, который в 1872 г. издал «Драматические переводы» Островского (С. В. Звонарева усиленно рекомендовал А. Н. Островскому его друг — публицист и этнограф С. В. Максимов. См.: «Неизданные письма... из архива А. Н. Островского». М., 1932, 215, 217 и 219).

С. В. Звонарев взялся за новое издание собрания сочинений Островского в восьми томах.

Однако, когда дело дошло до реализации договора, Звонарев стал медлить. В письме к Ф. А. Бурдину от 15 декабря 1872 г. Островский недоуменно спрашивал: «Почему Звонарев до сих пор не печатает моих сочинений: их требуют и то и дело обращаются ко мне с вопросами, когда они выйдут, а я сам не знаю» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма». М., 1923, 169). В ответ на это Ф. А. Бурдин, 29 декабря, отвечал: «Звонарев сказал мне, что 3, 4 и 5-го томов твоих сочинений много ⟨осталось от издания Кожанчикова⟩, тотчас после праздников начнет печатать 6-й том и по выходе 6-го будет немедленно печатать 1-й и 2-й» (там же, 169).

Но это были только обещания. Островский почувствовал, что здесь что-то неладно, и обратился к Некрасову (возможно, что настойчивые просьбы Островского, адресованные Ф. А. Бурдину в письмах этого периода, увидаться и переговорить с Некрасовым, относятся именно к этому, сильно волновавшему его вопросу). В дело вмешался Некрасов, которому прекрасно была известна внутренняя конъюнктура петербургского издательского мира и который сразу же объяснил Островскому, в чем дело.

[2] Варгунин, Кожанчиков, Черкесов — петербургские книгопродавцы и издатели.

[3] Ф. А. Бурдин в письме к А. Н. Островскому 22 марта 1873 г. сообщал: «Был у Некрасова... и передал твое поручение; он просит тебя немножко пообождать и говорит, что дело принимает на себя и вышлет тебе деньги» (там же, 171).

[4] В начале февраля 1873 г. вышли «Стихотворения Н. Некрасова», ч. 5. СПб., Типогр. В. В. Праца.

[5] «Русские женщины» Некрасова, напечатанные в «О. З.», 1873, I. «Цензурное пугало» помешало ему продолжить этот творческий замысел.

[6] В феврале — марте Островский заканчивал «Снегурочку».

А. Н. ОСТРОВСКИЙ
Фотография 1860-х гг.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

‹2›

‹Петербург, 10 мая 1873 г.›

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Я только что вернулся с охоты, прочел Ваше письмо и очень рад ему. Все дело было в недоразумении, которое, к счастию, разрешилось скоро и вполне, и теперь о нем не должно быть помину. Посягать на Ваши интересы не было у меня и в помышлении, да и вперед это дело не мыслимое, поэтому я также уверен, что на будущее время журнальные наши отношения пойдут своим чередом [1].

От‹ечественные› Зап‹иски› никогда не затруднятся оплачивать Вас от 1200 до 1500 р. за пьесу, а если пьеса будет в стихах, то спишемся. Следующую Вашу пьесу я непременно прошу Вас дать нам между прочим потому, чтоб не подумала публика, что мы поссорились. Вообще, две, даже часто три Ваши пьесы в год, на условиях приближающихся к вышеозначенным, От‹ечественные› З‹аписки› могут напечатать, не выходя из своих расчетов. Примите это сообщение к сведению.

7, 1 и 2-я части Ваших сочинений будут печататься летом и выйдут осенью и в начале зимы. Надо Вам сказать, что Звонарев кое-как оправился, и не вовсе устранен от издания; я взял половину в этом предприятии и буду оплачивать то, что следует автору, а он будет поставлять бумагу и печать. Так как экземпляры все по условию должны храниться у меня, то опасности нет, что дело от него запутается. В этом отношении равно и в исправности получения денег будьте спокойны [2]. Я забирал справки от Кожанчикова: 3, 4, 5-й частей остается в продаже от 500 до 400 экз. [3] — значит, можно и эти части печатать вслед за 1-й и 2-й.

Будьте здоровы, желаю. Вам провести лето спокойно в деревне, а я еду в Киссинген — меня гонит необходимость: я должен пить эту воду, которую в 1869 году уже пил с пользою, — иначе не прожить мне следующей зимы: желудок у меня совсем не работает, печень так выросла, что брюхо стало кривое, хандра своим чередом.

Обнимаю Вас от души.

Боюсь, застанет ли это письмо Вас в Москве.

Весь Ваш Н. Некрасов

10 мая 1873 г. СПб

[1] Речь идет о «Снегурочке». Некрасов очень сдержанно отнесся к этому произведению А. Н. Островского и предложил ему за нее сравнительно небольшой гонорар (письмо от 23 апреля 1873 г. Некрасов, V, 503). Островский, сильно обиженный, 26 апреля писал Ф. А. Бурдину: «От Некрасова получил весьма короткое и холодное письмо, в котором он пишет, что за „Снегурочку" больше тысячи руб. дать не может. Я понять не могу, что с ним сделалось: я ни за одну прозаическую вещь не брал менее 1250 руб...». Далее Островский просил Бурдина зайти к Некрасову и взять у него рукопись. «...Между тем ты сделал бы для меня великое одолжение, если бы шепнул Стасюлевичу, что мол Островский немножко поссорился с Некрасовым, и Вам есть случай приобресть „Снегурочку"» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма». М., 1923, 174—175). Переданная в «Вестник Европы» «Снегурочка» была там напечатана в № 9 за 1873 г.

[2] Дальнейший ход переговоров по поводу издания сочинений Островского узнаем из позднейшего письма Некрасова Островскому от 15 ноября 1873 г. «Когда дела Звонарева заколебались, — писал Некрасов,—я уладил дело так, что взял половину издержек по изданию на себя; именно — плату Вам гонорария, а Звонарев взял на себя поставку бумаги и типографские издержки, и, таким образом, мне пришлось быть тут половинщиком в будущих доходах или потерях ⟨...⟩ В октябре Звонарев принес ко мне бумагу сеременькую на Ваше издание, и мало-помалу я увидел, что дело это он поведет скверно или затянет, и довел его самого до сознания, что дело ему не под силу, даже в половине, и он отказался от него ⟨...⟩ Один я издателем быть не могу— во-первых, потому, что издательством не занимаюсь; во-вторых, возня с книгопродавцами меня ужасает ⟨...⟩. Итак, смотрите на дело с Звонаревым, как на не состоявшееся, и если найдете возможным, то продайте Ваши сочинения в другие руки...» («Неизданные письма... Из архива А. Н. Островского». М., 1932, 304).

В конце этого письма и в другом письме—от 21 ноября 1873 г. (там же, 305)— Некрасов предлагает Островскому вести переговоры с другим книгоиздателем — Надеиным. Таким образом, к ноябрю 1873 г. вопрос с изданием сочинений Островского зашел в тупик: Звонарев не смог его осилить, а Некрасов отказался издавать один.

[3] Остаток тиража от издания Д. Е. Кожанчикова 1867—1868 гг.

⟨3⟩

⟨Петербург, 14 или 15 декабря 1873 г.⟩

У нас случились сегодня хлопоты по «Отеч. Зап.», которые в понедельник выходят, и я не успел ничего сделать. Завтра увижусь с Надеиным и извещу Вас, когда и где свидимся.

Весь Ваш Н. Некрасов

P. S. В клуб Вас записал, а сам не буду.

Эта коротенькая записка знаменует собой новый этап в истории издания сочинений А. Н. Островского. В начале декабря 1873 г. Островский приехал в Петербург, повидимому, с целью окончательно выяснить вопрос об издании. Некрасов согласился взять на себя издание совместно с А. А. Краевским. В письме от 19 декабря 1873 г. Некрасов спрашивал Краевского: «Удобно ли Вам будет принять нас с Островским через час или полчаса? Он сейчас ко мне придет...» (Некрасов, V, 512). Это письмо Некрасова целиком посвящено условиям издания восьмитомного собрания сочинений Островского. — «Я назначил, — пишет Некрасов, — 10 т⟨ысяч⟩ кругом, но как прежнее условие было 9-ть, то он ⟨Островский⟩ находит, что за 8-й том 1000 р. маловато, и просит 1500 р. Эти тысячу пятьсот придется платить через три года, и я думаю надо согласиться, чтоб все было сделано по его желанию, а в вознаграждение этой прибавки вместо 4050 экз. я предложу ему поставить в условии 4100». 26 февраля 1874 г. было подписано нотариальное условие с Островским (см. в «Лит. Наследстве», т. 53—54). В течение марта—сентября 1874 г. шло печатанье сочинений Островского. 28 сентября 1874 г. Некрасов писал Островскому: «Сочинения Ваши (полные) приходят к концу печатаньем». Но тут возник конфликт с прежним издателем сочинений Островского— Кожанчиковым. См. примеч. к след. письму.

<4>

<Петербург, 2 ноября 1874 г.>

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Вот письмо Кожанчикова. Сколько я помню, еще при переговорах с Звонаревым, — он сказал Вам, что с его стороны претензий не будет, и между тем теперь грозит затеять историю [1]. — Я ответил ему, что письмо отошлю к Вам, и право не знаю, что Вам тут посоветовать. Как мое, так и Краевского мнение, что, если дело дойдет до суда, то Вам придется эти деньги заплатить. Итак, надо бы, кажется, выбрать из двух зол меньшее и попробовать согласить Кож<анчикова> на меньшую сумму. Если Вы хотите, чтоб я поговорил с Кож<анчиковым>, то напишите, не худо было бы также, если б Вы написали ему и напомнили, что он отступается от своих слов. Очень мне прискорбно, что приходится сообщать Вам эту неприятность. Издание готово, и на-днях надо его выпускать [2].

Искренно пред<анный> Вам
Н. Некрасов

2 ноября 1874 г.

P. S. Сберегите письмо Кожанчикова.

[1] Д. Е. Кожанчиков, у которого остались непроданными экземпляры изданного им собрания сочинений А. Н. Островского, запротестовал против выпуска нового издания и потребовал выкупа оставшихся экземпляров. Островский был вынужден пойти навстречу этим требованиям.

[2] Выпуск издания в свет несколько задержался. В письме Некрасова к Островскому от 1 декабря 1874 г. читаем: «Вам пока послано 20 экз<емпляров> Ваших сочинений» («Неизданные письма... Из архива А. Н. Островского». М., 1932, 309—310).

<5>

<Петербург, 5 ноября 1874 г.>

Александр Николаевич.

Само собою разумеется, что я не мог писать Кожанчикову, чтоб он начинал с Вами процесс (и не писал этого).

Относительно разрешения Кожанчикова, я знаю, что у Вас есть слово его, и полагаю, что Вы имеете основание полагаться на это слово. Это предположение превратилось у меня в уверенность, когда я получил от Вас впоследствии письмо с упреком [1], что Звонарев, которому я посоветовал (?), как продать Ваши сочинения, медлит исполнением и, таким образом, Вы уже потеряли два года. Вообще об этой стороне дела мне не приходилось много думать.

Кожанчиков тут нечист. Он пробовал напугать меня (я послал Вам его письмо) и Вас, как вижу. А вчера пришел ко мне с Вашим письмом и просил быть посредником между Вами и им, говоря, что не желал бы начинать процесса. Я спросил его, чего он хочет. И постепенно мы договорились до следующего: по его первому ко мне письму у него товару остается на 1700 р. (а вчера он объявил, что, посчитав до точности экземпляры, высчитал, что их осталось на 2100 р.). Отправляясь от первой цифры 1700 р., он, наконец, сказал, что согласен удовольствоваться половиною ее, т. е. 850 р. (с тем, чтобы и недопроданные экземпляры остались у него). Я сказал ему, что спишусь с Вами, что сим и исполняю.

Отвечайте мне или ему, желаете ли пойти на эту полюбовную сделку. Если не хотите процесса, то предложите ему вместо 850 р. рублей 600; может он и этим удовольствуется; тогда я дам ему на эту сумму (взяв, разумеется, от него расписку обстоятельную, что претензий дальше не имеет), а с Вами сочтемся в январе. Чтоб Вам было легче, деньги эти можем вычесть у Вас в два срока, т. е. 300 в 1875 и 300 — в 1876 году.

Ладно ли так, не знаю; только думаю, что и процесс трудно будет выиграть.

Будьте здоровы. Кланяюсь Марье Васильевне.

Весь Ваш
Н. Некрасов

СПб., 5 ноября 1874 г.

[1] Письма Кожанчикова и Островского к Некрасову, о которых идет речь, неизвестны. Об окончании этого инцидента см. письмо 6-е.

⟨6⟩

⟨Петербург, 10 ноября 1874 г.⟩

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Спешу успокоить Вас, посылая записку Кожанчикова. Я из него вышиб еще 150 р., и дело состоялось на 700 р. Очень рад, что От⟨ечественные⟩ З⟨аписки⟩ могут рассчитывать скоро еще на Вашу пьесу [1]. Приедете ли нынешней зимой к нам? Усердный мой поклон Марье Васильевне.

Весь Ваш
Н. Некрасов

10 ноября 1874 г.
СПб.

Расписку Кожанчикова оставил у себя: боюсь, не пропало бы письмо на почте. Полные экз⟨емпляры⟩ для Вас пошлются к Соловьеву [2].

[1] «Волки и овцы»—комедия в 5-ти действиях, помещенная в «О. З.», 1875, I.

[2] Иван Григорьевич Соловьев — московский книгопродавец, контрагент редакции «О. З.» в Москве. Через него обычно Некрасов вел свои денежные расчеты с Островским; его имя неоднократно упоминается в их переписке 1872—1876 гг.

История издания сочинений А. Н. Островского имела свой небольшой эпилог. Весной 1877 г. умиравший Некрасов предложил А. А. Краевскому целиком взять на себя все издание сочинений Островского. («Мне приходит в голову развязать Вас по сочинениям Островского. Если хотите, назначьте какую-нибудь сумму, и оно будет все Ваше». Некрасов, V, 582). Но Краевский не пожелал продолжать это дело один. Когда в 1878 г. Островский захотел узнать, имеет ли он право начать новое издание, Краевский сообщил Ф. А. Бурдину, что «весь контракт им и Некрасовым передан Глазунову», со всеми вытекающими отсюда денежными обязательствами. Передача дела Глазунову послужила впоследствии для Островского причиной серьезных огорчений: Глазунов ставил всяческие препятствия к последующим изданиям сочинений А. Н. Островского.

И. А. ПАНАЕВУ

⟨1⟩

⟨Петербург, 23 сентября 1858 г.⟩[1]

В последнее время я выдал по «Современнику»

Успенскому	60 р.
Полонскому	150 р.
Добролюбову	50 р.
Мельникову	300 р.
За квартиру	680 р.
	1240 р.

Нельзя ли мне из этих денег что-нибудь прислать, именно — хоть 200 руб. сегодня же?

Да пришли мне: для Плещеева 50 р.
для Вейнберга 40 р.

Пожалуйста, письмо мое вели доставить Громеке — я не знаю адреса [2].

Весь твой
Н. Некрасов

23 сентября

Все письма (кроме письма 8-го) печатаются по автографам ИЛИ (архива Ип. Панаева). Письма 1—3-е подготовил М. А. Панченко, письма 4—8-е — С. А. Рейсер, письмо 9-е — М. И. Малова.

Двоюродный брат И. И. Панаева, Ипполит Александрович Панаев (1822—1901) — по образованию инженер, незначительный беллетрист 40—50-х годов; писал впоследствии также дилетантские философские статьи. Перед отъездом тяжело больного Некрасова за границу в 1856 г., И. А. Панаев был привлечен Некрасовым для заведывания хозяйственными делами «Совр.» и исполнял эти обязанности с 11 августа 1856 г. до 1 мая 1866 г. (См. воспоминания И. А. Панаева о Некрасове в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 537—548 и письмо И. А. Панаева к Некрасову в наст. томе, стр. 430).

[1] На письме бухгалтерская разметка, позволяющая отнести его к 1858 г.

[2] Это письмо неизвестно. Судя по ответу С. С. Громеки (см. в разделе «Письма к Некрасову» в наст. томе), оно касалось редакционных изменений в его статье, помещенной в «Совр.».

<2>

<Петербург, конец августа — начало сентября 1860 г.>[1]

Карновича рассчитай[2]:

17 по 50	850	
7 по 30	210	
	1060	
	—150	
Михайлова рассчитай[3]:		
	300	
	100	
	50	
За 9 кн. жалов<ания>	100	
Проза — за лист по	50	
За стран<ицу>	по 10 р.	
Песня о Рубаш<ке>	40 р.	
Сестрам Добролюб<ова>	500	

Отправляется ли IX № «Соврем<енника>»?

[1] Год определяется карандашной пометкой Ип. Панаева. № 9 «Совр.», о котором в письме идет речь, вышел в конце августа (ценз. разр. — 31 августа). Этим временем и следует датировать записку.

[2] Евгений Петрович Карнович (1823—1885) — журналист, публицист и беллетрист. В письме идет речь о расчете за его статью: «Жизнь Гарибальди» в № 7 и за повесть «Проблески счастья», начатую печатанием в № 8 и оконченную в № 9. Цифры гонорара, соответствующие указаниям Некрасова, отмечены и в конторской книге «Совр.» за 1860 г. (Не издано. — ИЛИ, л. 128 об. — 129).

[3] М. И. Михайлов состоял в это время редакционным сотрудником журнала и получал помесячную оплату. Его перевод «Песни о рубашке» из Т. Гуда был напечатан в том же № 9 «Совр.».

<3>

<Петербург, 28 сентября 1860 г.>

Прошу Ипполита Александровича Панаева выдать г-ну Колбасину сто рубл. сер<ебром>[1].

Н. Некрасов

28 сент<ября> 1860 г.

[1] На автографе пометки: «Пятьдесят рублей серебром получил 28 сентября 1860 г. Е. Колбасин». И далее, новидимому, рукою Панаева: «г. Колбасин в октябре 1860 возвратил эти деньги».

<4>

<Петербург, 1860—1861 гг.>[1]

Любезный Ипполит Александрович, В. Н. Бекетов ручается за честность и вообще хорошие качества этого человека, ищущего места. Он притом гра-

мотный. Не дать ли ему места покуда при «Современнике», а потом не определишь ли его в служители при железной дороге.

Этим много обяжешь как меня, так и Бекетова.

Твой Н. Некрасов

На обороте: Его высокоблагородию
Ипполиту Александровичу Панаеву.
Близ Царскосельской железной дороги,
д. Кузьмина]

[1] Датируется на основании карандашной пометки на письме, сделанной рукой И. А. Панаева.

<5>

<Ярославль или Карабиха, 8 декабря 1862 г.>

Любезнейший Ипполит Александрович. Тотчас по получении прилагаемое объявление вели напечатать во всех газетах (раз в неделю до самого нового года) и в московск<их>. Если найдешь что нужным прибавить относительно конторы — то прибавь, показав Салтыкову, а если он уже уехал, то Антоновичу.

Чтоб время не пропало даром, то самое лучшее вот как сделать: тотчас это объявление вели набрать и послать к Бекетову; когда он подпишет, то сделать оттиски и разнести их по газетам.

Только, повторяю, сделай это скоро [1].

Я тебе дал недели за две до моего отъезда брошюру: «Сборник постановлений по акцизному управлению», чтоб отправить моему брату Федору. Этой брошюры нет и до сего дня. А она поминутно нужна [2].

Будь здоров. Я скоро буду.

Весь твой
Н. Некрасов

8 дек<абря>

[1] Некрасов имеет в виду объявление о подписке на «Совр.» 1863 г. по окончании срока приостановки. Это объявление и все его сложные цензурные мытарства, начавшиеся еще в конце октября 1862 г., изложены в статье: В. Е. Евгеньев-Максимов. Неизвестный эпизод из истории некрасовского «Современника». — Сб. «Звенья», кн. VI, М., 1936, 740—748. Этим определяется датировка письма.

[2] Точное название брошюры: «Сборник постановлений и распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами». СПб., 1862.

<6>

<Петербург, конец апреля 1863 г.>

Прошу Ипполита Александровича Панаева выдать г-же Чернышевской, в счет романа [1], еще с е м ь с о т рубл. серебр<ом>.

Н. Некрасов

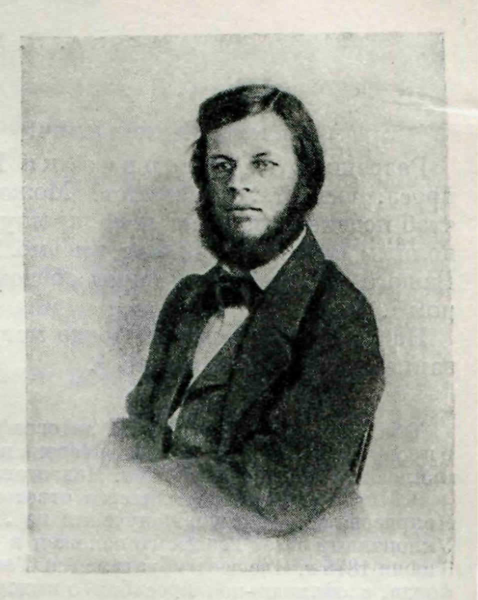
[1] Речь идет о романе Чернышевского «Что делать?», печатавшемся в это время в «Совр.». Записка Некрасова представляет собою приписку к письму А. Н. Пыпина к И. А. Панаеву о выплате ему (Пыпину) гонорара за статьи, напечатанные в 4-й книжке «Совр.» (ценз. разр.—20 апреля). Отсюда датировка записки.

<7>

<Петербург, 20 или 21 ноября 1863 г.>

Г-же Чернышевской в течение последнего месяца дано мной 200 р., да я
50
тебя просил дать Захарьину 200 <руб.> за «Современник». Если и этого мало, то можно еще прибавить рублей 75-ть.

Твой Некрасов[1]

А. Н. ПЫПИН
Фотография 1862—1863 гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Статьи Стасова[2] таковы, что за них и по 50 р. платить много, а последняя, «Ответ московским ученым», положительно запакостила «Современник». Неужели же Пыпин обещал ему по 75 р.? — Если так, то покажи эту записку Пыпину.

Некрасов

[1] Впервые неточно — Некрасов, V, 393. Записка Некрасова написана на письме к Панаеву Пыпина, так что первый ее абзац набросан над текстом Пыпина, а второй под ним.

Записка Пыпина следующая:

Среда 20 ноября 1863 г.

Многоуважаемый Ипполит Александрович!

Не можете ли Вы в настоящее время дать немного денег для жены Чернышевского, которой они теперь нужны, сколько я знаю. Если у Вас найдется, то я просил бы Вас отдать их под расписку г. Захарьина, который завтра едет в Нижний и передаст их Ч⟨ернышевск⟩ой.

Вчера я получил письмо от В. Стасова, который просит прислать ему деньги за «Ответ московским ученым» в 10-й книжке (или в 9-й, не помню) и известить его о том, получит ли он по 75 р. и за прежние статьи о Лондонской выставке*. Будьте так добры, ответьте ему об этом предмете.

Преданный Вам
Александр Пыпин

[2] Статья В. В. Стасова «Ответ московским ученым» была напечатана в «Совр.» (1863, IX) и касалась специальных вопросов археографии.

⟨8⟩

⟨Петербург, 7 декабря 1866 г.⟩

Любезный Ипполит, я забыл тебе сказать, что Марье Акимовне [1] Литер⟨атурный⟩ Фонд назначил пенсию в 300 р. в год, начиная с 1-го января 1867 года, о чем ее и уведомь.

Будь здоров.

Твой Н. Некрасов

7-го дек⟨абря⟩ 1866 г.

[1] Марья Акимовна — мать Ивана Ивановича Панаева (ум. в 1881 г.). См. в наст. томе ее письмо к Некрасову.

* По 50-ти уже было заплачено. ⟨Примеч. А. Н. Пыпина⟩.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

<1>

<Петербург, 2 июня 1875 г.>

Алексей Николаевич!

Разрешить категорически Ваших вопросов не могу, особенно вопроса, выдаст ли Комитет? Может быть, его разрешил бы Гаевский, но, чтоб подействовать на него, прошу у Вас разрешения показать ему — под полным секретом — Ваше письмо. Жду Вашего ответа, и в случае согласия Вашего схожу к нему перед обедом. Комитетское заседание завтра вечером [1].

На случай неуспеха в фонде могу Вам предложить взять у меня жалованье вперед за 2 месяца [2].

Ваш Н. Некрасов

Оба письма печатаются по автографам ИМЛ. Последняя фраза первого письма с пропуском слов: «в фонде» приведена в воспоминаниях А. А. Плещеева — «Что вспомнилось», СПб., 1914, стр. 260. Подготовлены к печати А. И. Соболевой.

[1] Письмо Некрасова является ответом на письмо Плещеева, в котором он просил Некрасова помочь ему в получении из Лит. фонда ссуды (см. ниже, в наст. томе). Уклончивый ответ Гаевского изложен в следующем письме Некрасова. Тем не менее 3 июня 1875 г. Плещеев обратился к Гаевскому, как к председателю Комитета Лит. фонда, с официальной просьбой о выдаче ему ссуды в размере 150 р. за поручительством члена общества Е. П. Карновича. Другого поручителя, за отсутствием в городе знакомых членов общества, Плещеев назвать не мог. Это письмо было в тот же день доложено Комитету, который в ссуде отказал за отсутствием необходимого по уставу числа поручителей (ИЛИ. Бумаги Лит. фонда). Этими соображениями определяется и дата письма.

[2] Плещеев состоял в это время секретарем редакции «О. З». и получал 75 р. жалованья в месяц.

<2>

<Петербург, 2 или 3 июня 1875 г.>

Любезнейший Алексей Николаевич!

Не могу скрыть от Вас, что Гаевский — вполне к Вам доброжелательный — выразил сомнение, чтоб оказалось на Вашей стороне большинство в Комитете. По некоторым соображениям я думаю, что он прав.

Ваш Н. Некрасов

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

<Петербург, 13 марта 1874 г.> [1]

2-е чтение [2] будет в субботу. Вы читаете, давайте на ценсуру Вашу вещь сегодня же.

Вы у меня обедаете — не забыли?

Некрасов

А что же Крестовский? [3]

Середа

На обороте: Я. П. Полонскому

Автограф.—ЦГЛА (Ф. 403, № 59). Подготовлено к печати Ю. А. Красовским.

О взаимоотношениях Некрасова и Я. П. Полонского (1820—1898) см. в «Лит. Наследстве», т. 53—54 — В. Евгеньев-Максимов. «Яков Полонский и Некрасов».

[1] Датируется на основании упоминания о литературном чтении в пользу Лит. фонда. В газетах «Голос» и «С.-Петербургские Ведомости», в среду 13 марта 1874 г. появилось объявление: «В субботу 16 марта 1874 года в зале Русского купеческого собрания предположено литературное чтение в пользу О-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым». В числе участников назван и Я. П. Полонский, выступающий с чтением «Исповеди Келиота». Об этом чтении — см. также письмо Некрасова к Я. П. Полонскому от 16 марта 1874 г. (Некрасов, V, 524) и письмо к П. А. Ефремову в наст. томе.

[2] 1-е чтение состоялось в январе 1874 г.

[3] Всеволод Владимирович Крестовский (1840—1895) — писатель, автор «Петербургских трущоб», также участник чтения.

А. Н. ПЫПИНУ

〈Петербург, 1863—половина 1866 гг.〉[1]

Говорят, был некто от министра и поехал к Вам. Скажите что такое, а еще лучше пришлите самую бумагу.

Ваш Некрасов

Автограф. — ИЛИ (Ф. 250, № 32).

[1] Датируется временем официального участия А. Н. Пыпина в редакции «Совр.». Быть может, относится к 4 декабря 1866 г. — времени получения «Совр.» второго предостережения, объявленного Пыпину в 11 ч. вечера, а Некрасову в час ночи (см. В. Е. Евгеньев-Максимов. Агония «Современника». — «Былое», 1922, № 20, 44—48).

С. С. РЕШЕТНИКОВОЙ

〈Петербург, 11 мая 1868 г.〉[1]

Г-же Решетниковой.

Милостивая государыня.

Я посылаю при этом пятьдесят рубл., о присылке которых на Ваше имя просил Ваш муж. Я затерял его письмо с Вашим адресом, но надеюсь, что деньги эти до Вас дойдут, ибо часть адреса я запомнил [2]. — Прилагаемое письмо прошу Вас передать Федору Михайловичу.

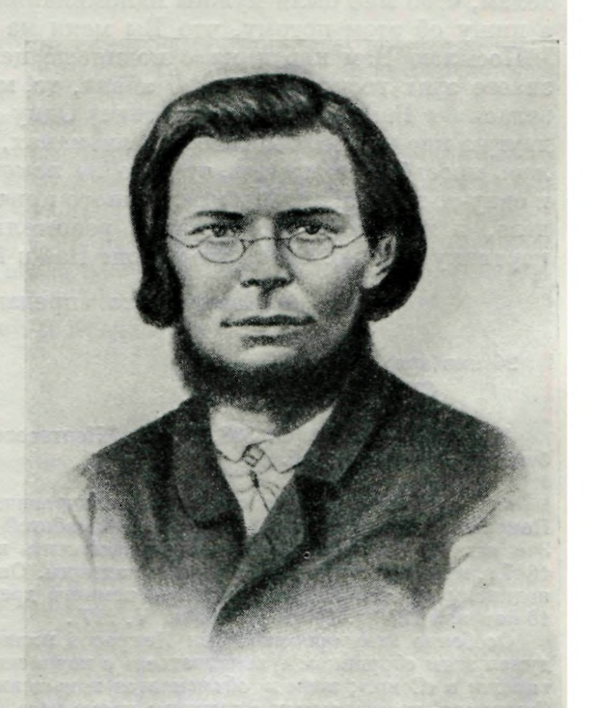
Готовый к усл〈угам〉
Н. Некрасов

Рукою Ф. М. Решетникова: Получено 18 мая 1868.

Автограф. — ЦГЛА (Ф. 1188, № 5). Подготовка текста А. И. Соболевой.

[1] Датируется на основании одновременно посланного письма к Ф. М. Решетникову (Некрасов, V, стр. 446).

[2] Жена Ф. М. Решетникова — Серафима Семеновна (1838—1891) жила в это время в Брест-Литовске.

Ф. М. РЕШЕТНИКОВ
Гравюра с фотографии 1860-х гг.
Литературный музей, Москва

В. А. СЛЕПЦОВУ

<Петербург, конец 1876 — до 19 мая 1877 г.> [1]

Милый Слепцов, я очнулся в эту минуту 19^{e} <sic!>. Но давно мне худо.

Некр<асов>

Просил Салтыкова Вам написать [2].

Автограф. — ЦГЛА. Записка беспорядочно набросана карандашом на 4-й и 1-й страницах согнутого пополам листа.

[1] Датируется временем предсмертной болезни Некрасова, т. е. концом 1876 или первой половиной 1877 г. Письмо не могло быть написано позже 19 мая 1877 г., когда В. А. Слепцов уехал лечиться на кумыс в Саратовскую губ. В Петербург он больше не возвращался и 23 марта 1878 г. умер, ненадолго пережив Некрасова. (Ср. в наст. томе письма Слепцова к Некрасову.)

[2] Письмо Салтыкова к Слепцову неизвестно.

Н. А. СТЕПАНОВУ

<Петербург, 24 января 1848 г.>

Почтеннейший и многоуважаемый
Николай Александрович!

Поверьте, у меня все делается и сделается и не задержится, но когда у меня скопится вдруг пять дел (что бывает довольно часто), то я обыкновенно начинаю с самонужнейшего, — таким образом и выходит иногда остановка в других, но остановки эти никогда не заходят за пределы возможности. Вы теперь заняты этими рисунками, и понятно, что досадуете на медленность, — я, с моей стороны, не считаю нужным скрывать от Вас, что если не досадовал, то иногда тяготился Вашими частыми напоминаниями, тем более, что еще я сам не дошел до такого равнодушия к своим делам, чтоб мне были нужны напоминания. Но в сущности это все вздор, а пишу об этом потому, что Вы меня на это вызвали своей запиской...

Посылаю Вам картинки с подписью цензора. (Вот. кстати: Вы еще не знаете этих господ, а если б знали, то, может быть, моя медленность казалась бы Вам еще поспешностью.) Одну из них пусть рисуют на камне, другую мне не очень хотелось в альманах, а теперь к этому присоединилась просьба Никитенки, чтоб ее не помещать. Он жалеет даже, что мы и одну-то поместили. Мы имели много причин дорожить его советом в этом деле, и потому теперь я уже решительно прошу Вас заменить эту картинку другою. О том же просит Вас и Панаев. До свидания [1].

Совершенно преданный Вам
Н. Некрасов

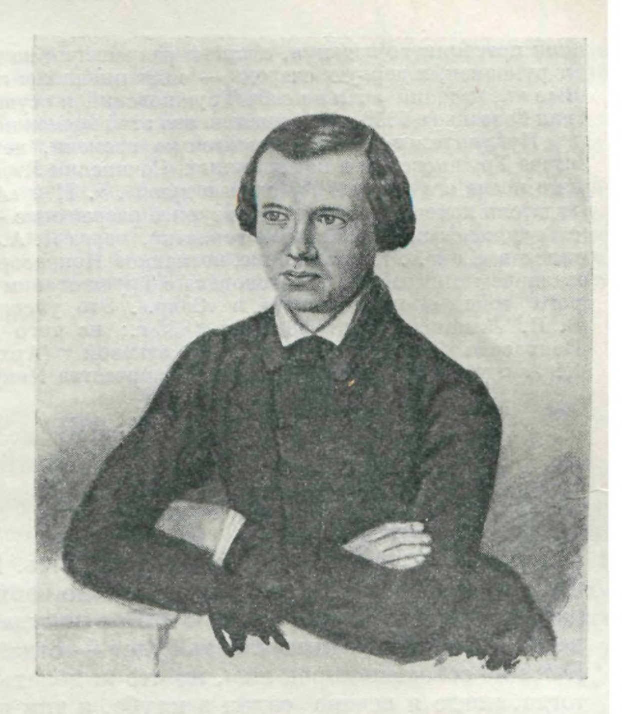
24 янв<аря> 1848 г.
СПб.

Автограф.—ЦГЛА (Ф. 338, № 45). Подготовка текста и примечания В. С. Любимовой-Дороватовской.

[1] С художником Николаем Александровичем Степановым (1807—1877) Некрасов был связан в 1848 г. совместной работой по «Иллюстрированному альманаху». Это издание Некрасов предполагал выпустить в качестве приложения к «Совр.» за 1847 г. и возлагал на него большие надежды. Он рассчитывал, что альманах оживит подписку на «Совр.», «начинающую немного дремать» (письмо к А. В. Никитенко от 10 февраля 1848 г. Некрасов, V, 117).

Особенно заинтересован был Некрасов иллюстративной стороной альманаха: он думал этим сборником «расквитаться» с подписчиками, которым были обещаны политипажи в «Совр.»; этим и объясняется помещение в альманахе нескольких картинок Степанова, не связанных с текстом; кроме того, он учитывал, насколько могут привлечь внимание читателей интересные иллюстрации.

Н. А. СТЕПАНОВ
Автопортрет. Акварель 1850-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

В альманахе было помещено 7 карикатур-иллюстраций Степанова вне текста и два рисунка к рассказу В. И. Даля «Смотрины и рукобитие». Кроме Степанова, сборник иллюстрировали Агин, Федотов, Невахович и др. «Картинка», которую Некрасову «не очень хотелось в альманах» и которую он просил «заменить», — вероятно, карикатура «Белинский и Некрасов». Карикатура эта, не попавшая в печать, составляет, как видно из сопоставления, дополнение к помещенной в «Иллюстрированном альманахе» карикатуре «Типографские превращения», изображающей Белинского (см. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», «Academia», Л., 1929, 243 и 309).

Н. П. ТРУШКОВСКОМУ

〈Москва, 16 июля 1855 г.〉

Милостивый государь
Николай Павлович!

Не угодно ли Вам — без особенных церемоний — приехать ко мне обедать завтра или в понедельник, к 5-ти часам, в Петровском парке, дача Торбека, против дачи Наумова. Если б Вы были так добры к человеку больному и душевно желающему с Вами познакомиться короче, то этим очень обязали бы меня. Кроме того, я имею сообщить Вам кое-что, что, может быть, было бы для Вас небесполезно. Во всяком случае, примите уверения в моем совершенном почтении и преданности [1].

Н. Некрасов

16 июля 1855 г.

На обороте второго листа: Его высокоблагородию
Николаю Павловичу Трушковскому
От Некр〈асова〉

Автограф. — Полтавский городской музей (по описи № 129). Подготовка текста и примечания В. В. Гиппиуса.

[1] Николай Павлович Трушковский (1833—1862) — племянник Н. В. Гоголя (сын сестры его, Марьи Васильевны) и издатель его сочинений. Второе издание собрания сочинений Гоголя, начатое им самим, при участии С. П. Шевырева, и разрешенное цензурой еще 10 октября 1851 г., было вновь остановлено цензурой после смерти Гоголя (см.: «Сочинения Н. В. Гоголя», изд., 10-е, т. I, стр. XIV—XV и «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», под ред. В. В. Гиппиуса, I, 1936, 149). Только 2 июня 1855 г., уже после смерти Николая I, удалось добиться снятия запрета с имени Гоголя, возобновле-

ния прерванного издания, а также разрешения на напечатание сочинений, найденных в рукописи, в первую очередь — сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ». Все эти издания взял на себя Трушковский и осуществлял их до тех пор, пока душевная болезнь (в 1856 г.) не лишила его этой возможности.

Публикуемое письмо относится ко времени, непосредственно предшествовавшему сдаче Трушковским в печать книги «Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти» («Мертвые души», ч. II и «Авторская исповедь»): предисловие издателя помечено 20 июля, цензурное разрешение — 26 июля. Знакомство Некрасова с Трушковским произошло, вероятно, через П. А. Кулиша, который с 1852 г. печатался в «Совр.». Приглашение, посланное Некрасовым Трушковскому, было вызвано желанием Некрасова переговорить с Трушковским о напечатании одной из глав второго тома «Мертвых душ» в «Совр.». Это уясняется из письма Трушковского к В. И. Ламанскому от 18 июля 1855 г.; из того же письма видно, что на просьбу Некрасова Трушковский ответил отказом (Архив Академии Наук СССР; ср.: Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Некрасова, 141).

А. А. ФЕТУ

〈Петербург, 17 марта 1859 г.〉[1]

Любезнейший
Афанасий Афанасьевич,

Спасибо Вам за доброе слово и за память. Я нимало не солгу, если скажу, что душевно Вас люблю и как-то не верится, чтоб мы могли серьезно расскочиться в разные стороны[2]. Вот покуда все, что имею сообщить. Перевод Антония — если милость будет — отдайте мне[3]. Да! О Бржесском[4]. Как мне совестно перед ним, но что ж делать? Он заходил ко мне дважды тогда, когда я вечера сидел в клубе, а дни спал, а теперь, когда я и дни и вечера сижу дома уже полторы недели (болен и беру ванны), его нет. Первый раз, как выеду, — прямо к нему. Будьте здоровы. Кланяюсь Вашей жене и сестре.

Ваш Н. Некрасов

17 марта

Николаю Боткину значительный поклон[5].

Автограф. — ЛБ (Ф. 2453). Подготовка текста А. И. Соболевой.

[1] Датируется по связи с письмами Фета к Некрасову от 17 февраля и 14 марта 1859 г. («Архив села Карабихи», 218—219).

[2] Несмотря на эти слова, вскоре (через $2^1/_2$ месяца) после напечатания в «Совр.» (1859, VI) рецензии Д. Л. Михаловского — «Шекспир в переводе Фета», последовал полный разрыв отношений между Некрасовым и Фетом.

[3] Перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира был напечатан в «Русском слове» (1859, № 2).

[4] А. Ф. Бржесский (ум. 1868 г.) — второстепенный поэт, друг Фета. См. статью К. Н. Льдов. Друг Фета А. Ф. Бржесский и его стихотворения. — «Новый мир», 1900, № 28.

[5] Николай Петрович Боткин (1813—1869) — брат В. П. Боткина, приятель Белинского. Ему в издании 1856 г. Некрасов посвятил стихотворение: «Праздник жизни — молодости годы...»

А. Н. и В. И. ЯКОБИ

〈Рим, 12 (24) мая 1867 г.〉

Мы прибыли и начинаем обедать — устали, к Вам сегодня притти не можем, а завтра я желал бы с В〈алерием〉 И〈вановичем〉 отправиться к русск〈им〉 худ〈ожникам〉[1] — мы придем с П〈етром〉 И〈вановичем〉 к Вам в 10-м часу. Просить Вас к себе не смеем. Посылаю подарок из Сорренто Ал〈ександре〉 Никол〈аевне〉 и прошу дать мне банок, ибо по русской примете — ножей дарить не следует, даже и деревянных.

Некрасов

Автограф (карандаш). Собрание А. В. Попова (Ленинград), ранее в собрании А. Ф. Кони. Текст написан на визитной карточке: посредине курсивом — «Николай Алексеевич Некрасов», внизу у правого угла—«Литейная № 38». Адресаты письма — Александра Николаевна Якоби (1842—1918) и ее муж, Валерий Иванович Якоби (1836—1902), известный исторический живописец, находившийся в это время в академической командировке в Риме.

[1] Из русских художников, кроме Якоби, весной 1867 г. в Риме жили: В. П. Верещагин, А. А. Попов, А. А. Рицциони, П. П. Иков, П. П. Чистяков и скульптор Н. А. Лаверецкий. Результатом посещения Некрасовым художников было, вероятно, приобретение им какого-то этюда В. П. Верещагина, на что указывает фраза письма А. Н. Якоби к Некрасову от 14 октября 1867 г. о передаче Верещагину 100 франков (см. ниже в наст. томе).

Е. И. ЯКУШКИНУ

⟨1⟩

⟨Ярославль, 1 октября 1862 г.⟩

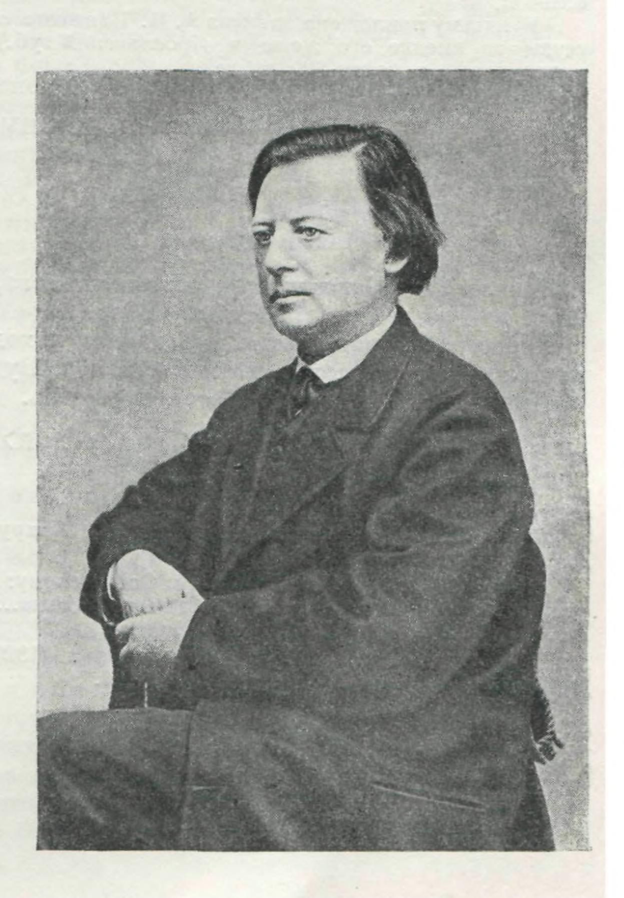
Милостивый государь
Евгений Иванович,

Податель сего крестьянин Тверской губернии, живущий у меня в кучерах, имеет нужду в сведении: может ли он купить за себя рекрутскую квитанцию в *Ярославской* палате или должен отправляться в Тверь за приобретением оной. Сделайте одолжение, снабдите его этим сведением. Очень сожалею, что не застал Вас дома. Я давно желал быть у Вас, но в последние два месяца смертельная болезнь моего отца отнимает у меня все время [1]. Хоть поздно, передаю Вам поклон Ив. И. Маслова [2].

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Н. Некрасов

1 октября 1862 г.
Ярославль

Е. И. ЯКУШКИН
Фотография 1870-х гг.
Исторический музей, Москва

Автограф. — ЦГЛА (Ф. 338, № 50). Подготовка текста А. И. Соболевой.

Евгений Иванович Якушкин (1826—1905) —юрист и этнограф, сын декабриста И. Д. Якушкина и издатель его записок. В 50—60-х годах Е. И. Якушкин был управляющим госуд. имуществами Ярославской губернии и управляющим ярославской казенной палатой.

[1] А. С. Некрасов после продолжительной болезни скончался 30 ноября 1862 г.

[2] Иван Ильич Маслов (ум. 1891 г.) —чиновник удельного ведомства, участник петербургских литературных кружков, приятель Некрасова и Тургенева.

⟨2⟩

⟨Петербург, 27 сентября 1872 г.⟩

Уважаемый
Евгений Иванович,

Из прилагаемой записки, которую дал мне Плещеев, увидите, в чем дело [1]. Так как Плещеев с тремя ребятишками бьется, как рыба об лед, то 800 р. были бы ему изрядным подспорьем, и я покорнейше Вас прошу похлопотать, если можно, в пользу Плещеева. Об этом же просит Вас и М. Е. Салтыков, поручивший мне поклониться Вам.

Будьте здоровы. Душевно Вам преданный

Н. Некрасов

27 сент⟨ября⟩ 1872 г.
СПб.

На обороте: Е. И. Якушкину в Ярославль

Автограф. — ЦГИА (Ф. Якушкина, XV, 130). Подготовка текста А. И. Соболевой.

[1] К письму приложена записка А. Н. Плещеева о неправильном расчете выкупной ссуды за имение его жены (в Ярославской губ.), вследствие чего ей приходилось выплачивать в казну 800 рублей.

П. И. ЯКУШКИНУ

⟨Петербург, 6 ноября 1862 г.⟩

Почтеннейший
Павел Иванович,

Статью Вашу [1] получил через Салтыкова, которому заплатил за Вас 25 р. да Вам посылаю 25: итого 50 р.

Какие еще Ваши статьи в редакции находятся? — Сколько я знаю, никаких других, кажется, нет. Напишите. Будьте здоровы и не забывайте «Современника» Вашею работою и впредь.

Пред⟨анный⟩ Вам
Н. Некрасов

Автограф. — Гос. театр. музей им. А. А. Бахрушина (86320). Подготовка текста А. И. Соболевой.

Письмо было послано в письме к Островскому: «Цыдульку на обороте, пожалуйста, передайте Якушкину». («Неизданные письма... из архива А. Н. Островского». М., 1932, 284).

[1] Речь идет о статье П. И. Якушкина (1820—1872) — «Велик бог земли русской», напечатанной в «Совр.», 1863, I—II.

ПИСЬМА К НЕКРАСОВУ

А. А. АБАЗЫ, М. В. АВДЕЕВА, И. С. АКСАКОВА, П. В. АННЕНКОВА, А. АНТОНОВИЧА, В. И. АСТАШЕВА, Е. Н. АХМАТОВОЙ, И. В. БАЗУНОВА, В. П. БАКЛАНОВА, И. И. БАШМАКОВА, В. Н. БЕКЕТОВА, Н. В. БЕРГА, Н. А. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО, Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА, П. Д. БОБОРЫКИНА, Г. И. БОГРОВА, П. И. БОКОВА, В. П. БОТКИНА, В. А. БУРЕНИНА, Н. П. ВАГНЕРА, П. В. ВАСИЛЬЕВА 2-ГО, Э. К. ВАТСОНА, П. И. ВЕЙНБЕРГА, С. ВЕЛИЧКОВСКОЙ, Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО, В. П. ГАЕВСКОГО, П. А. ГАЙДЕБУРОВА, А. Д. ГАЛАХОВА, М. ГАРНОВСКОГО, И. С. ГЕНСЛЕРА, Н. В. ГЕРБЕЛЯ, Н. А. ГЕРНГРОССА, Д. К. ГИРСА, А. А. ГОЛОВАЧЕВА, И. А. ГОНЧАРОВА, Д. В. ГРИГОРОВИЧА, С. С. ГРОМЕКИ, В. Д. и Н. Д. ДАВЫДОВЫХ, В. И. ДАЛЯ, П. В. ДОЛГОРУКОВА, А. В. ДРУЖИНИНА, П. А. ДУБОВИЦКОГО, Ф. П. ЕЛЕНЕВА, Г. З. ЕЛИСЕЕВА, П. А. ЕФРЕМОВА, А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА, Н. Д. ЗАЙОНЧКОВСКОЙ, В. А. ЗАЙЦЕВА, Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОГО, В. Р. ЗОТОВА, А. М. ИВАНОВА, Е. П. ИВАНОВОЙ, К. Д. КАВЕЛИНА, М. В. КАЗАКОВА, П. И. КАПНИСТА, Н. Х. КЕТЧЕРА, И. А. КОВАЛЕВСКОГО, П. М. КОВАЛЕВСКОГО, Е. Я. КОЛБАСИНА, Ф. А. КОНИ, Ю. Г. КОРОЛЕНКО, Н. И. КОСТОМАРОВА, Н. К. КРАББЕ, А. А. КРАЕВСКОГО, В. С. КРОТКОВА, В. А. КРЫЛОВА, Н. С. КУРОЧКИНА, И. А. КУЩЕВСКОГО, И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, В. М. ЛАЗАРЕВСКОГО, А. И. ЛЕВИТОВА, А. Н. МАЙКОВА, В. МАЙКОВА, Е. Л. МАРКОВА, М. А. МАРКОВИЧ, П. К. МЕНЬКОВА, Л. И. МЕЧНИКОВА, В. П. МЕЩЕРСКОГО, Д. Д. МИНАЕВА, Д. Л. МИХАЛОВСКОГО, Д. Л. МОРДОВЦЕВА, А. Е. НАДЕЖДИНА, НЕИЗВЕСТНОГО (АРХИ-КВАЗИМОДО), К. А. НЕКРАСОВА, ВАС. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО, Ф. Д. НЕФЕДОВА, А. В. НИКИТЕНКО, В. А. ОБРУЧЕВА, М. Н. ОСТРОВСКОГО, И. В. ПАВЛОВА, А. И. ПАЛЬМА, И. А. ПАНАЕВА, М. Я. ПАНАЕВОЙ, П. И. ПАШИНО, А. Г. ПЕТРОВА, П. А. и А. В. ПЛЕТНЕВЫХ, А. Н. ПЛЕЩЕЕВА, А. Ф. ПОГОССКОГО, Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО, А. А. ПОТЕХИНА, А. С. ПРУГАВИНА, А. П. ПЯТКОВСКОГО, П. А. РАДИЩЕВА, Е. В. ДЕ-РОБЕРТИ, Л. Ф. ДЕ-РОБЕРТИ, И. А. РОЖДЕСТВЕНСКОГО, П. П. РОЗАНОВА, Ф. Э. РОМЕРА, В. В. САМОЙЛОВА, И. В. СЕЛИВАНОВА, А. М. СКАБИЧЕВСКОГО, В. А. СЛЕПЦОВА, Н. П. СОКАЛЬСКОГО, К. Т. СОЛДАТЕНКОВА, С. М. СОЛОВЬЕВА, М. М. СТАСЮЛЕВИЧА, Е. СТЕПАНОВА, Н. Н. СТРАХОВА, И. З. СУРИКОВА, А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА, И. Р. ТАРХАНОВА, С. Н. ТЕРПИГОРЕВА, В. А. ТИМИРЯЗЕВА, Л. Н. ТОЛСТОГО, С. И. ТУРБИНА, М. Н. ТУРУНОВА, А. М. УНКОВСКОГО, И. В. ФЕДОРОВА (ОМУЛЕВСКОГО), А. А. ФЕТА (ШЕНШИНА), И. И. ФИЛАРЕТОВА, Н. И. ФИЛИМОНОВА, М. А. ФИЛИППОВА, В. Я. ФУКСА, Я. Н. ХАНЫКОВА, М. К. ЦЕБРИКОВОЙ, Н. П. ШАЛИКОВОЙ, Р. Р. ШТРАНДМАНА, А. П. ЩАПОВА, Н. А. ЮРЕНЕВА, Н. М. ЯДРИНЦЕВА, М. А. ЯЗЫКОВА, А. Н. ЯКОБИ и П. И. ЯКУШКИНА

Публикация В. Евгеньева-Максимова

При участии: П. Беркова, Б. Бухштаба, К. Григорьяна, Л. Ланского, С. Макашина, А. Максимовича, А. Михайловой, М. Панченко, С. Рейсера, Б. Эйхенбаума и Н. Эфрос.

Общая редакция и предисловие С. Макашина

НЕКРАСОВ И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Содержание предлагаемой публикации образуют не появлявшиеся до сих пор в печати письма, адресованные Некрасову его многочисленными корреспондентами. Нет нужды доказывать важность собирания и публикации эпистолярных материалов, относящихся к историческим деятелям нашего прошлого. За истекшее тридцатилетие советская наука обогатила и этот источниковедческий участок историко-литературного изучения большим количеством новых документов выдающегося научного интереса и общекультурной ценности. Достаточно вспомнить хотя бы отсутствовавшие до Октябрьской революции собрания писем Чернышевского и Добролюбова, Щедрина и Достоевского или «дополнения», введенные советскими исследователями в прежние издания писем Толстого и Чехова.

Следует, однако, признать, что существующие в нашей практике формы и методы публикации эпистолярного наследия писателей прошлого характеризуются одним серьезным, но трудно устранимым недостатком, снижающим эффективность исследовательского использования и читательского восприятия этого наследия. Речь идет о том, что в собрания сочинений того или иного писателя (даже в так называемые «академические») его переписка включается почти всегда по принципу односторонности, то есть печатаются только письма самого автора издаваемых сочинений. Искусственность, ненаучность и практические неудобства такого принципа очевидны. Переписка — та же беседа, или диалог, облеченные в эпистолярную форму. Отчетливое и полное понимание письма одного из корреспондентов необходимо предполагает знание и того письма, на которое оно отвечает. Печатать переписку по принципу односторонности столь же, по существу, странно, как пересказывать разговор двух людей словами лишь одного из них. Такой метод публикации существенно ограничивает, а иногда прямо искажает представление о том естественном живом процессе, в котором реально проявлялась эта форма общения писателя с окружавшей его действительностью. Плодотворное изучение эпистолярного наследия писателя невозможно без учета и понимания этой связи.

Несмотря на очевидную бесспорность этих соображений, метод одностороннего издания переписки прочно и безраздельно господствует во всех уже вышедших, выходящих и запроектированных собраниях сочинений классиков, за исключением одного лишь академического издания Пушкина. Наша практика, в этой области, все еще идет на поводу, с одной стороны, у обветшалой и ненаучной традиции дореволюционного литературоведения, с другой стороны — издательской «боязни» дублирования писем того или иного писателя в собраниях сочинений его самого и его корреспондентов.

Все сказанное в полной мере относится и к Некрасову. Как ни много уже сделано для уяснения его значения в истории русской литературы и русского общественного движения, — Некрасов все еще не раскрыт со всей полнотой конкретно-исторического изучения его наследства и всей его деятельности, сыгравшей столь выдающуюся роль в освободительной борьбе русского народа против царизма и крепостничества. Одним из существенных препятствий к широкому монографическому изучению творчества и жизненного пути Некрасова являлось и до сих пор является отсутствие полного собрания его переписки.

Переписка эта, далеко не полностью сохранившаяся, была, несомненно, весьма обширна. Крупнейший поэт и общественный деятель, организатор и бессменный, на протяжении почти тридцати лет, руководитель двух главнейших, ведущих журналов эпохи — «Современника» и «Отечественных Записок» — Некрасов находился в самом центре литературно-общественной жизни и борьбы своего времени. Круг его знакомств был огромен, охватывая, по существу, всех деятелей тогдашней литературы и журналистики, а также представителей многих других общественных групп. Поэтому в его переписке как радиусы к центру, сбегаются нити, связывающие ее со всем комплексом исследовательских проблем изучения творчества и биографии поэта.

Переписка Некрасова почти лишена интимно-личных, семейно-биографических и бытовых элементов, характерных для эпистолярных материалов писателей дворянско-усадебной литературы. Чужда она и тому эпистолярному стилю романтического идеализма, с его культом личной дружбы, философскими исповедями и лирическими излияниями, который нашел себе столь яркое выражение в переписке дворянских демократов 30—40-х гг. — молодых Герцена, Огарева, Бакунина и др. Социальная природа демократа-разночинца, положение руководителя крупнейшего общественно-политического дела, каким являлось издание «Современника» и «Отечественных Записок», наконец, индивидуальные особенности психологического склада Некрасова, его сдержанность, самодисциплинированность в отношении всякого рода интимно-личных признаний, — все это характерным образом отразилось и в его переписке. Содержание ее образуют преимущественно письма делового, практического назначения, связанные, чаще всего, с литературно-редакторской и общественной деятельностью поэта. Это налагает на некрасовскую переписку, особенно последнего периода, печать известной «сухости», но в то же время обеспечивает за ней значение исклю-

чительно ценного, по богатству и разнообразию своего фактического материала, источника для изучения литературно-общественного движения эпохи и, в первую очередь, стоявших во главе этого движения «Современника» и затем «Отечественных Записок».

Несмотря на столь выдающийся исследовательский интерес переписки Некрасова, она, как уже сказано выше, до сих пор оставалась несобранной и даже неучтенной в своем полном (то есть дошедшем до нас) объеме. Это в одинаковой мере относится к обеим частям переписки: к письмам самого Некрасова и к письмам его многочисленных корреспондентов. Но если письма Некрасова в недалеком будущем получат, наконец, свое действительно полное издание, в составе двух томов осуществляемого ныне Гослитиздатом двенадцатитомного собрания сочинений поэта, то для писем его корреспондентов перспективы быть собранными воедино не предвидится. В этих условиях редакция «Литературного Наследства» сочла целесообразным снабдить настоящую публикацию специальным справочным аппаратом, делающим доступным для исследователей, хотя бы только библиографически, весь приведенный до сих пор в известность фонд писем к Некрасову. В соответствии с такой задачей в приложениях к публикации неизданных писем печатаются:

1. Описание писем к Некрасову в бумагах Комитета общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Эти письма, хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Пушкинском доме, хотя и не изданные полностью, не включены в настоящую публикацию вследствие стандартности своего содержания, сводящегося исключительно к просьбам об оказании денежной помощи.

2. Хронологический указатель писем к Некрасову. Указатель снабжен библиографическим аппаратом и охватывает все письма как ранее изданные, так и впервые печатаемые в настоящем издании.

* * *

За весьма немногими исключениями письма к Некрасову дошли до нас в составе двух фондов: «петербургского архива» и «карабихского архива» поэта.

Под «петербургским архивом» мы разумеем те рукописи, бумаги и документы, которые находились на петербургской квартире Некрасова. После его смерти эти материалы перешли к сестре поэта — А. А. Буткевич, а ею (она пережила своего брата ненадолго) были переданы А. Ф. Кони. Последний, в свою очередь, передал, в 1910-х гг., часть этих материалов, и среди них письма к Некрасову, В. Е. Евгеньеву-Максимову, от которого они поступили в Институт литературы Академии Наук СССР (Пушкинский Дом); в архиве Института они и хранятся ныне. Другая часть «петербургского архива» Некрасова, также включавшая некоторое количество писем к нему (преимущественно цензоров), была передана А. Ф. Кони в тот же период К. И. Чуковскому, в собрании которого и находится по сей день. Наконец, еще одна группа писем из того же «петербургского архива» в разное время и разными путями расчленилась по нескольким другим собраниям. В их составе почти все эти письма хранятся ныне также в архиве Пушкинского Дома. Исключение составляют всего лишь шесть писем «петербургского архива», тексты которых печатаются по документам, находящимся в других архивохранилищах. Сюда относятся: 1) письмо М. Авдеева от 17 октября 1861 г., в подлиннике неизвестное и воспроизводимое по выписке, сделанной при перлюстрации письма в III Отделении (ЦГИА); 2) письмо П. Васильева, 1864 или 1865 гг. (ГПБ); 3) письмо Н. Гербеля от 30 марта 1860 г., печатающееся по черновому автографу, сохранившемуся в его архиве (ГПБ); 4) письмо Д. Григоровича от 29 ноября 1852 г. (ГПБ); 5) письмо А. Дружинина 1853 или 1854 гг. (ЦГЛА) и 6) письмо Л. Толстого от 8 ноября 1874 г. (Музей Л. Н. Толстого в Москве).

«Карабихский архив» Некрасова составляли бумаги, находившиеся в имении поэта в селе Карабиха, близ Ярославля. В 1925 г. архив был передан племянником поэта К. Ф. Некрасовым в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, в рукопис-

ном отделении которой и хранится ныне. Эпистолярная часть «карабихского архива», особенно в группе писем сотрудников «Современника» и «Отечественных Записок» количественно и качественно беднее, чем в «петербургском архиве». Это и неудивительно. В 60—70-е годы Некрасов ездил в Карабиху, да и то не всякий год, преимущественно летом. т. е. в периоды «сезонного» затишья в литературной жизни и журнальных делах. В Петербурге же Некрасов жил бо́льшую часть года. Естественно, что письма, связанные с его редакторской работой, получались им чаще всего в столице.

Эпистолярные материалы «карабихского архива» почти полностью, хотя и весьма неисправно, напечатаны в известном издании «Архив села Карабихи» (М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916) и в дополняющих это издание двух публикациях «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (выпуски 6 и 9. М. 1940, стр. 30—41 и 14—17). Тем не менее эти материалы частично использованы и в настоящей публикации. Это сделано в тех случаях, когда в интересах цельности и полноты некоторых «персональных разделов» публикуемой переписки представлялось целесообразным включить в эти разделы также и относящиеся к ним письма из «карабихского архива». Такие повторные (но исправленные по подлинникам) публикации введены в переписку: Н. Благовещенского (1), П. Боборыкина (2), А. Краевского (2), Н. Курочкина (2), И. Кущевского (1), Е. Маркова (1), А. Плещеева (3), А. Пятковского (1), В. Слепцова (1) и Н. Филимонова (1). Таким образом, включение материалов из «карабихского архива» применено лишь в 15 случаях. Но оно могло быть и шире: публикация писем в издании «Архива села Карабихи» отличается, как уже упомянуто, большой неточностью, вплоть до полного искажения текста отдельных писем и неверного определения их авторов (см., например, № 162 — письмо Н. Краббе, напечатанное в качестве письма А. Краевского, № 188 — письмо А. Пятковского, опубликованное как письмо А. Пыпина, и др.).

Что касается писем из «петербургского архива», то они не имеют отдельного издания, а выборочные публикации в журналах не исчерпывают даже половины общего количества писем, хотя, естественно, и представляют эти последние в их наиболее интересных и ценных образцах (письма Гончарова, Добролюбова, Достоевского, Островского, Писемского, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Тургенева, Чернышевского и некоторых других). Все остальные, не появлявшиеся в печати письма «петербургского архива» входят в настоящую публикацию, полностью исчерпывая, таким образом, эпистолярную часть этого когда-то единого фонда.

Общее число печатаемых ниже писем равняется 468. Сюда входят:

а) 415 писем к Некрасову от 146 лиц (76 имен среди них до сих пор не были известны в качестве корреспондентов поэта);

б) 30 писем, адресованных не лично Некрасову, а в редакцию «Современника» и «Отечественных Записок», а также на имя соредакторов Некрасова по этим изданиям — Чернышевского, Салтыкова-Щедрина и Елисеева (письма эти сохранились в архиве Некрасова и были несомненно известны ему); наконец,

в) 23 письма самого Некрасова, непосредственно связанных с некоторыми из публикуемых писем к нему и образующих вместе с ними двустороннюю переписку.

В предшествующих публикациях, разбросанных в различных книгах, сборниках, журналах и газетах, часто в составе тех или иных некрасоведческих статей и исследований, напечатано всего 438 писем (из них свыше 40 лишь в отрывках и цитатах), представляющих 97 корреспондентов. Таким образом, известный до сих пор в печати фонд писем к Некрасову увеличивается почти вдвое.

Хронологические рамки публикации охватывают все протяжение литературной деятельности Некрасова. Самое раннее из писем (И. Башмакова), адресованное девятнадцатилетнему поэту, датировано 19 марта 1840 г., самое позднее (П. Боборыкина), относящееся уже к предсмертной болезни Некрасова, — 3 августа 1877 г. Однако распределение материалов, в пределах этих крайних дат, весьма неравномерно. Ранний, юношеский период в литературной биографии Некрасова представлен всего двумя письмами (считая, кроме упомянутого письма И. Башмакова, также и полученную Некрасовым от Ф. Кони рекомендательную записку к П. Корсакову от 19 февраля 1840 г.). К периоду «Современника» (1847—1866) относятся 78

ГЛАВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»
Гравюра В. В. Матэ, 1890 г.
Русский музей, Ленинград

писем, из которых 3 датируются 1847 годом — первым годом существования журнала Некрасова и Белинского, 14 приходятся на годы упадка журнала в реакционное семилетие 1849 — 1855 гг. и 60 писем — на знаменательную эпоху шестидесятых годов (1856 — 1866). Все остальные письма, в числе 335, относятся к последнему десятилетию жизни и деятельности Некрасова — десятилетию «Отечественных Записок» (1867—1877).

Было бы трудно, да при наличии обширного исследовательского аппарата, сопровождающего публикацию, и нецелесообразно, входить здесь в детальные и дифференцированные оценки печатаемых материалов по существу их содержания. Ограничимся поэтому краткой суммарной характеристикой основных тематических групп, по которым естественно распределяются письма. Такая характеристика, преследующая информационные цели, облегчит читателю общее первичное ознакомление с этой обширной публикацией.

Основную, самую обширную и, в историко-литературном отношении, наиболее ценную группу представляют письма, связанные с деятельностью Некрасова как создателя и руководителя «Современника» и затем «Отечественных Записок» — журналов, сыгравших столь выдающуюся роль в истории русской культуры и общественной мысли. Сюда входят, в первую очередь, письма многочисленных сотрудников этих изданий, известных писателей-беллетристов, поэтов, критиков, публицистов и других литераторов эпохи. Каждый из общественно-исторических этапов в жизни некрасовских журналов представлен своей, характерной именно для данного этапа, группой литературных имен (при отсутствии, однако, ведущих критиков и публицистов, например, Белинского и Чернышевского и крупнейших писателей, например, Толстого и Тургенева, чьи письма к Некрасову напечатаны ранее и не входят поэтому в настоящую публикацию).

«Современник» пятидесятых годов представлен письмами таких его постоянных сотрудников этой поры, как В. Боткин, А. Дружинин, А. Фет, Д. Григорович, В. Даль и др. «Современник» шестидесятых годов — письмами В. Курочкина, Н. Помяловского, И. Селиванова, Н. Благовещенского и др.

Почти с исчерпывающей полнотой (за исключением опять-таки двух крупнейших писательских имен,— Салтыкова-Щедрина и Островского, чьи письма к Некрасову давно известны в печати) представляют публикуемые письма литературных сотрудников «Отечественных Записок» некрасовского периода как постоянных, так и эпизодических. Выделим здесь письма беллетристов — М. Авдеева, П. Боборыкина, Д. Гирса, Н. Зайончковской (Хвощинской), Н. Златовратского, И. Кущевского, А. Левитова, М. Маркович (Марко-Вовчок), Д. Мордовцева, Ф. Нефедова, С. Терпигорева (Атавы), И. Федорова (Омулевского); поэтов — А. Плещеева, А. Жемчужникова, Д. Минаева, П. Вейнберга, Н. Гербеля и др.; критиков, публицистов и ученых — В. Зайцева, П. Ковалевского, Л. Мечникова, А. Пятковского, А. Скабичевского, А. Щапова, Н. Ядринцева, П. Якушкина и др. Из писем эпизодических участников «Отечественных Записок» назовем письма Л. Толстого, связанные с историей печатания в некрасовском журнале его статьи о народном образовании. Укажем здесь также на письма находившегося в ссылке В. Обручева, вызванные его предполагавшимся, но, видимо, неосуществившимся сотрудничеством в «Отечественных Записках».

Разумеется, не все публикуемые письма значительны по своему содержанию, но в каждом из них можно найти примечательные данные общественного, исторического или литературного характера. Помимо индивидуального содержания писем каждого корреспондента, часто очень важного для его собственной литературной биографии, для истории его произведений, особое значение приобретает их совокупность, дающая яркую картину взаимоотношений Некрасова и того коллектива писателей и литераторов, на который опирался его второй журнал. Отражая разностороннюю связь Некрасова-редактора с представителями современной ему литературы, эти письма освещают, тем самым, общественно-политическое место возглавлявшегося им журнала, иллюстрируют борьбу, которая велась вокруг и против него.

Быть может еще бо́льший исследовательский интерес представляют две другие группы писем: соредакторов Некрасова и ближайших его сотрудников по редакции, с одной стороны, и письма цензоров и чиновников цензурного ведомства — с дру-

гой. К первой группе относятся письма Г. Елисеева, В. Слепцова, Н. Курочкина, А. Плещеева, а также А. Краевского. Во второй группе представлены имена почти всех людей, осуществлявших на практике политику тяжелых цензурно-полицейских преследований, которым самодержавие постоянно и систематически подвергало некрасовские «Отечественные Записки», а ранее «Современник». Здесь печатаются письма цензоров второго некрасовского журнала, крупных чиновников цензурного ведомства — Ф. Веселаго, Ф. Еленева, А. Петрова, М. Турунова, В. Фукса и др. В этой «цензорской группе» (почти все письма, в нее входящие, предоставлены редакции К. И. Чуковским) особый интерес представляют многочисленные письма Ф. Толстого, ярко вскрывающие не только механизм и психологию литературной политики самодержавия, но и противостоящую этой политике тактику журнальной борьбы Некрасова. Письма Ф. Толстого, изученные К. И. Чуковским в работе, имеющей монографический характер, выделены из настоящей публикации. Они печатаются непосредственно вслед за ней, в статье упомянутого автора — «Феофил Толстой и его письма к Некрасову».

Что касается писем соредакторов и ближайших сотрудников редакции, то они снабжают исследователя новыми и весьма примечательными материалами для изучения внутриредакционной борьбы и внутриредакционных отношений в «Отечественных Записках». Особенно интересны здесь письма Елисеева, подтверждающие, в частности, что по ряду принципиальных вопросов идеологического руководства журнала он противостоял Некрасову и Щедрину, являвшимся в редакции хранителями традиций «Современника» эпохи Чернышевского, традиций и заветов революционной демократии.

Не менее интересны письма Краевского. Они содержат небольшой, но выразительный материал, иллюстрирующий практику его вмешательства в редакционные дела журнала. Письма подтверждают, что в качестве собственника и официального редактора-издателя «Отечественных Записок» Краевский вовсе не был, как это иногда изображается, безобидной фигурой дельца-предпринимателя, чуждого всякой идеологической активности. Они уясняют ту двойственную роль, которую играл он в делах «своего» журнала, и опровергают мнение о его якобы невмешательстве в редакционную жизнь издания.

«Отечественные Записки» Некрасова и Щедрина, пришедшие на смену запрещенному в 1866 г. «Современнику», справедливо завоевали репутацию лучшего демократического издания своего времени. Журнал группировал вокруг себя главные, ведущие силы передовой, демократической интеллигенции, он был идейно, а в некоторых отношениях и практически, связан с революционным движением 70-х годов. К. Маркс и Ф. Энгельс следили за «Отечественными Записками», черпая из них материалы для своего изучения социально-экономической действительности России. Определяя общее значение этого издания в прогрессивном идейном наследстве русской национальной культуры, В. И. Ленин писал в своем труде «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?»: «... поскольку „Отечественные Записки", чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазным либерализмом и демократизмом, — постольку они делали дело, общее всем нашим первым социалистам, которые хотя и не умели понять этой антагонистичности, но сознавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность; — постольку „Отечественные Записки" были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата)» (В. И. Л е н и н, Соч., изд. 4, т. I, стр. 265).

Следует признать, что в активе нашей исторической и литературоведческой науки все еще нет работ, посвященных всестороннему монографическому изучению «Отечественных Записок», развернутой характеристике этого издания в свете ленинской оценки его прогрессивных, «с точки зрения пролетариата», сторон. Несомненно, что одним из препятствий на пути к такому изучению является относительная недостаточность и чрезвычайная разбросанность относящихся сюда документальных материалов. Опубликование столь обширного эпистолярного собрания, относящегося к истории журнала, представляет, очевидно, серьезный вклад в документацию изучения как «Отечественных Записок» некрасовского периода, так и самого Некрасова и — шире — всего периода 1860—70-х годов.

Литературно-общественная и журнально-издательская активность Некрасова, не связанная непосредственно с «Современником» и «Отечественными Записками», также

отражена в публикуемых материалах. Сюда относятся, например, письма П. Ефремова, В. Мещерского, А. Никитенко и А. Погосского, связанные с участием Некрасова в благотворительном издании «Складчина» 1874 г. в пользу голодающих крестьян Самарской губернии, письма того же П. Ефремова и актера П. Васильева, характеризующие общественную работу поэта в Комитете Литературного фонда, письмо А. Майкова, приглашавшее Некрасова к участию в организации празднования столетнего юбилея Ломоносова в 1865 г., и др.

Наконец, последняя, довольно обширная и весьма разнообразная по своему содержанию группа писем связана с различными фактами личной биографии Некрасова как литературной, творческой, так и житейской.

Интересные материалы для юношеской биографии Некрасова содержатся, например, в письмах 1840 г. И. Башмакова и Ф. Кони (к П. Корсакову), а также в позднем письме П. Анненкова к А. Буткевич, написанном по поводу посмертного издания стихотворений поэта. В этом письме примечательно несколько мемуарных строк. Перечитывая ранние стихи Некрасова, П. Анненков писал его сестре: «Они ⟨стихи⟩ воскресили передо мной молодого, пожираемого огнем творчества и святой злобы к пошлости Некрасова. Как он был хорош!».

В письмах того же П. Анненкова к самому Некрасову, а также в письмах И. Гончарова, А. Жемчужникова и других находим ряд интересных отзывов о произведениях Некрасова, в частности, о поэмах «Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо», материалы для истории текста поэмы «Современники» (письмо В. и Н. Давыдовых), указания на факты, уточняющие дату первичной публикации «Медвежьей охоты» (письмо М. Маркович).

Письмо Г. Благосветлова содержит новое свидетельство современника и очевидца о тех чувствах глубокой, искренней любви, которые питал к Некрасову Чернышевский. Для изучения «трудного» в некрасовской биографии 1869 года — года «разоблачительных» выступлений Антоновича и Жуковского, а также Тургенева («Воспоминания о Белинском»), больно ранивших поэта, — существенный интерес представляет переписка с Некрасовым В. Лазаревского. К литературной биографии Некрасова относятся также письма И. Базунова, И. Панаева, К. Солдатенкова, М. Стасюлевича, связанные с различными издательскими делами и предположениями Некрасова.

* * *

Исследовательский аппарат публикации состоит из вступительных заметок к письму или группе писем каждого корреспондента, комментариев к письмам, двух вышеупомянутых специальных указателей, печатающихся в «приложениях» к публикации, и общего именного указателя ко всему тому в конце книги. Вступительные статьи и заметки содержат краткие характеристики корреспондентов Некрасова (преимущественно под углом зрения их взаимоотношений с поэтом), комментарии раскрывают многообразные общественные, историко-литературные и биографические детали в публикуемых письмах. Своеобразием исследовательского аппарата данной публикации является его насыщенность новой архивной документацией, научная ценность которой иногда даже превышает интерес самого публикуемого письма. Такие «скрытые» публикации новых документальных материалов включены, например, в комментарии к письмам: М. Авдеева (жандармская справка о нем III Отделения, в связи с арестом М. Михайлова), Н. Курочкина (его биобиблиографическая анкета), Никитенко (неизвестное ранее стихотворение М. Яхонтова «Памяти Ф. И. Тютчева»), А. Плещеева (его письмо к Чернышевскому), А. Скабичевского (его письмо-исповедь к Михайловскому — интересный документ, отражающий хотя и в весьма кривом зеркале внутриредакционную борьбу в «Отечественных Записках» 70-х годов), А. Сухово-Кобылина (страницы из его неизданного дневника 1856 г., относящиеся к истории напечатания в «Современнике» «Свадьбы Кречинского» и к знакомству автора с Некрасовым), А. Якоби (записи из ее неизданных дневников, относящиеся к пребыванию Некрасова в Риме в 1867 г.) и др.

Специального упоминания заслуживает архивная документация, сопровождающая публикацию писем Боборыкина. Во вступительной заметке и в комментариях к этим

письмам читатель найдет несколько отрывков неизданной части известных воспоминаний Боборыкина «За полвека» — отрывков, посвященных Брюссельскому конгрессу I Интернационала и впечатлениям от Парижа непосредственно после подавления Коммуны 1871 г. Кроме того, здесь же впервые печатается целая главка из тех же воспоминаний, воссоздающая картину жизни редакции «Отечественных Записок» и содержащая характеристики основных руководителей и ближайших сотрудников издания — Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Елисеева, Михайловского, Н. Курочкина, Плещеева, Скабичевского, Пятковского и Демерта.

Письма помещены в алфавитном порядке корреспондентов. Печатать в хронологическом порядке не представлялось удобным, так как при этом разбивались персональные «гнезда» писем, связанные с определенным корреспондентом, что в свою очередь делало невозможной характеристику его взаимоотношений с Некрасовым (во вступительных заметках). Хронологический указатель, помещенный в «приложениях», вносит необходимый корректив в алфавитный порядок и позволяет читателю знакомиться с опубликованным эпистолярным материалом также и по времени написания писем.

Краткие археографические легенды даются в конце вступительной заметки к письму или к группе писем каждого корреспондента. В тех немногих случаях, где археологические легенды отсутствуют, это означает, что местонахождение подлинника или подлинников не могло быть установлено при проверке и соответствующее письмо или письма печатаются по имеющимся в распоряжении редакции копиям.

Бо́льшая часть писем к Некрасову, входящих в настоящую публикацию, а именно около 300 писем 97 корреспондентов (из 415 писем 146 корреспондентов) поступила в редакционный портфель «Литературного Наследства» еще в 1939 году. Письма эти восходили к собранию В. Е. Евгеньева-Максимова, переданному им затем в собственность Института литературы АН СССР (Пушкинского Дома).

Авторами публикации 1939 г. являлись В. Е. Евгеньев-Максимов, подготовивший к печати основную часть писем, и группа научных сотрудников Института — К. Н. Григорьян, М. А. Панченко и др.

В годы Отечественной войны рукопись представленной публикации существенно пострадала. Некоторые разделы ее были утрачены полностью — их пришлось создавать заново, другие частично — их нужно было «реставрировать». Эта работа была осуществлена редакцией «Литературного Наследства» на протяжении 1946—1948 гг., после реэвакуации архивных фондов Института литературы АН СССР. Восстанавливались по подлинникам утраченные копии писем, сверялись с автографами все сохранившиеся, заново создавалась и значительная часть исследовательского аппарата, отчасти также утраченного, отчасти устаревшего за десятилетие и требовавшего некоторого обновления.

Сложная и обширная работа по воссозданию публикации неизбежно обезличила труд прежних ее участников, но, с другой стороны, значительно расширила ее состав и обогатила ее содержание. В процессе этой «восстановительной» работы, потребовавшей широких архивных разысканий, редакции удалось пополнить прежний корпус публикации еще 120 письмами к Некрасову различных корреспондентов как новых, так и ранее представленных, но меньшим числом писем. Кроме того, в исследовательский аппарат публикации было введено значительное количество отсутствовавших там ранее архивных материалов, представляющих существенный интерес для изучения Некрасова и его литературно-журнальных отношений.

В силу всех этих причин определить и объективировать в печати долю труда каждого из участников настоящей работы не представляется возможным. Укажем лишь основные разделы публикации, по которым преимущественно распределился труд подготовивших ее участников авторского коллектива.

Авторами вступительных заметок и комментариев являются:

В. Е. Евгеньев-Максимов — к письмам М. В. Авдеева, И. С. Аксакова, Е. Н. Ахматовой, Н. С. Благовещенского, Г. И. Богрова, В. П. Боткина, В. П. Буренина, Н. П. Вагнера, П. И. Вейнберга, П. А. Гайдебурова, Н. В. Гербеля, Д. К. Гирса, И. А. Гончарова, Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, П. А. Дубовицкого, А. М. Жемчужникова, Н. Д. Зайончковской, В. А. Зайцева, Н. Н. Златовратского,

В. Р. Зотова, К. Д. Кавелина, П. М. Ковалевского, Н. И. Костомарова, Н. К. Краббе, В. С. Кроткова, И. А. Кущевского, А. И. Левитова, М. А. Маркович, П. Н. Менькова, Д. Д. Минаева, Д. Л. Михаловского, Д. Л. Мордовцева, Ф. Д. Нефедова, А. В. Никитенко, М. Н. Островского, А. И. Пальма, А. Ф. Погосского, Н. Г. Помяловского, А. А. Потехина, А. С. Пругавина, А. М. Скабичевского, В. А. Слепцова, М. М. Стасюлевича, С. Н. Терпигорева (Атавы), В. А. Тимирязева, И. Ф. Федорова (Омулевского), Я. Н. Ханыкова, М. К. Цебриковой, Р. Р. Штрандмана, А. П. Щапова, Н. М. Ядринцева и П. И. Якушкина.

Б. Я. Бухштаб — к письмам А. А. Фета.

К. Н. Григорьян — к письмам В. И. Асташева, Э. К. Ватсона, И. И. Филаретова, М. А. Филиппова и Н. П. Шаликовой.

Л. Р. Ланский — к письмам А. Антоновича, А. Г. Петрова, В. В. Самойлова и А. В. Сухово-Кобылина.

С. А. Макашин —к письмам М. В. Авдеева (от 17 октября 1861 г.), П. В. Анненкова, В. Н. Бекетова, Г. Е. Благосветлова, П.Д. Боборыкина, А. А. Головачева, Ф. П. Еленева, Г. З. Елисеева, П. И. Капниста, А. А. Краевского, Н. С. Курочкина, В. М. Лазаревского, В. П. Мещерского, Вас. И. Немировича-Данченко, И. В. Павлова, А. П. Пятковского, И. В. Селиванова, Н. Н. Страхова, Н. З. Сурикова, А. М. Унковского, В. Я. Фукса и Н. А. Юренева.

А. Я. Максимович — к письмам П. В. Долгорукова, В. А. Крылова и И. И. Лажечникова.

А. Н. Михайлова —к письмам П. В. Васильева, Н. В. Гербеля (от 30 марта 1860 г.) и Д. В. Григоровича (от 29 ноября 1852 г.).

М. А. Панченко — к письмам И. В. Базунова, А. Д. Галахова, И. А. Панаева, А. Н. Плещеева и С. М. Соловьева.

С. А. Рейсер — к письму К. А. Некрасова.

Наталия Эфрос — к письмам П. Д. Боборыкина (публикация его воспоминаний), Н. А. Гернгросса, Ю. Г. Короленко, Неизвестного («Архи-Квазимодо») и И. А. Рождественского.

Комментарии к остальным письмам, не упомянутым в перечне, принадлежат редакции «Литературного Наследства».

В 1946—48 гг. в связи с упомянутой выше полной или частичной утратой в годы Отечественной войны многих писем, все публикуемые тексты заново копировались и сверялись по подлинникам. Эта работа, а также подготовка к печати всех вновь выявленных писем произведены: по материалам ленинградских архивов — Е. П. Иосса, по материалам московских собраний — Л. Р. Ланским и Наталией Эфрос. Двум последним принадлежит также труд собирания материалов, положенных в основу некоторых вступительных заметок и комментариев.

Тексты введенных в публикацию 23 писем Некрасова подготовлены к печати В. С. Любимовой-Дороватовской (к П. А. Ефремову), С. А. Рейсером (к Э. К. Ватсону) и А. И. Соболевой (к В. М. Лазаревскому).

Контрольная читка публикации на первом этапе редакционной работы над ней (в 1940—1941 гг.) была осуществлена А. А. Сиверсом.

Описание писем к Некрасову о бумагах Комитета общества для пособия нуждающимся литераторам составлено М. И. Маловой и А. Н. Михайловой.

Хронологический указатель писем к Некрасову составлен Ю. И. Масановым, на основании материалов настоящей публикации и библиографии ранее напечатанных писем к Некрасову, составленной С. А. Рейсером (до 1917 г.) и Л. М. Добровольским (после 1917 г.).

Подбор иконографических и иллюстративных материалов осуществлен Наталией Эфрос при участии Е. П. Населенко и М. И. Гонтаевой.

А. А. АБАЗА

Александр Аггеевич Абаза (1821—1895) — государственный деятель умеренно либерального направления, сторонник реформы 1861 г. В 60-х годах — гофмейстер при дворе вел. кн. Елены Павловны, к кружку которой был близок, и член совета Министерства финансов; с 1874 г. — председатель департамента экономии Государственного совета; впоследствии — государственный контролер и (короткое время) министр финансов.

Абаза был одно время постоянным партнером Некрасова по карточной игре (см.: «Лит. Наследство», т. 49—50, 161 и «Архив села Карабихи», 73—76). Возникшее на этой почве знакомство позволяло Некрасову предпринимать иногда попытки использовать видное положение и связи Абазы в официальных кругах для целей, весьма чуждых этим кругам. Так, например, в 1875 г. Некрасов просил у Абазы совета и помощи в деле облегчения участи Н. Г. Чернышевского (Некрасов, V, 561).

Письмо печатается по автографу собрания К. И. Чуковского (Москва).

⟨Не ранее весны 1868 г.⟩

По условию нашему — вот составленная мною статья; передайте К., что она должна быть напечатана в завтрашнем №, на первой странице и не мелким шрифтом, напечатана без всякого изменения — полагаю, что этим он отвратит от себя большие неприятности.[1]

Преданнейший

А. Абаза

P. S. Будьте здоровы и до свиданья осенью...

[1] Речь идет, видимо, о какой-то статье Абазы, предназначенной для напечатания в газете Краевского «Голос». Передача статьи и самого поручения через Некрасова могла иметь место скорее всего после 1868 г., когда, в связи с переходом «О. З.» в руки новой редакции, у Некрасова с Краевским существовал постоянный деловой контакт. Отсюда и предполагаемая датировка письма. Отыскать статью Абазы, напечатанную, вероятно, анонимно, не удалось.

НЕКРАСОВ

Фотография М. Тулинова, 1861 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

М. В. АВДЕЕВ

Михаил Васильевич Авдеев (1821—1876), писатель-беллетрист, был сотрудником «Современника» и «Отеч. Зап.», хотя по своим политическим взглядам и настроениям всецело находился в лагере дворянского либерализма.

В пору реакции конца 1840-х—начала 1850-х годов «Современник», остро нуждавшийся в материалах, охотно печатал Авдеева. Дебют его здесь с повестью «Варенька» — первой частью трилогии «Тамарин» — относится к 1849 г. Некрасов усмотрел тогда в его повести «много хорошего», а в ее авторе — «несомненный талант» (см. письма Некрасова к Авдееву от 30 мая 1849 г. и 17 июня 1852 г. — Некрасов, V, 132, 166). Когда же критико-библиографический отдел журнала перешел в руки Чернышевского, авторитету Авдеева был нанесен сильный удар. В первый же год своего сотрудничества в «Современнике» Чернышевский поместил в нем уничтожающий отзыв о произведениях Авдеева («Современник», 1854, II). Из воспоминаний Елисея Колбасина («Тени старого „Современника"». — «Совр.», 1911, VIII) известно, что этот отзыв заставил едва ли не впервые заговорить о «неуважении к авторитетам» «семинариста» Чернышевского. В 1855 г. Некрасов уже разделял взгляд Чернышевского на Авдеева и в письме к И. С. Тургеневу от 12 августа 1855 г. определенно высказывался: «А молодые-то наши писатели более наклонны итти по стопам Авдеева. Грустно. И нет человека во всей литературе, нет критика, который хоть немного растолковал, куда ведет путь, проложенный Авдеевым и т. п.» (Некрасов, V, 212).

В конфликте Тургенева с революционно-демократическим руководством «Современника» Авдеев закономерно оказался на стороне первого, тогда как Некрасов сразу встал на сторону Чернышевского. И даже уже в 1863 г. Авдеев пытался, путем личного обращения к Некрасову, добиться восстановления старого положения, т. е. изменения направления журнала. В письме к Некрасову (1863) Авдеев настойчиво рекомендовал ему «примириться с Тургеневым», «пожертвовать Антоновичем» и «исправить зло» (В. Евгеньев-Максимов. Некрасов и его современники. 1930, 152—153).

Неудивительно, что, когда «Отеч. Зап.» перешли в руки Некрасова, Авдеев не мог занять среди его сотрудников сколько-нибудь значительного места. Его вклад в «Отеч. Зап.» и количественно невелик и качественно малозначителен («Пестренькая жизнь, из рассказов знакомого», 1870, I, и «Переписка двух барышень», 1875, I и II). А между тем Авдеев, как видно из публикуемых писем, стремился стать к «Отеч. Зап.» возможно ближе: он претендовал не только на постоянное сотрудничество в журнале, но даже на вхождение в состав его редакции. Однако Некрасов в большинстве случаев отклонял предлагавшиеся ему Авдеевым работы, а Щедрин резко критиковал их на страницах «Отеч. Зап.» (см.: Н. Щедрин. Полн. собр. соч., VIII, по указателю имен).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 8) и ЦГИА (Ф. III Отд., II Секр. архив, 1861, № 640).

<1>

Белебей, 29 ноября <18>55 г.

Живы ли Вы? Здоровы ли? любезный Некрасов! Я решительно не знаю, что творится с Вами и всей нашей литературн<ой> братией. А со мной сотворилась вещь не весьма приятная: я выбран в дружинные и теперь в сквернейшем городишке формирую рать. Вы не можете себе представить, как я бедствую; хлопот миллион и все таких, о которых не имею понятия: шить сапоги, устраивать хозяйств<енную> часть дружины — когда я в жизнь не мог ее устроить у себя на квартире. Средств никаких; делаю воззвания к помещикам, но у них более патриотизма, нежели денег, да и патриотизм как-то начинает пришепетывать чуть дело дойдет до развязки [1]. Здоровье скверно: лето был в лихорадке, не кончил ничего, что начал. Брат под Севастополем, старик-отец один дома [2], все идет скверно. Но какие драмы разыгрываются при наборе, при котором я не только присутствую, но и должен иногда играть роль судьбы! Веду дневник, и он наполняется

М. В. АВДЕЕВ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

многими интересными фактами [3]. Мы, говорят, отправляемся к Муравьеву [4], поплывем Волгой и Касп⟨ийским⟩ морем с первой водой. Что же делать, надо кому-нибудь итти и не на словах; поклонитесь много Панаеву, Тургеневу, Боткину, Анненк⟨ову⟩ и всем и вся. Да напишите что у Вас делается — я решительно ничего не знаю: Михайлов [5], негодяй, не пишет; брат его у меня адъютантом, выписал бы и его, да я и один не гожусь, а с ним хоть брось. Присылайте, пожалуйста, Совр⟨еменник⟩ в буд⟨ущем⟩ году на имя Е⟨го⟩ Выс⟨окоблагородия⟩ Василия Никитича Авдеева в Стерлитамак: пусть хоть старик читает дома, а мне вряд ли удастся. Испросите мне благословение добрых собратов и не забывайте Вам искренно преданного

М. Авдеева

Здесь насчет меня придерживались соллогубовского правила, что прежде, нежели я литератор, я помещик [6], или, правильнее, о первом и не думают, а давай сюда помещика, который не служил дворянству.

У нас отговорок не принимали, пошло́ все, что могло, и то едва набралось, а за уважительными причинами у меня дело бы не стало. Пишите, пожалуйста. Адресуйте письмо на мое имя в Белебей. За Совр⟨еменник⟩ запишу, коль буду цел. Не захватило ли ополчение еще кого-нибудь из наших или я один буду ратовать за всех?

[1] Письмо относится к периоду Крымской войны. Авдеев был избран уфимским дворянством в офицеры ополчения, которое в то время формировалось на помощь регулярным войскам за счет помещиков, обязанных сдавать в набор известный процент своих крепостных.

[2] Василий Никитич Авдеев, живший в Стерлитамакском уезде, где у Авдеевых было имение.

[3] Дневник Авдеева в печати не известен.

[4] Николай Николаевич Муравьев (1794—1866), командовавший русской армией на Кавказе.

[5] Михаил Ларионович Михайлов (1826—1865), с которым Авдеев находился в переписке. При обыске, сопровождавшем арест Михайлова в 1862 г., среди его бумаг было обнаружено несколько писем Авдеева (см. примеч. к след. письму).

[6] По выражению И. И. Панаева, В. А. Сологуб «неловко разыгрывал в свете роль литератора, а в литературе — светского человека».

⟨2⟩

⟨Уфа, 17 октября 1861 г.⟩

⟨...⟩ Крестьянское дело занимает у меня много времени, тем более, что не только крестьяне, но и посредники, которые их отстаивают, обращаются ко мне, так как я, и по обязанности и еще более по склонности, их орган в Губернском присутствии. Дело это, несмотря на сопротивление помещиков, идет хорошо, потому что наш губернатор Аксаков [1] — человек добросовестный и почти один меня поддерживает. На меня, кажется, пошел донос жандарма за либерализм действий по крестьянскому делу; надеюсь, кончится вздором.

Здесь все, даже приверженцы Чернышевского, недовольны тоном его статей полемических [2]. Я нахожу, что вообще эта полемика в настоящее время факт грустный и вредный, особенно потому, что, разъясняя друг другу свои действия, журналы открывают свои маскированные стороны Правительству и невольно доносят друг на друга. Как это не подумали Вы об этом? Отчего «Современник» так мало говорит о крестьянском вопросе? Даже и здесь все только и толкуют о конституции, хотя и боятся для этого шевельнуть пальцем ⟨...⟩ [3]

[1] Григорий Сергеевич Аксаков (1820—1891), второй по старшинству сын Сергея Тимофеевича Аксакова, был с 1861 по 1867 гг. оренбургским и уфимским губернатором. Резиденцией этого объединенного губернаторства была Уфа.

[2] Имеются в виду «Полемические красоты», «Непочтительность к авторитетам» («Совр.», 1861, VI и VII) и др. статьи Н. Г. Чернышевского.

[3] Опубликованный текст представляет собой выписку из перлюстрированного письма с подписью «М. А.» из Уфы от 17 октября 1861 г., адресованного к «Николаю Алексеевичу Некрасову в С.-Петербург» (ЦГИА, в Москве. — Ф. III Отд., II Секр. архив, 1861 г., № 640).

К выписке приложена на отдельном листе справка III Отделения от 14. XI 1861 г. следующего содержания:

«М. А., писавший прилагаемое письмо, должен быть Михаил Авдеев, член от Правительства в Оренбургском губернском присутствии по крестьянскому делу.

О нем подполковник Колычев, в срочных донесениях своих о лицах, обращающих там на себя внимание, сообщил след⟨ующие⟩ сведения.

Отставной капитан корпуса инженеров Путей сообщения Авдеев, служивший потом в ополчении, владел в Стерлитамакском уезде наследственным имением, которое продал братьям. Он получил замечательное образование, развитое по западным идеям в продолжительное пребывание его за границею. При всей своей осторожности, он высказывает иногда либеральный образ мыслей, и направление его совершенно герценовское; не менее того ⟨?⟩ он там не опасен, не находя симпатии в своих знакомых, однако на выборах в 1859 г. успел осуществить свою мысль — ходатайствовать у Правительства о введении гласного судопроизводства и об ослаблении цензуры.

После этого донесения (в январе 1860 г.) подполковник Колычев писал, что Авдеев жил скромно в имении своих братьев и вел себя весьма осторожно.

В начале октября нынешнего года получено донесение, что Авдеев при содействии бывшего Оренбургского гражданского губернатора Барановского определен членом от Правительства в Губернское присутствие по крестьянскому делу; что он в политическом отношении не опасен, потому что не только не пользуется никакою симпатиею и общественным уважением, но напротив нелюбим как помещиками, за его мнения, враждебные их интересам, так и чиновниками, по своей гордости и необходительности. При этом подполковник Колычев доносил также, что Авдеев в доме одного близкого своего знакомого рассказывал об арестовании литератора Михайлова и выразил притом опасение, что по рассмотрении его бумаг не арестовали ⟨бы⟩ и его, Авдеева.

Подполковник Колычев присовокупил к сему, что он будет строго следить за Авдеевым, как за человеком, выдающимся из обыкновенной среды, и о последствиях своего наблюдения будет доносить Вашему сиятельству.

В бумагах Михайлова были письма Авдеева, но они к делу не относятся.

14 ноября 1861 г.».

Тем не менее, в результате процесса Михайлова и в связи с делом Шелгунова, Авдеев был арестован в Петербурге 12 августа 1862 г. и затем выслан на жительство в Пензу.

В описи бумаг, забранных при аресте и обыске Михайлова, значатся и письма Авдеева, но сами они в деле отсутствуют.

⟨3⟩

⟨31 октября 1867 г.⟩

С Краевским я каши не сварил и хочу напасть на Вас, Некрасов. Отчего не хотите Вы получать 10 т. в год? Возьмите дозволение на журнал, назовите его «Современность» и у Вас будет 5 т. подписчиков. Коль Вам не хочется быть ответственным редакт⟨ором⟩ — возьмите меня; роман мой на 1-ю книжку есть и что он произведет много шуму — в этом не сомневаюсь [2]. У Вас, верно, тоже есть что-нибудь хорошее, и другие сотрудники явятся и еще не поздно. Ну, лень будет Вам, так через год продадите; а ведь это капитал, и надо ковать железо пока горячо. Подумайте-ка серьезно! Сам бы пришел уговаривать Вас, да болен — что-то в роде лихорадки. Еще раз советую — беритесь! Неужто Вам деньги надоели? Да, наконец, Вы обязаны сделать это для литературы: Ваше имя на обертке — знамя, которого теперь нет и значения которого вряд ли еще скоро кто добьется. Не сложить же Вам уже руки и надо Вам появиться хоть для того, чтобы не сказали, что Вы забыты или изменились. Но я не кончу, если буду высказывать все доводы — подумайте сами серьезно и Вы увидите, что я говорю правду.

По Вашему совету я переехал в д. Фридерикса, 2-ой подъезд, квар⟨тира⟩ 12, комн. № 6.

Весь Ваш М. А в д⟨е е в⟩.

31 окт⟨ября⟩

Вспомните, как нечаянно затеяли Совр⟨еменник⟩, и начинайте новый.

[1] Письмо, как явствует из его содержания, написано уже после запрещения «Совр.», но еще до перехода редакции «О. З.» в руки Некрасова; оно датируется на основании как этих обстоятельств, так и упоминания о «романе» Авдеева («Меж двух огней»).

[2] В 1867 г. Авдеев предлагал Некрасову свой роман «Меж двух огней». В письме к А. А. Краевскому от конца ноября 1867 г. Некрасов писал: «Авдеев пристает с реше-

М. Л. МИХАЙЛОВ

Литография. Подпольное издание 1861—1862 гг.

Музей революции СССР, Москва

нием об романе, и я вчера его весь день читал... Роман меня замучил. Он очень велик (я думаю, во 2-ой части листов десять, а в 1-ой — восемь). Первая часть эффектна и драматична, читается легко, а вторая часть скучна, сильно растянута, напоминает роман Что делать? На сцене крестьянские бунты, усмирения и т. под., трогается тоже вопрос о молодом поколении. — Вообще решить этого дела сразу нельзя, дайте покуда кто у вас читает, а потом я нахожу нужным, чтобы 2-ую часть прочел Елисеев. Много денег отвалить, а потом плакать со 2-ой частью будет горько» (Некрасов, V, 438). В результате роман Авдеева был отвергнут «О. З.» и появился в журнале «Современное Обозрение», 1868, I—III. Вопреки нескромным ожиданиям Авдеева, роман его никакого успеха не имел. В «О. З.» (1869, I, отд. «Новые книги», 94—105) резко отрицательный отзыв о романе дал, в большой анонимной рецензии, М. Е. Салтыков-Щедрин (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1937, 337—348).

〈4〉

〈Вторая половина 1868 г.〉

Л. П. Шелгунова получила много стихотворений, оставшихся после покойного Михайлова [1]; там, кроме оригинальных, есть целый том Беранже, переведенный им, —а Вы знаете, любезнейший Некрасов, как он превосходно переводил. Поэтому она просила меня предложить Вам, не желаете ли Вы купить некоторые из этих стихотворений для Вашего журнала и какая у Вас на это цена [2].

Потрудитесь дать ответ мне (на Лиговке, против Знаменья, д. Фридерикса, 2-й подъезд) или самой Шелгуновой, Людм〈иле〉 Петр〈овне〉 на Екатеринг〈офском〉 просп〈екте〉 против театра Берга, д〈ом〉 Голубинской.

Ваш преданнейший
М. Авдеев

[1] Письмом от 9 мая 1868 г. из Нерчинска младший брат поэта Михаила Ларионовича Михайлова — Петр Ларионович, инженер-поручик Нерчинского горного округа, сообщил Людмиле Петровне Шелгуновой (1832—1901) подробные сведения о смерти Михаила Ларионовича. Скончался он 2 августа 1865 г. на Кафинском руднике, в 50 верстах от Нерчинских заводов, от быстро развившейся Брайтовой болезни. Последние дни при умиравшем поэте, жившем на частной квартире, безотлучно находился брат, принявший затем необходимые предупредительные меры к сохранению рукописей, которые впоследствии и отправил к Л. П. Шелгуновой («вслед за романом отправляю Вам все оставшееся в рукописях»). Письмо это, найденное в бумагах Н. В. Шелгунова, было напечатано, по копии, сообщенной Л. Ф. Пантелеевым, в журнале «Голос Минувшего», 1915, IX, 224—227. Такова история рукописей М. Л. Михайлова, оказавшихся у Л. П. Шелгуновой и переданных ею, через Авдеева, Некрасову.

[2] Оригинальные стихотворения Михайлова и переводы (из Гейне и М. Гартмана) за подписью «Мих. М—в», или просто «М.» стали печататься с первой книжки «О. З.», 1869 г. Переводы песен Беранже (всего 6 песен за подписью «М. Л. М.») были напечатаны в «О. З.», 1870, V.

〈5〉

〈26 октября 1868 г.〉[1]

Любезнейший Некрасов!

До меня дошли слухи, что у Вас в редакции есть поводы к переменам. Весьма может быть, что это — литературная сплетня. Но если это правда и если бы Вы нашли полезным мое участие в редакции, то я хочу Вам сказать, что я здесь и свободен.

Весь Ваш М. Авдеев

26 окт〈ября〉

Адрес мой старый: На Лиговке, против Знаменья, д. Фридерикса, 2-ой подъезд, кв. № 12.

Если все это вздор, то, пожалуйста, бросьте письмо и не придавайте значения слуху: и без того довольно сплетен. Как-нибудь заверну к Вам.

[1] Письмо датируется предположительно. Слухи о «переменах» в редакции скорее всего могли распространиться в период формирования редакции «О. З.» в конце 1867 г. или же в течение первого года существования журнала. Но 1867 г. исключается указанием на адрес, который Авдеев, к тому же, называет «старым» (см. предыдущее письмо). В редакцию «О. З.» Авдеев не вошел.

<6>

<Декабрь 1869 г.>

Любезнейший Николай Алексеич!

В <18>65 году я было задумал семейный роман, но бросил. В виде пролога к нему рассказана жизнь «крепостной души». Рассказ составляет нечто целое и взят с натуры [1].

Посылаю Вам этот рассказ: если Вы его найдете пригодным для От<ечественных> Зап<исок>, то печатайте. На Ваши условия я согласен, только прибавьте высылку 1 эк<земпляра> От<ечественных> Зап<исок> по адресу, который в случае согласия дам.

Ваш преданнейший
М. Авдеев

Адрес: против Знаменья, д. Фридерикса, 2-й подъезд, 2-й этаж.

[1] См. примеч. к следующему письму.

<7>

<5 января 1870 г.>

Любезный Николай Алексеич!

Вы бы меня обязали, если бы не замедлили прочесть мой рассказ и сказали, возьмете его или нет. В первом случае я был бы Вам благодарен, если бы Вы мне прислали руб. 100 или 50, потому что мне нужны деньги, а во втором, если бы возвратили рассказ, коль он Вам не нравится [1].

Ваш преданнейший М. Авдеев

5 ген<варя> <18>70 г.

Против Знаменья, д. Фридерикса, 2-й подъезд, 2-й этаж.

[1] В этом письме, как и в предыдущем, речь идет о рассказе «Пестренькая жизнь. (Из рассказов знакомого)». В нем повествуется о жизни бывшей крепостной Степановны, воспитанной в барском доме и насильно выданной замуж за крестьянина. Рассказ был напечатан в «О. З.», 1870, I. Из письма Авдеева к Стасюлевичу от декабря 1869 г. видно, что ранее Авдеев предлагал этот рассказ в «Вестник Европы», но Стасюлевич отклонил предложение, после чего Авдеев и обратился к Некрасову («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», V. СПб., 1913, 132).

<8>

Воскресенье 13 сен<тября 18> 70 г.

Любезнейший Николай Алексеич!

Чтобы продать товар лицом, посылаю Вам мою повесть [1] и отрывок из статьи «Герои и героини» [2] (можно, впрочем, озаглавить иначе). Последней будет не менее 250 стр<аниц> моего письма; по моему расчету в ней вместе с повестью выйдет не менее 10 печ<атных> листов — впрочем, об этом можете судить сами. Я бы желал продать Вам и то и другое — огулом за 1 т. р. и 1 т. оттисков последней статьи на моей бумаге с правом пустить их в продажу.

Очень был бы рад, если бы сошелся с Вами. Когда прочтете — потрудитесь ответить и возвратить рукописи. Нужно ли будет переписывать статью, когда сойдемся?

Весь Ваш М. Авд<еев>

P. S. Статью «Герои и героини» я не перечитал порядочно, и в ней надо будет кое-что сократить и отделать.

[1] Повесть «Сухая любовь», которую автор ранее предлагал Стасюлевичу (см. письмо от 24 декабря 1869 г., цит. изд., 133), не была принята Некрасовым и появилась в «Деле», 1870, X.

[2] Критические очерки Авдеева «Наше общество в героях и героинях литературы 1820—1870 гг.» вышли отдельным изданием (СПб., 1874). Вошедшие в эту книгу отдельные очерки были напечатаны в «Неделе», 1871, №№ 1 и 5. В «О. З.» ни один из очерков не появился.

<9>

Село Буруновка, 19 ноября 1874 г.

Охотясь на тетеревов с Вашим тульским ружьем (один ствол бьет очень не дурно) и вспоминая с благодарностью Вашу помощь, любезнейший и уважаемый Николай Алексеич, я подумал, что Вам, может быть, будет приятно для пестроты зимних книжек поместить что-нибудь мое и нарочно сгоношил небольшую штуку (л. $1^1/_2$), под заглавием «Переписка 2-х барышень» [1], которую и посылаю Вам (в редакцию) с этой почтой. Да оно же и кстати. Я вспомнил, что нынешней осенью минуло 25 лет, как я дебютировал под Вашей редакцией. А так как нынешние времена походят на те, то я старался быть цензурным, хотя не знаю, достиг ли этого.

Мзду назначьте сами, какая у Вас полагается. Коли напечатаете скоро и деньги Вам не понадобятся (за тульское р<ужье>, а Лебеду [2] я возвращу), то пришлите их, потому что я в нынешнем году ими не богат, а если затянется — тогда увидим. Я зимую нынче в Уфе, потому что там открывается земство и мне хочется сделать в нем для края то, что я успел в крестьянском деле: остановить хоть на 1-х порах некоторую партию, желающую эксплоатировать дело в свою пользу. Я знаю, что мне в литературе вредило много то, что я бросался в сторону, не отдаваясь ей вполне, да мне кажется, что общест<ву> этак будет полезнее, а литературе потеря небольшая.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего. Как здоровье? Когда не поленитесь, напишите мне, адресуя в Уфу, куда я перееду как скоро нельзя будет охотиться. А теперь пока и здесь один не скучаю.

Весь Ваш М. Авдеев

P. S. У Тульского ружья были штуцерные стволы и ящик, я думаю они Вам не нужны — то велите, пожалуйста, приберечь.

[1] «Переписка двух барышень (Из материалов для изучения современных понятий об отвлеченных предметах)» помещена в «О. З.», 1875, II.

[2] «Лебеда» — ружье пражского оружейного мастера A. Lebeda.

<10>

<Первая половина 1875 г.>

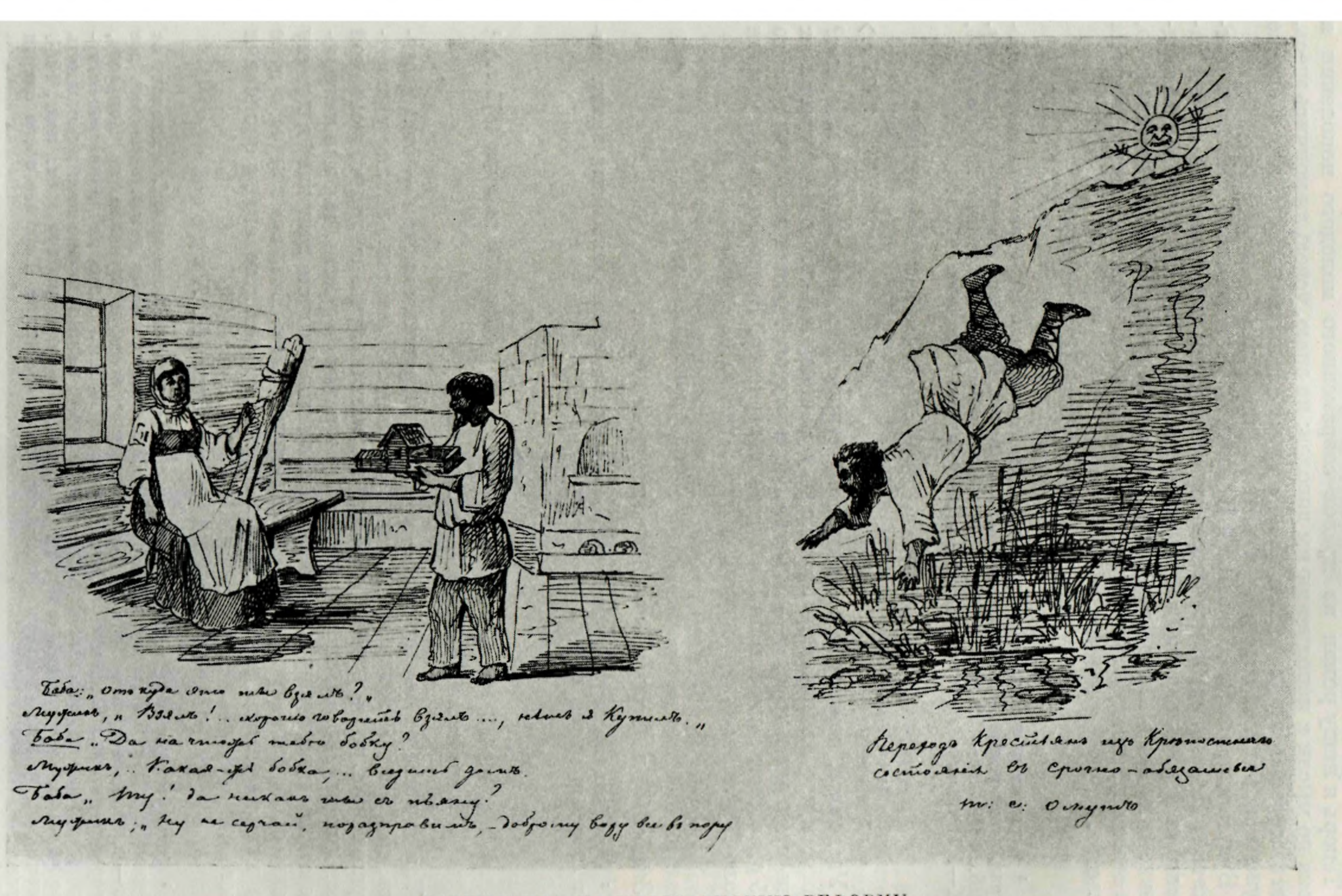
Любезнейший Николай Алексеич!

Есть у меня повесть, которая нейдет с рук — та самая, из которой отрывок найден нецензурным для Складчины [1].

Я было думал написать большой роман в повестях под заглавием «Мои времена», и две повести из него готовы (каждая имеет отдельный интерес); но первую я послал Стасюлевичу, и он нашел, что она тоже нецензурна, и он не может ее поместить, тогда я передал в «Дело», чтобы испробовать цензурность, но оно находит, что повесть (5—6 листов) для него велика, а просит такую, как я поместил у Вас (такой у меня нет, а если бы и была, то я теперь бы ему не дал). Очень может быть, что тот и другой отказ только маска любезности и что просто повесть им не нравится — поэтому мне совестно ее и предлагать Вам (вторая у меня еще в переписке). Но, с другой стороны, я плохо верю в литературное чутье этих двух меценатов, и повесть, особенно в общем плане, мне кажется, не дурна (называется она и описывает провинцию 30-х годов, а следующая — Петерб<ург> 40-х), а во-вторых очень может быть, что редакции были искренни в своих ответах и что у Вас, может быть, нет запасу материалов и Вы найдете мою повесть полезною на осень. В таком случае пошлите в редакцию «Дела» за ней: я туда писал, чтобы в случае присылки ее Вам выдали.

Если же не желаете и материалы у вас есть — то оставьте и не отвечайте.

Вообще, я жалею, что не нахожусь в постоянном сотрудничестве какого-нибудь журнала... ну да это дело другое!

КАРИКАТУРА НА КРЕСТЬЯНСКУЮ РЕФОРМУ

Рисунок неизвестного художника в альбоме М. А. Нащокина, 1858—1859 гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Теперь я пишу роман из нравов современного молодого поколения и пока по мысли и исполнению им доволен; не знаю, успею ли кончить здесь, хоть стараюсь шибко <...нрзб. два слова> плохой работы: его в случае нужды напечатаю отдельно и надеюсь пойдет.

Будьте здоровы, любезнейший Н<иколай> А<лексеевич>. Хочется приехать в П<етербург>, но бездоходность имения и запрещение статей казенными и редакторскими цензорами ставит в большое денежное затруднение и не знаю наверное удастся ли осенью (коль на пароход запоздаю, то совсем не поеду) придержать Вас в клубе и пожать лично руку на счастье.

Весь Ваш М. Авдеев

[1] Отрывки из повести «В сороковых годах» появились в сб. «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», изд. Пб. отдела Славянского комитета, СПб., 1876, 145—172. Полностью повесть была напечатана в «Вестнике Европы» (1876, IX—XI) уже после смерти Авдеева, последовавшей 1 февраля 1876 г.

<11>

3 ноября <1875 г.>

Уведомьте, пожалуйста, Некрасов, нужны Вам мои повести или нет? Так как мне их приятнее поместить у Вас, чем где-либо, то поэтому я их и не предлагаю другим — а пора [1]. За последний роман я получил около 225 р. за лист; согласны ли Вы будете на эту цену? В одной повести у меня около 2-х лист<ов>, в другой около 5-ти: не разорительно.

Весь Ваш М. Авд<еев>

Знаменья, д. Фридерикса, 2-й подъезд, 2-й этаж.

[1] В этой и нижеследующей записках речь идет, несомненно, о повестях, предложенных Авдеевым в предшествующем письме.

<12>

<После 26 декабря 1875 г.> [1]

Любезнейший Николай Алексеич!

Так как Вы от 1-й повести — судя по вчерашним словам — отказываетесь, то прошу ее возвратить. Если Вы, найдя роман даже вполне удовлетворительным, за него по прочтении ни в каком случае не дадите желаемой мною платы (200 р.), то потрудитесь возвратить и роман, так как я его менее отдать не соглашусь (с повестями он мог бы итти дешевле) и потому чтение его будет напрасным для Вас затруднением. Если же вопрос о цене Вы можете решить только по прочтении, то оставьте его до окончания оного [2].

Весь Ваш М. Авдеев

[1] Датируется на основании сопоставления с письмом Авдеева к Стасюлевичу от 26 декабря 1875 г.: «У меня есть повесть „В 40-х годах"; я было думал поместить все три — как имеющие нечто общее („Мои времена") в одном журнале, но Некрасов, который предложил было мне это, ныне от первой повести (Вами найденной нецензурною) отнекивается (не читав ее, впрочем), поэтому, не имея возможности выполнить свое желание, настоящую я готов предложить Вашему журналу» (цит. изд., 134). Повесть, как указано выше, и была помещена в «Вестнике Европы» после смерти Авдеева.

[2] Относительно романа Авдеев писал Стасюлевичу 4 января 1876 г., что может предложить роман, «который получил от Некрасова. Он не отказывается от него, но, во-первых, откладывает до осени, а, во-вторых, кажется, боится, что я отнесся строго к молодежи, что я основываю на том, что он находит нужным еще дать кому-то прочесть его. Насчет отношений к молодежи, сделаю заметку, что хотел занести в летопись болезнь мол<одого> пок<оления>, которая, несомненно, существовала» (там же, 135).

И. С. АКСАКОВ

Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) — поэт и публицист, виднейший представитель славянофильства 60—80-х годов. издатель «Дня», «Руси» и др.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 4).

〈12 декабря 1873 г.〉

В Редакцию Отечественных Записок

Не зная адреса Н. А. Некрасова и полагая, что его адрес известен Редакции, я позволяю себе покорнейше просить — передать г. Некрасову это письмо, для меня очень нужное.

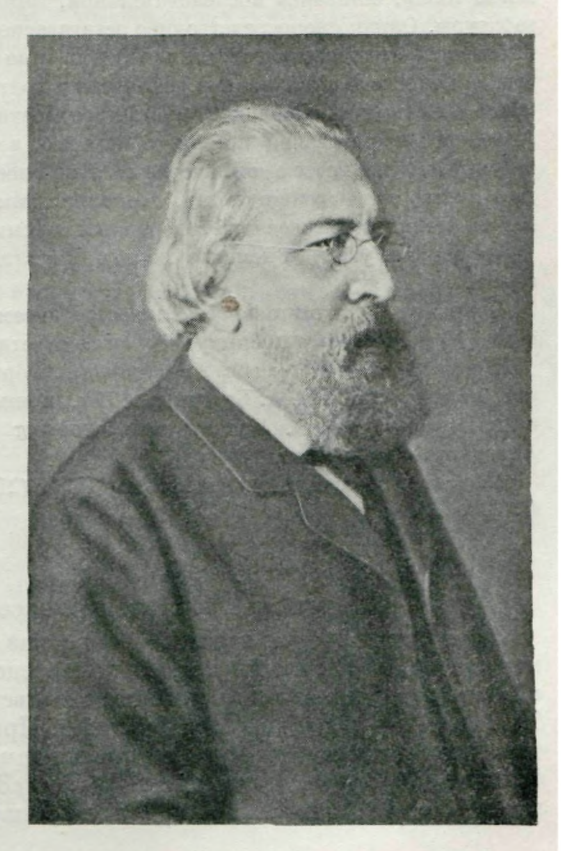
Ив. Аксаков[1]

12 дек〈абря〉 1873 г.
Москва

[1] Записка свидетельствует о том, что И. С. Аксаков, который был так далек и по своим общественно-политическим взглядам и по своей литературной деятельности от «О. З.», в частности — от Некрасова, все же обращался к нему по важному, очевидно, делу.

Установить, какое именно «очень нужное» письмо передано было от Аксакова Некрасову, не удалось. Любопытно, что Аксаков не знал адреса Некрасова, уже около 16 лет жившего на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы в доме Краевского.

Квартира Некрасова была одной из самых популярных в тогдашнем литературном Петербурге. И если Аксаков не знал в 1873 г. адреса Некрасова, то это служит, бесспорно, очевидным доказательством, что между ними в течение долгого времени, а может быть и вовсе, не происходило никаких — ни письменных, ни, тем более, личных — сношений.

И. С. АКСАКОВ
Фотография начала 1880-х гг.
Музей Достоевского, Москва

П. В. АННЕНКОВ

Знакомство Некрасова с Павлом Васильевичем Анненковым (1812—1887), начавшееся еще в кружке Белинского, а также их переписка не прерывались до самой смерти поэта. Их отношения были наиболее близки в 40—50-х гг., когда Анненков, вместе с группой либерально-дворянских писателей, принимал деятельное участие в «Современнике».

Умеренный либерал, в области общественно-политических вопросов, приверженец идеалистической теории «чистого искусства» в области литературно-эстетических воззрений, Анненков, несмотря на свои лично-дружеские отношения с Некрасовым, всегда оставался человеком чуждого, враждебного поэту идейно-политического лагеря. Его «туристско-эстетический» интерес к европейскому социализму был в 1856 г. жестоко высмеян Некрасовым в написанном им совместно с А. В. Дружининым стихотворном памфлете: «За то, что ходит он в фуражке...» А сам Анненков в 1866 г. признавался своему эстетическому единомышленнику Фету: «Увы! бессмертная эпоха русской поэзии прошла и, бог знает, вернется ли когда-нибудь... Поэтическая струя исчезла и из европейской литературы, замучила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, все эти вопросы политико-экономические, финансовые, политические — внутренне нисколько меня не интересуют» (А. Фет. Мои воспоминания. М., 1890, 88). Не интересовали Анненкова «внутренне» и те кардинальные «политические» вопросы русской действительности, которые так глубоко и страстно волновали Некрасова и питали его творчество.

Сохраняя в 70-е годы верность традициям дворянско-эстетической школы 40—50-х годов (Дружинин, Боткин и др.), Анненков неизменно противостоял в своих литературно-критических суждениях революционно-демократической эстетике Чернышевского и Добролюбова и защищал теорию «чистого искусства» или «искусства для искусства». Но этой теории нечего было делать с поэзией «мужицкого демократа» Некрасова. Она могла лишь, оставаясь последовательной, «выбрасывать» его из художественной литературы. Однако непосредственное эстетическое чутье Анненкова не всегда дисциплинировалось его теоретическими взглядами и не всегда подчинялось им. Этой теоретической непоследовательностью, а отчасти и долголетними дружескими связями с Некрасовым, следует объяснять, пусть своеобразные, но высокие оценки, которые давал Анненков некрасовской поэзии и которые, в частности, содержатся в публикуемых ниже письмах. Вместе с тем, второе из этих писем, по поводу «Княгини Волконской», дает яркую иллюстрацию тому, насколько далек был Анненков от подлинного понимания идейно-политического содержания и смысла некрасовской поэзии.

Некрасову уделено немалое место в известных воспоминаниях Анненкова о Тургеневе.

Сохранилось значительное количество писем Некрасова к Анненкову (Некрасов, V) и лишь пять публикуемых ниже ответных писем Анненкова.

Кроме писем к Некрасову, в данную подборку включено, в качестве приложения, письмо Анненкова к А. А. Буткевич 1879 г., написанное по поводу посмертного издания стихотворений поэта. Письмо это содержит несколько ярких мемуарных строк Анненкова о Некрасове.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (21.157/CXLVб18; ф. 134, оп. 11, № 9 и ф. 203, № 97).

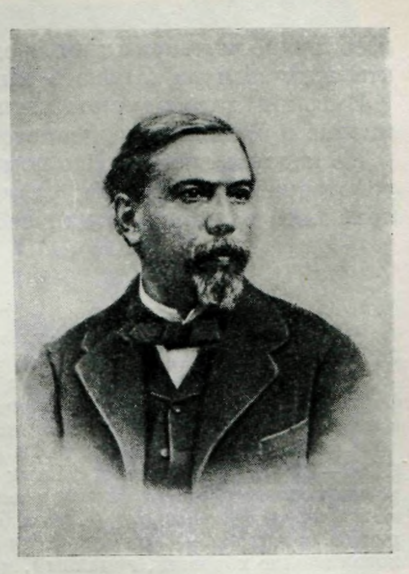
⟨1⟩

⟨25 июля 1856 г.⟩

Любезнейший Николай Алексеевич!

Я получил и предложение Ваше и отказ в одно время, да если бы и в разное время, то Вы имели полное право сделать и то и другое. Вы хозяин «Записок охотника» и никаким обязательством со мной не связаны, а были бы связаны — и то бы я Вас развязал. Притом же, предложение Ваше носило какой-то характер поспешности: так Вы не сказали даже, сколько времени покупщик может пользоваться «Записками» — и сколько экземпляров обязан печатать. Но дело кончилось — кончаются и вопросы [1].

П. В. АННЕНКОВ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Да, поезжайте за границу. Странно медлить, когда на другой стороне облегчение, часть жизни. Надо бы и попрежде даже, но хорошо и теперь.

Вам, может быть, Тургенев не говорил, что стихотворения Ваши я считаю единственными серьезными поэтическими произведениями нынешнего времени. Тютчев — немец и притом больше ничего не напишет. Потому и хотелось бы новую вещицу послушать.

А за близость уплаты панаевского долга—спасибо. Пора, ей богу. Каждый месяц лишний (после их клятв!) есть только лишнее ... ну, к чорту! [2]

Возвращайтесь к нам свежим, а мы уже Вас опять постараемся привести в положение, требующее заграницы. Это уж неизбежно. Прощайте — и до свидания.

П. Анненков

25-го ⟨июля⟩

Для сокращения времени эту записочку вложил в письмо Д. Я. Колбасина [3], который и передаст ее Вам.

[1] Право первого отдельного издания «Повестей и рассказов» И. С. Тургенева в трех томах было продано автором П. В. Анненкову (вышло в свет в ноябре 1856 г.). Повидимому, Анненков хотел включить в это издание и «Записки охотника». Однако право на издание их уже ранее Тургенев продал Некрасову. Как видно из письма Анненкова, соглашение с Некрасовым не состоялось и «Повести и рассказы» вышли без «Записок охотника». Впоследствии Тургенев выкупил обратно у Некрасова свое право, и второе издание «Повестей и рассказов» (1859) вышло уже с «Записками охотника».

[2] Вероятно, об этом же долге упоминает А. Я. Панаева в своем письме из Рима к Ипполиту Панаеву от 5 декабря 1856 г.: «Насчет денег, 3 тысяч, распорядитесь следующим образом: За вычетом 450 р. долгу Ив⟨ану⟩ Ив⟨ановичу⟩, Анненкову, и не знаю, еще кому...» (см. «Лит. Наследство», т. 53—54). Следовательно, к концу 1856 г. «панаевский долг» Анненкову был полностью выплачен.

[3] Дмитрий Яковлевич Колбасин — брат писателя Е. Я. Колбасина, служивший в конторе «Современника». Д. Я. Колбасин выполнял ряд денежных поручений Тургенева в Петербурге. Ему же писатель, собираясь за границу (уехал 21 июля 1856 г.), поручил наблюдение за изданием своих «Повестей и рассказов». См.: «Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПб., 1884 (по указателю писем). Упоминаемое письмо Анненкова к Колбасину — неизвестно.

⟨2⟩

⟨Не ранее 1862 г.⟩ [1]

Николаю Алексеевичу Некрасову.

Н. А. Макаров, занимающийся вместе с Гротом [2] собиранием подписки на школу в память Ланского, поручил мне спросить Вас, Николай Але-

ксеевич, не желаете ли присоединить свое имя к числу жертвователей, почтивших заслуги бывшего министра.

Высокое литературное имя было бы для них свидетельством, что мнение о Ланском разделяется не одними чистыми администраторами [3].

Не надеясь застать Вас дома, оставляю книгу подписки на Ваше благоусмотрение и на скорое, разумеется, возвращение ее с решением, какое признаете возможным для себя положить на предложение.

Весь Ваш
П. Анненков

[1] Датируется предположительно в связи с содержанием письма: С. С. Ланской умер 26 января 1862 г.

[2] Константин Карлович Грот (1815—1897) — либеральный деятель эпохи реформ, близкий сотрудник Ланского, член Литературного фонда. О каком Н. А. Макарове идет речь — осталось невыясненным.

[3] Граф Сергей Степанович Ланской (1787—1862) — министр внутренних дел (1855—1861), один из либеральных государственных деятелей реформы 1861 г., сторонник освобождения крестьян с землею. В молодости был масоном и участником тайных обществ (в частности, «Союза благоденствия»), из которых вырос заговор декабристов. «Ланской, — вспоминал лично знавший его Щедрин, — был, в сущности, человек вполне хороший, гуманный, но это был кисель-человек; просто либеральный кисель и поддавался влиянию вблизи его стоящего человека». («Запись беседы с М. Е. Салтыковым М. И. Семевского». — «Лит. Наследство», т. 13—14, стр. 523).

⟨3⟩

⟨8⟩ 20 марта н. ст. 1873 г. Висбаден

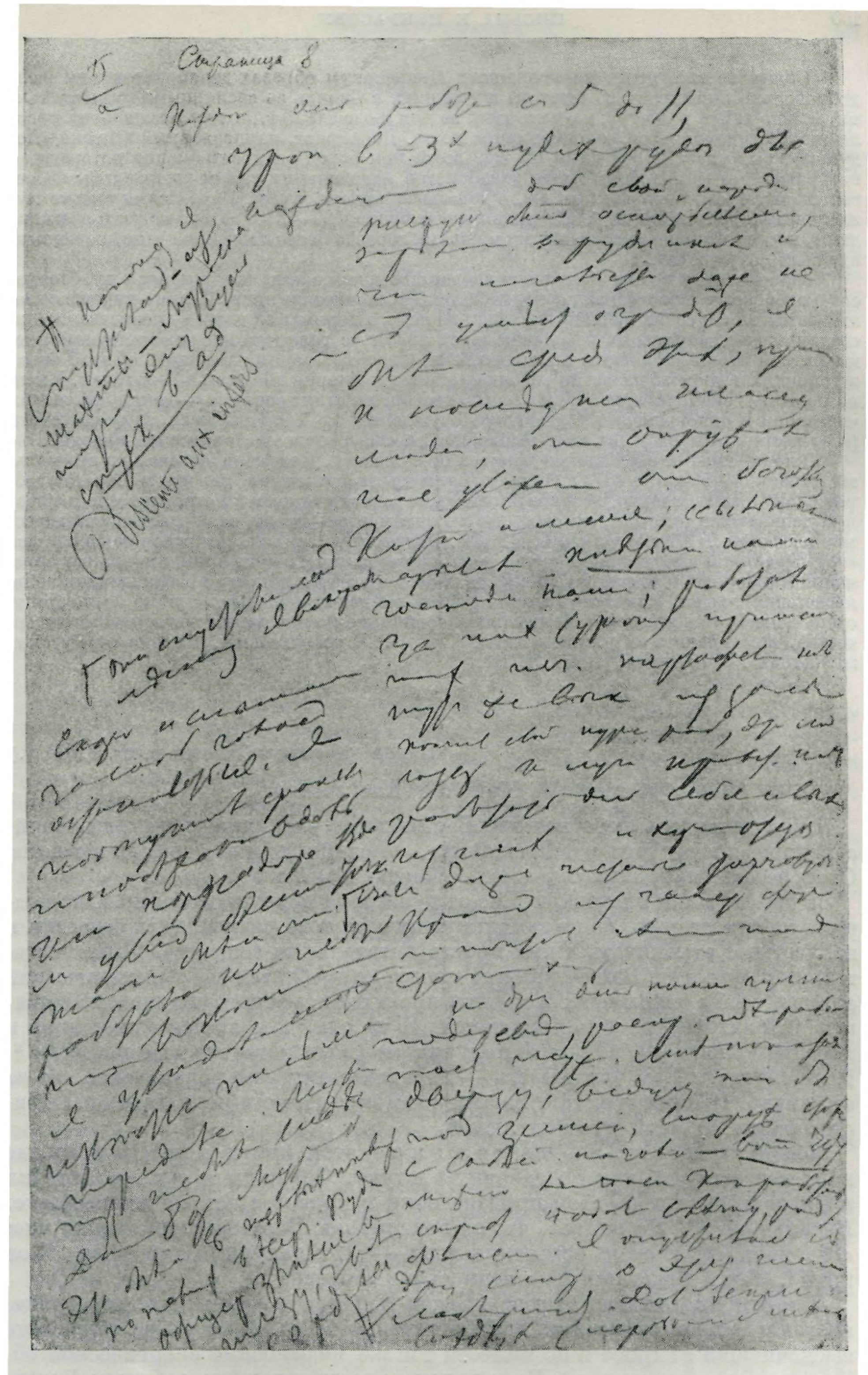
Я получил Вашу книжку, многоуважаемый Николай Алексеевич, и благодарю, что не забыли старого товарища, который видел Ваше развитие, начиная с водевильных пеленок. Я прочел Вашу «Волконскую» еще в «От⟨ечественных⟩ Записках» — и теплота чувства, разлитая в пиесе, пригрела и меня, как, вероятно, пригреет и всех других читателей стихотворения.

По моему мнению, этой картине недостает только одного мотива, чтобы сделать ее также и несомненно-верной исторической картиной, именно — благородно-аристократического мотива, который двигал сердца этих женщин.

Вы благоговеете перед ними и перед великостью их подвига — и это хорошо, справедливо и честно, — но ничто не возбраняло поэту показать и знание основных причин их доблести и поведения — гордости своим именем и обязанности быть оптиматами, высшей людской породой во всяком случае. Это не уменьшило бы значенье нравственное этих личностей, но показало бы, что поклонник их, воспевая им правдивые гимны, знает вполне все содержание личностей. Ведь Труб⟨ецкая⟩ и Волкон⟨ская⟩ совсем не то, что мужичка-любовница, которая бежит в Сибирь по этапу за своим возлюбленным, и часто тираном. Для этой каторга была и есть действительной каторгой — без всяких утешительных представлений об исполненном долге, о своем достоинстве и пр. Для наших великих женщин 1825 г. каторга была апофеозом. Не мешало бы намекнуть на этот особый оттенок в их доблести и самоотвержении. Была бы тогда и психическая, и историческая истина, вместе с поэтической, которая теперь одна на первом плане. Впрочем, и ее достаточно много, чтобы Вы назвали меня непрошенным советчиком и эрудистом, в чем и я могу сойтись с Вами без труда и огорчения [1].

Жена моя Вам кланяется. До мая мы отсюда ни ногой, ибо весна, говорят, здесь первый сорт, и хочется поглядеть это чудо, давно мною не виденное. Прощайте, друг.

Весь Ваш
П. Анненков

ЛИСТ ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЕЙ НЕКРАСОВА К ПОЭМЕ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ», 1872 г.

Записи содержат изложение воспоминаний кн. М. Н. Волконской, прочитанных Некрасову ее сыном, кн. М. С. Волконским

Центральный литературный архив, Москва

[1] Общеизвестно, что в нарисованных Некрасовым образах декабристов и их жен, добровольно порвавших со «светом» и ушедших в Сибирь за сосланными туда мужьями, можно найти ряд черт, характерных не для людей 1825 г., а для позднейших революционеров-демократов, современников поэта. Декабрист, нарисованный в поэме «Дедушка», выступает перед нами прежде всего как борец за крестьянские интересы, а изображенные Некрасовым жены декабристов наделены им таким решительным, боевым характером, который был им, в действительности, чужд. Перед нами скорее мужественные деятельницы революционного движения 60—70-х годов, нежели светские дамы, последовавшие за сосланными мужьями гораздо более из любви к ним, нежели из идейных побуждений.

Декабристские поэмы Некрасова свидетельствуют о том, что, создавая их, Некрасов менее всего преследовал объективистско-исторические цели. Идейно-художественный замысел «Русских женщин» исходил из ясного понимания поэтом преемственности, соединяющей дворянских революционеров 1825 г. с разночинной революционной демократией второй половины прошлого века, и необходимости напомнить об этой связи в условиях широкого развития революционного движения в России в 70-х годах. Именно поэтому декабристские поэмы с таким восторгом были восприняты демократическим читателем и одновременно подверглись осуждению со стороны всей правой печати (к ее позициям примыкает здесь Анненков) за «искажение» исторической правды.

Уклонившись от обсуждения вопроса по существу, Некрасов отвечал на это письмо Анненкова (29 марта 1873 г.) общими вежливыми фразами: «Благодарю Вас... за доброе слово и за замечание, которое признаю безусловно верным и которым воспользуюсь при дальнейшем писании, которого много еще мне предстоит, если эта тема не надоест мне внезапно...» (Н е к р а с о в, V, 501). Разумеется, однако, Некрасов не собирался «перестраивать» продолжение своих декабристских поэм в духе принципиальных замечаний Анненкова, т. е. заменять апофеоз революционного подвига прославлением великосветских людей, как «оптиматов» «высшей людской породы». Нужно было стоять очень далеко от понимания Некрасова и социально-политических установок его творчества, чтобы давать ему такие советы. (Ср. К. Ч у к о в с к и й. Письма о «Русских женщинах». — «Огонек», 1927, № 51).

⟨4⟩

Ницца ⟨19 апреля⟩ 1 мая н. ст. ⟨1874 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Я получил здесь любезнейший Ваш подарок — книжку стихотворений, а вскоре после того и «Складчину», высланную мне через посредство Отеч⟨ественных⟩ Записок, т. е. вероятно Вами же [1].

За обе посылки благодарю Вас от души и за первую особенно. Она подняла во мне старую, но не замолкнувшую страсть размышлять о поэзии и искусстве и отыскивать в них просто питательные вещества. Таких питательных веществ в Вашей книжке много, но требуется добрый химический анализ, чтобы открыть их и оценить правильно, а такого анализа, кажется, в нашей литературе и не полагается. И не один Вы лишены оценщика и хорошего диагнозиса. Вот я получил от Салтыкова его «Помпадуры» [2]. Если случится Вам увидать его — передайте ему мою признательность за это яичко, которое вместе с Вашим составило нечто в роде далекого христосования со мной русских людей.

Может ли быть что-нибудь д е л ь н е е этой книги, а между тем у нас и на нее смотрят, как на забавную штуку. Однажды я только встретил порядочный отзыв об этом произведении и притом здесь, от князя Алекс. Васильчикова[3]. На вопрос, что он поделывает, Васильчиков отвечал мне: «Я теперь читаю очень серьезную вещь — „Помпадуры“ Салтыкова». И он прав [4]. Так и Ваша книга — вещь очень серьезная.

Я на-днях подымаюсь отсюда в Баден-Баден, ибо жизнь здесь от солнца, цветов и запахов становится даже опасной. У меня же на руках только что выскочивший из гроба и по милости той же невыносимо энергической обстановки мальчуган-сын [5]. Если попадете за границу, не забудьте Баден-Бадена, где я проведу все лето, и следующего адреса: Schillerstrasse 7. Там Вы найдете старого человека и старого приятеля

П. А н н е н к о в а

[1] Литературный сборник «Складчина» вышел в свет 28 марта 1874 г., чем и определяется годовая дата письма. Вместе со «Складчиной» Некрасов послал Анненкову, вероятно, последнюю часть шестого издания собрания своих стихотворений, появившуюся в печати в начале февраля 1874 г. («Стихотворения Н. Некрасова» Изд. 6-е. Том третий. Часть шестая. СПб., 1874). В эту книгу входили, в частности, «Последыш» и «Крестьянка» (из второй и третьей частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо»).

[2] «Помпадуры и помпадурши». Издал М. Е. Салтыков (Щедрин). СПб., 1873.

[3] Князь Александр Илларионович Васильчиков (1818—1881) — публицист либерально-народнического направления, автор ряда больших работ по аграрному вопросу, местному самоуправлению и народному образованию. Видя прогрессирующее расслоение крестьянства («распадение крестьянского сословия»), Васильчиков в своих сочинениях и общественной деятельности занимался изысканием средств для предотвращения этого процесса. Он критиковал капиталистический строй и самодержавие, но критика его была ограниченна и, по существу, реакционна. «Васильчиков, — писал о нем Ленин, — как и все народники, своими практическими мероприятиями представляет интересы одной лишь мелкой буржуазии» (Ленин. Соч. Изд. 3-е, I, 315).

[4] Свой взгляд на творчество Щедрина и, в частности, на сборник «Помпадуры и помпадурши» Анненков вознамерился вскоре высказать в специальной критической статье о сатирике для какого-то иностранного журнала. Проект не был осуществлен, но сохранился черновой набросок статьи (см. публикацию С. Макашина в «Лит. Наследстве», т. 13—14, 1934 г., 505—508). Текст наброска писался, очевидно, весной 1874 г. В нем повторяются мысли и формулировки публикуемого письма (ср., напр.: «... многочисленные поклонники Салтыкова совершенно правы, когда утверждают, что веселые книги его представят со временем будущему исследователю русского общества такое же серьезное свидетельство, как и любой исторический памятник»).

[5] Речь идет о выздоровлении сына Анненкова — Павла.

⟨5⟩

Баден, 14/2 мая ⟨1875 г.⟩ [1]
Lichtenthalerstrasse, 9

Не за что мне Вас бранить, любезнейший Николай Алексеевич, ибо я первый начал ту игру в телеграфные воланы, в которой дня два мы упражнялись [2]. И надо было начать. Была минута, когда Салтыков лежал без памяти, и я ожидал катастрофы, миновавшейся только благодаря усилиям, попечительности и изумительному вниманию доктора Хейлигенталя [3]. Не мешало бы Белоголовому написать ему вроде благодарного письма, да и вообще имя этого замечательного доктора и человека заслуживало бы сделаться известным в России. Теперь Салтыков уже сидит в креслах, думает об обеде и обмену литературных идей со мной предается, но ревматизм, менее едкий, конечно, чем прежний, все еще гуляет по всему его организму. Увы! Никогда уже он не будет тем чудесным кровным скакуном, который в крови и пене всегда приходил первым к цели и так восхищал всех. Натура его надорвана, а последний, совершенно безумный его вояж отнял у ней и оставшиеся жизненные капиталы. Подумайте, прямо из Петербурга продрал, как фельдъегерь из Чухны — прямо в Баден, по холодным ночам, в нетопленных вагонах, без сна и еды. В Берлине провел только день — мы и приняли его здесь из кареты, да в постель. Теперь у нас полная, чудная, душистая весна; на нее-то доктор Хейлигенталь особенно и рассчитывает, да и я с ним.

Зерно семейной неурядицы чувствуется под почвой, но ростков еще не дало, если исключить страшное раздражение больного, проявившееся под мучительными пароксизмами ревматизма, вспышками гнева и прочего, но мы приставили к нему Моравку, которая умеет его ублажать [4].

Милые Ваши стихи я ему прочту [5]. Мазь эта подействует на него не хуже, т. е. гораздо лучше мазей, которыми он теперь уснащает больные свои члены, — так полагаю.

Жена моя благодарит Вас за поклон. В начале июня я буду, один, конечно, в Петербурге, и, конечно, был бы очень рад застать Вас там и переговорить с Вами обо всем и о многом другом еще.

Весь Ваш
П. Анненков

[1] Это письмо является ответом на письмо Некрасова Анненкову от 27.IV (9.V) 1875 г. (Некрасов, V, 555—556).

[2] В начале 1875 г. М. Е. Салтыков заболел острым и тяжело осложнившимся суставным ревматизмом. По свидетельству Н. А. Белоголового, болезнь эта «провела резкую грань в жизни Салтыкова и превратила его из здорового человека в того мученика-больного, каким он оставался целых 14 лет, вплоть до своей смерти» (Н. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. Изд. 4-е, СПб., 1901, 260). По требованию врачей Салтыков, вместе с семьей, выехал 12 апреля 1875 г. для лечения за границу через Берлин, в Баден-Баден. О своем состоянии накануне отъезда сатирик писал П. В. Анненкову: «Знаете ли что? Вот я пишу Вам, что еду за границу, а мне кажется, что я сейчас умру...» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 287). Переезд вызвал дальнейшее и столь резкое ухудшение в состоянии здоровья Салтыкова, что Анненков, специально приехавший в Баден для встречи и устройства сатирика, опасался за его жизнь. Этим и был вызван начатый им тревожный обмен телеграммами и письмами с Некрасовым.

[3] Салтыков сохранил теплую благодарность к лечившему его баденскому врачу Хейлигенталю и не забывал передавать ему приветы в своих позднейших письмах к Анненкову в Баден (Н. Щедрин. XVIII, 306, 319, 325). А в мае 1876 г., на обратном пути в Россию, сатирик специально заехал в Баден, чтобы повидаться с Хейлигенталем и лично поблагодарить его. Столь же сердечно вспоминал Салтыков дружескую помощь, оказанную ему самим Анненковым. В письме к нему из Парижа от 12 (24) IX 1875 г. сатирик писал: «Начинаю мое настоящее письмо теплейшей благодарностью за то участие, которое Вы выразили мне, умиравшему. Вы поддержали меня, Вы устроили и обставили меня. Серьезно говоря, я чувствую себя обязанным Вам бессрочно» (там же, 305).

[4] Семейная обстановка Салтыкова, при крайней его раздражительности, служила фактором, серьезно ухудшавшим, по мнению друзей, его физическое состояние. В этой связи Некрасов и послал 24.IV (6.V) 1875 г. следующий телеграфный запрос Анненкову: «Не надо ли удалить семью Салтыкова, согласен ли он, вопрос важный, ответ оплачен. Некрасов».

[5] Речь идет об известном стихотворении Некрасова «М. Е. Салтыкову. При отъезде за границу». Стихотворение было написано 12 апреля 1875 г. В этот день у Некрасова был обед — проводы сатирика. Посылая стихотворение, Некрасов писал Анненкову: «Вот стихи, которые я сложил в день отъезда Салтыкова. Прочтите их ему, когда ему будет полегче» (Некрасов, V, 556).

ПРИЛОЖЕНИЕ

12 апреля н. ст. ⟨18⟩79 г.
Bruxelles, Rue de l'Industrie, 2

Милостивая государыня,
Анна Алексеевна.

Долго не знал я Вашего адреса, а потому и запоздал с моей благодарностию за истинно-великолепное издание стихотворений покойного брата Вашего — экземпляр которого переслал мне М. М. Стасюлевич[1]. Вы исполнили свой долг перед поэтом, как немногие, и какой бы Вы памятник ни поставили на могиле его, он не будет лучше этого. Для меня книги эти имеют двойную цену — множество стихотворений (весь первый том, добрая часть второго) написаны перед нами, и мы знали их содержание гораздо прежде публики. Они воскресили передо мной молодого, пожираемого огнем творчества и святой злобой к пошлости Некрасова. Как он был хорош! Даже и в последнее время своего развития он приходил в мою семью и прочитывал свои новые поэмы, выслушивая мои, может быть и не нужные, заметки и соображения, но он обладал такой широтой разумения, что понимал истинные основы чужих мыслей и мнений, хотя бы и не разделял их.

Повторяя мою искреннюю благодарность за дорогой подарок, повод к которому дало Ваше образцовое издание, я остаюсь глубоко уважающий Вас и покорнейший слуга

Павел Анненков

[1] Речь идет о посмертном собрании стихотворений Некрасова, все четыре тома которого вышли в свет в феврале 1879 г. Подробнее см. в третьем томе наст. издания публикацию М. Панченко «К истории посмертного издания собрания сочинений Некрасова. Письма А. А. Буткевич к С. И. Пономареву».

СМЕРТЬ ПРОКЛА

Акварель П. П. *Соколова* на сюжет поэмы «Мороз, Красный нос», 1872 г.

Третьяковская галлерея, Москва

А. АНТОНОВИЧ

А. Антонович—малоизвестный литератор 50—70-х годов. В июньской книжке «Современника» за 1865 г. был помещен за его подписью рассказ «Волнения в мутной воде (из рассказов о людях переходного времени)». Как видно из печатаемого ниже письма, Некрасов оказывал материальную помощь А. Антоновичу, «чернорабочему литературы», по собственному определению последнего.

〈1875—1877 гг.〉[1]

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я имел счастие быть два раза облагодетельствованным Вами. На этой неделе я вполне разочаровался в своем творчестве; три моих рассказа не пропустила цензура, они предназначались для «Всемирной иллюстрации» и «Пчелы». Я же приехал узнать об участи рассказов из Новгородской губернии, где оставил жену, и теперь решительно не знаю что делать; ни здесь жить, ни ехать — нет средств, и единое спасение вижу в Вашем великодушии. Я полагаю, что Вы как семьянин сами можете понимать состояние человека, не видевшего почти месяц любящую жену...

Вы знаменитость (в полном смысле этого слова), я мизерабль. «Вы поэт, а я прозаик»... Вы владеете всеми благами земными; я же не имею даже крова. Вообще, проводя параллели — они для меня крайне не выгодны — я чернорабочий литературы, Вы хозяин ее; Вы солнышко, а я травинка, былинка в поле...; я ничто, а Вы нечто... больше — Вы всё для русской литературы. Вы не А. Краевский. Это не комплимент. А я-то что? Голодающий литератор. Положим, я не В. Г. Белинский, но свинью с горохом отличу.

Уважающий Вас
А. Антонович

На обороте: Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу Некрасову
г. Издателю-Редактору «Отечественных Записок»

[1] Приблизительная датировка письма устанавливается по упоминаемому в нем названию журнала «Пчела», начавшего выходить с 1875 г.

В. И. АСТАШЕВ

Вениамин Иванович Асташев (1837—1889) — генерал-лейтенант, знакомый Некрасова, с которым он вместе охотился. См. стихотворение Некрасова, написанное 7. IV. 1866 г., —«В. И. Асташеву» («Посылаю поклон Веньямину») в ответ на предложение: «поехать вместе шляться на охоту».

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 6).

〈Петербург, 17 октября 1875 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

В отсутствие Ваше я был у Вас с предложением побаловаться охотою и вспомнить доброе старое время. — Теперь возобновляю мое предложение. Не угодно ли будет Вам участвовать в облавной охоте в Николаевском обществе в воскресенье и понедельник? Дичи много, езды всего три часа по Балтийской дороге, в субботу вечером в 9 часов отправимся, всего нас будет человек 6—7. Соглашайтесь и черкните два слова ответа.

С истинным уважением остаюсь
Ваш покорный слуга
Вениамин Асташев

17 октября 1875 г.

Е. Н. АХМАТОВА

Елизавета Николаевна Ахматова (1820—1904), псевдоним: Лейла —известная переводчица, беллетристка, издательница. Печаталась преимущественно в «Библиотеке для Чтения» и «С.-Петербургских Ведомостях». Издавала «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык» (в 1856—1883 гг. и, под измененным названием, в 1884—1885 гг.), детский журнал «Дело и отдых» (1864—1866) и «Сборник переводов для легкого чтения» (1867—1868).

Знакомство Ахматовой с Некрасовым относится к самому концу 40-х годов. Отдельные упоминания о Некрасове см. в ее статье «Знакомство с А. В. Дружининым». — «Русская Мысль» 1911, II.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (21.158/CXLVб18).

⟨1⟩

⟨Петербург⟩, 18 марта ⟨1849—1866 гг.⟩ [1]

Я была у Вас сегодня, милостивый государь Николай Алексеич, не застала дома и поручила Вашему человеку передать Вам, что я буду у Вас завтра в первом часу. Но, рассудив, я решилась прежде уведомить Вас письменно, чтобы Вы не вообразили, что я стану беспокоить Вас какою-нибудь докучливой просьбой и не отказали меня принять. Дело вот в чем: нельзя ли мне переменить ту повесть, которую я послала Вам назад тому несколько месяцев? Взять ее назад, а Вам представить другую, если только, чего я, разумеется, не предполагаю, она нейдет в апрельской книжке? Причины такой странной просьбы я буду иметь честь объяснить Вам лично, если Вам угодно будет принять меня в это воскресенье в первом часу утра,

Е. Н. АХМАТОВА
Фотография 1877 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

20 числа и доставить мне случай поговорить с Вами без свидетелей. Просить Вас к себе я не смею, и надеюсь, что Вы не откажете принять меня в воскресенье на самое короткое время.

Е. Ахматова

На Владимирской, в доме Решоткина.

[1] Никакими сведениями о сотрудничестве Ахматовой в некрасовских «О. З.» мы не располагаем. Следует предположить, таким образом, что письмо относится к периоду «Современника». В хронологических же рамках этого периода 20 марта приходилось на воскресенье в 1849, 1855, 1860 и 1866 гг. Наиболее вероятной из этих дат является предпоследняя. Однако, ни в 1860, ни в другие названные годы в «Современнике» не было напечатано ничего за подписью Ахматовой, и остается, таким образом, неизвестным, какие повести—оригинальные или переводные и когда именно предлагались Некрасову Ахматовой.

〈2〉

〈Апрель 1862 г.〉 [1]

Милостивый государь,

Зная по опыту, сколько редакторы периодических изданий получают огромных пакетов в роде того, который препровождается к Вам при этом письме, я могла бы быть уверена заранее, что этот пакет возвратится ко мне, не удостоившись обратить на себя внимания Вашего. Но, желая избежать этой неприятной для меня перспективы, я принимаю предосторожность, а именно — спешу Вас предупредить, что я уже седьмой год занимаюсь изданием Собрания Иностранных Романов в переводе на русский язык, следовательно, Вы согласитесь, что я должна знать толк в английской литературе и что на роман, рекомендуемый мною для Современника, может быть стоит обратить внимание. Как вы думаете? Попробуйте прочитать главы XII, XVI и XCIV и сознайтесь, что лучшего переводного романа для Современника Вы сами выбрать бы не могли. Роман этот два раза был разбираем в Revue des deux Mondes. Это — сатира на Англию удивительно остроумная. Решитесь пробежать главы, о которых я Вам говорю, и Вы не раскаетесь. Этих глав для Вас будет довольно, чтобы судить о достоинстве романа [2]. Я должна просить Вас дать мне ответ не позже 15 мая. Я желаю также знать, на каких условиях возьмете Вы этот роман, если Вы его возьмете, и когда Вы намерены его печатать, потому что роман переведен еще не весь, следовательно, мне надо приготовить его к сроку, который Вы назначите. Если не возьмете этого романа, потрудитесь возвратить мне не позже как к 15 мая, об этом я особенно прошу Вас.

С истинным уважением имею честь быть готовая к услугам Вашим

Е. Ахматова

Адрес: Елизавете Николаевне Ахматовой, у Царицына Луга, в доме Офросимовой.

[1] Датируется по упоминанию о седьмом годе издания «Собрания иностранных романов, повестей и рассказов». Ахматова начала издавать эту серию (344 романа) в 1856 г., и седьмой год, таким образом, — 1862-й.

[2] Ахматова предлагала «Совр.» свой перевод романа известного английского бытописателя А. Троллопа (1815—1882) «Оллингтонский малый дом». Вследствие правительственной приостановки «Совр.» летом 1862 г. печатание романа началось в журнале лишь в июне 1863 г.

И. В. БАЗУНОВ

Иван Васильевич Базунов (1786—1866) — московский книготорговец, в магазине которого помещалась московская контора «Современника». Базунов был комиссионером редакции в Москве.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (21.159/CXLVб18).

⟨Москва, 21 января 1856 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

На письмо Ваше от 14 генваря [1] имею честь отвечать: Вы не согласны в нынешнем году на то, чтобы я «Современник» доставлял в здешнюю Газетную Экспедицию, но об этом Вы уведомили меня уже поздно, ибо я с Газетною Экспедиц⟨ией⟩ сделал условие еще в декабре прошлого года и обязался в числе прочих журналов доставлять и «Современник» на 1856-й год, и 1-ю книжку до получения письма Вашего уже доставил в количестве 145 экз.

Вы за «Современник» с меня полагаете 15 р., да от пересылки Вам остается 1 р. 25 к.; следовательно, за экз⟨емпляр⟩ «Современника» вам приходится 16 р. 25 к. За экземпляр, доставленный в Газет⟨ную⟩ Экспед⟨ицию⟩, Вы полагаете с меня 14 р. 25 к., да от пересылки Вам остается 1 р. 25 к. Затем приходится Вам 15 р. 50 к. Тут расчет верный, ибо пересылка по железной дороге из СПб. до Москвы в течение всего года будет стоить не более 25 коп. за целый экземпляр. Сообразите все это и удостоверитесь, что Вы в убытке не будете.

На будущий год, если мы будем живы и здоровы, то я без Вашего согласия в Газет⟨ную⟩ Экспедицию доставлять «Современника» не буду.

При сем прилагаю продолжение списка иногородних подписчиков на «Современник» и прошу покорнейше приказать 1-ю книжку отправить им немедленно. В списке есть 5 подписчиков со 2-й книжки, которые из посылаемых 400 экз. в Москву со 2-й кн⟨ижки⟩ можно исключить.

С совершенным почтением имею честь быть

Вашего высокоблагородия
покорнейший слуга
Иван Базунов

21 генваря 1856 г.
Москва

⟨P. S.⟩ Я очень перед Вами виноват, что не прислал до сего времени Вам счета по Современнику за 1855 год; умоляю, не сердитесь, пришлю скоро.

[1] Письмо Некрасова к Базунову от 14 января 1856 г. неизвестно.

В. П. БАКЛАНОВ

Никакими сведениями о жизни и литературной деятельности В. П. Бакланова мы не располагаем.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 7).

〈Казань〉 2-го ноября 〈1871 г.〉

Милостивый государь
г. Редактор.

Я льщу себя надеждой, что приложенное к этому письму мое стихотворение, не носящее никакого заглавия, появится на страницах одного из нумеров Вашего многоуважаемого журнала.

Я выбрал это стихотворение для дебюта в Вашем журнале (если только судьба будет так ко мне благосклонна, что действительно я увижу мое стихотворение на страницах уважаемого мною журнала) единственно потому, что короткие стихи всегда удобнее и скорее могут быть помещены в журнале, нежели большое произведение. Следовательно, мотив моего выбора состоит в том, что так как мое имя еще не пользуется известностью, то большое произведение за недостатком у Вас времени может довольно долго оставаться в стороне, без внимания, тогда как короткое Вы тотчас можете прочесть и произнести свой благосклонный приговор.

Если мое стихотворение действительно выдержит Вашу беспристрастную критику, и Вы найдете возможным, судя по нему, помещать в редактируемом Вами журнале и другие мои произведения, то надеюсь, что уведомите меня письмом, по получении которого будет немедленно выслана Вам почтовая марка.

Адрес мой: в г. Казань. Студенту Университета Владимиру Павловичу Бакланову.

Примите уверения в моем уважении и готовности к Вашим услугам.

Влад. Бакланов

К письму приложена рукопись стихотворения:

Выхожу я в степь широкую
Одинок, как сирота,
Но проложенной дорогою
Не хочу пускаться я.
Я не раз видал тех путников,
Что пускалися по ней,
Сластолюбцев и распутников,
Развращенных до костей,
Идиотов, бар скучающих,
Не сроднившихся с трудом,
Или умных, но страдающих
Воли чувств параличом.
Не пойду дорогой этою,
Проложу себе свою,
Не хочу я быть калекою,
Я привык уже к труду.
Под лучами солнца жгучего
Проложу себе тропу
И сквозь терние колючее
Я в желанный край пойду.
Я рукой моей привычною
Устраню кусты и пни.
И эту трудную с обычною
Не сравню с тропой толпы.
Хоть усталый, окровавленный,
Я в желанный край приду,
Или, может быть, раздавленный
На пути крутом паду,
Но паду зато уверенный,
Что не попусту я жил,
Что и труд мой не потерянный
(Так как новый путь открыл),
И что кто-нибудь осмелится
По моим стопам идти, —
Тропе легче уж довериться,
Чем терновнику степи[1].

Влад. Бакланов

Январь 1871 г.

[1] Стихотворение в «О. З.» напечатано не было.

И. И. БАШМАКОВ

Иван Иванович Башмаков (ум. в 1865 г.), псевдоним: Иван Ваненко — довольно плодовитый беллетрист и очеркист 30—50-х годов, сотрудник «Литературной Газеты» и др. периодических изданий, автор книг: «Чудак или человек, каких мало» (М. 1835), «Сказки русские, рассказываемые Иваном Ваненко» (М., 1838), «Приключение с моими знакомыми» (2 ч., М., 1839) и др. позднее изданных произведений.

Печатаемое письмо не лишено интереса для биографии Некрасова. Оно свидетельствует, что менее чем через два года по приезде в Петербург 19-летний Некрасов — уже «достопочтенный литератор», у которого просят наставления даже авторы, приобретшие некоторую литературную известность и опыт в писательском деле.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Фонд Никитенко, $\frac{19432}{\text{CXXXб1}}$).

<Москва, 12 марта 1840 г.>

Милостивый государь,
Достопочтеннейший Литератор наш
Николай Алексеевич!

Иногда простой, обыкновенный цветок, случайно выросший между редкими цветами любителя растений, привлекает и к себе его внимание; но если бы он цвел в отдалении, — его бы не заметили. — Вот бедные цветки моего садика! — Мне желается, чтобы внимание Ваше остановилось на них: быть может, не переродятся ли они во что-либо хорошее, когда искусная рука назначит им место между лучшими растениями.

Если Вы найдете здесь что-нибудь стоющее Вашего внимания, то я смею надеяться увидеть в листках Вашего журнала [1] мое произведение, если нет, то значит, что цветки мои вырастают без запаха. Во всяком случае, я надеюсь, что достопочтенный Литератор не припишет мне самолюбия и не подумает, что я наслаждаюсь запахом только своих произрастаний, — нет, тут-то именно я и лишен обоняния!

P. S. Если Вам будет угодно, из благоволения, как покровителю юных и неопытных любителей литературы, дать мне письменное наставление (чего, впрочем, я не смею надеяться), то адрес мой: В Московскую Запасную аптеку, провизору Карлу Богданову Доннеру, с передачею

Вашему
покорнейшему слуге
Ивану Ваненко

Москва, 1840 года. Марта 12 дня

[1] «В листках Вашего журнала» — речь идет, очевидно, о ежемесячнике «Пантеон Русского и всех Европейских Театров», издававшемся В. П. Поляковым и редактировавшемся Ф. А. Кони. Некрасов принимал участие в этом издании в качестве автора, а также выполнял для журнала различные редакционно-технические поручения.

В. Н. БЕКЕТОВ

С Владимиром Николаевичем Бекетовым (1809—1883), цензором С.-Петербургского Цензурного комитета в 50—60-х годах, Некрасов поддерживал близкие отношения. Бекетов цензуровал «Современник» и довольно послушно следовал указаниям Некрасова.

В книгах В. Е. Евгеньева-Максимова «„Современник" при Чернышевском и Добролюбове» и «Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века» приведен ряд примеров цензорского либерализма Бекетова, за который ему приходилось нередко навлекать на себя неудовольствие начальства. Бекетову Некрасов был обязан цензурным разрешением на выпуск в свет первого издания своих стихотворений в 1856 г. В 1863 г. за пропуск в печать романа Чернышевского «Что делать?» Бекетов был уволен от должности, чему и посвящено публикуемое ниже письмо.

В письме к Г. Н. Потанину от 1 февраля 1861 г. Некрасов назвал Бекетова «лучшим цензором».

В печати известно одно письмо Некрасова к Бекетову (Некрасов, V, 240—242) и два письма Бекетова к Некрасову («Архив села Карабихи», 78—79). Литературу о Бекетове см.: А. Мезьер, Словарный указатель по книговедению. М.—Л., 1934, III, 274.

Письмо печатается по автографу из собрания К. И. Чуковского (Москва).

С.-П-бург, 21 июня 1863 года

Увы! Милейший и дорогой мой Николай Алексеевич, я мертв для Вашего Современника и для службы.

Мне велено подать в отставку, что мною уже учинено в прошлую субботу [1], а с сим вместе передали и Ваш Современник Веселаго [2].

Дай бог, чтобы издание Ваше шло по крайней мере не хуже, чем оно было при мне!

Времена не такие и к тому вводится какой-то новый порядок и предупредительный и преследовательный — в одно время; одним словом, чорт знает что такое! [3]

Что же касается лично до моей персоны — то выход мой в отставку и своевременен и хорош.

Я совершенно неспособен к указанному цензурному порядку.

Но одно гадко: семья моя велика, а средства очень и очень слабы, и ежели мне не дадут пенсиона, который, впрочем, обещали, мне, кажется, ничего не останется, как удавиться.

У слуги Вашего покорного теперь, например, всего в кармане 21 рубль, а кормить приходится каждый день с услугою <?> до 15 голов.

Просто ум за разум заходит.

Ежели мне дадут пенсион, и, следовательно, я буду иметь кое-какие возможности к безбедному существованию — то сейчас, по получении Указа об моей отставке, хочу ехать к себе в деревню (разумеется, один) и по дороге заехать в гостеприимную, конечно, Карабиху, — дружески пожать Вашу, милейший мой Николай Алексеевич, руку, которую никогда не забудет

душевно любящий Вас
В. Бекетов

Мой настоящий адрес: Лесной Институт, по Институтской улице на даче княгини Одоевской.

[1] Бекетов был снят с должности цензора за пропуск в печать романа Чернышевского «Что делать?», опубликованного в 3, 4 и 5-й книжках «Совр.» за 1863 г. См. об этом: И. Ковалев. Н. Г. Чернышевский и царская цензура.—Сборник Института лите-

ратуры Академии Наук СССР «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению», под ред. Н. Пиксанова и О. Цехновицера. М.—Л., 1940, 391 и по указателю.

[2] Феодосий Федорович Веселаго (1817—1895) — историк русского флота; с 1860 г. — член С.-Петербургского Цензурного комитета, с 1861 г. — член Главн. управл. по делам печати. Преемник уволенного за политические упущения Бекетова, Веселаго стремился оправдать оказанное ему доверие и, в согласии с общим усилением реакционного курса правительства в 1863 г., начал применять к «Совр.»

В РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННИКА»
Картина маслом Ю. М. Казмичева, 1938 г.
Литературный музей, Москва

политику суровых и придирчивых преследований. Литературу о Ф. Веселаго см.: А. Мезьер. Словарный указатель по книговедению. М.—Л., 1934, III, 281—282.

[3] В июне 1863 г. закончила работы комиссия по пересмотру законов о цензуре под председательством кн. Оболенского. По проекту комиссии от предварительной цензуры освобождались книги не менее 20 печ. листов, издаваемые в Москве или Петербурге, издания Университетов, Академий и пр., а также, по желанию издателей, газеты и журналы; издатели за нарушение закона о печати должны были отвечать и в судебном и в административном порядке См.: М. Лемке. Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904, 318, 333.

Н. В. БЕРГ

Николай Васильевич Берг (1824—1884), писатель и переводчик, вступил на литературное поприще в 1845 г. в «Москвитянине», а с переходом журнала к «молодой редакции» (1850 г.) стал его постоянным сотрудником. С начала Крымской войны Берг отправился на Дунай и состоял переводчиком при главном штабе южной армии, а после ухода армии из дунайских княжеств находился в Севастополе в течение всего периода его обороны. Оттуда он начал посылать в «Москвитянин» свои корреспонденции.

Первая из этих корреспонденций «Десять дней в Севастополе» («Москвитянин», 1855, № 9, май) понравилась Некрасову, который в «Заметках о журналах за июль 1855 года» («Совр.», 1855, VIII) отозвался о ней как о «замечательной статье», отличающейся «простотой изложения, изобилием интересных фактов, добросовестно собранных» и представляющей «интереснейшее чтение».

Некрасов следил и за дальнейшими севастопольскими очерками Берга. В IX книге «Совр.» за 1855 г. в «Заметках о журналах за сентябрь» (см.: «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 243) он пишет: «В 12-м номере „Москвитянина" мы обратили внимание на „Севастопольские письма" г. Берга». Некрасов приводит обширные цитаты из корреспонденции и перепечатывает военные стихи Берга, в которых по его словам «слышится живой голос, живое чувство очевидца» (там же, 243—244). Наконец в «Заметках о журналах за октябрь» он останавливается на продолжении севастопольских писем, на этот раз примешивая, однако, к своим похвалам резкую критику. Недовольство Некрасова вызвали помещенные в корреспонденции новые севастопольские стихи Берга, в которых поэт, по словам Некрасова, «распахнулся» и к делу начал примешивать «безделье» (там же, 255).

Некрасов входит затем с Бергом в переписку и заручается его сотрудничеством для «Современника».

В письме к И. С. Тургеневу от 15 июня 1856 г. Некрасов, между прочим, сообщает: «... для „Современника" я получил отличную статью от Берга, из Крыма» (Некрасов, V, 247). Статья эта «Из крымских заметок» была напечатана в «Совр.», 1856, VIII, XI.

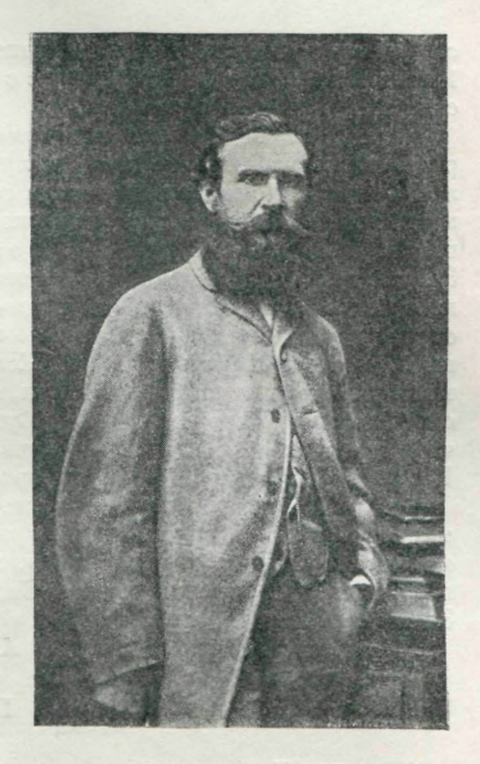
После продолжительного путешествия за границей, о котором Берг рассказал в воспоминаниях «Мои скитания по белу свету» (напечатанных в «Совр.» 1863, I, II, VI, X; 1864, VII), он поселился в Варшаве и некоторое время состоял при наместнике края, благодаря чему был хорошо осведомлен о событиях польского восстания 1863 г., о котором оставил много статей и воспоминаний. В 1868 г. Берг был назначен лектором русского языка и истории русской литературы при Варшавском университете. С 1874 по 1877 г. состоял одновременно редактором правительственной газеты «Варшавский дневник».

По свидетельству современников, Берг «был очень любим своими слушателями, даже и поляками, за свое знание польского языка и как талантливый переводчик Мицкевича» (ЦГЛА.— Ф. 67, № 6; рукопись воспоминаний П. Д. Боборыкина «За полвека», 1868—1872, л. 210).

В Варшаве Берг усердно занялся переводом поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш», которая по цензурным условиям долгое время не могла появиться на русском языке. Отрывки из нее в переводе Берга, проходившие через цензуру только благодаря тому, что выдавались за отдельные стихотворения, печатались в «Москвитянине». Значительная часть этой поэмы была напечатана лишь в 1870-х годах уже в «Отеч. Зап.» Некрасова (1870, VI; 1873, III; 1874, II, IV).

В отдельном издании «Пан Тадеуш», в переводе Берга, вышел в Варшаве в 1875 г. Сам Берг считал перевод «Пана Тадеуша» «лучшим трудом своей жизни» и живо интересовался всем ходом его печатания в «Отеч. Зап.», болезненно воспринимая всякие оттягивания и отсрочки.

Берговский перевод «Пана Тадеуша» явился первым целостным переводом знаменитой поэмы на русский язык и остается, вплоть до настоящего времени, также и единственным полным ее русским переводом (см.: М. Живов. Поэзия Мицкевича в

Н. В. БЕРГ
Фотография 1872 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

переводах и откликах русских писателей. — В кн.: «Адам Мицкевич. Избранное», ГИХЛ, М., 1946, 39).

Отдельные стихотворения Мицкевича в переводах Берга, начиная со второй половины прошлого века, неоднократно перепечатывались в различных изданиях, кончая указанным выше новейшим изданием ГИХЛ.

Публикуемые ниже письма Берга относятся к двум периодам его жизни и литературной деятельности. Первые три написаны из действующей армии в 1856 г. по поводу корреспонденций Берга об осаде Севастополя, помещенных Некрасовым в «Современнике» и сборнике «Для легкого чтения». Остальные пять присланы им из Варшавы в 1872—1873 гг. и касаются печатания в «Отеч. Зап.» перевода «Пана Тадеуша».

Из ответных писем Некрасова к Бергу в печати известно лишь одно (Некрасов, V, 491).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (21.160/CXLVб18 и Ф. 202, оп. 2, № 9).

⟨1⟩

⟨Одесса, 28 июня 1856 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Весьма рад, что посланная мною статья сгодилась и что Вы печатаете ее немедля [1]. Я полагаю, что подобные вещи, которых интерес принадлежит известной минуте, не должны быть задерживаемы. У меня подготовлена еще поездка в Корабельную и на Инкерман, — небольшая статейка, но служащая дополнением к той. Я не мог тогда осмотреть всего Севастополя и сделал это уже во второй приезд, или, лучше сказать, проезд, когда отправлялся в Одессу на пароходе. Поездку в Корабельную пришлю Вам же. Ей всего естественнее появиться вслед за той статьей, на страницах одного и того же журнала [2]. Потом, зимой, когда мы придем в Харьков на постоянные квартиры, я могу Вам

сообщить несколько заметок о нашей жизни в Севастополе и Бахчисарае. Я послал отрывок из них в Русскую Беседу: взгляните, пожалуйста, если будет напечатано [3].

Стихов у меня в настоящее время нет и не знаю, скоро ли будут [4]. Оборвалась струна. Вы это поймете лучше, нежели кто другой. Как-то случилось, что меня с моими стихами и со всем, что я ни печатал до Севастополя, встречали больше нежели недружелюбно. Иные журналы не давали мне покою в тиши кабинета. Мои Песни были обруганы Отечественными Записками за три года до выхода в свет [5]. Еще недавно (в Севастополе) я прочел мое имя в одной повести, как притчу во языцех. Как все это странно и непонятно. Но, во всяком случае, согласитесь, подобные выходки не могли располагать к работе. Если случится произвести что-нибудь стихотворное или отыскать в памяти, я Вам пришлю. Когда доберусь до Москвы, там наверное найду что-нибудь из старого, ненапечатанного, а то, что странствовало со мной, — погибло вместе со всем моим имуществом на Коварне [6], в пожар 26 августа прошлого года.

Как неприятно беспрестанно переменять место и адресы. До сих пор многие письма и посылки идут ко мне через Бахчисарай! Я еще не получил майской книжки «Современника», хотя уже прочел ее здесь у лицейских приятелей. Впрочем, я писал в Вашу контору о переезде своем в Одессу. Здесь мы остаемся до половины августа.

Прошу покорнейше кланяться А. В. Дружинину.

Преданный Вам душою
Н. Берг

1856, июня 28.
Одесса

Посылаю Вам для любопытства афишку из Камыша [7].

[1] Письмо Берга служит, очевидно, ответом на недошедшее до нас письмо Некрасова, в котором тот извещал Берга о принятии его статьи и предлагал дальнейшее сотрудничество в «Совр.».

[2] Очерк Берга «Из крымских заметок» (включая дополнительно присланную главу «Поездка в Корабельную и на Инкерман») напечатан в «Совр.» 1856, VIII и XI.

[3] Упоминаемый отрывок появился не в «Русской Беседе», а в «Русском Вестнике» (1856, кн. 24) под тем же заглавием — «Из крымских заметок», и в «Совр.».

[4] Как указано во вступительной заметке, Некрасов дал положительную оценку напечатанному в «Москвитянине» стихотворению Берга из действующей армии «О чем ты стонешь, сине море?». Судя по словам письма Берга, Некрасов просил его присылать стихи и для «Совр.».

[5] Берг имеет в виду обзор периодических изданий в «О. З.» (1851, IV) по поводу сообщения «Библиотеки для Чтения» о том, что Н. В. Берг занимается теперь переводом «Песен народных». Сборник переводов Берга «Песни разных народов» (М., 1854) вышел через три года после этого обзора. В письме к Тургеневу от 9 октября 1854 г. Некрасов писал: «Проездом через Москву увидел я у Базунова толстейшую книгу с названием Песни разных народов, пер<евод> Берга. Если б этот Берг был даже скотина, что и может быть, то все-таки книга эта доставила мне на целый день (в дороге) интересное чтение и я ему благодарен. Этого мало: я стою на том, что книга хороша и может занять даже и не в дороге» (Некрасов, V, 192). Ср. «Лит. Наследство», т. 53—54. Н. С. Ашукин. Библиотека Некрасова (книги Н. В. Берга — по алфавиту).

[6] «Коварна» — фрегат, сгоревший от удара неприятельской бомбы на Севастопольском рейде 26 августа 1855 г. (см. «Записки об осаде Севастополя», М., 1858, II, 14—17).

[7] Камышевая бухта к юго-западу от развалин Херсонеса, близ которой главной квартирой французской армии был устроен поселок с церковью, рестораном, лавками и театром (ср. «Севастопольский альбом Берга», М. 1858, лл. 28, 29 и 30). В описании литографии 28-й (стр. 14 текста) о театре, устроенном некиим Шово, пояснено: «Сначала представления шли всякий день, но после два дня в неделе были исключения, именно понедельник и пятница. Подле дверей видны прибитые афишки, которые печатались при главном штабе французской армии. Шово ставил на них для курьезу: „Imprimerie Imperiale"».

ТЕАТР В КАМЫШЕ

Французский военный поселок у Камышевой бухты близ Херсонеса

Литография из «Севастопольского альбома Н. Берга», 1858 г.

УЛИЦА В КАМЫШЕ

Литография из «Севастопольского альбома Н. Берга», 1858 г.

<2>

<Одесса, 30 июня 1856 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Ваши предложения относительно 10-ти *дней в Севастополе* совершенно совпадают с моею мыслию: я давно думал собрать в одну книжку мои севастопольские письма, разумеется, пересмотрев их и приведя в надлежащий порядок. Но все-таки хотел оставить их письмами, так, как они были. Этот род повествования имеет в себе особенный оттенок простоты и какого-то кипения, чего нет средств сообщить статье, написанной гораздо после события [1]. Тут смотришь на дело — и пишешь. Есть даже вещи, которые идут письму и неудобны в правильном историческом изложении. Если я не исполнил до сих пор моей мысли, этому причиной моя скитальческая жизнь. Пожалуйста, берите, что хотите из всего, написанного мною в Севастополе. Должен Вам сказать только, что все это печаталось крайне небрежно, с ошибками и вставками таких вещей, которых я не желал бы повторять. Сколько могу припомнить, в 10-т*и днях* нет больших ошибок: это была статья, прямо назначенная для печати, а писем печатать я не думал. Это сделал редактор «Москвитянина» от себя, и я, вследствие порядков на почте и разных скитаний, узнал об этом гораздо позже, нежели следовало. Но так как мой дневник сгорел на Коварне, — то я должен был радоваться, что хоть кое-что сбережено в письмах, и на дальнейшее печатание их уже согласился, умоляя все-таки не печатать *всего*, и выражался так: мало ли что я пишу, а Погодин и эту фразу бухнул и, рассчитывая на слабость позднего гнева (чрез полгода или год), — печатал опять-таки почти все. Вот как было дело [2].

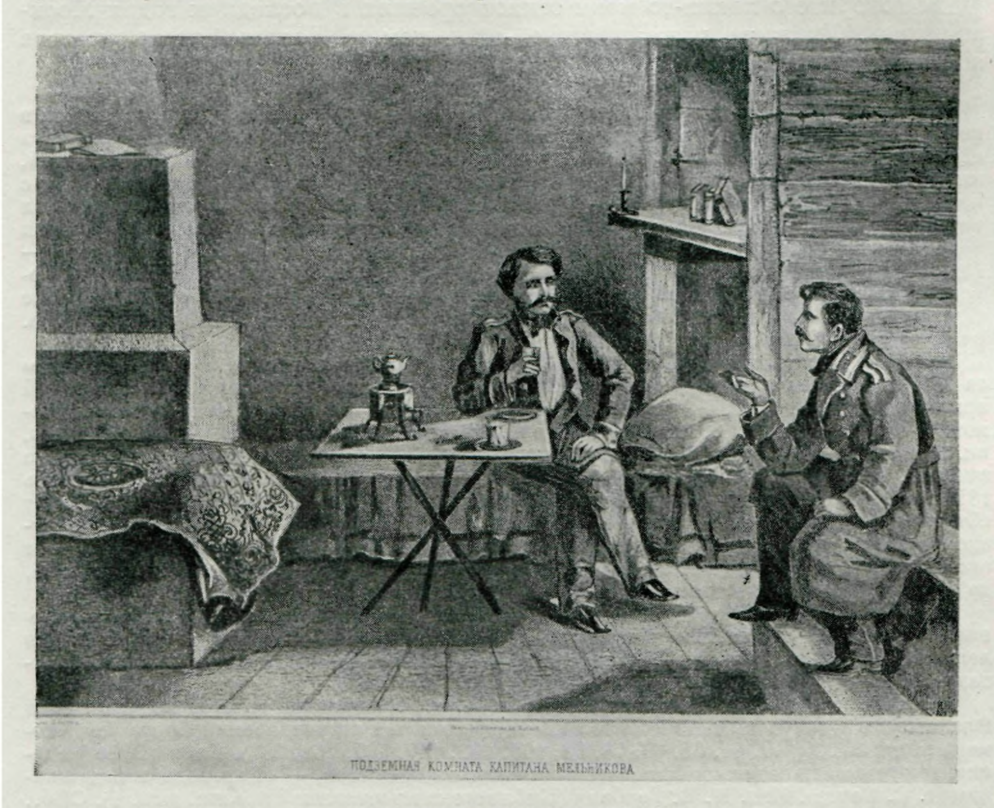
Если можно, вырежьте из «Москвитянина» те листки, какие пожелаете перепечатать, и пришлите мне, по личной почте, в двух-трех письмах, но *сейчас же*: иначе письма будут странствовать до октября. Мы выступаем отсюда 12 августа — письма идут около 10-ти дней из П-бурга сюда, следовательно, Вы можете сообразить.

Но если требуется 10 *дней* напечатать скорее, теперь же, то печатайте. Повторяю Вам: в них мало ошибок. Вот, что могу припомнить: в одном месте, при поездке на 3-й бастион верхом, говорится о мосте, через южную бухту, что он был устроен на *фрегатах* — везде вместо *фрегатов тендера*.

Если поместите и польские стихи, вставленные там, то поручите пересмотреть поляку: во многих вранье. Kończy się chmur jazda — переведено внизу: кончается *тут* езда. Надо — кончается *туч* езда. Типографщик не разобрал [3]. Всякий другой недосмотр и даже неловкость выражения — шероховатость — прошу покорнейше исправлять по своему усмотрению: писал скоро, на походную руку, в Кишиневе, когда собирался в Севастополь, и сердце прыгало в груди, как воробей. Было не до ровности слога.

Что касается до стихотворений, признаюсь, иные действительно желал бы видеть перепечатанными. Вот какие приходят прежде всего на мысль: 1) *Украинские леса, с польского* (Москвит<янин>, 1845, № 3), 2) *Плавание, сонет из Мицкевича*, 3) *Как станет малютка, мой ангел, играя, порой говорить, лепетать, распевать...* 4) *Морлах в Венеции* (Плетневский Современник 46-го или 47-го года). 5) Горациева ода — «*Beatus ille qui procul negotiis*». 6) *Сон*, из Мицкевича. 7) *Сердце*, из Рунеберга. 8) *Греческая песнь* (содержание — к девушке приходит любезный ночью, она не пускает и спрашивает через дверь о приметах в комнате и на ее белом теле). 9) Вообще желал бы перепечатать все сонеты, переведенные из Мицкевича, которых наберется до 20-ти. 10) 1-я

Еврейская мелодия Байрона — «*Она идет, блистая красотою*». Вот покамест все, но все это желал бы просмотреть. Знаю, что многого не напишу так, как написалось когда-то, но исправить могу и следует. Я печатал еще в Листке Московском, 1847 года — не помню, что туда вошло [4]. Друзьям моим нравились стихи *Кармелитке*, собственно *Крылошанке* девичьего монастыря в Александрове, Владимирской губернии. Я не имею средств в настоящее время видеть все это и сообразить, что идет и что нет. Если у Вас найдется свободная минута и терпение, прочтите указанные мною стихотворения и скажите мне об них свое слово,

ПОДЗЕМНОЕ УКРЫТИЕ

Землянка начальника минных работ 4-го бастиона

Литография из «Севастопольского альбома Н. Берга», 1858 г.

прямо, без церемоний. Я прежде всего простой человек, без всяких фокусов, солдат и больше ничего. Судьба, бросивши меня из столицы в лагерь, распорядилась как нельзя лучше. — Но вот у меня какая к Вам просьба: не придумаете ли Вы сделать что-нибудь с моими походными рисунками? Я убежден, что между ними есть такие, каких нигде нет. Разбросать их по Худож⟨ественному⟩ листку мне не хочется [5]. А в целом это будет вещь, которая пригодится в истории и *даже*, мне кажется, издание подобного альбома не должно быть убыточно. Нет ли у вас там купца, который бы взял на себя издержки по изданию? Я же своими средствами поднять его не могу. А эти господа (по крайней мере у нас в Москве, в Троицком. на Ильинке) иной раз съедают в обед больше, чем стоит издание книги. Все это говорю я на случай: не будет ли разговору, не придет ли кому такой мысли. Я объяснялся со здешним художником г. Россом, рисующим весьма недурно; он просит 15 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ за рисунок, испол-

ненный на двух камнях в два карандаша; а литограф просит за отпечатание таких ста рисунков, с бумагой, — 20 р<ублей> с<еребром> [6].

Как это по-вашему, тамошнему: дорого или нет?

Извините, что я в лагерной простоте очень размахался.

Преданный Вам душою
Н. Берг

1856. Июня 30. Одесса

Вы говорите о каких-то моих стихотворениях в последних годах Москвитянина. Укажите, пожалуйста, ей-ей не помню. Большей части номеров я не видал в глаза.

[1] Как и предыдущее, настоящее письмо Берга является ответом на неизвестное в печати письмо Некрасова, в котором речь шла о перепечатке очерка Берга «Десять дней в Севастополе» (напечатан впервые в «Москвитянине», 1855, № 9, май, кн. 1, 69—128) в сборниках «Для легкого чтения». Ввиду согласия Берга, очерк его, с несколько измененным заглавием — «Десять дней в Севастополе во время осады»,был перепечатан по просмотренному автором заново оттиску (см. ниже письмо от 6 июля 1856 г.) в сборнике «Для легкого чтения», IV, СПб., 1856, стр. 75—162 (ценз. разр. — Петербург, 13 сентября 1856 г.). Со своей стороны, Берг предпринял впоследствии переиздание своих «Севастопольских писем» в отдельном издании — «Записки об осаде Севастополя Н. Берга», М., 1858, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина в 2-х томах (ценз. разр. — Москва, 25 августа 1857 г.).

[2] Кроме упомянутого выше очерка «Десять дней в Севастополе», в «Москвитянине» за 1855 г. появились выдержки из нескольких частных писем Берга из действующей армии к редактору М.П. Погодину (см., напр.,«Подробности о кончине адмирала Нахимова» —№ 10, май, кн. 2, 151—154; «Смерть и погребение Нахимова» — № 11, июнь, кн. 1, стр. 12—22 и др.). Такой же характер частных писем носят и «Севастопольские письма», отмеченные Некрасовым в «Заметках о журналах» за сентябрь и октябрь 1855 г. Обращая на это обстоятельство внимание Некрасова, Берг, очевидно, хочет объяснить и оправдать появление в печати своего неудачного стихотворения, заслужившего, как указывалось выше, суровый отзыв Некрасова. Берг, вероятно, читал этот отзыв в «Совр.», а, быть может, Некрасов повторил его и в недошедшем до нас письме, на которое Берг здесь отвечает.

[3] В тексте очерка Берг приводит по-польски несколько цитат из стихов Мицкевича; эти цитаты полностью сохранены и при перепечатке очерка в сборнике «Для легкого чтения», причем указанные Бергом исправления были сделаны лишь в отдельном издании «Записок».

[4] В «Московском Городском Листке» за 1847 г., ежедневной газете, издававшейся Владимиром Дратусовым, действительно напечатан ряд стихотворений Берга (см. номера газет: 20, 25, 40, 41, 65, 66, 78, 92, 101, 102, 147, 187, 268, 282). Ближайшее издание, в котором напечатана была часть упоминаемых стихов, — «Переводы и подражания Н. В. Берга». Изд. Н. В. Гербеля (Библиотека иностранной поэзии, вып. 1). СПб., 1860 (ценз. разр. — СПб., 1 мая 1860 г.).

[5] «Русский художественный листок» — журнал, издававшийся В. Ф. Тиммом в 1851—1862 гг.

[6] В корреспонденциях из Севастополя Берг не раз упоминает о своих зарисовках осажденного города, которые он делал с натуры непосредственно на месте боевых действий. «Посылаю Вам тетрадь моих воспоминаний о Севастополе и о дороге туда и оттуда, — писал он в одном из своих писем к Погодину. — Для ясности некоторых мест я счел не лишним приложить тут же и рисунки, рисунки какие ни на есть, да они единственные. Кроме меня на бастионах никто не рисовал. Это мне говорил Нахимов... Бывший со мной в одно время в Севастополе Тимм (издатель «Художественного Листка») не рисовал ничего такого, а мог бы это дело сделать отлично, потому что мастер большой, работает живо, ловко» («Москвитянин», 1855, № 12, июнь, кн. 2, стр. 11—12).

Документально-историческая ценность рисунков Берга, хотя и не отличающихся особыми художественными достоинствами, совершенно очевидна. Желание Берга увидеть рисунки напечатанными осуществилось, и не исключена возможность, что осуществилось при содействии Некрасова. Быть может, именно он и заинтересовал ими «купцов» Солдатенкова и Щепкина, у которых сам в то время печатался. Рисунки Берга были выпущены самостоятельным альбомом: «Севастопольский альбом Н. Берга». Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М., 1858 (ценз. разр. — Москва, 25 августа 1857 г.). Текст на русском и французском языках. Альбом включает 27 литографий Д. Россова с рисунков Берга, исполненных в московской литографии В. Бахмана. Воспроизведение отдельных рисунков см. при настоящей публикации.

ЧЕТВЕРТЫЙ БАСТИОН
Литография из «Севастопольского альбома Н. Берга», 1858 г.

МЕСТО НА МАЛАХОВОМ КУРГАНЕ, ГДЕ БЫЛ РАНЕН АДМИРАЛ КОРНИЛОВ
Литография из «Севастопольского альбома Н. Берга», 1858 г.

⟨3⟩

⟨Одесса, 6 июля 1856 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Я нашел у моего приятеля экземпляры *10-ти дней в Севастополе*, выпросил у него с тем, что Вы пришлете ему экземпляр той книжки, где это будет напечатано вновь — и решился просмотреть все и переслать к Вам в нескольких письмах. Пожалуйста, прикажите набирать с этого [1]. Завтра еду в Измаил на неделю и буду посылать Вам листки оттуда. Мы выступаем 1 августа. Уже напечатан и маршрут.

Преданный Вам душою Н. *Берг*

1856. 6 июля. Одесса

[1] См. примеч. 1-е к предыдущему письму.

⟨4⟩

5 сентября 1872 г., Варшава

Добрейший и многоуважаемый Николай Алексеевич, был в Бадене и уладил то, о чем мы говорили с Вами, встретясь на Выставке, в Москве [1]. Никак не воображал, что непереведенного из *Пана Тадеуша* так много: вышло всего около 3300 стихов. *Две главы* совершенно полных и большие дополнения из других. Кажется, все цензурно. Откинутся разве какие безделицы. Скажите теперь, желательно ли Вам все это напечатать? Условия те же, как последний раз (20 коп.), только я желал бы за половину вперед.

Переводил с любовью, в тиши Баденских парков и — доволен. От прежнего не отступают ничуть. Ровнее гораздо. В прежнем были местами болотные места. И так теперь *Тадеуш* переведен *весь*, как он написан у Мицкевича. Ждал этих рифм 12 лет — и отчаивался, думал: не придут — вдруг пришли. Рекой лилось. Перебираю теперь листы — и не верю [2].

Напишите же! [3]

Ваш душевно Б⟨ерг⟩

P. S. Николаю Васильевичу, на Краковском предместье, 414. Так как я виделся здесь с Андреем [4], то пишу и ему. Он пенял, что я замолк для От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩.

[1] На «Политехнической выставке Общества любителей естествознания», функционировавшей в Москве с 30 мая по 3 сентября 1872 г. Встреча Некрасова с Бергом произошла 9 или 10 августа 1872 г. (см.: *Ашукин*, 404).

[2] В 1860 г., во время пребывания в Тамбове, Берг перевел большие отрывки из «Пана Тадеуша», «все или почти все», как ему тогда показалось. Пять из этих отрывков были напечатаны в упомянутом уже 1-м выпуске «Библиотеки иностранной поэзии»: «Переводы и подражания Н. В. Берга», СПб., 1860, 207—227. Затем в «О. З.», 1870, VI (203—224) помещено было «вступление» к поэме и еще ряд отрывков. Решив в 1872 г., после свидания с Некрасовым, закончить перевод, он увидел, что им допущены большие пропуски. О том, как переводилась поэма в Бадене, Берг рассказал впоследствии в особом предисловии к отдельному изданию поэмы — «Как и когда сделан мною перевод Тадеуша». — «Пан Тадеуш. Поэма Мицкевича», пер. Н. Берг, Варшава, 1875 (ценз. разр. — СПб., 31 января 1875 г.).

[3] На публикуемое письмо Некрасов отвечал 22 сентября 1872 г.: «Очень я рад, что работа у Вас шла ладно и мы ее напечатаем с удовольствием. Только в конце года денег мало, половину Вам вперед выслать не знаю будет ли можно, поговорю с Краевским, у которого касса. А вы приготовьте совсем оригинал, соберите и вышлите» (*Некрасов*, V, 491, 492).

[4] Андрей Александрович *Краевский*.

⟨5⟩

28 сент⟨ября⟩ 1872 г., Варшава

Посылаю Вам, добрейший и многоуважаемый Николай Алексеевич, первые четыре листа. Так будет переписываться и посылаться далее. Если произойдет перерыв, недостача листов — дайте тотчас знать. Краткое

содержание в прозе, в начале глав, есть не что иное, как тоже перевод из Мицкевича. Так у него. Конечно, я выкидываю то, что было. По-моему в конце III главы можно повторить для полноты рассказ лесничего о медведе и сделать оговорку, пожалуй, на основании того, что тут сделаны перемены [1]. Впрочем, как хотите. Я на всякий случай напишу. Это только и будет повторением. А все остальное новое. А IX и X главы совершенно не были переведены до сих пор [2]. Не сладил бы тогда. Я очень рад, что пришлось докончить это дело при полной опытности и силах. Если издавать потом все, отдельной книгой, надо будет в иных местах, переведенных прежде, когда еще «легковерен и молод я был»,—всю рифму сгустить.

Полагаю, что слова: «Судья, Подкоморий, Граф... и другие названия лиц лучше печатать с большими буквами в начале. Так у Мицкевича. Это имена этих лиц, а не титулы. Граф нигде иначе не называется, как Граф, во всей поэме. Прошу Вас и умоляю ничего не поправлять, не сказавши мне. Все неудобное просто выбросьте.

Ваш душевно Б<ерг>

P. S. Я бы желал, чтобы отступления, абзацы, сделаны были в печати, как написано. Так у Мицкевича и так лучше. — Пишу разбористо, кажется можно без ошибок печатать.

[1] Рассказ лесничего о медведе в конце III главы отсутствовал в ранее сделанных переводах.

[2] Глава IX, в которой описывается битва поляков с москалями и подвиги Тадеуша, была в «О. З.» целиком вырезана цензурой, выпущен также конец VIII главы (приступ к битве) и отдельные места в X главе, но в варшавском издании 1875 г. все эти пропуски восстановлены.

<6>

17 октября 1872 г., Варшава

Вот Вам и все, добрейший и многоуважаемый Николай Алексеевич! Желательно было бы видеть мое правописание. Поправлять Вы меня, конечно, не станете. Ведь Вы не Гербель, который, издавая Поэзию Славян, положительно спятил с ума: навязал мне слишком 400 стихов собственного произведения![1] Поэтому-то я и оговариваюсь: ожегшись на молоке, дую и на воду. — Не хотите ли: напишу небольшое предисловие, где объясню, как вещь переводилась [2]. Пожалуй, можно сказать слова два и о подлиннике. Подробности могу взять у приятеля Мицкевича тоже известного польского поэта Одынца, который живет теперь в Варшаве и со мной в самых лучших, нежнейших отношениях [3]. Да пришлите сколько-нибудь деньжонок, если не половину, то хоть третью часть. Ведь дело верное. Нецензурного, кажется, ничего нет, или уж очень-очень мало [4].

Ваш душевно Б<ерг>

P. S. Кое-где увидите неконченные, как бы оборванные стихи: так и в подлиннике. В одном парижском издании [5], при жизни поэта, между монологами Яцка, где у меня простое отступление, —стоит звездочка. Пожалуйста, при печатании велите мне выбрать из дефектных экземпляров десяточек отдельных.

[1] «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей», изд. Н. В. Гербеля, СПб., 1871. Тогда же Берг протестовал против своеволия издателя письмами в редакции следующих газет: «Московские Ведомости», 1871, 17 ноября, № 251; «С.-Петербургские Ведомости», 1871, 15 ноября, № 316; «Голос», 1871, 15 ноября, № 316. После возражения Гербеля (см. «Голос», 1871, 19 ноября, № 320) Берг поместил в «Голосе» (1871, 6 декабря, № 337) второе письмо с указанием искажений его стихов, допущенных Гербелем.

[2] Вступительная заметка «Несколько слов о поэме „Пан Тадеуш"», с изложением творческой истории поэмы, помещена в «О. З.», 1874, II.

[3] Антуан-Эдуард О д ы н е ц (Odyniec, 1804—1885) — польский поэт и драматург, друг Адама Мицкевича по Петербургу. Ему Берг посвятил перевод «Пана Тадеуша».

[4] К печатанию рукописи Берга было приступлено только с мартовской книжки 1873 г. О причинах задержки см. письмо Некрасова к Бергу от 12 февраля 1873 г.— «Лит. Газета», 1938, 5 янв., № 1, стр. 4.

[5] «Пан Тадеуш» был издан Мицкевичем в Париже в 1834 г., в 2-х томах (первый том вышел в апреле, второй — в конце июня): это издание считалось в то время наиболее авторитетным. В Тамбове Берг пользовался оказавшимся с ним маленьким парижским изданием 1841 г.

<7>

25 марта 1873 г., Варшава

Прошу Вас покорнейше, многоуважаемый Николай Алексеевич, прислать мне сколько-нибудь отдельных оттисков отпечатанных глав Т а д е у ш а, сколько можно. Я просил когда-то 15. Если теперь этого числа нельзя, то хоть 10, хоть 5. Пожалуйста, устройте это. А на будущее время сделайте распоряжение, чтобы отбивалось 10 или 15 экз. Это, конечно, ничего не стоит и нетрудно; надо лишь во-время сказать. А теперь, пожалуйста, хоть 5, если не можно более. Я надеюсь на Вашу дружбу и расположение к своему старому, неизменному копью. Книжка еще сюда не пришла, и я ее не видал [1].

Вам всегда душевно преданный
и готовый к услугам Б <е р г>

[1] Имеется в виду мартовская книжка «О. З.» за 1873 г., где, как указано выше, приступлено было к печатанию перевода «Пана Тадеуша» (2-я и 3-я главы).

<8>

27 мая 1873 г., Варшава

В письме Вашем от 23 мая, которое шло что-то долго: я получил его только сегодня, — Вы как бы на меня сетуете, многоуважаемый Николай Алексеевич, как будто я в чем-то виноват, между тем рассмотрите Ваши действия и Вы увидите, что терпения моего было весьма достаточно: в 8 м е с я ц е в напечатана только ч е т в е р т а я ч а с т ь всей доставленной Вам рукописи. Легко сообразить, сколько потребуется времени на печатание остальных трех частей, если вести дело таким образом, как оно велось до сих пор: потребуется 24 месяца! Два года! На столько терпения у меня не хватает и я принужден был поневоле просить возвращения рукописи [1]. Какая ж тут «строгость»? А разбирать, что может и что не может лежать бесконечно в редакции и чаять движения воды — дело такое трудное и мудреное, что уж лучше не будем об этом говорить. Вся беда, кажется, от того, что между нами влезло незаконно, с незаконными интригами, третье лицо... что ж делать! [2]

Искренно Вас уважающий Б <е р г>

P. S. Мне однако же истинно прискорбно, что наши продолжительные литературные связи как-то странно разрываются через какого-то безграмотного бестактного литературного шихрая; я готов сделать со своей стороны все, что могу, готов итти на новую уступку; если Вы найдете возможным напечатать все остальное [3] в этом году, до декабря 1873, и дадите мне честное слово — я оставлю рукопись в Вашем распоряжении.

[1] Начатое в мартовской книжке 1873 г. печатание «Пана Тадеуша» вслед за тем, как сказано выше, приостановилось. Раздраженный перерывом в печатании Берг послал Некрасову недошедшее до нас письмо с требованием возвратить рукопись. Неизвестно также и ответное письмо Некрасова от 23 мая 1873 г., о содержании которого можно отчасти судить по настоящему письму Берга.

[2] Третье лицо, интригам которого Берг приписывает задержку в дальнейшем печатании и которого ниже называет «литературным шихраем» (слово, заимствованное из воровского жаргона и обозначающее «жулик», «мошенник») — это Н. В. Гербель (см. «Лит. Газета», 1938, 5 янв., № 1, стр. 4).

[3] «Все остальное» — было, однако, напечатано лишь в «О. З.», 1874, II и IV.

Н. А. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

Николай Александрович Благовещенский (1837—1889) — писатель, журналист и этнограф. По окончании С.-Петербургской духовной семинарии он был откомандирован в 1858 г. Синодом в распоряжение известного археолога архимандрита Порфирия Успенского, отправлявшегося на Ближний Восток, и вместе с ним совершил длившееся 17 месяцев путешествие на Афон и в Палестину. Свои путевые впечатления Благовещенский описал впоследствии в двух книгах: «Афон» (1864) и «Среди богомольцев» (1871). По возвращении из этого путешествия Благовещенский выступил в Петербурге в качестве начинающего писателя, повидимому, без особого материального успеха, как это явствует из того, что 30 октября 1862 г. Некрасов возбудил перед Комитетом Литературного фонда ходатайство об оказании помощи Благовещенскому, и Комитет выдал ему пособие в размере 50 руб. (Архив Литературного фонда в Институте литературы Академии Наук СССР — Журналы заседаний Комитета от 30 октября и 10 декабря 1862 г.).

С 1863 г. Благовещенский начал постоянное сотрудничество в «Русском Слове», а с 1864 г. стал номинальным редактором этого журнала (при фактическом редакторстве Благосветлова). После запрещения «Русского Слова» в 1866 г. Благовещенский в течение двух лет редактировал вместе с Шеллером-Михайловым журнал «Женский Вестник», а по прекращении его работал в «Неделе». В начале 70-х годов он поместил в «Отеч. Зап.» Некрасова ряд очерков из рабочей жизни (все они перечислены в примечаниях к публикуемым письмам), в которых изобразил непосильный труд и тяжелую жизнь рабочих.

В 1871 г., когда Благовещенский был разбит параличом, он, «благодаря заботам редакции „Отеч. Зап.“ и Литературного фонда, поехал на Кавказские минеральные воды» (см. Автобиографическую заметку его — Венгеров. Критико-биографический словарь, III, СПб., 1892, 324). В 1872 г. Благовещенский, ввиду осложнения болезни, снова уехал на Кавказ и с 1873 г. навсегда поселился во Владикавказе, где при содействии Некрасова, обратившегося к начальнику Терской области, гр. М. Т. Лорис-Меликову (см.: Белоголовый, Воспоминания. Изд. 3-е, М., 1898, 179), получил в 1875 г. место секретаря Терского статистического комитета и редактора неофициальной части «Терских губернских ведомостей».

Н. А. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

Раскрашенная фотография 1860-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

В 1873 г., до поступления Благовещенского на службу, Некрасов для оказания ему помощи устроил в доме А. С. Энгельгардта платное чтение своей поэмы «Княгиня Волконская». См. письма к В. П. Гаевскому (Некрасов, V, 515) и к А. Н. Апухтину (в наст. томе).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 10) и ЛБ (М. 5765.8).

⟨1⟩

⟨1 января 1864 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Если редакция Современника доверит мне еще 50 р. в счет будущих благ, я буду ей очень благодарен, ибо имею крайнюю нужду в деньгах. В таком случае я буду должен Вам всего 100 р. и не буду беспокоить редакцию своими просьбами до самой подачи статьи, то есть до 15 февраля [1].

Вместе с деньгами потрудитесь выслать мне, Николай Алексеевич, «Данилушку» и «О воскресных школах» Помяловского. Эти тетрадки теперь мне очень нужны [2].

Остаюсь в ожидании.

Преданный Вам Н. Благовещенский

Вверху письма рукою Некрасова: Выдать пятьдесят руб. Некрасов

[1] Благовещенский готовил для Некрасова биографический очерк о скончавшемся осенью 1863 г. своем школьном товарище — Николае Герасимовиче Помяловском. Очерк появился в «Совр.», 1864, III, 115—154.

[2] Все бумаги Помяловского после его смерти остались на руках Н. А. Благовещенского, который писал в упомянутом выше очерке: «... в них оказались отрывочные заметки по бурсе, по воскресной школе, педагогические заметки, статьи, писанные еще для семинарского листка, неоконченный рассказ „Данилушка", неоконченные сцены „Братского согласия" и отрывки из старинного дневника» (там же, 150).

⟨2⟩

⟨12 декабря] 1870 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбой. Не можете ли Вы выслать мне на этих днях сто рублей в виде ссуды? За это я могу обещать Вам для февральской или мартовской книги Отечественных Записок свою новую повесть, уже почти оконченную [1]. Я надеюсь, что Вы приютите ее на страницах Вашего нового журнала, на прежних условиях гонорария, и тогда вычтете те сто рублей, которые теперь я прошу ссудить мне [2].

Готовый к услугам Вашим
Н. Благовещенский

12 декабря

Мой адрес: на Воскресенском проспекте, близ Кирочной улицы, дом № 18, кв. № 11 — Николаю Александровичу Благовещенскому.

[1] Никакая повесть Благовещенского в «О. З.» за 1871 г. не появлялась. Но в февральской книжке журнала была напечатана его статья «Сельские фарфоровые заводы». Возможно, об этом очерке, неточно именуемом повестью, и идет речь.

[2] Прежние условия гонорара — те, по которым был оплачен очерк «На болоте» («О. З.», 1870, X). Гонорарные ведомости «О. З.» за 1871 г. (см. публикацию их в «Лит. Наследстве», т. 53—54) показывают, что за «Сельские фарфоровые заводы» автору было уплачено 123 руб. (т. е. по 75 руб. за лист) и что по распоряжению Некрасова из этой суммы было удержано 75 руб. долга. Таким образом, просимая Благовещенским ссуда была ему выдана, хотя и в несколько меньшем размере.

<3>

<Пятигорск, 7 июня 1872 г.>

Многоуважаемый
Николай Алексеевич!

М. Е. Салтыков уведомил меня, что в июньской книге Отеч<ественных> Записок будет напечатана моя небольшая статейка: «На Литейном заводе» [1]. На этом основании покорнейше прошу Вас, добрейший Николай Алексеевич, выслать мне в г. Пятигорск приходящийся мне за эту статейку гонорарий, — что следует по расчету. Что касается до моего долга редакции, то я просил бы Вас в уплату этого долга вычесть не более $^1/_3$ всего гонорария, или даже, если это возможно, не вычитать на этот раз ничего. Осмеливаюсь просить Вас об этом потому, что здесь, вследствие долгой засухи, жизнь вздорожала почти вдвое против прошлогоднего, и мне стала дорога каждая копейка.

Чувствую себя все еще очень плохо, но это, вероятно, потому, что лечение в настоящее время идет истощающее, а не укрепляющее. Н. К. Краббе [2], благодаря Вам, очень внимателен ко мне; он устроил мне здесь даровое лечение и помог во многом другом. Признаюсь, тяжело и неловко мне принимать от частных лиц эти подаяния, но что же делать, если болезнь связала меня по рукам и ногам и за какие-то грехи не дается мне до сих пор ни смерти, ни жизни. Если увижу прок какой от здешнего лечения, то останусь в Пятигорске и на всю зиму, с тем, чтобы будущей весною опять попользоваться ваннами. Зимой, на досуге, если буду в силах, надеюсь понемногу работать и понемногу пересылать Вам свои работы. Давно уже работать хочется, тем более, что и материалов накопляется все больше и больше.

Николай Алексеевич! Как глубоко и искренно благодарен я Вам за Ваше внимание ко мне и за все Ваши услуги, какие вы оказали мне во время моей длинной болезни. Представится ли мне когда-нибудь случай лично выразить и доказать вам, добрейший, всю силу моей признательности!

От души желаю Вам всякого успеха и счастия.

Душевно преданный Вам
Н. Благовещенский

7 июня 1872 г. Пятигорск

Деньги и письма прошу адресовать по следующему адресу: в г. Пятигорск, Ставропольской губернии, Николаю Александровичу Благовещенскому.

[1] «На литейном заводе (из очерков русского чернорабочего люда)» — «О. З.», 1872, IV. Письмо М. Е. Салтыкова в печати неизвестно.

[2] Николай Карлович Краббе (1814—1876) — вице-адмирал, генерал-адъютант, управляющий морским министерством (см. ниже его письма к Некрасову).

Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВ

Григорий Евлампиевич Благосветлов (1824—1880) — известный публицист, редактор журналов «Русское Слово» (1860—1866) и «Дело» (1867—1888) являлся представителем буржуазно-радикального течения в русской демократии 60—70-х гг. Именно буржуазные стороны идеологии и психологии Благосветлова определяли известную недооценку им русской демократической литературы.

Уже в первой своей крупной статье «Взгляд на русскую критику», напечатанной в январской книжке «Отеч. Зап.» за 1856 г., Благосветлов критически отнесся к «Современнику» и его традициям; в другой статье он хотел выступить против Гоголя, имя которого было выставлено на знамени демократической литературы. В «Современнике» ему этого не забыли; Антонович чуть ли не через десять лет ставил Благосветлову в вину это его выступление. Что касается отношения собственно к Некрасову, то с самого начала литературной деятельности Благосветлова оно было противоречивым и непоследовательным. Если признать, что автором анонимной статьи «Современные русские поэты Н. П. Огарев и Н. А. Некрасов», предназначавшейся для ноябрьской книжки «Сына Отечества» того же 1856 г., но запрещенной цензурой, был Благосветлов (см. публикацию Я. З. Черняка в «Лит. Наследстве», т. 53—54), то его исходную позицию в отношении некрасовской поэзии следует определить как вполне сочувственную. С другой стороны, примерно к этому же времени относится ряд высказываний Благосветлова (не в печати), резко враждебных Некрасову. Так в письме из-за границы к Я. П. Полонскому от 1 мая 1859 г. Благосветлов писал, что если Кушелев-Безбородко передаст редакцию «Русского Слова» А. Григорьеву, тогда «мы опять надевай колодки Краевского и ползай в передней Некрасова».

В 1864—1865 гг. произошла известная полемика между «Современником» и «Русским Словом»; в первом журнале выступили Салтыков и Антонович, во втором — Зайцев, Благосветлов и Писарев. Полемика эта, естественно, еще более отдалила Благосветлова от Некрасова и его группы. В 1875 г. Благосветлов напечатал в «Деле» под заглавием «Восхититель» враждебную пародию на поэму «Кому на Руси жить хорошо». В этой пародии баба рассказывает о том, как она была у Некрасова и как тот ее принял. Некрасов, между прочим, говорит бабе:

Мне надобно описывать
Не этаких, как ты!
Пойми ты, баба глупая:
С Михаилом Евграфычем,
С Григорием Захарычем
Я орган либеральнейший —
«Записки» издаю... и т. д.

В письме к П. Л. Лаврову из Гомбурга Благосветлов писал 7 июня 1877 г.: «Когда я уезжал ⟨из Петербурга⟩, с часу на час ожидали смерти Некрасова... Я давно уже не видал русских газет и не знаю, умер ли он или еще борется со смертью. Подвергая себя такой мучительной операции, он засвидетельствовал громко, что ему „Хорошо жить на Руси“ — и потому хочется жить. Но что же это за жизнь... Не понимаю этого страстного жизнелюбия, этого эпикурейского стоицизма. Может быть потому, что никогда, говорят медики, не хочется так жить человеку, как во время эпидемий и повальной смерти. Впрочем, à chacun son goût!!!» (ИМЭЛ — неизд.).

Нужно повторить, однако, что у Благосветлова не было полной устойчивости в этом недружелюбном, а подчас и прямо враждебном отношении к Некрасову. Об этом с полной определенностью свидетельствует первое из публикуемых ниже писем, относящихся к весне 1872 г. После же смерти Некрасова Благосветлов в письме к Л. Мечникову дал следующую высокую, хотя и до крайности одностороннюю оценку значения творчества ушедшего поэта: «Великая заслуга ⟨русского реализма⟩ в том, что он привил к общественному сознанию сочувствие народу, его страданиям, он воспитал в барине — человека. Некрасов как поэт, с общечеловеческой мерки, не стóит и гроша, но Некрасов как будитель новых чувств в нашем обществе, как печальник за бедного и слабого, неизмеримо выше Пушкина!» (ЦГЛА — неизд.).

Письма печатаются по автографам ИЛИ.

Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

⟨1⟩

⟨Конец мая 1872 г.⟩[1]

Николай Алексеевич, мне было бы очень приятно ответить на Ваше любезное письмо личным посещением, что я и надеюсь сделать в более благоприятную минуту, но у меня опасно болен сын, от постели которого я не могу отойти, к тому же выход книжки «Дело» отнимает у меня последнюю минуту досуга.

Верьте, что я иначе никогда не думал о Вас лично и о Вашей деятельности вообще [2]. Никто лучше меня не понимает, что человек, с которым работал Чернышевский (а я с ним рос и воспитывался [3]) и которого он любил искренне, имеет право на признательность не меня одного. К сожалению, наши истинные чувства перетолковываются вкривь и вкось теми редакционными кумушками [4], которые составляют не соль, а настоящий сор земли нашей.

До свидания. Надеюсь увидеть Вас.

Душевно преданный Вам
Григ. Благосветлов

[1] Датируется предположительно, исходя из следующих соображений.
В неопубликованном письме к П. В. Засодимскому от 6 июня 1872 г. (ИЛИ, Ленинград) Благосветлов сообщал адресату, что не отвечал на его письмо потому, что «буквально был завален по горло. Больного сына не было времени навестить на даче». Можно думать, что об этой же болезни сына Благосветлов упоминает и в письме к Некрасову, но, судя по письму к Некрасову, сын был еще не на даче, а дома, и так болен, что и на дачу отправить его было нельзя. Повидимому, письмо к Некрасову предшествовало, по крайней мере, на несколько дней письму к Засодимскому. В письме содержатся, кроме того, уточняющие указания, что оно писалось в дни, когда Благосветлов готовил к выпуску очередную книжку «Дела». Такая страдная пора у Благосветлова падала обычно на последнюю треть месяца.

[2] О каком, несомненно, сочувственном, отзыве о Некрасове, относящемся к весне 1872 г., идет речь, установить не удалось. Не известно в печати и письмо Некрасова, в котором он благодарит Благосветлова.

[3] По окончании саратовской семинарии, в которой учился также Чернышевский, Благосветлов поступил в Петербургский университет на юридический факультет. В период пребывания своего в университете, Чернышевский не раз упоминает в своем

дневнике о встречах с Благосветловым. Но позже, когда Чернышевский приехал из Саратова женатым, Благосветлов отошел от Чернышевского. В письме к Д. М. Мордовцеву от апреля 1861 г. он писал об этом так: «Уважаю я лично Костомарова и заочно Чернышевского: это un homme de la trempe bien fine et bien forte, но с ним-то, кого я особенно любил бы, и не приходится видеться. Жену его я терпеть не могу, а он очень любит ее: вот мы и разошлись» (ИЛИ — неизд.).

[4] Трудно сказать, кого имеет в виду здесь Благосветлов, но все-таки можно предполагать, что одной из таких «кумушек» был Г. Н. Потанин, сотрудник «Современника», «Русского Слова» и других журналов. В 1861 г. он напечатал в «Современнике» роман «Старое старится, молодое растет». Но потом, как видно из одного письма его к Благосветлову (ИЛИ — неизд.), он разошелся с «Современником» и обратился к Благосветлову с предложением напечатать продолжение того же романа в «Русском Слове». При этом Потанин не постеснялся (в упомянутом письме к Благосветлову) облить грязью и клеветой редакцию «Современника», особенно же Салтыкова. Благосветлов напечатал «Эпизоды из романа „Старое старится, молодое растет"» в «Русском Слове» за 1864 и 1865 гг. За это потом Потанин «отблагодарил» Благосветлова в своих не внушающих никакого доверия воспоминаниях, в которых не пожалел черных красок для характеристики Благосветлова и его сотрудников («Исторический Вестник», 1905, II, 474—480). Эти воспоминания вызвали фактическое опровержение со стороны Ершова, в статье «К истории русской журналистики и общественности» («Образование», 1906, IX, 22—23).

⟨2⟩

⟨20 мая 1874 г.⟩

Многоуважаемый
Николай Алексеевич,

До меня дошли смутные слухи, что «Оте⟨чественные⟩ Записки» подвергаются такому же безумному насилию, как и «Дело» [1]. Если этот слух имеет основание, то не примете ли Вы моего предложения — обсудить наше положение сообща и сообща что-нибудь предпринимать, чтобы облегчить участь журналов, попавших так неожиданно под какое-то лошадиное копыто [2]. С этой целью я просил бы Вас назначить мне день и час, когда я могу застать Вас дома и переговорить с Вами лично. Может быть то, что мне известно, дополнит Ваши сведения по этому делу.

С душевным уважением к Вам
Григор. Благосветлов

уг. Надеждинской и Манежного, д. № 39

20 мая 1874 г.

[1] Пятая книжка журнала «О. З.» за 1874 г. была арестована и сожжена цензурой. Причиной ареста книжки послужили некоторые статьи, в которых усмотрена была проповедь вражды между имущими и неимущими классами («Рекрутский набор» Кроткова, «Литературные и житейские заметки» Михайловского, вторая половина рассказа Г. Успенского «Очень маленький человек»). Об аресте майской книжки «О. З.» за 1874 г. см. статью: В. Евгеньев-Максимов. Из истории одного цензурного auto da fe («Книга и Революция», 1921, XII, 6—15). Вместо сожженной V книжки Некрасов выпустил в июне двойной номер журнала (V—VI).

[2] В 1872—1874 гг. начальником Главн. управл. по делам печати был М. Н. Лонгинов (1823—1875). При нем, между прочим, состоялось распоряжение о том, что статья, в которой окажется хоть одна цензорская помарка, совсем запрещается к печатанию. Для Благосветлова и издаваемого им «Дела» управление Лонгинова было самым тяжелым временем. «Вы знаете, — писал он Н. В. Шелгунову, — мое терпение и мою находчивость в трудных обстоятельствах, но я опустил руки. Все, что можно было сделать со стороны внешнего влияния, мною сделано; еще один путь остался — и я попробую его на-днях. Если и тут не выгорит — пропало „Дело"...» (ИЛИ — неизд.).

П. Д. БОБОРЫКИН

В 1861 г., в самый разгар ожесточенных идеологических боев русской революционной демократии, возглавляемой штабом «Современника» — Чернышевским, Добролюбовым и Некрасовым, в Петербург приехал только что окончивший курс Дерптского университета Петр Дмитриевич Боборыкин (1836—1921). Приехал он за тем, чтобы целиком посвятить себя литературной деятельности. Вскоре его фельетоны, подписанные псевдонимом «Петр Нескажусь», появились в «Библиотеке для Чтения», где еще раньше, будучи студентом, он поместил комедию «Ребенок».

Молодой фельетонист «Библиотеки для Чтения», возглавляемой в то время Писемским, держался в стороне от круга «Современника». Более того, Боборыкин высмеивал в своих фельетонах «нигилистов» и восставал против полемических приемов Чернышевского. А взяв на себя в 1863 г. издание «Библиотеки для Чтения», он не изменил ее направления и не только допускал печатание статей, направленных против «Современника», но и дал место в своем журнале «антинигилистическому» роману Лескова «Некуда».

Естественно, что Некрасов должен был отказаться в конце 1867 г. от предложенного Боборыкиным сотрудничества, несмотря на то, что нуждался в это время в сотрудниках для переходивших в его руки «Отеч. Зап.». Было отклонено и второе предложение Боборыкина, относящееся к 1868 г.,— поместить в «Отеч. Зап.» статью о Бернском конгрессе. «Ко мне, — вспоминает сам Боборыкин, — в тогдашних более радикальных кружках (стало быть, и в кружке бывшего «Современника») относились с некоторым предубеждением» («Слово», 1903, № 340).

Между тем, антинигилистическая репутация Боборыкина уже не соответствовала в это время его идейно-политическим взглядам. Жизнь за границей, куда Боборыкин уехал в 1865 г. (после краха «Библиотеки для Чтения», подорвавшего его благосостояние), в обстановке резких социальных контрастов достигшего своей полной зрелости буржуазного общества, мощного подъема европейского рабочего движения, деятельность Маркса и Энгельса и руководимого ими Первого Интернационала, произвела значительные сдвиги влево в мировоззрении писателя. Большое впечатление на Боборыкина произвело, в частности, посещение заседаний Брюссельского конгресса Первого Интернационала в 1868 г.

Он тогда же корреспондировал об этих исторических заседаниях в «Голос», явившись, таким образом, одним из ранних в России информаторов о деятельности Первого Интернационала, а позже посвятил этим своим впечатлениям яркую страницу в не изданной еще до сих пор части своих воспоминаний «За полвека». Вот что писал здесь Боборыкин:

«Из съездов, бывших в последние годы Второй империи, самым содержательным и вещим для меня был конгресс недавно перед тем созданного по инициативе Карла Маркса „Международного общества рабочих“.

Сам Маркс на него не явился — уже не знаю почему. Может быть, место действия — Брюссель — он тогда не считал вполне для себя безопасным.

Я присутствовал на всех заседаниях конгресса и посылал в „Голос“ большие корреспонденции.

Думается мне, что в нашей тогдашней подцензурной печати это были первые по времени появления отчеты о таком съезде, где в первый раз буржуазная Европа услыхала голос сознательного пролетариата, сплотившегося в союз с грозной задачей вступить в открытую борьбу с торжествующим пока капиталистическим строем культурного общества.

Париж последовательно вводил меня в курс идей и интересов, связанных с великой борьбой трудового человечества. Я не примыкал ни к какой партии или кружку, не делался приверженцем той или иной социалистической доктрины, а все-таки, когда я попал на заседание этого конгресса, я был наглядным прямым воздействием того, что я уже видел и слышал, подготовлен к дальнейшему знакомству с миром рабочей массы, пробудившейся в лице своей интеллигенции от пассивного ярма к формулированию своих упований и запросов.

Главное ядро составляли тогда бельгийские и немецкие представители рабочих коопераций и кружков. В Брюсселе движение уже давно назревало. Немцы еще не были тогда тем, чем они стали позднее, после войны 1870 г. Трудно было и представить себе тогда, т. е. в конце 60-х годов, что у них социал-демократическая партия так разовьется и даст через тридцать с небольшим лет чуть ли не сто депутатов в рейхстаг.

Тогда только — даже и после речей некоторых пролетариев на конгрессах «Мира и Свободы» — мне пришлось слушать настоящих мастеровых, произносящих не только сильные по фактам, но и блестящие речи.

Какой-нибудь брюссельский портной, или печатник, или оружейник говорили прекрасно с заразительным пылом настоящих рабочих, а не просто агитаторов из „господ"...

Заседания происходили днем в здании Фламандского театра, летом не играющего.

Никогда я не забуду речи того брюссельского наборщика, который, обращаясь к рабочим из Льежа, сказал им: „Откажитесь делать ружья и пушки, и войне конец!..".

Фраза эта вызовет улыбку у поклонников бисмарковой проповеди „железа и крови", но отрадно было слышать и такие „наивные" призывы и чуять в проснувшемся пролетарском самосознании многое такое, что теперь уже реально существует, а тогда, в конце 60-х годов, считалось химерами.

Английские делегаты оказывались самыми буржуазными. Уже и тогда видно было, что Trade-Unions будут стоять в стороне от социал-демократического движения.

И все мои отчеты с их сочувственным отношением к Международному союзу рабочих печатались в осторожном и умеренном „Голосе" без всяких выпусков, и я не помню, чтобы А. А. Краевский написал мне письмо с просьбой изменить тон или не вдаваться в подробности.

Кто поинтересуется — может найти эти отчеты в „Голосе".

Как его заграничный сотрудник я подписывался звериным числом „666"» (ЦГЛА.— Ф. 67, № 6. Рукопись воспоминаний «За полвека», лл. 25—29).

Двенадцать «писем»-корреспонденций Боборыкина, появившихся в №№ 240—246, 248, 252, 254, 262 и 274 «Голоса» с 31 августа по 22 сентября 1868 г. под общим заглавием «Съезд рабочих в Брюсселе» (правда, не за «апокалиптическим» астронимом «666», а за заменившим его, видимо из опасений духовной цензуры, криптонимом «Ь. Ь. Ь.»), действительно, свидетельствовали о существенном сдвиге взглядов их автора влево и обусловили вскоре перемену позиций демократического журнала — в отношении к недавнему «антинигилисту». Сам Боборыкин утверждал потом, что основную роль в этом сыграл Н.С. Курочкин, который специально говорил о нем с Некрасовым. Так или иначе, но в 1870 г. уже сам Некрасов проявил инициативу и обратился к Боборыкину с приглашением сотрудничества.

В письме от 14 апреля 1870 г. Некрасов писал Боборыкину: «Вы предлагали мне Ваши работы для От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩, но по некоторым обстоятельствам печатать их покуда не приходилось. Теперь обращаюсь к Вам с следующим предложением: напишите для От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩ роман. Считаю лишним распространяться, что̀ нам нужно. Вы это сами хорошо знаете. На талант Ваш мы надеемся. Вы, конечно, избегнете того, что̀ нам не совсем по вкусу и на что указание найдете в рецензии на одно из Ваших произведений, помещенной в Отеч⟨ественных⟩ Зап⟨исках⟩» (Некрасов, V, 473—474).

Это — единственное письмо Некрасова к Боборыкину, напечатанное в собрании писем. Рецензия, на которую ссылается Некрасов, — это анонимно напечатанная в ноябрьской книге «Отеч. Зап.» за 1869 г. критическая статья Щедрина «Новаторы особого рода», о романе Боборыкина «Жертва вечерняя». Чрезвычайно резкая по своему тону, статья эта давала суровую отповедь элементам безыдейности и порнографии в творчестве романиста.

Письмо Некрасова, заставшее Боборыкина за работой над только что начатым романом «Солидные добродетели», стимулировало быстрое его написание. В течение весны и лета роман был закончен и напечатан в «Отеч. Зап.», 1870, IX—XII.

Приведем несколько отрывков из неизданной части воспоминаний Боборыкина, относящихся к этому важному этапу его литературной биографии.

П. Д. БОБОРЫКИН
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

«К 1870-му году я начал чувствовать потребность отдаться какому-нибудь новому произведению, где бы отразились все мои пережитки за последние три-четыре года.

Но странно! Казалось бы, моя любовь к театру, специальное изучение его и в Париже, и в Вене, должны были бы поддержать во мне охоту к писанию драматических вещей. Но так не выходило, вероятнее всего потому, что кругом шла чуждая жизнь, а разнообразие умственных и художественных впечатлений мешало сосредоточиться на сильном замысле — в драме или в комедии.

Роман хотелось писать, но было рискованно приниматься за большую вещь. Останавливал вопрос — где его печатать? Для журналов это было тяжелое время, да у меня и не было связей в Петербурге, прежде всего с редакцией „Отечественных Записок", перешедших от Краевского к Некрасову и Салтыкову. Ни того, ни другого я лично тогда еще не знал <...>».

«В Берлине, где я уже стал писать роман „Солидные добродетели", получил я — совершенно нежданно-негаданно для меня — собственноручное письмо от Н. А. Некрасова <от 14. IV. 1870, см. выше>, в котором он просил у меня к осени 1870 роман, даже если он и не будет к тому времени окончен, предоставляя мне самому выбор темы и размеры его.

Это меня очень порадовало и приходилось как нельзя более кстати.

Я ответил, что я начал как раз роман и постараюсь высылать его так, чтобы он мог еще быть напечатан к концу текущего года. Я предполагал сделать его в четырех частях, листов около четырех-пяти в каждой.

С Некрасовым у меня до того не было никаких сношений, ни личных, ни письменных. В Петербурге я с ним нигде не встречался, никогда не бывал в редакции „Современника" и из-за границы никогда к нему не обращался с предложением сотрудничества, с тех пор, как он, после гибели „Современника", взял у Краевского его „Отечественные Записки"*.

* Сведения неверны. См. ниже, предшествующие письму Некрасова к Боборыкину три письма последнего к Некрасову 1867—1868 гг. с предложением своего сотрудничества. — Ред.

Это обращение ко мне, в такой широкой и лестной для меня форме, немного удивило меня. Я мог предполагать, что в его журнале главнейшие сотрудники вряд ли относились ко мне очень сочувственно и еще не дальше, как в 1868 году там была напечатана анонимная рецензия на мою „Жертву вечернюю" (автор был Салтыков), где меня обличали в намерении возбуждать в публике чувственные инстинкты.

Но факт был налицо. Более лестного обращения от самого Некрасова я не мог и ожидать.

Позднее, вернувшись в Петербург, в начале 1871 г., я узнал от брата Василия Курочкина — Николая (постоянного сотрудника „Отечественных Записок"), что это он, не будучи даже со мной знаком, стал говорить самому Некрасову обо мне, как о желательном сотруднике, и побудил его обратиться ко мне с письмом.

В этом сказался большой ум Некрасова и ширь его отношения к своему делу. Его, стало быть, не смутило то, что у него же в журнале так „прошлись" насчет „Жертвы вечерней".

Быть может, это меня самого несколько смутило бы; но я „Отечественных Записок" за границей в эти годы не читал и с рецензией Салтыкова меня познакомил кто-то уже в России».

(ЦГЛА. — Фонд П. Д. Боборыкина, Рукопись воспоминаний «За полвека», лл. 172 и 189—191).

Отрицательное отношение Щедрина к творчеству Боборыкина сохранилось и впоследствии. По словам неизданных воспоминаний В. И. Танеева, «Боборыкин очень боялся Салтыкова и боязни своей откровенно не скрывал». Все же, после возвращения Боборыкина в январе 1874 г. из заграницы, его связи с «Отеч. Зап.», благодаря личному контакту с Некрасовым и тем же Щедриным, значительно укрепились. Боборыкин стал отныне отдавать в некрасовский журнал не только свои беллетристические произведения, но и корреспонденции и отдельные статьи по политическим вопросам. Летом 1871 г. по инициативе Некрасова Боборыкин ездил в Париж для составления очерков о Парижской Коммуне, а осенью Некрасов поручил ему заведывание иностранным отделом журнала, хотя практически эта форма сотрудничества Боборыкина почти не была реализована.

Список произведений Боборыкина, напечатанных в «Отеч. Зап.» при жизни Некрасова, см.: 1) в «Указателе к „Отечественным Запискам" за десятилетие 1868—1877», СПб., 1878 и 2) в «Списке анонимных и псевдонимных статей в „Отечественных Записках" за 1868—1877 гг.» — «Лит. Наследство», т. 53—54.

Воспоминания Боборыкина о Некрасове были напечатаны: в «Наблюдателе», 1882, № 4; в «Русских Ведомостях», 1902, № 29 и в «Слове», 1903, № 340. См. также П. Д. Боборыкин. За полвека (Мои воспоминания). Под ред. Б. П. Козьмина. Изд. «ЗИФ», М.—Л., 1929 (о Некрасове см. по указателю).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 11), ЛБ (М. 5765.9. 1 и 2) и ЦГЛА (Ф. 191, № 548).

В качестве приложения к публикации писем Боборыкина помещаем ниже (позади писем) главу из неизданной части его воспоминаний «За полвека», посвященную Некрасову и редакции «Отеч. Зап.».

⟨1⟩

⟨Конец⟩ 1867 г., Париж

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Я готовил для «Отечественных Записок» большую беллетристическую вещь и ряд ежемесячных обозрений общественного и философско-литературного движения запада. Узнавши, что журнал переменил редакцию, я просил Н. Н. Страхова передать Вам для просмотра первый мой ежемесячный этюд, под заглавием: «С перекрестка цивилизации». Если Вы находите не лишним для журнала помещать хоть раз в два месяца такие обозрения, я готов сотрудничать Вам; причем от Вас будет зависеть изменить литературную форму и колорит статей. Обо всем этом можно столковаться.

Беллетристическая вещь остается у меня на руках. Угодно: я Вам ее вышлю, понравится — печатайте. В случае отказа, прошу Вас покорнейше передать доставленную Вам Н. Н. Страховым рукопись обратно ему же.

Поручаю себя Вашему вниманию и надеюсь, что Вы почтите меня уведомлением. Все, чем я могу быть полезен Вам, по беллетристике и критическим этюдам, — к услугам Вашего журнала [1].

С совершенным почтением имею честь быть

Вашим покорным слугою

П. Боборыкин

Адрес мой: M. P. Boborykine, Paris, 8, Rue de la Sorbonne.

[1] После смерти С. С. Дудышкина, в сентябре 1866 г. Краевский пригласил редактировать «Отеч. Зап.» Н. Н. Страхова, чем и объясняется, что рукописи Боборыкина находились у последнего. Редакторство Страхова было весьма непродолжительным и вскоре перешло к самому Краевскому (до 1868 г.). О судьбе упоминаемых работ Боборыкина точные библиографические сведения отсутствуют, но, вероятно, эти работы вошли полностью или частично в те парижские очерки и корреспонденции «С итальянского бульвара» и др., которые Боборыкин печатал в 1868—1870 гг. в «С.-Петербургских Ведомостях» В. Ф. Корша и «Голосе» А. А. Краевского.

<2>

14/26 ноября 1868 г., Вена

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Прилагаемая статья о Бернском конгрессе не могла быть напечатана в газете по цензурным соображениям. Я Вам ее высылаю с убедительной просьбой поместить в «Отечественных Записках», не в угоду мне лично, а в интересах честного дела. Корреспонденции, появлявшиеся в иностранных и русских газетах, одни так бесцветны, другие так предательски нахальны, что невозможно не протестовать против них объективным и вместе с тем сочувственным изложением того, что, действительно, делалось и говорилось. Не сомневаюсь, что Ваш журнал дал отчет в здоровом направлении; но очевидец только может показать настоящую физиономию и преобладающий смысл того или иного момента. Я проделал оба конгресса в Брюсселе [1] и Берне [2], имеющие такую тесную мыслительную и социальную связь; на мне лежит безотлагательный долг сказать свое слово, а нигде, кроме Вашего журнала, я этого сделать не могу. В газету уже поздно; в ежемесячном же издании статья моя, имеющая критический характер, может появиться и после отчета в хронике.

Если Вы отнесетесь благоприятно к моему этюду, почтите меня ответом: высылать ли мне вторую половину, где я должен оградить хоть сколько-нибудь моего близкого единомышленника Г. Н. Вырубова [3] от тех гнусных нареканий и клевет, которыми его уже забрызгали, не дожидаясь официальных преследований.

Не стану, Николай Алексеевич, повторять здесь еще раз того, что я писал Вам из Парижа год тому назад. В моем постоянном желании быть чем-нибудь пригодным Вашему журналу Вы не можете сомневаться.

Поручаю себя Вашей доброй памяти.

Искренне Вам преданный

П. Боборыкин

Адрес: Poste restante — Wien.

[1] 6—13 сентября 1868 г. (по новому стилю) в Брюсселе состоялся ежегодный конгресс «Международной ассоциации рабочих». В программе конгресса стояли вопросы о взаимопомощи, о влиянии машин на заработную плату и на положение рабочих, о профессиональном техническом образовании, о стачках, о сокращении рабочего дня.

Но особенно острым, в обстановке надвигающейся опасности франко-прусской войны, был пункт 7-й программы, выдвинутой немецкими рабочими: «Каково должно быть поведение рабочих в случае столкновения между большими европейскими державами». Оценивая результаты конгресса, Маркс писал Энгельсу 12 сентября 1868 г.: «Большой успех, что прудонистские „braves Belges“ и французы, догматически декларировавшие в Женеве (1866 г.) и Лозанне (1867 г.) против трэд-юнионов и т. д., теперь являются наиболее фанатическими приверженцами их» (Маркс и Энгельс. Сочинения, XXIV, 93). Ср. выше (во вступительной заметке) отрывок из не известных ранее воспоминаний Боборыкина о Брюссельском конгрессе.

[2] 22—25 сентября 1868 г. в Берне состоялись заседания «Лиги Мира и Свободы» — международной буржуазно-демократической организации. В неизданной части воспоминаний Боборыкина «За полвека» читаем:

«... Я поехал из Бадена сначала в Швейцарию, на конгресс „Мира и Свободы“, который должен был собраться в Берне... Эти конгрессы начались только с предыдущего года. Первый был в Женеве. На него я не попал. Они служили тогда как бы отдушинами от наполеоновского режима и сборным пунктом для представителей европейской эмиграции, в том числе и русской.

Почему-то Герцен не приехал на бернский конгресс. Не приехал и В. Гюго. Но все-таки собралось немало эмигрантов. Из русских — Бакунин, Н. Утин, из немцев — Фохт (брат физиолога), из французов Кинé и несколько революционеров-социалистов. Явился и Г. Н. Вырубов, стоявший как позитивист в стороне от политических фракций и поборников русско-французского социализма.

Мир на этих конгрессах служил только предлогом, а главная гостья была «свобода» и пропаганда революционных идей, получивших тогда уже сильную, политическую окраску даже и в группе Бакунина с его русскими последователями и с оттенком анархизма и коммунистической доктрины» (ЦГЛА, цит. рукоп., лл. 17—18).

Корреспонденция Боборыкина о Бернской конференции «Лиги Мира и Свободы» в «О. З.» не появлялась.

[3] Григорий Николаевич Вырубов (1843—1913) — социолог, философ-позитивист; выехал за границу в 1864 г. и позднее перешел на положение эмигранта. В Париже он вместе с Литтре с 1867 по 1884 г. издавал журнал «Philosophie positive», пропагандировавший идеи Огюста Конта. Вырубов был другом и душеприказчиком Герцена и после его смерти издал первое собрание его сочинений (его воспоминания о Герцене — см. «Вестник Европы», 1913, I, II). Основные положения позитивистской философии и социологической теории Конта разделялись народниками, в том числе и Михайловским, поэтому статьи из «Philosophie positive» часто разбирались и даже переводились в «О. З.».

Отчет о Бернском конгрессе, на котором Г. Н. Вырубов выступал по вопросу о свободе совести, он дал в своей статье «Le Congrès de Berne» — «La Philosophie positive», 1868, № 3 (ноябрь — декабрь).

⟨3⟩

15/27 ноября 1868 г., Вена

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

В дополнение к тому, о чем я писал Вам, считаю нелишним сообщить, что в 3-й книжке «Philosophie positive», полученной мною сегодня, помещена статья Г. Н. Вырубова о Бернском конгрессе, которую я желал бы комментировать во второй половине моего этюда [1]. Объяснения Вырубова достойны полной симпатии со стороны всех друзей научного мышления. Я с удовольствием сделаю несколько выписок, тем более, что вóроны клерикализма закаркали уже из Москвы в таких органах, как «Union» [2]. Тут молчать невозможно!

Еще раз поручаю себя Вашей доброй памяти.

Готовый к услугам Вашим
П. Боборыкин

Poste restante — Wien. Boborykin.

[1] См. примеч. к предыдущему письму.

[2] «Union» — французская политическая газета, орган клерикальной партии и легитимистов. Она начала выходить с 1847 г., объединив в себе различные легитимистские группы и прежние легитимистские органы, как «La Quotidienne», «La France», «Echo Français».

⟨4⟩

⟨28 мая⟩/9 июня 1870 г., Берлин

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Весьма рад поделиться с Вами, чем могу. У меня давно есть замысел романа, который не писал потому, что не предвиделось нигде сколько-нибудь верного помещения. Вещь будет не больше 20—25 листов. Писать можно, сами знаете, и с прохладцей, и поусерднее, если в Ваши расчеты входит начать печатание с осени. Во всяком случае, половина романа может быть готова к русскому сентябрю, а весь он доставлен Вам не позднее 1 ноября,—

ПАРИЖ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ КОММУНЫ. РАЗВАЛИНЫ ЗДАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ

Акварель неизвестного художника, 1871 г.

Музей ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Москва

разумеется, если что-либо особенное не помешает мне работать. Вы рассудите потом: можно ли начать печатание, не дождавшись конца, или нет и сообщите мне: посылать ли Вам роман по частям, по мере обделки отдельных глав [1].

Здесь, в Берлине, я до конца июня. В июле и августе освобождаю себя, на половину, от срочных газетных работ и думаю полечиться водой. Но писание романа мне будет — в удовольствие, и я могу начать его тотчас по выезде отсюда.

Благодарю Вас за то, что вспомнили обо мне, и надеюсь, что во всех подробностях мы легко столкуемся.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

Berlin, Herrn P. Boborykin. Marienstrasse, N° 1. Erste Treppe.

[1] Настоящее письмо является ответом на приведенное во вступительной заметке письмо Некрасова от 14 апреля 1870 г. (Некрасов, V, 473, 474). Роман Боборыкина, о котором идет речь, — «Солидные добродетели». Он был прислан к указанному сроку и напечатан в «О. З.», 1870, IX—XII. Роман не превысил предположенного автором размера — он занимает 371 страницу, т. е. $23^1/_4$ печ. листа.

<5>

$\frac{\langle 25 \text{ июня} \rangle}{7 \text{ июля}}$ 1870 г., Киссинген

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Приехавши сюда вчера, нашел на почте письмо М. Е. Салтыкова[1]. Он сообщает мне, что редакция «Отечественных Записок» признала справедливым: удержать за мною мой обыкновенный гонорарий в 75 рублей за лист.

Михаил Евграфович повторяет мне также то, что̀ Вы писали, т. е. о доставлении первой части романа к 10 августа русского стиля, что̀ я и сделаю. Вероятно, вышлю я эту часть в два раза, и для верности франкировать не буду. Много это не будет стоить: мой манускрипт перепишется самым убористым, но отличным почерком, на почтовых восьмушках.

Я остановился на заглавии: «Солидные добродетели», Если Вам не нравится — сообщите.

Здесь я до 1 августа нового стиля и перед выездом напишу.

Желаю Вам хорошей охоты и «благорастворения воздухов».

Готовый к услугам Вашим
П. Боборыкин

Kissingen — Bayern. Poste restante.

[1] Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к Боборыкину не сохранилось. Все известные (в печати и письмах) отзывы сатирика о Боборыкине и его творчестве резко отрицательны. Постоянное сотрудничество Боборыкина в «О. З.» поддерживалось в журнале, главным образом, Некрасовым. Это подтверждается, в частности, и позицией третьего редактора «О. З.», Г. З. Елисеева. В письме к находившемуся за границей Щедрину от 20 марта 1876 г., по поводу принятых редакцией к напечатанию трех «публичных чтений» Боборыкина «Реальный роман во Франции», вызвавших после их появления в «О. З.» гневную реакцию сатирика («Еще две-три статьи, подобных... лекциям Боборыкина... и репутация журнала, конечно, пошатнется». — Н. Щедрин, XIX, 68), Елисеев писал: «А вот мы Вас будем угощать Боборыкиным... Некрасов почему-то привязался к его музе и жаждет ее. А мне кажется, чем умереннее, тем было бы лучше» («Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину», под ред. Н. Л. Мещерякова, Изд. Всес. библ. им. В. И. Ленина, М., 1935, 39).

В собрании сочинений Щедрина (XVIII, 222 и 434) имеется следующее письмо его к Некрасову: «Николай Алексеевич. Я имел переговоры с П. Д. Боборыкиным и, согласно Вашему назначению, предлагал по 90 р. за лист. Но он требует по 100 р., и я полагал бы возможным удовлетворить его желанию. Если Вы согласны, то отдайте рукопись в типографию и уведомьте автора запиской. Ваш М. Салтыков».

Письмо ошибочно датировано 1870 г., а содержание его неверно отнесено в комментарии к роману «Солидные добродетели». В неизданной части своих воспоминаний «За полвека» Боборыкин пишет: «Некрасов, после „Солидных добродетелей“, стал мне платить по 100 р. за лист с рассказа „Посестрие“ <1871>. Такой гонорар считался тогда очень хорошим» (ЦГЛА, цит. рукоп., л. 284). Однако память изменила Боборыкину. Как свидетельствует «гонорарная ведомость» «О. З.», в 1871 г. за «Посестрие» ему было уплачено по 75 руб. за лист. Гонорар по 100 руб. за лист Боборыкин впервые получил в 1872 г. за роман «Дельцы». Таким образом, и цитированное письмо Щедрина следует датировать 1872 г.

<6>

27 июня 1871 г., СПбург

Болезнь задержала меня в Петербурге, любезный Николай Алексеевич, к крайнему моему сокрушению. Только в понедельник вышел я и виделся в редакции с Н. С. Курочкиным.

Первое мое письмо поспеет не раньше, как к августовской книжке, тем более, что книжки будут выходить в первых числах месяца.

Я выеду послезавтра и к 25 июля буду в состоянии доставить все первое письмо [1].

Покорнейшая к Вам просьба моя заключается в следующем: прикажите фактору типографии отпечатать для меня 1000 экземпляров каждого моего письма, так чтобы они составили отдельную книжку. Цену бумаги, переверстки, печатания и проч. при окончании работы контора вычтет из моего гонорария.

Я говорил об этом Николаю Степановичу, прося его позаботиться об исполнении, когда получит от Вас приказание.

Вполне уверен, что Вы найдете совершенно исполнимой мою просьбу и что она не встретит затруднения со стороны г. Краевского.

Желаю Вам доброго здоровья и хорошей охоты.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

NB. Заграничный адрес тотчас же пришлю.

[1] «О. З.» вместе со всей радикально-демократической печатью в России проявили, несмотря на суровость цензурных условий, активный интерес к всемирно-историческим событиям Парижской Коммуны. Можно предполагать, что поездка Боборыкина летом 1871 г. во французскую столицу была предпринята по специальному поручению редакции журнала, в частности Некрасова. Боборыкину было дано поручение о составлении корреспонденций («писем»), которые бы знакомили читателей «О. З.» с парижскими событиями. План этот по цензурным условиям не смог быть осуществлен полностью. В «О. З.» были напечатаны лишь два «письма» (см. след. письма и комментарий к ним).

В неизданной части воспоминаний Боборыкина «За полвека» находим следующий отрывок из его впечатлений от Парижа 1871 г.:

«Не думал я, что опять попаду в Париж... и когда ?После его двойной осады и разорения. <...> Вид Парижа схватил меня за сердце, особенно некоторые его руины. Тюльери стояли в пепелище, окраины около укреплений разорены, бульвары еще пустые.

Я остановился в Grand'Hôtel'е, где во время осады помещался госпиталь, и во всех коридорах стоял еще больничный запах.

Зато было дешево. Я платил за большую комнату всего 5 франков в сутки...

Целыми днями бродил я и ездил по разным кварталам Парижа, и чувство жалости к этому городу, которому я лично был многим обязан, — все росло во мне.

Над членами Коммуны происходил тогда суд в Версальском военном суде. Я туда ездил и был на знаменитом заседании, когда один из вожаков Коммуны был приговорен к расстрелянию за одну записку на клочке бумаги, где стояли слова: «Flambez finances!» Это значило: «подожгите здание Министерства Финансов».

Тут я видел таких известных членов правительства Коммуны, как живописец Курбе и журналист Паскаль Груссè, бывший у Коммуны министром иностранных дел» (ЦГЛА, цит. рукоп., лл. 263—264).

<7>

$\frac{\langle 29 \text{ августа} \rangle}{10 \text{ сентября}}$ <18>71 г., Вена

Благодарю Вас, любезный Николай Алексеевич, за предложение заведывать отделом [1]. Принимаю его с большою охотою. Теперь я не буду отвлекаться газетной работой, и беллетристический труд мой — роман, о котором мы перетолковали летом,— готовится для Вас же [2].

Раньше 18—20 сентября старого стиля я не попаду в Петербург. Поэтому нельзя ли прислать мне сюда, под бандеролью, хоть один оттиск первого письма из Парижа. Оно мне нужно для некоторых соображений.

Вместе с тем позволяю себе напомнить: 1) насчет отдельного печатания «Писем», 2) высылки той суммы, о которой просил во вчерашнем письме [3].

До свидания.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

Wien, Kärnttnerstrasse N°. 6, 3 Stock.

[1] Речь идет о заведывании «иностранным отделом» в редакции «О. З.». Из сохранившихся «гонорарных ведомостей» «О. З.» за 1871 г. (см. их публикацию в третьем томе наст. изд.) видно, что, начиная с октября, Боборыкин получал уже ежемесячное жалованье в размере 75 руб. Ср. ниже в письме от 1 ноября 1871 г.

[2] Роман «Дельцы» (о нем см. ниже).

[3] Относительно печатания отдельных оттисков писем «На развалинах Парижа» см. предыдущее письмо от 27 июня 1871 г. Письмо Боборыкина к Некрасову от 9 сентября 1871 г. не известно.

<8>

1 ноября <18>71 г., СПб.

Любезный Николай Алексеевич,

Вы говорили мне, что по доставлении мною комедии можно будет удобнее получить некоторое количество гонорария. Я, уже с неделю, как доставил ее Михаилу Евграфовичу [1]. Сам я, после перемежающегося нездоровья, серьезнее заболел и должен сидеть дома, по приказанию доктора. Поэтому я и немог повидаться с г. Елисеевым; а мне ничего по политическому отделу не присылали, и никто у меня не был. Хотя и больной, я кончил и доставил второе парижское письмо и пишу третье [2]. Из Праги выписал материал для статьи о Чехах, буде в ней есть надобность, и готов взять на себя перевод Шассеновских корреспонденций [3]. Вообще я никак бы не желал получать зря мое месячное содержание. С другой стороны, если я желаю получить гонорарий за комедию до ее напечатания, то потому, что я исключительно поглощен работой на «От<ечественные> Записки», а текущие мои статьи [4] идут на уплату долга, причем замедление в их напечатании, на целых два месяца, произошло не по моей вине. Думаю, что Вы удостоите принять все это во внимание.

Деньги, какие соблаговолите выдать, можете доверить моему рассыльному под росписку и почтить меня уведомлением.

Искренне Вам преданный

П. Боборыкин

Малая Садовая, № 8, кв. 17.

[1] Ни комедия, название которой установить не удалось (возможно, это комедия «Счастие», напечатанная в журнале «Слово», 1879, XI), ни упоминаемая ниже статья о чехах в «О. З.» не появились.

[2] Второе «письмо» Боборыкина «На развалинах Парижа» — «О. З.», 1871, XI. В обещанном третьем «письме» Боборыкин предполагал «найти настоящий ключ к уразумению главного нерва революции 18-го марта», т. е. Парижской Коммуны. Но сколько-нибудь сочувственное обсуждение этого вопроса в легальной печати было, очевидно, невозможно. По соображениям цензурной безопасности Некрасов воздержался от печатания третьего «письма». Боборыкин так рассказывает об этом в неизданной части своих воспоминаний «За полвека»:

«Мои парижские переживания летом 1871 года я положил на бумагу в ряде статей, которые приготовил позднее для „Отечественных Записок" под заглавием „На развалинах Парижа".

Первые две статьи содержали мои личные впечатления; а третью — „Очерк истории Коммуны" — редакция не решилась пустить „страха ради цензорска", и ее рукопись так и погибла „в портфеле" редакции.

Эту еще единственную тогда эпопею Коммуны я набросал по выпускам книги, которые при мне и выходили в Париже. Авторы ее Ланжалле и Корриез, приятели Вырубова и М. М. Ковалевского, — тогда еще безвестные молодые люди, — составили свой труд по фактическим данным, без всякой литературной отделки, суховато, но дельно и в объективном, очень порядочном тоне, с явной симпатией тому, что было в идее „Парижской Коммуны" двигательного и справедливого.

Кроме этих статей о разоренной и униженной Франции, я гораздо позднее, у Некрасова же, напечатал этюд о книжке Эдмона Абу, который был арестован в Эльзасе, после его завоевания немцами. Этюд этот я озаглавил „На немецком захвате". Он был напечатан целиком, и редакцию ничем не смутил» (ЦГЛА, цит. рукоп., лл. 271—272).

Другую редакцию того же рассказа см. П. Боборыкин. Столицы мира, М. 1911, 147. Третье «письмо» до сих пор в печати не известно, и рукопись его не обнаружена.

[3] Шарль-Луи Шассен (Chassin) — французский мелкобуржуазный демократ, журналист и историк; помещал в «О. З.» «Парижские письма» под псевдонимом «Клод Франк», а с 1874 г. — под псевдонимом «Людовик»; переводились они Н. С. Курочкиным и иногда М. А. Маркович (Марко-Вовчок).

[4] «Текущие статьи» — письма «На развалинах Парижа» и фельетон «Петербургское театральное искусство», напечатанные в «О. З.», 1871, XI, XII.

ПАРИЖ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ КОММУНЫ. БАРРИКАДА НА УЛИЦЕ ВАВЕН

Акварель неизвестного художника, 1871 г.

Музей ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Москва

⟨9⟩

18/30 декабря 1872 г., Прага

Любезный Николай Алексеевич,

Болезнь заставила меня ускорить отъезд за границу. Я теперь пробираюсь потихоньку на юг. Последнюю часть романа Вы получите, в переписанных листах, в генваре и феврале. Но так как роман меня не кормит, то я желал бы доставлять в «От⟨ечественные⟩ Записки» ежемесячные статьи в виде корреспонденций, заметок, разборов иностранных книг и т. д. При этом, я попросил бы Вас высылать мне ежемесячно, в определенный срок, известную сумму, соответствующую, напр., хоть двум печатным листам или менее (minimum было бы 100 рублей), с тем, чтобы по прошествии трех месяцев подводился итог того, что я заработал. Такая комбинация представляется мне удобной. Чтобы для редакции было меньше риску, поло-

жите правилом: приостанавливать высылку мне ежемесячной суммы, если трехмесячный итог полученных мною денег не будет вполне покрыт количеством доставленных листов [1].

На первый раз я желал бы изготовить Вам этюд по поводу книги Абу [2] об Альзасе. Почтив меня ответом, не забудьте упомянуть: пишет у Вас кто-нибудь об этой книге или нет; а мне эта тема особенно по сердцу.

Душевно сожалею, что не удалось лично проститься с Вами и поблагодарить за скорое доставление гонорария по 5-й части романа [3].

Прикажите, пожалуйста, конторе выслать мне декабрьскую книжку журнала, адресуя ее сюда в Прагу, poste restante. Сюда же прошу адресовать и письмо Ваше.

Преданный Вам
П. Боборыкин

[1] Согласился ли Некрасов на предложенные Боборыкиным условия оплаты его труда, неизвестно. «Литературные и журнальные заметки» в «О. З.» попрежнему продолжал вести Михайловский.

[2] Эдмон Абу (About, 1828—1885) — известный французский романист и журналист; его книга «L'Alsace, 1871—1872» представляет собой отчет о впечатлениях, вынесенных от поездки в Эльзас после перехода его к Германии в результате франко-прусской войны. О разборе этой книги Боборыкиным см. ниже.

[3] Роман Боборыкина «Дельцы» в 6 книгах печатался в «О. З.», 1872, I—V и 1873, I—V. Пятая часть романа, за которую был доставлен гонорар, печаталась в «О. З.», 1873, I и II; таким образом, гонорар был прислан по получении редакцией рукописи. Шестая часть была помещена в «О. З.», 1873, III—V.

<10>

6/18 генваря <18>73 г., Боцен (в Тироле)

Любезный Николай Алексеевич,

Вы, вероятно, уже получили мое письмо из Праги. Много обяжете ответом для своевременной высылки статей, если Вы согласны на мое предложение. «Отечественные Записки» прошу приказать конторе высылать по нижестоящему адресу. Приплату за пересылку я возьму на себя.

Мое болезненное состояние оказалось гораздо серьезнее, но я возлагаю надежды на климат.

Шестая часть романа будет доставлена, в переписанных листах, как я обещал.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

Австрия. Bozen — Tirol. — Herrn P. Boborikin. Hôtel zur Kaiser-Krone.

<11>

6/18 апреля <18>73 г. Флоренция

Любезный Николай Алексеевич,

Я уже совсем было усомнился в том: дошли ли до Вас листы, предназначенные в апрельскую книжку. Они должны были получиться в редакции к 22 марта по русскому стилю. Не получая ни денег, о которых я просил, ни извещения, я поневоле задумался. Презренный металл до сих пор не пришел, а мне пора вон из Флоренции. Выехать решительно не на что. Теперь Вы имеете уже $1^1/_2$ листа на майскую книжку и вместе с этим письмом я высылаю и конец, который поспеет, надеюсь, во-время. Когда присылка денег позволит мне решить, куда я еду, я извещу редакцию о доставлении мне последнего гонорария. Вас же убедительно прошу не делать вычета из денег, заработанных мною на романе. Комедию всего бы удобнее было употребить на это. Настоящие мои заработки очень-таки сократились: я два месяца ничего не мог делать, а это дало дефицит в несколько

НЕКРАСОВ
Фотография М. Тулинова, начало 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

сот рублей. Вдобавок заграничная жизнь требует постоянной выдачи денег и, в случае задержек в получении их, ставит в крайне тяжелое положение. Вот почему, если мое сотрудничество не бесполезно для «От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩», не лучше ли было бы поручить мне постоянную работу, хоть по иностранной литературе, листа на два в месяц? Этак для меня было бы гораздо покойнее, а редакция вряд ли бы что проиграла. Ведь имеет же у Вас такую работу Шассен — человек совершенно посторонний и вдобавок обеспеченный корреспонденцией в газете Корша [1]. О Венской выставке я заявлял редакции чуть ли еще не в генваре; но если журнал хочет строго-экономическую характеристику, — то конечно выбор Михайловского весьма удачен [2].

Статью об Альзасе надеюсь кончить здесь. После нее у меня на очереди, для «О⟨течественных⟩ З⟨аписок⟩», две вещи: во-первых, статья «Кастеляр об Италии» — этюд о книге Кастеляра, дающий повод поговорить и о нем, как об интеллигентном деятеле (вдобавок я его лично знаю), и о теперешних итальянских порядках. Книга Кастеляра произвела настолько сенсации здесь, что ее переводят в одной из больших флорентинских газет; но она курьезна как чисто-краснобайско-диллетантский продукт человека, обязанного теперь спасать республику в Испании [3]. Во-вторых — несколько литературных характеристик под общим заглавием «Новое русское общество».

Вы не пишете, когда Вы думаете вернуться в Россию ⟨sic!⟩. Я здесь не хотел бы сидеть дольше 9 мая по новому стилю. Если в Вену ехать не на что будет, отправлюсь лечиться водой в Швейцарию или Северную Италию. Был бы весьма рад получить еще письмецо от Вас.

Ваш душевно
П. Боборыкин

Полный мой адрес:
Florence, P. Boborikine. Piazza delle Pallotole, N° 1, 2° piano.

[1] Шассен, печатавший в «О. З.» «Парижские письма», сотрудничал также в «С-Петербургских Ведомостях», редактировавшихся Коршем. Он помещал здесь, в отделе «Внешние известия», корреспонденции из Франции за подписью «Парижанин».

[2] Составление отчета о венской всемирной выставке, которая открывалась 30 апреля 1873 г. и на которую собирался ехать Боборыкин, Некрасов поручил Михайловскому. — См. статью его «На венской всемирной выставке» — «О. З.», 1873, VI—XII.

[3] Эмилио Кастеляр (Emilio Castelar, 1832—1899) — испанский государственный деятель, оратор, писатель и журналист, один из вождей испанской буржуазной революции 1866 г., после разгрома которой бежал, будучи приговорен к смерти. В сентябре 1868 г., после революции, свергшей Изабеллу II, он вернулся на родину, приобрел там большую популярность и в феврале 1873 г., после провозглашения республики, получил портфель министра иностранных дел, а с сентября 1873 г. по январь 1874 г. был главой правительства с диктаторскими полномочиями. После реставрации монархии Кастеляр состоял депутатом кортесов и возглавлял оппозиционную республиканскую партию. Книга Кастеляра «Recuerdos de Italia» (Воспоминания об Италии) вышла в 1872 г. (вторая ее часть выпущена была затем в 1876 г.). Отрывки из этой книги в русском переводе печатались в «Пчеле», 1875, № 50 и 1876, №№ 8 и 9. Статья Боборыкина о Кастеляре в «О. З.» напечатана не была.

<12>

23 апреля / 5 мая 1873 г., Флоренция

Прилагаемые листки составляют половину статьи. Конец вышлю до 1 мая русского стиля. В статье будет не больше двух печатных листов [1]. О получении ее и о том, как редакция намерена распорядиться с нею, — покорнейше прошу известить.

П. Боборыкин

Florence. — Poste restante.

NB. Подробный адрес сообщу, когда перееду на другую квартиру.

[1] Статья Боборыкина «На немецком захвате и в гостях у пруссаков» («О. З.», 1873, VI), представляющая собой разбор и изложение двух книг: Edmond About, L'Alsace, 1871—1872 и Jules Claretie, Les Prussiens chez eux. Ср. выше примеч. 2-е к письму от 1 ноября 1871 г.

<13>

27 июля / 8 августа 1873 г., Ливорно

Любезный Николай Алексеевич,

Просмотрев июльскую книжку «Отечественных Записок», я увидал, во 1-х, в объявлении от книжного магазина Меллье, что разбираемая мною книга Луи-Блана пропущена нашей цензурой; стало быть, статья не представляет больших опасностей в цензурном отношении. Во 2-х, в «Парижских письмах» Кл. Франка о клерикализме всего две странички и совсем не то, что стоит у меня в статье [1].

Поэтому я покорнейше прошу Вас устроить помещение этой статьи в августовской книжке. Первая же статья о Луи-Блане пошла бы на сентябрь. Я потому и приостановился высылкой дальнейших листков, что я решительно не знаю, как распорядятся с моими работами.

До тех пор, пока Вы не прикажете, ничего, разумеется, не будет, и я рискую просидеть здесь, не добившись никакого толка; а сидеть — просто невыносимо, выбраться не с чем.

Еще раз поручаю себя Вашему доброму расположению.

Ваш душевно
П. Боборыкин

NB. Адрес: Livorno, poste restante.

[1] В 1873 г. в Париже вышла наделавшая много шума книга Луи Блана «Questions d'aujourd'hui et de demain, Première serie politique». Разбор этой книги, сделанный Боборыкиным, помещен в «О. З.», 1873, X, 213—238, под заглавием «Политическая зло-

ба дня», без подписи. Кроме того, в «О. З.», 1873, X и XI помещена статья Боборыкина «Генеральские нескромности» — отчет о вышедшей в 1873 г. брошюре генерала Альфонсо Ла Марлюра о политических и военных событиях 1866 г. В CXXVIII главе (ошибочно занумерованной CXXVII) «Парижских писем» — «Католическая реакция. Война свободной мысли», — Шассен подчеркивает тот факт, что после разгрома Парижской Коммуны подняло голову католическое духовенство, которое проповедывало религиозную нетерпимость и фанатизм, организовывало в то время целые паломничества в деревушку Парэ умолять некую Маргариту Алаксон, объявленную святой, «сотворить новое чудо—чудо монархического слияния, реставрации нравственного порядка во Франции и светской власти папы, всеобщего подавления атеизма, деизма, ереси, разума и свободы, осуществления анафем, провозглашенных последним собором и непогрешимым папою всему, что представляет современное общество, прогресс и цивилизация».

⟨14⟩

А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9/21 октября 1873 г., Флоренция
Poste restante

Добрейший Алексей Николаевич, хотя Вы и усиленно безмолвствуете, но я объясняю Ваше молчание не в худшую сторону: если б мои обращения к Вам были Вам в тягость, Вы бы, без обиняков, написали мне это. Почти наверно можно сказать, что редакция меня не удовлетворит по вопросу о каком-нибудь постоянном содержании или гарантированной определенной работе. Моя просьба, однако ж, более, чем основательна, и редакция, назначив мне известный minimum в месяц, хоть, напр., 100 р., не была бы в накладе; а иначе строчить каждый раз на авось — мочи нет [1]. И вот факты налицо: у Вас лежит моих рукописей на 5 печатных листов; а я с июля месяца не напечатал в «О⟨течественных⟩ З⟨аписках⟩» ни одной строки [2] и еле-еле (с выговорами) получил 100 р. в счет, да и то еще не из редакции, а от Горского [3], который выслал мне их заимообразно.

Все это так мизерно, что, право, совестно об них и писать. Поставить их на вид н а д о, чтобы потом никакие помпадуры не смели рычать на образ моих действий, чтобы ясно было всем и каждому, как «От⟨еч⟩. З⟨ап⟩.» дорожат своими сотрудниками.

Вот и помимо ежемесячной работы — беллетристика представит те же самые eventualités *, как говорят дипломаты. Я давно писал Некрасову, что готовлю для «От⟨еч⟩. Зап.» роман, который желал бы обработать около нового года [4], но я сильно сомневаюсь, чтобы мне дали такой гонорарий, какой без всякого торга, по первому слову, дал мне Стасюлевич за [небольшую] вещь, которая появится в двух последних книжках «Вестника Европы»[5]. Словом, возня чрезвычайная; а чести и выгоды — никакой.

У меня с Некрасовым есть личные денежные счеты, и я желал покрыть мой долг комедией. О ней мне ничего не пишут уж сколько времени и ставят меня в весьма неприятное положение [6]. Мне следовало бы давно знать: пойдет ли она в печать, а следовательно, покроется ли мой долг. Точно так же и насчет окончания статьи о Луи-Блане. До сих пор ни слова; а для меня это — месяц труда понапрасну. Удивительно, как это нашим циническим деятелям не приходит все это в голову; или труд и кусок хлеба и спокойствие нашего брата — дело плевое?!

Извините, добрейший Алексей Николаевич, что я так изливаюсь перед Вами. Здесь, за тридевять земель, я принужден играть страдальческую роль.

В России я буду уже действовать. Довольно всем нам, как Гейне говорил, «пасти свиней у гегельянцев». Болезнь и всякие другие испытания еще

* Случайности.

не настолько обессилили меня, чтобы особенно страшно было постоять за себя и заставить кувшин ходить по воду, а не обратно. В Ваших письмах протест имеет слишком унылый, почти отчаянный тон, хотя Вы и указываете на Курочкиных, находящих себе издателей. Не все же Чуйки [7] и то сказать. Между нами говоря, Чуйко, среди рая земного, умудрится умереть с голоду.

Не мытьем, так катаньем надо уничтожать безобразную анархию умственного труда, постыдную для нас — тружеников еще более, чем для мироедов наших.

Вы переделали комедию. Какую это?

Жена моя переводит одну старую вещь, которая стоит новой и совершенно у нас пропущена.

Здоровье мое поправляется. Осень здесь уж слишком теплая.

Крепко жму Вашу руку
Б<оборыкин>

P. S. Что это Полонский! и что это редакция, печатающая такие вещи!..[8]

[1] Ср. выше в письме Боборыкина к Некрасову от 18/30 декабря 1872 г.
[2] В «О. З.», 1873, VII была напечатана статья Боборыкина «На немецком захвате...» (см. в предыдущих письмах).
[3] Горский — конторский служащий редакции «О. З.», ведавший выплатой гонорара сотрудникам.
[4] Это письмо неизвестно. Роман, который готовил Боборыкин для «О. З.», — «Доктор Цыбулька» (см. ниже в след. письмах).
[5] В «Вестнике Европы» (1873, XI—XII) был напечатан роман Боборыкина «Полжизни».
[6] См. выше примеч. 1-е к письму от 1 ноября 1871 г.
[7] Критик и переводчик Владимир Викторович Чуйко (1839—1899) был известен среди современников анекдотическим неумением устраивать свои материальные дела.
[8] В «О. З.» (1873, IX—X) была напечатана большая поэма Я. П. Полонского «Мими». См. о ней: Некрасов, V, 509—510.

<15>

<ТЕЛЕГРАММА>

3/15 ноября <18>73 г., Флоренция

Чтобы дать редакции возможность напечатать вторую статью о Луи-Блане в 12 книжке, буду высылать поглавно без остановки, с небольшими промежутками [1].

П. Боборыкин

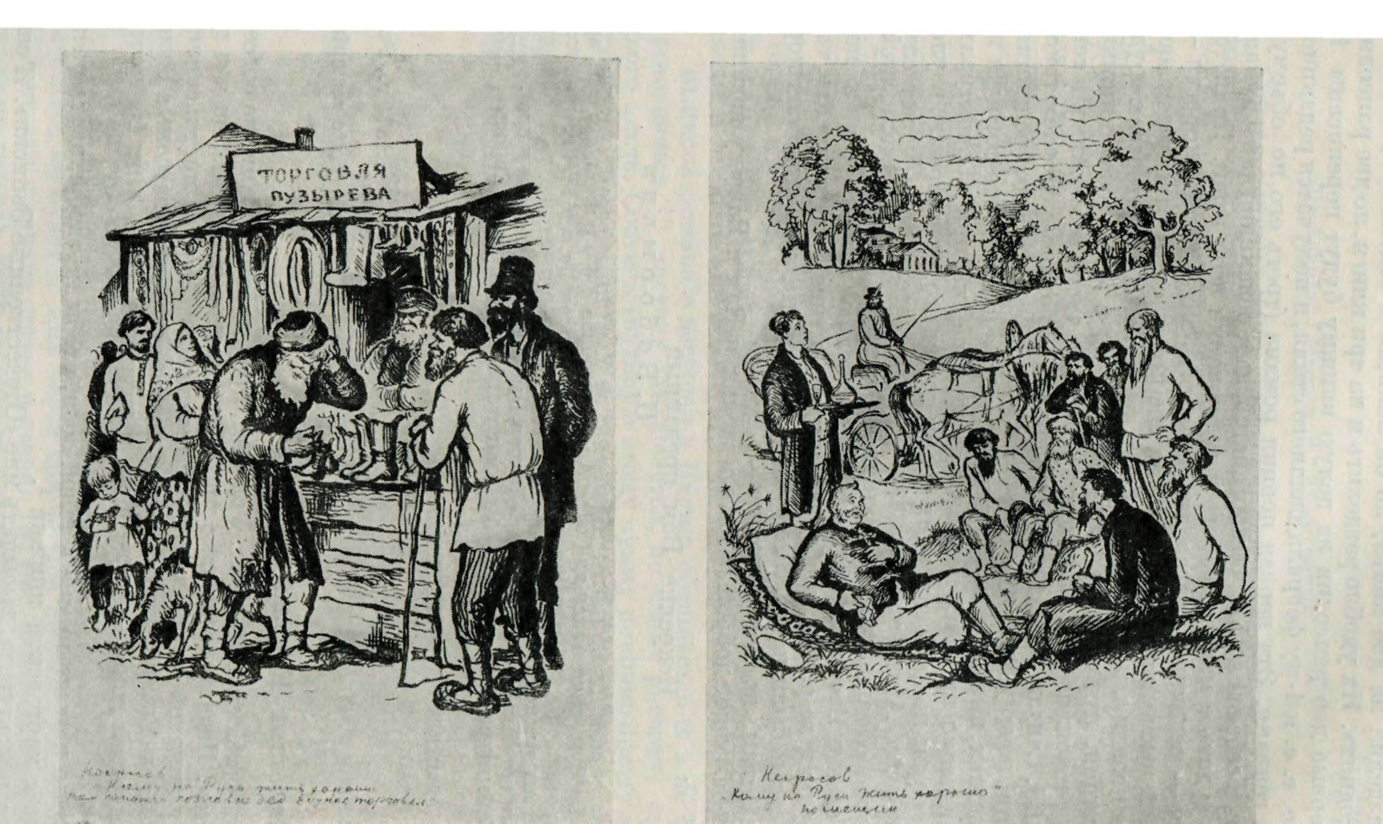
[1] Вторая статья о книге Луи Блана не появилась в печати; возможно, что она была запрещена цензурой.

<16>

8/20 генваря 1874 г., Флоренция

Любезный Николай Алексеевич,

Я обращался к А. Н. Плещееву с вопросом о романе, который я готовлю для «Отеч<ественных> Записок». Он ответил, что редакция просит выслать его, и если рукопись придет во-время, то вероятно, что печатание начнется и с февральской книжки. Жена моя [1] (писавшая от моего имени, по моему нездоровию) извещала, что перепишет первую половину романа только к 1/13 февраля. Если редакция желает выиграть время, можно будет сделать так:

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Рисунки С. М. Закржевской, 1940 г.

Собрание художницы, г. Горький

Роман я разделил на две книги; но он написан в отдельных, как я их назвал, «рапсодиях». Их удобно разделить и на три книги, по две рапсодии в каждой. Первые две рапсодии на целую книжку будут переписаны 12 днями раньше, т. е. к 1-му февраля здешнего стиля, и получатся редакцией числа 25—26 генваря. Эта первая порция романа (треть его по объему), заключающая в себе около 5 печатных листов, даст редакции (как я думаю) возможность судить о манере, работе и содержании всей вещи. Придется она по вкусу — редакция благоволит известить меня, для скорости — депешей, какой высший гонорарий она за нее полагает. Я отвечу депешей же, и если мы поладим, пойдет дальнейшая высылка. Но в интересах труда и самой редакции, лучше было бы пустить роман с мартовской книжки: не было бы ни торопливости, ни недоразумений по части возможных в тексте изменений [2]. Считаю необходимым положить обоюдным условием такой порядок: места, почему-либо нуждающиеся в смягчении и т. п., редакция, отметив на листках, вышлет мне эти листки, я изменю, и после того уж не может быть делаемо никаких поправок и сокращений при корректурах. Это возьмет время; но зато сохранит моему труду его физиономию и уладит все полюбовно. А что оно исполнимо — доказательством может служить печатание «Полжизни», состоявшееся в таких точно условиях [3].

При этом спешу Вас предупредить, что я желаю вычесть **весь** мой долг из гонорария за роман, сообразно суммам, какие буду получать, так чтобы наши счеты были после того совсем покончены, чего я, до сих пор, по обстоятельствам, не мог выполнить.

Поручаю себя Вашей доброй памяти и желаю и Вам и Вашему изданию всего хорошего.

Искренне Вам преданный

П. Боборыкин

[1] В 1871 г. Боборыкин женился на Софье Александровне Зборжевской, артистке, дебютировавшей в 1869 г. в Парижском театре Veaudeville, а в 1871 г. принятой в труппу Александринского театра (под фамилией Северцова).

[2] Боборыкин готовил к печати роман «Доктор Цыбулька» (см. о нем ниже).

[3] Роман Боборыкина «Полжизни» был напечатан в «Вестнике Европы», 1873, XI—XII.

‹17›

$\frac{\text{25 генваря}}{\text{6 февраля}}$ 1874 г., Рим

Адрес: Poste restante

Любезный Николай Алексеевич,

Благодарю Вас за скорый ответ. Условия, предлагаемые Вами, не совсем мне улыбаются. Издали возиться с продажей книг — неудобно, да я и не имею к этому никакой способности. Я бы желал по 125 р. за лист и скидку того, что я состою Вам должным. Если б экземпляры, предлагаемые Вами, пошли в настоящей цене, — тогда и то, и другое условие были бы почти тождественны.

Пораздумайте и ответьте мне в такой срок, чтобы не задерживать печатание романа с мартовской книжки [1].

Прикажите, пожалуйста, высылать мне «Отечественные Записки». Я еще не получал генварской книжки.

Было бы удобнее дать Ваш ответ по телеграфу на мой счет.

Ваш душевно

П. Боборыкин

[1] Роман «Доктор Цыбулька» начал печататься в «О. З.», 1874, III.

<18>

17 февраля / 1 марта 1874 г., Рим

Любезный Николай Алексеевич,

Сейчас получил Вашу телеграмму от 15/27 февраля, где Вы извещаете, что статьи о романе Гюго более не нужно. Не дожидаясь Вашего письма, считаю необходимым восстановить следующие факты.

6/18 февраля получил я от Секретаря редакции «Отечественных Записок» А. Н. Плещеева письмо от 31 генваря/12 февраля, где стоит следующее: «Мне поручено Вам написать, чтобы Вы составили этюд о новом романе Гюго. Кажется, он будет переводиться с корректур в двух журналах, а нам хоть бы в извлечении познакомить с ним публику, но только одновременно с другими, а не позже. Позаботьтесь об этом... Ответьте на этот счет — как Вы порешите».

В тот же день 6/18 февраля я уж написал Вам, что согласен на эту работу, выписав по телеграфу экземпляр из Парижа, вышедший там 7/19 февраля. Получил я его 11/23 февраля и тотчас же принялся за работу, о ходе которой извещал Вас последовательно; а 15/27 февраля выслал первый пакет с 8 листками статьи. Прилагаемые 5 листков написаны вчера и третьего дня [1].

Так как труд мой заказан редакцией, которая в течение целых 15 дней не извещала меня о своем новом решении, то она найдет, конечно, справедливым вознаградить меня за расходы и за написанное.

Выписка романа с депешей в Париж обошлась мне в 29 франков. В доставленных 13 листках заключается, по моему расчету, около $^3/_4$ печатного листа. Соответствующую этому сумму покорно прошу вычесть из моего долга. Чем бы ни был мотивирован отказ редакции — цензурными ли соображениями, другим ли заказом — я тут не при чем, и мой труд имеет право на вознаграждение. Прибавлю, что я взялся за него из одного желания исполнить просьбу редакции — больной и занятый другими, более существенными и спешными работами — для «Отеч<ественных> Записок» же.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

[1] Роман Виктора Гюго «Quatre vingt treize»; о статье Боборыкина, посвященной этому роману, см. ниже.

<19>

24 февраля / 8 марта 1874 г., Рим

Любезный Николай Алексеевич,

Получив Вашу депешу сегодня утром, я тотчас же принялся за работу, прерванную первой Вашей телеграммой. Больше двух печатных листов в статье не будет [1]. Дня через три-четыре надеюсь все кончить.

Кажется в начале статьи я ставил главки (римскими цифрами, для разделения текста). Если ставил, то в корректуре надо будет продолжать это деление, где удобно по содержанию, а если не ставил, то и не надо. Тогда только простая черта отделит изложение романа от краткой оценки, которой закончится статья.

Так как работа спешная, то я рекомендую корректору особенное внимание: в языке небрежностей нет — я прочитываю по три раза перед отправлением пакета; но собственные имена надо разбирать повнимательнее.

В другой раз, когда будете посылать мне депешу, адресуйте не poste restante, а bureau restant, а то выходит потеря времени.

Преданный Вам
П. Боборыкин

[1] Статья Боборыкина о романе Виктора Гюго «Quatre vingt treize» была помещена без подписи в «О. З.», 1874, III. Размер статьи — 29 страниц, т. е. менее 2 листов.

<20>

26 февраля / 10 марта <18>74 г., Рим

Любезный Николай Алексеевич,

Тотчас после отправки на Ваше имя пакета с окончанием статьи о романе Гюго, получил Ваше письмо от 19 февраля р<усского> ст<иля>. Так как вторая Ваша депеша уладила дело о статье, то я ничего и не отвечаю. Думаю, что мои 35 листиков не превысят двух печатных листов.

На счет «Цыбульки» — вот в чем заключается недоумение: я называю «рапсодией» каждый рассказ. Два рассказа составляют книгу. Первая книга пойдет в марте. Третью рапсодию, т. е. первую половину второй книги, Вы уже получили. На-днях получите и четвертую рапсодию, т. е. конец второй книги, которая пойдет в апреле. Так же будут доставлены пятая и шестая рапсодии 3-й книги. Задержки не предвидится. Как Вы и я предположили, так оно и будет: вся вещь отпечатается в трех номерах журнала, по две рапсодии в каждом номере[1].

Прикажите сделать мне хоть по пяти оттисков «Цыбульки».

Ваш П. Боборыкин

NB. Не забудьте, пожалуйста, моей просьбы насчет «Складчины». Если комитет не примет моего приношения, я все-таки желал бы видеть мое имя в числе лиц, принявших участие в этом деле[2].

[1] Роман «Доктор Цыбулька» был напечатан не в трех, а в четырех книжках — «О. З.», 1874, III—VI. Ср. ниже письмо 23-е.

[2] Об участии Боборыкина в «Складчине» см. ниже, в письме от 4 апреля (23 марта) 1874 г.

<21>

26 февраля / 10 марта <18>74 г., Рим

Любезный Николай Алексеевич,

Вот и конец статьи. Надеюсь, что не опоздал. Мое мнение прошу сохранить во всей его полноте. Редакция может, если найдет нужным, оговориться особо. Отозваться уклончивее — не только фальшиво, но — и прямое потакательство смешной фразе, роняющей эпоху[1].

Ваш П. Боборыкин

NB. Все фактические доказательства промахов романа приведены мною самостоятельно. Вообще я тут ничего не компилировал и не вошел в подробности потому только, что размер статьи не позволил бы. Думаю, что и так достаточно, и кто рассчитывал на большой треск романа — останется при одном расчете.

Окончательное извещение о гонорарие за «Цыбульку» буду поджидать и надеяться, что Вы меня, как мужички говорят, «не обидите».

[1] Конец статьи Боборыкина о романе В. Гюго «93-й год» заключает в себе весьма отрицательные отзывы о достоинстве романа. При всей грандиозности замысла роман,

по мнению Боборыкина, «беден творчеством» и не вносит «нового» в понимание событий первой французской революции. Гюго является, по мнению Боборыкина, тем же «деистом и метафизиком, заменяющим мистическими образами и расплывающимся прекраснодушием голос науки, настоящей реальности и трезвых верований в возможность и успехи цивилизации». Особенно нападает Боборыкин на отклонения от точного и верного изображения исторических фактов, отмечая «ходульность» как людей Конвента, так и людей старой Франции. Боборыкин критикует Гюго с модных тогда в буржуазной Франции позиций «реального романа», т. е. натурализма. Редакция не оговорила особое мнение о романе Гюго, но, конечно, это мнение не совпадало с высказываниями Боборыкина (см. об этом, напр., Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIV, 583).

〈22〉

4 апреля / 23 марта 1874 г., Рим

Любезный Николай Алексеевич,

В № 74 «СПбургских Ведомостей» напечатано заявление редакции «Складчины» с окончательным списком принявших в ней участие. Моего имени нет. Вы меня извещали, что рукопись моя пришла еще во-время; а я просил и в случае ее непринятия упомянуть обо мне как вкладчике. Весьма сожалею, что этого не было сделано. Если же статья моя не нашла себе место в «Складчине», то нельзя ли ей найти другое место, причем я гонорарий жертвую на Самарцев; и еще раз покорнейше прошу Вас, как члена редакции: хоть задним числом заявить печатно о том, что я принял в этом деле участие, и не моя вина, что моя добрая воля и труд остались втуне [1].

Последнее письмо Ваше от 27 февраля получил я через 13 дней. Вы его послали с г-жей Лихачевой [2]; но оно мне было доставлено по почте, без всякой записки или адреса. Вероятно, Ваша знакомая только проездом была в Риме. Впрочем, я для нее был бы совершенно бесполезен: вот уже второй месяц, как я страдаю такими невралгиями, что не знаю себе покою ни днем, ни ночью. Это упорное нездоровье грозит замедлить выправку и переписку конца «Цыбульки». Жена моя поглощена заботами обо мне; я по целым неделям не могу взяться за какой бы то ни было умственный труд.

Надеюсь, любезный Николай Алексеевич, что Вы исполнили мою последнюю просьбу насчет высылки гонорария за две книги, до отъезда моего из Рима, а отъезд этот может и еще ускориться, так как здесь с жарами есть опасность схватить лихорадку. О высылке денег прикажите конторе известить меня особым письмом.

Ваш душевно
П. Боборыкин

[1] В «Складчине» помещена статья-некролог Боборыкина об артисте Василии Ивановиче Живокини с подзаголовком «Голос издалека». Не только в «Петербургских Ведомостях», но и в предисловии, помещенном в начале сборника, имя Боборыкина не упомянуто. Произошло это, повидимому, вследствие поздней высылки статьи: датирована она февралем 1874 г., а 25 марта сборник уже вышел из печати. По той же, вероятно, причине статья попала в самый конец книги, на стр. 689—706.

[2] Елена Иосифовна Лихачева (1836—1904), рожденная баронесса Косинская, жена Владимира Ивановича Лихачева — постоянная сотрудница «О. З.», где писала, главным образом, по женскому вопросу.

〈23〉

19 апреля / 1 мая 1874 г., Рим

Любезный Николай Алексеевич,

Мои невралгии уложили-таки меня в постель. Я разрываюсь между желанием как можно старательнее закончить выправку последних двух рапсодий и физической немощью. Чтобы не ставить редакцию в неприят-

ное положение, позвольте предложить Вам следующее: назначить крайний срок для набора и печатания последних листков — 3 мая русского стиля. Если все не будет доставлено, редакция выпустит майскую книжку с одной рапсодией 3-й части, а конец допечатает только в июне. Прошу Вас об этом снисхождении в интересах самой вещи, которая потеряет иначе цельность впечатления [1].

За присылку 500 р. благодарю. «Складчины» еще не получал. Если не задержит болезнь, желал бы выехать отсюда не позднее 1/13 мая.

Преданный Вам
П. Боборыкин

[1] Просьба Боборыкина была исполнена: последние «рапсодии» «Доктора Цыбульки» напечатаны в «О. З.», 1874, V и VI.

⟨24⟩

30 мая / 11 июня 1874 г., Киссинген
Sabinenstrasse, 70

Любезный Николай Алексеевич,

Сейчас узнал о том, какая беда стряслась над майской книжкой. Подробностей никаких не знаю. Будьте великодушны, черкните словечко: что именно вызвало бурю, вся ли книжка погибла, или только часть ее, или же и журнал остановлен? [1]

Контора Ваша знает мой адрес, и я писал, в каком виде прислать мне расчет. Я не был уверен, что Вы еще в Петербурге, потому и не писал Вам по приезде сюда, где я рассчитываю прожить четыре недели, до 1-го июля нового стиля. С выезда из Италии чувствую себя лучше, хотя и не очень-то охотно подчиняюсь водяному режиму.

Жму Вашу руку и желаю Вам более приятных редакторских испытаний. Говоря это, боюсь: уж не мой ли «Цыбулька» наделал всю эту катавасию? Коли так, что ж тут делать: вы все поопытнее меня, да и то не разочли шансов столкновения; а в моем итальянском уединении и подавно казалось возможным напечатание третьей части.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

[1] В майской книжке «О. З.» 1874 г. цензура усмотрела целых семь криминальных статей: рассказ В. Кроткова «Рекрутский набор»; 2-ю часть рассказа Глеба Успенского «Очень маленький человек»; анонимную статью В. Зайцева «Франсуа Раблэ и его поэмы»; «Парижские письма» Клода Франка (Шассена); рассказ «Тяжелый год» Щедрина; «Наши общественные дела» Н. Демерта и «Литературные и журнальные заметки» Н. Михайловского. Дело дошло до Комитета министров. 30 июля 1874 г. книгу приговорили к сожжению. См. В. Евгеньев-Максимов. Из истории одного цензурного auto da fe («Книга и Революция», 1921, XII).

⟨25⟩

28 марта / 9 апреля ⟨18⟩75 г., Вена

Любезный Николай Алексеевич,

Со мной случилось не важное, но неприятное в том отношении нездоровье, что оно отняло у меня не мало времени. Только на этой неделе началась переписка моей повести. Работу эту исполняет жена, и довольно медленно, так как у ней есть и другие занятия. Но Вы и сами мне писали, и А. Н. Плещеев сообщал, что повесть печататься не будет вместе с романом Достоевского и по всей вероятности до осени [1]. Во всяком случае, мне

Н. А. ДЕМЕРТ
Фотография 1870-х гг.
Литературный музей, Москва

хочется выслать Вам ее до отъезда отсюда и до Вашего вероятного отправления в деревню или за границу. Будьте так добры, сообщите: до какого числа Вы остаетесь в Петербурге и куда едете на лето. Если на австрийские воды, то мы могли бы свидеться. Мы с женой думаем прожить здесь до 1 июня нового стиля; а июнь и июль в Бадене; но не в баденском, а в здешнем — в окрестностях Вены, коли ничто не выгонит раньше в Россию, куда сбираемся в августе, с тем чтобы, побывав в Москве и Нижнем, начать устраиваться в Петербурге с сентября. Мне хотелось бы, поправив здоровье, послужить петербургскому журнализму по мере сил и обеспечить себе более постоянную работу. Домой давно пора, во всех смыслах: и как журнальному работнику, и как беллетристу.

Пишут мне, что М. Е. Салтыков едет слишком на год за границу. Душевно рад, что он справился с петербургской болезнью и собирается подышать южным воздухом. Прошу передать ему мой поклон и пожелание доброго пути [2].

Если бы кто-нибудь из вас проезжал Веной, то и в случае нашего переезда в Баден, стоит только послать письмецо по городской почте, на poste restante, или с посыльным узнать там адрес.

Чтобы особенно не торопиться перепиской повести, и вместе с тем и не опоздать, прошу Вас сообщить: в какую, приблизительно, книжку Вы ее готовите.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

[1] В «О. З.» с январской книжки 1875 г. печатался роман Достоевского «Подросток». Поэтому Некрасов отложил печатание повести Боборыкина «Долго ли?» до осени, не желая помещать их вместе. Однако печатание «Подростка» затянулось вплоть до декабрьской книжки, и Некрасову пришлось поместить повесть Боборыкина в октябрьской книжке, не дожидаясь окончания «Подростка».

[2] После перенесенного тяжелого заболевания Салтыков, по требованию врачей, выехал в начале апреля 1875 г. за границу, где пробыл год (вернулся в Петербург в мае 1876 г.).

<26>

$\frac{27 \text{ апреля}}{9 \text{ мая}}$ 1875 г., Вена
Poste restante

Любезный Николай Алексеевич,

Не дожидаясь ответа на мое последнее письмо, я хочу побеспокоить Вас, пока Вы в Петербурге, по одному не литературному, а так сказать «делецкому» делу.

Вы находитесь в делах с Василием Печаткиным. В его руках, до сих пор, есть векселя из того времени, когда я издавал «Библиотеку для Чтения». Они достались ему по разделу с братьями [1] и, как я знаю это от его брата — присяжного поверенного, — очень дешево, т. е. по 18 копеек за рубль. Почти половину суммы я покрыл; но векселей осталось еще слишком на две тысячи. На днях я, через третье лицо, обратился к нему с предложением: уступить мне оставшиеся у него векселя за право второго издания моего романа «В путь-дорогу» и первого издания всего, что я напечатал в журналах и газетах с 1862 по 1875 год. Это представляет собою около 120 печатных листов и легко может покрыть векселя, ценность которых для него не превышает 400 рублей. Таким путем печатный лист пойдет дешевле четырех рублей. Он, кажется, не прочь от сделки, но желает, видно, тянуть дело и получить от меня часть деньгами, на что я пойти не могу.

Так как Вы его должны знать по делам, то не будете ли Вы столь обязательны: представить ему толковость и выгоду этого дела вместе с моим тяжелым долговым бременем. Я не могу устроиться в Петербурге, не покончив всех моих долговых обязательств; ему, как издателю, я предлагаю самую исполнимую сделку, и, при этом, не требую вовсе немедленного издания: он может и перепродать свое право.

Другая комбинация была бы такая: купить у него векселя и обменять у меня на право издания всего, означенного мною, при чем, опять-таки, лист обошелся бы не дороже 10 рублей, так как Печаткин уже продавал мои векселя по 50 копеек, реализируя при этом прекрасный барыш.

Если б даже занятия или другое что помешало Вам обязать меня Вашим содействием, Вы бы крайне одолжили меня хорошим практическим советом, который позволил бы мне в скорейшем времени освободиться от значительного долга — путем, намеченным мною.

Буду ждать и Вашего извещения о том, кому адресовать рукопись повести, если она пойдет отсюда уже ко времени Вашего отъезда в деревню?

Мы здесь только до 3/15 июля, если ничто особенное не задержит.

Искренне Вам преданный
П. Боборыкин

[1] Векселя, о которых идет речь, принадлежали ранее Вячеславу Петровичу Печаткину (1819—1898) — горному инженеру по образованию, владельцу бумажной фабрики, книгопродавцу и издателю «Библиотеки для Чтения», которую в 1863 г. от него приобрел Боборыкин. По контракту Боборыкин должен был в случае прекращения издания уплатить неустойку в 10 тысяч рублей, кроме платы за переуступку издания.

<27>

5/17 мая 1875 г., Вена

Добрейший Николай Алексеевич,

Много раз благодарю Вас за письмо от 25 апреля. Я уже Вас извещал, что рукопись повести [1] может притти в Петербург после Вашего отъезда в деревню, т. е. после 15/27 мая. — Жена должна еще переписать конец своего перевода «Меркаде» и составить статью, в виде предисловия, кото-

рое мы постараемся сделать интересным и новым. Текст комедии будет тот, по которому она идет на сцене (и в этом виде она, вообще, лучше), а первоначальная редакция будет подробно оговорена в статье. За желание напечатать ее труд, жена моя искренне благодарит Вас [2].

Если Вы надумаете выслать мне теперь 500 р. (что предоставляю Вашей доброй воле), то надо отправить их теперь же, т. е. так, чтобы они непременно застали нас здесь до 3/15 июля. Всего лучше выслать их векселями на банкира (деньги идут ужасно долго; а разница в потере самая маленькая), à vue или на три дня от Юнкерса, Визакена или учетного банка. От учетного банка всего бы лучше, так как он имеет дела с Эфруси [3], а мы живем в его доме, и контора у нас внизу. Вместе с тем, я покорнейше прошу Вас обозначить числа Ваших переездов, как Вы их решите до отъезда, а также и то, на чье имя слать рукописи — просто в контору или к Вам, в Карабиху или в Чудово. — Подробный адрес для высылки мне векселя я прилагаю отдельно.

Ваши слова о русской зиме повергли-таки нас в смущение. Знаю, что она полна опасностей; но мне уж чересчур тяжело: я просто задыхаюсь от отсутствия настоящих, живых интересов. Беллетристика требует среды, а ум публициста не может удовлетворяться компилятивной работой, не говоря уж о желании установиться, жить хоть как-нибудь, домом, а не в чемодане. У меня давно назрела мысль писать в «Отечественных Записках», с Вашего согласия, особого рода фельетон, который не помешает ни одному из Ваших отделов. Вернусь я в Петербург, он ⟨фельетон⟩ будет преимущественно русский; испугаюсь я зимы — предложу Вам его отсюда, разумеется, с осени. Иначе, право, я совсем изведусь; это не нервничанье, а настоящая правда!

Хорошо, кабы Михаил Евграфович выплыл! Но какие ужасные органические болезни! Одной довольно, чтобы убить человека. С самого письма Плещеева мы с женой не перестаем убиваться! Такая потеря — просто возмутительна была бы; теперь более чем когда-либо!..

До 3/15 июля мы здесь наверно.

Ваш душевно
П. Боборыкин

[1] Повесть Боборыкина «Долго ли?».

[2] В «О. З.» (1875, VII) помещена комедия Бальзака «Меркаде» (Mercadet le faiseur), перевод С. А. Б⟨оборыкиной⟩. Комедии предпослано предисловие, состоящее из трех главок: в первой дается краткий обзор драматической деятельности Бальзака, во второй излагается творческая история «Меркаде», в третьей рассматриваются традиции выведенного в комедии типа буржуазного дельца и влияние комедии на русскую драматургию. В этом же предисловии указано, что «сравнив оба текста посмертной комедии Бальзака, мы дали предпочтение сценической ее обработке, но, чтобы наши читатели имели сами возможность судить, в какой степени обработка рознится от первоначального текста, мы изложим все эти уклонения поактно, не пропуская ни одной существенной сцены...», и далее следует перечень вариантов.

[3] В «Современниках» Некрасова упомянут петербургский представитель этой банкирской семьи: «Ушел Эфруси, важный грек, Кивнув собранью величаво...».

⟨28⟩

27 мая / 8 июня 1875 г., Вена
Schattensteig, N° 1, 4r. St.

Любезный Николай Алексеевич,

Ваше письмо с векселем на 500 р. пришло четыре дня тому назад; но я так был измучен ходьбой по разным делам и неприятной перепиской с Россиею, что буквально не нашел свободной минуты для толкового письма в ответ на Ваше доброе письмецо. Рукописи будут высланы в редакцию так, чтоб и Меркаде не опоздал в июльскую книжку. Предисловие

заключает в себе этюд о Бальзаке-драматурге [1]. Мою повесть раньше сентября Вы вероятно не пустите: так будет лучше. В сентябре очень бы хотелось повидаться с Вами за границей [2]. Если дела, т. е. уплата долгов, и здоровье позволят, я бы хотел быть в Петербурге осенью, чтобы до снега устроиться с квартирой. Опыт многих лет показал мне, что за границей (и чем южнее, тем хуже) больше шансов простудиться осенью и зимой, особливо при переездах. — Чтобы не переписываться летом, когда Вы любите быть совершенно свободны, я здесь в нескольких словах обработаю наше журнальное дело: хочется мне с сентябрьской книжки «От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩» участвовать в них ежемесячно, сначала за границей, потом в Петербурге, особого рода статьями, которым сначала дам заглавие: «Итоги корреспондента». Вы мне напишите, в течение лета, согласны ли Вы положить мне такую ежемесячную приплату к гонорарию, какую получают все Ваши постоянные сотрудники, какую и я когда-то получал. А гонорарий будет умеренный (хотя статьи эти предполагаются с чисто-литературной, не компилятивной манерой), какой Вы мне платили за последние компилятивные статьи. Имея в виду большую прочность такой работы, я не буду уже брать во внимание размеры статей: один раз пришлю два листа, а другой — и лист. Но такая работа делается для меня душевной потребностью: я слишком уж насиделся без живой речи за границей.

О Полетике [3] Вы ничего не пишете, да это дело еще ждет.

Наш маршрут таков: здесь до 1 июля по новому стилю. Июль проведем сначала в Богемии, а потом заедем в Баден-Баден и выберем в той местности местечко на лето.

Жена моя искренне благодарит Вас за внимание. Думаю, что Вы останетесь довольны ее языком: у ней есть особая сноровка передавать французский жаргон, явившаяся вследствие долгого житья в Париже.

Ваш душевно
П. Боборыкин

[1] О комедии Бальзака «Меркаде», переведенной С. А. Боборыкиной, см. примеч. к предыдущему письму.

[2] Некрасов намеревался поехать за границу для свидания с больным Щедриным, находившимся в Баден-Бадене, но остался в России.

[3] Василий Аполлонович Полетика (ум. в 1888 г.) — редактор «Биржевых Ведомостей». Как раз в это время «О. З.» (см. 1875, V, Внутреннее обозрение) вели с ним полемику по поводу перевыборов 17 марта 1875 г. в Обществе взаимного кредита. Полемику вел Елисеев, но Некрасов принимал в ней участие, внося свои поправки и изменения (Некрасов, V, 558).

⟨29⟩

20 августа / ⟨1 сентября⟩ 1875 г., Баден (близ Вены)
Baden (bei Wien), Hauptplatz, № 3

Любезный Николай Алексеевич,

Сегодня повесть моя «Долго ли?» отправляется в редакцию, в рекомендованном пакете. Вы уже знаете, почему я не торопился с отделкой и перепиской. К сентябрьской книжке она не опоздает; только уговор лучше денег: повесть эта должна быть помещена в одной книжке, как, впрочем, и было уже условлено между нами. В ней слишком шесть печатных листов, по моему расчету. Если у Вас не достанет места в книжке на столько листов, отложите на одну из следующих [1].

Куда выслать гонорарий, и за повесть, и за перевод жены моей с редижированным мною предисловием — я извещу, как только мы переберемся

в Вену, что случится, вероятно, через две недели, 3/15 сентября. До того времени адрес мой тот же; а после — для простых писем — Wien, poste restante.

Сегодня получил я известие от одного лица, занимающегося моими долговыми делами, что Василий Печаткин дорожится моими векселями (доставшимися ему по 18 копеек) на том основании, что будто бы Вы ему

Е. И. ЛИХАЧЕВА

Портрет маслом Н. Н. Ге, 1891—1892 гг.

Русский музей, Ленинград

предлагали за них 50%. Пожалуйста, дайте ему знать, что сделка, о которой я Вас просил, касалась исключительно моих сочинений; чистыми же деньгами он и 30% не получил бы. Вы меня много обяжете, отняв у него повод ссылаться на цену, какой ему никто не даст.

Прошу приказать сделать мне 20 оттисков повести.

Ваш П. Боборыкин

[1] Повесть «Долго ли?» была напечатана в «О. З.», 1876, X. В письме от 10 ноября 1875 г. находившийся за границей Щедрин писал Некрасову: «Боборыкина повесть — чорт знает, что такое. Нынче литераторы словно здравого смысла лишились» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 317).

<30>

3/15 августа 1877 г., Вена
Parkring, 2, Hôtel garni Clott

Дорогой Николай Алексеевич,

На-днях был я у профессора Бильрота и сообщил ему известие, прочитанное мною в русских газетах, что Вы чувствуете себя лучше и несколько раз катались. Он был очень обрадован и просил передать Вам, как бы много его одолжил врач, состоящий при Вас теперь, если б написал ему некоторые подробности о ходе Вашего выздоровления. Теперь его в Вене нет, но письма адресовать можно в его постоянное помещение [1].

Хотелось бы верить, что известие, прочитанное мною в петербургских газетах, вполне достоверно. А коль скоро Ваши силы восстановляются, Вам смело можно рассчитывать на долгий век и доброе здоровье. Бильрот сказал мне это с первого слова.

Не знаю, придется ли пожать Вам руку раньше зимы [2]. Моя корреспондентская кампания еще не кончена. Тяжело теперь переживать наши неудачи, особливо здесь [3].

Часто о Вас думаю; от души шлю Вам горячий привет и поручаю себя Вашей доброй памяти.

Ваш П. Боборыкин

NB. Адрес Бильрота:
Wien, Herrn Professor Th. Billrotte. Alterstrasse, № 20.

[1] Операция (calotomia), произведенная известным хирургом, директором Венской хирургической клиники Бильротом (Theodor Billroth, 1829—1894), вызвала лишь временное улучшение в состоянии здоровья Некрасова.

[2] По возвращении в Петербург Боборыкин уже не застал Некрасова в живых.

[3] Говоря о «наших неудачах», Боборыкин имеет в виду неудачи русской армии в войне с Турцией, в частности безуспешные атаки Плевны 8-го и 18-го июля. Переживать эти неудачи было особенно тяжело в Вене, потому что Австрия враждебно относилась к России, и известия о неудаче русских войск радостно встречались австрийской печатью.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА ИЗ НЕИЗДАННОЙ ЧАСТИ ВОСПОМИНАНИЙ П. Д. БОБОРЫКИНА «ЗА ПОЛВЕКА»*

Как я уже говорил в другой главе, с Некрасовым я, в шестидесятых годах, лично не встречался. Его письмо в Берлин было первым его письменным обращением ко мне, и я ему, до того, никогда ничего не писал.

Журнал его только что отпечатал конец моих «Солидных добродетелей» в декабрьской книжке, и роман — судя по тому, что я слышал — очень читался.

Некрасова я нашел в той же квартире, где он и умер. Редакция помещалась в первой зале, которая служила потом и биллиардной. По приемным дням в углу, у окна, стоял стол секретаря. В этой должности я нашел моего старого знакомого А. Н. Плещеева, перебравшегося в Петербург в мое отсутствие, тогда еще мелкого чиновника в Контрольном ведомстве.

Мне было приятно найти его в «Отечественных Записках». Мы с ним всегда, и впоследствии, вплоть до его превращения в миллионера, были в прекрасных, товарищеских отношениях, несмотря на довольно большую разницу лет.

---

* Эта часть начинается с воспоминаний Боборыкина о 1868 г., и, таким образом, непосредственно примыкает к изданной части его мемуаров, заканчивающейся описанием событий 1867 г. (см. П. Д. Боборыкин. «За полвека. Мои воспоминания». Под ред. Б. П. Козьмина, изд. «Зиф», М.—Л., 1929.

Публикуемый текст содержит ряд мелких фактических неточностей. Но почти все они корректируются напечатанными выше письмами Боборыкина и комментариями к ним. Во избежание повторений помещаем текст без примечаний. — Ред.

Г. И. УСПЕНСКИЙ
Фотография начала 1870-х гг.
Литературный музей, Москва

Некрасов, видимо, желал привязать меня к журналу и так как я предложил ему писать и статьи, особенно по иностранной литературе, он мне назначил — сверх гонорара — и ежемесячное скромное содержание. А за роман я еще из-за границы согласился на весьма умеренный гонорар в 60 р. за печатный лист, т. е. в пять раз меньше той платы, какую я получаю, как беллетрист, уже около десяти лет.

Личность Некрасова тогда только, в первые две зимы, проведенные мною в Петербурге, — 1871—1872 гг. — выяснилась передо мною с разных сторон.

В десять лет (с начала 60-х годов, когда я стал его видать в публике) он не особенно постарел, и никто бы не мог ожидать, что он будет так мученически страдать.

Но в нем и тогда вы сейчас же распознавали человека, прошедшего через разные болезни.

Голос у него был уже слабый, хриплый, прямо показывающий, что он сильно болел горлом.

Его долго считали «грудным», и в Риме он жил в конце 50-х годов только для поправления здоровья.

Голова у Некрасова была чрезвычайно типичная для настоящего руссака, из приволжских местностей. Он смотрел и в зиму 1871 года всего больше охотником из дворян, псовым или ружейным, холостяком, членом клуба.

Профессионально-писательского было в нем очень немного; но очень много бытового в говоре, в выражении его умного, немного хмурого лица. И вместе с тем что-то очень петербургское, 40-х годов, с его бородкой, манерой надевать pince-nez, походкой, туалетом.

Если Тургенев смотрел всегда барином, то и его когда-то приятель Некрасов не смотрел бывшим разночинцем, а скорее дворянским «дитятей», который прошел через разные мытарства, в начале своей писательской карьеры.

Эта житейская бывалость наложила печать на весь его душевный «habitus». И не трудно было распознать в нем, очень скоро, человека, знающего цену материальной независимости.

При нашей личной встрече он сразу взял тот простой и благожелательный тон, который показывал, что если он кого признает желательным сотрудником, он не будет его муштровать, накладывать на него свою редакторскую ферулу.

Таким он и оставался все время моей работы в «Отечественных Записках», при его жизни, до мучительной болезни, сведшей его в могилу, что случилось, когда я уже жил в Москве.

Я уже рассказывал в печати характерную подробность, показывающую как он широко относился к тем сотрудникам, в которых признавал известную литературную стоимость.

Повторю это и здесь. Я его застал раз утром (это было уже в 1872 г.) за самоваром, в халате, читающим корректуры.

Это были корректуры моего романа «Дельцы». Он тут только знакомился с этой вещью. Если это и было, на иную оценку, слишком «халатно», то это, прежде всего, показывало отсутствие того учительства, которое так тяготило вас в других журналах.

И жил он совершенно так, как богатый холостяк из помещиков, любитель охоты и картежной игры в столице, с своими привычками, с собаками, егерем и камердинером.

А в его внутренних «покоях» помещалась его подруга, которую он не сразу показывал менее близким людям, так что я только на вторую зиму познакомился с нею, когда она выходила к обеду, оставалась и после обеда, играла на билльярде.

Это была та самая особа, с которой он обвенчался уже на смертном одре.

И вся обширная квартира в доме Краевского, на Литейной, совсем не смотрела редакцией или помещением кабинетного человека или писателя, ушедшего в книги, в коллекции, в собирание каких-нибудь objets d'art.

В билльярдной — одну зиму — стоял и стол секретаря редакции. В кабинет Некрасова сотрудники проникали в одиночку; никаких общих собраний, бесед или редакционных вечеринок никогда не бывало.

Весь склад жизни этой холостой квартиры отзывался скорее дореформенной эпохой, хотя тут и помещалась редакция радикально-народнического органа.

К себе Некрасов приглашал на обеды только некоторых сотрудников. Так, в эти две зимы, я не видал в числе гостей ни Скабичевского, ни Михайловского, с которым познакомился только тогда. Иногда был приглашаем Плещеев и всегда Салтыков. А остальными гостями очень часто бывали два влиятельных цензора и какой-нибудь клубский приятель хозяина.

Игры у себя дома Некрасов тогда уже не держал; но продолжал играть в Английском клубе до очень поздних часов, так что раньше полудня вставать не мог.

Обедывал у него и художник Ге, писавший, в одну из тех зим, портреты его и Салтыкова.

Как хозяин, Некрасов был гостеприимен, умно-ласков, хотя веселым он почти никогда не бывал. Некоторая хмурость редко сходила с его лица, а добродушному тону разговора мешала хрипота голоса.

Но когда он бывал мало-мальски в духе, он делался очень интересным собеседником, и все его воспоминания, оценки людей, литературные замечания отличались меткостью, своеобразным юмором и большим знанием жизни и людей.

Вообще такого природно-умного человека в литературной сфере я уже больше не встречал и все — без исключения — руководители журнализма, с какими я имел дело как сотрудник, — не могли бы с ним соперничать, именно по силе ума, которым он дополнял все пробелы — и очень обширные — в своем образовании.

Он изображал собою целую эпоху русской интеллигенции — эпоху героическую, когда люди, по характерам, стояли на высоте своих талантов.

Замечательной чертой писательского «я» Некрасова было и то, что он решительно ни в чем не высказывал сознания того, что он поэт «мести и печали», что целое поколение преклонялось перед ним, что он и тогда еще стоял впереди всех своих сверстников-поэтов и не утратил обаяния и на молодежь.

Если бы не знать всего этого предварительно, то вы, при знакомстве с ним, и в обществе, и с глазу на глаз, ни в чем бы не видали в нем никаких притязаний на особенный поэтический «ореол». Это также черта большого ума!

Судьба поставила рядом с ним, в руководительстве такого журнала, как тогдашние «Отечественные Записки», М. Е. Салтыкова.

Как они держались друг с другом наедине — я не знаю, но при людях, за обедами, или в редакции, Салтыков имел гораздо более хозяйский вид и авторитетный тон; частенько и ворчал, и позволял себе «разносы», тогда как Некрасов — когда чем и был недоволен — ограничивался только сухостью тона или короткими фразами.

Не думаю, чтобы они были когда-либо задушевными приятелями.

Правда, они были люди одной эпохи (Некрасов немного постарше Салтыкова), но в, них не чувствовалось сходства ни в складе натур, ни в общей повадке, ни в тех настроениях, которые дали им их писательскую физиономию.

Если оба были обличители общественного зла, то в Некрасове все еще и тогда жил поэт, способный на лирические порывы; а Салтыков уже ушел в свой систематический сарказм и разъедающий анализ тогдашнего строя русской жизни.

Л и ч н ы х отношений у нас с ним почти что не установилось никаких. В памяти моей не сохранилось даже ни одного разговора со мною, как с молодым писателем, который стал постоянным сотрудником журнала, где он играл уже первую роль.

Вскоре по моем приезде они сделали мне вдвоем визит, в той меблированной квартире, которую я нанял у немки Иды Ивановны, в доме около Каменного моста. И тогда же я им обещал доставить для одной из первых книжек «Отечественных Записок» рассказ «Посестрие», начатый еще за границей и, после «Фараончиков», — по счету второй мой рассказ.

Салтыков сложился тогда вполне в того немножко Собакевича, каким и умер. У него были приятели, но не из сотрудников журнала, хотя некоторых, как, напр., Глеба Успенского, он, по-своему, любил и высоко ставил их талант.

Ко мне — и впоследствии — он относился формально, и в деловых переговорах, и в письмах, вежливо, но ворчливо, отделываясь короткими казенными фразами. Столкновений у меня с ним, по журналу, не было никаких. И только раз он, уже по смерти Некрасова, отказался принять у меня большой роман. Это был «Китай-город», попавший к Стасюлевичу.

Я бывал, на протяжении нескольких лет, раза два-три и у него на квартире: но уже гораздо позднее, когда он уже начинал хронически хворать.

«Компанию» он водил с двумя-тремя своими приятелями, вроде Унковского и Лихачева, играл с ними в карты и неистово бранился. Тургенев, когда заболел в Петербурге сильными припадками подагры, говорил мне, что стал, от скуки, играть в карты и его партнером был сначала Салтыков. «Но я не выдержал, перестал его приглашать, уж очень он ругал меня!»

Рядом с Салтыковым, Некрасов сейчас же выигрывал как литературный человек. В нем чувствовался — несмотря на его образ жизни — «наш брат-писатель», тогда как на Салтыкова долгая чиновничья служба наложила печать чего-то совсем чуждого писательскому миру, хотя он и был такой убежденный писатель и так любил литературу.

С Некрасовым вы могли о чем угодно говорить, и если он не проявлял особой сердечности, то все-таки отзывался на всякое проявление вашей личности. С Салтыковым слишком трудно было взять тон задушевной беседы.

При другом редакционном компанионе Некрасова в редакции было бы, вероятно, меньше той сухости, какая, на первых порах, меня неприятно коробила.

Редакция похожа была на какой-то строговатый помещичий дом, где, в известные дни, два хозяина, с прибавкой еще третьего компаниона (Елисеева), толковали во внутренних покоях; а молодые сотрудники ждали в приемной, куда то тот, то другой из хозяев и показывался для тех или иных распоряжений.

А кому нужен был аванс, тот шел к главному хозяину, вроде как к попу на исповедь, просил и получал, или ему отказывали.

Эти денежные разговоры происходили во второй комнате, где Некрасов имел обыкновение в один из ящиков подзеркальника класть сторублевки, привезенные — ночью — из клуба.

От таких a p a r t e я воздерживался с самого приезда, тем более, что получил сразу порядочную сумму за вторую половину «Солидных добродетелей».

Елисеев — третий член редакционного триумвирата — для меня лично стоял совсем в стороне. В первую зиму я не печатал публицистических статей, а статьи о варшавском театре не входили в круг его компетенции.

Григория Захаровича я видел мало; в редакционные дни — почти никогда и изредка за обедом у Некрасова.

К нему на дом я попал гораздо позднее.

И тогда уже он был пожилой человек и тоже — как Некрасов и Салтыков — не смотрел профессиональным литератором. Сейчас же вы во всем его обличье, и даже тоне и говоре, распознавали чадо духовного ведомства. Не носи он гражданского платья, он был бы типичный «батюшка».

У Некрасова он держал себя очень тактично, с соблюдением собственного достоинства, в общий разговор вставлял, кстати, какой-нибудь анекдотический случай из своего прошедшего; но никогда не развивал и д е и, и человек, не знающий кто он, с трудом бы принял его за радикала-народника, за публициста, которого цензура считала очень опасным, и тогдашнего руководителя такого писателя, как Михайловский.

До знакомства с ним я еще не встречал известного литератора с таким «духовным» обличьем, как он.

Молодой персонал сотрудников, начиная с Михайловского, держался от главных хозяев совсем отдельно, и, как я сказал выше, никакого постоянного общения, бесед или заседании в журнале не происходило.

Кроме Скабичевского, я нашел в нем постоянных сотрудников — не беллетристов Николая Курочкина, Деммерта и Пятковского, тогда еще большого либерала.

Николай Курочкин тут только познакомился со мною. Его брат Василий был еще жив, и мы с ним также видались.

Когда-то «Искра», на первых моих шагах, сильно прохаживалась насчет меня, и в стихах, и в прозе. В ней появилась первая по счету карикатура, когда мне, на первом представлении «Однодворца», подали, в директорскую ложу, лавровый венок, что было — конечно — преждевременно.

И позднее, во время моего редакторства, Минаев и другие остроумцы «Искры» делали меня мишенью своих довольно-таки злобных эпиграмм.

Когда я гостил у отца, в усадьбе, и собирался на Липецкие воды, он, развернув новый номер «Искры», где была моя карикатура, передал мне его, со словами:

— На, полюбуйся!

Кроме карикатуры, были тут, кажется, и стихи Минаева «Октавы», откуда я, до сих пор, помню такую стрелу, пущенную по моему адресу:

«Иль получить себе в забаву
Дар Боборыкина Петра,
Сзывать всю прессу на облаву
И пищу дать для эпиграмм.
Пусть нас минует этот срам!»

Но в Париже я сделался сам сотрудником «Искры» и, списавшись с Василием Курочкиным, с которым тогда лично еще не был знаком, стал вести род юмористической хроники Парижа, под псевдонимом «Экс-Король Вейдевут».

Вероятно, немногие и теперь знают, что это был один из моих псевдонимов.

Имя «Вейдевут» выбрал я не спроста. Род Боборыкиных ведет свое начало от Андрея Камбиллы (переиначенного русскими XIII века в К о б ы л у), который пришел с дружиной при Симеоне Гордом и считался потомком славяно-балтийского короля Вейдевута. И Костомаров считал этого «Вейдевута» чем-то вроде легендарного Геркулеса поморских славян, что и высказывал в своих этюдах на тему: кто были Варяго-Русь?

Николай Курочкин — как я уже говорил выше — дал мысль Некрасову обратиться ко мне с предложением написать роман для «Отеч. Записок». Ко мне он относился очень сочувственно, много мне рассказывал про свои похождения, про то время, когда он жил в Швейцарии и был вхож в дом А. И. Герцена. В нем я находил раз-

ностороннее развитого интеллигента, чем многие тогдашние сотрудники журналов и газет. Но он был человек болезненный, очень нервный, изменчивый в своих взглядах и симпатиях.

В Деммерте я узнал моего товарища по Казани, старше меня одним курсом, на том же камеральном разряде. И все также он говорил сильно на «он» (хотя и был, кажется, из помещичьего звания) и также смотрел хмуро на вас, и также склонен был к выпивке, как и казанским студентом.

В журнале он вел провинциальную хронику, и петербургская молодая публика любила его читать, находя в нем должную долю народнического радикализма. Но все

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ВЛАС»
Рисунок Н. Д. Дмитриева-Оренбургского
Литературный музей, Москва

это — при тогдашних цензурных порядках (хотя журнал выходил и без цензуры) — было довольно безобидно, особенно на оценку человека, привыкшего к свободе западной прессы.

Пятковский вел библиографические заметки. В нем я также узнал студента, с которым мы держали в СПбургском университете на кандидата, и позднее — моего сотрудника по «Библиотеке». Своим участием в «О. З.» он довольно-таки кичился и давал понять, что его библиографические заметки очень ценятся «принципалами» журнала. Я не думаю, чтобы он тогда искренне держался той «платформы», которая объединяла главных сотрудников «О. З.». Но все-таки я не ожидал того — как он кончит, когда стал издавать свой журнал «Наблюдатель», где дошел до дикой юдофобии.

У Пятковского мы тогда начали было собираться; но дальше двух-трех вечеринок это не пошло.

Скабичевского я видал редко, и, хотя он в глазах публики занял уже место присяжного литературного критика «От. Записок» — в журнале он не играл никакой заметной роли, и рядом с ним Михайловский уже выдвинулся как «восходящая звезда» русского философского свободомыслия и революционного духа. Молодежь уже намечала его — и тогда — в свои вожаки.

С ним мы не могли нигде раньше встречаться. Когда я покинул Петербург в 1865 г. — он еще учился, кажется, в Горном Корпусе, а за границу не попадал.

Где-то он рассказывал в печати, что я принял в редакции за него стихотворца и переводчика Михаловского или, обратно, его за Михаловского. Может быть, так оно и было; но отчетливо я сам этого не помню.

Помню только то, что мы стали охотно беседовать и мне живость его ума нравилась, и характер его свободомыслия был мне также по вкусу. И только позднее я не мог принимать его русскую социологию за какое-то «открытие», навеянное и на него идеями Лаврова. Я признавал и теперь признаю, что можно находить общественные идеалы Герберта Спенсера подлежащими критике; но я не мог разделять мнение тогдашних и позднейших почитателей русского публициста, что он «повалил» британского мыслителя, с которым и я дерзал спорить в Лондоне.

В Михайловском — из новых моих собратов — я находил всего больше писательского темперамента и верности призванию публициста.

Позднее я бывал у него, когда он жил еще семейно с молодой женщиной, от которой имел детей. У него были журфиксы, куда собиралось много молодого народа, и хозяин, за ужином, поддерживал оживленную беседу. Он еще не приобрел тогда того слишком серьезного вида, каким отличался в последние годы своей жизни, что не мешало ему — как известно — любить жизнь и увлекаться женщинами.

К тому, что произошло, для меня нежданно-негаданно, в наших отношениях— я перейду дальше.

Плещеев, исполнявший в журнале совершенно стушеванную роль секретаря, без всякого веса и значения, по редакционным делам — был все тот же мягко-элегический, идейный уже полустарик, всегда нуждавшийся, со скудным заработком, как переводчик и автор небольших статеек. Беллетристикой он уже не грешил, и стихи писал редко.

Он был отец троих детей, жил очень скромно, но гостеприимно, и к нему льнули все начинающие. Тогда я еще редко бывал у него; но между нами всегда держалась связь, не только писательская, но и по фамильным традициям и воспоминаниям.

Моего бывшего сотрудника, которого я выпускал в «Библиотеке», — милейшего Глеба Ивановича Успенского я видал больше в приемные дни редакции. И всегда он был озабочен, сдвигал свои брови, щипал бородку, мучительно дожидаясь момента, когда можно будет захватить денежного хозяина и попросить у него «аванс».

Некрасов ценил его не меньше, чем Салтыков, и вряд ли часто ему отказывал. От самого Г. И. я слыхал, что он в «неоплатном долгу» у редакции и, кажется, так тянулось годами, до последних дней его нормальной жизни.

Но все-таки было обидно за него — видеть, как такой даровитый и душевный человек всегда в тисках, и в редакции изображает собою фигуру неизменного «авансиста» — слово, которое я, гораздо позднее, стал применять к моим собратам, страдающим этой затяжной болезнью.

⟨Писарская копия с автографической правкой П. Д. Боборыкина. — ЦГЛА (Ф. 67, № 6, лл. 225—242)⟩.

Г. И. БОГРОВ

Первая часть известного автобиографического романа Григория Исааковича Богрова (1825—1885) «Записки еврея» была написана, по сообщению его сына, около 1863 г. Рукопись долго и безуспешно странствовала по петербургским редакциям, пока не попала в редакцию «Отеч. Зап.», где «очень понравилась Некрасову», который не только согласился дать ей место на страницах своего журнала, но и побуждал автора закончить свой труд (С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, V, 6). «Записки еврея» печатались в «Отеч. Зап.» в 1871—1873 гг., а в 1874 г. вышли отдельным изданием (в типографии В. Тушнова).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, №№ 12 и 13).

⟨1⟩

⟨5 февраля 1871 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Беспрестанная деловая суета, и к тому срочная, не дала мне возможности воспользоваться добротой Вашей, предоставлявшей мне возможность к приобретению протекции для известной цели [1]. Ныне экстренность некоторых дел отзывает меня внезапно на юг, и это лишает меня возможности лично поблагодарить Вас за лестное Ваше внимание. Я в скорости возвращусь и надеюсь сохранить ко вторичному моему приезду то незаслуженное мною расположение, которым Вы изволили удостоить меня.

Записки еврея [2] я исправил сколько мог наскоро и при сем посылаю.

Душевно благодарный Вам
Г. Богров

5 февраля

[1] О какой протекции идет речь — установить не удалось.

[2] «Записки еврея» печатались впервые в «О. З.», 1871, I—V, VIII и XII; 1872, VII—VIII, XI и XII и 1873, III—VI.

Первые главы, где говорилось о преследованиях отца героя еврейскими богатеями, подкупившими местную русскую власть, повидимому, потребовали смягчения по цензурным соображениям. Допущенные редакцией переделки вызвали протест со стороны автора и его родственников, как это видно из следующего письма к Некрасову некоего К. Богрова от 15 марта 1871 г. (ИЛИ — Ф. 202, оп. 2, № 14):

«Милостивый государь! Автор „Записок еврея" прислал мне на-днях письмо, где просит редакцию прекратить печатание „Записок еврея" в том случае, если редакция вперед точно так же будет бесцеремонно выбрасывать, как она это сделала в первых главах, несмотря на то, что редакция обещала автору печатать записки без изменений. Прошу Вас дать ответ. Готовый к услугам Вашим К. Богров. Адрес мой: Николаевская улица, дом № 34».

⟨2⟩

⟨Симферополь, 3 июля 1872 г.⟩

В Редакцию Отечественных Записок.

Из Киева я имел честь выслать в редакцию несколько глав 2 части моих Записок еврея. Но редакция не удостоила меня просимого ответа. Напрасно я ожидаю появления моего труда в печати. Так как я сомневаюсь в исправном получении редакцией моих Записок, то я поручил подателю сего, отправляющемуся в Петербург, справиться в редакции и узнать, будут ли печататься мои Записки и когда? Тогда я поспешу присылкою остальных глав.

В книжном магазине Распопова в Одессе продается брошюрованною первая часть моих Записок по 2 рубля и распродается в большом количестве самым беззастенчивым образом, хотя на это с моей стороны не последовало никакого словесного или письменного разрешения. Напротив,

этот самый г. Распопов торговал у меня издание обеих частей «Записок еврея» и предлагал мне 2500 руб., но я отказался от этого предложения до окончания печатания в журнале Отечеств⟨енные⟩ Записки всей второй части. Я считал несправедливым издавать Записки прежде появления их в журнале. Судя же по письму Распопова, которое предъявит редакции податель сего, редакция сама продает первую часть моих Записок отдельными оттисками, а г. Распопов мимо моего ведома и согласия пользуется моим правом собственности.

Не доверяя слишком письму г. Распопова, я обращаюсь предварительно прямо в редакцию с просьбою уведомить меня об этом обстоятельстве, и если г. Распопов самостоятельно эксплоатирует меня, то я подвергну его ответственности [1].

Григорий Богров

3 июля 1872 г.
Симферополь

P. S. В редакции находится рукопись моего рассказа «Пойманник» [2]. Прошу таковую вручить подателю.

Богров

[1] Каково было происхождение продававшихся в Одессе оттисков 1-й части «Записок еврея» и чем закончился конфликт — неизвестно. Вопрос этот в большей мере касался Краевского, чем Некрасова.

[2] Кроме «Записок еврея», никаких произведений за подписью Богрова в «О. З.» не появлялось. Рассказ «Пойманник» был впоследствии напечатан в т. IV «Еврейской библиотеки», изд. А. Е. Ландау.

⟨3⟩

⟨18 июля 1875 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Со времени издания моих «Записок еврея» [1] прошло уже $1^1/_2$ года, а я не только ничего не получил, но даже настоящая участь этого издания мне неизвестна. Г. Горского [2] я не вижу.

Не будете ли, уважаемый Николай Алексеевич, столь добры распорядиться как-нибудь по этому делу, чем крайне обяжете высокоуважающего преданного Вам покорного слугу

Г. Богрова

18 июля 1875 г.

Адрес мой: Григорию Исааковичу Богрову. В Учетном и Ссудном банке. На Михайловской улице

[1] Отдельное издание «Записок еврея» вышло в начале 1874 г.

[2] Горский — служащий в конторе «О. З.».

П. И. БОКОВ

Петр Иванович Боков (1835—1915) — врач, участник революционного движения 60-х годов («Великорусс», «Земля и Воля»), один из близких друзей Н. Г Чернышевского. По мнению современников, Боков послужил прототипом Лопухова в романе «Что делать?».

Вынужденный по семейным обстоятельствам покинуть Петербург, он переселился в Москву, где был одним из популярных врачей. В период ссылки Чернышевского Боков постоянно заботился о нем и его семье и систематически оказывал им денежную помощь. См. о нем: А. Н. Витмер. Святой человек (Бессистемное воспоминание). — «Исторический Вестник», 1915, XII, 819—829.

Печатается по автографу ИЛИ (Ф. 203, № 69).

Москва, 8 октяб⟨ря⟩ 1874 г.

Уважаемый Николай Алексеевич.

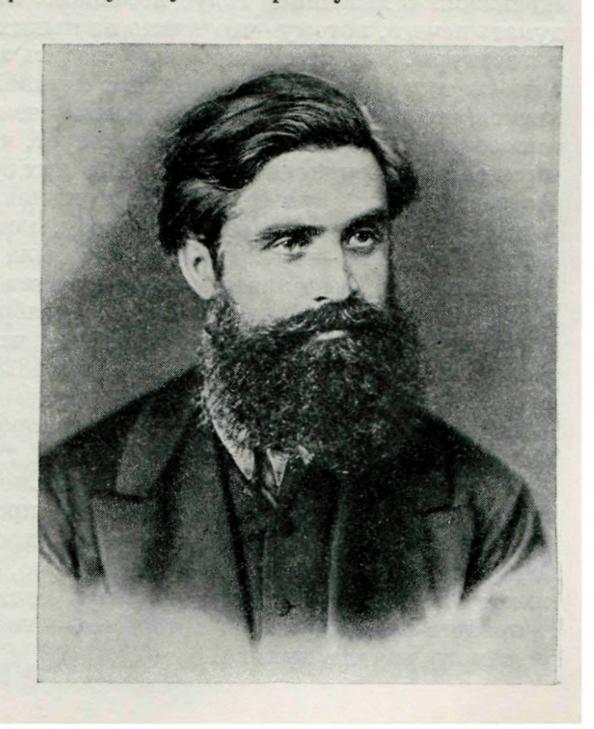
На-днях явится к Вам сын Николая Гавриловича, Александр [1], 20-летний студент СПб. Университета, математик. Через год или два он окончит курс в университ⟨ете⟩ и тогда предполагает поступить в какое-либо специальное учебн⟨ое⟩ зав⟨едение⟩, где основным предметом считается математика. Остается так⟨им⟩ обр⟨азом⟩ учиться ему года 3—4. Для того, чтобы жить на свой счет, он выучился английскому языку и явится к вам просить работы: перевода, рефератов или чего случится.

Примите уверение в моем к Вам уважении.

П. Боков

Малая Дмитровка, Успенский переулок, дом № 124.

[1] Александр Николаевич Чернышевский (1854—1915) — старший сын Николая Гавриловича, автор нескольких математических и др. статей, ряда сборников «фантастических рассказов» и книги: «Из дней былых и этих дней... Стихотворения. Fiat lux», СПб., 1900. См. о нем: Н. А. Пыпин. Сыновья Чернышевского. — «Звенья», 1932, I, 266—279. Состоялась ли встреча А. Н. Чернышевского с Некрасовым и доставил ли Некрасов ему какую-либо работу — неизвестно.

П. И. БОКОВ
Фотография 1870-х гг.
Исторический музей, Москва

В. П. БОТКИН

Василий Петрович Боткин (1811—1869), возвратясь в конце 1846 г. из-за границы, несколько недель провел в Петербурге в теснейшем общении с руководящим кружком «Современника», только что перешедшего в руки Некрасова и Панаева. Выражая полную готовность работать в «Современнике», Боткин, однако, не хотел порывать и с «Отеч. Зап.» Краевского. Его позиция в отношении «Современника» и тогда была двойственной (см.: В. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50-е годы, 77—78). Тем не менее Боткин согласился взять на себя как бы представительство от «Современника» в Москве. Печатаемое ниже письмо его к Некрасову свидетельствует о том, как хорошо он был осведомлен о редакционных делах журнала и какое близкое участие принимал в них. Впоследствии, после того, как руководство «Современником» перешло в руки Чернышевского, Боткин прекратил сотрудничество в журнале и разорвал личные связи с его группой. В последние годы своей жизни либерал Боткин протянул руку защитнику «твердой власти» Каткову и не брезговал доносами на «Современник» и Некрасова, относясь к ним с нескрываемой и злобной враждебностью.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 15).

22 августа 1847 г.

Вчера получил Ваше письмо. Бабста [1] едва ли скоро увижу. Между нами будь сказано, Вам будут с ним частые хлопоты: самолюбие у этого господина очень большое. Пишите лучше к нему сами. Статью о Мальтусе [2] я не успел прочесть, но слышал от людей знающих, что она недурно составлена: большая часть ее переведена из книги Прудона: «Contradictions économiques ou philosophie de la misère» [3], и выписки сделаны удачно. Только там вкралась смешная ошибка: в выписке сказано, что Мальтус воспитывался в Иезуитской коллегии. Но в Англии никогда не было никакой Иезуитской коллегии, а Мальтус воспитывался в коллегии Иисуса [4]. Что касается до английской литературы, то теперь Корша и нечего просить: он не кончил еще своей статьи «о Венеции» [5]. Надо, чтобы сначала он кончил ее, тогда я предложу ему и Английскую литерат<уру>. Что же до «движения в нынешнем году немецкой литературы», то об этом здесь и думать нечего, потому что никто из наших не занимался движением этой литературы. Для этого надо было следить за немецкой журналистикой, — а кто ж теперь возьмет на себя этот скучнейший труд. Притом должен заметить, что беллетристика в Германии очень упала, ее сменила политика; философия никого больше не интересует, что же касается до дельных историч<еских> сочинений, — то ведь о них будет же говорить Грановский [6]. Но общий взгляд на ее движение нынешнего года, разумеется, всего удобнее было бы составить Тургеневу, который постоянно жил в живом центре Германии — и поэтому работа была бы для него самою легкою.

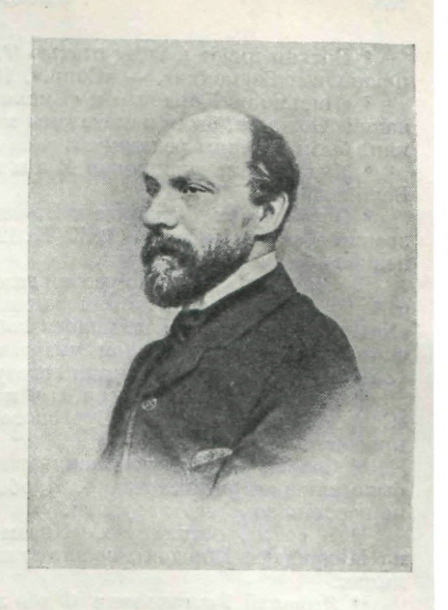
Пожалуйста, выполните мои следующие просьбы:

В письме из Кордовы замарайте сентябрь, — и поставьте август.

В этом же письме там, где упоминается, что разбойник Хозе-Мария вступал в переговоры с Фердинандом VII в 1828 году, — вместо этого года поставьте 1831 год.

А в письме из Мадрида, т. е. в том, которое послано мною теперь, вместо августа поставьте июль [7].

Панаев! Ты, верно, будешь писать в Смесь что-нибудь о процессе д'Еквилье. Я, тому года полтора, во время процесса Бовалона, писал письмо к Языкову [8], где рассказывал разные подробности этого процесса. Перебирая у себя в бумагах, нашел я это письмо, — и вздумал послать его к тебе; может быть, оно тебе пригодится при составлении статейки о д'Еквилье. А процесс-то этот ужасно интересен,— но опять его интерес начинается от самого начала дуэли [9].

В. П. БОТКИН
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Особенно постарайся, чтобы включить выписки из «National» [10].

Вы пишете, Некрасов, что пришлете мне корректуру «первых писем». Но ведь эти письма были вдвойне обезображены и цензурой и корректурой. Нельзя ли их набрать так, как они у меня написаны? Ведь Никитенко [11] обещал же пропустить теперь все, — пусть лучше он их вновь процензирует. Если это можно, уведомьте меня поскорей, — я пришлю Вам оригинал. Вчера получил я письмо от Анненкова,—пишет, что решительно Бел⟨инский⟩ поправляется; кажется, в октябре будет уже в Петерб⟨урге⟩ [12].

Так как моя вторая статья напечатана будет в 10 №, то я успею еще прибавить к ней одно письмо, которым и занимаюсь: оно будет не более полулиста или 5 страниц. По моему расчету, оно кстати. Имейте, пожалуйста, его в виду [13].

Скажите мой сердечный поклон Фролову [14].

Пока прощайте!
Ваш богоносец
В. Б⟨откин⟩

[1] Иван Кондратьевич Бабст (1824—1881)—известный экономист, сотрудничал в библиографическом отделе «Совр.». Ср. письмо Некрасова к И. К. Бабсту от 10 декабря 1847 г., где, между прочим, содержится такой абзац: «Скажу Вам откровенно: я было подосадовал на Вас, что Вы советуете мне с статьями серьезного содержания обходиться поосторожнее, очевидно, приписав исключения и поправки в Ваших статьях моему произволу и малодушию, но потом я рассудил, что Вы с цензурой дела никогда не имели, и умилился духом» (Некрасов, V, 103).

[2] Речь идет о первой из двух статей выдающегося русского экономиста и социолога 40-х годов Владимира Алексеевича Милютина (1826—1855) — «Мальтус и его противники». — «Совр.», 1847, VIII, IX.

[3] Известная книга Прудона «Экономические противоречия или философия нищеты» вышла в 1846 г.

[4] Боткин правильно указал на допущенную ошибку. — См. «Совр.», 1847, VIII, 144.

[5] Во время своей поездки в Москву летом 1847 г. Некрасов сговорился с Е. Ф. Коршем, что тот напишет для «Совр.» статью «История Венеции» и статьи об английской литературе. — См. письмо Некрасова к В. Г. Белинскому от 24 июня 1847 г. (Некрасов, V, 84). Однако Корш своего обязательства, повидимому, не выполнил, ибо эти статьи в «Совр.» 1847—1848 гг. не появились.

[6] Боткин имеет в виду статью Т. Н. Грановского «Историческая литература во Франции и Германии». — «Совр.», 1847, IX и 1848, I.

[7] «Письмо из Кордовы» и «Письмо из Мадрида», вошедшие в состав «Писем об Испании» Боткина, были напечатаны в «Совр.», X; все поправки, о которых просит Боткин, были сделаны редакцией.

[8] Михаил Александрович Языков (1811—1885) — человек, близкий к кружку Белинского.

[9] О процессах д'Эквилье и Бовалона содержатся упоминания в заграничном обозрении Панаева («Совр.», 1847, X, 120), а также в шестом из «Парижских писем» Анненкова (там же, 82—83).

[10] «National» — французская газета, основанная в Париже в 1830 г. Тьером, Минье и Арманом Каррелем из оппозиции к правительству Карла X. При Луи-Филиппе «National», сперва относившаяся доброжелательно к правительству, перешла затем в оппозицию и была органом умеренной республиканской партии. После переворота 1851 г. Луи-Наполеон закрыл газету.

[11] Александр Васильевич Никитенко совмещал обязанности и редактора «Совр.» и цензора С.-Петербургского цензурного комитета (см. ниже его письма к Некрасову).

[12] Сообщение Павла Васильевича Анненкова о состоянии здоровья Белинского было слишком оптимистично. Пребывание Белинского в Зальцбрунне, как известно, не восстановило его здоровья.

[13] В состав боткинских «Писем об Испании» («Совр.», 1847, X), кроме писем из Мадрида и Кордовы, вошло также письмо из Севильи, на 15 печатных страницах.

[14] Николай Григорьевич Фролов (1812—1855) — переводчик «Космоса» Гумбольдта, друг и родственник Грановского.

ВЪ КОНТОРѢ АГЕНТСТВА и КОММИССІОНЕРСТВА ЯЗЫКОВА и Комп., въ С. Петербургѣ, у Аничкова Моста, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Лопатина, принимается подписка на:

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ НА 1847 ГОДЪ.

Современникъ, основанный А. С. Пушкинымъ, а въ послѣдствіи съ Высочайшаго соизволенія перешедшій въ распоряженіе П. А. Плетнева, съ 1847 года подвергается *совершенному преобразованію*. Редакція Современника, съ разрѣшенія Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, переходитъ къ Профессору С. Петербургскаго Университета А. В. Никитенко.

Изданіе же сего журнала, по взаимному согласію и условію съ прежнимъ издателемъ и редакторомъ, приняли на себя И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ.

Заготовивъ предварительно значительное количество матеріаловъ и получивъ согласіе на участіе въ Современникѣ многихъ извѣстныхъ Русскихъ ученыхъ и литераторовъ, редакторъ и издатели въ то же время нашли нужнымъ значительно увеличить объемъ журнала.

Современникъ съ 1847 года будетъ издаваться ежемѣсячно книжками отъ 20-ти до 25-ти печатныхъ листовъ въ большую осьмушку. Такимъ образомъ годовое изданіе Современника будетъ заключать въ себѣ отъ 250 до 300 печатныхъ листовъ. Книжки будутъ выходить аккуратно 1-го числа каждаго мѣсяца и печататься на хорошей бумагѣ въ одной изъ лучшихъ Петербургскихъ типографій.

Въ Современникѣ съ 1847 года будутъ участвовать слѣдующіе ученые и литераторы: В. Г. Бѣлинскій, М. А. Гамазовъ, Т. Н. Грановскій, Э. И. Губеръ, И. А. Гончаровъ, В. И. Даль-Луганскій, Ө. М. Достоевскій, Д. А. Засядко, Искандеръ, К. Д. Кавелинъ, А. С. Комаровъ, Е. Ө. Коршъ, А. И. Кронебергъ, Н. Х. Кетчеръ, Н. А. Мельгуновъ, А. Н. Майковъ, Г. П. Небольсинъ, Нестроевъ, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, Н. И. Надеждинъ, Н. П. Огаревъ, *Князь В. Ө. Одоевскій, И. И. Панаевъ, П. А. Плетневъ, Д. М. Перевощиковъ, П. Г. Рѣдкинъ, Графъ В. А. Соллогубъ, А. Н. Струговщиковъ, И. С. Тургеневъ, и друг.

Согласно утвержденной Правительствомъ программѣ, каждая книжка Современника будетъ раздѣляться на слѣдующіе отдѣлы: I. *Словесность*. Романы, повѣсти, разсказы, драмы — оригинальные и переводные. Стихотворенія. — II. *Науки и Художества*. Статьи по всѣмъ отраслямъ знанія и по поводу всѣхъ замѣчательныхъ явленій въ мірѣ искусствъ и наукъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею. Здѣсь особенное вниманіе обращено будетъ на исторію отечественную. — III. *Критика и Библіографія*. а) Русская Литература. Отчеты о всѣхъ выходящихъ въ Россіи и заслуживающихъ вниманія новыхъ книгахъ — краткіе или пространные, смотря по важности разбираемаго сочиненія. Статьи по поводу извѣстнѣйшихъ Русскихъ писателей, преимущественно не подвергавшихся еще основательному критическому разсмотрѣнію. Въ первой книжкѣ каждаго года Обзоръ Русской Литературы за истекшій годъ. Литературныя и другія извѣстія. b) Иностранная Литература. Отчеты о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ, появляющихся въ Нѣмецкой, Англійской, Французской и другихъ литературахъ. — IV. *Смѣсь*. Ученыя извѣстія. Засѣданія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею. Обозрѣніе дѣятельности Русскихъ и вообще Европейскихъ университетовъ и отрывки изъ замѣчательныхъ лекцій. Открытія въ области наукъ и промышленности. Біографіи извѣстныхъ Европейскихъ и отечественныхъ ученыхъ и литераторовъ. Путешествія. Разсказы. Юмористическія статьи въ стихахъ и прозѣ: пародіи, физіологическіе очерки, очерки современныхъ нравовъ, и т. п. (Статьи этого отдѣла будутъ иногда съ иллюстраціями, печатаемыми въ самомъ текстѣ.) Музыка. Отчеты о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ Русскаго и иностранныхъ театровъ. Мелкія, заслуживающія особеннаго вниманія извѣстія. — Словомъ все, что входитъ въ понятіе о современномъ состояніи наукъ, литературы, искусствъ и общественнаго быта. — V. *Моды*. Извѣстія о всѣхъ новыхъ Парижскихъ модахъ. Къ каждому нумеру будетъ прилагаться гравированная на мѣди и раскрашенная въ Парижѣ картинка модъ, изъ журнала: «Les modes parisiennes».

Между матеріалами, заготовленными *для* Современника, находятся слѣдующіе: Родственники, нравственная повѣсть И. И. Панаева; Сорока-воровка, повѣсть Искандера; Записки Доктора Крупова, его же; Обыкновенная исторія, романъ въ двухъ частяхъ, И. А. Гончарова; Изъ записокъ артиста, —на; Безъ разсвѣта, повѣсть Нестроева; Маскарадъ, разсказъ въ стихахъ, И. С. Тургенева; Много шуму изъ ничего, драма Шекспира, перев. А. И. Кронеберга; Рядъ критическихъ статей о Гоголѣ и Лермонтовѣ, В. Г. Бѣлинскаго; Взглядъ на юридическій бытъ Россіи, К. Д. Кавелина; О современномъ состояніи Русской Литературы, А. В. Никитенко. — При первомъ нумерѣ Современника, подписчики этого журнала получатъ *безденежно* вполнѣ оконченный романъ Г. Искандера: «Кто виноватъ?», начало котораго напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ.

Условія подписки: Цѣна за годовое изданіе Современника, состоящее изъ двѣнадцати книжекъ (отъ 20-ти до 25-ти печ. лист. въ каждой), съ 12-ю гравированными на мѣди и раскрашенными въ Парижѣ картинками модъ 15 р. сер. безъ пересылки; за пересылку и доставку на домъ прилагается особо 1 р. 50 к. сер.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторахъ редакціи Современника, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Университетской Типографіи, и на Никольской, подлѣ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5, при книжныхъ магазинахъ Базунова и Свѣшникова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: Въ контору редакціи Современника, въ С. Петербургѣ, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. Можно также адресоваться прямо на имя одного изъ издателей, адресуя такъ: Г. Некрасову, на Фонтанкѣ, близъ Аничкова Моста, въ домѣ Княгини Урусовой, въ С. Петербургѣ.

Издатели примутъ мѣры, чтобы книжки журнала доставлялись подписчикамъ въ совершенной исправности и полнотѣ, аккуратно и поспѣшно. Всякая справедливая жалоба на неисправную доставку, поступившая въ контору, будетъ немедленно удовлетворена. Но за экземпляры, на которые подписка принята у книгопродавцевъ (за исключеніемъ тѣхъ, у которыхъ находятся конторы журнала), издатели не отвѣчаютъ.

Редакторъ *А. Никитенко.*

Издатели: *И. Панаевъ* и *Н. Некрасовъ.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕХОДЕ РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННИКА» К НЕКРАСОВУ, ПАНАЕВУ И НИКИТЕНКО И РЕОРГАНИЗАЦИИ ИЗДАНИЯ

«Северная Пчела», № 253 от 8 ноября 1846 г.

В. П. БУРЕНИН

Знакомство Некрасова с Виктором Петровичем Бурениным (1841—1926) произошло, повидимому, в начале 60-х годов. В эту пору, на заре своей писательской карьеры, Буренин был прогрессивным литератором, сотрудником «Современника» (первое выступление в нем в 1863 г.) и «Искры». Ренегатство Буренина, приведшее его в 70-е годы из демократического лагеря в стан реакции и «нововременства», оборвало, естественно, всякие личные связи между ним и Некрасовым. Но в 1872 г., как это явствует из публикуемого ниже письма Буренина к Некрасову, отношения между ними были еще достаточно хорошими. В письме этом содержатся и дружеские советы, касающиеся подбора материалов к поэмам «Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо» и, что особенно любопытно, положительные отзывы о тех самых произведениях Некрасова, на которые Буренин так яростно обрушивался впоследствии (см. «Санкт-Петербургские Ведомости», 1873, № 27; 1874, № 26). Год написания этого письма был, повидимому, последним годом добрых отношений Буренина с Некрасовым. Вслед за этим он прекратил свое сотрудничество в «Отеч. Зап.», а затем на страницах некрасовского журнала появилась резкая полемика с Бурениным, в которой принял главное участие Н. К. Михайловский. Подробности этой полемики см.: В. Евгеньев-Максимов. Некрасов и его современники. Изд. «Федерация», М., 1930, 320—326.

Печатается по автографам ИЛИ (1-е письмо — Ф. 202, оп. 2, № 16, 2-е письмо — Ф. 134, оп. 11, № 10).

〈1〉

〈4 ноября 1869—1871 гг.〉[1]

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Если прилагаемое стихотворение покажется удобным для помещения в «От〈ечественных〉 З〈аписках〉», то Вы очень обяжете меня напечатанием его. В противном случае, потрудитесь передать рукописи Н. С. Курочкину. Пропуски для цензуры — если таковые окажутся нужными — потрудитесь сделать сами, где и как Вам заблагорассудится.

Искренне уважающий Вас
В. Буренин

Ноябрь 4

[1] Письмо не поддается точной датировке. Стихотворения Буренина как переводные, так и оригинальные, печатались в «О. З.» в 1869, 1870 и 1871 гг.

〈2〉

〈Конец марта — начало апреля 1872 г.〉[1]

Многоуважаемый
Николай Алексеевич.

Вот комедия. Вариант сцены одной также прилагаю и думаю, что с этим вариантом лучше напечатать[2]. Ежели Краевский решит печатание, то пусть он заставит Леонтьева, чтобы тот мне прислал предварительно корректуру. А то они в «Искре» печатают стихи, как сапожники: о размере даже не заботятся, и строки целые пропускают.

Сказка, о которой говорил я, напечатана в «Народных южнорусских сказках», изд. Рудченко. В январской книжке «Вестника Европы» за 1871 год она выписана вполне. Вариант этой сказки (впрочем, плохой, в глупом поповском духе) есть в «Народных русских легендах» Афанасьева. Называется этот вариант так: «Повесть о царе Аггее и как он пострада гордостию». В этом варианте одно только место любопытно: это то, что текст из Свящ〈енного〉 писания, который не понравился царю, был след〈ующий〉: «богатии обнищают, а нищии обогатеют». В южно-русской сказке этот текст не указан. А между тем он — подробность очень характерная[3].

Я вчера все думал о Вашей поэме новой. На меня большое впечатление произвела тема: это Вам необыкновенно счастливая мысль задалась. По моему мнению, над этим стоит поработать и поработать «горячо». Если бы

даже в общем поэма и не вышла, все-таки у Вас наверно выдадутся превосходные, чисто лирические, в Вашем духе места, какие есть и в «Княгине Т<рубецкой>» уже. Только уж Вам надо дать себе полную лирическую волю и не стеснять себя цензурными колодками; тогда у Вас выйдет вещь, может быть, такая, в которой Вы сосредоточите всю силу своей «надрывающей лирики». Извините, что я это говорю Вам, бог ведает зачем. Я вообще не люблю высказываться. Но так как уже поэма сделала на меня впечатление, то пусть на этот раз будет отступление от правила [4].

Кстати: декабрист, записка которого есть у Семевского, — Горбачевский [5]. Познакомились ли Вы также с последним выпуском «XIX века» Бартенева? Там любопытны записки Басаргина [6].

Уважающий Вас В. Буренин

На отдельном листке:

Министр *(в восторге)*.
О, вашу чудную идею
Я проведу в моей стране,
И об одном лишь сожалею:
Наш герцог добротой своею,
Пожалуй, помешает мне.

В. Буренин

[1] Датируется по содержанию письма (см. примеч. 2-е).

[2] Речь идет о сатирическом произведении Буренина (о Каткове и пропагандировавшейся им системе классического образования) под названием: «Исправленный реалист или Юноша Ликея. Реальная классическая комедия в 4-х действиях в стихах и прозе. Перевод с греко-латинского». Первая часть этой «комедии» была напечатана в № 14 «Искры» от 9 апреля 1872 г., под псевдонимом Буренина «Выборгский пустынник» и с примечанием от редакции: «Окончание будет». Однако следующий № 15 «Искры» с окончанием комедии Буренина был задержан, после отпечатания, цензурным комитетом и не вышел. Упоминание имени Краевского объясняется тем, что «Искра» в это время печаталась в его типографии. Приложенный Бурениным вариант вошел в печатный текст первой части «комедии».

[3] Сказка «О царе, наказанном за его гордость», которой Буренин заинтересовал Некрасова, имеет два варианта. Первый имеется в издании: И. Рудченко. Народные южнорусские сказки, вып. I. Киев, 1869; вып. 2 — Киев, 1870. В вып. 2, на стр. 159, № 36 приведена записанная в Городище Васильковского уезда Киевской губ. сказка «Гордый царь» (на украинском языке).

Обстоятельная рецензия на издание Рудченко появилась в «Вестнике Европы», 1871, I,441—454; там, между прочим,приведен и русский перевод сказки «Гордый царь»:

«Раз пошел царь в церковь. Слушает, — поп читает святое письмо. Какое-то там слово ему не понравилось, — мне и говорили, да я на старости забыл. После службы идет царь домой и велел попа привести. Приходит поп.—Как ты смел читать такое-то и такое место? — Как же не читать, говорит, когда написано? — Так что ж что написано? Этак.будет написано не знать-что, так ты и то будешь читать? Чтоб ты это место замазал, — и больше читать не смей».

Другой вариант см.: А. П. Афанасьев. Народные русские легенды. Изд. Н. Щепкина и К. Солдатенкова. М., 1859, 24. «Повесть о царе Аггее и како пострада гордостию». Повесть начинается так: «Бысть во граде Филуяне царь, именем Аггей, славен зело. И по времени приключишася стояти ему в церкви у божественныя литургии и чтущу иерею святое евангелие, егда иерей прочтя строки евангельские, внемлет писано: „богатии обнищают, а нищии обогатеют“. Слышав же то царь и возъярися, и рече царь: „писано ложно есть сие писание: евангельское слово, а неправда!..“ и повеле царь иерея посадити в темницу, а лист повеле из евангелия выдрать. И поиде царь в дом свой и нача пити и ясти и веселитися».

[4] О «Вашей поэме» — т. е. о «Княгине Волконской». Отзыв Буренина, которого Некрасов, как это явствует из письма, ознакомил с замыслом (темой) своей поэмы, а может быть и с набросками к ней, резко отличается от позднейших высказываний этого беспринципнейшего критика в «С.-Петербургских Ведомостях», 1873, № 27.

[5] Иван Иванович Горбачевский (1800—1869) — член Общества соединенных славян. Записки его впервые появились в печати в «Русском Архиве» (1882, II, 435—555) под заглавием «Записки неизвестного» (с цензурными пропусками), впоследствии вышли полностью под ред. Б. Е. Сыроечковского, «Задруга», М., 1916.

[6] Николай Васильевич Басаргин (1799—1861) — член Южного тайного общества. Его записки впервые были напечатаны в «Историческом сборнике» П. И. Бартенева «Девятнадцатый век», ч. I, М., 1872, 65—200.

Н. П. ВАГНЕР

Николай Петрович Вагнер (1829—1907) — ординарный профессор Казанского университета по кафедре зоологии, редактор «Ученых записок Казанского университета» (1862—1864). В 1870 г., отправляясь в заграничную командировку, Вагнер по пути остановился в Петербурге. По возвращении из-за границы в 1871 г. он перешел в Петербургский университет сверхштатным профессором зоологии и сравнительной анатомии. Беллетристические свои произведения Вагнер печатал под псевдонимом «Кота Мурлыки»; среди них огромным успехом в свое время пользовались «Сказки Кота Мурлыки». В 1876—1878 гг. Вагнер издавал журнал «Свет».

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 17).

〈25 мая 1870 г.〉

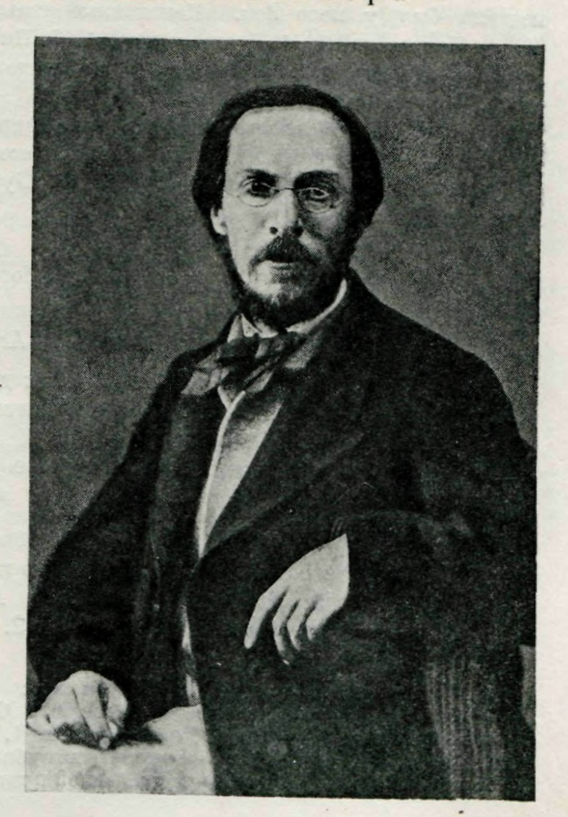
Милостивый государь
Николай Алексеевич.

К крайнему сожалению не имея возможности переговорить с Вами об одном деле, касающемся «Отечеств〈енных〉 Записок», обращаюсь к Вам письменно.

Один из моих товарищей, профессор Данилевский [1], специально занимающийся нервной физиологией, желал бы поместить в «Отеч〈ественных〉 Записках» несколько популярных очерков о своих работах. Я полагаю, что эти очерки будут весьма интересны для публики, желающей ближе познакомиться с более основными сторонами психо-физиологической деятельности человека. Если предложение профессора Данилевского может быть Вами принято, то я покорнейше прошу известить меня о том, чем премного обяжете

уважающего Вас
и готового к услугам
Николая Вагнера

25 мая 1870 г.

Н. П. ВАГНЕР
Фотография 1870-х гг.
Исторический музей, Москва

P. S. Я пробуду в Петербурге два дня. — Адрес мой: Знаменская, на углу Манежного переулка. Дом Алопиной. Квартира профессора Бестужева-Рюмина.

[1] Александр Яковлевич Данилевский (р. 1839 — ум.?) — физиолог, профессор Казанского университета по кафедре медицинской химии и физики. В 1871 г. Данилевский, вместе с шестью другими профессорами Казанского университета, вышел в отставку в виде протеста по известному делу профессора Лесгафта. К профессорской деятельности Данилевский вернулся лишь в 1886 г. в Харьковский университет, а затем в 1892 г. перешел в Военно-медицинскую академию, с 1906 по 1910 г. был ее начальником. Предложенные Данилевским, через Вагнера, статьи в «О. З.» не появились.

П. В. ВАСИЛЬЕВ

Павел Васильевич Васильев 2-й (1832—1879), выдающийся актер и режиссер, особенно прославившийся в репертуаре Островского. В 1860 г. Васильев приехал в Петербург из провинции, где он выступал в течение 13 лет, пользуясь огромным успехом.

В Петербурге Васильев стал достойным преемником знаменитого А. Е. Мартынова, только что умершего. В это время, вероятно, и произошло его знакомство с Некрасовым.

В 1865 г., не ужившись с администрацией Александринского театра, Васильев покидает столицу и уезжает в Вильно, где работает режиссером в местном театре. Через год он вновь возвращается в Александринский театр и играет здесь вплоть до 1874 г., когда окончательно порывает с казенной сценой.

По возвращении Васильева в Петербург возобновились и его отношения с Некрасовым. Так, в письме от 28 ноября 1870 г. Некрасов, сообщая А. Н. Островскому, что с нетерпением ожидает от него новую комедию («Лес») для 1-го номера «Отеч. Зап.», просит отдать ее для бенефиса П. В. Васильеву, который, по словам Некрасова, недавно был у него (см. «Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др. Из архива А. Н. Островского». По материалам Государственного театрального музея им. А. А. Бахрушина. «Academia», М.—Л., 1932, 297—298).

Комедия «Лес» была поставлена в Александринском театре в сезон 1871—1872 гг. П. В. Васильев играл в ней роль Восьмибратова.

Письмо печатается по автографу Госуд. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

〈Петербург, между 8 декабря 1864 г.
и 6 января 1865 г.〉[1]

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Был у Вас и, к сожалению, не застал дома. Если что будет касаться до моей личности, нащет наступающего литературного вечера, то весь нахожусь в Вашем распоряжении.

Имею честь свидетельствовать мое глубокое почтение и остаюсь к услугам Вашим

П. Васильев 2

P. S. Если что вздумаете выбрать, то пришлите.

Адрес мой: На Фонтанке близ Аничкина моста, на углу Итальянской, дом Воронина, квар. № 2.

[1] Обоснование датировки письма таково:

7 декабря 1864 г. на заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов сообщили, что актер Васильев изъявил готовность участвовать в публичном чтении в пользу Общества. Комитет постановил просить обоих писателей принять на себя устройство литературного

П. В. ВАСИЛЬЕВ
Фотография 1870-х гг.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

вечера, немедленно представив статьи, предположенные для чтения (см. Журнал заседаний Комитета Лит. фонда от 7 декабря 1864 г.; — Бумаги Лит. фонда, т. II, в ГПБ, в Ленинграде).

6 января 1865 г. в «С.-Петербургских Ведомостях» была напечатана небольшая заметка под заглавием «Литературный вечер», в которой сообщалось, что «любимый публикою актер П. В. Васильев, оставивший, к общему сожалению, петербургскую сцену, явится в последний раз перед публикою накануне своего отъезда, на литературном вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Он прочтет несколько сцен из комедий Островского и Потехина, которые исполняет с редким совершенством». В заключение анонимный автор выражал надежду, что «многочисленные почитатели Васильева, конечно, воспользуются случаем выразить на прощанье справедливое уважение к его замечательному таланту».

Литературное чтение состоялось 9 января. Объявления о нем появились в «С.-Петербургских Ведомостях» от 8 и 9 января, а отчет в той же газете от 23 января (в статье С. Т — ва «Из петербургской жизни»).

П. В. Васильев читал сцены из 2-го действия новой комедии А. А. Потехина «Мишура» и из 2-го действия драмы А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет».

Не ограничиваясь участием в благотворительном вечере, Васильев жертвует в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 100 р., и К. Д. Кавелин предлагает его в члены общества (см. Журнал заседаний Комитета Лит. фонда от 11 января 1865 г. — Бумаги Лит. фонда, т. II, в ГПБ, в Ленинграде). Избрание Васильева состоялось на годовом собрании Общества 2 февраля 1865 г. (см. отчет о собрании в «С.-Петербургских Ведомостях» от 10 февраля этого года).

Э. К. ВАТСОН

Писатель-публицист Эрнест Карлович Ватсон (1839—1891) начал сотрудничать в «Современнике» в 1862 г. В мае этого года он напечатал в журнале статью «Прусская конституция».

После ареста Чернышевского Ватсон заведывал политическим отделом «Современника» и помещал там ежемесячные политические обозрения вплоть до самого запрещения журнала. Кроме того, Ватсон поместил на страницах «Современника» ряд отдельных статей: «Лассаль», «Манчестерская школа в Англии», «Огюст Конт и позитивная философия», «Что такое великие люди в истории» и др.

В отпечатанной майской книжке «Современника» за 1866 г., которая не увидела света, вследствие запрещения журнала (экземпляр ее хранится в Библиотеке Института литературы Академии Наук СССР), были помещены две статьи Ватсона: «Австрия и Венгрия после 1849 г.» и очередное «Политическое обозрение».

8 марта 1870 г. Ватсон обратился к Некрасову с первым из публикуемых ниже писем. В весьма вызывающем тоне Ватсон потребовал опровержения дошедших до него слухов о том, что Некрасов числит за ним неуплаченный долг по «Современнику». Как можно судить из второго публикуемого письма Ватсона, от 10 марта 1870 г., Некрасов сразу же ответил ему, причем ультимативным условием каких-либо дальнейших разъяснений вопроса о долге — поставил отказ Ватсона от угроз и заранее брошенных обвинений во лжи и клевете. Ультиматум был принят Ватсоном, после чего Некрасов фактами и документами доказал ему свою правоту.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 18 и ф. 402).

⟨1⟩

ВАТСОН—НЕКРАСОВУ

⟨Петербург, 8 марта 1870 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

На-днях только я случайно узнал, что Вы называете мое имя в числе лиц, оставшихся должными редакции «Современника».

Вы бы меня премного обязали, если бы не отказались уведомить меня, действительно ли Вы считаете меня должным редакции «Современника» и на каком основании?

Мне, по крайней мере, дело представляется в следующем виде: в марте 1866 года я, действительно, получил, с Вашего согласия, 200 р. из конторы «Современника». Но затем, в майской книжке «Современника», которая была совершенно *отпечатана*, но не вышла в свет по совершенно особым условиям, были две мои статьи: ежемесячное политическое обозрение, и особая статья, политического содержания («Австрия и Венгрия после 1849 года»); по приблизительному расчету и та и другая статья заключали в себе около двух печатных листов, что́, при расчете по 50 руб. за лист, и составляет приблизительно ту сумму, которую я получил в марте. Не знаю, как Вы смотрите на это дело, и считаете ли Вы, что я не должен получить ни копейки за *напечатанные* мои статьи; я же, откровенно говоря, на вышеприведенном основании, считал наши счеты конченными.

Во всяком случае, с нетерпением буду ожидать с Вашей стороны разъяснения этого дела. Если же я не получу никакого ответа с Вашей стороны, то я буду считать себя вправе открыто объявлять всякому, кому придется, что распускаемые Вами относительно меня слухи — не что иное как *ложь и клевета*.

Адрес мой: Редакция Петербургских Ведомостей.

Готовый к услугам Вашим
Э. Ватсон

8 марта 1870 г.

<2>

ВАТСОН—НЕКРАСОВУ

<Петербург, 10 марта 1870 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Самое то обстоятельство, что <я> обратился к Вам с просьбой о письменном разъяснении касательно известного Вам дела, доказывает, что я рассчитывал получить от Вас удовлетворительное разъяснение, в противном случае я не стал бы утруждать ни Вас, ни себя перепиской об этом деле, и прямо бы стал называть Ваш поступок тем именем, на возможность которого я только указал в своем письме. Отказ Ваш разъяснить это дело я считал такой случайностью, в возможность которой я ни одной минуты не верил. Упомянул же я о последствиях Вашего молчания не в виде угрозы, как Вы это, повидимому, поняли, а для того чтобы заранее снять с себя нарекания, к которым могло бы повести поведение мое в случае осуществления этой, — повторяю, почти невозможной в моих глазах, — случайности. Затем, надеюсь, что Вы не найдете ни малейшего препятствия к доставлению мне тех обстоятельных разъяснений, которые Вы обязательно обещаете мне в Вашем письме.

Готовый к услугам Вашим
Э. Ватсон

10 марта <18>70 г.

<3>

НЕКРАСОВ—ВАТСОНУ

<Петербург, 12 марта 1870. г>

Милостивый государь,

Спустя недолгое время по закрытии Современника, я был приглашен участником в одно литературное дело и однажды, в разговоре с распорядителем этого дела, упомянул по какому-то случаю, что многие из сотрудни-

Э. К. ВАТСОН
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

ков Современника остались мне должны, и между прочим действительно назвал Ваше имя.

Это был единственный случай, где я коснулся Вашего имени в связи с вопросом о долге.

Книгопродавец Звонарев, у которого хранятся книги и расписки сотрудников покойного Современника, в сию минуту в Москве. Когда он возвратится (что будет скоро), я пришлю его к Вам с Вашим счетом и Вашими расписками и тогда Вы увидите, имел ли я право назвать Вас моим должником.

Готовый к услугам
Н. Некрасов

12 марта 1870 г.

⟨4⟩

НЕКРАСОВ—ВАТСОНУ

⟨Петербург, 22 марта 1870 г.⟩

Милостивый государь,

Кн⟨игопродавец⟩ Звонарев возвратился из Москвы, и я теперь могу удовлетворить Ваше желание относительно долга Вашего по «Современнику».

Звонарев предъявит Вам: 1-е) ведомость о долгах, оставшихся за сотрудниками «Совр⟨еменника⟩» в 1866, которая была тогда мне подана и из которой Вы увидите, что за Вами осталось 230 руб. 54 к.*, 2-е) 5-ю, невышедшую в свет книгу Современника, в которой — как Вы увидите — помещено Ваших статей $3^1/_2$ листа без $^1/_{16}$-й.

Таким образом, если эти невышедшие в свет статьи считать подлежащими оплате наравне со статьями, выходившими в свет, то-есть полною уговорною платой, то за них придется скинуть со счета 172 р.

Вычтя эту сумму из 230 р. 54 к., получим 58 р. 54 к. Затем вопрос — следует ли запрещенные статьи считать подлежащими оплате полной уговорной суммой — я в настоящее время предоставляю Вашему решению; с своей стороны, замечу только, что никто из литераторов, статьи которых помещены в № 5 Совр⟨еменника⟩, на такой расчет претензии не предъявляли.

Считая это дело в настоящее время с моей стороны конченным, имею честь быть готовый к услугам

Н. Некрасов

22 марта 1870 г.

* Доказательства верности этой цифры Звонарев тоже может Вам представить. Впрочем, 200 р. из этой суммы Вы сами признали уже Вашим письмом ко мне (первым).

⟨5⟩

НЕКРАСОВ—ВАТСОНУ

⟨Петербург⟩, 31 марта 1870 г.

Милостивый государь!

Так как вопрос об оценке известных статей я предоставил Вашему решению, то всякие дальнейшие переговоры об этом я считаю излишними, соглашаюсь с Вашим решением и считаю мой долг за Вами ⟨?Ваш долг мне⟩ в 58 р., безусловно Вами признаваемых.

Готовый к услугам
Н. Некрасов

Остаются неизвестными: письмо Некрасова, посланное Ватсону около 10 марта 1870 г., и последнее письмо Ватсона, закончившее конфликт.

П. И. ВЕЙНБЕРГ

Знакомство Петра Исаевича Вейнберга (1830—1908) с Некрасовым состоялось в 1858 г., когда Вейнберг переехал в Петербург из Тамбова, уже имея за собой некоторый литературный опыт и как переводчик и как оригинальный поэт. Его перевод драмы Жорж Санд «Клоди» (Claudie) был напечатан в «Отеч. Зап.», 1851, V; в 1854 г. он издал в Одессе небольшую книжку стихотворений с переводами из Горация, Шенье, Гюго, Байрона и несколькими оригинальными вещами, а с 1856 г. начал печататься в «Русском Вестнике» Каткова.

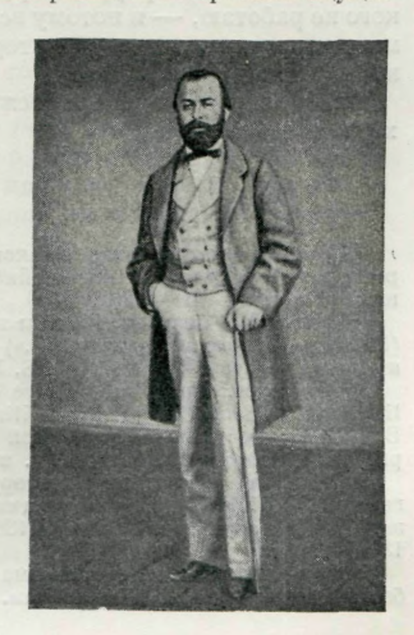
Впоследствии Вейнберг так рассказывал сотруднику «Новостей», М. Б. Городецкому, о своей первой встрече с Некрасовым: «Я прибыл в Петербург в 1858 г. и с письмом Дружинина отправился к Н. А., который принял меня крайне сердечно и дружелюбно. Это был в высшей степени приветливый, прямо-таки обаятельный человек; он мог обласкать и пригреть... Первой работой, которую я представил Н. А., был перевод Шекспировского „Генриха VII“ для издания, предпринятого Некрасовым совместно с Гербелем» (М. Г<о р о д е>ц к и й. Встречи с Некрасовым у П. И. Вейнберга — «Новости», 1902, 21 декабря, № 351).

Вскоре Вейнберг стал печататься в «Современнике», но особенно интенсивна была его работа в «Отеч. Зап.», где напечатано много его переводов, а также ряд статей-обозрений по иностранной литературе (см. по «Указателю к „Отеч. Зап.“ за 1868—1877 гг.» и в «Списке анонимных и псевдонимных статей в „Отеч. Зап.“ за 1868—1877 гг.», печатающемся в № 53—54 «Литературного Наследства»).

Все публикуемые письма относятся ко времени сотрудничества Вейнберга в «Отеч. Зап.». Большинство их писано из Варшавы, куда Вейнберг переехал в 1868 г., приняв назначение на должность профессора русской литературы Варшавской Главной школы, вскоре преобразованной в университет. Содержание писем преимущественно связано с помещением в журнале тех или иных работ Вейнберга или с просьбами о высылке денег, обычно удовлетворявшимися Некрасовым.

Вейнберг никогда не забывал, насколько он был обязан Некрасову в материальном отношении, и не упускал впоследствии случая в своих воспоминаниях подчеркнуть «прямо-таки идеальное», как он выражается, отношение Некрасова к сотрудникам (см., напр., «Слово», 1907, 28 декабря, № 340: «Последние дни Некрасова. Из моих воспоминаний»).

Вообще говоря, мало кто из современников так тепло отзывался о Некрасове в своих воспоминаниях, как Вейнберг. Влияние поэзии Некрасова Вейнберг живо ощущал

П. И. ВЕЙНБЕРГ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

на себе. В подтверждение сошлемся на такие стихотворения его, как «Две свадьбы» и «Два преступника» (П. Вейнберг. Стихотворения. СПб., 1902, 11—13 и 16—19). Когда Вейнберг задумал посвятить Некрасову особое стихотворение, из-под его пера вылились опять-таки чисто «некрасовские» строфы — стихотворение «Уныние» (там же, 108).

Письмо Некрасова к Вейнбергу см. выше.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 19).

<1>

<Петербург, конец мая или начало июня 1868 г.>

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Посылаю Вам, во-первых, переведенное подстрочно для Вас стихотворение «В последний раз» [1]; с нетерпением ожидаю, когда оно выйдет из Ваших рук отделанным; во-вторых, для «Отечественных Записок» три моих перевода из Борнса [2]; думаю, что выбором их Вы будете довольны. При этом считаю необходимым заявить Вам, что на этих днях я купил только что вышедшую и крайне интересную биографию Гейне и уже начал составлять из нее статью для «Отеч<ественных> Записок» [3]. Поэтому, если Вы находите, что эта работа для Вас не пригодна, или что ее сделает кто-нибудь из Ваших постоянных сотрудников по отделу иностранной литературы, то, пожалуйста, уведомьте меня теперь же, чтобы я не трудился даром. Перевод «Эвангелины» [4], совсем отделанный и снабженный предисловием, я сдал в контору.

За всем этим, как ни совестно и неприятно мне, но вынужден убедительнейше просить Вас еще о пятидесяти р. сер. Позволяю себе просить об этом потому, что посылаю еще работу, а вынужден просить вследствие того, что именно этой суммы не достает мне для отъезда за границу. Туда-то, в Франценсбад, мне будет выслано жалование из Варшавы, но добраться у меня не хватит денег, так как здесь пришлось платить много долгов. Пожалуйста, Николай Алексеевич, выручите меня, как не раз выручали; ведь у Вас теперь моих работ столько, что Вам за эти деньги бояться нечего, — а сумма все-таки не так велика, чтобы могла очень стеснить Вас. Больше мне в Петербурге обратиться не к кому, так как я больше ни для кого не работаю, — и потому вся надежда на Вас [5]. Подателю этой записки можете вручить ордер в контору, если таковой последует, а также ответ насчет биографии Гейне.

Еще раз убедительно прося Вас не отказать мне и желая Вам всего хорошего, остаюсь

всегда преданный Вам

П. Вейнберг

[1] О каком стихотворении и какого автора идет речь, установить не удалось. Интересен самый факт выполнения Вейнбергом каких-то подстрочных переводов иностранных поэтов для Некрасова.

[2] В журнале были напечатаны не три, а лишь два стихотворения Роберта Бернса (Борнса — в транскрипции «О. З.») в переводе Вейнберга: «Веселые нищие (кантата)» и «Лорд Грегори». — «О. З.», 1868, IX и XII.

[3] Речь идет, вероятно, о книге «Erinnerungen an Heinrich Heine und seine Familie. Von seinem Bruder Maximilian Heine. Berlin, Dümmler, 1868. Однако статьи Вейнберга, составленной по этой книге, или вообще какой-либо биографической работы о Гейне в «О. З.» 1868 г. нет.

[4] Вейнберг мог сдать в контору журнала лишь первую часть перевода «Эвангелины» Лонгфелло. Из следующих писем видно, что перевод поэмы не был завершен Вейнбергом даже осенью 1868 г. Напечатан же этот перевод был в «О. З.», 1869, V.

[5] Из публикуемого ниже письма от 29 сентября 1868 г. явствует, что просьба Вейнберга была выполнена Некрасовым.

<2>

Варшава, 29 сентября <1868 г.>

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Посылаю Вам при этом, чрез посредство моей жены, новый мой труд, о котором я писал Вам из-за границы [1]. Это — первые два действия драмы Лессинга «Натан Мудрый» [2]. Рекомендовать Вам эту пьесу считаю лишним: она пользуется такою всемирною известностью, что, конечно, составит украшение любого журнала, тем более, что на русский язык она не была до сих пор переведена ни разу. Посылаю только два первых действия, так как пьеса слишком велика, чтобы быть помещенною в одном номере; остальные у меня тоже почти готовы и будут вам высланы в скором времени. Но при этом считаю необходимым представить Вам следующее соображение: я слышал, что некто Крылов тоже перевел эту пьесу и что Стасюлевич купил у него этот перевод и намерен скоро начать печатать [3]. Ввиду этого обстоятельства, не найдете ли Вы возможным и нужным поместить мой перевод как можно скорее, например, даже в ноябрьской книжке? Задержки за мною не будет, и окончание не заставит себя ждать. Во-вторых, я покорнейше прошу печатать без всяких вымарок, потому что если исключить те места, в которых еврей Натан и мусульманка Ситта высказывают свой взгляд на религию и христианство, то философская сторона произведения исчезнет, а эта сторона и составляет наиценнейшее достоинство его. Бояться за эти места невозможно: во-первых, «Натан» уже давно попал в ряд чисто-классических произведений, и к Лессингу будут так же мало придираться, как к Шекспиру; во-вторых, места эти, по форме, крайне мягки, а те слова, которые в русской печати могли бы показаться слишком резки, мною смягчены и изменены; в-третьих, мысли, выраженные в них, высказываются евреем и мусульманкою. Впрочем, когда прочтете, то сами убедитесь, что я прав.

Письмо это передаст Вам моя жена; ей потрудитесь дать ответы на следующие вопросы:

1) Будет ли печататься «Натан» и когда — чтобы я знал, к какому времени выслать Вам окончание (т. е. последние три действия).

2) Когда Вы начнете печатание давно уже отданной мною Вам «Эвангелины» Лонгфелло; это мне тоже нужно знать, чтобы сообразить — торопиться ли окончанием этой поэмы.

Затем, так как при личном свидании с Вами, я говорил, что все мои денежные счеты с Вами будет вести моя жена, то будьте так добры:

Во-первых, скажите ей, сколько, по Вашему счету, отработал я Вам из тех трехсот р., которые я забрал у Вас (50 я был должен по старому счету, на который выдал вам расписку, 100 р. мне выдала ваша Контора по доставлении «Эвангелины» в конце мая или начале июня нынешнего года, 50 Вы мне дали пред моим отъездом за границу и, наконец, 100 выслали за границу через Звонарева [4]).

Во-вторых, в виду того, что довольно значительная часть этих денег уже отработана мною стихами, помещенными в 7, 8 и 9 книжках [5] (смею надеяться, что за «Веселых нищих» Вы заплатите не меньше 75 р., как я просил Вас в письме из-за границы), и что у Вас лежит еще много моих трудов, не считая посылаемого при сем «Натана» (Эвангелина, стихотворения Бориса, древненемецкие стихотворения [6]), — окажите мне большую услугу выдачею моей жене полутораста или хоть ста р. Я столько наготовил для Вас и отдал Вам, что не просить у Вас денег до тех пор, пока это все напечатается, т. е. до окончательного расчета, для меня невозможно. Поэтому я убедительно прошу (и надеюсь, что Вы исполните эту просьбу) не отказать моей жене в выдаче по мере печатания моих трудов, впредь до окончательного расчета. Я буду постоянно посылать Вам работы, и

Вам всегда будет легко сообразить, сколько Вы можете давать мне, не сводя окончательного счета. Если жена моя будет являться и без моего письма, то принимайте ее за меня и ведите все счеты прямо с нею. Мое дело будет только работать и работать. Так, напр‹имер›, в течение нынешнего года Вы получите еще окончание «Натана» и «Эвангелины». Кроме того, пришлю Вам прозаические статьи по истории немецкой литературы. Насчет этого обстоятельства, т. е. расчетов, желал бы узнать Ваше определительное мнение и решение.

Душевно сожалею, что не виделся с Вами в Петербурге; о многом хотелось поговорить. Надеюсь приехать в Петербург на рождественские каникулы, т. е. в конце декабря. А до тех пор до свидания; желаю Вам всего хорошего и обещаю усердно работать для Вас — лишь бы Вы меня поддерживали. Если захотите что-нибудь написать мне, отдавайте жене — она перешлет.

Преданный Вам

Вейнберг

‹Адрес жены› У Банковского моста, дом Козлова № 61, на углу Малой Мещанской и Екатерининского канала.

На обороте: Николаю Алексеевичу Некрасову
На углу Литейной и Бассейной, дом Краевского.
От Вейнберга

[1] Письма Вейнберга из-за границы в бумагах Некрасова не сохранились.

[2] Трагедия Лессинга «Натан Мудрый» в переводе Вейнберга в «О. З.» не появлялась.

[3] В «Вестнике Европы» (1868, X—XI) был напечатан «Натан Мудрый» Лессинга в переводе известного впоследствии драматурга В. А. Крылова. Очевидно, по этой причине Некрасов и отказался от предложения Вейнберга.

[4] Семен Васильевич Звонарев — бывш. заведующий конторой «Совр.», потом книгопродавец и издатель, доверенный человек Некрасова в его денежных делах.

[5] В названных книжках были напечатаны следующие переводы Вейнберга древнеанглийских и шотландских стихотворений: 1) «Эдвард», 2) «Вильгельм и Маргарита», 3) «Джон о'Беднин» (1868, VII), «К моей матери» из Гейне (1868, VIII) и упомянутые «Веселые нищие (кантата)» из Р. Бернса (1868, IX).

[6] Были напечатаны в «О. З.» (1868, XI) образцы народной германской поэзии: 1) «Улингер», 2) «Песня молодого рейтера», 3) «Смерть Франца Зикингена», 4) «Детоубийца», 5) «Нынче ночью мне приснился», 6) «Раз пошла я прогуляться». Кроме того, в той же XI кн. напечатана в переводе Вейнберга «Молитва вдовы» из Шамиссо.

‹3›

Варшава, 3 февраля ‹18›69 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Только что прочел я новый роман известной писательницы Андре Лео [1]— «Алина Али». Роман очень хороший, из которого можно сделать весьма обстоятельное извлечение. Но я боюсь приняться за эту работу, не зная, не делает ли ее уже у Вас кто-нибудь другой. Пожалуйста уведомьте меня немедленно; если никто еще не взялся, я тотчас же засяду, и в течение нескольких дней кончу. Извлечение это будет составлено в роде той статьи, которую я послал Вам на этих днях о новых рассказах Шатриана[2], и его можно будет присоединить к ней под общим названием «Новости французской беллетристики».

С нетерпением жду ответа.

Преданный Вам

Вейнберг

Мой адрес: В Варшаву, Европейская гостиница, № 96.

[1] Андре Лео — псевдоним французской писательницы Леони Шансе (Léonie Champseix, 1829—1900). Псевдоним образован из имен ее сыновей André и Léo. Была замужем за коммунаром Malon. Во время Коммуны сотрудничала в «Sociale», выходившей с 31 марта по 17 апреля 1871 г. Ее романы, проникнутые демократическими тенденциями, пользовались значительным успехом в 60—70-х годах. Им посвятил большую статью П. Н. Ткачев «Люди будущего и герои мещанства» («Дело», 1868, IV—V). О них писал и Д. И. Писарев в своей первой статье в обновленных «О. З.» (1868, I—II) под заглавием «Романы Андре Лео» (отзыв о пяти произведениях писательницы, вышедших в 1863—1865 гг.). В «О. З.» (1868, VII) был помещен перевод повести Андре Лео «Два женских характера». Очевидно, ввиду этого как данное, так и последовавшее вслед за ним (см. письмо от 27 февраля 1869 г.) предложение Вейнберга не заинтересовали редакцию. Никаких статей Вейнберга об Андре Лео в «О. З.» не появилось.

[2] Статья Вейнберга о новых рассказах Эркмана-Шатриана под заглавием «Новости французской литературы (Два новых рассказа Эркмана-Шатриана)» появилась в «О. З.», 1869, III (без подписи).

⟨4⟩

Варшава, 27 февраля ⟨18⟩69 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич! Я не прислал Вам статьи о романе Лео «Алина Али» потому, что в это время получил еще один новый роман той же писательницы — «Развод». Так как в обоих этих романах затронут супружеский вопрос, то я составляю о них отдельную статейку и на-днях пришлю ее Вам [1].

Крайне прискорбно мне, что Вы так скупо обращаетесь с лежащими у Вас моими работами. За эти два месяца Вы только и напечатали, что «Аспазию» [2]. Будьте так добры, если возможно, не откладывайте остального на более долгое время; для меня это вопрос существенной важности в мате-

Ф. М. Достоевскому
Некрасов
4 Дек. 1861.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

ШМУЦТИТУЛ ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА 1861 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПОЭТА Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

риальном отношении. Правда, Вы так любезны, что никогда не отказываете мне в выдачах денег в счет, но таким образом мой счет так возрастает, что мне долго не придется ничего получать, — а для меня это беда. Кстати об этом вопросе: я слышал, что Вы в марте или апреле едете на несколько месяцев за границу. Уведомьте же меня, пожалуйста, во-первых, кому должен я доставлять статьи, во-вторых, можете ли Вы исполнить следующую покорнейшую просьбу мою: сделать распоряжение, чтобы моей жене, в Ваше отсутствие, выдавалось ежемесячно, каждое 1-е число или по выходе каждой книжки, с т о р., впредь до расчета, по Вашему возвращению. Я же даю Вам честное слово доставлять работы безостановочно, причем прошу Вас иметь в виду, что в настоящее время я оканчиваю для Вас «Уриель Акосту»[3] и «Эвангелину». В случае отказа Вашего, мне придется только отработать то, что я Вам должен (а большая часть этого долга отработана уже тем материалом, который лежит у Вас еще ненапечатанным) — и затем работать это время для других журналов, ибо без получения денег целое лето мне невозможно будет обойтись. Впрочем, Вы, может быть, придумаете какую-нибудь другую комбинацию. В таком случае, сообщите ее мне и вообще, пожалуйста, уведомьте, как быть в Ваше отсутствие. Не поедете ли Вы через Варшаву? Вот было бы отлично. Если да, не забудьте остановиться в Европейской гостинице, где и я живу. Это лучшая гостиница здесь.

Ответ на это письмо перешлите, пожалуйста, моей жене.

Преданный Вам
П. Вейнберг

На обороте: Николаю Алексеевичу Некрасову

[1] Как упоминалось в примеч. к предыдущему письму, статья Вейнберга о романах Андре Лео в «О. З.» не появлялась.

[2] Под заглавием «Аспазия и Мессалина. Два очерка из древних нравов» был напечатан в «О. З.» (1869, I, 220—258) перевод, принадлежащий, как выясняется настоящим письмом, Вейнбергу, статьи известного немецкого писателя и историка литературы Иоганна Шерра (Johannes Scherr, 1817—1886).

[3] Трагедия Гуцкова «Уриель Акоста», в переводе Вейнберга, была напечатана в «О. З.» значительно позже — в 1872 г.

<5>

Варшава, 21 ноября <1869 г.>[1]

Посылаю Вам, добрейший Николай Алексеевич, стихи, которые, конечно, придутся Вам по сердцу. Предисловие мое прошу непременно напечатать; Вы сами увидите, что оно очень важно. Я его написал перед стихами; если хотите, поместите внизу, в виде выноски; только удобно ли это будет ввиду его объема? [2]

«Акосту» почти кончаю; надеюсь вручить его Вам лично в половине декабря.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам
П. Вейнберг

Пожалуйста, прикажите, чтоб корректуры стихов читались исправнее, а то в моем «Жижке» опять грубая опечатка: вместо «песни с т р а ш н ы е» напечатано «песни с т р а н н ы е». Бог знает что такое. В неразборчивости меня упрекнуть нельзя: стихи всегда посылаются написанные самым четким образом.

На обороте: Николаю Алексеевичу Некрасову
От П. Вейнберга

[1] Годовая дата письма устанавливается упоминанием о переводном стихотворении Вейнберга «Иван Жижка (из Ленау)», которое было напечатано в «О. З.», 1869, IX. Ленау (Nikolaus Lenau) — псевдоним немецкого поэта фон Штраленау (Nikolaus Niembsch von Strahlenau, 1802—1850).

[2] Речь идет о «Посмертных стихотворениях» Гейне — «О. З.», 1869, XII: «Странствующие крысы» и «Диким хаосом ходят в мозгу у меня». Предисловие помещено в виде выноски. Статья П. Вейнберга под тем же заглавием «Посмертные сочинения Г. Гейне» напечатана в «О. З.», 1870, I.

⟨6⟩

25 октября ⟨18⟩72 г.

Посылаю Вам, добрейший Николай Алексеевич, 4-е действие «Уриель Акоста». Пятое не замедлю послать, так что в последней книжке Вы можете все напечатать [1]. Сделайте милость, распорядитесь, чтоб корректуру прочитали повнимательнее; я не успел отдать переписать, — и потому боюсь, чтоб в печати не оказались пропуски и ошибки. При рукописи 3-го действия был приложен отдельный листок, следующий к 1-й странице, как бы он не затерялся.

Очень прошу Вас уведомить меня: не изменили ли Вы своего согласия, чтоб я посылал Вам ежемесячно обозрение иностранной беллетристики. Я хочу начать это с нового года, но мне нужен Ваш положительный ответ.[2]

Всегда преданный Вам
Петр Вейнберг

[1] «Уриель Акоста» печатался с перерывами, вызванными, повидимому, тем, что Вейнберг пересылал в редакцию свой перевод частями. 1-е и 2-е действия напечатаны в «О. З.», 1872, II; 3-е действие — в «О. З.», 1872, XI; 4-е и 5-е — в «О. З.», 1872, XII.

[2] План этот не был осуществлен.

⟨7⟩

Варшава, 2 декабря ⟨1872 г.⟩

Добрейший Николай Алексеевич! Вы сами говорили о невозможности печатать «Акосту» отдельными действиями, а между тем в ноябрьской книжке поместили одно третье — уж полно, получили ли Вы 4-е и 5-е? Впрочем, я послал их страховыми.

Если Вы не дали еще моей жене ста р., о которых я просил, то, пожалуйста, исполните это теперь (адрес ее: у Измайловского моста, на углу Измайловского проспекта, д. Успенского). Она в большой нужде, и Вы меня крайне обяжете, если не замедлите послать. Я говорю о новых ста р., потому что о посланных Вами ей давно, месяца полтора тому назад, я знаю. — Будет ли напечатано мое стихотворение из Штрахвица «Взор твой полон огня»? [1] Материала для обозрения иностранной литературы у меня много, но так как Вы до сих пор не дали мне определенного ответа, то я и не принимаюсь за эту работу. Начало биографии Гейне вышлю скоро. А в начале января буду в Петербурге и тогда сведем наши счеты.

До свидания. Еще раз очень прошу об исполнении моей просьбы.

Предан⟨ный⟩ Вам
П. Вейнберг

[1] Это стихотворение Некрасов не напечатал. В «О. З.» появилось только одно стихотворение Штрахвица (тоже в переводе Вейнберга): «Когда в лазурь небес я взоры устремляю» (1872, X). Граф Мориц фон Штрахвиц (Strachwitz)—немецкий поэт (1822—1847).

⟨8⟩

Варшава, 17 октября ⟨18⟩73 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич! Случилось такое обстоятельство, так меня прижали в Варшаве, что я должен не то что просить, а просто умолять ради всего святого помочь мне присылкою трехсот р.

Час тому назад, судебный пристав взял у меня за один долг чемодан со всем бельем и платьем; грозил сделать еще хуже. Само собою разумеется, что тут о возможности работать нет и помину. Уехать я отсюда тоже не могу, потому что обязан подпиской о невыезде. А мне нужно ехать в Одессу, где от брата и матери я получу деньги для расплаты со всеми долгами. Спасите меня — Вы помогали многим, помогите и мне. Вы знаете, что за мной деньги не пропадут. Для Вас эта сумма — вздор; для меня в настоящую минуту она — все. Но я прошу у Вас этих денег не иначе, как с тем, чтобы вычитать их с меня за работы редакция начала не раньше как с марта месяца будущего года; в противном случае, я бы лишил возможности мое семейство существовать. У меня для Вас готовыми, кроме мелких работ, две больш ие: «Сионский царь», о котором я Вам писал, и «Натан Мудрый» [1]; должен же я редакции весьма немного, всего полтораста р. — без всяких фраз говорю, что вся моя надежда на Вас, и что я никогда не забуду этого благодеяния. Пишу Вам в самом отчаянном настроении духа; всего высказать на письме нельзя, но не дай бог и самому злому врагу моему испытывать то, что во мне теперь. Спасите меня, а я Вам пригожусь; возьмите и меня в число тех, которым Вы много и часто помогали [2].

Деньги можете адресовать на имя Берга [3] с передачею мне. Ради бога, не медлите, — иначе я, право, не знаю, что с собой сделаю... Очень уж терзает жизнь...

Предан‹ный› Вам
Вейнберг

Если уж никак нельзя дать эти деньги так, чтобы начать вычеты не раньше марта, то пусть начинают теперь, но не всей суммы разом, а по частям. Работу я скоро пришлю.

Бога ради, спасите.

[1] См. примеч. 2-е к письму от 29 сентября 1868 г.

[2] Как явствует из следующего письма, просимые Вейнбергом триста рублей были высланы ему Некрасовым.

[3] Николай Васильевич Берг; см. о нем выше во вступительной заметке и в примечаниях к его письмам к Некрасову, стр. 112 и сл. настоящего тома.

‹9›

‹Ноябрь 1873 г.› [1]

Многоуважаемый и добрейший Николай Алексеевич. За треволнениями и занятиями я не успел до сих пор сказать Вам теплейшую мою благодарность за присланные Вами триста р. Исполняю это теперь вместе с посылкой семи посмертных стихотворений Гейне; два у Вас уже есть, — присоедините их к сегодня посылаемым. Мне бы очень желательно, чтобы Вы не разбивали, а напечатали все эти девять пьес разом [2], как было Вами сделано в 1871 г. [3], когда я тоже дал Вам несколько посмертных стих‹отворений› вместе. Затем, я очень бы просил Вас, если возможно, напечатать их в декабрьской книжке, потому что я скоро хочу приступить к печатанию, отдельным изданием, всех посмертных сочинений Гейне. — Наконец, вот еще покорнейшая просьба; посылая мне 300 р., Вы сказали, что я должен решиться, чтобы половину с меня вычитали; как это ни тяжело покамест, но делать нечего; ценность посылаемых нынче стихов— 50 р.; Вы очень обяжете меня, если половину, т. е. 25 р., теперь же пошлете моей жене (адрес ее в Конторе знают, так как ей посылаются «Отеч‹ественные› Записки»). Прошу Вас об этом потому, что мои литературн‹ые› работы составляют в настоящее время для моего семейства

единственное средство существования. В настоящее время принялся я переводить для Вас драматическую мистерию Байрона: «Небо и Земля» [4], которая до сих пор никем не была переведена, — и надеюсь окончить ее к половине декабря.

Завтра еду в Одессу, а оттуда, в половине декабря, в Петербург.

До свидания. Еще раз очень, очень благодарю Вас и прошу не забыть о моей жене.

Искренне преданный

Петр Вейнберг

P. S. Моя жена ничего не знает о тех варшавских неприятностях, вследствие которых я просил Вас о присылке денег. Если бы случилось, что она сама заехала к Вам, то не говорите ей ничего.

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом.

[2] В «О. З.» (1874, II, 508—510) напечатано было только семь, а не девять посмертных стихотворений Гейне в переводе Вейнберга.

[3] Несколько посмертных стихотворений Гейне ранее было напечатано в «О. З.», 1869, XII, 611 и 616 и 1870, XI, 45—54 (а не в 1871 г.).

[4] Мистерия Байрона «Небо и Земля», в переводе Вейнберга, была напечатана в отрывках в «О. З.», 1875, III.

⟨10⟩

Дрезден, 22 мая ⟨18⟩76 г.

Посылаю Вам, добрейший Николай Алексеевич, стихотворение [1]; сегодня же пишу Елисееву об одной новой книге [2], извлечение из которой, кажется, пригодится для «Отечественных Записок». Через несколько дней надеюсь прислать Вам отрывок из 2-й части Гетевского «Фауста», о котором мы с Вами говорили [3]. Если встретится интересная новинка, конечно, не упущу.

Убедительно попрошу Вас, согласно обещанию, выслать мне теперь же половину того, что следует за прилагаемое стихотворение (в нем 90 строк). Как ни мала эта сумма, но при том студенческом положении, на котором я живу здесь, и она придется весьма кстати.

Будьте здоровы.

Искренне преданный Вам

Петр Вейнберг

Мой адрес: Dresden, M. Pierre Weinberg. Poste restante.

[1] Имеется в виду перевод стихотворения французской поэтессы Луизы Аккерман (Louise-Victoire Ackermann, 1813—1890) «Несчастные». — «О. З.», 1876, IX, 160—162.

[2] О какой «новой книге» идет речь—неизвестно.

[3] Переводов из «Фауста» в «О. З.» нет.

С. ВЕЛИЧКОВСКАЯ

Данными о С. Величковской (р. 1848—ум.?) мы не располагаем. Упоминаемый в письме ответ Некрасова, содержавший, очевидно, оценку какой-то посылавшейся ему Величковской рукописи, неизвестен.

Письмо печатается по автографу ИЛИ.

30 марта 1873 г.

Милостивый Государь! Я уже сказала, что совершенно полагаюсь на Вас, а потому прошу Вас, сожгите мою рукопись или отдайте своей горничной (если есть) на папильетки — мне все равно. Просить Вас прислать мне ее обратно я не буду, потому что не уверена в своих силах как на то, чтобы обработать ее, так и на то, чтобы окончить. Вы тоже очень справедливо отказываетесь решить этот вопрос, и я даже не могу хотя отчасти помочь Вам исполнить мою просьбу, познакомивши Вас с своею личностью. Я даже не знаю, как за это приняться. Догадываюсь, что для писателя нужен во 1) талант, во 2) ум; но насчет первого я дала уже печальное понятие, а насчет второго в большом затруднении: ведь голословного утверждения мало, я полагаю, если бы я была настолько развязна. Похвастаю, впрочем, что его у меня станет еще настолько, чтобы понять следующее: 25-ть лет (мне именно столько) — года почтенные и от них можно много кое-чего требовать, — а потому, милые дети, оставайтесь при печальном интересе! Это я к себе говорю. Или Вы, может быть, полюбопытствовали бы узнать, откуда у меня несчастная мысль писать? Вполне объяснить не умею, а отчасти объясняю случайностью: в детстве я имела привычку шептать иногда что-то про себя с увлечением, не смотря ни на кого и ни на что. Раз обратили внимание и кто-то сказал, смеясь, что я буду сочинительница, а я запомнила. Потом 9-ти или 10-ти летней девочкой я с сестрой, теперь умершей, написали драму, где действующими лицами явились наши дворовые собаки, которых мы не на шутку вообразили себе людьми. Помню, что все вертелось на том, что муж несправедливо ревновал жену, которая, наконец, отравилась от отчаяния. Многие сцены брались из действительности, потому что отец был ревнив до невероятности. Эту драму подхватил взрослый брат, и она хотя со смехом, но таинственно читалась многим и мы получили название сочинительниц. Если бы дошло к старшим и им вздумалось бы принять ее за кровавую иронию, досталось бы нам настолько, что вероятно навсегда отбило бы охоту иметь поползновение на литературное поприще. Наконец, я что-то изрекла еще письменно в пансионе, и здесь получила то же название. С летами я забыла об этом. Случались семейные происшествия, которые заставляли вовсе не думать о себе. Потом я на время выезжала в город, но решила, что в деревне хоть свободнее, если только ни с кем не знаешься. Целый год я жила в большом уединении и здесь-то мне и пришла эта глупость. Но опять случилось происшествие — и вот только в прошлом году я сглупила-таки. — Теперь мне остается только быть откровенной насчет причины, заставившей меня так поспешно обратиться к Вам с просьбой. Видите ли, хотя я сначала взялась за это шутя и даже посмеиваясь про себя, что это будет моя лебединая песнь, но я как-то немножко привязалась к своим тетрадям, а в это время пришел староста с вопросом, соглашусь ли я быть ихней сельской учительницей, потому что вышел будто приказ по волости учить им своих детей. Если из моих слов можно вывесть, что я притворяюсь хорошенькой — не делайте этого! Я лучше подавлюсь своим собственным языком или руками. Им приказали, а они вспомнили, что я когда-то изъявляла желание, а может быть хотя и предлагали мне назначить себе жалованье, но предвидели, что откажусь. Одним словом я хочу сказать, что это заставило меня колебаться, а потом зашить свои тетради и обеспокоить Вас. Никакой редакции я не поверила бы, потому глупости

иногда печатают. Сознаюсь, что я могла бы немного больше трусить насмешки, чем я трусила, но этого не случилось потому, что я придерживаюсь правила такого рода, что решительно все равно сделать ли одной глупостью больше или меньше в своей жизни. Одинаково черви съедят. Теперь

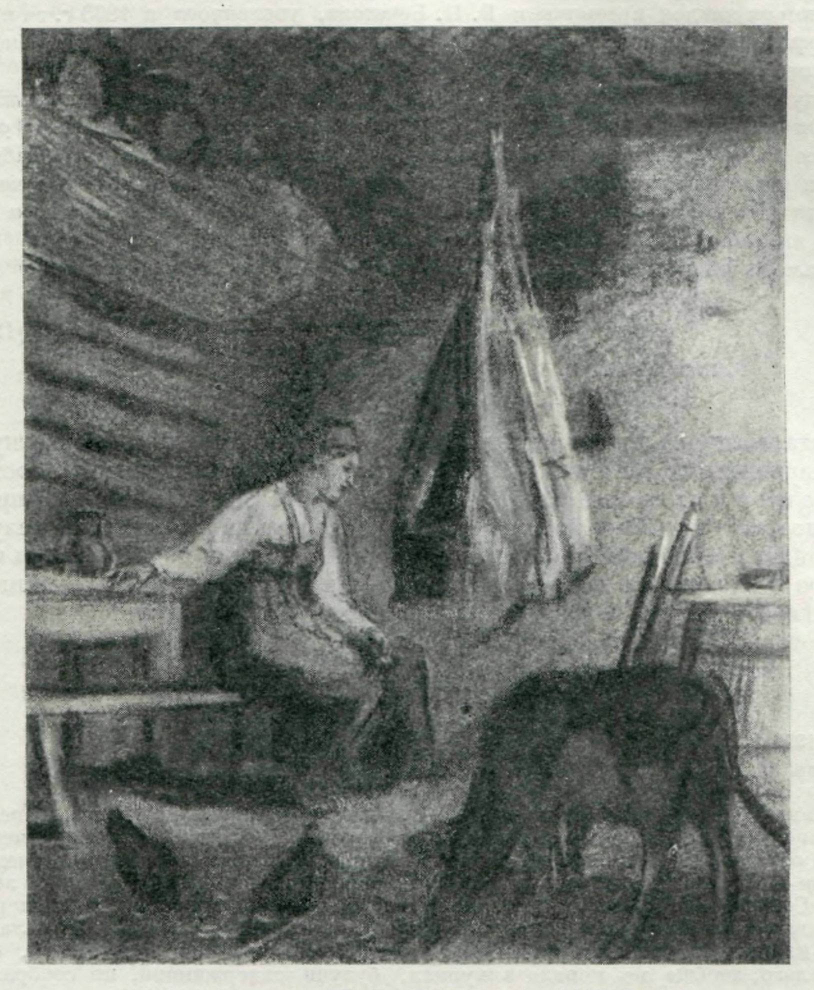

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «КАЛИСТРАТ»

Пастель Д. А. Шмаринова, 1939 г.

Собрание художника, Москва

уже мне немного больше стыдно. Хочется перед Вами хоть немножко оправдаться, а то как вспомнишь, то даже поморщишься. — Во всяком случае, я Вам очень, очень благодарна, что Вы отвечали на мое письмо. Теперь я знаю, как поступить.

Уважающая Вас

С. Величковская

Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО

Член Совета Главн. управл. по делам печати с 1861 г., Феодосий Федорович Веселаго (1817—1895) был «наблюдающим» за «Современником» в последние три года существования журнала (1863—1866). В этом высшем цензурном контроле над журналом он явился преемником В. Н. Бекетова, уволенного в 1863 г. за пропуск в «Современнике» романа Чернышевского «Что делать?» (см. выше письма Бекетова к Некрасову).

Следуя своей обычной тактике, Некрасов установил с Веселаго неофициальный контакт. Он посылал ему на предварительный просмотр те предназначенные к опубликованию материалы, которые, по мнению редакции, могли дать повод к судебной репрессии после их напечатания (предварительная цензура была отменена законом от 6 апреля 1865 г.). Ответом-консультацией Веселаго на один из таких запросов Некрасова и является публикуемое ниже письмо.

Письмо печатается по автографу собрания К. И. Чуковского (Москва).

〈24 февраля 1866 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Места, которые показались мне более сомнительными, я зачеркнул синим карандашом. Конечно, вместо мужиков, безопаснее бы поставить просители; но мне кажется, и в этом виде статья не может представить достаточно повода к судебному преследованию. Читатель разумный тут найдет только картину современного общества, и надобно иметь весьма пылкое и зловредное воображение, чтобы в типических действующих лицах увидеть намеки на живые личности [1].

С совершенным почтением и преданностью,
имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Ф. Веселаго

1866 г.
Февраля 24

[1] О какой статье идет речь в письме Веселаго, установить не удалось. Письмо датировано 24.II 1866 г. Это — день выхода в свет февральской книжки «Современника». Таким образом, замечания Веселаго могут относиться лишь к материалам следующих книжек — мартовской или апрельской или же не вышедшей в свет, в связи с запрещением «Современника», но отпечатанной, майской. Однако просмотр двух первых из указанных книжек «Совр.» не дал возможности приурочить замечания Веселаго ни к одной из напечатанных там статей. Возможно, что неизвестная нам статья, бывшая у Веселаго, вообще не попала в журнал, будучи задержанной, по соображениям предосторожности, самим Некрасовым.

В. П. ГАЕВСКИЙ

Виктор Павлович Гаевский (1826—1888) был старинным знакомым, другом и сотрудником Некрасова, а также Салтыкова-Щедрина, с которым учился в лицее.

Начало литературной работы Гаевского в «Совр.» относится еще к 1849 г., а в середине 1850-х годов Некрасов уже имел в его лице не только ценного сотрудника в области истории литературы (в первую очередь пушкинского периода), но и близкого помощника в редакторской работе (см. письма Некрасова к Гаевскому этого периода.— Некрасов, V).

Публикуемое письмо заставляет предполагать, что и к редакции «Отеч. Зап.», возглавляемой друзьями Гаевского, он стоял ближе, чем это до сих пор представлялось.

С Некрасовым и Щедриным в 70-е годы Гаевский был связан также своей активной деятельностью в Литературном фонде, членом-учредителем которого он являлся.

В. П. ГАЕВСКИЙ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Из писем Гаевского к Некрасову, — а их было, вероятно, не мало, — в печати до сих пор известны лишь два, опубликованные в «Архиве села Карабихи», 93—94.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 20).

〈24 ноября 1870 г.〉

Любезнейший
Николай Алексеевич!

Вчера я объяснился с Стасюлевичем, который сказал мне, что рассказ Генслера «Кошмар» не может быть у него напечатан, и обещал рукопись прислать Вам, согласно желанию Генслера.

Два письма Генслера и письмо Погосского возвращаю [1].

Глушницкому выдано 25 р. [2]

На-днях я получил для препровождения к Вам, что и исполняю, рукопись Кукольника, при письме его племянника Пузыревского [3].

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1873

ЭКЗЕМПЛЯР ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА 1873 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПОЭТА ЖЕНЕ: «МИЛОЙ ДОРОГОЙ ЗИНЕ Н. НЕКРАСОВ. 23 МАРТА 1874»
Центральный литературный архив, Москва

Едва ли это дело для Вас подходящее.
«Сумлеваюсь штоп»..., как писал военный министр.

Весь Ваш
В. Гаевский

24 ноября 1870 г.

[1] Два письма И. С. Генслера к Краевскому публикуются ниже (см. стр. 194—195). Письмо А. Ф. Погосского 1870-го г. неизвестно. Рассказ «Кошмар» в «О. З.» напечатан не был.

[2] Н. Глушницкий — сотрудник «О. З.».

[3] Илья Алексеевич Пузыревский — племянник Нестора Кукольника и в 40-е годы его сослуживец (а также М.Е. Салтыкова) по канцелярии Военного министерства, впоследствии редактор-издатель «Славянской корреспонденции» (1889) и «Западнославянского Вестника» (1890). После смерти Кукольника его дневник (хранящийся ныне в ИЛИ АН) оказался в распоряжении Пузыревского, который публиковал из него отдельные отрывки (см. «Русскую Старину», 1870, II, 635; «Баян», 1889, IX—XV).

Известно, что не все отрывки, предлагавшиеся Пузыревским для публикации, попадали в печать. Так, например, редактором «Исторического Вестника» С. Н. Шубинским в 1889 г. была отвергнута статья Пузыревского с приложением отрывка из дневника Н. Кукольника «За что и как был сослан Салтыков в Вятку», и статья эта была напечатана лишь в наши дни («Лит. Наследство», т. 13—14, стр. 481—492).

Скорее всего и в данном случае Пузыревский предлагал «О. З.» какой-либо отрывок из дневника Кукольника, касавшийся, видимо, обрисовки личности военного министра Николая I—кн. А. И. Чернышева, которого автор дневника близко знал по службе.

П. А. ГАЙДЕБУРОВ

Павел Александрович Гайдебуров (1841—1893) — либерально-народнический публицист и журналист. Еще будучи студентом, он напечатал в «Современнике» (1861, V) стихотворный перевод поэмы Шевченко «Гайдамаки». В последний год существования «Современника» был приглашен вести «Внутреннее обозрение». С 1869 г. стал одним из издателей «Недели», которую в 1875 г. приобрел в собственность. Вел здесь отдел «Литературно-житейские заметки». На смерть Некрасова он откликнулся в этом отделе «Недели» (1878, № 1. 36—40) статьей, имевшей характер мемуаров. Принимал деятельное участие в Литературном фонде, в качестве секретаря, казначея и члена комитета.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 21).

〈25 февраля 1875 г.〉

Многоуважаемый
Николай Алексеевич.

Сегодня я совсем было собрался к Вам, но как раз в это время меня задержали, и теперь мне приходится писать. Дело вот в чем: если Вы располагаете завтра свободным временем от 2 до 4 часов, не хотите ли воспользоваться случаем посмотреть и послушать малороссийского слепца-бандуриста Вересая — этого обломка украинской старины, привезенного сюда только на-днях [1]. Завтра панихида по Шевченко [2] и затем, в 2 часа, в Клубе художников, блины с малороссийскими хорами и Вересаем. Если Вам можно быть — а это бы следовало — то с прилагаемым билетиком Вы отправитесь в Клуб, где заплатите за вход 30 к. и потом за блины около 2 рублей.

Преданный Вам П. Гайдебуров

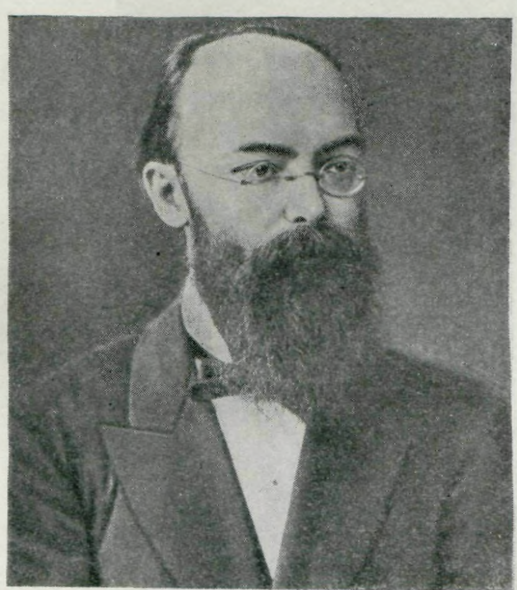
Ваша «Элегия» [3] в печати вышла еще лучше, чем в чтении. Это прелестная вещь!

Пятница

[1] Вересай (Остап Микитин) — один из последних кобзарей Украины (1803—1890).

[2] Т. Г. Шевченко умер 26 февраля 1861 г. Речь идет об одной из тех панихид, которые почитателями Шевченко организовывались из года в год в день его кончины.

[3] «Элегия» Некрасова была напечатана в «О. З.», 1875, II. Упоминанием данного стихотворения, в связи с указанием на панихиду по Шевченко, определяется датировка настоящего письма.

П. А. ГАЙДЕБУРОВ
Фотография 1880-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

А. Д. ГАЛАХОВ

Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892) — педагог, историк литературы, критик и (под псевдонимом «Сто-один») беллетрист. В особенности были известны его, ставшие нарицательными, хрестоматии и учебники по истории литературы. Галахов печатался в «Современнике» с 1840-х годов. Познакомил его с Некрасовым Белинский.

Письмо печатается по автографу ИЛИ $\left(\frac{21.\ 161}{\text{CXLV}б18}\right)$.

⟨Москва, 6 октября 1855 г.⟩

Почтеннейший Николай Алексеевич.

Я получил письмо Ваше чрез И. В. Базунова [1], с просьбой о высылке 100 экз. Полной и 25 Детской хрестоматии. Полной, при всем моем желании, послать не могу, потому что ее нет у меня: жду из Комитета Учебных руководств дозволения печатать новое (седьмое) издание и по отпечатании с большим удовольствием доставлю. Детской же посылаю 50 (вместо 25). Хотя цена ей в публику назначена 80 коп. сер., но я уступаю Вашему брату больше 20 процентов, т. е. полагаю за экз. 60 коп. сер. Следов⟨ательно⟩, отправлено Вам на 30 руб. сер. [2]

Книги отданы Базунову, который отошлет их к Вам.

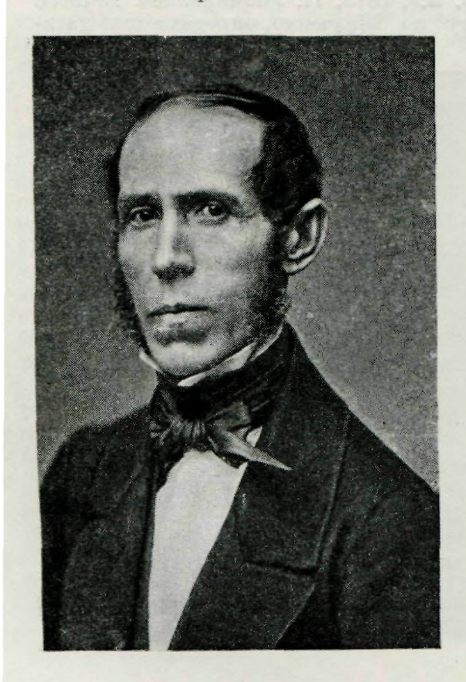
Кстати здесь примолвлю, что Вы начинаете быть ко мне недобры, т. е. не хотите дать мне времени уплатить Вам долг статьями (NB. Это, впрочем, говорю я вовсе не по поводу требований моих книг, которые я готов посылать). Конечно, я виноват перед Вами, но вина этой вины — обстоятельства. Будьте уверены, что с окончанием их я лениться не буду. Да и при теперешних обстоятельствах, хотел начать Вам статью о Слав⟨яно⟩-Греко-Латин⟨ской⟩ Академии, но Вы остановили. — Еще мне хотелось бы, в Библиогр⟨афическую⟩ хронику, послать Вам отчетец о книге: История монашеств в России [3].

Нужно ли это будет? Если да, то напишите одно слово к Базунову, и я немедленно вышлю.

Истинно преданный Вам

А. Галахов

1855, октября 6, Москва.

А. Д. ГАЛАХОВ
Фотография 1863 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОГО ВЫПУСКА «КРАСНЫХ КНИЖЕК», ИЗДАВАВШИХСЯ НЕКРАСОВЫМ ДЛЯ НАРОДА

На этом выпуске издание было приостановлено цензурой

КРАСНЫЯ КНИЖКИ.

КНИЖКА ВТОРАЯ:

1. Бобыль Наумъ-Сорокодумъ . . . . . . А. Ѳомича.
2. Забытая деревня . . . . Н. Некрасова.
3. Огородникъ . . . . Его же.
4. Городская кляча . . . . Его же.
5. Школьникъ . . . . Его же.

ИЗДАЛЪ НЕКРАСОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

[1] Письмо Некрасова к А. Д. Галахову неизвестно. Иван Васильевич Базунов — московский комиссионер Некрасова (см. выше его письмо к Некрасову от 21 января 1856 г.).

[2] Речь идет об изданиях: «Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии», чч. I—II, изд. 1-е, М., 1843 и «Русская хрестоматия для детей», изд. 4-е, М., 1855.

[3] Рецензия на «Историю православного русского монашества», соч. Петром Казанским, СПб., 1855, напечатана в «Совр.», 1855, LI, без подписи. Рецензия принадлежит Н. Г. Чернышевскому.

Статья о Славяно-греко-латинской академии в ближайших №№ «Современника» не появлялась.

М. ГАРНОВСКИЙ

М. Гарновский в литературе неизвестен. Стихотворения его в «Современнике» напечатаны не были.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (2144/XC).

〈19 августа 1859 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Не окажутся ли пригодными для напечатания в Вашем журнале некоторые из стихотворений — приложенных к этому письму — в другом случае я бы желал чрез несколько дней получить их обратно в Вашей конторе.

Готовый к услугам
М. Гарновский

1859 г. 19 авг〈уста〉

На письме карандашная надпись рукою Н. Г. Чернышевского: Нет ничего нужного.

И. С. ГЕНСЛЕР

Иван Симонович Генслер (1820—1870) — ветеринарный врач по профессии, автор юмористических рассказов из быта мелкого петербургского чиновничества, печатавшихся в 1860-х годах, главным образом, в «Библиотеке для Чтения», неудачный переводчик Гейне и автор двух работ по своей специальности. В 1869 г. рассказы Генслера вышли отдельной книгой под названием «Юмористические рассказы. Гаваньские чиновники. Кулерберг». Книга имела известный успех и в 1872 г. была переиздана. В «Отеч. Зап.», а также в «Вестнике Европы» никаких произведений Генслера напечатано не было. Упоминаемые им в письмах к Краевскому его произведения «Чугунка» и «Кошмар», насколько известно, в печати не появлялись. Некрасов, которому Краевский передал письма Генслера, признал, что его «Чугунка» «к печати не годится» (Некрасов, V, 477—478).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 110).

А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨1⟩

2 ноября 1870 г.

Милостивый государь
Андрей Александрович,

Живя в деревне у своего зятя, я еще с прошлого года работал ⟨над⟩ статьею «Чугунка», которую при сем же и посылаю. Вы не поверите, сколько я перенес неприятностей от своих родных из-за этой статьи, встретив в них ярых антагонистов ее. За мной следили, преследовали, наконец-то я ее окончил и, душевно благодаря одного здешнего помещика за свое⟨?⟩ участие, отправляю. Представьте, что я с 20 февраля не получил никакого ответа на свои пять писем. А. П. Милюков взял мою статью «Воробей», напечатанную 1 февраля, и известил меня, что мне от издателя г. Петрова будут присланы деньги, но их до сих пор нет; я написал об этом 4 марта к г. Петрову — нет ответа [1]. Потом известил об этом 23 мая г. Милюкова — нет ответа; послал 23 же мая статью «Кошмар» в 4,5 печ. листа г. Стасюлевичу — нет ответа; послал 10 июля к брату об этом — нет ответа. 10 июля — к Н. В. Гаврилову, фактору типографии г. Безобразова, на Вас⟨ильевский⟩ О⟨стров⟩, прося справиться, — нет ответа. Конечно, все письма я писал через своего зятя... антагониста вообще к литераторам... хорошо, что мог освободиться и свезть сам письмо на почту.

Позвольте обратиться с покорнейшею просьбою к Вам, если статья «Чугунка» Вами принята для «Отеч⟨ественных⟩ З⟨аписок⟩», то *не оставить уведомить меня в самом скором времени и выслать мне часть гонорария*, чтобы я мог расплатиться с зятем за свое пребывание и отправиться в Петербург. Причем мне необходимо купить себе теплую одежду, обувь. Если бы я мог надеяться, что Вы найдете возможность при свидании с г. Стасюлевичем и г. Милюковым спросить их, получили ли они мои письма и статью от означенных чисел.

Тут 15-го предстоит пост, который расстроит мне здоровье, между тем мои родные отъявленные аскеты и, конечно, посадят меня на постное масло...

Если бы Вы не отказали выслать вперед даже сто рублей, то я был бы выведен из затруднительного положения. Четвертую главу надо переделать, включить немца, потчующего чорта своими юмористическими в глазах русского мужичка кушаньями. Я это переделал бы в два дня, но теперь не могу из-за расстройства, случившегося в доме моего зятя все из-за этой статьи... Смешно, однако же для меня скверно...

Адресовать мне, Ивану Симоновичу Генслеру, но по понятным Вам причинам... не получить ни денег, ни ответа on fera attentats... будьте так

любезны и благосклонны к моей покорнейшей просьбе, пишите ко мне следующим образом: Его высокоблагородию Дмитрию Евдокимовичу Матову, г. Мировому посреднику Орловской губернии в г. Волхов, а оттуда в сельцо Кудиново.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности Вашего, милостивый государь, покорнейшего слуги

И. Генслера

[1] А. П. Милюков в 1868—1870 гг. был редактором газеты «Сын Отечества», а Н. Петров — ее издателем.

〈2〉

〈6 ноября 1870 г.〉

Милостивый государь
Андрей Александрович,

В дополнение к своему письму спешу прибавить, что в день отправления посылки к Вам, т. е. 3-го ноября, получил я письмо от г. Стасюлевича, в котором г. Стасюлевич извещает меня (оно пролежало на почте с 4-го июня), что им передана на усмотрение Комитета Литературного фонда моя просьба.

Тут пронесся слух, что Болховскому помещику г. Логинову (писателю?) высланы деньги от фонда, для передачи мне; что он отыскивает меня уже с июня месяца, потому что я назначил свой адрес на г. Болхов, сам же живу в Козельском уезде Калужской губернии. Позвольте покорнейше просить как о моей статье, так и насчет денег адресовать не по тому адресу, который обозначен мною в прошлом письме, а вернее через волость таким образом: Ивану Симоновичу Генслеру, через город Волхов в Бетовскую волость, передать письмо или повестку через старосту Федора Александрова деревни г. Спичакова.

Позвольте надеяться на Ваше благосклонное внимание к моей покорнейшей просьбе, если нет назначения мне денег со стороны фонда, не оставить Вашим о том ходатайством: я мог бы отдать фонду из гонорария за статьи. Я совершенно обносился, и мне здесь не житье. Но может Вы примете мою статью, в таком случае, конечно, другой разговор. Повторяю, тут настает постное время, а между тем постное кушанье чрезвычайно расстраивает меня. Мне совестно сознаться, что мне приходилось закладывать сюртук и другие вещи на постоялом дворе и покупать сырую ветчину и яйца, чтобы оправиться от болезни, в которую я впал вследствие употребления постной пищи, точно так, как продать свой башлык за 40 коп., чтоб отправить статью к г. Стасюлевичу и письмо к г. Милюкову. Удивительное дело, что г. Милюков сам же известил меня, от 10 февраля, что мне вместе с сим посылаются деньги за статью мою «Воробей», напечатанную 1-го февраля в Сыне Отеч〈ества〉, между тем денег до сих пор нет.

Так как Вы видитесь с г. Стасюлевичем, то позвольте Вас и просить взять из редакции «Вестника Европы» находящуюся там статью мою «Кошмар» и не оставить уведомить меня, удобна ли она для напечатания в Вашем журнале.

Я не утруждал бы Вас последнею просьбой, попросил бы хоть П. А. Рыхлевского, с которым мы служили офицерами в ополчении; но, вероятно, он тоже поехал в провинцию, получив действительного статского советника.

В заключение, повторяю просьбу: адресовать мне через волость, как выше я просил.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности
покорнейшего Вашего слуги

И. Генслера

6 ноября 1870 г.

Н. В. ГЕРБЕЛЬ

Хотя знакомство Некрасова с поэтом-переводчиком Николаем Васильевичем Гербелем (1827—1883) продолжалось около сорока лет и порой принимало характер тесного сотрудничества, отношения между ними не выходили обычно из рамок чисто деловых.

О стихотворных переводах Гербеля Некрасов был невысокого мнения (ср., напр., отзыв в письме к Тургеневу от 25 ноября 1856 г. — Некрасов, V, 266). В 1860 г. Некрасов, получив гербелевский перевод стихотворения Шевченко «Тополь», не напечатал его самостоятельно, а включил в текст анонимной добролюбовской рецензии на «Кобзаря» («Современник», 1863, III). Гербель возмутился этим и запротестовал. Он написал Некрасову письмо, впервые публикуемое ниже по черновику, сохранившемуся в архиве Гербеля. Некрасов резко ответил ему 31 марта 1860 г.: «Я всегда думал и доныне думаю, что право распоряжаться размещением материалов в журнале принадлежит редакции... От места, где напечатана пьеса, достоинство ее ни пострадать, ни возвыситься не может... Как бы то ни было, сожалею, что Вы заблаговременно не заявили мне, что имеете на этот счет свои требования. Это заявление избавило бы нас от недоразумения, а след⟨овательно⟩ и от настоящей переписки» (Некрасов, V, 350—351).

Вскоре возникло новое недоразумение между Гербелем и Некрасовым. Задумав еще в 1858 г. издание Полного собрания сочинений Шекспира, Некрасов предпринял это издание вместе с Гербелем. Когда же в 1865 г. первый том был подготовлен к печати, Гербель попытался затушевать роль Некрасова в этом деле и отстранить его от непосредственного участия в выпуске книги. Мало того, что с разрешения Некрасова, уступившего ему в этом, Гербель поместил на титульном листе I тома только свое имя, как издателя, но он пустил книгу в продажу, не показав ее до выпуска Некрасову. Это вызвало решительный протест со стороны последнего, высказанный в письме к Гербелю, написанном в начале мая 1865 г. (Некрасов, V, 401—402), после чего Гербелю пришлось подчиниться требованиям Некрасова. Следующие тома Полного собрания сочинений Шекспира уже выпускались с обозначением обоих издателей (на титульном листе стояло: «Издание Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля»). Изданием Шекспира Некрасов удовлетворял, кстати сказать, подписчиков на «Современник», когда в 1866 г. журнал был запрещен.

После ликвидации «Современника» Гербель сотрудничал в «Отеч. Зап.» Некрасова. Холодное отношение Некрасова к переводам Гербеля сохранилось и в это время. Так, получив перевод «Паризины» Байрона, Некрасов долго держал его, не давая ответа, и, наконец, весной 1873 г., вернул его Гербелю с отказом печатать (Некрасов, V, 503—504). Равным образом отвергнут был перевод байроновской поэмы «Остров» (см. ниже).

Гербелю принадлежит один из первых биографических очерков Некрасова (просмотренный самим поэтом). Очерк помещен в издании: «Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. Составил Ник. Вас. Гербель», СПб., 1873, 536—538. См. его перепечатку — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 184—188.

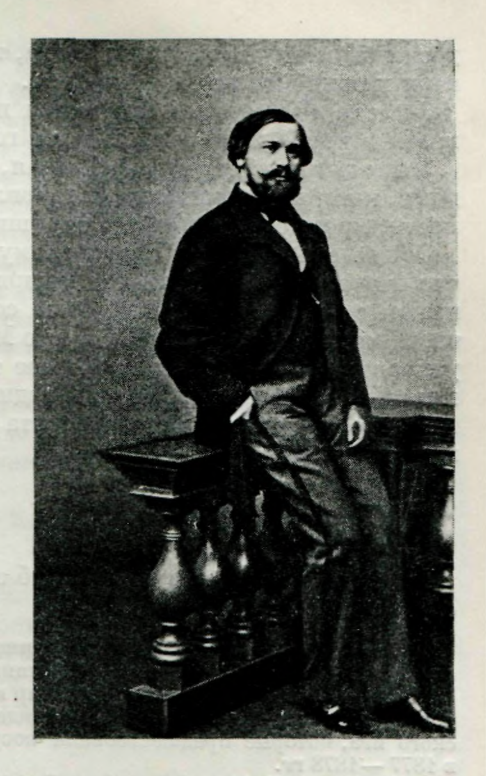
Письма печатаются: 1-е — по автографу Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Фонд Гербеля); 2-е и 3-е — по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 22).

⟨1⟩

⟨Петербург, 30 марта 1860 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Получив мартовскую книжку «Современника», я был крайне удивлен, увидав свой перевод стихотворения «Тополь», напечатанным в отделе библиографии. Я никогда не уполномочивал Вас сделать из моего перевода подобное употребление. Исполняя Вашу просьбу, я согласился на напеча-

Н. В. ГЕРБЕЛЬ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

тание [своего] помянутого перевода в «Современнике», а вовсе не на то̀, чтобы он послужил балластом для журнальной библиографии [к тому же, при какой-то], в которой, между прочим, сказано, что перевод сделан для «Современника»: это неправда. [Делая перевод, я и не думал о «Современнике»]. Я перевел это стихотворение потому, что оно мне нравилось [и, притом для предпринятого мною издания переводов], и, до Вашей просьбы, вовсе не думал о помещении его в [Вашем журнале] «Современнике» [1]. В ожидании Вашего ответа, прошу покорно принять уверение в уважении и совершенной преданности

Николай Гербель

30 марта 1860 г.
СПб.

[1] Поместив перевод Гербеля не в беллетристическом, а в библиографическом отделе, и не самостоятельно, а механически вставив его, как заключение, в анонимную рецензию о «Кобзаре»,написанную Добролюбовым,Некрасов предпослал стихотворению пояснение: «Желая, чтоб читатели могли познакомиться с какою-нибудь из пьес Шевченка в целом ее виде, и притом прочесть ее совершенно свободно, не затрудняясь ни в одном слове, мы представляем здесь пьесу Шевченка „Тополь“ в русском переводе, сделанном для „Современника“ г. Гербелем». (См. статью: «Кобзарь Тараса Шевченка. Коштом Платона Семеренка», СПб., 1860 г. — «Совр.», 1860, III, отдел «Новые книги», 109).

⟨2⟩

⟨10 июля 1876 г.⟩

Добрейший и многоуважаемый Николай Алексеевич. Окончив на-днях мой новый перевод из Байрона, поэму «Остров», я посылаю ее всю Вам, для большего удобства — в корректуре, за исключением последних восьми строк, которые прилагаются в рукописи. Прочитав, пожалуйста, уведомьте меня поскорей — возьмете ли Вы ее для напечатания в «Отеч⟨ественных⟩ Записках». Что касается верности перевода, то смело могу назвать его почти

дословным; что же касается стиха, то предоставляю судить Вам, как человеку компетентному в этом деле.

3-й том «Шекспира» кончается печатанием; портрет Шекспира — заказан в числе 1500 экз. и будет готов к 1-му августа [1].

У нас погода стоит превосходная, перемежающаяся благотворными дождями, которые совершенно исправили посевы как озимые, так и, в особенности, яровые, что обещает хороший доход.

Общее сочувствие к славянскому делу проникло и в нашу глушь, так что вчера, в нашей сельской церкви, после сказанной проповеди священником о бедствиях болгар, было собрано около 50 рублей, по большей части медными грошами [2]. Статью Миха⟨й⟩ловского прочел с величайшим удовольствием. Дай бог побольше таких умных статей! [3] А то просто книга валится из рук, так последнее время все в журналах стало скучно и плохо. Буду ждать Вашего ответа с нетерпением. Искренно Вас любящий и уважающий

Николай Гербель

10 июля 1876 г.
С. Раевское

Мой адрес: Тульской губернии, на станцию Сергиевскую

[1] Речь идет о втором издании сочинений Шекспира, вышедшем в 1876—1877 гг.; портрет Шекспира был заказан в Лейпциге (гравюра на меди).

[2] Имеется в виду восстание болгар в Турции и те общественные выражения симпатий русского народа делу освобождения славян от турецкого и австро-венгерского ига, которые предшествовали вооруженному столкновению России с Турцией в 1877—1878 гг.

[3] Статья Н. К. Михайловского «Борьба за индивидуальность».— «О. З.», 1876, VI.

⟨3⟩

14 августа 1876 г

Многоуважаемый Николай Алексеевич! Месяц тому назад я отправил Вам только что оконченный мною перевод «Острова» Байрона, для удобства — в корректуре. Пожалуйста, прочтите его и напишите мне, возьмете ли Вы его для напечатанья в «Отечественных Записках»? Перевод точен, что же касается стиха, то судите сами [1]. 3-й том «Шекспира» почти готов.

Весь Ваш
Николай Гербель

Мой адрес: Тульской губернии, на станцию Сергиевскую

[1] Перевод был отвергнут Некрасовым. Эту поэму, как и перевод байроновской «Паризины», также отвергнутый Некрасовым, Гербель впоследствии включил в свое издание Сочинений Байрона, с указанием, что они раньше напечатаны не были. См.: «Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов», т. I. Под ред. Н. В. Гербеля. Изд. 2-е, СПб., 1874, 51—60, 309 («Паризина») и т. IV, СПб., 1877, 1—51, 339 («Остров или Христиан и его товарищи»).

Н. А. ГЕРНГРОСС

В опубликованной некрасовской переписке фамилия Гернгросса упоминается (без инициалов) в письмах С. В. Звонарева к Некрасову от июня — августа 1870 г. и в письме самого Некрасова к М. И. Горскому от 25 июня 1870 г. (см. «Архив села Карабихи», 258—269 и Соч., V, 476). Однако о каком Гернгроссе идет речь в этих письмах, оставалось невыясненным. Публикуемая записка, свидетельствующая о близости ее автора к правительственным кругам, не оставляет сомнения, что речь идет о Николае Александровиче Гернгроссе (р. 1825—умер после 1893), действительном тайном советнике, товарище министра государственных имуществ в 1862—1865 гг., сенаторе. То же подтверждают и письма Звонарева. Он пишет о Гернгроссе (у которого получал 8000 руб. его долга Некрасову, видимо, карточного), как о человеке высокого служебного положения.

Знакомство Некрасова с Гернгроссом было, вероятно, «клубного» происхождения. Гернгросс состоял членом Английского клуба в те же годы, что и Некрасов (См. «Столетие Санктпетербургского Английского собрания 1770—1870. Исторический очерк». СПб., 1870, 143).

Письмо печатается по автографу собрания К. И. Чуковского (Москва).

<30 декабря 1872 г>.

Вы были бы, действительно, кругом виноваты, если бы затруднились прислать записку; вчерашнее недоразумение, — о котором я уже забыл, — ни в каком случае не могло уничтожить во мне желание сделать Вам приятное и оказать посильную услугу г. Скабичевскому.

Сегодня передам записку Валуеву и уверен, что он направит дело к благоприятному исходу [1].

Искренне преданный
Гернгросс

Суббота

[1] Письмо, по всей вероятности, связано с цензурным преследованием книги А. М. Скабичевского «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе», издание которой было уничтожено в декабре 1872 г. Содержание публикуемого письма дает основание предполагать, что Некрасовым была сделана попытка спасти книгу Скабичевского при рассмотрении вопроса о ней в Комитете министров. Вероятно, с этой целью и передавалась упоминаемая в письме записка к Валуеву, тогда министру государственных имуществ. В каких взаимоотношениях в тот период находился Гернгросс с Валуевым, установить не удалось. Известно лишь, что в 1859—1861 гг. оба они служили в Министерстве государственных имуществ («Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ», СПб., 1888, ч. 1, приложение, стр. III, IV, VIII, XII).

Сказанным определяется и датировка письма, помеченного в подлиннике лишь «субботой». Оно могло быть написано только между посещением Скабичевским Управл. по делам печати (см. ниже письмо Скабичевского к Некрасову от 24. XII 1872 г.) и рассмотрением дела о его книге Комитетом министров, т. е. между 24 и 31 декабря 1872 г. Суббота же в этот промежуток времени приходилась на 30 декабря.

О каком недоразумении между Гернгроссом и Некрасовым идет речь, неизвестно.

Д. К. ГИРС

Первая попытка завязать сношения с литературным миром была предпринята Дмитрием Константиновичем Гирсом (1836—1886) осенью 1861 г. Служа тогда еще саперным офицером в г. Остре Черниговской губ., он отправил в редакцию «Современника» свою комедию «Калифорнский рудник», но обратился не к Некрасову, а к Добролюбову.

Ответ Добролюбова неизвестен, да вряд ли он и был, так как Добролюбов в то время, когда пришло письмо Гирса, находился при смерти. Как бы то ни было, комедия Гирса в «Современнике» не появилась, и литературные отношения автора с редакцией некрасовского журнала, повидимому, тогда не установились.

В 1862 г. Гирс вышел в отставку и в этом же году начал под псевдонимом «Дмитрий Константинович» печатать в «Русском Вестнике» свои «Записки военного».

В 1864 г. Гирс приступил к работе над большим романом «Старая и юная Россия», в котором попытался по-новому осветить рознь между двумя поколениями. Работа над этим романом подвигалась, однако, очень медленно. Тем не менее, в 1868 г. материальные затруднения заставили его предложить роман «Отеч. Зап.», несмотря на его незаконченность и необработанность.

Получив согласие редакции, Гирс принялся спешно за обработку романа: он переставлял главы, переписывал их заново и т. д. В результате печатание романа, который должен был состоять из трех частей, остановилось на половине второй части («О. З.», 1868, III, IV). Неблагоприятные отзывы о напечатанных частях романа, отмечавшие спешный характер работы, заставили Гирса с еще большим рвением отнестись к отделке дальнейших частей, и продолжение откладывалось от книжки к книжке вплоть до конца года, когда, через четыре месяца после произнесения речи на похоронах Писарева, Гирс был арестован и сослан. Находясь в течение двух лет в ссылке, он еще раз сделал попытку переработать роман, и отрывок из него даже был напечатан в «Деле» 1870 г., но все же роман так и остался незаконченным.

Переделывая по нескольку раз свое произведение, Гирс очень нетерпимо относился к любому редакторскому вмешательству в текст его рукописи, даже и тогда, когда вносимые изменения были вызваны цензурными причинами.

Содержание печатаемых писем Гирса и сводится, с одной стороны, к оправданиям в задержках по сдаче материала, с другой стороны — к протестам против исправления рукописи редакцией. Последнее письмо Гирса относится к тому времени, когда, вернувшись из ссылки, он предложил Некрасову свою старую комедию «Калифорнский рудник», которая и была напечатана в «О. З.», 1871, II и III.

После смерти Некрасова Гирс поместил в «Отеч. Зап.» еще ряд своих произведений: «В финансовом агентстве. Рассказ петербургского пролетария» (1882, II), «Дневник нотариального писца. Очерки, заметки и воспоминания» (1882, III и V) и «Под дамокловым мечом. Рассказ русского непоседы» (1882, VII).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 23).

⟨1⟩

Четверг, 1 февраля 1868 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Затруднительные обстоятельства в денежном отношении вынуждают меня обратиться к Вам с следующего рода предложением, на к⟨оторое⟩, по тем же самым причинам, мне необходимо было бы скоро получить категорический ответ. Дело вот в чем-с.

Я целые четыре года трудился над большим социальным (в смысле общественном) романом. Предполагается ему дать заглавие: Старая и Юная Россия. Но это не окончательное, так как, хотя это заглавие соответствует вполне всей фабуле романа, — но можно предвидеть, что такая вывеска будет слишком бить в глаза. Я его здесь привожу потому, что оно

рельефнее других выясняет цель романа. Исходя из того предположения, — подтверждаемого опытом, — что теперь уже значительно поулеглись страсти, возбужденные бурями начала шестидесятых годов — и что теперь есть возможность уже на многое смотреть объективно, а также, что всё тогда народившееся успело теперь вырасти, окрепнуть и выясниться — я задался мыслею попробовать сопоставить его в лице лучших своих представителей — с «отцами» — так сказать взяв и из них только лучших. Этот опыт холодного наблюдения дал, смею думать, тот же благоприятный вывод для молодого поколения, который прежде угадывался только, так сказать, инстинктом молодого сердца. Это не есть безусловная рьяная

НЕКРАСОВ В ДЕРЕВНЕ

Картина маслом Н. И. Кирсанова, 1940 г.

Собрание художника, Ярославль

апология всему новому. Нет, я старался показать, что и за всею утрировкою, шаржем иногда невинным, — лежали побуждения честные и справедливые и что в лучших представителях они не являлись столь угловатыми, какими видело их общество. — Не будучи поклонником той узкой практичности, к⟨ото⟩рую теперь так рекомендуют обществу многие витии, — я однакож из наблюдений над жизнью не могу не видеть самого глубокого драматизма в тех случаях, когда теории приходилось сталкиваться с жизнью. И этому в романе отведено довольно места. С другой стороны, зная, как всякому художеств⟨енному⟩ произведению вредит с одной стороны — теоретичность и кройка по шаблонам, с другой — слишком страстное, субъективное отношение автора к своим героям, — я старался, насколько для меня было возможно, относиться к ним спокойно и беспристрастно, особенно в таком святом деле, каков суд над двумя сторонами — и вот почему, с одной стороны, — суд над молодым поколением предостав-

лено произнести самим противникам их, а с другой — из старого поколения выставлены такие яркие и часто симпатические представители [1].

Роман весь готов. Но он в таком испещренном виде в черновых, что необходимо перебелить. Первая часть будет готова в понедельник, 5 февр⟨аля⟩, вторая — не ранее как через две недели, а третья — к 10-му или 15 марта. Между тем, я нахожусь в положении человека, переплывшего океан и утопающего в виду берега. В самом деле, почти ничего не пиша, кроме этого, в течение 4 лет, весь будучи поглощенным одною этою работою, столько перенеся для нее, — я теперь не в состоянии заплатить за его переписку, так как сам решительно не могу этим заняться, будучи поставлен в необходимость едва успевать приготовлять переписчику оригинал. Сам же переделывая окончательно и переписывая — я не кончил бы до мая, и тогда пришлось бы отложить печатание до осени или будущего года. В таком положении я поставлен в необходимость продать кому-нибудь хоть отрывок из него, чтобы иметь возможность прожить это время и окончить переписку. — Поэтому я обращаюсь к Вам; Ваш опытный взгляд вероятно усмотрит по отрывку, интересная ли это вещь или нет. — Конечно, о целом нельзя и говорить не видав, — но, отложив это до представления полного романа, я решаюсь Вам предложить взять отрывок интересный, из первой части. — В предлагаемых главах находятся несколько типов с каждой стороны, и, думаю, что это и в отрывках может быть прочитано с большим интересом. Я Вам его оставлю вместе со всею первою частью и, если мы не сойдемся по представлении второй части, то Вы можете его напечатать... Мне нужно 150 р., а в отрывке будет много больше 3 печат⟨ных⟩ листов.

Нельзя ли, чтобы я его Вам прочитал лично? Это заняло бы Вас только часа на $1^1/_2$. Скорость Вашего решения мне всего важнее. Прошу Вас оставить мне ответ у швейцара на клочке бумаги.

Мне принадл⟨ежат⟩ десять рассказов из З а п ⟨и с о к⟩ в о е н н о г о, печатав⟨шихся⟩ в Русск⟨ом⟩ Вест⟨нике⟩ под псевдонимом К о н с т а н т и н о в и ч а [2].

Готовый к услугам Д. Г и р с

[1] В оставшемся незаконченном романе Гирса «Старая и юная Россия» изображена рознь между двумя поколениями — людьми сороковых годов и шестидесятниками. Симпатии Гирса — целиком на стороне младшего поколения. В его романе даже те представители старшего поколения, которые не чужды освободительных идей, — на деле, при столкновении с жизнью, оказываются в одном лагере с реакционерами и, несмотря на свои симпатии к «детям», ведут с ними настоящую борьбу. Стараясь показать, насколько новые демократические веяния проникли во все уголки помещичьей России, Гирс дает типы молодых представителей этих веяний в различных кругах общества: в аристократической семье (Толя Забуцкий), в чиновничьей и офицерской среде (Оглобин, молодой Тавров), в семье священника (Яша, сын Калятинского попа), в среде трудовой интеллигенции (врач-общественник д-р Маркинсон) и в семье управляющего имением (армейский офицер Теленев, приезжающий в гости к отцу).

[2] Рассказы Гирса «Из записок военного». — «Русский Вестник», 1862, IV; 1864, IX, X, XII; 1865, V, VIII.

⟨2⟩

⟨Начало февраля 1868 г.⟩[1]

Условие, к⟨ото⟩рое Вы ставили, милостивый государь Николай Алексеевич, — для того, чтобы было Вам возможно скоро прочитать — четкость рукописи, вынудило меня придержать рукопись, пока не будет переписана вся первая часть. — Буду все-таки просить не задержать ответом.

Предлагаемый отрывок начинается с VI главы.

Д. Г и р с

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом.

<3>

<18 февраля 1868 г.>

Милостивый государь,
Николай Алексеевич!

Вставку в роман я счел нужным значительно переделать и даже распространить. *Во всяком случае, она сегодня будет Вам доставлена.* Прошу Вас назначить, если это нужно, к которому часу ее Вам занести. Если бы она могла у меня пробыть подольше, до вечера — лучше бы было: я мог бы лучше обделать. Я ей придаю особенное значение. Типография все равно, я думаю, сегодня не работает, да и место вставки на половине романа.

Д. Гирс

18 февр<аля>

Я буду просить сделать распоряжение, чтобы мне доставлялись корректурные листы... Тут два шага, а задерживать я не буду.

<4>

<20 февраля 1868 г.>

Сегодня, часам к 6 вечера, я только могу принести ее[1] к Вам, уважаемый Николай Алексеевич... Стенограф задержал меня целые полторы суток... Сам принесу ее сегодня...

Ваш *Д. Гирс*

[1] Речь идет, новидимому, о вставке в роман (см. предшествующее письмо), которую Гирс намеревался доставить Некрасову 18 февраля, но не смог, так как «стенограф задержал... полторы суток». Отсюда и датировка записки.

<5>

<Март 1868 г.>[1]

Несмотря на то, что я был в 10 ч., не застал уже Вас дома, уважаемый Николай Алексеевич. Я хотел опять беспокоить Вас просьбою о деньгах, как это мне ни совестно: я к сегодняшнему дню обязался произвести последнюю уплату в 100 р. из моих долгов и *буду иметь затем* кредитором одну редакцию «Отеч<ественных> Записок». Я позволяю себе просить у Вас еще 175 р. — Надеюсь в конце этого же месяца доставить Вам статью, как и обещал уже, за которую возьму только в мае 300 р.,— все же остальное пойдет в уплату Вам и Краевскому. Зная, что Вы, добрый Николай Алексеевич, всегда любезно помогали деньгами и мне лично, и всем другим сотрудникам, позволяю надеяться, что моя докучливость не оскорбит Вас и Вы, как и последний раз с 190 р., не откажете мне в просимых 175 р. теперь и поверите моей искренней благодарности, с которою я всегда принимаю от Вас помощь.

Вас уважающий
Д. Гирс

Как и последний раз, деньги можно оставить на мое имя или в конторе «Голоса» или у Василия, буде Вы не рассчитываете в 4 ч., когда я заеду, быть дома.

[1] Датируется условно, на основании сопоставления с памятной записью Некрасова о денежных суммах, выданных им Гирсу в 1868 г. (см. ниже приписку к письму 15-му).

⟨6⟩

⟨Конец марта — начало апреля 1868 г.⟩ [1]

Я просмотрел Ваши помарки в IV главе. Повидимому, дело неважное, а, по поводу его, нужно теперь же нам серьезно объясниться, так как подобные недоразумения могут случиться и вперед, и мы, из пустых страхов, будем сами себе, мне кажется, вредить. Я просмотрел вскользь Ваши изменения. Признаюсь, я вполне не мог еще вынести впечатления, насколько в общем изменился характер сцены, и потому просил типографию как можно скорее прислать мне измененную корректуру, т. е. вторую. Но уже по частностям я мог видеть, что сцена, кажется, в самом деле, «значительно» изменена.

Два обстоятельства заставляют меня отстаивать эту сцену в ее первоначальном виде [2].

1) То, что читатель, выслушавший рассказ автора о недостатках какого-нибудь лица в романе, охотнее потом выслушивает возможность присутствия в том же лице и хороших качеств, потому что замечает в авторе беспристрастье. А в моем положении — это все для успеха романа. Мне придется обеим сторонам высказать что-нибудь горькое. Если я не заручусь на первых же порах доверием к своей честности в читателе, то многие, в том числе и критика, — всегда у нас судящая о романе под известными углами своей точки зрения, — будут иметь возможность передергивать и говорить, что я несправедливо говорил, что я приписывал одним — одно хорошее, другим — одно дурное... Особенно это трудно будет мне именно потому, что я имею указать в старом поколении не одно дурное — как до сих пор почти всегда делалось — но и хорошие стороны... Застарелое предубеждение — составившееся годами — трудно будет разбить, если не будет видно, что я умел замечать и темные пятна его. То же должно случиться и в отношении моих суждений о молодом поколении. Я уже и то слишком страстно предан ему, и один бог видит, как мне трудно поэтому сохранять здесь спокойствие и удерживать нужный, по тем же причинам, баланс.

Если бы у меня была цель только проехаться остроумно насчет пьяненького попа, то я, конечно, не стоял бы. Такого мелкого юмора я не только не оправдываю, но и осуждаю. Тема эта уже чересчур избита. Мне эта сцена нужна была потому, что я имею кое-что впереди сказать и хорошего за этого пьянчужку. В ц е н з у р н о м же отношении, так сказать, я думаю, что Ваши опасения преувеличены. Я в н о г о осмеяния тут нет. (Впрочем, кое-что, действительно, можно выкинуть). Грех о. Ивана есть его единоличный грех и настолько же может ронять все духовенство, как и тот же порок в каком-нибудь лице другого сословия или касты. Явным осмеянием можно было бы назвать только такую сцену, где осмеивались бы основные недостатки священнического сана. Тут этого нет. В конце 1867 г. в О⟨течественных⟩ З⟨аписках⟩ был рассказ кажется [Решетникова] Успенского, где гораздо ядовитее выставлялось невежество нашего священства... [3] Но ничего, сошло же.

Если же Вы скажете, что зачем я взял такой мелкий недостаток человека, — то что же делать, когда вообще в русском человеке — как и во всем русском — и грехи-то мелки, это даже не пороки, строго говоря, а слабости.

2) Потом, без этой скрашивающей сцены глава эта будет выходить чересчур бедна, мне кажется. Уже и без того, эти три главы носят на себе какой-то диалогический характер, и кажущееся резонерство Теленьева будет бить еще сильнее глаз читателя. А между тем все это мне нужно, и без этого впоследствии не будут читателю понятны отношения этих мужиков к Теленьеву. Выкинув все характеристичное в сцене с попом — остается один скелет какой-то.

Поэтому я буду просить перенести в новую корректуру порельефнее места, соглашаясь смягчить некоторые выражения. Если же цензура потребует потом перепечатать одну-две страницы, то мы так и сделаем — и я охотно приму это на свой счет. А то теперь выходит, что мы делаем такие им уступки, каких сам цензор не потребовал бы.

Вообще, я просил и прошу еще раз одного — свободы и свободы (более или менее Вы не можете отказать мне в том, чтобы я до сих пор — в известной Вам уже части романа — неумеренно ею пользовался). Только при этом условии я могу принять на себя некоторую нравственную обязанность отвечать — более или менее, конечно, — за то, что весь роман выйдет сколько-нибудь рельефнее других, теперь появляющихся. Только при этом — и нравственно перед всеми честными людьми и материально — он будет нам всем выгоден. Только свободы я просил и в начале и, неужели, при незначительности всех других моих условий, — я и на это не могу рассчитывать?

Переговорите в этом же смысле и с А. А. Краевским, если сочтете нужным. Я, право, не ломлю на пропалую и знаю, что нужно изгибаться с нашими порядками, но ведь есть предел же. Несправедливо же будет, если мне станет ломать потом критика бока не по моей вине. Если же нельзя будет сделать вставок (в отдельных оттисках — все сойдет и, я уверен, что сойдет благополучно), — то я буду просить в местах выкидок поставить точки. Пусть критика видит, что тут что-то не договорено, да и перед публикою — я слишком серьезно смотрю на цели моего романа — перед публикою я не хотел бы двуличничать. Если у нас нельзя говорить всего — если нет свободы — то и пусть публика знает. Это последняя уступка, к⟨ото⟩рую я могу сделать.

Я объяснился. Мое личное уважение к Вашей публичной деятельности и к такому прекрасному журналу, каким могут сделаться в Ваших руках О⟨теч.⟩ З⟨аписки⟩, давало мне право говорить откровенно.

Я постарался, как Вы видите, сохранить полное хладнокровие.

Ваш Д. Гирс

На полях: Разрешите мое [недоразумение] нетерпение. Напишите.

[1] В этом, как и в четырех следующих недатированных письмах, речь идет о последних этапах авторской и редакторской работы над рукописью 4-й главы II части романа Гирса, появившейся в «О. З.», 1868, IV (дата выхода — 10 апреля). Отсюда и условная датировка писем 6, 7, 8, 9 и 10, написанных (в непосредственной близости друг к другу) в дни, когда апрельская книжка журнала уже набиралась (см. в наст. письме упоминания о «новых корректурах»).

[2] Речь идет о сцене опьянения калятинского попа Ивана в эпизоде на постоялом дворе, из 4-й главы II части романа. Гирсу пришлось, видимо, примириться с цензурными сокращениями текста, внесенными самой редакцией «О. З.». На это указывает как осторожность допущенных в данной сцене выражений, так и явный пропуск некоторых наиболее ярких подробностей; так, например, в печатном тексте ничего не говорится об опьянения попа; поп любит выпить, но не напивается допьяна; между тем, глава 6-я начинается с того, что отец Иван находился после угощения в таком бесчувственном состоянии, что сыну его пришлось продолжать путь уже одному. Вынужден был Гирс уступить и в вопросе о точках: пропущенные места ничем не обозначены.

[3] Имеется в виду рассказ Решетникова «Никола Знаменский» — «О. З.», 1867, XI.

⟨7⟩

⟨Конец марта — начало апреля 1868 г.⟩

Пусть будет по-Вашему. Я только все-таки остаюсь при мнении, что это не подлежало бы духовной цензуре — и, внесенное в отдельные оттиски, пройдет благополучно... Дело все-таки настолько важно для меня в том, чтобы появился целый роман, — что не стоит делать скандала из пустяка, хотя этот пустяк — я объяснял — и важен для меня здесь.

Кассационный Депар⟨тамент⟩ Сената, по делу Вундта [1], положительно объяснил, какие места могут подлежать духовной цензуре. Там сказано, что ей подлежат только места чисто духовного содержания, т. е. богословские. — Богословскою же эту сцену уже никак нельзя назвать. Прикажите печатать как Вы желаете. Смотрите на это все-таки, как на наши личные недоразумения... Может я и не опытен в делах с цензурою.

Ваш Д. Гирс

На обороте: Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу
Некрасову

[1] В 1866 г. П. А. Гайдебуров издал русский перевод книги немецкого философа Вундта «Душа человека и животных». Ввиду того, что в этой книге трактовался, между прочим, вопрос о религиозных верованиях человека, Гайдебуров был предан суду за непредставление книги Вундта на предварительный просмотр духовной цензуры. Петербургский окружной суд и судебная палата вынесли обвинительный приговор. Уголовный же департамент Сената, по кассационной жалобе Гайдебурова, отменил этот приговор, дав указания, в каких случаях книги должны представляться на предварительный просмотр духовной цензуры.

⟨8⟩

⟨Конец марта — начало апреля 1868 г.⟩

Николай Алексеич! Помещать три или шесть листов в книжке — это для меня все равно. Даже согласен с Вами, что лучше, чем больше над ним можно будет сидеть и обрабатывать... Поэтому — это совершенно предоставляется Вашему усмотрению. Но что касается до того, что будто главы пишутся накануне сдачи в типографию, то это совершенно неверно, и я Вам здесь, для примера, прилагаю некоторые из них в оригинале. По самому виду истрепанной бумаги и вылинялости чернил Вы можете усмотреть, что это давно все писано, даже может несколько лет уже прошло. В таком виде у меня весь роман готов, и я имел бы возможность доказать это, но, по совершенно посторонним причинам, не могу теперь этого сделать.

Когда-нибудь [я даю слово Вам] я Вам скажу и, уверен, что Вы меня оправдаете.

Теперь же я писал только те вставки и делал переделки, к⟨ото⟩рые понадобились, вследствие новой перетасовки всех глав. Так, Маркинсон прежде являлся у меня впервые в доме Таврова. Теперь это первая глава II части, а прежде это было в первой части. Так я Вам при свидании занесу даже окончание этой главы, к⟨ото⟩рое теперь у меня отнесено гораздо дальше. От этого-то и приходится делать переделки и дописывать. Из этих тринадцати глав я теперь вновь написал только главы полторы. Необходимость поскорее выдвинуть главных героев заставила меня сделать эту перетасовку [1].

В отношении будущего же, действительно, постараюсь раньше подготовлять. Теперь это не случилось потому, отчасти, что Вы мне позволили доставлять прямо в типографию — и это избавляло меня от важного расхода на переписчика, ибо, если бы Вы согласились читать в том виде, как у меня оригинал ведется, то Вам бы это было и затруднительно и потребовало бы большой траты времени. Обойтись без переделок на самой корректуре — тоже невозможно, но я думаю, что это и для Вас и для меня все-таки легче. Все-таки переделки и вставки составляют сотые части текста. Неужели и этого уже права я не имею?

В отношении же литературных достоинств этой части, к⟨ото⟩рые Вы ставите ниже достоинств 1-й ч⟨асти⟩, то не мне, конечно, судить, но есть люди, к⟨ото⟩рые читали и к⟨ото⟩рые на этот счет не сходятся с Вами во взгляде. (Это не значит однакож, чтобы я не доверял Вашему вкусу или

опытности). Они находят, что эта часть гораздо живее и интереснее, и я потому должен и им доверять, что, во-первых, это-то и есть публика, и, во-вторых, я слышал от них о первой части, когда еще не появлялась она в печати, — то же, что теперь, мне положительно это известно, сотни повторяют как в публике, так и в литературных кружках. Без опасения быть уличенным в излишней нескромности, я могу уже теперь сказать, что первая часть имела в публике... ну, хоть некоторый успех.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»
Акварель А. А. Пластова, 1946 г.
Собрание художника, Москва

А я мог бы сказать и больше. Но первая часть, по-моему, менее всех интересна. Понятно, как мне дорог теперь каждый шаг и понятно с какою бы радостью пользовался бы я Вашим опытным советом, если бы мы могли хотя в главном взгляде сойтись. Вы ошибаетесь потому, мне кажется, что мы теперь находимся в романе в таких местах, где не являются, перемежаясь, прежние, теплые, симпатические места по отношению автора к изображаемым явлениям, но в том-то и искусство, чтобы не всё и не разом давать читателю, а приберегать до нужного времени. Этим я себе и объясняю недоразумение Ваше [2].

Перед Вашею совестью и сотнями уже прочитавших только первую часть я смею утверждать, что мой роман не делает бесчестья журналу, удостоившему меня чести печатать его у себя, и потому слова Ваши, что мой роман причиняет такие затруднения журналу и типографии, что будто, можно подумать, что с другими авторами это и не случается — это мне очень горько слышать. Я уже не сто́ю, значит, и снисхождения самого пустячного... Пусть время покажет, стоил ли или нет роман этого.

Дайте совет искренний, как я должен поступать теперь. Если это будет из доброжелательства — то охотно приму... Если же я очень Вас затрудняю и причиняю только одни хлопоты — то скажите откровенно; я, во всяком случае, помню Ваши права хозяина дома и буду с этим сообразжаться, что делать.

Типография жалуется, что я виною, а нужно еще и то принять во внимание, что суета эта потому, что хотят уже не в месяц, а в полмесяца эту апрельскую книжку выпустить. Ведь мартов⟨ская⟩ вышла 13 марта.

Во всяком случае, нужно видеть Вашу переделку VII главы [3]. Прошу Вас вернуть мне прилагаемый оригинал.

Ваш Д. Гирс

[1] Переделка, на которую Гирс ссылается в начале письма, сводилась не только к перестановке глав. Первое появление в романе доктора Маркинсона дано в 10-й главе I части при совершенно других обстоятельствах: изгнанный из дому Оглобин идет пешком к калятинскому попу наниматься в работники. Его догоняет тройка, на которой едут молодой Тавров и д-р Маркинсон, вызванный графом Забуцким к больной дочери. Маркинсон предлагает Оглобину сесть в коляску и подвозит его к дому калятинского попа. Маркинсон попадает к Тавровым на обратном пути от Забуцких (1-я глава II части).

[2] Как видно из этого письма, Некрасов считал II часть романа в литературном отношении ниже I части. Это мнение Некрасова не было единичным. Такой же взгляд высказал впоследствии Буренин; восторженно встретивший появление I части романа в рецензии в «С.-Петербургских Ведомостях» (№ 80, от 22 марта 1868 г.), он был разочарован II частью. «„Автор“, — писал он, — еще продолжает „выводить“ новые лица. Чуть ли даже не главный герой романа является лишь в конце его. Подобное „ведение“ романа обнаруживает явную неопытность и неуменье автора управиться как следует с материалом» (там же, № 106, от 20 апреля 1868 г.).

[3] Глава 7-я, переделку которой Гирс просит показать ему, так и не была напечатана. Неизвестно, произошло ли это вследствие цензурного запрета или по причине несогласия Гирса на сделанные Некрасовым исправления, но между главами 6-й и 8-й стоит только цифра 7 и два ряда точек, а затем в конце дана сноска: «Редакция считает справедливым заявить, что в этой первой половине II части 7-я глава не могла явиться в печати по совершенно не зависящим от автора обстоятельствам. — *Ред.*».

⟨9⟩

⟨Конец марта — начало апреля 1868 г.⟩

Николай Алексеич!

Оригинал готов у меня, — но пустить ли его в эту книжку [1], я решительно колеблюсь. Дело в том, что в самом начале 2-я и 3-я главы, по-моему, бледны: я ими не доволен. Их я недавно написал и вставил. Это — первая любовь Суринской к мужу. Я чувствую, что тут что-то очень хорошее самостоятельное выйдет, а то̀, что написано, не удовлетворяет меня. Я волнуюсь, тороплюсь, а оттого ничего не выходит. Нужно успокоиться и дня на два эти главы не читать — и потом уже приняться и переделать [2]. Я уже испытал это и прежде. Это бывает со мной. Не смея задерживать дольше — я и то виноват перед Вами — я лучше буду просить отложить это окончание II ч⟨асти⟩ [3] до следующей книжки. Я Вам доставлю оригинал к выходу книжки, и тогда он опять может пойти вперед. К тому времени я успею, вероятно, отделать 2-ю и 3-ю главы, и тогда этот кусок выйдет таким, что вознаградит то неудобство, что был сделан перерыв. Остальным всем в этой половине я очень-очень доволен. Верьте, что я

не сижу сложа руки. Вы сами мне рекомендовали — лучше обдумывать и понемногу пускать, чем торопиться. Извините великодушно за хлопоты, к<ото>рые я причинил. В конце концов все-таки будет выигрыш для этого дела, я твердо уверен, зная, что̀ у меня еще припасено в кармане.

Преданный Вам
Д. Гирс

На обороте: Его высокоблагородию
Николаю Алексеичу Некрасову
от Д. К. Гирса

[1] Т. е. в 4-ю, апрельскую.
[2] 2-я и 3-я главы II части романа подверглись коренной переработке; в печатной редакции в них нет ничего о первой любви Суринской к мужу; лишь в 13-й главе Наталья Суринская, расходясь с мужем, рассказывает матери о своей любви к нему.
[3] Окончание II части было отложено и так и не появилось в печати.

<10>

<Начало апреля 1868 г.>

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Видно придется уже до следующей книжки отложить продолжение. Я такие сделал перестановки и сокращения, что это потребовало большой переделки, и я еще и теперь не мог окончить так, чтобы можно было Вам представить. Когда я Вам потом покажу переделки, Вы сами убедитесь, Николай Алексеевич, что роман много выиграл. Я постарался избегнуть растянутости первой половины второй части. Хотя перерыв печатания и представляет для романа и редакции неудобства своего рода — я знаю — но прошу извинения — это будет единственный перерыв, и я уверен, что это послужит на пользу и роману и журналу. Перерывы же в печатании случались со многими большими романами — и это ничего. Но нужно оговорить, как бы<ло> оговорено на обертке о «Живой душе», что отложен роман до следующей книжки[1].

К выходу этой книжки[2] я надеюсь представить Вам чистенький оригинал окончания второй части.

Преданный Вам
Д. Гирс

[1] «Живая душа» — роман Марко Вовчок («О. З.», 1868, I—III, V).
[2] Четвертая книжка «О. З.» за 1868 г. вышла в свет 10 апреля. Отсюда и датировка письма.

<11>

<14 апреля 1868 г.>

Николай Алексеич.

Раньше 17-го числа, а может даже вечера 18-го, оригинала я никак не могу доставить. Опять понадобилось перестанавливать, а, следовательно, и переделывать... Но зато, думаю, что эта вторая половина II части выйдет очень интересною и разнообразною. Это мне необходимо. Пусть другие статьи идут вперед, это неважно. Главное еще несколько дней времени. Зато, надеюсь, будет опять почти такой же интерес, как и в первой части.

Ваш Дмитрий Гирс

14 апреля. 10 ч. вечера

На обороте: Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу
Некрасову

⟨12⟩

⟨25 апреля 1868 г.⟩

Через неделю, т. е. 2 мая, будет готово все *наверно*. Следовательно, если может еще попасть окончание второй части в майскую книжку, то буду очень рад. Беру, значит, еще *неделю*, к⟨ото⟩рую Вы предлагаете. Обещаюсь наверно. Мне самому не хотелось бы делать перерыв — и только настоятельная необходимость заставляла просить у Вас этого. Я сделал большие сокращения — и думаю, что роман от этого значительно выиграл: я стараюсь пользоваться всеми замечаниями и толками, к⟨ото⟩рые доводится слышать вокруг, и хорошо понял теперь, что публике понравилось в первой части — стараюсь, чтобы и впереди она встретила то же.

Очень жалею, что Вы не застали меня дома в воскресенье, сожалею особенно потому, что это было в воскресенье, и я был дома; но когда я занимаюсь, то хозяева имеют приказание говорить, что меня нет дома, я же забыл сказать им предупрежденье, чтобы Вас приняли. Извиняюсь теперь перед Вами, Николай Алексеич, и постараюсь, чтобы этого не случилось другой раз. В будни теперь меня, действительно, трудно застать, так как я с утра ухожу заниматься к моему переписчику и бываю там почти целый день; но в воскресенье я занимаюсь уже дома. Мне же сказали, что Вы были, когда я окончил заниматься, часа через два после Вашего ухода. Еще раз извиняюсь.

Преданный Вам
Д. Гирс

⟨13⟩

5 июля ⟨1868 г.⟩

Вы мне позволили, многоуважаемый Николай Алексеич, сказать откровенно, если мне нужно будет более 150 р., к⟨ото⟩рые я уже получил от Вас третьего дня. Так как теперь я вижу, что не обойтись еще без 50 р., то я и просил бы Вас прислать мне их до расчета. Можно прислать с этою посланною или нельзя ли дать записки на контору «Голоса».

Вам преданный
Д. Гирс

На обороте: Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу Некрасову
от Д. К. Гирса

⟨14⟩

24 окт⟨ября 1868 г.⟩

Я все-таки не исправил всей рукописи настолько, чтобы можно было ее Вам представить, уважаемый Николай Алексеич. Мне самому совестно, опять повторяю. Но я работаю непрерывно, и весь расчет в дне или в двух днях. Зато в корректуре уже ничего не нужно будет исправлять... Опасных мест тоже тут не будет пока... Подождем до завтрашнего дня. Завтра уже можно отдать хоть прямо в набор. Для меня настолько важно окончить в этом году, и следовательно, чтобы в ноябрьской книжке началось печатание, — что я все-таки буду умолять Вас не сердиться пока и подождать до завтра.

[Преданный Вам
Д. Гирс

Я бы представил Вам первую половину, но в первой главе я делаю теперь приставку, и это удерживает меня. Завтра к вечеру надеюсь разом все представить.

На обороте: Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу Некрасову
от Д. К. Гирса

<15>

Вологда, 10 ноября <1868 г.>

Опасения мои и слухи оправдались, многоуважаемый Николай Алексеич; как Вы видите, с понедельника на вторник, в ночь, меня арестовали, в 3 ч., а в 6 ч. я уже был на железной дороге [1]. Ни с кем не пришлось даже проститься. У меня не было никакой теплой одежды. Я выехал в городском осеннем пальто, не в состоянии был даже взять белья, к<ото>рое было

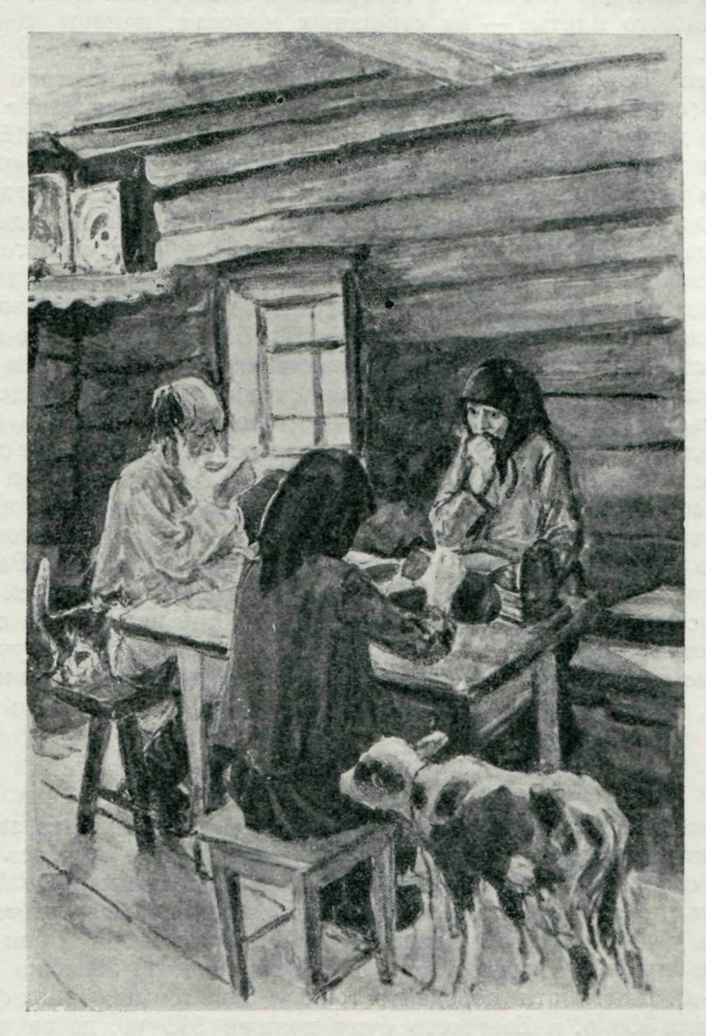

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»
Акварель А. А. Пластова, 1946 г.
Собрание художника, Москва

у прачки, — без вещей, так как предупрежден был, что за вещи на железной дороге должен сам платить, а у меня в кармане было всего несколько рублей. Доехал благополучно, без значительных стеснений, но слегка простудившись и совсем без денег, так как никаких денег мне не отпускалось. Тут страшные морозы стоят. Здесь, в Вологде, я не останусь, мне объявили. Может быть, назначат уездный город Великий Устюг или какой-нибудь другой. Тогда придется еще 450 в<ерст> на Север передвинуться. Придется или пешком, этапным порядком, итти или ехать на свой счет

с полицейским чиновником. Это составит новых $37\frac{1}{2}$ р. Обещали, что, может быть, дадут из казенных заимообразно, но я должен вернуть поскорее эти деньги. Я думаю согласиться. Я надеюсь на Ваше благородство и доброту. Вы уже доказали мне и то и другое столько раз, что я уверен, что не откажете и на этот раз. Мне нужно 300 р. Я прошу их у Вас до расчетов по роману, над к⟨ото⟩рым только и буду сидеть и к⟨ото⟩рый теперь для меня составляет все утешение в моем несчастье. Я уверен, что Вы не откажете в просьбе и особенно человеку в теперешнем моем положении: без знакомых, без теплого платья — на страшных морозах, каковы здешние, — и без денег. В таком положении, я Вас буду просить передать немедленно эти 300 р. в Книжный магазин для иногородних (Нев⟨ский⟩ пр⟨оспект⟩ дом Рогова). Там из этих денег уплатят мои мелкие долги, оставшиеся в Петербурге, всего рублей на 150; купят мне шубу и вместе с вещами моими, оставшимися еще в Петербурге, и остальными рублями сто, — вышлют мне все это сюда в Вологду немедленно. Тогда я могу свободнее вздохнуть, и на эти деньги надеюсь прожить месяца четыре, так как жизнь здесь очень дешева, кажется. Я уверен, уважаемый Николай Алексеич, что Вы не откажете. У меня только на Вас и надежда пока, и мои единств⟨енные⟩ средства к жизни — это роман. А я все-таки отплачу Вам хорошею работой. Писать мне не запрещено. Вся история вышла, как я догадываюсь, из-за речи моей на похоронах Писарева. — Сюда меня выслали на 2 года. Через два года я опять могу вернуться в Петербург; но, я надеюсь, что и этот срок мне будет сокращен еще, так как за меня будут хлопотать сильно. Здесь мне стеснений не делают, и я ни на что жаловаться не могу. Литературные мои занятия могут итти совершенно свободно. Хочу этими двумя годами хорошенько воспользоваться и много написать: постараюсь замкнуться дома и как можно менее знакомства иметь. Да и не с кем: страшная глушь! Ради всего благородного в Вас, умоляю не отказать мне теперь в деньгах. Рассчитывая на Вас, я дам согласие здешнему начальству принять на свой счет переезд в Устюг; деньги—37 р.—должен им вернуть, когда получу от Вас.

Прошу Вас сохранить ко мне прежние хорошие отношения по журналу; Вы увидите, что я буду стоить этого.

Преданный Вам
Д. Гирс

Прошу Вас не делать пока в объявлениях о журнале никаких заявлений о романе, так как в декабре я надеюсь представить Вам его весь целиком и тогда Вы, сообразно с этим, сделаете, что нужно. Прикажите Типографии прислать мне из отдельных оттисков моего романа следующие листы: всю первую часть, второй части — 3, 4, 5-й листы. У меня их нет, а нужно для справок. О⟨течественных⟩ З⟨аписок⟩ III № тоже зачитан у меня кем-то. Листы эти передайте тоже в Книж⟨ный⟩ Мага⟨зин⟩.

P. S. С этими 300 р. я Вам всего буду должен 575 р., да за два №№ От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩.

В романе же будет наименьшее 15 печ. листов.

Вместе с тем я пишу Книжному магазину для иногородних, и он, получив от Вас деньги, распорядится о высылке мне всего нужного. Адрес мой: на мое имя, через канцелярию Вологодского губернатора.

Рукой Некрасова карандашом: Послано по этому письму не 300, а 150 р. В марте послано 100 р. — всего к 1 апр⟨еля⟩ 525.

[1] В начале ноября 1868 г. Гирс был арестован и выслан из Петербурга за речь, произнесенную на похоронах Писарева, происходивших 30 июня 1868 г. на Волковом кладбище.

<16>

<Тотьма, конец 1868 г.>

Благодарю Вас, уважаемый Николай Алексеич, за деньги. Я сильно, сильно занимаюсь. Я уверен, что Вы останетесь довольны тем, что из всего этого выйдет. Вы забыли исполнить еще одну мою просьбу: приказать выслать мне отдельные оттиски романа — все листы I части и 3, 4, 5-й II части. Ради бога, поскорее прикажите конторе вытребовать из Типографии и выслать мне *с первою почтой* прямо на мое имя в г. *Тотьму*, Вологодской губ. Поминутно нужны справки, а у меня нет оттисков; потерялись от I части и совсем не получил из Типографии указанные листы II части. — О<течественные> З<апис>ки тут нельзя достать.

Преданный Вам

Д. Гирс

<17>

<Арзамас, декабрь 1869 г.>

Уважаемый Николай Алексеевич!

Я нашел нужным дать *Делу* отрывок из моего романа [1]; оно просило моего сотрудничества, а в то же время я очень нуждался в деньгах, о чем писал Вам еще 4 месяца тому назад; но Вы не могли, вероятно, моей просьбы исполнить тогда. Я не хотел бы, однако, уважаемый Николай Алексеич, чтобы Вы видели в этом факте что-либо неблагоприятное для моих отношений к Вашему журналу, к<ото>рый попрежнему я люблю и дорожу к<ото>рым. Чтобы не казалось это одними только словами, я решаюсь послать Вам большой отрывок (очень законченный) из романа, к<ото>рого (т. е. романа) печатать вполне в новом виде еще не нахожу пока возможным. Отсылаю Вам его с следующею почтой. Нельзя ли в февральской книжке поместить? Листа 3—4 будет. Не дадите ли мне по 75 р. за лист? *Дело* за свой лист предложило мне ту же сумму, а Ваш лист много больше. Впрочем, этот вопрос совершенно отдаю на Вашу совесть — я решительно лишен способности торговаться. Как знаете! — дело совести.

Если не найдете возможным печатать этот отрывок, то бога ради сохраните оригинал — другого списка нет у меня. Удержите до тех пор, пока я поручу кому-нибудь получить от Вас или передать *Неделе* или другому какому журналу. Также, если будете печатать, прикажите оригинал сохранить и вернуть Вам; я пришлю к Вам доверенное лицо за ним — нужен он мне очень. Кстати, пришлите мне 3 листа отдельного оттиска II части моего романа, где выпущенная в журнале 7 глава; мне очень ее нужно— списка у меня нет с нее. Ничего не бойтесь высылать: ко мне можно посылать и писать все свободно.

Прикажите, пожалуйста, высылать мне в 1870 г. Отеч<ественные> Зап<иски>, как прежде это делалось. Это вам небольшой расчет. *Дело* тоже мне бесплатно будет высылаться.

Вам преданный

Д. Гирс

Адрес: Д. К. Гирсу, г. Арзамас.

Мне осталось только еще десять м<еся>цев неволи. — Богатые материалы дала мне эта двухлетняя жизнь в провинции. Пишу также *Два года ссылки*. Вполне убежден, что, с незначительными выпусками, можно будет напечатать это и здесь, в России. Стараюсь писать без всякой раздражительности.

[1] Отрывок «На краю пропасти» из романа «Старая и юная Россия» — «Дело», 1870, I.

⟨18⟩

⟨Петербург, 19 декабря 1871 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Препровождая Вам рукопись под заглавием: «Калифорнский рудник» [1], *вполне оконченную*, прошу Вас, буде возможно, напечатать ее в Отеч⟨ественных⟩ Зап⟨исках⟩. По предмету, о котором трактует это сочинение, ничего не было и нет обстоятельного в нашей литературе — и самый этот вопрос известен только публике по наслышке о грандиозности существовавшего еще недавно — а отчасти существующего и ныне — безобразия на этот счет. Думаю, что Ваш опытный взгляд усмотрит, что статья эта может быть прочитана публикою с тем же интересом, с каким в свое время были замечены в Соврем⟨еннике⟩ «Откупное дело» и «Дворянские выборы» [2]. Я бы только просил Вас просмотреть рукопись самому и до конца. Те, кому я прочитывал места из этого сочинения, одобряли вполне, но заметили, что некоторые места необходимо смягчить; может, это и правда, и я прошу Вас такие места отмечать на полях; я доверяю Вашему знанию цензурного такта и готов смягчить по Вашему указанию. Несмотря на объемистость рукописи, думаю, что более 20 п⟨ечатных⟩ листов не выйдет, и №№ в трех она может быть окончена [3]. Об условиях умалчиваю, предоставляя этот вопрос Вашему усмотрению. Само собою, что состоящий за мною долг Вам, по счетам за мой роман *Ст⟨арая⟩ и Юн⟨ая⟩ Россия*, — буде желаете, — можете поставить в счет гонорара за настоящую статью.

Я бы просил дать мне ответ, хоть по городской почте, в возможно *скором* времени.

Прошу Вас верить всегдашнему моему уважению и доброму чувству к Вам.

Готовый к услугам

Д. *Гирс*

19 декабря ⟨18⟩71 г.

Адрес мой: С. П. Б., Б. Садовая, против Юсупова сада, д. Яковлева, кв. № 9.

P. S. У меня жена нездорова, и потому я почти не выхожу из дому, но при первом случае буду лично у Вас.

Если бы эта статья могла быть напечатана только с оговоркой редакции, то препятствий с моей стороны не имеется [4].

Д. Г.

Еще раз позволяю себе просить — просмотреть поскорее; мне хотелось бы иметь Ваш ответ до наступления праздников; Ваша опытность позволит Вам оценить эту статью в отношении того — пригодна ли она для От⟨еч.⟩ Зап⟨исок⟩ по нескольким прочитанным выдержкам из нее. А для меня время до праздников страшно дорого. Еще раз прошу Вас верить моему уважению к Вам и желанию сохранить добрые отношения к редакции От⟨еч.⟩ Зап⟨исок⟩.

Ваш Д. *Гирс*

[1] «Калифорнский рудник. Сцены прошлого» Д. Гирса был помещен в «О. З.», 1872, II, III. В этом произведении вскрываются чудовищные злоупотребления, имевшие место в офицерской среде при рекрутских наборах во время Крымской кампании.

[2] Имеются в виду «обличительные» произведения: Вл. *Елагина*, «Откупное дело» («Совр.», 1858, IX и X) и С. *Зиновьева*, «Дворянские выборы» («Совр.», 1862, II).

[3] Как указано, «Калифорнский рудник» был напечатан не в трех, а в двух книжках и занял не 20, а всего лишь $11\frac{1}{2}$ листов. Таким образом, повесть появилась в печати с большими сокращениями, сделанными, вероятно, по соображениям цензурного порядка.

[4] «Калифорнский рудник» печатался без «оговорки редакции», но с большим подстрочным примечанием от автора, написанным явно с целью ублаготворения цензуры.

А. А. ГОЛОВАЧЕВ

Известный либеральный деятель и публицист Алексей Адрианович Головачев (1819—1903) был связан с Некрасовым благодаря своей старинной дружбе с А. М. Унковским и не менее старинному знакомству с М. Е. Салтыковым-Щедриным. Часто общаясь с ними, он входил тем самым в ближайшее литературно-бытовое окружение Некрасова в 70-е годы. Об этом свидетельствует, в частности, своим дружеским тоном и публикуемое ниже письмо.

А. М. УНКОВСКИЙ, А. А. ГОЛОВАЧЕВ, А. И. ЕВРОПЕУС
Фотография 1860-х гг.
Литературный музей, Москва

В бурной истории тверской либерально-дворянской оппозиции конца 1850-х годов Головачев играл, вместе с Унковским и Европеусом, видную роль, энергично защищая освобождение крестьян с землей. Позднее был видным деятелем Тверского земства.

Как публицист Головачев сотрудничал преимущественно в либеральных органах печати. Две основные его работы, вышедшие потом отдельными изданиями: «Десять лет реформ» (1872) и «История железнодорожного дела в России» (1876) — были первоначально напечатаны отдельными статьями в «Вестнике Европы». Головачев сотрудничал также в «Слове», «Русской Мысли», «С.-Петербургских Ведомостях», «Русских Ведомостях», «Молве» и др. Однако он много печатался и в некрасовских «Отеч. Зап.», являясь с 1875 г. постоянным сотрудником журнала по финансово-экономическим вопросам. (См. список его статей в «Указателе к „Отеч. Запискам“ за 1868—1877 гг.».

СПб., 1878, VI—XI). В 1875 г. он вел в «Отеч. Зап.» также общественную хронику «Мысли вслух», печатая эти статьи за подписью «А».

Статьи Головачева о кредитной денежной системе, государственном бюджете, банковском деле в России и пр. содержали обычно много документально-фактических материалов, обличавших финансово-экономическую политику самодержавия как политику антинародную. В этом смысле эти статьи давали читателю материал для выводов, более радикальных и далеко идущих, чем собственные заключения автора, не выходившего обычно за пределы критики с либеральных позиций. Несомненно, что именно указанные стороны работ Головачева, а не только его лично дружественные отношения с Некрасовым и Щедриным и делали возможным его постоянное сотрудничество одновременно и в «Отеч. Зап.» и во всех главных органах либеральной печати.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 24).

11 <октября> 1876 г.[1]

Сейчас прочел письмо Ваше к Григорию Захаровичу[2]. Он мне сообщил его только сегодня и вижу из него, что Вы себя ведете дурно, мой добрейший Николай Алексеевич, и единственным извинением Вам служит известие, полученное мною от Салтыкова, что последние дни Вы стали исправляться. Мрачные мысли, как мне кажется, еще более усиливают Ваши страдания, и Вы бы хорошо сделали, если б почаще беседовали с Музой, хотя бы через силу. Ведь, право, всякое горе становится легче, когда мысль работает. А между тем, хороший климат и правильное лечение доделают остальное. Не знаю, удастся ли мне, но я не теряю вовсе надежды увидеть Вас еще в Ялте, если Вы останетесь там на ноябрь месяц.

Что сказать Вам о себе? У нас здесь шовинизм разыгрался уже через меру, так что стала выказываться и реакция[3]. Послышались даже голоса и в литературе, что [мол] нечего нам с немытым рылом в калашный ряд соваться, что не ташкентцам говорить об освобождении народов. Примкнул и аз многогрешный к этим голосам и вылил ушат холодной воды на голову Суворина в газете «Молва». Высказал ему прямо, что каждый сверчок должен знать свой шесток, а главное, что не хорошо являться в печати с доносами и что были на таком поприще люди и посерьезнее его и кончили не хорошо. Не знаю, что он будет отвечать. Если обозлится, то, полагаю, договорится до чертиков[4].

В последних своих измышлениях Суворин меня привел просто в ярость, тем большую, что <... нрзб. одно слово> все это человек говорит не потому чтобы имел паскудные поползновения, а потому что не понимает, какую он делает пакость, и успех так вскружил ему голову, что он воображает себя вдохновенным свыше и боится, чтоб его бред не остался не известным читателю.

Салтыков очень ядовит с своими замечаниями. Его желчь особенно была возмущена разрешением издавать средние законы и уставы о печении пирогов. Он, кажется, боится, что в этих уставах не только не будет запрещено печь пироги с начинкой из строительных материалов, но что, пожалуй, невозможно будет употреблять никакой другой начинки, кроме этих материалов. Можете себе представить, как он возмущается этой мыслию[5]. Что касается Унковского, то он в восторге от этого и говорит, что такое разрешение прямо докажет незыблемость нашей конституции, которую не в силах будут поколебать никакие уставы о печении пирогов, с какими бы начинками их ни предписывали печь. В настоящую минуту хоры по восточному вопросу начинают перемежаться отдельными голосами по поводу развертывающегося денежного и промышленного кризиса, который предсказан был мною в Отеч<ественных> Записках еще в прошлом году и я думаю привлечь его к рассмотрению в ноябрьской книжке в виде заключения к моим статьям по поводу росписи. Вместе с тем, придется указать и радикальное средство к исправлению

наших дел. Не знаю, как это мне удастся изложить и выйдет ли у меня так ясно для других, как ясно я понимаю это дело сам [6].

Зинаиде Николаевне потрудитесь передать мой усердный поклон. Хотелось бы поиграть с ней в пикет на берегу морском, но не знаю, удастся ли мне это сделать.

Крепко жму Вашу руку
Алексей Головачев

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «КОРОБЕЙНИКИ»
Гравюра с рисунка Н. Д. Дмитриева-Оренбургского
«Всемирная иллюстрация» № 333, 1875 г.

Жена моя Вам кланяется и желает, чтоб это письмо застало Вас в лучшем положении.

Евграфу Александровичу Головину [7] прошу Вас передать также мои приветствия и пожать ему руку.

[1] Письмо ошибочно датировано в подлиннике «11 сентября», вместо нужного «11 октября». Обоснование конъектуры см. в примеч. 4 и 5.

[2] Елисееву. Письмо это неизвестно.

[3] Об общественных настроениях и их отражениях в печати в связи с прелиминариями русско-турецкой войны см. ниже в примеч. к письмам к Некрасову Г. З. Елисеева от 27 сентября 1876 г. и А. А. Краевского от 12 сентября 1876 г.

В письме к Некрасову от 13 октября 1876 г. М. Е. Салтыков писал: «Славянский вопрос здесь все еще на первом плане, хотя уже замечаются некоторые признаки реакции в литературе. Мне кажется, что „Вестник Европы" поставил вопрос довольно верно. За ним последовала „Молва", где есть очень умная статья Драгоманова, хотя и без особенного таланта» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIX, 78). Салтыков говорит здесь

о «Внутреннем обозрении» в августовской книжке «Вестника Европы» за 1876 г. и о статье М. Драгоманова «Чистое дело требует чистых средств», появившейся в № 41 газеты «Молва» от 10 октября 1876 г. В обеих этих статьях, которые, несомненно, имеет в виду и Головачев, делались попытки отрезвить общественное мнение от реакционно-шовинистического угара и великодержавно-экспансионистской пропаганды «Нового Времени», «Московских Ведомостей» и др. правых изданий. Подчеркивая «связь внутренних вопросов с внешними», авторы названных статей стремились раскрыть политику реакции и правящих кругов, пытавшихся использовать в своих целях глубокие симпатии русского общества к славянским народам Сербии и Болгарии в их освободительной борьбе с чужеземным (австро-турецким) феодальным игом.

[4] В № 41 «Молвы» от 10 октября 1876 г. (отсюда и датировка письма) А. А. Головачев напечатал статью «„Вестник Европы" и „Новое Время" по отношению к восточному вопросу», являвшуюся полемическим ответом на очередное «славянское» выступление Суворина в «Новом Времени» (1876, № 235 от 3/15 октября, в фельетонной серии «Недельные очерки и картинки»). Головачев писал:

«В последнее время по восточному вопросу возникла полемика между „Вестником Европы" и газетою „Новое Время", которая по своему содержанию не может остаться незамеченной. Но помимо содержания, самая форма этой полемики невольно обращает на себя внимание и может вполне служить для характеристики этих двух изданий. Насколько в статьях „Вестника Европы" замечается сдержанности и приличия, настолько в „Новом Времени" замечается развязности, тривиальности, нахальства и самомнения...

„Вестник Европы", назвав славянский вопрос вопросом для нас внешним, говорит: Мы не понимаем, какая логика заключается в таком соображении, что война сербов с турками и хотя бы война России с Турцией будет плодотворнее обсуждения наших внутренних вопросов. Вся эта теория оживления общества посредством войны есть теория совершенно ложная. Войной именно только отвлекается внимание от внутренних реформ, и это отлично сознавали бонапартисты..."

Суворин утверждает, что „доктринер „Вестника Европы" ставит, между прочим, излюбленную тему либералов: надобно чтоб нас побили, тогда мы шагнем вперед, а если мы побьем — тогда беда". — Во-первых, в статье „Вестника Европы" мы такой фразы нигде не заметили; выводить же такое положение из выписанного нами отрывка представляется нам очень недобросовестной натяжкой... Наконец, Ваше обвинение уважаемого хроникера в выражении подобной нелепой мысли представляется нам полицейски-сыскным направлением, против которого Вы когда-то ратовали, а теперь, сделавшись издателем газеты, стали сами его придерживаться... Затем Вы, в минуту наибольшего одушевления общества, в минуту самого высокого настроения национального самолюбия своей выдумкой натравливаете мнение Ваших читателей на человека, осмеливающегося запеть с вами не в унисон, и в этом отношении слова Ваши могут остаться не без влияния.

... Позволим себе посоветовать Вам держать себя перед публикой гораздо и гораздо поскромнее, в противном случае Вы доболтаетесь до того, что кончите хуже „Голоса", хуже „Московских ведомостей"».

[5] Головачев весьма близко передает здесь «ядовитые» мысли и замечания Салтыкова. Вот что, например, писал сам сатирик Некрасову 13 октября 1876 г.: «Мое личное мнение, что вопрос этот ⟨славянский⟩ для России не полезен. Под шумок его издан, например, закон, разрешающий губернаторам издавать обязательные постановления или, попросту говоря, законы же. Это невероятно, но это правда. Когда я представлял в „Истории одного города" градоначальника, который любил писать законы, то и сам не ожидал, что это так скоро осуществится» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIX, 78). О том же П. В. Анненкову, в письме от 1 ноября 1876 г.: «У нас здесь не то, что скучно, а как-то срамно. С одной стороны, Черняев с своими добровольцами разъясняет перед лицом Европы, что такое господа ташкентцы, с другой стороны, в такие серьезные минуты издается постановление, в силу которого губернаторам предоставляется право писать законы... У меня был изображен Помпадур, имевший страсть к законодательству и писавший средние законы, между прочим „устав о печении пирогов" („запрещается печь пироги из песку, глины и прочих строительных материалов") — теперь этот Помпадур будет воспроизведен в самой жизни. Так-то жизнь иногда идет на перебой самой невероятной сатире» (там же, 79—80). Щедрин имеет тут в виду, как и Головачев, положение Комитета министров от 13 июля 1876 г., давшее губернаторам право издавать обязательные постановления.

[6] Намерение свое Головачев осуществил. Анализу денежного и промышленного кризиса и указаниям путей его преодоления он уделил заключительную часть своей статьи в «О. З.», 1876, XI: «Государственная роспись доходов и расходов на 1876 год и отчет Государственного контроля за 1874 год».

[7] Евграф Александрович Головин — врач, наблюдавший больного Некрасова в Ялте. (См.: Н. А. Белоголовый. Воспоминания, 386).

И. А. ГОНЧАРОВ

Иван Александрович Гончаров (1812—1891) и Некрасов, при всем различии их идейно-политических позиций, характеров, склонностей и вкусов, на протяжении тридцати лет (они познакомились в 1846 г.) поддерживали довольно близкие отношения друг с другом. Во втором из публикуемых писем Гончаров называет себя «старым приятелем Некрасова». Гончаров, по свидетельству мемуаристов, недолюбливал

И. А. ГОНЧАРОВ
Гравюра И. П. Пожалостина, 1879 г.
Лист с собственноручной подписью художника
Музей изобразительных искусств, Москва

Некрасова как человека, но о его произведениях отзывался всегда с большой похвалой и, в качестве цензора, старался оказать свое содействие Некрасову, когда в 1859 г. у того возникло предположение о печатании второго издания своих стихотворений (см.: В. Евгеньев-Максимов. В цензурных тисках. — «Книга и Революция», 1921, II, 36—47). Некрасов, с своей стороны, также не был высокого мнения о личности Гончарова, но высоко ценил его как писателя. Подробности см.: В. Евгеньев-Максимов. Некрасов в кругу современников. Л., 1938, 7—36.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 134, оп. 8, № 10).

<1>

Среда, 30 июля <11 августа н. с. 1869 г.>
Paris, Rue Neuve, St Augustin, 48

Нужды нет,что «холодище», а Вы все-таки купайтесь, любезнейший Николай Алексеевич: море — не река, не простудит, а укрепит Вас. Берегитесь только сквозных ветров и гуляйте после купанья не менее получаса [1].

Куда Вас еще нелегкая несет, в Трувиль: вместо морской захотели пресной воды! Ведь там две речки впадают около — и опресняют воду. Уж если хочется перемены, так велите себя везти через Булонь и Кале, в Брюссель и в Остенде.

А я завтра или послезавтра в свой (или свою) Булонь: привык, знаю место, и даже не тягощусь одиночеством.

Если бы Вы, паче чаяния, переехали в Булонь, то остановитесь там в Hôtel de la Marine, она же и Hôtel Brighton. А если там нет, то в Hôtel du Grand Pavillon.

Но берегитесь отели Bedford! Впрочем это напрасное предостережение, Вы туда не поедете.

Но от моря отнюдь не убегайте преждевременно — и если уже Ваша гнусная избалованность не позволит Вам выдержать полных 3 недели, т. е. взять 21 ванну (это курс), то возьмите хоть 15 или 16 — и потом поблагодарите меня, старика!

Здесь теперь Турунов с одной из своих дочерей. Он приехал из Карлсбада взглянуть, перед возвращением домой, на Париж. Он ничего здесь не знает и я немного его руководствую.

Он живет надо мной — и, вероятно, будет усердно Вам кланяться, когда узнает, что я получил от Вас известие. Он добрый вообще, и к Вам очень расположен [2].

Кланяюсь Вам, Петру Ивановичу [3] и — до свидания в Петербурге.

Если Mme Céline [4] там, то передайте ей мои поклоны и приятные воспоминания.

И. Гончаров

[1] Письмо относится к 1869 г. Помечено оно по старому стилю — 30 июля. Это число приходилось на «среду», обозначенную Гончаровым перед датой, в 1869 г. Адресовано письмо в Диепп, где в это время и находился Некрасов.

[2] Михаил Николаевич Турунов (1831—1890) — председатель С.-Петербургского цензурного комитета (1863—1865), член Совета Главн. управл. по делам печати (1866—1872), сенатор. См. в настоящей публикации его письмо к Некрасову из Парижа с той же датой 30 июля/11 августа 1869 г., что и письмо Гончарова.

[3] Петр Иванович Сизеневский—морской врач, сопровождавший Некрасова в заграничной поездке. В письме от 29 июля/10 августа 1869 г. из Диеппа Некрасов просил В. М. Лазаревского похлопотать, чтобы Сизеневского не требовали в Петербург на службу (Некрасов, V, 468).

[4] Селина (Александровна) Лефрен-Потчер — артистка французской труппы Михайловского театра в Петербурге, с которой Некрасов сблизился в конце 1863 или в начале 1864 г., после разрыва своих отношений с Авдотьей Яковлевной Панаевой. В середине апреля 1869 г., когда Некрасов выехал из Петербурга за границу (Ашукин, 364), Лефрен приехала в Трувиль, курортный городок на берегу Ламанша, где прожила весь май и июнь со своей матерью. Некрасов же лечился в это время в Висбадене, Интерлакене и Киссингене. Они переписывались, и Лефрен приглашала Некрасова к себе. Некрасов колебался, но в Трувиль не поехал. Они встретились в Париже, куда Некрасов приехал 17/29 июля. Вместе они были гостями у Гончарова. «Видели в Париже Гончарова и обедали на его счет», — писал Некрасов сестре 4/16 августа (Некрасов, V, 468). Через несколько дней они уехали на морские купанья в Диепп (куда прибыли 20 июля/1 августа) и остановились в Hôtel Impérial, 18 (Некрасов, V, 466). Здесь Некрасов и Лефрен провели август (н. с.), последний месяц их совместной жизни. 18/30 августа Некрасов вновь ездил на сутки в Париж, чтобы проводить Лефрен, и оттуда вернулся в Петербург. Решение о разрыве с Лефрен далось Некрасову не легко. О его душевном состоянии в это время дает представление его письмо к сестре А. А. Буткевич от 13/25 августа 1869 г. (Некрасов, V, 469—471). В Россию Лефрен больше не возвращалась, но Некрасов

продолжал помнить о ней и помогать ей (Некрасов, V, 577), а умирая, оставил ей по завещанию десять с половиной тысяч рублей.

В ЦГЛА хранятся четыре неизданных письма Селины Лефрен к Некрасову (на ломаном русском языке). Три из них относятся как раз к 1869 г., к периоду прекращения их отношений.

⟨2⟩

⟨Петербург⟩, 28 янв⟨аря 1873 г.⟩

У Вас, верно, есть отдельные оттиски Вашей новой, чудесной поэмы «Русские женщины», любезнейший Николай Алексеевич; подарите мне,

СЕЛИНА ЛЕФРЕН-ПОТЧЕР
Фотография 1860-х гг.
Литературный музей, Москва

пожалуйста, один, и если можно 1-ю часть также [1], а если этого нет, то хоть одну вторую. Я не имею Отеч⟨ественных⟩ Запис⟨ок⟩ и читал ее мимоходом — у других. А мне непременно хочется ее иметь — и, кроме того, я желаю прочесть ее в одном доме. На меня и на всех ⟨поэма⟩ производит сильное впечатление.

Ваш Гончаров

Я оставлю эту записку, если не застану Вас дома.

Сбоку: Если пришлете, то не забыли ли моего адреса: в Моховой, дом Устинова — и извините старого приятеля за нескромную просьбу.

[1] Первая часть поэмы Некрасова «Русские женщины.— Княгиня Т⟨рубецкая⟩» напечатана в «О. З.», 1872, IV; вторая — «Княгиня М. Н. Вол⟨кон⟩ская»— в «О. З.», 1873, I (книжка вышла из печати 22 января). Некрасов немедленно исполнил первую половину просьбы Гончарова и послал ему и январскую книжку «О. З.», 1873 г. и отдельный оттиск «Княгини Волконской». Гончаров благодарил его за это в публикуемом ниже письме от 31 января 1873 г.

⟨3⟩

⟨31 января 1873 г.⟩

Большое спасибо Вам, любезный Николай Алексеевич, за присылку «Отеч⟨ественных⟩ Записок»; но всего более за отдельный оттиск поэмы. Благодарю и З⟨инаиду⟩ Н⟨иколаевну⟩, которая, вероятно, любезно участвовала в этом деле.

Между тем, к слову — хочу предупредить Вас насчет некоторых слышанных мною на месте и переданных Вам мелких подробностей о житье-бытье героев и героинь Вашей поэмы [1]. Мне кажется, их надо подвергнуть некоторой цензуре к⟨нязя⟩ М⟨ихаила⟩ С⟨ергеевича⟩ Волконского [2], как живого свидетеля, участника и, следоват⟨ельно⟩, единственного верного источника, потому что я слышал их давно, в толпе, не помню от кого, а о более или менее известных лицах всегда ходит много слухов и анекдотов, проверить которые могут только близкие люди. Поговорите с ним, чтобы не вкралось в характер каких-нибудь неверностей.

Полагаю также, что и ссылаться — в предисловии или примечаниях — можно только или на печатные источники, или на этих же самых близких лиц, то есть князя Волконского и других еще живых свидетелей.

Все прочие в этом деле никакого авторитета иметь не могут — и потому, если известие окажется неверно, то могут сказать, что их выдумали нарочно, вон как Бурнашов, говорят, выдумал много пустяков [3].

Поэтому и на меня (как хотели было) тоже неловко ссылаться, а также и на других подобных же неблизких людей.

Намек в нескольких строках в моей книге на этих героинь — такая ничтожная капля, что — ради бога — и не упоминайте о ней [4].

Я привел его на память только как доказательство того, как судьба этих женщин сильно действует на воображение — что я вспомнил о них наряду с другими сильными историческими женщинами, а Вы избрали их судьбу и характеры сюжетом для целой поэмы.

Впоследствии другие будут, вероятно, делать из них статуи, драмы и т. д. Это самый благодарный предмет для искусства, а теперь, пока близко, нужно, к сожалению, соблюдать осторожность. Еще раз спасибо — и до приятного свидания.

Ваш И. Гончаров

31 января

[1] Возвращаясь в 1854 г. из Японии через Сибирь, Гончаров проезжал места ссылки декабристов и узнал от очевидцев ряд подробностей об их подневольном быте, которыми, как видно из письма, и поделился с Некрасовым. Последний хотел сослаться на эти рассказы в отдельном издании поэмы или в задуманном продолжении ее как на один из своих источников, но был остановлен в своем намерении. Не только писатель, но и крупный чиновник-цензор Гончаров, «соблюдая осторожность», не хотел, чтобы его имя связывалось с революционной поэмой.

[2] Михаил Сергеевич Волконский, князь (1832—1907) — сын известного декабриста, князя Сергея Григорьевича Волконского и его жены княгини Марии Николаевны, рожд. Раевской. Был близко знаком с Некрасовым. В 1864 г., отзываясь с восторгом о поэме «Мороз, Красный нос», просил у Некрасова оттиска поэмы для посылки отцу, жившему в Италии (Ашукин, 293). В июне 1872 г. Некрасов провел с ним несколько вечеров; по просьбе поэта Волконский читал ему французские «Записки» своей матери и тут же переводил их на русский язык. Некрасов слушал и делал заметки карандашом в своей тетради. Заметки эти — они опубликованы (не вполне исправно) В. Чешихиным-Ветринским в «Некрасовском сборнике», Ярославль, 1922—послужили основным материалом для поэмы «Княгиня М. Н. Волконская». Перед печатанием

поэмы Некрасов показывал рукопись Волконскому, и тот просил об исключении нескольких строк. О «Русских женщинах» по выходе их из печати Волконский отозвался хвалебным письмом от 14/26 марта 1873 г. из Флоренции («Красная Нива», 1928, I, 8).

[3] Владимир Петрович Бурнашев (1809—1888) — плодовитый литератор (по специальности агроном), писавший под псевдонимами: Виктор Бурьянов, Ардашев, Борис Волжин и Петербургский старожил. Им написан, среди прочего, ряд литературно-увлекательных, но мало достоверных, а иногда и вовсе апокрифических мемуарных очерков: «Четверги у Н. И. Греча» («Заря», 1871, IV), «Мое знакомство с А. Ф. Воейковым в 1830 г. и его пятничные литературные собрания» («Русский Вестник», 1871, XCV и XCVI), «Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников» («Русский Архив», 1872), «Булгарин и Песоцкий — из воспоминаний» («Биржевые Ведомости», 1872, № 284—285), «К истории нашей литературы недавнего прошлого» («Биржевые Ведомости», 1872, № 347—348) и др.

[4] Речь идет, очевидно, о следующем месте из гл. VII пятой части гончаровского «Обрыва» (1-е отд. изд., СПб., 1870, II, 502—503):

«С такою же силой скорби шли в заточение с нашими титанами, колебавшими небо, их жены, боярыни и княгини, сложившие свой сан, титул и унесшие с собой силу женской души и великой красоты, которой до сих пор не знали за собой они сами, не знали за ними и другие и которую они, как золото в огне, закаляли в огне и в дыме грубой работы, служа своим мужьям-князьям и неся их и свою беду. И мужья, преклоняя колена перед этой новой для них красотой, мужественно несли кару. Обожженные, изможденные трудом и горем, они хранили величие духа и сияли, среди испытаний, нетленной красотой, как великие статуи, пролежавшие тысячелетия в земле, выходили с язвами времени на теле, но сияющие вечной красотой великого мастера».

‹4›

Среда ‹7 февраля 1873 г.›[1]

Вы были бы очень довольны, Николай Алексеевич, если б видели сами эффект, произведенный чтением Вашей поэмы на слушателей, и особенно на слушательниц.

Изъявлено было желание иметь первую часть, и я обещал достать, в надежде на Ваше содействие, а у меня у самого нет.

Если можно, т. е. если у Вас есть отдельно брошюра 1-й части, — не дадите ли Вы и ее мне? Если же нет — то на нет и суда нет — я так и скажу.

Ваш Гончаров

P. S. Беда мне — обед в 4 часа; сегодня ночью с голода волком выл, а от вина без зельцерской воды и без привычки — ревел белугой.

[1] Из предыдущего письма видно, что Гончаров, получив от Некрасова отдельный оттиск «Княгини Волконской» 31 января 1873 г., благодарил его за выполнение первой половины своей просьбы. Поэтому настоящая записка, повторяющая вторую половину просьбы о присылке «Княгини Трубецкой», датируется предположительно следующей после 31 января средой — 7 февраля 1873 г.

Д. В. ГРИГОРОВИЧ

Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899) принадлежал к числу старейших сотрудников «Современника», с редакторами которого, Некрасовым и Панаевым, был связан не только давним знакомством, но и дружбой. В «Современнике» 40—50-х гг. были напечатаны все основные произведения Григоровича: «Деревня», «Антон Горемыка» и роман «Рыбаки», которому посвящено первое из публикуемых писем.

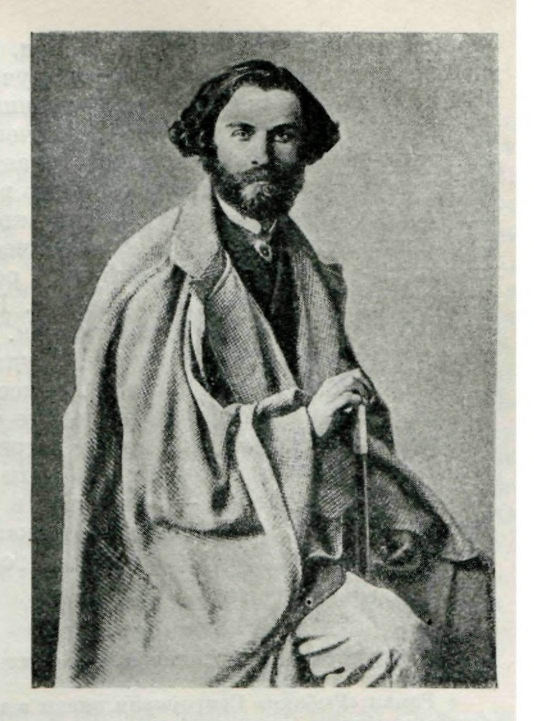
Отрицательно отнесясь к вхождению Чернышевского в «Современник» и поместив в «Библиотеке для Чтения» (1855, IX) повесть «Школа гостеприимства», в которой содержался пасквиль на Чернышевского, Григорович, однако, не порвал тогда с Некрасовым. Наоборот, в одном из своих писем к нему он признался, что «Школа гостеприимства» ему самому «казалась мерзкою» («Некрасовский сборник», 1918, 103). Когда в 1857 г. был реализован план Некрасова о привлечении к исключительному сотрудничеству в «Современник» четырех корифеев тогдашней литературы, то в их число вошел и Григорович, и проявил в качестве «исключительного сотрудника» несравненно бо́льшую активность, чем Тургенев и Толстой. В 1858 и 1859 гг. Григорович ничего не печатал в «Современнике», но это объясняется просто тем, что в это именно время он совершал, по поручению морского министерства, длительное плавание вокруг Европы на корабле «Ретвизан». По возвращении в 1860 г. в Россию, Григорович вновь начал работать в «Современнике». Несмотря на то, что этот год ознаменовался окончательным разрывом столь близкого ему идеологически Тургенева с группой «Современника», Григорович писал тогда Некрасову о своем горячем сочувствии направлению журнала (см. публикуемое ниже письмо от 3.IX 1860 г.). В «Современнике» (1860, III и XI) он напечатал свои «Парижские впечатления» (вошли впоследствии в его книгу «Корабль Ретвизан», составив в ней 4-ю главу) и повесть «Пахотник и бархатник», которой посвящено второе из публикуемых здесь писем. Но на этом и завершилось его сотрудничество в журнале Некрасова и Чернышевского. В происшедшем расколе между революционно-демократической и либерально-дворянской группами писателей Григорович в конце концов примкнул к последним и оставил «Современник».

Письма печатаются по автографам ГПБ и ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 26).

‹1›

Ноября 29 ‹1852 г.›, Дулебино [1]

Посылаю Вам 1-ю часть романа, любезнейший Николай Алексеевич; квитанцию, полученную с почты за пакет, не препровождаю, потому что следовало бы лишний раз послать в Зарайск, — а время не терпит; сегодня 29; Вы получите, следовательно, рукопись 5-го, — самый крайний срок для начала печатания. Извините, бога ради, что роман не переписан. Меня это, не шутя, огорчает. Дело в том, что я могу выправить, как следует, тогда только, когда переписываю. Что мог, — сделал; раз прочел, кое-что переправил, но чувствую, что все это недостаточно. Пожалуйста, как прежде еще говорил Вам (хоть Вы мне веры никогда не давали), не предполагайте во мне настолько самолюбия, чтобы я мог оскорбиться, встречая исправления в печати. Напротив того, прошу Вас или Панаева прочесть как можно внимательнее коррект‹уру› и разгладить все складки, какие только найдутся, — кроме, однакож, простонародного языка, который у меня верен. Душевно сожалею, что не могу оставить у себя романа; рано еще ему печататься! Уж так и быть, промаялся бы зиму в деревне, зато к будущему году отделал бы роман на славу [2]. Вторую часть пришлю Вам через две-три недели (не позже Рождества однакож), в ней заключается вся сила, и потому следует поработать над нею, хотя она давно уже готова. Третью часть сам привезу. Это произойдет не раньше января. Три главы надо написать вновь, не нравятся; две последние вовсе еще не написаны; после «Проселоч‹ных› дорог» [3] я дал себе слово не писать

Д. В. ГРИГОРОВИЧ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

с плеча, работать тогда только, когда есть расположение. Скучаю часто на смерть; первый раз провожу зиму в деревне; Вам не желаю испытать этого, да и никому. Беда! Выпадают такие дни, что, кажется, босиком побежал бы в Петербург. Но раньше середины января не успею выбраться, остается еще 5 глав. Следует теперь подумать о цензуре: 1-я часть пройдет без помарки; за некоторые главы 2-й части сильно побаиваюсь [4]. Надо устроить так, однакож, чтобы овцы были целы и волки сыты. Припоминая очерк «Львов в провинции» [5], поданный Вами в цензуру, — я совершенно полагаюсь на Вас. Вот Вам, в случае надобности, содержание «Рыбаков». У семьянистого рыбака Глеба — приемыш. Приемыш и младший — любимый сын Глеба — росли вместе; первый обнаруживал худые свойства, второй — отличные. В 2-х верстах от Оки, на луговом берегу, озеро; там живет другой рыбак, — старик и его дочка. Приемыш и сын Глеба ходят учиться грамоте к старику на озеро. Сын Глеба учится прилежно, приемыш повесничает. Проходит несколько лет. Молодые люди с детства попривыкли к дочери рыбака, а под конец полюбили ее. Но та, побежденн⟨ая⟩ удалью и красотою приемыша, отдает ему поневоле преимущество. Из родных никто, конечно, ничего не подозревает. Глеб (человек упрямый, крепкий, деспот в семействе) задумал женить сына на рыбаковой дочери. Глеб — гроза своего семейства, уважение и страх к нему беспредельные. Ослушаться никто не смеет и подумать. Но тут приходит Глебу очередь отдавать из семейства своего рекрута. Раздумывать долго нечего: пойдет приемыш! Сын его (настроенный чтением священных книг, к которым пристастился почему-то) не допускает этого и первый раз осмеливается объясниться с отцом: «ведь это выходит, — говор⟨ит⟩ он, — кровь христианскую продавать!» (факт). Вид драматических сцен,— семейных однакож, но отнюдь не политичных, следственно, не слишком противных цензуре. Вопрос о солдатчине затемнен, разумеется, с подобающим старанием. Год спустя, приемыш женится на дочери озерского рыбака. Он делает ее несчастною, связывается с негодяями, спивается с кругу под конец (но также цензурно спивается). Один за другим, Глеб, его жена, умирают. Семейство разделяется, раздробляется. Приемыш платит за все самою

черною неблагодарностию. Наконец, погибает (следствие дурного поведения). Но кончается все благополучно с добродетельными личностями романа. Вдова приемыша, ее 90-летний отец и дети живут в честной бедности. Является унтер-офицер, отличенный, как только может быть отличен унтер-офицер. Он всех пристраивает и живет с ними, как родной сын [6]. Не думайте однакож, чтобы все было в сущности так пошло. Главное дело, как всегда у меня бывает, заключается в характерах, сценах, деталях. Обращено также внимание на поэтическую сторону быта. Вы советовали мне когда-то написать что-нибудь в роде «4-х врем⟨ен⟩ год⟨а⟩» [7]. Здесь поэзия будет, кажется, посерьезнее. Рыбаки будут в роде Антона Горемык⟨и⟩ [8], только мотив не так мрачен. Дай только бог, чтобы все это понравилось и не показалось скучным. Трудился я сильно; что вышло из того, — не знаю. Вот еще что, Николай Алексеевич: у меня гроша нет; приехать в Петерб⟨ург⟩ не могу, если не дадите руки помощи. Теперь же начинается подписка, и в деньгах не может встретиться затруднения, особенно если дело все в 1 0 0 целков⟨ых⟩ [9]. Нападет, может быть, хорошая полоса, работу кончу раньше, — захочется в Петерб⟨ург⟩ ехать, — а тут сиди, как рак на мели; не забудьте же, пожалуйста, меня. Чем скорее пришлете, тем лучше. Прощайте, кланяйтесь всем и не забывайте преданного Вам

Григоровича

[1] Датируется на основании содержания письма (сообщение о работе над романом «Рыбаки»).

[2] Роман «Рыбаки» Григорович писал в тихой деревенской обстановке, в своем небольшом имении, доставшемся ему от отца, селе Дулебине (тогда Зарайского уезда, Рязанской губ.). По его словам, он «никогда не мог написать строчки в Петербурге» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. «Academia», Л., 1928, 284—285).

[3] Неудачный роман Григоровича «Проселочные дороги», посвященный изображению помещичьего быта в юмористических, «под Диккенса», тонах, был напечатан в «О. З.» (Краевского), 1852, XXX—XXXIII.

[4] Цензурные опасения Григоровича оказались основательными. «Рыбаки» стали печататься в «Современнике» в 1853 г., начиная с мартовского номера. Но 10 июля И. И. Панаев сообщает писателю неприятное известие, что цензор Фрейганг «находит неприличными сцены в кабаке, и к фабричным он также не имеет расположения. Все это надо уничтожить для ценсуры; в корректурах, которые я Вам прислал, видно, что смущает ценсуру, по отметкам». (См.: «Литературная Мысль», 1923, II, 195). Пришлось спешно переделывать роман, сообразуясь с цензурными требованиями, что вызвало приостановку его печатания («Рыбаки» появились в «Совр.», 1853, III—IV и IX).

[5] Речь идет о романе И. И. Панаева «Львы в провинции», напечатанном в Совр.», 1852, XXI—XXXV.

[6] Материалом для романа, по собственному признанию Григоровича, послужили его наблюдения над жизнью окрестных поселян: «В последние годы в нашем Приокском крае усиленное развитие фабричного миткалевого производства заметно вредило не только хлебопашеству, но нарушало в крестьянском семейном быту патриархальные нравы, которые я застал еще в юности. В деревнях стали появляться молодые щеголи, в жилетке поверх рубашки, в фуражке с козырьком, высоких сапогах, с гармонией в руках и папироской в зубах, не имевшие ничего общего с их отцами и дедами; в деревнях начались разврат, пьянство, неповиновение родителям. Героем моего нового романа выбрал я знакомого мне старого рыбака, закоснелого в своих привычках и верованиях, и противопоставил ему лиц нового поколения; борьба между этими двумя противоположностями должна была служить завязкой романа» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. «Academia», Л., 1928, стр. 216). Итак, свой роман писатель мыслил как протест против разложения, внесенного фабрикой в идеализированный им крестьянский патриархальный быт.

[7] Рассказ Григоровича из крестьянской жизни «Четыре времени года» был напечатан в «Совр.», 1849, XVIII.

[8] Повесть из крестьянского быта «Антон Горемыка», создавшая Григоровичу громкое литературное имя, была напечатана в «Совр.», 1847, VI.

[9] Просимую сумму Некрасов выслал 10 апреля 1853 г. См. в настоящем томе (в разделе «Письма Некрасова») письмо к Григоровичу под названной датой. В письме содержится объяснение причины задержки с высылкой денег и дается высокая оценка «Рыбакам».

⟨2⟩

⟨3 сентября 1860 г.⟩[1]

Спешу предупредить Вас, дорогой друг Николай Алексеевич, что повесть «Пахотник и бархатник» готова, т. е. вчера я ее кончил. Сегодня же начну выправлять ее и приступлю к переписке, что займет дней десять времени; повесть вышла лучше, чем я ожидал; я все это время находился в отличном расположении и написал ее сразу. Она вроде «Четырех времен года», только больше в ней содержания и характеров; Вы можете мне поверить, потому что знаете,— я вообще скромно сужу о своих произведениях. Теперь вот какие обстоятельства: мы слишком давно хорошо знакомы, чтобы не быть откровенными в отношении друг к другу; скажите мне прямо и скорее — нужна ли Вам повесть моя? Вы, я знаю, скопили множество вещей на осень и зиму; у вас роман Авдеева и другие повести [2]. Дело в том, что повесть моя по содержанию своему должна быть напечатана в октябре, не позже; после манифеста освобождения от крепостного права, — она была бы чем-то вроде горчицы после обеда. Итак, отвечайте скорее, — высылать ли Вам ее к 1-му октября. Если да, — не беспокойтесь, она явится к Вам к сроку. Если нет, я отправлю ее в «Русск⟨ий⟩ Вестн⟨ик⟩», который, когда проезжал я через Москву, убедительно просил меня дать что-нибудь. Мне хотелось бы, однако ж, чтобы повесть напечатана была в «Совр⟨еменнике⟩»; я назначил ее туда потому, что содержание ее, как сами увидите,— отвечает как нельзя лучше общему напр⟨авлению⟩ журнала, направлению, которому я горячо сочувствую [3].

Итак, жду Вашего ответа, но пишите скорее, чтобы все могло сделаться во-время. Пишу о том же Панаеву на тот случай, если Вас нет в Петербурге. Кланяюсь Чернышевскому, Добролюбову и Авдотье Яковлевне, а Вас обнимаю.

Григорович

Сентября 3-го

В повести более 5 листов; она, следовательно, наполнит весь отдел словесности и Вам нечего хлопотать.

[1] Датируется по содержанию письма. Повесть «Пахотник и бархатник» была напечатана в «Совр.», 1860, XI.

[2] Роман М. В. Авдеева «Подводный камень». — «Совр.», 1860, X, XI.

[3] Изображая в «Пахотнике и бархатнике» взаимоотношения помещичьего класса и крестьянства, Григорович не пожалел красок, чтобы обрисовать всю тяжесть помещичье-крепостнической эксплоатации, причем подчеркнул, что всякие, даже самые робкие, попытки протеста со стороны крепостных рабов сурово пресекались.

С. С. ГРОМЕКА

В конце 50-х годов, в период подготовки реформ, оживленному обсуждению подвергался вопрос о необходимости расширения гражданских прав евреев.

В июне 1858 г. в «Современнике» появилось очередное «Современное обозрение», посвященное обзору статей по еврейскому вопросу, написанных Пироговым, Герсевановым и Мандельштамом. Автор обозрения, Е. Карнович, указывал, что «без теплого сочувствия к бедственной доле еврейского племени, без отрешения от вековых предубеждений, никак нельзя действовать в пользу еврейского народа».

В той же связи в следующей, июльской, книжке «Современника» был помещен очерк «Польские евреи», принадлежавший известному либеральному публицисту Степану Степановичу Громеке (1823—1877), отставному жандармскому офицеру, автору обличительных статей о полиции («Русский Вестник», 1857—1859).

Громека, ранее занимавший должность городничего в Бердичеве, хорошо знал жизнь местных евреев. В своем очерке, по словам самого Громеки, он ставил целью не только раскрыть «дурные стороны» еврейского быта, но одновременно «указать на общественные условия, которые служат главным источником этих явлений».

«Главным предметом моей статьи была рекрутская повинность евреев». Этому была посвящена последняя глава, без которой «статья представилась бы лишь бессвязным собранием анекдотов» (С. Громека. Вынужденное объяснение. — «Русский Вестник», 1858, XVII; Современная летопись, сентябрь, кн. 1, стр. 90—95). Именно эта последняя глава, по всем данным, была запрещена цензурой, и «Современник» напечатал статью без нее.

В ответ на статью Громеки Я. Розенблат поместил в «Отеч. Зап.» (1858, IX, отд. III, 69—80) негодующую заметку. В ней, со ссылкой на упомянутое выше «обозрение» Карновича, констатировалось «противоречие „Современника" с самим собою», свидетельствующее о том, «как шатки еще убеждения относительно евреев у нас и в образованном кругу».

Еще больше сетовал Я. Розенблат на самого Громеку, выступление которого, по его словам, шло в разрез с его либеральной репутацией: «Мы вправе были ожидать от него, что он так же смело и благородно укажет на общественные условия, как на главный источник дурных явлений еврейского быта, как он указал на то, что дурные общественные условия производят дурную полицию».

Громека поспешил напечатать в «Русском Вестнике» свое «Вынужденное объяснение», уже цитированное нами. Признавая частичную справедливость упреков Розенблата, Громека указывал, что они относятся лишь к искаженному в печати тексту статьи и, следовательно, касаются не его, а редакции «Современника»: «По выходе седьмой книжки „Современника", я хотел протестовать печатно, но потом решился чрез друзей моих попросить предварительно объяснение от редакции „Современника". Объяснение это, весьма неудовлетворительное, впрочем, я получил лишь недавно». (Здесь имеется в виду, очевидно, письмо Некрасова, ответом на которое является публикуемое письмо Громеки от 28 сентября 1858 г.).

В ответ на «объяснение» Громеки «Современник» напечатал статью Добролюбова «Торжество благонамеренности, или обвиненный „Современник" и оправданный г. Громека в деле о неуважении еврейской народности» («Совр.», 1858, X, 287—290 без подписи).

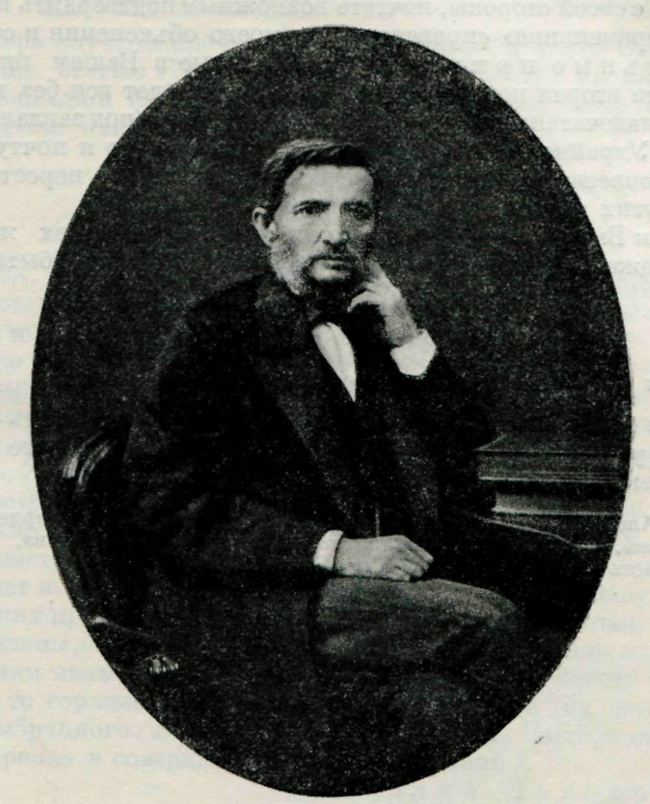
Излагая в ироническом тоне обстоятельства напечатания статьи и претензии Громеки, Добролюбов намекает на то, что сокращение конца не зависело от редакции (т. е было произведено цензурой). Одновременно Добролюбов стремится доказать, что редакционные поправки и мелкие сокращения ослабляли те элементы статьи, в которых можно было усмотреть антисемитский привкус, и что, таким образом, обвинение в «неуважении еврейской народности» должно быть снова переадресовано самому Громеке. Так, в ответ на упреки Громеки в изменении заглавия его статьи (вместо «Воспоминаний об Украйне» — «Польские евреи»), Добролюбов, указывает, что первоначальное заглавие было просто «Жидки». «Просим также извинения, — пишет Добролюбов, — за то, что во многих местах осмелились заменить слово „жидки" словом „евреи"».-

Ср. комментарии А. Предтеченского к этой статье. — Полн. собр. соч. Добролюбова, М., 1936, III, 611.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 214. 5 ХС).

〈Вышний Волочек 28 сентября 1858 г.〉

Любезное письмо Ваше от 18 сентября я получил только сегодня, т. е. ровно чрез 10 дней: оно странствовало по железной дороге взад и вперед вместе или лучше сказать в с л е д за мною. Между тем неделю тому назад или более я писал к Ипполиту Александровичу Панаеву, прося известить Ивана Ивановича, что по поводу рецензии, помещенной на мою статью

С. С. ГРОМЕКА
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

в «Отеч〈ественных〉 Запис〈ках〉», я уже послал ответ в «Русский Вестник».

Таким образом, к сожалению, желание Ваше о присылке этого ответа к Вам не может быть исполнено. Меня так огорчила эта рецензия, что я в тот же день как прочитал ее, отослал ответ к Каткову.

Признаюсь Вам откровенно, что появление моей статьи в искаженном виде в «Современнике» было для меня невыносимо неприятно.

Я в то же время сообщил Крониду Панаеву [1] мои ощущения и опасения. Я более всего опасался от наших евреев упрека в отсутствии снисходительности; словом, статья, в том виде, в каком она явилась, делалась п о с т у п к о м. Нападение, как Вам известно, сделано именно с этой стороны. Молчать далее я не мог, при всем желании моем не ссориться с

«Современником»,—желании тем более искреннем, что личное мое уважение к Вам как к поэту, доставившему мне — как и всем русским — столько душевного наслаждения, было глубоко.

Я не имею претензии на звание литератора и зная, что не имею серьезного таланта, легко перенес бы всякое нападение на литературную сторону моих статей. Но упрека в дурном поступке, нападения на человеческую сторону моих статей, я перенести не мог, потому что всего менее заслужил это.

Вы, следовательно, оцените мое положение и простите мне то объяснение, которое я был вынужден дать рецензенту чрез «Русский Вестник». Если же Вы, с своей стороны, почтете возможным подтвердить в следующем нумере «Современника» справедливость моего объяснения и сошлетесь на официальные причины (объясненные в Вашем письме), или, наконец, если вторая половина моей статьи пройдет вся без изменений и будет Вами напечатана при небольшом объяснении (под заглавием «Воспоминания об Украйне», а не «Польские евреи») [2] — то я почту себя окончательно удовлетворенным и кроме благодарности не перестану питать никаких других чувств к «Современнику».

Лично же к Вам я остаюсь, во всяком случае, при тех же чувствах высокого уважения и преданности, с коими имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою

С. Громека

28 сентября ⟨1858 г.⟩ Вышн⟨ий⟩ Волочек

P. S. Если вторую половину статьи Вы решите напечатать — что было бы для меня утешением — то крайне обяжете, если пришлете ко мне чрез Кронида Александровича корректурные листы.

[1] Кронид Александрович Панаев, штабс-ротмистр лейб-гвардии уланского полка в отставке, — родной брат Ипполита Александровича Панаева.

[2] Вторая часть статьи Громеки в «Совр.» напечатана не была.

В. Д. и Н. Д. ДАВЫДОВЫ

Ко времени написания публикуемого письма два старших сына Дениса Васильевича Давыдова были отставными гвардейскими офицерами.

Василий Д. Давыдов (1822—1882) — с 1851 г. гвардии штабс-капитан в отставке, сызранский предводитель дворянства, сотрудничал в «Русском Архиве» и «Русской Старине» (ср. его автобиографическую запись и дилетантские стихи в альбоме М. И. Семевского «Знакомые», СПб., стр. 10 и 15). Николай Д. Давыдов (1825—1879?) — гвардии штабс-капитан в отставке, саратовский предводитель дворянства.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 203, № 71).

⟨3 марта 1876 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Только вчера случаем прочитали мы в январской книге Отечественных Записок Вашу статью «Герои времени» и на 27 стр. мы были не мало удивлены, нашедши имя нашего отца. Вам угодно было сказать следующее в ответе какого-то князя Ивана:

Я из чести, не из видов,
Подружиться с ним готов.
Прежде был Денис Давыдов
Нынче — Фомка Хватунов!

Признаемся, мы в большом недоумении, как могло встретиться подобное сопоставление этих двух имен. Предыдущая речь идет об каком-то мошеннике, взявшем деньги за орошение и не исполнившем своего условия, и тут же совершенно неожиданно и непонятно для нас является имя Дениса Давыдова. Ваша слава как поэта слишком упрочена, чтобы предполагать, что Вы употребили его исключительно для богатства или оригинальности рифмы или просто не приискавши другой, а вероятно имело другую цель. Желание узнать ее заставляет нас обратиться к Вам с покорнейшею просьбой дать себе труд разъяснить нам Вашу мысль. Имя нашего отца не только уважаемо и чтимо семьею, но, смело скажем, — всею Россиею. Он, действительно, орошал земли кровью врагов своего отечества. Но это не дает никому права примешивать его имя к рассказу об каких-то мошеннических проделках какого-то мифического оросителя степей. Мы вполне убеждены, что Вы поймете чувства, заставляющие нас обратиться к Вам с нашим письмом, и мы смеем думать, в своем ответе постараетесь уничтожить то горькое впечатление, произведенное на нас от вполне неудачно выбранного Вами стиха. В ожидании Вашего ответа просим принять уверение в совершенном нашем почтении [1].

Василий Давыдов
Николай Давыдов

3 марта 1876 г.

Адрес на карточках.

[1] В журнальной редакции «Героев времени» («О. З.», 1876, I) после известной «Песни об орошении» следовали такие стихи:

Несколько голосов

Браво, браво! оросительǃ
Браво... Пьем за подвиг твой!

Князь Иван

Эй орловский предводитель!
Познакомь меня с Фомой!
Я из чести, не из видов,
Подружиться с ним готов.
Прежде был Денис Давыдов,
Нынче — Фомка Хватунов.

Очевидно, что Некрасов не сопоставляет, а наоборот противопоставляет Дениса Давыдова и одного из «героев времени»—Фомку Хватунова. Протест и возмущение сыновей прославленного партизана 1812 г. были основаны на недоразумении. Тем не менее при переиздании сатиры в сборнике «Последние песни» (СПб., 1877) Некрасов полностью исключил обе приведенные реплики.

В. И. ДАЛЬ

Знакомство Некрасова с Владимиром Ивановичем Далем (1801—1872), беллетристом (псевдоним — Казак Луганский), этнографом, лексикографом и одновременно крупным чиновником, началось в середине 40-х годов. Помещая свои произведения в «Современнике» еще при Плетневе, Даль остался активным сотрудником журнала и после перехода его в руки Некрасова и Панаева (сотрудничал до 1857 г.). Некрасов привлекал его также к участию в своих сборниках. В сборнике «Физиология Петербурга» напечатан очерк Даля «Петербургский дворник», в «Иллюстрированном альманахе» 1848 г.—рассказ «Смотрины и рукобитье» (с двумя рисунками Н. А. Степанова). С неудачной попыткой заручиться сотрудничеством Даля для «Петербургского сборника» связано возникновение замысла стихотворения Некрасова «Филантроп» (Некрасов, V, 348—349).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (21. 152/CXLVб18).

〈23 июня 1856 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Передав право на издание всего, что у меня напечатано, Смирдину, я не в праве прямо дать позволение на перепечатание Асана; но прилагаю записку на имя Смирдина и полагаю, что он не откажет [1].

Если решусь прислать кой-какие мелочи (Картины из русск〈ого〉 быта), то предоставляю Вам высылать мне за них плату наравне с тем, что платите другим, как Григоровичу и пр.[2]

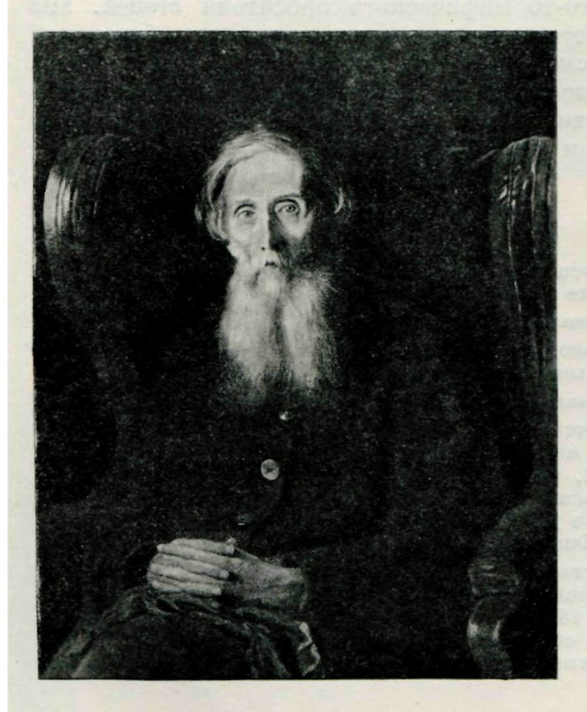
Примите уверение в совершенном почтении и преданности

покорного слуги
В. Даль

23 июня

[1] Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — петербургский книгопродавец и издатель. Им в 1846 г. изданы Сочинения Даля, в 4-х томах, куда вошел «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих», напечатанный ранее в «Совр.», 1848, I. Речь идет о перепечатке рассказа в издававшемся Некрасовым сборнике «Для легкого чтения», СПб., 1856, вып. IV.

[2] «Картины из русского быта» В. И. Даля печатались в «Совр.» 1856, IX—XII и 1857, VII—VIII.

В. И. ДАЛЬ
Портрет маслом В. Г. Перова, 1872 г.
Третьяковская галлерея, Москва

П. В. ДОЛГОРУКОВ

Князь Петр Владимирович Долгоруков (1816—1868), известный под прозвищем «Bancal» и «Prince réfugier», — представитель феодально-дворянской фронды 60-х годов, составитель Российской родословной книги (СПб., 1855—1857); в 1859 г. выехал за границу и, отказавшись вернуться в Россию по вызову правительства, остался там в роли политического эмигранта. За границей он напечатал: «La verité sur la Russie» (Paris, 1860), свои мемуары (Genève, 1867) и издавал политическую газету «Будущность» (1861, 25 номеров), журнал «Правдивый» (1862), замененный вскоре французским «Le véridique» (1862, 4 книжки) и, наконец, газету «Листок» (1862—1864, 22 ноября). М. К. Лемке в двух статьях, напечатанных в журнале «Былое» (1907, II и III), дал обстоятельную биографию Долгорукова.

Письмо печатается по авторской копии ИЛИ (5701/XXIXб62).

〈5 января 1859 г.〉

Милостивые государи
Иван Иванович и Николай Алексеевич.

Когда я написал проект выкупа помещичьих крестьян, Вы, Николай Алексеевич, просили его у меня для январской книжки Современника (у меня хранится Ваша записка от 16 декабря). Вы, Иван Иванович, поспешили сами взять рукопись у г. цензора (у меня есть письмо Ив〈ана〉 Ал〈ександровича〉 Гончарова от 17 декабря).

Теперь, наблюдая в типографии за корректурою моей статьи, я увидел, что к ней сделаны примечания в самых неприличных выражениях. Всякая печатная статья подлежит обсуждению всех и каждого, но обсуждение должно быть прилично. Составитель примечаний, говоря о себе и обо мне, отзывается следующим образом: «мы, маратели бумаги». Это выражение неприлично и глупо. Далее он говорит, что если бы я мог знать впечатление, произведенное моей статьею, я бы «ее проклял с негодованием». Эта фраза — тройной экстракт глупости. Наконец, он говорит, что Современник печатает мою статью для того только, чтобы она не попала в другие журналы, где бы ее напечатали без примечаний. Это ложь, потому что Вы, господа редакторы Современника, просили у меня мою статью, а не я Вас просил помещать ее.

Вам, господа, следовало мне возвратить мою статью, если, как сказано в примечаниях, Редакция Современника нашла мой проект слишком выгодным для помещиков, и прочее. Но Вам никак не следовало, видясь со мною неоднократно в течение трех недель, тайком составлять примечания, о коих я случайно узнаю за три дня до выхода журнала, и еще меньше следовало поручать составление этих примечаний такому сотруднику, который оказал совершенное отсутствие ума и рассудка и совершенное незнание приличий.

После этого я требую, чтобы моей статьи в Современнике не было.

Примите уверение в моем уважении.

Князь Петр Долгоруков

5 января 1859 г.

Публикуемое письмо Долгорукова имеет непосредственное отношение к деятельности Н. Г. Чернышевского накануне отмены крепостного права.

Долгоруков неоднократно пытался активно воздействовать на ход крестьянской реформы. Он был, повидимому, инициатором (если не автором) записки «просвещенного меньшинства», составленной на съездах тульских дворян-землевладельцев, в начале сентября 1858 г., в связи с выборами делегатов в местный комитет по улучшению крестьянского быта.

«Видя, что стародуры соединяются между собой, — писал Долгоруков 19 сентября 1858 г. Н. В. Путяте, — и просвещенное меньшинство захотело подать признак жизни, Ив〈ан〉 Серг〈еевич〉 Тургенев, граф Алексей Павл〈ович〉 Бобринский и я, мы написали мнение, у коего подписались 102 дворян, и, таким образом, мнение с 105 подписями было вручено нами губернскому предводителю для передачи в Губернский коми-

тет» («Мурановский сборник», вып. I, 1928, 109—112). «Мнение», подписанное в числе других Л. Н. Толстым, А. С. Хомяковым, декабристом М. М. Нарышкиным, было тогда же напечатано в «Совр.» (1858, XII, отдел «Современные заметки», 300—302).

Повидимому, в ближайшие после съезда месяцы Долгоруков развил положения записки в особый «Проект выкупа помещичьих крестьян». «Вы уже вероятно получили от Екатерины Петровны Ермоловой мой проект выкупа, — писал Долгоруков Н. В. Путяте 21 декабря 1858 г.—Этот проект представлен был мною государю через князя Василия Андреевича Долгорукова. Государь принял проект благосклонно и приказал сообщить его всем членам Главного Крестьянского Комитета» («Мурановский сборник», вып. I, стр. 112).

Проект сводился к следующим основным пунктам. Крепостные отношения крестьян и помещиков прекращаются немедленно и полностью. Крестьяне освобождаются с наделом в размере от $1^1/_2$ до 4 дес. на душу, в зависимости от степени плодородности губернии. Стоимость надела немедленно полностью возмещается помещикам за счет правительства. Средства для этой операции дает иностранный заем в 200 млн. руб., выпуск особых кредитных «земских билетов» на 437.5 млн. руб. и продажа государственных имуществ на 300 млн. руб. Операция выкупа погашается в течение 33 лет путем особой выкупной подати, в 5 руб. с ревизской души.

«В случае неисправности общины в платеже выкупа, правительство берет ее в опеку и назначает ей опекуна. Если, по прошествии года, недоимка не будет погашена, то правительство в губерниях хлебородных продает часть земель общины с публичного торга, а в губерниях нехлебородных опекун отдает крестьян в заработки».

«Совр.», предполагая напечатать проект Долгорукова, преследовал этим особую тактическую цель: «Мы хотели, чтобы он сделался известен публике не иначе, как ⟨с⟩ разъяснением истинного его значения. Мы хотели печатанием его в нашем журнале предотвратить его появление в одном из тех изданий, которые не дали бы вместе с ним и объяснений на него, необходимо нужных для предотвращения вреда». Эти слова взяты из ненапечатанной, но сохранившейся в корректурных оттисках статьи Чернышевского, которая должна была появиться в виде послесловия к проекту Долгорукова (см. статью: С. Н. Чернов. К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне воли. — «Каторга и Ссылка», 1928, кн. 44, стр. 12—42).

Чернышевский справедливо расценил проект Долгорукова как попытку охранить интересы помещика за счет государства и крестьян. Он строил свою статью соответственно основному заданию: скомпрометировать проект Долгорукова одновременно и в мнении правительства и в мнении демократических кругов общества.

В первую очередь он возражает против основного предложения — о продаже государственных имуществ, понимая, что этой мере едва ли могло сочувствовать правительство. Он подробно доказывает, что продажа в таком размере вообще невыполнима и крайне убыточна и для государства («чтобы выручить 300 миллионов, государство лишится ценностей на 3000 миллионов... понадобилось бы продать чуть ⟨ли не⟩ половину Европейской России»), и для самих помещиков (поскольку резко снизится цена их земель).

Но основная часть статьи Чернышевского посвящена разбору проекта с точки зрения интересов крестьян.

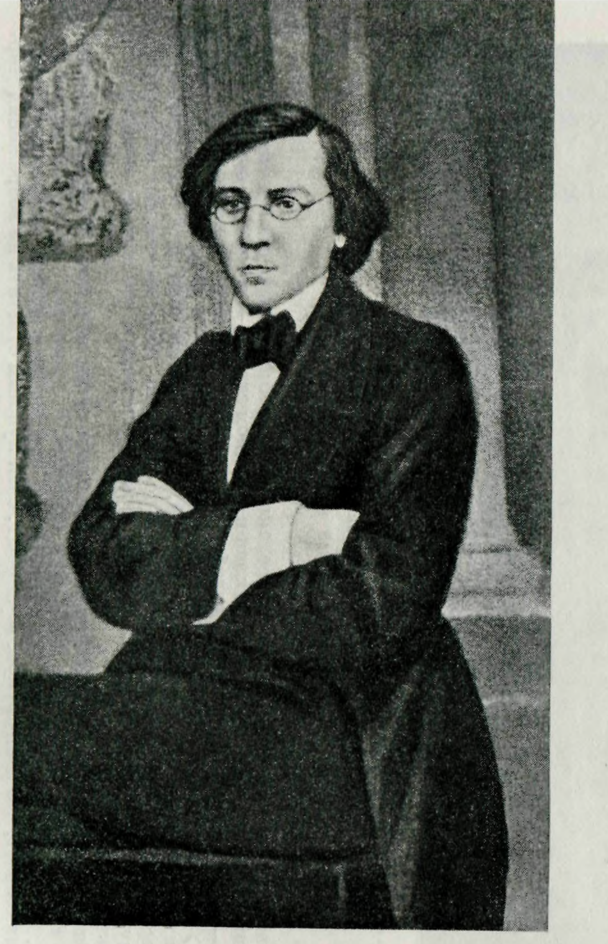
Возражения Чернышевского направлены, во-первых, против дополнительной пятирублевой подати, на которой Долгоруков основывал последующее погашение выкупной суммы, и против совершенно недостаточной нормы надела.

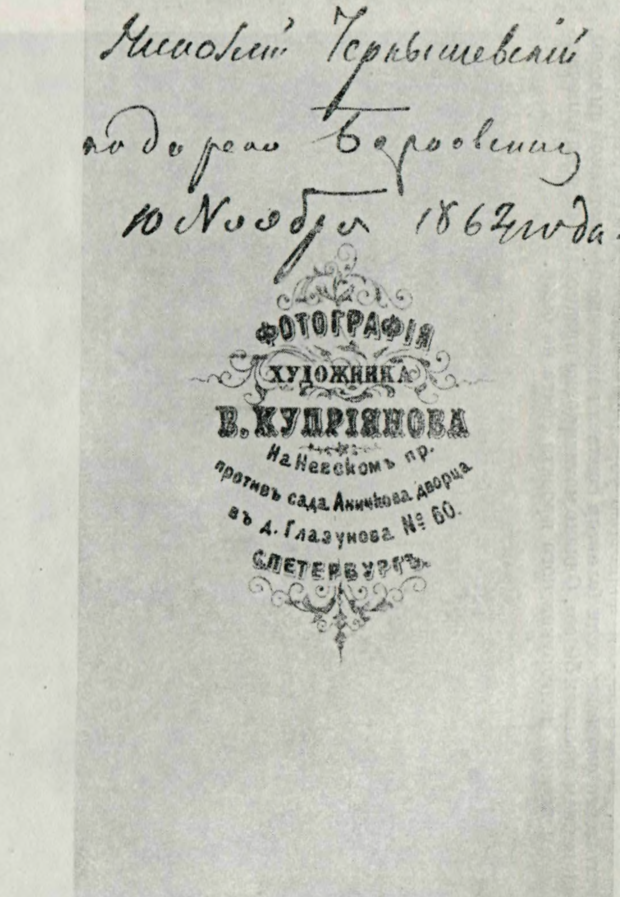
«Нет, лучше пусть не будет освобождения крестьян, лучше пусть останется крепостное право, если освобождение должно быть куплено таким разорением для всех поселян».

«Нет, лучше крестьянам ни земли, ни усадеб, ни рубашки на теле, если так дорого платить за то, чтобы мы, маратели бумаги, приобрели право выражаться о них: „теперь они стали собственниками“».

Не менее резко протестовал Чернышевский против института «опекунов»: «В этом предположении, просто-напросто, заключается не больше, не меньше, как восстановление крепостного состояния», причем в формах еще более тяжелых, так как «прямо по своей обязанности они ⟨опекуны⟩ должны быть разорителями крестьян». «Мало того, что они разорят крестьян в настоящем, они отнимут у них и земли».

Статья Чернышевского не была показана Долгорукову, и он узнал о ней случайно. «Долгорукий, — сообщил Чернышевский Добролюбову, со слов Тургенева, — зашел вчера в типографию, увидел там мои замечания на проект, вообразил, что его поймали в ловушку (конечно, он не сообразил, что замечания были бы показаны ему), и взбесился страшно, особенно фразами: „мы, маратели бумаги“,—„автор не замечал, какие последствия будет иметь это“ (стало быть, говорит, я глуп, если не понимаю), — „печатаем затем, чтобы не явилось в другом издании без замечаний“. Он бегал уже к Делянову, рвет и мечет. То же подтвердил и Анненков (я видел его у Галахова). Надобно Николаю Алексеевичу поскорее, ныне же утром, написать Долгорукому и, приложив корректуру его статьи, объяснить истинный ход дела, т. е., что замечания хотели показать ему» («Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие». М.—Л., 1930, III, 648).

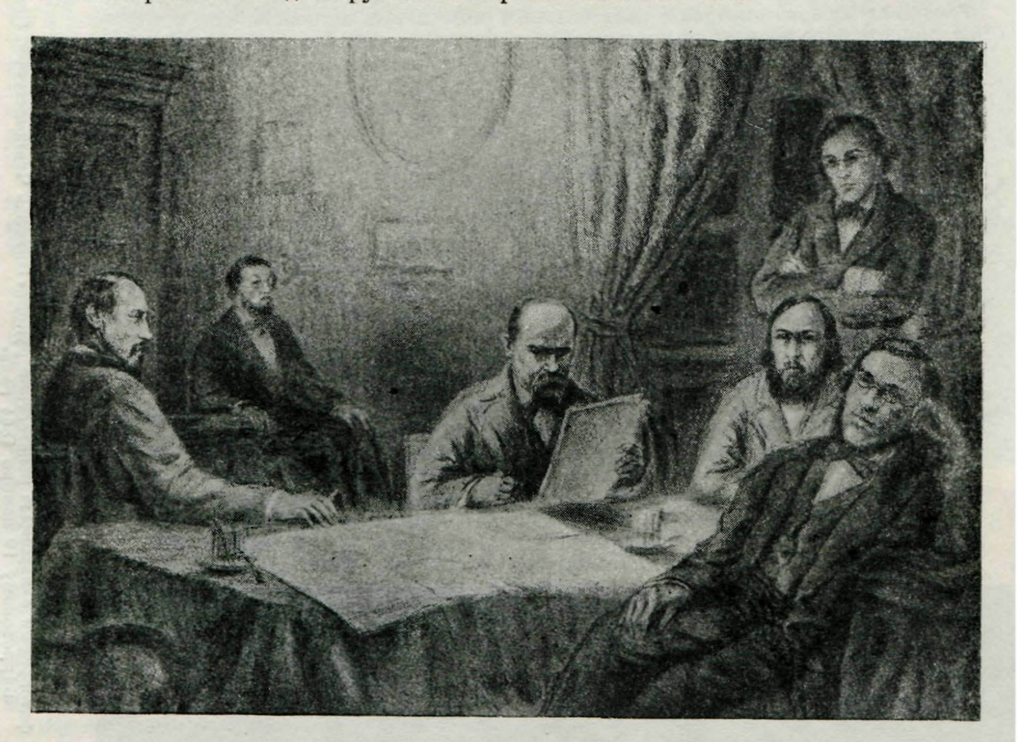
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Фотография 1859 г. и оборот той же фотографии с надписью неизвестной рукой: «Николай Чернышевский. Подарено Барновскому 10 ноября 1864 года»

Театральный музей им. Бахрушина, Москва

Однако, видимо еще раньше, чем «Современник» успел предпринять какие-либо шаги, Долгоруков отправил редакторам журнала публикуемое письмо, резко возражая против послесловия Чернышевского и отказываясь печатать статью.

Ответ редакции неизвестен. Повидимому, с Долгоруковым велись какие-то переговоры. Сличение первоначальной рукописи послесловия Чернышевского с последующей корректурой показывает, что он был вынужден пойти на уступки и вычеркнуть некоторые оскорбившие Долгорукова фразы; так, было снято выражение «мы, маратели бумаги». Более того, Чернышевский полностью убрал свое разъяснение системы «опекунов», кончающееся словами: «если бы автор сознавал значение предлагаемой им меры, он с негодованием проклял бы ее». Однако мотивировка предполагавшегося напечатания в «Современнике» долгоруковского проекта снята не была.

НЕКРАСОВ В КРУГУ СОТРУДНИКОВ «СОВРЕМЕННИКА» СЛУШАЕТ ЧТЕНИЕ ШЕВЧЕНКО

Гравюра Вс. Аверина, авторский оттиск, 1939 г.

Литературный музей, Москва

Каков бы ни был ход переговоров редакции с Долгоруковым, его проект в «Современнике» не появился. «Он уже находился в печатном станке,—добавляет сам Долгоруков, — когда высший комитет об освобождении ⟨Главный комитет по крестьянскому делу⟩ сообщил нам через посредство нашего кузена ⟨кн. В. А. Долгорукова⟩, что наш проект, вопреки визе, данной ему цензурой, не может быть опубликован, если мы не согласимся выпустить все то, что относится до продажи государственных имуществ... Ввиду такой глупости оставалось только пожать плечами и отказаться печатать наш проект в России».

Он был напечатан, в несколько измененном виде, в изданной Долгоруковым кн.: «La verité sur la Russie», P., 1860, 120—124.

С. Н. Чернов, сравнивая эту позднейшую редакцию проекта с первоначальной, устанавливает, что Долгоруков, во-первых, счел нужным ответить на возражения Чернышевского, а во-вторых, был вынужден сделать «ряд очень важных и прямых уступок». Продажу государственных пахотных земель заменил продажей лесов, отказался от установления низких норм надела, предложив оставлять за крестьянами всю ту землю, которую они фактически обрабатывали, и т. п. (ср. цит. статью, стр. 30—36).

Однако феодальное существо проекта осталось прежним — он попрежнему обеспечивал преимущественно дворянские интересы и попрежнему исходил из продажи государственных имуществ, как основного финансового источника операции выкупа.

А. В. ДРУЖИНИН

Александр Васильевич Дружинин (1824—1864) был одним из постоянных сотрудников «Современника» в период с 1847 по 1856 г., когда он перешел в «Библиотеку для Чтения». Разрыв с «Современником», в момент, когда журнал решительно переходил на платформу революционной демократии, был вполне закономерен для дворянского либерала, «эстетика» Дружинина, воинствующего противника Чернышевского. Однако уход Дружинина из «Современника» не оборвал давно сложившихся личных отношений между ним и Некрасовым. Весной 1858 г., как видно из публикуемых писем, Некрасов задумал издавать собрание сочинений Шекспира в переводах русских писателей и тогда же предпринял ряд попыток к приобретению для этого издания готовых переводов шекспировских пьес. Так, он обратился к Н. М. Сатину с просьбой предоставить для издания исполненные им переводы «Бури» и «Сна в летнюю ночь» (см. письмо от 30 мая 1858 г. — Некрасов, V, 333) и хлопотал о получении от М. Н. Каткова права на перепечатку его перевода «Ромео и Юлии» (см. ответ Каткова в письме от 3 ноября 1858 г. — «Архив села Карабихи», 109—110). Повидимому, Некрасов предполагал приступить к печатанию первого тома Шекспира в конце 1862 г. (см. письмо к М. Н. Лонгинову от 23 сентября 1858 г. — Некрасов, V, 334—335).

По каким-то причинам к изданию тогда приступлено не было. Впоследствии Некрасов привлек к этому делу Н. В. Гербеля. Об этом свидетельствует письмо к нему Некрасова, датируемое предположительно концом апреля 1862 г. (Некрасов, V, 373, 374). Некрасов рекомендует заручиться для издания переводом «Ромео», изданным Н. П. Грековым, и добавляет: «Пора писать конспект», т. е. план предпринимаемого издания. К этому же времени относится, повидимому, и обращение Некрасова и Гербеля к Дружинину, как специалисту по Шекспиру, с предложением взять на себя редакционное наблюдение за изданием. Ответом на это предложение и является второе из публикуемых ниже писем Дружинина, которое датируется предположительно концом 1862 г. Состоялось ли соглашение на поставленных Дружининым условиях, неясно. Дружинин умер в январе 1864 г., а первый том Шекспира вышел в свет только весной 1865 г. (редакционное предисловие помечено 26 апреля 1865 г., ценз. разр. — 29 апреля 1865 г.). Последний, четвертый, том издания вышел в 1868 г. (Ср. в наст. томе публикацию неизданных писем Некрасова к Дружинину).

Письма печатаются по автографам ЦГЛА (Фонд Некрасова, № 338) и ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 29).

<1>

<Осень 1853 или 1854 г.>[1]

Любезнейший друг, Николай Алексеевич, я прибыл, наконец, из моего захолустья, но в таком паскудном состоянии, что тотчас же меня усадили дома и запретили показывать нос на воздух. А очень бы хотелось поглядеть на Вас. Если будете проезжать около наших мест, навестите истинно любящего Вас и преданного

А. Дружинина

Суббота

[1] Датируется предположительно, по времени возвращения А. В. Дружинина из своего имения «Чортово» в Петербург. В «Чортове» А. В. Дружинин проводил летние месяцы в 1853 и 1854 гг.

<2>

<Конец 1862 г.>[1]

Любезнейший Николай Алексеич, у меня на-днях был Н. В. Гербель, и я обещал ему, что сообщу мой решительный ответ Вам, так как Вы ближе знаете мои дела. Если Михайловский[2] существует и берется работать (я попрошу Вас предварительно прислать мне образчик его переводов

Шекспира, потому что можно хорошо переводить мелкие вещи, но не владеть белым стихом, как Фет), то я согласен взять на себя редакцию издания и вот мои условия.

За общую редакцию в год 1200 рублей с платой по третям вперед, как за квартиру. За статьи и переводы особая плата по условию. Тут расчет с моей стороны весьма прост. Чтоб взять редакцию, я должен буду отказаться от большей части работ, принятых мною или по Русскому Вестнику или по СПБ. Ведомостям. Жилиться я не намерен, да и здоровье не позволит. За лист в Р‹усском› В‹естнике› я имею 75 и 100 р. серебром. Итак, Вы видите, что мое требование умеренно.

По окончании предприятия, если дело будет удачно, мне будет некоторая сумма на водку, в размере сообразном успеху дела.

За это я берусь:

Проследить стих за стихом все печатающиеся переводы, исправлять стих везде, где переводчик на то согласен (Соколовский [3] совершенно согласен), проверить каждую строку оригинала с переводом. Перечитать все имеющиеся переводы Шекспира и выбрать из них то, что будет можно. Просматривать присылаемые рукописи и сноситься с переводчиками, старыми и вновь являющимися, выправлять комментарии и вступительные статейки переводчиков по моему крайнему разумению.

Взять положительное ручательство в том, что каждый год будет готово 12 пьес, я не согласен, для этого надо знать, как будут вести себя наши переводчики. Затем сделаю что могу, и Вы меня достаточно знаете, чтоб быть уверенным, что лениться и нарочно затягивать издания я не стану.

Будьте здоровы, душевно преданный Вам

А. Дружинин

Издание должно быть чуть-чуть щеголеватее, чем Шиллер, которому узкие поля придают вид скаредный [4].

[1] Обоснование датировки см. во вступительной заметке.

[2] Дружинин исказил фамилию: речь идет о Дмитрии Лаврентьевиче Михаловском, поэте и переводчике (см. ниже его письма к Некрасову). Первым переводом Д. Л. Михаловского из Шекспира был перевод «Юлия Цезаря», появившийся в «Совр.» в 1864 г.; однако вполне возможно, что этот перевод был сделан Михаловским много раньше.

[3] Александр Лукич Соколовский (1837—1915) — переводчик Шекспира. Его первый перевод — «Король Генрих IV» — был напечатан в «Библиотеке для Чтения» в 1860 г. Впоследствии Соколовский издал всего Шекспира в своем переводе, в 8 томах, СПб., 1895—1898.

[4] Издание Н. В. Гербеля «Собрание сочинений Фр. Шиллера в переводах русских писателей», 8 томов. СПб., 1857—1861. При выходе первого тома (первая и вторая части, лирические стихотворения) Дружинин дал об этом издании рецензию в «Библиотеке для Чтения» (1857, III, Литературная летопись, 30—38), причем отметил, что этот томик «красиво издан и напечатан четким шрифтом». О выходе 2-го тома дана была вторая рецензия — в «Библиотеке для Чтения», 1858, I.

П. А. ДУБОВИЦКИЙ

Петр Александрович Дубовицкий (1815—1868) — профессор-хирург; в 1865 г. был президентом Медико-хирургической академии.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 30).

〈10 марта 1865 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Принимая с особенным удовольствием предложенного Вами, чрез проф. Боткина[1], медведя для зоологического кабинета Медико-Хирургической Академии, долгом считаю принести Вам, милостивый государь, искреннюю благодарность за это пожертвование и покорнейше прошу распорядиться о сдаче медведя назначенному от меня для принятия его ассистенту г. Брандту[2].

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Петр Дубовицкий

10 марта 1865 г.

На обороте: г. Некрасову
№ 143

[1] Сергей Петрович Боткин (1832—1889) — известный врач-клиницист, профессор Медико-хирургической академии. С братьями Боткиными Некрасов был связан давними отношениями. Текст письма Некрасова к Боткину от 9 марта 1865 г., в котором он предлагал Академии одного из 3-х убитых им медведей, см. выше, на стр. 10—11 настоящего тома.

[2] Эдуард Карлович Брандт (1839—1891) — ассистент, впоследствии профессор Медико-хирургической академии по кафедре зоологии, с 1889 г. — академик.

БЫВШАЯ УСАДЬБА ПОМЕЩИКОВ ТИХМЕНЕВЫХ «ВАСИЛЬЕВСКОЕ» ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГДЕ НЕКРАСОВ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДОК НА ОХОТУ

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

Ф. П. ЕЛЕНЕВ

Федор Павлович Е л е н е в (1827—1902) — писатель по экономическим вопросам, цензор С.-Петербургского цензурного комитета в 1860-х годах; с 1870-х годов — член Совета Главн. управл. по делам печати. В 1865 г. он проявил себя суровым гонителем «Современника» (см.: В. Е. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века, Л., 1927, 113—116).

В 1867 г., под псевдонимом С к а л д и н а, Еленев начал печатать в «Отеч. Зап.» Краевского свои очерки «В захолустье и в столице». Печатание их продолжалось и в «Отеч. Зап.» некрасовской редакции (1868, XI, XII; 1869, XI, XII). В 1870 г. очерки вышли отдельной книгой в изд. Краевского. В дневнике В. М. Лазаревского находим такую запись: «Еленев заявил в Совете 〈Главного управления по делам печати〉, что в силу того, что он был цензором, он ничего не брал от журналистов, так что когда однажды предложили ему папиросу, то он отказался, высказав это убеждение. Иллюстрация к сему: Еленев, под именем Скалдина, печатал в „Отечественных Записках" большое сочинение, изданное после отдельной книгой. Получил д в о й н у ю плату за листы. Оттиски получил даром» («Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 477—478).

Не следует, однако, думать, что привлечение к сотрудничеству в «Отеч. Зап.» Еленева-Скалдина объяснялось только необходимостью дать замаскированную взятку влиятельному цензору. Его очерки «В захолустье и столице» обладали, независимо от политической биографии автора, рядом достоинств. В классическом труде В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся» Скалдин назван одним из представителей идейного «наследства» просветителей 60-х годов. В действительности подлинным представителем этого «наследства» Ленин считал Чернышевского, но по цензурным соображениям был вынужден ссылаться на Скалдина. В письме из сибирской ссылки от 26 января 1899 г. Ленин писал: «...принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей,—это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237, где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели» (Л е н и н с к и й с б о р н и к, IV. Изд. 2-е, 1926, 13). В названном примечании читаем: «Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине. Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет и Скалдин. Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепеновщине и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина *liberalkonservativ* (умеренным консерватором[1]). Однако, взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам, а, во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством» (Л е н и н. Сочинения. Изд. 4-е, II, 473).

При всех оговорках Ленин высоко оценивал очерки «В захолустье и столице» за «чрезвычайную *трезвость*» в воззрениях автора на крестьянскую реформу. Ленин противопоставлял эту «трезвость» «народническим слащавым россказням на эту тему» и писал: «Скалдин был едва ли не первым писателем, систематически, на основании обширных фактов и подробного рассмотрения всей жизни деревни, показавшим бедственное положение крестьян *после* проведения реформы, ухудшение их быта, новые формы их экономической, юридической и бытовой зависимости,— одним словом, показавшим все то, что с тех пор так обстоятельно и детально было показано и доказано многочисленными исследованиями и описаниями» (т а м ж е, 463).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 31).

〈3 декабря 1869 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Года два тому назад я доставил Вам переводную статью гр. Ростовцова «История финансов в Англии»[2]. Так как она осталась ненапечатанною,

СЕЛО БОЛЬШИЕ СОЛИ (ТЕПЕРЬ СЕЛО НЕКРАСОВСКОЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ), УПОМЯНУТОЕ В СТИХОТВОРЕНИИ «ГОРЕ СТАРОГО НАУМА» И (ПОД НАЗВАНИЕМ СЕЛО «УСОЛОВО») В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

то, по желанию Ростовцова, покорнейше прошу Вас приказать возвратить ее мне из редакции.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть покорным слугою

Ф. Еленев

3 дек⟨абря⟩ 1869 г.

[1] Ленин цитирует характеристику Скалдина, данную Энгельсом в брошюре 1875 г. «Soziales aus Russland» («Об общественных отношениях в России»). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 547.

[2] Яков Алексеевич Ростовцов (1833—1894) — переводчик экономических трактатов. Перевел, между прочим, на русский язык «Курс политической экономии» Молинари (СПб., 1860), «Теоретический и практический трактат о политической экономии» Курсель-Сенёля (СПб., 1861—1864) и др.

Г. З. ЕЛИСЕЕВ

Григорий Захарович Елисеев (1821—1891) восемь лет проработал с Некрасовым в «Современнике» (с декабря 1858 г., когда некрасовский журнал напечатал статью его «О Сибири», подписанную псевдонимом «Грицко») и десять лет в «Отечественных Записках»; проработал не как рядовой сотрудник, а как ведущий публицист и один из руководителей обоих журналов.

«Товарищ Некрасова и Салтыкова, — говорил о нем Лавров на собрании русских эмигрантов в Париже в 1891 г., — один из редакторов журнала, который был лучшим и самым верным представителем русской мысли в эпоху самой тяжелой реакции, один из старших представителей этого энергического поколения русской литературы, Григорий Захарович Елисеев добровольно оставался почти всю свою жизнь, как личность, малоизвестен читателям. Между тем, он неустанно работал в продолжении многих лет, несмотря на мучительную болезнь; он никогда не спустил своего знамени, несмотря ни на какие преследования. Он лег в могилу, окруженный исключительно личными приятелями и немногими литературными ценителями, едва замеченный тем поколением, за которым теперь очередь действовать на пользу России, но предоставляя будущим историкам русской мысли оценить ту крупную роль, которую играл в битве за правду 60-х и 70-х годов скромный, но упорный борец за эту правду» (П. Л. Лавров. Последовательные поколения. В память Г. З. Елисеева и Н. В. Шелгунова. Женева, 1892, 3—4).

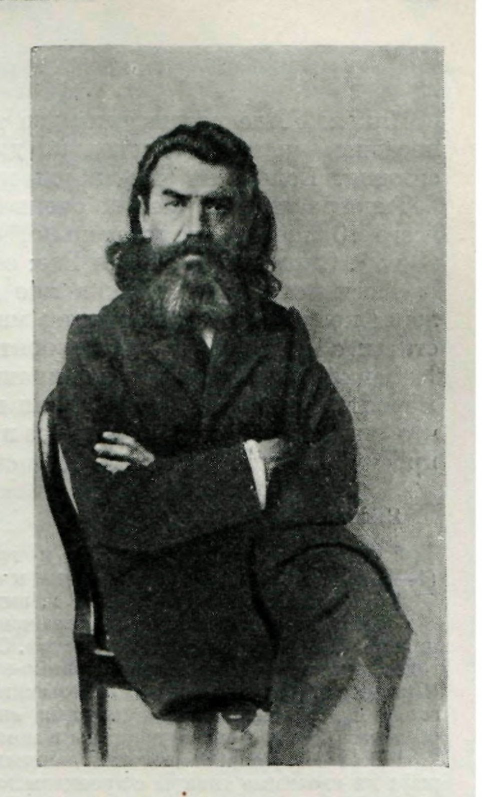
Следует признать, что и теперь, почти через 60 лет после того как были сказаны эти слова, роль и значение Елисеева в истории русской общественной мысли в полной мере не выяснены. Публицистика Елисеева (почти всегда анонимная) не собрана и не изучена, ее идейно-политическая функция в умственной жизни эпохи надлежащим образом не вскрыта. Все же можно с полной определенностью утверждать, что общее направление, в котором развивались общественно-политические взгляды Елисеева, расходилось, и чем дальше, тем больше, с направлением, по которому шла мысль его великих соратников по литературно-журнальной трибуне — Чернышевского, Некрасова и Щедрина. Корень расхождения заключался в той либерально-оппортунистической идеологии, зерна которой Елисеев всегда носил в своей деятельности, даже в годы «Современника» и «Искры», то есть в период своего наивысшего политического радикализма. В дальнейшем Елисеев все больше отходил от традиций идейного наследства демократии 60-х годов, от традиций и заветов Чернышевского. В условиях же реакции 80-х годов Елисеев, вопреки утверждению Лаврова, «спустил свое знамя» в такой мере, что Щедрин всерьез задумывался о возможности дальнейшей совместной работы с ним и сурово полемизировал (в письмах) с его проповедью соглашательства и реформизма. (Ср. С. Макашин. Памятник идейного распада народничества. О письмах Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. — «Книга и Пролетарская революция», 1936, № 6, стр. 118—123).

Сказанным определяется и характер взаимоотношений, сложившихся между Елисеевым и Некрасовым. Люди одного поколения русской демократии, долголетне связанные общей литературно-журнальной и общественно-политической борьбой, они, естественно, высоко ценили и уважали друг друга, но близости, личной дружбы у них все же не было, как не было иногда и полного взаимного понимания и согласия во внутриредакционных делах.

Публикуемые ниже письма Елисеева, преимущественно делового характера, дают небольшой, но ценный материал как для ознакомления с конкретной картиной работы редакции «Отеч. Записок», так и для анализа тех идейных расхождений, которые возникали среди руководителей журнала, иногда оставаясь в скрытом состоянии, а иногда приводя к довольно острым конфликтам (напр. по поводу Н. Курочкина или, точнее, по поводу его руководства отделом библиографии).

Итоги своих размышлений над Некрасовым-поэтом, общественным деятелем и человеком Елисеев подвел в своих, уже посмертно появившихся, «Воспоминаниях» и в своей полемической заметке 1882 г., предназначавшейся к помещению, но не напечатанной Лавровым в женевском издании книги каракозовца И. А. Худякова «Опыт

Г. З. ЕЛИСЕЕВ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

автобиографии». Текст этой заметки (под произвольным заглавием «О личности Некрасова») см. в сборнике «Шестидесятые годы. Воспоминания М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева». Под ред. В. Евгеньева-Максимова и Г. Тизенгаузена. «Academia», М.—Л., 1933.

Об обстоятельствах возникновения заметки и о ее дальнейшей судьбе см. С. Макашин. Из разысканий о Некрасове в архивных фондах III Отделения и Департамента полиции. — «Лит. Наследство», т. 53—54.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 32).

⟨1⟩

⟨Конец января 1868 г.⟩ [1]

Посылаю при сем половину моей статьи и статью Курочкина «Съезд естествоиспытателей» [2]. Я ее прочитал и нахожу хорошею, и думаю, что ее можно пустить первою во втором отделе. А то и в науке ничего. Заглавие он хотел придумать более общее и приличное, чтобы оно не выглядывало казенным. В моей статье 6 таблиц, — этого не надобно пугаться: статья по содержанию совершенно удобочтимая. Но таблицы надобно разместить так, чтобы каждая таблица помещалась на двух страницах подряд, так точно, как печатаются статистические таблицы в Статистическом сборнике [3].

Ваш Гр. Елисеев

[1] Датируется по времени появления в печати упоминаемых в письме статей.

[2] Статья Н. С. Курочкина была напечатана, как и предлагал Елисеев, во втором отделе (Современное обозрение), под криптонимом и с измененным названием: Н. Кин. Современная западная наука на русской почве (по поводу первого съезда русских естествоиспытателей). — «О. З.», 1868, II, 185—223.

[3] Имеется в виду первая половина статьи Г. З. Елисеева «Производительные силы России», напечатанная (с 6 таблицами) в «О. З.», 1868, II, 407—496.

<2>

<30 января 1868 г.>

Николай Алексеевич, дня два тому назад мне сделали разрез нарыва и посадили меня на несколько дней дома, потому я не мог быть у Вас сегодня. Если есть что-нибудь нужное, то сообщите.

Типография работает не очень быстро. Статистики доселе было у меня всего 10 листов, следовательно, остается еще четыре [1]. Едва ли выйдет 10-го [2]. Справились ли для Вас: есть ли у нас конвенция с Пруссией? [3]

«Московских Ведомостей» мне доселе не приносят; вероятно, продолжают носить к Вам. Пришлите мне какие у Вас есть; там мне пробежать статьи о тарифе. Катков, говорят, сильно ратует за свободу торговли [4]. Немецких журналов доселе никаких,—а уж 12 февраля по новому стилю! [5] Вероятно ли чтобы они не были получены. Я полагаю и даже уверен, что они валяются где-нибудь без призрения у их получателя. Скабичевский просил 50 рубл. денег вперед в счет статьи о сочинениях Марко-Вовчка [6].

Ваш Гр. Елисеев

Января 30 дня 1868 г.

[1] «Очерк статистики народов и государств по Кольбу», сост. В. Покровским (1—204). Вышел в виде приложения к «О. З.», 1868, I—II.

[2] Вторая книжка «О. З.» 1868 г. вышла 14 февраля (Ашукин, 342).

[3] Последней конвенцией, заключенной между Россией и Пруссией, была конвенция, связанная с «польским вопросом». Она была заключена 3. II. 1863 г. В конце 1860-х годов, накануне назревавшего франко-прусского конфликта, общественное мнение всей Европы интересовал вопрос о возможности заключения новой конвенции между Россией и Пруссией. Такая конвенция еще сильнее укрепила бы позиции Пруссии, обезопасив ее восточные границы в момент нападения на Францию.

[4] В 1867 г. Департамент таможенных сборов обнародовал записку о пересмотре тарифа на ввозимые товары с проектом понижения пошлин. Мероприятие правительства вызвало оживленную полемику в печати. Катков посвятил вопросу о тарифах и свободе торговли ряд статей в своих «Московских Ведомостях». Полемический отклик в «О. З.» на эти выступления Каткова был дан в двух статьях Елисеева «Производительные силы в России» и «Современные заметки» в «О. З.», 1868, II. Во второй из этих статей (анонимной) Елисеев писал:

«Шуйские и ивановские фабриканты с изумлением и негодованием заметили, что „Московские Ведомости“ по вопросу о таможенных пошлинах вдруг оказались изменниками национальным интересам, перешли на сторону западников и начали проповедывать, что пошлину на ввозные товары надобно-де понизить. Это прямой подрыв благосостояния шуйского и ивановского купечества, это тот же сепаратизм и нигилизм. И потому, до мозга костей русское, шуйское и ивановское купечество наложило остракизм на „Моск. Вед.“ и перестало выписывать и читать их. Если „Моск. Вед.“ не поспешат снова отыскать какого-нибудь конька для своего благонамеренного и патриотического задора, то они совсем пропадут. Дворянству служат они теперь плохо, купечеству совсем изменили, мещанство и крестьянство, как известно, читает мало; остаются одни семинаристы, но семинаристы, как известно, заявили себя, по части рьяного патриотизма, плохо» (стр. 339).

[5] Елисеев ошибся: 30 января по старому стилю приходилось не на 12, а на 11 февраля по новому стилю.

[6] Статья А. М. Скабичевского «Противоположная крайность (Сочинения Марко Вовчка)» была напечатана в «О. З.», 1868, VII.

<3>

<7 февраля 1868 г.>

Николай Алексеевич,

Н. С. Курочкин просит вперед 100 р. и просил меня об этом написать Вам, — а деньги он получит от Вас лично в субботу; дескать, до того времени он потерпит. В прошедший раз Вы говорили мне, что поедете к Курочкину и Скабичевскому. Это я и сказал им обоим. Сообщаю Вам об этом на всякий случай, ибо слышал от Курочкина, что Вы у него были и, видимо, совершили в нем благодетельную катастрофу, которая, насколько я могу судить, будет полезна и для внутренней стороны его трудов [1].

Ваш Г. Елисеев

7 февраля 1868 г.

[1] «Старый литературный неудачник», по определению Н. К. Михайловского, литератор богемного склада, человек болезненной мнительности, Н. С. Курочкин часто испытывал, по свидетельствам близко знавших его современников, настроения глубокой депрессии. Один из таких моментов, повидимому, как-то связанный с началом работы Курочкина в «О. З.» (с января 1868 г.), и вызвал необходимость личного посещения его Некрасовым, которое увенчалось «благодетельной катастрофой». А. М. Скабичевский был привлечен к постоянному сотрудничеству в «О. З.» также с самого начала деятельности новой редакции. См. ниже публикацию его писем к Некрасову и Михайловскому.

〈4〉

〈26 февраля 1868 г.〉

1. Сегодня получил письмо из Осташкова (от Покровского) от 24 февраля, в котором он пишет, что в Осташкове доселе никто не получал 2 № От〈ечественных〉 З〈аписок〉, а между тем письма из Осташкова получаются на другой день. Из сего вытекает два заключения: 1, что О〈теч.〉 З〈ап.〉 отправляются иногородним неисправно; 2, что едва ли Покровский успеет к мартовской книжке выслать указатель к статистике[1].

2. Статью о Милле он обещает выслать из Осташкова завтра, т. е. 27 февраля; следовательно, 1 марта она может быть получена и может идти в нынешнюю книжку[2].

3. Статья Курочкина не того... Состоит из голой передачи фактов, не имеющих, на мой взгляд, ни должного направления, ни удара. Но мне кажется, что ее можно сделать хорошею, приделав к ней общую часть с известною мыслию; я не знаю, согласится ли он на это; я его еще не видал; если согласится, то статья, во всяком случае, ранее следующего месяца не поспеет[3].

4. Скабичевский был у меня сегодня; я говорил с ним, и он, разумеется, ничего, но боится, что у него не будет работы. Но, между тем, мы договорились среди разговоров до того, что он не прочь бы писать рецензии или короткие, для библиографии, или более длинные в лист и $1^1/_2$ листа, которые могли бы быть помещаемы отдельно от библиографии вроде критик по наукам историческим, философским и т. п. Это, по моему мнению, и хорошо. У Вас он хотел быть в среду, в 6 часов вечера.

Ваш Гр. Елисеев

[1] Указатель к своему «Очерку статистики народов и государств по Кольбу» В. Покровский, действительно, не успел выслать к мартовской книжке, и указатель был напечатан в приложениях к апрельскому номеру.

[2] В. Покровский «Личность и общество (по Миллю)», напечатано в «О. З.», 1868, III.

[3] Статья Н. Курочкина (подпись: Н. Кин) «Ассоциации как подспорье для прогресса и распространения научных знаний» напечатана в «О. З.», 1868, III. В основной своей части статья представляет собой изложение очерка Шарля Мартена (Ch. Martins) из «Revue des deux mondes» о работах 37-й сессии Британской ассоциации для научного прогресса, происходившей в сентябре 1867 г. в шотландском гор. Дунди. В общей, вступительной части, добавленной по указанию Елисеева (а, возможно, им и написанной), пропагандируется идея о необходимости создания в России различных научных ассоциаций.

〈5〉

〈6 марта 1868 г.〉

Я получил статью «Американское сектаторство». Это история американских сект, с полным и подробным отзывом о книге Диксона. Статья эта совершенно исключает статью Писарева «Заатлантические друзья», не только в том виде, как она есть теперь, но и в качестве рецензии[1].

Я нахожусь впотьмах относительно того, что будет помещено в книжке: набирается ли статья Милля или она остановлена почему-нибудь?[2] Если Милль не пойдет в этой книжке, то хорошо бы пустить в ней «Сектаторство», которого будет листа два и которое переписано хорошо. Потом: будете ли Вы в этой книжке помещать письмо провинциала о критике или

нет [3]. Уведомьте меня обо всем этом и велите типографии прислать мне продолжение сводки статьи Лаврова. Они пока доставили мне только половину. Там, мне кажется, напрасно напечатано примечание о поэтах с нежностями. ⟨?⟩ Если я его оставил, то из боязни длинной переверстки, а то оно в таком виде будет совсем непонятно для публики и, следовательно, не будет достигать цели [4].

Ваш Гр. Елисеев

6 марта 1868 г.

[1] Полученная Елисеевым статья «Северо-американское сектаторство» принадлежала П. Л. Лаврову, находившемуся в вологодской ссылке (И. Книжник-Ветров. П. Л. Лавров. М., 1930). Статья была напечатана, без подписи автора, в «О. З.», 1868, IV, VI, VII—VIII. Ее опубликование не исключило, однако, помещения статьи Д. Писарева «Заатлантические друзья». Под измененным названием «Мистическая любовь» и также без подписи она была напечатана в «О. З.», 1868, IV—V.

Статья Писарева являлась изложением книги William Hepworth Dixon'a, «Spiritual wives» («Духовные жены»), в которой описываются три религиозно-мистических движения первой половины XIX в. Первое из них имело место в Восточной Пруссии, второе — в Англии и третье — в Северной Америке. Вступительная часть статьи Писарева снабжена ремаркой: «Так как в нашем журнале печатается отдельная, очень обстоятельная статья об американском сектаторстве, то я здесь перескажу читателю только то, что Диксон сообщает о религиозном движении в Восточной Пруссии и Англии». Эта ремарка (с нею статья вошла и в Собр. соч. Писарева) свидетельствует, что Елисеев, вопреки своему мнению, заявленному в письме, вынужденный (очевидно, по желанию Некрасова) сохранить обе статьи, должен был для избежания повторений произвести в их тексте значительные сокращения и другие взаимные согласования. Таким образом, в статье Писарева была опущена ее последняя часть, а из статьи Лаврова оказалось, видимо, изъято все изложение книги «Духовные жены». В печатном тексте статьи «Северо-американское сектаторство» имеются лишь ссылки на другую книгу того же Диксона «Новая Америка».

[2] Имеется в виду статья В. Покровского. См. примеч. 2 к пред. письму.

[3] «Письмо провинциала о задачах современной критики» принадлежит П. Л. Лаврову (И. Книжник-Ветров. П. Л. Лавров. М., 1930). Статья напечатана в «О. З.», 1868, III, без подписи. Однако в оглавлении к мартовской книжке она обозначена криптонимом «...р...р...».

[4] Примечание о «поэтах с нежностями» (последнее слово написано чрезвычайно неразборчиво и читается предположительно) в печатном тексте отсутствует, и для него нет подходящего контекста. Очевидно, редакция «О. З.» все же осуществила ту «длинную переверстку» в статье Лаврова, которой боялся Елисеев.

⟨6⟩

⟨Начало марта 1868 г.⟩

Посылаю Вам корректуру письма провинциала и листы оригинала ее 7, 8, 9 — последние на тот конец, чтобы взглянули на вставку, которую я ввел вновь из 7-го листа, а также посмотрели бы: нельзя ли чего по новым обстоятельствам ввести в корректуру из листов 8 и 9? [1] Впрочем, это я говорю не для чего другого, как для некоторого округления статьи, слишком бедной фактами, а не для чего иного. Если нельзя, то может она оставаться так, как набрана. Я писал уже об искалечении ее автору.

Примечание наше к статье не лучше ли окончить так (после слов: ей место в журнале): хотя имеем свои причины смотреть несколько иначе на разные частные явления нашей журналистики, рассматриваемые почтенным автором [2].

[1] «Новые обстоятельства» — вероятно, отставка министра внутренних дел П. А. Валуева, последовавшая 2 марта 1868 г. Елисеев, очевидно, надеялся, что с переменой министра печать получит некоторые послабления, почему и предлагал восстановить отдельные места в статье Лаврова, опущенные по цензурным соображениям.

Можно предполагать, что намерение свое Елисеев в какой-то мере осуществил. В журнальном тексте лавровского «Письма провинциала о критике» имеется ряд цензурно-опасных мест, напр., строки, прозрачно говорящие о Чернышевском и других деятелях периода революционной ситуации 60-х годов. Говоря о «судьбе» этого «бурного периода», Лавров пишет: «Его ⟨периода⟩ перипетии еще слишком свежи в памяти у

всех, чтобы напоминать о них. Имена его деятелей еще заставляют сильнее биться от сочувствия или от негодования сердца мыслящих русских. Заслуги этих деятелей в пользу русской мысли забыть невозможно. Их ошибки... но только бесчестный человек бросает громкий укор за ошибки тем, кого раздавила история своим тяжелым колесом и чья кровь еще не обсохла на ее колесе...» («О. З.», 1868, III).

[2] Примечание редакции напечатано текстуально так, как предлагал Елисеев.

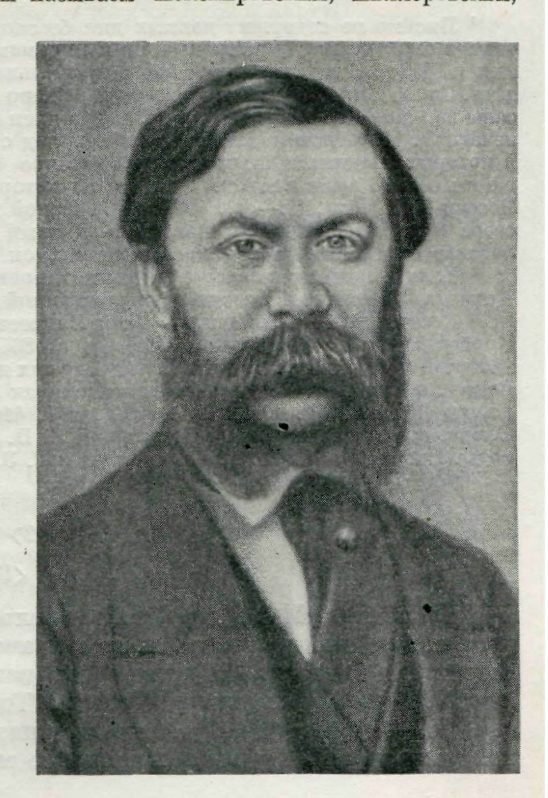
⟨7⟩

⟨Май—июнь 1868 г.⟩

Я не согласен с воззрениями на драму, которые проводит гр. Толстой, но еще вдвое, втрое более не согласен с воззрениями П. Анненкова. Приняв эти воззрения, нам следовало бы сделаться защитниками теории окаменелых и бессмысленных исторических драм, тогда как наш прямой долг бить эту теорию на каждом шагу, по той причине, что она со времени драматургии Лессинга отвергается всеми разумными теоретиками, не оправдывается практикою ни одного первоклассного поэта ни древних, ни новых времен и в своем существе не только противна здравому смыслу, но разрушает самую идею драматического искусства. Держалась она прежде и держится доныне некоторыми ⟨?⟩ единственно на лжетолковании шекспировских драм[1].

[1] В майской книжке «Вестника Европы» за 1868 г. была напечатана трагедия гр. А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Старинный приятель Некрасова П. В. Анненков написал о ней статью «Последнее слово русской исторической драмы», которая появилась в «Русском Вестнике», 1868, VIII. Если допустить, что Анненков, прежде чем обратиться в «Русский Вестник», предлагал статью «О. З.», а Некрасов счел нужным для решения вопроса запросить мнение Елисеева, повод, содержание и датировка письма вполне устанавливаются.

В своей статье Анненков писал в частности: «Если не ошибаемся, то в очевидном стремлении нашего автора ⟨т. е. А. К. Толстого⟩ к изукрашению русской жизни поэтическими и бытовыми сокровищами, которые попадаются в литературах западных народов, много участвует своеобычная эстетическая теория... Сущность теории состоит из следующего положения. Все, что мы называем шекспировским, шиллеровским,

П. Л. ЛАВРОВ

Фотография 1865 г.

Музей революции СССР, Москва

романтическим, идеальным и т. п. способами понимания и изображения предметов, зиждется на одной и той же основе, на природе человека и на присущих ему многоразличных духовных и физиологических способностях. Не будь в человеке элементов для известного практического настроения, не было бы и этого настроения. Способы эти, будучи раз указаны, принадлежат уже одинаково всему миру, так как явления, которые они разоблачают, — суть явления общечеловеческие, и нет народа, нет эпохи, кроме народов одичавших и эпох варварства, где бы подобные явления не могли быть открыты и воспроизведены искусством. Заключение очевидно: русская историческая драма употребляет мотивы и формы шекспиризма, шиллеризма и пр. на таком же вполне разумном и законном основании, на каком употребляет их английская, немецкая и всякая другая драма. Нет ничего утешительней и благообразней этой теории» («Русский Вестник», 1868, VII, 130—151).

Антиисторизм и эстетизм «теории» Анненкова был, разумеется, совершенно враждебен воззрениям руководителей «О. З.», стоявших на позициях критического реализма и революционно-демократической эстетики. Поэтому-то Елисеев и заявляет, что «наш долг бить эту теорию на каждом шагу».

‹8›

‹Сентябрь—октябрь 1868 г.›[1]

Я давно уже несколько раз прочел этот рассказ сам наедине и читал другим. Все в восторге от него — и жаль бы было не сказать правдивого слова о событиях о н о г о времени. Если теперь обращено внимание на журнал, то можно отложить до январской книжки, что будет еще лучше, — но, во всяком случае, за этот рассказ н а д о б н о с т о я т ь.

Что касается до статьи Демерта[2], то от нее ожидал я большего. В последней части она приняла совсем анекдотический характер и говорит совсем не о том, что от нее ожидается. Частности, кажущиеся Вам опасными, конечно, легко могут быть уничтожены. За лепты в пользу убогого семейства К. П.[3] очень рада и весьма Вас благодарит.

Ваш Гр. Е л и с е е в

[1] Письмо не содержит данных для бесспорной датировки. По сходству бумаги и чернил оно примыкает к предыдущим письмам и может быть по этому признаку отнесено к 1868 г. Если такое отнесение правильно, нетрудно определить и более узкую дату. Слова Елисеева: «Если теперь обращено внимание на журнал» могли быть написаны не ранее середины сентября, когда член Совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстой сделал резкий доклад об «отрицательном направлении» «О. З.», в которых начинает проглядывать тесное сродство с закрытым «Совр.» (В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века, М.—Л., 1927, 155). Такой дате соответствует и предложение Елисеева отложить какой-то цензурно-опасный рассказ до январской книжки. Самый рассказ определить не удалось. Видимо, он все же не был напечатан.

[2] Если наши предположения о датировке письма верны, речь идет о статье Демерта «Из недавней поездки», напечатанной в «О. З.», 1868, XI.

[3] К‹атерина› П‹авловна› — жена Елисеева, урожд. Гофштеттер (по первому мужу Корбецкая); вышла замуж за Елисеева в 1865 г. Скончалась в Петербурге 25 января 1891 г. После нее остались небольшие, до сих пор полностью не напечатанные воспоминания, которые Н. К. Михайловский считал «превосходными в своей непосредственности» (Полн. собр. соч., СПб., 1909, VII, 416; т а м ж е о ней — 472, 477 и 480). Сокращенную редакцию воспоминаний Е. П. Елисеевой см. в сб.: «Шестидесятые годы. Воспоминания М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева». Цит. изд., 213—457.

‹9›

‹Конец октября—начало ноября 1868 г.›

И Панютин и Марков названы в фельетоне Незнакомца поимянно. Следовательно, мы не только имеем право, но должны назвать их. Иначе Скарятин обидится. Когда же будут названы все, двум первым обижаться нечем. Разве что перлами названы. Тогда лучше перл заменить другим словом. — А без имен, умолченных нами по доброй воле, интенция будет казаться неблаговидною. Таково мое мнение, которое предоставляю ре-

шать Вам самим. Я же, к вышесказанному, еще прибавлю, что для журнала [есть] самое худшее подозрение — подозрение в кумовстве [1].

Ваш Елисеев

[1] Письмо, несомненно, связано с анонимной статьей Салтыкова-Щедрина «Литература на обеде», напечатанной в «О. З.», 1868, XI (см. Н. Щедрин. Полн. собр. соч., VIII, 94—106). Поводом для написания статьи, преследовавшей далеко идущие цели пропаганды революционно-демократической общественной программы, явилась нашумевшая история на официальном обеде в Дворянском собрании Смоленска, по случаю празднования открытия Орловско-Витебской железной дороги. Устроители торжеств пригласили на обед представителей петербургской печати. «И вот,—писал Щедрин в названной статье, — четверо от четырех газет, а именно: Скарятин от „Вести", Марков от „Инвалида", Панютин от „Голоса", Незнакомец от „Петербургских Ведомостей" отправились в Смоленск» (перечень этот, с различными сатирическими вариациями повторяемый, является как бы рефреном статьи). Выступление на обеде Скарятина— ярого крепостника и обскуранта, вызвало резкую обструкцию присутствующих и закончилось общественным скандалом. Обо всем этом много писали тогдашние газеты, в том числе и участник события Незнакомец, т. е. Суворин в своих фельетонах в «С.-Петербургских Ведомостях», один из которых цитируется в статье Щедрина («Недельные очерки и картинки. Поездка в Смоленск Незнакомца». — «С.-Петербургские Ведомости» от 13/25 октября 1868 г.).

Публикуемое письмо Елисеева позволяет установить, что в первоначальной редакции статьи Щедрина в числе представителей «литературы на обеде» поименно был назван только Скарятин. Щедрин, видимо, согласился с доводами Елисеева и ввел в статью также имена трех остальных представителей петербургской прессы, участвовавших в смоленском празднике. Сатирическое наименование их «перлами» было устранено: в печатном тексте статьи этого слова нет.

Всем сказанным определяется и датировка письма: 11-я книжка «О. З.» 1868 г. вышла в свет 10 ноября (Ашукин, 353).

<10>

<9 июля 1869 г.>

Очень благодарен Вам за известие о Вашем пребывании и состоянии Вашего духа. Хотя я и прежде не лишен был некоторых о Вас сведений, но так как сведения эти были передаточные, а не личного впечатления, то были недостаточно ясны и тверды. Письмо Ваше было тем приятнее для меня, что я его никак не ожидал. Ибо сам писать письма крайне ленив и, когда был за границею, едва ли написал три письма в Россию; потому думал, что и Вам за границею не до писем, исключая, разумеется, самых необходимых [1].

Дела по журналу идут у нас вообще мирно и ладно, в частности с хозяином тоже [2]. Только Феофилка причиняет по временам некоторые досады и горести. Так и в последней (июльской) книжке надобно было перепечатать 5 листов «Рассказов» Покровского. Вымарал местах в 10-ти и все по пустякам. А делать было нечего, потому что за отъездом председателя он теперь главнокомандующий [3]. Из сего Вы можете видеть, что если бы не Феофилка, то Вы могли бы в Европе захватить и пол-осени. Но так как он существует и козни делать не перестанет, то Вам, я думаю, надобно будет приезжать к назначенному Вами сроку, т. е. к 10 сентября, или что то же — к выпуску сентябрьской книжки. — Таково мое мнение, которое, впрочем, предоставляю Вашему усмотрению и Вашим личным обстоятельствам. Если бы последние потребовали, чтобы Вы дольше пробыли за границею, то бог не без милости. «Бог не выдаст — Теофилка не съест» [4].

Вы писали мне, что есть Ваши деньги у Звонарева, из которых, если нужно, можно иногда перехватить. Этим я и хотел было недавно воспользоваться, но оказалось, что у Звонарева ничего нет, потому что по Вашему векселю он с какого-то господина до сих пор (с мая) ничего не получил и получить не надеется. А деньги, по правде сказать, бывают иногда нужны. Вы все личные Вам долги сотрудников перед отъездом отдали в контору, и контора хотя и не требует этих долгов, настоятельно напоминает о них.

Когда, впрочем, я говорю о конторе, то разумею только Мих. Иван. — конторщика, который напоминаньем исполняет свой долг, действуя тут ex officio. Что касается до Кр<аевского>, то он ведет себя вполне безукоризненно. В деньгах до сих пор ни разу никому не отказывал, — даже Михайловскому, который состоит должным более 1000, он не отказал.

Но именно Михайловский составляет пункт моих опасений в будущем. У Михайловского жена в Франценсбаде. Деньги ему потребуются еще и, вероятно, немало. Михайловский, как видно по последним статьям его, оказывается даровитейшею личностью и может быть даже н а д е ж д о ю литературы в будущем. Для журнала он человек незаменимый и с будущего сентября он будет писать ж у р н а л ь н о е обозрение. От Вашего имени я обещал ему с будущего года <1)> постоянное жалование, 2) в силу Вашего же обещания, скидку с его долга того излишка, который окажется по расчету не 60, а 75 р. за лист. Вы с нового года прошедшего обещали возвысить его плату в сравнении с другими — и когда они были повышены на 60, он остался при прежнем расчете, т. е. повышения для него не произошло, т. е. обещание Ваше осталось неисполненным. — Деньги, которые будут даны Михайловскому, он, конечно, заработает! Он может работать много. Встретится ли действительно препятствие при отпуске вновь вперед денег Михайловскому, — я не знаю. Но, во всяком случае, было бы хорошо, если бы Вы черкнули несколько слов об этом для конторы и прислали мне [5].

Надоедает мне ужасно Тарханов — и что с ним делать, я, право, не знаю. Дело состоит, видите ли, в чем. Статью ему возвратить было трудно, даже невозможно. В дело это вмешан Степанович [6], с запиской которого, уведомляющей о принятии статьи, Тарханов носится. Я сказал Тарханову, что Вы статьи не сдали редакции, т. е. забыли сдать и что до Вашего приезда мы ничего не можем делать — ни начинать печатать статьи, ни дать ему денег. Третьего дня он был в редакции, и я сказал ему, чтобы он писал к Вам в Киссинген; вероятно, Вы получите письмо его об этом [7].

Зайцев прислал статью: «Новое правительство», т. е. Франции. Беспокойная, раздраженная фраза, взгляд радикальнейший, — и со статьею ничего нельзя более делать, как отправить ее обратно [8].

Теперь о делах текущих отрапорт<ов>ано мной, кажется, все. В городе нового, кажется, ничего нет. В литературе смирно. Мы втроем, т. е. Курочкин, Демерт и я, проводили лето на одной даче в Парголове, в Шуваловском саду. Место бы хорошее, но лето скверно. Много дождя и холодно. Маркович [9] в Орловской губ. в деревне и почти ничего не пишет; Салтыков в деревне под Москвой [10]; вчера для августовской книжки прислал письмо из провинции. Засим до свидания. Будьте здоровы, бодры и веселы. Жму Вам крепко руку и желаю Вам всего лучшего.

Ваш Гр. Е л и с е е в

Июля 9 дня 1869 г.

[1] Письмо адресовано в Соден, где в это время лечился Некрасов. Несколько необычный, по сравнению с предшествующими, чисто деловыми, письмами, тон настоящего письма объясняется, возможно, следующими обстоятельствами. Письмо писалось летом 1869 г., т. е. всего через два-три месяца после того, как Антонович и Жуковский обрушились на Некрасова в своем памфлете «Материалы для характеристики современной русской литературы», а Тургенев поддержал их своим выступлением в «Вестнике Европы» (1869, IV, «Воспоминания о Белинском»). Надо думать, что эта комбинированная атака на доброе имя Некрасова, тяжело пережитая им, произвела на Елисеева действие, противоположное тому, на какое рассчитывали атакующие, а потому и в письме его к Некрасову зазвучали сердечные ноты.

[2] Т. е. с А. А. Краевским.

[3] «Ф е о ф и л к а» — обычное в кругу редакции «О. З.» наименование Феофила Матвеевича Т о л с т о г о (1809—1881), влиятельного члена Совета Главн. управл. по делам печати, использованного Некрасовым для неофициальной защиты журнала в этой высшей цензурной инстанции. В июле 1869 г. Толстой временно исправлял должность начальника Главного управления (заменяя М. Н. Похвиснева, уехавшего в отпуск),

что и имеет в виду Елисеев в словах «он теперь главнокомандующий». В июльской книжке «О.З.» 1869 г. Толстой, в порядке «домашнего» неофициального цензурирования, «вымарал» местах в 10 публикацию В. Покровского «Рассказы из истории последнего десятилетия. Период второй (1830—1848): Германия, Австрия, Пруссия.— Швейцария. — Франция при Людовике-Филиппе». Вероятно, именно об этой своей операции, которую Щедрин обозначал обычно словами «Феофилка гадит», Толстой писал 5 июля 1869 г. «хозяину» журнала А. А. Краевскому: «Как ни ненавистен „красный карандаш“ — это цензорское орудие, — но, вникнув в наши отметки, Вы, конечно, согласитесь, что тут нет желания о с к о п л е н и я, а только послаблен излишний з а д о р, от которого страсти возбуждаются, но не удовлетворяются...» и т. д. О Ф. Толстом и его отношениях с редакцией «О. З.» и Некрасовым см. новые материалы

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. ЩЕДРИНА.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ «САТИР В ПРОЗЕ» М. Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА НЕКРАСОВУ

Центральный литературный архив, Москва

в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 479—487 (здесь опубликовано и цитированное письмо к Краевскому) и ниже, в наст. томе, в публикации К. Чуковского «Феофил. Толстой и его письма к Некрасову».

[4] Некрасов вернулся в Петербург в начале сентября 1869 г. (А ш у к и н, 368).

[5] Просьба Елисеева о Михайловском была выполнена Некрасовым. В письме к Краевскому от 15/27 июля 1869 г. из Киссингена Некрасов писал: «Вот что̀: есть у нас сотрудник Н. Михайловский; теперь ясно, что это самый даровитый человек из новых... „Отеч. Запискам“ он может быть полезен сильно и надолго... Я очень рад, что Вы, как пишет мне Елисеев, не отказали ему в деньгах, несмотря на то, что он уже изрядно должен и конторе „Отеч. Зап.“, и мне лично. Легко может быть, что Вы и без этого моего письма не отказали бы ему и еще, но я на всякий случай прошу Вас не отказать ему, если обратится» (Н е к р а с о в, V, 465—466).

[6] Василий Степанович Курочкин.

7 Речь идет о статье князя Ивана Романовича Тарханова (1846—1908) «Психолого-социальный этюд». См. об этом ниже письмо Тарханова к Некрасову от 7 июля 1869 г., написанное по совету Елисеева.

8 Отклонение статьи Зайцева было вызвано не только опасениями ее нецензурности, но и принципиальным несогласием Елисеева с политической позицией автора в отношении лидеров французской мелкобуржуазной демократии. В статье, напечатанной в журнале «Минувшие Годы», 1908, XI и принадлежащей жене Зайцева, указывается, что он получил от редакции «О. З.» (т. е. от Елисеева) письмо по поводу «Второй империи» («Новое правительство»), в котором говорилось, что «нельзя клеветать голословно и даже противно фактам обвинять таких заслуженных бойцов свободы, республики и народа, как Jules Favre, Jules Simon и Ernest Picard» (85—86). Ср. ниже письма Зайцева к Некрасову и Елисееву.

9 Фамилия написана в подлиннике весьма неразборчиво. Ясно читается лишь начальная буква «М». Однако предлагаемое нами чтение «Маркович» может считаться бесспорным. Из основных сотрудников «Отеч. Зап.», близких в 1868 г. и к редакции и лично к Елисееву и Некрасову, чьи фамилии начинались на М, можно назвать только М. А. Маркович. Это подтверждается и указанием на Орловскую губернию, с которой писательница была связана. В неизданном дневнике В. М. Лазаревского, в записи 1876 г. «Мое знакомство с Марко Вовчок» читаем: «Не помню, как М<ария> Алекс<андровна> попала в гувернантки в Орловскую губернию, где жил в то время, в виде ссыльного, будущий муж ее, Маркович» (ЦГЛА, Ф. В. М. Лазаревского).

10 В своем имении Витенево, недалеко от ст. Пушкино Ярославской ж. д.

<11>

<22 октября 1871 г.>

Я Вас вполне понимаю. Мне самому жаль бы было расстаться с вещью, которая прожила у меня 16 лет. И так как никакой необходимости мне нет именно в столе, для Вас дорогом, то я с удовольствием возвращаю Вам свое право на него [1]. А вместе с тем возвращаю и присланные Вами сигары. Ибо, говоря откровенно, за отступное я бы Вам не уступил стола.

Ваш Гр. Елисеев

22 октября 1871 г.

P. S. Клаус был дважды у Шидловского[2], и оба раза он его не принял. Вероятно, Шидловский знает, что была статья Клауса[3]. Клаус оскорблен и более ни под каким видом не хочет идти к нему.

1 О каком столе, почему-то дорогом для Некрасова, идет речь — неизвестно.

2 Михаил Романович Шидловский (1826—1880), свиты е. в. ген.-майор, был начальником Главного управления по делам печати с сентября 1870 по 1871 г. См. о нем новые материалы в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 470—471.

3 В «О. З.» за 1871 г. напечатаны лишь две статьи А. Клауса: «Наши недоумения. Полемика по вопросу о сельской общине» («О. З.», 1871, V) и «По вопросу о калмыках Астраханской губернии» («О. З.», 1871, VI). В письме речь идет скорее о второй статье. Она появилась в печати под криптонимом А. К., скрывавшим авторство Клауса, а первая помещена за его полной подписью.

<12>

<Декабрь 1871 г.>

Николай Алексеевич,

Я очень удивился, узнав, что Вы ни слова не сказали Курочкину о передаче ему иностранного отдела и об отчислении его от библиографии. Только уже по уходе по его виду догадался, какие он вытерпел волнения и муки, когда в присутствии его распоряжались отделом, им заведываемым. Я догнал его и поговорил с ним: он человек больной, мрачный, подозрительный и в ужасном положении. Сколько я ни уверял его, что Вы только по забывчивости не сказали ему о поручении ему нового отдела, он не верит, почитает поступок с ним намеренным отказом, который имелся в виду уже, дескать, не один год назад, вообще считает свои отношения с редакцией О<течественных> З<аписок> конченными по причине нанесенного ему тяжкого оскорбления.

Когда я пришел в редакцию, меня Пятковский встретил вопросом: кому ныне при новых порядках отдавать библиографию? Я

ему ответил: отдавайте в типографию, думая, что распоряжение о новых порядках вышло от Вас. Впоследствии вечером я узнал, что еще до моего прихода Салтыков поручил Скабичевскому написать разбор двух книг, — тех самых, которые поручил разобрать ему и Курочкин. Из этого самого и заключили все присутствующие, что есть новое распоряжение о библиографии.

Ясно, что до меня и помимо меня был решен план о новом устройстве библиографии. И я никоим образом не могу считать себя виновным в огорчении Курочкина. А если тут есть виновные, не думаю, конечно, преднамеренно, а случайно, то это, конечно, Вы. Ибо при разговоре нашем в пятницу Вы, повидимому, порешили поставить дело так, как я Вам предлагал. По крайней ⟨мере⟩ так я понял Вас. Впрочем, если бы Вы оставались и при своем мнении, все-таки Вам надлежало сказать о своем плане Курочкину. И что об этом ему не было сказано, мне было весьма естественно удивиться. Ибо как Вы ни далеко держите себя от сотрудников Вашего журнала, но все-таки я не могу никак уверить себя, чтобы Вы их считали окончательно за Ваших лакеев.

Если бы мой новый план казался для Вас ничего не стоящим, то так Вам прямо надлежало сказать это, когда Вы были у меня. Тогда дело библиографии осталось бы пока status quo до нового рассмотрения. Вы же на мои представления согласились, а потом делаете, а сверх того и пишете, бог знает что. Совсем неправильно и не только уже по отношению к Курочкину, а и ко мне [1].

Ваш Гр. Елисеев

[1] Автограф письма занимает два отдельных листка почтовой бумаги. Один из них содержит обращение и первый абзац публикуемого текста, другой — весь остальной текст, начиная с абзаца «Когда я пришел в редакцию...» и до заключительной подписи (этот раздел обозначен в публикации линейкой). В архиве ИЛИ каждый из листков значится отдельным письмом. Вероятно, однако, что это одно письмо, быть может, не полностью сохранившееся. Возможно, существовал еще один листок, содержавший текст между первым абзацем и последующим.

Датировка письма декабрем 1871 г. обосновывается анализом его содержания.

Приглашенный Некрасовым в январе 1868 г. к постоянной работе в реформированных «О. З.» Курочкин занял в редакции журнала место заведующего отделом «Новые книги», т. е. библиографией, и вел его под непосредственным наблюдением Елисеева и при постоянном участии Скабичевского, Пятковского, Михайловского и др. Руководство библиографией в «О. З.», осуществляемое Елисеевым и Курочкиным, вызвало скоро сильное недовольство Салтыкова-Щедрина и заставило его поставить перед Некрасовым вопрос о реформе отдела, в котором он и сам принимал значительное участие. Обращаясь 9 июня 1869 г. к находившемуся за границей Некрасову с просьбой поскорее вернуться, Салтыков писал ему: «Без Вас у нас дело не пойдет, не потому, чтобы были несогласия, а кумовство очень одолевает. Библиография совсем плоха, надо бы что-нибудь сделать, а без Вас я и приступить к этому вопросу не решаюсь» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 218).

Согласился ли Некрасов с мнением Салтыкова и попытался ли сделать «что-нибудь» после своего возвращения в Петербург осенью 1869 г., неизвестно. Несомненно, однако, что никакие радикальные реформы тогда не были предприняты. Гонорарные ведомости «О. З.» за 1871 г. свидетельствуют, что вплоть до декабря этого года Курочкин продолжал получать ежемесячное жалованье за «заведывание библиографией», осуществлявшееся им под непосредственным руководством Елисеева.

С января 1872 г. отдел «Новые книги» неожиданно исчезает со страниц «О. З.» на целых пять лет, возобновляясь вновь только с 1877 г. Современная критика недоумевала по поводу такой реформы, предпринятой редакцией «О. З.». Так, анонимный критик «Дела» в статье «Ташкентец в науке» писал: «Отсутствие библиографии становится важным пробелом влиятельного органа. А между тем, никто не понимает лучше, как г. Некрасов, как важен критический отдел для русского журнала... Мы не понимаем, какими соображениями руководствовалась редакция, лишив его последней жизненной струи — библиографии и рецензии» («Дело», 1872, XII, 110). Не понимали этого и последующие авторы, занимавшиеся изучением некрасовского журнала.

Публикуемое письмо Елисеева отчасти приоткрывает «тайну» ликвидации библиографического отдела в «О. З.». Из этого письма видно: 1) что Некрасов (вероятно под давлением Салтыкова, попрежнему недовольного постановкой дела рецензирования книг в журнале) принял решение об «отчислении» Курочкина от заведывания библиографией и о передаче ему, в порядке компенсации для его самолюбия, менее ответ-

ственного «иностранного отдела» и 2) что Елисеев, справедливо усмотрев в таком решении выражение недовольства не только Курочкиным, но и им самим, предложил какой-то другой план «устройства библиографии», который однако не был принят Некрасовым, что вызвало у Елисеева дополнительную реакцию раздражения и обиды.

Как развивался дальше внутриредакционный конфликт, прямых сведений нет. Можно однако предполагать, что он принял довольно острую форму и что в поисках его ликвидации Некрасов и Салтыков сочли за лучшее вовсе пожертвовать библиографическим отделом, нежели согласиться на сохранение status quo или на принятие неизвестного нам, но вызывавшего их возражение елисеевского проекта реформы отдела. Так или иначе, Курочкин в конце декабря 1871 г. прервал свою работу и сразу же уехал за границу.

В своей анкете-автобиографии (см. ниже, стр. 341) Курочкин указывал на «тяжелую хроническую болезнь», как на единственную причину своего отхода от постоянной работы в редакции «О. З.». Действительно, как видно из публикуемого на стр. 344 настоящего тома письма Курочкина к Некрасову, от 11/23 января 1872 г. из Верне-Монтре, его здоровье перед отъездом за границу было серьезно подорвано («Мне все еще очень худо»,— писал он здесь). Однако следует думать, что выбор момента для лечебной поездки за границу и помощь, которую оказал Курочкину Некрасов в организации этой поездки, находились в прямой связи с разыгравшимся конфликтом.

Обоснование датировки конфликта, а тем самым и публикуемого письма декабрем 1871 г. вытекает из сопоставления двух вышеизложенных обстоятельств: факта заведывания Курочкиным отделом библиографии «О. З.» вплоть до декабря 1871 г., подтверждаемого «гонорарными ведомостями» журнала за этот год, и факта ликвидации названного отдела с января 1872 г. К этому следует добавить указание, содержащееся в словах Елисеева из публикуемого письма, о том, что Курочкин «почитает поступок с ним намеренным отказом, который имелся в виду уже, дескать, не один год назад». В пределах первого четырехлетия существования некрасовских «О. З.» это указание очевидно может быть отнесено только к последнему году четырехлетия, т. е. к 1871 г.

Некоторый дополнительный материал к истории конфликта находим в позднейшем письме А. М. Скабичевского к Н. К. Михайловскому от 10 февраля 1878 г. Скабичевский пишет здесь: «Я не признаю себя нисколько компетентнее Н. С. Курочкина в этом деле, и если он потерпел до сих пор непонятное для меня фиаско в прежней <т. е. 1868—1871 гг.> библиографии, в которой вначале я принимал большое участие, то как же мог я браться снова <в 1878 г.?> за этот неудавшийся отдел и притом тут же, рядом с Курочкиным, до сих пор состоящим в числе постоянных сотрудников „О.З.“. Не говоря уже ни о чем другом, одно чувство товарищества возмущалось во мне при этом. А Курочкин мне более чем товарищ: через него я в сотрудники большого журнала попал» (см. ниже, в наст. публикации).

<13>

Николай Алексеевич, <3 марта 1872 г.>

Поразмыслив наедине о редакторстве, я пришел к следующим соображениям, которые и считаю нужным сообщить Вам для правильной постановки дела.

Ответственное редакторство [1] ни на одну иоту не увеличит моей работы. Краевский не берет денег за редакторство. Вы говорите, что также не будете брать, если Вас утвердят редактором. За что же буду брать я? Это одно соображение. А вот другое: если я буду получать 2000 р. в год, то этим уничтожится почти вся та сумма, которая делится между нами [2], и Салтыков моим жалованьем будет конфискован на 1000 и более рублей в год. Для него это будет и материально чувствительно, и нравственно обидно, а этого ни Вы, ни я никак не можем желать.

Было бы справедливо, чтобы я ничего не брал за редакцию как за дело, не прибавляющее никакой работы и как за это не берет Краевский и не стали бы брать Вы. Но я нахожусь в другом положении и не прочь получать что-нибудь. Размер этого что-нибудь безобидно, мне кажется, может быть определен следующим образом:

Из сторонних лиц можно бы было найти номинального редактора за сумму от 600 до 1200 р. в год. Мне кажется, средняя этих двух сумм будет достаточным вознаграждением за редакторство и для меня. Эта средняя, т. е. 900 р. при 6000 подписчиках, будет составлять 15 к. с рыла. Очень довольно!

Ваш Гр. Елисеев

1872 г. марта 3 дня

НЕКРАСОВ

Литография П. Бореля с фотографии Г. Деньера

«Портретная галлерея русских деятелей», изд. А. Мюнстера, т. I, 1865 г.

[1] Намерение освободиться от редакторского имени Краевского на обложке «О. З.» никогда не покидало Некрасова и его соредакторов. С одной из попыток — четвертой по счету — осуществить это намерение и связано публикуемое письмо. В связи с предполагавшимся отъездом Краевского за границу Некрасов пытался в начале марта 1872 г. добиться в Главн. управл. по делам печати разрешения на утверждение ответственным редактором журнала Елисеева или самого себя. Но III Отделение, в ответ на запрос Главн. управл., не дало санкции, сославшись «на деятельность Некрасова и Елисеева в „Современнике“», и «на продолжение того же направления в „Отеч. Зап.“». Относящиеся к этому эпизоду документы см. в статье: Б. Папковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия.—«Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 463—464.

[2] Упоминание о «сумме, которая делится между нами», т. е. между Елисеевым и Салтыковым, свидетельствует, что оба соредактора Некрасова с первых же лет издания преобразованных «О. З.» имели некоторую долю в доходах журнала.

⟨14⟩

⟨18/30 августа 1875 г.⟩

Я живу пятый день уже в Нанси — на пути из Бадена — Страсбурга в Париж. Остановился здесь, чтобы отчасти закончить внутреннее обозрение [1], а главное, подмалевать его для типографии. И подмалевал, кажется, хорошо. Думаю, что наборщики должны все разобрать. Впрочем, если бы чего и не разобрали, то 6 или 7 сентября я надеюсь попасть в Петербург и, следовательно, успею сам прочесть корректуру. Сегодня в час дня я выеду отсюда в Париж. Не знаю, успею ли отсюда отправить рукопись — вчера вечером не приготовил пакета, а теперь не знаю, принесут ли скоро, да и почта неблизко. Придется, пожалуй, увезти ее в Париж и послать ее оттуда завтра.

На пути из Эмса я заезжал в Баден-Баден и прожил там пять дней. Местность очень красивая, но жить там долго нельзя. Очень там уж все нарядно, парадно и публично. Как место для временного гулянья Баден хорош, но для постоянного или долгого житья он не уютен. По блеску, роскоши и разным светским этикетам он, пожалуй, похож на столицу, а по бессодержательности и мелкоте жизни ничем не отличается от уездного города. Ежедневные беседы, как и во всяком уездном городе, поддерживаются новостями или сплетнями проживающих в Бадене друг о друге. Кто доволен такою жизнью и вошел в нее, тому хорошо. Но кто стоит в стороне от нее, тому неприятно стоять на выставке и быть предметом новостей для других. А потеряться для всех, быть в неизвестности здесь нельзя. Знают все наперечет друг друга и знакомые и незнакомые. Я понимаю, почему Баден так опротивел Салтыкову, что он слышать о нем не может и с некиим ужасом говорит о предстоящей ему подобной жизни в Ницце, куда его посылают на зиму [2]. И надобно полагать, что Ницца, действительно, ничем не лучше Бадена, а, пожалуй, еще похуже.

Жаль бедного М⟨ихаила⟩ Е⟨079графовича⟩. В той атмосфере, в которой он прожил четыре месяца и в которой ему придется прожить еще целую зиму, а быть может и более, он похож на человека, посаженного в уединенное заключение. Он угнетен морально и сильно скучает. И о здоровье его нельзя сказать, чтобы оно было в блестящем состоянии. Правда, сердце в порядке, но ревматические боли — положим незначительные и легкие — держатся упорно. И нет пока гарантии, что при какой-нибудь неосторожности они не возвратятся. А как от всего уберечься? — Вот теперь перед Ниццею ему разрешено ехать на полтора месяца в Париж, куда он через несколько дней и едет. Париж живет ночью; отправившись куда-нибудь вечером, можно рисковать попасть на всякую погоду. Кроме того, ему непременно хочется попасть в театр, а парижские театры таковы, что в них, говорят, очень легко простудиться.

Вообще опасностей в Париже много, — и было бы очень прискорбно, если бы его боли по неосторожности опять возобновились. Вот Вы бы хо-

рошо сделали, Николай Алексеевич, если бы вместо Италии, куда Вы хотели ехать на сентябрь, приехали в Париж. При Вас с Салтыковым, верно, не случилось бы никаких казусов в Париже. Он так был бы рад Вас видеть, что не отстал бы от Вас во все время Вашего пребывания в Париже. До свидания. Будьте здоровы. Прошу передать мой поклон всей братии О‹течественных› З‹аписок›.

Ваш Гр. Елисеев

18/30 августа 1875 г.

[1] «Внутреннее обозрение» помещено в «О. З.», 1875, IX. Приводим его содержание, отразившее в себе заграничные впечатления Елисеева: «Эмс и россияне. — Разговор о деле Овсянникова. — Вопрос о производительности для России трат, которые делаются русскими за границей. — Сравнение германских нравов с нашими. — Наши безобразники нечиновные и чиновные. — Темные при петербургских полицейских частях. — Дикие дани, собираемые управлениями железных дорог с пассажиров, отправляющихся за границу. — Происшествия на Оренбургской железной дороге».

[2] О пребывании М. Е. Салтыкова в Баден-Бадене, Ницце и Париже и его заграничных встречах с Елисеевым см. в переписке сатирика 1875—1876 гг. — Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII.

‹15›

Сентября 27 дня 1876 г.

Сейчас пришел из редакции. Грязь, слякоть, сырость на улице невообразимые; одним словом, петербургская осень во всей красе. Кажется, и тифы уже начались. Какие это дураки сербы, что не успели в течение лета взять Константинополь, как я им это желал и предсказывал. Теперь мы могли бы перенести нашу редакцию уже в Константинополь и продолжать там издание О‹течественных› З‹аписок›. Тогда и Вам не нужно было бы удаляться от нас в тридевятые земли.

Говоря серьезно, я теперь начинаю жалеть немножко о том, что О‹теч›. З‹ап›. впали вместе с другими органами в воинственный тон насчет Сербии [1]. Кажется, того, что желалось и даже и представлялось как бы в кармане, т. е. освобождения Болгарии, Герцеговины, Боснии, не последует, и все дело кончится ничем, а между тем настроение, возбужденное в публике славянскою войною, вовсе неблагоприятно тем идеям, которые наш журнал стремится насадить и утвердить в публике. Тому, кто верит в теологическую причинность явлений, может, пожалуй, показаться, что Промысл устроил сербскую войну единственно в пользу «Нового Времени». Никто не будет от нее в выигрыше, напротив — потеряют все: и Сербия, и другие славянские земли, и Турция, и Россия, — выиграет один Суворин. У него подписчиков, дескать, уже 16000 [2]. На-днях был у меня Ефремов и рассказывал, что Краевский, как передают ему это из Литературного фонда, не может равнодушно слышать, а приходит в некоторое содрогание, когда просто в разговоре случайно упоминается имя Суворина или «Нового Времени». Он же с обычным ему юмором рассказывает, что, будто бы, когда Краевский прогуливается по улице и сзади его нечаянно мальчишка-газетчик закричит: «телеграммы», то он опрометью бросается бежать, подозревая в этом крике подвох со стороны своих многочисленных врагов [3]; потом — что когда в «Петербургском Листке» было объявлено, что в известный день будет происходить на Конной площади опоясание мечом Краевского по подобию Абдул-Гамида, то будто его кухарка и горничная отправлялись смотреть на эту церемонию и потом, дескать, очень удивлялись: почему она не состоялась. Не запрещено ли, дескать, Правительством [4].

Я приехал ныне в Петербург по обыкновению в сентябре и только здесь узнал, что Вы уехали в Крым лечиться, но признаться сказать, никак не думал, что Вы поехали лечиться вплотную: я был уверен, что Вы после моего отъезда за границу поправились, а в Крым отправились только осве-

житься и покупаться. Лишь на-днях из письма Вашего к Салтыкову [5] я узнал, что Вы все продолжаете хворать, по прибытии чувствуете себя всё не по себе. Не могу выразить Вам, как эта весть огорчила не только меня, но и мою жену, и не эгоистично только, не потому, что Вы стоите во главе нашего общего дела, а лично за Вас. В наши лета и так не особенно много радостей, а тут, чорт возьми, еще хворь навяжется, которая не дает покою ни днем, ни ночью и просто даже как-нибудь жить не дает.

Вы пишете, что скучаете в Ялте, оно иначе и быть не может, а все-таки Вам надобно волю над собой взять и не выезжать оттуда, пока совсем не поправитесь.

В Ялте и климат хорош, и, кроме того, по верованию многих докторов море насыщает воздух такими частицами, которые, дескать, имеют силу целить болезни совсем не доступные до сведения современной медицины. А в Петербурге, как я уже Вам и сказал выше, быть теперь... ужасно.

Я покуда не выхожу и никого не вижу. На днях видел только Ратынского [6]; он, как и всегда, мил и любезен. Он возил Салтыкова к Григорьеву по поводу известной Вам истории [7]. Григорьев принял его с подобающим почтением и принес все возможные извинения. Салтыков, видимо, остался доволен приемом, говорит, по крайней мере, что теперь Григорьев пропустит ему все, что бы он ни написал.

В доме у Вас, как кажется, обстоит все благополучно. Ваш домовник кучер такая симпатичная личность, какую отыскать трудно, вот человек, которого нельзя не любить и на которого во всем можно положиться, как на каменную гору.

До свидания. Выздоравливайте скорее. Мой поклон Зинаиде Николаевне, таковой же от моей жены, которая кланяется также Вам и просит напомнить Вам о давно уже обещанном портрете.

Ваш Елисеев

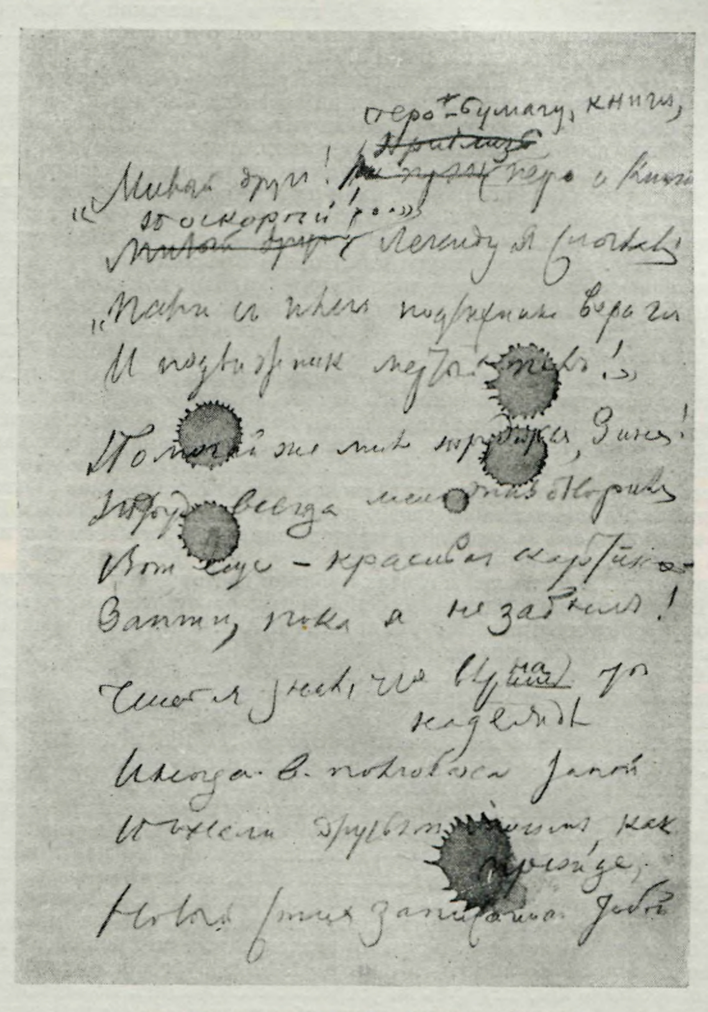
[1] Елисеев осуждает здесь, в первую очередь, анонимную статью «Воевать или не воевать», появившуюся в «О. З.», 1876, VI и IX. Кто был автором статьи, документально не установлено, хотя в литературе есть указания, что она принадлежит самому Елисееву.

Автор призывал русское общество быть готовым к вооруженному вмешательству правительства в события на Балканах и, в случае войны, звал «не складывать оружия, пока не добудем свободы для всего славянского мира». А в июльской книжке «О. З.» Михайловский, в отсутствие и Елисеева и Щедрина, напечатал реакционно-националистическую статью Д. Мордовцева «На всенародную свечу». Автор призывал здесь к пожертвованиям в пользу южных славян в таком, например, стиле: «Простой темный народ пусть в церквах услышит от своих священников то воззвание, на которое всегда охотно откликается русский народ: „Пожертвуйте, православные, на всемирную свечу господу богу...“». Щедрин, еще даже не прочитав статьи Мордовцева, по одному названию угадал в ней симптом неприемлемых для него тенденций в общем направлении «О.З.». Он писал Михайловскому: «„Отеч. Записки“ встали на покатость очень сомнительную и делаются журналом, в котором чувствуется если не преобладание, то очень значительное присутствие трихин... Еще две-три статьи, подобных сальной свече Мордовцева,... и репутация журнала, конечно, пошатнется» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIX, 68). В славянском вопросе Щедрин занимал трезвую позицию революционного демократа. Он глубоко сочувствовал борьбе славянских народов Сербии и Болгарии с чужеземным феодальным игом. Но вместе с тем с присущим ему реализмом восприятия социальных явлений сатирик отчетливо понимал политику самодержавия и реакции, стремившихся использовать симпатии русского общества к освободительной борьбе западных славян в своекорыстных целях. Вот почему Щедрин писал Некрасову: «Мое личное мнение, что вопрос этот для России не полезен. Под шумок его издан, например, закон, разрешающий губернаторам издавать обязательные постановления или, попросту говоря, законы же» (там же, 78). Ср. с этим слова Ф. Энгельса в письме к К. Марксу от 25 августа 1876 г. о пользе либеральных «криков о „турецких зверствах“ для русского правительства» (Маркс и Энгельс. Сочинения, XXIV, 462).

Возможно, не без влияния Щедрина Елисеев решил исправить линию журнала в славянском вопросе. Он сделал это в своем очередном «внутреннем обозрении», напеча-

танном в «О. З.», 1876, X. «Обозрение» начинается с заявления, что «ввиду бедствий славян Россия, повидимому, совершенно забыла, что она и сама существует на свете», что «мы живем среди славян, нуждающихся в помощи», что мы «обижаем» ради наших славянских «братьев» наших русских «чад», т. е. «мужичков». Затем следовали примеры деятельности исправников и становых, которые сумеют собрать с «пришибленного и безответного крестьянского населения „огромные“ пожертвования не только в пользу славян, но и в пользу китайцев, японцев и турок».

[2] В статье 1912 г. «Карьера» В. И. Ленин писал: «Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70 гг. XIX века) по-

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗИНЕ»
(«ПОДОДВИНЬ ПЕРО, БУМАГУ, КНИГИ») ФЕВРАЛЬ 1877 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

вернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу „найти себя“ и найти свою дорожку лакея, награждаемого громадными доходами его газеты „Чего изволите?“

„Новое Время“ Суворина на много десятилетий закрепило за собой это прозвище „Чего изволите?“» (Ленин. Сочинения. Изд. 3-е, XXX, 192).

[3] Огромный рост тиража и доходов «Нового Времени» в условиях повышенного внимания русского общества к событиям на Балканах, предшествовавшим русско-турецкой войне, объясняется, в частности, тем, что Суворин сумел обеспечить газете телеграфную информацию «собственных корреспондентов». В этом отношении «Новое Время» оказывалось газетой-монополистом. Газета же Краевского «Голос» своих «телеграмм» не имела и по этой причине теряла подписчиков.

[4] В сентябре 1876 г. все петербургские газеты, сообщая о вступлении на турецкий престол султана Абдул-Гамида II (1842—1918), описывали при этом основную традиционно-историческую церемонию, сопровождавшую это событие: публичное опоясывание нового султана мечом Османа. Злободневный сюжет этот был использован П. А. Ефремовым, укрывшимся под псевдонимом Макай Абдулов, для памфлета на Краевского и его газету «Голос», занимавшую в славянском вопросе (как ранее в польском) умеренную позицию и противостоявшую шовинистическому угару суворинского «Нового Времени». Приводим первую часть памфлета, напечатанного в газете «Петербургский Листок», 1876, 18 сентября, № 183:

«Особое прибавление к невышедшему № газеты „Азиатская Утка" (от нашего специального корреспондента). Церемония опоясания А. А. Краевского мечом Ф. В. Булгарина.

Фаддей II... тьфу, Андрей I Александрович Краевский был опоясан мечом 16 сентября. В одиннадцать часов утра он выехал на своем любимом коньке турецко-польской породы из собственного своего дома (что на углу Литейной и Бассейной), окруженный многочисленною свитою голосовых сотрудников. В это время суда турецкого флота, находившиеся на берегах Босфора, стреляли из пушек в честь своего неподкупного друга. По прибытии на Преображенский плац-парад Андрей Алекс. стал на особо приготовленное для него место посреди расчищенного мусора; в почтительном отдалении от него поместились немыслимо-точные репортеры и неуместно неподкупные высшие сотрудники „Голоса". Ни одного гяура из „Нового Времени" не пустили в середину мусора. Обряд опоясывания совершал лорд Идиот* (нарочно для того доставленный по телеграфу). Прочитав предварительно приличные торжеству слова из передовых статей „Голоса", по выходе из среды мусора А. А. сел опять на того же любимого своего конька и отправился обратно в собственный свой дом (что на углу Литейной и Бассейной). На нем (т. е. не на доме, а на Андрее Ал-дровиче) были надеты м. пр. белые лайковые перчатки, вследствие чего руки его издали казались необыкновенно чистыми. Свита, как всегда, была украшена павлиньими перьями. Во время торжественного шествия процессии по улицам города сотрудники бросали в народ охапками „Голос" по 4 коп. за номер (с возвратом). По прибытии в собственный свой дом (что на углу Литейной и Бассейной) А. А. принял поздравления как от сотрудников „Голоса", так и от старшего дворника собственного своего дома (что на углу Литейной и Бассейной). Затем, распоясавшись, сел за завтрак, в продолжении которого всем без исключения сотрудникам было дозволено облизываться.

Таким образом, А. А. сделался в глазах публики настоящим и достойным преемником Фаддея Венедиктовича Булгарина, освященный опоясыванием его меча...».

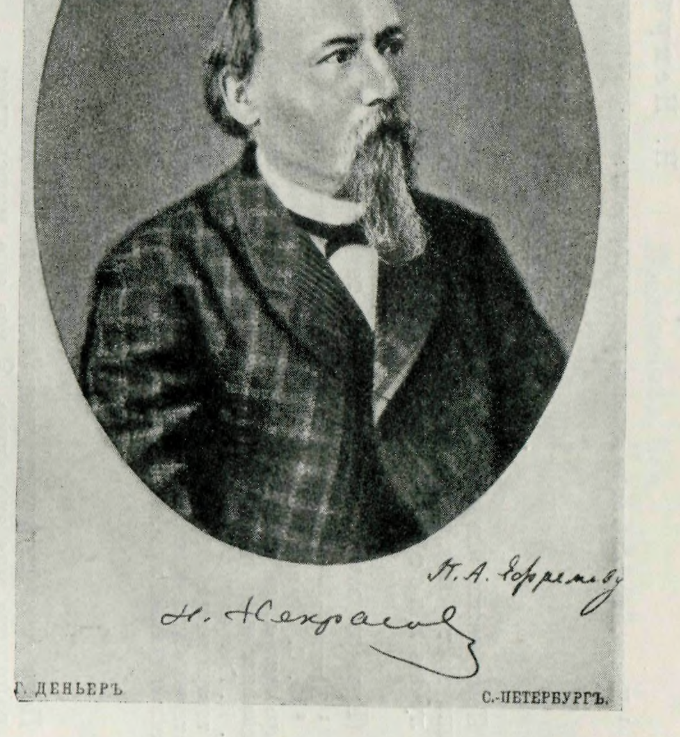
[5] Некрасов пробыл в Ялте с 28.VIII по 22.X 1876 г. Упоминаемое письмо Некрасова к Салтыкову в печати неизвестно.

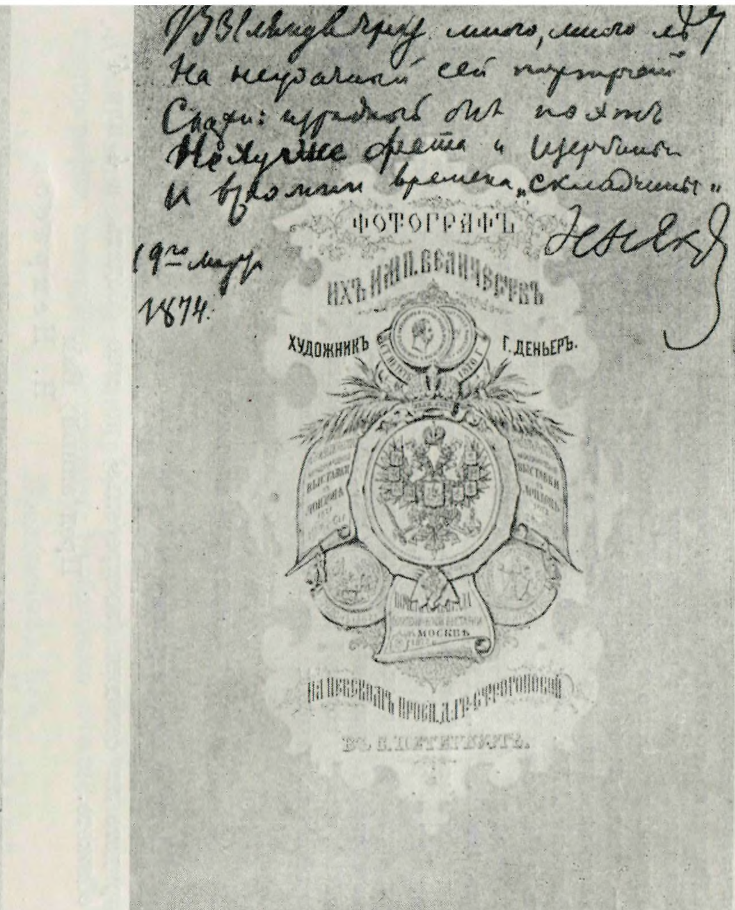
[6] Николай Антонович Ратынский (1821—1887) — цензор, член Совета Главн. управл. по делам печати; однокашник Салтыкова по Дворянскому институту.

[7] Василий Васильевич Григорьев (1816—1881) — профессор-ориенталист, начальник Главн. управл. по делам печати (с 1874 по 4.IV 1880), крайний реакционер. «Известная... история» с ним Салтыкова заключалась в следующем. В сентябре 1876 г. сатирик отправился к Григорьеву похлопотать о пропуске в печать IV главы своих «Экскурсий в область умеренности и аккуратности», предназначавшейся еще для сентябрьской книжки «О. З.» 1875 г., но не пропущенной тогда цензурой. «Принял он меня,— сообщал Салтыков Некрасову,—не только холодно, но почти неприязненно, даже не посадил. Хотел ли он поломаться надо мной, но первым вопросом его было следующее: „Вы в каком журнале участвуете?" Одним словом, свидание вряд ли продолжалось и минуту, но, несмотря на это, мне показалось, что на меня целый час плевали». Поступок Григорьева, получив огласку, вызвал большое возмущение в общественных кругах столицы. В Совете С.-Петербургского университета, где Григорьев был профессором, ему чуть не устроили обструкцию, но ограничились тем, что через проф. А. Д. Градовского затребовали объяснения. Чтобы выйти из неловкого положения, Григорьев не придумал ничего лучшего, как просить Салтыкова «удостоверить», что он его «в глаза никогда не видел». С этой миссией Григорьев послал к сатирику Ратынского. Сообщая об этом, Салтыков писал Некрасову: «Хотя все это не особенно лестно, тем не менее я решился ехать и в случае нужды даже подтвердить, что мы в первый раз видимся» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIX, 69—70, 74). IV глава «Экскурсий в область умеренности и аккуратности» появилась в «О. З.», 1876, IX. Ср. ниже в письме Краевского к Некрасову от 12 сентября 1876 г.

---

* Имя лорда напечатано неверно, чему причиной недостаток в типографии буквы *Л*. — Прим. наборщика.

НЕКРАСОВ

Фотография с дарственной надписью поэта П. А. Ефремову и посвященным ему экспромтом: «Взглянув чрез много, много лет...», написанным на обороте той же фотографии, 19 марта 1874 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

П. А. ЕФРЕМОВ

Известный библиограф Петр Александрович Ефремов (1830—1907) свою первую библиографическую работу поместил в некрасовском «Современнике» еще в 1857 г. Однако сближение его с Некрасовым произошло много позже — в 1873—1874 гг., на почве совместной работы в редакционном Комитете по изданию «Складчины», куда Ефремов входил в качестве секретаря. «Я благодарен „Складчине", что она нас познакомила», — писал Некрасов Ефремову в письме от 29 марта 1874 г. (см. ниже). Несколько позже им пришлось сообща работать в Комитете Лит. фонда: Некрасов был избран 2 февраля 1875 г. помощником председателя Комитета, а Ефремов — секретарем. Близость к Некрасову Ефремов сохранил до конца жизни поэта. См.: А. М. Ловягин. Из бесед с П. А. Ефремовым. — «Доклады и отчет Русского библиологического общества», вып. I. СПб., 1908.

Наряду с письмами Ефремова, публикуемыми по подлинникам, хранящимся в ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 33), здесь же, для удобства пользования, помещаем 16 неизданных писем и записок Некрасова и 1 записку А. А. Буткевич к Ефремову. Они печатаются по автографам ЦГЛА (Ф. 191, № 273 и № 271) за исключением записки № 9, воспроизводимой по копии ЦГЛА, снятой в 1939 г. С. П. Шестериковым с подлинника, находящегося в библиотеке Саратовского университета.

⟨1⟩

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

⟨Петербург, 10 февраля 1874 г.⟩ [1]

Петр Александрович,

Не придете ли сегодня (воскресенье) ко мне обедать, в 4 или 4¼, очень обяжете.

Пред⟨анный⟩ Вам

Н. Некрасов

[1] Число, месяц и год надписаны рукой Ефремова.

⟨2⟩

ЕФРЕМОВ—НЕКРАСОВУ

⟨Петербург, март 1874 г.⟩ [1]

Пока можно бы набирать. Думаю, что к Сущинскому [2] (близ Калинкина моста) незачем обращаться, но надо бы у Кр⟨аевского⟩ набрать и лучше лист, чтоб тискать 1250, а не 10 000 раз.

П. Ефремов

(Едва ли завтра буду у Вас, я теперь опять уединяюсь).

[1] Датируется приблизительно, временем печатания «Складчины».

[2] Ф. С. Сущинский — владелец типографии, в которой были напечатаны четыре листа «Складчины» (с 23-го по 26-й). Остальные листы сборника печатались в упоминаемых ниже типографиях В. С. Балашева, В. П. Безобразова, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, А. М. Котомина, В. Н. Майкова, П. П. Меркульева, А. И. Траншеля и товарищества «Общественная польза». Все они приняли на себя безвозмездное печатание «Складчины». При сигнатуре каждого листа обозначена типография, отпечатавшая данный лист.

⟨3⟩

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

⟨Петербург, март 1874 г.⟩ [1]

Петр Александрович, уведомьте меня сегодня, здесь ли Я. К. Грот [2] и напишите мне его адрес. Я все еще маюсь здесь.

Весь Ваш

Некрасов

[1] Датируется приблизительно, временем печатания «Складчины».

[2] Я. К. Грот (1812—1893) участвовал в «Складчине» статьей «Первенцы лицея и его предания».

⟨4⟩

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

⟨Петербург, март 1874 г.⟩[1]

Был в типографии Майкова — им недостает полулиста до четырех. (Он говорит, что ему дано только 2 статьи — Вяземский и Торнау— так ли это ?)

Вот корректуры. Что дадим на пол-листа? Надо бы пересмотреть список, а то не помню [2]. Завтра утром постараюсь к Вам зайти.

Некрасов

[1] Датируется приблизительно, временем печатания «Складчины».

[2] В типографии В. Н. Майкова печатались первые четыре листа «Складчины». Помещенные в них цикл стихотворений П. А. Вяземского (1—42) и статьи Ф. Ф. Торнова (Торнау) «Из воспоминаний бывшего кавказца» (43—55) заняли $3^1/_2$ листа. Нехватавшие до 4-х листов пол-листа были заполнены стихотворением «Вечный жид» Беранже в переводе В. Курочкина и четырьмя стихотворениями Я. П. Полонского (56—64).

⟨5⟩

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

⟨Петербург, не позднее 16 марта 1874 г.⟩

Не могу добиться набора Майкова и моих стихов для чтения в фонде. Посылал конторщика, да тот не добился.

Дайте записки и адреса типографий сему посыльному и велите ему итти в типографии, авось Вас послушают. Необходимо сегодня достать [1].

Пред⟨анный⟩ Вам
Некрасов

[1] Некрасов «добивался» получения листов 28-го и 34-го «Складчины». В первом (типография М. О. Вольфа) были напечатаны стихи А. Н. Майкова («Менуэт», «В степях», «Вопрос» и «У памятника Крылова»), во втором — его собственные («Три элегии», посвященные А. Н. Плещееву: 1. «Ах, что изгнанье, заточенье...», 2. «Бьется сердце беспокойное...», 3. «Разбиты все привязанности...»). Стихи эти понадобились в связи с чтением их Некрасовым и Ап. Майковым на вечере в пользу Литературного фонда, состоявшемся 16 марта 1874 г. в Купеческом клубе (Некрасов, V, 524). Отсюда и датировка письма.

⟨6⟩

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

⟨Петербург, 15 марта 1874 г.⟩

Покор⟨но⟩ прошу обедать сегодня в 5 ч⟨асов⟩ [1].

[1] Надпись на визитной карточке Некрасова. Датируется предположительно, в сопоставлении с нижепубликуемым письмом Ефремова к Некрасову от 15 марта 1874 г.

⟨7⟩

ЕФРЕМОВ—НЕКРАСОВУ

⟨Петербург, 15 марта 1874 г.⟩

Я был у Траншеля, Вольфа и Котомина, а добравшись до банка, должен был пробыть там до 5 часов, так что только возвратился домой. Винюсь, что не мог быть у Вас к обеду, да и теперь (за усталью) посылаю все оставшиеся у меня стихотворения, с просьбою послать в типографию помимо меня.

Если у Вас Иван Александрович [1], то скажите, что корректура будет доставлена ему к вечеру. В тип‹ографии› выразились, что он правит «внимательно».

Заголовок «Складчины» прилагаю.

П. Ефремов

15 марта ‹18›74 г.

Сбоку карандашом: Старца Лизандера [2] надо бы устроить в сборник; а Струговщикова [3] одно уж есть у Траншеля.

[1] Гончаров, напечатавший в «Складчине» семь глав «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» (стр. 525—560).

[2] Дмитрий Карлович фон Лизандер (1824—1894) — второстепенный русский поэт, выступивший со своими стихами еще в 40-е годы. В «Складчине» было напечатано два небольших его стихотворения (см. стр. 687).

[3] Участие в «Складчине» Александра Николаевича Струговщикова (1808—1878) выразилось в помещении (стр. 260) стихотворения «Ричард Львиное Сердце» (из Гейне) и двух небольших стихотворений в самом конце сборника (стр. 707—708).

‹8›

ЕФРЕМОВ—НЕКРАСОВУ

‹Петербург, 17 марта 1874 г.›

Николай Алексеевич, я многочастне и многообразне заявлял, что воскресенье совсем несвободный у меня день, а между тем вчера поздно получил от А. А. Кр‹аевского› проект обложки для тип‹ографии› Котомина.

Сегодня я послал последнюю корректуру Балашову (с Островским) и Вольфу. Более сделать ничего не могу.

Вы, вероятно, поедете прогуляться, а я считаю Ваше личное посещение необходимым:

1. К Траншелю, к‹ото›рому надо передать прилагаемую корректуру и поторопить, ибо мне он сверсток в настоящем виде не присылал, а все недоверстками. Если б Вы взглянули общую сверстку, то и разрешили бы (на месте) ее печатать, ибо все корректуры прочитаны хорошо.

2. Недалеко оттуда тип‹ография› Меркульева (Графский пер., № 5). Оттуда сверсток вовсе не было, и я вчера не дождался никого. Надо бы узнать о положении дела.

3. Крайне необходимо именно, чтобы Вы лично объяснились в тип‹ографии› Котомина (у Обухова моста, № 93). Там надо: 1) передать проект обложки, 2) заглавного листа (а Вы с Краев‹ским› и не решили о нем, взгляните на него и поправьте как надо), 3) спросить предисловие, 4) попросить набрать остальной оригинал Складчины, прилагаемый при сем в виде стихов, 5) если скажет, что не успеет, то переговорить: нельзя ли, что‹бы› набрано было у Кр‹аевско›го и в понед‹ельник› доставлено Котомину в наборе, 6) и главное, если надо, то отсрочить Котомину представление сборника в цензуру до середы или даже до четверга (прочим об этом заявлять не след‹ует›).

Если же Вы не поедете, то потрудитесь только послать прилагаемое к Траншелю (Стремяная, № 12) и Котомину (у Обухова моста, № 93).

Ваш охотный доброжелатель

П. Ефремов

Внизу, карандашом, рукою Ефремова: У Котомина надо попросить поскорее оттиск оглавления, чтоб дополнить последними типографиями (он стал на Траншеле) [1].

17 марта 1874 г.

П. А. ЕФРЕМОВ
Гравюра И. П. Пожалостина, 1875 г.
Музей изобразительных искусств, Москва

Ниже, карандашом, рукою Некрасова: У Траншеля ровно 5 листов кончится 560 стр.

Еще ниже, синим карандашом, рукою Некрасова: У Меркульева ⟨стр.⟩ 561—624 ⟨лл.⟩ 37—40

[1] То-есть дополнить оглавление содержанием тех материалов, которые приходились на заключительные листы сборника, печатавшиеся в типографиях П. Меркульева (лл. 37—40) и А. Котомина (лл. 41—46 без 1/4). Предшествующие же пять листов (лл. 32—36) печатались в типографии А. Траншеля.

⟨9⟩

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

⟨Петербург, 22 марта 1874 г.⟩

Многоуважаемый Петр Александрович, не придете ли ко мне часов в 8-мь? Вызовем Краевского и пересмотрим о т ч е т, а то завтра не успеем[1].

Ваш Н. Н е к ⟨р а с о в⟩

[1] На подлиннике рукою Ефремова помечено: «26 марта ⟨1874 г.⟩». Однако обосновать такую датировку трудно. В записке речь идет об отчете по изданию «Складчины». Записка могла быть написана, как это очевидно, лишь до заседания комитета, на котором обсуждался и был принят отчет, и скорее всего накануне дня заседания. А последнее состоялось 23 марта 1874 г. («Русская Старина», 1875, IV, приложения, 1). Исходя из этих соображений, датируем записку 22 марта 1874 г. Повидимому, в тот же вечер была написана и записка Некрасова к А. А. Краевскому, опубликованная без даты: «Я не сплю, и мы Вас ждем. Отчет, В ы з н а е т е, необходим. Завтра утром его надо переписать и подписать. На заседании не быть неловко. Ждем Вас. Некрасов» (Н е к р а с о в, V, 528 — записка опубликована здесь слитно с другой запиской, адресованной Ефремову, от 23 или 24 марта).

⟨10⟩

ЕФРЕМОВ—НЕКРАСОВУ

⟨Петербург, 24 марта 1874 г.⟩ [1]

Николай Алексеевич, по дороге в Ценз⟨урный⟩ Комитет я встретил г. Ратынского [2], от к⟨ото⟩рого узнал, что сборник не возбуждает сомнения; затем г. Петрову [3] я объяснил о путанице в «о д н о м» листе, а опечатки принял на свое дурное корректорство. Просил впоследствии заменить

«лист», а срок оставить теперешний. Но он указал сквернейшую ошибку; признаться, у меня рука дергалась, да боялся, что осрамлюсь перед классиками Никит<енкой> etc. Panis et laboris вместо labor или уж оба в винительном падеже: panem etc. Хоть перепечатывать. Пишу Сущинскому, но, верно, поздно [4].

Ваш П. Ефремов

[1] Датируется на основании сопоставления дат: представления «Складчины» в цензуру (20 марта), выдачи цензурного разрешения (25 марта) и ответного письма Некрасова (24 марта).

[2] Николай Антонович Ратынский — см. о нем примеч. 6 на стр. 260.

[3] Александр Григорьевич Петров (ум. 1887) — председатель С.-Петербургского Цензурного комитета.

[4] Речь идет об ошибке, допущенной в заглавии стихотворения В. И. Орлова (стр. 338). Эта ошибка была выправлена, но при исправлении был допущен новый недосмотр: в оглавлении стихотворение было названо «Panis et labor» (в именительном падеже), а в тексте стихотворение было названо «Panem et laborem» (в винительном падеже). См. ниже письма Некрасова к Ефремову от 24 и 27 марта 1874 г.

Среди бумаг Ефремова в ЦГЛА сохранился корректурный лист «Складчины» с этим стихотворением Орлова и записью Ефремова о том, что стихотворение до неузнаваемости исправлено Некрасовым (ср. заметку: Чешихин-Ветринский. Крохи Некрасова.— «День», 1913, 31 декабря, № 354). В библиографический список произведений Некрасова, составленный Ефремовым (ЦГЛА), оно внесено со следующей заметкой: «Panem et laborem, стих. Орлова. Изд. Складчины — исправлено все Н<екрасовым>».

<11>

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 24 марта 1874 г.> [1]

Петр Александрович, я еще вчера днем решил, что надо перепечатать, вчера вечером Краевский тоже мне сказал — ему [говорили] растолковали Стасюлевич и Грот; сегодня я призывал переплетчика [2] и приказал ему принести ко мне лист, где эти стихи; я хотел распорядиться, но переплетчик еще листа не прислал; пошлю опять за этим листом, и сегодня же порешим, а завтра сделаем новую страницу, у Балашова или у Краевского — как придется. О расчетах смешно говорить — это пустяки.

Я утром шел к Вам, чтоб об этом обо всем сообщить, да столкнулся с Салтыковым и к Вам не попал.

Понедельник Ваш день, приходите обедать.

Краевский записал, как надо исправить. Не беспокойтесь, завтра все сделаем. Надо отдать справедливость Кр<аевскому> — он уже и сегодня ко мне писал о необходимости перепечатки. А вчера объявил, что Вы вывезли всё дело на плечах, что и справедливо; собрание хотело писать Вам адрес, да загалдели и затянулись с выбором нового комитета [3].

Весь Ваш Некрасов

[1] Основание датировки: письмо написано, как явствует из его заключительной фразы, на другой день после отчетного собрания издательского комитета «Складчины», состоявшегося 23 марта 1874 г.

[2] Переплетчиком «Складчины» был Б. С. Бородин. Он взялся сброшировать книгу по пониженной цене и безвозмездно запаковать и доставить экземпляры на почтамт для отсылки иногородним подписчикам.

[3] В дневнике Никитенко под 23 марта 1874 г. записано: «Вечером состоялось собрание литераторов, в котором прочитан был <Краевским> отчет нашего издательского комитета и избрана комиссия для приема и рассылки сборника» (А. Никитенко. Записки и дневник. СПб., 1905, II, 508). В отчете Ефремову была вынесена особая благодарность за то, что он «сверх исполнения должности секретаря приложил чрезвычайные труды по составлению, корректуре и наблюдению за печатаньем всего сборника „Складчина"».

<12>

ЕФРЕМОВ—НЕКРАСОВУ

<Петербург, 27 марта 1874 г.>[1]

Николай Алексеевич, вчера, несмотря на все усилия, не мог дойти до Вас. От Репинского[2], где был по Л<итературному> фонду, пошел по приглашению Семевского[3], и он не выпустил меня до $5\frac{1}{2}$ часов, пока не написали *все* объявления и *все* письма. Замучился хуже, чем в типографиях, так что, отобедав поздно, не мог проспаться для вечера у Виктора Павл<овича>[4]. Сегодня день у меня презанятой: с 10 на службе, а вечер кто-ниб<удь> у меня (не приведи господь, пожалуй, и Дан<илевск>ий[5]). Завтра утро тоже занято с 10, хотя кончить занятия могу пораньше, если нужно для окончания перепечатки страницы. Корректуры сегодня ждал вотще. Если завтра не удастся, то хоть утром в четверг заверну к Вам. Не хочется уехать в Москву, не видев Вас. Скоро очень я к Вам «привык», чтобы не сказать более, так что трудно будет дожидаться вторых «времен Складчины»[6]. Об них и об Вас я, действительно, сохраню самое доброе воспоминание.

Пахомка и Генерал[7] кланяются Вам и Зин<аиде> Никол<аевне>, я присоединяю и свой поклон.

Душевно преданный Вам
П. Ефремов

Надеюсь, предпоследние строки не вызовут Вашей улыбки, как ни смешны разные «излияния», но я не привык не говорить того, что думаю.

[1] Датируется по сопоставлению с нижепубликуемым ответным письмом Некрасова от того же 27 марта 1874 г.

[2] Григорий Козьмич *Репинский* (1832—1906) — известный судебный деятель, впоследствии сенатор. В 1874 г. был секретарем Комитета Литературного фонда. П. А. Ефремов в то же время состоял казначеем Фонда.

[3] Михаил Иванович *Семевский* (1837—1892) — основатель журнала «Русская Старина». «Объявления и письма» имели, несомненно, отношение все к той же «Складчине», вышедшей в свет на другой день, 28 марта 1874 г.

[4] Гаевского.

[5] Г. П. Данилевский дал в «Складчину» свой рассказ «Бабушкин рай» (стр. 591—621).

[6] «Времена Складчины» — выражение, заимствованное Ефремовым из надписи Некрасова на подаренном ему поэтом портрете (в библиотеке ИЛИ):

Взглянув чрез много, много лет
На неудачный сей портрет,
Скажи: изрядный был поэт,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена «Складчины».

Н. Некрасов

[7] Пахомка, Генерал — клички собак Ефремова.

<13>

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 27 марта 1874 г.>

Петр Александрович. Я вчера поехал рано к Котомину и увидел, что в оглавлении поправлено в именительном падеже, между тем как в перепечатке заглавие поставлено panem et laborem[1]. Вот я и поехал к Вам, да уже не захватил Вас; затем зашел к Краевскому, и мы решили, что это *ничего*, т. е. то и другое правильно. Перепечатка сделана, и, я думаю, уже у переплетчика.

Спасибо Вам за добрую прибавку в Вашем письме. Это то самое, что я при случае хотел Вам сказать с своей стороны. Хотел бы Вас видеть перед

отъездом в Москву. Да и вообще не допускаю мысли, чтоб с окончанием Складчины так всё и оборвалось. Скажу кстати: мне не нравится, что во всяком деле самое трудное валится на Вас, и Вам не худо помнить, что на свете живет много охотников пользоваться чужим рвением, чему пример видели Вы и в нашем комитете.

Впрочем, бог с ними! Главное: дело сделано! и я благодарен Складчине, что она нас познакомила. Может быть, мы с Зиной * вечером забежим к Вам, а то зайдите хоть на минутку завтра, а если успеете, то обедайте у нас сегодня.

Искр<енне> Вам пред<анный>
Н. Некрасов

27 марта

* Нет, зайду один, ибо вспомнил, что у Вас сегодня могут быть гости.

[1] См. выше примеч. 4-е к письму Ефремова от 24 марта 1874 г.

<14>

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 23 мая 1874 г.>

Многоуважаемый Петр Александрович,

Собрания по сборнику[1] вечером у меня сегодня не будет, о чем я уже известил Гаевского и Стасюлевича. Не свободен я в этот вечер.

Весь Ваш
Н. Некрасов

23 мая 1874 г.

[1] Собрание должно было быть посвящено вопросу об издании предполагавшегося сборника к 15-летию основания Литературного фонда (Ашукин, 442).

<15>

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 1874—1875 гг.>

Все исполнено. Старец Пахомий принят З<инаидой> Н<иколаевной> с подобающим уважением. Кадошка [1] им, с своей стороны, весьма заинтересовался; не лает, но нюхает и смотрит с недоумением.

Зина Вам кланяется. Завтра дома не обедаю, а сегодня, в воскресенье и понедельник — дома. Хорошо бы Вы сделали, кабы в один из сих дней пришли. Я бы почитал Вам своих стихов, а Зина обыграла бы Вас в пикет.

Весь Ваш
Некрасов

Расписка при сем.

Приходите-ка сегодня. Песьяк [2] — дело житейское, нас он смутить не может.

[1] Пахомий, Кадошка — клички собак.
[2] Песьяк — нарыв, фурункул (народн.).

<16>

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 1874—1875 гг.>

Давно мы не видались, не приедете ли обедать сегодня, в 4 ч<аса>?[1]

[1] Надпись на визитной карточке Некрасова.

Н. А. НЕКРАСОВЪ. 541

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

I.

(Переводъ изъ Ларры).

Не говори: «Забылъ онъ осторожность,
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной»...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышенней и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ:
«Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ».

Такъ мыслитъ онъ и смерть ему любезна
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна,
Его судьба давно ему ясна:

Его еще покаместь не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ,
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ!

Примѣчаніе. Печатаемъ съ автографа, написаннаго у меня П. А. Некрасовымъ во вторникъ, 27-го мая 1875 г.

П. Ефремовъ.

542 Н. А. НЕКРАСОВЪ.

II.

Надпись Н. А. Некрасова на его портретѣ подаренномъ, имъ П. А. Ефремову.

Взглянувъ чрезъ много, много лѣтъ
На неудачный сей портретъ,
Скажи: изрядный былъ поэтъ,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена «Складчины».

19-го марта 1874 г.

III.

Двѣ эпиграммы.

1.

Послѣ чтенія Н. Б. въ собраніи Общества литерат. фонда, 5 го января 1875 г.

Въ странѣ безъ злата и сребра,
Рѣчь объ изъятіи бумажекъ
Не можетъ принести добра,
П... жребій слушателей тяжекъ.

2.

При предложеніи г. Б. въ члены Общества литерат. фонда, 20-го мая 1875 г.

Окончивъ курсъ, на лекціи студентамъ
Ученый Б... съ энергіей внушалъ
Любовь къ труду, презрѣніе къ процентамъ,
Громя тарифъ, налоги, капиталъ.
Сочувственно ему внимали классы.....
А нынѣ онъ..... директоръ ссудной кассы.

Н. А. Некрасовъ.

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

КОРРЕКТУРНЫЙ ОТТИСК ИЗЪЯТЫХ ПО ТРЕБОВАНИЮ ЦЕНЗУРЫ СТРАНИЦ МАРТОВСКОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1878 г. С СТИХОТВОРЕНИЯМИ НЕКРАСОВА

Не были пропущены стихотворения :«Не говори, забыл он осторожность» и «Смолкли честные, доблестно павшие». Правка рукой П. А. Ефремова, подготовившего публикацию

Центральный литературный архив, Москва

<17>

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 1875 г.>

Петр Александрович,

Вот 25 р. от Еракова в Лит<ературный> фонд с обещанием давать по стольку ежегодно [1].

Ваш Некр<асов>

[1] Эта и последующие записки Некрасова связаны с его работой в Обществе помощи нуждающимся литераторам и ученым (Литературном фонде), членом-учредителем и членом Комитета которого он являлся. На годовом собрании 2 февраля 1875 г. Некрасов был избран помощником председателя Комитета, а Ефремов — секретарем. Естественно поэтому, что 1875 г. явился годом наиболее деятельного участия Некрасова в делах Литературного фонда, что нашло свое отражение и в переписке Некрасова с Ефремовым за этот год.

<18>

НЕКРАСОВ—ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 1875 г.>

Петр Александрович, при сем 50 р. — взносы (по 10 р.) от пяти новых членов Л<итературного> Ф<онда>:

263[1] Демерта
264 Михайловского
265 Елисеева
266 Кривенко
267 Скабичевского

Ваш Некрасов

[1] Цифры проставлены карандашом, рукою Ефремова.

<19>

ЕФРЕМОВ—НЕКРАСОВУ

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБИЯ
НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ
И УЧЕНЫМ
13 ноября 1875 г.
№ 334

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Месяц тому назад Комитет Общества поручил Вам переговорить в типографии А. И. Поповицкого (Невский пр. против Каретной части) об условиях напечатания учебника географии, составленного С. В. Карповой. Так как в двух последних заседаниях Комитета Вас не было, а может быть посланная Вами в Комитет (Предс<едателю> или Секретарю) справка затерялась, между тем поступило уже вторичное ходатайство Карповой, то не можете ли уведомить меня о результатах переговоров Ваших [1], если не предполагаете свободного вечера в следующее заседание 23 ноября.

Секретарь Общества П. Ефремов

За официальным письмом мой поклон, не как Секретаря Общества, а личный, Вам и Зинаиде Николаевне, а от Пахомия старца «решпект».

[1] Дочь профессора духовной академии, учительница Седлецкой женской гимназии, Софья Карпова, составила учебник всеобщей географии и, отдав его в печать, не смогла расплатиться с типографией Поповицкого и обратилась с ходатайством в Литературный фонд о выдаче ей пособия или ссуды в 250 руб. Комитет поручил Некрасову

«переговорить с типографией Поповицкого о возможных льготах при печатании книги Карповой». Однако, как выясняется из настоящего письма, доставленная Некрасовым справка по этому делу, повидимому, затерялась. О результатах своих переговоров с типографией Некрасов вторично сообщил в Комитет, и на основании представленных им данных этот последний постановил «выдать Карповой в бессрочную ссуду 250 рублей во внимание к педагогически-литературной деятельности просительницы и серьезным литературным трудам ее покойного отца» (см. статью: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и братья-писатели. — «Некрасовский сборник», 1918, 83—84).

⟨20⟩

ЕФРЕМОВ — НЕКРАСОВУ

⟨Петербург,⟩ 24 ноября 1875 г.

Чтоб кончить раз навсегда с недоразумением и избавиться от услужливых передач в обе стороны преувеличенных толкований, скажу вам, Николай Алексеевич, что у меня есть, к сожалению, очень немного таких дорогих личностей, к которым я не могу относиться равнодушно, именно потому, что люблю их и уважаю. Высоко ставя их, я отношусь к ним с какой-то ревнивой раздражительностью и волнением человека, у которого затрагиваются его лучшие привязанности. Много тяжелого раздумья предшествует моим безумным выходкам, но, поставив себя в положение «виноватого», я тем самым даю себе право стать в прежнее отношение,

АВТОГРАФ ПИСЬМА НЕКРАСОВА К П. А. ЕФРЕМОВУ ОТ 25 НОЯБРЯ 1875 г.

Центральный литературный архив, Москва

если будет понято чувство, меня руководившее. Поверьте, что я ни с какой речью не обращусь к человеку, которого не ценю высоко стоящим в нравственном отношении. Может я не передал того, что желал Вам сказать, но уверен, что Вы сами разберете в чем дело[1].

Ваш всегда
П. Ефремов

Мой поклон Зинаиде Николаевне.

[1] Опубликовано впервые В. Е. Евгеньевым-Максимовым («Голос Минувшего», 1915, IX, 90—91) с неверной датой: «1874 г.».

Обстоятельства, которыми было вызвано настоящее письмо, остаются неизвестными. Можно предполагать, что Ефремов допустил в отношении Некрасова какую-то «безумную выходку», которую и пытался если не оправдать, то объяснить чувством «ревнивой раздражительности» в отношении особенно любимых и уважаемых им лиц, к которым он относил и Некрасова. Во всяком случае, последовавшее между Ефремовым и Некрасовым объяснение не только не привело к ухудшению их отношений, но еще более сблизило их. См. ниже ответное письмо Некрасова от 25 ноября 1875 г.

<21>

НЕКРАСОВ — ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 25 ноября 1875 г.>[1]

Милый Петр Александрович. Словно что дорогое, потерянное нашел я, поговорив с Вами и получив Ваше письмо. В жизни многие люди терпят от излишней болтливости, я же часто терпел от противоположного качества и очень рад и благодарен себе, что отступил на этот раз от своей привычки молчать, а еще более благодарен Вам за Ваше письмо, в котором вся Ваша чудная душа.

Весь Ваш
Н. Некрасов

25 ноября

[1] Отрывок из этого письма, являющегося ответным на письмо Ефремова от 24 ноября 1875 г., был опубликован в «Русских Ведомостях», 1897, № 357—358; перепеч. — Некрасов, V, 580—581; полностью печатается впервые. На конверте письма почтовый штемпель: «25 ноя<бря> 1875 г.». В углу конверта карандашом, рукою Ефремова надписано: «Некрасов. Замечательное письмо. П. Е.».

<22>

НЕКРАСОВ — ЕФРЕМОВУ

<Петербург, 23 декабря 1875 г.>

Вот имя Поповицкого[1], а вот новая запис<ка> Плещеева[2]. Я думаю можно прибавить эти имена в печатаемый список смело[3]. Ждем Вас завтра обедать.

Ваш Некрасов

[1] Записка Некрасова написана на верхнем поле письма А. И. Поповицкого к Некрасову: «Милостивый государь Николай Алексеевич, спешу принести Вам искреннейшую мою благодарность за лестное для меня ходатайство Ваше в Обществе литературного фонда. Имя и отчество мое Александр Иванович. Примите уверение в глубоком моем к Вам почтении. Ваш покорнейший слуга А. Поповицкий. 22 декабря 75 г.». Поповицкий — владелец типографии в Петербурге, с большим интересом и сочувствием относившийся к деятельности Литературного фонда. В фонде «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», хранящемся в ЦГЛА, имеется протокол заседания Комитета Общества № 28 от 24 ноября 1875 г., где указано, что Некрасов рекомендует А. И. Поповицкого в члены Литературного фонда. О Поповицком Некрасов упоминает в своем письме в Комитет Литературного фонда от ноября 1875 г., в связи с просьбой С. В. Карповой о вспомоществовании (Некрасов, V, 562—563). В 1881 г.

Поповицкий вместе с Г. К. Градовским и Э. К. Ватсоном выступал с проектом реорганизации Литерат. фонда.

[2] В этой записке Плещеев предлагал избрать в члены Литерат. фонда А. П. Нахимова, Н. А. Середу и Н. Ф. Сазонова (ИЛИ).

[3] Речь идет о печатании избирательного бюллетеня — списка подлежащих голосованию кандидатов в члены Литерат. фонда.

⟨23⟩

А. А. БУТКЕВИЧ — ЕФРЕМОВУ

Середа ⟨26 января 1877 г.⟩ [1]

Брат сожалеет, что давно не видал Вас. Не найдете ли возможным заехать вечером часов в 8-мь, чем скорее тем лучше. Брат хотел бы поговорить с Вами насчет 7-й части [2].

Готовая к услугам Вам

Сестра Некрасова

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: «26 янв⟨аря⟩ 1877».

[2] Речь идет о подготавливавшейся Некрасовым к изданию седьмой части его «Стихотворений». Подробнее см. ниже, примеч. к письму М. М. Стасюлевича от 11 января 1877 г.

⟨24⟩

НЕКРАСОВ — ЕФРЕМОВУ

⟨Петербург, 14—15 марта 1877 г.⟩ [1]

Я дошел до того, что в сознании бываю редко.

Библиогр⟨афические записи? заметки?⟩ Ваши не сверены, кончилось тем, что я испачкал экземпляр [2].

Вот 300 р. Сделайте книжку для Никанора и дайте ее ему [3].

Когда буду в сознании, то опять пришлю Вам сказать.

Надо же увидаться.

Весь Ваш

Н. Некр⟨асов⟩

14 или 15 марта

[1] Письмо было частично опубликовано (Некрасов, V, 581). Полностью печатается впервые.

[2] Ефремов имел обыкновение вносить в принадлежавшие ему экземпляры отдельных изданий стихотворений Некрасова рукописные добавления как в самый текст, так и на отдельные добавочные листы, вплетавшиеся в книгу (см., напр., описание одного из таких «ефремовских» экземпляров в «Лит. Наследстве», т. 49—50, с. 214—215). Эти добавления воспроизводили отдельные места некрасовского текста или целые стихотворения, которые по цензурным условиям не могли появиться в печати или появлялись в исковерканном виде. Исправляя цензурные пропуски и искажения, Ефремов пользовался не только указаниями самого Некрасова, но и различными другими источниками. Желая очевидно сверить свои поправки и дополнения с подлинным текстом, так сказать авторизировать их, Ефремов послал Некрасову с этой целью один из своих экземпляров. Повидимому, эта книга не сохранилась или до сих пор остается не разысканной, так как слова Некрасова «кончилось тем, что я испачкал экземпляр» не могут относиться ни к одному из трех известных «ефремовских» экземпляров, два из которых принадлежат библиотеке Пушкинского Дома, а третий И. Н. Розанову.

[3] Сделайте книжку — то есть сберегательную книжку. Никанор — слуга Некрасова.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908) был одним из давних сотрудников некрасовского «Современника». Еще в 50-е годы он помещал в нем свои комедии, одна из которых встретила положительный отзыв Некрасова (V, 172), лирические стихотворения (отношение к ним Некрасова было отрицательно — V, 279) и сатиры. В 1854 г. Жемчужников вместе со своим братом Владимиром и А. К. Толстым вел в «Современнике» знаменитые «Досуги Козьмы Пруткова».

В бурные 60-е годы Жемчужников, не умея найти свое место в идейно-политической борьбе эпохи, предпочел вовсе отойти на время от поэтической деятельности. В своей автобиографии он так пишет об этом этапе: «Когда, в эпоху новых веяний, я вышел в отставку именно с тем, чтобы иметь право и возможность мыслить и чувствовать с большею свободою и независимостью, во мне родилось сомнение в дельности моих литературных занятий. Мне казалось, что мои стихи никому не нужны в такое серьезное время. Поэзия на „гражданские мотивы" была бы очень уместна в эпоху пробуждения ума и совести. Я сознавал все высокое ее значение, и меня к ней тянуло; но эти песни пел тогда Некрасов. Они были так сильны и оригинальны, что тягаться с ними я, конечно, не мог, а вторить им, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне» («Стихотворения А. М. Жемчужникова». Изд. 4-е, СПб., 1910, I, стр. XII).

Публикуемые ниже письма относятся к тому времени (конец 60-х — начало 70-х годов), когда у жившего за границей Жемчужникова, по словам той же автобиографии, «вновь родилась потребность писать стихи», и он, решившись возобновить свои литературные отношения с Некрасовым, к которому только что перешли «Отеч. Зап.», послал в редакцию свою поэму «Сны» и стихотворение «Заколдованный месяц».

Приняв сотрудничество Жемчужникова, пославшего вслед за тем в журнал сатирическую поэму-памфлет на Каткова, Некрасов и Щедрин, однако, отрицательно отнеслись к этой вещи. Оба руководителя журнала считали, что Жемчужников, долго живя за границей, оторвался от русской жизни и не сумел найти ни правильных исходных пунктов, ни соответствующего тона для выступления против лидера дворянской реакции, ограничившись перепевами ходовых обличений мелкой либеральной прессы.

Обсуждению поэмы «Перед возвращением на родину» и посвящена бóльшая часть публикуемых писем.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 34).

⟨1⟩

7/19 января 1868 г.
Baden-Baden (Grand Duché de Bade)
Hôtel Zähringen

Посылаю Вам, любезнейший Николай Алексеевич, свою поэму Сны и стихотворение Заколдованный месяц, с предложением напечатать их в Отечественных Записках. Я желаю получить за поэму 350 р. и 15 р. за стихотворение, всего 365 рублей. Если эти произведения мои Вам покажутся пригодными, а между тем Вы встретите затруднение дать мне вышеуказанную сумму, то прошу Вас уведомить меня, на каких условиях согласны Вы напечатать мои стихи [1]. Я буду отвечать Вам немедленно: согласен ли я или нет. Я начал теперь сатирическую поэму о том московском направлении, которого я был свидетелем во время господства Московских Ведомостей. С большим удовольствием перешлю Вам и ее, если она будет кончена [2]. Мне было бы весьма приятно попасть в список сотрудников возрождающихся в этом году Отечественных Записок. Жду от Вас несколько слов ответа во всяком случае и жму Вашу руку.

Преданный Вам
Алексей Жемчужников

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ
Фотография 1859 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

[1] Поэма «Сны» была напечатана в «О. З.», 1868, II. Стихотворение же «Заколдованный месяц» появилось значительно позже — в «О. З.», 1869, I. Относительно этих произведений Некрасов писал Жемчужникову 18 января 1868 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович, поэму Вашу получил, прочел, перечел и опять перечел. Стихи хорошие, картины великолепные, содержание — оно настолько ясно, насколько следует. Напечатаю ее во 2 № „О.З.". Условия: 50 к. сер.за стих как за эту,так и впредь за большие пьесы и за мелкие по 15 р. за пьесу. Уведомьте,согласны ли, и увед⟨омьте⟩ скорее. Я хотел бы ею начать 2 №. Увеличение цены возможно будет только при увеличении средств журнала, что еще увидим. Краевский говорит, что он платит Майкову по 36 к. за стих. Моя же цена основана на общей цифре, которую я выговорил себе право тратить ежемесячно... Маленькое стихотворение мне очень понравилось, но я пустить его покуда боюсь» (Некрасов, V, 440). Дело в том, что в этом стихотворении (датированном в рукописи еще 1859 годом) образ «заколдованного месяца», застрявшего на восходе и остановившегося среди ночи на одном месте, являлся, очевидно, иносказанием мощного подъема русского освободительного движения 60-х годов, остановленного «ночью» крепостнической реакции. В стихотворении содержался призыв:

Сонмы сил живых и крепких,
Победите эту блажь;
От верхушек леса цепких
Оторвите месяц наш.

Такого рода призывы в первой же книжке «О. З.» новой редакции были, по мнению Некрасова, цензурно опасны. Но, как сказано выше, через год он напечатал и это стихотворение Жемчужникова.

[2] См. об этом в следующих письмах.

⟨2⟩

26 января / 7 февраля 1868 г.

Hôtel Victoria. Heidelberg
(Grand Duché de Bade)

Очень приятно было мне прочесть, многоуважаемый Николай Алексеевич, что обе мои пьесы Вам понравились. Вследствие всего того, что Вы мне пишете, я соглашаюсь на предлагаемые Вами условия, — т. е. за поэму

по 50 коп. сер. за стих и 15 руб. за стихотворение. Я занимаюсь теперь сатирической поэмой, о которой намекнул Вам в первом письме. Хотя я еще далеко не переступил за половину, но дело подвигается покуда успешно [1]. Мне бы хотелось отдать Вам и ее, но позвольте с полной откровенностью предварить Вас заблаговременно, что я желаю получить за свою сатирическую поэму не менее 75 коп. сер. за строку. Деньги за те вещи, которые находятся уже у Вас, покорно Вас прошу переслать при объяснительной записке. Сенатору Виктору Антоновичу Арцимовичу [2], живущему на Васильевском Острову, в 5-й линии, дом № 32, квартира № 6.

Сердечно желаю Вам успеха в Вашем литературном предприятии и всего хорошего.

Преданный Вам

Алексей Жемчужников

[1] Сатирическая поэма—«Перед возвращением на родину», в которой под именем «пророка» выведен Катков. Поэма не появилась в «О. З.». См. след. письма. На предложение Жемчужникова Некрасов отвечал в письме от 26 февраля: «С удовольствием готов и впредь печатать Ваши произведения. Что же касается до цены, то мне трудно будет предложить Вам другие условия в этом году» (Некрасов, V, 441).

[2] Виктор Антонович Арцимович (1820—1893) — известный либеральный деятель 60-х годов; в период, к которому относится письмо,—сенатор уголовного кассационного департамента. С Жемчужниковым был связан старинным товариществом по училищу правоведения и родственно: был женат на сестре поэта.

⟨3⟩

12/24 февраля 1868 г.
Hôtel Victoria. Heidelberg
Grand Duché de Bade

Многоуважаемый Николай Алексеевич, покорно прошу Вас, — если это еще возможно, — вычеркнуть из третьей части моей поэмы («Вещая Ночь») следующие пять стихов:

И чуткой слышал я душой,
Как на поверхности земной
Струился ток живого духа,
Незрим телесности слепой
И нем для чувственного слуха.

Так, по моему мнению, следует сделать потому, что в конце этой же части я говорю, что гляжу и напрягаю слух. Таким образом, после стиха:

И без конца и без начала

должен непосредственно следовать стих:

В даль беспредельную смотря.

(после уничтожения вышеупомянутых пяти стихов, находящихся в рукописи) [1].

Исполните, пожалуйста, эту просьбу. Жму Вашу руку.

Преданный Вам

Алексей Жемчужников

[1] «Вещая ночь» является третьей частью поэмы Жемчужникова «Сны», напечатанной, как уже было сказано выше, в «О. З.», 1868, II. В письме от 26 февраля Некрасов писал: «Вторая книга „Отеч. Зап.“ вышла в свет 14 февр. с. г., а через день я получил Ваше письмо. Стало быть, поправки сделать не мог» (Некрасов, V, 440). Не внес этих поправок и сам Жемчужников, переиздавая поэму в 1891 г. в двухтомном собрании своих стихотворений (см.: «Стихотворения А. М. Жемчужникова». Изд. 4-е, СПб., 1910, II, 136).

⟨4⟩

29 марта / 10 апреля 1868 г.
Hôtel Victoria. Heidelberg
Grand Duché de Bade

Многоуважаемый Николай Алексеевич, посылаю Вам две первых части моего стихотворения (не знаю, можно ли назвать его сатирической поэмой) Перед возвращением на родину[1]. Я теперь в таком состоянии духа, что должен отложить на некоторое время продолжение его. То, что посылаю Вам теперь, составляет по моим соображениям меньше половины. Вперед у меня уже набросано много, и есть целые куски уже готовые; но я покуда не в состоянии привести их в порядок, дополнить пробелы и, одним словом, окончить. Посылаю Вам только потому, что оно само по себе составляет нечто целое и что оценку собственно Катковского периода откладывать на неопределенное время может быть неудобно. Собственно к Каткову, ко времени его силы и могущества я уже более не возвращусь. Далее я говорю о последствиях его влияния, т. е. о времени настоящем и вообще о московском духе. Мне кажется, что эту последнюю часть можно еще отложить на некоторое время; но что ту, которую посылаю Вам теперь, откладывать печатанием никак не следует. Если Вы одобряете и принимаете мои стихи, сколько Вы мне за них дадите? Сколько я могу судить сам о себе, они и лучше и интереснее моих Снов. Я уже выразил определенное мое желание получить 75 коп. за строку. Вы мне отвечали, что увеличение вознаграждения Вас в этом году затрудняет. Не можете ли Вы мне дать дополнительную плату в будущем году? Не найдете ли возможным прибавить теперь же 15 или 10 коп. за стих, т. е. дать мне за стих 65 или 60 коп.? Заявляю Вам мое желание, а затем предоставляю Вам поступить, как можете и как знаете. Об условиях за напечатание продолжения и окончания моей поэмы можно говорить особо после. Я нахожу сомнительным для печати только 4 стиха, оканчивающие первую часть: «Над братьей пишущей главенства» и т. д.[2] Если Вы находите то же самое, выпустите их и закончите первую главу стихом: «Не мог писатель ни один...» Все прочее мне представляется поистине совершенно невинно, тем более, что дело идет о влиянии частной личности на общество. Очень сожалею о выпущенных четырех стихах в моих Снах[3]. Одним местом, в котором была некоторая сила, меньше. Вы, кажется, ошиблись, рассчитывая на значение более сильных мест. Я вижу, что на содержание стихотворения не обращено никакого внимания. Оно прошло незамеченным. Это плохая и слабая сторона стихов, которые поэтому вышли неудачны. Осталась одна форма, мало интересующая. Напишите несколько слов в ответ на это письмо.

Преданный Вам
А. Жемчужников

На полях приписано: Две недели, как не читал газет и не знал, вышла ли 3-я книжка «От⟨ечественных⟩ Записок»[4]. — Сейчас ее получил в Гейдельберге.

№ 2. ⟨1/13 апреля 1868 г.⟩

Я уже собирался отнести на почту и письмо и стихи, но мне пришло в голову, что может быть не излишне будет отослать Вам при этом и некоторые оправдательные объяснения к стихам. Если найдете нужным напечатать их, прошу Вас поместить их в конце стихотворения, чтобы не прерывать и не пестрить его выносками. Посылаю Вам эти замечания на всякий случай. Поступите с ними по Вашему усмотрению. Вот они:

1) К стиху: «Всей русской жизни результат». Московские Ведомости, 1863 года, № 82. Рассуждая о земских учреждениях, редакция выражает надежду, что новый закон «возвысит предводительское звание через предоставление ему характера земского предводительства» и не будет «лишать будущности наш самый лучший представительный институт». Далее она говорит, что «у нас до сих пор была удовлетворительно поставлена одна земская должность, должность предводителя». Указывая на эту должность, она указывает «только на то, что представляется как несомненный результат исторического опыта». Далее она утверждает, что «наша общественная жизнь ни на что другое в деле организации земства не указывает, как на возвышение предводительской должности». — «Это и только это, — повторяет редакция, — мы можем извлечь из своего домашнего опыта».

№ 138. Редакция говорит, что должность предводителя есть «элемент, представляющий собой земство с самой лучшей, с самой почтенной его стороны». Далее редакция называет предводителя «одним из важных результатов новейшей истории русского государства».

2) К стиху: «И где товарищ начинает». Кажется, на одном из обедов, на которых публично прославлялся его патриотизм.

3) К стиху: «С известной целию пророк». Московские Ведомости, 1863 г., № 187. «Пусть вспомнит русская публика этих чиновников — прогрессистов, коммунистов и социалистов, которых такое множество расплодилось в России... эту непонятную терроризацию, посредством которой всякий мальчишка, наконец, всякий негодяй, всякий жулик мог приводить в конфуз самые бесспорные права, самые положительные интересы, наконец, логику здравого смысла».

№ 205. «Благотворители из чужого кармана, чиновники-прогрессисты, всякого рода добродетельные демагоги и разные Каи-Гракхи, которых расплодилось у нас такое множество, притихли... более всего пугнул эту сволочь высокий патриотический дух...» [5].

Не поспеет ли мое стихотворение в апрельскую книжку? Жду ответа и Вашего мнения о стихотворении.

А. Ж‹емчужников›

$\frac{1}{13}$ апреля

[1] Две первые части поэмы «Перед возвращением на родину», не помещенные, как указывалось, в «О. З.», назывались: «Пророк» и «Я». Под этим названием они вошли позже в собрание стихотворений Жемчужникова (изд. 4-е, СПб., 1910, II, 116—124). Ср. первопечатную публикацию в «СПб. Ведомостях», 1870, № 30: «О времени недавно прошедшем и частью о настоящем. (Опыт фельетона в стихах)».

[2] После строк, относящихся к «Пророку», т. е. к Каткову:

Таких достигнул он вершин,
Каких достигнуть даром слова
Не мог писатель ни один

— следовали стихи (после двоеточия):

Над братьей пишущей главенства,
И, пред лицом России всей,
Благословенье духовенства
И покровительство властей.

В издании Собр. соч. Жемчужникова четверостишие это не кончает первой части.

[3] В письме к Жемчужникову от 26 февраля 1868 г. Некрасов сообщил: «Ваша поэма ‹«Сны»› многим нравится. Напечатана она совсем как у Вас, без малейших отступлений. Только исключены четыре стиха, следующие за стихом с своею наглой красотой. Вы там как хотите думайте, а я думаю, что ни один журналист, кроме меня, этим бы не удовольствовался» (Некрасов, V, 440—441). Исключенное из 2-й части поэмы («Зараза») четверостишие неизвестно. Жемчужников не восстановил купюру в указанном выше отдельном издании стихотворений.

[4] Книжка «О. З.», 1868, III, вышла в свет 14 марта ст. ст. (Ашукин, 346).

[5] Первое примечание должно было относиться к словам «Пророка»:

Кто смысла земского хранитель.
Один дворянский предводитель
Всей русской жизни результат.

Второе примечание — к стихам:

Так и пророк признался нам,
Что положительно не знает:
Где Русь любить он кончил сам
И где товарищ начинает.

Это примечание в развернутой редакции было использовано в соответствующем месте поэмы «Пророк и я» в сборнике стихов Жемчужникова. См. цит. изд. II, 122, Примечание: «По поводу патриотической деятельности г. Катков однажды выразился, что не знает, где кончается он сам и где начинается г. Леонтьев». И, наконец, третье примечание относится к уличной сценке:

Я продолжать хотел прогулку.
Но слышу крики: «Догоняй!
Он ушмыгнул по переулку!
Ишь сволочь! жулик, негодяй!»
Слова знакомы. Их значенье
Знакомо также. Этот слог,
Крепостникам кадя, пророк
С успехом ввел в употребленье.

Таким образом, цитируемый в письме к Некрасову стих «с известной целию пророк» был заменен впоследствии более определенным: «Крепостникам кадя, пророк».

⟨5⟩

22 апреля / 4 мая 1868 г.
Heidelberg, Oestliche Hauptstrasse,
bei Doctor Kunz

Покорно прошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, сделать для печати следующие поправки в моих стихах Перед возвращением на родину:

1) в первой части — вместо:

И посадили б даже на кол —
И даже посадили б на кол.

2) во второй части — вместо:

Мне было надобно леченье —
Потребно стало мне леченье[1].

Таким образом, будет яснее, что дело идет о болезни, причиненной мне Московскими Ведомостями, а не о каком-нибудь другом случайном недуге. Пожалуйста, не забудьте и потрудитесь сделать эти исправления. Видел из газет, что апрельская книжка уже вышла и мои стихи в нее не попали. Попадут ли в майскую? Жду ответа на первое мое письмо, и это для большей верности посылаю Вам как страховое[2].

Преданный Вам
Алексей Жемчужников

[1] Оба исправления вошли в печатный текст поэмы «Пророк и я» («Стихотворения А. М. Жемчужникова». Изд. 4-е, СПб., 1910, II, 118 и 121).

[2] Отзыв Некрасова о присланных двух частях поэмы был неблагоприятным. «Присланное Вами начало поэмы, — писал он Жемчужникову 5 мая 1868 г., — произвело на меня впечатление далеко не удовлетворяющее. Вы давно из России, и я затрудняюсь объяснить Вам, почему в напечатании теперь этого отзыва было бы нечто неловкое. Нам здесь это чувствуется ясно. Притом самый отрывок не принадлежит к особенно удачным Вашим произведениям. Вы, вероятно, не читали всего, что в последние годы писалось по поводу Каткова в либеральной части мелкой прессы. Все те мотивы, на которых построена Ваша характеристика Каткова, многократно и прозой и стихами

были там трактованы, иногда не без удачи, так что — извините — большая часть Ваших строф не имеет ни новости, ни силы. Это мнение мое и двух-трех моих ближайших сотрудников по редакции. Скрыть это мнение от Вас не имею цели. Может быть, когда будет напечатана вся поэма, этот отрывок как один из факторов развитых черт получит другое значение, но печатать только его для него самого — по-моему, не должно» (Некрасов, V, 445).

Под влиянием этого отзыва Жемчужников принялся переделывать поэму и через год отправил ее Некрасову в новом виде.

⟨6⟩

24 марта / 5 апреля 1869 г.
Stuttgart, Ulrichsstrasse, 17

Многоуважаемый Николай Алексеевич, посылаю Вам очень большое стихотворение. Прошлого года Вы прочли из него два отрывка; первый из них составляет теперь первую главу, а второй—отдельное приложение. Все прочее написано вновь в это последнее время и только что окончено. Теперь я с Вами совершенно согласен, что отрывки прошлого года печатать не следовало. Но что Вы скажете теперь о целом? [1] Желаете ли Вы напечатать всю пьесу в том виде, в каком я теперь ее Вам предлагаю? Убедительно прошу Вас меня уведомить об этом немедленно по вышеуказанному адресу, потому что я отсюда уезжаю после 15-го числа нового стиля. Если ответ Ваш будет короток, т. е. просто да или нет, то потрудитесь мне сообщить его телеграммой, разумеется, на мой счет. Мы после с Вами сочтемся. Если же Вы пожелаете мне отвечать более подробно, то я надеюсь иметь возможность получить Ваше письмо еще здесь или в том месте, куда я перееду на короткое время, где-нибудь в Швейцарии (перед отъездом в Италию, где намереваюсь провести здешний май). Я сделаю здесь распоряжение о пересылке мне писем, куда следует. Вот мои условия: 1) прошу Вас не выпускать из моего стихотворения ничего, кроме 4-х последних стихов 1-й главы, если Вы сами, впрочем, почтете это необходимым; 2) прошу напечатать его не позже майской книжки — в апрельской, кажется, уже невозможно; 3) я желал бы получить за него более чем за мою поэму Сны, но если это невозможно, то столько же, т. е. по 50 коп. за стих. Если мое стихотворение Вам в каком-либо отношении не понравится, а между тем Вы найдете в нем другие стороны, которые понравятся Вам и ради которых Вы пожелали бы напечатать его, то сообщите мне, пожалуйста, Ваше мнение. Я непременно приму его в соображение и буду Вам отвечать. В случае положительного отказа с Вашей стороны, потрудитесь сейчас же переслать мою рукопись: Виктору Антоновичу Арцимовичу, на Мойке у Круглого рынка, № 9. Я на-днях только получил разом 3 книжки От⟨ечественных⟩ Записок. Прочел Вашу поэму с большим удовольствием, а некоторые места (например, описание ночного неба и проч. и проч.) с наслаждением [2]. Стихи Ковалевского мне очень понравились [3]. Итак, с нетерпением жду Вашего ответа. Будьте здоровы; жму Вашу руку.

Преданный Вам
Алексей Жемчужников

[1] Состав поэмы «Перед возвращением на родину» в переработанной редакции 1869 г. точно неизвестен. Несомненно, однако, что, помимо глав «Пророк» и «Я», она включала еще главу, сатирически заостренную против известного реакционного публициста В. Д. Скарятина и издававшейся им, совместно с К. Юматовым, крепостнической газеты «Весть» (см. ниже в отзывах Салтыкова). Судя по одной стихотворной строке, приведенной в письме Некрасова к Жемчужникову от 14 мая 1869 г. («все задней мыслию тревожим», см. ниже), и по письму Жемчужникова от 8 мая 1869 г. (см. ниже), в поэму входило также стихотворение «Кентавр», несколько позже напечатанное самостоятельно среди стихотворений цикла «Современные песни».— «О. З.», 1870, III.

[2] «Кому на Руси жить хорошо». Пролог. Первая часть. Глава I («О. З.», 1869, I) и главы II—III («О. З», 1869, II).

[3] Речь идет о стихотворениях П. Ковалевского, напечатанных в «О. З.», 1869, III: 1. «Нéпогодь», 2. «По бледной осенней лазури», 3. «Пустой сад», 4. «Весна», 5. «Я посетил унылое жилище», 6. «Война», 7. «Осень», 8. «Не о том мне поет соловей», 9. «Она оживает от ласок весны», 10. «Вопль матери», 11. «О, не зови воспоминаний».

⟨7⟩

⟨Штутгарт⟩ 6/18 апреля ⟨18⟩69 г.

Две недели тому назад я отослал Вам в Петербург большое стихотворение, многоуважаемый Николай Алексеевич. Вчера вечером я получил от М. Е. Салтыкова телеграмму, извещающую меня, что Вы в Париже и что моя поэма Вам туда отослана [1]. Не знаю, получена ли Вами она в настоящую минуту, — но когда получите ее, потрудитесь поскорей дать мне ответ: принимаете ли Вы ее для напечатания в «Отечественных Записках» или нет. Вероятно, вместе с стихотворением Вам будет переслано и мое к Вам письмо. На всякий случай, сообщаю Вам здесь те условия, о которых я писал Вам в Петербург. 1) Я желаю, чтобы ничего не было выпущено из моего стихотворения. Соглашаюсь только на исключение 4-х последних стихов первой части, если, впрочем, Вы сами найдете это необходимым. 2) Желаю, чтобы оно было напечатано не позже, как в майской книжке. 3) Желал бы получить за него боле, чем за поэму С н ы, но если это никак невозможно, то столько же, т. е. по 50 к. сер. за стих. Затем, если Вы имеете ответить мне или посоветовать что-либо по поводу этого стихотворения (в случае, что Вы пожелаете его напечатать), покорно прошу Вас поторопиться написать мне Ваше мнение по следующему адресу: Suisse, Canton Neuchatel, Fleurier, à Monsieur Weibel pour M-r Jemtchoujnikoff. Я послезавтра выезжаю из Штутгарта в Швейцарию. Так как литературный сезон совершенно уже на исходе, пожалуйста, не замедлите

ДЕРЕВНЯ КЛИН БЫВШЕГО ДАНИЛОВСКОГО УЕЗДА ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, УПОМЯНУТАЯ В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

отвечать мне и решите: могу ли я надеяться на напечатание моих стихов в От<еч.> Записках. По моим соображениям, время благоприятно. Во всяком случае, я не желаю откладывать их напечатание на неопределенное время, и потому должен иметь Ваше решение теперь же.

Жму Вашу руку. Будьте здоровы и благополучны.

Преданный Вам
Алексей Жемчужников

[1] 5 апреля 1869 г. Салтыков писал Некрасову в Париж: «Посылаю Вам... сейчас полученные мной, адресованные на Ваше имя письма и поэму Жемчужникова. Я телеграфировал ему... Ваш парижский адрес. Поэму я читал... Мне несколько странною кажется идея поэмы: полемизировать с Катковым и „Вестью". Есть место, где „Весть" может привлечь автора к суду. Прочтите и, буде случай найдется, объяснитесь с автором... » (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 211—212). А самому Жемчужникову сатирик писал 30 апреля 1869 г.: «... Согласно желанию Вашему, считаю долгом высказать мое личное мнение о стихах Ваших. Мне кажется, что Вы, находясь долгое время за границей, несколько утратили чувство современной русской действительности. Катков и Скарятин, против которых направлена Ваша поэма, в сущности не могут представлять достаточного предмета для негодования. Катков был когда-то чем-то; теперь — это простой маниак, который всякий вопрос сводит на дела северо-западного края. Что касается до Скарятина, то это такая гнида, о которой не только говорить, но и мыслить неудобно. Наша современная действительность такова, что даже Скарятин, обобщенный и возведенный в перл создания, представителем ее служить не может...» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 215).

<8>

17/29 апреля <18>69 г.

Пожалуйста, не ропщите на меня, многоуважаемый Николай Алексеевич, за то, что я надоедаю Вам моими стихами. Действительно, среди парижской жизни это может казаться очень скучным. Но потрудитесь войти в мое положение: время проходит, и меня не может не интересовать вопрос, напечатаете ли Вы мои стихи или нет. М. Е. Салтыков телеграфировал мне, что он отослал их к Вам в Париж и сообщил мне Ваш адрес[1]. По этому адресу я писал Вам из Штутгарта дней 12 тому назад (кроме моего к Вам письма, адресованного в Петербург). Решаюсь потревожить Вас еще раз. Уделите полчаса на прочтение моего произведения и напишите мне Ваше мнение по следующему адресу: Suisse. Canton de Neuchatel. Fleurier, à Monsieur Weibel pour remettre à Mr Jemtchoujnikoff.

Преданный Вам
Алексей Жемчужников

[1] Некрасов отвечал Жемчужникову на это письмо 4 мая 1869 г., повторяя отчасти суждения Салтыкова: «Поэму Вашу прочел несколько раз. В ней есть очень хорошие места, особенно вся вторая половина, в негодовании много искренности и есть сила. Но полемический характер поэмы — едва ли не послужит препятствием к напечатанию ее в каком-либо журнале. Вообще я думаю, что Вам надо было бы приехать в Россию, пообжиться в родном бы воздухе — и тогда Вы, полагаю, увидели бы, что подобную вещь следует пускать в печать не иначе, как особой брошюрой или в собрании стихотворений Ваших... Скажу еще. Вы не согласны исключить ничего, кроме 4-х стихов, но при печатании теперь поэмы в журнале пришлось бы исключить гораздо более» (Некрасов, V, 452).

Поэма была отослана Некрасовым по указанному Жемчужниковым адресу.

<9>

26 апреля / 8 мая <18>69 г.
Suisse. Canton de Neuchatel. Fleurier
Maison de Mr. Ströbe, pasteur allemand

Вчера я получил Ваше письмо, многоуважаемый Николай Алексеевич. Хотя и весьма сожалею, что стихи мои не могут быть напечатаны в От<ечественных> Записках, но зато очень утешен Вашим об них отзывом. Не

воспользоваться ли мне в самом деле Вашим советом, чтобы напечатать их особой брошюрой. Хотя времена и не благоприятны, но откладывать на неопределенное время печатание этих стихов, кажется, не следует. И обстоятельства и положение пророка могут измениться, и тогда появление в печати этих стихов может оказаться неинтересным, ненужным, запоздавшим, некстати. Пожалуй, может случиться и так, что после представится более затруднений к напечатанию их, чем теперь. Поместить их в собрании стихотворений было бы очень удобно, но дело в том, что я не могу приступить теперь к этому собранию, находясь за границей. Хотя время возвращения моего в Россию и приближается, но все-таки оно еще не пришло. Пожалуйста, напишите мне еще несколько слов в ответ на все эти мои предположения и сомнения. Признаюсь Вам, что мне жаль оставить эти стихи под спудом. Мне самому казалось, что они удались, но так как автор по большей части плохой судья собственных произведений, я ждал Вашего отзыва, и вот оказывается, что Вы их одобряете в выражениях, очень для меня приятных. Не дадите ли Вы мне совет, к кому обратиться для напечатания моих стихов особой брошюрой (если я решусь их пустить таким образом) и какие меры принять, чтобы получить наибольшую по возможности денежную выгоду [1]. Я этого дела не понимаю. У меня есть в голове еще другое приложение к поэме о Москве — стихов сто или полтораста. Я бы сейчас приступил к написанию их, и тогда можно было бы напечатать поэму с двумя приложениями. Позвольте мне прислать Вам на просмотр это новое приложение, если я его напишу. Я пробуду здесь май. Место очень хорошее и спокойное. Жизнь деревенская. На лето думаем отправиться в Тироль. Жалею очень, что не могу свидеться с Вами в Киссингене. Я уже был там два года сряду. От души желаю, чтобы эти воды принесли Вам такую же несомненную пользу, какую они принесли мне. Я за это очень полюбил Киссинген и благодарен ему. Потрудитесь переслать поэму ко мне по вышеозначенному адресу. Еще просьба: в главе о центавре не лучше ли сказать: как гордо он вздымает хвост, все задней мыслию тревожим [2]. Мое намерение будет яснее. Но не будет ли это цинично? Скажите Ваше мнение. Простите, если я Вам надоедаю. Деньги за Заколдованный месяц поручите переслать г. Арцимовичу, на Мойке, у Круглого рынка, д. № 9. Но, кажется, будет справедливо из 15 рублей вычесть расходы на телеграмму, которую послал мне М. Е. Салтыков.

Преданный Вам
А. Жемчужников

[1] На решение Жемчужникова напечатать поэму «Перед возвращением на родину» отдельной брошюрой, Некрасов отвечал 14 мая 1869 г., что «по законам о печати без цензуры нельзя выпустить книгу, объемом менее 10-ти листов, стало быть о выпуске поэмы отдельной брошюрой нечего и говорить, ибо подвергнуть ее цензуре значило бы хуже, чем уничтожить». Поэтому Некрасов считал, что «ей всего выгоднее явиться между другими <...> произведениями» Жемчужникова в собрании его стихотворений (Некрасов, V, 453).

[2] Первоначальный вариант обсуждаемого стиха из «Кентавра» (см. в примеч. выше)—«Своею мыслию тревожим». Некрасов отвечал: «Все задней мыслию тревожим—по-моему лучше: в стихе иногда невозможно без грубого слова, надо только, чтобы оно оправдывалось необходимостью да чтобы не было это часто» (Некрасов, V, 454).

<10>

$\frac{\text{25 марта}}{\text{6 апреля}}$ 1870 г.
Wiesbaden, Rheinstrasse

Пожалуйста, извините меня, уважаемый Николай Алексеевич, что я долго не отвечал Вам. Хотелось побеседовать с Вами свободно, не спеша; а тут как нарочно разные обстоятельства мне препятствовали. Простите

на этот раз и сами не следуйте правилу: око за око. Я имею к Вам следующую просьбу: не вступая со мной в систематическую и правильную переписку, — что отняло бы у Вас много времени, — не ленитесь иногда писать мне и, во всяком случае, отвечать мне на мои письма, хотя бы в самых кратких и сжатых выражениях. Это было бы для меня очень утешительно и полезно. Я живу и умственно и сердечно в русской литературе; а пребывание мое за границей, которое хотя и имеет свою хорошую сторону и свои выгоды по образу жизни, который я здесь веду, лишает меня возможности говорить и рассуждать о том предмете, который составляет такой существенный элемент моей жизни. Обращусь теперь к последним строкам Вашего письма. Две последние главы Вашей поэмы Кому на Руси жить хорошо и в особенности Помещик—превосходны. Поверьте, что я не желаю расточать перед Вами учтивости и комплименты. Вы желаете узнать мое мнение, и я сообщаю Вам его правдиво и серьезно. Эта поэма есть вещь капитальная и, по моему мнению, в числе Ваших произведений она занимает место в передовых рядах. Основная мысль очень счастливая; рама обширная, вроде рамы Мертвых душ. Вы можете поместить в ней очень много. Продолжайте; без всякого сомнения продолжайте! И не торопитесь окончить, и не суживайте размеров поэмы. Как из Вашего вопроса: продолжать ли поэму, так и из разных других современных литературных признаков, я заключаю, что Вы не находите вокруг себя несомненной, энергичной поддержки. Не обращайте на это внимания и делайте свое дело. Вина не Ваша, а того сумбура, который теперь господствует. Это время пройдет, и то, что действительно хорошо, будет таковым и признано, когда рассеется туман. Я прочел Ваши стихи три раза (и еще прочту). Достоинства Вашей поэмы остались для меня несомненными после каждого чтения; но она написана так, что на натуры, подобные моей, действует непосредственно и при первом чтении особенно возбудительно. В первый раз я не мог прочесть всего без остановки, спокойно. Я несколько раз вскакивал со стула и прерывал чтение в избытке удовольствия. Глава Помещик мне понравилась особенно, как я уже сказал. Не буду перечислять тех мест в обеих главах, которые, по моему мнению, в особенности хороши, но укажу только на одно превосходное место, а именно на три стиха: удар искросыпительный и проч., именно потому, что я прочел неодобрительный отзыв об этих трех стихах. Рецензент высказал здесь, по моему убеждению, поразительное непонимание. Этот крепостнический пафос, до которого незаметно для самого себя дошел Ваш помещик; эта лирическая высота, на которой он очутился так неожиданно, и так некстати и с которой, опомнившись, сейчас же поспешил сбежать вниз, — это великолепно! — я сомневаюсь только: правильно ли составлено Вами слово: искросыпительный. Мне все кажется, что надобно сказать: искросыплительный. Например, от глагола: щипать, щиплет — следовало бы составить прилагательное: щиплительный, а не щипительный. Впрочем, наверно не знаю [1].

Теперь обращусь к своим стихам. Очень рад, что они, наконец, напечатаны [2] и спасибо Вам, что без пропусков и что в одном месте пропущенный стих заменен строчкою точек. (Я уже имею из Петербурга уведомление о получении от Вас моего гонорара). Очень мне жаль, что стихотворение о нашем литературно-полицейском направлении не попало в От<ечественные> Записки. Вы, однако, ведь довольны этой пьесой. А четверостишия в альбом портретов понравились Вам или нет? [3] Пожалуйста, напишите мне об этом, а равно и о том: понравились ли мои современные песни порядочным, т. е. как художественно, так и граждански развитым людям. Да будьте откровенны. Мне нужна и полезна только полная откровенность. Тем более, что если мои стихи не затронули вовсе ни в ком чистых струн, то это еще не значит, чтобы они были совершенно

никуда не годными. Они все-таки не хуже тех, которые, во время оно, заслуживали некоторое одобрение. Напишите мне, как они Вам самим показались уже по напечатании. Произвели ли они какое-нибудь впечатление? Сказал кто-нибудь доброе слово относительно их содержания? Похвалил ли кто-нибудь стихи и проч. Если б Вы знали, как мне хочется все это знать, Вы наверное не поленились бы отвечать мне. Я думаю прислать Вам еще стихи довольно длинные и прошу Вас немедленно тогда ответить мне, принимаете ли Вы их или нет, чтобы я мог иметь время распорядиться ими, в случае, что Вы их не возьмете... Я должен Вам сказать, что Старик написан мною, так сказать, в невинности душевной. Какую Вы нашли в нем современную жилку?

СЕЛО ТИМОХИНО (БЫВШИЙ ЭТАПНЫЙ ПУНКТ НА ЯРОСЛАВСКО-КОСТРОМСКОМ ТРАКТЕ), УПОМЯНУТОЕ В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»: СЕЛО С «ЭТАПНЫМ ЗДАНИЕМ»

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

Не поедете ли Вы весною за границу и нельзя ли нам в таком случае как-нибудь свидеться? Жму Вашу руку. Будьте здоровы. Поклонитесь от меня Михаилу Евграфовичу.

Преданный Вам

А. Жемчужников

¹ Отзыв Жемчужникова о поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (Глава IV. «Счастливые». Глава V. «Помещик» — «О. З.», 1870, II) вызван следующей просьбой Некрасова в письме его от 26 февраля 1870 г.: «Напишите мне пожалуйста Ваше мнение о последних главах Кому на Руси жить хорошо во 2 № От<еч.> З<ап.>. Продолжать ли эту штуку? Еще впереди две трети работы». (См. выше, в наст. томе, в разделе писем Некрасова).

² В «О. З.» (1870, IV) был напечатан стихотворный цикл Жемчужникова «Современные песни»: 1. «О, скоро ль минет это время», 2. «Эпохи знаменья», 3. «Кентавр», 4. «Современному гражданину», 5. «Старик».

³ Присланная Жемчужниковым сюита из 15 эпиграмм «В альбом современных портретов», которую Некрасов собирался напечатать (Некрасов, V, 472), в «О. З.» не появилась. Сюита вошла в 1-й том Собр. стихотворений Жемчужникова.

⟨11⟩

26 июня 1873 г.
Villa Lindenthal Bad.-Baden

Многоуважаемый Николай Алексеевич, из полученного мною вчера от М. М. Стасюлевича письма я узнал, что Вы находитесь в Киссингене и что туда же прибыли Г. З. Елисеев и Н. К. Михайловский. Как мне жаль и досадно, что я не нахожусь между Вами! Я часто посещаю Киссинген и пью Ракоцци с большою пользою и с не меньшим удовольствием; но в этом году, как нарочно, я не могу быть в Киссингене, несмотря на совет доктора, чтобы я повторил там полный курс лечения.

Я нахожусь теперь в Содене с женой, которая была больна зимой весьма серьезно и теперь еще не здорова. Дней через 10 мы едем на остальную часть лета или в Швейцарию или куда-нибудь в Шварцвальд, а на зиму в южную Францию или в Италию. — Прошлою осенью я уехал из России с изрядным запасом заметок и сведений, из которых намеревался кое-что составить, но провел всю зиму так тревожно по причине болезни жены, что не мог приступить к какой-либо работе. Если мои семейные обстоятельства значительно изменятся к лучшему и я найду, что из моего запаса не все еще устарело, то начну писать. Впечатление, которое я вывез из России, во мне еще так сильно и так живо, что мне все хочется его высказать[1].

А Вы что намерены делать, окончив Ваше киссингенское лечение? Не можем ли мы где-нибудь встретиться? Прошу Вас передать мой усердный поклон Николаю Константиновичу и Григорию Захарьичу[2]. — Посылаю Вам 4 народных песни не для печати. Надо посвятить еще несколько куплетов персидскому шаху в Европе[3]. — Если здоровье жены дозволит, я, может быть, приеду в Киссинген на день или на два, чтобы повидаться и побеседовать с Вами.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам
Алексей Жемчужников

[1] Болезнь, а затем смерть жены вызвали длительный перерыв в поэтической деятельности Жемчужникова. После 1872 г. он возобновил свое сотрудничество в «О. З.» лишь в 1877 г. (III, V).

[2] Михайловскому и Елисееву.

[3] Некрасов приехал в Киссинген одновременно с Елисеевым и Михайловским — 23 июня 1873 г. М. М. Стасюлевич, сообщая в письме к Жемчужникову из Киссингена о приезде туда Некрасова, делился своим намерением рассказать ему анекдот о пребывании персидского шаха в Петербурге и о запрещении печатать о нем в газетах, кроме того, что будет сказано в «Правительственном Вестнике» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», IV. СПб., 1912, 334—письма к Жемчужникову).

Н. Д. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ

Надежда Дмитриевна Зайончковская (рожденная Хвощинская, 1825—1889) печатала свои произведения под псевдонимом В. Крестовский. Жила постоянно в Рязани. Ее литературная деятельность началась еще в 1847 г., когда на страницах «Литературной Газеты» В. Р. Зотова появилось несколько ее стихотворений. Вскоре она перешла к прозе и с 1850 г. стала деятельной сотрудницей «Отеч. Зап.» Краевского.

Узнав в середине декабря 1867 г. (будто бы от сестры, а вернее от служившего в это время в Рязани М. Е. Салтыкова, с которым была близко знакома) о переходе журнала в руки Некрасова и новой редакции, Зайончковская так отозвалась на это известие в письме к Краевскому от 17 декабря 1867 г. (сообщено Б. В. Папковским):

«Многоуважаемый Андрей Александрович, вчера моя сестра воротилась из Москвы и привезла мне известие, которое я спешу разъяснить себе сейчас же, а потому чуть свет пишу Вам. Это — будто Вы передаете редакцию «От⟨ечественных⟩ Записок» Некрасову. — Это перемена и для всех, кто знает грамоту в нашем отечестве, но больше всех — перемена для меня, свившей себе гнездо в «От⟨ечественных⟩ Записках» и научившейся в них и писать и думать. Сделайте для меня величайшее одолжение: напишите мне хоть несколько строк в ответ, но тотчас по получении этого письма. Так далеко живу я от всего и всех, что всякая весть меня тревожит и тревожит нехорошо...» (Неизд. — ГПБ в Ленинграде. Архив А. А. Краевского).

Тревога Зайончковской была вызвана отчасти и тем, что она заканчивала в это время повесть «Два памятных дня», предназначенную для «Отеч. Зап.» Краевского. Переход журнала в другие руки ставил ее в неопределенное положение с печатанием повести. Об этом Краевский, видимо, сообщил Некрасову, и тот не замедлил послать Зайончковской письмо с предложением сотрудничества. О том же, со своей стороны, писал в Рязань и Краевский. Ответное письмо Зайончковской Некрасову от 3 января 1868 г. публикуется ниже. Письмо же ее к Краевскому, датированное тем же числом, приводим здесь:

«Не знаю как Вы обрадовали меня Вашим письмом, дорогой Андрей Александрович, — писала Зайончковская. — Оно рассеяло очень много разного нехорошего, что

Н. Д. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Фотография 1860-х гг.
Институт Литературы АН СССР, Ленинград

собралось у меня в голове, о чем говорить уже не стоит. Но истинно благодетельный результат этого письма вышел тот, что я кончила повесть, вот в эти четыре дня, как оно получено... А накануне этого письма я собиралась отправить повесть в печку. Но и об этом говорить нечего. Вчера получила письмо от Некрасова, а сегодня утром был у меня Салтыков (он опять переселился в Рязань) с поручением выразить на словах то, что мне сказано в письме. Я отвечаю Некрасову, что доставлю повесть в „От<ечественные> Записки", как только перепишу ее; но это доставлю не значит пришлю: у меня явилось желание приехать самой и привезти ее Вам. Вы пожалели, что давно меня не видели, а мне как давно хочется Вас видеть. Затеяв эту поездку, рассчитывая, что она будет недели через две, много три, — я сама чувствую, <что> как-то ободрилась и что-то далекое хорошее проходит по душе. Вы говорите, надо переговорить о многом. Готовьте для этого время, а я покуда весело говорю Вам до свиданья. Ваша Н. Зайончковская». (Письмо от 3 января 1868 г. Неизд. — ГПБ в Ленинграде. Архив А. А. Краевского).

Таким образом, предложение было принято Зайончковской. Но принято оно было, оказывается, потому, что Зайончковская, поверив ходившим тогда слухам и сплетням, наивно понадеялась, что деловой контакт с Краевским означал отход Некрасова от направления «Современника», которому она не сочувствовала, и что старые «Отеч. Зап.» и при новой редакции останутся прежними, т. е. журналом без сколько-нибудь определенной, ярко выраженной общественно-политической платформы. Когда же выход в свет первых книжек реформированных «Отеч. Зап.» развеял иллюзии Зайончковской, она написала Краевскому такое письмо:

«... Вы сказали мне летом, — писала она 10 октября 1868 г., — что в „Отеч<ественных> Записках" Вашего—только подпись на обертке книги, что и эта подпись скоро перестанет появляться. Я сказала Вам тогда, что я там — покуда есть там эта Ваша подпись, но нет ее — и меня нет. Журнал с каждой книгой становится все менее похожим на прежний,— наконец, на сентябрьской, нет и Вашей подписи. „Отеч<ественные> Записки" делаются для меня чужими, и у меня не остается той сердечной охоты помещать там все, что мне удавалось делать: к „Современнику" (никто лучше Вас этого не знает) у меня никогда сердце не лежало. Не отказываясь совершенно в них участвовать, я и теперь пишу для них повесть; но свой большой роман, подготовлявшийся для прежних родных „От<ечественных> Записок", я решилась и обещала отдать в „Вестник Европы". Я не равнодушно это делаю: мне тяжело, будто не стало чего-то своего. А еще тяжелее, что от Вас ни слова, будто вместе с журналом не стало и человека». (Неизд.—ГПБ в Ленинграде. Архив А. А. Краевского).

Действительно, свой лучший роман «Большая медведица» Зайончковская напечатала у Стасюлевича в «Вестнике Европы», где продолжала сотрудничать и в 70-е годы.

Что касается «Отеч. Зап.», то после напечатания в 1869 г. (VIII—IX) еще одной повести —«Первая борьба»—участие писательницы в журнале прерывается на четыре с лишним года (с 1869 по 1874 г.). О характере принципиальных идейных расхождений Зайончковской с руководящим кружком журнала можно, отчасти, судить по критическим статьям А. М. Скабичевского о ее произведениях — «Волны русского прогресса» («О. З.», 1872, I) и «Наша современная беззаветность» («О. З.», 1875, X).

К середине 70-х годов в миросозерцании Зайончковской наметились сдвиги, сблизившие ее с демократической группой русской общественности и литературы. Переписка Н. Д. Зайончковской с М. Е. Салтыковым и Н. К. Михайловским конца 70-х — начала 80-х годов, частично приведенная в статьях биографа ее В. И. Семевского («Русская Мысль», 1890, X—XII), свидетельствует о том, что в это время она являлась уже приемлемым сотрудником журнала. «Хоть Хвощинская и не бог знает что, — писал в это время Салтыков Некрасову, — а все-таки лучше было бы, кабы она у нас печаталась, а не у Стасюлевича» (Н. Щедрин, Полн. собр. соч., XVIII, 304).

В 1874 г. редакция «Отеч. Зап.» возобновила свое предложение Н. Д. Зайончковской о сотрудничестве. Ее ответное письмо на имя М. Е. Салтыкова включено также в настоящую публикацию.

Письма печатаются по автографам ИЛИ, Ф. 202, оп. 2, № 35 (письма 1, 3 и 4) и № 114 (письмо 2).

<1>

<Рязань, 3 января 1868 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Получив вчера Ваше письмо, в котором Вы выражаете желание чтобы я продолжала помещать мою работу в «Отеч<ественных> Записках», спешу отвечать Вам, что это и мое искреннее желание, и мне остается только благодарить Вас за внимание.

В настоящее время у меня есть оконченная повесть, которую постараюсь доставить Вам, как только она будет переписана [1].

Примите уверение в моем совершенном уважении.

Н. Зайончковская

3 января 1868 г.
Рязань

[1] Зайончковская вскоре исполнила свое обещание, и повесть ее «Два памятные дня» была напечатана в «О. З.», 1868, IV.

<2>

М. Е. САЛТЫКОВУ

<Рязань, 30 апреля 1874 г.>

Милостивый государь
Михаил Евграфович.

Прошу извинения, что я до сих пор не отвечала на письмо, которым почтила меня редакция «Отечественных Записок», и благодарю за выраженное ею желание моего сотрудничества. Без всякого сомнения, я не откажу себе в удовольствии продолжать работу в журнале, где началась и много лет печаталась моя работа, — но в настоящее время не могу сказать, когда пришлю Вам статью, которую Вы желали бы иметь, тем более потому, что за мной есть еще обещание для «Вестника Европы». Исполнив его, я непременно постараюсь дать статью в «Отеч. Записки», но, во всяком случае, не определяя ни размера ее, ни времени.

Прошу Вас принять уверения в моем искреннем уважении

Надежда Зайончковская

30 апреля 1874 г.
Рязань

Вчера контора «Отеч. Записок» прислала мне расчет за статью «Счастливые люди» [1].

[1] Повесть «Счастливые люди, отрывки из записной книжки» — «О. З.», 1874, IV. В 1875 г. Н. Д. Зайончковская ничего не напечатала в журнале, но с января 1876 г. ее сотрудничество в «О. З.» приняло систематический характер.

<3>

<Рязань, 15 декабря 1875 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Ваше письмо пришло как раз в ту минуту, как я хотела писать Вам. Простите, что так долго не отвечала на Ваше первое письмо. Причина та, что я никак не могу прислать Вам романа: его первая часть даже не готова.

Почти весь нынешний год у меня было столько помех в работе, что я совершенно отчаялась, найду ли даже время за нее приняться. Но этими днями, — вслед за получением Вашего первого письма, — я решилась отделать небольшой рассказ и просить Вас принять его в ожидании романа. Я хочу как-нибудь загладить мою невольную вину и убедить Вас,

что если я медлю исполнять мои обещания, то, во всяком случае, их не забываю. Рассказ будет листа в два, называется «На вечере» и уже переписывается; Вы получите его, едва я кончу эту переписку, которую делаю всегда сама. — Еще раз — примите его вместе с моими извинениями. Это — тоже «Отрывок из записной книжки», вроде рассказа «Счастливые люди», напечатанного в «Отеч<ественных> Записках» прошлого года [1].

Что касается названия романа, то — как это ни странно — я еще не решила его до сих пор. Думала назвать его «Былое», — но не знаю, остановлюсь ли на этом; впрочем, это всего вероятнее. Его размер — листов десять или немного более, я не могу сказать этого определенно, так же как его срока [2], если обстоятельства будут мешать мне попрежнему. Рассказ, который пошлется Вам этими днями, имеет также целью попросить у Вас терпения.

Примите уверения в моем истинном уважении

Н. Зайончковская

15 декабря 1875 г.
Рязань

В Вашем первом письме Вы сказали, что редакция «Отеч. Записок» может в декабре выслать мне денег, «сколько я назначу». Пользуюсь этим обязательным предложением и прошу прислать 300 р.

[1] Повесть «На вечере, из записной книжки» — «О. З.», 1876, I.

[2] Первые пять глав романа «Былое» были напечатаны уже после смерти Некрасова — «О. З.», 1878, II. Эти пять глав романа вызвали нижеследующий отзыв цензора Лебедева (в печати не появлялся): «„Былое“. Роман В. Крестовского, ч. 1-я. Судя по первой части этого романа, занимающей не более 45 стр., он будет посвящен описанию нигилистического быта и, конечно, не с целью отрицания народившегося у нас с 1860 г. предосудительного направления среди учащейся молодежи. Такое заключение о романе основывается и на имени автора, поборника интересов молодого поколения, и на известном направлении журнала, в котором он помещается, всегда отличающегося каждением молодежи, отрицательным направлением и пессимистическим взглядом на современное общество и политическое состояние России». Далее цензор излагает содержание романа и заканчивает следующим образом: «При таком содержании нельзя не предполагать известной тенденциозности, хотя при этом до конца первой части ни из чего нельзя заключить, чтобы автор явно выступал противником семейного начала, прав собственности и других основных начал общественного порядка». Несмотря на то, что это заключение несколько смягчало предшествующую оценку, редакция, под давлением цензуры, должна была перепечатать 319, 351 и 359 страницы романа и, что еще существеннее, отказаться от дальнейшего печатания. Все это чрезвычайно огорчило и взволновало Зайончковскую, как это видно из ее писем, приводимых В. И. Семевским («Русская Мысль», 1890, XI, 99). В этой же работе В. И. Семевского излагается содержание трех последующих, уже не появившихся в печати глав романа.

<4>

Рязань, 19 декабря 1875 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Вместе с этим письмом отдаю на почту рассказ «На вечере», о котором писала Вам дня четыре назад. Будьте так добры, уведомьте, когда его получите; почта очень часто неисправна.

Повторяю также мою просьбу о присылке денег.

Примите уверение в моем глубоком уважении

Н. Зайончковская

Если возможно, прошу Вас, прикажите оставить для меня в типографии три отдельные оттиска этого рассказа.

В. А. ЗАЙЦЕВ

Никаких сведений о личных взаимоотношениях между Некрасовым и Варфоломеем Александровичем Зайцевым (1842—1882) в годы сотрудничества последнего в «Русском Слове» у нас нет. Сомневаться же в знакомстве Некрасова с деятельностью радикального критика и публициста, участника известной полемики «Русского Слова» с «Современником» 1864 г. не приходится. Нельзя, в частности, представить себе, чтобы Некрасов не знал той замечательной характеристики его поэзии, которую дал Зайцев. В то время, как «С.-Петербургские Ведомости» (1862, № 19), «Отеч. Зап.» (1863, IX) и «День» (1864, № 43) соперничали друг с другом по части отрицательных отзывов о «музе мести и печали»,—Зайцев в «Русском Слове», 1864, X, писал: «Г. Некрасов имеет полное право на название мыслителя. Мало того, это — мыслитель глубокий и честный. В основе его лежит высокая гуманность и любовь к своей родине, не под отвлеченным представлением отечества, породившим патриотические стихотворения Жуковского, Розенгейма и Майкова, а под живым действительным образом народа. Я бы назвал г. Некрасова народным поэтом, если б прозвание это не было замарано эстетиками, прилагавшими его ко всякой нечистоте... Народным поэтом я назвал бы г. Некрасова потому, что герой его песней один—русский крестьянин. Но он говорит о нем, конечно, как человек развитой, как говорил Добролюбов; он не „поет“ его, а думает о нем, о его бедах и горе, не ограничивается объективным изображением страдания, но мыслит о нем, и мысли свои, глубокие и светлые, передает в прекрасных, свободных стихах, в которые без натяжек укладывается народная речь и которые чужды поэтических метафор и аллегорий... Герои его, кроме народа, — те труженики и страдальцы, которые работали мыслию или делом и, хотя и не непосредственно, но принесли свою лепту. По предмету своему, по своему герою стихотворения г. Некрасова не имеют равных во всей русской литературе».

Первые сведения о личных сношениях Зайцева с Некрасовым относятся уже к тому времени, когда Зайцев, после запрещения «Русского Слова» навлекший на себя внимание властей и даже отсидевший четыре месяца в Петропавловской крепости (в связи с покушением Каракозова на Александра II), эмигрировал за границу. В письме его к жене из Парижа от 3 мая 1869 г. («Минувшие Годы», 1908, XI, 85) содержится прямое указание, что во время пребывания Некрасова в Париже

В. А. ЗАЙЦЕВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

он виделся с поэтом и предлагал ему свою работу. Как раз в это время происходили выборы во французскую палату депутатов. Своей острой, бичующей памфлетной характеристикой тогдашних представителей буржуазной Франции Зайцев заинтересовал Некрасова, который, по данным того же письма, и предложил ему написать статью для «Отеч. Зап.». Статья эта, «Новое правительство», в некрасовском журнале напечатана не была. Заведующий публицистическим отделом «Отеч. Зап.» Г. З. Елисеев признал ее совершенно неприемлемой как по цензурным соображениям, так и по существу занятой автором позиции. «Беспокойная, раздраженная фраза, взгляд радикальнейший, — и со статьею ничего нельзя более делать, как отправить ее обратно»,— писал Елисеев Некрасову 9 июля 1869 г. (см. выше это письмо и комментарии к нему). Зайцеву, вступившему в том же 1869 г. в члены Интернационала, где он примкнул к бакунистам, конечно, было трудно и приспособиться к царской цензуре, и удовлетворить оппортунистическим требованиям Елисеева, писавшего самому Зайцеву, что «нельзя... обвинять таких заслуженных бойцов свободы, республики и народа, как Jules Favre, Jules Simon и Ernest Picard!» («Минувшие Годы», 1908, XI, 85—86). Отказ в напечатании грозил и сделанному Зайцевым переводу записок одного гарибальдийца «Красная рубашка во Франции» («Camicia rossa»), появившихся первоначально в виде корреспонденции с театра франко-прусской войны в «Gazzetta di Torino». Редакция «Отеч. Зап.», т. е., вероятно, опять-таки Елисеев, нашла эти записки неинтересными, но Некрасов, ознакомившись с их содержанием, принял рукопись своей властью и напечатал ее в «О. З.», 1871, XI, XII (анонимно). В том же году была напечатана еще одна статья Зайцева «Очерки французской журналистики. 1. Камиль Демулэн» («О. З.», 1871, VIII, без подписи), возбудившая неудовольствие III Отделения. Другая попытка Некрасова напечатать в «Отеч. Зап.» (1878, II) статью Зайцева «Фердинанд Лассаль», за криптонимом «М. М.», окончилась неудачей. Статья была изъята и уничтожена по распоряжению министра Тимашева (см. «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 471—472). Все эти факты свидетельствуют, как трудно было Зайцеву, несмотря на поддержку Некрасова, стать сотрудником «Отеч. Зап.». Но Зайцев упорно продолжал присылать свои статьи. Некоторые из них были напечатаны — «Письма об Испании» (1872, IX и XI и 1873, II и VI), «Современная мораль» (1874, II), «Франсуа Раблэ и его поэмы» (1874, V) и «Воскресение мертвых, или Тэн о революции» (1878, VII и VIII). Другие статьи,— по цензурным условиям или по нежеланию редакции, — вовсе не попали в печать.

Статья о Раблэ, кстати сказать, признана была столь предосудительной, что послужила одним из мотивов к такой суровой репрессии, как арестование, а затем и уничтожение майской книжки «Отеч. Зап.» за 1874 г. Статье этой, по донесению цензора Лебедева, инкриминировалось «публичное осмеяние» таких «предметов», как «верховная власть, выражающаяся в лице государей; религиозные учреждения в лице монашествующих и священников; богатство, сосредоточивающееся в руках либо вельмож, либо отдельных личностей» (В. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России. 1927, 178—179).

Кроме двух писем к Некрасову, в настоящую публикацию включены также два письма Зайцева к Елисееву, имеющие ближайшую связь с первыми.

Письма печатаются по автографам ИЛИ, Ф. 202, оп. 2, № 113 (письма 1 и 4) и № 36 (письма 2 и 3).

⟨1⟩

Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

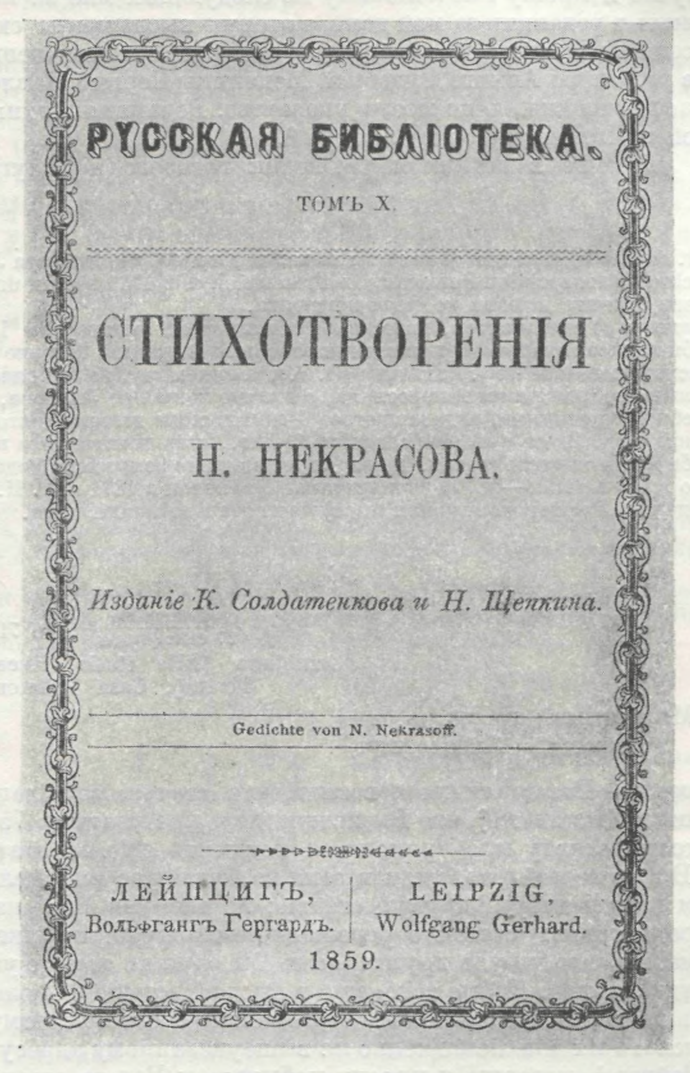
13/25 ноября ⟨18⟩69 г.
Dôle (Jura) Faubourg la Bedugue,
maison Vauthier

Милостивый государь
Григорий Захарович,

Когда, вследствие Вашего предложения, я принимался за книгу Штейна, я никак не предполагал, что статья моя по этому предмету примет такие размеры, какие она приняла в действительности в самом процессе писания, так сказать, независимо от моей воли. Теперь она у меня наполо-

вину готова, и начало ее для одной книжки журнала, листа $2\,^1/_2$, я Вам посылаю вместе с этим письмом [1].

Сравнив ее с книгой Штейна, Вы увидите, что она соответствует первым 40 (нумерованным арабскими цифрами) страницам Штейна (издания 1855). Я предполагаю дать Вам еще три подобных статьи. Впрочем, это согласно с тем, что Вы мне писали о размерах этой работы.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ТОМЪ X.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Gedichte von N. Nekrasoff.

ЛЕЙПЦИГЪ, Вольфгангъ Гергардъ.	LEIPZIG, Wolfgang Gerhard.

1859.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЛЕЙПЦИГСКОГО ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА, 1859 г.

Контрафакция издания К. Солдатенкова и Н. Щепкина 1856 г.

Центральный исторический архив, Москва

Этим обстоятельством, т. е. неожиданным расширением именно той части работы, которую я теперь представляю на суд Ваш, и моею хворостью объясняется, почему работа эта только теперь предоставляется в распоряжение редакции.

Пользуясь Вашим приглашением обращаться к Вам с жалобами на Вас, замечу Вам, что удовольствие сношений с редакцией «Отеч⟨ественных⟩ Зап⟨исок⟩» нисколько не проиграло бы оттого, если бы эти сношения

были, так сказать, определеннее. Между тем, вот уже месяца три, как Якоби послал Вам статью свою, о которой говорил в Париже с Николаем Алексеевичем Некрасовым, и до сих пор не получал от Вас даже уведомления о ее участи. Согласитесь, что тут невольно подумаешь о «кумушках»!

В виду этого покорнейше прошу Вас, прочтя эту статью, с полным правом сокращать и исправлять, известить меня, будет ли она напечатана. В таком случае я прошу Вас половину из следующих мне за нее в уплату денег удержать в редакции за мой долг, а вторую выслать мне сюда в Доль в виде векселя на Париж. В случае же неудобства ее к помещению препроводить ее в редакцию Архива Судебной Медицины Сергею Павловичу Ловцову для распоряжения ею по моему указанию. Редакция Архива на углу Кабинетской и Ивановской, дом Аллера [2].

Примите уверение в истинном уважении готового к услугам Вашим

В. Зайцева

[1] В 1855 г. вышло одиннадцатое издание книги известного экономиста Лоренца фон Штейна «Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich seit 1789 bis auf unsere Zeiten». Статья Зайцева о книге Штейна не была помещена.

[2] Зайцев вместе со своим зятем, известным психиатром, эмигрантом Павлом Ивановичем Якоби написал статью «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения». Редакция «О. З.», повидимому, не решилась поместить ее по цензурным соображениям и переслала, согласно желанию Зайцева, в редакцию «Архива судебной медицины», издававшегося Медицинским департаментом министерства внутренних дел. Здесь в № 3 за сентябрь 1870 г. была помещена за подписью одного П. Я<коби> первая часть статьи. Появление ее вызвало репрессии: редактор Сергей Павлович Ловцов (1823—1877) был устранен и заменен в 1871 г. Г. И. Архангельским, под редакцией которого журнал просуществовал до конца года.

<2>

8 октября / 27 сент<ября> <18>71 г. [1]
Cambiano (Alta Italia, linea Genova — Torino), Casa Raimondi

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Мне передали от Вас приятные известия, что статья моя напечатана в «Отечественных Записках» [2], что Вы предлагаете мне плату по 75 р. с листа и что по этому расчету мне приходится получить еще за статью около 100 р. Как Вы легко поймете, эти известия возбудили во мне желание предложить Вам какую-нибудь другую статью; но так как Вы, кажется, не желаете продолжения статей о революционной журналистике, то надо будет подумать о чем-нибудь другом, если Вы сами не имеете указать мне какого-нибудь сюжета. Кроме того, мне в высшей степени полезно было бы получить приходящиеся мне деньги как можно скорее; поэтому я прошу Вас или выслать их мне немедленно по вышеуказанному адресу или передать г-же Зейдер [3], которую я просил побывать у Вас за ответом на это письмо. В редакции Вашей находится также глава моей работы «О положении рабочих на Западе» [4], которую я просил бы передать той же особе, если она (т. е. глава) не может быть немедленно напечатана, так как она нужна мне для продолжения этой работы.

Примите, милостивый государь, выражение совершенного уважения

Вашего В. Зайцева

[1] Зайцев ошибся в одной из дат — старого или нового стиля: разница должна быть в 12 дней.

[2] «Очерки французской журналистики. I. Камиль Демулэн». — «О. З.», 1871, VIII. Статья эта обратила на себя внимание III Отделения, и начальником его по поводу ее

было послано секретное письмо в министерство внутренних дел (получено 11 октября), а цензору Лебедеву, пропустившему статью, было объявлено строгое замечание.

[3] Кто такая г-жа. Зейдер, установить не удалось.

[4] О статье «О положении рабочих на Западе», см. примеч. к предыдущему письму.

⟨3⟩

Женева, $\frac{\text{27 октября}}{\text{8 ноября}}$ ⟨18⟩72 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

С прискорбием и удивлением я увидел из полученной здесь октябрьской книжки О⟨течественных⟩ З⟨аписок⟩, что вторая статья моя об Испанских делах в ней не напечатана [1]. Несмотря на это и на то, что я еще должен редакции 100 р., так как за первую статью об Испании (в сентябре) деньги были мне высланы, я прошу Вас выслать мне 150 р., передав их госпоже Якоби [2]. Мне эти деньги крайне необходимы на выезд отсюда, а, с другой стороны, у Вас лежит очень много моих работ, а именно: 2-е письмо об Испании, статья «Современная мораль» [3] и четвертая часть перевода романа «Der Demagoge». Кроме того, я на-днях вышлю Вам 3-е письмо об Испании и еще одну статью, которую Вы, может быть, согласитесь напечатать. Поэтому я и рассчитываю, что Вы не оставите меня в том крайнем затруднении, в котором я очутился бы, если бы не получил немедленно 500 франков.

Готовый к услугам
В. Зайцев

[1] Первое «Письмо об Испании» Зайцева было помещено в «О. З.», 1872, IX.

[2] Сестра В. А. Зайцева, Варвара Александровна, в первом браке (фиктивном) была за кн. Александром Сергеевичем Голицыным, а во втором за Павлом Ивановичем Якоби.

[3] Статья «Современная мораль» (разбор книг «Philosophie du devoir ou principes fondamentaux de la morale» par M. Terraz и «Études élémentaires politiques, sociales et philosophiques par Che. Desouches») — «О. З.», 1874, II.

⟨4⟩

Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

Локарно, 5 августа/24 июля ⟨18⟩73 г.

Письмо Ваше я получил недели две тому назад, а вчера получена и июльская книжка. Моей статьи [1] в ней опять нет. Я дважды просил редакцию возвратить мне ее для передачи в другой журнал. В последний раз я просил об этом в апреле, и мне отвечали, что она печатается, а между тем она до сих пор не напечатана. Что касается моей большой статьи о немцах, то первая половина ее должна находиться у г. Салтыкова, с которым у меня о ней была переписка и который обещал начать печатать ее с мая [2]. Я решительно не понимаю, каким образом все это так случается; почему редакция держит мои статьи под спудом и находит место для печатания каких-то громадных архивов о железнодорожных делах [3]. Точно на смех.

Прошу Вас передать г. Некрасову или г. Салтыкову, когда кто-нибудь из них вернется, что мне решительно невозможно присылать в редакцию новых статей, пока не будут напечатаны сохраняющиеся в прок.

С совершенным уважением к Вам
В. Зайцев

[1] О какой статье здесь идет речь — неизвестно.

[2] «Большая статья о немцах» также неизвестна, как неизвестна в печати и переписка о ней Зайцева с М. Е. Салтыковым.

[3] Под «громадными архивами о железнодорожных делах» Зайцев подразумевает статью А. Еракова «Исследование о полной сети железнодорожных сообщений в России» («О. З.», 1876, V) и статью Д. С. (Д. Л. Мордовцева) «Как строилась Тамбовско-Саратовская железная дорога и что из этого вышло» («О. З.», 1873, VI).

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ

Подобно многим людям своего поколения, Николай Николаевич Златовратский (1845—1911) воспитывался в молодости на стихах Некрасова. Об этом он рассказал в своем мемуарном очерке «Из воспоминаний о Некрасове как поэте 60-х годов» («Журнал для Всех», 1903, XI), очерке, проникнутом народническим восприятием Некрасова, но отражающем чувства глубокой любви и уважения к нему.

«Боюсь, что меня могут упрекнуть в некоторой голословности, — писал здесь Златовратский,— если я скажу, что в то далекое время, о котором я вспоминаю, т.е. около 40 лет тому назад, мы, юное поколение, ни в одном из прежних поэтов не находили такого бодрящего и возвышающего настроения, как у Некрасова, несмотря на то, что уже в то время он сам называл свою музу „печальной спутницей печальных бедняков, рожденных для труда, страданий и оков". В этот момент нашей истории Некрасов являлся первым и доселе остается единственным нашим поэтом, в произведениях которого с такою определенностью и силой сказался социально-этический элемент. Он сделал его нашим вдохновителем, нашим любимцем. Этот общественно-нравственный элемент придал поэзии Некрасова не только оригинальность и неведомую доселе в нашей поэзии в такой яркой степени поучительность нового откровения, но и мощь, и полноту, и оригинальную новизну содержания, освещавшего для нас картину жизни многомиллионных трудовых масс, картину, начерченную с необыкновенною любовью и вниманием. В его песни печали и горя все властнее и властнее врываются мощные мотивы, воспевающие дивные образы духовной красоты и силы; за песней подавленного отчаяния слышатся призывные звуки выступающих на арену жизни новых творческих сил...».

Литературное общение с Некрасовым установилось у Златовратского лишь в 1874 г., когда он предложил «Отеч. Зап.» свою повесть «Крестьяне-присяжные», которая была там напечатана и обратила на себя внимание. Публикуемые ниже письма Златовратского относятся как раз ко времени его вступления в число сотрудников некрасовского журнала, в котором Златовратский напечатал все свои основные произведения: «В артели» (1876), «Золотые сердца» (1877), «Деревенские будни» (1879) и «Устои» (1878—1882).

Письма печатаются по автографам ИЛИ, Ф. 202, оп. 2, № 115 (письма 1 и 2) и № 37 (письма 3—5).

〈1〉

М. Е. САЛТЫКОВУ

1874 г. 18 августа. Владимир губ〈ернский〉

Милостивый государь!

Предлагая Вашему благосклонному вниманию свой слабый труд, мне хотелось бы по возможности изложить те мотивы, которыми он вызван, и те соображения, по которым он является в настоящем виде. Не самообольщение, не детски высокое мнение о своих силах и способностях, не желание блеснуть новизной сюжета и не служение чистому искусству руководили мною при начале моего труда, — но мысль, что царящее в нашем так называемом «образованном» обществе или поголовное обвинение народа в дикости и невежестве, или сомнение в его состоятельности нести на себе «бремя правосудия» — насколько помнится, нигде еще и никем не было проверено со стороны живого непосредственного наблюдения, и что вследствие этого для многих «слабых опытом» распускаемые про народ клеветы, — преднамеренно или непреднамеренно, в силу одного недомыслия, — могут получить всю силу достоверности, да и самый народ таким образом постепенно поддерживается в том мнении о своей умственной и нравственной несостоятельности. Вот повод и цель, руководившие моим трудом; от них может быть зависит и то несовершенство в художественном смысле формы и другие недостатки его в том виде, как я его предлагаю Вам. Чтобы уяс-

нить мою мысль, я позволю себе изложить Вам самый процесс моей работы.

Непредубежденного наблюдателя, когда ему случалось часто приходить в столкновение с крестьянами-присяжными, постоянно поражал вопрос: если виноват в чем-нибудь народ, то на каком же основании именно он виноват. И может ли он нести на себе всю ответственность за ход нашего правосудия. Не падает ли эта ответственность, напротив, на кого другого. А в таком случае — какова же роль народа и степень участия его в этом деле, как представителя «общественной совести». Отыскивая ответы на эти вопросы, наблюдатель наталкивается на массу фактов такой неограниченной и безусловной зависимости и закрепощенности народа разнообразными условиями, на такую «правоспособность» его на «свободную совесть и убеждение», что становится очевидным вопиющее недоразумение общественного мнения в вопросе о нашем суде присяжных и закрадывается мысль, что вряд ли народу, при настоящих условиях, фактически возможно быть свободным выразителем общественной совести и нести на себе ответственность за нее.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ
Фотография 1875 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Если приведенный путем непосредственных впечатлений и наблюдений к такому заключению наблюдатель захочет заставить перечувствовать те же впечатления и читателя, — то ему остается два исхода: или отказаться от этого намерения, если он не обладает силою высокого художественного творчества, умеющего в малом сказать многое, или принять столь широкую программу, чтобы по возможности исчерпать хотя ту массу явлений, которая стоит в зависимости от трех фактов: силы богатства (земельная аристократия и капитал), силы власти (администрация) и от невежественных традиций, которых охранителями являются или сами представители силы, или им выгодно поддерживать их в закрепощенном народе.

Приняв такую программу для своего труда, я неудержимо увлечен был разнообразием представлявшихся мне идей и фактов и, в то же время, крепкой их взаимной связью до того, что испугался обширности и глубины затронутых мною явлений. Во мне родилось сомнение в своих силах, в возможности довести дело до конца с той широкой точки зрения, с которой, по-моему, только и можно смотреть на исследуемый предмет. Для

меня сделалось необходимым — увериться, каким бы то ни было путем, в правильности моего взгляда на дело, в достаточности тех средств и сил, которыми я располагаю, чтоб продолжать его. Кроме того, меня постоянно мучали сомнения в «цензурном» смысле, — что неизбежно при разработке такого предмета и в такой форме, — в какой он у нас еще не затрагивался; поэтому, для более или менее резонного окончания моего труда, мне требуется определить точные границы возможной свободы в выборе фактов.

Вот на основании каких соображений и решился я послать Вам сначала две первые главы моего очерка [1], в которых я коснулся только некоторых из тех влияний, о которых я говорил выше, — влияние же экономической зависимости и иных условий я проследил в третьей главе.

По предлагаемым двум главам Вы можете, по моему мнению, сделать суждение и о следующей главе (а также и о дальнейших моих работах в этом направлении), которые у меня уже почти готовы, но окончательно обработать ее я, по вышеизложенным соображениям, могу только по получении Вашего отзыва о начале моего труда.

Первые две главы настолько, по моему мнению, закончены, что, кажется, могли бы быть напечатаны (если, конечно, Вы найдете их достойными) и не ожидая окончания третьей главы, — которая, впрочем, будет доставлена никак не позднее месяца с получения Вашего отзыва. Но это вполне зависит от Вашего усмотрения. Я покорнейше прошу только об одном, чтобы Вы, познакомившись с планом моих работ по настоящему письму и с исполнением и средствами, которыми я располагаю по первым двум главам очерка, — по возможности поскорее сообщили мне Ваш отзыв о моей работе и соображения о дальнейшем ее продолжении, если это будет нужно.

Относительно художественной стороны моего труда (если такая имеется) мне говорить не приходится, но считаю необходимым сообщить, что вторая глава [2] (и третья) вся основана на действительных фактах, — да и не виделось нужды прибегать к вымыслу там, где разнообразие действительных фактов так велико, и сами по себе они так характерны и типичны, что, как говорится, «нарочно не выдумаешь», — как, например, неоглашенный еще в печати случай присяжного самозванства [3], бегунов присяжных (на то и другое я уже намекнул во второй главе, — но дальнейшая обрисовка этих типов будет в третьей главе) и др.

Также я считаю не лишним заметить, что третья глава по величине будет равна первым двум вместе и закончит собою ту серию фактов, которая относится исключительно к вопросу о крестьянах-присяжных; но <так> как вопрос этот неминуемо связан с общим вопросом о «положении нашего крестьянства» на «новых правах», с вопросом о новых комбинациях отношений, которые установились на этих правах между сословиями, то я, — если читающая публика удостоит мой труд вниманием и он окажется не совсем бесполезным,— я предложу Вам вторую серию разработки фактов, относящихся к «новым правам» под рубрикой «дело земского строения», где многие из выведенных мною характеров могут быть разработаны шире, обстоятельнее и свободнее.

Это отчасти, может быть, извинит отрывочность, недоделанность и бледность многих характеров в первой части моего труда, — что пришлось допускать поневоле, под опасением переступить границы дозволенного.

С почтением остаюсь готовый к услугам

Н. Златовратский

Мой адрес: Владимир губерн<ский>, собственный дом у Сергиевск<ой> церкви. Николай Ник<ола>евич З<латоврат>ский.

[1] Повесть Златовратского «Крестьяне-присяжные» началась печатанием в «О. З.», 1874, XII. Здесь были помещены I глава — «По пути в округу» и II глава — «Первое знакомство с новыми правами».

[2] Во II главе Златовратский рисует враждебное отношение со стороны судебных чиновников к крестьянам-присяжным, факты злоупотреблений (адвокат, недовольный составом суда, откладывает разбирательство дела) и грубого запугивания (один из присяжных получает строгий выговор за ответ, показавшийся недостаточно почтительным).

[3] Случай самозванства заключается в том, что купец Гарькин, подкупив часть присяжных, присутствует на суде под видом присяжного Савельева. Атмосфера недоверия и вражды побуждает многих крестьян бежать от этого общественного дела, причем некоторые из них объясняют свое бегство нежеланием идти против совести, к чему вынуждало их фактическое положение вещей.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ДЯДЮШКА ЯКОВ»
Рисунок М. П. Клодта в книге: «Некрасов. Русским детям», издание А. А. Буткевич, 1881 г.

⟨2⟩

М. Е. САЛТЫКОВУ

29 января 1875 г.

Милостивый государь
Михаил Егорович! ⟨sic!⟩

Искренне благодаря Вас за то внимание, которым Вы почтили меня и мой труд, и воспользовавшись, насколько было возможно для меня в настоящее время, Вашими замечаниями, я посылаю Вам вновь 3-ю часть моих «Крестьян-присяжных». Что можно было сделать с нею в продолжение полутора недели, — я сделал по силе возможности; может быть, я сделал бы и более, если б мог располагать при моих теперешних обстоятельствах бо́льшими силами, средствами и временем, так как для вполне успешной переработки ее мне было бы необходимо отложить ее в портфель на неопределенный срок, пока усталое воображение, притупленное вниманием к одним и тем же образам, не освежилось какой-нибудь другой работой.— Сделать так отчасти не позволяют мне вышеупомянутые обстоятельства, отчасти предположение, — что вряд ли она тогда, так удаленная от 1-х двух частей, — будет иметь хотя часть того значения, на какое, как смею надеяться, может рассчитывать теперь.

И потому — благосклонно примите ее в том виде, в какой я привел ее, согласно Вашим указаниям. При этом моей единственной просьбой к Вам будет одна: если Вы найдете 3-ю часть удобной к помещению в «Отечественных З‹аписках›» — напечатайте ее, пожалуйста, поскорее. Я даже отчасти торопился, питая надежду — не поспеет ли она в февральскую книжку [1]. Если этому будет препятствовать даже и настоящий ее объем, — то некоторые места можно было бы и еще, при необходимости, сократить, как, наприм., в 5-й главе. Скорейшее напечатание ее, — если она будет достойна этого, — для меня так важно. О последующем, надеюсь, Вы не оставите скоро известить.

С истинным почтением имею честь быть

готовый к услугам Вашим
Н. Златовратский

P. S. По выпускам, сделанным Вами в первой части, можно отчасти заключить, что редакция выпускает все, что носит характер эпизодичности. Так как этому может подвергнуться и эпизод о Савве Прокофьиче [2] в 6-й главе этой части, то я желал бы предупредительно просить Вас сохранить его.

№. Январскую книжку О‹теч.› З‹ап.› я еще не получал, согласно Вашему обещанию выслать мне их. Впрочем, может быть еще она не вышла?

Мой адрес: прежний, т. е. Владимир губернский, собств‹енный› д‹ом› у Сергиевской церкви. Ник‹олаю› Ник‹олаевичу› З‹латоврат›скому.

[1] Третья часть повести была помещена в «О. З.», 1875, III.

[2] Эпизод об одном из присяжных Савве Прокофьиче сохранился. Это маленький рассказ о том, как Савва Прокофьич, в прошлом весельчак и балагур, дважды пострадал за свою страсть к рассказыванию: один раз — пойманный помещиком во время рассказа о любовных похождениях барина, другой раз — становым за разговоры о приближавшейся «воле».

‹3›

15 апреля 1875 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

На-днях я получил сообщение от лица, которому поручил справиться в редакции От‹ечественных› З‹аписок› о своей рукописи «В артели» [1], что Вам угодно было дать обещание уведомить меня письмом относительно моей статьи, и при этом Вы заметили, что она коротка.

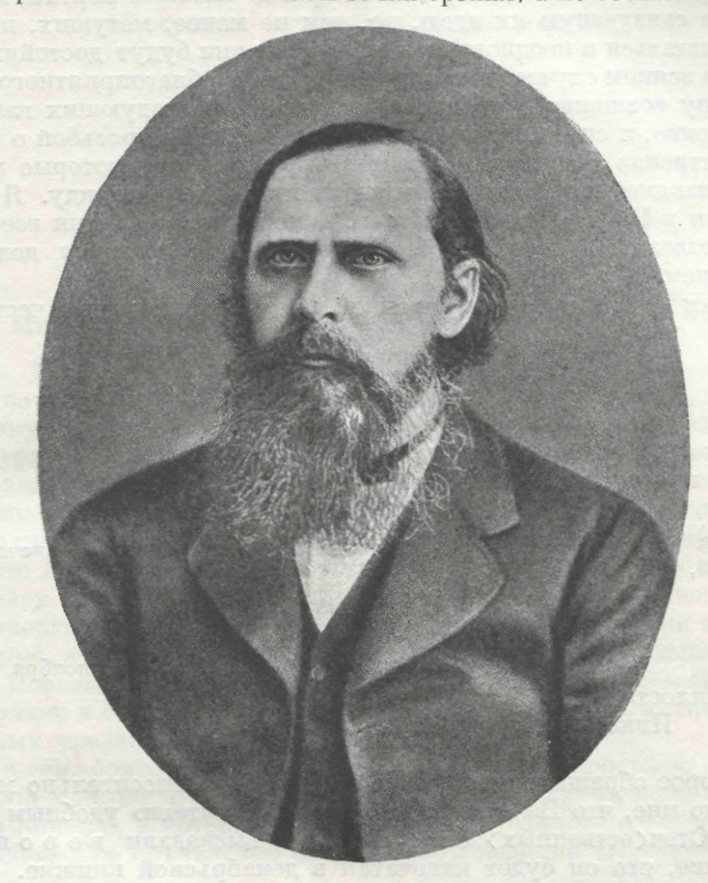
Так как я еще не имел чести получить до сегодня Вашего письма и, предполагая, что причиной этому могут быть некоторые сомнения, к‹ото›рые может возбудить моя статья, как своим объемом, так и отчасти содержанием, я считаю не лишним объяснить Вам, почему я вынужден был послать на Ваше рассмотрение только первые главы очерка.

Живя в глуши провинции, лишенный непосредственного общения с опытными и компетентными лицами, от которых зависит судьба и значение моей деятельности, я постоянно принужден быть жертвой отсутствия для меня прямого литературного воспитания, незнания тех условий, при которых можно «касаться» и как того или другого из явлений жизни. По поводу моих «Присяжных» я уже имел случай упоминать об этом и, между прочим, на них же, отчасти, опять получил доказательство отсутствия у меня способности «приспособления» к данным условиям. Посылая свои статьи в петербургские журналы, я, к своему удовольствию, не редко

получал об них лестные отзывы, но в то же время и отказы в напечатании, в силу нецензурности их относительно формы.

Я особенно ударяю на последнее слово, так как и по поводу моей последней статьи «В артели» я имею от некоторых литераторов заключение, что она в настоящее время вряд ли может быть сполна напечатана, в виду опасности касаться вопроса об артелях, если они рассматриваются со стороны отношений их к лицам из образованной среды.

Очевидно, здесь дело касается более формы: примись я за обработку своего очерка с более объективной точки зрения, а не «Записками впечат-

М. Е. САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН)
Фотография 1870-х гг.
Литературный музей, Москва

лений пролетария» — дело было бы иное по форме, хотя и то же по сущности, но между тем — более безопасное и скорее достигающее цели.

Ввиду этих данных, Вы, надеюсь, извините мне и обращение к Вам с одною только главой моего труда, которому я при окончательной обработке могу дать иную форму, если первая будет признана и Вами негодною.

Притом, сознаюсь, — обратиться к Вам с неполным трудом решился я отчасти и в том предположении, что Вам небезызвестны по «Присяжным» мои способности и средства, какими я могу располагать.

Я не могу здесь не упомянуть также и о содержании дальнейших глав своего очерка: весь очерк вообще представит «Историю одной артели» (может быть было бы даже лучше дать и всему рассказу такое

заглавие) — с некоторыми из ее небезынтересных и своеобразных бытовых черт, обычаев, понятий; в следующих главах я характеризую лица, составляющие артель, их отношения к пролетарию и значение характера каждого из них для артельного принципа, и, наконец, из этого стараюсь выяснить те причины, под влиянием которых разлагается первобытная форма артели, — и что по-моему зависит, с одной стороны, от современного экономического строя, с другой — от столкновения артели с так называемой «цивилизацией».

Таким образом, весь очерк представит р я д бытовых картин, имеющих одну общую связующую их идею, но, тем не менее, могущих, по моему мнению, печататься и неодновременно, — если они будут достойны этого. Впрочем, во всяком случае, при получении от Вас благоприятного ответа, я не премину возможно скорейшим доставлением следующих глав.

В заключение, я снова беспокою Вас покорнейшей просьбой о высылке мне 2—3 оттисков 2-й части «Крестьян-присяжных», которые мне уже обещаны редакцией и в которых я имею настоятельную нужду. Я уже писал об них и в Контору От<еч.> З<ап.>, но до сего времени все-таки не получал. Позвольте надеяться, что Вы не оставите по этому делу своим распоряжением.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть,

готовый к услугам
Н. З л а т о в р а т с к и й

P. S. Жду с нетерпением обещанного Вами отзыва.
Владимир губ<ернский>, соб<ственный> д<ом> у Сергия

[1] Очерк «В артели. Из записок петербургского пролетария» напечатан был в «О. З.», 1876, VI.

<4>

<14 ноября 1875 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Лицо, которое обращалось к Вам за сведениями относительно моих работ, сообщило мне, что Вы нашли мой очерк «В артели» удобным для помещения в «Отеч<ественных> Зап<исках>» и высказали в е р о я т н о е предположение, что он будет напечатан в декабрьской книжке.

Так как на-днях, наверное, должен будет начаться набор статей для этой книжки, — то я решился вновь беспокоить Вас напоминанием о моей статье и покорнейшей просьбой дать ей место именно в этой 12 книжке, не откладывая ее до будущего года, ибо последнее поставило бы меня в чрезвычайно затруднительное положение. Вместе с тем, считаю долгом выразить Вам свою признательность за то благосклонное внимание, с которым Вы относитесь к моим литературным работам.

Кроме того, покорнейше прошу не отказать мне в напечатании в этой же 12 книжке, — где-нибудь в свободном месте, — объявления о выходе моего издания «Крестьян-присяжных», чем премного обяжете меня.

Затем надеюсь, что, как было это и раньше, редакция сделает распоряжение о заготовке для меня 5—6 оттисков статьи.

Что же касается выдачи мне как их, так и будущего следовать гонорара, — то я поспешу в свое время уведомить об этом редакцию, — так как я еще наверное не знаю, останусь ли до того времени во Владимире, ибо рассчи-

тываю около Рождества приехать в Петербург, и, может быть, лично иметь удовольствие явиться к Вам.

С истинным почтением, имею честь быть,

готовый к услугам

Н. Златовратский

Владимир губ<ернский>
1875 г. 14 ноября

Прилагаю текст объявления, если Вы сочтете возможным дать ему место в От<еч.> Зап.:

Поступила в продажу новая книга

Бытовые очерки:

I.

Крестьяне-присяжные.

Н. Златовратского.

Цена 1 рубль.

<5>

<27 апреля 1876 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

До сих пор я не имел удовольствия видеться с Вами лично, и, как кажется, этому не суждено случиться до вероятного Вашего отъезда на лето из Петербурга. А между тем я придаю этому обстоятельству очень важное для меня значение. Меня, впрочем, еще утешало отчасти Ваше обещание написать мне, но и этого я не дождался. Волей-неволей приходится опять письменно просить Вас об исполнении этого обещания. Позволяю себе надеяться, что Вы не откажете сообщить мне Ваш отзыв о моих «Устоях» [1], который даст мне возможность вновь приступить к прерванной работе с большей энергией и любовью или же отказаться от обработки в драматической форме, а может быть и совсем, если это, по Вашему отзыву, мне не по силам. Позвольте мне надеяться также, что в письме своем Вы не откажете не только в общем отзыве, но, если найдете достойным, то и в некоторых частных указаниях.

Вместе с тем, благодарю Вас за внимание к моим просьбам; я надеюсь, что «Артель» моя появится, наконец, после столь долгих моих ожиданий, в майской книжке, в которой Вы, может быть, найдете возможным поместить и небольшое объявление об отдельном издании «Крестьян-присяжных».

С глубоким уважением имею честь быть

Н. Златовратский

Извините — писать сам не могу [2].

27 апреля 1876 г.
СПБ

P. S. Кстати, позвольте просить Вас сделать распоряжение о доставлении мне корректурных листов, а после и нескольких оттисков «Артели», и вместе, за минованием надобности, возвратить рукопись «Устоев».

[1] «Устои. История одной деревни» — это основное произведение Златовратского было напечатано в «О. З.» 1878, V, X, XII, 1880, X, XI и 1882, III, V, VI, VIII, XI.

[2] На заседании Комитета Литературного фонда 1 марта 1876 г. была доложена записка Некрасова к В. П. Гаевскому с просьбой послать доктора больному Златовратскому, приехавшему в Петербург (см.: Некрасов, V, 566).

В. Р. ЗОТОВ

Владимир Рафаилович Зотов (1821—1896) — писатель и журналист, автор многочисленных драм, романов, историко-литературных и критических статей; в 40-х годах редактировал «Литературную Газету» и «Театральную Летопись», а позднее «Иллюстрацию» и др. издания. Некрасов был знаком с ним с начала 1840-х годов. Этот ранний период их отношений нашел некоторое отражение в воспоминаниях Зотова — «Петербург в 40-х годах» («Исторический Вестник», 1890, I—VI). На протяжении 40—50-х гг. Зотов неоднократно выступал в печати с весьма сочувственными Некрасову литературно-критическими отзывами (см. об этом сообщение А. Аникиной «Забытые отзывы о Некрасове...» в «Лит. Наследстве», т. 53—54). С 1873 г. Зотов состоял секретарем газеты Краевского «Голос» и уже в силу этого обстоятельства должен был встречаться с Некрасовым. О дружеском характере их встреч этого времени можно судить по неоконченному письму Некрасова к Зотову от 21 февраля 1874 г. (Некрасов, V, 521).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 38).

10 сент⟨ября 1875 г.?⟩

В первых числах июля, по просьбе В. И. Головина [1], я послал Вам, уважаемый Николай Алексеевич, его статью «Рунеберг [2] и финская поэзия». Будьте так добры — сообщите, что с нею сталось.

Искренно уважающий Вас

В. Зотов

Рукою Некрасова: Статья о Рунеберге не совсем идет к «Отечественным Запискам». Извините, она у меня в деревне: я привезу ее на-днях.

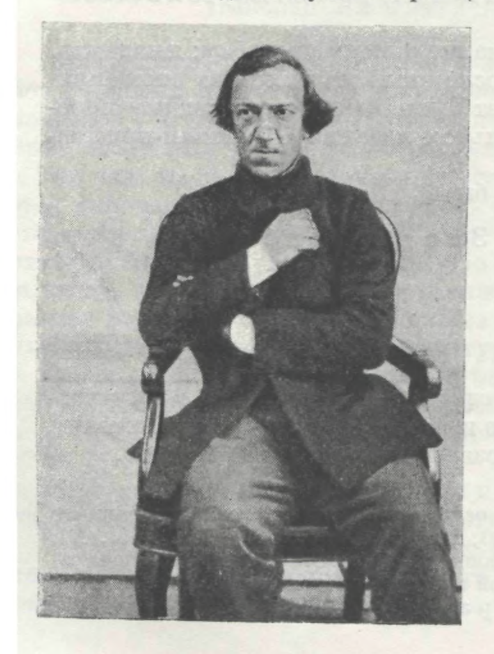
Н. Некрасов

На 3-м л. рукою Некрасова: А. А. Головачев. Черн⟨ышев⟩ пер., д. Мартынова

На 4-м л. рукою Зотова: Николаю Алексеевичу Некрасову от В. Зотова

[1] Владимир Иванович Головин (1835—1892) — переводчик со шведского и финского; свой критико-биографический очерк о Рунеберге напечатал в «С.-Петербургских Ведомостях», 1875, №№ 276, 281, 302, 309 и 316. Если это та же статья, которую Зотов рекомендовал Некрасову, то данное письмо датируется 1875 г.

[2] Иоганн-Людвиг Рунеберг (1804—1877) — известный финский поэт.

В. Р. ЗОТОВ

Фотография 1860-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

А. М. ИВАНОВ

Никакими биографическими данными о второстепенном писателе-беллетристе 50—60-х годов Андрее Максимовиче Иванове мы не располагаем. Известно лишь, что он напечатал в донекрасовских «Отеч. Зап.» следующие произведения: «Сны и действительность. Записки землемера» (1865, VIII), «Гладиатор нашего времени. Сцены» (1862, IV) и рассказ «Дорога» (1862, II).

Письмо печатается по автографу ИЛИ.

М. Е. САЛТЫКОВУ

⟨1 апреля 1873 г.⟩

Милостивый государь
Михаил Евграфович,

Извините великодушно, что беспокою Вас. Но какой-то сильный голос говорит мне, чтоб я просил Вас и непременно Вас, а никого другого — быть крестным отцом моего Городничего, которого при сем честь имею представить Вам; будьте ласковы, не откажитесь принять его.

Он немножко сродни Вашим героям — тип, конечно, старый, хотя и не помнится, чтоб он кем-нибудь был отчеканен отчетливо — это, может быть, потому, что окончательно он выяснился только в последнее время, при новых формах. И ничего, кажется, что я изобразил его в старых — они устоялись хорошо и попрочней будут.

Если бы Вы знали, чего он стóит мне! Очень будет жаль, если корм не в коня пошел. Но нет худа без добра: я, по крайней мере, буду знать — быть ли мне литературным работником или — как говорилось в старину — изгрызть свое перо и заняться службишкой поскромнее (это для меня, в настоящее время, гамлетовский вопрос)? Я уверен, что Вы скажете мне на этот счет крепкое и правдивое слово и тем избавите от добровольных мук литераторства (в моем положении, оно — действительно, мýка); потрудитесь, милостивый государь, хоть ради страстных дней поста, в добрую минутку, пробежать мой труд.

Я желал бы пристроить его в Отечест⟨венных⟩ Записках, в которых я печатался с 1858 г. до смерти С. С. Дудышкина (добрая ему память) и имею к ним детскую привязанность. И Николай Алексеич Некрасов (кланяюсь ему) немного знает меня — я еще должник его [1].

Да нельзя ли, добрый Михаил Евграфович (все так Вас называют, а я и подавно не могу думать иначе, что и дало мне смелость писать к Вам), прочитать мой рассказ не в очередь, а поскорее? Уж как мне совестно... Ни за что на свете не хотел бы я отрывать Вас от обычных занятий; но обстоятельства-то мои такие скверные-скверные, что не гнутся ни туда, ни сюда (они могли бы быть и сквернее, да уж некуда) и кричат криком... Если статья моя примется, то я надеюсь (до-зарезу ведь пришло) перехватить какой-нибудь десяток рублей у Николая Алексеевича, в счет гонорария за нее... конечно, если Вы будете так благосклонны, что примете на себя, в этом случае, посредничество. А уж как бы обязали меня этим — и сказать не умею!

На мои глаза и судя по тому, как я работал, Городничий мой не должен ударить себя лицом в грязь; но если, сверх чаяния (я прошу Вас покорнейше, в этом случае, не стеснять себя), он не может быть принят Вами, тогда отправляйте его прямо в контору, откуда я и получу его обратно, а меня не откажитесь уведомить, как в том, так и другом случае.

Я избил уж последние сапоги, бегая по газетным редакциям с небольшими статейками, и теперь мне буквально никуда не в чем выйти (изви⟨ни⟩те за цинизм), но десяток рублей, много пятнадцать, опять подняли бы меня на ноги.

Сделайте такое одолжение, милостивый государь, не оставьте моей просьбы... (Господи, что за мерзость! я и здесь чуть не прибавил: ради

страстных дней поста! До чего не доводит нужда человека, а говорят еще, что она помогает литераторам в их работах!), чем крайне обяжете

глубоко уважающего Вас и желающего от души быть

Вашим преданным и покорным слугою
А. Иванова

Адрес мой: Выборгской части, 1-го участка, на Астраханской улице, дома № 6-й (Колобова), квартиры № 2-й, спросить Андрея Максимовича Иванова.

1 апреля 1873 г.

[1] Рассказ «Городничий» в «О. З.» напечатан не был. Ответное письмо Салтыкова неизвестно. Когда и по какому случаю Иванов стал «должником» Некрасова — установить не удалось.

Е. П. ИВАНОВА

Письмо Е. П. Ивановой, судя по адресу — купчихи, представляет некоторый бытовой интерес как свидетельство широкой популярности Некрасова даже у очень мало культурных читателей.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 203, № 75).

⟨18 мая 1876 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Во-первых, засвидетельствую нижайшее Вам почтение. Лично неизвестная Вам особа. А, во-вторых, прибегаю за советом и даже за наставлением в литературе, так как я совершенно не специальна в том, как, например, должно предать печати, так же и пустить в свет и продажу, какое-либо сочинение — стихи или прозу.

Но, главное, покорнейше прошу я Вас, Николай Алексеевич, будьте настолько добры, прочтите прилагаемые к сему письму мои стихотворения как беспристрастный цензор и отпишите мне, что Вы признаете ли за мною талант, потому что такого великого поэта, как Вы, мне цензура необходима — и я буду ожидать ее, как приговора. А иначе мне не к кому обратиться и прошу убедительно Вас извинить меня, что я утруждаю Вас. Ваши стихотворения я много читала, но адрес к Вам я узнала из газет, и так обрадовалась и ободрила себя надеждою, что, может быть, я найду в Вас доброго наставника. За сим нижайше кланяюсь и остаюсь в ожидании ко мне Вашего добрейшего непременного ответа.

Уважающая Вас девица
Екатерина Павловна Иванова

1876 г.
Мая 18

Адрес ко мне — пишите так: в г-д Павловск, в первую часть, в Зверинецкую улицу, в дом № 87 наследницы Ивановых.

Г-же Екатерине Павловне Ивановой.

К. Д. КАВЕЛИН

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) принадлежал к числу старых знакомых Некрасова. Был сотрудником «Современника» в 40—50-х гг.

Дружеский тон печатаемого письма Кавелина отнюдь не отражает истинного отношения его автора к Некрасову. По собственному признанию Кавелина, он еще в 1847 г. обвинял Некрасова в «литературном кулачестве и гостинnодворчестве». Публикуемое письмо относится к октябрю 1874 г., февралем которого Кавелин пометил свои «Воспоминания о Белинском», содержавшие столь оскорбительные суждения о Некрасове.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 41).

22 октября 1874 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Только вчера воротился я из загородной поездки и потому не мог до сих пор поблагодарить Вас за отзыв о моей статье[1]. Если б мне не думалось, что наше старое знакомство и сотоварищество по литературному фонду не осталось без влияния на Ваш приговор, то я бы гордился им и по свойственному всем авторам в мире тщеславию носился бы с ним всюду. Вы человек знающий досконально русскую публику, и Ваше мнение я считаю в этих делах безапелляционным. Отзыв одобрительный такого знатока придаст мне храбрости при публичном чтении, от которого я совсем отвык. Посмотрим, что будет. Я слышал, что собрание назначено на 8 ноября. Это пятница и будни. Пожалуй, никто не придет. Отчего бы не назначить воскресенье, когда все свободны? Хочу писать об этом Репинскому [2].

Еще раз спасибо Вам. Глубоко Вас уважающий

К. Кавелин

[1] Речь идет о статье К. Д. Кавелина «Философия и наука в Европе и у нас», читанной на собрании Литературного фонда 17 ноября 1874 г. Некрасов, ознакомившийся с статьей Кавелина еще до ее публичного чтения, писал к Кавелину 20 октября 1874 г.: «Я прочел Вашу статью и препроводил к Г. К. Репинскому. По моему мнению, эта статья как раз подходит к цели чтений на собраниях Общества. Я прочел ее с живым интересом... Немалое достоинство статьи составляет... постоянная ясность изложения. Я думаю, что она произведет эффект» (Некрасов, V, 541—542). Публикуемое письмо Кавелина и является ответом на это письмо Некрасова.

[2] Григорий Кузьмич Репинский (1834—1908) — известный юрист. В 1874 г. секретарь Лит. фонда, впоследствии сенатор.

К. Д. КАВЕЛИН
Фотография 1867 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

М. В. КАЗАКОВ

Михаил Васильевич К а з а к о в в литературе неизвестен.
Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 21.114/CXLVб11).

И. И. ПАНАЕВУ

〈9 декабря 1855 г.〉

Милостивый государь!

Извините, что я, не зная Вашего имени, принужден довольствоваться одним общим воззванием. Но это не умышленная невежливость при том высоком уважении, которое я имею к Вам, как к человеку ученому и стяжавшему себе лестное имя в числе первых благородных современных деятелей нашей литературы. Желая участвовать своими посильными трудами в Вашем прекрасном журнале, я обращаюсь к Вам с своей просьбой об этом. Будьте столь добры и внимательны, не откажитесь объяснить мне все условия, на которых могут быть приняты труды мои; ибо, говоря откровенно, я не могу участвовать без возмездия, не имея никаких средств к жизни. Как мне ни прискорбно выставлять на торг труды свои, но что же делать, должен покоряться необходимости. Если бы я имел средства к безбедной жизни, то никогда не подумал бы о вознаграждении себя за труды, которые для меня составляют приятную необходимость в жизни. Вероятно, не все сотрудники Вашего журнала люди богатые, а есть и из них бедные, которые участвуют тоже с вознаграждением за труды свои, а потому Вам легко будет написать условия мне, на которые я, если они доставят мне возможность трудиться, отвечу полной готовностью и присылкою к Вам какой-нибудь статьи, так как у меня есть несколько написанных, хотя еще не приведенных в порядок. Причина же, по которой я избрал именно Ваш журнал для помещения трудов своих, есть та, что глубоко уважаю как Вас, так и господина Некрасова и люблю искренно Ваш журнал, который есть украшение нашей литературной русской жизни. Ни один из редакторов всех выходящих у нас журналов не смог дать своему изданию и малейшей тени того благородного направления, той литературности, такого прекрасного состава, какими отличается Ваш журнал. Это не лесть и не похвала, но правда. Льстить я не умею, хвалить не берусь; но понимать и различать прекрасное могу безошибочно. Я до сего времени имел истинное удовольствие, раз в месяц, читать Ваш журнал, который выписывал здешний штатный смотритель. Но теперь, к прискорбию, должен лишиться этого удовольствия. Сам выписывать я не в состоянии, а штатный смотритель, по совету з д е ш н и х ч т е ц о в, падких на новенькое, хочет получать Русский Вестник. Судя по объявлению этого желающего родиться журнала, можно ожидать от него многое, так как в числе имен бесчисленных сотрудников есть имена, стоящие высоко в литературе и достойные полного уважения; но еще неизвестно, что будет впереди. Это покажет время. Случалось, что «гора разрешалась мышью». — Еще раз обратившись к Вам с просьбой не оставить моего желания без внимания, имею честь быть, с истинным душевным уважением и всегдашнею готовностью служить,

Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга

Мих. К а з а к о в[1]

1855 года, декабря 9 дня,
Г. Цивильск

Адрес мой: Его благородию, Михаилу Васильевичу Казакову, в Цивильск, Казан〈ской〉 губ.

[1] **Никаких статей М. Казакова в «Совр.» не появлялось.**

П. И. КАПНИСТ

Писатель, поэт и переводчик, но в первую очередь крупный чиновник цензурного ведомства и впоследствии редактор «Правительственного Вестника», граф Петр Иванович Капнист (1830—1898) познакомился с Некрасовым в самом начале 60-х годов, когда переехал в Петербург из Москвы, где был в 1855—1860 гг. цензором Московского цензурного комитета. Здесь прежде чем занять в 1865 г. пост правителя дел Главного управления по делам печати (при первом его начальнике М. П. Щербинине), Капнист служил чиновником особых поручений, сначала у министра народного просвещения А. В. Головкина, а затем у министра внутренних дел П. А. Валуева. Его служебные обязанности состояли преимущественно в изготовлении так называемых «царских обозрений», т. е. обозрений газетных и журнальных статей по определенным вопросам, регулярно представлявшихся Александру II.

В 1864 г. Капнист, по поручению Валуева, принял участие в составлении конфиденциально изданной Министерством внутренних дел в следующем 1865 г. книги «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие». Обозрение беллетристики в этом секретном издании (трактовавшемся как своего рода официальное руководство для политического контроля органов самодержавной власти в области литературы) принадлежало П. А. Вяземскому, обозрение драматических произведений — Б. М. Маркевичу и поэзии — П. И. Капнисту*.

В «Воспоминаниях» дочери Капниста, содержащих ряд упоминаний о взаимоотношениях ее отца с Некрасовым, читаем:

«Служба Капниста... дала ему случай познакомиться со многими писателями, а с некоторыми и сойтись. Он встречал почти всех литераторов того времени, а ими много ценилось влияние в цензурном ведомстве такого человека, каким был Капнист. Таким образом, составился кружок интересных знакомых. У него часто обедали: Гончаров, Некрасов, Жандр, Полонский, Маркевич. Щербина, с которым Капнист сошелся еще в Москве, бывал постоянно... Любя страстно и, если можно так выразиться, «на деле» чистую поэзию, Капнист в своих критиках требовал и от других поэтов искреннего отношения к лирике и не прощал им никакой тенденции в стихах. Особенно часто препирался он с Некрасовым насчет направления последнего в поэзии» («Воспоминания о графе Петре Ивановиче Капнисте его дочери Инны Капнист». — П. И. Капнист. Собр. соч., М., 1901, ч. I, стр. CXVI—CXVII и CXXX).

Свой взгляд на Некрасова как на поэта «тенденциозного направления», одного из «перелагателей социализма и пауперизма на русские нравы» Капнист подробно изложил в своем упомянутом обозрении лирической поэзии (см.: П. Капнист. Цит. соч., ч. II, 408—409). Очерк этот представляет известный интерес как один из документов той идейно-политической борьбы, которую вели с Некрасовым официальные сферы самодержавия. Ту же задачу идеологической контрпропаганды, направленной против революционной «тенденциозности» некрасовской поэзии и на «эстетическое» переосмысление ее отдельных элементов, преследовало, объективно, и то — по словам дочери Капниста — «горячее жизненное участие, с которым Капнист относился к каждому новому произведению Некрасова, та страсть, с которой он говорил с ним о поэзии, искренно, художественно любуясь или строго порицая».

Публикуемое ниже письмо Капниста, интерпретирующее революционно-демократическую «декабристскую» поэму Некрасова, как призыв к «благодатному примирению» во времена «прискорбной междусословной розни» — яркая иллюстрация не столько

---

* Сведения эти, сообщаемые в Собр. соч. П. И. Капниста (М., 1901, I, стр. CXXV) и подтверждаемые в части авторства П. А. Вяземского автографической рукописью последнего, сохранившейся в «Остафьевском архиве» (ЦГАДА), устанавливают, в частности, что известная своей исключительной резкостью характеристика «Что делать?» Чернышевского, содержащаяся в упомянутом «Собрании материалов», принадлежит именно Вяземскому. До сих пор эта характеристика, как и вся книга в целом, ошибочно приписывались одному Капнисту (см., напр.: В. Евгеньев-Максимов. Последние годы «Современника». Л., 1939, 63).

ограниченности восприятия некрасовской поэзии Капнистом, сколько своеобразия применявшихся им методов борьбы с ее идейно-политическим содержанием.

Письма печатаются по автографам собрания К. И. Чуковского. Письмо 1 было опубликовано по копии В. Е. Евгеньевым-Максимовым в «Красной Ниве», 1928, № 1, письмо 2 публикуется впервые.

⟨1⟩

⟨26 января 1873 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Я давно не имел чести быть у Вас; сегодня же, вероятно, явился бы; только не гостем, а должником и просителем. Но я болен, не выхожу и потому — решаюсь писать.

Вчера вечером я прочел с женой моей в последней книге «Отечественных Записок» Вашу «Волконскую» [1]. Чудная вещь! Высокая поэзия и высокий подвиг современного русского поэта! В теперешнее время прискорбной междусословной розни нашей Вы нашли благодатное примирение, изобразив, как великая скорбь вызывает великое чувство, свойственное русской душе, заглушенной мелочными условиями света, и как в этой скорби и в этом чувстве высшие и низшие слои общества сливаются в бесконечной божественной любви...

И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...

Читая эту пьесу, жена моя и я не могли удержать слез и вместе испытали чувство истинного наслаждения прекрасным произведением беспристрастного художника.

Считая себя за это Вашим должником, прошу Вас принять мою глубокую благодарность.

Теперь является скромный проситель. Во время óно, Вы подарили мне 3 тома Ваших стихов с лестной для меня надписью. Истинно дорожу я этим подарком и храню его тщательно. Тем не менее, грешный человек, если б я мог получить от Вас оттиск этого славного стихотворения («Русские Женщины») — ценою тех трех томов, то — не задумался бы... Простите мою откровенность, если она Вам неприятна... Между тем, кто знает, когда выйдет новый том Ваших стихов с этой последней пьесой; а если б Вы теперь не отказали дать мне (если можно) оттиск, то я был бы счастлив. Славный подарок моей жене и драгоценное напутствие в жизнь моим двум дочерям, когда они вырастут!.. [2]

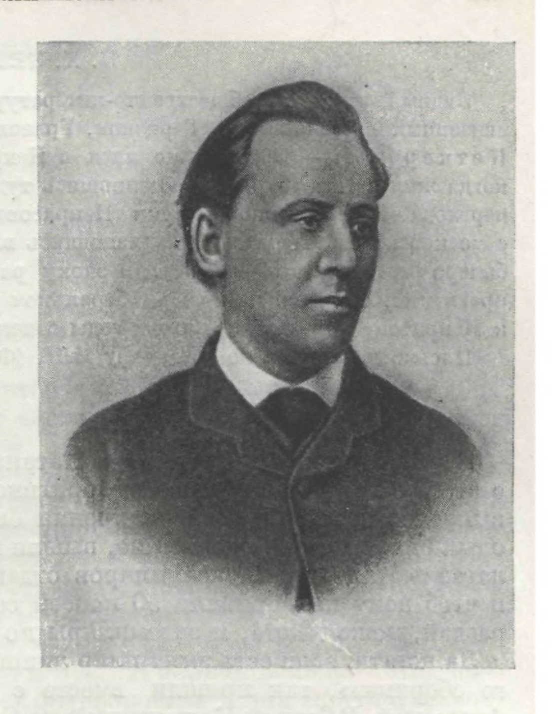
С искренним почтением и преданностью имею честь быть

Ваш покорнейший слуга
Петр Капнист

26 января 1873 г.

[1] «Русские женщины. II. Княгиня Вол⟨кон⟩ская. Бабушкины записки». — «О. З.», 1873, I.

[2] Ср. в «Воспоминаниях о графе Петре Ивановиче Капнисте его дочери Инны Капнист»: «Когда в печати появились „Русские женщины", несмотря на утомительную дневную работу, Капнист поздно вечером прочел жене своей эти прекрасные поэмы. После чтения он долго волновался, говорил. Вся ночь пролетела в восторженном наслаждении поэзией; а на другой день он написал Некрасову о захватившем его всего впечатлении. Капнист никогда не скрывал ни своего восторга, ни своего негодования» (П. И. Капнист. Цит. соч., ч. I, стр. CXXX).

П. И. КАПНИСТ
Фотография 1870-х гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

⟨2⟩

⟨26 апреля 1873 г.?⟩[1]

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Если Вам угодно провести у нас завтрашний вечер, то я и моя жена будем очень рады. У нас будет кое-кто из наших близких знакомых.

С совершенным уважением имею честь быть

готовый к услугам
П. Капнист

26 апреля
Четверг

[1] Датируется предположительно по сходству бумаги и чернил с предыдущим письмом.

Н. Х. КЕТЧЕР

Видный участник общественно-литературной жизни «сороковых годов», близко связанный с Белинским, Герценом, Грановским и др., Николай Христофорович Кетчер (1807—1886) познакомился с Некрасовым, повидимому, в 1843—1845 гг., когда жил в Петербурге, переселившись туда на короткое время из Москвы. После перехода «Современника» в руки Некрасова помогал последнему в его сношениях с московскими литераторами. Лишившись влияния Белинского и Герцена, Кетчер быстро правел и в 50—60-е гг., в эпоху размежевания общественных групп и направлений, оказался на право-либеральном фланге движения. К «Современнику» и к Некрасову он относился в эти годы с нескрываемой враждебностью.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 203, № 76).

〈Москва, сентябрь 1847 г.〉 [1]

Любезный Некрасов.

Посылаю тебе вторую часть «Натана», хотя и не знаю, как вы сладите с этой книгой [2]. Посылаю еще оригинал «Кориолана» и семь обрезанных выпусков в цензуру для получения билета на выпуск. Когда получишь оный билет, сделай одолжение, вышли как можно поскорее ко мне, а прилагаемые пятьдесят экземпляров отдай в контору Языкова на комиссию и чтоб цену им объявили 50 копеек серебром, как значится на обертке; раздай, пожалуйста, и экземпляры по означенным на них надписям.

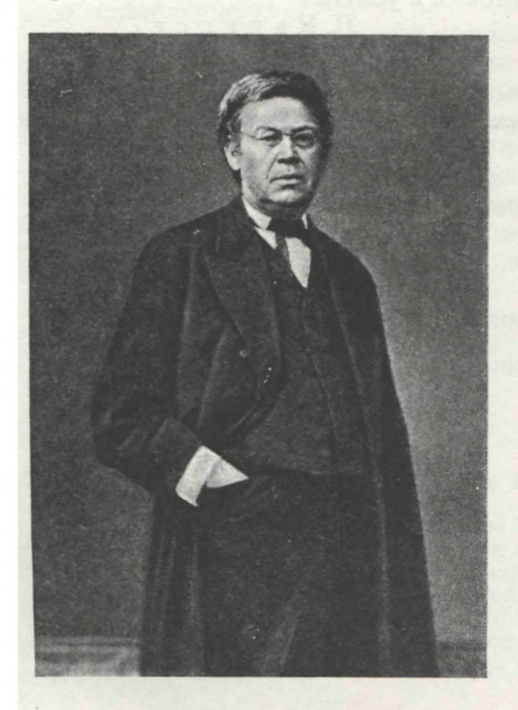
Да кстати, если есть экземпляр лишний изданного тобой «Петербургского сборника», так пришли вместе с билетом на выпуск «Кориолана». Адрес мой: В Старой Конюшенной на Сивцевом овражке в доме Матвеевой.

Кланяйся всем.

Кетчер

[1] Письмо Кетчера датируется по упоминанию выпускаемого в свет «Кориолана» Шекспира. Ценз. разр. — 29 сентября 1847 г. См.: Шекспир. Пер. с английского, ч. IV, вып. 15, СПб., 1847 (дата на титульном листе IV части — 1843 г. — не совпадает с датами входящих в эту часть выпусков).

[2] В литературе о Кетчере это — первое указание на то, что он переводил «Натана Мудрого» Лессинга. Но судьба перевода неясна. Во всяком случае, в «Совр.», перевод Кетчера не появился.

Н. Х. КЕТЧЕР
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

И. А. КОВАЛЕВСКИЙ

Имя Ипполита Антоновича Ковалевского в литературе неизвестно. В «Отеч. Зап.» его «обличительные» корреспонденции из Обояни напечатаны не были.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 39).

4 мая 1870 г.
г. Обоянь, Курской губ.

Милостивый государь,

Сообщая в прошлом письме о некоторых фактах из жизни города Обояни, я забыл попросить Вас умолчать (если найдете нужным отпечатать сообщенные в помянутом письме факты) о месте действия; почему я прошу об этом, мне кажется понятно само собою.

Кстати, вот еще курьез, впрочем, довольно грустного свойства. Несколько месяцев назад земство наняло акушерку и к ней помощницу, сделав это разумеется с завязанными глазами. Случай устроил так, что как акушерка, так и ее помощница оказались весьма порядочными женщинами, но одна беда — обе нигилистки, т. е. обе ходят без кринолина и с остриженными волосами. Этих двух признаков было достаточно, чтобы возбудить подозрения в «столпах» и представитель (о котором я писал прежде) заявил, что он не потерпит, чтобы в его уезде и т. д.

Теперь, говорят, обе они оставляют места... Я не знаком лично с этими особами и потому не могу Вам сообщить подробностей и тех причин, по которым они решились оставить должности, но, как слышал от людей сведущих, слово «нигилизм» играет тут весьма видную роль.

Примите уверения в совершенном уважении покорного слуги.

И. Ковалевский

P. S. Если пожелаете, я могу и на будущее время иногда писать Вам, потому что за материалами, как кажется, тут дело не станет: ⟨...нрзб⟩, но о сохранении секрета прошу и ныне и присно и т. д. Может быть, мое первое письмо затерялось, поэтому сообщаю свой адрес: Ипполиту Антоновичу Ковалевскому, штабс-капитану 123-го пехотного Козловского полка. В г. Обоянь.

П. М. КОВАЛЕВСКИЙ

Поэт, беллетрист и художественный критик Павел Михайлович Ковалевский (1823—1907) был одним из самых давних знакомых Некрасова. Если верить точности его воспоминаний, то он впервые встретился с Некрасовым в конце 30-х или в самом начале 40-х годов, одним словом, еще тогда, когда Некрасов щеголял «в глубокую осень в легком пальто и ненадежных сапогах, помнится, даже в соломенной шляпе с толкучего рынка» (П. М. Ковалевский. Стихи и воспоминания, СПб., 1912, 270). В годы «Современника» знакомство Ковалевского с Некрасовым упрочилось, в особенности после их совместного пребывания в Риме в 1856 г., где они часто встречались. В 1857—1859 гг. Ковалевский поместил в «Современнике» ряд путевых очерков, рассказов и стихотворений.

С переходом редакции «Отеч. Зап.» в руки Некрасова, Ковалевский был близок к тому, чтобы стать постоянным сотрудником журнала. Он вел на страницах «Отеч. Зап.», под псевдонимом «Петербургский житель» и анонимно, театрально-музыкально-художественные обозрения и поместил значительное количество стихотворении.

Однако сравнительно интенсивное сотрудничество Ковалевского в некрасовском журнале не сделало отношения их прочными. Вскоре Ковалевский ушел (а может быть, вынужден был уйти) из «Отеч. Зап.». Его либерализм и эстетизм плохо гармонировали с направлением журнала.

В 1876 г. Некрасов в текст своей поэмы «Современники» («О. З.», 1876, I) ввел несколько язвительных стихов о Ковалевском, намекавших на какие-то связи его с дельцами-плутократами:

Экс-писатель бледнолицый
Появился Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов.
И друзьям поклон собрата
Из Италии привез...

Ковалевский не остался в долгу и в своем стихотворном обращении к Некрасову в резкой форме коснулся отношений Некрасова к А. Я. Панаевой (в то время жены А. Ф. Головачева), якобы лишенной им всякой материальной поддержки, что, как известно, не соответствовало действительности:

Экс-писатель бледный
Смеет вас просить
Экс-подруге бедной
Малость пособить.
Вы когда-то лиру
Посвящали ей,
Дайте ж на квартиру
Несколько грошей.

(Приведено, со слов А. Ф. Кони, К. И. Чуковским в его книге «Жена поэта», П., 1922, 37).

Впоследствии же Ковалевский напечатал о Некрасове злые и недоброжелательные воспоминания, не лишенные, однако, некоторых метких наблюдений («Исторический Вестник», 1898, II—IV, перепечатано в изд.: Д. В. Григорович. Литературные воспоминания с приложением полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Вводная статья, ред. и примеч. В. Л. Комаровича. «Academia», Л., 1928, 414—452). Письма Некрасова к П. М. Ковалевскому впервые публикуются в наст. томе.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 40 и Ф. 203, № 77).

〈1〉

〈Петербург, 23 января 1868 г.〉[1]

Очень благодарен Вам, Николай Алексеевич, и за деньги (сто двадцать рублей), присланные Вами за мои статьи 1-го № «Отечественных Записок», и за самую книжку, которую возвращу по прочтении [2].

Я пишу статью о русской сцене вообще — драматической и оперной, но так как она распадается сама собою на две части (сперва драма, а потом опера), то для 2-й книжки берите только драму, кстати же эта часть будет и гораздо короче: отзыв о «Говорунах» (идут в пятницу), «Подруге жизни» и еще если что подвернется [3]. Опера будет предметом хорошей статьи — по крайней мере, мне это так представляется. О художествах едва ли что найдется сказать — разве вообще об их направлении в последний год (общий характер и указание на некоторые выдающиеся явления, бывшие на выставках — постоянной и годичной).

Жду Вашего решения по всему прописанному и сообразно с ним буду подвизаться.

Ваш П. Ковалевский

23 янв⟨аря⟩ 1868 г.

Приписка сбоку: К какому времени думаете выпустить книжку?

Л. 2 об.: Его в⟨ысокоблагородию⟩
Николаю Алексеевичу Некрасову
От П. Ковалевского

[1] Письмо Некрасова, на которое отвечает Ковалевский, публикуется в наст. же томе (см. раздел «Письма Некрасова»).

[2] В «О. З.», 1868, I, в разделе «Петербургские театры», были напечатаны две статьи П. М. Ковалевского: 1. «Итальянская опера в Петербурге» (подпись: Петербургский житель) и 2. «Василиса Мелентьева. Новая драма гг. Островского и ***» (без подписи).

[3] В статье «Последние новости русской драматической сцены» («О. З.» 1868, № 2) помещены отзывы о «Говорунах» Ипполита Александровича Манна (1824—1894) и «Разбойниках» Шиллера; «Говоруны» были напечатаны в «Русском Вестнике» за 1868 г. «Подруга жизни», оригинальная драма Петра Александровича Фролова (1828—1867), шла на сцене в сезон 1867—1868 гг. (А. И. Вольф. Хроника Петербургских театров в 1855—1881 гг. СПб., 1884, 28). Отзыва Ковалевского об этой пьесе нет.

⟨2⟩

⟨Гатчина, 2 июня 1874 г.⟩

Мы с Вами непозволительно давно не видались, добрейший Николай Алексеевич! Что скажете, если я завтра, в понедельник, нагряну в $4^1/_2$ часа?

Буде это Вам почему-либо не годится, дайте знать, по городской почте: в Главное Адмиралтейство, в Экспедицию материальной отчетности [1]. Я там буду до 3 часов.

Весь Ваш П. Ковалевский

2 июня ⟨18⟩74 г.
Гатчина

Л. 2 об.: Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу Некрасову
Литейная, дом Краевского

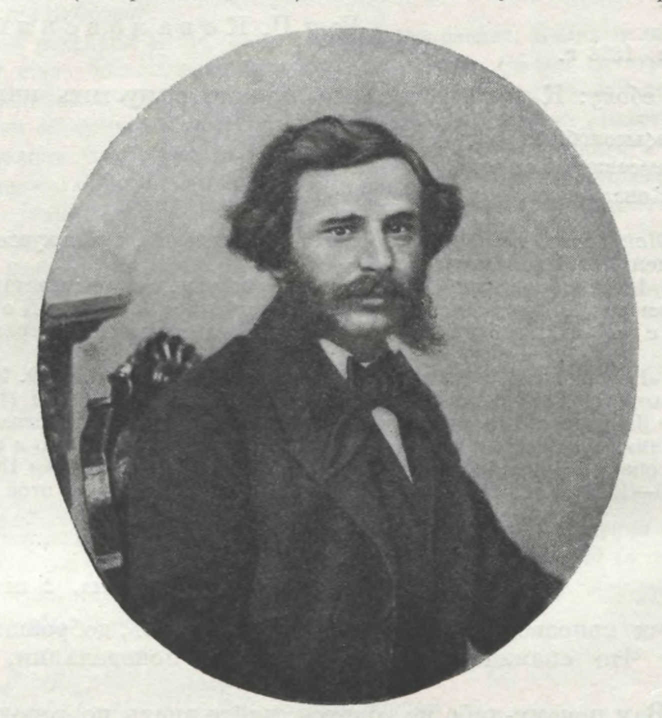
[1] П. М. Ковалевский занимал в Морском министерстве должность управляющего экспедицией для ревизии материальной отчетности.

Е. Я. КОЛБАСИН

С Некрасовым Елисей Яковлевич Колбасин (1831—1885) познакомился в конце 1840-х или самом начале 1850-х годов через И. С. Тургенева, своего близкого друга и корреспондента.

С тех пор и до своего поступления на службу в 1860 г. Колбасин был постоянным, хотя и второстепенным сотрудником «Современника», помещая здесь критико-библиографические статьи и рецензии, а также принимая иногда участие и в редакционной работе.

Известные воспоминания Колбасина о Некрасове и его окружении — «Тени старого „Современника"» («Совр.», 1911, VIII)—не во всем заслуживают доверия, представляя иногда вольную контаминацию беллетристической прозы Некрасова с ходившими о нем сплетнями и анекдотами.

Е. Я. КОЛБАСИН
Фотография 1850-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 43).

Симферополь, 9 декабря ‹1876 г.› [1]

Сегодня я посылаю в Департамент неокладных сборов мое прошение об отставке, поэтому спешу, дорогой Николай Алексеевич, предупредить Вас с целью, чтобы Вы попросили Салтыкова попросить у директора департамента барона Розена исходатайствовать мне скорее, а главное возможно бóльшую пенсию.

Как видите, дорогой Николай Алексеевич, лишение зрения вытесняет меня со службы, о чем местное начальство поспешило скорее отрапортовать высшему начальству, и меня причислили к Департаменту без содержания.

Правда, барон Розен настолько ко мне внимателен, что обещал мне пенсию от 600 до 700 рублей, но если Салтыков и Вы поговорите с ним хоро-

СЕЛО ПУТЯТИНО (ТЕПЕРЬ НЕКРАСОВСКОГО РАЙОНА, ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ), ПОД НАЗВАНИЕМ «КУЗЬМИНСКОЕ» УПОМЯНУТОЕ В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Фотография А. В. Попова. 1935 г.

БЫВШАЯ УСАДЬБА ПОМЕЩИКОВ ПОЛОЗОВЫХ В СЕЛЕ СПАССКОМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, УПОМЯНУТАЯ В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО» (ГЛАВА «ПОМЕЩИК»)

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

БАБА-ЯГА

КОСТЯНАЯ НОГА.

РУССКАЯ, НАРОДНАЯ СКАЗКА,

въ

СТИХАХЪ.

ВЪ ОСЬМИ ГЛАВАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
У Книгопродавца Василья Полякова.
1841.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ СКАЗКИ НЕКРАСОВА «БАБА-ЯГА КОСТЯНАЯ НОГА»
Издание 1841 г.

шенько, то от него будет зависеть попросить министра финансов увеличить вышеозначенную сумму, важнейшее и единственное подспорье для моей остальной жизни.

Вы понимаете, любезный Николай Алексеевич, всю важность и серьезность моей просьбы, поэтому распространяться мне нечего, и, ради бога, уговорите Салтыкова не медлить и оказать свое влияние на барона, который ему ни в чем не откажет [2].

Жму Вашу руку, в ожидании ответа

остаюсь любящий Вас
Е. Колбасин

P. S. Как-то Ваше здоровье, не премините, пожалуйста, написать мне в письме [3].

1 Датируется по времени выхода Е. Я. Колбасина весной 1877 г. в отставку с должности старшего ревизора Питейно-акцизного управления Таврической губернии (в Симферополе). См. «Адрес-календарь Российской империи» за 1876 и 1877 гг.

2 Барон Герман Оттонович Розен (1820—1884) — директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов, впоследствии сенатор; в 1861—1866 гг. Розен занимал пост управляющего акцизными сборами в Пензе. Там и произошло его сближение с Салтыковым, состоявшим в 1865—1866 гг. в должности управляющего Пензенской казенной палатой. Близкое общение Розена с Салтыковым привлекло даже внимание губернского жандарма, подполковника А. Глобы, и было отмечено в его донесениях в III Отделение.

3 Ни это письмо Некрасова, ни какие-либо другие письма его к Е. Я. Колбасину неизвестны.

Ф. А. КОНИ

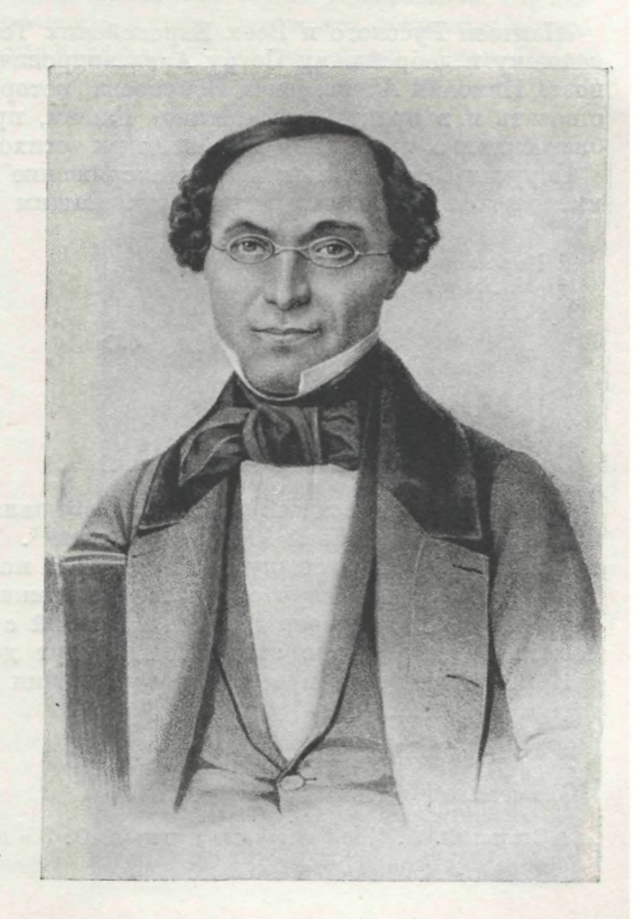
Публикуемые два письма крупнейшего водевилиста, театрального критика, издателя театральных журналов Федора Алексеевича Кони (1809—1879) разделены промежутком в тридцать пять лет.

В 1840 г., к которому относится первое письмо, Некрасов — начинающий поэт и литератор. Именно в эти первые годы жизни в Петербурге он особенно бедствует и везде ищет заработка. Как раз в 1840 г. он работает на книгоиздателя Полякова и пишет по его заказу ряд лубочных книжек — «Бабу Ягу», «Сказку о царевне Ясносвете» и несколько «детских водевилей». В феврале того же 1840 г. Кони привлекает Некрасова, автора только что вышедшей книжки стихов, к сотрудничеству в своем «Пантеоне Русского и Всех Европейских Театров» и одновременно снабжает его рекомендательным письмом к П. А. Корсакову, одному из двух редакторов нового журнала «Маяк современного просвещения и образованности». Оценивая эту попытку Некрасова стать сотрудником «Маяка» (это было именно его собственной попыткой — Кони, разумеется, лишь исполнял его просьбу о рекомендации), следует учесть два обстоятельства.

Во-первых, к тому времени «Маяк» только начал издаваться, и характер журнала еще не успел определиться —тот разгул юродства и мракобесия, который потом прочно связался с представлением о «Маяке», начал проявляться преимущественно позднее, во время предсмертной болезни П. А. Корсакова, когда журнал полностью перешел в руки пресловутого С. А. Бурачка.

Во-вторых, Некрасов сотрудником журнала, повидимому, все же не стал или его участие ограничилось полутехнической анонимной работой в отделе «Смесь».

В следующем году Некрасов окончательно связывает себя с прогрессивной журналистикой: «Литературная Газета» переходит в руки Ф. А. Кони, и Некрасов становится деятельным ее сотрудником. Одновременно он работает для сцены.

Ф. А. КОНИ

Литография М. Тюлева с рисунка Клюквина, 1840-е гг.

Театральный музей им. Бахрушина, Москва

Письма Некрасова тех лет показывают, насколько необеспеченным оставалось и в то время его положение, как ценил Некрасов возможность работы в «Литературной Газете» и какое значение имела для него поддержка Ф. А. Кони.

«Я помню, что́ я был назад два года, — пишет он Кони 16 августа 1841 г., — как я жил... я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи вашей... Я не стыжусь признаться, что всем обязан вам: иначе бы я не написал этих строк, которые могли бы навсегда остаться для меня уликою» (Некрасов, V, 50—52).

Второе публикуемое письмо Кони относится к 1875 г. За это время, с 1840 по 1875 г., Кони отошел от активного участия в жизни театра (последний водевиль был им написан в 1851 г.), лишился своих журналов («Пантеон» и «Репертуар русской сцены» прекратились в 1856 г.) и понемногу оказался в положении второстепенного литературного труженика. Некрасов же к этому времени был редактором наиболее влиятельного и передового журнала — «Отечественных Записок» и знаменитым поэтом.

Роли переменились: уже не Некрасов предлагает свою работу (с оговоркой: «если Вы еще удостоите принять мой труд в свою газету»), а сам Кони ищет работы. Его предложение очень скромно: переводы и извлечения. И очень характерно звучат его слова: «смею надеяться, что эти работы будут достойны Вашего журнала».

Письма печатаются по автографам ИЛИ: письмо 1 — в собрании «Русской Старины» (2728/а; не было напечатано Семевским «по незначительности содержания»), письмо 2 — в архиве А. Ф. Кони (Ф. 134, оп. 11, № 13).

⟨1⟩

П. А. КОРСАКОВУ

19 февраля 1840 г.

«Пантеон Русского и Всех Европейских Театров», рекомендуя почтеннейшему и добрейшему Петру Александровичу [1] молодого, талантливого поэта Николая Алексеевича Некрасова, который также не откажется участвовать и в прекрасном «Маяке» Вашем, просит покорнейше принять благосклонно экземпляр изданных им стихотворений [2].

Поручая себя в дальнейшее распоряжение Ваше, за честь считаю себе именоваться вернейшим почитателем Вашим

Ф. Кони

[1] Корсакову (см. вступит. заметку).
[2] «Мечты и звуки».

⟨2⟩

⟨8 октября 1875 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

При последней встрече нашей Вы обещали прислать мне корректурные листы статьи моей «Мертвые души» [1]. Так как я с тех пор переменил квартиру, то спешу сообщить Вам мой новый адрес.

Пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить Вам о моей готовности служить Вам для переводов и извлечений с немецкого и французского и смею надеяться, что эти работы будут достойны Вашего журнала.

Примите уверение в искреннем уважении Вашего преданного

Ф. Кони

8 октября 1875 г.

Знаменская гостиница, № 8.

[1] Статья Ф. А. Кони «Мертвые души» в «О. З.» не появилась.

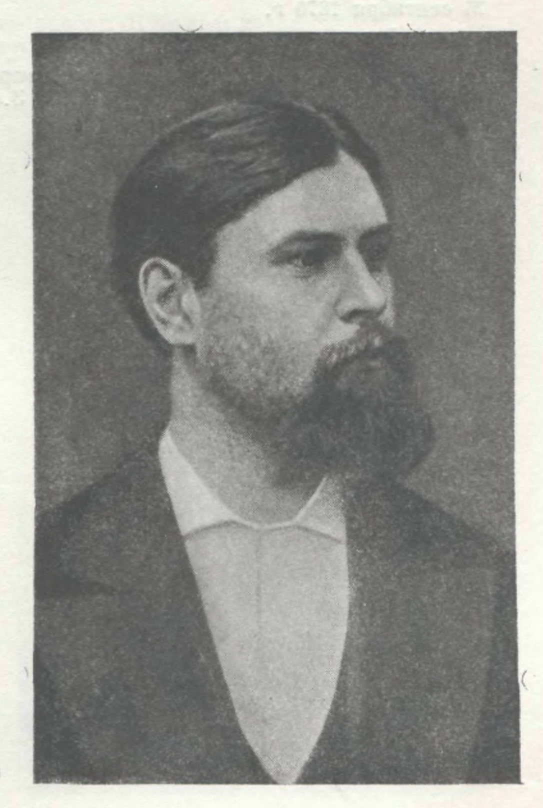
Ю. Г. КОРОЛЕНКО

Старший брат писателя, Юлиан Галактионович Короленко (1851—1904), в ранней молодости увлекался сочинением стихов, переводами и корреспондентской деятельностью. Печатался в «Биржевых Ведомостях» («Корреспонденции из Ровно»), в «Русских Ведомостях», в которых в течение многих лет состоял корректором и куда доставлял заметки для отдела московской хроники, и «Русской Мысли», где появился ряд его стихотворений. Однако Ю. Г. Короленко довольно рано отошел от писательской работы, несмотря на попытки В. Г., ценившего способности брата, побудить его продолжать литературные занятия.

Ю. Г. поддерживал некоторое время знакомство с участниками революционного движения. В 1879 г. он был арестован вместе с братьями, В. Г. и И. Г. Короленко, и заключен в Литовский замок, а по освобождении отдан под негласный надзор полиции.

Имя Ю. Г. не раз встречается на страницах «Истории моего современника». В частности, ему посвящена специальная глава книги: «Мой старший брат делается писателем», в которой излагается история публикуемого ниже письма.

«Однажды, — рассказывает В. Г. Короленко, — прочитав проспект какого-то эфемерного журнальчика, он <Ю. Г.> послал туда стихотворение. Оно было принято и даже, кажется, напечатано, но журнальчик исчез, не выслав поэту ни гонорара, ни даже печатного экземпляра стихов. Ободренный все-таки этим сомнительным «успехом», брат выбрал несколько своих творений, заставил меня тщательно переписать их и отослал... самому Некрасову в „Отеч. Зап.“. Недели через две или три в глухой городишко пришел ответ от „самого“ Некрасова. Правда, ответ не особенно утешительный. Некрасов нашел, что стихи у брата гладки, приличны, литературны, вероятно, от времени до времени их будут печатать.., но это все-таки только версификация, а не поэзия. Автору следует учиться, много читать, а потом, быть может, попытаться использовать свои литературные способности в других отраслях литературы». (Письмо Некра-

Ю. Г. КОРОЛЕНКО
Фотография конца 1870-х гг.
Собрание Н. В. Короленко-Ляхович, Москва

сова в печати неизвестно). «Брат, — добавляет В. Г. Короленко, — сначала огорчился, но затем перестал выстукивать стопы и принялся за серьезное чтение» (В. Г. Короленко. История моего современника, кн. I, М., 1935, 351—352; см. также по указателю).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 45).

⟨г. Ровно, 24 сентября 1870 г.⟩

Милостивый государь
Николай Александрович! ⟨!⟩

Считаю долгом извиниться пред Вами в том, что я осмелился, отнимая драгоценное Вам время, посвященное серьезным и многотрудным занятиям, обременить внимание чтением моих произведений, высланных в редакцию еще в начале настоящего месяца в двух конвертах; но в настоящее время решаюсь обеспокоить Вас вторично просьбой удостоить меня — по возможности в самом скором времени — ответом на прежнее письмо [1], имея в виду, в случае неблагоприятного результата, выигрыш во времени, нужном для того, чтобы успешно распорядиться возвращенными стихотворениями, сообразно моим намерениям (т. е. я понимаю уведомление о принятии или непринятии посланных произведений и, в последнем случае, свободное распоряжение ими) [2]. Прося извинения и в том, что они переписаны были нечетко и, повидимому, небрежно (оправдание в том я старался выразить, хотя отчасти, в прежнем письме) и еще раз убедительнейше прося не оставить меня без ответа сейчас же по получении настоящего письма, остаюсь

Вашим покорнейшим слугою
Ю. Короленко

P. S. Марка была приложена при первом письме.

24 сентября 1870 г.
г. Ровно

[1] Первое письмо Ю. Г. Короленко к Некрасову неизвестно.
[2] Стихотворения Ю. Г. Короленко в «О. З.» напечатаны не были.

Н. И. КОСТОМАРОВ

Николай Иванович Костомаров (1817—1885) стал сотрудничать в некрасовском «Современнике» еще в 40-х годах. В 1860 г., во время его ученого спора с Погодиным о происхождении Руси, кульминационным пунктом которого был публичный диспут 19 марта, «Современник», в лице Чернышевского и Добролюбова, энергично поддерживал Костомарова как представителя подлинной науки, вступившего в борьбу с рутинером и обскурантом. Однако события 1861 и начала 1862 гг., в частности та роль, которую сыграл Костомаров в так называемой «думской истории», оттолкнули от него Чернышевского и, надо думать, вызвали охлаждение между Костомаровым и редакцией «Современника».

В «Отеч. Зап.» сотрудничество Костомарова выразилось напечатанием статей: «Воспоминания о молоканах» (1869, III) и «Южная Русь и казачество до восстания Богдана Хмельницкого» (1870, I, II). Ему же принадлежит подписанная инициалами Н. И. К. статья «Новые документы, относящиеся к Северо-западной Руси» (1868, I и 1869, VIII).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 46).

〈28 марта 1875 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

В конце генваря Вы писали ко мне насчет «Кудеяра», но я в то время был без чувств и без памяти и потому о Вашем письме узнал только по выздоровлении [1]. Благодарю Вас за желание удостоить моего «Кудеяра» помещением в Вашем почтенном журнале, но еще перед постигшею меня болезнью я передал «Кудеяра» в другие руки [2]; поэтому мне остается только изъявить Вам готовность представить в распоряжение Ваше один из ближайших моих трудов в будущем.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении и преданности

готового к услугам Н. Костомарова

28 марта 1875 года

[1] Письмо Некрасова к Костомарову по поводу «Кудеяра» неизвестно.
[2] Роман Костомарова «Кудеяр» напечатан в «Вестнике Европы», 1875, IV—VI.

Н. И. КОСТОМАРОВ
Литография 1850-х гг.
Музей революции СССР, Москва

Н. К. КРАББЕ

Николай Карлович *Краббе* (1814—1876), генерал-адъютант, вице-адмирал, с 18 апреля 1860 г. до конца жизни управлял морским министерством. Краббе значительно усилил боеспособность флота (ввел броненосные корабли, создал минные отряды), преобразовал военно-морские учебные заведения и провел ряд других реформ.

Общение Некрасова с Краббе возникло и поддерживалось на почве охотничьих интересов.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 47).

⟨1⟩

⟨27 февраля 1862 г.⟩

Ежели Вы еще не покончили дела по устройству Стрельнинской охоты, то я попросил бы Вас, Николай Алексеевич, отложить его на нынешний год.

Поводом к этому послужило более серьезное и благоразумное размышление в экономическом отношении.

Мы оба едем за границу [1], да кроме того есть и Лахта, а потому пока не лучше ли ограничиться *на 1862* г. тем, что есть? Ежели Вы разделяете это предложение, то оставим на прежнем основании: т. е. с *1-го февраля 1862* внесем по-старому *сто* рублей.

Впрочем, при свидании поговоримте поподробнее и откровеннее.

Преданный Вам
Н. *Краббе*

27 февр⟨аля 18⟩62 г.

[1] Намерение Некрасова поехать в 1862 г. за границу не осуществилось, в связи с приостановкой «Совр.» и арестом Чернышевского.

⟨2⟩

⟨15 января 1868 г.⟩

Возвращаю Вам, благодетель Николай Алексеевич, письмо Макарова [1]. Надеюсь, что Мороз за меня отвечал раньше.

Доколе будут стоять свирепые холода, до тех пор нечего и думать об охоте.

Искренне преданный
Н. *Краббе*

15 января ⟨18⟩68 г.

[1] Личность Макарова не установлена. Упоминаемые в двух следующих письмах — Дмитрий Егоров и Елисей, вероятно, местные крестьяне-охотники.

⟨3⟩

⟨17 сентября 1868 г.⟩

К сожалению, я сам забыл название деревни, где мы с Вами охотились на зайцев.

Мне кажется, что было бы удобным послать к Дмитрию Егорову, который знает все места под Валдаем и, вероятно, легко отыщет деревню, где мы воевали с косыми.

Когда получите нужные сведения, то поделитесь со мною, может быть и мне удастся с Вами поехать.

Душевно Вам преданный
Н. *Краббе*

17 сентября ⟨18⟩68 г.

<4>

<4 октября 1868 г.>

Возвращаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, писульку Елисея и спешу прибавить, что намерен непременно ехать с Вами. — Помещение на железной дороге туда и обратно будет комфортабельное.

Душевно преданный Вам

Н. Краббе

4 октября <18>68 г.

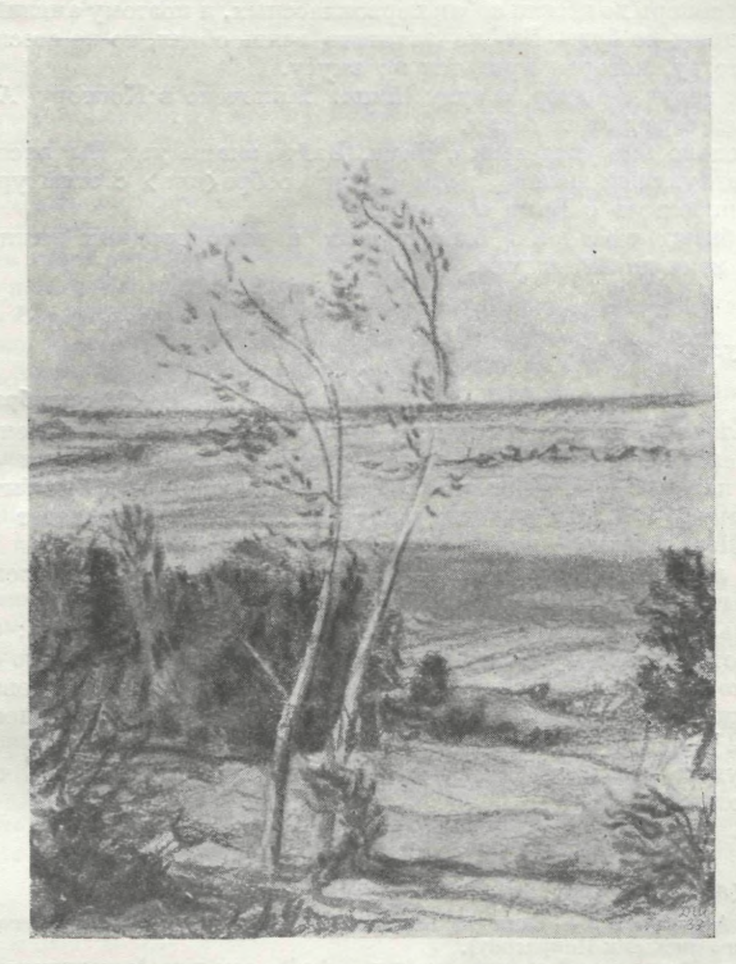

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ»
Пастель Д. А. Шмаринова, 1939 г.
Литературный музей, Москва

<5>

<30 августа 1870 г.>

Я был в отсутствии на охоте и потому не мог ни ответить, ни исполнить желание Ваше, дорогой Николай Алексеевич, относительно присылки собаки.

Сегодня вечером еду в Царское, ибо в понедельник доклад у государя; затем оттуда проеду в Павловск на дупелей и потому, к сожалению, не могу увидеться с Вами.

Пришлите за собаками ко мне на дачу, и их отдадут Вашему человеку. Пробуйте и берите любую, которая лучше и более Вам понравится, но для меня удобнее и сподручнее было бы, если бы Вы взяли обеих.

Собаки очень хороши, но они до сих пор еще не могут поправиться и окрепнуть в силах, после переезда из Англии, во время которого они были содержаны отвратительно. Кроме того, мне говорили люди, имевшие собак в Англии, что большею частью они начинают выказывать свои достоинства на другой год, когда свыкнутся с климатом и дичью и познакомятся с русскими людьми.

У меня теперь до десяти собак первоклассных, и поэтому английские для меня лишние; но буде Вы не захотите взять обеих, то не стесняйтесь и выбирайте ту, которая придется по вкусу.

Кобеля зовут Рендхер, а суку Шила. Заплочено в Контору Андерсона 435 рублей серебром за обеих.

Желательно мне увидеться с Вами. Дайте знать, как Вы распределите время на будущей неделе, дабы я мог сообра<зно> с этим урвать минуточку поболтать с Вами об охоте.

Итог убитых только благородных и высокородных птиц простирается у меня до 221 штуки.

Весь Ваш
Н. Краббе

30 авг<уста> <18>70 г.

<6>

<28 сентября 1870 г.>

К сожалению, теперь отменить или, лучше сказать, изменить день отъезда невозможно, ибо по железной дороге все распоряжения сделаны.

Потом, каждый день дорог, ибо в воскресение утром надобно быть здесь.

Об Асташеве [1] я Вам дал уже знать, и бог его знает поедет ли он и в среду. Лазаревский [2] может приехать к нам в среду.

Видите ли, что все препятствия устраняются, да и раз решившись нужно быть настойчивым.

Надеюсь, что Петр Иванович Сезеневский [3] поедет с нами; без него как-то охота не в охоту. Если нужно предписание, то я его даю ему.

Итак, не посетуйте на меня, почтеннейший Николай Алексеевич, если я, вопреки Вашему желанию, все-таки буду настаивать на поездке на завтра с $2^{1}/_{2}$-часов<ым> поездом.

Не забудьте взять портвейну и лимбургского сыру (сиречь человеческого продукта).

Душевно Вам преданный
Н. Краббе

28 сент<ября> 18<70> г.

[1] В. И. Асташев — один из знакомых Некрасова и товарищей его по охоте (см. выше его письмо к Некрасову).

[2] Василий Матвеевич Лазаревский (см. о нем и его отношениях к Некрасову «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 488—506 и в настоящем томе, стр. 357—372).

[3] Петр Иванович Сезеневский — морской врач, ездивший с Некрасовым за границу в 1869 г.

<7>

<6 декабря 1873 г.>

Поздравляю Вас, дорогой Николай Алексеевич, с ангелом и принимаю от Вас такое же поздравление.

Мне необходимо завтра, в пятницу, скрыться из дому по секрету, поэтому я употребил Ваше имя всуе и объявил, что я зван к Вам обедать. Сообщите об этом вашим к сведению.

Душевно Вам преданный
Н. Краббе

6 декабря <18>73 г.

А. А. КРАЕВСКИЙ

Андрей Александрович Краевский (1810—1889) на посту официального редактора «Отеч. Зап.» вовсе не был, как это иногда изображается, безобидной фигурой дельца-предпринимателя, чуждого всякой идеологической активности. В той борьбе за журнал, которую вел Некрасов, Краевский, являясь формально союзником демократического издания, которого он был собственником и которое номинально возглавлял, на деле был силой, враждебной тому общественному направлению, на службу которому были поставлены «его» «Отеч. Зап.» Некрасовым и Щедриным. Найденное и установленное Некрасовым, на почве материальных интересов Краевского, равновесие с этой враждебной силой нейтрализовало ее активность, но не уничтожало самую силу и требовало постоянного контроля над ней.

Не допуская Некрасова к официальному руководству «Отеч. Зап.» и сохраняя в роли «ответственного редактора» радикально-демократического органа Краевского, известного своим оппортунизмом и угодливостью перед властями, последние преследовали определенные цели. Его деловую (коммерческую) коалицию с революционно-демократической группой власти стремились использовать в качестве своего рода рычага для «сдерживающего воздействия» по отношению к наиболее организованной и опасной антиправительственной силе в тогдашней литературе.

Власти имели достаточное основание видеть в Краевском умного, гибкого и понимающего проводника своей политики и доверять ему.

Когда Краевский, пользуясь беззащитностью уже безнадежно больного Некрасова, «по собственному усмотрению», не дожидаясь формальных требований Цензурного комитета, изъял из ноябрьской книжки «Отеч. Зап.» за 1876 г. «Пир на весь мир», цензор Петров писал по этому поводу начальнику Главн. управл. по делам печати Григорьеву: «Извольте, ваше превосходительство, принять во внимание и, если нужно, заявить кому следует, что стихотворение вынуто было из книжки ⟨...⟩ не по требованию комитета, признавшего стихи запрещенными, а по усмотрению самого редактора... Краевский и на сей раз (как он утверждает и как мы будем иметь случай поверить) не обманул доверия...» (См. публ. Ю. Красовского «Из цензурной истории „Кому на Руси жить хорошо“» — «Лит. Наследство», т. 53—54).

Сохраняя с Краевским, как с собственником журнала, внешне корректные отношения, пользуясь его богатым журнально-издательским опытом и умением предупреждать и отводить цензурно-административные удары, Некрасов хорошо знал, с кем он имел дело. Дружеский тон переписки не должен, в этом смысле, вводить в заблуждение.

Публикуемые письма интересны главным образом тем, что содержат материал, иллюстрирующий практику вмешательства Краевского, как собственника издания, в редакционные дела журнала, в первую очередь в его «цензурное охранение».

Письма печатаются: 6-е и 7-е по автографам ЛБ (М. 5765. 34. 1 и 2), остальные по копиям В. Е. Евгеньева-Максимова.

⟨1⟩

2 марта ⟨1868 г.⟩

Вот Вам весь Каниш. Только, пожалуйста, непременно возвратите книгу [1].

Ваш Краевский

Сегодня Валуев отставлен и заменен Тимашевым, который остался и министром почт [2].

[1] «Каниш» — это, без сомнения, «Le prince Caniche» («Принц-пудель») французского публициста-сатирика, юриста и политического деятеля Эдуарда-Рене Лабуле (1811—1883). Русский перевод (частично изложение) этого острого памфлета, направленного против Наполеона III и бюрократически-централизованного режима Второй империи, был начат печатанием в «О. З.», 1868, II—«Новая волшебная сказка Лабуле».

[2] Отставка министра внутренних дел П. А. Валуева и замена его на этом посту А. Е. Тимашевым относятся к марту 1868 г. Это дает возможность точно датировать настоящую записку. О политике нового министра, приведенного к власти победой

крепостнической реакции в стране, его отношении к русской печати вообще и «Отеч. Зап.» в частности см. в работе: Б. Папковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия. — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 466—474.

⟨2⟩

⟨Весна 1868 г.⟩

Крестовской (Хвощинской) мы платили по 75 за лист, в уважение к таланту и крайней ее бедности [1].

Сегодня все утро мне придется провести в Думе на выборах; а завтра и послезавтра и т. д. я, по обыкновению, дома.

Ваш Краевский

[1] Надежда Дмитриевна Зайончковская (рожд. Хвощинская), печатавшая свои произведения под псевдонимом «В. Крестовский», являлась старинной (с 1850 г.) и деятельной сотрудницей «О. З.» Краевского, донекрасовского периода. О ее отношении к переходу журнала в руки новой редакции и сотрудничестве в реформированном журнале см. в публикуемых выше ее письмах к Некрасову и в комментариях к ним.

Эту записку Краевского мы датируем весной 1868 г., так как вопрос о том, какой гонорар следует платить Зайончковской, должен был, естественно, возникнуть при напечатании в «О. З.» новой редакции ее первого произведения; а таким явилась ее повесть «Два памятные дня», появившаяся в «О. З.», 1868, IV.

⟨3⟩

9 мая ⟨1868 г.⟩

Седьмая форма Живой Души не совсем потребна, Николай Алексеевич. Вот смысл очеркнутых мною фраз, как я их понял.

Некоторые из героев романа, вследствие того, что один из них, Загайный, шедший напролом, попался, приходят к убеждению, что действовать открыто в России пока еще нельзя: народ не приготовлен. Получив это убеждение, они решают, что им нужно и полезно захватить сперва в свои руки власть, заняв казенные должности, и одни уже принимают такие должности, а другие готовятся принести эту тяжелую жертву...

Ведь это почти то же, что известный польский катехизис...

Если я так понял — могут так же понять и другие. Думаю, что гораздо было бы лучше вычеркнуть эту (для иных комическую, а для других преступную) мысль из романа и бросить ее.

Ваш Краевский

В «О. З.» (1868, V) заканчивался печатанием роман М. А. Маркович (Марко-Вовчка) «Живая душа». Судя по тексту приведенного письма Краевского, его внимание было привлечено следующей тирадой «радикала» Квача: «Не имея в руках административной власти, действовать нельзя. В чем успели вы со всеми принесенными вами жертвами и положенными трудами? Народ неразвит и не узнаёт дружеского голоса; средний класс слишком испорчен и не хочет его слышать; высший, изнеженный и апатичный, только делает гримасу или улыбается, когда случайно этот голос долетит до него. Время проповедей миновало и наступило время повелений. Россия не хочет по доброй воле питаться здоровою пищею, надо заставить ее силою. Самоотверженно любящая мать силою оттаскивает своего ребенка от пропасти, не взирая на его крики и сопротивление. Сила и власть — единственно надежный путь... Этот новый путь, несмотря на видимый блеск и на кажущуюся легкость, будет путем страшных испытаний, но он приведет к желанной цели, и я избираю его. Наш народ в своей изумительной чуткости и стойкости давно решил, что „к дорогому кладу всякая дорога скатертью", и я повторил себе эти слова и поставил их законом».

Приведенный текст (начиная со слов «Народ неразвит...») отсутствует в «О. З.». Он был, несомненно, изъят из журнала и восстановлен автором в отдельном издании романа: «Живая душа». Роман Марко Вовчка. СПб., 1868. В типографии А. А. Краевского (на титульном листе посвящение романа, также отсутствующее в журнальном тексте: «Дмитрию Ивановичу Писареву. В знак глубокого уважения. 29 апреля 1868»).

Из публикуемого ниже письма Маркович к Некрасову явствует, что какие-то изъятые из 7 и 10 форм «Живой души» места текста автор намеревался восстановить, очевидно, договорившись об этом с Некрасовым. Но несомненно, что это удалось сделать лишь частично и не только для журнальной публикации, но и для отдельного издания, так

А. А. КРАЕВСКИЙ
Фотография 1865 г.
Центральный литературный архив,
Москва

как и в этом последнем текст романа носит на себе явственные следы механических купюр. Для упомянутого выше отдельного издания «Живой души» был использован журнальный набор романа.

⟨4⟩

17 октября 1868 г.

Вот письмо, по которому Островский получит от Соловьева 700 р.[1] Не можете ли добыть поточнее сведений, где видел Звонарев лишние экземпляры Живой Души? Припечатания в типографии не могло быть: тут должна быть кража, которую необходимо разыскать. Такой мерзости никогда не случалось и случиться не может. Пожалуйста, посодействуйте розыску.

Бильбасов[2] еще с мая месяца отдал в редакцию О⟨течественных⟩ З⟨аписок⟩ статью свою о Польше. Что с нею делается? Потрудитесь уведомить, если можно, сегодня.

Ваш Краевский

[1] Деньги эти—гонорар Островскому за комедию «На всякого мудреца довольно простоты», напечатанную в «О. З.», 1868, XI, выплата которого была поручена московскому комиссионеру журнала, книгопродавцу Соловьеву.

[2] Василий Алексеевич Бильбасов (1837—1904) — известный историк, родственник Краевского (зять) и его ближайший сотрудник по «Голосу» (фактический редактор). Статья Бильбасова о Польше в «О. З.» не появлялась.

⟨5⟩

⟨Около 16 марта 1870 г.⟩

Я согласен на отправку к Родионову 200 фр.[1] Напишите к нему письмо-расчет и пришлите мне, а я вложу в него вексель и отправлю.

За статью Щапова готовят, говорят, громы в Главном управл⟨ении⟩ по делам печати по наущению III Отделения. Нельзя ли с нею поостеречься?[2]

А Лавров надул-таки нас, удрав за границу [3].

Ахматова все бомбардирует меня письмами, прося прислать ей От<ечественные> Зап<иски> в обмен на ее Собрание романов [4]. Хотите?

Ваш Краевский

[1] Кто такой Родионов и за что были высланы ему (очевидно, за границу) 200 франков—установить с определенностью не удалось. Вероятно, однако, речь идет о Н. Л. Родионове — авторе повести «Обойденные» (напечатанной в старых «О. З.», 1861, I—II) и очерка «Наши похождения (из заграничных писем)», помещенного в «Библиотеке для Чтения», 1863, IV. В 60—70-х годах, живя за границей, этот Родионов присылал обозрения иностранной жизни в «Голос», которые печатались в нем как сообщения от «собственного корреспондента» газеты (см., напр., корреспонденции о бернской конференции «Лиги мира и свободы» в «Голосе» от 22 сентября/4 октября 1868 г.). В некрасовских «О. З.» за подписью Н. Л. Родионова ничего, однако, не напечатано. Инициалами «Н. Р.» подписан рассказ «Путевые воспоминания» в «О. З.», 1874, V—VI. Но данными, позволяющими утверждать, что криптоним этот принадлежит Н. Родионову, мы не располагаем.

[2] В «О. З.» (1870, III) начала печататься статья А. П. Щапова «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа». Третья книжка журнала вышла в свет 16 марта. Отсюда и датировка письма (ср. также след. примеч.). Это было первое выступление историка в некрасовском журнале, ошибочно отнесенное в «Указателе к „О. З." за 1868—1877 г.» к 1873 г., что породило путаницу и в литературе о Щапове.

[3] Побег П. Л. Лаврова за границу из Кадникова Вологодской губ., где он находился в ссылке, был осуществлен с помощью Германа Лопатина, в феврале 1870 г.

[4] Елизавета Николаевна Ахматова (1820—1904) — писательница и переводчица. С 1856 г. она издавала серию ежемесячно выходивших книг под названием «Собрание иностранных романов». Издание просуществовало 30 лет. См. выше публикацию двух ее писем к Некрасову.

<6>

<5 июля 1871 г.>

Сегодня уже 5-е июля; остается только десять дней до условленного нами срока отъезда к немцам. Поэтому являюсь к Вам с неотступным вопросом: едем ли мы, и если едем, то когда именно. Знать же мне это нужно теперь, чтоб успеть сделать множество необходимых распоряжений, ка̀к чему быть без меня; да, сверх того, надобно заявить главному управлению по делам печати, чью спину я подставляю вместо своей. Для всего этого нужно время... Пожалуйста, отвечайте тотчас же [1].

Жары и деннонощные хлопоты совсем доканали меня. Сидишь весь в поту, дышать нечем; ляжешь спать — словно на полку̀ в бане: жар стоит в душном воздухе комнаты — и нигде нет спасения. Очень бы в это время хотелось убежать из Петербурга куда ни попало; были и попутчики на Волгу; но меня связывало упование вырваться за границу, в море, как мы условливались... Итак, все-таки прошу о скорейшем ответе.

Июльская книжка «Отеч<ественных> Записок» почти окончена набором; выйдет около 9-го или 10-го июля; останется от нее на августовскую листов 14. Она вышла бы и раньше, да надо было отложить статью листа в 4 (о французской журналистике), о которой у нас шли долгие разговоры и переписка с Толстым, и потому я все-таки не решился печатать без Вас [2].

Итак, жду...

Ваш А. Краевский

[1] В ответном письме из Карабихи от 8 июля 1871 г. (Некрасов, V, 480—481) Некрасов, сообщая, что работает над поэмой («Княгиней Трубецкой»), которую надеется закончить к 1 августа, просил Краевского отложить проектированную совместную поездку за границу. 19 июля Краевский вновь писал Некрасову о том же деле (см. след. письмо).

[2] Речь идет о статье Варфоломея Зайцева. Некрасов отстоял ее напечатание, и она появилась в «О. З.», 1871, VIII: «Очерки французской журналистики. 1. Камилл Демулен» (без подписи). Опасения Краевского оправдались. На статью обратило внимание само III Отделение, усмотрев в ней «восхваление известных революционных деятелей: Демулена, Робеспьера и Дантона, а также великой первой французской революции и оправдание всех ужасов той революционной эпохи, совершенных народом». Цензору

Н. Е. Лебедеву, наблюдавшему за «О. З.», было сделано строгое замечание от имени министра Тимашева. Об отношениях, существовавших между «О. З.» и Ф. М. Толстым — членом Совета Главн. управл. по делам печати, см. «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 479—487 и ниже в наст. томе. Ср. также в настоящей публикации письмо В. Зайцева к Некрасову от 8 октября (27 сентября) 1871 г.

〈7〉

СПб., 19 июля 1871 г.

Итак, Вы приедете в последних числах июля. Верно ли это? Пожалуйста, уведомьте. Если верно, я буду ждать Вас с тем, чтоб уехать 1-го августа. Так и дела свои устрою [1].

Если же не верно и Вы просрочите, то сделайте одолжение, уведомьте меня теперь же, хоть по телеграфу (я заплачу́ за него). Дело-то в том, видите, что меня просто выпирает из Петербурга тоска и утомление; ехать одному решительно невозможно; есть попутчик из Москвы, собирающийся приехать в Петербург к 25-му июля с тем, чтобы выехать за границу 26-го или 27-го. Если Вы напишете мне, что мы с Вами наверно можем выехать 1-го августа, я откажу ему; если нет, должен буду поехать с ним, хоть это и не совсем весело: человек он достаточно скучноватый.

О Еракове, разумеется, ни слуху, ни духу. Говорят, он весь погружен в постройку дачи [2], так что едва ли поедет за границу.

Есть и еще надобность в Вашем скорейшем сюда прибытии. Мы с г. Курочкиным говорили о том, чтоб приложить к О〈течественным〉 З〈аnискам〉 полный отчет по нечаевскому делу, давая листов по 5, по 6 ежемесячно; но это составит листов 30—35 лишку* — издержка до того значительная, что без Вас не могу на нее решиться [3]. Сверх того, есть и статьи сомнительного свойства, о которых надобно бы потолковать. Да и вообще надобно нам вместе поурезать От〈ечественные〉 Записки.

Итак, отвечайте, пожалуйста, немедленно.

Ваш А. Краевский

[1] Некрасов вернулся в Петербург из Карабихи лишь около 10 августа и, пробыв здесь четыре дня, уехал на неделю охотиться в Чудовскую Луку (Ашукин, 391). За границу, вместе с Краевским, он не поехал.

[2] А. Н. Ераков, действительно, строил для себя летом 1871 г. дачу в Ораниенбауме.

[3] Этот план не был осуществлен. «О. З.» откликнулись на процесс статьями Щедрина «Так называемое Нечаевское дело и отношение к нему русской журналистики» (1871, IX) и Елисеева «Литературные заметки» (в той же книжке). Ср. в наст. публикации письма к Некрасову Н. Курочкина от 31 июля 1871 г. и В. Слепцова от сентября того же года.

〈8〉

〈17 или 18 августа 1871 г.〉

Поздравляю Вас с приездом [1]. Не худо бы повидаться и потолковать.

А вот Вам на первый раз запятая. По поводу так называемой стачки рабочих на фабрике Штиглица [2] было разослано во все редакции приглашение (на основании высоч〈айшего〉 повеления) остановиться печатанием статей об отношении рабочих к хозяевам вообще. На этом основании хотели задержать 8-ю книжку, так как в ней у Демерта рассуждалось об этом вопросе, но, чтобы не задерживать выхода книжек и не вырывать всей статьи, я просил указать места, не подходящие. Места указаны, исключены, и книжка вышла [3]. Теперь опять пришлют мне для 9-й книжки статью Международная ассоциация рабочих, где рассматривается тот же вопрос [4]. Что с ней делать? Не пошлете ли Вы ее к Толстому на предварительный просмотр. Может быть, и пройдет. А не спросясь печатать рискованно.

Ваш Краевский

* Стенограф не позволяет перепечатывать даром из Прав〈ительственного〉 Вестника; надо и ему будет заплатить.

[1] Некрасов вернулся в Петербург из Чудова 16 августа, книжка «О. З.» 1871, VIII вышла в свет 18 августа (Ашукин, 392).

[2] Известная стачка рабочих на большой кренгольмской мануфактуре (близ Нарвы), принадлежавшей Штиглицу, происходила в августе — сентябре 1872 г. Однако в данном случае речь идет о каких-то других событиях на фабрике Штиглица, происходивших летом 1871 г. Упоминание имени Ф. Толстого не позволяет датировать письмо 1872 г. Служба Ф. Толстого в Главном управлении по делам печати, а вместе с тем и его неофициальные отношения с редакцией «О. З.» окончились в октябре—ноябре 1871 г.

[3] Статья Демерта в «О. З.» (1871, VIII), из которой были сделаны изъятия текста, называлась «Признаки пробуждения наших сонных провинций».

[4] Статья «Международная ассоциация рабочих» в «О. З.» не появлялась. Автором ее был известный В. И. Танеев (1843—1921), называвший себя «анархо-коммунистом», знакомый и корреспондент Карла Маркса, который писал о нем М. М. Ковалевскому: «Г-н Танеев, которого Вы знаете и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа...» (Маркс и Энгельс. Сочинения, XXVI, 445). Статья Танеева о Первом Интернационале, деятельностью которого он пристально интересовался и которую высоко оценивал, поступила в редакцию «О. З.» по инициативе Салтыкова-Щедрина, с которым автор в эти годы был довольно близок. В неизданных воспоминаниях Танеева читаем по этому поводу: «Осенью 1871 года, после Парижской Коммуны, у меня были книги, которых еще не было тогда в Петербурге и на основании которых я написал для своего личного употребления небольшую „Историю Международного Общества рабочих“. Я прочитал ее Салтыкову, который уговорил меня дать ее для напечатания в „Отечественные Записки“. Через две недели мне ее возвратили „по цензурным соображениям“» (ЦГЛА. — Фонд В. И. Танеева. Ед. хр. 4394/158).

<9>

1 дек<абря 1871 г.>

Вчера, не зная, что заседание в печати <!> отложено до пятницы [1], я отправился к Шидл<овскому>, не застал его дома и накрыл в самом министерстве вн<утренних> дел. Он обещал снять запрещение на-днях и ни в каком случае не оставлять его до вступления Лонгинова [2]. Нельзя ли попросить В. М. Лазаревского каким-нибудь образом, хоть через Фукса, напомнить об этом в пятницу?

Ваш Краевский

Над текстом письма приписка карандашом Н. А. Некрасова: Что могу ответить на сие? Некрасов [3].

[1] Имеется в виду заседание Совета Главн. управл. по делам печати. Заседания Совета обычно происходили по вторникам. Так как 1 декабря 1871 г. приходилось на среду, то «вчера» и падало на вторник, что подтверждает годовую датировку записки.

[2] Назначение М. Н. Лонгинова начальником Главн. управл. по делам печати вместо М. Р. Шидловского, одновременно перемещенного на пост товарища министра внутренних дел, состоялось 20 ноября 1871 г., чем и определяется дата записки (А. Никитенко. Записки и дневник. СПб., 1905, II, 438). В новую должность Лонгинов вступил, видимо, не сразу.

О каком наложенном и затем снятом «запрещении» идет речь — не выяснено.

[3] Вопрос обращен, несомненно, к В. М. Лазаревскому, которому Некрасов переслал записку Краевского: она обнаружена среди бумаг Лазаревского.

<10>

26 февраля <1873 г.>

Вы, вероятно, тоже получили пригласительное письмо на юбилей Каратыгина в четверг. Поедете ли? Мне кажется, там нечего делать ни литературе, ни журналистике [1].

Ваш Краевский

[1] Юбилей — пятидесятилетие артистической деятельности Петра Андреевича Каратыгина (1805—1879) — праздновался, по инициативе редактора «Русской Старины» М. И. Семевского, 1 марта 1873 г. Каратыгин — в 40-е годы автор враждебных эпиграмм на Белинского, Некрасова и «натуральную школу» — издавна не пользовался любовью не только в демократических, но и в либеральных кругах русского общества. Этим и объясняется нежелание Краевского участвовать в его чествовании, хотя газета Краевского («Голос») посвятила этому чествованию целую статью (№ 64).

ОБЪ ИЗДАНІИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ
ВЪ 1868 ГОДУ.

Съ новаго 1868 года, какъ въ составѣ редакціи «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ», такъ и во внутреннемъ содержаніи журнала, предположены существенныя перемѣны, о которыхъ подробно будетъ объявлено тотчасъ по приведеніи къ окончанію офиціальной стороны дѣла. По плану лицъ, желающихъ принять на себя, вслѣдствіе предложенія издателя «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ», редакцію этого журнала, нынѣшняя форма его представляетъ нѣкоторыя неудобства, и потому годовое изданіе «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» въ слѣдующемъ году будетъ состоять не изъ 24-хъ книгъ, какъ нынѣ (по двѣ книжки въ мѣсяцъ), а изъ **12 КНИГЪ** большого объема (не менѣе 30 листовъ въ каждой), выходящихъ ежемѣсячно въ первыхъ числахъ. Эта перемѣна дастъ возможность редакціи помѣщать въ одной книгѣ тѣ статьи значительнаго объема, интересъ которыхъ могъ бы пострадать при раздробленіи. Таковы, въ особенности, статьи бельлетристическаго отдѣла, на который предположено обратить особенное вниманіе и по которому будущая редакція имѣетъ уже въ своихъ рукахъ значительный запасъ матеріаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагается расширить отдѣлъ критики и библіографіи; вообще тѣ отдѣлы журнала, которые составляютъ, такъ сказать, душу всякаго періодическаго изданія, будутъ предметомъ постоянныхъ заботъ новой редакціи. Въ статьяхъ серьёзнаго содержанія будетъ отдаваемо предпочтеніе тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ тѣсную связь съ русскою наукой и съ русской жизнью. Вообще новая редакція постарается дать публикѣ журналъ, который представлялъ бы разнообразное и дѣльное чтеніе и былъ бы журналомъ живымъ, удовлетворяющимъ каждаго образованнаго читателя.

Первая книга «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» на 1868 годъ будетъ составлена уже по этой програмѣ и выйдетъ въ первой половинѣ января.

ВЪ РУКАХЪ НОВОЙ РЕДАКЦІИ НАХОДЯТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЕ МАТЕРІАЛЫ:

Живая душа, романъ **Марка Вовчка.**
Гдѣ лучше? романъ **Ѳ. М. Рѣшетникова.**
Новый Нарцизъ, разсказъ **М. Е. Салтыкова (Щедрина).**
Старый котъ на покоѣ и другіе разсказы, **его же.**
Банкиръ, комедія **А. Н. Островскаго.**
Зарево, народная сцена, **И. Ѳ. Горбунова.**
Медвѣжья охота, траги-комедія, **Н. А. Некрасова.**
Кому на Руси жить хорошо, поэма **его же.**
Новыя сатиры и пѣсни, **его же.**
Судъ, современная повѣсть, **его же.**
Повѣсть **В. А. Слѣпцова.**
Разсказы **П. И. Якушкина.**

По другимъ отдѣламъ имѣются статьи **Г. З. Елисеева, Н. И. Костомарова, Д. Л. Мордовцова, А. М. Унковскаго** и др.

ПРИ ПЕРВОЙ КНИГѢ ЧИТАТЕЛИ ПОЛУЧАТЪ, ВЪ ОСОБОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ,

въ которомъ цифры, касающіяся Россіи, взяты изъ «Статистическаго Временника», издаваго центральнымъ статистическимъ комитетомъ, а относительно Европы вообще показаны всѣ перемѣны, послѣдовавшія за австро-прусскою войною.

Условія подписки на журналъ остаются прежнія:

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ» въ 1868 году будутъ выходить одинъ разъ въ мѣсяцъ, книжками, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ до 30 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ, СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ДВѢНАДЦАТИ КНИГЪ:

въ Санктпетербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки 15 р. сер., а съ доставкою и пересылкою 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ: Для иногороднихъ и городскихъ жителей въ главной конторѣ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ», на Литейной, домъ № 38-й (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

Въ Москвѣ: Для жителей Москвы, въ конторѣ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ», при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, д. Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ редакцію* «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ», *въ Санктпетербургъ.* 3016.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОСТАВЕ РЕДАКЦИИ И В ХАРАКТЕРЕ ИЗДАНИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ ИХ К НЕКРАСОВУ

Объявление было помещено в № 340 газеты «Голос» от 9/21 декабря 1867 г. и повторено в нескольких декабрьских номерах газеты

⟨11⟩

27 марта 1873 г.

Вот контракт. Он переписан совершенно согласно прилагаемому при сем подлиннику, со всеми Вашими поправками и изменениями. От меня прибавлен только маленький пункт — 16-й — касательно даровых экземпляров, о которых мы совсем забыли.

Потрудитесь просмотреть его и подписать: «На сии условия согласен такой-то»; потом пришлите мне; я подпишу его точно так же, и пошлем к Вашему Успенскому, который сдерет с нас за него шкуру, потому что сумма контракта — 60 000 р. [1]

Ваш Краевский

[1] Письмо относится ко второму нотариальному договору, заключенному 30 марта 1873 г. между Краевским и Некрасовым на продолжение совместного издания «О. З.» еще в течение десяти лет, считая с 1 января 1874 г. Текст этого договора печатается в т. 53—54 «Лит. Наследства», в составе публикации «Договоры Некрасова с Краевским об издании „Отечественных Записок"».

Михаил Иванович Успенский — нотариус Некрасова.

⟨12⟩

28 февраля ⟨1874 г.⟩

Вот статья кн. Мещерского вместе с мнением о ней А. В. Никитенко. Мнение о ней И. А. Гончарова, кажется, Вам известно. Впрочем, прилагаю и его, прося все это возвратить мне не позже завтрашнего дня [1].

Я получил наш контракт об Островском. Теперь нужно поскорее урядить книгу, о которой говорится в контракте [2]. Когда и как это сделать?

Ваш Краевский

[1] Речь идет о статье известного реакционного публициста, издателя «Гражданина», кн. В. П. Мещерского, предназначенной для «Складчины». Статья Мещерского, вернее отрывок из его воспоминаний, просматривавшими ее членами редакционного комитета «Складчины» (комитет состоял из Краевского, Некрасова, Гончарова, Никитенко, Ефремова и самого Мещерского) была признана неудобной для напечатания в сборнике, так как в ней содержались выпады против некоторых государственных деятелей недавнего прошлого. Мнение Гончарова о статье, на которое ссылается Краевский, было изложено в не дошедшем до нас отзыве романиста, посланном при его письме к Краевскому от 26 февраля 1874 г. Вот текст этого впервые публикуемого письма Гончарова:

26 февр⟨аля⟩ ⟨18⟩74 г.

Я вчера спрашивал М. М. Стасюлевича о том, может ли он принять на себя, по просьбе Комитета, присмотр за своевременным печатанием Складчины в соседних от него типографиях Сущинского и Безобразова; но он находит это весьма неудобным и потому на него рассчитывать нельзя.

При этом прилагаю отзыв мой о статье князя Мещерского и самую статью. Лучше бы он дал что-нибудь другое, ибо эти его отрывки породят для «Складчины» бесконечные цензурные затруднения, да и потом, если и пройдут сквозь цензуру, то поведут за собой длинный хвост толков, вопросов, возражений и т.п., ибо он тут затрагивает и Горчакова (главнокомандующего в Крымской войне), которого горячие патриоты называют бабой, и народные толки об измене под Севастополем, затрагивает государя, графа Орлова, Нессельрода. Тут понадобятся и цензура военная, и двора, и бог знает кого еще.

До свидания. Ваш Гончаров

А, впрочем, как решит комитет! Я ничего не решаю, ибо нельзя: дело новое.

(Отдел рукописей, древних и редких книг Научной библиотеки при Саратовском гос. университете, № 7281. Письмо, хранящееся без конверта, несомненно, адресовано А. А. Краевскому, как председателю издательского комитета).

Из ответа Некрасова на публикуемое письмо Краевского (Некрасов, V, 523—524, письмо от 1 марта 1874 г.) видно, что мнение Гончарова, пославшего Мещерскому отдельное, не известное в печати письмо, было так или иначе поддержано и Некрасовым и до него Никитенко. В результате возражений трех редакторов, Мещерский вместо обсуждавшегося отрывка из своих воспоминаний о Крымской войне поместил в «Складчине» юмористический очерк «Наброски карандашом. Из современных этюдов. Мои друзья. Петр Афанасьевич Сусликов».

[2] См. публикацию А. Михайловой «Договор Некрасова и Краевского с Островским...» в «Лит. Наследстве», т. 53—54.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ»

Акварель П. П. Соколова, 1870-е гг.

Третьяковская галерея, Москва

<13>

6 мая <1876 г.>

До меня дошел слух, что Салтыков прислал в «Новое Время» три фельетона, под названием «Благонамеренные речи» и обязался постоянно присылать туда фельетоны. Что же останется От<ечественным> Запискам?

Не знаете ли, основателен этот слух или нет? [1]

Ваш Краевский

[1] Купив в феврале 1876 г. газету «Новое Время», Суворин сразу же обратился с предложением сотрудничать в ней к Щедрину (а также и к Некрасову). Суворин еще «ходил тогда в либералах» и даже сохранял репутацию демократа и «красного» (из-за своего ареста в 1866 г. за книгу «Всякие»). Щедрин напечатал в «Новом Времени» в №№ 112—114 за 1876 г. свой очерк «Тяжелый год», помещенный ранее в майской книжке «О. З.» 1874 г., но сожженный цензурой вместе со всей этой книжкой. Этим сотрудничество сатирика в суворинском издании и ограничилось. Отмеченный Лениным поворот Суворина «к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими» (Ленин. Сочинения, XXX, 192) оборвал в том же 1876 г. всякие связи с ним Щедрина и превратил Суворина и его газету в объект самых яростных нападок сатирика.

<14>

С.-Петербург, 12 сентября 1876 г.

Нет, Николай Алексеевич, видно не судьба мне выехать из Петербурга куда бы то ни было на отдых. Кругом все еще идет та же чертовщина, что и летом, и не дает ни одного дня покоя. То война, то не война; то перемирие, то мир; то Англия мошенничает, то Австрия каверзит, то сама Сербия творит глупость и тормозит дело; словом, в день раза три, с получением телеграмм меняется всё, как стекла в калейдоскопе. Оно, если хотите, любопытно для того, кто может только читать; а каково же для того, кто обязан обо всем этом говорить и иной раз не знаешь, что сказать, сбитый с толку противоречивыми известиями [1]. А вот я именно был и есмь в таком положении и должен смотреть в оба. Вывод из всего этого тот, что я отложил всякое попечение о Крыме и о поездке куда-либо.

Благодарю Вас за Вашу заботу и душевно завидую Вам, воображаю каким воздухом, теплом и виноградом наслаждаетесь Вы. Лучше ли себя чувствуете? [2]

У нас, по О<течественным> Зап<искам> все пока благополучно. Рассказ Салтыкова, вычеркнутый и переделанный, одобрен Петровым и печатается [3]. Салтыков выпросил у меня 200 Пальму [4] и 600 р. Глебу Успенскому; я велел послать. Ничего не поделать.

Прощайте пока. Кланяйтесь Боткину [5].

Ваш Краевский

[1] Письмо Краевского передает напряженную обстановку в Петербурге накануне русско-турецкой войны. «Война на Востоке, очевидно, скоро разразится», — писал Энгельс Кугельману 20 октября 1876 г. (Соч., XXVI, 430—431). Ср. в письме Салтыкова-Щедрина к Некрасову от 11 сентября 1876 г.: «Здесь все были в ожидании войны, но вчера получена телеграмма из Ливадии, что государь будет в Петербурге не раньше ноября, и это многих успокоило насчет войны. Газеты сделались просто невыносимыми. Все один и тот же предмет, каждый день одно и то же — надоело в высшей степени. И затем поганейшие личные перебранки» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIX, 73).

[2] Письмо адресовано в Ялту, где находился в это время больной Некрасов.

[3] В «О. З.» (1876, IX) напечатана IV глава «Экскурсий в область умеренности и аккуратности» Щедрина. Глава эта, не допущенная к печати еще в сентябре 1875 г., имела сложную цензурную историю и при проведении ее в печать в 1876 г. См. об этом в комментарии к напечатанному выше письму Елисеева к Некрасову от 27 сентября 1876 г. О цензурных изменениях текста в главе см. в текстологическом комментарии к «Экскурсиям» в XII томе Полн. собр. соч. Щедрина.

Александр Григорьевич Петров (ум. 1887) — председатель С.-Петербургского цензурного комитета в 1866—1884 гг. — См. ниже публикацию его письма к Некрасову.

[4] Александр Иванович Пальм. — См. ниже публикацию его письма к Некрасову.

[5] Сергею Петровичу Боткину, находившемуся вместе с Некрасовым в Ялте

В. С. КРОТКОВ

Валерий Семенович Кротков (р. 1846—ум. после 1914) — писатель-беллетрист, в наши дни совершенно забытый, по профессии адвокат. Рассказ Кроткова «Рекрутский набор (заметки провинциального адвоката)», напечатанный в «О. З.», 1874, V, послужил одним из оснований для цензурных репрессий против «Отеч. Зап.», в результате которых эта книга журнала была уничтожена (подробности об этом см. ниже). На страницах «Отеч. Зап.» некрасовского периода появились нижеследующие работы Кроткова: «Волостные суды, заметки провинциального адвоката» (1873, V, VII, VIII); «Новые порядки, из записок провинциального адвоката» (1875, VIII, IX); «Пыркин и Чепуркин, из записок провинциального адвоката» (1876, V), «Городская хозяюшка, из записок провинциального обывателя» (1877, XI—XII). Печатался Кротков в «Отеч. Зап.» и после смерти Некрасова. Сборник его очерков и рассказов вышел отдельной книжкой под заглавием «Волчье стадо», СПб., 1876.

У Венгерова в «Источнике словаря русских писателей» (III, 278) Кротков ошибочно назван Валерием Степановичем.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 48).

<1>

<Гжатск, 27 ноября 1871 г.>

В редакцию «Отеч<ественных> Записок»

Милостивый государь г. Редактор!

В мае прошлого года я имел честь предложить Вам для помещения на страницах «Отечественных Записок» мои рассказы из жизни провинциального адвоката, но до настоящего времени, вследствие различных обстоятельств, не мог исполнить желания Вашего — прислать мое произведение Вам, для того, чтобы Вы могли определить, пригодно ли оно к помещению в издаваемом Вами журнале.

В настоящее время я снова покорнейше прошу Вас уведомить меня о том, могу ли я рассчитывать на принятие рассказов моих в Ваш журнал.

Из всех рассказов наибольшего интереса заслуживает «Рекрутский набор». Я адвокат. Во время рекрутского набора ко мне обращалось «с докукою», или «об обиде большой» значительное число крестьянского люда. Каждый обыкновенно рассказывал свою обиду или докуку «насчет по солдатству» или о том, как «сынка не в правах сдали», — и каждого, бывало, я встречал с пером в руке, записывая со стенографической точностью рассказ. Вследствие этого не только обороты крестьянской речи удержаны мною на бумаге, но и рассказ самый полон жизни; вымысла в нем нет.

Не могу ли я рассчитывать на помещение его в журнале Вашем?[1] Если Вы ответите утвердительно, то я просил бы Вас, милостивый государь, сообщить мне вместе с тем, нужно ли мое личное присутствие в Петербурге для объяснений с Вами или я могу ограничиться лишь присылкою своего труда. В первом случае тотчас же по получении ответа от Вас я приехал бы в Петербург и представил бы на Ваше рассмотрение как этот, так и другие рассказы мои.

Надеюсь, что Вы, не оставите письма моего без ответа и уведомите меня с первою почтою, для чего я прилагаю при сем почтовую марку.

Имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою

В. Кротков

1871 год, ноября 27 дня
г. Гжатск

P. S. Адрес мой: Гжатск, Смоленской губернии; на Смоленской улице дом Тиханова, Валерию Семеновичу Кроткову.

На первой странице сбоку приписка рукою Некрасова: Надо ответить, что не имея в виду ⟨?⟩ рассказов, редакция ничего не может сказать, будут или не будут они приняты.

Приписка рукою секретаря редакции, А. Н. Плещеева: Ответ послан 18 янв⟨аря⟩ 1872 г.

[1] «Рекрутский набор» редакцией «О. З.» расценивался как значительное произведение: ему было отведено первое место в первом отделе майской книжки журнала за 1874 г. Книжке этой, однако, не суждено было выйти в свет: она была задержана цензурой, затем арестована и, наконец, уничтожена. Одним из мотивов столь суровой репрессии явилось «особенно вредное», по заключению цензора Лебедева, содержание рассказа Кроткова.

Цензурная катастрофа с № 5 «О. З.» 1874 г. подробно изложена и документирована в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «История одного цензурного auto da fe».—«Книга и Революция», 1921, № 12, 6—15.

⟨2⟩

⟨Гжатск, 22 сентября 1875 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Извините меня за то, что я до сего времени не уведомил Вас о получении мною двухсот руб., высланных Вами из Ярославля и вошедших, по расчету моему, в счет гонорара за № 8 [1].

Принося Вам искреннюю благодарность за исполнение моей просьбы, я имею честь сообщить, что обещанную статью «Решительный и смирняк» [2] в размере $2^{1}/_{2}$ листов я вышлю непременно к 1-му октября и надеюсь, что она успеет еще войти в № 10. Для ноябрьской книжки пришлю «Городское самоуправство» [3] и обещаю в будущем быть исправнее.

Примите уверение в моем истинном уважении и преданности

В. Кротков

22 сентября ⟨18⟩75 г.
г. Гжатск

[1] В «О. З.» (1875, VIII) были напечатаны первые главы очерков Кроткова «Новые порядки».

[2] Это, повидимому, первоначальное заглавие рассказа «Пыркин и Чепуркин». Появился он в «О. З.», 1876, V.

[3] Произведения с таким заглавием у Кроткова нет, но очерки, печатавшиеся в «О. З.» (1877, XI—XII) и объединенные заглавием «Городская хозяюшка», говорят именно о городском самоуправстве. Очевидно, или сам Кротков, или же редакция журнала заменили это заглавие более осторожным.

В. А. КРЫЛОВ

Виктор Александрович Крылов (псевдоним — Виктор Александров. 1838—1906) — военный инженер по образованию, драматург, первая пьеса которого «Против течения» (1865) имела шумный успех; впоследствии, с 1893 г., — начальник репертуарной части императорских петербургских театров.

Письмо печатается впервые по автографу ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 14).

〈До 18 ноября 1869 г.〉

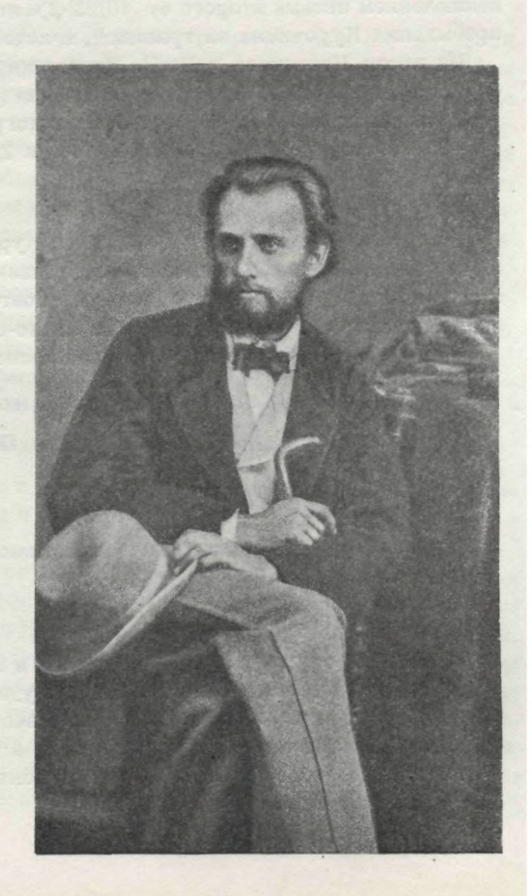
Милостивый государь!

Сергей Петрович Боткин просил меня передать Вам свое приглашение на квартет, устраиваемый в память покойного Василия Петровича и заказанный им накануне смерти. Квартет будет исполнен на квартире Сергея Петровича (5 углов, д. Лапина) во вторник 18-го ноября в 10 часов вечера [1].

Ваш покорный слуга
В. Крылов

[1] В. П. Боткин, с которым Некрасова связывали в 1850-х годах близкие приятельские отношения, умер 10 октября 1869 г. в Петербурге. 13 октября Некрасов был на выносе его тела перед перевозкой для погребения в Москве (ср. письмо Некрасова к А. Н. Еракову от 12 октября 1869 г.: «Утром завтра должен я быть на выносе тела В. П. Боткина». — Некрасов, V, 471).

О квартете, о котором идет речь в письме, говорится в некрологе В. П. Боткина («Московские Ведомости», 1869, 18 октября, № 227, стр. 2), где цитируется письмо близкого к В. П. Боткину человека о последних днях его жизни: «Накануне смерти он заказал себе к следующему утру квартет и долго обсуждал его программу: „Музыку надо выбрать пояснее, я ведь слаб, сложное утомит меня“».

В. А. КРЫЛОВ
Фотография 1864 г.
Литературный музей, Москва

Н. С. КУРОЧКИН

Взяв в свои руки «Отеч. Зап.», Некрасов сразу же привлек к постоянной работе в журнале Николая Степановича Курочкина (1830—1884), которого знал еще в годы «Современника», поручив ему заведывание библиографическим отделом. Помимо желания приобрести в его лице дельного и идейно близкого сотрудника, Некрасов, возможно, руководствовался в данном случае и некоторыми иными соображениями. Дело в том, что столь близкая Н. С. Курочкину «Искра», после известной «муравьевской оды» Некрасова заняла в отношении поэта откровенно враждебную позицию. Можно говорить даже о травле Некрасова «Искрой», в особенности в стихах Д. Д. Минаева. Привлекая Курочкина к участию в «Отеч. Зап.», Некрасов тем самым обезоруживал «Искру» в ее нападках. И действительно, Курочкину удалось, повидимому, убедить «искровцев», что взятая ими линия поведения в отношении Некрасова ошибочна, поскольку в его неверном тактическом шаге, предпринятом во имя сохранения «Современника», нельзя было видеть измены убеждениям, и что она вредна для всей демократической литературы, во главе которой стоял Некрасов. Как бы то ни было, но с 1868 г. в «Отеч. Зап.» стал сотрудничать не только сам Н. С. Курочкин, но и главный застрельщик «искровской» кампании против Некрасова — Д. Минаев.

Участие Н. Курочкина в «Отеч. Зап.» некрасовского периода было многообразным. Он печатал здесь (за своей фамилией и за криптонимами Н. Кин и Н. К.) свои оригинальные и переводные (преимущественно) стихотворения, помещал критико-публицистические статьи, переводил парижские корреспонденции Луи Шассена, наконец, с 1868 по 1871 гг. заведывал библиографическим отделом редакции, получая за это, сверх гонорара за собственные рецензии, ежемесячное жалованье (о внутриредакционном конфликте в конце 1871 г., связанном с курочкинским руководством отделом библиографии, см. выше в письмах Г. З. Елисеева к Некрасову). В летние месяцы Курочкин нередко выполнял функции заместителя отсутствующих редакторов журнала. Об этом как раз и свидетельствуют публикуемые ниже письма его к Некрасову за исключением письма второго от 10/23 <!> января 1872 г., относящегося к периоду пребывания Курочкина за границей, с лечебными целями.

Из писем Некрасова к Н. С. Курочкину известна лишь одна записка 1868 г., опубликованная С. А. Рейсером в «Звеньях» (V, 513).

Письма печатаются: 1-е и 2-е по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 49), 3-е и 4-е — по автографам ЛБ (М. 5765. 37. 1 и 2).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографические сведения о Н. С. Курочкине, имеющиеся в печати, скудны и не всегда точны, поскольку основываются, главным образом, на мемуарных данных. Представляется уместным поэтому опубликовать здесь собственноручно записанные ответы Н. С. Курочкина на био-библиографическую писательскую анкету, проведенную в начале 80-х годов казанским библиографом Н. Агафоновым.

Николай Степанович Курочкин

Получено из СПб. 2 августа 1882 г.
от А. А. Кобачева
Составлено в апреле 1882 г.

1. Время рождения (число, месяц и год)
   2 июня 1830 г.
2. Место рождения
   Петербург
3. Где получил образование (с показанием времени)

В С.-Петербургской 3-й гимназии, куда поступил в 1842 г., а, пройдя 5 классов, в 1848 г. выдержал экзамен так успешно в Медико-Хирургическую академию, что был принят в нее на казенный счет, а в 1854 г. выпущен был со званием лекаря. В 1856 г. выдержал экзамен на степень доктора медицины, но диссертации на утверждение в этой степени не защищал.

Н. С. КУРОЧКИН
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

4. Кто родители (звание, имя, отчество отца и матери; последняя чья урожденная)

Коллежский советник Степан Иванович Курочкин, служивший в главном казначействе, женатый на дочери майора фельдъегерского корпуса Маркович Екатерине Александровне.

5. Общественное положение

Служил по окончании курса в Министерстве государственных имуществ окружным врачом пяти уездов Петербургского округа, потом по случаю войны перешел в военную службу в действующую армию в Крым. Выйдя в отставку по окончании войны, занимался частною врачебною практикою и состоял врачом-ассистентом в Максимилиановской лечебнице для приходящих. С 1858 до начала 1860-го служил врачом в Русском обществе пароходства и торговли и сотрудничал в Московской медицинской газете Смирнова. С 1860 г. занялся исключительно литературой, в 1861 г. за отъездом В. С. Курочкина за границу редактировал «Искру» и стал редактором «Иллюстрации» (по март 1862 г.). В 1865 и 1866 гг. редактировал «Книжный Вестник», а в 1867 г. — «Невский Сборник». В январе 1868 г. был приглашен в число членов редакции «Отечественных Записок», где заведывал в течение 4-х лет отделом библиографии, но с начала 70-х годов, начав страдать тяжелою хроническою болезнью, вынужден был ограничить свою литературную деятельность почти исключительно переводами.

Подпись: Николай Курочкин

Полный, по возможности, библиографический список всех своих сочинений и переводов (не исключая и мелких статей)

Литературой стал заниматься рано, со школьной скамьи, и, будучи еще учеником IV класса, напечатал переведенный им роман Арсена Гуссэ «Три сестры» в журнале «Пантеон», издававшемся тогда покойным Кони; в последние годы своего студенчества, выкупившись с казенного содержания, поддерживал свое существование литературными работами, сотрудничая в «Сыне Отечества» (1850 и 1851 гг.) Фурмана, где поместил за это время, кроме переводов, несколько стихотворений, повесть, перевод стихами славянской рукописи, выданной за старинную Д. Д. Минаевым, «Сказание о Руси», и несколько фельетонов. Потом работал в медицинской газете Смирнова («Дворские врачи Иоанна III и физиологическое значение привычки», и разборы медицинских книг).

С января 1860 г., вызванный братом своим В. С. Курочкиным в Петербург для разделения с ним трудов по редактированию с ним «Искры», поместил в ней множество юмористических стихотворений, драматических сцен и разного рода статей под разными псевдонимами (Пр. Преображенский, Спасо-Преображенский, Фуражев-Каспийский, Хаким Шарере, Хрисанф Тюптетяев, Чичервикин и доктор Волохонцев) и без подписей. Там же он печатал свои переводы из итальянских сатириков Джусти и Порта и за это же время помещал свои статьи и стихотворения в «Русском Мире»,«Русском Инвалиде», «Времени», «Очерках» и других журналах. В «Иллюстрации» напечатано несколько его стихотворений (псевдоним Дубровин) и мелких статей и фельетонов. В «Книжном Вестнике» много разборов книг и мелких статей без подписи. В «Невском Сборнике» несколько переводных стихотворений и перевод в стихах трагедии Альфьери «Филипп II». В «Отечественных Записках» с 1868 г. помещен им целый ряд оригинальных и переводных стихотворений, *много библиографических статей*, несколько романов, переделанных им в сокращении с французского, немецкого и итальянского языков, и помещены следующие статьи: «Западная наука на русской почве», «Европейская наука у себя дома», «Анри Рошфор и его „Фонарь“», «Годы развития Прудона», «Корни невзгод современной Франции» и «Необходимы ли тюрьмы». В «Русском Богатстве» с 1880 г. помещено им несколько оригинальных стихотворений. В «Слове» 1881 г. перевод в стихах сатирическо-драматических сцен Лапради «Пет-Тризеа». С 1882 г. начал сотрудничать в «Устоях» и «Наблюдателе», но в первых помещено пока одно его стихотворение «Современному поэту». В «Наблюдателе» же начато помещение статей под тремя псевдонимами (Соболезнова, Предусмотрева и Ефима Скорпионова). Для сцены переведены им: с итальянского комедия «Сельская школа» (шла в Петербурге и Москве) и драма «За монастырской стеной»; с французского — комедия Легуве «Старший брат» (Les Fourchambeau, шла в Петербурге) и не поставленные им на сцену сцены в стихах «Веселый огонь» (напечатано в «Отеч. Зап.» 1874 г.) и лирическая шалость в стихах «Диоген и Ирида» (не напечатана). Отдельными книгами изданы под его редакцией «Искусство» Прудона и «Государь» Макиавелли.

⟨Автограф. — Центр. госуд. историч. архив Тат. АССР в Казани. Ф. «Собрание рукописей Николая Агафонова», т. IV.⟩

⟨1⟩

Петерб⟨ург⟩, 31 июля ⟨1871 г.⟩[1]

Только вчера вечером получил письмо Ваше [2], многоуважаемый Николай Алексеевич, и тотчас же тороплюсь отвечать, чтобы успокоить и рассеять всякие возникшие в Вас сомнения. Все идет хорошо и как следует и если скорое возвращение в Петерб⟨ург⟩ Вам хоть сколько-нибудь нежелательно, то торопиться, как мне кажется, не представляется никакой надобности. Того, что Вы в письме Вашем называете недоумениями и затруднениями, представлялось мне с августовской книжкой, действительно, в изобилии, но в настоящую минуту — все это уже *позади*, почему и рассказ обо всем этом оставляю до нашего личного свидания. Я думаю, что книжка выйдет до 15-го (июль⟨скую⟩ удалось мне выдать 12-го), если только Успенский нас несколько не задержит [3].

В I отдел вошли следующие статьи [4]: «Записки еврея» (три листа уже отпечатаны), «Многострадальные» (3 л⟨иста⟩ отп⟨ечатаны⟩), три стихотвор⟨ения⟩ из Беранже В⟨асилия⟩ С⟨тепановича⟩ К⟨урочкина⟩, «Лень» Успенского (доставляет в типографию по частям), статья о взаимном кредите Павловского и «Женщины-писательницы» Цебриковой (обе статьи приготовлены, но не печатаются, так как впереди романа помещать их неловко). Если понадобится, то войдут еще одно или два стихотворения [5].

Во втором отделе напечатано окончание «Дорожного дела», статья Михайловского (отличная) о философии истории, и библиография. Печатаются письма Боборыкина «На развалинах Парижа» и недоставлены пока

только фельетон Мих<аила> Евгр<афови>ча и корреспонденция Демерта. На случай, если понадобится, набрана статья Чацкина [6], присланная Гр<игорием> Захар<овичем>, «Настоящее значение одесских беспорядков».

Самый трудный вопрос — это о Нечаевск<ом> деле. Я думаю поступить так (зная уже из полученного от Вас письма Ваш взгляд): если ни от Гр<игория> Зах<аровича>, ни от Мих<аила> Евграф<овича> я не получу ничего об этом деле, то ограничусь небольшой заметкой об нем, страницах на двух или трех, заявив, что так как судебные прения по всем группам еще не окончены, то «От<ечественные> Запи<ски>» возвратятся подробнее к этому делу в одной из следующих книжек [7].

Краевский о печатании Нечаевского дела не совсем верно передал Вам мою мысль. Я думал, что «От. Зап.» будет полезно печатать его в особом приложении, первое дело — целиком, пять остальных процессов — в извлечении, чтобы по окончании составилась объемистая книга, которая могла бы продаваться и отдельно. Если же печатать подробное извлечение (как пишете Вы) в самом журнале, то мне кажется, что нас по отношению места — это еще более стеснит. Впрочем, если Вы желаете, чтобы было именно так, то уведомьте меня телеграммой, чтобы можно было успеть поместить в августе листа три извлечения. Позднее же помещение подобного извлечения едва ли будет удобно.

Пока в Пет<ербург> никто из сотрудников, кроме Михайловского, не возвращался еще. Пятковский в деревне, один Скабичевский был здесь все время. Ни от Гр<игория> Зах<аровича>, ни от Мих<аила> Евгр<афовича> нет пока никаких известий. Рукописей посторонние лица натаскали целые вороха, но такого материала, котор<ым> журнал мог бы воспользоваться впоследствии, пока весьма мало. Об историях с «Журналистикой» [8] и «Записками причетника» [9] Краевский Вам уже писал. Из августовской книжки исхищено одно стихотворение, которое я, впрочем, и посылал с сомнением, хотя и думал, что было бы недурно, если бы оно могло пройти.

Вот пока все, что я считаю нужным Вам сообщить. Остальное до личного свидания.

Душевно Вам преданный

Н. Курочкин

В запасе для набора в сент<ябрьскую> книжку пока налицо только продолжение статей Никитина и Цебриковой. «Виргиния» [10] была мною набрана, но так как в «Вестн<ике> Европы» только что помещен другой перевод той же вещи, то для того только, чтобы публика недоумевала, который перевод хуже, — я считаю печатать его неуместным.

[1] Уточнить дату этого письма не представляет трудностей; в нем идет речь о содержании августовской книжки «О. З.» за 1871 г.

[2] Письмо Некрасова неизвестно. В июле 1871 г. Некрасов находился в Карабихе.

[3] Глеб Иванович Успенский печатал в то время в «О. З.» (1871, VIII, X и XII) «Наблюдения провинциального лентяя». Ниже Курочкин называет первую часть этого произведения одним словом — «Лень».

[4] В след. томе настоящего издания напечатана гонорарная ведомость августовской книжки 1871 г., где содержится перечень всех упоминаемых Курочкиным статей с указанием имен авторов и необходимыми пояснениями.

[5] Содержание августовской книжки Курочкин дополнил своим собственным стихотворением «Когда при горестном обряде погребальном» (стр. 460).

[6] Статья Чацкина в «О. З.», VIII, напечатана не была.

[7] Заметки о Нечаевском деле в августовской книжке нет. Но в следующем, сентябрьском номере, этому делу посвятил особую статью М. Е. Салтыков («Так называемое нечаевское дело и отношение к нему русской журналистики»—«О.З.», 1871, IX; за подписью «М. М.»), а Елисеев высказался о нем в той же книжке в своих «Литературных Заметках». Ср. ниже письма В. Слепцова к Некрасову от сентября 1871 г.

[8] Статья В. А. Зайцева «Очерки французской журналистики. 1. Камилл де Мулен». Она предназначалась для июльской книжки «О. З.», но после «долгих и разговоров и

переписки» с Ф. Толстым Краевский не решился печатать статью без Некрасова. Будучи все же помещенной в августовской книжке, статья обратила на себя внимание не только цензуры, но и III Отделения (см. выше письмо Краевского к Некрасову от 5 июля 1871 г. и комментарий к нему).

[9] В опубликованных выше письмах Краевского упоминание о романе Марка Вовчка «Записки причетника», печатавшемся в «О. З.» в 1869—1870 гг., отсутствует. Какая история могла произойти с «Записками причетника» в 1871 г. — не установлено.

[10] Повидимому, речь идет о переводе поэмы Маколея «Виргиния», исполненном Д. Л. Михаловским. В «О. З.» этот перевод помещен не был.

〈2〉

Верне-Монтре, 10/23 〈!〉[1] янв〈аря 18〉72 г.

Не знаю, как и благодарить Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, и не столько за деньги, хотя я и ценю вполне всю степень Вашей снисходительности к сотруднику, чуть не совершенно бесполезному для журнала из-за его анафемской болезни [2], сколько за Ваши добрые ободряющие строки. Если мне удастся хоть сколько-нибудь поправиться, то надеюсь доказать Вам не одними только словами, что я не из числа людей неблагодарных и не понимающих. Мне все еще оч〈ень〉 худо, но как будто несколько получше, и хватаюсь за совет Ваш попробовать климат Италии, как за соломинку. Завтра же думаю ехать в Турин, и кто знает, может быть эта перемена принесет мне и пользу. Во всяком случае — это последняя попытка, и искушать долго Вашего терпения я себе не позволю. Если увижу, что дело плохо — тотчас же потороплюсь домой, так как погибать часом раньше, часом позже все равно, а в моем положении раньше даже и лучше, так как хоть в тягость никому не будешь.

Надеюсь также много и на перемену впечатлений, так как Монтре не дает больному ровно ничего, кроме разрушительной хандры. Это — буквально могила, в которой только зябнешь, пьешь и ешь да механически двигаешься. Можете себе представить, что мне пришлось перечувствовать в ожидании Вашего ответа, который один мог развязать меня с гостиницею, опротивевшею мне до-нельзя, но расстаться с которою я не мог, не уплатив долга. Все общество этого отеля состоит из пруссаков с их чадами и домочадцами, или, вернее, из ряда восковых фигур—возмутительных донельзя в своей крайней пошлости. Помимо же отеля в Монтре нет ровно ничего — ни музыки, ни театра, ни клуба, ни даже сколько-нибудь чистого кафе! Русские есть, но каждый сиднем сидит в своем пансионе. Я думаю, что ссылка должна быть несколько в этом роде.

У меня начато и задумано многое — нет только физических сил на механическую работу. Может, Турин и послужит мне в пользу в этом смысле, в таком случае я очень скоро Вам что-нибудь доставлю. Пока посылаю два стихотворения [3], хотя, быть может, они окажутся и гадкими.

Душевно любящий Вас
Н. Курочкин

[1] Н. Курочкин ошибся в одной из двух дат (старого или нового стиля). Должно быть или 10/22 или 11/23 января.

[2] Болезнь Н. Курочкина, хотя и поддалась несколько заграничному лечению и он вскоре, в том же 1872 г., вернулся в Россию, но здоровье его не могло восстановиться, и ему пришлось отойти от интенсивной работы в «О. З.». Однако, как это явствует из содержания нижеследующего письма от 26.VII, в летние месяцы 1872 г. Курочкин вновь, как и прежде, принимал близкое участие в редакционной работе, во время отсутствия Некрасова.

[3] О каких стихотворениях говорит здесь Н. Курочкин — неизвестно. Первыми его стихотворными произведениями, напечатанными после заграничной поездки, были: «К самому себе» (из Леопарди) и «После солнца чарующей ласки», появившиеся в «О. З.», 1872, VI.

⟨3⟩

С. Петербург, 26 июля ⟨18⟩72 г.

Вы, конечно, уже знаете из газет, многоуважаемый Николай Алексеевич, о беде, стрясшейся над «От⟨ечественными⟩ Зап⟨исками⟩» не жданно-не гаданно. Нам дано «предостережение» — решительно безо всякого с нашей стороны повода. Статью Демерта Вы, вероятно, уже прочитали сами и видели, что она не представляет собою никаких особенных резкостей, решительно ничего действительно противузаконного, нисколько не отличается от всех его предыдущих статей и говорит о том же, о чем толкует большинство других журналов и газет. Кроме того, самое предостережение (на случай, если бы его у Вас не оказалось, посылаю в подлиннике) мотивировано наскоро и необдуманно. Оно дано за «резкое порицание нового закона о нар⟨одном⟩ просвещении», а между тем в статье об этом законе всего две строки («худ или хорош он — обнаружится впоследствии»), и «возбуждение в учащихся неуважения к начальству», как будто бы «От⟨еч.⟩ Зап.» издаются для учеников средних учебных заведений, между тем как эти начальства давно уже запретили для ученических библиотек выписывать «От⟨еч.⟩ Зап.». Очевидно, что это пред⟨остережен⟩ие — дело интриг. Краевский не был никем предуведомлен об нем и сам узнал об нем из «Прав⟨ительственного⟩ Вест⟨ни⟩ка» [1]. Я думаю, что предост⟨ережение⟩ дано за несколько слов о Каткове, и Лонгинов, вероятно, счел удобным воспользоваться отъездом Тимашева, чтобы подсунуть Лобанову [2] определение Глав. Управления. Замечательно, что 18 июля в «Бирж⟨евых⟩ Вед⟨омостях⟩» о том же предмете был фельетон без сравнения, более резкий, и им не дано предостережения, а только (и то после нашего предост⟨ережения⟩) запрещена розничная продажа [3].

Признаюсь Вам, много бы я дал, чтобы эт⟨ого⟩ предостережения не было, так как я очутился невольно в положении виноватого, хотя, положа руку на сердце, я и до сих пор не полагаю, чтобы подобные статьи заключали в себе что-либо опасное и противозаконное.

Остальные дела плетутся своим порядком. После возмутительной руготни «Пет⟨ербургских⟩ Вед⟨омостей⟩» и ответа Михайловского — затишье. Или Бур⟨енин⟩ готовит что-либо выходящее из ряду или (что кажется вернее) Корш ему не позволяет дальше полемизировать [4].

Август⟨овская⟩ книжка составляется. Первый отдел почти готов, задержка пока только за Шассеном. Составляется книжка так⟨им⟩ образом, что в ней не будет ни одной строки, к которой можно было бы придраться. Я решил с Демертом, чтобы в этой книжке вовсе не было «Обществ⟨енных⟩ дел», вместо того он дает статью о выставке, без всяких резкостей. (Наумов не только не доставил своей статьи к июлю, но его до сих пор нет в Петербурге, а выпустить книжку, в кот⟨орой⟩ не было бы решительно ничего о текущих явлениях общ⟨ественной⟩ жизни, было бы неблаговидно) [5]. Я полагаю, что готова книга будет 12-го или 13-го, а выйдет около 17-го (по новому дополнению к закону 6 апр. цензура держит журналы уже не два, а четыре дня) и думаю, что к этому времени Вам было бы не бесполезно возвратиться, в случае каких-нибудь новых интриг.

Вот пока все, что я до личного свидания счел нужным Вам передать. Елисеев пишет в редакцию часто, он здоров и живет в Роршале. Фельетон М⟨ихаила⟩ Евгр⟨афовича⟩ получил, он вычеркнул из него места о Буренине [6]. Краевский его подписал, не найдя в нем ничего нецензурного.

Душевно уважающий Вас
Н. Курочкин

Зинаиде Николаевне прошу передать мой поклон.

[1] Предостережение (первое) было дано за статью Н. А. Демерта «Наши общественные дела», напечатанную в «О. З.», 1872, VII. Текст правительственного распоряжения, датированного 19 июля и опубликованного в петербургских газетах 22-го и 23 июля (см., напр., «Биржевые Ведомости», № 198, от 23.VII 1872 г.), гласил: «Принимая в соображение, что статья „Наши общественные дела", помещенная в журнале „Отечественные Записки", заключает в себе резкое порицание недавно изданных законов о народном просвещении и, искусственным подбором и превратным толкованием газетных известий, явно стремится к возбуждению в обществе недоверия к сим законам, а в учащихся как неуважения к начальству и преподавателям, так и неудовольствия против вводимой ныне системы образования, — управляющий министерства внутренних дел, на основании п. 11 высочайшего указа 6 апреля 1865 г. и статьи 29 гл. II высочайше утвержденного в тот же день мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, о п р е д е л и л: объявить журналу „Отечественные Записки" п е р в о е предостережение, в лице издателя-редактора статского советника Андрея Краевского».

Повидимому, центр инкриминации находился в следующем месте статьи Демерта, где он высмеивал практически осуществлявшуюся в это время пресловутую реформу среднего образования министра Д. А. Толстого: «С 15 мая в учебном нашем ведомстве произошла реформа — с первого взгляда как будто никем и не замеченная, но чрезвычайно важная: обнародован, а следовательно, и в о ш е л в с и л у новый устав о реальных училищах, с которым, впрочем, как с новорожденным младенцем, никто не успел еще познакомиться близко. Почти никто еще не знает, какого пола этот новорожденный и что именно толкуют знающие и некриводушные врачи и ученые повивальные бабки о его благонадежности к продолжению жизни, так как младенец, известно, существо весьма непрочное... По отношению к училищной реформе, уже обнародованной, но еще не приведенной в исполнение, Россия в настоящий момент чрезвычайно живо напоминает собою московскую политехническую выставку, которая хотя и открыта, но совсем еще не готова, или просто огромный дом, в котором идут летние переделки. Все окна без рам, настежь, чтоб сырость вытягивало, у стен — и снаружи и внутри подставки, а комнатная мебель в амбаре, на дворе — стул на стуле, стол на столе вверх ножками, а вверху диваны и разный хлам, так что нет возможности отличить красивого от безобразного». Далее Демерт писал о самоубийствах гимназистов, участившихся в связи с реформой Д. Толстого («О. З.», 1872, VII, 77—78).

[2] Кн. Алексей Борисович Л о б а н о в - Р о с т о в с к и й (1824—1896) был товарищем министра внутренних дел с 1867 по 1878 г. Предостережение, дававшееся от имени министра внутренних дел, было подписано Лобановым-Ростовским ввиду отъезда министра А. Е. Тимашева.

[3] Имеется в виду фельетон «Кое о чем» (подпись: «Экс») в номере 192 «Биржевых Ведомостей» от 16 июля 1872 г., а не от 18-го, как ошибочно указывает Курочкин. Фельетон, действительно, значительно более резок по содержанию, чем статья Демерта. Реформа Д. Толстого именуется здесь автором «вифлеемским избиением» учащейся молодежи. Распоряжение о запрещении розничной продажи «Биржевых Ведомостей» было дано 21 июля.

В положении «виноватого» Н. Курочкин, действительно, очутился в глазах Салтыкова-Щедрина, который писал Некрасову: «Поздравляю с первым предостережением, многоуважаемый Николай Алексеевич. Либерал Курочкин добился-таки своего... Очень будет утешительно, если журнал прикроют на шесть месяцев из-за Демерта. Нельзя ли хоть августовское обозрение Вам прочитать в корректуре, приказав оную выслать в Карабиху» (Н. Щ е д р и н. Полн. собр. соч., XVIII, 259—260). Сам Некрасов отнесся к делу иначе. В письме к Краевскому от 30 июля 1872 г. он постарался снять всякую вину с Курочкина и в этих целях сообщил, что сам читал статью Демерта, чего, видимо, в действительности не было. Некрасов писал Краевскому: «Очень прискорбно, что От<ечественным> З<апискам> дали предостережение, но делать нечего, тем более, что редакция ни мало не виновата, статью я читал и нахожу, что в ней сказано дело без задору и без неосторожных фраз» (Н е к р а с о в, V, 490).

[4] Об этой полемике Буренина с «О. З.» (с Михайловским и Щедриным) см. в статье В. Евгеньева-Максимова в «Русских Записках», 1915, IX.

[5] Статья Демерта называлась «Москва и ее выставка». Статья напечатана в журнале без подписи. Авторство ее устанавливается публикуемым письмом впервые. Демерт написал статью, видимо, экстренно по заказу Курочкина, взамен предполагавшейся, но не поступившей в срок статьи на ту же тему А. М. Наумова (автора двух статей о московской политехнической выставке в «О. З.», 1871, II и 1872, XII).

[6] Речь идет об обратном получении от Салтыкова посланной ему корректуры VII главы «Дневника провинциала в Петербурге», напечатанной в «О. З.», 1872, VIII. Изъятие полемических выпадов против Буренина было сделано Салтыковым, видимо, по совету Некрасова, которому корректура посылалась. (См.: Н. Щ е д р и н. Полн. собр. соч., XVIII, 253 и 444—445). Изъятый Щедриным текст остается неизвестным, поскольку рукопись VII главы «Дневника провинциала» не сохранилась.

АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. С. КУРОЧКИНА К НЕКРАСОВУ ОТ 31 ИЮЛЯ 1871 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

〈4〉

Петерб〈ург〉 1 ав〈густа 18〉72 г.

Я только что узнал из верного источника, многоуважаемый Николай Алексеевич, причины, обусловившие получение нами предостережения. Дело вот в чем. Лонгинов обиделся до бешенства фельетоном Мих〈аила〉 Ев〈графови〉ча в июньской книжке, так как ему почему-то показалось, что под видом Кузьмы Пруткова выведен он самолично [1]. Признаюсь, я весьма опасаюсь дальнейших неприятностей, хотя августовская книжка и составляется так осторожно, что я, напр., отказался из опасения новой беды от помещения продолжения «Грозного года» [2]. Между тем в известном Вам фельетоне Мих. Евгр. для августовской книжки [3] о Кузьме Пруткове говорится снова в трех местах. Я решился до 10 августа задержать печатанье этого фельетона, так как Вы писали Плещееву, что в это число будете в Петерб〈урге〉; в случае же, если Вас что-либо задержит, то дайте мне уполномочение вычеркнуть эти места. С самим Мих. Евгр. по этому поводу я не могу списаться, так как его в деревне нет, а он уехал куда-то за Углич.

Прилагаю при этом самую свежую лит〈ературную〉 новость: в журнале Жуковского [4] постоянными сотрудниками будут Пыпин и Антонович. И «Неделе» и «Новому Времени» разрешили редакторов.

Примите уверения в соверш〈енном〉 почтении

Н. Курочкин

Полемика с «Пет〈ербургскими〉 Ведом〈остями〉» кончилась совершенным поражением Буренина. Он в последнем фельетоне пыжится защищаться, но защита его вышла окончательно слабой и беззубой [5].

[1] Скорее всего «обида» М. Н. Лонгинова (председатель Главн. управл. по делам печати) на сатирика существовала лишь в области литературных слухов и сплетен. Иначе невозможно понять тот факт, что Салтыков, в порядке поддержания связей с руководителем цензурного ведомства, преподнес Лонгинову в декабре 1872 г. экземпляр только что вышедшего отдельного издания того самого «Дневника провинциала», содержанием которого он будто бы «обиделся до бешенства» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 269). Лонгинов был школьным товарищем, а затем сослуживцем Салтыкова по канцелярии военного министерства в 1844—1848 гг.

[2] В «О. З.», 1872, VII было начато печатание отрывков из нового сборника стихотворений В. Гюго «L'Année terrible» в переводе В. С. Курочкина.

[3] «Дневник провинциала в Петербурге», гл. VII.

[4] В биографическом очерке, напечатанном в книге Ю. Г. Жуковского «XIX век и его нравственная культура» (СПб., 1909, стр. XX), читаем:

«В 1872 г. Ю. Жуковский еще раз пытался издавать журнал; так как нового журнала в то время не разрешали, ему пришлось перекупить право издания у Окрейца, арендовавшего «Всемирный Труд» у д-ра Хана, перед тем приостановленный на несколько месяцев. Доктор Хан согласился за известную сумму, на которую Ю. Г. вручил ему векселя, оставаться ответственным редактором, как он это делал Окрейцу. Ценз〈урный〉 комитет санкционировал эту сделку, причем признал издателем Ю. Г. Но лишь только было напечатано первое объявление об издании, как последовало полное запрещение издания «Всемирный Труд», и на плечах Ю. Г. к довершению всего остался долг на занятые 2000 руб., уплаченные Окрейцу».

[5] Имеется в виду фельетон Буренина в № 205 «С.-Петербургских Ведомостей» от 29 июля 1872 г. («Журналистика» — подп. «Z») с очередными нападками на «О. З.». Вопреки мнению Курочкина, Буренин полемику на этом не кончил; он возобновил ее в № 240 «С.-Петербургских Ведомостей» от 2 сентября 1872 г.

И. А. КУЩЕВСКИЙ

Иван Афанасьевич Кущевский (1847—1876) по окончании Томской гимназии, 18-летним юношей (1864), приехал в Петербург для поступления в университет. Полное отсутствие средств, необходимость зарабатывать деньги поденным физическим трудом вскоре вынудили его оставить университет, а постоянные лишения привели его, в конце концов, в Обуховскую больницу. Здесь он познакомился с одним литератором и по совету его написал свой первый очерк «На постоялом дворе», который ему удалось поместить в «Искре» (1869).

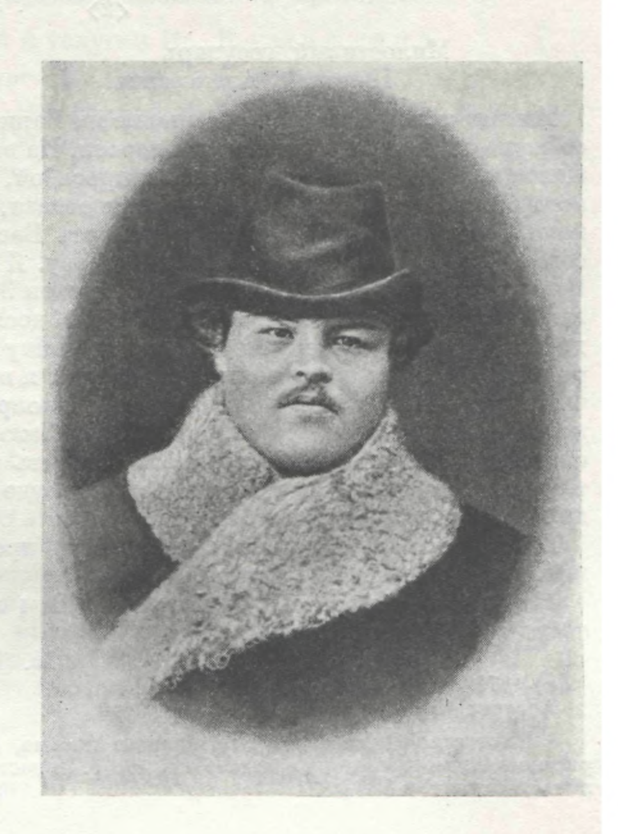
В конце следующего, 1870 г. он закончил и принес в редакцию «Отеч. Зап.» роман «Николай Негорев, или благополучный россиянин». С одобрения Салтыкова, роман этот был напечатан в первых четырех книжках «Отеч. Зап.» за 1871 г. и вызвал большой интерес.

Желая помочь молодому писателю и закрепить за журналом дальнейшее его сотрудничество, Некрасов стал выдавать Кущевскому ежемесячные авансы в счет его будущих работ.

Спустя несколько месяцев Кущевский представил план нового своего романа «На службе отечеству», всячески, однако, откладывая срок сдачи рукописи. Так продолжалось до конца 1872 г., когда, наконец, создавшееся положение привело к разрыву отношений Кущевского с Некрасовым и редакцией журнала. Правда, в «Отеч. Зап.» (1875, VII) был напечатан еще один очерк Кущевского «Не столь отдаленные места Сибири (наброски из воспоминаний ссыльного)», но он был подписан псевдонимом Хайдаков, оставшимся, возможно, нераскрытым в самой редакции «Отеч. Зап.».

После разрыва с Некрасовым Кущевский помещал свои произведения в мелких журналах. В 1875 г. Базунов издал отдельной книгой его «Мелкие рассказы», а в следующем, 1876 г. Кущевский умер от чахотки, на тридцатом году жизни.

Письма печатаются: 1-е — по автографу ЛБ (М. 5765.38. 1 и 2), остальные — по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 50 и Ф. 203, № 78).

И. А. КУЩЕВСКИЙ
Фотография 1870-х гг.
Литературный музей, Москва

<1>

<14 июня 1871 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я столько раз беспокоил Вас своими письмами и так мало права имею на это, что только одна надежда на Вашу доброту дает мне смелость обратиться к Вам еще раз.

В начале апреля, в наше последнее свидание, Вы были так добры — согласились выдавать мне по 50 р. в месяц, в течение лета, чтобы я мог беспрепятственно продолжать начатую работу; при этом Вы выдали мне записку на получение этих денег из конторы — «до 200 рублей». Этих денег хватит мне до августа, и хотя я кой-как могу пробиться до сентября, но дальше я буду в большом затруднении, если Вы не возвратитесь в город, так как для совершенного окончания моего труда потребуется еще месяца два. Я слышал, что Вы будете здесь, может быть, только в октябре — и это, понятно, меня очень беспокоит [1]. Если сообщенное мне известие справедливо, я хочу покорнейше просить Вас: не согласитесь ли Вы прислать мне записочку на получение из конторы 50 р. 20 августа и 50 р. 20 сентября.

Если же Вы думаете возвратиться в город ранее, то Вы сделаете мне большое одолжение, отправив прилагаемый здесь конверт на почту, даже без всякого письма: я пойму.

После этого позвольте Вам выразить мое глубокое почтение и преданность.

Готовый к услугам Ив. Кущевский

1871
Июня 14

[1] Некрасов уехал 20—22 мая 1871 г. на все лето в Карабиху и возвратился в Петербург около 10 августа (Ашукин, 389, 391).

<2>

<15 августа 1871 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Месяца два назад я послал письмо на Ваше имя, на Козьмодемьянскую станцию Ярославской железной дороги. На это письмо, в котором я обращался к Вам с одной покорнейшей просьбой, не было получено мной никакого ответа. Может быть, это — знак отказа, в таком случае Вы извините меня, что я решаюсь теперь беспокоить Вас повторением просьбы: я не совсем уверен, что письмо дошло по адресу. Я просил Вас в нем расширить Ваш кредит мне до 400 р. Теперь я должен 300 р.[1] и буду бесконечно обязан Вам, если Вы дадите мне еще 100 р. К десятому и никак не позже двадцатого числа будущего месяца я перепишу и представлю первую часть романа «На службе отечеству»; в ней, как я полагаю, будет от 10 до 12 печатных листов. Если эта моя работа не понравится Вам, или вообще, по какому-нибудь случаю, не окажется удобною для напечатания в «Отеч<ественных> Записках», я обязуюсь погасить мой долг или другими работами, или гонорарием за этот роман, буде его согласится напечатать другой какой-нибудь журнал.

Во всяком случае, о результате моей просьбы не оставьте уведомить меня по прилагаемому адресу.

Затем позвольте засвидетельствовать Вам глубокое почтение и преданность готового к услугам

Ив. Кущевского

1871
Августа 15

[1] Не ответив Кущевскому на его первое письмо, Некрасов, возможно, дал распоряжение прямо в контору о выдаче ему 100 р. В настоящем письме Кущевский определяет свой долг в 300 р.

<3>

<С.-Петербург, 17 сентября 1871 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

В последнем моем письме я обещался представить Вам первую часть моего романа не позже 20-го числа нынешнего месяца, но болезнь и хлопоты по переездке с дачи отняли у меня столько времени, что исполнить вполне свое обещание я могу только 1—5 числа октября. Теперь же я мог бы представить шесть глав (около 7 печ. листов), если б не требовалось переделать часть первой главы и почти всю третью. Романом этим я и так не совсем доволен, а от торопливости он может проиграть еще более. Вообще я должен покорнейше просить Вас извинить меня за то, что даже этих шести глав я не могу доставить раньше 25—27 числа нынешнего месяца.

Я очень хорошо понимаю, до какой степени неблаговидно с моей стороны, не исполнивши своего обещания, просить Вас еще дать мне денег, но меня заставляет сделать это истинная необходимость. На-днях мне угрожает продажа всего имущества за долг. Я хотел было обратиться с просьбой о выдаче мне ссуды в «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», но там требуются поручители, да и самая выдача сопровождается такими длинными и неприятными формальностями, что я решился беспокоить Вас. Поверив мне еще 100 р., Вы сделаете мне величайшее одолжение. Во всяком случае, если б мой теперешний труд оказался слабым до невозможности напечатать, я употреблю все старания заработать мой долг в возможно скорейшем времени. До окончательного расчета с Вами это — моя последняя просьба о деньгах.

Буде Вы согласны, деньги можно передать подательнице этой записки. Сам я не совсем еще здоров и не могу явиться лично.

Примите уверение в моем глубоком почтении и преданности.

Готовый к услугам Ив. Кущевский

17 сент<ября> 1871. С.-Петербург

На полях адрес Кущевского: На Петербургской стороне по Каменноостровскому проспекту дом Семенова

Расписка: Получила пятьдесят руб. сер.

18 сентября А. Волокирская

<4>

<С.-Петербург, 27 сентября 1871 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Мне так совестно перед Вами, что я не мог выполнить своего обещания, что я готов был сегодня отправить Вам даже мою черновую рукопись, чтобы устранить как-нибудь могущие родиться у Вас подозрения, что я Вас просто-напросто обманывал, выманивая деньги, что у меня сделано очень мало, а, пожалуй, и ничего не сделано. Меня остановила только уверенность, что Вы не заподозрите этого, вполне понимая, что медленность иногда может происходить не от нежелания трудиться, а от желания довести свой труд до возможного совершенства в пределах своих способностей. Поэтому я у Вас покорнейше прошу дать мне еще неделю или две сроку, пока я успею справиться со всеми затруднениями и несовершенствами моего труда, встреченными мной теперь, при переписке [1].

После этого позвольте просить Вас принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Готовый к услугам Ив. Кущевский

27 сентября 1871. С.-Петерб<ург>

[1] Первая часть романа «На службе отечеству» была, наконец, представлена в редакцию и одобрена Салтыковым. Но Кущевский, не желая печатать ее в том виде, в каком она была, взял ее обратно для переделок и в течение целого года уже не представлял ничего, продолжая брать авансы и уверяя, что роман уже готов, но переписывается.

〈5〉

〈24 апреля 1872 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

При наших свиданиях Вы несколько раз выражали согласие подождать представления моей рукописи до июля месяца. Хотя роман мой в настоящее время почти совершенно готов, я не могу не воспользоваться данной Вами льготой, чтобы просмотреть все еще несколько раз. На это время, на эти два месяца, мне бы очень хотелось успокоиться, и потому я решаюсь теперь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным разрешить мне выдачу в течение двух месяцев (мая и июня) по пятидесяти рублей.

Обстоятельства мои в настоящее время так затруднительны (г. Сергеев, податель этого письма, может объяснить Вам все, что нужно), что я просил бы, в случае Вашего согласия, дать теперь же сколько-нибудь.

На случай Вашего несогласия, я решаюсь обратиться к Вам уже не как к редактору, а как к человеку, и просить у Вас просто взаймы двадцать пять рублей до первого июля.

Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Готовый к услугам Ив. Кущевский

24 апреля 1872 г.

На обороте рукой Сергеева: Аптекарский Остров, на Карповке, дача Воронина, № 13/11-й (близ Ботанического сада)

Получил двадцать пять рублей. Н. Сергеев

〈6〉

〈13 июля 1872 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Обстоятельства мои мне решительно не позволили ничем заняться в течение последних двух недель, так что я, не желая представить мою работу в настоящем ее положении, решаюсь просить у Вас еще хоть две-три недели сроку: Ваше великодушие позволяет мне надеяться, что Вы извините мне эту мою невольную неаккуратность[1].

Примите уверение в моем совершенном почтении и глубокой преданности.

Готовый к услугам
Ив. Кущевский

1872
13 июля

[1] И на этот раз Кущевский не выполнил своего обязательства. В сентябре 1872 г. между Некрасовым и Кущевским произошел разговор, в котором Некрасов передал Кущевскому шутливо выраженное Салтыковым сомнение в существовании романа; по свидетельству Некрасова, они и после разговора «расстались как бы в прежних отношениях» (Некрасов, V, 514). Но вслед за тем неожиданно Некрасов получил нижеследующее письмо.

〈7〉

〈4 октября 1872 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Ваше заявление, при последнем нашем свидании, о том, что Вы ссужали меня деньгами не как писателя, в ожидании его трудов, а просто как бедного человека, дает мне надежду, что Вы без особой печали узнаете, что

романа, существование которого заподозрил Михаил Евграфович Салтыков, романа, над которым я трудился два с половиною года и провел над ним много бессонных ночей, — не существует более. Бедный, облагодетельствованный и униженный Вами человек сжег плоды своего задуманного труда немедленно, воротившись от Вас. Пусть будет прав Михаил Евграфович Салтыков: романа не существует. Да если б он и был представлен в редакцию «Отечественных Записок», я очень хорошо понимаю, что я не мог бы рассчитаться с Вами при помощи этого моего труда. Приговор Михаила Евграфовича уже заранее висел над ним. Забравши у Вас деньги, отдать мою работу в другой журнал — очень походило бы на подлость. Словом, моя работа, в забраковании которой Михаилом Евграфовичем я не сомневался, после Вашего сообщения о его подозрениях, могла быть только оставлена на память, у себя: представлять ее в редакцию — я и теперь уверен — было бы бесполезно. Увлеченный и раздраженный я сжег ее и в этом не раскаиваюсь. Перелиставши рукопись в последний раз, я убедился, что у меня в руках самое плохое боборыканье, переливанье из пустого в порожнее, хлам, с которым я имел наивность носиться целых два года.

Как Вы посмотрите на меня: как на негодяя, обманувшего Вас, или как на глупого бесхарактерного человека — мне это все равно. Я глубоко сознаю, что я очень виноват перед Вами, забрав у Вас столько денег, сколько не могу отдать тотчас же, по востребовании. У меня есть в Сибири маленькая землишка, за нее дадут рублей четыреста; кроме того, я могу занять что-нибудь у матери. Но за всем этим мне необходимо будет ехать самому в Сибирь. Не согласитесь ли Вы рассчитаться со мной при помощи моих литературных работ? Я много видел и испытал. Если Вы позволите, я могу в очень непродолжительном времени доставить несколько этнографических очерков, кроме рассказа (он почти готов), программу которого читал и отчасти одобрил Михаил Евграфович. Денег за эти мои работы я ни просить, ни брать у Вас не буду до тех пор, пока не кончатся наши счеты.

Соблаговолив сообщить мне Ваше мнение по всему этому делу, Вы премного одолжите меня [1].

Примите уверение в моем совершенном почтении и глубокой преданности.

Готовый к услугам
Ив. Кущевский

1872
4 октября

[1] Ответом Некрасова является недатированное письмо его, напечатанное в собрании писем (Некрасов, V, 513—514). Дав резкую оценку поведения Кущевского и заявив: «Я не говорил, что помогаю Вам, как бедному человеку. Я помогал Вам, как начинающему писателю», Некрасов заканчивает это письмо фразой: «...И мой ответ на Ваши предложения может быть один: я не желаю иметь с Вами никакого дела». Возможно, что письмо это, найденное в бумагах самого Некрасова и не имеющее вида чернового, не было отправлено по назначению. Во всяком случае, письмо это, написанное, очевидно, немедленно по получении письма Кущевского, должно быть отнесено к первым числам октября 1872 г. (но не раньше 4-го), а не к 1873 г., как обозначено в собрании писем.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

Весной 1863 г. Некрасов послал экземпляр третьего издания своих стихотворений (СПб., 1863, ценз. разр.—12 января) старому литератору и бывшему цензору «Современника» Ивану Ивановичу Лажечникову (1792—1869), известному историческому романисту.

Этот подарок, переданный Некрасовым через жившего тогда в Москве А. Н. Плещеева, явился поводом для публикуемого письма. Выражая благодарность, Лажечников пользуется случаем высказать свое огорчение от «ожесточенных нападков» «Современника» и напомнить о том, что он был полезен журналу в период своего цензорства.

Лажечников вошел в состав С.-Петербургского цензурного комитета в 1856 г. Как рассказывает в своих «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаев, еще с 40-х годов, через Белинского, знакомый с Лажечниковым, последний, с целью увеличения пенсии, «принужден был... принять должность цензора; но в этой должности, в беспрестанной борьбе между своею обязанностью и своими убеждениями, он был истинным страдальцем. Дослужившись до пенсиона, он тотчас же оставил цензорство и говорил, что это счастливый день в его жизни» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., 1928, 426).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 15).

〈5 июля 1863 г.〉

Милостивый государь,
Николай Алексеевич!

Недели две тому назад я получил через г. Плещеева экземпляр Ваших стихотворений с подписью Вашей, которая доказывает, что Ваши добрые отношения ко мне, существовавшие при жизни Ив. Ив. Панаева, не переменились. Я хотел лично поблагодарить Вас, но мне сказали в магазине Базунова, что Вы уехали в Ярославль в свое имение. И потому письменно приношу Вам мою благодарность от души за прекрасный подарок Ваш, очень для меня дорогой.

Тем более он меня порадовал, что с некоторого времени Современник как-то ожесточенно на меня нападает. Глупо было бы с моей стороны оскорбляться критикой моего романа, но не мог я не оскорбиться нападками на мою личность, ничем не заслуженными. К чему было Вашему сотруднику (конечно, не Вам) при разборе князя Серебряного припутать ни к селу ни к городу еще робкого тогда Лóжечникова*? Удивляюсь, как журнал, проповедывающий всякого рода свободу, уважение к личности, решается из какого-то не понятного для меня личного недоброжелательства делать придирку к человеку за буквы *а* и *о* в его фамилии и сходить с [своей] ступени, на которой он стоит, на одну арену с Полифемом-Иллюстрацией. Как назвать такие действия и за что гонения? Вы знаете, что когда, в мое цензорство, хотели запретить Современник, я взял его, по дружбе к Ив〈ану〉 Ив〈ановичу〉, на свое поручительство под угрозою обращать на статьи г. Чернышевского самое строгое внимание [1]. Когда я сдавал Современник другому цензору, Панаев умолял меня оставить его за собою, свидетельствуя, что лучшего цензора он не желает иметь, на что хранится у меня письмо его. Если я и был в некоторых случаях взыскателен, то это для пользы Вашего же журнала, который мог бы подвергнуться той же участи, какой он подвергся в прошедшем году, если б я пропускал вполне статьи Вашего ближайшего сотрудника. Ив〈ан〉 Ив〈анович〉 расстался со мною приятелем и засвидетельствовал свое дружеское расположение ко мне несколькими строками в своих Воспоминаниях [2].

Какая же черная кошка и каким нечистым путем пробежала между мною и Современником? Всякий может иметь свои убеждения: я — свои, Вы —

* Когда я был робок? когда я показывал свою отвагу?

свои. Издевайтесь над моими сочинениями, браните их сколько угодно, но не трогайте моего имени, которое без пятна оставляю в единственное наследство моим детям.

Еще раз благодарю Вас за Ваш дорогой подарок и крепко жму Вам руку рукою, не осквернившей пера, которое она держала, никак<им> бесчестным словом.

Многоуважающий Вас и преданный Вам

И. Лажечников

Москва

5 июля 1863 г.

На Пресне, у Горбатова моста, в доме Павлова.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

Рисунок М. Сажина, 1850-е гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

[1] Лажечников был цензором «Совр.» с декабря 1856 г. по апрель 1857 г. О его «вынужденной взыскательности» по отношению к Чернышевскому см. воспоминания Ливанского — «Современные Известия», 1869, № 119, к сожалению, значительно искажающие действительные факты.

[2] Ссылка Лажечникова на «дружеское расположение» к нему И. И. Панаева, засвидетельствованная в «Воспоминаниях», вполне точна. «И. И. Лажечников, — писал И. И. Панаев, — принадлежит к тем живым, редким натурам, которые никогда не стареют и потому чувствуют всегда большую наклонность к молодым поколениям... Лажечников едва ли не единственный из литераторов своего времени, за исключением Одоевского, искренно и без всякой задней мысли, с полным сочувствием всегда протягивавший руку всем замечательным деятелям последующих литературных поколений»

(И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928,426). Обвинение И. И. Панаева в клевете против Лажечникова, высказанное в письме П. В. Анненкова Тургеневу от 17 сентября 1860 г., повидимому, основано на недоразумении. (Ср., однако, «Воспоминания» Авдотьи Панаевой. Л., 1927, стр. 137).

Но собственное творчество Лажечникова, пользовавшееся в тридцатых-сороковых годах большой популярностью (ср. отзывы Белинского, I, 388—389 и IV, 29—45), к шестидесятым годам безнадежно устарело. Даже А. Григорьев, считавший Лажечникова «огромным талантом», «могущественным до создания истинно народных типов» («Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», 1859), даже он должен был признать: «Лажечников — уже прошедшее для нас»; «драма „Опричник“ не возбудила к себе никакого сочувствия и вдруг оказалась совершенно устарелою» («Западничество в русской литературе», 1861).

Оскорбившая Лажечникова ироническая фраза в рецензии на роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» («Вы воскресили для меня мою юность... напомнили первые попытки робкого еще тогда Лóжечникова». — «Совр»., 1863, IV, 295) не имела, конечно, целью нанести личную обиду старому романисту. Шутливое искажение его фамилии (Ложечников), повидимому, — намек на орфографические нововведения Лажечникова, которые несколько ранее были высмеяны самим Некрасовым в статье «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности» («Свисток», № 7).

Упомянутые в письме Лажечникова «ожесточенные нападки» и критика его романа — неподписанная рецензия на роман «Немного лет назад», в которой литературные приемы Лажечникова были характеризованы как «драгоценный перл» старой «дорафаэлевской манеры», а роман в целом дискредитирован в качестве «положительно детского упражнения», драмы «незамысловатой, но затрудняемой различными пустяками». Характерно, однако, что анонимный критик, насмешливо относясь к новому произведению Лажечникова, считал необходимым высказать свое уважение к личным достоинствам его автора и, совершенно согласно с цитированными выше воспоминаниями И. И. Панаева, указать на отзывчивость старого беллетриста к интересам молодого поколения: «г. Лажечников всегда оставался верен самому себе, верен тем чистым и честным убеждениям, которые проходят сквозь всю его литературную деятельность... Добро и зло, проходившие мимо него, не оставляли его равнодушным; первое встречало все его симпатии, второе волновало его. С этой стороны, г. Лажечников самая сочувственная молодому поколению личность из всей фаланги старых литераторов» («Совр.», 1863, I—II).

Автором обеих рецензий — на «Князя Серебряного» и на «Немного лет назад» — был М. Е. Салтыков-Щедрин.

В. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Член Совета Главн. управл. по делам печати (с 1866 г.), Василий Матвеевич Лазаревский (1817—1890) был близко связан с Некрасовым в 1868—1874 гг. Являясь в этот период главным из «тайных адвокатов» «Отеч. Зап.» в Совете Главн. управл. по делам печати, Лазаревский не раз спасал журнал в этой высшей цензурной инстанции от грозивших ему бед. Близко связанный с министром внутренних дел Тимашевым и другими представителями правительственных сфер, Лазаревский служил для Некрасова ценным источником информации о планах и намерениях властей. Наконец, Некрасова связывала с Лазаревским «охотничья дружба». С 1868 по 1874 г. они всегда охотились вместе.

По внешности приятельские и дружеские отношения, существовавшие между Некрасовым и Лазаревским, отличались значительной сложностью. Роль Лазаревского в биографии Некрасова охарактеризована, на основании ранее неизвестных материалов, в первом некрасовском томе «Лит. Наследства», в работе Б. Папковского и С. Макашина «Некрасов и литературная политика самодержавия». В этой работе, к которой мы и отсылаем читателя, опубликованы, в частности, отрывки из интимного дневника Лазаревского, в котором он сам разоблачил себя как врага поэта, которого долго называл своим «другом».

Об этом следует помнить, читая публикуемую ниже переписку. Ее первая и бо́льшая часть относится к 1869 г. В биографии поэта этот год занимает особое положение. Это был год известных «разоблачительных» выступлений против Некрасова со стороны Антоновича и Жуковского («Материалы для характеристики русской литературы»), а также Тургенева («Воспоминания о Белинском»), больно ранивших поэта. Сочувственное внимание Лазаревского к трудным переживаниям Некрасова, находившегося, в самый разгар поднявшегося вокруг его имени литературно-журнального шума, за границей, определили особо дружеский и теплый тон их переписки этого года.

Переписка Лазаревского с Некрасовым публикуется не полностью.

Из четырнадцати неизданных писем Лазаревского в настоящую публикацию включено лишь восемь. Это письма, в которых имеются данные, относящиеся к литературно-общественной биографии поэта. Содержание опускаемых нами шести писем целиком посвящено возникшему между Лазаревским и Некрасовым в 1874 г. конфликту на почве совместной аренды охотничьего участка в Чудове — конфликту, прервавшему навсегда их отношения.

Из обширного собрания неизданных писем Некрасова к Лазаревскому (свыше 200 за 1868—1874 гг.) в настоящей публикации приведены лишь четыре, являющиеся непосредственными ответами на печатаемые письма Лазаревского. Часть других писем см. выше в разделе «Письма Некрасова».

Письма Некрасова печатаются по автографам ЦГЛА (Ф. 277, № 131); письма Лазаревского — по автографам собрания К. И. Чуковского (Москва).

⟨1⟩

ЛАЗАРЕВСКИЙ — НЕКРАСОВУ

Петербург, 1 мая ⟨18⟩69 г.

Крепко обнимаю и целую Вас, милый Николай Алексеевич, и еще раз целую. Три пакета посылаю Вам. Долго думал над ними. Думалось так, что грешно преследовать Вас даже там этой дребеденью; думалось и то, что после олимпийского свинства Вам не неприятно будет услышать чистое молодое слово. Говорят, что эту брошюру печатали на студенческие гроши. Вырезана вся суть брошюры. А не хотите всероссийских вещей касаться — киньте в камин[1].

Засим, о сущности дела. Прежде всего, опять-таки целую Вас за милую carnassière. Тигр только пугает. И хоть Александру Николаевичу [2] я внес медную очистительную монету, Вам все-таки препровождаю другую. С Вами-то уж более бы не хотелось расходиться. Бывают заветные выигры-

ши, которых на карту уже не ставишь. Далее, дачу я взял из Кушелевских-Лиговских. Восемь комнат внизу, пять наверху. По приезде можете отмежевать себе любой уголок. Ежели, по соображениям Вашим, в деревню уж не поедете, можете приказать Василию привезти туда какую-нибудь мебель, пока хоть наверх. Это смежно с большой дачей Каткова, сейчас под извилиной на взгорье от Причала. Степанов[3] мне говорил, что Липовецкую охоту снял Прево (биржевой маклер) за 500 р. и билетов никому не дает, кроме Вас, Краббе[4] и меня, по 30 р. Чудово также обещает хороший ток. Дупелиных токов много. 16 штук я взял в таком углу, где тем летом не пришлось бы ничего взять.

Послезавтра еду туда опять на тетеревиный ток. А оттуда с Бурдиным к нему в Кириши. Оттуда Бурдин проедет на юг, след⟨овательно⟩ и там поле будет. — Далее, я в большом горе. Бедная Рез⟨?⟩ моя умерла в Кле⟨?⟩, и я без собаки. Не знаю еще, как устроюсь. Краббе ездил на глухарей за Порхов и пару убил. Кстати о Краббе. Скажите Петру Ивановичу[5], что весьма бы полезно и даже необходимо, чтоб он передал мне свои документы. Пусть напишет, где и как их тут взять. Если они с ним, пусть пришлет. Может быть, испробую что-нибудь и состряпать. Может быть, состряпается дело и брата его. Я нашел дорогу, можете верить. Скажите еще ему, чтобы он прислал для меня: 1) охотничий пояс с патронами (калибр 12), 2) легкое пальто гуттаперчевое непросторное и 3) если найдется такой же чехол на стволы. Потребную на сие сумму благоволите вручить ему до расплаты. Это, я полагаю, может он приобрести на обратном пути, в Берлине.

У нас 27° тепла, сиречь благоденствие.

Ткачев, говорят, сослан в Архангельск[6]. По пикету Гулевича производится следствие. «Космос» недели три уже не появляется[7]. На некотором горизонте скопляются если не тучи, то все-таки облака густые. Музыкант пока молчит[8]. Затем будьте здравы и непременно где-нибудь выпейте кружек сотню бурды и еще непременно купайтесь в море. Диэта: анчоусы и пиво.

Ваш весь В. Лазаревский

Приписки на полях:

⟨1⟩ Целую ручку Анне Алексеевне. Хоть бы она-то взяла Вас в руки.

⟨2⟩ Я сегодня за достоверное слышал, что товарищем гр. Бобринского бар. Дельвиг[9].

⟨3⟩ Милого Петра Ивановича вельми обнимаю. На биллиарде не играл.

[1] Речь идет об известной полемической брошюре Ив. Рождественского «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского» (дополнение к «Материалам для характеристики современной русской литературы»), направленной в защиту Некрасова. Брошюра вышла в свет в первых числах мая 1869 г. Лазаревский послал Некрасову в Париж 1 мая, видимо, не всю брошюру, а лишь вырезанные из нее листы (в публикуемом ниже ответном письме Некрасов прямо пишет «вырезки из брошюры»). Цензурное изъятие «всей сути» брошюры — факт ранее неизвестный. Интерес полной новизны представляет и сообщение, хотя и передаваемое как слух, что брошюра печаталась на средства, собранные среди студентов. Об Ив. Рождественском см. ниже при публикации его письма к Некрасову.

[2] Александр Николаевич Ераков.

[3] Василий Степанович Степанов — чиновник канцелярии министерства императорского двора.

[4] Николай Карлович Краббе (1814—1876) — видный военно-морской деятель, адмирал; с 1860 до 1876 г. — управляющий морским министерством. Знакомство с ним Некрасова, — а через него и Лазаревского — «охотничьего» происхождения. С осени 1868 г. они, как видно из неизданного дневника Лазаревского, почти всегда охотились втроем. См. выше, на стр. 324—326, письма Краббе к Некрасову.

[5] Петр Иванович Сезеневский — врач, сопровождавший Некрасова в эту поездку за границу. Некрасов и Лазаревский хлопотали об устройстве его на службу в Морское министерство, а его брата — в Сенат (см. в след. письмах).

[6] Передаваемый Лазаревским слух не соответствовал действительности. С момента своего ареста 26 марта 1869 г. и до вынесения ему 15 июля 1871 г. С.-Петербургской судебной палатой приговора П. Н. Ткачев находился в тюремном заключении.

[7] О «Космосе» см. в примеч. к письмам Лазаревского от 28 мая и 12 июля 1869 г.

[8] Несомненно, имеется в виду цензурный «горизонт». 1869 год был весьма тревожным для «О. З.» (см.: В. Евгеньев-Максимов. Очерки социалистической журналистики. М.—Л., 1937, 156—161). «Музыкант»—это, видимо, Ф. М. Толстой. Он, дей-

НЕКРАСОВ

Фотография Г. Деньера, 1864 г.

Центральный литературный архив, Москва

ствительно, молчал почти всю первую половину 1869 г., но летом вновь взялся за «О. З.», предприняв ряд атак против журнала в Совете Главн. управл. по делам печати (см. письма Ф. Толстого к Краевскому в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 479—487).

[9] В мае 1869 г. товарищем министра путей сообщения гр. В. А. Бобринского был назначен барон А. И. Дельвиг.

⟨2⟩

НЕКРАСОВ — ЛАЗАРЕВСКОМУ

⟨Интерлакен, 17/29 мая 1869 г.⟩

Дорогой Василий Матвеевич, сколь мне приятно было Ваше письмо и говорить нечего. Спасибо и за доброе слово и за вырезки из брошюры [1]. Она, видимо, умно и бойко написана, но мне не это важно, а то дорого, что

я увидел, что у меня есть друзья. Насчет дачи очень Вам благодарен, что Вы не забыли — значит, у меня есть приют на конец лета и начало осени [2]. Скоро ли попаду в Россию—сам еще не знаю, но думаю, что к августу, к половине буду с Вами. Напишу еще, когда решусь определенно. Живем мы в полной праздности и беспечности. Вчера влезали на какую-то вечернюю гору, откуда хороший вид (завтрак тоже там недурен), сегодня болят ноги, завтра полезем на другую. Правда, что шалберничать как-то совестно — это чувство меня всегда посещает в праздности — но зато здорово и спокойно. Петербургские дрязги и в голову не приходят. Писать еще не пробовал, да и не знаю, буду ли. Тревожить нервы — жаль.

Петр Иванович благодарит Вас сильно за память [3], кланяется и просит сказать, что аттестат его теперь в полиции, так как иначе нельзя было бы получить заграничного паспорта. В аттестате значится, где кончил курс и где служил. Он Вас просит не забыть о нем и об его брате. Насчет желаемых Вами вещей — все будет сделано.

Весь Ваш
Н. Некрасов

Адрес: Canton Bern, Interlaken, poste restante. Пробуду здесь недели три.

На конверте: St. Pétersbourg (Russie)
Его Превосходительству
Василию Матвеевичу Лазаревскому.
На Литейной, дом Мансурова
Почтовый штемпель отправления: Interlaken,
29. V. 69—9.

[1] Помета Лазаревского: «Рождественского против Антоновича».
[2] Лазаревский поясняет: «Дача была нанята совместно с Некрасовым на Лиговке у графини Кушелевой за 300 руб., но он запоздал и на даче не жил».
[3] Помета Лазаревского: «Доктор Сезеневский».

⟨3⟩[1]

ЛАЗАРЕВСКИЙ — НЕКРАСОВУ

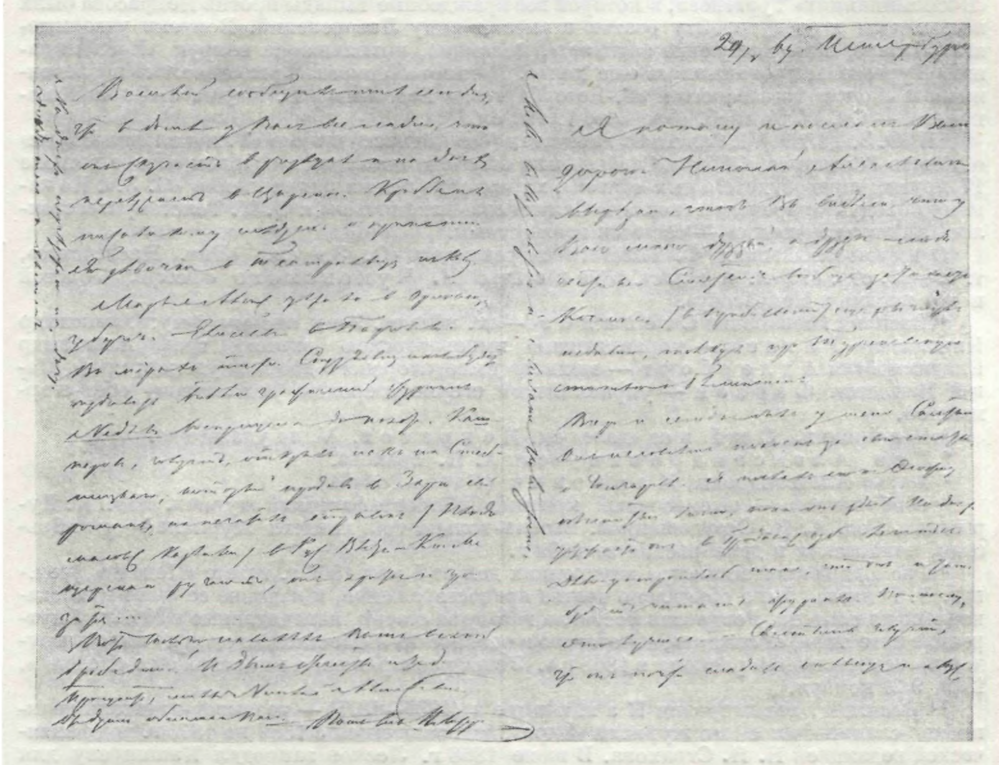
29 мая ⟨18⟩69 г. Петербург

Я потому и посылал Вам, дорогой Николай Алексеевич, вырезки, чтоб Вы видели, что у Вас много друзей, а друзья люди честные. Смятение вообще затихает. «Космос» (в прибавлении) еще ругнул недавно, толкуя про тургеневскую статью о Белинском [2].

Вчера и сегодня был у меня Салтыков, он не совсем покоен за свою статью о Гончарове. Я послал его к Феофилу извиниться лично, пока он здесь [3]. На-днях уезжает он ⟨Ф. М. Толстой⟩ в Гродненскую губернию лечиться. Дело устроилось так, что он и там будет читать журнал. По-моему, это лучшее, — Салтыков говорит, что он почти сладил июльскую и августовскую книжки. Одной прочитанной больше — лишний денек отдохнуть, сладостной лени предаваясь. Жаль тревожить нервы — и не тревожьте. Пускай набираются электрической влаги, молния брызнет в свою пору.

С Иванова дня думаем с Николаем Карловичем ⟨Краббе⟩ открыть охоту в Чудове. Тетеревей обилие замечательное. Как бы только эти холода (у нас просто мерзость воздушная) не загубили младенцев. Степанов тоже ломится туда. Он продал мне своего Милорда, как Вы знаете, за 85 р. (рыжий понтер), объясняя такую дешевизну хорошим моим поведением, хоть я ничего не мог еще для него сделать. Ратаев поссорился с Адлерб⟨ергом⟩ и думает уходить. Был у меня посоветоваться, что и как, и полагает, что Степанов мог бы занять его место. Ферзен за границей, да и время еще терпит. По осени уж разом на него накинемся [4].

С делом Прасковьи Николаевны [5] случился казус непредвиденный. Она не знала или забыла, что по бывшему месту ее жительства все это давно было выслано сюда, в Управу благочиния. Я сообщил Льву Александровичу [6], что сказать ей, и буду ждать, на что она решится. Кстати, от Л⟨ьва⟩ Ал⟨ександровича⟩ узнал, что нанятая мною дача та самая, где в третьем году жил Алекс⟨андр⟩ Никол⟨аевич⟩. Вероятно, Вам приходилось там бывать, так что Вы имеете понятие о Вашем будущем охотничьем приюте. Василий сообщил мне сегодня, что в доме у Вас все ладно, что он скучает в разлуке и на-днях переезжает в Царское. Краббе написал кому следует о принятии его девочек в театральную школу.

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. М. ЛАЗАРЕВСКОГО К НЕКРАСОВУ ОТ 29 МАЯ 1869 г.

Страницы последняя и первая

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Марья Алекс⟨андровна⟩ [7] уехала в Орловскую губернию. Елисеев в Парголове. В мирах тихо. Струговщиков нынче будет издавать библиографический журнал [8]. «Неделя» воспрещена до ноября [9]. Кашпирев, говорят, открыл иск на Стебницкого, который продал в «Зарю» свой роман, напечатав отрывок (Плодомас⟨овские⟩карлики) в «Рус⟨ском⟩Вест⟨нике⟩»[10]. Кн. Мещерского ругают, он ярится и грозится... [11]

Вот сколько навалял Вам всякой дребедени. И дым отечества и т. д. Прощайте, милый Николай Алексеевич, от души обнимаю Вас.

Ваш весь В. Лазаревский

Приписки на полях:

⟨1⟩ Mille belles choses à madame votre sœur.

⟨2⟩ С 15 июля взяли двухмесячный отпуск я и Фукс.

⟨3⟩ На-днях переезжаю на дачу. Дождь так и хлещет.

[1] Ответ на письмо 2-е.

[2] Одним из наиболее тяжело пережитых Некрасовым событий его литературной биографии явилось враждебное ему выступление И. С. Тургенева в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1869 г. В напечатанных здесь «Воспоминаниях о Белинском» Тургенев, ссылаясь на письма критика, утверждал, что с самого начала издания «Современника» Белинский «был постепенно и очень искусно устранен ⟨Некрасовым⟩ от журнала, который был создан собственно для него». При этом Некрасов был назван «богатым человеком» и «официальным поэтом Английского клуба». Некрасова глубоко ранило это выступление. Как он и ожидал, «тонкие намеки г. Тургенева», «хитро скрепленные авторитетом Белинского», лишь подлили масло в костер той травли, которая была поднята против него мартовским памфлетом Антоновича и Жуковского. В издававшемся при их участии журнале «Космос» (Приложение № 1, СПб., 1869, ценз. разр.— 13 мая) была напечатана анонимная, очевидно написанная Антоновичем, статья о «Воспоминаниях» Тургенева, в которой все враждебные выпады против Некрасова были подхвачены и раздуты. Эту статью и имеет в виду Лазаревский. Вопреки утверждению Лазаревского «смятение затихает», полемика, поднявшаяся вокруг «Воспоминаний» Тургенева, продолжалась еще долго. Помимо «Космоса» в нее оказались вовлеченными и «Голос» Краевского и «С.-Петербургские Ведомости» В. Корша и «Заря» Каширева. — См. об этом сб. «Звенья», I, 192 сл.

[3] В «О. З.», 1869, VI, Салтыков напечатал (без подписи) статью «Уличная философия» о романе Гончарова «Обрыв». Статья была отмечена цензурой в годовом обзоре в числе 17 других «предосудительных статей», характеризующих направление «О. З.». По какому поводу Лазаревский «послал» Салтыкова «извиняться» к Ф. М. Толстому и состоялось ли это «извинение» — остается неизвестным.

О взаимоотношениях Ф. Толстого и редакции «О. З.» см.: «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 479 сл. и в наст. томе в статье К. Чуковского «Феофил Толстой и его письма к Некрасову».

[4] Василий Степанович Степанов —см. примеч. 3-е к письму 1-му; Александр Николаевич Ратаев — управляющий императорскою охотою; граф Александр Владимирович Адлерберг — министр императорского двора и уделов; граф Павел Карлович Ферзен — управляющий егермейстерским ведомством, обер-егермейстер.

[5] Мейшен. О ней и ее «деле» см. Некрасов, V, по указателю.

[6] Лев Александрович — сын А. Н. Еракова.

[7] Марья Александровна Маркович (Марко-Вовчок).

[8] «Библиограф» — ежемесячный критико-библиографический журнал. Изд. К. Дурышкин. Ред. А. Н. Струговщиков. Вышли только три книжки журнала — октябрьская, ноябрьская и декабрьская за 1869 г.

[9] Распоряжением министра внутренних дел от 5 мая 1869 г. газете «Неделя» (ред.-изд. В. Генкель) было объявлено третье предостережение, и издание ее было приостановлено на полгода. Репрессия постигла газету за статьи, напечатанные в № 19: «Внутренние известия», «Испания», «Отечество в опасности» и «Несколько слов по поводу трудов по исследованию раскола в 1868 г.». Текст распоряжения министра см.: «Неделя», 1869, 9/21 ноября.

[10] Василий Владимирович Каширев (1836—1875) — редактор-издатель реакционно-славянофильского журнала «Заря», издававшегося с 1869 по 1875 г. под фактической редакцией Н. Н. Страхова. В июне 1868 г. Лесков запродал Каширеву для «Зари» своих «Божедомов» и получил 500 руб. задатка. Печатание их там не состоялось. Лесков не представлял «Заре» обещанной рукописи и вместе с тем начал в «Русском Вестнике» (1869, II) печатание другого своего произведения «Старые годы в селе Плодомасове». Каширев подал в суд. Дело рассматривалось и в окружном (в 1869 г.) и в «третейском» (в 1871 г.) судах (см.: «Судебный Вестник», 1869, №№ 176, 179, 209 и 224 и открытое письмо Лескова в «Биржевые Ведомости» того же года № 219). Дело закончилось лишь в марте 1871 г. после продажи романа в «Русский Вестник».

[11] В мае 1869 г. известный реакционный публицист кн. В. П. Мещерский (см. ниже его письма к Некрасову) выпустил анонимно свою книгу «Десять лет из жизни редактора журнала. Рассказ в диалогах в 4-х эпохах и 5-ти частях». В этом пасквиле Некрасов изображен под именем Раздолинского (Ашукин, 366). Никитенко записывает в своих дневниках, что Мещерский читал памфлет в петербургских аристократических салонах, не делая, таким образом, тайны из своего анонима.

⟨4⟩

НЕКРАСОВ — ЛАЗАРЕВСКОМУ

Киссинген. $\frac{\langle 28 \text{ июня} \rangle}{10 \text{ июля}}$ 1869 г.

Не удивляйтесь и не сердитесь, многолюбимый друг Василий Матвеевич, что я долго к Вам не пишу. На душе чорт знает как скверно, не знаю когда и справлюсь с собою, совсем нехорошо. — Чорт меня понес за гра-

ницу! Сказать правду, этот раз я ужасно недоволен, что поехал. Нервы окончательно расстроились; если так пойдет, то я брошу воду (которую теперь в Киссингене пью) и уеду в Россию. Знаю, что и там будет нехорошо — да хоть на охоту сходим. А между тем мне по-настоящему осталось в Киссингене сидеть и пить воду 2 недели, отдыхать потом 10 дней, в море купаться месяц; значит, если б я захотел выдержать эту программу, то должен бы явиться в Россию только в конце августа. Не знаю, не знаю [1].

Пишите нам (Kissingen (Bavièr<e>), Hôtel garni Sauer, № 16), если будет охота, что̀ Вы и ка̀к и каковы первые опыты летней охоты? — Петр Иванович Вам несказанно благодарен за Ваше великодушное беспокойство о делах его и его брата. Я присоединяю мое дружеское и глубокое спасибо.

Если видите Степанова, то скажите ему, что ружье я едва ли ему привезу. В Лондон я не попал, а в Париже ничего хорошего не нашел; даже вовсе нет ни у Девиша, ни у Гастель-Ренета ружей с центральным заряжением. Пусть напишет, что он желает, чтоб я сделал с его деньгами. Впрочем, поищу еще в Берлине, но привозить вещь посредственную не хочется. В Киссингене порядочная скука. Водопийство это тоже, говорят, нагоняет хандру, а у меня ее и так довольно. Народу здесь множество, все это пьет и д..... так что городишко представляется в виде громадной д........, куда и я, грешный, несу свою лепту. Больше сказать о нашем житье нечего. Встаем рано, ложимся рано, едим скверно — все это мне крайне не по нутру.

Прощайте, друг.

Весь Ваш
Н. Некрасов

[1] Некрасов вернулся из-за границы в Петербург лишь в начале сентября 1869 г. (Ашукин, 368).

<5>

ЛАЗАРЕВСКИЙ — СЕЗЕНЕВСКОМУ

<Не позже 12 июля 1869 г.> [1]

Рукою Н. К. Краббе: Н. К. Краббе, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству Василию Матвеевичу, препровождает при сем печатный экземпляр высочайшего приказа по Морскому ведомству, от 9 июня, коим отставной лекарь Сезеневский определен на службу в 8-й флотский экипаж младшим врачом. Об этом определении Краббе просит дать знать г. Сезеневскому. — 24 июня.

Далее рукой Лазаревского: Что сим и исполняю. Vaut mieux tard que jamais. Приказа не посылаю, потому что пишу на авось, не ведая какую подсолнечность счастливите Вы своим местонахождением. Брат Ваш так и не был. Сам виноват будет. Скажите Николаю Алексеевичу, что в Чудове к Петрову дню я нашел тетеревей с дрозда, которых, разумеется, не стрелял, а в Киришах не нашел ни одного бекаса, а уток всего пару. Взял за Сельцами всего 5 пар тетеревей (диво, там выводки с рябчика) и кроншнепа. — 15 раз начинали генеральное открытие сезона в Чудове.

По редакции все благополучно, никого это лето не видел. Толстой вернулся и председательствует [2].

Все по-старому. Новости все печальные. Потемкина умерла [3], Липранди ударился в литераторство [4], щенок мой от Степанова издох, «Космос» больше месяца не выходит, Клюшников будет издавать что-то вроде иллюстрации Нива [5].

Через неделю беру отпуск и жду Вас.

Целую ручку Анны Алексеевны и крепко обнимаю Николая Алексеевича.

Искренне Ваш В. Лазаревский

Я уже Вас озадачил всеми своими поручениями, и все неймется. Попросите хорошенько (вперед тысячу извинений) Анну Алексеевну выбрать хорошенькую кружевную fanchon, весьма скромную, франков 50—60, а если бы таковая штука не находилась, то на такую же цену серого фуляра на платье, — а с Николая Алексеевича, в наказание за леность, гроши взыщите — до расчета при свидании.

Л.

Когда же в самом деле домой?

[1] Дата определяется в сопоставлении с последующим письмом от 12 июля, начинающимся словами: «Только что отправил письмо в Киссинген». Однако начинающая письмо записка Н. К. Краббе датирована 24 июня.

[2] Ф. М. Толстой временно исправлял должность начальника Главн. управл. по делам печати, замещая М. Н. Похвиснева, находившегося в отпуску с 1 июля по 12 августа 1869 г.

[3] Татьяна Борисовна Потемкина — меценатка-благотворительница. Умерла в начале июля 1869 г. в Берлине.

[4] Иван Петрович Липранди (1790—1880) — составитель известных агентурных донесений по делу Буташевича-Петрашевского, впоследствии генерал-майор, автор ряда работ на исторические темы. В 1869 г. напечатал книгу «Восточный вопрос и Болгария».

[5] Виктор Петрович Клюшников (1841—1892) — реакционный беллетрист 60—70-х годов; с 1870 по 1892 г. редактировал «Ниву», издававшуюся А. Ф. Марксом.

‹6›

ЛАЗАРЕВСКИЙ — НЕКРАСОВУ

12 июля ‹1869 г.›. Лигово

Только что отправил письмо в Киссинген, как получил Ваше [1], дорогой мой, хороший Николай Алексеевич. На меня тоска надвинулась. Чуется мне, что Вам взаправду больно. Что тут миндальничать! У чуткого, искреннего сердца тревоги неисходные. Их не вынешь, или многое вынешь с ними. По плечам и крест на человека. Тут и поминки прошлого и великие чаяния идущего, а Вам есть на что оглянуться, есть во что загадывать.

Но как бы то ни было и сколько бы лично не терял я от Вашей подлой заграницы, я решительно протестую против бегства Вашего, пока не исчерпаете немецкой воды во всех видах ее посягательств на избалованную плоть Вашу. Больше после выдержит и лучше полгода поработает. Делать нечего, с выводками придется проститься. Но по части дупеля и бекаса ведь вся жатва пред Вами. Впрочем, несколько выводков буду держать для Вас до последнего предела возможностей. А там не за горами (хоть и в горах) облавы. Грешный человек, стыдно признаться, а некуда правды девать: нет у меня теперь лучшего загадывания вперед, как облавы, конечно, с той обстановкой, в которую рядит их свежее воспоминание.

‹. . . . .›

Государь уезжает на юг 17-го, и потому мы в Чудове открываем охоту только с 18-го. Но 15-го и т. д. буду бродить по взморью, где теперь вряд ли, впрочем, что есть. Билет Ваш мне доставлен. Николай Карлович морщится, что его новый подчиненный в службу долго не вступает, ну да это не беда. Вам-то он нужнее.

«Космос» не прекратился, а только линял перед новым видоизменением. С июля будет выходить книжками 10—12 листов [2]. «От‹ечественные› Записки» в руках хороших — читает их Веселаго [3]. Последняя книжка без перепечаток.

Я уже в отпуску.

Василия видел недели три назад. Приходил ко мне за новым письмом ради определения своей девочки, заболевшей во время приема. Не знаю, удалось ли ему.

Христос с Вами. Дружески жму хорошую руку Вашу, горячо обнимаю Вас.

Весь Ваш В. Лазаревский

Приписки на полях:

<1> Слышал говор из верного источника, что будто Александр Николаевич, несмотря на все просьбы гр. Бобринского, подал в отставку [4].

<2> Целую ручку Анне Алексеевне и еще раз прошу извинения за возложенное на нее беспокойство. Все приветы Петру Ивановичу.

[1] От 28 июня 1869 г. — см. выше.

[2] Популярно-научное обозрение «Космос», основанное в 1869 г., выходило сначала еженедельно, тетрадями in 8°, по 10—12 страниц. Со второго полугодия 1869 г. журнал реформировался и стал выходить ежемесячными книжками in 16° по 10—12 печ. листов (ред.-изд. А. Н. Симонов). Ценз. дата первой книжки реформированного «Космоса» — 14 июля 1869 г.

[3] См. примеч. к публикуемому выше письму Ф. Ф. Веселаго к Некрасову.

[4] В письме к Некрасову от 25 июля 1869 г. А. Н. Ераков, служивший в Министерстве путей сообщения, писал: «Назад тому три дня я озадачил Бобринского <министра> своей отставкой...» («Звезда», 1927, XII, 131).

<7>

НЕКРАСОВ — ЛАЗАРЕВСКОМУ

29 июля / 10 августа <1869 г.> Диепп

Получили мы Ваше письмо, глубокочтимый и любимый друг Василий Матвеевич, в Диеппе, где пребываем уже с неделю. Я шесть раз уже погружался в море и худа себе не вижу. Кажется, опасения, буду ли его хорошо переносить — были напрасны; не только лихорадки, но даже малого прилива к голове или тяжести на груди после купанья — не чувствую. А ощущаю волчий аппетит и хорошее расположение духа. Если так пойдет, то в сердце моем поставлю вечный памятник морю! Я к нему шел с боязнию — и надеждой! Мне уж лет пятнадцать все говорят: хорошо бы Вам купаться в море, да Вы вряд ли выдержите его! И теперь я особенно доволен потому, что я о себе был всегда такого мнения, что все могу выдержать. Из сего можете усмотреть, как мало было у человека самолюбия, но надо быть самоуверенным до тупости, иначе ничего на этом свете не сделаешь. Я это сознаю теперь, когда начинаю терять это милое качество. Жаль, что нет у меня детей, я бы их так воспитал, что не испугались бы никакой стихии! Гордость и самоуверенность даже при глупости ничего, а при уме это прибавка трех четвертей силы. Русские люди до нищеты бедны этими качествами.

Ну, мы с Петром Ивановичем кланяемся Вам земно, и так же точно благороднейшему Николаю Карловичу Краббе. Нечего распространяться, как благодарен ему Петр Иванович. Краббе сам его заметил, и не ошибся. П<етр> И<ванович> человек точно хороший, и Краббе не будет жалеть, давши ему ход. Так как П<етр> Ив<анович> поехал со мной, то скажите Ник<олаю> Карл<овичу>, что он со мной и воротится, значит вступит на службу в сентябре. Конечно, если б Ник<олай> Карл<ович> требовал его ранее, то мне пришлось бы его отпустить немедля и остаться одному, но, надеюсь, он *для меня* позволит П<етру> И<вановичу> промешкать еще месяц. А впрочем, да будет воля министра.

Брат Сезеневского нашел себе частное место и от вступления в Сенат отказывается. Как идет Ваша охота? К осенней непременно явимся и зададим валдайскому зайцу и перу подобающую встрепку.

Адресуйте в Диепп, если вздумаете написать. Степанову ружье поищу еще, как поеду через Париж.

Весь Ваш
Н. Некрасов

P. S. Ваши поручения сестра исполнила. Привезем. Она теперь в Франценсбаде.

Ответ на письма 5-е и 6-е. Отрывки из этого письма были опубликованы в кн.: К. Е. Чешихин-Ветринский. Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. — «Историко-литературная библиотека», вып. VI, М., 1911, стр. 329.

‹8›

ЛАЗАРЕВСКИЙ — НЕКРАСОВУ

30 июля ‹1869 г.› Петербург

Мне верится, что у Вас хоть немножко посветлеет на душе, многочтимый и крепко любимый Николай Алексеевич, перечитав эти листки. И мне так хочется для Вас этой светлины, что не задумываюсь послать всю эту штуку [1], хоть дважды рискую опоздать: Вы, конечно, и уехали уже из Киссингена, и тот или другой из Ваших близких, вероятно, предупредил меня, долго в неведении обретавшегося о сей баталии, рыская по охотам.

Пока охота, увы, неудачна. В Чудов ездил я с Краббе и Таубе, его директором [2]. Полное фиаско! Я, приготовивший только двух проводников и не рассчитывавший на Таубе, должен был, конечно, как хозяин, предоставить гостям все удобства — и сам остался без выстрела. Они взяли штук по пяти. На другой день отправился на Волхов, но не в Кириши. А ради большего удобства в пристани и помещении, в Сольцы: тоже за тетеревами (бекаса ни одного). Некий Василий Захаров обещал миллионы выводков. Мы, на три ружья и шесть отличных собак, взяли одновременно оба берега Волхова, и я с Краббе — без выстрела, а Таубе взял, кажется, пару молодых. — Сегодня отправляюсь еще в Чудов с своим доктором. Дело в том, что мой Сережа захворал скарлатиной, и этот господин до того был внимателен к больному (которого уже и поставил на ноги), что я считал себя обязанным отплатить ему возможным удовольствием на охоте (он, пьяный, хоть плохонький стрелец — не то, что наш доктор). Но утешает Лигов, пальба, пальба, я Вам говорю, такая, что морю жарко. Отвел и я душу, убив с неделю назад трех дупелей. Пока только и было — но ведь это полетные, — должно быть, и выводки будут. Это у взморья, и наверху тоже дупеля нашел доктор (он сосед мой по даче). Не знаю, что нам достанется взять завтра в Чудове, но дичи там много, и больше, вероятно, уже туда не поеду, сиречь — остаток будет ждать Вас, хоть теперь уж я не больно-то надеюсь на Ваш скорый приезд, с появлением на Западе Александра Николаевича, с которым, к сожалению, так мне и не удалось проститься [3].

Никого из редакции не видел и не знаю, кто есть налицо.

М‹арьи› Алекс‹андровны› нет еще. Все тихо и мирно у нас. Доклады Феофила не продолжаются более 10 минут [4]. Мейеру дали второе ‹предостережение› [5]. Приехал Валуев в председатели банка учетного.

Не знаю, состоится ли наша поездка с Краббе на маяк Манзунд (24 часа пароходной езды за Ревель), где, говорят, садок тетеревей и белых куропаток. Хотели ехать 3 числа августа. Недоволен Н‹иколай› Карл‹ович› двухсотной собакой Степанова и хотел ему возвратить. Ст‹епанов› неправ, отказавшись взять, о чем заявил прежде. Зато я предоставил Н. К. кажется удивительного сетера за 100 р., с болью на сердце не воспользовался сам этой диковиной. Говорят, такой чорт, что чуть не рассказывает, где выводки, а ведет охотника, как по зрячему, разыскавши прежде сам. И красавец!

Ну, теперь, во всяком случае, до скорого свидания. Обнимаю Вас искренне и горячо, милый Николай Алексеевич. Храни Вас бог, и душу Вашу, и плоть Вашу.

Ваш весь В. Л‹азаревский›

[1] В самый разгар литературно-журнального шума, поднятого вокруг имени Некрасова в связи с появлением в печати тургеневских «Воспоминаний о Белинском», положение поэта было неожиданно облегчено. Н. Скандовский напечатал в №№ 187 и 188 «С.-ПетербургскихВедомостей» от 10 и 11 июля 1869 г. письмо Белинского к В. П. Боткину (адресата письма Н. Скандовский не знал в момент опубликования документа). Это в значительной мере дезавуировало обвинения, выдвинутые против Некрасова Тургеневым, и существенно ослабляло силу произведенного ими впечатления. Несомненно, что о посылке именно этой публикации из «С.-Петербургских Ведомостей» и идет речь в письме.

[2] Барон Василий Федорович Т а у б е — директор инспекторского департамента Морского министерства.

[3] А. Н. Ераков 28 июля 1869 г. выехал за границу, в Киссинген.

[4] Т. е. доклады Ф. М. Толстого в Совете Главн. управл. по делам печати.

ГОСТИНИЦА (HÔTEL «ROYAL»), В КОТОРОЙ ВО ВРЕМЯ ПРИЕЗДОВ В ПАРИЖ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ НЕКРАСОВ

Литография 1850-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

[5] Фридрих (Федор Егорович) М е й е р (1824—?) с 1859 г. состоял редактором «St. Petersburge deutsche Zeitung» и в то же время был лектором немецкого языка и литературы в Петербургском университете. По поводу второго предостережения, полученного газетой Мейера, Ф. М. Толстой писал Краевскому в недатированном письме 1869 г.: «Я надеюсь, что н а м не поставят в укор русские люди нахлобучку, данную Мейеру. Человек, провозглашающий на р у с с к и е деньги, что изучение русского языка и введение его в Остзейском крае есть посягновение на культуру и п р о с в е щ е н и е — не есть публицист, а злокачественный клеветник» (ГПБ в Ленинграде — не издано).

⟨9⟩

ЛАЗАРЕВСКИЙ— НЕКРАСОВУ

Петербург. 6 августа ⟨1869 г.⟩

Пародируя, блаженной памяти, шевыревский стих: «Что в море купаться, что Данта читать»[1] — я бы сказал: как в море купаться, хорошо мне было читать Ваш горячий дифирамб морской волне, так роскошно и свежепросольно Вас теперь омывающей, искренне любимый, сердечный друг Николай Алексеевич. Ну-с, эти хорошие впечатления, и прилив здоровья, и сознание этого прилива стоят, конечно, тетеревиных выводок и дупельного вывала. Набирайтесь же за морем и в море свежести и крепости

и заморской выносливости на русский труд, на всяческие всероссийские истязания.

Был я недавно со своим доктором в Чудове. И опять неудача. Оба дня невезения: дождь лил до полудня. Я взял, впрочем, пять пар. Цыпленок уже переменился пером. Доктор — пару. Птицы пропасть, да все как-то не ладилось дело. Не то можно было набить! Поеду еще раз на-днях да до дупеля и забастую. Начинает появляться, я на взморье две пары убил. — Могу утешить Вас одним — в будущем лете Чудово должно представить в некотором смысле действительный садок тетеревиный. Краббе с тех пор не видал. Пишу ему сегодня по поводу Петра Ивановича. На даче, не ожидая больше Вас к дупелям, заживаться не стану. Вуду наезжать, т. е., вероятно, будем наезжать. Дворнику прикажу несколько комнат отапливать.

Посылаю Вам в дополнение посланного (не знаю, полученного ли Вами) в Киссинген письма Белинского — заметку Боткина. Мне она кажется не лишенной значения после ответа Краевского (он говорит, что Вы будете в половине августа) [2].

Встретил вчера Гаевского и Дмитрия. Кланяются Вам.

Тороплюсь крайне, хотя весьма бы хотелось еще поболтать.

Много говорят, что Валуев в банке получает всего 15 т. р.

В Москве учреждается тоже учетный и ссудный банк, председателем Чижов [3], помощником Ив. Серг. Аксаков. Пожалуй, говорят, вскоре заменит Чижова.

До свидания. Христос с Вами. Дружески жму руку Вашу.

Весь Ваш В. Лазаревский

Обнимаю Петра Ивановича.

Спасибо за хлопоты по поручению.

[1] Цитата из стихотворения С. П. Шевырева 1830 г. «Чтение Данта»:

Что в море купаться,
Что Данта читать:
Стихи его тверды и полны,
Как моря упругие волны.

[2] В «Воспоминаниях о Белинском» Тургенева был затронут не только Некрасов, но и Краевский. Последний счел необходимым выступить с самооправданиями и сделал это немедля после выхода в свет четвертой книжки «Вестника Европы». См. его анонимный фельетон в № 100 «Голоса» от 10 апреля 1869 г.: «Библиография и журналистика». Что касается «заметки Боткина», то это, несомненно, «Письмо к редактору» В. П. Боткина из Аахена от 29 июля (10 августа) 1869 г., напечатанное в «С.-Петербургских Ведомостях» от 6/18 августа 1869 г. Боткин подтверждает здесь, что опубликованное Н. Скандовским письмо Белинского в №№ 187 и 188 «С.-Петербургских Ведомостей», действительно, было адресовано ему, Боткину, и рассказал, каким образом письмо это было утрачено им.

[3] Федор Васильевич Чижов (1811—1877) — известный участник ранних славянофильских кружков, профессор математики (до 1840 г.), писатель по вопросам истории литературы и критики, автор ценных воспоминаний о Гоголе, наконец, один из энергичнейших созидателей крупной промышленности в России. После Крымской войны активно участвовал в строительстве железных дорог, в учреждении пароходств, банков и т. п., объединяя и организуя быстро растущую промышленную буржуазию и ревниво отстаивая интересы отечественного капитализма от иностранной конкуренции.

⟨10⟩

НЕКРАСОВ — ЛАЗАРЕВСКОМУ

Висбаден, ⟨5—6 (17—18) июля 1873 г.⟩ [1]

По тетереву?.. [2]

Добрейший друг Василий Матвеевич. После Киссингена я проехал в Висбаден, а отсюда еду завтра в Париж и Диепп. Здоровье мое едва ли выиграло от Киссингена — перемены в гемороидах нет. Злюсь, впрочем, меньше. Так как Вы теперь, вероятно, в Чудове — бьете тетеревей, — то Вам ничего не будет стоить навести справки о житье-бытье вселюбез-

нейшего нашего Кадо [3]. Пишите нам, друг (Dieppe, poste restante), как он? Главное, здоров ли и не чинится ли ему каких притеснений со стороны Александра [4]. Мои распоряжения были: Никанору занять комнату с лежанкой, дабы Кадо мог жить в комнатах и в саду. Никанору водить Кадо на охоту ежедневно. Никанора от Кадо никуда не отрывать. Исполняются ли эти повеления? Если слабо, то настойте на строгом их выполнении. Разумеется, главное, чтобы собака не пропала, не запаршивела и была здорова.

Не думайте, что предаюсь здесь веселью. В деревне мне было бы гораздо лучше, особенно приняв в соображение, что я должен работать. Там все-таки не так жарко, как [печет] в Висбадене, откуда пишу теперь. К 20 августа, а может и ранее, постараюсь придрать в Питер.

Прощайте. Весь Ваш

Н. Некрасов

С 1 июля газет не вижу. Не случилось ли какой пакости с От<ечественными> Зап<исками>? — Имели сведение от Плещеева о действиях В<иктора> Як<овлевича> [5]. — Хорош! [6]

Ах ты Фуксять,
Шкура ты, ...
. . . .

Ничего лучше этих стихов он не заслуживает. Но чорт с ним. Будьте здоровы. Поклонитесь Каменскому [7]. Зина и сестра Вам кланяются.

Н. Некрасов

[1] Датируется предположительно по данным письма Некрасова к А. Н. Еракову от 25 июня 1873 г. (см.: Некрасов, V, 507—508).

[2] Подпись под силуэтным изображением стреляющего охотника в левом верхнем углу, л. 1.

[3] Любимая охотничья собака Некрасова.

[4] Александр — чудовский егерь Некрасова.

[5] Помета Лазаревского: «Фукс».

[6] Это письмо Плещеева Некрасову неизвестно, но, несомненно, он сообщал о том же, о чем сообщил Лазаревский Некрасову 9 июля 1873 г. (см. след. письмо).

[7] См. о нем примеч. на стр. 51 и 378 наст. тома.

<11>

ЛАЗАРЕВСКИЙ — НЕКРАСОВУ

9 июля <1873 г.>

Да, была игра! — не знаю, я ли сорвал банк, мой ли сорван, по крайней мере, стол и карты убраны, — и я могу понимать, что кругом делается. Начать с того, что с Вашего отъезда я выходил из своих проклятых стен только по проклятым вторникам [1]. — И семья в городе — Трубецкой травил меня — т. е. не травил, впрочем, а ловил и в раскидные, и в навленые сети, — два месяца не хотел подписывать протокол, а между тем нужно было читать и подписывать другим — у самого меня заботы было до 5 часов каждой ночи, — а тут министр [2] выезжает надолго за границу, и оставаться с делом на руках, это значило свет себе завязать по всему. А тут еще квартиру переменить. Там набавили двести — думалось выгадать, прибавили еще двести, и оказалось еще хуже. Труб<ецкому>, наконец, я пригрозил, что если к 7 июля не пришлет бумаг, то я представлю М-ру все дело с объяснением. Прислал к ночи на 7-е. Благодаря случайному приезду кн. Волконского по делу о банкротстве Марка Ко я вырвал бумаги (не подписанные) и в четыре дня успел подписать все. А потом опять воротил Тр<убецкому>. Каков барин! Вся эта тревога и работа шла под молотками укладчиков и вдруг, трах. Большой молоток стукнул.

Я не хотел было говорить Вам об этом, не хотел туманить Вашего прекрасного далека, но ведь Вы могли узнать и от Кр<аббе? Краевского?> и от других — и рассказы могли быть неверны.

Лонгинов уехал. В первый затем вторник Ф<укс> докладывает в Совете, что майская книжка за Шелли и июньская за Испанское письмо подлежали уничтожению, но так как теперь этого сделать уже нельзя, то поставить об этом на вид Цензурному комитету с тем, чтобы он относился к этому вредному журналу строже.

Что такое! — говорили часа два, были сцены — решили отложить суждение на неделю, чтоб каждый ознакомился со статьями. Какова, между прочим, наглость: заметив, что он, тут же, чернил формулу заявления и что под рукою у него не было книжек, я потребовал категорически указать, в чем грех и преступление. Он ответил, что не захватил книг. Как же Вы!.. и т. д. и т. д.

Нужно было серьезно проштудировать статьи, — но, главное, нужно было носить эту язву в себе целую неделю. Зная, что гадина пускает яд всегда со злости, след<овательно>, не всегда соображает, как бы вышло побольнее, я перечитал и первую статью Шелли. Расчет был верен. Оказалось, что он ее не читал, — по крайней мере, теперь это была пощечина веская. Доказавши, что обе статьи — по всему — близнецы, что если уж говорить о политике радикализма, то именно первую статью нужно было обвинять, так как там-то и обрисован Шелли как политический деятель, хотя в самых микроскопических размерах, что если ни член Совета, ни начальник Главн. управл., ни М<инист>р, ни вообще власти, не признали генварскую книжку подцензурною, не уничтожили, — то Ценз<урный> ком<итет>, встречаясь с одинаковым явлением, не мог, если бы и хотел, потребовать уничтожения майской и т. д. и т. д. Не получил Ф<укс> ни одного голоса [3].

Но вслед за тем, формулируя предостережение (второе) Вестнику Евр<опы>, он мерзко заметил, что статьи Пыпина все-таки меньше вредны, чем помянутые статьи Отеч<ественных> З<аписок> (тут оказалось три голоса против двух) [4]. Я сказал Кр<аевскому>, чтоб он следил теперь построже.— Но, однако же, этого факта не вытравишь ничем, как мерзости из Ф<укса>. Думаю, впрочем, что и Лонг<инов> спасибо ему за это не скажет. — Потолкуем лично.

< . . . . >

Христос с Вами, голубчик, обнимаю Вас, дорогой, хороший мой Николай Алексеевич. Целую ручки милых Ваших дам.

Ваш весь В. Лазаревский

Над текстом карандашная запись рукой Лазаревского, объясняющего почему письмо написано на бумаге с монограммой Некрасова: Из Чудова еще хранятся года два эти два листка и Вам же пришлось послать их.

[1] По вторникам происходили заседания Совета Главн. управл. по делам печати.

[2] Министр внутренних дел А. Е. Тимашев.

[3] В «журнале» заседания Совета Главн. управл. по делам печати от 26 июня 1873 г. обсуждение заявления, с которым выступил член Совета В. Я. Фукс, запротоколировано так:

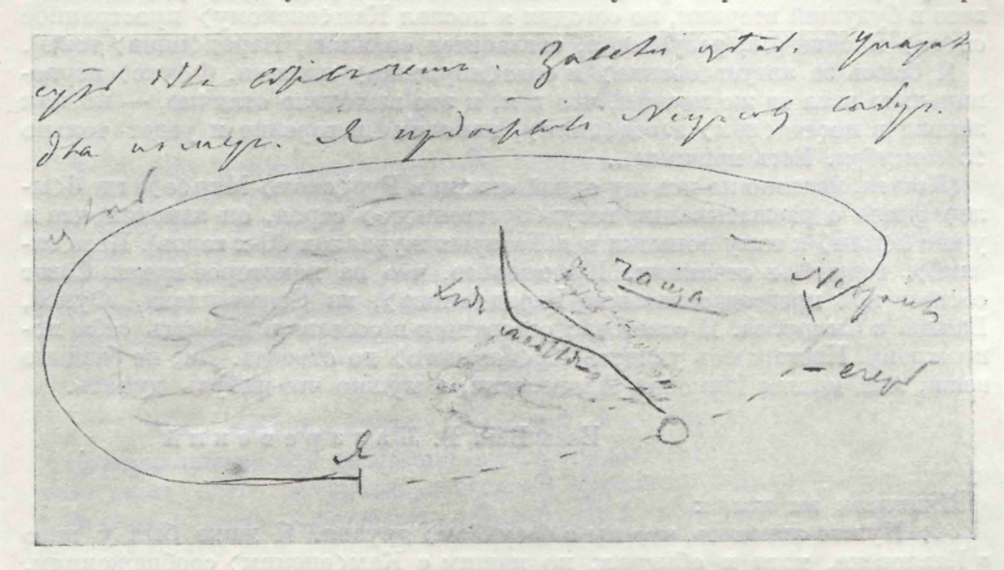
«В своем выступлении Фукс заявил, что статья о Шелли <М. Цебриковой> в майской книжке и „Письма об Испании“ <В. Зайцева, без подписи> — в июньской книжке безусловно вредны, а по сему подлежали силе закона от 7 июня 1872 г., хотя и были оставлены С.-Петербургским цензурным комитетом без последствия».

В своем объяснении председатель Цензурного комитета А. Г. Петров, в противовес доводам Фукса, доказывал, что статья Цебриковой о Шелли «есть историческое исследование в области английской литературы», в котором выявлено, что «основная идея, проходящая через все произведения Шелли, составляет мистический социализм, который в разных оттенках проповедывали Жорж-Занд, Сен-Симон, Фурье, замечая при этом (в оправдание Шелли), что большая трезвость английской расы не дала ему дой-

ти до увлечений последних. Такое содержание статьи не могло послужить поводом к аресту книги или принятию в отношении ее каких-нибудь мер. „Письма об Испании“, письмо четвертое, описывает современное положение Испании... Пристрастен автор к республиканской форме, к федеративной республике. Но вместе с тем оно не заключает протеста против монархизма вообще; в нем доказывается только невозможность, при настоящем настроении партий в Испании, применения к ней монархического принципа.

Письмо изложено языком довольно резким, но так как оно касается преимущественно местных обстоятельств Испании и не заключает в себе обобщения известного рода фактов и воззрений, или стремления проповедывать какое-либо учение с целью действовать развращающим образом на читателя, то и не имело в виду необходимости задержания журнала или принятия какой-нибудь иной карательной меры».

В результате возникшего обмена мнений большинство членов Совета считали возможным «по настоящему заявлению члена Совета Фукса не принимать никаких мер».

СХЕМАТИЧЕСКАЯ ЗАРИСОВКА В ДНЕВНИКЕ В. М. ЛАЗАРЕВСКОГО ОДНОГО ИЗ МОМЕНТОВ ЕГО СОВМЕСТНОЙ С НЕКРАСОВЫМ ОХОТЫ

Областной исторический архив, г. Горький

«Член же Совета Фукс остался при вышеизложенном им мнении о предосудительности этих статей и необходимости указать на них Цензурному комитету, как на заслуживающие применения к ним силы закона 7 июня 1872 г.», т. е. арестования книжек журнала. (ЦГИА в Ленинграде — Фонд Главн. управл. по делам печати).

[4] Текст распоряжения управляющего министерством внутренних дел от 6 июля 1873 г. об объявлении «Вестнику Европы» второго предостережения гласил: «Принимая в соображение, что в статье „Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов“ ⟨А. Н. Пыпина⟩, помещенной в 7-й книге журнала „Вестник Европы“, высказывается мысль о том, что осужденное в 1849 г. общество с преступными целями возникло будто бы вследствие мер самого правительства, что в другой статье того же нумера „Переделки судебных уставов“ подрывается доверие к правительству и что такое превратное истолкование действий правительства, обнаруживающее явно вредное направление этого журнала, продолжается, несмотря на объявленное ему уже предостережение, — управляющий министерством внутр⟨енних⟩ дел, на основании ст. 29 гл. 2 высоч⟨айше⟩ утв⟨ержденного⟩ 6 апр⟨еля⟩ 1865 г. мнения Гос. совета и согласно заключ⟨ению⟩ Совета Главн. управл. по делам печати, о п р е д е л и л: объявить журналу „Вестник Европы“ в т о р о е предупреждение в лице издателя и редактора действ. ст. сов. Стасюлевича» («Вестник Европы», 1873, VIII, перед текстом).

⟨12⟩

ЛАЗАРЕВСКИЙ — НЕКРАСОВУ

27 июля ⟨1873 г.⟩ [1]

Вероятно, Вы уже в Дьеппе, мой добрый друг, мой милый Николай Алексеевич. Письмо мое, конечно, получили. Вот и другое.

⟨. . . . .⟩

Гадина не унимается [2]. В заседании 22 июля Ценз<урный> к<омите>т представил Совету, что статья Наумова «Еж» подрывает все начала рабочего вопроса [3]. Ф<укс>, очевидно, ее не читавший, не признал за ней такого ужасного характера, но считал нужным занести в журнал как характеризующую положительно вредное направление От<ечественных> З<аписок>. Я заметил, что в докладе Комитета не узнаю статьи, которую свежо помню, и рассказал ее Совету по-своему. В прениях Смирнов <вм. Петрова> [4] имел неосторожность выразить, что они связаны строгим предписанием касат<ельно> рабоч<его> вопроса, а Ф<укс> брякнул, что статья-то сама по себе и ничего бы, но в От<еч.> З<ап.> получает особую физиономию. На этом я подловил их. Не знаю еще, буду ли в Совете в будущий вторник, но сегодня я послал Кам<енскому> пространное св<ое> мнение (он, разумеется, согласится со мною, Варад<инов> тоже).

Я боюсь за август<овские> и сент<ябрьские> книжки. Ф<укс> первоначально взял те же месяцы, что и я, и это выходило отлично, — но, как заявил в послед<нем> засед<ании>, изменил намерение и уедет только 15 сентября. Есть причины...

(Кстати, недавно по поводу одной статьи в Рус<ском> Мир<е>, где б<ыла> фраза о расшатывании госуд<арственного> строя, он заметил, что и у нас б<ыли> к тому попытки в некоторых журналах 60-х годов). Кам<енский>, бедный, в отчаянии. Представьте, что на некоторое время Совет состоит под председательством Варад<инова>, из Стремоухова, Фукса, Вакара и Смирнова. Я советовал оставаться в составе и держать себя по-прежнему. Постараюсь увидеть Кр<аевского> до отъезда. Да, не сладкие вещи, мой милый Николай Алексеевич, а нужно что-нибудь думать.

Весь Ваш В. Лазаревский

Приписки на полях:

<1> Нужно заметить, что мы с Ф<уксом> друзья. Я даже был у него в Павловске, хотя и обыграл, по нашим с Кам<енским> соображениям. Тут у Ф<укса> есть обдуманная система действия, увы, карманная. Теперь он, очевидно, бьет на пособие от Казны.

<2> Не помог Киссинген, наверное поможет Дьепп. Чорт его знает, как это: уже сколько невыносимого выносишь, а все здоров.

<3> Целую ручки милых дам, благодарю их за добрую память.

<4> Кам<енский> на днях у меня обедал. Много переговорилось. Очень Вам кланяется. Ф. Тютч<ев> умер [5].

<5> Не помню, говорил ли я, что Ваших гончих просил у меня для охоты вел. кн. Ник. Никол., я депешей разрешил, но охота не состоялась.

<6> Милую Зинаиду Николаевну очень прошу, если не затруднит таможня, купить мне фуляру, на ее рост, — конечно, не в счет того миллиона, который мы друг другу взаимно должны.

[1] Ответ на письмо 10-е.

[2] Имеется в виду В. Я. Фукс.

[3] В донесении С.-Петербургского цензурного комитета в Главн. управл. по делам печати от 14 июля 1873 г. за № 582 о рассказе Н. Наумова «Еж» («О. З.», 1873, VII) говорилось: «Означенный очерк, отличающийся крайней тенденциозностью, имеет целью представить в самом безотрадном виде положение рабочего мужика, обкрадываемого, обсчитываемого, моримого голодом бесчеловечными хозяевами, наживающими на его счет и посредством кровавого труда мужика несметные богатства». — В. Евгеньев-Максимов. Очерки социалистической журналистики, стр. 174.

[4] Андрей Иванович Смирнов — цензор С.-Петербургского цензурного комитета, заменявший в это время отсутствовавшего председателя Комитета А. Г. Петрова.

[5] Ф. И. Тютчев умер 15 июля 1873 г. в Царском Селе.

А. И. ЛЕВИТОВ

Александр Иванович Левитов (1835—1877) был связан с Некрасовым еще по «Современнику», где появились его «Выселки» (1864, I), «Бабушка Маслиха» (1864, VIII) и «Верное средство от разорения» (1865, I). В «Отеч. Зап.» Левитов поместил всего одно произведение «Хорошие воспоминания. Очерк из московских нравов» (1869, XII).

Биографические материалы о Левитове крайне скудны, и это распространяется и на сведения о его взаимоотношениях с Некрасовым. Тем не менее, фраза третьего из публикуемых ниже писем: «...Я здесь совсем пропаду без Вас» — позволяет думать, что бывали времена, когда в Некрасове он видел свою единственную опору. Не случаен и тот факт, что крупнейшее свое произведение, так и оставшееся недоконченным, — роман «Сны и факты», — Левитов намеревался снабдить эпиграфом из Некрасова:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

На кончину Левитова редакция «Отеч. Зап.» отозвалась большой статьей Скабичевского (1877, VI и VIII), начинавшейся словами: «В лице Александра Ивановича Левитова, умершего в нынешнем году, в ночь с 2-го на 3-е января, русская литература утратила еще одну молодую и недюжинную силу; еще одною светлою надеждою, загоревшеюся в начале прошлого десятилетия, стало меньше; еще просторнее сделалась и без того опустелая арена молодой пореформенной беллетристики».

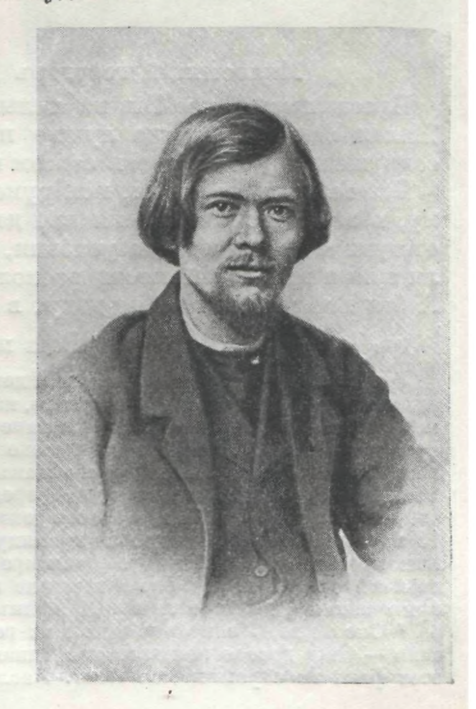
Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 53).

⟨1⟩

22 сентября 1864 г.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Покорнейше прошу воспомочь в том плохом положении, в какое поставила меня почти трехмесячная болезнь нынешним летом, — вышлите мне в Москву рублей полтораста, или сто. Я, в свою очередь, к 10 ноября привезу лично Вам очерк, который почти погасит мой долг, а к декабрьской книжке у меня для «Современника» будет большая повесть из степ-

А. И. ЛЕВИТОВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

ных нравов [1]. Примите уверение в том уважении, с каким остаюсь Вам, милостивый государь, готовый к услугам

А. Левитов

[1] В связь с этим письмом надлежит поставить записку Некрасова к заведующему конторой «Современника» И. А. Панаеву (Некрасов, V, 398): «Левитову деньги 100 р. нужно дать — по приговору редакции он пишет две повести». В «Совр.», 1865, I, был напечатан очерк Левитова «Верное средство от разорения».

〈2〉

Москва, 9 февраля 1868 г.

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Недели две тому назад я послал Вам письмо, в котором выражал мои желания работать у Вас [1]. Рассказавши в этом письме мое нехорошее положение, я просил у Вас денег с обещанием расквитаться с Вами в течение настоящего года.

Повторяю содержание прошлого письма на том основании, что думаю, что Вы не получили его, — в противном случае, конечно, Вы бы дали себе труд черкнуть две-три строчки, которые либо приняли мое предложение, либо его отвергнули. Я послал Вам программу того, что я имел сработать для Вас. Прошу Вас ответить мне окончательно, получили ль Вы все это или нет. Если получили, то, без сомнения, не отвечаете мне потому, что я не имею у Вас никакого кредита. Дела мои всегда располагались таким образом, что мне бы в этом случае удивляться ничуть не следовало бы; но все-таки я покорнейше прошу Вас — не пожалеть марки и выразить мне это более определенным образом, чем молчание.

Я в этом глубоко нуждаюсь — и Вы меня точно так же обяжете Вашим ответом, как 〈если бы〉 согласились бы на предложения, выраженные мною Вам в прошлом письме.

Ваш, милостивый государь, готовый к услугам. А. Левитов

Адр〈ес〉: В Москву, Глебу Ивановичу Успенскому. В Лоскутной гостинице, № 77-й. В Охотном ряду (для передачи А. И. Левитову).

[1] Письмо это остается неизвестным.

〈3〉

〈8 июля 1871 г.?〉 [1]

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Прослышал я, что Вы на целые два месяца отправляетесь куда-то. Желая Вам как можно лучше провести лето, извещаю Вас с сердечным сокрушением, что я здесь совсем пропаду без Вас.

Без всякого сомнения, моя рукопись поступит к Вам без Вас — и потому, в видах выручки меня для дальнейших работ, нельзя ли Вам будет отступить от последнего условия, которое Вы мне выразили, т. е. нельзя ли мне и нынешний месяц воспользоваться пенсией [2] в том же размере? А без Вас мне ничуть не дадут в счет моей рукописи.

8 июля Ваш покорный слуга А. Левитов

[1] Письмо не поддается уверенной датировке. Упоминание о рукописи, которую Левитов собирается послать в редакцию, наводит на мысль, что речь идет о том единственном очерке Левитова, который был напечатан в «О. З.», 1869, XII. Тогда письмо датировалось бы 1869 г. Но такой датировке противоречит то, что в 1869 г. Некрасов уехал в середине апреля за границу и оставался там до начала сентября (Ашукин, 364, 368). А Левитов в июле говорит о предстоящем отъезде Некрасова на два месяца. В 20-х числах мая 1871 г. Некрасов уехал в Карабиху, сговорившись с Краевским, что 15 июля они вместе выедут за границу (см. выше, стр. 330). Очевидно, в литературных кругах было известно об этих предположениях, слухи о них легко могли дойти до Левитова и вызвали его обращение к Некрасову в письме 8 июля, которое, в силу приведенного, датируется предположительно 1871 г.

[2] Очевидно, Левитов получал из редакции «О. З.» какую-то ежемесячную «пенсию» — факт доселе неизвестный. Однако в гонорарных ведомостях «О. З.» за 1871 г. этот факт не отражен (см. «Лит. Наследство», т. 53—54).

А. Н. МАЙКОВ

Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) познакомился с Некрасовым в первой половине 40-х годов, участвовал в «Петербургском Сборнике», изданном Некрасовым в 1846 г., и в «Современнике». Опубликование Майковым поэмы-сатиры на революционную Францию «Арлекин» и, после смерти Николая I, стихотворения «Коляска», в котором он называл Николая «великим человеком» и выражал уверенность, что «история оправдает» его, и привело к охлаждению между ним и редакцией «Современника». Добролюбов неоднократно высмеивал «патриотическую музу» Майкова и ставил его как поэта на одну доску с Бенедиктовым и Розенгеймом, Некрасов же, по свидетельству И. С. Тургенева, отзывался о Майкове, как о «благонамеренном трупе» и посвятил ему, еще в 1854 г., резкое двустишие в «Послании к М. Н. Лонгинову», написанном совместно с Дружининым:

А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой,
Вконец оподлился — конечно, не ошибкой...

В том же 1854 г. Майков ответил авторам «послания» контрэпиграммой, а несколько раньше полемизировал с позиций «чистого искусства» с только что опубликованной «Музой» Некрасова (см. публикацию С. Рейсера и А. Максимовича «Два стихотворения Ап. Майкова о Некрасове». — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 614—618).

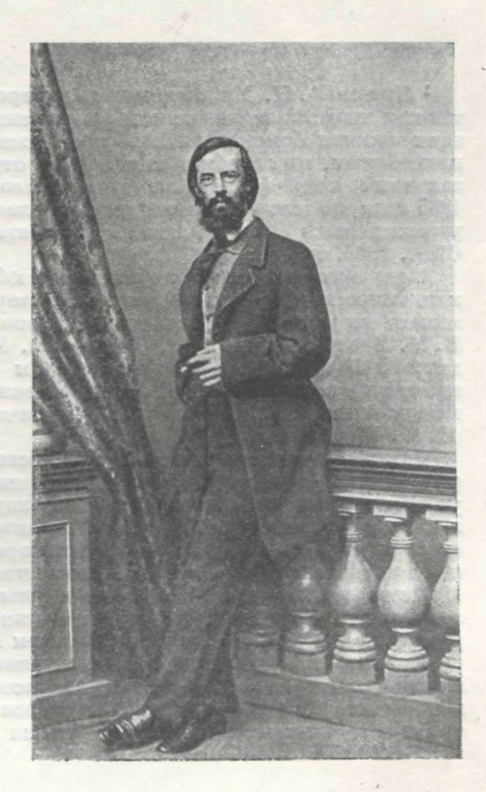
Однако и после всех указанных проявлений литературно-политической борьбы произведения Майкова время от времени продолжали появляться на страницах «Современника». Последнее из них было напечатано в 1859 г., после чего имя Майкова исчезает со страниц некрасовского журнала.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 54).

⟨Начало марта 1865 г.⟩

Любезнейший Николай Алексеевич.

Произошла история в высшей степени для меня прискорбная. Мысль о юбилее Ломоносова возникла у меня, и я тотчас сообщил ее П. И. Мель-

А. Н. МАЙКОВ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

никову (так как мне надобно было его в тот день видеть); воспламенясь и обдумав наскоро что делать, тотчас мы поехали к Краевскому и к Вам, но, не застав ни его, ни Вас дома, оставили записки обоим, прося неотлагательно уведомить нас о согласии, так как надобно было сейчас же составлять прошение к Ми<нистру> Вн<утренних> Дел, ибо терять времени было нельзя.

От Краевского я получил ответ в тот же день, а от Вас тогда, когда уже прошение было подано. Не имея согласия, мы и не решились поместить Вас в число распорядителей; ибо молчание в таком случае нельзя было принять за знак согласия, особенно в наши мудреные времена. Из того же, что к Вам приехали мы почти к первому, Вы можете видеть, что Вас-то именно мы *хотели* завербовать, во-первых, как такого поэта, без которого юбилей этот не мог бы обойтись, а, во-вторых, и потому, что в лице Вашем целая литературная партия имела бы самого лучшего представителя и не могла бы обвинить нас в исключительности. Как хотите, а вина Ваша, зачем Вы не уведомили в тот же или, по крайней мере, на другой день; даже молчание Ваше многие сочли за пренебрежение. Поверьте, что от такого оборота дела я очень страдаю, но надеюсь на одно, — что Вы, не обвиняя никого в злоумышлении, все-таки будете на юбилейном обеде, если не распорядителем, то участником, и не откажетесь приветствовать Ломоносова своими стихами.

Я все не могу решиться кончить письма; все, кажется, не высказался вполне; в жизни моей не нажил себе ни одного личного врага, никого не обидев, и у меня голова кругом идет от мысли, что Вы, пожалуй, найдете повод на меня сердиться. Клянусь Вам, что это будет крайне несправедливо.

Успокойте меня хоть двумя строчками, а главное, позаботьтесь об стихах. Даже вот что скажу: если Вы иначе сделаете, это будет с Вашей стороны нехорошо [1].

Весь Ваш
А. Майков

[1] Письмо А. Н. Майкова можно датировать приблизительно началом марта 1865 г., так как представление министра внутренних дел П. А. Валуева о разрешении чествования памяти Ломоносова было утверждено Александром II 19 марта 1865 г., а прошению об этом, по словам официального отчета, был после его подачи «дан немедленно законный ход» («Описание празднества бывшего в С.-Петербурге 6—9 апреля 1865 года по случаю столетнего юбилея Ломоносова. По поручению высочайше утвержденного Ломоносовского комитета составлено членом его П. Мельниковым», СПб., 1865, стр. 2).

Идея организации Ломоносовского юбилея возникла в кругу писателей реакционного направления, служивших в министерстве внутренних дел. Кроме Майкова и упоминаемого им П. И. Мельникова, прошение было подписано Б. А. Маркевичем, В. М. Лазаревским и П. П. Семеновым. К прошению был приложен «список распорядителей Ломоносовского юбилея» (*там же*, 39); А. А. Краевский, действительно, значится в этом списке (под № 14); имени Некрасова нет. Всего в списке 33 фамилии; между ними П. В. Анненков, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Я. П. Полонский, Н. Ф. Щербина.

Среди прочих мероприятий при чествовании инициативная группа испрашивала разрешение открыть подписку на создание ломоносовских стипендий в Московском университете и Московской духовной академии, преобразованной из Заиконоспасской, в которой учился Ломоносов, «на издание лучшего сочинения о Ломоносове для простого народа, из которого бы русский простолюдин ясно мог уразуметь, до какой степени он может подняться при терпении и энергическом стремлении к самообразованию». Но одно мероприятие, намеченное литераторами-реакционерами, показалось подозрительным министру. Он отверг организацию «в Петербурге общества любителей русской словесности и наук под именем ломоносовского» (*там же*, 2—3).

Письмо Майкова на первый взгляд как будто откровенно говорит о причинах обращения организаторов юбилея к Некрасову. Откинув комплиментарное «во-первых» можно было бы заключить, что Некрасова в число распорядителей хотели завербовать, чтобы в ломоносовском комитете «целая литературная партия имела самого лучшего

представителя и не могла бы обвинить нас в исключительности». Однако дело было сложнее. Недаром Майков упоминает «наши мудреные времена». Действительно, замысел юбилея был тесно связан с «мудреными временами» после польского восстания и дела Чернышевского и заключался в том, чтобы попытаться продемонстрировать перед лицом всей страны якобы нерушимое единство русского общества. Эта руководящая тенденция проводится в ряде отчетов о юбилее в тогдашней прессе. Анонимный автор статьи «Праздник Ломоносова» («О. З.», 1865, IV, кн. 8, 207) писал: «Собрались, конечно, не для того, чтобы обедать, а, пользуясь этим средством, соединить русское общество...».

В радикальной журналистике эта тенденция организаторов ломоносовского юбилея к «примирению» борющихся общественно-политических сил, естественно, не встретила и не могла встретить сочувствия. «Искра», «Совр.» и др. органы более или менее близкого направления помещали перед юбилеем и после него разные статьи, карикатуры, пародии и т. д. на юбилейные темы. Среди 504 подписавшихся на ломоносовский обед («Описание», 41—46), кроме Некрасова, В. С. Курочкина и Н. А. Степанова, нет ни одного заметного имени из демократического лагеря: ни М. Е. Салтыков, ни М. А. Антонович, ни П. Л. Лавров, ни даже А. Н. Пыпин не приняли участия в подписке. Особенно ярко отразилось отрицательное отношение к юбилею и его тенденции в статье: А. Н. Пыпин. Старая и новая Академия («Совр.», 1865, IV) и в статье: П. А. Бибиков. Несомненное недоразумение («Критические этюды». СПб., 1865, 276—288). Несомненно, одной из причин отрицательного отношения демократов к ломоносовскому юбилею было то, что 6 марта 1865 г. правление Литературного фонда отвергло предложение П. Л. Лаврова обратиться к Александру II с ходатайством о помиловании Чернышевского.

Из письма Майкова явствует, что Некрасов, в не дошедшем до нас ответе, дал согласие, хотя и не сразу. Повидимому, замедление ответа было с его стороны шагом тактическим: принять участие в качестве распорядителя в организуемом реакционерами чествовании он не считал возможным, а совершенно отказаться от участия в ломоносовском юбилее Некрасов, конечно, не мог. Отчасти же, может быть, причиной задержки его ответа была судьба ходатайства о Чернышевском. Стихов о Ломоносове, о которых просил Майков, Некрасов не написал: стихотворение «Школьник» с четверостишием о Ломоносове относится к 1855 г.

В. МАЙКОВ

В. Майков, как видно из содержания публикуемого письма, имел ближайшее отношение к библиотеке православной церкви в Ницце (библиотеки, обслуживавшие русские колонии за границей, обычно организовались при православных церквах и состояли из книг самого разнообразного, а не только религиозно-духовного содержания). О времени и месте знакомства Некрасова с В. Майковым сведений нет. Повидимому, знакомство это произошло в начале 1867 г., во время последней поездки Некрасова за границу, вместе с А. А. Буткевич и Селиной Лефрен (ср. заключительные слова письма: «Не забудьте и Ваших спутников»). В Ницце Некрасов был в апреле 1867 г. (см. выше письмо его к Л. А. Еракову).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 203, № 79).

Ницца, 8 ноября 1867 г.

На-днях я получил книги, пожертвованные Вами, многоуважаемый Николай Алексеевич, для нашей церковной библиотеки, а именно: 3 части переводов Шекспира, 3 — песней, собр. Рыбниковым, 1 — пословиц Даля и 17 выпусков Толкового Словаря Даля же [1].

Сегодня же я записал их в каталог и отдал переплетчику; а Вас спешу поблагодарить и от себя и от всех наших соотечественников за прекрасный подарок. Если можно, довершите только Ваше доброе дело присылкой (по почте, под бандеролью) остальных выпусков Словаря, по мере того как они будут появляться, — прямо, если хотите, на имя церкви. Я поджидаю <?> также повествования о путешествии Гаврюшки, которое должно быть очень оригинально.

Во всяком случае, не забывайте, что в Ницце есть много Ваших поклонников и чтецов. Вместе с тем, и наша ц<ерковная> библиотека с признательностию принимает все, что ей приносится в дар.

Исполните ли Вы Ваше благое намерение побывать нынешнюю зиму в Ницце? Я был бы очень, очень рад. Где Вы провели лето и каково Ваше здоровье? Надеюсь, то и другое хорошо. Что до меня, то я только на-днях возвратился с гор полу-итальянских, полу-швейцарских, да все что-то нездоровится. Вот снова в лихорадочном настроении по случаю итальянских дел. Что день, что курьер, то перемена декораций. Вообще, положение Италии скверно, и надо опасаться, что кончится какой-нибудь катастрофой, если министерство во-время и энергично не затормозит. Франция надавала итальянскому правительству пощечин, от которых ему не поздоровится. Досадно сознаться, что и не совсем несправедливо. Король занят только тем, что охотится за дичью и женщинами, а его министр Ратацци хотел, под шумок, разыграть Ришелье и Кавура. На беду, в торжественный момент, нехватило ни храбрости, ни уменья.

Благодаря каше, какую заварили в Италии, Ницца рассчитывает на блистательный сезон. Спекуляторы потирают заранее от восторга руки. Не знаю, будут ли довольны иностранцы, которых уже изрядно понабралось и которым предстоит платиться. Тем не менее, почти все виллы наняты и все отели заняты. Не опасайтесь, однако, в случае, если задумаете ехать. Найдется местечко, как для Городничего Гоголя. Отели наши и виллы эластичны.

Пожимаю Вам крепко руку и от души желаю всего лучшего. Если представится случай, передайте мой поклон Панаевым, а равно моему достойнейшему патрону Каменскому [2]. Не забудьте и Ваших спутников.

Tout à vous В. Майков

[1] Речь идет о следующих книгах: а) «Шекспир в переводе русских писателей», I—IV. Изд. Н. Некрасова и Н. Гербеля. СПб., 1865; б) Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, I—IV, М., 1861—1864; СПб., 1867; в) В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862; г) В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, М., 1861—1867 (выходил отдельными выпусками).

[2] Повидимому, Дмитрий Иванович Каменский (1818—1870), служивший в Синоде; в это время— член Главн. управл. по делам печати.

Е. Л. МАРКОВ

Отец пресловутого Н. Е. Маркова 2-го, черносотенного депутата Государственной думы (III и IV) — Евгений Львович Марков (1835—1903) совмещал управление своим крупным помещичьим хозяйством с деятельностью в земстве и с занятиями литературной критикой и публицистикой. Он сотрудничал еще в старых «Отеч. Зап.» 60-х гг., а с начала 70-х гг. преимущественно печатался в «Вестнике Европы», «Голосе» и других органах либеральной печати. Одна из статей Маркова, продолжавшая его длительную дискуссию с педагогическими статьями Л. Н. Толстого, появилась в 1875 г. в катковском «Русском Вестнике» (на это выступление Толстой ответил известной статьей — «Прогресс и определение образования»).

В «Отеч. Зап.» некрасовского периода Марков напечатал две серии очерков — «С чужой стороны» (1869, VI—VIII) и «Поездка в древний Сурож. Из крымских впечатлений» (1871, III—IV). На этом его эпизодическое участие в демократическом журнале закончилось. Предложенная им в 1874 г. публицистическая статья «Софисты 19-го века» была отклонена редакцией «Отеч. Зап.», а в скором времени он был подвергнут на страницах журнала ожесточенной критике — в «Записках профана» Михайловского («Нечто о г. Маркове», продолжение статьи «Шуйца и десница графа Л. Н. Толстого» — «О. З.», 1875, VI) и во «Внутреннем обозрении» Елисеева («О. З.», 1875, X).

Почти сразу же после смерти Некрасова Марков начал печатать в газете Краевского «Голос» (1878, №№ 42, 46, 54, 88—89) свои «Критические очерки», в которых не только дал резко отрицательную оценку некрасовской поэзии, но и допустил ряд нагло-клеветнических выпадов против умершего поэта. Печатание этих враждебных памяти Некрасова «очерков» беспринципным Краевским вызвало естественное возмущение в редакции «Отеч. Зап.» и было прекращено, повидимому, в результате протеста Салтыкова-Щедрина.

Письма печатаются: 1-е по автографу ЛБ (М. 5765. 44), 2-е по автографу ИЛИ.

⟨1⟩

⟨23 июля 1870 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Прилагаю при этом письме статью свою Поездка в древний Сурож, отрывок из тех Крымских впечатлений, которых многие другие отрывки были напечатаны в Отеч⟨ественных⟩ Записках 1867 г. Первая глава статьи — Обломки и отрывки истории — представляет опыт, по возможности, обстоятельного — поэтому, может быть, несколько сухого — описания Судака, т. е. древнего Сурожа, в отношении археологическом и историческом [1].

Я на опыте убедился, какое глубокое невежество существует в нашей даже образованной публике касательно истории родных местностей. Крымские жители и крымские туристы не знают ничего точного об обитаемых ими и посещаемых городах, о старинных развалинах, приводящих их в наивное удивление. Материалы для истории и археологии Сурожа так скудны и рассеяны в таких труднодоступных публике изданиях, что мой опыт — представить их читателю в системе и проверенными собственными моими наблюдениями — не будет, кажется, излишним. Вторая глава — Благодеянья христианской цивилизации неверному татарину — совершенно другого характера. Это сравнительный взгляд на материальное и нравственное положение крымского татарина в настоящее и в прежнее, то есть ханское, время. Подобный взгляд я считаю особенно уместным теперь, когда серьезно поднят вопрос об обрусеньи наших окраин. Полезно дать себе беспристрастный отчет в своих собственных действиях и силах, прежде чем необдуманно бросаться в такое ответственное предприятие.

Если статья Вам подходящая, прошу Вас напечатать ее в От. Зап. на прежних условиях, т. е. по расчету 75 р. за печатный лист, и оставить на мою долю несколько оттисков статьи. Если же Вы найдете почему-либо не удобным напечатать ее, то будьте так добры, не откажите в своевременном уведомлении меня, по нижеприписанному адресу.

Прошу Вас вместе с тем принять уверенья в моем истинном уваженьи и преданности

Евгений Марков

Адрес: Курск, Щигры. Евгению Львовичу Маркову.

1870 г. 23 июля

[1] Статья Маркова была напечатана в «О. З.», 1871, III—IV: «Поездка в древний Сурож, из крымских впечатлений».

⟨2⟩

⟨25 февраля 1874 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Препровождаю к Вам при сем статью свою, под заглавием: «Софисты 19го века»; в ней сделан легкий анализ нашей современной адвокатской практики. Если Вы одобрите мысли, высказанные в этой статье, я покорнейше прошу Вас напечатать ее в Отечеств⟨енных⟩ Записках. Если же статья покажется Вам слишком откровенною или слишком неподходящею под взгляды Вашего журнала, — будьте так добры, не откажите уведомить меня о том одною строчкою, чтобы я имел время распорядиться иначе судьбою этой заметки [1]. Условия напечатанья я желал бы сохранить те же, на которых уже печатал неоднократно в Отечеств. Записках, а также в других журналах, т. е. 75 р. за печ⟨атный⟩ лист.

Прошу Вас вместе с тем принять уверение в своем высоком к Вам уважении и преданности.

Е. Марков

Февр⟨аль⟩ 25 ⟨18⟩74 г.
С. Александрово

Адрес мой: Курск, Щигры. Председателю земской управы Евгению Львовичу Маркову.

[1] В статье «Софисты 19-го века» Марков характеризует резко отрицательными чертами современную ему адвокатуру, протестуя против «духа хищничества», воцарившегося в ней. Однако критика Марковым адвокатуры и новых судебных учреждений исходила по существу из феодальной, реакционной основы и была проникнута враждебностью к идеям демократии и социализма, слегка завуалированной либеральной фразеологией. «Нам известны возвышенные теории о защите угнетенных... мы не придаем им значения, потому что не видим осуществления их на деле», — заявлял здесь Марков (Е. Л. Марков. Сочинения. СПб., 1877, I, 78).

Естественно, что редакция «О. З.» статьи не напечатала, и она появилась через год, в сокращенном виде, в «Голосе» (1875, № 36). Сразу же после своего появления статья вызвала многочисленные протесты либеральной печати. Газета «Судебный Вестник» указывала, что автор, говорящий о себе, как о стороннике нового суда, в то же время «рисует тип русского адвоката так, как не изображали их злейшие враги новых судебных учреждений» («Судебный Вестник», 1875, февраль, № 32). Возражения против статьи Маркова появились и в других газетах, и, в частности, в самом «Голосе» этой теме был посвящен отдельный фельетон (1875, № 40).

М. А. МАРКОВИЧ

Мария Александровна Маркович (1834—1907), рожденная Вилинская, известная под псевдонимом Марко Вовчок, начала свою литературную деятельность в 1857 г. рассказами из народной жизни на украинском языке. Добролюбов посвятил ее «Рассказам из народного русского быта» большую статью «Черты для характеристики русского простонародия» («Совр.», 1860, IX). Эта статья рассматривала Марко Вовчка как писательницу идейно близкую группе «Современника». В «Совр.» (1861, IX—XI) появилась ее большая повесть «Жили-были две сестры».

М. А. МАРКОВИЧ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

После запрещения «Современника» Маркович стала сотрудницей «Отеч. Зап.». В 1868 г., кроме перевода романа Августа Мегью «Блумсберийская красавица», она поместила в них оригинальный роман «Живая душа» («О. З.», 1868, I—III—V), посвященный, в отдельном издании того же 1868 г., Д. И. Писареву. Если судить по письму Некрасова к Маркович от апреля 1868 г. (Некрасов, V, 444—445), он первоначально несколько строго отнесся к третьей части «Живой души», но, познакомившись с четвертой частью, изменил свое мнение и признал, что она «решительно и несомненно хороша».

О личных отношениях Некрасова с Маркович можно судить по его письму к ней от 7-го августа 1868 г. (Некрасов, V, 446). К этому письму было приложено одно из самых задушевных стихотворений Некрасова на смерть Писарева — «Не рыдай так безумно над ним». Зная о близости Маркович к Писареву, Некрасов начал свое письмо словами: «Только Вам решаюсь покуда дать это стихотворение...»

Маркович была одним из доверенных лиц П. Л. Лаврова, через которых он осуществлял из эмиграции свое конспиративное сотрудничество в «Отеч. Зап.» и вел переписку с редакцией. О возникшем в этой связи конфликте между Некрасовым и Маркович в 1871 г. см.: «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 495.

Кроме обычного псевдонима Марко Вовчок, в «Отеч. Зап.» (1871, IV) помещена повесть Маркович «Путешествие внутрь страны», подписанная ею Я. Кононин.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 55).

⟨Около 9 мая 1868 г.⟩ [1]

Мне очень жаль, что «Медвежья охота» не помещена. Если можете, то прошу Вас прислать мне оттиск [2].

Еще прошу Вас потрудитесь распорядиться, чтобы мне доставили 7-ю и 10-ю формы «Живой души». Мне их не прислали, и я не могла вставить выключенное [3]. Посылаю Вам расписку.

М. Маркович

[1] Датируется по сопоставлению с письмом Краевского к Некрасову от 9 мая 1868 г. (см. выше в этой же публикации).

[2] Из этого указания Маркович явствует, что поэма Некрасова «Медвежья охота» предназначалась для помещения в майской книжке «О. З.» 1868 г. и уже была отпечатана. Какие-то обстоятельства,—вероятно, цензурные—замедлили ее опубликование. Листы с поэмой были изъяты, и она была напечатана только в «О. З.», 1868, IX.

[3] Из упомянутого в примеч. 1-м письма к Некрасову Краевского видно, что последний предлагал вычеркнуть из 7-й формы «Живой души» некоторые места (см. комментарий к письму). Несомненно, это и было сделано, но вызвало возражения Маркович, добившейся согласия редакции на частичное восстановление изъятого текста.

П. К. МЕНЬКОВ

Петр Кононович Меньков (1814—1875) — генерал-лейтенант генерального штаба, военный писатель, редактор журнала «Военный Сборник» (с 1859 г.) и газеты «Русский Инвалид» (с 1869 г.). Его беллетристические очерки печатались в «Русском Инвалиде» под псевдонимом Петр Кашин.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 56).

29 мая 1870 г.

Милостивый государь Николай Алексеевич!

В редакции «Русского Инвалида» и «Военного Сборника» получена прилагаемая при сем статья, под заглавием «Фарт», принадлежащая Александру Серебреницкому [1], ссыльно-каторжному, находящемуся теперь в Сибири. Серебреницкий. служил когда-то в военной службе и был известен мне как хороший офицер и отличный человек. Несчастие его постигло, и он тяжело платит за минуту увлечения; наказание, впрочем, наложено на него совершенно справедливо (он ударил своего полкового командира). В настоящее время, по особому участию в нем лиц, знавших его в прежнее время, и хорошему образу жизни, он пользуется особым покровительством местного генерал-губернатора и, таким образом, имеет возможность писать. Та сфера, к которой относится нынешний его труд, у нас еще только затронута, и для человека наблюдательного она представляет обильный и благодарный материал. Но как бы ни была интересна статья Серебреницкого, она, как сознает и сам автор, не соответствует программе «Военного Сборника» и потому не может быть напечатана в нем. Препровождая ее на Ваше усмотрение, я горячо желал бы, чтоб она удостоилась Вашего одобрения, и появление ее в «Отечественных Записках» я встретил бы с величайшим удовольствием. Но если бы Вы, по каким-либо соображениям, нашли статью эту неподходящею к «Отечественным Запискам», то прошу Вас мне ее возвратить.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем уважении и совершенной преданности

Ваш, милостивый государь, покорный слуга Петр Меньков

[1] Статья «Фарт» в «О. З.» помещена не была. Александр Серебреницкий в литературе неизвестен.

Л. И. МЕЧНИКОВ

Известный публицист, географ и социолог Лев Ильич М е ч н и к о в (1838—1888), эмигрант, участник похода Гарибальди, впоследствии сотрудник Элизе Реклю по изданию коллективного труда «La civilisation et les grands fleuves historiques» (Paris, 1889), был в 1862—1864 гг. активным сотрудником «Современника» под псевдонимом Леон Бранди. Здесь были напечатаны его повесть «Смелый шаг» (1863, XI), затем несколько очерков итальянского освободительного движения и ряд очерков на другие темы — «Заметки о современной итальянской литературе» (1863, XII), «Франческо-Доменико Гверацци» (1864, V, и X) и «Письма о тосканских мареммах» (1864, VII).

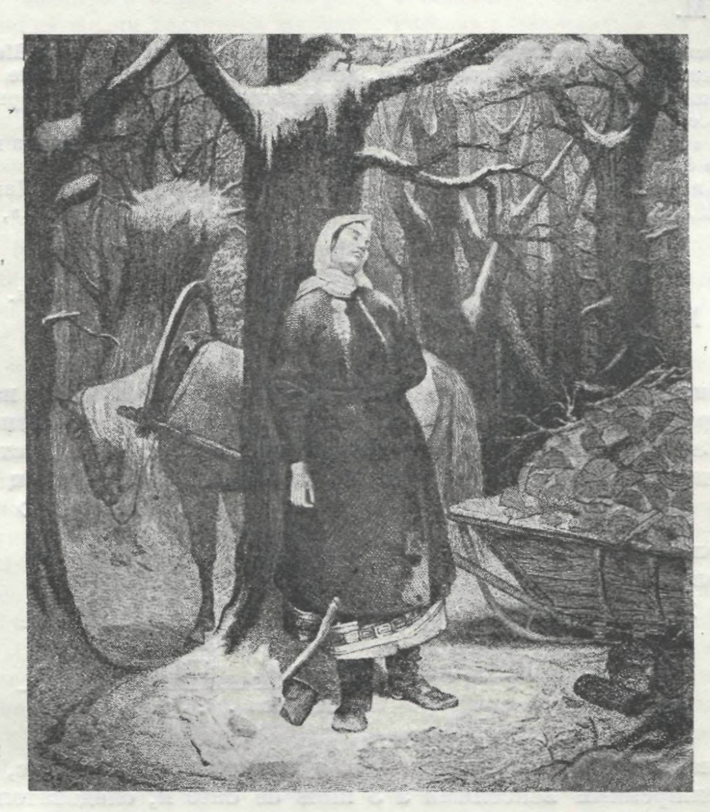

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»
Гравюра с рисунка Н. Д. Дмитриева-Оренбургского
«Северное Сияние», т. IV, 1865 г.

Сотрудничество Мечникова в «Отеч. Зап.» было менее интенсивным. Он поместил здесь следующие произведения: «Очерки швейцарской жизни и нравов» (1868, V и VII— подпись «Э. Д.») и очерки «Поездка в Испанию» (1869, II—V, VIII, XI —XII— подпись «Э. Д.» и «Эмиль Денегри»).

Письма печатаются по автографам ИЛИ 5049/XXVIб141.

⟨1⟩

Сьена, 29/17 мая ⟨1862 г.⟩ [1]

В Редакцию Современника

Мне представилась временная возможность возвратиться в Сьену. Пользуясь ею, посылаю в Редакцию небольшую статью о майских событиях [2]. Прошу — на случай, если она напечатана быть не может — сохранить рукопись до моего уведомления...

Я с нетерпением ожидаю денег из Редакции и, приезжая в Сьену, надеялся найти их уже там. Не знаю отчего происходит подобное замедление в их высылке. Я предполагаю, что если из 2-х моих статей — Вольтерра и Манин[3] — ни одна не была бы напечатана, Редакция уведомила бы меня об этом. В половине июля по нов. ст. пришлю вторую часть Мадзини. С совершеннейшим уважением и преданностью готовый к услугам

Л. Мечников

Адрес мой пока еще на имя: S-r Emilio Genovesi, для передачи S-r Leone M.

[1] Это письмо предшествует известным в печати четырем письмам Мечникова к Чернышевскому от июня—августа 1862 г., которые были взяты при обыске в квартире Чернышевского и находятся в деле следственной комиссии («Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», III, М.—Л., 1930, 672—675).

[2] Статья «о майских событиях» (о взятии Сицилии) и статья о Мадзини напечатаны в «Совр.» не были.

[3] «Манин» — статья «Последний венецианский дож Даниил Манин. 1848» («Совр.», 1862, IV). «Вольтерра» — часть статьи «Этрурия» («Совр.», 1862, V).

<2>

<8 марта н. с. 1863 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я получил из конторы Редакции высланные мне по Вашему поручению 600 fr. и при этом счет. Счета этого я принять не могу. Согласно предложенному Вами же самими условию мне следует по 200 fr. за лист.

За напечатанные в «Современ<нике>» 9 листов и 15 страниц мне следует . . . . 1987 fr. 50 <с.>

Получено мною в апреле 1862 г. . . .	1000	» —	»
Получено в июне	1000	» —	»
За депешу в Сиену	21	» 50	»
Всего . .	2021	» 50	»
Вычитаю следуемые . .	1987	» 50	»
Остается . .	34 fr.	00	»

Что же касается пересылки денег, то я должен уведомить Вас, что получал их банкирскими векселями à 3 mois de date и, следовательно, сам платил за пересылку.

Покорнейше прошу Вас исправить ошибку конторы Редакции и по отпечатании статьи «Братья Бандьер» выслать мне новый счет, сообразный с существующими между нами условиями — счет должен быть сделан на франки, а не на рубли.

Покорнейше прошу Вас также, если выручите арестованные с г. Чернышевским мои статьи [1], не приступайте к печатанию «Мадзини» до нового моего уведомления.

Примите уверение в совершеннейшем уважении и преданности

L. Мечников

Livorno, 8 марта н. ст.

Адрес мой попрежнему.

[1] Это письмо было написано Мечниковым уже после получения им известия об аресте Чернышевского, через которого по преимуществу осуществлялась его связь с редакцией «Современника». Упомянутая в письме статья «Братья Бандьер» также не появлялась в «Современнике». Можно думать, что все ненапечатанные статьи Мечникова погибли в III Отделении.

В. П. МЕЩЕРСКИЙ

Реакционный публицист, редактор-издатель субсидировавшегося царским правительством журнала «Гражданин», князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914) не имел никаких личных связей с Некрасовым вплоть до конца 1873 г. Они познакомились, совместно участвуя в благотворительном издании сборника «Складчина» в пользу голодающих крестьян Самарской губернии.

Как явствует из публикуемых ниже писем, инициатива привлечения Некрасова к «Складчине» исходила от Мещерского, несмотря на то, что Мещерский был автором анонимно изданного в 1869 г. памфлета-пасквиля на Некрасова под названием «Десять лет из жизни редактора журнала. Рассказ в диалогах, в 4-х эпохах и 5-ти частях» («Письма... к библиографу С. И. Пономареву». М., 1915, 21, 23). Однако Некрасов (как и Салтыков-Щедрин) не счел возможным уклониться от участия в деле, имевшем, по тем масштабам, большое общественно-политическое значение. Более того, можно утверждать на основании ряда имеющихся материалов, что Некрасов, соглашаясь на предложение Мещерского, преследовал определенную тактическую цель: фактически изъять из рук антинародной реакционной «партии» Мещерского, Победоносцева, Маркевича и др. организацию русскими писателями помощи народу в постигшем его бедствии. Этой цели Некрасов и достиг. Фактически именно он, при ближайшей помощи привлеченного им П. А. Ефремова, возглавил все дело, тогда как инициатор его, Мещерский, был, по существу, отстранен от всякой руководящей роли и остался лишь казначеем Комитета.

О том, как воспринимал такую политику Некрасова реакционный лагерь и в атмосфере какой борьбы происходила работа над «Складчиной», свидетельствует ряд документов современников. Так, И. А. Гончаров писал М. М. Стасюлевичу 4.II 1874 г.: «...Во сне тоже хорошего ничего не видел; нет, видел, что Б⟨олеслав⟩ М⟨аркевич⟩ впопыхах бегает и с напускным амфазом кричит, что „Складчина“ есть треклятое дело, что там все красные — и даже князь Мещерский — и что самарцы не станут есть хлеба, купленного на деньги от нее, и если наедятся, то по ним пойдут красные пятна» («М. М. Стасюлевич и его современники», IV, 130).

Другое свидетельство находим в дневнике А. В. Никитенко, в записи от 8.II 1874 г.: «В пользу голодающих самарцев литераторы предприняли издать сборник и назвали его „Складчиной“ ⟨...⟩. По поводу этого возникла буря. „Московские Ведомости“, по обыкновению своему, приписали этому делу какое-то зловредное направление. Теперь сторонники их или, лучше сказать, их сеиды, кричат, зачем в комитет назначены Некрасов с Краевским ⟨...⟩ красные. Один из таковых напал на Гончарова, а сегодня и на меня» (А. Никитенко. Моя повесть о самом себе..., II, 503). О том же вспоминал позднее сам Мещерский: «Я помню, что в то время Катков выразил в „Моск. Вед.“ опасения, как бы литературная сторона издания не оказалась торжеством либеральной партии над консервативной...» (Кн. В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. II. СПб., 1898, 275).

Однако, несмотря на сопротивление и травлю реакционного лагеря, Некрасов сумел сохранить и упрочить свои позиции в издании «Складчины» до конца.

Письма печатаются: Некрасова — по автографу ИМЛ им. М. Горького, Мещерского — по автографам ИЛИ (Ф. 134, № 16 и Ф. 203, № 80).

⟨1⟩

МЕЩЕРСКИЙ—НЕКРАСОВУ

⟨7 декабря 1873 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Рекомендованный запискою Апухтина и поощренный его словами, да пословицею: «попытка не шутка, а спрос не беда», я позволил себе приехать к Вам с мыслию Вас обеспокоить; не имея чести Вас застать, пишу сии строки, чтобы объяснить вкратце в чем дело [1].

Дело в попытке издать общими усилиями сборник-альманах с хорошими иллюстрациями в пользу голодающих. Мысль сообщена нам письмом А. Ф. Погосским, письмо это появится в понедельник в «Гражд⟨анине⟩» [2]. Ф. М. Достоевский, принимая эту мысль с живейшим сочувствием, предлагает ее осуществление. Типография Тронщеля печатать берется за ничтожнейшую плату: бумага будет пожертвована. Микешин делает рисунки; Серяков гравюрование берет на себя [3]. Но затем делу нужны две силы: сила имен литературных и нравственная сила того факта, что люди, как Н. Некрасов, присоединяют свое славное имя к доброму делу, *хотя бы мысль об этом впервые появилась в* «Гражданине». На это нужно известное мужество, но не знаю, почему мне сдавалось и сдается, что просить Вас *об этом мужестве* нет нужды потому, что Вы от союза с нами в этом деле не откажетесь.

Как это дело повести и устроить, о том завтра от 12 до 2-х будет рассуждение у меня. Может быть Вы сделаете мне честь приехать хотя бы на $^1/_2$ часа. Во всяком случае, примите уверение в моем отличном уважении и преданности.

К⟨нязь⟩ Вл. Мещерский

⟨7⟩/XII

Николаевская, 6

[1] Публикуемое письмо — первый известный нам писательский документ о «Складчине». Следующий за ним — письмо того же В. П. Мещерского к И. Ф. Горбунову от 15 декабря 1873 г. («Сочинения И. Ф. Горбунова», ч. 2. Изд. О-ва любит. древн. письменности», СПб., 1907, III, 83).

[2] Письмо Погосского в «Гражданине» напечатано не было, но в № 52 от 29 декабря 1873 г. было помещено большое, на всю полосу, объявление о предстоящем выходе «Складчины».

[3] Позднее было решено иллюстрации и рисунки выпустить отдельным художественным альбомом под тем же названием «Складчина», что и было осуществлено. Сообщаемое Мещерским подтверждается и уточняется следующим свидетельством М. О. Микешина: «В разгар общественного сочувствия, вызванного в Петербурге... положением голодающих в Самаре, к художнику М. О. Микешину заехал его близкий приятель... Александр Фомич Погосский... В разговоре выработалась мысль издать сборник, состоящий из рассказов Погосского и рисунков Микешина, а когда последний заявил свою надежду, что и прочие художники не откажутся примкнуть своими трудами к этому общественному делу, то Александр Фомич сейчас же отправился пропагандировать эту идею и в среде литераторов. Через несколько дней после этого разговора к Микешину приехал князь В. П. Мещерский для переговоров об этом деле. Решено было для участия в предположенном сборнике пригласить и наши музыкальные силы. После этого свидания в квартире кн. Мещерского было несколько предварительных собраний литераторов, с участием Микешина. Затем последовали уже общие собрания литераторов в квартире П. М. Ковалевского. Здесь, из дебатов о форме и содержании предполагаемого сборника, выяснилось, что формат литературного сборника не удобен для помещения там рисунков и музыкальных пьес» («Художественный альбом „Складчина“ в пользу пострадавших от неурожая». Типогр. А. М. Котомина, СПб., 1875). Ср. в газетной заметке «С.-Петербургских Ведомостей», 1873, 14 декабря, № 344: «Сначала предполагалось украсить сборник иллюстрациями, но затем найдено более целесообразным и удобным иллюстрации выпустить отдельным томом, для чего должны согласиться между собою наши художники».

⟨2⟩

НЕКРАСОВ — МЕЩЕРСКОМУ

⟨8 декабря 1873 г⟩.

Милостивый государь,
князь Владимир Петрович.

Сегодня, к сожалению, не могу быть у Вас; уже ранее назначил у себя эти часы для переговоров с некоторыми лицами.

Примите уверение в моем искрен⟨нем⟩ уважении и пред⟨анности⟩.

Н. Некрасов

8 дек⟨абря⟩ 1873

Нижеподписавшиеся, въ собраніи 15 и 19 Декабря 1873 года, постановили:

1. Издать въ пользу голодающихъ Самарской губерніи — литературный Сборникъ — подъ названіемъ „Складчина".

2. Означенный Сборникъ издать въ объемѣ отъ 35 до 40 листовъ.

3. Къ означенному Сборнику издать художественныхъ и музыкальныхъ авторовъ произведеній лицъ, изъявившихъ на то желаніе. Кромѣ Альбома издать одновременно съ Сборникомъ, или позже, — смотря по удобству.

4. Цѣна „Сборнику" назначается 3 рубля; а цѣна альбома будетъ объявлена особо.

5. Труды по редакціи и изданію „Сборника" поручить Комитету изъ 6-ти лицъ, которые могутъ распредѣлить занятія между собою по взаимному соглашенію.

7. Членами означеннаго Комитета избраны: А. А. Краевскій, И. А. Гончаровъ, Н. А. Некрасовъ и А. К. Никитенко, Князь В. П. Мещерскій и Петръ А. Ефремовъ.

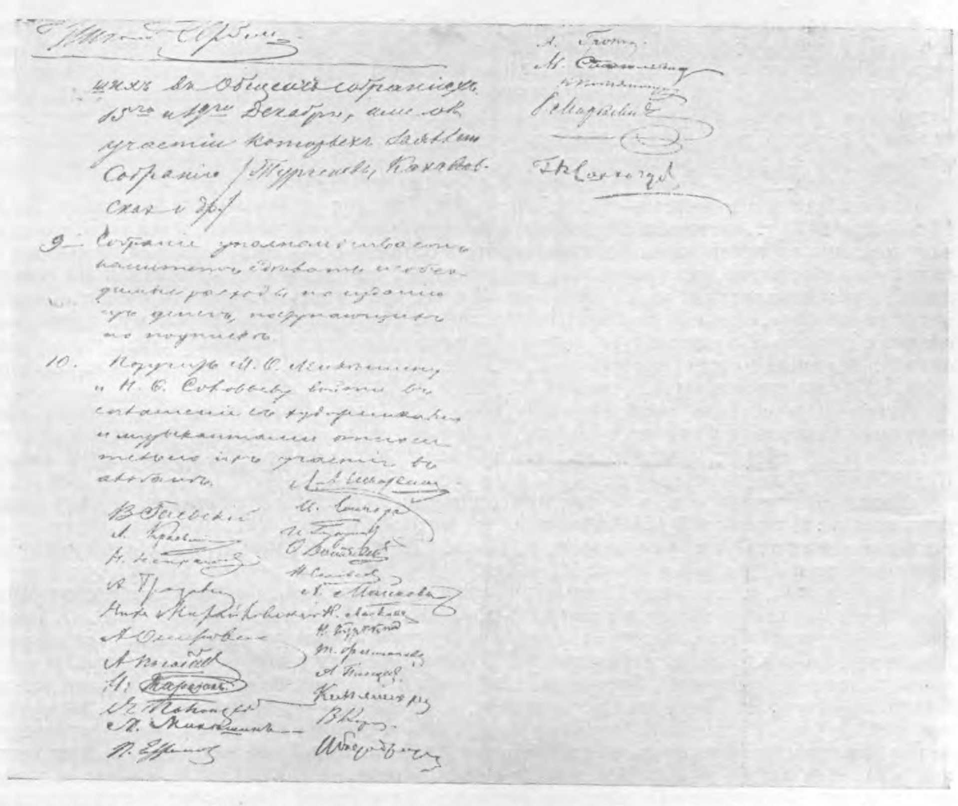
8: Собраніе предложило Комитету:

1°) Исключать полемику по содержанію и формѣ.

2°) Въ случаѣ избытка статей, отдавать предпочтеніе:

а) статьямъ, доставленнымъ къ сроку 1-го февраля и признаннымъ удобными къ печати — и

б) Статьямъ лицъ, участвовав-

шихъ въ Общемъ собраніи 15-го и 19-го Декабря, а не въ участіи которыхъ заявлено Собраніе (Тургеневъ, Ковалевскій и др.)

9. Собраніе уполномочиваетъ Комитетъ сдѣлать необходимые расходы по изданію изъ денегъ, поступающихъ по подпискѣ.

10. Поручить А. С. Фаминцыну и Н. С. Соловьеву войти въ сношеніе съ художниками и музыкантами относительно ихъ участія въ альбомѣ.

ПРОТОКОЛ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ПО ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «СКЛАДЧИНА» ОТ 15 И 19 ДЕКАБРЯ 1873 г.

Центральный литературный архив, Москва

<3>

МЕЩЕРСКИЙ — НЕКРАСОВУ

<18 декабря 1873 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Вероятно, Андрей Александрович[1] Вам передал печальную развязку прошлого заседания и мысль, которая пришла ему в голову по поводу кандидата на место Ивана Александровича[2], но для этого казалось бы необходимым выбрать тоже членов комитета, дабы правление вышло конституционное, но энергическое![3] Во всяком случае, не успев к Вам заехать, считаю долгом известить Вас, что собрание — авось, последнее и решительное — будет завтра, в среду, в 5 часов у Гаевского[4]. К этому же времени предназначается предложить собранию проект публикации на утверждение и ряд вопросов на окончательное решение, ибо в прошлое заседание половина вопросов осталась даже не заявленною.

Будьте столь добры принять на себя труд уведомить г. Салтыкова.

Примите уверения в моем отличном почтении и преданности.

Князь В. Мещерский

18 дек<абря> 1873 г.

Никол<аевская>, 6

[1] Краевский.

[2] Гончарова.

[3] Речь идет о заседании, состоявшемся в субботу, 15 декабря 1873 г. Полуофициальное коммюнике о результатах этого собрания гласит: «В прошлую субботу происходило собрание участников в предположенном к изданию сборнике в пользу самарцев. На этом собрании были избраны редактор сборника, секретарь редакции и казначей. Сегодня мы узнали, что редактор сборника, весьма известный и любимый беллетрист, человек, стоящий вне всяких литературных партий, отказался от возложенных на него обязанностей по расстроенному здоровью, стало быть, должен предстоять выбор другого редактора...» («С.-Петербургские Ведомости», 1873, 18 декабря, № 348).

Избран был и отказался — И. А. Гончаров. На другой день после заседания, т. е. 16 декабря 1873 г., он писал Ефремову, что «не успел своевременно, накануне, по случаю поспешного ухода членов литературного собрания», — «отговориться от выбора в редакторы сборника», но теперь «по неодолимым» для него «неудобствам и по совершенной непригодности к этому делу» он должен «решительно сложить с себя обязанности редактора», о чем он сообщил также князю Мещерскому и Гаевскому, прося последнего заявить об этом следующему общему собранию литераторов (М. Ф. Суперанский. Материалы для биографии И. А. Гончарова. — Сб. «Огни», под ред. Е. Ляцкого, Б. Модзалевского и А. Сиверса, П., 1916, I, 212).

Гончаров в составе редакционной коллегии был необходим не только как крупный писатель (к тому же в прошлом цензор), но и как человек, весомый в правительственных сферах. Колебания его вызвали негодование Некрасова. Он писал Краевскому 19 декабря 1877 г.:

«Гаевский отвечал мне, что уже приглашения разосланы Мещерским и часа изменить нельзя. Я приду к $8^1/_2$. Островский видел Гончарова: этот мужчина опять согласен или что-то в этом роде, т. е. Борис Годунов, но, может быть, обойдется без крестного хода» (Некрасов, V, 518).

В тот же день, т. е. в среду 19 декабря, состоялось последнее писательское собрание. Никитенко записывает о нем в дневнике: «Собрание литераторов в квартире В. П. Гаевского, по поводу издания литературного сборника в пользу голодающих самарцев. Назначен, между прочим, издательский комитет, членами которого большинством голосов избраны: Краевский, Гончаров, Некрасов и я. Прежде были еще избраны князь Владимир Петрович Мещерский казначеем, а Ефремов — секретарем. Всех литераторов в сборе было 27 человек. Поздно уже пришел Микешин для совещания о присоединении к нашему сборнику художественного альбома. Сборник наш назван „Складчиной"» (А. Никитенко, Моя повесть о самом себе... СПб., II, 503). Таким образом предложение Краевского (о котором сообщает Мещерский Некрасову в публикуемом письме), о замене единоличного редактора комитетом, было принято.

В заключение приводим по подлиннику еще не бывший в печати текст объединенного протокола собраний от 15 и 19 декабря 1873 г.:

«Нижеподписавшиеся, в собраниях 15 и 19 декабря 1873 года, постановили:

1. Издать в пользу голодающих Самарской губернии [учено-]литературный Сборник — под названием «Складчина».

2. Означенный Сборник издать в объеме от 35 до 40 листов.

3. К означенному Сборнику издать художественный и музыкальный альбом из произведений лиц, изъявивших на то желание.

Примеч.: Альбом может выйти или одновременно со Сборником, или позже — смотря по удобству.

4. Цена Сборнику назначается 3 рубля; о цене альбома будет объявлено особо.

5. Труды по редакции и изданию Сборника поручить Комитету из 6 лиц, которые могут распределить занятия между собою по взаимному соглашению.

6. Членами означенного Комитета избраны: А. А. Краевский, И. А. Гончаров, Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, князь В. П. Мещерский и Петр А. Ефремов [В. Гаевский].

7. Собрание предложило Комитету:

1-е) Исключать полемику по содержанию и форме.

«РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА»

Лак работы А. А. Дыдыкина, 1939 г.

Музей Палехского искусства, Мстера

2-е) В случае избытка статей, отдавать предпочтение:
а) статьям, доставленным к сроку, 1 февраля, и признанным удобными к печати — и
б) статьям лиц, участвовавших в общих собраниях 15 и 19 декабря или об участии которых заявлено Собранию (Тургенев, Кохановская и др.).

8. Собрание уполномачивает Комитет сделать необходимые расходы по изданию из денег, поступающих по подписке.

9. Поручить М. О. Микешину и Н. Ф. Соловьеву войти в соглашение с художниками и музыкантами относительно их участия в альбоме.

В. Гаевский
А. Краевский
Н. Некрасов
А. Градовский
Ник. Михайловский
А. Островский
А. Погосский
Н. Каразин
Я. Полонский
М. Микешин

П. Ефремов
А. Никитенко
И. Гончаров
И. Горбунов
Ф. Достоевский
Н. Соловьев
А. Майков
Н. Лесков
Н. Курочкин
Т. Филиппов

А. Плещеев
Кн. В. Мещерский
В. Корш
В. Безобразов
Николай Гербель
Я. Грот
М. Стасюлевич
К. Победоносцев
Б. Маркевич
Гр. Соллогуб

ЦГЛА, Москва. См. воспроизведение на стр. 387 настоящего тома. Подлинник на 4-х стр. писчей бумаги. Ср. официальное коммюнике о заседании 19 декабря в «С.-Петербургских Ведомостях», 1873, 22 декабря, № 1351.

[4] Виктора Павловича.

Д. Д. МИНАЕВ

Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889) — поэт-сатирик и переводчик. Постоянный сотрудник «Искры», участвовал также в обоих некрасовских журналах. В «Современнике» он печатал преимущественно переводы (из Байрона и др.); что же касается вклада Минаева в «Отеч. Зап.», то количественно он был весьма значительным.

Самый факт сотрудничества Минаева в «Отеч. Зап.» не может не вызвать некоторого удивления. Вспомним, что после известного выступления Некрасова на обеде в Английском клубе с приветствием гр. М. Н. Муравьеву поднятую «Искрой» кампанию против поэта возглавил именно Минаев (см. его стихотворения «Обманутая муза» и «Песня Еремушке». — «Искра», 1866, №№ 27 и 29). Тем не менее, Некрасов не возражал против сотрудничества Минаева в «Отеч. Зап.», которое и началось с первого же года издания журнала под новой редакцией. Некрасов жертвовал своим личным самолюбием во имя единства с группой «Искры». Поведение Некрасова, руководившегося мотивами общественного порядка, было принципиально, чего нельзя сказать о поведении Минаева. Сотрудничая в «Отеч. Зап.», он продолжал выступать против Некрасова если не в «Искре», то на страницах своих стихотворных сборников. Так, в сборнике «В сумерках» (1868) он не только перепечатал стихотворение «Обманутая муза» (стр. 32—34), но включил в книгу новое стихотворение — просто «Муза», не менее оскорбительное для Некрасова, чем прежнее. В свой сборник «Песни и поэмы» (1870) Минаев опять внес и «Обманутую музу», изменив ее заглавие на «Жалобы музы» (стр. 286—288), и «Песню Еремушке» (стр. 290 — 293). Сравнение журнального текста последнего стихотворения с текстом в сборнике 1870 г. показывает, что Минаев даже усилил памфлетный смысл «Песни Еремушке», дополнив пародию, напр., следующим четверостишием:

Братством, истиной, свободою
Спекулировать забудь,
Лишь обеденною одою
Надрывай больную грудь.

Некрасов игнорировал все выпады Минаева и в стихотворении 1871 г. «Недавнее время» назвал его — «Линяев, сатирик холодный».

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 57).

⟨1⟩

⟨27 февраля 1868 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Н. С. Курочкин не так передал Вам мое поручение, о чем считаю необходимым известить Вас. Передавая через него в редакцию «Отеч⟨ественных⟩ Запис⟨ок⟩» свою поэму «Сфинкс» [1], я просил его передать мои условия: за всю поэму — 150 р. с. с тем, чтоб из них было удержано в счет моего старого долга 50 р., а Курочкин по ошибке сказал Вам, что я весь свой долг считаю в 50 р. с.

Если мою поэму на таком условии угодно будет принять Вам, то я очень рад; если же нет, то будьте так обязательны, известите меня об этом, затем чтоб я немедля мог получить рукопись обратно для передачи в какой-нибудь другой журнал для 3-й книжки.

Живу я в Свечном переул., д. Степанова, кв. 8.

Примите уверение в преданности готового к услугам Вашим

Дм. Минаева

27 февр⟨аля⟩ 1868 г.

[1] Поэма «Сфинкс» напечатана в «О. З.», 1868, VIII. С помещения ее, повидимому, и началось сотрудничество Минаева в некрасовском журнале.

⟨2⟩

⟨23 сентября 1869 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Не желаете ли поместить в От⟨ечественных⟩ Зап⟨исках⟩ прилагаемую поэму «Потоп»?[1] Гонорарий — обычный — по Вашему усмотрению. В счет же своего старого долга посылаю Вам 4 стихотворения [2], которые предлагаю напечатать, если Вы их почему-либо не забракуете.

В случае Вашего нежелания оставить у себя посылаемые мною рукописи, соблаговолите возвратить их по следующему адресу: Невский проспект, на углу Полтавской ул., дом Воронина, кв. 61.

Примите уверение в преданности и уважении, готового к услугам

Дм. Минаева

23 сентября 1869 г.

[1] «Потоп» — перевод поэмы Альфреда де Виньи — появился в «О. З.», 1869, XII.

[2] Возможно, что эти четыре стихотворения вошли в число семи, напечатанных в «О. З.», 1870, VII: «Родина», «Сирена» (из Т. Мура), «В могилу рано...», «Сознание», «Песнь пролетария», «Просьба», «Когда вдруг воцаряется...».

⟨3⟩

⟨27 октября 1870 г.⟩

Уважаемый Николай Алексеевич.

Вчера, при народе, мне не удалось переговорить с Вами. Дело вот в чем. Комедия моя будет напечатана только в декабре [1]. В счет комедии я получил от Вас 375 р. (приблизительно за 5 листов). В ней более шести листов, что сообразить не трудно. Кроме того, в послед⟨ней⟩ книжке Отеч⟨ественных⟩ Запис⟨ок⟩ есть два мои стихотворения [2]. Наконец, я говорил уже вчера М. Е. Салтыкову, через неделю я доставлю Вам статью в форме воспоминаний о военно-учеб⟨ных⟩ заведениях [3] в самый разгар николаев-

Д. Д. МИНАЕВ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

щины. Поставляя Вам все это на вид, замерзая до сих пор в Царском Селе, я принужден просить у Вас полтораста рублей. Рискните дать, Николай Алексеевич. В долгу я оставаться не люблю. Теперь же хоть волком вой без денег и в холодной даче.

Прошу Вас посланному моему, который придет за ответом в 11 часов, дать мне ответ — можете ли Вы исполнить мою просьбу, и если можете, то где и от кого я мог бы получить деньги.

Преданный Вам Дм. Минаев

27 октября 1870 г.

Приписка сбоку письма: На всякий случай — мой адрес: Цар‹ское› Село. На углу Госпитальной и Колпинской ул., дача Жирковой

[1] Комедия Минаева «Либерал» была помещена в «О. З.», 1870, XII. Осенью следующего года она была поставлена на сцене, но «ни малейшего успеха не имела». — А. И. Вольф. Хроника Петербургских театров (1855—1881). СПб., 1884, 34.

[2] Два стихотворения «в последней книжке» это: «Над полями битв» и «Сон в прусской крепости» (из Гейне) в «О. З.», 1870, X.

[3] Минаев воспитывался в Дворянском полку. Воспоминания о военно-учебных заведениях в «О. З.» не появлялись.

‹4›

‹22 декабря 1872 г.›

Уважаемый Николай Алексеевич.

Прочтите, пожалуйста.

Годно, так очень рад; негодно, то как Вам угодно. Тогда возвратите. Если же одобрите, то я был бы совсем не прочь получить за стихи святочные деньги.

Завтра утром буду у Вас за ответом [1].

Преданный Вам Дм. Минаев

22 декабря ‹18›72 г.

Моховая у., д. 24.

[1] Если в этом письме имеются в виду стихотворения Минаева «На восток» и «Первого января», чего утверждать с полною уверенностью нельзя, — то они были помещены только в «О. З.», 1873, III.

‹5›

‹Январь — февраль 1873 г.› [1]

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Если стихотворения мои, переданные Вам еще в декабре месяце, будут напечатаны, то прошу Вас прислать корректуру для необходимых изменений, — а не желаете вовсе печатать, то, пожалуйста, или возвратите их или просто известите об этом, а также и насчет прилагаемого «сочинения» [2].

Преданный Вам Д. Минаев

Моховая, д. 24, кв. 16

[1] Датируем письмо началом 1873 г. на том основании, что в нем говорится о тех именно стихотворениях, которые были приложены к письму от 22 декабря.

[2] О каком сочинении говорит Минаев — неизвестно.

<6>

<1876 г., до октября>[1]

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Поэма, которой перевод я Вам посылаю, хотя лишена всякой «тенденции» и чужда всякой «злобы дня», но в ней столько свежести, изящества формы и остроумия, что, при всем ее французском легкомыслии, она является совершенно целым художественным произведением.

В рассказе 2 печатных листа[2].

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

БѢЛИНСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Д. СВІЯЖСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.
ТИПОГРАФІЯ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

БѢЛИНСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

И съ каждымъ днемъ окружена тѣсней,
Затеряна давно твоя могила
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила....

Н. Некрасовъ.

Есть имена въ исторіи каждаго народа, которыя ярко и долго будутъ свѣтить среди мерцавшихъ и потухавшихъ свѣтилъ; и станутъ не однимъ пустымъ звукомъ для многихъ поколѣній, для которыхъ память объ этомъ имени связана съ собственнымъ своимъ логическимъ развитіемъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ свѣтлой, передовой личности своего учителя. Къ числу такихъ именъ, которыхъ у насъ немного, принадлежитъ и имя Бѣлинскаго.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ И СТРАНИЦА ПЕРВАЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА Д. Д. МИНАЕВА «ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ» С ЭПИГРАФОМ ИЗ НЕКРАСОВА, 1860 г.

Напечатан под псевдонимом Д. Д. Минаева — «Д. Свияжский»

Пожалуйста, прочтите. Решение Ваше для меня тем важнее, что мне необходимо ехать в Симбирск к больному отцу, почему в настоящее время я очень нуждаюсь в деньгах.

Преданный Вам Дм. Минаев

P. S. Измайлов<ский> полк, 2 р<ота> 10, 2.

[1] Датируем письмо на том основании, что болезнь отца Минаева, Дмитрия Ивановича, относится к 1876 г., а содержащаяся в письме характеристика посылаемой Некрасову поэмы более всего подходит к переведенной Минаевым поэме Альфреда Мюссе — «Намуна», которая была напечатана в «О. З.», 1876, X.

[2] Речь идет несомненно о той же поэме Мюссе, неточно названной рассказом.

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ

Известный поэт-переводчик Дмитрий Лаврентьевич Михаловский (1828—1905) начал свою литературную деятельность в некрасовском «Современнике». В 1858 г. здесь появился его перевод поэмы Байрона «Мазепа» (кн. V). Вслед за этим он напечатал в «Современнике» ряд других переводов как в стихах, так и в прозе. Из стихотворных переводов отметим перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1864, IV), а из прозаических — «Записки Лоренцо Бенони» (1861, VII—IX). «Записки» эти, являвшиеся замаскированной псевдонимом Л. Бенони автобиографией англо-итальянского писателя Джовани Руффини, имели исключительный успех у демократического читателя в России. В них много говорилось о революционной борьбе итальянских студентов, а появление перевода Михаловского совпало с разгаром волнений среди петербургского студенчества.

Михаловский выступал не только в качестве переводчика. Ему принадлежит, например, подписанная псевдонимом М. Лавренский статья о Фете как переводчике Шекспира, напечатанная в «Современнике», 1859, VII (В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, 505).

Ко времени запрещения «Современника» Михаловский уже не жил в Петербурге. Необходимость иметь прочный заработок (по образованию он был юрист) заставила его взять службу в провинции. Служа то в Закавказье, то в Литве и Польше, он не прекратил своей литературной деятельности и продолжал помещать стихотворные и прозаические переводы в «Отеч. Зап.».

Переводы Михаловского вышли отдельными изданиями: «Иностранные поэмы в переводе», СПб., 1876. Издание в пользу литературного фонда: «Иностранные поэты в переводах и прочие стихотворения», 2 т., СПб., 1896.

Ответные письма Некрасова к Михаловскому в печати неизвестны.

Печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 59).

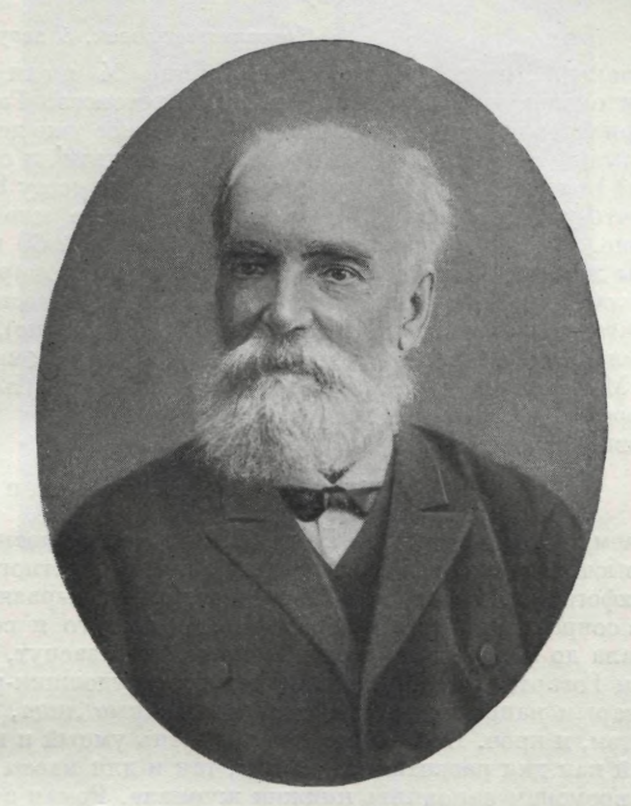
⟨1⟩

18 марта 1866 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, введение в одну главу из поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате». При появлении своем в Америке в 1855 г. [1] она произвела большой фурор. Она основана на предании, сохранившемся между северо-американскими индейцами о человеке чудесного происхождения, который был послан им с неба, чтобы очистить их леса, реки и проч. и научить их мирным искусствам. Это, так сказать, индейская Эдда. Поэма огромная, состоящая из 22 глав *; в них описывается жизнь Гайаваты; тут есть все что хотите — и сражения, и свадьбы, и изобретение письмен, и явления призраков, и аллегорические изображения природы. Много фантазии, много фантастичности. Мне понравилась эта поэма своею оригинальностью и свежестью колорита, но так как эта вещь в подлиннике занимает 159 страниц, то мне кажется можно бы ограничиться помещением в Современнике нескольких только глав [2]. После отрывка, при сем прилагаемого, следует одна глава, которую можно выпустить, а затем уже рассказ о рождении Гайаваты и так далее. По началу Вы можете иметь понятие об остальном. Перевел я его размером подлинника, размером, по-моему, очень звучным. Этот отрывок может быть напечатан отдельно без последующего, так как он составляет весь как бы введение к поэме. Если Вы найдете удобным напечатать его, не ожидая последующих глав, то не оставьте прислать вознаграждение, по моему, известному Вам в конторе редакции, адресу. Вообще же нельзя ли написать мне, как Вы думаете насчет продолжения перевода, т. е. переводить ли всю поэму или только несколько глав, или же просто ограничиться пока прилагаемым началом.

* Кроме того есть примечания.

При этом случае считаю долгом искренно благодарить Вас за выдачу жене моей 20 рублей в счет будущих благ. Деньги эти при всей своей незначительности были весьма существенною помощью при ее поездках; и я очень рад, что эти деньги не остались за мною в долгу, что скоро мне удалось послать «Норманского барона»[3]. При этом я также прошу извинения в просьбах моих о выдачах вперед. Никогда бы я не подумал просить Вас об них, но все такие обстоятельства. Теперь же прошу, так как кроме Гайаваты у меня нет решительно ничего, откуда бы я мог выбрать что-нибудь хорошее, нравящееся мне и интересное для публики. В выборе сти-

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ
Фотография 1900-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

хотворений для перевода, могу сказать, я очень строг. Не в состоянии я работать над ерундою, хотя бы она была сочинена какою-либо знаменитостью, напр., Гейне. Что толку, если даже удается перевести хорошо и с большою легкостью легкие иногда вещи, если в них нет никакой мысли или чего-нибудь особенно характеристичного и оригинального. Балласт денег не стоит, да и подписывать свою фамилию под стихотворениями, годными только для затычки, просто совестно.

В ожидании от Вас ответа остаюсь преданный Вам

Д. Михаловский

Я со дня на день жду возможности ехать в Петербург. Вот уже месяц жду нужных для этого бумаг. Если скоро получу, то скоро надеюсь с Вами увидеться. Если же не приеду, то, не ожидая моего приезда, пожалуйста,

отвечайте мне. Бумаги, которых я жду, идут из Туркестана, и потому, пожалуй, очень долго не придут.

На первой странице сбоку: Не забудьте, пожалуйста, обещанных стихов для переводов.

[1] Поэма Лонгфелло «The Song of Hiawatha» появилась в 1854 г.

[2] В последней книжке «Совр.», вышедшей перед запрещением (1866, IV), было напечатано начало «Песни о Гайавате»: «Введение» и «Трубка мира».

[3] Стих. «Норманский барон» из Лонгфелло напечатано в «Совр.», 1866, I.

⟨2⟩

Новоалександровск, 5 августа ⟨1868 г.⟩

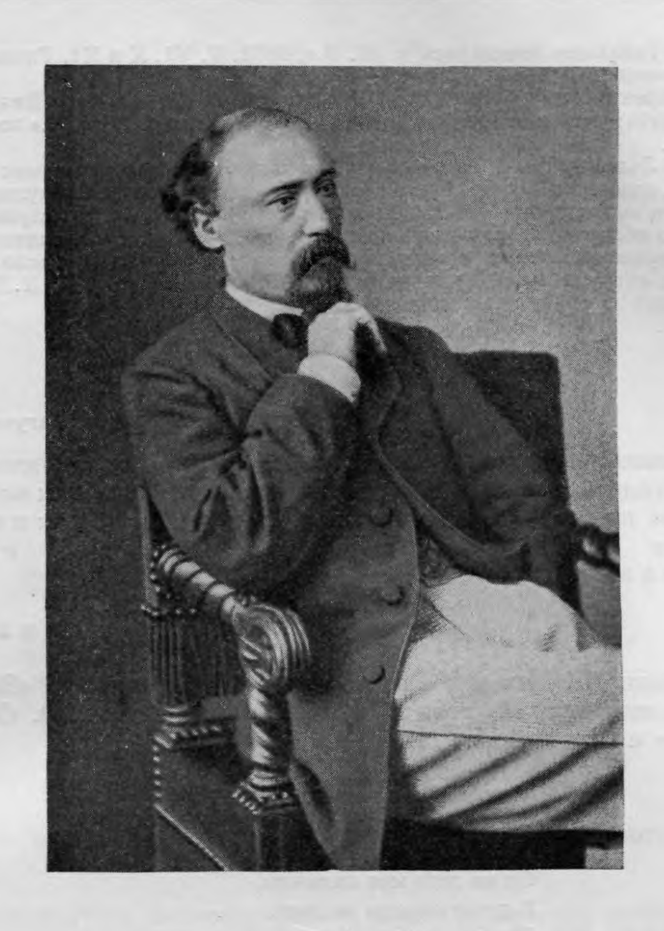
Многоуважаемый Николай Алексеевич. 23 или 24 июля из Вильны послал я Вам окончание главы из Гайаваты (Сватовство Гайаваты) [1] и просил Вас прислать причитающиеся мне за сделанное уже деньги, также просил о присылке в счет будущего рублей 300. Нельзя ли ответить мне на это письмо? Если невозможно прислать вперед, то прошу Вас поскорее прислать то, что́ уже заработано, вычислив следуемое мне количество приблизительно. По моему расчету, мне следует рублей 60 или 65. Мне крайне нужны деньги по случаю перевода меня в Вилькомир, где я окончательно поселюсь с 15 августа. Итак, если не можете поспеть выслать к 10-му (так, чтобы 10-го деньги были в Новоалександровске), то пошлите их в Вилькомир (тоже Ков⟨енской⟩ губернии) на имя Д⟨митрия⟩ Лаврент⟨ьевича⟩ Михалов⟨ского⟩, Председ⟨ателя⟩ Мирового Съезда. Пожалуйста, поскорее пришлите, чем премного обяжете.

Всегда готовый к услугам и преданный

Д. Михаловский

Еще вот о чем надо поговорить с Вами. Жена моя под моею редакциею переводит в высшей степени занимательный роман известного немецкого писателя Брахфогеля [2], о котором я Вам говорил. Вы выразили согласие принять его в сокращении, но я, право, не знаю, как его и сократить, он как-то от начала до конца занимателен. Читатели не заснут, роман называется Вильям Гогарт; на сцене действует и этот художник-реалист, борющийся с старым направлением, и государственные лица, как, напр., герцог Букингэм, и проч. Вообще этот роман очень умный и вместе очень занимательный как для развития читателей, так и для массы, какими ⟨?⟩ не мешает по временам наполнять книжки журнала. Роман этот читается нарасхват, и я приобрел его два раза. Один экземпляр отдал Тиблену [3], который сперва хотел было взять, так и книги остались у него, но потом стал откладывать, говоря, что посмотрит, и что, во всяком случае, не скоро напечатает; верно дела его по журналу плохи. Это заставило меня вновь выписать роман из магазина Эггерса, значит — два раза заплатил по $6^1/_2$ рублей, и эту затрату сделал в полной уверенности, что такая хорошая вещь всегда найдет себе место в журналах. Жаль, что только что прислали мне его. Впрочем, он уже переводится нами. Боюсь, как бы Тиблен не отдал переводить его другим, воспользовавшись моими книжками, да, впрочем, едва ли он решится. — О немецкой литературе по части романов у нас мало знают, и я думаю, что этот перевод будет кстати. В «Соврем⟨енном⟩ Обозрении» печатается роман «Деревенская кокетка» тоже, кажется, Брахфогеля, но какая разница и по занимательности и по всему! Об этой работе я предупреждаю Вас на тот конец, что, независимо от моей Гайаваты, работая по этой части, я не могу остаться у Вас должником, если бы Вы мне прислали денег вперед в счет работ будущих.

С нетерпением жду возможности накупить побольше английских стихов, а также итальянских, и тогда хороших вещей наделаю.

Карточка эта прислана мнѣ покойнымъ Николаемъ Алексѣевичемъ Некрасовымъ во время службы моей (предсѣдателемъ Коммиссiи по крестьянскимъ дѣламъ) въ Литвѣ, въ г. Новоалександровскѣ Ковенской губернiи въ 1864 г. послѣ поѣздки Н. А. за границу. Д. Михаловскiй

НЕКРАСОВ

Фотография С. Л. Левицкого

Запись Д. Л. Михаловского (на обороте) свидетельствует, что фотография была подарена ему Некрасовым в 1864 г. по возвращении поэта из-за границы

Литературный музей, Москва

[1] «Песнь о Гайавате» печаталась в «О. З.», 1868, V, VI, X и XI. Глава «Сватовство Гайаваты» помещена в X кн.

[2] Роман Брахфогеля (Albert-Emil Brachvogel, 1824—1878) «Вильям Гогарт» (William Hogarth) вышел в Берлине в 1866 г. в трех томах. В «О. З.» перевод романа не появлялся.

[3] Николай Львович Тиблен — артиллерийский офицер, участник Севастопольской обороны, содержал типографию и занимался издательством. Спекулируя на названии только что запрещенного «Совр.», Тиблен с начала 1868 г. приступил к изданию «Современного обозрения, журнала литературного, научного и политического». Однако «Современное обозрение» оказалось очень недолговечным; не спасло его и участие в нем бывших сотрудников «Современника» Ю. Г. Жуковского и А. Н. Пыпина. Впоследствии бежал за границу от долгов.

<3>

Нижний-Новгород, 15 августа <1875 г.>[1]

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Если прилагаемые стихотворения Вы найдете годными, то ради бога пришлите мне как можно скорее следуемые за них деньги по следующему адресу. В Нижний Новгород, на Нижнем базаре, в биржевой гостинице Ермолаева, № 2.

Преданный Д. Михаловский

Стихотворение Желание взято из поэмы Дранмора[2] «Вальс демонов», поэмы нецензурной, хотя по местам весьма поэтичной. О нецензурности судите по следующим стихам:

Я не могу на колени
Падать и в прах повергаться
Пред этим образом скорбным:
Он не дает мне надежды,
В душу отрады не льет.
Что мне до веры наивной,
Веры людей в искупленье,
Если мне внутренний голос
Шепчет, что «не был бог распят
И пригвожден ко кресту»?
О Иисус! Я не верю,
Что ты был бог, но я верую,
Что в твоем сердце горело
Пламя любви всеобъемлющей,
Божеской, вечной любви!
И глубоко пред тобою,
В этот торжественный час,
Я преклонился, спаситель,
Как пред подвижником духа,
Плоть покорившим свою.
Воздал хвалу я любви всепрощающей,
Силе духовной твоей, —
Я, истомленный и тающий
В пламени мелких страстей...

О поэтичности и отчасти тоже нецензурности можно судить по следующему месту:

В мрачном пространстве собора
Место одно лишь светилось:
Там, где в терновом венце

Распятый мира спаситель
Голову долу склонил;
Там, где страдальца великого
Патеры в женских одеждах,
Дети в дыму фимиама,
Культом языческим чтут,
Детские жертвы приносят,
Чтоб угодить небесам,
Помпой обряда земного
Сделав из дома Христова
Идоложертвенный храм.
Музыка храм наполняла.
Вслед за торжественно-грозным
Голосом труб раздавались,
С плачущих струн вылетая,
Гимны любви;
Арфы печальные звуки
В высь уносились под своды
К статуям ангелов светлых,
Сверху смотревшим с улыбкой
На распростертый народ;
Там замирали и снова
С неба на землю скользили,
Преображалися в слёзы
И как бальзам драгоценный
Капля по капле вливались
В раны истерзанных душ.

Я привел эти отрывки, чтобы поделиться с Вами оригинальностью Дранмора.

[1] Письмо датируется предположительно, исходя из того, что переводы Михаловского из Дранмора печатались в «О. З.» в 1875 г. (II, IV, V, VII, IX и XI) и в 1876 г. (II).

[2] Дранмор (Dranmor) — псевдоним швейцарского поэта Фердинанда фон Шмида (Ferdinand von Schmid, 1823—1888). В собрание его стихотворений (Gesammelten Dichtungen, Berlin, 1873; 3-е изд. — 1879) вошла цитируемая Михаловским поэма «Вальс демонов» («Dämonen Walzer»).

Д. Л. МОРДОВЦЕВ

Интенсивная работа Даниила Лукича Мордовцева (1830—1905) в некрасовских «Отеч. Зап.» начинается с первого года их существования — 1868. При жизни Некрасова он поместил в этом журнале ряд исторических статей: «Русские государственные деятели прошлого столетия и Пугачев» (1868, VIII—X), «Один из Лже-Константинов, материалы для характеристики народного движения» (1869, X), «Кто был усмирителем Пугачевщины?» (1869, XI), «Представляет ли прошедшее русского народа какие-либо политические движения?» (1871, III), «Что мне Гекуба и что я Гекубе» (1876, VII), анонимную статью по славянскому вопросу «На всемирную свечу» (1876, VII) и ряд статей по экономическим вопросам под криптонимом «Д. С...о-М...ь»: «Что немцу здорово, то русскому смерть, экономические параллели» (1873, IX), «Действительные причины самарского голода» (1874, IV), «Земство и его деяния» (1874, IX), «Об экономических отношениях севера и юга России» (1874, X), «Наши потери во внешней торговле» (1875, V), «О культурных признаках русского народа» (1876, I), «Исторические черты даровитости русского народа» (1876, III), «Где искать земству помощи в деле народного образования?» (1876, IV), «Петербург как центр рабочего тяготения» (1876, VII), «Светочи будущего» (1877, VI) и «Северный вопрос после восточного» (1877, X—XI). Сверх того, Мордовцеву же принадлежит статья «Как строилась Тамбовско-Саратовская железная дорога и что из этого вышло» (1873, VI), подписанная инициалами «Д. С.», очерк «Движения в расколе» (1874, XI), подписанный псевдонимом Д. Дионисиев, и серия анонимных очерков «Десятилетие русского земства» (1875, IV—VIII, X; 1876, VII, IX, XI, XII).

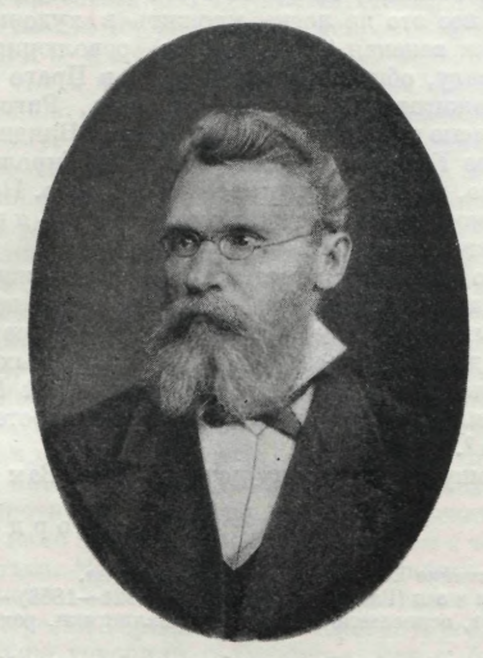
Самая постановка подобных вопросов и обсуждение их в демократическом духе не могли не вызвать цензурных преследований. Статья Мордовцева «Вымирание некультурных рас» была вырезана из мартовской книжки 1877 г., и о ней цензор Лебедев докладывал: «Статья эта, отличаясь тенденциозностью и злонамеренностью содержания под прикрытием научно-философской теории, заключает в себе протест против существующего социального устройства, при котором будто бы низшему неимущему классу предстоит полное вымирание».

В письмах Мордовцева мы встречаемся с восторженными отзывами о стихах Некрасова. Мордовцев был искренним почитателем некрасовской поэзии и самой личности поэта. Вот что, например, сам он рассказывал о своем поведении на похоронах Некрасова: «Когда один из ораторов, говоря над могилой Некрасова прощальное слово, выразился, что он может быть поставлен наравне с такими крупными русскими поэтами, как Пушкин и Лермонтов, окружавшая могилу непроницаемою стеною толпа, наэлектризованная торжественностью минуты, величавостью и внушительностью всей обстановки и чувством свежей, горькой утраты, громко закричала: „нет — выше! выше!“ Пишущий это, находясь там же, в толпе, не мог не присоединить своего голоса к страстному взрыву тысячи голосов и также закричал: „выше! выше!“ ... Но нет — это был не минутный взрыв чувства. И теперь, с холодным вниманием, с беспощадной строгостью к своим субъективным влечениям, взвешивая путем строго исторической критики значение Некрасова в истории русской мысли и ее оздоровлении, пишущий это сознательно готов повторить то, что сказал на могиле поэта: „выше! выше!“».

Это значение Некрасова, по мнению Мордовцева, было обусловлено «постоянным служением одной идее», идее борьбы с социальною несправедливостью. «Всецело посвятить себя идее уврачевания этой раны, ни о чем больше не думать, ничего больше не писать в течение всей своей жизни, звучать в уши нескольких генераций молодого поколения все одною и тою же сильною, энергическою, хотя ноющею нотою, звучать до того настойчиво, что нота эта воспитательно засела у всех в нервах, в душе — да, это, воля ваша, большая историческая заслуга» (Д. Мордовцев. Об историческом значении Некрасова, как поэта. — «Древняя и новая Россия», 1878, II).

В своих воспоминаниях о Некрасове («Новости и Биржевая Газета», 1901, 3 сентября, № 242) Мордовцев в очень положительных выражениях отзывался и о редакторской деятельности Некрасова, отмечая его внимательное и отзывчивое отношение к сотрудникам.

Печатаемые письма писаны из Саратова, где в то время жил Мордовцев. До этого он служил (с 1 марта 1865 г.) в Петербурге младшим столоначальником хозяйственного департамента министерства внутренних дел. Но, повидимому, статьи его, печатаемые в журналах, произвели неблагоприятное впечатление на департаментское начальство. Известно, что Мордовцев не поладил с начальством и 8 марта 1867 г. был устранен от должности и причислен к министерству, а 31 марта того же года и вовсе уволен. Оказавшись в затруднительном материальном положении, он уехал в Саратов, где имел много знакомств и надеялся легко устроиться на службу. Ко времени двух первых публикуемых писем Мордовцев уже служил (с 6 февраля 1868 г.) младшим помощником правителя губернской канцелярии, а ко времени третьего письма (с 21 августа 1869 г.), —

Д. Л. МОРДОВЦЕВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

правителем дел губернской канцелярии и секретарем статистического комитета. Впоследствии, в 1872 г., Мордовцев вышел в отставку и, переехав в Петербург, занялся исключительно литературным трудом.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 60).

⟨1⟩

Саратов, 29 апреля ⟨18⟩68 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

С особенным удовольствием я готов работать для Вашего журнала, тем более, что четыре книжки этого журнала, прочитанные мною в нынешнем году, невольно манят к работе. Я только сожалею, что в настоящее время я не могу ничего предложить Вам из моих трудов. Последнюю мою работу (историческая драма о черногорском Лже-Петре III) я на-днях отправил к Стасюлевичу [1]. Правда, я начал недавно новый труд, но, признаюсь, еще не вполне измерил свои силы — хватит ли их на такое дело, какое я задумал. Меня многое пугает в задуманном мною деле, — пугает именно ши-

рина замысла. Я намерен в драме изобразить славянское движение 1848 г. Точкой отправления должен у меня служить чешский поэт и публицист Карел Гавличек (псев<доним> Гавель Боровский)[2]. Тут захвачена будет и Россия 45—47 годов. Гавличек бежал из Праги в Россию (45-й г.), где сталкивался с Хомяковым, Герценом, Белинским и др. На него повеяло славянофильством. Передать этот пассаж задуманной мною драмы не легко: не легко выдержать вполне положение лиц, передать их с соблюдением исторической и художественной правды. Герцен с его сарказмом над славянофильством и Россиею, Белинский с своею желчною речью против Хомяковских мечтаний, Хомяков с его панславистическими идеями и сам Гавличек — все это не легко уложить в художественные формы. А там славянская и венская (студенческая) революция, когда Гавличек возвращается в Прагу, общеславянский съезд в Праге в 48-м году, пражская революция, зажигательные речи Бакунина, Ригер[3], Смолка[4], Палацкий[5], потом фиаско панславистическое, резня Виндишгреца в Праге и, наконец, изнывание Гавличка в австрийской (в Тироле) крепости — все это очень заманчиво, но в то же время очень страшно. Но я все-таки начал работать. Если из моей работы выйдет что дельное — я предложу это Вам, если Вы не откажетесь принять. А нет — так брошу.

Мне говорят, что выводить в драме лиц почти живых и даже живых[6] (Ригер, Палацкий, Бакунин) — это неслыханный пример. Что ж! Мало ли что неслыхано прежде, а теперь делается: все когда-нибудь было неслыханное — надо же кому-нибудь начать и с неслыханного. Попробую, однако. Другое дело, если б я владел хоть осьмушкой Вашего стиха и Ваших поэтических сил, тогда бы я предсказал моей работе громадный успех. А теперь не знаю[7].

Покорнейше прошу верить моему искреннему к Вам уважению

Д. Мордовцев

[1] Эта драма в «Вестнике Европы» не была напечатана.

[2] Карел Гавличек (Гавель Боровский — 1821—1856) — известный чешский писатель и публицист, основатель чешской журналистики, редактор газеты «Narodni novini».

В начале 40-х годов в Москве Гавличек близко общался с М. П. Погодиным (жил в его доме), С. П. Шевыревым (был домашним учителем его сына), Хомяковым, Павловым, Снегиревым, Киреевским, Бодянским и др.

С целью противодействия австрийскому влиянию, Гавличек, вернувшись из Москвы, знакомил чешское общество с русской литературой, сам переводил Гоголя и др. русских писателей. За активное участие в революционном движении 1848 г., подавленном австрийским генералом Альфредом Виндишгрецом, был посажен в крепость в Тироле, где написал «Тирольские элегии» (некоторые из них переведены на русский язык Д. Минаевым), а затем сослан в Бриксан.

[3] Франц-Ладислав Ригер (1818—1903) — чешский политический деятель и журналист, в 1848 г. был избран в рейхсрат, где защищал федеративные требования чехов, основал с Палацким газеты «Národ» («Народ») и «Rokhok» («Рокгок»); вместе с Кобером работал над составлением чешской энциклопедии «Slovník naučny» («Научный словарь») — с 1859 г. по 1874 г.

[4] Франц Смолка (1810—1899) — австро-польский политический деятель. В 1848 г. принимал участие в польском движении, с 1861 г. — член рейхсрата, требовал объединения Польши; впоследствии, с 1881 г. по 1893 г.—президент австрийской палаты депутатов.

[5] Франтишек Палацкий (1798—1876) — знаменитый чешский историк: с 1848 г. — вождь чешской национальной партии, с 1861 г. — член австрийской палаты господ; в то время работал над «Историей Чехии» (с 1836 г. по 1874 г.).

[6] Из других лиц, выведенных в драме Мордовцева, Герцен и Бакунин в то время жили за границей в эмиграции, а Белинского и славянофила Алексея Степ. Хомякова уже не было в живых.

[7] До нас не дошло ответное письмо Некрасова, в котором он высказал свои соображения о недопустимости воспроизведения в драме живых еще людей; упоминание об этом ответе находим в следующем письме Мордовцева. Между тем, после двух месяцев работы драма была закончена и отправлена в редакцию «О. З.».

<2>

Саратов, 3 июля <18>68 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Имею честь препроводить на Ваш суд мою новую драму «Гавличек». Ваше письмо, признаюсь откровенно, меня смутило не мало. Я сам сознаю, что выводить в драме людей, еще не сошедших в могилу, как обыкновенно выводят на сцену давно умерших и всеми забытых личностей, это что-то непереваримое для нравственного чувства читателя. Я думал сам об этом, но в то же время думал и то, что для нас многое кажется непереваримым потому именно, что д о н а с и при нас оно не было принято, что мы не привыкли к тому, чтобы выводить в драме (не на сцене, положим) живых людей. Но это-то именно и возбудило мое малороссийское упрямство — сделать наперекор тому, что принято. Я не желаю этим оскорблять нравственную деликатность читателя, я не хочу нахально заставлять его изменить свои воззрения на искусство; но я сам ищу истины, сам пробую. Мы до сих пор потому выводили в драмах и трагедиях умерших героев, что были уверены в безнаказанности наших исторических и художественных промахов; мы были убеждены, что Грозный или Василиса Мелентьева не скажут нам из гроба: «вы клевещете на нас, г. писатель». И вот мы боимся вывести в драме Палацкого или Бакунина из опасения, что они могут вступиться за себя, за исковерканную нами историческую правду. Так, по-моему, честнее последнее: пусть за себя вступится живой, а за мертвого некому вступиться, кроме исторической и художественной критики. По крайней мере, я так понимаю это дело. А все-таки я не могу скрыть пред Вами того страха, который я испытываю, решаясь послать Вам мою драму. Я прошу Вас смотреть на нее, как на попытку передать в драматических картинах то, с чем мало знакомы русские читатели и с чем им давно бы следовало познакомиться. Читая драму мою, Вы увидите, что я беру только один момент из жизни Гавличка в Москве — именно, его прощанье с Хомяковым, где он встретил Герцена и Белинского. Я согласен, что в Вашем тогдашнем кружке не говорили о Гавличке, может быть потому, что не приходилось, и Вы могли не встретить его у Белинского или у кого другого; да он, повидимому, и не мог у них бывать, а, как видно из чешских свидетельств, на него имел влияние Хомяков, да, может быть, Шевырев, ибо чехи говорят: что Гавличек был учителем «v domě bohatého knížete Şewyreva». Чехи прямо говорят, что Москва имела на Гавличка политическое влияние, и там Гавличек seznal mnohé čelnější členy ruskè národní strany, kteráž prudce zápasila s živly cizozemskými, mocně převládajícimi v Petrohradě и т. д. Уже из Москвы он писал свои политические статьи в Прагу. Может быть, в Вашем кружке не обратили внимания на Гавличка потому, что, как жалуются чехи, русские тогда смотрели на домашних воспитателей как на лакеев (služebník, nevolník и пр.). Впрочем, Вы увидите, что я касаюсь Белинского и Герцена настолько, насколько нужно для того, чтобы выразить в драме мою мысль и то, что вынес Гавличек из России. Во всяком случае, я прошу Вас не быть слишком строгим к моей первой попытке в этом роде (а может быть и последней). Я теперь сам чувствую, что моя драма нейдет для «Отеч. Записок», и потому я предназначаю ей другое место. Но я прошу Вас исполнить данное мне слово: сказать мне откровенно Ваше мнение о моей работе. Занимаясь Гавличком, я, признаюсь, увлекся идеею политическою, самою живою в данное время: должно же проснуться когда-нибудь наше русское и славянское национальное чувство, как давно проснулось gesammt — немецкое чувство. Гейне был прав в своем отзыве о русских, о их будущем. Надо просыпаться, и люди работающие должны всеми силами помогать этому пробуждению. Вы бу́дите русских Вашим

адски-раздражающим стихом, который у меня когда-то много перепортил крови, порядком порасстроил нервы, много заставлял думать — ну, Ваше дело большое, Ваш радиус велик, как говорил Гоголь; а я надеюсь разбудить хоть несколько спящих субъектов, разбужу хоть тем, что меня побранят за мою драму, а все же, может быть, и прочтут ее. Только Вы не браните ее, если она плоха в художественном отношении. После Вашего письма я несколько переделал ее. Я не готовил ее для сцены, и оттого она не отвечает сценическим требованиям — пусть так, но я свое дело сделал, высказал в работе хоть частицу того, что давно занимало и мучило меня. Боюсь, что мое письмо и моя драма не застанут Вас в Петербурге: может быть, на лето Вы уедете в деревню, а мне не хотелось бы долго ждать Вашего ответа о моем труде, потому что я думаю скоро отдать драму в печать [1], в один из подходящих журналов.

Искренне уважающий Вас
Д. Мордовцев

[1] Мордовцеву, повидимому, так и не удалось напечатать драму «Гавличек» на русском языке (вероятно, по причинам цензурного характера). Но в 1887 г. она была издана на чешском языке в Праге, под измененным названием «Pražskij pogrom» в составе его трилогии «Slavjanskija dramy» («Stepan Malyj», «Pražskij pogrom», «Dobrovolcy»). Сразу же после выхода в свет книга была конфискована цензурой. В 1921 г. драма Мордовцева была вновь издана в Праге В. Францевым под тем же заглавием «Pražskij pogrom». Нам осталось неизвестным, имеются ли в этом издании какие-либо сведения, позволяющие установить, каким образом попала рукопись Мордовцева к пражскому издателю 1887 г., кто был переводчиком драмы и имел ли какое-либо отношение к пражскому изданию сам Мордовцев. Ср. Jaromír Bělič, Karel Havlíček Borovsky a slovanstvo, Praha, 1947, стр. 247.

⟨3⟩

Саратов, 18 февраля ⟨18⟩70 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

С настоящей почтой я препровождаю в редакцию «Отечественных Записок» небольшую историческую монографию — «Участие семинаристов в народных движениях прошлого века» [1]. И заглавие и содержание статьи говорят, что я взял такой вопрос из русской истории, значение которого может быть оценено не сразу, а только тогда, когда этот вопрос, мною поставленный неожиданно, будет разработан обстоятельно. В вопросе этом чуется мне немалая историческая важность, и из моей даже монографии Вы увидите насколько верно мое историческое чутье. Одного я боюсь — излишних притязаний цензуры, которая на-днях арестовала мой роман («Современные изгои» [2]) и тем отняла у меня и не мало сил и крови, и полугодовой труд. Надеюсь, что мои исторические семинаристы спасутся от уничтожения или даже от искалечения. Позволяю себе надеяться на Ваше слово в мою пользу перед редакцией Вашего журнала, если Вы несете этот труд редактирования не единолично.

С глубоким уважением имею честь быть Вашим всегдашним почитателем

Д. Мордовцев

(в Саратове)

[1] Эта работа не была помещена в «Отеч. Зап.» и известна по тексту собрания сочинений Мордовцева (изд. Мертца, СПб., 1900): «Участие семинаристов в народном движении XVIII века».

[2] Роман «Современные изгои» в печати не известен. Быть может, он появился под другим названием.

А. Е. НАДЕЖДИН

Александр Евграфович Надеждин (ок. 1810—1860) — второстепенный беллетрист и публицист 50-х годов, учился в Пензенской гимназии в одно время с Белинским, по профессии учитель музыки, автор отдельно изданного памфлета «Журналы, газеты и публика», СПб., 1859, на который «Современник» откликнулся анонимной рецензией Добролюбова (1859, IX).

Обстоятельства, явившиеся поводом для написания публикуемого письма, рассказаны самим Надеждиным в заметке «Образ действий редакции „Современника"», напечатанной в №№ 237 и 254 «Северной пчелы» за 1859 г. Приводим относящиеся сюда строки из этой заметки:

«В начале 50-х годов отправил я к А. А. Краевскому первую часть моего романа „Записки учителя музыки" и получил от него самый ободрительный и одобрительный ответ. Вследствие того я в разные времена выслал А. А. Краевскому остальные 5 частей моего романа и стал ждать результата. Судьба и обязанности музыкального учителя, которым я был тогда, приютили меня в Ломове, Пензенской губ. Там, совершенно неожиданно, получил я страховое письмо от гг. Некрасова и Чернышевского с величайшими похвалами г. Чернышевского и с самыми выгодными предложениями г. Некрасова. Как неопытный провинциал и бедняк в полном смысле, я был очарован и забыл в чаду, что поступком своим могу оскорбить А. А. Краевского. Второе письмо г. Некрасова, с приложением 50 руб. и разных советов и убеждений, касательно медленности г. Краевского, решили дело, и рукопись моего романа перешла в редакцию „Современника".

Я спал на розах, надежды убаюкивали провинциала.

Из романа моего напечатаны были в „Современнике" два отрывка, за которые я получил плату. Были разного рода бумажные столкновения по поводу этих отрывков, но г. Чернышевский, дай бог ему здоровья, все уладил, и я послал к нему в разные времена две моих рукописи: „Рассказы Петра Петровича" и „Новая повесть на старый лад", которые и были переданы им в редакцию „Современника"».

Дальше автор упрекает Чернышевского якобы в потере этих рукописей, а Некрасова в отказе от «должного вознаграждения» за эту потерю, чему и посвящено его «письмо в редакцию», в котором он «приглашал» редакцию «Современника» «опровергнуть хоть одно слово краткого моего извлечения из фактов».

Два отрывка из «Записок учителя музыки» были напечатаны в «Совр.», 1856, VIII.
Письмо печатается по автографу ИЛИ 21.127/CXLVб15.

<Нижний Ломов, 26 декабря 1855 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Письмо Ваше — истинный для меня праздник. Я получил его 24 декабря, потому что Пензенская почтовая контора должна была переслать его в Ломов, где я нахожусь по обстоятельствам. С благодарностью принимаю Ваши предложения, и с этой минуты ни одна статья моя, которую Вы найдете достойною Вашего журнала, не будет ни в чьем распоряжении, кроме Вашего.

Г. Краевский своим убийственным молчанием не убил во мне страсти записывать виденное и слышанное; поэтому еще много «Записок Музыканта» Вы получите, если Вы и публика найдете их интересными. Пожар истребил все мое достояние, которое и так было не велико; вот почему нахожусь в Ломове, где скудно питаюсь скудными уроками музыки. Теперь Вы легко поймете почему письмо Ваше я назвал истинным моим праздником.

Прошу Вас, милостивый государь, поспешите дать мне средство лично благодарить Вас и увериться, могу ли существовать в Петербурге.

Прилагаю на Ваше имя другое письмо, цель которого Вы сами увидите[1]. Еще прилагаю точную копию с письма моего к г-ну Краевскому, отправленного с этою же почтой [2].

Во всяком случае верьте, что я Ваш!

Смею надеяться, что Вы не откажетесь доставить мне удовольствие читать «Современник» за 1856 г. В случае моего отъезда в Петербург, о котором я постоянно мечтаю, «Современник» поступит во владение Ломовского Уездного училища.

Примите уверение в моем глубоком к Вам уважении и совершенной преданности; с тем вместе честь имею быть Вашим,

милостивый государь,

покорнейшим слугою

Александр Надеждин

26 декабря 1855 г.

Если Вам будет угодно удостоить меня ответом, вот Вам адрес: Пензенской губернии в г. Нижний Ломов, Надеждину.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Приводим текст приложенной Надеждиным копии с его письма к Краевскому:

⟨26 декабря 1855 г.⟩

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Вам было угодно написать ко мне очень любезное письмо, в котором Вы высказали подозрение, что я имею талант. Я послал Вам две части «Записок учителя музыки». Вы требовали, чтоб я прислал конец романа. Я исполнил вполне Ваше желание.

Какой же вышел результат?

Почти или слишком год я не имею от Вас даже уведомления: будет ли мой роман напечатан, или нет?..

Вследствие этого я вошел в сношение с г-м Некрасовым и получил от него совершенно удовлетворительные и даже небывалые условия — для неизвестного автора.

Я теперь с трудом приобретаю себе кусок хлеба, — и потому уверен, что Вы не замедлите передать мою рукопись — «шесть частей Записок учителя музыки» г-ну Некрасову, от которого получите мою записку к нему о предоставлении полного права печатать мои сочинения в Современнике.

Уверен, что Вы пощадите бедного человека, который многого себя лишал для того, чтоб купить почтовой бумаги на переписку и на отсылку известного Вам сочинения моего и тотчас отдадите рукопись мою г-ну Некрасову.

Вы, имея в руках полное сочинение, не печатали его; а г. Некрасов по одному отрывку, посланному мною к нему, предложил мне такие условия, результатом которых будет то, что я совершенно посвящу себя литературе и, вероятно, мечта моя о посещении Петербурга исполнится.

С полным к Вам уважением честь имею быть Вашим,

милостивый государь,

покорным слугою

Александр Надеждин

26 декабря 1855 г.

НЕИЗВЕСТНЫЙ («АРХИ-КВАЗИМОДО»)

Кто скрывается под псевдонимом «А р х и - К в а з и м о д о», которым подписаны публикуемые два письма к Некрасову, установить с определенностью не удалось. Однако указание автора писем, что ему принадлежит рассказ, помещенный в октябрьской книжке московского «Журнала Охоты», «перекочевавшего из Петербурга и отделившегося от конной части», позволяет сделать некоторые догадки, а также датировать письма.

В 1840—1870-е годы выходили следующие периодические издания, посвященные вопросам коннозаводства и охоты. В Петербурге: 1. Ежемесячный «Журнал Коннозаводства и Охоты» (1842—1865) и его реформированное продолжение — журнал «Коннозаводство» (1865—1900), издававшиеся Комитетом государственного коннозаводства, а позднее Главным управлением государственного коннозаводства; 2. Двухнедельный «Журнал Охоты и Коннозаводства» (1869—1874) издателя-редактора А. Ф. Паули, а позднее В. И. Ильина. Журнал прекратился на пятом номере 1874 г. В Москве: 1. Ежемесячный «Журнал Охоты» (1858—1868) издателя-редактора Георга Мин и 2. Ежемесячный «Журнал Охоты», издававшийся, под редакцией Л. М. Сабанеева, Императорским обществом размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты (1874—1877).

Библиографическая литература не отмечает никакой преемственности между перечисленными петербургскими и московскими изданиями. Тем не менее, сопоставление их выходных данных дает основание думать, что во втором из публикуемых писем имеется в виду московский «Журнал Охоты». Он начал выходить в июле 1874 г., т. е. непосредственно после закрытия петербургского «Журнала Охоты и Коннозаводства». Раздела коннозаводства этот московский журнал не имел. Если это предположение верно, в октябрьской книжке московского «Журнала Охоты» автору письма мог принадлежать рассказ «Мой первый козел», подписанный М. В. Райским. Среди беллетристов указанного номера это единственный автор, появляющийся впервые на страницах журнала и в дальнейшем из него исчезающий. В био-библиографической литературе о русских писателях сведений о М. В. Райском мы не нашли. По содержанию и форме его рассказ ничем не выделяется среди прочих, весьма посредственных, литературных материалов издания.

Указание на октябрьский номер «Журнала Охоты» служит ключом к датировке писем. Журнал появился с опозданием. Цензурное разрешение его помечено 5 декабря 1874 г. Поскольку неизвестный корреспондент Некрасова, узнав о выходе книжки в свет, успел дважды написать о гонораре в Москву, а также, после постигшей его в декабре неудачи с рукописью романа, сделать, по его словам, какой-то перевод и написать повесть в 4—6 листов — мы датируем письма началом 1875 г.

Как реагировал Некрасов на письма «Архи-Квазимодо» — неизвестно. Как бы то ни было, эти своеобразные человеческие документы не лишены известного бытового и социально-психологического интереса.

Письма печатаются по автографам ИЛИ.

〈1〉

〈Начало 1875 г.〉[1]

Погибающий червяк осмеливается просить спасения у князя поэтов. Во имя заслуг, давших право Николаю Алексеевичу Некрасову носить это название, во имя мыслей, высказанных им в своих сочинениях, да не откажется он словом и делом помочь жалкому червю, возвратить его хорошей, полезной жизни. Просьба моя очень, очень велика, я это чувствую, но — не теряю надежды. Ведь ученики Христа не пренебрегали ни прокаженными, ни слепорожденными, но, исцелив, делали их своими последователями.

В смертной тоске ждущий ответа

А р х и - К в а з и м о д о

[1] См. вступительную заметку к письмам.

<2>

<Начало 1875 г.>

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА
ИЛИ
SIC TRANSIT GLORIA MUNDI*

Писал Вам еще вчера... Еще 24 часа. Убедительно прошу немного внимания. Был я чиновником, получал три тысячи рублевиков — и благоденствовал... Но в то же время был я страстным охотником. И вот, случилась удивительно счастливая, по мнению сынов Эскулапа, неприятность — получил, охотясь, тяжелую рану. Счастье заключалось в том, что перед снарядом, разрывавшим мое злосчастное тело, как бы летел курьер — отстранявший все смертельные перерывы и столкновения. Однако, не взирая на это счастье, за два года страданий, — особенно в те дни, когда знакомился (уже троекратно) с хирургическими инструментами, — я частенько думал, что лучше бы его не было.

Лежал я и лежал. Было время думать, додумываться, одумываться, оглянуться назад и вперед заглянуть... И решил я сделаться свободным писателем. Начал работать. Попробовал стихи вершать — в редакциях деликатно говорили мне, что произведения мои нецензурны. Сперва недоумевал я, — после догадался, что не хотят оскорблять моего авторского самолюбия...

Между тем самым неутомимым образом работал над романом. Потрясенная тяжелой операцией нервная система задержала мою работу. Наконец, в декабре сдал ее в редакцию хорошего журнала — какого не назову. И тут, из очень уважаемых уст услышал, что я чуть ли не ретроград... Это меня покоробило. Однако должен был признать, что суд отчасти справедлив... Не отдавшись отчаянию и презирая всей душой <несколько слов нрзб.>, я решился снова работать, отстранившись от всякого влияния современного строя общественной жизни и мысли, дав полный простор душе и сердцу...

Однако финансовые обстоятельства побудили меня взяться за переводы, а затем, распустив все умственные пары, написал невинную повесть — листов на 4—6... Небо<льшой> журнал, кажется, принял ее, потому что получил приглашение редактора явиться для переговоров. Отговорившись болезнью, я просил знакомого мне немного редактора быть у меня. Он обещал непременно на прошлой еще неделе — но по сию пору еще не был...

Между тем узнал, что в октябр<ьской> книжке Журнала Охоты, перекочевавшего в Москву и отделившегося от Конной части, напечатан мой рассказ. Написал один раз, повторил самым деликатным образом в другой — ни ответа, ни привета, ни гонорара. А я понадеялся — и не распорядился во-время...

1. Не пошел я лично к редактору по неимению за душой ничего, кроме татарского платья — невыходного халата. $1^1/_2$ месяца не бывал на воздухе.

2. Белье у Wäscherin **, а я с большими (mille fois pardon***) русскими вшами. Честное слово. И могу похвастать, что впервые видел их.

3. Несмотря на все стратегические и тактические меры против оных животных — они смеются над ними и плодятся с быстротой, можно сказать, поразительной.

4. Хуже всего... Насчет boire et manger! **** И если бы еще один — а вместе с своим стариком, подателем сего, немецким человеком, необходимым мне по сорту болезни — и, спасибо, он не бросает меня, несмотря на превратности судьбы и холод.

---

* Так проходит земная слава (лат.).
** Прачки (немец.).
*** Тысячу раз извините (франц.).
**** Попить и поесть (франц.).

5. Вот уже несколько дней ядовитое сознание, что убиваю себя, и медленно убиваю, душит меня... А помощь ждать уже поздно — слишком понадеялся на точность в платеже за напечатанную статью. Слишком долго ждал.

6. Просить упомянутого редактора о поспешности, о выдаче вперед — это значит потерять много, да и поздно — пройдут дни, а я успею к тому времени ad patres * даже...

7. Вот почему обращаюсь к Вам, Поэт, за ссудой в 25 р. — на два дня или неделю, или, наконец, на две недели, так как не хочу полагаться на редакцию.

8. Не обращаюсь ни к кому другому, потому что не в силах — и не поймут... В сущности и не к кому...

ЯРОСЛАВСКО-КОСТРОМСКОЙ БОЛЬШОЙ ЛУГОВОЙ ТРАКТ, ПРОХОДИВШИЙ МИМО УСАДЬБЫ ОТЦА НЕКРАСОВА В ГРЕШНЕВЕ

Упоминаемая в ряде стихотворений Некрасова и в поэме «Кому на Руси жить хорошо» — «Широкая дороженька, березками обставлена»

Остатки берез тракта около слободы Яковлевской

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

9. Если подумаете, что я какой-нибудь бедняга, мошенник, а не просто голодный, то — видите ли я очень, очень голоден — потребуйте у посланного, загляните в бумаги даже, спросите адрес... Впрочем, скажу Вам откровенно, это огорчило бы меня. Вы должны бы почувствовать правду и ожидать, пока оправлюсь и объявлюсь сам. Верьте, что с трудом написал это письмо. Вас я никогда не видал, — но волей-неволей Вы родня всем нам Русским. — Пожалуйста, скорее — смерть есть хочу... Если выручите сейчас — скорей поем за Ваше, Поэт, здоровье (конечно, осторожно — сперва немного), выкуплю у Израильтян платье, пошлю за бельем, и выйду на белый свет — опять немного поем и затем за дела. Начнете собирать справки — будет после ужина горчица. Уж лучше просто отказать, на что, впрочем, мало надеюсь.

* К предкам (лат.).

К. А. НЕКРАСОВ

Имя Константина Алексеевича Некрасова (1824—1884) — младшего брата поэта — нередко упоминается в переписке последнего.

Постоянные неудачи и лишения преследовали К. А. на протяжении всей его жизни. «Этого бедного мальчика бросили на произвол судьбы — не мудрено, что из него ничего не выйдет», — писал Некрасов сестре, А. А. Буткевич, 9 октября 1842 г. (см. выше, в наст. томе).

В начале 40-х годов К. А. отправился юнкером в расположенный на Кавказе егерский, князя Воронцова, полк. Прослужив около восьми лет и ничего не успев по службе, он в половине 1851 г. вышел в отставку и обратился к брату с просьбой о денежной помощи.

Больной и без денег живет К. А. в крепостце Грозной и вскоре снова обращается к брату. «Ради бога не лиши пособия», — униженно просит он его 1 августа 1851 г. (В. Евгеньев. Николай Алексеевич Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914, 43).

В конце концов он возвращается в Ярославль и живет у отца.

Безалаберный и легкомысленный, К. А. с ранних лет, по его собственным словам, стал «поклоняться Бахусу»; служебные дела его никак не устраивались; денег на жизнь не было: отец выдавал ему не более 15 р. в месяц, «с тем, чтобы на эти деньги нанимать квартиру, одеваться, пить и есть». «Что Вы на это скажете, — писал Константин Алексеевич братьям, — мне кажется, что согласиться на подобное жалование, значит уподобиться скоту в виде пьяного чиновника, с заплатанным бумагою сюртуком и вечно пустым брюхом».

В конце концов К. А. нашел способ «вырваться из этой муки». Воспользовавшись поездкой отца в Москву, он в 1857 г. женился на ярославской мещанке Ольге Федотовне Яхонтовой.

Венчать К. А. без разрешения отца ярославское духовенство побаивалось, пришлось дать взятку благочинному Гурию. Вернувшись, А. С. Некрасов «откатал Гурия базарной бранью» и, «повторив серо-пегую брань», выгнал молодых из дому. Началось тяжелое время нужды. «Душа и карман» Ольги Федотовны были, по словам К. А. Некрасова, «чисты как хрусталь».

В 1858 г. произошло примирение с отцом: как бы в насмешку А. С. Некрасов определил сыну содержание в 12 рублей в месяц и советовал ему «вместо чая пить воду, заменить масло салом и т. д.». Службы попрежнему не было. Начинаются проекты каких-то сомнительных спекуляций строевым лесом, содержания на бирже извозчиков, даже проект поступить конторщиком в питейный откуп «потому собственно, что все благородные места как для человека бедного для меня закрыты». «Прости меня, ради бога, и помоги, как можешь», заканчивается очередное письмо к Н. А. Некрасову от 8 февраля 1858 г.

Н. А. Некрасов и в эти годы и впоследствии попрежнему помогал своему неудачливому брату, ставшему в 1868 г. вдовцом. После покупки Карабихи он построил ему в подарок небольшой деревянный дом, расположенный неподалеку от большого дома.

В 1873 г. Н. А. Некрасов писал Федору Алексеевичу: «Брату Константину... выдавай... из моих денег по 50 р. в месяц, начиная с июня. Если пожелает разом взять за два — за три месяца вперед на лето, то не препятствуй ему в этом».

Этих денег нехватало, и приходилось все время выдавать снова и снова. «Прошу тебя сверх ежемесячных 50 руб.— выдать ⟨Константину⟩ из моих денег двести рублей» (12 ноября 1874 г.). «Я писал тебе о выдаче Константину 200 р. Выдай, если еще не выдал; а если 200 выданы и он попросит еще сто, то и таковые выдай» (29 декабря 1874 г.).

Сохранившиеся письма К. А. полны образных сравнений и витиеватых оборотов, свидетельствующих о наличии у него своеобразных литературных интересов: «Он беден, как Иов, — пишет К. А. о себе в третьем лице,— для которого все было закрыто, и он в свете видел тьму, тьму духов, терзающих его душу различными осаждениями».

О своей жене он сообщает брату, что она «умнее этих светских вертячек, у которых головы напичканы непотребными романами, вследствие чего они вертят мужчинами, как чорт палкой... ну, мне ли степняку возиться с этими воздушными метеорами,

мне ли постигать силу души их, не бывши ни разу в обществе? Пожалуй, постигнешь так, что на другой же день почувствуешь боль под ложечкой...».

К. А. писал стихи и даже несколько раз печатал их в «Ярославских Губернских Ведомостях» (см. № 47 за 1858 г. и №№ 21, 22 и 31 за 1859 г.). Ср. статью С. С. Дмитриева «Объявления Некрасовых в Ярославской Газете», в изд.: «Ярославский край», Ярославль, 1928, Сборник 1, 60—65.

Во время смертельной болезни поэта Константин Алексеевич был возле него; затем он окончательно поселился в Карабихе, где и прожил до самой своей смерти в 1884 г.

Переписка К.А.Некрасова с братом немногочисленна. Сохранились лишь три поздних письма поэта к Константину Некрасову: от 25 февраля 1870 г., 2 декабря 1873 г.и ок. 5 сентября 1876 г. (Некрасов, V, 436, 496 и 599). Писем К. А. Некрасова к брату опубликовано несколько более: от 1 августа 1851 г., 14 июля, 3 и 29 октября 1857 г., 8 февраля и 30 октября 1858 г., 26 августа 1864 г. Они напечатаны в «Архиве села Карабихи», кроме первого, опубликованного в цит. соч. В. Евгеньева (стр. 42—43) с пропуском постскриптума.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 203, № 68).

Кавказ
Декабря 12 дня 1850 года

Любезный брат Николай!

По желанию нашего батюшки, я подал в отставку, которая, как думаю, находится теперь в инспекторском департаменте, — нехудо бы иметь там знакомых и похлопотать об увольнении меня в отставку прапорщиком, за

АВТОГРАФ ПИСЬМА
К НЕКРАСОВУ БРАТА ЕГО,
К. А. НЕКРАСОВА, ОТ
12 ДЕКАБРЯ 1850 г.

Страница 1-я

Институт литературы АН СССР,
Ленинград

выслугу двух лет свыше назначенного срока юнкером, как сказано в законах, в противном случае чин коллежского регистратора будет жертвою трудам моим; прошу тебя, брат Николай, если имеешь средства хлопотать обо мне, то потрудись. — Во всяком случае, я жду отставку к 1-му марта, а потому, когда имеешь деньги, то к этому времени вышли хотя целковых сто пятьдесят на проезд, иначе должен буду итти пешком с мешком, но как я на Кавказе от изнурительных походов лишился совершенно ног, то шествие это будет весьма печальное и долгое; одним словом представь себе измученного чиновника, у которого карман страдает природною чехоткой, — но я надеюсь, любезный брат, что ты обратишь внимание на столь затруднительное положение и постараешься избавить меня от него скорою присылкою денег, чем премного останусь доволен и благодарен. Пожелав тебе здоровья, остаюсь

Любящий тебя брат твой

К. Некрасов

P. S. К отцу я писал тоже о вспомоществовании, но ответа нет и нет. — Я уже прошу тебя войти и в это положение.

Адрес ко мне: Кавказской области через город Моздок и станицу Червленную, в штаб егерского князя Воронцова полка юнкеру в кр<епость> Воздвиженскую.

По получении сего письма прошу как можно скорей уведомить.

Некрасов

ВАС. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Публикуемое ниже письмо Василия Ивановича Немировича-Данченко (1848—1936) к Некрасову относится к его кратковременному сотрудничеству в качестве поэта в «Отеч. Зап.» в 1871—1879 гг. и является ответом на письмо Некрасова, опубликованное С. А. Рейсером в «Звеньях», 1935, V, 514.

Свое отношение к Некрасову и его жизни Вас. Немирович-Данченко выразил в *следующем стихотворении 1877 г., обращенном к умиравшему поэту:*

Н. А. НЕКРАСОВУ

О, нет, не думай, что напрасно
Ты жил, работал и страдал...
Не даром родине звучал...

Железный стих, как плуг, глубоко
Взрывал народные поля.
Еще ростков не видит око,
Пока — черна еще земля.

Но крепнут озими упорно,
Настанет поздняя весна,
И в этой почве благотворно
Твои воскреснут семена.

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО
Фотография 1875 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Родимый край молчит, чуть дышит,
Но пусть твой стих ему звучит.
Придет пора — народ услышит
И скорбь твою благословит.

Вас. И. Немирович-Данченко

(«Стихотворения», СПб., 1882. 76).

В 1928 г. престарелый В. И. Немирович-Данченко написал специальные воспоминания «Мои встречи с Некрасовым» (см. С. Макашин. Из воспоминаний Вас. Ив. Немировича-Данченко — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 589—599).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 62).

Февраля 23, 1872 г.
Архангельск, Набережная,
д. Соловецкого подворья

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Только что получил из Вашей конторы 20 р. за февральскую книжку От<ечественных> Зап<исок> [1]. Очень и очень Вам обязан и за нравственную и за материальную поддержку. Позвольте надеяться, что и впредь Вы не откажете мне в добром расположении Вашем.

Пробую свои силы на поэме. Содержания, строго говоря, в смысле внешнего интереса, не будет. Свежая природа, семья бедного сельского священника, в которой задыхается избранная натура молодой дочери, — и только. Кончу — вышлю на суд Ваш [2].

4 декабря выслал г-ну Н. А. Демерту [3] Тьму Непроглядную (очерки из жизни подневольного странника) [4]. Ради бога, уведомьте: принята она редакцией или нет. Если нет — прикажите выслать обратно. Последних двадцати глав ее у меня нет вовсе. Еще раз благодарю Вас, добрый и многоуважаемый Николай Алексеевич, за Ваше участие. Отчего судьба не закинула меня к Вам пять лет тому назад! Иначе была бы направлена моя жизнь!.. Примите заявление искреннего уважения от глубоко обязанного Вам

В. Немировича-Данченко

P. S. Не прикажете ли выслать и февральскую книжку От<ечественных> Зап<исок>?

[1] В «О. З.» (1872, II) напечатаны два стихотворения Немировича-Данченко за подписью «Д»: «Освобожденный» и «После войны» (продолжение цикла «Из песен о павших», начатого в «О. З.», 1871, XI).

[2] Подобная поэма в печати неизвестна.

[3] Николай Александрович Демерт (1835—1876) — внутренний обозреватель «О. З.».

[4] «Тьма непроглядная» не была помещена в «О. З.». Очерки и рассказы «Подневольные странники» вышли в 1877 г. отдельным изданием в двух томах у М. О. Вольфа.

Ф. Д. НЕФЕДОВ

Писатель-народник, Филипп Диомидович Нефедов (1838—1902) происходил из крепостных Ивановской вотчины гр. Шереметева. Получив в 1861 г. увольнительное свидетельство, он поселился в Москве и приписался к мещанскому обществу. Поступив вскоре в Московский университет и служа одновременно в книжном магазине литературных деятелей, он в то же время был негласным редактором выходившего в Москве в 1865—1866 гг. ежемесячного библиографического журнала «Книжник» (издатель Анатолий Федорович Черенин) и вел в нем (под псевдонимом Заушилов) обзоры текущей журналистики. В «Отеч. Зап.» (1868, IX) было напечатано всего лишь одно произведение Нефедова — рассказ «Девичник», из фабричной жизни (авторская редакция названия была «Девичины»). Отдельным изданием рассказы Нефедова вышли: тт. I и II в изд. Солдатенкова, М., 1894, 1895, а тт. III и IV в изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, СПб., 1900.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202. оп. 2, № 63).

⟨1⟩

⟨21 октября 1868 г.⟩ [1]

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Гонорарий за «Девичник» 115 р. с. я получил и прошу извинения, что до сих пор не уведомил Контору о получении. Извиняюсь еще перед Вами и в том, что замедлил высылкою обещанных трудов. Главною причиною тому — моя болезнь, которой я подвергся еще в Иванове и от которой не освободился еще совсем и до настоящего дня; однако, надеюсь поправиться скоро и в продолжении октября или, вернее, в первых числах ноября Вы получите мои работы. Вот что у меня на половину уже готово: «Казанская» — очерк фабрич⟨ных⟩ нравов, «Непокорные дети» — повесть из купеческого быта, и «Примета» — деревенский рассказ [2]. Затем я желал бы знать, могут ли итти в «Отеч⟨ественных⟩ Записках» статьи, служащие материалами для истории крестьянского дела в России. Я имею любопытные факты, относящиеся до миролюбивой сделки кр⟨естья⟩н с. Иванова с гр. Шереметевым [3] и пр. Все это, если пожелаете, будет Вам доставлено.

Ф. Д. НЕФЕДОВ
Фотография 1880-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Теперь я Вас попрошу исполнить мою большую просьбу. В силу различных жизненных невзгод, которым подвергается всякий студент во время своей трудной жизни, и благодаря болезни, я сделал долги, которые не дают мне покоя: хищные кредиторы пристают ежечасно и грозят благодетельным судом. Конечно, это они и сделают легко, если я не уплачу долга в течение этого месяца. Положим, суд — учреждение хорошее и для россиян любезное, но попасть туда и затем по приговору мир<ового> судьи совершить путешествие в некие прелестные места и пожить малую толику времени на чужих харчах — уже вовсе нежелательно. В виду сего я и решился, как может ни покажется это для Вас странным, обратиться к Вам. Будьте так обязательны, возьмите на себя труд просить Литературный Фонд о ссужении меня на год или maximum на два — 300 р.[4] При первой возможности занятая сумма будет мною возвращена с должной благодарностью. Я Вас убедительно прошу охлопотать это дело для меня. Вы представить себе не можете как эти несчастные триста рублей беспокоят меня.

Если Вы не знаете меня, то спросите обо мне у В. И. Покровского[5], Г. З. Елисеева, Ал. Левитова[6].

Заканчиваю письмо надеждой, что Вы не откажетесь сделать все, что Вы можете. С нетерпением буду ждать ответа.

Ваш Фил<ипп> Нефедов

Октября 21 дня <1868 г.>
Москва

Мой адрес: Москва, Салтыковский переулок (между Петровкою и Бол. Дмитровкою), д. Яблоковой, кв. № 2, или на магазин Мих. Мих. Черенина, на Рождественке, для передачи мне.

[1] Датируется по связи с письмом Некрасова к Нефедову от 12 сентября 1868 г. Отсюда, а также по упоминанию «Девичника» определяется и год письма.

[2] Произведений Нефедова под таким заглавием в «О. З.» напечатано не было.

[3] Крестьяне села Иванова (впоследствии город Иваново-Вознесенск), откуда был родом Нефедов, были крепостными графа Шереметева. Последний, при освобождении их от крепостной зависимости, сумел заключить с ними сделку, чрезвычайно для них невыгодную. Нефедов вступился за своих земляков и на страницах «Молвы» и «Беседы» поместил несколько статей в защиту их интересов.

[4] В бумагах Лит. фонда не удалось разыскать материалов, которые свидетельствовали бы о том, что Некрасов исполнил просьбу Нефедова.

[5] Василий Иванович Покровский — известный тверской статистик, друг Г. З. Елисеева, сотрудник «О. З.».

[6] Александр Иванович Левитов (1835—1877) был близким другом Нефедова. Когда Левитов умер, некролог его написал Нефедов («Вестник Европы», 1877, III).

<2>

Москва
Четверг, 30 января 1869 года

Милостивый государь,
Николай Алексеевич.

Не гневитесь, что я до сих пор ничего не выслал Вам из обещанных мною для «Отеч<ественных> Записок» работ. Если Вы получили мое последнее письмо, посланное Вам месяца четыре назад, то Вы знаете почти причины этой несостоятельности; если нет, — я не буду здесь о них упоминать. Довольно сказать, что были причины и дай бог ч<то>б впредь их никогда не было!

Сегодня я окончил повесть «Святки» и сегодня отдаю двоим переписчикам, ч<то>б скорее переписать. Через неделю или скорее повесть будет в Ваших руках, если Вы пожелаете таковую иметь у себя [1].

Люди, которые слышали ее и которые в литературе понимают, остались сим моим трудом весьма довольны. Сам я тоже почти доволен им, а доволен, сказать по правде, я до сих пор не был ничем, что ни написал.

Желательно ч⟨то⟩б и Вы остались довольны. Сообщаю Вам о сем в видах того ч⟨то⟩б Вы имели в соображении этот труд при составлении мартовской кн⟨ижки⟩ журнала.

Затем бью Вам челом и остаюсь готовым на самое деятельное сотрудничество в Отеч⟨ественных⟩ Зап⟨исках⟩.

Ваш Фил⟨ипп⟩ Нефедов

P. S. Не имеете ли Вы каких сведений об А. И. Левитове? Я больше месяца сам ничего не получаю от него и желал бы знать, как он живет-может.

Мой адрес: Москва, на Пречистенке, в Денежном переулке, д. Нечаевой, Ф. Д. Нефедову.

[1] Послал ли Нефедов свой рассказ «Святки» в редакцию «О. З.»—осталось невыясненным. Дальнейшая судьба этого рассказа довольно сложна. В июне 1870 г. Нефедов отослал рассказ в редакцию «Вестника Европы», но в сентябре получил от М. М. Стасюлевича извещение, что рассказ неудобен для напечатания. Ввиду этого Нефедов просил Стасюлевича переслать рассказ в редакцию «Дела» Г. Е. Благосветлову, но потом раздумал и потребовал рукопись обратно для переработки (письмо от 18. XII. 1870). В переработанном виде рассказ отослан был опять к Стасюлевичу в январе 1871 г. и был напечатан в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1871 г. («М. М. Стасюлевич и его современники», V, СПб., 1913, 257—265).

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

ШМУЦТИТУЛ ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА 1861 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПОЭТА А. В. НИКИТЕНКО

Институт литературы АН СССР Ленинград

А. В. НИКИТЕНКО

Личное общение Некрасова с Александром Васильевичем Никитенко (1805—1877) установилось еще в 1840 г. при очередной, третьей по счету, попытке поэта поступить в С.-Петербургский университет. Никитенко был экзаминатором Некрасова по русской словесности. Существует рассказ, вряд ли достоверный, о том, что причиной, по которой Некрасов оставил университет, был издевательский отзыв Никитенко на одной из его лекций о сборнике «Мечты и звуки» (см. об этом: С. Рейсер, Некрасов в Петербургском университете. — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 360).

Когда Некрасов и Панаев арендовали в исходе 1846 г. «Современник» у его владельца П. А. Плетнева, они пригласили в качестве редактора журнала Никитенко, совмещавшего профессуру и писательство с цензорством в СПб. цензурном комитете. Шаг этот был вызван тактическими соображениями и расчетом, что, поскольку редактором будет цензор, журналу удастся наладить отношения с цензурой. Расчеты эти в значительной степени оказались правильными, хотя на первых же порах (в январе и феврале 1847 г.) у Никитенко возникли трения с Некрасовым и Панаевым. Но в 1848 г., в дни реакции и свирепых репрессий, направленных против передовой литературы, испуганный Никитенко не только отказался от редакторства в «Современнике», но и решился на такой, употребляя щедринское выражение, «подвиг самосохранения», как специальное обращение к начальнику III Отделения графу А. Ф. Орлову. В особом письме (от 19. IV. 1848) он заверял шефа жандармов в своей благонамеренности и давал понять, что в предосудительности направления «Современника» виноват не он, а некоторые из молодых сотрудников журнала (В. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50-х годах. Л., 1934, 245—246). Этот поступок Никитенко, поскольку он нашел выражение в секретном обращении в тайную политическую полицию, вероятно, остался неизвестен Некрасову и Панаеву. В 1860 г., занимая влиятельное положение в цензурном ведомстве и все более отклоняясь вправо, Никитенко обрушился на «Современник» с особою докладной запиской (В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. 1936, 502—550). Однако и эта записка едва ли могла получить широкую огласку в литературных кругах. Во всяком случае, отношение Некрасова к Никитенко в период издания «Складчины» — к этому периоду и относятся публикуемые ниже письма — носило дружественный характер.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 64).

⟨1⟩

⟨1 февраля 1874 г.⟩

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, мой вклад в нашу Складчину [1]. Я хотел сделать к этому критическому этюду небольшое примечание, что он один из нескольких мною написанных, приготовляемых к печати в особой книжке, но раздумал, кажется это лишнее [2]. — Со мною приключился небольшой недуг, помешавший мне быть в середу в нашем Комитете [3], да едва ли и завтра удастся в нем быть: доктор осуждает меня еще дня на три домашнего сиденья. Да будет с Вами все благое, особенно здоровье. До свидания, в середу.

Весь Ваш А. Никитенко

Пятница, 1 февраля
1874 г.

[1] Никитенко дал в «Складчину» статью «Об исторической драме Островского „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“» («Складчина», 431—454).

[2] Статья все же была напечатана с подзаголовком: «Из приготовляемого к печати собрания критических этюдов о замечательнейших произведениях нашей литературы». Подзаголовок был, вероятно, дан Некрасовым. См. его ответное письмо Никитенко от 3.II.1874 г. (Некрасов, V, 519—520).

[3] Заседания Редакционно-издательского комитета «Складчины» происходили еженедельно по средам. В данном случае речь идет о заседании, имевшем место в среду 28 января

⟨2⟩

⟨13 апреля 1874 г.⟩

Я думал, не встречусь ли с Вами как-нибудь, душевно мною уважаемый Николай Алексеевич, чтобы лично вручить Вам следующие от меня три рубля за экземпляр Складчины, своевременным доставлением которой Вы весьма меня обязали [1]. Но вижу, что это как-нибудь может затянуться, а малые долги должны быть уплачиваемы скорее, чем крупные, потому что одни скорее могут забыться, чем другие, да и потому, что они малые. Итак вот оные три рубля.

Но мне хотелось бы сказать Вам нечто о другом. По разным недосугам, я недавно только начал пересматривать нашу Складчину, в которой некоторые вещи мне были неизвестны, и первое, на что обратились мои взоры, это три прелестные Ваши стихотворения [2]. Они доставили мне то высокое наслаждение, которое ощущаешь всегда, когда истинное, глубокое чувство в отзыве стройного и изящного слова коснется нашему сердцу. Это не новость, что Вы пишете прекрасные стихи и что в них протекает ваша поэтическая струя. Но в тех стихах, которые теперь передо мною, истинное и глубокое чувство, прошедшее сквозь бури и тревоги жизни, возвысилось до идеальной прелести и чистоты. Это настоящая художественность. Спасибо Вам, много раз спасибо от старого, но слава богу не состарившегося еще служителя, если не искусного, то честного служителя истин, которыми поддерживается умственное, эстетическое и нравственное достоинство человеческое.

Не взыщите, дорогой Николай Алексеевич, за немного дидактическую заметку — старая привычка; но она не всегда господствует надо мною, а только иногда прорывается именно от того, что она привычка.

Много бы еще поговорить можно по поводу Ваших стихотворений — да не теперь. Теперь же я не мог воздержаться, чтобы не разделить с Вами впечатлений, Вами же возбужденных.

А. В. НИКИТЕНКО
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

В заключение спешу еще исполнить данное мне к Вам поручение. Надиях был у Вас Яхонтов[3], не застал Вас дома, он приехал ко мне и просил меня передать Вам для напечатания прилагаемое у сего стихотворение: «Памяти Ф. И. Тютчева». Оно мило и правдиво. Он не мог во второй раз быть у Вас, потому что от меня прямо отправился на железную дорогу, чтобы ехать в свой Псков. С удовольствием исполняю его поручение.

Весь Ваш
А. Никитенко

Апреля 13 д<ня>
1874 г.

[1] «Складчина» вышла в свет 25 марта 1874 г.

[2] Некрасов поместил в «Складчине» «Три элегии» («Ах, что изгнанье, заточенье!», «Бьется сердце беспокойное» и «Разбиты все привязанности»), посвятив их А. Н. Плещееву («Складчина», 522—524).

[3] Александр Николаевич Яхонтов (1820—1890) — поэт, переводчик, общественный деятель. Печатался в «Современнике», «Искре» (под псевдонимом «Сельский житель»), «О. З.», «Вестнике Европы» и др. изданиях. С 1870 г. Яхонтов жил в Пскове. Его стихотворение «Памяти Ф. И. Тютчева» в «О. З.» не появлялось, а посланная Никитенко рукопись его при письме не сохранилась. Текст стихотворения удалось разыскать (при содействии К. В. Пигарева) в хранящемся в архиве Мурановского музея альбоме И. Ф. Тютчева, сына поэта. Стихотворение вписано в альбом неизвестной рукой (быть может, самого Яхонтова) без указания источника, из которого оно заимствовано. Приводим этот текст:

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

От мира в бытие иное
Ты светлым духом отлетел,
Переступил, свершив земное,
Существования предел.
Ты угасал, но сердце жило,
И ум сиял, как божий день,
Роскошной прелестью и силой...
Не весь исчез ты за могилой
И не сошел в немую тень —
Нет, с ореолом вдохновенья
Под говор жизни ты уснул,
Ты слился с вечностью творенья,
В любви и свете утонул.
И словно отблеск сфер блаженных
Оставил здесь лучистый след
Умом твоим запечатленных
Идей изящных и бесед.
Да, полные благоуханья
Цветы и перлы прежних дней —
Твоей поэзии созданья —
Бледнеют в творчестве сиянья
Маститой старости твоей!
Поэт, тебя переживая,
Молва венец тебе сплела...
А мощь и речь твоя живая
В предсмертном вздохе замерла.

А. Яхонтов

1874 г.

В. А. ОБРУЧЕВ

Владимир Александрович Обручев (1836—1912) — офицер, участник революционного движения 60-х годов, пострадавший за свою причастность к делу «Великорусса»; он был лично и политически близок к Чернышевскому и в период с 1859 г. по 1861 г. сотрудничал в «Современнике». Из статей его в этом журнале назовем, хотя бы, «Возвращение кн. Милоша Обреновича в Сербию» (1859, III), «Китай и Европа» (1861, I), «Невольничество в Северной Америке» (1861, III) и др. Последняя особенно интересна. В обстановке крестьянских волнений, резко усилившихся в результате глубокого разочарования масс в реальном исходе реформы 1861 г., эта статья приобретала острый политический смысл. В таких фразах, как: «Неожиданное для всех пламя пожара может вдруг вспыхнуть во всех концах края», «рядом с ним начнутся убийства и грабежи... — необходимое последствие крайней неразвитости и, главное, крайних страданий народа», — видели как бы указания на историческую предопределенность грозной крестьянской революции в России. Пропагандистская сила этих и подобных им мест в статье усугублялась тем, что автор выражал горячее сочувствие делу восставших: «ведь они будут драться из-за великой идеи, из-за священных и существенных прав». Это писалось весной 1861 г., а осенью Обручев уже был арестован. За арестом последовали суд и каторжный приговор.

Только через десять с лишним лет создались для него условия (выход с каторги на поселение), допускавшие возможность литературной деятельности и литературного заработка. Следствием этого явилось его обращение в редакцию «Отеч. Зап.» с просьбой о предоставлении ему хотя бы работы переводчика. У нас нет достаточных оснований утверждать, что просьба Обручева могла быть исполнена редакцией «Отеч. Зап.» и что он уже в 1872—1873 гг. приобщился (анонимно) к числу сотрудников журнала.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Обручев пошел волонтером на фронт и был восстановлен в воинском звании. По возвращении в конце 70-х годов в Петербург, Обручев стал печататься в «Отеч. Зап.», избрав для себя два псевдонима: Ив. Бредихин и П. Ветлугин. Ниже печатаются два неизданных письма Обручева к Некрасову, адресованные «Господину редактору „Отечественных Записок“» и «В Редакцию „Отечественных Записок“». Очевидно, Обручев, ввиду своего положения политического ссыльного, не считал удобным обращаться персонально к Некрасову.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, №№ 65 и 66).

<1>

<Верхнеуральск, 27 июля 1872 г.>

Господину Редактору «Отечественных Записок»

Милостивый государь!

В августе м<еся>це п/г. я имел честь обращаться к Вам из Иркутска, с просьбой снабдить меня какой-нибудь работой. В октябре, чрез г. Секретаря Редакции, мне был сообщен отказ, основанный, по всей вероятности, на малой пригодности моей к полезной для журнала работе, но вежливо мотивированный дальностью расстояния [1].

Теперь я перемещен с высочайшего соизволения в г. Верхнеуральск, Оренбургской губ. Из Петербурга почта идет сюда 15 дней. Очень далеко еще, но все-таки ближе. Городок чрезвычайно глухой; снискивать пропитание нечем; а в Иркутске остались долги. Приходится жить подаянием от семейства, которое не имеет лишних средств и уже много на меня потратило.

В таких обстоятельствах решаюсь еще раз просить Вас о присылке мне хотя малейшей работы. Надеюсь, что такою докучливостью не нарушаю основных законов приличия, что есть, по крайней мере, возможность меня извинить. Написать или составить что-либо годное для печати я может быть, действительно, уже неспособен; но переводить с английского, немецкого и французского языка, кажется, могу еще порядочно, во всяком случае, перевожу скоро. Будьте добры, не откажитесь протянуть мне руку

помощи, необходимую не только в материальном, но и в нравственном отношении.

Считаю не лишним пояснить, что права прежнего состояния возвращены мне еще в прошлом году, так что столь простые сношения со мною не будут, смею надеяться, для редакции щекотливы.

С чувством глубокого почтения и истинной преданности имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

В. Обручев (Владимир Александрович Обручев)

27 июля 1872 г.
Верхнеуральск

P. S. Если перевод будет с немецкого, прошу приказать купить, в счет будущего гонорария, и укупорить в ту же посылку хороший немецко-французский или немецко-русский словарь.

[1] Переписка Обручева с редакцией «О. З.» в 1871 г. (секретарем редакции был В. Слепцов) в печати неизвестна.

⟨2⟩

⟨г. Верхнеуральск, 11 января 1873 г.⟩

В Редакцию «Отечественных Записок»

Близкая мне особа извещает меня о готовности Редакции Отечеств⟨енных⟩ Записок выслать мне для перевода нерозданную еще часть какого-то древнеегипетского романа [1] и принимать от меня работы, предложенные предварительно на усмотрение редакции и исполненные согласно ее указаниям.

Не распространяюсь о слишком понятной, глубокой моей благодарности. Жду с нетерпением присылки перевода, который сразу и надолго избавит меня от нескольких претерпеваемых ныне рабств. Засим имею честь предложить на усмотрение редакции следующее:

1. Чрезвычайно прельстился книжкой Карлейля «Sartor Resartus: жизнь и мнения господина Тейфельсдрека», 207 страниц в 12-ю долю. Написана в 1831 г., но появилась в Англии отдельной книжкой только в 1838. При издании 1871 г. портрет — многострадальная доброта, которая производит особенное впечатление в виду бичующего характера сочинений. Приступ ⟨т. е. вступление⟩, что хотя светоч знания пылает уже 5000 и более лет, а ныне, кроме того, и множество спичек, но до последнего времени была еще целая обширнейшая область, которой наука не касалась. Эта область — одежда. Германия, которой мы обязаны столь многим, помогла и тут: появилась книга «Die Kleider, ihr Werden und Wirken» von Diogenes Teufelsdröcke J. U. D. etc. Stillschweigen und C° Weissnichtwo, 1831. Автор, с которым издатель был лично знаком, профессор «Der Allerley Wissenschaft» в университете города Вейснихтво. Его ученость неизмерима; но курса он никогда не открывал и жалованья не получает. Он глубочайший радикал и санкюлот. Последние слышанные издателем слова были сказаны в многолюдной пивной «Zur grünen Gans», в форме тоста: «Die Sache der Armen, in Gottes und Teufels Namen» *.

Он преимущественно молчал, но иногда говорил много и увлекательно, хотя сам, повидимому, оставался так же равнодушен, как бронзовая голова фонтана, которой все равно куда идет вода — на кухню или на пожар, которая даже не изменяет выражения, льется или нет вода. Характеристика и биография Тейфельсдрека подробны; рассуждений и взглядов, конечно, больше, чем событий, но есть даже эпизод неудачной любви, а личность — только, мне кажется, не личность немца — выступает очень рельефно и полюбить ее, мне кажется, непременно должен каждый. Затем

* *Перевод*: За бедняков, во имя бога и чорта.

В. А. ОБРУЧЕВ
Фотография 1859—1861 гг.
Музей революции СССР, Москва

в философических рассуждениях об одежде находят место анекдоты о королеве Елизавете, которой фрейлины, в те дни, когда она злилась и приказывала убрать зеркала, мазали нос румянами, а щеки белилами; и о господине, который, в эпоху моды на роскошные формы, имел несчастие сесть на гвоздь, вследствие чего, когда встал для поклонения Величеству, испустил из себя значительную меру отрубей, одежды же его повисли самым жалким образом. Но пикантный элемент вскоре уступает место совершенно другому: за «поверхностной грубой шерстяной оболочкой следует телесное одеяние, удивительное общественное убранство», наконец, то, что одевает уже самую душу души человеческой — пространство и время. Все сущее — одежда, символ, форма для человеческого я, для мысли, для бога, по словам духа земли в Фаусте: «так я работаю у шумного станка времени и тку для бога одежду, которою он видим тебе». Книга не материалистическая и не позитивистская; напротив: некоторые выводы и выражения поразительно сходны с самыми прекрасными и крайними выражениями религиозного спиритуализма. Полагаю, можно воспользоваться самою чрезмерностью сходства, чтобы заметить, что хорошие люди всегда одинаково относились к добру и правде, и монополизирование таких выражений составляет некоторую узурпацию. Как не стеснителен спиритуализм Карлейля, видно из следующего примера: он признает общество в разлагающемся состоянии на фениксовом костре, где оно и сгорает и обновляется в одно и то же время. Между прочим, из всех существующих церквей уже отлетел дух жизни — они мертвы, но исподволь готовятся другие. Но нищенствующая братья проникла во все селения — их кафедра называется газетой — и учат и проповедуют они с довольным усердием «из-за медного гроша и из-за любви к богу». «Они разбивают прежних идолов и, хотя сами негодны (как обыкновенно бывают сокрушители идолов), назначают места для новых церквей, где со временем воистину поставленные богом найдут служителей». Неизбежность социальных столкновений выражена настойчиво. Картина пауперизма изображена с поразительной силой, беспощадна, ужасна. Он говорит, что философия — в сущности

непрерывная борьба с обычаем, непрерывное усилие выступить «Transcend» за пределы слепой привычки и таким образом сделаться трансцендентальной. «Sartor Resartus» в самой высокой степени обладает силой выводить людей из обычной колеи. Я не знаю книги, способной сильнее подействовать на молодую душу и возбудить в ней решимость отвергнуть всякую житейскую пошлость. Книга написана (конечно, повидимому, только) с самым злостным ухищрением каприза и беспорядочности, целую выдержанную страницу не легко отыскать, но много есть полустраничек прекрасных, увлекательных, производящих неотразимое впечатление. Только по отсутствию новейших имен и некоторым другим чисто внешним признакам можно сообразить, что книга написана давно. Вообще же она отмечена печатью вечной юности. Многие выходки мнимого Тейфельсдрека Карлейль нашел удобным привести с оговоркою, якобы безобразие и уродство. Таких оговорок придется в русской статье сделать еще больше и довольно многое вовсе пропустить. Считал бы полезным поместить в выноске, мелким шрифтом $1—1^1/_2$ стр., краткую характеристику Карлейля, но материалов не имею. Если статья одобрится, полагаю — не составит труда поручить кому-нибудь сделать извлечение из любого словаря или биографии современников.

К работе я уже приступил. Замышляю только подробное извлечение, с некоторой подтасовкой и как можно меньше моих речей. Отправлю как только кончу. Но на случай какой-нибудь неожиданной задержки убедительнейше прошу почтить меня по предмету этой статьи ответом и указанием [2].

2. Я выписал книгу «Greater Britain», by Sir Ch. Dilke, 1869. Автор тогда не произносил еще своих антимонархических речей, и потому книга его удостоилась в Таймсе весьма лестного отзыва. Главная мысль ее выдержана в заглавии. Это — путешествие по разным британским колониям, описывая которые, он приходит к заключению, что эти молодые страны скоро будут иметь, если уже не имеют, для английской расы первенствующее значение. Полагаю, что мысль эту придется опровергать, но, во всяком случае, она любопытна и оригинальна, а сокращенный рассказ, вероятно, прочтется с удовольствием. К исполнению приступлю, когда получу одобрительный ответ редакции [3].

Дальнейшим разглагольствованиям предаваться не осмеливаюсь. Покорнейше прошу принять уверение в глубоком моем почтении и преданности.

В. Обручев

11 января 1873 г.
Верхнеуральск

Мой адрес: Оренбургской губ., в г. В. Уральск, Владимиру Александр. Обручеву. Губернию писать необходимо, ибо иначе случаются ошибки.

[1] «Древнеегипетский роман» — без сомнения, роман Георга Эберса «Дочь египетского царя», печатавшийся в «О. З.», 1873, VI—IX. Однако принимал ли Обручев участие в переводе этого романа — неизвестно.

[2] «Sartor Resartus, the life and opinions of Herr Teufelsdröck» (1830) — первая книга Карлейля — появилась в 1838 г. в изд. «Fraser's Magasine». К ее второму изданию, 1871 г., о котором говорит Обручев, приложен портрет Карлейля работы Joseph Broum, 1865 г.

Под видом «философии одежды» Карлейль дает в этом сатирическом романе развернутое изложение своих историко-философских взглядов.

Предложение Обручева было, очевидно, отклонено редакцией, так как никаких извлечений из книги Карлейля в «О. З.» напечатано не было.

[3] Извлечение из книги Дильке «Greater Britain» в «О. З.» также не появлялось.

М. Н. ОСТРОВСКИЙ

Михаил Николаевич Островский (1827—1901), родной брат драматурга Александра Николаевича Островского, был одним из ближайших сотрудников В. А. Татаринова по контрольной реформе и с 1871 по 1878 гг. занимал пост товарища государственного контролера. Впоследствии М. Н. Островский был министром государственных имуществ (1881—1893) и, наконец, председателем Департамента законов Государственного совета (1893—1901).

Влиятельное положение М. Н. Островского в правящих сферах использовалось иногда руководителями «Отеч. Зап.» в своих целях. Так, например, известно, что Щедрин просил А. Н. Островского в конце 1883 г. похлопотать у брата-министра относительно разрешения к печати трех запрещенных цензурою «сказок», и М. Н. Островский получил это разрешение у Е. М. Феоктистова, с которым был дружен (Н. Щедрин, Полн. собр. соч., М.— Л., 1939, XIX, 376 и 510).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 69).

⟨20 сентября 1872 г.⟩

Крайне сожалею, многоуважаемый Николай Алексеевич, что не застали меня дома. Завтра буду ждать Вас около 12 час. — Если деньги Бурдину еще не отдали, то привезите их с собою. Пьесу же от Бурдина получите тотчас же [1].

Душевно Вам преданный
М. Островский

20 сент⟨ября 1872 г.⟩
Среда

[1] Федор Алексеевич Бурдин (1826—1887) — известный артист Александринского театра и драматург, близкий друг А. Н. Островского. Речь идет о пьесе последнего «Комик XVII столетия». 12. IX. 1872 г. А. Н. Островский писал Бурдину: «Я сегодня послал брату новую пьесу „Комик XVII столетия“ и прошу его, чтобы он приказал переписать один экземпляр и отдал тебе». На это Бурдин 25. IX. 1872 г. отвечал Островскому: «За новую пьесу твою я ездил к Некрасову за деньгами, он пожался, пожался, но выдал» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма, под ред. Н. Л. Бродского и Н. П. Кашина». М.—Л., 1923, 162—163).

Пьеса «Комик XVII столетия» была поставлена в Малом театре 26. X. 1872 г. и напечатана в «О. З.», 1873, II.

М. Н. ОСТРОВСКИЙ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

И. В. ПАВЛОВ

Иван Васильевич Павлов (1823 — 1904) — писатель-публицист 50—60-х годов (псевдоним — Л. Оптухин), впоследствии крупный провинциальный чиновник по ведомству государственного контроля, близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина, его школьный товарищ по Московскому дворянскому институту и Царскосельскому лицею. Вынужденный покинуть лицей с последнего курса (официально — по болезни, а по существу — по требованию начальства, вызванному неустановленной причиной), Павлов поступил сначала на математический, а затем на медицинский факультет Московского университета, который и окончил в 1850 г. В этот период был близок к кружку Грановского, встречался с Герценом. С 1851 г. — чиновник по медицинской части при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе гр. Перовском, а с 1857 г. — при Палате государственных имуществ Орловской губернии. После недолгой отставки, с 1865 г. — управляющий Витебской и с 1890 г. — Орловской контрольными палатами до 1895 г., когда вышел в полную отставку.

В конце 50-х — начале 60-х годов Павлов был хорошо известен в литературных кругах Москвы. Он создал (в 1860 г.) и фактически редактировал еженедельный журнал «Московский Вестник», к участию в котором привлек Тургенева, Салтыкова, Плещеева, Суворина и др. (попытки привлечь Герцена, Чернышевского и Добролюбова успехом не увенчались). Сам Павлов поместил в журнале много статей как анонимных, так и под своим псевдонимом «Л<екарь> Оптухин» (Оптуха — название его Орловского имения). Позднее сотрудничал в аксаковском «Дне», юрьевской «Беседе» и «Русской Мысли». С Некрасовым Павлов был связан через своих друзей М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. Ф. Горбунова.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 70).

22 декабря 1867 г. Витебск

Любезнейший и многоуважаемый Николай Алексеевич.

Спаси Вас бог за Ваше милое письмо [1].

Но, увы — что же я Вам такое сочиню? Разве об «Инструкции казначействам»? Мозги мои давно уже превратились в счетные костяшки; кроме предписаний начальства, да входящих и исходящих — я ничего не читаю. Здесь давно знают о переходе Отеч<ественных> Записок под Вашу редакцию, но подписчиков в Витебске будет у Вас не много: народ у нас — все чиновники; коли не исходящие, так карты... А зайдет разговор о литературе, кроме архаических анекдотцев о Булгарине и Сенковском, ничего не услышишь. Глушь, я Вам скажу, у нас такая, что и поверить мудрено. Самая наша образованная дама настойчиво меня уверяла, что теперешний министр Толстой [2] сочинил «Детство, Отрочество и Князя Серебряного». Вот тут и сочиняй! Вы лучше приезжайте к нам на лето поохотиться. Места чудесные. А если рыбу любите ловить, как я, доловимся до того, что у нас не токмо Лев Толстой Серебряного, а Вальтер Скот Байрона сочинит... Тогда милости просим ко мне на житье: кабинет для Вас очищу; вид на Задвинье великолепный, садишко при доме и все эдакое. А главное рифма:

. . . .
. . . .
. . . .

Довольна б, Аксинья,
Ты мною была.

Входящие — входящими и рыба — рыбою; а я ведь Ваш должник: Салтыков мне прислал Современник за целый год, а я, как есть, ничего не сочинил. Отправил, было, обличительный рассказец под заглавием «Коля Кротиков», но на почте оный рассказец украли и передали настоящему Коле, т. е. графу Николаю Васильевичу Левашеву, к<ото>рый был в то время Орловским губернатором. Оррёр, оррёр вышел. Есть у меня расска-

зишко, написанный еще в 1859 году, под заглавием «Рекрутчина»!.. Слаб! сам чувствую, что слаб! Кабы не это, давно бы я его напечатал. Не вышел дурак деревенский, Миканорушко. Уж как у меня он в голове жил, а в рассказе не вышел... И уж как я бился! Оставлю: думаю — вылежится; нет, сударь ты мой! Хоть ты что хошь — не выходит. И рассказишко-то весь ⟨...⟩ вниманья не стоит. Попробую еще. Коли не ⟨выйдет⟩ не взыщите! И не забывайте.

Преданный Вам всей душою
Иван Павлов

И. В. ПАВЛОВ
Фотография 1880-х гг.
Исторический музей, Москва

Унковскому [3] — сердечный поклон, и Горбунову [4] — тоже. Вот в жидовских сценах, так я понаторел... Могу изобразить, то-есть без конца могу изображать.

[1] Письмо Некрасова в печати неизвестно. Очевидно, в нем содержалась просьба дать что-либо для перешедших в руки Некрасова «О. З.»; однако ничего подписанного именем Павлова или его псевдонимом «Л. Оптухин» в «О. З.» не появлялось.

[2] Дмитрий Андреевич Толстой, граф (1823—1889)— в то время министр народного просвещения.

[3] Как и Салтыков, А. М. Унковский был лицейским товарищем Павлова и поддерживал с ним дружеские отношения. Павлов пользовался у современников репутацией замечательного рассказчика народных сцен и считался в этом отношении соперником Садовского и Горбунова.

[4] Иван Федорович Горбунов (1831—1895) — известный актер и рассказчик «народных сцен».

А. И. ПАЛЬМ

Александр Иванович Пальм (1822—1885) — петрашевец, беллетрист и драматург (псевдоним — П. Альминский). Выпущенный в 1842 г. из дворянского полка в л. гв. егерский полк, он, в чине поручика, в 1849 г. был привлечен по делу петрашевцев и, после восьмимесячного содержания в крепости, переведен с тем же чином в армию, на Кавказ. После Севастопольской кампании Пальм вышел в отставку майором и поступил на службу к родственнику своей жены, крупному дельцу и откупщику Даниилу Кирилловичу Волохову. Неудачи, постигшие Волохова, застрелившегося в 1867 г., вынудили Пальма, также потерявшего в деле свои средства, поступить

А. И. ПАЛЬМ
Фотография 1870-х гг.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

на службу в Министерство финансов на должность управляющего Кишиневским отделением Государственного банка. В 1868 г. он был переведен из Кишинева на такую же должность в Полтаву. Здесь, преследуемый кредиторами, Пальм растратил 14 тысяч рублей, доставленных из Полтавской земской конюшни для хранения в Государственном банке, и не смог пополнить этой суммы и после открытия злоупотребления (10. IV. 1871). Привлеченный к судебной ответственности, Пальм был судим. Дело слушалось 27. III. 1873 г., причем защитником его выступил В. Д. Спасович (см. речь его — Сочинения, V. Судебные речи, СПб., 1893, 248—269). Признанный виновным в растрате, Пальм был приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ и к ссылке на житье в Самарскую губернию со взысканием растраченных 14 тыс. рублей и судебных издержек. Надо отметить, что Пальм, напечатавший раньше в «Современнике» комедию «Благодетель» (1864, VI), как раз в пе-

риод всех неприятностей, сопряженных с производившимся следствием, развил самую интенсивную литературную деятельность. За это время им написаны: комедии «Просветители» («О. З.», 1871, III) и «Старый барин» («О. З.», 1873, V) и автобиографический роман «Алексей Слободин» («Вестник Европы», 1872, X—XII; 1873, II—III).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 71).

15 февраля ⟨1871 г.⟩
Полтава

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, вторую часть «Книги Скорбей»[1]. Беда моя с перепискою, написано-то много, но, по моему безобразному обыкновению, на таких разнокалиберных клочках бумаги, что собрать их и привести в порядок составляет порядочный труд. Надеюсь, из 2-й части Вы определеннее познакомитесь с характером моей работы. Прошу Вас убедительно пустить 1-ю часть в мартовской книжке; в начале марта получите третью, так что, кроме той, которая в наборе, у Вас в руках всегда будет две части, стало быть, в случае цензурных и иных недоразумений, всегда будет время и возможность исправить, что нужно.

Глубокое Вам спасибо за доброе слово и за присылку Катеньки[2]. Ожидаю от Вас положительного слова о судьбе моего детища, которое пишется с любовью и за которое — убежден — не придется мне ни перед кем краснеть.

Примите уверение в истинном уважении и преданности

Вашего
Ал. Пальма

А журнал-то, сделайте милость, прикажите высылать: при расчете пусть контора удержит, что следует.

Чем скорее получу Ваш ответ, тем ходчее пойдет работа. Это легко понять, даже и не побывав в моем глупом положении.

[1] Произведение Пальма под названием «Книга скорбей» — неизвестно. Видимо именно оно было отвергнуто Салтыковым, как о том извещал Некрасов П. М. Ковалевского в письме от начала 1871 г., впервые публикуемом в наст. же томе.

[2] «Катенька» — бытовое наименование кредитного билета 100-рублевого достоинства с изображением Екатерины II. Надо думать, эти деньги являлись гонораром за комедию «Просветители». Это позволяет датировать письмо 1871 г.

И. А. ПАНАЕВ

Ипполит Александрович Панаев (1822—1901) — родственник И. И. Панаева, по специальности инженер. В 1856 г. И. А. Панаев был приглашен Некрасовым заведывать конторой и хозяйственными делами «Современника» и исполнял эти обязанности с 11 августа 1856 г. до 1 мая 1866 г. И. А. Панаев был не чужд литературе: он писал беллетристические произведения (в 1854 г. в «Современнике» была помещена его повесть «Бедная девушка») и позднее статьи философского содержания. Отношения между ним и Некрасовым были весьма дружественными. Это подтверждают, в частности, известные воспоминания Панаева о Некрасове, напечатанные в «Новом Времени» в 1889 г., № 4630. Ср. публикацию неизданных писем Авд. Як. Панаевой к И. А. Панаеву в «Лит. Наследстве», т. 53—54.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (21166/CXLVб18).

〈Петербург, 15 августа 1863 г.〉

Милый друг Николай Алексеевич, дней десять назад был я у Воейкова [1] и застал его дома. Он мне объявил, что в настоящее время не имеет вовсе денег и не может уплатить даже и часть долга, об чем писал уже я тебе. Затем он сказал мне, что во второй половине сентября денег у него будет много и что тогда он уплатит все, без сомнения. Я несколько раз спрашивал его — точно ли можно рассчитывать на уплату во второй половине сентября, и он повторял мне, чтобы я в этом был покоен.

На просьбу мою уплатить в настоящее время хоть сколько-нибудь, он обещал, если будет возможность — достать немного денег, прислать их в течение недели, по прошествии которой я уже не должен рассчитывать на получку до сентября.

Прошло более недели, Воейков не присылал. Стало быть, останется надеяться на вторую половину сентября.

Надо как-нибудь постараться пробиться до второй половины сентября. Поэтому прошу тебя не назначать каких-либо экстренных внезапных выдач или задачи вперед, рассчитывая на имеющиеся у меня деньги.

Подписчики понемногу прибывают. В настоящее время имеется до 6070.

Ан〈ну〉 Алек〈сеевну〉 и Федор〈а〉 Алексеев〈ича〉[2] видел, у них все благополучно.

Желаю тебе быть здоровым и веселым.

Твой Иппол〈ит〉 Панаев

Об продаже Современника 1861 и 1862 гг. и других книг веду переговоры и торгуюсь. На Соврем〈енник〉 1862 г. требований от иногородних нет, несмотря на объявление, которое мы печатали в Современнике нынешнего года. А потому надо продавать и его. Если имеешь сказать что-либо против, напиши скорее.

15 августа 1863 г.

[1] Валериан Александрович Воейков — камер-юнкер, чиновник особых поручений при канцелярии Кавказского и Сибирского комитетов Государственного совета. Некрасов в 1861 г. одолжил ему 2000 р. («Архив села Карабихи», 89; Некрасов, V, 368). Повидимому, о возвращении этих денег идет речь.

[2] Сестра и брат Н. А. Некрасова.

М. Я. ПАНАЕВА

Мать Ивана Ивановича Панаева, соредактора Некрасова по «Современнику» Мария Якимовна Панаева (рожд. Лалаева, по происхождению армянка), родилась в начале 90-х годов XVIII столетия и умерла в глубокой старости, 10 декабря 1881 г., почти на целых 20 лет пережив своего сына. В. А. Панаев и хорошо знавший Марию Якимовну академик живописи П. П. Соколов говорят о ней в своих воспоминаниях («Русская Старина», 1883, IX, 373—383 и «Исторический Вестник», 1910, VIII, 395) как о женщине «доброй, веселой и радушной», «с молодою душою и жизнерадостным самочувствием», но пустой и до крайности легкомысленной, отличавшейся в молодости «поразительной красотою» и не хотевшей и «не умевшей стариться», привыкшей к широкому и «веселому» образу жизни и не желавшей нисколько себя ограничивать.

К концу 50-х — началу 60-х годов от былых средств Марии Якимовны не осталось уже и следа, и она находилась в это время всецело на содержании сына, выдававшего ей по 50 руб. ассигнациями ежемесячно.

После смерти И. И. Панаева, 17 февраля 1862 г., Мария Якимовна осталась без средств к жизни. Принимая во внимание ее бедственное положение, редакция «Современника» назначила ей ежегодное пособие в размере тех же 600 рублей, которые она получала при жизни сына. Регулярные выдачи этого пособия продолжались вплоть до 1866 г., то есть до закрытия журнала. При всей своей незначительности публикуемое письмо М. Я. Панаевой не лишено некоторого интереса для биографии Некрасова.

Письмо печатается по копии с автографа, который принадлежал Е. В. Базилевской, погибшей в Ленинграде во время блокады. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Февраля 27 дня 1867 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Считаю долгом принести Вам мою глубочайшую признательность за то обеспечение, которым я пользовалась все годы после смерти моего незабвенного сына Ивана Ивановича.

От всего моего сердца молюсь за Вас и благодарю Вас, мой благодетель, за настоящее мое устройство. Чувствую и убеждена в том, что Вам же обя-

М. Я. ПАНАЕВА
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

зана назначением мне пенсии литературным Комитетом [1] — единственного источника моего существования.

Простите моей откровенности, добрейший Николай Алексеевич, что я решаюсь в моей крайности обратиться к Вам с моею покорнейшею и слезною просьбою как к единственной оставшейся для меня надежде.

Именем самого бога умоляю Вас, не откажите мне прибавить от себя сколько-нибудь в месяц потому, что 25 руб. при настоящей дороговизне слишком недостаточно для самого умеренного существования. Лета мои так преклонны, здоровье и силы так слабы, что, быть может, Вам очень не долго придется уделять мне. Молитва же к богу моя за Вас до конца дней моих будет искренна и непрестанна.

С совершенным уважением имею честь быть Вашей покорной слугой

Марья Панаева

Адрес: Близ Таврического Сада, в Манежной улице, дом Хотинского, кв. 12-я.

[1] 15 ноября 1866 г. находившийся в свойстве с Панаевыми А. А. Краевский (был женат на родной сестре Авдотьи Яковлевны Панаевой) обратился к члену Комитета Лит. фонда П. П. Пекарскому с такого рода письмом: «Милостивый государь Петр Петрович. Снова прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою — быть ходатаем перед Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. На этот раз я просил бы Вас указать Комитету на семидесятипятилетнюю старуху, мать покойного Ив. Ив. Панаева — Марию Якимовну Панаеву (под Смольным на Манежной улице, д. Захарова-Каценки), оставшуюся по смерти сына без всякой помощи. Вам, вероятно, известно, что Панаев не оставил детей и что вдова его вышла уже замуж за г. Головачова, следственно, все его семейство заключается теперь в этой бедной старухе, которой и помогать-то недолго придется. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности. А. Краевский».

Письмо обсуждалось на заседаниях Комитета 21 и 28 ноября 1866 г. Из доложенной в последнем заседании «справки из дел Комитета» выяснилось, что в мае 1862 г. Панаева уже обращалась с аналогичным ходатайством в Комитет и что прежняя просьба ее о пособии была отклонена, вследствие заявления члена Комитета Н. А. Некрасова, что «просительница получает из редакции „Современника“ ежегодное пособие в 600 руб.».Присутствовавший в заседании Некрасов немедленно заявил,что с закрытием «Современника» отпускавшееся ежегодно пособие г-же Панаевой прекращено и что она, действительно, находится в крайне стесненном положении. «Комитет, имея в виду удостоверение двух членов Общества о том, что г-жа Панаева нуждается в пособии, и принимая в соображение, что литературные заслуги ее покойного сына, И. И. Панаева, дают ей полное право на вспомоществование от Общества, большинством голосов своих членов определил: назначить ей пожизненную пенсию в триста руб. в год, начав отпуск оной с 1-го января 1867 года» (ГПБ, в Ленинграде. Бумаги Лит. фонда, т. 4 — «Журналы Комитета и Общих собраний», лл. 61 и 62, об. 63; Письмо А. А. Краевского — см. т. 17: «Приложения к журналам Общих собраний 1866 г.», л. 287).

Назначенную ей от Общества пенсию Мария Якимовна получала в течение 14 лет, до самой своей кончины. Пенсия в 300 руб. в год для данного периода деятельности Литературного фонда была но размерам своим максимальной, и право на нее признавалось Комитетом за очень немногими. В размере тех же 300 руб. была учреждена несколько лет спустя и так называемая первая, или Дружининская пенсия.

П. И. ПАШИНО

Петр Иванович Пашино (1836—1891) — востоковед и путешественник по Ирану, Афганистану, Индии. В 1872 г. предпринял издание журнала «Азиатский Вестник»; вышла лишь одна книга, и на этом издание прекратилось. Об отношениях между Пашино и Некрасовым см. в статье бывшего секретаря редакции «Азиатского Вестника» Ясинского — «Некрасов и молодежь 60-х годов» («Книга и Революция», 1921, II, 47—50).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (19/2147ХС).

3 мая ⟨1860 г.⟩

Добрейший Николай Алексеевич.

Хотел было видеться с Вами сегодня, но обстоятельства никак не позволили. [Не можете ли уведомить меня]. Прошу Вас убедительнейше поместить моих ⟨т⟩атар в майскую книжку, насколько это от Вас зависит [1].

Уведомьте меня, можете ли исполнить мою просьбу, по старому адресу, т. е. у Кокушкина моста, д. Елисеева, кв. № 33й, П. И. Пашино. Я бы сам заехал к Вам и даже непременно заеду, но боюсь не застать Вас, — а Вы скоро едете за границу, как я слышал от Новицкого [2].

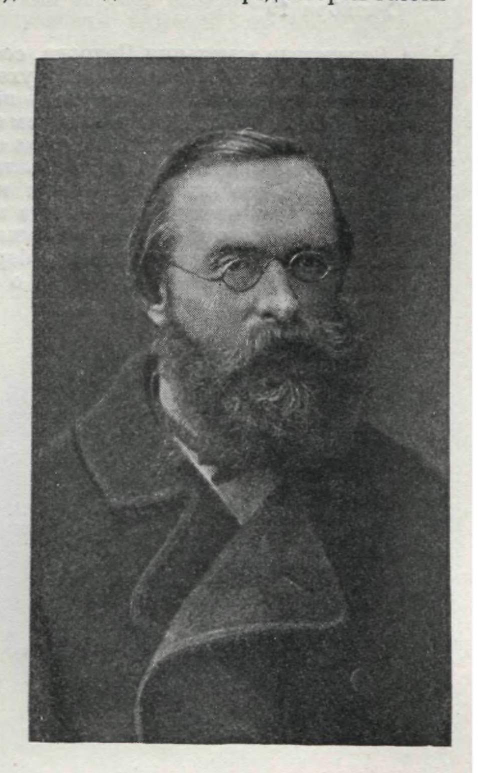
Пустите же, пожалуйста, в ход мою статью, без Вас я уже не знаю к кому с этим обратиться.

Я бы принес Вам еще кое-что, но держал экзамен на магистра, времени не было.

Вам преданный П. Пашино

[1] «Волжские татары» — три рассказа, которые были напечатаны в «Совр.» (1860, VI—VII — отсюда датировка письма) под псевдонимом «П. А. Шино». До этого Пашино напечатал в «Совр.» переведенную им вместе с Н. К. Михайловским «Татарскую поэму».

[2] Петр Васильевич Новицкий (1835—1886) — журналист, постоянный сотрудник «Голоса» (одно время секретарь редакции), впоследствии был редактором газеты «Новости».

П. И. ПАШИНО
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

А. Г. ПЕТРОВ

С председателем С.-Петербургского цензурного комитета Александром Григорьевичем Петровым (1803—1887) Некрасов имел неофициально-деловой контакт по «охранению» «Отеч. Зап.» от цензурных репрессий. Скабичевский, характеризуя Петрова как «тип исполненного служебного подобострастия чиновника», вместе с тем называет его отношение к журналу «дружественным» («Исторический Вестник», 1910, IV, 26). В действительности позиция Петрова — с одной стороны предупреждавшего иногда Некрасова о необходимости принятия тех или иных предупредительных мер (именно такой случай и иллюстрирует публикуемое ниже письмо), а с другой — выступавшего инициатором многих цензурных репрессий против журнала (напр., изъятие V главы «Итогов» Щедрина в 1871 г. и др.),— была и оставалась всегда позицией царского цензора, враждебного направлению демократического органа.

Письмо печатается по автографу собрания К. И. Чуковского (Москва).

〈19 сентября 1871 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Кроме сообщенных мною Вам указаний на места, неудобные в сентябрьской книжке От〈ечественных〉 Зап〈исок〉, я поставлен в необходимость указать Вам на одно место в статье «Помещичьи минеральные воды» Демерта. На стр. 239-й, на седьмой строке сверху начинается следующая фраза: «Ну и быть по сему, как сказала старуха, измерявшая землю клюкой, после того как она махнула на все рукой».

Эту фразу, я уверен, Вы сами найдете крайне грубой и неудобною. Ее необходимо исключить [1].

С искренним уважением и преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

1871
Сентября 19

А. Петров

[1] Вследствие замечания Петрова, соответствующее место в статье Демерта подверглось переработке. Из фразы о «старухе» с «клюкой» была изъята санкционирующая формула самодержавной власти «быть по сему», и сама фраза перемещена в другой контекст. В «О. З.» (1871, IX) мы находим ее уже не на стр. 239, 7 строка сверху, как указывает Петров, а на стр. 238, 10 строка снизу.

В своем первоначальном виде изъятая фраза, несомненно, входила в рассуждения Демерта о том, что «при назначении количества душевого надела по губерниям петербургские устроители судеб народа никак не могли предположить, что разделение на губернии сделано у нас зря, на бумаге, без всяких соображений с действительностью». А так как «разделение на губернии» было сделано в царствование Екатерины II и по ее указаниям, то фраза о «старухе» воспринималась как непосредственно относящаяся к императрице.

П. А. и А. В. ПЛЕТНЕВЫ

Петр Александрович Плетнев (1792—1865) — профессор и ректор Петербургского университета, академик, писатель и критик, собственник основанного А. С. Пушкиным журнала «Современник», который с 1847 г. находился в аренде у Некрасова и Панаева. Первый нотариальный договор с Плетневым был заключен 23 октября 1846 г., второй — 30 января 1852 г. (напечатан в приложении к кн.: В. Евгеньев-Максимов, «Современник» в 40—50 гг., 419—421).

Александра Васильевна Плетнева, рожденная кн. Щетинина (1826—1901) — с 1849 г. вторая жена П. А. Плетнева.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 18 — 1 и 2 письма и № 19 — 3 письмо).

⟨1⟩

⟨Петербург, 27 августа 1862 г.⟩

Любезный Николай Алексеевич!

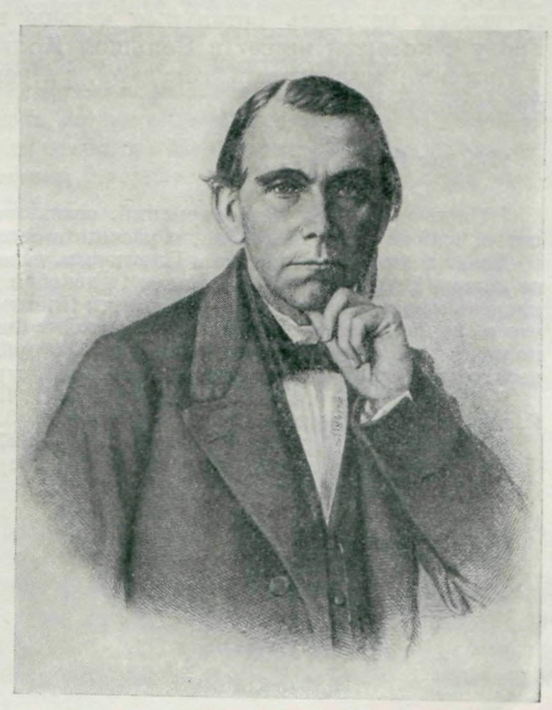
Я все жду от Вас обещанного мне Вами при последнем нашем свидании уведомления, решились ли Вы в 1863 году оставить в своем заведывании редакцию Современника или возвратите ее мне [1].

Прошу Вас покорно не замедлить ответом, потому что, в последнем случае, необходимо мне приняться заблаговременно за устройство этого дела.

Душевно преданный Вам П. Плетнев

27 авг⟨уста⟩ 1862 г.
С.-П⟨етер⟩бург

[1] Письмо относится ко времени переговоров Некрасова с П. А. Плетневым о заключении нового договора на «Совр.» взамен истекшего 10 февраля 1862 г. срока действия старого. «Совр.» в это время был запрещен на 8 месяцев, и Некрасов некоторое время предполагал от дальнейшего издания журнала отказаться. Отчасти здесь имело место и желание воздействовать на Плетнева для уменьшения суммы арендной платы и неустойки на случай запрещения журнала. Новый договор был заключен, и журнал, как известно, остался у Некрасова, однако условия этого нового договора неизвестны.

П. А. ПЛЕТНЕВ
Гравюра И. Эйзенгардта, 1866 г.
Литературный музей, Москва

<2>

10/22 янв<аря> 1865 г. Париж
Rue Marbeuf 73

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Это письмо доставит Вам прежний мой университетский сослуживец, Николай Павлович Агафонов [1], который, по дружбе ко мне, заведует в Петербурге разными моими делами.

Благоволите выдать ему, как было и в прошлые годы, билет на получение в 1865 г. следующих мне пяти экземпляров Современника.

Душевно преданный Вам
П. Плетнев

[1] Николай Павлович Агафонов — казначей Петербургского университета.

<3>

<Петербург, 5(17) декабря 1866 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Не желая искать серьезного смысла в выражении Вашем, при нашем первом свидании, что Вы только с упорного бою уступили бы мне условленную Вами плату за «Современник», в случае его запрещения, я обращаюсь к Вам сегодня с просьбою покончить дело полюбовно. Не угодно ли Вам будет выплатить мне пять тысяч рублей, вместо осьми тысяч, которые я имею право требовать [1]. На эту уступку трех тысяч рублей я решаюсь только для избежания процесса и из уважения к тому чувству миролюбия, которое составляло одну из главных черт характера несравненного человека, которого имя я ношу с такою любовью! Более я не должна и не могу уступить, имея обязанностию охранять интересы его детей.

Получивши от Вас тысячу рублей нынешнею весной [2], я прошу Вас потрудиться передать остальные четыре тысячи Константину Карловичу Гроту [3], который живет в Большой Конюшенной, в доме Капгера.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности

А. Плетневой

17/5 декабря 1866 г.

[1] Письмо касается недоразумений, возникших между Некрасовым и А. В. Плетневой, вдовой П. А. Плетнева, о расчете в связи с запрещением «Современника».

Текст договора Некрасова с Плетневым, возобновленного в 1862 г., неизвестен, но из письма Некрасова к Плетневу от 19 декабря 1865 г. (Некрасов, V, 409—412), написанного за несколько дней до смерти Плетнева, последовавшей в Париже, следует, что в случае запрещения журнала неустойка была определена в 30 000 руб. асс., что по курсу 1865 г. и составляло примерно 8000 руб. сер. Чем окончились переговоры — неизвестно (ср. «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 440—441).

[2] 11 июня 1866 г. Некрасов уплатил А. В. Плетневой 1000 руб. сер. (ИЛИ (Л) — Расписка А. В. Плетневой. Ср.: Ашукин, 324).

[3] Константин Карлович Грот (1815—1897) — младший брат академика Д. К. Грота, директор департамента неокладных сборов, впоследствии (с 1870 г.) — член Государственного совета.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

Начав литературную деятельность в 1846 г. в «Отеч. Зап.» Краевского, Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893) в 1848 г. поместил в некрасовском «Современнике» рассказ «Папироска» («Совр.», 1848, I). Тогда-то, повидимому, и состоялось его знакомство с Некрасовым.

В 1849 г., арестованный по делу петрашевцев, Плещеев был сослан в Оренбургский край, где оставался в продолжение 8 лет, и в отношениях его с Некрасовым произошел естественный перерыв.

После амнистии (восстановлен в правах указом 17. IV. 1857), Плещеев приехал в июне 1858 г. в Петербург и прожил здесь год. С этого времени, а именно с сентября, он возобновил сотрудничество в «Современнике». Однако в редакции журнала он был связан тогда преимущественно не с Некрасовым, а с Чернышевским и Добролюбовым (см. письма Плещеева к ним — «Русская Мысль», 1913, I, 131—150 и в настоящем томе, 462).

С переходом «Отеч. Зап.» в руки Некрасова, Плещеев получил от него приглашение сотрудничать в журнале, на что и отвечал: «Разумеется, я весь к Вашим услугам. Кажется, Вы не могли сомневаться, что быть сотрудником журнала, редактируемого Вами, я считаю не только за особенное удовольствие, но и за честь» (см. ниже письмо от 8 декабря 1867 г.).

В 1872 г., с переездом Плещеева в Петербург, связь его с редакцией «Отеч. Зап.» значительно укрепляется: он делается секретарем редакции, заменяя на этом посту заболевшего Слепцова, участвует в редакторской работе, замещает Некрасова во время поездок его на дачу и деятельно сотрудничает в журнале. Кроме ряда оригинальных стихотворений, Плещеев поместил в «Отеч. Зап.» много переводов в стихах и прозе, а также несколько историко-литературных статей (за подписью «А. П.» и «А. П — в»).

В одном из писем своих к А. М. Жемчужникову от 25 июля 1875 г. Плещеев так охарактеризовал свои отношения к Некрасову:

«Некрасова я люблю. В нем есть стороны, влекущие к нему невольно, и за них прощаешь ему многое. Не говорю уже о том, что он необыкновенно умен. Но, кроме того, в нем сохранился еще огонек, тот огонек, без которого ум ничего не сделает путного и не оставит в людях следа. Но редко удается вызвать его на интимную беседу. Богатство избаловало, изнежило его... Характер у него крайне неровный, в нем как будто два человека, не имеющих друг с другом ничего общего. Бывают минуты, когда его сердечно любишь, и другие, когда он отталкивает от себя. Но, слава богу, что хоть порывы хорошие уцелели. В эти три-четыре года, что я здесь, мне случилось провести с ним два-три вечера — таких, которые надолго оставляют след в душе. Наконец, скажу, что я лично много ему обязан и имею причины считать его положительно добрым человеком» («Русская Мысль», 1913, VII, 128—129).

Некрасову Плещеев посвятил шесть стихотворений: три оригинальных — «Всем застигнутым ненастьем», «Пестрота и блеск и говор», «О, не забудь, что ты должник», и три переведенных из М. Гартмана — «Манвельтова неделя», «Пиренеи» и «Лампа». В свою очередь, Некрасов посвятил Плещееву свои стихи «Три элегии».

После смерти Некрасова Плещеев опубликовал свои воспоминания о нем в № 334 «Биржевых Ведомостей» за 1877 г. и стихотворение «Памяти Некрасова» в журнале «Устои», 1882 г., № 2.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 73 и Ф. 134, оп. 2, № 20).

⟨1⟩

⟨Москва, 1861 г. ?⟩ [1]

...мне — прав ли я думая так? Вы мне не только сделаете этим такое одолжение, за которое я буду Вам всей душой благодарен, но и докажете мне, что любите меня. Я никогда не был высокого мнения о литературной деятельности своей, но все же думал, что она была не совсем бесполезна и что

стихи мои, не отличаясь художественными достоинствами, имели за собой хоть искренность и теплоту, и потому, говоря Вашими словами:

Все ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица [2].

Я даже хотел это эпиграфом к последней книжке стихов своих взять. Но, вероятно, — и это только было приятным обольщением с моей стороны. В сущности же стихи мои никого не волновали и были хуже плоской прозы, несмотря на искренность писавшего их. Смешным может показаться Вам, что человек, уже лет 15 пишущий, спрашивает у Вас, как какой-нибудь новичок, — продолжать ли ему писать или остановиться. Но дело в том, что, действительно, лучше остановиться после 15-тилетнего писания, чем еще лет десять упражняться в бесплодном изведении бумаги и дождаться, чтобы еще не так оплевали. Пускай уж лучше скорей забывают. Только вот беда, Николай Алексеевич, едва ли я способен к какой-нибудь деятельности, вследствие разных «неблагоприятных обстоятельств». Жизнь помяла меня порядком — и практическим человеком уж мне не сделаться. Литература была единственным моим прибежищем. Здесь я мог, по крайней мере, оставаться «человеком». Всякая другая деятельность у нас более или менее холопская.

Впрочем, оставив стихи и повести, в которых я сказать нового ничего не в силах и даже не в силах старое сказать талантливо, — я могу еще посвятить себя работе журнальной, то-есть компиляциям, переводам и т. д. или что-нибудь издавать (на последнее, впрочем, деньги нужны), что я и сделаю.

Извините меня за это длинное и нескладное письмо. Прошу Вас, оставьте все сказанное мною здесь между нами. К Вам я обратился — повторяю, потому что искренно люблю Вас и дорожу Вашим отзывом; да и мне казалось, что и Вы несколько расположены ко мне. К другим же у меня нет желания обращаться с подобными «признаниями» и вопросами. Никому до меня нет дела — полагаю; по крайней мере, мне не случалось в Петербурге ни в ком замечать к себе ни тени чего-нибудь похожего на участие. Да я и права никакого на него не имею.

Жена моя [3] просит передать Вам свой искренний поклон. Пожалуйста, отвечайте мне. Я сбирался сам в Петербург, но едва ли это состоится, несмотря на сильное желание мое освежиться и проехаться. Очень уж тошно в Москве, да средств нет ехать.

Ваш весь А. Плещеев

[1] Этот отрывок из письма Плещеева датируется предположительно 1861 г., так как в этом году исполнилось 15 лет со дня выхода в свет первой его книжки — Стихотворения А. Плещеева. 1845—1846, СПб., 1846 (ценз. разр. — 14 мая 1846 г.).

[2] Цитата из стихотворения Некрасова: «Праздник жизни — молодости годы», написанного в 1855 г.

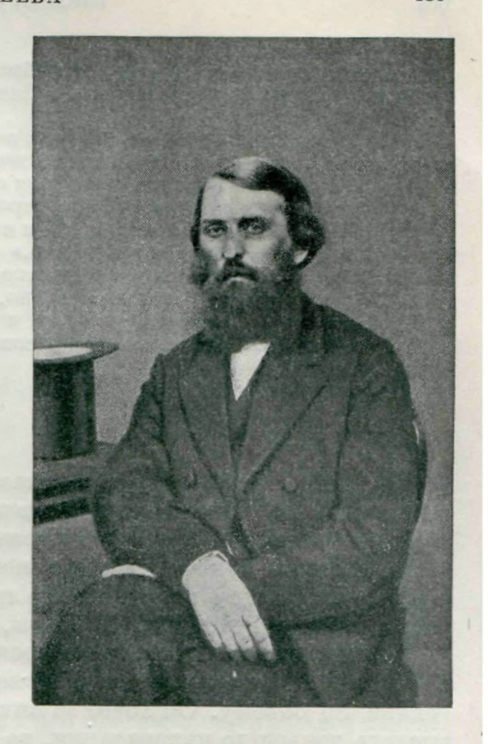
[3] В 1857 г. Плещеев женился на Еликониде Александровне Рудневой, дочери надзирателя Илецкого соляного промысла. Она умерла 13. XII. 1864 г. в Москве от тифа, 23 лет; погребена в Новодевичьем монастыре («Московский некрополь», II, 426). Ср. письма Плещеева к А. М. Жемчужникову — «Русская Мысль», 1913, VII, 115—116.

<2>

<Москва, декабрь 1865 г. — январь 1866 г.> [1]

Уважаемый Николай Алексеевич,

Благодарю Вас за то, что вспомнили обо мне, и за предложение работы. Не могу сказать Вам наверное, исполню ли ее. Не мастер я писать фельетоны. В газету какую-нибудь еще, пожалуй, настрочу. Но ведь в «Совре-

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

меннике» от фельетониста требования другие. Тут нужно, чтобы фельетон был очень хороший, — вроде, например, Щедринского или Слепцовского [2]. А меня бог не одарил способностью писать так, как пишут эти господа. Я знаю, что многие пробовали себя у Вас на этом поприще и были забракованы. А ведь неприятно, коли работа, которая все-таки возьмет у тебя известное время, какова бы она ни была, пропадет напрасно. Второе: материалы, здесь, конечно, нашлись бы, но я далеко не везде бываю, публичных лекций не слушаю, в театр хожу очень редко, посещаю только один артистический клуб, где меня, к сожалению, выбрали старшиной: говорю — к сожалению, потому что всего менее способен к клубной жизни, и если хожу в такие места, то разве для выпивки. Впрочем, раз я попытаюсь написать, так и быть, хотя пути от этого не жду. Что же касается до стихов, то постараюсь Вам прислать кое-что [3]. Вормсу письмо Ваше передал; он едет в Петербург лично увидеться с Вами [4].

Еще один вопрос: я, кажется, у Вас в долгу? Могу ли я рассчитывать на получение хоть части гонорария, если Вам пришлю что-нибудь? Деньги мне очень нужны. Конечно, если ответ будет отрицательный, это мне все-таки не помешает прислать свой труд в «Современник», потому что долги платить следует. И потому этот вопрос Вы скорей считайте просьбой. Нет ли у Вас работы переводной, которой я бы мог всего скорее сквитаться с Вами?

Преданный Вам

А. Плещеев

Рукою Некрасова:

На белугу глядел — продал.
Смотрел стерлядей, назначенных для ухи
Так это тебя, тебя
Будут

(плачет) [5]

[1] Датируется по связи с датой избрания Плещеева старшиной Московского артистического клуба (декабрь 1865 г.). Плещеев согласился быть старшиною по просьбе А. Н. Островского.

[2] В «Совр.» 1863—1864 гг. Щедрин печатал публицистическую хронику «Наша общественная жизнь» и «Петербургские театры». В. А. Слепцов в 1862—1864 гг. печатал в «Совр.» «Письма об Осташкове» и ряд очерков.

[3] В ближайших номерах «Совр.» произведения Плещеева не появились.

[4] Николай Александрович Вормс (1845—1870) — поэт, печатавший свои стихотворения в «Русском Слове», «Совр.» (1865), «Деле». — См. о нем биографическую заметку Л. Е. Оболенского в «Критико-биографическом словаре» С. А. Венгерова (том XI), где между прочим указано, что большое участие принимал в Вормсе А. Н. Плещеев. — Письма Некрасова к Вормсу в печати неизвестны.

[5] Стихотворная заготовка Некрасова, использованная позднее в сатирической поэме «Современники».

<3>

Москва, 17 апреля <1866 г.>

При этом письме, многоуважаемый Николай Алексеевич, Греков [1] отправляет Вам две кальдероновские драмы, в своем переводе, и просил меня быть посредником в этом деле. Драмы эти сами по себе — славные вещи. В какой степени верен перевод, судить не могу. Греков говорит, что переводил их с подстрочного прозаического перевода; но стихи перевода, по-моему, хороши. Впрочем, Вы сами, конечно, просмотрите его [2]. Греков находится в довольно стесненных обстоятельствах и назначает за обе драмы цену сколько мне кажется умеренную, так как они довольно велики по объему. Он хочет за них по 250 р. Но если Вы согласитесь ему выслать деньги до напечатания, то готов отдать их обе и за 400. Вы поместили его перевод Ромео в своем издании Шекспира, несмотря на то, что есть еще три перевода этой пьесы. Значит, в переводах его находите достоинства [3]. Вы сделаете ему большое одолжение, дав ему, по возможности, скорый ответ, через меня ли или прямо на его имя. (Последнее, думаю, лучше будет. Вот его адрес: Николаю Порфирьевичу Грекову, против Кремлевского сада, номера Толмачева). Он лежит больной и, кажется, намерен обратиться, кроме того, в Фонд с просьбой о пособии. Если найдете возможным, то не откажите ему в Вашем содействии и в этом, как член Комитета [4].

Не сердитесь на меня, голубчик Николай Алексеевич, что я не взялся писать у Вас Московской хроники. Для этого нужно быть очень распространенным в обществе, — нужно быть свободным человеком, а у меня большую часть времени отнимает служба [5]. Мне сдается, что моя литературная карьера вовсе покончена. Порой, правда, является сильное желание работать, писать, но все это только порывами. А как пораздумаешь хорошенько, то и руки опускаются. Ведь нового ничего нашему брату не создать, а старого слушать никто не захочет. Так зачем же баловаться понапрасну. К тому же я сделался как-то особенно впечатлителен и раздражителен в последнее время, и всякое ругательство — откуда бы оно ни исходило — действует на меня болезненно. Наконец — очень трудно живется; очень не красно жизнь сложилась — и, право, говоря без фразы и без всякого желания напускать на себя что-либо, — все чаще и чаще думаешь и все больше и больше убеждаешься, что наилучшее было бы перестать жить. Ребятишки, разумеется, еще привязывают меня к жизни — и покинуть их жаль; но, с другой стороны, — не лучше ли бы им было без меня? Сумею ли я сделать из них что-нибудь путное? Не выйдут ли из них, под моим влиянием, такие же бесполезные и бесхарактерные люди, каков я сам?

Простите меня голубчик, что пишу Вам так много о себе. Знаю и сам, что это для Вас вовсе не интересно. Но я к Вам постоянно чувствовал и чувствую «влеченье род недуга». Столько в Ваших стихах звучит ответных струн на самые больные места души моей. Помните, как я разревелся раз,

слушая Вашего «Рыцаря на час», и все мне сдается, что Вы должны симпатизировать всем больным и надломленным людям, порывающимся к чему-то хорошему, и в то же время сознающим свое полное бессилие.

А ведь славные стихи это — старца Тютчева:

Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Полета нету, нету взмаха,
Висят надломленные крылья —
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от страсти и бессилья![6]

Жму Вашу руку. Черкните слово, когда найдете свободную минуту.

Ваш весь А. Плещеев

[1] Николай Порфирьевич Греков (1810—1866) — поэт и переводчик. В «Совр.» печатались его оригинальные и переводные стихотворения.

[2] Кальдероновские драмы: «Ересь в Англии» и «Жизнь есть сон» в переводе Грекова в «Совр.» не появлялись.

[3] Перевод Грекова «Ромео и Джульетта», напечатанный ранее в журнале «Светоч» (1862, IV, отд. I, 5—156), был перепечатан в «Полном собрании драматических произведений Шекспира в переводах русских писателей», изданном Некрасовым и Гербелем (СПб., 1866, II).

[4] Некрасов был членом Комитета Лит. фонда в 1862—1863, 1864—1867 и в 1875—1876 гг.

[5] Плещеев состоял на службе младшим ревизором Московской контрольной палаты.

[6] Строки из стихотворения Ф. И. Тютчева: «О, этот край, о, эта Ницца», написанного в декабре 1864 г. и посвященного памяти Е. А. Денисьевой. Первоначально стихотворение было напечатано в «Русском Вестнике» 1865, II, 686. Цитируя его по памяти, Плещеев неверно приводит последние четыре строки вместо правильного:

Нет ни полета, ни размаху,
Висят поломанные крылья —
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

⟨4⟩

Москва, 8 декабря ⟨1867 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Сейчас получил Ваше письмо[1] и сейчас же спешу ответить Вам. Разумеется, я весь к Вашим услугам. Кажется, Вы не могли сомневаться, что быть сотрудником журнала, редактируемого Вами, я считаю не только за особенное удовольствие, но и за честь. Все, что только напишется, пришлю Вам. Повести я не написал, но пишу. Кроме того, переводится у меня большая драматическая вещь в стихах[2]. Ведь, право, руки отнимались — работать никакой охоты не было, когда ни одного сколько-нибудь сносного журнала не было. Мне бы хотелось прислать Вам что-нибудь к 1-й книжке, что я и постараюсь сделать. Жаль, что не написали Вы мне срока, — когда должна выйти первая книжка. Крепко жму Вашу руку.

Ваш весь А. Плещеев

[1] Письма Некрасова к Плещееву в печати неизвестны.

[2] Драма М. Бера — «Струэнзе». О ней см. примеч. к письму от 20 июля 1868 г.

⟨5⟩

Москва, 7 января ⟨1868 г.⟩

Посылаю Вам, добрейший Николай Алексеевич, вырученную от Чаева рукопись Якушкина. А у Аксакова ничего не оказалось[1]. Я Вам теперь своего ничего не посылаю. Ко 2-му номеру надеюсь доставить стихи, а

может, и прозу. Будьте добры, справьтесь, не остался ли я чего должен «Современнику»? Это мне нужно для моих соображений. Да вот еще что: редакторам была передана в Отеч⟨ественные⟩ Зап⟨иски⟩ рукопись повести: «Вера Борисовна» [2]. Не откажитесь отыскать ее и прочесть. Это я просил ее доставить. Автор — женщина и сильно ко мне пристающая, по причине крайне стесненных обстоятельств. Я сам, признаюсь, повести этой не читал. Но ее повесть какая-то была у Вас раз напечатана.

Жду нетерпеливо выхода первой книжки.

Ваш весь Плещеев

Приписка сверху: Скажите Гербелю, что я за перевод «Усилий любви» не возьмусь [3]. Когда я просмотрел эту вещь, то пришел к убеждению, что ее перевести в такой краткий срок невозможно. Это одна из труднейших пьес. Все игра слов. Да мне же теперь и некогда. Разные дела есть довольно скверного свойства, отнимающие много времени.

[1] В письме своем к Некрасову от 21 августа 1867 г. писатель-этнограф Павел Иванович Якушкин (1820—1872) писал: «До-нельзя рад, что Вы опять беретесь за издательство... Недели через две я пришлю Вам: 1) „Науками юношей питают" и 2) „Ученое общество". А пока возьмите у И. С. Аксакова „Путевые письма" и у Чаева „Жалостную комедию"». Извлечь от них эти рукописи Якушкина Некрасов и поручал Плещееву, жившему тогда в Москве (см. ниже письмо П. Якушкина и примечания к нему).

[2] Кто является автором повести «Вера Борисовна» — не установлено; повесть с таким заглавием в «О. З.» не появлялась.

[3] Н. В. Гербель, издававший совместно с Некрасовым «Собрание сочинений Шекспира в переводе русских писателей», предложил Плещееву перевести шекспировскую комедию «Бесплодные усилия любви». В виду отказа Плещеева, эта комедия появилась в издании в переводе П. И. Вейнберга.

⟨6⟩

Москва, 20 июля ⟨1868 г.⟩

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, два стихотворения для От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩ [1]. Не знаю, как они Вам покажутся. Если Вы их напечатаете, то я буду Вас просить убедительнейше — вышлите мне за них, что причтется. Хотя это, конечно, очень мало, но мне в настоящую минуту и 25 р. будут очень кстати. Я было думал даже обратиться к Вам с просьбой о гораздо более крупной сумме, но отложил это до той поры, когда приготовлю Вам труд позначительнее. А до тех пор, как я ни нуждаюсь, не считаю себя вправе утруждать подобными просьбами какую бы то ни было редакцию. Недавно писал ко мне Тиблен [2], прося у меня для своего журнала перевод драмы Струэнзе, над которым я теперь сижу. (Ему кто-то о нем сказал.) Но я ответил ему уклончиво по двум причинам: во-первых, это очень большая вещь, которую я еще не могу наверное сказать, когда окончу. Мне хочется, чтобы перевод вышел порядочный, чтобы не было хромающих стихов. А во-вторых, мне было бы приятней видеть его в Отеч. Зап. Вещь хорошая, весьма живая и во многом применительная к настоящему. Я ей предпошлю статью о ней Гейне, который ее очень хвалил. Думаю провести ее и на сцену, если цензура пропустит. На сцене она бы могла быть эффектна. К ней же притом Мейербер, брат автора, написал известную увертюру и антракты[3]. Но еще прежде я надеюсь прислать Вам рассказ — листа в 2—3 печатных. Работать мне хочется, и я работал бы, если б у меня не было самой каторжной службы, отнимающей у меня все время и положительно убивающей меня нравственно. Бывают у меня не только минуты, но целые дни и недели самой гнетущей, невыносимой тоски, когда жить — при тех условиях, в каких я теперь нахожусь, — становится мне до такой степени постыло и тошно, что не раз приходило мне в голову покончить с собой. Вы меня несколько знаете,

и не думаю, чтобы сочли то, что я говорю, фразами, желанием рисоваться. Не до фраз мне теперь. Совсем меня исколотила жизнь. В мои лета биться, как рыба об лед, и носить вицмундир, к которому никогда не готовился, — куда как тяжко. Ну, да будет о себе. Вот еще что нужно мне сказать Вам: Федоров[4], когда-то писавший в Современнике разные сцены, умер недавно в Оренбурге. Брат его мне выслал рукопись, которую я еще не читал, но которую он просит меня пристроить куда-нибудь. Их большая семья, и деньгам — хоть даже небольшим, — они были бы рады. Позвольте Вам прислать эту рукопись при случае. Есть еще перевод его Дон Жуана Мольеровского, но это, я полагаю, Вам не нужно.

Весьма жаль мне, что не видал Вас давно. Наведывался несколько раз у Дюссо и в Hôtel de France, но все говорят, что Вы не были. Будьте здоровы. Желаю Вам всего хорошего. Отеч. Зап. в Москве очень читают и хвалят. Салтыкову и Н. Курочкину мой поклон.

Ваш А. Плещеев

Прикажите потщательнее корректуру стихов моих продержать.

P. S. Стихи мои без тенденций и, может, многим будут по этому самому не по вкусу.

[1] Стихотворения Плещеева «Облака» и «Когда тебя молчанием суровым» были напечатаны в «О. З.», 1868, IX.

[2] Николай Львович Тиблен — издатель, типограф, в 1868 г. издавал журнал «Современное Обозрение».

[3] «Струэнзе» — драма немецкого драматического поэта Михаэля Бера (Michael Beer, 1800—1833) из жизни датского министра Иогана-Фридриха Струэнзе (Struensee, 1737—1772), написанная в 1829 г. К этой драме брат автора Якоб Бер (известный композитор Мейербер) написал музыку.

[4] С. Н. Федоров — автор драматических сцен и очерков. Плещеев его «открыл» в Оренбурге и переслал первые его произведения в петербургские журналы, в частно-

НЕКРАСОВ

Фотография Г. Деньера, 1864 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

сти в «Совр.». В конце 50-х годов он лично сблизился с редакцией «Совр.». В 60-х годах жил в Москве, повидимому, в сильной нужде. Затем уехал в Оренбург, где и умер в 1868 г. В «Совр.» Федоров напечатал «Драматические сцены» (1858, V), «Воспитатели» (1858, XI), «Две жены» (1859, VII) и «Не все коту масленица» (1860, VIII). В «О. З.» посмертные произведения Федорова не появлялись.

〈7〉

Москва, 17 ноября 〈1869 г.〉

Добрейший Николай Алексеевич. В бытность мою в Петербурге мы имели с Вами разговор о драме Струэнзе [1], которую я переводил и которую Вы изъявили намерение напечатать в Отеч〈ественных〉 Зап〈исках〉. Теперь я труд свой окончил, принимаюсь за его переписку. Он составляет 190 страниц немецкого текста, который по сличении со страницами Отеч. Зап. менее их на 5 строк на страницу, т. е. это значит на 5 страниц Отеч. Зап. приходится 6 страниц тексту. Следовательно, в Отеч. Зап. всего должно выйти от 10 до 11 печатных листов, а может быть, и менее. Переводу будет предпослана статья Гейне о деятельности Бера, автора драмы (брата Мейербера), и о самой драме. Мне бы, конечно, более хотелось видеть свой труд на страницах Отеч. Зап., но вместе с тем я желал бы знать, какой Вы думаете мне дать гонорарий. В настоящее время — видите — я нахожусь в таком положении, что мне необходимо иметь довольно большую сумму для взноса процентов в кредитное общество, где заложен дом мой, и которую мне решительно неоткуда взять. Вся моя надежда на этот труд, за которым я сидел долго, так как не имею ни способности, ни привычки переводить с плеча, и если не добуду ее, то могу быть поставлен в самое бедственное положение. Тут для меня вопрос чуть не о жизни и смерти. Вы, конечно, скажете, что Вам надо видеть и прочесть драму, и я против этого не могу возражать. Я так и ставлю вопрос: если она Вам понравится, то могу ли я надеяться, что Вы не откажете мне в той плате, по крайней мере, какую получают за подобные труды в Вестнике Европы, который заплатил Буренину за Нерона — по 80 р. за лист [2]. Я полагаю, что моя вещь будет никак не хуже Нерона и даже много живее и интереснее по задаче, весьма близкой к современности. Затем — вот что еще: если я Вам доставлю перевод в начале будущего месяца (так, к 10-му), то не попадет ли он в январскую книжку? Для меня это было бы тоже весьма важно в том отношении, что мне хочется провести пьесу на сцену, что могло бы мне тоже дать кое-что. Да и, наконец, не являвшись долго в печати — приятно было бы видеть свой труд в такой книжке журнала, которая обыкновенно возбуждает большой интерес в публике и составляется особенно тщательно.

Будьте добры, Николай Алексеевич, сообщите мне обо всем этом — по возможности обстоятельнее и главное поскорее, чем Вы много меня одолжите. Вот мой адрес: На Спиридоновке, д. Вячеслова.

Желаю Вам всего хорошего и от всей души жму Вашу руку.

Ваш весь А. Плещеев.

[1] О драме «Струэнзе» — см. примеч. к предыдущему письму.

[2] Перевод драмы Карла Гуцкова «Нерон» (1835), сделанный В. П. Бурениным, был напечатан в «Вестнике Европы», 1869, III, V—VII.

〈8〉

Москва, 1 декабря 〈1869 г.〉

Добрейший Николай Алексеевич.

В предлагаемых Вами условиях, конечно, весьма важно для меня то обстоятельство, что Вы хотите выслать мне деньги по получении рукописи, так как я Вам писал, в каком я нахожусь положении. Но для меня крайне

неудобно это деление драмы на две части. Эту манеру выдумал Стасюлевич, и она крайне вредит целости впечатления. Драма — не роман. Притом же Вы хотите пустить ее в весенних №№ (в апреле и мае). Ведь Уриеля Акосту [1] Вы не разделите же? Да и никогда в От<ечественных> З<аписках> драматические вещи не делились. Вас пугает сумма в 1000 р. за перевод. Но я не понимаю откуда же 1000? Я прошу 80 р. за лист. Таких листов будет 9 и один лист прозы, за которую Вы можете заплатить меньше. Когда я был в Петерб<урге>, Вы сами мне предлагали по 70 за лист. Я значит прошу у Вас теперь <на> 100 р. больше. Неужели это уж такая дорогая цена? Дайте огулом 750 р. и поместите драму в одном №, не разделяя; я буду доволен. Наконец, в ней может и меньше несколько 10-ти листов будет. Я ведь это считал по немецкому тексту — приблизительно. Только все-таки я бы желал, чтоб она никак не позже уж мартовской-то книжки явилась [2].

Больно не хотелось бы мне в другие редакции относить ее. Впрочем, как знаете. Особенно не навязываюсь.

Будьте добры — не поленитесь мне написать Ваш ультиматум, если выберете свободную минуту.

Ваш весь А. Плещеев

[1] В объявлении о подписке на 1869 г. редакция «О. З.», при перечислении материалов, полученных для напечатания, указывала на трагедию Карла Гуцкова «Уриель Акоста», в переводе П. И. Вейнберга, но напечатана она была лишь в 1872 г. и по частям — в I—II и XI—XII книжках.

[2] Повидимому, Некрасов не согласился на условия, поставленные Плещеевым. Плещеев, воспользовавшись посредничеством В. П. Буренина, передал перевод драмы Вера «Струэнзе» в «Вестник Европы». См. письмо Плещеева к М. М. Стасюлевичу от 25 февраля 1870 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», СПб., 1913, V, 295 и сл. В «Вестнике Европы» драма была напечатана в трех книжках (1870, V, VI и VII).

<9>

Москва, 10 декабря <1870 г.>

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Вместе с этим письмом посылаю Вам много стихов [1]. Три стихотворения из немецких поэтов и одно, которое скорее можно назвать поэмой, из английского поэта Теннисона. Последняя вещь пользуется всемирной репутацией и переведена на все языки, но у нас ее еще никто не переводил. Несмотря на отсутствие в ней тенденциозности, я не поколебался ее перевести, потому что в ней бездна поэзии, — по моему суждению, по крайней мере так.

В какой степени мне удался перевод, я не знаю; те, кому я читал его здесь, отзывались о нем даже слишком хорошо; но это были люди сами не пишущие стихов, а мне желательно Ваш отзыв. Вы судья строгий и нелицеприятный. Относительно тенденциозности — Вас может вознаградить первое из трех немецких стихотворений [2]. Еще посылаю я Вам стихотворение, тоже переводное, — одной поэтессы [3], несколько уже Вам знакомой! — с итальянского. Она была здесь на время (живет она в Рязанской губ.) и хотела отсылать свой перевод Благосветлову, но я положительно этому воспротивился. Это такое превосходнейшее стихотворение, что было бы жаль еслиб оно попало в «Дело», где есть свои, совсем особенные поэты. Я, признаюсь, поступаю даже самоотверженно, посылая это стихотворение с своими, так как оно не в пример лучше всех моих. Я бы может этого и не сделал, но поэтесса уж очень красива. Замечательная головка — несколько жидовского типа. Я сказал ей, что Вы, вероятно, дадите ей за него хоть 15 р.?

Теперь относительно моих стихов: всего в них 338 строк или стихов. Мне бы хотелось получить с Вас за них 100 р. Это будет, кажется, не особенно дорого. Я расчел по 30 к. за стих и вышло 101 р. 40 к. Но для круглости счета 1 р. 40 к. я сбрасываю. По 30 к. платили мне другие журналы, даже сам Григорий Евлампиевич <Благосветлов>, человек довольно прижимистый (а г-жа Мей[4] платила 50 к.), да и Вы сами платили мне чуть ли не больше. Мне очень хотелось бы их видеть в О<течественных> З<аписках> и я даже несколько смошенничал перед новым журналом «Беседа»[5], которому сначала их пообещал. Но туда я еще другие напишу. Вы сделаете мне большое одолжение, Николай Алексеевич, выславши эти деньги сколь возможно поскорее, ибо обстоятельства, в которых я нахожусь, отнюдь не могут назваться даже сносными. Мне передал М. Е. Салтыков, что Вы согласны будете поместить в О<теч.> З<ап.> «Сарданапала» Байрона[6]; это меня очень порадовало, и я его перевожу с особенной любовью. Думаю, что перевод выйдет удовлетворительный. Наконец, последняя просьба: не откажите мне на будущий год в экземпляре Отеч. Зап. хоть в счет будущего гонорария за «Сарданапала». Я Вам еще напомню об этом.

Прошу Вас убедительно, Николай Алексеевич, дайте мне поскорей какой бы то ни было ответ. Если Вы не берете моих стихов, пускай они, по крайней мере, поспеют к 1-й книжке «Беседы». Вы меня этим чрезвычайно обяжете.

Затем, жму Вашу руку и желаю Вам сердечно всего доброго и хорошего.

Ваш весь
А. Плещеев

P. S. Боборыкинский роман[7] читается всеми с большим интересом. Это, действительно, весьма живая и симпатичная вещь. Я, признаюсь, даже не ждал столько от Боборыкина. Как Вы там себе не толкуйте — но, право, Решетниковы, Глебы Успенские и Левитовы набили оскомину. Очень уж мало в них фонду-то. Культура не прошлась по них. Осмыслить-то они того, что видят, не в состоянии, да еще и присочинять любят, так что нет-нет да и скажется у них фальшь и выдумка.

[1] Присланные Плещеевым стихотворения — «Оправдание» и «Ложный путь» из Роберта Прутца, «Радбот» из Адольфа Шультса и поэма Теннисона «Королева мая» (Alfred Tennyson, 1809—1892, «The May Queen») — были напечатаны в «О. З.», 1871, II.

[2] Стихотворение, которое «может вознаградить относительно тенденциозности»,— это «Оправдание» из Прутца (Robert-Eduard Prutz, 1816—1872), направленное против сторонников чистого искусства и касающееся споров между представителями «искусства для искусства» и представителями «искусства для общества».

[3] Юлия Васильевна Доппельмайер, рожд. Вердеревская. Ее перевод с итальянского «На смерть Пизакане и его сподвижников» (эпизод из борьбы за освобождение Италии) помещен в «О. З.», 1871, II. Ее переводы из Т. Мура и В. Гюго печатались в «О. З.», 1871, XII; 1878, IV. В «Складчине» в 1874 г. также был напечатан ее перевод из Т. Мура.

[4] София Григорьевна Мей, рожд. Полянская (1820—1889) — жена поэта Льва Александровича Мея, после его смерти вышедшая замуж за Рехневского; издавала с 1862 г. по 1881 г. журнал «Модный магазин».

[5] Журнал «Беседа» издавался в 1871—1872 гг. Сергеем Андреевичем Юрьевым (1821—1888), который затем в 1880 г. основал журнал «Русская Мысль».

[6] Отрывок из «Сарданапала» Байрона появился лишь в «О. З.», 1875, VII.

[7] Роман П. Д. Боборыкина «Солидные добродетели», печатавшийся в «О. З.», 1870, IX—XII.

<10>

Москва, 15 июня <1871 г.>[1]

Уважаемый Николай Алексеевич. Мы условились было с Мих<аилом> Евгр<афовичем> быть у Вас 21; и он, вероятно, будет; но я, к великому моему огорчению, положительно лишен всякой возможности, по крайней мере теперь, увидеть Ваши владения. Сильно бы хотелось урваться к

Вам хоть на два денька, и если Вы пробудете июль в Карабихе, то не теряю надежды сделать это. Передайте мой поклон добрейшему Михаилу Евграфовичу и Зинаиде Николаевне. Она обещала столько разных веселых вещей моему Сашке, что он и спит и видит как бы попасть в Карабиху. Если бы Вы в течение июля вздумали оттуда уехать, то, пожалуйста, напишите (в почтамт). Мне сказали, что Вы у меня были в тот день, как я поехал к Салтыкову [2]. Верно, Вы думали, что меня задержала погода. Я, действительно, колебался, но однакож — все время, прожитое у Салтыкова, погода простояла отличная, — и мне было у него очень хорошо. В настоящее время здесь «Товарищ» [3], и я ему закинул удочку относительно перевода в Петербург. Но еще не имею ответа. Видел я его раз, но не у него на квартире, и не мог сказать лично; а потому написал. Беспокоить его своим посещением не хотел. Я начинаю чувствовать перед ним трепет и уважение, как П. И. Чичиков перед Бетрищевым. У него какая-то новая нотка стала звучать в голосе... должно быть, товарищеская. Впрочем, может я и ошибаюсь.

На дачу я перебрался. Очень хорошо там; только езда в город уж очень одолевает.

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Плещеев

[1] Датируется по упоминанию начатых Плещеевым хлопот о своем переводе на службу в Петербург, состоявшемся в конце 1871 г.

[2] О поездках Плещеева в 1870 и 1871 гг. к Салтыкову в его подмосковную усадьбу Витенево рассказано в воспоминаниях сына поэта А. А. Плещеева «Что вспомнилось», III, СПб., 1914, 1—2.

[3] Имеется в виду Михаил Николаевич Островский (1827—1901), только что назначенный на вновь учрежденный пост товарища государственного контролера. От него, в значительной мере, зависело решение вопроса о переводе Плещеева, бывшего в это время чиновником Государственного контроля, на службу в Петербург.

⟨11⟩

⟨Май, 1872 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич. Я давно сбирался переговорить с Вами обстоятельно и откровенно о своих делах. Но все или не находил такой удобной минуты, или не хватало у меня духу. Очень уж тяжело говорить. Вы мне довольно помогали. Я очень хорошо понимаю, что не имею права на Вашу помощь, потому что не могу ничем быть полезен журналу. Я никогда не писал статей публицистических или научных. Вся моя деятельность заключалась в беллетристике, а эта беллетристика никому теперь не нужна. Когда я однажды заикнулся Михаилу Евграфовичу ⟨Салтыкову⟩ о том, что намерен писать повесть, он прямо сказал, что это невозможно и что я рассчитывать на «О⟨течественные⟩ З⟨аписки⟩» в этом случае не могу. Да я и сам сознаю, что едва ли я в состоянии написать что-нибудь действительно нужное. Я слишком мало живу настоящей жизнью и знаю о русской действительности не много больше, чем ⟨те⟩, которые живут за границей. Нельзя же назвать жизнью вращение в одном кружке, состоящем из 3—4 лиц. Содержание для беллетристической вещи может мне дать только прошедшее, а о прошедшем все уже сказано людьми гораздо более меня талантливыми. Остаются, значит, на мою долю только компиляции да переводы. Недалеко с этим уйдешь, так же как и с лирикой. Все это приводит меня к заключению, что мне литературу надо бросить и посвятить себя служебной работе. Если она оставит мне хоть сколько-нибудь свободного времени, то я отдам его какому-нибудь большому труду, вроде перевода «Сарданапала», уже мной начатого, или тому подобное. Я без малейшего колебания уеду куда угодно, лишь бы быть обеспеченным. Может быть, Вы при Вашем знакомстве и связях могли бы что-нибудь в этом отношении сделать для меня? Но не в контроле. Там всем

орудует Островский [1], а он в последнее время сделался совершенно другой. Едва ли бы он дал мне место управляющего, когда он даже не оставил здесь за мной ревизорского места и причислил меня к контролю, убавив мне 200 р. в год жалования; да и сам я не до такой степени изучил контрольное дело, чтобы принять такое место. Всякому другому делу научиться несравненно легче. Эта же служба своего рода специальность; это все равно, что быть учителем математики, или рисования, зная только российскую словесность.

Настоящее мое положение, Николай Алексеевич, просто невыносимо. Будь оно хоть сколько-нибудь сносно, я бы никому не докучал, никого не тревожил. У меня нет каких-либо барских замашек, нет стремления к роскоши. Я бы только желал не нуждаться в необходимом, а дозволять себе того, что мне не по средствам, я счел бы не только недобросовестным, а просто подлым, при моем положении, — 100 р. я получаю в контроле и 75 р. от Вас [2]. Это мой постоянный доход. Литературой я здесь еще пока заработал очень немного. Я плачу за квартиру без дров 40 р., плачу за уроки детям 25 р., на стол выходит ежедневно от 2 до 3 р. Судите сами — что мне остается. Детей надо одеть; надо самому одеться. А сколько мелочных непредвиденных расходов? Часто бывает, что не спишь ночь и ломаешь голову, как бы завтра быть сытым! Настает утро, и идешь искать где-нибудь три рубля! Случается, что не только на извозчика нет, но нечем заплатить за письмо, когда принесут его. Извольте же при этих условиях работать, заниматься поэзией. Но это еще далеко не все, Николай Алексеевич, — самое худшее, что у меня есть долги, которые меня мучат больше всего. Когда и чем я их заплачу? Хотелось бы хоть имя честное детям оставить по смерти, — другого ничего не могу. Застраховал свою жизнь в 10 тысяч; три года платил страховую премию, перебиваясь кое-как и благодаря посторонней помощи, а теперь буду, конечно, не в состоянии платить, так что все уже и заплаченное пропадет. Хотите ли Вы знать до конца? Я скажу Вам и еще нечто. Года два, три спустя после смерти жены своей [3], я сошелся с одной женщиной. Ведь не совсем же я старец, Николай Алексеевич, и не совсем умерла во мне всякая потребность женской привязанности. Женщина эта не особенно развитая и, конечно, не могущая заменить мне покойной жены моей. Я не знаю и мог ли кто-нибудь ее заменить. Но как бы там ни было, я сошелся с ней. Жилось ей скверно. Муж был в полном смысле мерзавец. Она рада была, что хоть кто-нибудь высказал ей участие и ушла от него. Я от нее имею ребенка, хотя, может быть, я и не чувствую к ней того, что называется любовью в настоящем смысле, но так как, с одной стороны, она ко мне, до известной степени, привязана, с другой — я имею от нее ребенка, то бросить ее на произвол судьбы было бы, по моему разумению, бесчестно [4]. Мне удалось ее пристроить здесь при одной редакции (Семьи и школы), где она исполняет обязанности помощника секретаря, получая за это 15 р. в месяц. Деньги небольшие, и без моей помощи все-таки не обходится. Ребенка я люблю и видеть его в нищете и грязи мне больно. Чем же он-то повинен, что он н е з а к о н н ы й? И может ли существовать для отца различие законных от незаконных?

Вот Вы и посудите теперь, Николай Алексеевич, каково мне живется. В глазах многих, даже может быть и общих наших знакомых, мое положение, пожалуй, покажется достойным и посмеяния... а уж осуждения, во всяком случае... Прилично ли, дескать, в эти лета и т. д. Прилично ли, нет ли, но факт существует. И я должен нести ответственность за свой поступок.

Я говорю это Вам первому. В Москве это знали. Здесь я никому не говорил; да и зачем? Притом же никто никогда не пытался даже теплым словом вызвать меня на откровенность. Я решился все это высказать Вам, потому что Вы показали мне участие, это раз. Потом, я так часто прибегаю

к Вам, что в Вас могло, пожалуй, зародиться сомнение — действительно ли я так нуждаюсь и не живу ли сверх средств? Узнавши все подробно, Вы, может быть, не усумнитесь в том, что я Вас тревожу, побуждаемый единственно крайностью.

Тяжела в мои лета такая жизнь, Николай Алексеевич. Мне нужен во что бы то ни стало выход из этого положения. Ныне возьму у Вас 10 р., завтра 25, послезавтра 3 р. Что же, наконец, так—брать и брать, эксплуатируя доброту людей и не видя в будущем средств разделаться? Постоянные занятия, могущие дать определенный доход, — вот что мне, собственно, нужно. Ради бога, Николай Алексеевич, посодействуйте мне в этом.

Я также хотел просить Зин<аиду> Ник<олаевну>, не позволит ли она мне познакомить с ней ту женщину, о которой я писал и у которой здесь нет решительно никого.

В настоящую минуту я особенно тяжкое переживаю время. У меня нет положительно ничего, т. е. даже пяти коп. 8-го срок за квартиру. 8-го же срок залогу последних часов, которые уже два месяца лежат и, вероятно, пропадут. О переезде на дачу и думать нечего. А, между тем, доктор сказал, что это положительно необходимо для дочери моей. Она должна купаться летом. Здоровье ее очень слабенькое. Не знаю, как быть и что делать. Хоть бы какую-нибудь работу подыскать, чтобы к июню ее приготовить и перебраться[5].

Вот Вам, Николай Алексеевич, моя подробная и обстоятельная история, из которой Вы можете усмотреть, сколь трудно мне не быть в дурном настроении духа, над которым постоянно глумятся некоторые наши знакомые. За все, что Вы пришлете мне завтра, буду Вам благодарен[6].

А. П.

[1] Михаил Николаевич Островский — см. о нем примеч. 3-е к пред. письму.

[2] С начала 1872 г. Плещеев получал от Некрасова ежемесячное жалованье в размере 75 руб. за выполнение обязанностей секретаря редакции «О. З.». По существу, однако, как это признавал и сам Плещеев (см. ниже в письме 14-м), его секретарская «должность» была синекурой. Она была предложена Некрасовым Плещееву для того, чтобы облегчить ему трудное материальное положение, в котором он оказался после переезда из Москвы в Петербург.

[3] О покойной жене Плещеева см. примеч. 3-е к первому из печатаемых писем. Плещеев посвятил ей два стихотворения: «Памяти Е. А. П.» и «Когда тебя молчанием суровым»; ей же посвящена и книга стихотворений, изданная в 1887 г.

[4] Екатерина Михайловна Данилова; дочь их — Любовь Алексеевна Плещеева (р. 9. VI. 1868), бывшая впоследствии замужем за Николаем Сергеевичем Худяковым (1868—1912).

[5] Упоминание о необходимости подыскать работу, «чтобы к июню ее приготовить» и тем самым обеспечить Плещееву возможность переезда на дачу с больной дочерью, является одним из обоснований датировки публикуемого письма. Ниже, в письме 14-м, бесспорно датируемом 1872 г., Плещеев вновь упоминает о болезни дочери в весенние месяцы и о том, что переезд на дачу был необходим вследствие требования врачей. Ряд других мест публикуемого письма и общее его содержание также указывают на то, что оно относится к первому и наиболее трудному в материальном отношении году петербургской жизни Плещеева, т. е. к 1872 г. См., например, такие фразы: М. Н. Островский «даже не оставил здесь <то есть после перевода на службу из Москвы в Петербург> за мной ревизорского места...», «литературой я здесь еще пока заработал очень мало...» и др.

[6] Ответ Некрасова на это письмо неизвестен, да и вряд ли он был дан в письменной форме. В эти трудные для Плещеева весенние месяцы 1872 г. Некрасов постарался, видимо, оказать ему помощь не только материальную, но и моральную. Следом их дружеского сближения в это время является фотографический портрет Некрасова, подаренный им Плещееву с дарственной надписью, датированной 30 мая 1872 г. (А. Плещеев. Что вспомнилось. Актеры и писатели. III. СПб, 1914, 259).

<12>

26 июня <1872 г.>

Дорогой Николай Алексеевич. В числе писем, адресованных в редакцию, оказалось несколько таких, которые относятся к Вам лично, и потому я спешу переслать их Вам. Кроме того, есть еще письмо с вложением

медали какой-то. Что с ним делать? Оставить ли пока здесь или выслать Вам и его? Кажется, А. Н. Ераков собирается к Вам — тогда я передам ему.

Затем, Н. С. Курочкин поручил мне спросить Вас — читали ли Вы фельетон Петерб<ургских> Вед<омостей> (суббота, 24-го), где ругня этого паршивого Буренина вышла уже изо всяких пределов приличия. Все названы там хамами и проч. В особенности же оплеван Салтыков [1]. Нам кажется, что подобной вещи оставлять без ответа не следовало бы. Если от Вас в скором времени не получится ничего для напечатания в июльской книжке (или от Салтыкова), то ответ будет написан сообща Курочкиным, Михайловским и Деммертом, и этому прохвосту будет воздано по заслугам. Вот, Салтыков всё церемонится называть по именам; а на него не поцеремонились вылить ушат г.... без всяких обиняков и аллегорий.

Не замедлите ответом на этот счет. Прошу Вас передать мое искреннее почтение Анне Алексеевне, возвращения которой здесь ждут нетерпеливо, и Зинаиде Николаевне.

О своих собственных делах — хотя бы и нужно было перемолвиться с Вами, — но уж оставляю это до другого раза.

Весь Ваш А. Плещеев

[1] Подробности этой полемики Буренина с «О. З.» см. в статье В. Е. Евгеньева-Максимова в «Русских Записках», 1915, IX. В упоминаемом Курочкиным фельетоне в № «С.-Петербургских Ведомостей» от 24 июня 1872 г. («Журналистика» — подпись Z) распоясавшийся Буренин называл автора «Дневника провинциала в Петербурге» (печатавшегося за подписью «М. М.»), т. е. Салтыкова, «непочтительным хамом, разоблачающим неприличные места сатиры Отеч. Зап., олицетворяемой г. Щедриным».

<13>

Ораниенбаум, 26 июля <1872 г.>

Вчера, возвратясь от Н. С. Курочкина, у которого пробыл на даче день, нашел я у себя Ваше письмо, добрейший Николай Алексеевич, и спешу ответить на него. Отеч<ественным> Зап<искам> дано предостережение за статью Деммерта. Курочкин сам хотел Вас известить об этом. Он говорил с Краевским, который так же, как и все, кто читал статью Деммерта, находит, что предостережение давать было не за что, и приписывает его недоброжелательству к нему со стороны М<инистерст>ва Народ<ного> Просвещения, в чем, я полагаю, впрочем, он ошибается. Но что предостережение идет оттуда — это верно [1]. Если бы Вы сами были здесь — может быть, этого бы не случилось. Вам бы, вероятно, удалось отпарировать удар. Если Вы приедете к 10-му, то книжку можно до Вас не выпускать. Не будет поздно выпустить ее и к 20-му числу [2]. «Дело» вышло же после 20-го. Теперь тоже.

Салтыковские заметки не попали в эту книжку [3]. Но статья Михайловского — в ответ Буренину — кажется, вышла очень удачна — и производит некоторую сенсацию [4]. По-моему, это убийственная статья для Буренина. Как он ни вертись и что бы он ни стал отвечать, но сущность его вся разоблачена, и на душе у него, по прочтении этой статьи, вероятно, не совсем хорошо. После этой статьи несколько слов, сказанных Салтыковым о Буренине в присланном им фельетоне, теряют свою ядовитость.

А. Н. Еракову я Ваше письмо показывал. Он отвечал Вам 17-го и удивляется, что Вы не получили его ответа.

Живется скучно, тяжело и работается мало, при всем желании и при всей необходимости работать. От Краевского не получал работы; да и рад отчасти. Очень уж смраден этот «Голос». Конечно, когда есть нечего, то пойдешь писать и туда, но признаюсь — куда не весело видеть себя в сообществе с всяким Адмирари и Щербанем [5].

Ищу себе частных занятий, которые бы были совместимы со службой, и если мне это удастся, то кажется это будет самое лучшее. Лучше уж заниматься бухгалтерией, нежели барахтаться в помойной яме, и терять последнее, что еще успел уберечь, — честное литературное имя, какое бы оно там ни было; или натуживаться — писать стихи, когда в голову ничего нейдет, кроме одного назойливого вопроса — а что я завтра буду с семьей есть?

До свиданья, уважаемый Николай Алексеевич. Написали ли Вы что-нибудь летом? Прошу Вас передать мое искреннее почтение Анне Алексеевне и Зинаиде Николаевне.

Да! Забыл совсем. Вы перед отъездом дали мне 50 р. и хотели сказать об этом конторщику, но не сказали. Когда я заявил ему об этом, он мне сказал, что имеет от Вас записку на выдачу мне ежемесячно по 75 р. [6], но он не желал бы путать счетов, и просил чтобы эти 50 р. я возвратил Вам лично. Я Вам их не возвращаю, но вместо этого — не возьму в конторе своего жалованья за август до Вашего приезда. Когда Вы вернетесь, то записку, данную Вами, возьмете назад. В ней я расписался за июнь и июль.

Будьте здоровы.

Ваш весь А. Плещеев

[1] См. о предостережении, полученном «О. З.», в напечатанном выше письме Н. Курочкина к Некрасову от того же 26 июля 1872 г. и комментарий к нему.

[2] Восьмая книжка «О. З.» за 1872 г. вышла, действительно, 20 августа.

[3] Речь идет о VII главе «Дневника провинциала в Петербурге». Ср. выше примеч. 6-е на стр. 346.

[4] Имеется в виду очередная статья Н. К. Михайловского из цикла «Литературные и журнальные заметки» («О. З.», 1872, VII). Ответ Буренину дан в последних разделах статьи («Случай... бывший недавно в С.-Петербургских Ведомостях». — «Беседа со старым воробьем»). Восторгов Плещеева по поводу статьи Михайловского Некрасов

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ПЧЕЛЫ» В СБОРНИКЕ «РОДНЫЕ ОТГОЛОСКИ», 1875 г.

Гравюра Паннемакера по рисунку И. Панова

разделить не мог: его позиция в этом вопросе, о которой, очевидно, и не догадывался Плещеев, была совсем иной. Ознакомившись с посланным ему в Карабиху (в рукописи или в корректуре) текстом статьи Михайловского, Некрасов писал ему в конце июня 1872 г.: «Уважаемый Николай Константинович. Я предлагаю из Вашего фельетона выкинуть о Буренине всё — так, чтобы и помину об нем на нынешний раз не было. Это будет явный выигрыш для книги, ибо чем реже упоминать в журнале это имя — тем лучше. А когда понадобится, то опять следует хватить во всю ладонь разом, как Вы это сделали в № 6-м. Того, что там было,— вполне довольно и не надо ослаблять впечатления той статьи. К статье Вашей (теперешней) весьма серьезной и дельной как-то нейдут то воробей, то другие выходки игривого свойства. Словом, такое я получил впечатление, прочитав статью, и прошу Вас поверить мне и поправить. Я не охотник вмешиваться в...»

Приведенный отрывок был найден В. Е. Евгеньевым-Максимовым в бумагах Некрасова («Русские Записки», 1915, IX, 195). Отсюда можно заключить, что письмо по какой-то, вероятно случайной, причине, оказалось не посланным и до адресата не дошло.

[5] Нил Адмирари (Л. К. Панютин) и Щербань — журналисты, постоянные сотрудники «Голоса».

[6] Записку эту, датированную 28 мая 1872 г., см. Некрасов, V, 506.

〈14〉

〈Петербург, после 10 сентября 1872 г.〉 [1]

Душевно уважаемый Николай Алексеевич. Не знаю как и приступить к изложению той просьбы, которую имею до Вас. Я Вам уже так много обязан, столько раз уже со времени моего несчастного переезда сюда прибегал к Вам, — что надо быть или совершенно бесстыдным человеком, или находиться в безвыходном положении, чтобы лезть к Вам опять с подобными просьбами. Но как я ни докучаю Вам, я все-таки еще смею думать, что Вы скорее допустите второе, нежели первое. И действительно, Николай Алексеевич — выйти из моего настоящего положения без Вашего содействия у меня нет никакой возможности. Но меня хотя несколько утешает то, что, кажется, я уже в скором времени не буду иметь надобности беспокоить Вас, — это во-первых; а во-вторых, что к концу года я питаю некоторую надежду — если не окончательно, то по крайней мере в значительной степени — поквитаться с Вами: я имею в виду представить Вам работу, покроющую часть моего долга. Кроме того, мне удалось, наконец, найти занятие (не литературное), которое, будучи совместимо и с моей контрольной службой и с моими обязанностями у Вас, даст мне еще рублей тысячу в год, если только я окажусь годным и, следовательно, будет служить мне порядочным подспорьем. Какие это занятия, я Вам объясню это при личном свидании. А теперь вот что заставляет меня к Вам прибегнуть. Переезжая на дачу я был поставлен в необходимость отдать свою мебель и все свои пожитки в контору громоздких движимостей, откуда получил за них 200 р. Без этого я бы не мог двинуться. С моей стороны, конечно, было бы безумием переселяться на дачу при таких обстоятельствах, если б не болезнь дочери, которой после тифа необходимо было поправляться на чистом воздухе и купаться в море. По крайней мере, доктора на этом положительно настаивали. Теперь же, возвратясь с дачи, я живу в квартире с голыми стенами, куда мне совестно и принять к себе постороннего человека. Но это бы еще ничего: гости ко мне и не ходят. Не до гостей мне. Но вместе с мебелью находятся и сундуки мои с разными необходимыми вещами, с теплой одеждой моей и детской и проч. Выручить это все я ранее как месяца через два не могу положительно, ибо того, что я получаю, хватает только мне на прожиток. Кроме того, мне нынче следует заплатить за квартиру вперед за месяц, так как я ее нанял еще 10 августа, и месяц уже прошел, да надо хоть на некоторое время запастись дровами и заручиться вообще до первого октября деньгами на прожиток, чтобы ежедневные поиски 5 или 10 руб. не отрывали меня от работы, а то я никогда ничего не в состоянии буду сделать. Пробившись этот месяц, я надеюсь

в следующий месяц уже не нуждаться. Будьте добры до конца, Николай Алексеевич. Даю Вам честное слово мое, что всю эту зиму я Вас тревожить не буду. Когда совсем сквитаюсь с Вами, тогда может быть Вы найдете возможным сами что-нибудь сделать для меня опять... Но до сей поры Вы от меня просьбы о деньгах не услышите. Дайте мне возможность что-нибудь сделать для журнала. Верьте, что мне очень тяжело играть роль какой-то приживалки при Отеч<ественных> Зап<исках> и ничего в них не работать. Ведь не могу же я смотреть на свои секретарские обязанности как на нечто серьезное. Я очень хорошо понимаю, что это и синекура, и что мне они даны ради моего трудного положения; в сущности же Вы, конечно, можете вполне обойтись без всякого секретаря. От другого — не от Вас — я бы этого одолжения не взял. Постоянной срочной работы я не могу у Вас иметь, так, по крайней мере, хоть беллетристической-то желал бы сколько-нибудь вознаградить свою бездеятельность. Мне так совестно к Вам теперь обращаться, что я хотел было прибегнуть к чьему-нибудь посредничеству, но потом раздумал. Пусть уж лучше одни Вы знаете все. Ведь мне приходится одному прокормить, считая и прислугу, — до 8 человек! Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Знаю, что сам виноват во многом — да от этого не легче. Если Вы мне теперь дадите 300 руб. (считая и 50 р. секретарских за этот месяц — в том же числе), то Вы сделаете мне благодеяние. В крайнем случае, я готов и за октябрь не брать секретарского жалования. Ради бога, не откажите, Николай Алексеевич. А то я совсем пропадаю. Я вчера не имел духу лично Вас попросить. Если Вы мне откажете, то мне хоть в петлю лезть.

Ваш А. Плещеев

[1] Датируется на основании фразы письма: «... мне нынче следует заплатить за квартиру вперед за месяц, так как я ее нанял еще 10 августа, и месяц уже прошел...»

<15>

<Октябрь 1872 г.>

Письмо это не о деньгах, дорогой Николай Алексеевич, считаю нужным предупредить Вас об этом. А вот в чем дело. Если Вы можете чем-нибудь заменить статью, которую от меня ожидали, то сделайте это. Я не успел ее составить, хотя она у меня начата и кое-что написано, но для окончания потребно еще несколько дней, а типографии нужен оригинал. Я очень хорошо понимаю, как я подобной неисправностью роняю себя в Ваших глазах и особливо в глазах Салтыкова. Я сам напросился на работу, на которую даже Салтыков не совсем охотно, как кажется, согласился. И теперь уже, конечно, на другую работу в Отеч<ественных> Зап<исках> рассчитывать не могу, да и сам просить не буду, так как уж репутация человека, не пригодного ни к какому делу, теперь за мной окончательно установлена. Но, собственно говоря, я дорожу только Вашим обо мне мнением, — не потому, что Вы талантливый поэт или что Вы главный редактор, которому я притом много обязан, а просто потому, что я Вас люблю очень как человека и хотел бы до конца сохранить с Вами хорошие дружеские отношения. До отзывов же других лиц мне, право, все равно.

И вот, для того, чтобы оправдать себя в Ваших глазах, я считаю нужным сказать несколько слов. Я не мог положительно, Николай Алексеевич, приняться за эту работу до последнего времени, хотя мне, конечно, очень желательно было выработать несколько лишних рублей — как Вы сами можете понять. Не мог потому, что был глубоко расстроен целым рядом неприятностей всякого рода. Сначала заболел ребенок, потом, когда он поправился, я получил одно известие, повергшее меня в со-

вершенное уныние. С меня хотят взыскать какие-то деньги, будто бы должные мной по разным счетам еще с 1869 г., тогда как я помню, что уплатил их и, вероятно, — по непростительной забывчивости — не взял назад своей расписки. Словом, это пахнет мошеннической проделкой. Вслед за тем пришло еще письмо не менее неприятное и тоже о деньгах. А тут и дома была такая гнетущая нужда, что я всякий день бегал что-нибудь закладывать. Согласитесь, что в таком положении плохо пишется. Но я все-таки преодолевал себя и кое-что работал. В последние же дни меня обязали ежедневно приходить в Контроль, на что я не в праве сетовать, потому что ко мне постоянно относились снисходительно и человечно, но теперь горячее время, составляются сметы, и моя работа понадобилась. Следовательно, у меня оставались свободными вечера, — но и то не все, потому что я еще взял работу в Таможенном департаменте, откуда мне присылают по временам перевод с русского на иностранные языки, требующий всегда особенной тщательности. Наконец, со мной творится что-то странное: я чувствую порой совершенный упадок физических сил. По целым часам я лежу, не будучи в состоянии двинуться с места; голова кружится и клонит непрестанно ко сну. Понимаю, что и это есть следствие нервного расстройства. Хочу попробовать полечиться водой по примеру Курочкина.

Не сердитесь же на меня, Николай Алексеевич, и войдите, бога ради, в мое, поистине безвыходное, положение. Не считайте меня лентяем и тунеядцем. Я на-днях еще взял на себя перевод франц<узского> романа по 10 р. с листа, потому что мне нужен хлеб насущный. В один или два месяца прожитья спокойно я заработал бы столько, что мог бы на несколько месяцев себя обеспечить. Но откуда мне взять этого спокойствия? Жизнь меня сквозь строй гоняет. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне черкнули на это письмо хотя несколько слов, из которых бы я мог видеть, что Вы не сердитесь на меня; это мне даже необходимо для моего нравственного спокойствия.

Владимирская [1] не претендует на Вас за потерю стихов и только скорбит, что они оказались негодными. Она к Вам питает не только большое уважение и доверие к отзывам Вашим, но, повидимому, и особенную симпатию. Это очень порядочная барыня.

Не откажитесь переслать Краевскому прилагаемую записку. Это цифры, которые он просил добыть из Контроля. Я был у него вчера по поручению Филиппова [2].

Душевно любящий Вас
А. Плещеев

[1] Вероятно, Е. П. Владимирская — поэтесса. В «О. З.» ее стихотворения не печатались.

[2] Тертий Иванович Филиппов (1829—1899) — известный славянофильский публицист. В 1872—1878 гг. — временно управляющий ревизионной комиссии Государственного контроля.

<16>

С.-Петербург, 23 июля, понедельник <1873 г.>

Нынче утром, в редакции, получил я Ваше письмо, многоуважаемый Николай Алексеевич, и спешу Вам на него ответить. Книга Отеч<ественных> Зап<исок> Вам уже послана в Диепп [1]. Салтыков прислал часть повести Фелонова [2] и писал Скабичевскому, что к 1 августа доставит свой рассказ [3]. Полагаю, что этого будет достаточно для отдела беллетристики; но, впрочем, согласно Вашему желанию, я напишу Салтыкову, что Марион де Лорм [4] не будет, и, может быть, он найдет нужным прислать еще продолжение фелоновской повести. Стихов у меня на эту книжку пока нет; если напишется что-нибудь порядочное, то отдам в типографию, а пока

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ДЯДЮШКА ЯКОВ» В СБОРНИКЕ «РОДНЫЕ ОТГОЛОСКИ», 1875 г.

Гравюра Паннемакера по рисунку И. Панова

отданы две небольших переводных пьески, принесенных нынче, очень кстати, Вейнбергом [5], который теперь переселился сюда. Полонский тоже возвратился, но я его не видел еще. Меня все бомбардирует письмами Козлов [6]; я решительно не знаю, что отвечать ему о его стихах.

Теперь я должен сообщить Вам нечто, касающееся до меня, — и чем Вы, по всей вероятности, будете недовольны. Когда Вы поручили мне сделать извлечение из романа Зола [7], то размер этого извлечения был мне определен Салтыковым, сколько мне помнится, в 4 листа. А между тем, я вышел из этих рамок. Случилось это, во-первых, потому, что, работая в первый раз для Отеч. Зап. прозой, я не сообразил, сколько из моей рукописи выйдет в печати. Когда я отдал начало, Чижов [8] мне сказал, что это составит $^1/_2$ листа. Но когда набрали, оказалось лист с лишком, а продолжение было уже у меня готово. Кроме того, я несколько увлекся этой работой, которую делал с большим удовольствием. Множество мест показались мне так хороши, что их жаль было выкидывать; тем более, что в других журналах, где также сделано было извлечение, этих мест и подробностей не было. Я думал, что извлечение мое выиграет этим; я слышал от нескольких лиц неодобрительные отзывы об извлечении, сделанном в «Деле», и особенно в «Вестнике Европы», где так сжали и обесцветили роман, что вышла ужасная сушь и даже местами не совсем грамотная, хотя этот труд принадлежит г-же Энгельгард [9]. Когда моя статья оказалась слишком объемиста, я предложил Скабичевскому сократить ее в корректурах и готов был даже принять на себя излишний расход за набор, сделанный по моей вине. Но он был такого мнения, что этого делать не следует и что лучше разделить статью мою на две части, так как в августе оставалось по его соображениям место во 2-м отделе. На мое возражение, — что Вы можете быть недоволь-

ны тем, что в других журналах «Брюхо Парижа» кончено, он отвечал, что все равно наше извлечение опоздало; притом же у каждого журнала свои читатели; и, наконец, «Мидльмарч», который в «Деле» уже три месяца или четыре как кончен, а у нас все еще идет [10]. Находя, что эти доводы не лишены правды, я решился разделить свою статью. Об этом я писал и Салтыкову, который еще мне не отвечал. (В настоящую минуту конец уже напечатан, потому что 2-й отдел августовской книжки почти весь заготовлен). Мне, признаюсь, Николай Алексеевич, это обстоятельство самому неприятно. Я знаю, что оно может быть истолковано совсем не так, как я Вам объясняю. Вы можете подумать, что мной руководило желание заработать несколько лишних денег; и мне было бы весьма грустно, если бы впоследствии меня лишили подобной работы. В другой раз я буду более опытен. Переводил я много, но извлечений мне еще делать не приходилось; теперь же я с этим делом несколько освоился, и оно пойдет у меня скорей и легче. Я был бы благодарен, если бы редакция мне хоть простой перевод дала. Это бы мне служило большой подмогой при моих трудных обстоятельствах.

Будьте добры, Николай Алексеевич, напишите мне по получении О<теч.> З<ап.> — во-первых, как Вы найдете мою работу, — это для меня крайне важно — и, во-вторых, — сердитесь Вы на меня или нет за эту мою провинность? Меня очень тревожит этот вопрос. По окончании «Брюха» засел я за «Сарданапала», но идет он у меня довольно туго. С Байроном нельзя обращаться как с каким-нибудь немецким стихотворцем; и эта боязнь быть не довольно близким к подлиннику замедляет работу, заставляет относиться к своему труду крайне взыскательно. Притом же я никак не могу отдаться вполне этой работе. Три дня в неделе я бываю в городе, да и в остальные дни меня слишком часто отвлекают разные посторонние заботы.

Боборыкин начал высылать статью по поводу последней книги Луи Блана, под названием «Злоба дня» [11] (название статьи), но до приезда кого-нибудь из редакции едва ли Скабичевский решится ее пустить, по разным соображениям. Одну его статейку мы положительно не нашли возможным печатать.

Завтра уезжает за границу Краевский.

Затем будьте здоровы; желаю Вам от души всего хорошего. Зинаиде Николаевне от меня и от Катер<ины> Мих<айловны> усердный поклон. Ежели Анна Алексеевна [12] с Вами в Диеппе, то прошу Вас передать ей мое искреннее почтение. У Ераковых все благополучно. Ждут на-днях возвращения А<лександра> Н<иколаевича> [13]. Вероятно, Вы уже знаете, что Стасюлевичу дали второе предостережение [14], которое, как слышно, очень его сокрушает. Пожалуйста, напишите о чем я просил Вас.

Преданный Вам А. Плещеев

[1] Некрасов выехал за границу в середине июня 1873 г.; после пребывания в Киссингене он отправился через Париж в Диепп, куда прибыл в начале июля. Вернулся Некрасов в Петербург между 8 и 20 августа (Некрасов, V, 507, 509).

[2] Повесть П. И. Фелонова «Перед зарей» печаталась в «О. З.», 1873, VIII—IX (отд. изд. — СПб., 1873). Повесть была проредактирована Салтыковым и выслана им из Москвы 3 июля 1873 г. (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 275—276).

[3] Свой рассказ «Помпадур борьбы или проказы будущего» Салтыков доставил к 1 августа; он был помещен лишь в сентябрьской книжке (см. там же).

[4] «Марион де Лорм», драма Виктора Гюго, в переводе П. Кашина, была отложена печатанием до декабрьской книжки.

[5] Два стихотворения: «Избушка в лесу» из М. Гартмана (Moritz Hartmann, 1821—1872) и «Картинка» из Коппе (François Coppée, 1842—1908) в переводе П. И. Вейнберга помещены в августовской книжке. В 1868 г. П. И. Вейнберг получил назначение профессора русской литературы в Варшавском университете. Возвратился он в Петербург окончательно в конце 1873 г. или в начале 1874 г.

[6] Павел Алексеевич Козлов (1841—1891) — поэт и переводчик Байрона.

[7] В двух книжках «Отеч. Зап.» (1873, VII и VIII) были помещены сделанные Плещеевым извлечения из романа Золя «Брюхо Парижа» («Le ventre de Paris»).

[8] Чижов — метранпаж «Отеч. Зап.».

[9] Анна Николаевна Энгельгардт (1835—1903) — известная переводчица, дочь лексикографа Н. П. Макарова и жена публициста Александра Николаевича Энгельгардта.

[10] «Мидльмарч» (Middlemarch, 1873) — роман Дж. Элиот (George Eliot — псевдоним английской писательницы Mary An Cross, 1819—1880), печатавшийся в приложении к «О. З.» в переводе Анны Николаевны Энгельгардт, отредактированном Салтыковым.

[11] В октябрьской книжке «О. З.» за 1873 г. напечатана без подписи только первая часть статьи П. Д. Боборыкина «Политическая злоба дня (Louis Blanc: „Questions d'aujourd'hui et de demain")»; окончание ее так и не появилось. См. выше в письмах Боборыкина к Некрасову за 1873 г.

[12] Анна Алексеевна Буткевич — сестра Некрасова.

[13] Александр Николаевич Ераков — см. о нем выше, примеч. на стр. 30.

[14] Второе предостережение «Вестнику Европы» было объявлено за статью А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х гг.», где было сказано, что «осужденное в 1849 г. общество с преступными целями возникло будто бы вследствие мер самого правительства», а также за статью «Переделки судебных уставов», в которой было усмотрено «стремление к подрыву доверия к правительству и превратное толкование действий правительства, обнаруживающее явно вредное направление журнала».

<17>

<Петербург, до 2 июня 1875 г.>

Дорогой Николай Алексеевич,

Мне нужен Ваш совет, а может быть, и содействие Ваше. Будьте добры, ответьте на письмо мое вполне откровенно, чем докажете мне свое расположение.

Я хочу просить в Обществе литературного фонда пособия. Мне это до крайности тяжело, и я рад бы закабалить себя бог знает куда, лишь бы этого не делать, но положение мое таково, что мне не представляется другого исхода. В доме разорение, точно после какого погрома: что называется ни ложки, ни плошки, всего шесть стульев и три стакана; но это бы еще ничего: гостей я не принимаю; а беда в том, что у детей нет ничего; что старший сын в дни холода бегал в коротеньком пальто, рискуя схватить простуду, а у него и так уж был однажды плеврит; что за ученье дочери еще за истекшее полугодие не заплачено, а в январе придется опять платить за всех трех; что все, начиная с меня самого, совсем обносились. Словом, — если бы я стал пересчитывать нужды свои, то этому не было бы конца. Наступает праздник, т. е. такое время, когда представляется тысяча разных крупных и мелочных издержек, а у меня буквально нет хлеба насущного, ибо нынче я отдал на расход последний из тех 25 р., которые получил от Вас. Говорил я на-днях обо всем этом с Сувориным, единственным человеком, который давно знает меня и который относился всегда ко мне сердечно; и он-то именно посоветовал мне обратиться в фонд. Было еще предположение устроить вместе с Вейнбергом, также постоянно бедствующим, литературно-музыкальный вечер в свою пользу (без обозначения этого на афише, конечно). Это мы, может быть, и осуществим, имея возможность рассчитывать, между прочим, на содействие таких участников, как Антон Рубинштейн и Давыдов. Но до нового года этого сделать положительно нельзя. (Минаев такие вечера устраивает в клубе; да и вообще я тут постыдного ничего не вижу; и многие из пишущей братии того же мнения). Но вот в чем дело, Николай Алексеевич. Я получил из фонда пособие довольно крупное два-три года назад, и мне могут теперь не дать; тем более, что в Комитете, кроме Вас да еще, разве, Гаевского (и то последнее очень сомнительно), никто, я полагаю, сочувственно ко мне не отнесется. Права мои на столь частые пособия, конечно, очень спорные, если мери-

лом брать здесь дарование и заслуги литературные. Но мне кажется, что в этом случае фонд должен руководствоваться не столько этим, сколько действительной нуждой человека. Но здесь опять представляется следующее: прописывать в своем прошении то, что я высказал в начале своего письма к Вам, очень уж тяжело, зная, что обращаешься к Стасюлевичам, Краевским, Гайдебуровым и Ефремовым... А если ограничиться общими выражениями, то это почти наверное итти на отказ — всегда унизительный. Комитет даст, пожалуй, и тысячу иной раз, — но для этого нужно, чтобы он мог ощупать пальцами бедствие человека, т. е. чтобы его хватил паралич, чтобы кто-нибудь из его близких умер или чтоб он погорел. А тут пойдет «судебное следствие» как, да почему, да кто виной тому и т. д. Так, это какой-нибудь Стасюлевич полезет в душу твою грязным пальцем копаться. Вы, может быть, возразите, что когда есть нечего, то нужно всякие деликатности в стороне оставить. Так-то оно так, но все же хотелось бы поломать голову — нельзя ли избежать этого. Ради бога, дайте совет, и вообще скажите Ваше мнение, считаете ли Вы возможным, чтоб мне дали пособие; и также на чье имя, в таком случае, мне писать. Я должен еще вот что прибавить, что я употреблю все силы и старания эти деньги, которые бы мне дали, возвратить фонду (не обязываясь формально) месяца через два; если бы состоялось наше предположение дать вечер или если бы мне удалось продать повесть, которая пишется и которую я надеюсь в январе, в конце, кончить. (Если Вам она не понравится, я ее постараюсь сбыть для фельетона Полетике [1], у которого, мимоходом скажу, — положение мое также становится очень тяжелым и натянутым, почему, объясню Вам когда-нибудь лично). Об этом моем непременном намерении возвратить фонду деньги Вы бы могли на словах упомянуть, когда речь будет итти обо мне, как о слышанном Вами от меня. И я даю Вам честное слово, что я бы это сделал. Теперь о самом размере пособия, которое я хочу просить. Разумеется, если я решаюсь обратиться в фонд, несмотря на то, что мне это почти так же легко, как итти с листом просить на бедность, — то не за тем, чтобы получить оттуда пятьдесят рублей, которые были бы мне бесполезны. Я намерен просить 300 р. Остается узнать, есть ли хоть какая возможность рассчитывать на то, что их дадут. Сделайте милость, добрейший Николай Алексеевич, ответьте мне категорически на все мои вопросы, которые я резюмирую так: 1) разрешаете ли Вы обратиться в фонд, 2) на чье имя, 3) прописывать ли нужды свои подробно, 4) могу ли я рассчитывать на получение 300 р. и 5) на Ваше содействие в Комитете, ибо если Вы не приедете, то мне и соваться нечего [2].

Вот уже три месяца, если не больше, как я существую со дня на день, не получая ниоткуда, кроме Отеч<ественных> Зап<исок>, сидя за грошевой работой. Согласитесь, что на 75 р. в месяц с пятерыми ребятами не просуществуешь. В 50 лет особенно такого рода существование трудновато. Я сам порой дивлюсь своей выносливости. Другой бы на моем месте, — будучи поставлен в необходимость занимать каждый день по 3 и по 5 р., давно бы издох, если бы не повесился.

Жду Вашего ответа.

Ваш А. Плещеев

[1] В газ. «Биржевые Ведомости», издателем-редактором которой был В. А. Полетика, Плещеев сотрудничал с 1874 г., помещая в ней свои фельетоны, переводы и компиляции. Ср. ниже (стр. 485—488) письмо А. М. Скабичевского к Н. К. Михайловскому от 10 февраля 1878 г.

[2] Относительно ходатайства Плещеева о пособии из Лит. фонда — см. примеч. к следующему письму.

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. Н. ПЛЕЩЕЕВА К Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ, С НАДПИСЬЮ НЕКРАСОВА (СВЕРХУ), АДРЕСОВАННОЙ Ип. А. ПАНАЕВУ. СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ 1860 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

<18>

<Петербург, 2 июня 1875 г.>

Благодарю Вас, добрейший Николай Алексеевич, за ответ и за готовность помочь мне [1]. Я не имею ничего против того, чтоб Вы переговорили с Гаевским; но только я в одном месте своего письма выразил сомнение относительно его сочувствия, — не оскорбится ли он моими словами? Во всяком случае, я надеюсь, что относительно всего остального в моем письме я могу рассчитывать на молчание с его стороны?

Как Вы с ним решите — так пусть и будет. В случае если б он отсоветовал или если бы просьба моя потерпела неудачу — я, разумеется, буду Вам несказанно благодарен за выдачу мне двухмесячного жалованья. В Вас-то я никогда не сомневался.

Ваш А. Плещеев

P. S. Часов в 6 я пришлю к Вам за ответом. Не откажите тогда сообщить о результате переговоров с Г<аевским>.

[1] Ответ Некрасова см. в двух записках его к Плещееву от 2. VI. 1875 г., опубликованных выше, на стр. 68 настоящего тома.

Некрасов переслал предшествующее письмо Плещеева к В. П. Гаевскому, на имя которого было написано прошение Плещеева, с собственной запиской: «С разрешения Плещеева посылаю Вам его письмо ко мне. Скажите, что Вы думаете, и возвратите письмо. К 6-ти он хотел прислать за ответом». Смысл этой записки до опубликования настоящих писем Плещеева установить не удавалось. Гаевский выразил сомнение относительно возможности успеха в Фонде. Комитет Фонда рассматривал ходатайство Плещеева в заседании от 3 июня 1875 г. и постановил отказать в ссуде «за силою параграфа 3-го» — то есть за отсутствием достаточного числа поручителей.

<19>

<Середина июля 1876 г.>[1]

Добрейший Николай Алексеевич.

Нынче приезжал нарочно с дачи, чтобы повидать Вас. Нужно бы было поговорить о некоторых вещах. Меня беспокоит то, что Вы не приехали. Не хуже ли Вам сделалось? А. М. Скабичевский тоже ждал Вас. Пожалуйста, как приедете — телеграфируйте мне, в какое бы то ни было время. Я приеду сейчас. Поезда ходят очень часто. Адрес: Павловск, Конюшенная, дом 65, Абрамсона.

Очень хочется Вас видеть.

Ваш А. Плещеев

[1] Датируется по связи с последующим письмом (ср.: Ашукин, 480).

<20>

19 июля <1876 г.>

Узнав о Вашем прибытии и не дожидаясь от Вас извещения, я в среду опять поехал в Петерб<ург>, чтобы видеть Вас, но опоздал: Вы только что уехали в Чудово. А между тем, очень многое нужно было сообщить Вам.

Елисеев оставил мне статьи для августа и сентября. Список их у меня внесен в книгу. Но что именно пойдет в августе, что останется на сентябрь, я не знаю [1]. Салтыков прислал нынче «Экскурсии» с дополнениями [2]. Корректуры велел отправить к Вам. Если Вы не найдете возможным ходатайствовать о напечатании их, то к 10 августа он постарается выслать другое (Иудушку), но только не наверное. Говорит, что это может и замедлиться [3]. Нынче в Отеч<ественных> Зап<исках> цензура вырезала всю повесть «Тесная рамка» [4] и № вышел без беллетристики. Тоже весь из статей Мордовцева [5]. На будущую книжку тоже нет беллетристики. Но одним неизвестным автором доставлена повесть «Страницы из жизни Оптимиста», которую Михайловский очень одобряет. Не распорядитесь ли пустить ее?

Гербель приносил перевод своей поэмы Байрона «Остров» [6]. Что с ней делать?

Еще несколько раз приходили от Стремоухова справиться о какой-то статье, доставленной Вам лично: «Беда от самого себя», быль из среднеазиатской жизни [7]. У меня в книгу она не была вписана.

Прилагаю письмо, полученное на Ваше имя, но вскрытое в конторе.

Успенский пишет Михайловскому, что Курочкин выехал из Парижа в Петербург.

Не дадите ли мне в контору записочку на жалованье за июль? (за июнь я не дополучил также 15 р.), чем много бы меня обязали.

Михайловский со Скабичевским сами собираются к Вам на-днях съездить за инструкциями. А то у нас анархия. Может быть, и я к ним присоединюсь. Только уж не много ли нас будет? Впрочем, это на несколько часов.

До свидания. Крепко жму Вашу руку. Салтыков одно письмо написал мне очень неутешительное. Опять болен; хандрит и жалуется на стеснение в груди. Но затем было письмо менее грустное [8].

Весь Ваш А. Плещеев

[1] По отделу публицистики, которым ведал Г. З. Елисеев, в августовской и сентябрьской книжках были напечатаны анонимно след. статьи: в «О. З.», 1876, VIII — «Современная мания к путешествиям» (Н. Ядринцева), «Босния и Герцоговина во время восстания» (В. Тимирязева), «От С.-Петербургского славянского благотворительного комитета»; в «О. З.», 1876, IX—«Воевать или не воевать» (Г. Елисеева?), «Десятилетие русского земства» (Д. Мордовцева), «Из мира науки» (Н. Михайловского), «О Щапове» (Г. Елисеева), «Недобитый народ» и «Конгресс ориенталистов в Петербурге».

[2] Речь идет о IV главе щедринского цикла «Экскурсии в область умеренности и аккуратности», начатой печатанием еще два года назад («О. З.», 1874, IX—X). Глава эта, содержащая образ «Молчалина-журналиста» и сатирическую картину его редакторской работы, появилась в «О. З.», 1876, IX. Напечатанию ее предшествовало нашумевшее свидание Салтыкова с начальником Главн. управл. по делам печати В. В. Григорьевым. См. выше в письме Елисеева к Некрасову от 27. IX. 1876 г. и в письме Салтыкова к Некрасову от 3. IX. 1876 г. (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIX, 69—70).

[3] «Иудушка» — глава «Выморочный» из «Господ Головлевых», напеч. в «О. З.», 1876, VIII.

[4] Вторую часть повести, так как первая была напечатана в «О. З.», 1876, VI. Автор повести «Тесная рамка» неизвестен. В начале июня 1876 г. Салтыков писал Некрасову: «Посылаю Вам ... 5 рукописей (в том числе и Языковскую); из них „Тесная рамка" — положительно чистая повесть, которую можно будет летом в 2 №№ поместить под условием немногих сокращений. Но я не знаю происхождения этой повести. Нет ли в редакции письма, из которого можно видеть адрес автора. Во всяком случае, задержите рукопись» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XIX, 65).

[5] Статьи Д. Л. Мордовцева, напечатанные в кн. VII «О. З.» за 1876 г.: «Петербург как центр рабочего тяготения», «Десятилетие русского земства» и «На всенародную свечу».

[6] «Остров» Байрона в переводе Н. В. Гербеля в «Отеч. Зап.» напечатан не был. См. выше в письмах Гербеля к Некрасову от 10. VII и 14. VIII. 1876 г.

[7] Повесть Стремоухова в «Отеч. Зап.» не появлялась.

[8] Эти письма Салтыкова (находившегося в Витеневе) в печати неизвестны.

⟨21⟩

⟨Петербург, 1872—1877 гг.⟩ [1]

Крепкое Вам спасибо, голубчик Николай Алексеевич, за доброе слово. Я уж от добрых задушевных слов давно отвык, посреди всяческих унижений и оскорблений. От всей души жму Вашу руку. А что касается до фразы, вырвавшейся у Вас, то я на нее и тогда не сердился — хотя и был огорчен. Я понимаю, что у нервного человека в дурную минуту может подчас вырваться слово, о котором он и сам после жалеет. Сколько раз случалось и мне самому огорчать самых близких и дорогих мне неосторожным словом! Все подлая жизнь портит человека!

Ваш весь А. Плещеев

[1] Письмо, несомненно, относится к петербургскому периоду жизни Плещеева, т. е. к 1872—1877 гг. и скорее к началу его. Более точная датировка затруднительна.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО А. Н. ПЛЕЩЕЕВА к Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Связь Плещеева с «Современником» в 60-е годы осуществлялась в первую очередь через Добролюбова (см. публикацию В. Н. Калитина в «Русской Мысли», 1913, I, 131—150) и Чернышевского. «Еще находясь в ссылке, — вспоминал Плещеев в письме к А. Н. Пыпину в октябре 1889 г., — и прочитав в „Современнике" „Очерки литературы гоголевского периода" и другие статьи Ник<олая> Гавр<иловича>, я почувствовал к нему бесконечное уважение и симпатию. Возвратясь в 1859 г. <!> в Петерб<ург>, я вскоре же познакомился с ним через Н. А. Некрасова. Помню, с каким искренним сочувствием он отнесся ко мне и какое обаятельное впечатление произвела на меня его беседа, его ум, его простота и сердечность...Никогда я не работал так много и с такой любовью, как в эту пору, когда вся моя литературная деятельность отдана была почти исключительно тому журналу, которым руководил Н<иколай> Г<аврилович> и идеалы которого были и навсегда остались моими идеалами. Сколько хороших, незабываемых вечеров проводил я у него» (Сб.: «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1926, 155).

Горячие симпатии Плещеева к Чернышевскому обнаруживаются не только в том восторге, с каким встречает он каждую новую статью критика, но и в суждениях его по основным вопросам общественной жизни 60-х годов. Оценка крестьянской реформы 1861 г., отношение к либералам («надо бить этих крепостников под маской либералов»), отзывы о так называемой обличительной литературе и т. п. — во всех этих вопросах Плещеев часто повторяет в это время слова и оценки Чернышевского (см. письма Плещеева к Е. И. Барановскому, — Сб. «Шестидесятые годы», М.—Л., 1940, 453—468).

В 1863 г. Плещеев привлекался по делу Чернышевского как предполагаемый адресат известного «письма к Алексею Николаевичу», сфабрикованного Вс. Костомаровым. Хотя ни очная ставка с Костомаровым, ни обыск у Плещеева в 1863 г. не дали никаких материалов для привлечения его к судебной ответственности, тем не менее достойно внимания, что именно Плещеев был избран провокаторами из III Отделения в качестве адресата столь важной в их глазах фальшивки.

Письмо Плещеева к Чернышевскому было передано последним Некрасову, как это явствует из надписи поэта на документе. Некрасов со своей стороны передал письмо И. А. Панаеву, к которому и обращена эта надпись.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (5052 XXVIб144). См. его воспроизведение на стр. 459.

<Москва, сентябрь — октябрь 1860 г.>

Уважаемый и дорогой Николай Гаврилович. Благодарю вас крепко, что не поленились отписать мне обо всем подробно.— Я передал Козлову и Лопатину относительно их статей. Лопатин будет, кажется, сам писать к вам [1]. Если помарки в статье его будут незначительны, я полагаю, что он на них согласится; впрочем — тогда спишитесь. Человек он превосходный; с убеждением, но без малейших претензий или мелочного самолюбия.

Что касается до моей статьи о Курье, то делайте из нее все, что вам заблагорассудится [2]. Жаль мне только, что самое-то существенное в ней погибнет. Не больно ли уж она выйдет бесцветна? Я вполне полагаюсь на Вас, Николай Гаврилович, лишь бы исправление моей статьи не отняло у вас много времени.

Вы мне не сообщили ничего по поводу одного пункта, именно — денег за стихи [3]. Если это вас не затрудняет, то будьте добры напомните Некрасову. Я теперь живу со дня на день. Такие обстоятельства подошли. Да еще вот напасть какая: глаза стали болеть. А хуже этой болезни для человека нашей профессии — ничего не придумаешь.

Еще имею к вам два поручения. Брат того Соколова, о котором я писал к вам, издал краткий учебник Вебера. Он просит, нельзя ли сказать о нем словечко в Современнике. Учебник, кажется, не дурной [4]. Потом — пишет ко мне Федоров [5] следующее. Он взял в Современнике вперед 200 руб.,

после чего напечатаны там две его комедии: «Две жены» (2 листа без четверти) и «Не все коту масленница» ($3^1/_2$ листа). Теперь он считает за Современником 75 руб. и просит нельзя ли 50 руб. ему выслать (пожалуй, хоть через меня — я могу получить от Базунова по записке редакторов); а с остальными 25 руб. распорядиться так: 15 рублей отдать в пользу фонда и предложить его в члены оного; если его изберут, то внести туда и остальные 10 руб. как ежегодный взнос. Он спрашивал у меня совета, куда обратиться, и я отвечал, что напишу об этом вам. Уведомьте — в какой степени возможно исполнение его требований. Много благодарен я вам за Соколова, мой дорогой Николай Гаврилович. Только, мне кажется, ему отказали по недоразумению. Говорят, он получает 300 руб. от университета. Но он затем и просил денег чтобы избавиться от этого вспомоществования — и не получать его. Впрочем, дела его принимают хороший оборот вследствие перемещения сюда журнала Чумикова «Воспитание», где ему предложили быть помощником редактора за очень хорошее вознаграждение — могущее его вполне обеспечить [6].

Не сердитесь на меня, что я вам все докучаю просьбами, и верьте моей искренней, глубокой преданности.

Ваш всей душой
А. Плещеев

P. S. Пожалуйста, кланяйтесь Добролюбову, когда будете ему писать. Как его здоровье? Что за превосходную статью написал он о Марке Вовчке! [7]

Рукою Некрасова: Прошу сделать счет г. Федорова и выслать ему остальные деньги (в Москву, на имя Плещеева), не принимая обязанности хлопотать о внесении его в члены и пр.

Н. Некрасов

[1] В «Совр.» (1860, XI) появилась статья Козлова «Новое имя в русских художествах». За подписью Лопатина (вероятно, Дмитрия, художественного критика 60-х годов) в ближайших №№ журнала статьи не появлялись. Письма Лопатина к Чернышевскому неизвестны.

[2] Статья Плещеева «Поль Луи Курье, его жизнь и сочинения» напечатана в «Совр.», 1860, XI, 251—278.

[3] Повидимому, речь идет о гонораре за стихотворения из М. Гартмана — «Маневельтова неделя», «Пиреней», «Лампа», напечатанные в «Совр.», 1860, IX.

[4] «Тот Соколов» — Дмитрий Васильевич Соколов (1834—1861), — сотрудник педагогического «Журнала для воспитания» Чумикова. Его брат — Н. В. Соколов. «Краткий учебник всеобщей истории» Вебера в переводе Н. Соколова (чч. I и II) вышел в свет в 1859—1860 гг. Статьи или рецензии об этом издании в «Совр.» не появлялись. Упоминаемое письмо Плещеева к Чернышевскому о Соколове неизвестно.

[5] Степан Николаевич Федоров, оренбургский знакомый Плещеева, см. о нем выше, примеч. 4-е на стр. 443—444. В члены Литературного фонда он не был принят.

[6] Речь идет о том же Д. В. Соколове. На заседании Комитета Лит. фонда от 23 сентября 1860 г. слушалось прошение Соколова о выдаче ссуды. Комитет решил отказать ему на том основании, что он получает вспомоществование от Университета. Может быть, ходатайство Соколова было передано через Чернышевского как члена Комитета Лит. фонда.

[7] Статья Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья (по поводу рассказов Марка Вовчка)» напечатана в «Совр.», 1860, IX.

А. Ф. ПОГОССКИЙ

Александр Фомич Погосский (1816—1874) — писатель, журналист и общественный деятель демократического лагеря. Издавал журналы «Солдатская беседа» и «Народная беседа». В начале 60-х годов был близок к тайному обществу «Земля и Воля». Дружеский тон публикуемого письма свидетельствует о добрых отношениях между Погосским и Некрасовым. Приступая к сильно интересовавшему его изданию «Красных книжек», предназначенных к распространению среди читателей из народа, Некрасов привлек к изданию и Погосского; рассказ последнего «Наум Сорокодум» был напечатан (под псевдонимом А. Фомич) во второй из «Красных книжек» 1863 г. (см. письмо Некрасова к Погосскому. — Некрасов, V, 351—352). В «Современнике» Погосский напечатал лишь рассказ «Темник» (1859, VIII); в «Отеч. Зап.» ничего за его подписью не появлялось.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 74).

⟨Не ранее 23 — не позже 31 марта 1874 г.⟩ [1]

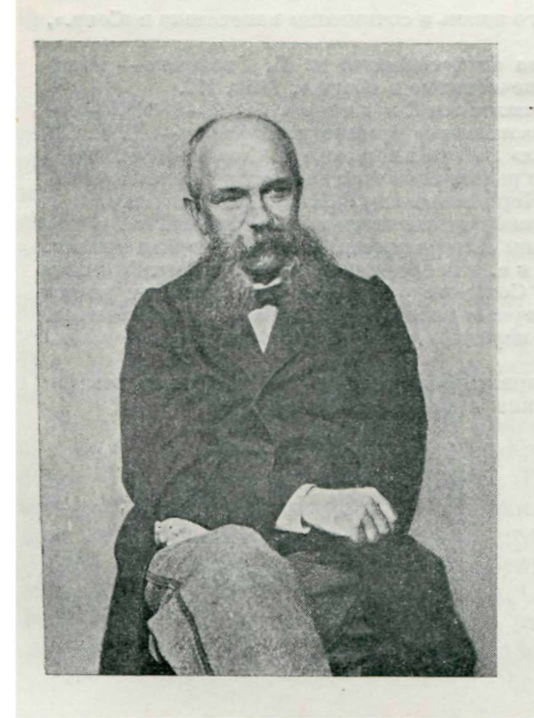
Уважаемый Николай Алексеевич, одобрите ли Вы мысль, не то, чтобы непременно «снять с голого сорочку», а дать по экземпляру «Складчины» всем участникам составления ее. Это для того, что, во-первых, даром — приятно, а, во-вторых, все мы сорок [2] (мучеников) надписали бы взаимно каждый экземпляр, — что в некотором смысле назидательно для потомства. В-третьих, стоило бы всем хлебодарам поесть вместе, т. е. где-нибудь в кабачке пообедать. Да поскорей бы, на Святой — пока еще не обруганы, чего имеем право ожидать.

А впрочем, брань на вороту не виснет, а иногда еще помогает аппетиту.

С искренним уважением преданный Вам

А. Погосский

Да взаимно бы и с художниками [3] поменяться — скорей разойдутся оба издания.

А. Ф. ПОГОССКИЙ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

СОСНА У БЫВШЕГО КЛАДБИЩА ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ (СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ) БЛИЗ УСАДЬБЫ ОТЦА НЕКРАСОВА В ГРЕШНЕВЕ. ВДАЛИ СЕЛО ТИМОХИНО, УПОМЯНУТОЕ В ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

[1] Terminus ante quem письма — выходные данные «Складчины»: ценз. разр. сборника — 25 марта 1874 г., первое объявление о выходе в свет появилось в четверг 28 марта («Голос», 1874, № 87: «28 марта, в час пополудни, поступил в продажу литературный сборник „Складчина", составленный...» и т. д.). Однако собрание участников «Складчины» для заслушания отчета состоялось еще 23 марта, но среди присутствовавших Погосского не было (см.: «Русская Старина», 1875, IV, приложение 1). Terminus post quem письма — упоминание о предстоящей пасхальной неделе («святой»). В 1874 г. она началась 31 марта.

[2] В «Складчине» приняло участие не сорок, а сорок восемь литераторов. Сам Погосский напечатал там очерк «Из заметок проезжего» (стр. 163—215).

[3] Художники, как известно, с своей стороны, откликнулись на самарский голод, выпустив позже особый сборник-альбом, также под заглавием «Складчина» (СПб., типография А. М. Котомина, 1875).

Н. Г. ПОМЯЛОВСКИЙ

Первую свою повесть, «Мещанское счастье», Николай Герасимович Помяловский (1835—1863) поместил в «Современнике» в 1861 г.

Высоко оценив это произведение молодого писателя и угадав в Помяловском сильное художественное дарование, Некрасов предложил ему постоянно работать в «Современнике» и создал для этого необходимые материальные условия.

Гонорар, полученный Помяловским за две повести, напечатанные в 1861 г., и 550 руб., взятые им в редакции в счет будущих произведений, дали ему возможность впервые за всю его трудную, полунищенскую жизнь взяться за литературно-творческую работу в более или менее нормальных условиях. С марта 1862 г. Помяловский стал получать в «Современнике» ежемесячные субсидии в 60 руб., а с сентября того же года — по 75 руб. (Некрасов, V, 377).

До самой смерти Помяловский был окружен вниманием и помощью Некрасова. Ничего не напечатав в «Современнике» в 1862 г., Помяловский все же получил из конторы журнала 780 руб. В 1863 г. он продолжал получать ежемесячно по 75 руб. и, кроме того, по распоряжению Некрасова ему было сделано несколько единовременных выдач.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 75).

<1>

<18 февраля 1863 г.>

Николай Алексеевич!

У меня очерк из бурсацкой жизни, под заглавием «Женихи в бурсе»[1], — окончен.

Только дело в том, что я приглашен на литературное чтение третьего марта, вследствие чего я должен был отдать свой очерк для цензурного просмотра Делянову[2].

Очерк возвратят мне не ранее четырех или пяти дней, — он, после того, будет передан Вам.

Вполне преданный Вам

Н. Помяловский[3]

1863 февр<аля> 18.

[1] Третий очерк из цикла «Очерки бурсы» напечатан в «Совр.», 1863, IV, под заглавием «Женихи бурсы».

[2] Согласно «Правилам о литературных чтениях в С.-Петербурге», Помяловский должен был отдать свой очерк для цензурного просмотра Ивану Давыдовичу Делянову, бывшему в то время попечителем С.-Петербургского учебного округа.

[3] Ответ Некрасова на это письмо см. Некрасов, V, 385.

<2>

<3 апреля 1863 г.>

Добрейший Николай Алексеевич!

Студенты, сообщившие мне о выдаче из литер<атурного> фонда денег для излечения моей особы, ошиблись. Дело шло о г. Щапове[1], который лежит тоже у Боткина. Извините, что беспокоил Вас напрасно.

Вполне преданный Вам

Помяловский

1863 г. Апрель 3

P. S. Нельзя ли прислать мне за апрель, из 75, за исключением 30 р., 45 р. денег. А я Вам пришлю еще очерк[2].

Деньги можете отправить к Симеону[3].

На обороте рукою Некрасова: Состоящему по поручениям при Выс. Учр. Комиссии Ротмистру Бабушкину, в III Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярии[4].

[1] В конце марта 1863 г. Помяловский обращался к Некрасову с просьбой выхлопотать из Лит. фонда деньги на лечение. В те же дни состоялось решение Лит. фонда о выдаче 200 р. Афанасию Прокофьевичу Щапову.

Н. Г. ПОМЯЛОВСКИЙ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

[2] Речь идет, несомненно, о четвертом очерке, напечатанном в «Совр.» (1863, VII) под заглавием «Бегуны и спасенные бурсы».

[3] Кто такой «Симеон» — установить не удалось.

[4] Надпись Некрасова сделана на обороте письма Помяловского несомненно случайно. С содержанием письма она не связана. Повидимому, эта памятная запись должностного наименования лица, при посредстве которого Некрасов общался или намеревался общаться с находившимся в заключении Чернышевским. Из справки, наведенной в архивных делах III Отделения, явствует, что ротмистр Бабушкин «состоял по поручениям» при высочайше учрежденной 16 мая 1862 г. следственной комиссии под председательством кн. А. Ф. Голицына. Комиссия была учреждена Александром II по предложению шефа жандармов В. А. Долгорукова для расследования революционного движения в стране и проведения «чрезвычайных мер борьбы с усиливающейся дерзостью злоумышленников». Жертвами деятельности этой комиссии явились, как известно, Чернышевский, Обручев, Серно-Соловьевич и др. В обязанности ротмистра Бабушкина входило, в частности, получение писем и денег, поступавших на имя лиц, арестованных по указанию комиссии. Бабушкин посещал арестованных революционеров в местах их заключения, оформлял (на свое имя) их доверенности на почтово-денежных повестках и, получая затем письма и деньги, сдавал полученное на рассмотрение в комиссию. В июле 1863 г. Бабушкину пришлось давать объяснения III Отделению по поводу поступившего туда доноса некоего Жукова. В доносе утверждалось, что Бабушкин, злоупотребляя своими служебными обязанностями, неофициально передавал заключенным, в частности, подсудимому Цветкову, какие-то письма и деньги, не прошедшие через контроль следственной комиссии (ЦГИА — Ф. III Отд., 1 Экспед., № 230, ч. 89: «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний. О бывшем студенте Ольшевском». Начато 20 июля 1862 г., лл. 19—19 об.).

Надпись сделана Некрасовым на письме, датированном 3-м апреля и, значит, полученном им, вероятно, на другой день, 4-го апреля. Эта дата позволяет предположить наличие какой-то связи между записью Некрасова и фактом получения им и А. Н. Пыпиным письма от Чернышевского с тою же датой 4-е апреля 1863 г., приложенного при посылке из Петропавловской крепости последних глав романа «Что делать?» («Н. Чернышевский. Литературное наследие», III, 560—561). Возможно, Бабушкин являлся одним из посредников в сношениях Некрасова и редакции «Современника» с заключенным Чернышевским.

А. А. ПОТЕХИН

Известный беллетрист и драматург Алексей Антипович Потехин (1828—1908) начал свою литературную деятельность с помещения в «Современнике» 1852 г. повести «Забавы и удовольствия в городке». И в последующие годы ряд своих произведений Потехин напечатал в некрасовском журнале: в 1859 г. очерк «Река Керженец» и комедию «Новейший оракул», в 1865 г. комедию «Отрезанный ломоть». Тем не менее постоянным сотрудником «Современника» Потехин не стал.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, он. 2, № 76 и Ф. 627, оп. 31, № 1).

‹1›

‹7 августа 1860 г.›

Милостивый государь,
Николай Алексеевич!

Наконец, жизнь деревенская мне окончательно надоела: нынешнею осенью я имею решительное намерение перебраться в Петербург на постоянное житье. Помнится, в третьем году, Вы приглашали меня быть постоянным сотрудником Современника для каких-нибудь определенных работ по журналу. Теперь, если хотите, я к Вашим услугам. Уведомьте меня, пожалуйста: будет ли мне место при Вашем журнале, какой работы Вы потребовали бы от меня и какое вознаграждение можете дать мне в год или помесячно. Мне кажется, я мог бы заниматься рецензиями некоторых книг, составлением обозрений провинциальных известий, просмотром статей, доставленных в редакцию (если доверите моему такту и вкусу), даже готов держать корректуру и т. п. Само собою разумеется, что мои необязательные литературные труды принадлежали бы Вашему же журналу, но по добровольному соглашению о вознаграждении. Известите меня, пожалуйста, поскорее и решительно: можете Вы мне дать работу или нет, и если да, то за какое вознаграждение. В случае отказа с Вашей стороны я предложу свои услуги другим журналам, ибо ехать в Петербург на житье, не имея в виду ничего определенного — страшно; приехать на время с тем, чтобы потом опять возвращаться домой для окончательного перемещения со всей семьей — нерасчетливо во всех отношениях. В сентябре или октябре я должен быть в Петербурге и потому прошу Вас ответить мне поскорее и определеннее. Вторая часть моего романа приходит к концу: я его привезу с собою, чтобы осенью начать печатанье[1]. Много бы одолжили меня, еслиб прислали мне деньги на подъем, как говорится, хоть бы рублей 300. Во всяком случае, до свидания, если буду жив и здоров. Истинно Вас уважающий и преданный

Алексей Потехин

7 августа 1860 г.

[1] Ответного письма Некрасова Потехину мы не знаем, но можно предполагать, что Некрасов отклонил его предложение. Из рецензии Добролюбова на комедию Потехина «Мишура» («Совр.», 1858, VIII) видно, что автор ее отнюдь не воспринимался руководящим кружком «Совр.» как идеологически близкий писатель. Роман, о котором говорит Потехин, по всей вероятности, «Бедные дворяне». Уже тот факт, что этот роман был напечатан не в «Совр.», а в «Библиотеке для Чтения» (1861, II—VI), весьма показателен.

‹2›

‹Москва, 15 августа 1862 г.›

Милостивый государь,
Николай Алексеевич,

Для взаимной выгоды Вашей и владельцев Карабихи, усердно и убедительно прошу Вас: совершите купчую крепость на нее в сентябре месяце, когда будете в Петербурге. Теперь все запрещения с имений сняты и за-

труднений никаких не предвидится, а к декабрю неизвестно еще что будет. Конечно, мы больше пострадаем, если не удастся совершить купчей в декабре месяце, но и для Вас, полагаю, это не будет приятно. Между тем, совершая купчую в сентябре, Вы ничего не теряете, кроме ничтожной суммы процентов за два месяца с того капитала, который должны доплатить по купчей. Деньги, нужные Вам теперь для покупки хлеба, не возвратятся к Вам в руки до декабря, следовательно, Вы будете платить по купчей не ими, и эти два расхода один от другого не зависят [1]. Если Вы будете столько добры, что примете в уважение мою просьбу и решитесь ее исполнить, то предуведомьте Н. П. Игнатьева, в Петербурге, на Мойке, в д⟨оме⟩ Министерства иностран⟨ных⟩ дел [2] о том, на которое число Вы намерены прибыть в Петербург для совершения купчей крепости и в то же время почтите меня уведомлением. Может быть, и я к тому времени успею возвратиться из Могилевской губ., куда теперь еду. Во всяком случае, Вы будете теперь иметь дело не с Толстым, а с Николаем Павловичем Игнатьевым, человеком, как Вам известно, весьма хорошим.

Адрес мой: в Москву, на Воздвиженке, в Ваганьковском переулке, д. кн. Голицыной, № 118.

Позвольте надеяться, что Вы не откажете мне в ответе и верьте моему глубочайшему к Вам уважению и преданности.

Ваш покорный слуга

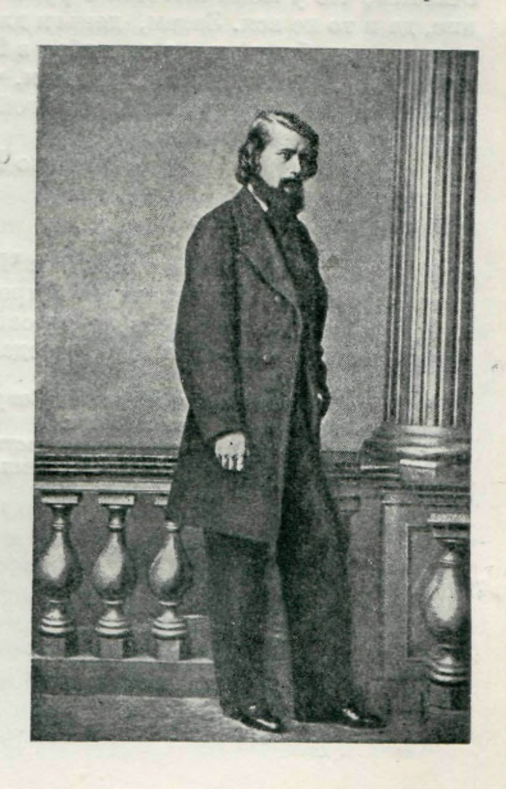
Алексей Потехин

15 августа 1862 г.

Москва

[1] Карабиха принадлежала кн. А. М. Голицыной и ее дочери Е. Л. Игнатьевой. В это время (с конца 50-х годов) Потехин состоял управляющим имением.

Письмо Потехина и ответное письмо Некрасова (см. ниже) относятся ко времени покупки Некрасовым имения Карабиха. Поиски подходящего для летней жизни места, которое можно было бы приобрести в собственность, Некрасов начал еще в среди-

А. А. ПОТЕХИН

Фотография 1860-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

не 1861 г. (см. напр., письмо к отцу от 16 апреля 1861 г. — Некрасов, V, 365). Покупка Карабихи относится к самому концу 1861 г. 7 декабря Некрасов писал отцу: «Я купил Карабиху, купчую нельзя сделать ранее мая <1862 г.>; теперь же имеется контракт... Заплатил я дорого, но не жалею, потому что покупаю не для дохода, а для собственного проживания летом» (Некрасов, V, 371).

Арендный контракт был составлен на имя брата поэта — Федора Некрасова с обязательством заключить купчую 15 мая; потом по обоюдному соглашению этот срок был перенесен на 15 декабря: однако, повидимому, из-за материальных затруднений, купчая крепость не была совершена и в этот срок, и после переговоров с владельцами Некрасов получил новую отсрочку. В результате переговоров было условлено заключить купчую в конце ноября или начале декабря 1862 г. Однако 26 ноября Некрасов был вызван к умирающему отцу, и затем последовали новые формальные затруднения (см. письмо к Ф. А. Некрасову от 16 января 1863 г. — Некрасов, V, 384).

Окончательное оформление купчей на имя Н. А. Некрасова состоялось лишь 21 марта 1863 г. Текст купчей крепости см. в газете «Северный Край» (Ярославль), 1902, 4 декабря, № 319 в статье В. Михеева — «К Некрасовским дням». Имение обошлось Некрасову в 38 500 р.

[2] Николай Павлович Игнатьев (1832—1908) — известный дипломат и государственный деятель, состоял в это время директором азиатского департамента министерства иностранных дел.

<3>

НЕКРАСОВ — ПОТЕХИНУ

<Карабиха, 20 августа 1862 г.>

Добрейший Алексей Антипович, очень мне жаль, что Вы не сказали мне положительно о желании Вашем совершить купчую в сентябре — в Карабихе, — я бы Вам показал два документа, по которым получение (приходившееся в мае) я отсрочил до декабря, именно имея в виду, что купчей ранее заключить нельзя. Впрочем, документы эти налицо, и Вы их увидите.

Итак, желания Вашего исполнить теперь не могу. Мои деньги так рассчитаны, что у меня имеется в руках только сумма, нужная на винокурение, да и то не вся. Затем, деньги для Вас получу в ноябре. При этом еще и то вопрос, буду ли я в сентябре в Петербурге, ибо в журнально-цензурном мире творятся такие мерзости, что мне сильно претит всякая мысль о возобновлении журнала [1], а другой причины торопиться в Петербург я не имею. Будьте здоровы.

Душевно Вам преданный
Н. Некрасов

20 авг<уста> Карабиха

20 десятин лесу, прилегающих к Чернобаеву [2], как только Вы уехали, — тотчас же начали подвергаться истреблению со стороны Валяева [3], который рубил и возил к себе на строение помочью. Это мне сообщил мой управляющий и просил Вам передать.

[1] После приостановки издания «Современника», «по высочайшему повелению», на восемь месяцев (19 июня 1862 г.).

[2] Чернобаево — пустошь, часть Карабихи.

[3] Иван Егорович Валяев — бурмистр.

А. С. ПРУГАВИН

Первая печатная статья публициста-этнографа Александра Степановича Пругавина (1850—1920) «Знаем ли мы раскол?» была помещена в 1877 г. под псевдонимом Борецкого в «Неделе», №№ 49 и 50. Однако из печатаемых ниже писем Пругавина выясняется, что еще в 1870 г. он пытался приобщиться к литературе и послал Некрасову для помещения в «Отеч. Зап.» отрывок из своей повести «От слов к делу». Попытка не увенчалась успехом, так как рукопись находившегося под полицейским надзором Пругавина до Некрасова не дошла.

Письма Пругавина к Некрасову интересны не только как биографический материал. В первом письме автор, тогда еще студент, довольно подробно останавливается на своих политических взглядах, которые, хотя еще и не совпадают с его позднейшею программой «народного социалиста», однако обнаруживают явное тяготение в сторону буржуазного культурничества и соглашательства. Кончил Пругавин в лагере контрреволюции. Во время гражданской войны он находился при армии Колчака и редактировал газету.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 77).

‹1›

Москва, 2 июня 1870 г.

Не имея чести быть лично Вам известным и не имея средств и возможности приехать в Петербург для личных переговоров, так как обязан полициею не покидать хлебосольной Москвы «по делу об обнаруженных в последнее время в разных местах Империи злоумышлениях против существующего порядка Правления» [1], — я решился писать Вам о том, о чем хотел бы переговорить. Будьте так добры, уделите четверть часа из Вашего свободного времени. Дело вот в чем. Я слушатель Петровской Земледельческой Академии, родом из Архангельска... Вы, вероятно, помните шестьдесят восьмой год, когда наши газеты и журналы толковали на разные лады о голоде, постигшем Архангельскую, Олонецкую и некоторые другие северные губернии. Но чуть ли еще не больше толковали они о предприятии г-жи Вельяшевой, как известно, устроившей в г. Пинеге даровые обеды, мастерские, лечебницу и школу для пострадавших от голода крестьян [2]. Предприятие это было закрыто губернатором, кн. Гагариным, по проискам пинежского исправника [3], на том основании, что, во-первых, оно, т. е. это предприятие, было открыто без разрешения местной администрации, а, во-вторых, потому, что люди, стоящие близко к этому делу, как гг. Христофоров [4] и Войнаральский [5], находятся под надзором полиции. Но этим дело не кончилось. Муж г-жи Вельяшевой, мировой посредник [6], был переведен губернатором в Онегу (на что он не имел даже законного права), а гг. Христофоров и Войнаральский были разосланы по другим городам Архангельской губернии. Г. Вельяшев поехал в Петербург, где ему удалось добиться аудиенции с Наследником, который был почетным председателем комиссии по делу вспомоществования пострадавшим от голода губерниям. Член этой комиссии г. Головачев был в Пинеге еще раньше, видел деятельность г-жи Вельяшевой, благодарил ее и хотел довести об этом до сведения Наследника. Спустя месяца два после отъезда мужа, г-жа Вельяшева получает портреты Наследника и его жены с письмом, в котором они благодарят ее за доброе дело. Но, тем не менее, Вельяшев посредником не был оставлен, по проискам губернатора он был переведен даже из Арханг‹ельской› губернии, а Христофоров и по сие время находится в ссылке в Шенкурске. Поэтому я думаю, что присылка портретов нисколько не изменяет характера этого дела. Вот это-то дело, сильно занимавшее меня и кажущееся мне очень характеристичным, я и задумал рассказать в повести. Я близко стоял к этому делу, знал бо̀льшую часть

его главных деятелей, поэтому смело приступаю к выполнению своего желания... Повесть свою я назвал «От слов к делу», так как два главные действующие лица в ней Багулин (Христофоров) и Кириллов (один из участников последней истории) суть представители д е л а, различно понятого тем и другим. Багулин — ярый приверженец так называемого экономического обновления, Кириллов же — член «н а р о д н о й р а с п р а в ы». Багулин не отрицает необходимости переворота, но он относит его к более далекому будущему, а пока считает необходимым самую энергическую пропаганду посредством слова и печати, а главное чрез ассоциации. Будучи убежден, что сельское хозяйство есть занятие, наиболее обеспечивающее народное благосостояние, что показывают уже одни статистические цифры о всеместном преобладании земледельческого населения, и понимая всю громадность влияния этой промышленности на развитие остальных практических сторон деятельности, — Багулин считает неотлагательною необходимостью поднять чрез рациональные ассоциации сельское хозяйство в России, стране по преимуществу земледельческой, стране, которой предстоит быть житницею Европы. Багулин сослан за устройство артелей еще в то время, когда на подобные учреждения смотрели такими же глазами, какими смотрят на заговоры. Затем, являясь поборником тех убеждений относительно пьянства и др<угих> народных болезней, убеждений, которые с такою рельефностью высказаны в нашей литературе гг. Португаловым и Щаповым[7], — Багулин считает необходимым образование скотоводческих ассоциаций и распространение зоотехнических знаний между крестьянами. Поэтому-то Луговин, под влиянием его и едет в Земледельческую Академию, а Свечина приготовляется туда, и оба мечтают об земледельческо-промышленной ассоциации. Мысль — изучение женщиною сельского хозяйства и зоотехники и применение этих знаний на практике, — мысль совершенно новая, до сих пор еще не высказанная в литературе. Между тем, в этой практической сфере есть роды деятельности, в которых женщине нечего бояться конкуренции мужчины, в которых она может работать вполне самостоятельно, таковы, напр., огородничество, садоводство, птицеводство и др. Да мне кажется, что еще можно поспорить, кто больше работает в наших крестьянских хозяйствах — женщина или мужчина?.. — «Доля — ты! — русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать!..» Поэтому я уверен, что в земледельческо-промышленных ассоциациях положение женщины будет настолько же самостоятельно, как и мужчины. В своей повести я подробно разберу и докажу эту мысль. Подобные же ассоциации гораздо радикальнее, в сто раз полезнее и необходимее, чем какие-нибудь швейные и переплетные... Намек на тот тип, который я намерен вывести в Кириллове, сделан впервые в русской литературе Авдеевым в лице студента Благомыслова («Меж двух огней»). Но намек этот так неясен, автор, как видно, так легко скользнул по этому типу, что большинство читателей совершенно не задумывается над ним, а если и задумывается, то смотрит на него не иначе как на какого-то недозрелого и довольно взбалмошного парня. Между тем этот тип все чаще и чаще встречается, и мне кажется пора бы взглянуть на него с бо́льшим вниманием и участием. Из всех наших критиков только один Скабичевский вполне сочувственно отозвался на этот тип в своей статье «Г е р о и г о л у б и н о г о п о л е т а» («Неделя» 1868 г.)[8]... Я не буду говорить здесь что-либо о других действующих лицах повести, надеясь, что из приложенного конспекта Вы увидите, что это были за люди, каковы их убеждения и цели... Я бы, конечно, никогда не решился прислать Вам такой незначительный отрывок из своей повести, еслиб не вынудила меня к этому настоятельная необходимость; мне и теперь кажется, что я унижаюсь, отправляя Вам это письмо и отрывок, — но как часто приходится делать то, чего вовсе не хочется! Дело в том, что полиция, взяв

меня под свое родительское попечение, этим самым лишила меня возможности поддерживать своё бренное существование; я не имею теперь права давать уроков, а какую другую работу может найти в Москве полубольной, совершенно без знакомств и рекомендаций студент? Полиция знать ничего не хочет, не пускает даже ехать в Архангельск, куда призывают меня семейные дела, и положительно обрекает на голодную смерть. Вот эта-то самая гнусная необходимость набивать чем-нибудь живот и укрывать его и заставляет меня обратиться к Вам гораздо раньше, чем бы я желал того от всей моей души. Меня ободряет только то обстоятельство, что присланный отрывок «В дороге» может быть и отдельно напечатан Вами в том случае, когда я по каким-нибудь внешним обстоятельствам буду не в силах окончить начатую повесть. Составляя необходимое предисловие к повести, этот отрывок в то же время есть отдельный рассказ, довольно полно характеризующий положение крестьян северных губерний во время голода... Если я буду иметь средства жить, не боясь ежедневно умереть с голоду, то я надеюсь окончить эту повесть лучше, чем начал. Если Вы найдете это начало достойным напечатания, то я Вас прошу поместить его не раньше, как в июльской книжке, так как к этому времени я могу прислать Вам и следующие главы. Затем прошу Вас о самом главном: поскорее ответ, какой бы он ни был...Вспомните, как ждали Вы Миная, когда он в первый раз Ваши «вирши в редакцию снес», а у меня, кроме этого, есть еще более существенная причина желать скорейшего ответа... Ах, если б я мог получить его не позже 8 июня!.. Затем прощайте, искренне уважающий Вас А. Пругавин

Мой адрес: Александру Степановичу Пругавину, слушателю Петровской Земледельческой Академии. В г. Москву, в Петровскую Академию.

Еще раз прошу: поскорее ответить... Спешу страшно, боясь опоздать на почту, поэтому извините за небрежность в письме...

[1] Пругавин привлекался к дознанию по Нечаевскому делу. За недостатком улик, судебное следствие о нем было прекращено, но в качестве свидетеля он фигурировал на Нечаевском процессе.

[2] Неурожай 1867 г., поразивший 16 губерний, вызвал особенно сильный голод в северных губерниях, где и обычно запас хлеба был невелик. Участие в организации помощи голодающим ставило революционеров-народников в чрезвычайно выигрышное положение: они приобретали непосредственную связь с голодной, недовольной массой крестьянства, и их влияние должно было, несомненно, усилиться. Вот почему бесплатные обеды Вельяшевой, в организации которых деятельнейшее участие приняли ссыльные революционеры Христофоров и Войнаральский, возбуждали подозрения со стороны местных властей. В газете «Москва» от 23 мая 1868 г. появилось сообщение о закрытии этих обедов. Сообщение вызвало шум в столичной прессе. «Архангельские губернские ведомости» 8 июня 1868 г. поспешили объяснить, что обеды не были запрещены местной администрацией, а прекратились сами собой «по причине наступления летних полевых работ и открытия навигации, с которой для населения открылись заработки». Однако, повидимому, Пругавин прав, указывая, что истинной причиной закрытия обедов явилась близость к этому делу ссыльных Христофорова, Войнаральского и др., да и вряд ли они не пытались использовать это дело с политическими целями, так как оба были опытными и настойчивыми пропагандистами.

[3] Архангельский губернатор д. ст. сов. кн. Сергей Павлович Гагарин; исправник в Пинеге — кол. сов. Харитон Егорович Таратин.

[4] Александр Христофорович Христофоров (1838—1913)—член о-ва «Земля и Воля». За участие в студенческом движении 1861 г. был исключен из Казанского университета и выслан в Саратов, но отсюда в ноябре 1862 г. за «вредное влияние» на учащихся Саратовской гимназии переведен в Вольск. Возвратившись в 1863 г. в Саратов, Христофоров устроил здесь мастерские на артельных началах и широко развил социалистическую пропаганду среди рабочих. В 1864 г. его арестовали, выслали в Архангельскую губернию и 19 мая 1865 г. водворили в Пинегу, а после закрытия столовой в июне 1868 г. перевели в Шенкурск. Впоследствии, в 1875 г., Христофоров выехал за границу, издавал в Женеве журнал «Общее дело» и умер за границей, в Швейцарии (в Кларане).

[5] Порфирий Иванович Войнаральский (1844—1898) попал в Пинегу таким же путем: он участвовал в студенческом движении 1861 г. в Московском университете. Высланный сначала в Глазов Вятской губернии, он также переводился с места на место, так как всюду завязывал связи с учащейся молодежью, пока, наконец,в августе 1866 г., вследствие обнаруженной переписки с каракозовцами, не был арестован и переведен в Пинегу (прибыл туда 13 марта 1867 г.). Отсюда после закрытия обедов г-жи Вельяшевой, в июне 1868 г., выслан в Мезень. Впоследствии Войнаральский, арестованный по делу 193-х, был сослан в 1878 г. в Сибирь, на каторжные работы, где провел 19 лет. Только в 1897 г. он получил разрешение на выезд в Европейскую Россию и умер скоропостижно в Купянске, Харьковской губернии.

[6] Аркадий Львович Вельяшев был мировым посредником Пинежского уезда.

[7] Взгляды врача-публициста Вениамина Осиповича Португалова (1835—1896) и историка Афанасия Прокофьевича Щапова (1830—1876) на происхождение пьянства и других социальных болезней были изложены первым в «Деле» и «Архиве судебной медицины» (статьи эти вошли в его книгу «Вопросы общественной гигиены», СПб., 1873), вторым — в «О. З.» и «Деле» с 1868 г. по 1870 г. (см. также его кн.: «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», СПб., 1869—1870). Оба они сходились на том, что одной из важнейших причин пьянства было антигигиеническое питание народа, преобладание растительной пищи. Португалов в статье «Пьянство как социальный недуг» доказывал, что отсутствие мясной пищи вызывает в организме потребность к возбуждающим средствам, для усиления обмена веществ. Поэтому-то Багулин и мечтает о создании скотоводческих артелей и распространении зоотехнических знаний: таким путем он надеется сделать мясную пищу доступной для крестьянских масс и тем самым сократить употребление алкоголя.

[8] Роман М. В. Авдеева «Меж двух огней» был помещен в «Современном Обозрении», 1868, № 1—3. Статья А. М. Скабичевского об этом романе—«Герои голубиного полета» была напечатана в «Неделе», 1868, №№ 18 и 19.

⟨2⟩

11 июня 1870 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я очень удивился, узнав из Вашего письма от 6 июня [1], что отправленный мною 2-го числа отрывок В дороге до сих пор не получен Вами. Не понимаю, что это значит, и Вы, я надеюсь, поймете мое беспокойство и будете так добры, что известите меня, получили ли Вы теперь этот отрывок, и если получили, то как находите его? [2]

Повторяю, что только утвердительный ответ на эти вопросы может успокоить меня, поэтому я надеюсь, что Вы не заставите долго ждать меня.

Ваш покорный слуга А. Пругавин

Адрес мой: в Москву, Арбатской части, Трехпрудный переулок, дом Сарафанова, второй флигель во дворе — Александру Степановичу Пругавину.

[1] Это письмо Некрасова к Пругавину остается неизвестным.

[2] Надо думать, что отрывок «В дороге» так и не был получен Некрасовым. Так как в это время Пругавин находился под полицейским надзором, то корреспонденция его, по всей вероятности, задерживалась.

А. П. ПЯТКОВСКИЙ

Начальный период литературной деятельности критика и публициста Александра Петровича Пятковского (1840—1904), писавшего иногда под псевдонимом О. Волоколамского, связан с участием в радикально-демократической печати. С середины 60-х годов он сотрудничал в «Современнике» и «Деле», а затем до 1872 г. в «Отеч. Зап.» Некрасова. Здесь он поместил несколько статей на исторические и историко-литературные темы за своей подписью и две анонимных: «Источники народных суеверий» (1868, VIII) и «Мирный отзыв на военные вопросы» (1869, IV).

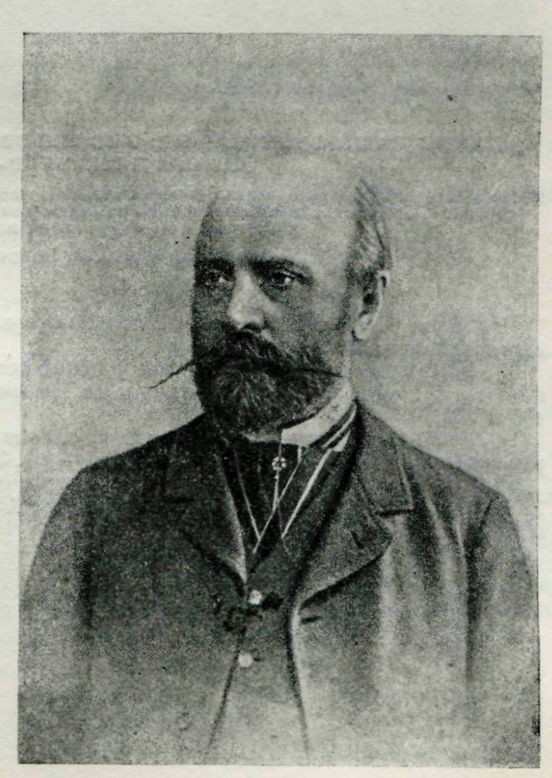
Большое участие в 1868—1871 гг. принимал Пятковский в библиографическом отделе «О. З.» («Новые книги»). Однако установить список принадлежащих ему здесь рецензий, печатавшихся без подписи, не представляется возможным. Исключение составляют несколько критических заметок, вошедших в сборники Пятковского «Живые вопросы» (СПб.,1870) и «Из истории нашего литературного и общественного развития» (СПб., 1876; 2-е изд. — 1886).

Отойдя от «Отеч. Зап.», Пятковский быстро эволюционировал вправо. С 1872 г. по 1882 г. издавал вместе с Евтушевским журнал «Народная школа», а затем, единолично, журнал «Наблюдатель», где скатился до оголтелой юдофобии.

Письмо печатается по автографу ЛБ (М. 5765.58). Впервые, неисправно, опубликовано в АСК, 160—161, как письмо А. Н. Пыпина и без указания года.

СПб. 6 июля ⟨1870 г.⟩ Понедельник

Николай Алексеевич! По выходе 7-й книжки Отеч⟨ественных⟩ Записок [1], возник вопрос: сколько и по какому расчету следует уплатить мне за статью о Щапове [2] (по вычете, конечно, из гонорария моего прежнего долга — 50)? Распоряжения на этот счет не оставлено никакого. Я просил бы Вас — и, если возможно, поскорее — сообщить об этом в контору журнала.

А. П. ПЯТКОВСКИЙ
Фотография 1891 г.
Литературный музей, Москва

Так как мне придется, за вычетом, получить очень немного, то я позволяю себе надеяться, что Вы примените и к этой статье то условие, на котором будут помещены статьи мои о Галахове [3].

Преданный Вам

А. Пятковский

P. S. Ни Водовозов, ни я не знаем ничего об уплате Минаеву: получил он деньги вперед или ему причитается что-нибудь за стихи? [4]

ЗДАНИЕ (НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ) БЫВШЕЙ СТАНЦИИ ЧУДОВО НА ШОССЕЙНОЙ ДОРОГЕ ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА

Место обычных остановок пассажиров на пути из Петербурга в Москву до проведения железной дороги. Во втором этаже помещались комнаты для проезжающих. Здесь останавливался и Некрасов во время своих поездок в Москву

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

[1] Вышла 6. VII. 1870 г., т. е. в день, которым датировано письмо Пятковского, адресованное в Карабиху.

[2] «Опыт философской разработки русской истории» (о книге А. Щапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа»). — «О. З.», 1868, VII.

[3] «Наши классики в характеристиках г. Галахова» (о книге А. Галахова «История русской словесности древней и новой») — «О. З.», 1870, VIII и XII.

[4] В «О. З.» (1868, VII) было напечатано семь стихотворений Д. Д. Минаева. В. И. Водовозов (см. его письма к Некрасову в АСК) временно исполнял летом 1870 г. обязанности секретаря редакции «О. З.».

П. А. РАДИЩЕВ

Павел Александрович Радищев (р. 27. VII. 1783), третий сын от первого брака Александра Николаевича Радищева, был отвезен в Сибирь к отцу, где и оставался до 1797 г., когда семья выехала оттуда в свою Калужскую деревню, сельцо Немцове, в 2 верстах от Малоярославца, по Большой Калужской дороге. Отданный затем в Морской кадетский корпус (28. VI. 1799), Радищев был произведен в мичманы (28. VI. 1802) и зачислен в ученый комитет Морского министерства.

Вынужденный по болезни покинуть морскую службу (9. II. 1805), он перешел на короткое время в департамент народного просвещения, а в 1806 г. окончательно вышел в отставку и поселился в своей деревне. В 1835 г. Радищев сдал при Московском университете экзамен на домашнего учителя и в 1844 г. переехал в Таганрог, где занимался преподаванием французского языка. В Таганроге им написана биография отца, о которой он упоминает в письме в редакцию «Современника». Когда умер П. А. Радищев — установить не удалось (См. «Общий морской список», СПб., 1894, VIII, 102 и статью А. Корсунова в «Русском Вестнике», 1858, XII, 395—397).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (21.169/CXLVб18).

〈Таганрог, 18 декабря 1858 г.〉

Господам редакторам «Современника» Панаеву и Некрасову

Милостивые государи.

Прочитавши статью журнала Вашего 1856 года — «Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев», попавшуюся мне нечаянно, я написал на нее примечания, которые к Вам препровождаю, прося Вас напечатать ее в Вашем журнале. Если Вы ее удостоите этого, то я Вас прошу меня уведомить, в котором нумере она будет помещена [1].

Если Вы мои примечания удостоите напечатать, я Вам буду предлагать поместить в Современнике и полную биографию Радищева, мною составленную. Находясь при нем неотлучно как в Сибири, так и по возвращении его оттуда, до шестнадцатилетнего моего возраста, и быв свидетелем его смерти, я один могу доставить верные сведения о всем, что до него касается. К биографии я присоединил примечания на статью Пушкина Александр Радищев, помещенную в седьмом дополнительном томе его сочинений, издания Анненкова [2].

В ожидании Вашего ответа имею честь быть с почтением Ваш покорный слуга

Павел Радищев

Адрес мой: в Таганрог, Павлу Александровичу Радищеву

Таганрог
Декабря 18
1858 г.

[1] Примечания и поправки к статье М. Н. Лонгинова «А. М. Кутузов и А. Н. Радищев» («Совр.», 1856, VIII) напечатаны не были.

[2] Составленная П. А. Радищевым биография отца была напечатана в «Русском Вестнике» (1858, XII, 395—432), с предисл. А. Корсунова, примеч. М. Н. Лонгинова и с прилож. заметок П. А. Радищева на статью Пушкина в анненковском издании. Подлинная рукопись этой биографии, содержащая различные дополнения против напечатанного в «Русском Вестнике» текста, находится в Гос. Историческом музее — см. статью: Н. П. Кашкин. Новый список биографии А. Н. Радищева. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1912, II (241). Смесь, 1—26.

Е. В. ДЕ РОБЕРТИ

Евгений Валентинович де Роберти де Кастро де ла Серда (1843—1915) — буржуазный философ-позитивист, социолог, земский деятель. По окончании в 1862 г. курса Александровского лицея, жил за границей и только в 1868 г. вернулся в Россию. Судя по публикуемому письму, он имел намерение войти в число сотрудников «Отеч. Зап.». Однако приложенная к письму статья его в журнале не появилась. Впоследствии отношения между де Роберти и руководящей группой «Отеч. Зап.» сильно обострились, в результате полемики его с Н. К. Михайловским, принявшей очень резкий характер. См. статьи Михайловского в «Отеч. Зап.»: «Письма о правде и неправде» (1877, XII) и «Литературные заметки» (1878, III).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 79).

⟨14 марта 1868 г.⟩

Предлагая редакции «Отечественных Записок», для напечатания в почтенном журнале ее, прилагаемую при сем статью, считаю обязанностью своей, для устранения всяких недоразумений, объяснить, что о том же предмете появилась статья моя в январском номере французской revue «La philosophie positive» [1]. Но различие языка и в особенности значительные изменения и дополнения, произведенные мною в этой статье с целью напечатать ее по-русски, позволяют мне надеяться на благосклонный прием со стороны русского журнала.

Затем мне остается только покорнейше просить редакцию определить срок, нужный для просмотра статьи, с тем, чтобы по окончании его я мог прислать за ответом; прошу также выдать подателю сего расписку в получении статьи.

Евгений де Роберти

14 марта 1868 года

Захарьевская улица, дом № 25

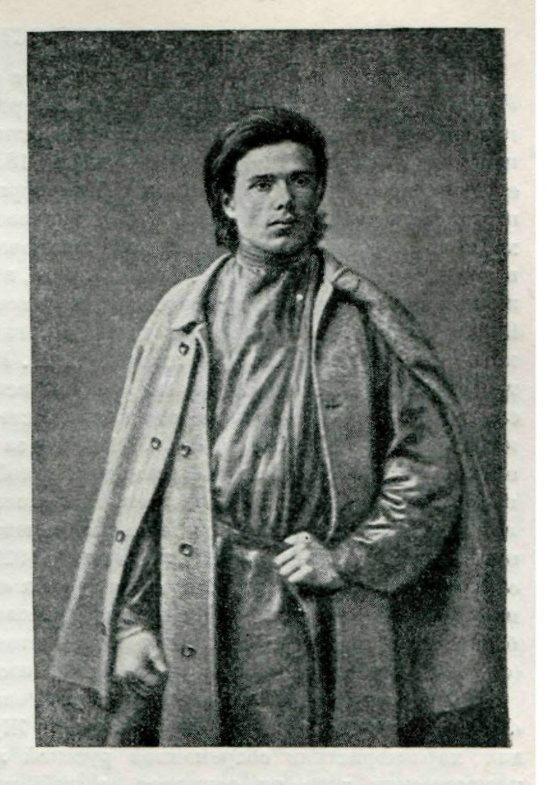
[1] Статья Е. де Роберти, помещенная в январско-февральской книжке журнала «La philosophie positive» (1868, IV), называлась «L'économie politique et la science sociale» («Политическая экономия и общественная наука»); написана она была по поводу книги американского экономиста: Henry-Charles Carey. The principles of social science, 1858—1859 («Принципы обществоведения»).

Л. Ф. ДЕ РОБЕРТИ

Леонид Федорович де Роберти (1838—1867) — беллетрист, критик, экономист. В 1860 г., к которому относится публикуемое письмо его к Некрасову, состоял студентом Гейдельбергского университета и активным членом] многочисленной в то время гейдельбергской русской колонии.

О политической жизни русской гейдельбергской колонии в 60-х гг. см. Б. Козьмин. Герцен, Огарев и «Молодая эмиграция» (гл. 1 — Русская гейдельбергская колония 1861—1863 гг. и Герцен) — «Лит. Наследство», т. 41—42, стр. 4—8. Отметим здесь кстати, что публикуемое письмо позволяет усомниться в том, что все приводимые автором материалы о русском гейдельбержце 60-х гг. де Роберти должны быть отнесены к Е. В. де Роберти, будущему философу-позитивисту. Активную роль в политической жизни колонии играли в это время еще два де Роберти — автор публикуемого письма, Л. Ф. де Роберти, и С. В. де Роберти (брат упомянутого социолога и философа-позитивиста) — артиллерийский офицер, уехавший в Гейдельберг, чтобы не принимать участия в подавлении польского восстания 1863 г. (С. Сватиков. Русские студенты в Гейдельберге — «Новый журнал для всех», 1912, XII, 70—82).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 80).

Е. В. ДЕ РОБЕРТИ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Женева $\frac{\text{10 января 1860}}{\text{29 декабря 1859}}$ года

Милостивый государь.

Много благодаря за Ваше письмо, полученное мною только сию минуту, гороплюсь сказать Вам, что псевдоним имеет для меня значение как псевдоним и что мне решительно все равно будет ли под моим рассказом написано Волюнский или Волгонский [1]. Впрочем, желание было написать последнее имя, но так как оно не нравится ни Вам, ни Тургеневу, то я готов просить у Вас крещения, как просил благословения. Несколько дней тому назад я писал Тургеневу, спрашивая его, что сталось с моим романом; теперь вследствие Вашего письма [2] я счастлив и спокоен. Ожидая от Вас окончательной оценки, я предлагаю Вашему журналу критический этюд «Обломова» [3], над которым, в последние недели досуга, я много думал. Не знаю сколько разборов этого романа явилось в наших журналах, но смею думать, что мой не будет лишен некоторой силы и оригинальности.

Благодаря Вас еще раз за внимание к труду и ко мне, имею честь быть с искренним уважен⟨ием⟩ и полной преданностью и почтительностью к Вам

Л. де Роберти

P. S. Я выехал из Гейдельберга 10 дней тому назад, и Ваше письмо было прислано оттуда сюда; в Женеве я останусь еще несколько недель.

[1] Речь идет о романе «Трое», напечатанном в № 1 «Совр.» 1860 г. Благодаря настоящему письму выясняется, что за псевдонимом П. Волгонский, которым был подписан этот роман, скрывался Л. Ф. де Роберти и что роман его видимо поступил в редакцию «Совр.» через И. С. Тургенева.

[2] Письмо Некрасова к Л. де Роберти неизвестно.

[3] Статьи Л. де Роберти об «Обломове» в «Совр.» не появлялось.

И. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Иван Александрович Рождественский (?—1876)—журналист, сотрудник «Искры», «Нового Времени» (устряловской редакции), «Русского Мира» и ряда других изданий, поэт и переводчик (ему совместно с Ф. Гриндиным принадлежит, в частности, перевод книги Верморелля «Деятели 1851 года». СПб., 1870). В 1861 г., будучи студентом, за участие в волнениях в Петербургском университете Рождественский подвергался аресту и заключению в Петропавловской крепости. В тюрьме он сочинял стихи, пользовавшиеся популярностью у заключенных студентов. Особенную известность получило его «Послание к М. Л. Михайлову», незадолго перед тем арестованному и также находившемуся в то время в Петропавловской крепости (См.: Н. Николадзе. Воспоминания о шестидесятых годах. «Каторга и Ссылка», 1927, № 4, с. 44—45). Это стихотворение приписывалось в литературе Н. И. Утину. Однако Н. Николадзе свидетельствует, что о принадлежности его Рождественскому знает непосредственно от последнего. «Послание» Рождественского вместе с ответом Михайлова было напечатано в «Колоколе» — Прибавление к №№ 119, 120 за 1862 г. В 1866 г., в связи с деятельностью организованной Рождественским издательской артели, он привлекался к дознанию в высочайше учрежденной следственной комиссии по делу Каракозова, был затем взят под надзор полиции и связан подпиской о невыезде из Петербурга (см. «Деятели русского революционного движения», вып. 1, 1927, с. 351—352). Некрологи Рождественского отмечают, что конец жизни он провел «при весьма незавидной обстановке, занимаясь репортерством, обсчитываемый поставщиком новостей...» и «умер в крайней бедности от болезней, развившихся вследствие семейных и других неприятностей...» (см. «Новое Время», 1876, 1 июня, № 91; «Иллюстр. Газета», 1876, 27 июня, № 25, с. 200).

В литературную биографию Некрасова Рождественский вошел как автор брошюры «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. Дополнение к материалам для характеристики современной русской литературы» (СПб., 1869). В резком полемическом тоне он осуждает в ней известное выступление Антоновича и Жуковского, ведущее, по его словам, «к ослаблению либеральной пропаганды», и указывает на выдающееся значение Некрасова не только как поэта, но и как редактора «Отечественных Записок» — журнала, «насколько возможно удовлетворяющего насущной необходимости нашего общества иметь честный и умный литературный орган». Брошюра подверглась преследованию цензуры и вышла в свет с значительными купюрами (см. выше письма В. М. Лазаревского к Некрасову).

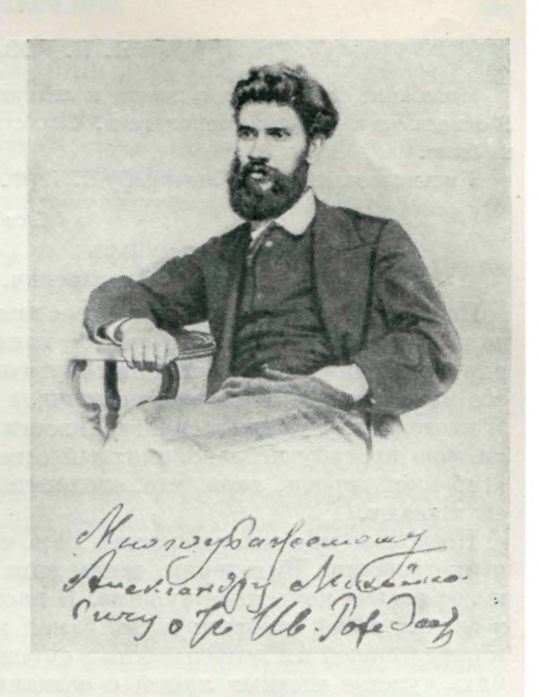
В числе корреспондентов Некрасова Рождественский до сих пор не значился. К моменту появления его брошюры он был совершенно неизвестен Некрасову (см. упомянутые письма Лазаревского и брошюру Рождественского, стр. 9). Познакомились ли они позднее — не выяснено. В записке к В. С. Курочкину 1869 г. Некрасов сожалеет о случайности, помешавшей ему принять Рождественского (см.: С. А. Рейсер. Заметки о Некрасове. — «Звенья», 1935, V, 514).

Письмо печатается по автографу ИЛИ.

〈Январь — февраль 1873 г.〉

Милостивый государь Николай Алексеевич.

Товарищи мои, студенты 60-х годов, предполагают, что юбилей Д. М. Леоновой [1] можно эксплуатировать в пользу учащейся молодежи. В последнее время, с легкой руки г-жи Лавровской, в среде артистов начало проявляться какое-то не то враждебное, не то презрительное отношение к студенчеству [2]. По моему мнению, подобное поведение возмутительно, и следовало бы показать, что интеллигенция вовсе не одобряет его. В виду этого, я был в Университете и говорил с Ректором о том, чтоб профессура заявила свое сочувствие Дарье Михайловне как студенческой певице, не отказывавшей никогда в своем участии в студенческих концертах. Ректор обещал мне свое содействие. Было бы желательно, чтоб и литература взглянула на этот вопрос так же, как и Университет. Московская пресса, в лице Московских Вед〈омостей〉, взглянула на юбилей Д. М., по моему мнению, так, как следует: Моск. Вед. открыли в пользу Д. М. подписку при редакции — первый пример в истории нашего театра [3]. (Кста-

И. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Фотография 1860-х гг. с дарственной надписью А. М. Скабичевскому
Частное собрание, Москва

ти об этой подписке: узнав о любезности Моск. Вед., Д. М. написала Каткову, чтобы собранные при редакции деньги были переданы в распоряжение студентов Московского Университета). Если петербургская пресса точно так же заявит чем-нибудь свое сочувствие Д. М., тогда ее юбилей будет делом интеллигенции и, вместе с тем, косвенным порицанием тех артистов, которые осмеливаются третировать en canaille студенческих депутатов. Мне кажется, что Отеч. Зап., как лучший и либеральный журнал, могли бы фигурировать на юбилее коллективным заявлением своего сочувствия [4]. Я обращался с этим заявлением к Григорию Захаровичу, но он направил меня к Вам. Выполняя его совет, я не сомневаюсь, что Вы примете деятельное участие в юбилее. ввиду того, что этим окажется самая действительная помощь учащейся молодежи. Пусть поймут г. г. артисты, что сочувственное отношение к студенчеству не только почтенно, но и выгодно. Ввиду этого я прилагаю билет. Если Вам понадобятся еще, то я могу доставить их сколько угодно.

Примите уверение в моем глубоком уважении и преданности.

И. Рождественский

[1] Дарья Михайловна Леонова (1835—1896) — известная оперная певица. Биографы артистки отмечают ее отзывчивость и всегдашнюю готовность участвовать в концертах с благотворительной целью, в частности в пользу учащейся молодежи.

[2] Елизавета Андреевна Лавровская (1845—1919) — другая выдающаяся оперная певица. Какие факты «презрительного» отношения Лавровской к студенчеству имеет в виду Рождественский — неизвестно. Быть может, это лишь отголосок «борьбе» между «партиями» сторонников Леоновой и Лавровской (см. «Воспоминания Д. М. Леоновой». — «Исторический Вестник», 1891, II, 345—346).

[3] «Московские Ведомости», 1872, № 316 от 14 декабря.

[4] Юбилейный спектакль в честь 22-летней артистической деятельности Д. М. Леоновой, после которого она покинула казенную сцену, состоялся в феврале 1873 г. 25 февраля того же года Леонову чествовали в петербургском клубе художников. Упоминанием о юбилее Леоновой устанавливается датировка письма. Судя по откликам прессы, юбилей Леоновой праздновался широкими кругами петербургской интеллигенции. (Ср., напр.: «Всемирная Иллюстрация», 1873, № 232, с. 379; «Московские Ведомости», 1873, 5 марта, № 54; см. также цит. «Воспоминания» Леоновой, с. 350—351). Однако ни редакция «О. З.», ни лично Некрасов участия в юбилее, к организации которого имели отношение Катков и «Московские Ведомости», естественно, не приняли.

П. П. РОЗАНОВ

Никакими сведениями о жизни и литературной деятельности Павла Петровича Розанова мы не располагаем. Стихотворение его в «Отеч. Зап.» напечатано не было.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 81).

Симбирск, 23 октября ⟨начало 1870-х гг.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Позвольте мне обратиться к Вам с просьбой о напечатании в Вашем журнале прилагаемого стихотворения, написанного мной в 1869 г., но до сих пор остававшегося у меня, потому что я не решался ходатайствовать о его напечатании, пока мне не пришла мысль обратиться лично к Вам. Я настолько убежден в справедливости Вашего суда, что если бы Вы дали на мою просьбу неблагоприятный ответ, то я сумел бы принять его без особенной горечи, веря, что, следовательно, мои стихи бо́льшего и не заслуживают.

Позвольте мне теперь сказать Вам, что́ именно я хотел выразить в этом стихотворении. Выведенные в нем лица — далеко не идеалы, но они выражают весьма искреннее чувство. В настоящее время чувство это ослабело в значительной степени; та же самая молодежь, те же студенты готовятся к предстоящей им деятельности и сумеют, на выбранных ими путях, соединить чувства честных людей с сознанием подготовленности к выбранной ими работе. Но в отдельных лицах продолжается и теперь болезненное ощущение своей ненужности для окружающей среды, своей неспособности жить, как все, и связать свою участь с этой несочувственной средой. Относиться с пренебрежением или насмешкой к этим непризнанным геро́ям было бы, может быть, чересчур строго: такое отношение к жизни всего тяжелее отзывается на них самих.

Надеюсь, что Вы не откажете, милостивый государь, почтить меня ответом, имею честь приложить Вам свой адрес:

Симбирск, на Стрелецкой улице, д. Прибыловского, в квартире Августа Карловича фон Резон [1] Павлу Петровичу Розанову.

Имею честь пребыть Вашим покорным слугой

П. Розанов

P. S. Имени своего под стихотворением я не решаюсь выставить, но если бы Вы сочли почему-нибудь неудобным печатать его без имени, то я уполномачиваю Вас выставить мою фамилию.

[1] Август Карлович фон Резон в 1874 г. состоял членом симбирского окружного суда.

Ф. Э. РОМЕР

Федор Эмильевич Ромер (1838—1901)— поэт, беллетрист, публицист. Печатался в «Вестнике Европы», «Русском Вестнике», «Русской Мысли» и других изданиях. Отдельно изданы его «Стихотворения» (СПб., 1898),«Сказка и правда» (М., 1898) и «Роман без интриги» (Киев, 1896). Сотрудничество Ромера в «Отеч. Зап.» было случайным.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 82).

⟨Киев, 28 мая 1868 г.⟩

На условия редакции «Отечественных Записок» (относительно рассказа «Жизнь или сон» [1]) — согласен.

Ф. Ромер

28 мая 1868 г.
Киев

[1] Рассказ Ромера «Жизнь или сон» напечатан в «О. З.», 1868, VIII.

В. В. САМОЙЛОВ

Публикуемая ниже записка известного актера Василия Васильевича Самойлова (1813—1887) свидетельствует о приятельских отношениях его с Некрасовым.

Знакомство их началось еще в 40-х годах [1], когда молодой Некрасов ставил в Александринском театре свои водевили с куплетами—излюбленный жанр Самойлова в то время.

Огромным успехом пользовался Самойлов в роли Стружкина в водевиле Некрасова «Актер».

Общие охотничьи интересы содействовали, повидимому, их дальнейшему сближению.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 21).

⟨1874 г.⟩ [2]

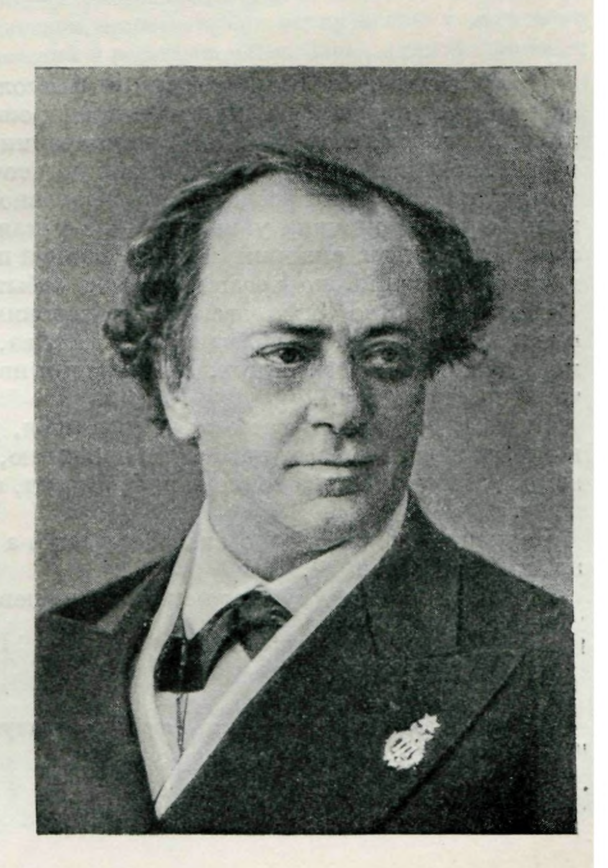
Милый Николай,

Посылаю тебе ⟨...нрзб. одно слово⟩ егеря, о котором я тебе говорил. Он жил у Зичи 14 лет, возьми, брат, его. Это находка как охотник и может смотреть за дачей.

Твой В. Самойлов

[1] См. в воспоминаниях недавно скончавшейся Веры Аркадьевны Мичуриной-Самойловой эпизод, связанный с посещением В. В. Самойловым молодого Некрасова, и утверждение, что Некрасов вскоре стал близким другом семьи Самойловых (В. А. Мичурина-Самойлова. «Шестьдесят лет в искусстве», Л.—М., 1946, стр. 21—22).

[2] Датируется предположительно. Упоминаемый в записке художник М. А. Зичи (1829—1906) именно в 1874 г. уехал из Петербурга на шесть лет в Париж. Очевидно, в этой связи Самойлов и рекомендовал Некрасову принять к себе егеря, прежде служившего у Зичи.

В. В. САМОЙЛОВ

Фотография 1870-х гг.

Театральный музей им. Бахрушина, Москва

И. В. СЕЛИВАНОВ

Известный в 50—60-х годах беллетрист «обличительного» направления Илья Васильевич Селиванов (1810—1882) составил себе литературное имя в некрасовском «Современнике». Именно здесь возобновил Селиванов свою литературную деятельность, начатую еще в 1840-х годах и прерванную в 1850 г. кратковременной ссылкой в Вятку («за преступный образ мыслей, выраженный в литературных сочинениях и в частной переписке»). Помещенные им в «Современнике», 1856, XI, за подписью «И. С—в» «Провинциальные воспоминания. Из записок чудака» имели шумный успех и ставились иными современниками в один ряд с «Губернскими очерками» Щедрина, одновременно печатавшимися в «Русском Вестнике». По существу, однако, рассказы Селиванова о чиновничьих плутнях и взяточничестве в политическом отношении не выходили за пределы «либерально-благонамеренного обличительства» частных недостатков режима николаевской империи, а в художественном отношении отличались натуралистической бедностью образов, эмпиризмом, отсутствием широких обобщений. Путь Селиванова от «Провинциальных воспоминаний» вел к той аполитичной и развлекательной «казусно-юридической литературе», против которой вскоре выступили Чернышевский, Добролюбов и Щедрин.

В 1858—1861 гг. Селиванов напечатал в «Современнике» еще ряд своих «обличительных» произведений: «Рассказы-были», «Полесовщики» (1858, IX), «Контрабанда» (1858, XI), «Необыкновенный случай» (1859, VIII), «Иван Ермолаевич» (1860, XII) и, наконец, повесть «Два убийства» (1861, V). Последнее произведение уже целиком относится к жанру уголовных рассказов, с их изложением запутанных преступлений и прочими аксессуарами бульварного детектива. Такого рода произведения были, разумеется, неприемлемы для «Современника», и сотрудничество Селиванова в журнале Некрасова на этом кончилось.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 84).

〈12 февраля 1862 г.〉

Препровождаю к Вам, почтенный Николай Алексеевич, роман мой о событии, случившемся в Москве в предпрошлом году. Ежели Вы найдете это приличным, Вы напишите в примечании, что это случилось в Москве в 185... году и что факт происшествия был точно так, как рассказано здесь. Читавши дело, я как председатель Уголовной палаты решил (для себя разумеется), что причина убийства была такая, какую я здесь выставил. На этом основании я склонил моих товарищей представить в Сенат об уменьшении наказания, по чрезвычайности события.

Это — убийство Заборовского Полонским. Наружность Полонского именно такова, как здесь написано. Бритва, молоток и кинжал не выдуманы. Они находятся в деле. Прикрас нет никаких, кроме догадки о причине преступления...

Какой будет Ваш ответ о моей рукописи, у Вас оставленной? Ежели— нет!, пришлите мне ее назад. Я дорожу ею, как воспоминанием прошедшего, потому что и она точно такой же факт, как и та, которая посылается ныне.

Черкните мне хоть одно слово: напечатаем; я больше не требую, но чтоб только знал [1].

Желаю Вам всего лучшего много и душевно Вам преданный

И. Селиванов

12 февраля 1862 г.

[1] Ни роман Селиванова, ни второе упомянутое произведение в «Совр.» не появились.

А. М. СКАБИЧЕВСКИЙ

Знакомство Александра Михайловича Скабичевского (1838—1910) с Некрасовым произошло весной 1866 г. Приглашенный Некрасовым к сотрудничеству в «Современнике» для писания «рецензий по беллетристике», Скабичевский успел поместить в журнале — в его последней, перед закрытием, апрельской книжке — лишь одну статью о «Степных очерках» А. Левитова.

В 1868 г. Скабичевский был снова приглашен Некрасовым к работе в его новом журнале и принял предложение. С тех пор и до закрытия «Отеч. Зап.» в 1884 г. Скабичевский состоял постоянным сотрудником журнала, получая с 1872 г. за свои труды, сверх гонорара, ежемесячное жалованье. О количестве написанного им в «Отеч. Зап.» некрасовского периода можно судить по длинному списку его произведений, помещенных в журнале за десятилетие с 1868 г. по 1877 г. (см. «Указатель к „Отеч. Зап." за последнее десятилетие», СПб., 1878, XXVII—XXVIII). За этот период он напечатал ряд больших статей о таких писателях, как Тургенев, Толстой, Гончаров, Островский, Лесков, Успенский, Писарев, Потехин, Решетников; провел через журнал в течение 1870—1872 гг. целое исследование — «Очерки умственного развития нашего общества (Н. А. Полевой, В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и их сподвижники, 1825—1860 гг.)», конфискованное и уничтоженное в отдельном издании 1872 г.; начал в 1876 г. печатание большого романа «Было—отжило» о шестидесятниках, вырезанного из журнала по требованию цензуры, написал много библиографических статей и рецензий и т. п.

Являясь по объему написанного первым литературным критиком журнала, считая себя последователем Чернышевского и Добролюбова, Скабичевский не был, однако, в состоянии продолжать их великие традиции. Этому препятствовали не только несравнимые размеры личного дарования: мировоззрение Скабичевского, хотя и развившееся под влиянием революционно-демократической литературы 60-х годов, в дальнейшем эволюционировало вправо — к умеренному народничеству и либерализму.

Сказанным определяется, в основном, несоответствие между вполне подчиненным местом, которое занимал Скабичевский в редакции «Отеч. Зап»., с одной стороны, и объемом его литературного сотрудничества в журнале, с другой. Эта подчиненность,

А. М. СКАБИЧЕВСКИЙ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

проявлявшаяся в полной мере и в чисто организационных делах, в период, когда Скабичевский выступал в роли заместителя отсутствующих редакторов, хотя и осознавалась самим Скабичевским, как вполне закономерная, все же вызывала у него порою реакцию обиды и недовольства.

Наиболее острое выражение эти настроения нашли в большом письме Скабичевского к Михайловскому, написанном уже после смерти Некрасова. Для истории «Отеч. Зап.» некрасовского периода и разъяснения подчиненности места и роли в журнале самого Скабичевского, этот документ представляет несомненный интерес, хотя и требует весьма критического восприятия. Внутриредакционные отношения, существовавшие между руководителями журнала, в лице Некрасова, Щедрина и Елисеева, с одной стороны, и «молодой группой» редакции, возглавлявшейся Михайловским, с другой, отражены в этом документе в весьма кривом зеркале.

Приводим текст письма, датированного 10 февраля 1878 г.

Милостивый государь
Николай Константинович.

Извините, что я навязываюсь Вам с моим письмом; оно вынуждается неудержимым желанием с моей стороны оправдаться перед Вами, тем самым желанием, с которым я начал в понедельник разговор с Вами. Вы тогда сами заявили, что разговор этот, слишком заостренный кахетинским, следует отложить до другой, более трезвой минуты. Но вчера Вы отклонили его продолжение на том основании, что он может иметь лишь теоретический характер, к практическим же результатам ни к каким привести не может, так как Вы не властны ни рядить, ни решать в «От⟨ечественных⟩ Зап⟨исках⟩». Но я вовсе не с тем и начал разговор, чтобы ожидать от Вас каких-либо практических результатов относительно моих дел. Мне просто хотелось оправдаться перед Вами ввиду того предубеждения, которое Вы составили обо мне, оправдаться перед человеком, которого я никогда не переставал любить и уважать. Так как я не надеюсь более, что Вы удостоите меня устного объяснения, то позвольте мне просить Вас терпеливо прочесть это послание. Даже в таких судах, в которых заранее представляют приговоры, все-таки допускают со стороны подсудимых сказать слово в свое оправдание. Допустите же и Вы с моей стороны подобное слово, прежде чем осуждать меня так строго и безапелляционно, как Вы это делаете.

Я начну с того, что расскажу Вам историю моего десятилетнего сотрудничества в «Отеч. Зап.».

Я попал в этот журнал совершенно неожиданно, без какого-либо литературного имени, прямо из мрака и грязи мелкой прессы. Я до того времени терпел глубокую нужду, мыкаясь грошевыми уроками и сотрудничеством в разных мелких газетках вроде «Воскресного Досуга», где я писал разъяснения к картинкам, «Рыбинского Листка», где я поправлял статьи и повести безграмотного купца-издателя, даже «Сына Отечества» Старчевского. Пришибленный нуждою, целым рядом неудач и унижений, я разом просто каким-то чудом попал в сонм людей, стоявших до того времени на недосягаемой высоте в моих глазах, словно гиганты-апостолы, нарисованные в куполе храма. Мне ли было думать о том, чтобы встать с ними рядом и добиваться участия в судьбах журнала? Я пикнуть не смел перед ними и отдал себя в полное их распоряжение. Мне сначала не было положено никакого жалования и только полистная плата по 80 р., а потом впоследствии я стал получать 900 р. жалованья и по 95 р. за лист. После того ада, в котором я до того времени находился, подобный гонорар был для меня таким богатством, что мечтать о чем-либо большем казалось мне безумием. Впоследствии я попривык, оглянулся, пригрелся, во многом разочаровался относительно непогрешимости апостолов, но раз установленные отношения остались неизменными: я продолжал быть сотрудником-работником, не только не имеющим никакого голоса в делах редакции, но даже в присутствии которого стараются избегать обсуждения этих дел: не твоего, мол, рыла эта честь. Протестовать, требовать допущения себя в дела редакции у меня никогда духа нехватало, да и в помышлениях не было. Я никогда не был особенно высокого мнения о себе и о своей необходимости для журнала; мне всегда каза-

лось, что стоит мне заикнуться, и меня сейчас же осадят, и мне останется со стыдом отретироваться и снова окунуться в прежний омут. А люди, как видно, понимали, что не столько я нужен для журнала, сколько журнал для меня, и продолжали держать меня в том же положении парии. Раз я протестовал, защищая свою собственную шкуру, в виде статьи об Островском, и должен был проглотить ответ в виде того, что меня удерживать не станут, если я уйду. По Вашему мнению, я должен был тотчас же и уйти. Но поймите же, что я никогда не смотрел на себя, как на светило, которое могло бы быть оскорблено подобным ответом; я считал за ними полное право на него потому, что сам полагал, что если я нужен для журнала сколько-нибудь, то подобных мне нужных людей ничего не стоит найти на каждом перекрестке. К тому же меня в то же время и ублажали: статью мою все-таки напечатали, только просили меня смягчить выражения в интересах журнала. Они мне сделали уступку, я им отплатил тем же, смягчив статью; тем дело и кончилось.

Вы меня обвиняете, зачем я с Вами не ратовал против принятия в число сотрудников Суворина. Я имел полную готовность ратовать, если бы кто-нибудь заикнулся спросить моего мнения, но поймите, как трудно разом отрешиться от положения, которое установилось годами. Я до такой степени привык безмолвствовать в стенах редакции, что у меня язык не поворачивался, чтобы разговаривать даже об обыкновенных предметах с Некрасовым или Салтыковым. Я сам чувствую всю нелепость, всю унизительность подобного положения. Когда я бываю в редакции, у меня сердце разрывается каждый раз от неестественной натянутости, в какой я нахожусь, но что же мне делать, если у меня сил нехватает переломить все это, да и не знаю я, как это делается. То же самое могу сказать и относительно моего отказа от библиографии. Я не признаю себя нисколько компетентнее Н. Ст. Курочкина в этом деле, и если он потерпел до сих пор непонятное для меня фиаско в прежней библиографии, в которой я принимал большое участие, то как же мог я браться снова за этот неудавшийся отдел, и притом тут же рядом с Курочкиным, до сих пор состоящим в числе постоянных сотрудников «От<еч>. Зап.». Не говоря уже ни о чем другом, одно чувство товарищества возмущалось во мне при этом. А Курочкин для меня более чем товарищ: через него я в сотрудники большого журнала попал. Всеми вышеупомянутыми обстоятельствами объясняется и мое пассивное отношение к делам редакции, когда они на меня временно возлагались. Вы подумайте только, что при этом давалась мне инструкция, доходящая до таких микроскопических подробностей, что только что не внушалось мне, где какие знаки

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ
Фотография начала 1870-х гг.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

препинания расставлять в статьях. И поверьте же Вы мне, что потому именно каждое лето и давалось это поручение мне, а не кому-нибудь другому, что столпы были уверены, что я каждую запятую оставлю на том месте, на каком они предпишут мне оставить ее. Я так и делал — из-за одних денег, подобно тому как ради заработка писец, переписывая рукопись, выписывает каждое ее слово, как бы оно ни было нелепо, имея основание думать, что если он вздумает исправлять слог, то владелец рукописи не примет от него такой переписки.

И вот этого-то человека, долгими годами воспитанного в рабстве редакторского деспотизма и окончательно обезличенного, послали вдруг держать в руках Полетику*. Я с самого вступления своего в «Биржовку» был убежден в безуспешности этого предприятия и пошел туда единственно в качестве фельетониста ради 2400 р., избавлявших меня от проклятой педагогики, которой я был до того времени принужден заниматься, получая весьма мало от «От<еч>.З<ап>.» сообразно увеличивающемуся семейству, педагогией, которая мне и не удавалась и была противна, хуже я не знаю чего. Полетику забрать в руки, мне, конечно, не удалось, но, можете себе представить, в этой презираемой всеми редакции в первый раз вздохнул я свободно, почувствовав себя полным хозяином, если не всей газеты, то, по крайней мере, своих фельетонов. Верите ли мне, что до сих пор, после десятилетнего сотрудничества в «Отеч. Зап.», каждую вновь написанную статью я ношу туда с трепетом новичка, не знающего, примут ли его статью или отвергнут, и когда пишу, дрожу за каждую строчку и вычеркиваю часто единственно потому, что меня ужас берет при мысли, какую рожу скорчит и как выругается Салтыков при чтении этой строчки, что подумает Елисеев, что скажете Вы и т. д.

Но я все-таки попробую бросить свободный для меня воздух «Биржевых Ведомостей» и закупориться всецело в мрачную тюрьму редакции «От<еч>. Зап.» в видах избежания скандалезности и других неудобств, с которыми сопрягается сотрудничество в двух столь разнорядовых органах. Вслед за этим посланием к Вам у меня будет объяснение с Елисеевым (вероятно, в понедельник). Я все-таки не намерен заявлять ни малейших претензий на активное вмешательство в дела редакции, оставаясь при том мнении, что это не моего ума и характера дело. Я потребую немногого: только того, чтобы я мог зарабатывать в «От<еч>. Зап.» столько же, сколько я зарабатываю в «Б<иржевых> Ве<домостях>». Если я в этом не успею, тогда я немедленно покидаю «От<еч>еств. Зап.» и тогда мне на все наплевать: «Биржевые», так «Биржевые», а не они, так хоть даже «Петербургский Листок». Из мелкой прессы я вышел и опять в нее сгину с мыслию: не с твоим рылом в калашный ряд.

Вот и вся моя исповедь. Теперь спрашивается, неужели же из-за того, что Вы больше меня одарены, лучше меня поставлены и вообще счастливее, Вы вправе кидать на меня же презрительные взгляды с высоты, какие Вы позволяете себе кидать на меня в последнее время. Чем хуже я Максимова, который участвует вместе со мной в тех же «Биржевых» и, без сомнения, не прочь был бы вместе с тем участвовать и в «От< еч>. Зап.», а между тем Вы были очень любезны с ним в понедельник, а меня едва удостоивали ответов, процеживая их сквозь зубы. Я как пришел к Вам, сразу почувствовал, что я гость лишний и нежеланный, но тогда зачем же Вы пригласили меня намедни бывать у Вас по понедельникам? Ведь я, замечая давно Вашу холодность, перестал бывать у Вас с прошлой еще зимы и вовсе не имел желания навязываться Вам. Вы сами меня вызвали в Ваш дом, чтобы покуражиться надо мною Вашею сухостью, вызвать меня тем на объяснение и объявить меня публично вралем. Эх, Николай Константинович, ум — хорошо, удача — хорошо, счастье, энергия — хорошо, но не мешало бы немножко и сердца, немножко уменья ставить себя в положение ближнего, менее Вас удачливого. Что же делать, если не все люди скроены по одной мерке с Вами?

А. Скабичевский

1878 г. Февр<аля> 10

(ИЛИ (Л)— Ф. 181, оп. 1, № 647. Сообщено Б. В. Папковским).

---

* Разъяснение этого эпизода, связанного с борьбой Некрасова за выход демократической группы «Отеч. Зап.» на газетную трибуну, см. в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 521—522.

Несправедливые, клеветнические обвинения, содержащиеся в «письме-исповеди» Скабичевского по адресу обоих руководителей «Отеч. Зап.», высказывались им и лично Некрасову. Отвечая на один из таких упреков, Некрасов писал Скабичевскому 26 марта 1873 г.: «Очень больно и неожиданно больно было мне читать Ваше письмо. Упоминание об унизительном положении, о помыкании и т. п., впрочем, лишает меня охоты объясняться» (Некрасов, V, 500—501).

Следует, однако, отметить, что Скабичевский сумел в значительной мере преодолеть эти настроения личной обиды и скрытого недоброжелательства в отношении поэта.

Никто из сотрудников «Отеч. Зап.» не уделял потом в своих печатных работах столько дружественного внимания Некрасову, как Скабичевский. Он неоднократно высказывался о Некрасове как мемуарист. Его воспоминания, печатавшиеся в различных периодических изданиях 70-х, 90-х и 900-х годов, собраны в одну книгу «Литературные воспоминания», 1928, изд. «ЗИФ», под ред. Б. П. Козьмина. Затем ему принадлежит немало отзывов об отдельных, появлявшихся в печати, произведениях Некрасова. Эти отзывы публиковались в 70-е годы преимущественно на страницах «Биржевых Ведомостей», в которых Скабичевский под псевдонимом «Заурядный читатель» вел литературно-критический фельетон. Наконец, Скабичевским написана первая историко-литературная работа о Некрасове — «Н. А. Некрасов. Его жизнь и поэзия», появившаяся в «Отеч. Зап.» (1878, V—VI) и перепечатанная частично (первая половина) в I томе посмертного издания стихотворений Некрасова 1879 г. и целиком в собрании сочинений Скабичевского.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 22 — письма 1 и 2 и Ф. 202, оп. 2, № 85 — письмо 3). Письмо 2 опубликовано с купюрами в «Некрасовском сборнике», 1922, IX—X.

<1>

<21 апреля 1871 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

До меня дошло известие о неожиданной задержке девятой главы моего труда, трактующей о Герцене [1]. Эта весть глубоко меня опечалила и поразила тем более, чем менее я ожидал такой неудачи.

А я по всем моим соображениям менее всего мог опасаться какой-нибудь задержки в моем труде со стороны Главного управления по делам печати. Я предпринял, как Вам известно, свой труд вовсе не с целью проведения каких-нибудь идей, защиты тех или других взглядов. Напротив того, усматривая, что большинство критических очерков оценивает литературные явления под углом какой-нибудь исключительной точки зрения, я вознамерился встать на совершенно нейтральную почву беспристрастного исследователя и, не мудрствуя лукаво, проследить шаг за шагом, как мысль нашего общества развивалась постепенно в течение первой половины нынешнего столетия. Согласитесь сами, что такой обзор только и возможен при условии анализа всех явлений нашей литературы в тесной и неразрывной связи. Малейший пробел, нарушающий такую связь, делает сразу весь труд мой столь же немыслимым, как невозможно провести человека через анфиладу комнат, когда одна из них заперта с двух сторон. В виду такого характера моих статей, я не мог опустить литературной деятельности Герцена, как одного из видных явлений своего времени. Но самый характер статьи моей показывает, как я намерен был отнестись к Герцену. Не входя ни в какие обсуждения его политических взглядов и поступков, я коснулся его только как философа, моралиста и нравоописателя. С этою целью я обратил внимание на его статьи, печатавшиеся некогда в России под весьма строгою цензурою 40-х годов. Из заграничных же сочинений Герцена я подверг анализу только трактаты, касающиеся самых общих историко-философских вопросов, с целью показать отно-

шение Герцена к западничеству и славянофильству. Мне казалось, что такое скромное отношение к деятельности Герцена не только не может принести какого-либо вреда, но, напротив, в высшей степени полезно. Ставя Герцена на историческую почву, в ряд теоретиков-идеалистов 40-х годов, статья моя этим самым уже направляет читателей, непосредственно сочувствующих Герцену, к критическому отношению к нему, как деятелю отжившему, произведению эпохи, отдаленной от нас на четверть столетия.

Можете же себе посудить после всего этого, как нежданно и негаданно было для меня запрещение печатать подобного рода скромную и вполне благонамеренную статью. Я ничем не могу объяснить себе это запрещение как непредвидимыми недоразумениями, которые, по всей вероятности, не трудно устранить.

Я к Вам и пишу именно с целью помочь мне распутать по возможности эти недоразумения и вывести меня из положения поистине ужасного. Вы подумайте только о том, сколько трудов, сколько невероятных усилий потрачено мною для предпринятого мною обозрения. Возьмите во внимание хоть то, что я должен был пересмотреть все русские журналы за 30 лет, а это только часть труда. И вдруг, после полуторагодовой усидчивой работы, весь труд мой должен рухнуть вследствие отсутствия главы, без которой он обращается в бессвязную массу. Я лишаюсь всякой возможности продолжать далее свое обозрение. Не говорю о тысяче материальных лишений, с которыми соединено такое печальное обстоятельство. Такой удар представляется мне тем более жестоким, чем менее я его заслужил.

На всех этих основаниях, льщу себя надеждою, что Вы не оставите меня без Вашего содействия и походатайствуете в Главном управлении о дозволении напечатать главу о Герцене, хотя бы в тех изменениях, какие будет нужно сделать в ней, чтобы привести ее в соответствие со всеми существующими ныне цензурными условиями.

Ваш покорнейший слуга

А. Скабичевский

1871 года, апреля 21

[1] Глава о Герцене из «Очерков умственного развития русского общества» Скабичевского, печатавшихся в «О. З.» с 1870 по 1872 г., была вырезана цензурой из апрельской книжки журнала за 1871 г. Публикуемое письмо, целиком посвященное этому эпизоду, не оставляет сомнения, что оно было написано Скабичевским по совету и указанию самого Некрасова, со специальной целью быть продемонстрированным цензурным властям при переговорах о запрещенной статье. Об этом свидетельствует и подчеркнуто официальный тон письма и само его содержание (указания на «благонамеренность» изъятой статьи и др.).Попытки спасти статью для журнала не привели к положительным результатам. Правда, «цензор, — по воспоминаниям Скабичевского,— обнадежил нас, что вырезанная из журнала статья эта беспрепятственно пройдет в отдельном издании». «Но этот добрый совет, — пишет он далее,— не замедлил оказаться коварною западнею» (А. Скабичевский. Литературные воспоминания. Изд. ЗИФ, 312). См. след. письмо.

⟨2⟩

⟨24 декабря 1872 г.⟩

Я к Вам не зашел тогда по возвращении от Лонгинова, потому что не застал его дома, а был у него на другой день, в который мне невозможно было зайти к Вам, а на третий день я Вас не застал.

Дело в том, что мой визит к Лонгинову если не повредил делу, то уже никак не поправил. Вышла такая сцена, как будто я пришел к Л⟨онгинову⟩ нарочно с тем, чтобы уличить его в несправедливости. Передаю Вам эту сцену вполне:

Л. (сухо и холодно). Что Вам угодно?

Я. Имею честь представиться: я — Скабичевский, пришел узнать о судьбе моей книги Оч⟨ерки⟩ р⟨азвития⟩ р⟨усской⟩ м⟨ысли⟩, изданной мной в октябре и задержанной цензурой.

Л. Что же Вам угодно?

Я. Да я нахожусь в полной неизвестности относительно моей книги и мне хотелось знать, за что постигла ее такая участь.

Л. Во-первых, мы не обязаны давать Вам в этом отчета, отчего запрещена. Оттого, что там находятся такие места, которые не могут быть допущены в печати.

ОЧЕРКИ

РАЗВИТІЯ ПРОГРЕССИВНЫХЪ ИДЕЙ

ВЪ НАШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

1825—1860 г.

Н. А. Полевой, В. Ѳ. Одоевскій, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. А. Добролюбовъ и ихъ сподвижники.

СОЧИНЕНІЕ

А. Скабичевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

1872.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ А. М. СКАБИЧЕВСКОГО «ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ ИДЕЙ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ», ИЗДАНИЕ 1872 г.

По распоряжению Комитета министров весь тираж издания до выпуска на книжный рынок был конфискован и уничтожен; уцелели лишь единичные экземпляры книги

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Я. Вот я и пришел с тою целью, что нельзя ли выпустить такие места.

Л. Вы раньше об этом должны были думать.

Я. Как же я об этом мог раньше думать?

Л. Вы должны были бы знать, что самое имя Герцена запрещено ныне употреблять в литературе, а Вы его поместили в заголовке.

Я. Как же я это мог знать?

Л. Об этом существует высочайшее повеление, хорошо всем известное.

Я. Во-первых, это высочайшее повеление никому не известно, а во-вторых, из фактов я мог заключить только, что никогда такого повеления и не бывало, потому что в том же месяце как была задержана моя книга, в «Русском Архиве» был помещен некролог Герцена.

Л. Да, но это так, кратко, а Вы перепечатываете «Былое и думы».

Я. А в «Архиве» Вы встретите список всех сочинений Герцена.

Л. Но «Архив» — журнал специальный.

Я. Мое сочинение тоже написано с специальной целью.

Л. Неправда, вы популяризируете Герцена.

Я. Извините, что обеспокоил Вас.

Тем и кончилась аудиенция. Признаюсь, видал я скотов на свете много, но такого скота мне не случалось еще видеть. Как только смотришь на него, то закипает такая злоба, что чувствуешь, с каким бы сладострастием влепил бы в его щеку здоровую пощечину. Признаюсь, после такой аудиенции я дал себе слово никогда к генералам не ходить, хотя бы дело шло о сожжении не только моей книги, но всего моего семейства и меня самого [1].

Уважающий Вас
А. Скабичевский

1872. Д⟨екабря⟩ 24

[1] Письмо связано с цензурными преследованиями книги Скабичевского «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825—1860 г.», издание которой было в 1872 г. конфисковано и уничтожено (в тексте письма Скабичевский называет книгу по ее первоначальному заглавию «Очерки развития русской мысли»). В своих воспоминаниях Скабичевский пишет: «Некрасову так понравились мои очерки, что он предложил мне издать их на его счет ⟨...⟩ В него ⟨издание⟩ вошла злополучная статья о Герцене. Посланная обычным путем по отпечатании в цензуру книга была задержана и все издание опечатано. Начались, конечно, хлопоты, но безуспешно. В то время во главе Главного управления по делам печати свирепствовал блаженной памяти М. Н. Лонгинов. Некрасов сам не пошел хлопотать, а предложил мне сходить к Лонгинову⟨...⟩» (А. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, 311—312). Рассказом об этом свидании и является публикуемое письмо.

Упоминаемые в «диалоге» Скабичевского и Лонгинова «некролог» и «список всех сочинений» Герцена в «Русском Архиве» это «Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1870 г.» Г. Геннади, содержащие, в частности, краткую биографию Герцена, список его сочинений и литературы о нем. Материалы эти были помещены в октябрьской книжке журнала за 1872 г. (стр. 1991—1997).

⟨3⟩

⟨17 апреля 1874 г.⟩

Николай Алексеевич, посылаю Вам на пробу три своих стихотворения. Дело в том, что изредка у меня является охота писать стихи, но так как я плохой судья своих писаний, то и до сих пор не решил, стоит ли подчас предаваться этому занятию или не стоит.

Я покорнейше прошу Вас откровенно высказать свое мнение и в случае фиаско надеюсь, что это останется между нами и Вы никому не скажете, что вот, мол, и Скабичевский прислал к Вам три бездарнейшие вирши [1]. В ожидании Вашего суда, остаюсь преданным и уважающим Вас

А. Скабичевский

1874 г. Апр⟨еля⟩ 17

[1] Просмотр стихотворений, помещенных в «О. З.» в 1874 г., не обнаруживает среди них ни одного, которое могло бы быть приписано Скабичевскому.

В. А. СЛЕПЦОВ

Литературная деятельность Василия Алексеевича Слепцова (1836—1878) неразрывно связана с некрасовскими журналами и лично с Некрасовым. С ним, как и со всем руководящим кружком «Современника», в частности, с Елисеевым и Салтыковым-Щедриным, Слепцов близко сошелся после своего переселения в 1863 г. в Петербург. В «Современнике» Слепцов напечатал оба основных своих произведения, явившихся в то же время одними из наиболее характерных произведений революционно-демократической литературы 60-х гг. — «Письма об Осташкове» (1862, V, 1863, I—III) и роман «Трудное время» (1865, IV, V, VII—VIII).

Высоко ценя литературный талант Слепцова, Некрасов (вместе с Ип. Панаевым) оказал содействие в издании двухтомного собрания его избранных сочинений. Оно вышло в 1866 г. в Петербурге под названием: «В. Слепцов. Рассказы, очерки и сцены».

Когда Некрасов начал издавать «Отеч. Зап.», он просил Слепцова взять на себя обязанность секретаря редакции, которую тот и выполнял до конца 1871 г. В «Отеч. Зап.» Слепцов напечатал, «Записки метафизика» (1868, I, II), «Тип новейшей драмы» (1868, II) и начало романа, так и оставшегося незаконченным, — «Хороший человек» (1871, II).

В последние годы своего секретарства Слепцов заболел изнурительной и, как выяснилось впоследствии, неизлечимой болезнью. На лечение требовались деньги. В эти годы Некрасов неоднократно оказывал материальную поддержку Слепцову, ссужая его деньгами от себя и энергично поддерживая его ходатайства о пособии пред Комитетом Литературного фонда (см. ниже).

Письма печатаются: 5-е—по автографу ЛБ (М. 5765.64), остальные — по автографам ИЛИ (Ф.202, оп. 2, № 86).

⟨1⟩

3 августа ⟨1867 г.⟩[1]

Уважаемый Николай Алексеевич!

Вот уже полторы недели как я в Петербурге, но не еду к Вам потому, что еще не кончил той вещи, которую думаю приготовить для Вашего сборника. Я слышал на-днях, что у Вас уже все готово, и от этого известия пришел в крайнее смущение; но Ваше письмо ободрило меня: теперь я надеюсь не опоздать и доставить Вам к сроку мою работу. Что касается объема ее, то на этот счет я должен Вам сказать следующее: есть у меня одна начатая большая повесть, которая могла бы быть помещена в двух книжках, но так как я слышал, что у Вас обе книжки выйдут в одно время, то понятно, что это дело не годится; кроме повести есть очерк листа в $1^1/_2$ или 2, его-то я и предполагаю Вам отдать.

Вы меня извините, что я веду с Вами переговоры на письмах и не являюсь лично. Это я делаю потому, что мне совестно итти к Вам без готовой работы. Когда кончу — принесу, а теперь пока Вы меня не трогайте, а то я хуже не кончу, если Вы меня будете торопить.

Ваш В. Слепцов

[1] Письмо датируется 1867 г. на том основании, что именно летом этого года у Некрасова, как известно, возникла мысль организовать издание ряда сборников, взамен запрещенного «Совр.». С этой целью он стал искать сотрудников для первых сборников (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Шестидесятые годы в воспоминаниях Антоновича и Елисеева, 1933, стр. 545). Однако 3 августа 1867 г. Некрасова не было в Петербурге. Все лето он прожил в Карабихе, вернувшись в столицу лишь в середине октября (Ашукин, 334).

Следует предположить, что Слепцов, только что приехавший в Петербург, не был осведомлен об отсутствии Некрасова. Письмо последнего к Слепцову, которое «ободрило» его, в печати неизвестно.

⟨2⟩

⟨Декабрь 1867 г.⟩

Николай Алексеевич.

Ваше молчание отчасти мне приятно, потому что это значит, что Вы *еще не находите* нужным прибегать к понудительным мерам относительно меня; но, с другой стороны, это молчание начинает меня пугать. Не означает ли оно того, что Вы махнули на меня рукою? В так⟨ом⟩ случае я спешу заверить Вас, что я имею *непременное* намерение (которое не замедлю подтвердить на деле) изготовить к первой книжке обещанный фельетон [1]. Я пишу, самым решительным образом пишу и если не доставил Вам рукописи до сих пор, то это единственно потому, что только на-днях я нашел случайно очень интересный материал, который мне хотелось бы непременно включить в этот фельетон. И я уверен, что Вы с этим будете согласны. Но для того, чтобы окончить эту работу как следует, мне необходима неделя. Поэтому я прошу Вас, если это возможно, подарить мне эту неделю.

Я теперь живу на собств⟨енной⟩ квартире на Невск⟨ом⟩, близ ц. Знамения, д. № 114 Яковлева, кв. № 7.

В. Слепцов

[1] «*Фельетон*» — это первая глава «Записок метафизика», «О насущном хлебе», помещенная в «О. З.», 1868, I; вторая глава — «Кто виноват?» помещена в «О. З.», 1868, II.

⟨3⟩

⟨Декабрь 1867 г.⟩

Николай Алексеевич.

Я кончил фельетон и думаю, что он выйдет листа в 2. В настоящую минуту он переписывается в две руки. Большая часть *второй* половины уже переписана; я теперь поправляю и переписываю начало, и уже дошел до середины. Если это необходимо, то я могу завтра утром рано послать в типографию то, что уже готово; но, во-первых, я не знаю, где типография, а, во-вторых, я желал бы Вам прочесть. Уведомьте меня, что надо сделать [1].

В. Слепцов

На обороте: Адрес мой: на Нев⟨ском⟩ № 114, кв. 7, дом Яковлева.

[1] См. примеч. к предыдущему письму.

⟨4⟩

⟨12 апреля 1870 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Здоровье мое, как Вам известно, в настоящее время расстроено до такой степени, что, по мнению врачей, мне необходимо приняться за серьезное лечение, а средств у меня на это нет никаких, кроме литературного заработка, который я теперь не в силах добывать.

Поэтому я решился обратиться к Вам и просить Вас исходатайствовать мне из Литер. фонда вспомоществование в *виде ссуды*; но так как выдача этих ссуд, как я слышал, обыкновенно сопровождается очень длинною проволочкою времени, а здоровье мое не ждет, то я просил бы Вас выхлопотать мне рублей 500, с тем, однако, что я желаю сохранить за собою право уплатить эти деньги Фонду в разные сроки по частям. Это было бы для меня тем более полезно, что я, будучи обеспечен на время лечения, мог бы кончить работу и устроить мои дела [1].

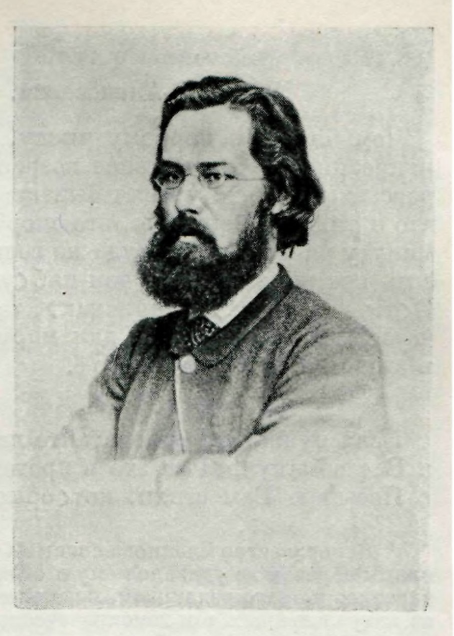
Примите уверение в моем глубоком уважении и преданности

В. Слепцов

12 апреля 1870 г.

Живу я в Б. Конюшенной в доме Капгера, кв. № 30.

В. А. СЛЕПЦОВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

[1] В тот же день 12 апреля 1870 г. Некрасов переслал просьбу Слепцова в Комитет Литературного фонда с сопроводительным письмом к П. В. Анненкову, в котором энергично поддержал ходатайство Слепцова (Некрасов, V, 473).

〈5〉

〈Заречье, 6 августа 1870 г.〉[1]

Уважаемый Николай Алексеевич.

Вы знаете, что я уехал из Петербурга для того, чтобы лечиться и работать. В настоящее время здоровье мое поправилось, и я принялся за писание. Теперь у меня готова первая часть большой давным-давно обещанной повести «Хороший человек». Я передумывал и переделывал ее несколько раз и, наконец, остановился на одном плане, который и привожу в исполнение. Готовых совершенно у меня теперь листов пять. Что мне с ними делать?

Перед отъездом я просил Вас устроить так, чтобы мне сейчас же дали денег, как только я пришлю какую-ниб〈удь〉 работу. В Петербурге теперь никого нет, кроме Водовозова [2]; ехать мне в Петербург и разговаривать с Краевским — я думаю, будет бесполезно; а между тем и здесь мне оставаться незачем: мне необходимо ехать. Рассудите и скажите, как тут быть. Нельзя ли написать к Краевскому? Если бы Вы прислали мне письмо, с которым я съездил бы в Петербург, — это было бы всего проще. Я слышал, что Вы пробудете в деревне до 20 августа, а мне это долго; я бы хотел, да и нужно, уехать поскорей. Нельзя ли, наконец, как-нибудь в Москве что-либо мне получить?

Одним словом, я Вас очень прошу уведомить меня сейчас же о том, что я должен сделать для того, чтобы скорейшим образом обменять работу на деньги.

Это для меня ужасно важно. Мне нужно рублей 300.

Преданный Вам В. Слепцов

6 августа

Адрес: Николаевская жел. дорога, станция Заречье.

[1] Слепцов жил в Заречье летом 1870 г. Отсюда и датировка письма.
[2] Василий Иванович Водовозов (1825—1886) замещал в это время отсутствовавших редакторов «О. З.». См. письмо Водовозова к Некрасову от 13 августа 1870 г. с извещением о выходе августовской книжки «О. З.» («Архив села Карабихи», 84).

<6>

<Конец февраля 1871 г.>

Николай Алексеевич.

Чем ближе к первому числу, тем больше я тороплюсь, переделываю написанное и тем сильнее возрастает недовольство своей работою. Я Вам рассказывал, что у меня бывают припадки отчаяния и омерзения к тому, что я пишу [1]. Вероятно, это скоро пройдет, но, тем не менее, в настоящую минуту работа моя никуда не годится и я сам никуда не гожусь. Пока еще есть время, заместите чем-ниб<удь> страницы, оставленные для меня в О<течественных> З<аписках>, тем более, что, во всяк<ом> случае, окончания 1-й части романа для мартов<ской> книжки было бы мало. Зато в апрельской будет много [2].

Ваш В. Слепцов

Если нужно, то напечатайте для оправдания себя перед публикой, что я Вас обманул. Я за это в претензии не буду.

Посылаю Вам стихи, кот<орые> просили меня Вам передать [3].

[1] Недовольство Слепцова своим «Хорошим человеком» объясняется тем, что роман явным образом не удавался ему и отнюдь не мог оправдать тех надежд, которые возлагались на него редакцией, надеявшейся, что в нем Слепцов сумеет осветить одну из актуальнейших тем демократической литературы — тему об отношении передовой теории к революционной практике, о поисках путей прямого служения реальным интересам и нуждам народа (см. Сочинения Слепцова, I, Предисловие к роману «Хороший человек», 493—495).

[2] Печатание романа Слепцова «Хороший человек» в «О. З.» началось в феврале 1871 г. В следующих книжках продолжение романа не появлялось.

[3] Посланные стихи при письме не сохранились.

<7>

Вечер <11 сентября 1871 г.>

Уважаемый Николай Алексеевич.

Сегодня объявлен окончательный приговор подсудимым по Нечаевскому делу, поэтому я полагаю, что статья моя не запоздает, если будет напечатана в сентябр<ьской> книжке. Вопрос в том, когда она выйдет. В понедельник я доставлю статью, но не всю. Одно могу сказать только, что статья будет интересная, потому что составлена из личных наблюдений и написана легко, т. е. читается легко. Когда последний срок? [1]

Ваш В. Слепцов

[1] 11 сентября 1871 г. Судебная палата в Петербурге окончила рассмотрением дело «нечаевцев». Подсудимым был вынесен приговор в окончательной форме («Нечаев и нечаевцы».Сборник материалов. Приготовил к печати Б. П. Козьмин. Центрархив, М.—Л. 1933, 183). Публикуемое письмо, датированное тем же днем, не оставляет сомнения в том, что Слепцов готовил статью о нечаевском процессе, на котором лично присутствовал. Однако в «О. З.» по поводу процесса «нечаевцев» помещены лишь статьи Щедрина (под криптонимом «М. М.») — «Так называемое „нечаевское дело“ и отношение к нему русской журналистики», и Елисеева «Литературные заметки». Обе статьи — в «О. З.», 1871, IX. Принадлежность их Щедрину и Елисееву устанавливается гонорарной ведомостью сентябрьской книжки «О.З.» за 1871 г. (см. «Лит. Наследство», т. 53—54).

Из публикуемого ниже письма Слепцова видно, что его работа над статьей сильно затянулась и что даже для октябрьской книжки он смог представить не всю статью, а лишь закончить «первый отрывок» из нее. Но печатать статью (если она вообще была закончена) в ноябрьской или более поздних книжках «О. З.» было уже нельзя. Известно, что обе упомянутые статьи о нечаевском процессе в сентябрьской книжке (Щедрина и Елисеева) вызвали специальную записку III Отделения, от 26 октября 1871 г., Александру II и резолюцию царя: «Обратить на это внимание министра внутренних дел» (В. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в., М.—Л., 1927, стр. 166—168). Помещать при этих обстоятельствах еще одну статью о нечаевском процессе было, очевидно, невозможно.

⟨8⟩

⟨Вторая половина сентября 1871 г.⟩

Николай Алексеевич.

Посылаю Вам окончание первого отрывка. Я желал бы, чтобы он был напечатан в октябр⟨ьской⟩ книжке. Дальше следует обвинит⟨ельный⟩ акт, судебное следствие и проч., и так как тут будут большие выписки и все это должно быть в связи одно с другим, то и перерыва делать неудобно. Поэтому я счел за лучшее остановиться перед обвинит⟨ельным⟩ актом. Если же не останавливаться на этом месте, то пришлось бы еще очень много писать, а я не могу; да и рука у меня все еще болит. Я думаю, все-таки лучше хоть это пока напечатать. Будьте так добры — уведомьте меня, как Вы распорядитесь с моей статьей, и если можно, пришлите последнюю корректуру [1].

Ваш В. Слепцов

[1] См. примеч. к предыдущему письму.

⟨9⟩

⟨1868—1871 гг.⟩

В этой повести изображается довольно плохо написанная история одной любви; героиня повести, повидимому, — сам автор. Это заметно по всему. История вовсе не занимательная, и, кроме самовосхваления, в ней нет ничего. Заметно еще постоянное желание обмануть читателя, которое, впрочем, не удается автору. Много претензий, уверток и фраз, которые вдобавок еще безграмотны [1].

В. Слепцов

[1] И это и два следующих письма, относящихся, несомненно, к 1868—1871 гг., т. е. к годам секретарства Слепцова в «О. З.», не поддаются более точной датировке.

⟨10⟩

⟨1868—1871 гг.⟩

Николай Алексеевич.

Я перебирался в Павловск и опять заболел, поэтому не был у Вас ни в четверг, ни в субботу и статьи не кончил. По этому случаю нахожусь в поганейшем состоянии духа и тела и в величайшей досаде на себя. Утешаю себя только тем, что книга выйдет и без меня, хотя это очень плохое утешение.

Г-жа Иностранцева [1] передаст Вам это письмо и затем передаст мне, если Вы ей дадите, некоторую незначительную сумму, в настоящее время особенно не лишнюю.

В. Слепцов

Как только буду иметь возможность приехать в Петерб⟨ург⟩, сейчас же буду у Вас. Что нужно — оставьте при записке.

[1] Варвара Александровна Иностранцева — гражданская жена Слепцова в конце 60-х и в первой половине 70-х годов.

⟨11⟩

⟨1868—1871 гг.⟩

Николай Алексеевич.

Мне очень нужны 25 руб. Пожалуйста, дайте мне эти деньги. Я бы не решился просить у Вас, если бы не было крайней необходимости.

В. Слепцов

При сем посылаю и расписку.

⟨12⟩

⟨ТЕЛЕГРАММА⟩

Из Тифлиса ⟨21 октября 1873 г.⟩

Птб Литейная д⟨ом⟩ Краевского Николаю Алексеевичу Некрасову Болен очень нуждаюсь не можете ли прислать рублей сто адресуйте Тифлис востребования

Слепцов[1]

Приписка рукою Некрасова: Прилагаемые сто рубл⟨ей⟩ отошлите Василию Алексеевичу Слепцову.

Н. Некрасов

[1] В ответ на эту телеграмму Некрасов 25 октября 1873 г. писал Слепцову (Некрасов, V, 510): «Василий Алексеевич. Посылаю Вам 100 р. Я имел раньше сведение о Вашей болезни и нужде, да не было Вашего адреса. Все мы очень огорчены Вашей болезнью и желали бы знать подробнее, что с Вами творится. От души желаю скорого поправления. Искренно Вам преданный Н. Некрасов».

⟨13⟩

⟨3 августа 1875 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Уезжая из Москвы[1], Вы мне сказали, что в случае крайней нужды я могу обратиться к Вам. До сих пор я по возможности старался не пользоваться этим обещанием и думал, что в силах буду претерпеть до окончания работы о Кавказе; но теперь вижу, что для меня это невозможно и что при всем желании не пользоваться больше Вашими уступками, я не дотяну до конца августа. В августе, когда Вы приедете в Москву, я прочту Вам то, что у меня написано, и тогда я надеюсь, что Вы не будете раскаиваться в еще одной лишней уступке (как Вы это называли когда-то); а теперь прошу Вас, дайте мне возможность дотянуть мою работу до конца, пришлите мне рублей сто. Без этой поддержки мне опять придется запутаться, опять попасть в отвратительнейшее положение и тогда, бог знает, когда я выпутаюсь и снова примусь за работу. Вы ведь знаете, Николай Алексеевич, что это значит, когда человек после долгих томительных усилий, наконец, станет на ноги и вдруг свалится опять...

Работа Лидии Филипповны[2] подвигается медленно, мы перечитываем и все поправляем; но зато кажется это будет превосходная вещь, если я не совсем потерял чутье.

Преданный Вам

В. Слепцов

3 августа

Адрес следующий:
Москва, Петровская Академия, профессорские квартиры, М. П. Соловьеву, с передачей В. С.

[1] В 1875 г. Слепцов с Кавказа приехал в Москву, где в конце мая виделся с Некрасовым, бывшим там проездом в Карабиху (Ашукин, 461).

[2] Лидия Филипповна Королева (замуж. за проф. Ломовским), дочь директора Петровской сельскохозяйственной академии Филиппа Николаевича Королева (1821—1894) покинула семью и была гражданской женой Слепцова; писала под псевдонимом Л. Нелидова. В это же время, «весною 1875 г.», состоялось ее знакомство с Некрасовым, поощрявшим ее литературные опыты. Об этой встрече она читала доклад в Обществе любителей российской словесности на заседании 27. III. 1894 г. в память Некрасова. Доклад этот был тогда же напечатан. — Л. Нелидова. Встреча с Н. А. Некрасовым. — «Русское Богатство», 1894, XII, 193—199. Впоследствии вышла замуж за профессора-окулиста Алексея Николаевича Маклакова (его вторая жена).

Н. П. СОКАЛЬСКИЙ

Николай Петрович Сокальский (1831—1871) — писатель, сотрудник и редактор (с 1859 г.) газеты «Одесский Вестник». В «Современнике» 1855—1856 гг. напечатаны записанные им со слов участников событий рассказы: «Восемь месяцев в плену у французов (после Альмского дела. Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского)», «...Содержание русских в плену», «Дело под Журжею, 25 июня 1854 г.», «Занятие Евпатории союзными войсками», «Два ополчанина», «Два случая из севастопольской жизни», «Жизнь на Севастопольской батарее (рассказ матроса Галишенко)», «Синопское сражение, 18 ноября 1853 г. (рассказ матроса Антона Майстренко)». Отдельным изданием «Современные рассказы из военной жизни русских солдат» вышли в 1856 г. (СПб).

Некрасов писал Тургеневу 17 IX 1855 г.: «На-днях приходит ко мне незнакомый юноша — из Одессы — с тетрадкой солдатских рассказов, которые он записал со слов солдат раненых, беспрестанно привозимых в Одессу. В числе этих рассказов один оказался удивительный. Юноша-то бездарен (что видно по другим рассказам), но солдат (Таторский по фамилии), рассказавший ему о своем восьмимесячном плене у французов (после Альмы), должно быть, человек с большим талантом—наблюдательность, юмор, меткость — и бездна русского. Я в восторге» (Некрасов, V, 226—227).

Из публикуемых писем выясняется, что к Некрасову приходил не Николай Петрович Сокальский, находившийся в Одессе, а его брат Петр Петрович, предложивший «Современнику», без ведома автора, его рукопись военных рассказов, уже запроданную одесскому издателю. Выяснению этого недоразумения в значительной мере и посвящены печатаемые письма.

В «Заметках о журналах» за сентябрь 1855 г. Некрасов писал: «...В нынешней книжке „Современника“ читатели встретят рассказ „Восемь месяцев в плену у французов“. Автор лицо новое: это — армейский солдат, уроженец Владимирской губернии, города Шуи, Таторский. Под Альмой ему двумя пулями пробило руку, он попал в плен, был в Константинополе, был в Тулоне, потом возвращен, уже без руки, в Одессу, где и вздумал описать свои похождения (или, вернее, продиктовать). Рассказ его представляет несомненные признаки наблюдательности и юмора, словом, таланта. Даровита русская земля» («Совр.», 1855, X, 185).

Критика сочувственно отнеслась к рассказам, записанным Сокальским, воспринимая их в одном ряду с севастопольскими повестями Л. Толстого и усматривая и в тех и в других совершенно особый, новый жанр. См., напр., отзыв Вл. Зотова в «С.-Петербургских Ведомостях» 26 января 1856 г., № 21.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (21.128/CXLVб15).

⟨1⟩

Одесса, 4 октября 1855 г.

Милостивый государь!

Я удивился и ужаснулся, прочитав письмо брата моего, Петра Петровича [1], о продаже Вам рукописи моей, носящей заглавие «Сказания Русского человека о важнейших событиях настоящей войны». Удивился потому, что никогда не просил его о том, не давал ему на это своего согласия и никакого полномочия. Ужаснулся же потому, что эта рукопись, составленная под моим главным наблюдением, давно уже запродана мною в Одессе, о чем существует и официальный документ, тем более важный, что в нем обусловлена и часть пожертвования, в пользу некоторых казенных мест, от проданных экземпляров. Конечно, я не в состоянии винить брата в подобной ошибке, потому что он не знал ни намерений моих, ни расчетов, и думал даже оказать мне услугу доставлением денежных выгод, тогда как я просил его об одном только — передать означенную рукопись в Петербургскую цензуру. Но странно мне то, что Вы, зная все постановления

нашего правительства, касающиеся литературной собственности, зная, что не он лично — автор этих рассказов, приняли беспрекословно рукопись, не заботясь о согласии автора, который один, по смыслу закона, глава своей литературной собственности. Ошибка неопытности осталась неисправленною. Мало того,— до меня дошло сведение, что Вы приступили уже к печатанию рассказов. Не соглашаясь на это ни в каком случае и не давая никому права запродавать моих сочинений, я осмелюсь просить Вас: приостановить на время печатание означенных мною рассказов и возвратить рукопись адъюнкту С.-Петербургского университета Михаилу Ивановичу Сухомлинову, которого я вместе прошу о том же предмете. Считаю необходимым уведомить Вас также о том, что, желая распутать в самом начале это запутанное положение дел и предотвратить неприятный юридический процесс, который легко мог бы возникнуть из этого дела, по случаю множества гражданских и военных особ, принимавших участие в составлении означенных рассказов,— вследствие всего этого, говорю, я счел нужным предварительно отнестись в Петербургскую цензуру, объяснив как самое положение дела, так и желание мое приостановить печатание рукописи. Затруднительное положение дел вызвало крайность, которую Вы не желали остановить в самом начале. Словом, после всего сказанного, я думаю, что мне и Вам равно понятно то обстоятельство, что настоящая рукопись не может и не должна быть ни напечатана, ни приобретена Вами, потому что за нее уже давно вперед получены деньги. Но ошибку брата я могу поправить следующим предложением, принять которое будет совершенно зависеть от Вас.

Мне очень лестно было слышать, что подобный, хотя и первый опыт моей редакции заслужил внимание и благосклонный отзыв Ваш. Надеюсь, что, вникнув в мое затруднительное положение, Вы легко извините и горячность мою и поспешность, и возвратите рукопись г-ну Сухомлинову. Взамен ее, я могу предложить Вам несколько (числом 19) новых рассказов, составленных более тщательным образом и никому еще не запроданных. Переслать их в Петербург я могу по первому же Вашему письменному требованию, на следующих условиях. Относительно платы за труд я могу быть даже снисходительнее брата и попросить у Вас даже 30 руб. с печатного листа, с тем только, чтобы деньги пересылались на имя мое в Одессу, немедленно по отпечатании рассказов в Вашем журнале или хотя бы даже и передавались брату в Петербурге. На другие же частные условия, которые могут быть заключены между мною и Вами, я постараюсь в этот раз переслать действительное полномочие брату, которым обеспечу его действия на всякий случай, или же, чтоб избегнуть всякой медленности, я постараюсь с первой почтою по получению Вашего письма переслать их, в виде приложения к самым рассказам. Главная выгода подобной непосредственной переписки — будет устранение всяких недоразумений, которые иначе легко могут возникнуть. Впрочем, я должен оговориться. Собственно, налицо у меня находится только восемь рассказов, которые могу я переслать Вам по первому же требованию, остальные одиннадцать я могу совершенно изготовить в течение настоящего месяца или не позже средины ноября, если только буду уверен в том, что они встретят у Вас благосклонный прием. Мне остается пожалеть, что я не знал раньше готовности Вашей принимать подобные рассказы и, признаюсь, опасался входить поэтому в бесплодную переписку. Теперь же Вы можете вполне рассчитывать на желание мое всеми средствами содействовать Вам в доставлении описаний различных эпизодов настоящих военных действий и, таким образом, занять небольшое местечко в Вашем журнале.

Позвольте же мне надеяться, что Вы не откажете в исполнении моих скромных просьб, именно: передать г-ну Сухомлинову находящуюся в руках Ваших мою рукопись и потом сообщить мне по возможности подроб-

ные условия, на которых Вы желали бы приобрести коллекцию военных рассказов. Скорым уведомлением о всех этих обстоятельствах Вы бы крайне обязали всегда готового к услугам Вашего покорнейшего слугу.

Н. Сокальский

P. S. Настоящее странное положение нашего города среди сцены военных действий заставляет меня оговориться в желании получить от Вас скорый ответ. Теперь еще мы живем в бивуаках. Вот в заключение мой адрес:

В Одессу. Его Высокоблагородию Ивану Петровичу Сокальскому[2], в Ришельевский Лицей. Для передачи Н. П. Сокальскому

ВИД НА СЕЛО АБАКУМЦЕВО, БЛИЗ БЫВШЕЙ УСАДЬБЫ ОТЦА НЕКРАСОВА В ГРЕШНЕВЕ

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

[1] Петр Петрович Сокальский (1830—1887) — литературный критик, исследователь народной песни, композитор. Сотрудничал в «О. З.», «Русской Мысли», «Московских Ведомостях» и др. изданиях. Написал несколько опер. Был издателем и редактором газеты «Одесский Вестник».

[2] Иван Петрович Сокальский (1830—1896) — экономист и публицист, профессор Харьковского университета. Сотрудничал в «Одесском Вестнике» и киевской газете «Заря» (под псевдонимом Днестровский). Впоследствии издавал «Статистический Листок».

<2>

Одесса, 16 октября 1855 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Получив только вчера Ваше обязательное письмо[1] от 6 октября, я думал тогда же немедленно, с отходившею почтою (в субботу), отправить к Вам все находящиеся у меня готовые рассказы о современных военных событиях. Обстоятельство, о котором я уже писал Вам, и тут заставило пере-

менить мой преднамеренный образ действий. Я, конечно, почитал всегда за лучшее и готов был добиваться к тому всеми мерами, чтобы эти рассказы были напечатаны в Вашем журнале, но, к несчастию, запутанное положение дел, к которому привела ошибка моего брата — в уступке Вам запроданной уже рукописи в Одессе, немного затруднила с самого начала наши отношения. Я просил уже Вас в предыдущем письме и теперь убедительно прошу — или лично переслать ко мне находящуюся у Вас рукопись моих рассказов, если только это не составит большого труда, или передать ее адъюнкту С.-Петербургского университета Сухомлинову или же просто брату моему, если он в Петербурге и встретился с Вами. Вы не поверите, в какое странное и затруднительное положение поставил меня брат своею опрометчивостью, не списавшись предварительно со мной. Я опасаюсь как за самое дело, так и за последствия, которые будут равно и беспокойны и неприятны и для меня и для Вас, в случае напечатания тех рассказов. В этом отношении, признаюсь, меня очень обрадовало Ваше письмо, потому что представило хоть некоторую возможность выйти из этого щекотливого положения. Я долго и колебался и сомневался сначала, чтобы составляемые мною рассказы встретили у Вас благосклонный прием, и потому решился предложить Вам в предыдущем письме этот способ замены находившейся у Вас моей рукописи, как последнюю надежду, которою думал уравновесить ошибку брата. Теперь же имея между прочим в виду и просьбу Вашу — переслать составленный мною 2-й том рассказов (никому еще не запроданный) как можно скорее, я должен был прибегнуть к следующему способу, который, как мне казалось, может лучше других привести первые отношения наши в более правильную форму. Один из знакомых моих, и даже родных, отправляющийся завтра же по казенной надобности в С. Пбург, взялся доставить Вам 2-й том моих рассказов. Я уполномочил его своей доверенностью заключить с Вами условия во всем сходные с теми, которые Вы предложили брату. Но, во всяком случае, я должен еще раз предварить Вас, что я могу никак не раньше входить с Вами в какие-либо отношения, пока моя рукопись не будет прислана мне обратно или не будет передана г-ну Сухомлинову или брату, что лучше всего. Об этом обстоятельстве, вследствие заключенных между нами частно условий, я обещал уведомить немедленно же верителя моего по телеграфу в С. Пбург, и тогда только он может отдать Вам мою новую рукопись. Таким образом, по всем расчетам выходит, что к 25 октября и не позже 1 ноября ни в каком случае (разве если Вы захотите медлить) новая рукопись моя может быть Вам передана. При этом я считаю нужным просить Вас, в случае получения ее, напечатать в первом же № Современника рассказ черноморского пластуна [2], лучший, как мне кажется, из всей моей коллекции и при том драгоценный еще потому, что это рассказ единственного экземпляра пластунов, попавшегося в плен; и если можно будет прислать мне и самый № Современника, в котором он будет напечатан.

Что касается до предложения Вашего — быть корреспондентом, считаю нужным сказать, что я был бы крайне доволен и крайне желал бы, чтобы это могло состояться как можно скорее. Надеюсь, что я мог бы как-нибудь доставлять Вам известия о всех наших текущих новостях, тем более, что, состоя при редакции «Вестника», мне невольно приходится знакомиться со всем этим, хотя, к несчастию, и не всегда печатным образом. Если бы это касалось только лично до меня и до моих личных желаний, я бы не задумался ни на минуту, чтобы отвечать Вам самым положительным образом на это предложение; но и тут необходимо сознаться, что я не могу быть спокойным до тех пор, пока не обеспечу себя честным образом со стороны рукописи моей, переданной Вам братом. Прошу

Вас, как может просить человек, дорожащий своей репутацией, возвратить мне ее, и я навсегда к Вашим услугам. Меня бы крайне обрадовали утвержденные с Вами отношения; тогда я мог бы быть по крайней мере уверенным в том, что хотя где-нибудь я нашел бы уголок для печатания изредка составляемых мною литературных произведений. Репутация Вашего журнала могла бы доставить и мне и репутацию и выгоды.

Заключение этого письма может быть легко понято Вами: если я получу от Вас по почте мою рукопись или получу уведомление от г-на Сухомлинова или же брата о получении ее (что, может быть, и случится на-днях, если Вы взвесили точный смысл моего первого письма) — Вы можете вполне надеяться, что 2-й том моих рассказов Вы немедленно получите от моего верителя, который к 25 октября уже должен быть в СПбге, на условиях прежде уже объявленных Вами лично брату моему. Открывшиеся у нас теперь вновь телеграфические сообщения подадут мне самый легкий способ уведомить его в тот же день о моем согласии на передачу Вам новой рукописи. В то же время я постараюсь с сегодняшнего же дня заготовить Вам письмо о современном положении как нашего города, так и близ лежащих мест. Конечно, предваряю Вас, я ни в каком случае не намерен выражать свои претензии, если б мои будущие письма были подвергнуты Вами каким бы то ни было переделкам. Об одном только попрошу Вас, не печатать под ними моей полной фамилии, а только Н. С. К этому умеренному требованию побуждают меня некоторые условия частной моей жизни. Вот все, что я могу сказать Вам об условиях, под которыми я согласен на напечатание 2-го тома моих рассказов и на принятие на себя звания Вашего корреспондента, которое постараюсь выполнить самым точным образом. Конечно, никому не было бы столько жаль приостановить печатание своих рассказов в Вашем журнале, как мне, — но только не первого тома, на печатание которого, как Вы сами понимаете, я ни в каком случае не могу дать своего согласия. Но если Вы уже передали его Сухомлинову или брату, то предоставьте [ему] им как можно скорее уведомить меня об этом. Только под этим условием я могу предложить Вам вполне свои услуги, надеясь на обещанное Вами вознаграждение, почему в ожидании Вашего немедленного извещения и остаюсь

всегда Вам преданный и готовый к услугам

Н. Сокальский

[1] Это письмо Некрасова в печати неизвестно.
[2] «Секрет. Рассказ пластуна» — напечатан в «Совр.», 1856, VI.

<3>

Одесса, 9 ноября 1855 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я только что получил письмо Ваше от 27 октября [1]. Странно мне, что Вы хотите представить в каком-то неестественном виде положение брата. Дело слишком ясно само по себе, чтобы объяснять его таким странным образом. Он, как брат, и как человек, пользующийся вполне моим доверием, имел полное право распоряжаться моею собственностью, и, если сделал промах, то единственно потому только, что не знал о запродаже моей рукописи в Одессе. В этом состояла вся ошибка его. Конечно, если хотите, я сам виноват, что я не предварил его об этом, — но дело сделалось прежде, нежели это пришло мне в голову. К тому же эта непредвиденная, печальная ошибка с его стороны не так важна, чтобы придавать ей значение,— Вы наверное нашли в письме моем легкие способы загладить ее совершенно, именно — доставлением Вам новых рассказов; и

если это будет сделано — надеюсь, он останется прав перед Вами во всех возможных отношениях. Я же пользуюсь только своим правом собственника и не позволю никому печатать своей рукописи. Положение, как изволите видеть, самое естественное. Но дело еще пока в рассказах. Во втором письме Вашем, так же как и в первом, Вы настоятельно повторяете мне просьбу свою о присылке военных повестей; а между тем не хотите обратить никакого внимания и на мою убедительнейшую просьбу. Вызванный необходимостью, я просил Вас — передать означенную рукопись или брату, если он находится в СПБге, или г. Сухомлинову, который имеет в нем постоянное жительство, — и, кроме того, предварял Вас, что только при этом условии я буду согласен на передачу в редакцию Современника новых моих рассказов. Ожидая, как мне казалось естественнее всего, встретить ответ на эту просьбу в Вашем письме, я, к сожалению, ничего подобного в нем не нашел. Не знаю, как объяснить этот факт и не знаю на что решиться.

Вы опасаетесь, что‹бы› вмешательство Цензуры, по моей просьбе, или «похмелье в чужом пиру» не обошлось Вам слишком дорого. Считаю нужным уведомить Вас, что я принялся за него еще прежде Вас и проиграл условия, которые были выгоднее предложенных Вами. Это легко понять, если принять во внимание, что третья часть запроданной книги уже напечатана. Поэтому, во избежание лишних беспокойств, прошу Вас покорно не печатать далее рассказов, т. е. далее X книжки Современника, или если Вы желаете иметь подобные рассказы для XII и дальнейших книжек, то, возвративши брату моему (который в настоящее время должен быть в С.-Петербурге) прежнюю рукопись, Вы можете получить от него немедленно рассказы, на условиях, которые я обозначу самым точным образом в отправляемой к нему записке. Таким образом, это не затруднит Вас излишнею перепискою и будет соответствовать желанию Вашему — обделать скоро дело. Кроме того, в этом может быть для Вас и другая выгода, — именно: избегнуть убытков, о которых Вы пишете. Это мой «скорый и определительный ответ», которого Вы желаете. Только позвольте попросить Вас — обратить внимание и на мои просьбы!

Адрес моего брата Вы узнаете или от г. Сухомлинова или от г. Бабичева, советника Спб. Правления, или же он доставит его Вам лично. Удобство подобного сообщения избавит Вас от лишних беспокойств, даже по пересылке денег, которые Вы можете вручить ему самому.

На-днях я отправил к Вам, по Вашему желанию, для перепечатания, письмо о военном положении нашего города. Надеюсь доставлять их и впредь.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности и готовности к услугам

Н. Сокальский

[1] Письмо Некрасова в печати неизвестно.

‹4›

Одесса, 17 ноября 1855 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я чрезвычайно благодарен за исполнение Вами моей просьбы, состоявшей в передаче брату рукописи рассказов. Этим, без всякого сомнения, Вы пресекли сразу все недоразумения, возникшие между нами, и положили утешительное для меня начало дальнейших литературных сношений. Словом, я Вам очень и благодарен и обязан. К счастью, еще на-днях мною получено было письмо от брата, которое в настоящее время позволяет и мне отвечать Вам самым утвердительным образом на некоторые предложенные вопросы.

На приглашение Ваше — быть корреспондентом, и на требование — прислать дальнейшую серию рассказов изъявляю свою готовность. К этому побуждает меня отчасти и репутация Вашего журнала. Но при этом позволю себе небольшую оговорку.

Прежде всего, относительно самых рассказов. Полагаю, что Вам и мне равно понятно то обстоятельство, что напечатание целой половины моей рукописи в X и XI №№ Современника [1] должно было по необходимости нарушить все мои условия с Одесским издателем, — и они действительно нарушились. Я остался, как говорится, на мели. Не желая, впрочем, снова поднимать прежнего неприятного дела, которое так счастливо, можно

ПРУД В СЕЛЕ АБАКУМЦЕВО
На заднем плане церковь, в ограде которой находятся могилы родителей поэта
Фотография А. В. Попова, 1935 г.

сказать, само собою приблизилось к своему окончанию, я позволяю себе надеяться, что Вы примете и оставшиеся ненапечатанными рассказы из старой рукописи и дадите им место в Вашем журнале. Позволю себе и еще надеяться, что Вы не захотите первого знакомства нашего, по литературе, начать для меня невыгодами, при которых, однакож, я останусь, если Вы не примете условий моих. Желая предать полному забвению прошедшее и извинившись перед братом, — я передал ему, вместе с тем, в письме от 16-го ноября, обстоятельные и решительные условия, на которых дело о печатании моих рассказов может быть с ним лично улажено и притом окончательно. При этом полагаю нужным и уверить Вас еще раз, что во всех будущих сношениях моих с Вами он всегда может заменить меня и что, следовательно, Вы можете без всякого препятствия отдавать ему все следуемые деньги. Я всегда доверял ему как брату, и теперь заочно утверждаю все условия, какие бы он с Вами ни заключил. Сношения мои через него гораздо удобнее для меня: он будет доставлять Вам статьи мои и будет

знать свой расчет. Кстати, по его настойчивым просьбам, я, наконец, принялся за обделку моих новых рассказов. Думая еще прежде отправить их в Петербург, как я и писал Вам, я приостановился, однакож, отсылкою, потому что находился в полном неведении, — что выйдет из поднятой тревоги и как я буду удовлетворен? Теперь же, к несчастью, я остался решительно без свободного клочка времени, будучи сильнее обыкновенного занят по редакции «Одесс‹кого› Вест‹ника›», и потому не могу заняться скорою их обделкою. Поэтому, удовлетворяя и Вашему и его желанию, могу повторить только уже сделанное ему мною обещание — с будущей недели (с 20 ноября — непременно) присылать ему постоянно по 2, или по 3, как успею, этих обделанных повестей, которые он передаст Вам в свое время, но при одном условии, если он и я, мы будем равно убеждены, что старая рукопись моя вполне будет напечатана в Вашем журнале. Это все, что я могу обещать Вам, и в чем надеюсь оправдать себя перед Вами. В заключение я должен сообщить Вам, что брат, при передаче Вам обратно моей рукописи, кроме условий взаимных, которым, полагаю, в этом случае излишне будет придавать официальный тон, — сообщит Вам вместе и о том, что сделать с оттисками напечатанных в №№ X и XI Современника повестей. Таким образом, предоставляя брату заключить условия, я вместе с тем и пишу ему о получении от Вас денег. Что касается до сообщения Вам известий об одесских новостях, то я должен заметить, что, отправив к Вам одно из таких писем, я не могу обещать доставить в скорости и другое, по случаю усилившихся занятий моих по редакции, но к 1 января, а если успею и к 10 декабря доставлю и другое — после чего уже последует аккуратный ежемесячный отчет с моей стороны. Только я не понимаю, хотите ли Вы военных известий? — в таком случае я готов сообщить ходячие, часто неверные, но часто и любопытные слухи, — или же только наши местные известия?

О месте жительства брата моего можно узнать у адъюнкта М. С. Сухомлинова. При этом считаю долгом выразить Вам свое уважение.

Готовый к услугам
Н. Сокальский

P. S. Если брат мой, сверх ожидания, сообщил уже Вам какие-либо условия, о которых я точно писал ему неделю тому назад, наугад, не зная еще его ответа, то в таком случае я убедительно буду просить Вас [выслушать] принять именно те из них, которые сообщит он Вам, по получении письма моего от 16 ноября, а не раньше. Только в этот раз я был ознакомлен со всем течением дел, о которых прежде едва знал, почти по слухам, именно о том, какая дальнейшая судьба ожидала мои рассказы, — и надеюсь, что это будет последним недоразумением в начинающихся сношениях наших.

[1] Было напечатано в «Совр.» 1855, X — «Восемь месяцев в плену у французов (после Альмского дела). Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского» и в «Совр.», 1855, XI — «Современные рассказы» (из рукописи Сокальского): «Дело под Журжею, 25 июня 1854 г.», «Занятие Евпатории союзными войсками», «Два ополчанина», «Два случая из севастопольской жизни».

Начало печатания рукописи Сокальского в «Совр.», 1855, X, было предварено следующим «примечанием» от редакции, написанным, видимо, самим Некрасовым:

«Предлагаемый рассказ взят редакциею „Современника" из приобретенного ею рукописного сборника солдатских рассказов, составленного под редакцией Н. Сокальского. С этими рассказами мы будем постепенно знакомить наших читателей, и, по мере чтения, публика, конечно, сама оценит заслугу собирателя; нам остается только пожелать, чтоб господин Сокальский продолжал свое прекрасное дело так же, как начал. Со способом составления рассказов, записанных большею частию самим г. Сокальским или его сотрудниками со слов солдат, читатель познакомится из примечаний, находящихся при каждом рассказе и принадлежащих г-ну Сокальскому. К ныне печатаемому рассказу сделано им следующее примечание...» (далее полностью приводится текст примечания Сокальского о солдате Павле Таторском).

К. Т. СОЛДАТЕНКОВ

В печатаемых ниже письмах речь идет об известном первом собрании стихотворений Некрасова 1856 г. Предистория этого издания вкратце такова. Весной 1855 г. редакция «Современника» и лично Некрасов встретились с серьезными финансовыми затруднениями. Находясь с конца мая этого года для лечения в Москве, Некрасов, в поисках денег, вступил в переговоры с известным издателем, купцом-«меценатом» Козьмой Терентьевичем Солдатенковым (1818—1901). Переговоры закончились тем, что Некрасов продал Солдатенкову право на первое издание своих стихотворений и тогда же 7 июня передал ему самую рукопись их. Эта, так называемая, «солдатенковская тетрадь», объемом в 252 страницы, содержащая беловые автографы некрасовских стихотворений и авторизованные списки их (рукою А. Я. Панаевой), долгое время считалась утраченной. Она была обнаружена Е. Н. Коншиной лишь в годы Великой Отечественной войны. «Солдатенковская тетрадь» хранится ныне в рукописном отделении ЛБ (см. К. Чуковский. Драгоценная находка — «Огонек» 1946, декабрь, № 48—49, стр. 20—22).

Текст условия, заключенного между Солдатенковым и Некрасовым, неизвестен. Но если судить по письмам Т. Н. Грановского и самих участников соглашения, Некрасов получил от Солдатенкова в два платежа 4500 р. аванса, и к изданию было решено приступить в октябре («Т. Н. Грановский и его переписка», II, М., 1897, 306; Некрасов, V, 222, 226 и публикуемое ниже письмо Солдатенкова от 25 сентября 1855 г.). Однако Некрасов, наложив вскоре veto на издание «тетради», которую он передал 7 июня 1855 г. Солдатенкову, и пообещав прислать вместо нее другую рукопись («несравненно полнее данной Вам мною летом»), несколько раз откладывал выполнение своего намерения. В начале 1856 г. он счел нежелательным выход в свет стихотворений в издании Солдатенкова, о чем, наконец, после двухмесячного молчания известил издателя 26 марта 1856 г. (письмо это в печати неизвестно; ср. письмо Некрасова к Боткину от того же числа и к Солдатенкову от 27 марта — Некрасов, V, 238—240). В ответ на это Солдатенков 8 апреля 1856 г. написал Некрасову резкое письмо, в котором извещал его о расторжении условия и о необходимости возвращения выданных денег (письмо это, опубликованное В. Е. Евгеньевым-Максимовым в «Голосе Минувшего», 1916, IX, 183—184, перепечатывается ниже). Однако в один из ближайших дней Солдатенков получил письмо Некрасова от 27 марта, отменявшее его решение, принятое накануне, 26 марта, и восстанавливавшее для Солдатенкова право на издание.

Последующая переписка Некрасова с Солдатенковым, если она была, неизвестна, и дальнейшая история издания не вполне ясна. Оно вышло в свет фактически лишь в октябре 1856 г., хотя на нем стоит дата цензурного разрешения от 14 мая того же года. Книга была издана не единолично К. Солдатенковым, а совместно с Н. Щепкиным. О дальнейшей судьбе издания см. в «Лит. Наследстве», т. 53—54 публикации В. Нечаевой «П. А. Вяземский — цензор Некрасова» и С. Дымова «Новое о Некрасове в архиве Н. Г. Чернышевского».

Письма печатаются по автографам ИЛИ (21.129/CXLб15).

⟨1⟩

⟨Москва, 25 сентября 1855 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

По случаю приближающегося последнего срока для представления в цензуру Ваших стихотворений, покорнейше прошу Вас уведомить меня, как Вы распорядитесь — пришлете ли мне процензированную рукопись или мне отдать в цензуру, которая у меня.

От имени моего скажите Ивану Ивановичу ⟨Панаеву⟩ мое сердечное спасибо за присланные им стихотворения.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении покорного слуги

К. Солдатенкова

Москва, 25 сентября 1855 года

〈2〉

Москва, 18 января 1856 г.

Большое мое Вам спасибо, любезнейший Николай Алексеевич, за письмо и стихотворение, которое я уже прочитал, напечатанное в 1-й книжке Современника, как мне кажется, с некоторыми пропусками. 1-й № Современника много доставил наслаждения статьями — Вашей, Толстого, Тургенева и Боткина, за что Вам глубокая благодарность [1].

По собранным мною сведениям я решаюсь попробовать отдать Вашу тетрадь в цензуру, — и надеюсь, что ее пропустят, то покорнейше Вас прошу прислать остальную тетрадь, которая у Вас готова, чтоб отдать их все вместе.

А если рыба нравится, то скажите — к масленой пришлю. Мой поклон Василью Петровичу 〈Боткину〉, Ивану Ивановичу 〈Панаеву〉 и Авдотье Яковлевне 〈Панаевой〉. Душевно любящий

Ваш К. Солдатенков

[1] Письмо Некрасова неизвестно. Стихотворение, о котором идет речь, одно из напечатанных в «Совр.», 1856, I, стихотворений Некрасова: «Саша», «Внимая ужасам войны», «Филантроп»; скорее всего — последнее, подвергнувшееся цензурным изменениям (см. о них в комментариях К. Чуковского в Полн. собр. сочинений и писем Некрасова, т. I, М., 1948). В «Совр.» (1856, I) Л. Н. Толстой напечатал «Севастополь в августе 1855 г.», И. С. Тургенев — роман «Рудин» и В. П. Боткин — статью «Героическое назначение поэта».

〈3〉

Москва, 20 марта 1856 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Не получая до сих пор, несмотря на мои просьбы, не только следующей по условию дополнительной тетради Ваших стихотворений, но даже ни строчки, ни слова в ответ на мои вопросы об этом предмете — я решил приступить непременно к печати в этом же месяце; а потому прошу Вас покорнейше, если Вам не угодно прислать добавочных стихотворений, разрешить мне печатание тех стихотворений, которые по заключении условия были напечатаны в Современнике. Обязали бы так же, если б прислали пополнения или поправки, которые вздумаете сделать.

Еще раз прошу Вас удостоить меня решительным ответом [1].

Имею честь быть Ваш, милостивый государь, покорный слуга

Козма Солдатенков

[1] На это письмо Некрасов отвечал 27 марта 1856 г.: «Вчера я послал к Вам письмо, в котором просил Вас уволить меня от печатания моих стихов и принять обратно деньги. Я поступил так под влиянием уверенности, в которой находился, что Вы, по доброму своему ко мне расположению, так же охотно снизойдете к нынешнему моему желанию, как год тому назад снизошли к крайности, вынудившей меня искать денег и предложить Вам мои стихи, на которых я никогда не думал делать (и не думаю) спекуляции. Но ныне дошли до меня сведения, что я обвиняюсь (не Вами, но людьми, близкими к Вам) в каком-то низком поступке с Вами по поводу нарушения контракта и проч. Не знаю Вашего личного мнения и не думаю, чтоб Вы смотрели на это дело так, но во всяком случае не желаю подавать дальнейшего повода к этим толкам. — Поэтому печатайте мои стихи и присоединяйте к ним все, что найдете в Современнике» (Некрасов, V, 239—240).

Письмо это, восстанавливавшее право Солдатенкова на издание, еще не было получено им, когда он отправлял Некрасову 8 апреля публикуемый ниже ответ на письмо от 26 марта. Отвечал ли Некрасов Солдатенкову на письмо от 8 апреля — неизвестно. Практически конфликт был уже ликвидирован приведенным выше письмом Некрасова от 27 марта. Упоминаемые в этом письме лица, неблагоприятно отзывавшиеся о Некрасове в Москве в связи с его отношениями к Солдатенкову, — Н. Х. Кетчер и И. Е. Забелин (см. письмо Боткина Некрасову от 25 марта 1856 г. — «Голос Минувшего», 1916, IX, 186—187).

К. Т. СОЛДАТЕНКОВ
Фотография 1860-х гг.
Литературный музей, Москва

‹4›

Москва, 8 апреля 1856 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я никогда не искал приобретения права на издания Ваших стихотворений: я купил его у Вас только по Вашей же усиленной просьбе. И вот Ваши собственные выражения Вашего желания, чтоб они были изданы. «Вот мои стихотворения, — пишете Вы в письме от 7 июня 1855 г. — делайте с ними, что хотите; я с ч а с т л и в, что они попали в Ваши руки и вполне предоставляю Вашему вкусу все, что относится до их издания». — Затем в другом письме, без числа, на мою просьбу об исполнении условия, Вы пишете: «Я приготовил уже другую рукопись моих стихотворений (несравненно полнее данной мною Вам летом), и эту рукопись жду удобного случая представить в цензуру... итак, погодите, во всяком случае обещаю Вам, что постараюсь устроить так, чтобы к н о в о м у г о д у Вы могли выпустить мою книжку. Впрочем, я могу только просить, и если б Вам захотелось поступить по условию, то в претензии не буду. Примите только в соображение, что это промедление во времени в результате отразится выгодно на самой книжке (между прочим), потому что я успею окончить множество новых пьес, которые давно начаты. Дополнительную тетрадь для Вас готовлю». Наконец, в письме от 24 декабря 1855 г. Вы пишете: «Не думайте, чтоб я дремал касательно издания моих стихов,— все они переписаны начисто в особую тетрадь и если б какой-нибудь московский цензор пропустил Вам мою тетрадку с теми дополнениями, которые я вышлю к ней, — то это было бы всего короче и проще. Не вздумаете ли попробовать это?» Но странное дело, — это желание, это старание (по крайней мере письменное) уладить и ускорить издание Ваших проданных мне стихотворений, которое Вы весьма положительно высказывали в продолжение семи месяцев во все время, когда напечатание их было затруднено, — исчезает мгновенно при первой представившейся возможности их напечатания.

После двухмесячного молчания, за моей просьбой выслать дополнительную тетрадку для представления в цензуру — я слышу вдруг от возвратившегося Вас<илия> Петр<овича> <Боткина>, что Вы, к немалому моему изумлению, хотите отложить печатание до зимы, для того, чтобы многое выправить и переделать; и вслед за тем, через несколько дней получаю от Вас письмо, еще изумительнейшее, с просьбой уволить Вас решительно от обязательства, которое Вы дали мне касательно Ваших стихотворений, по тому уважению, что Ваши стихи Вы «ни под каким видом не желаете теперь видеть в печати» и что «даже мысль об этом Вам противна» — хотя (опять странное дело) Вам нисколько не противно печатать их в «Современнике» и даже из тетрадки, мне проданной.

Все это, может быть, ничуть не удивительно и очень обыкновенно в высших поэтических сферах, но я неуч и потому не могу не удивляться таким, невозможным в нашей невежественной сфере поступкам.

«Что бы ни было и как бы ни было, книги моей видеть в печати теперь я не могу и не хочу», — пишете Вы в последнем Вашем письме, забывая, что несмотря на это грозное *не хочу*, Вы все-таки могли бы видеть ее, ежели б уважение, если не к литераторам, то к литературе вообще, не заставляло меня, во избежание противного для меня литературного скандала, согласиться на Ваше требование, несмотря на полное сознание не только юридической, но и нравственной правоты моей, — несмотря на неловкое положение, в которое ставит меня эта уступка, потому что издание Ваших стихотворений тотчас по покупке было уже подарено мною одному из моих знакомых[1] — вероятно из грошевничества, как выразился Вас<илий> Петр<ович>, Ваш ретивый ходатай.

После этого Вы поймете, что Вы даже обяжете меня скорейшей высылкой заплаченных мною Вам денег, по получении которых я тотчас же возвращу Вам Ваше условие.

Ваш покорный слуга Козма *Солдатенков*

На конверте: Милостивому государю
Николаю Алексеевичу *Некрасову*
в конторе Современника, на Невском проспекте
против Арсенала Аничкова дворца, в доме Заветного,
при Книжном магазине А. И. Давыдова <1 сл. нрзб.>
в С.-Петербурге

Почт. штемпель отправления:
Моск. ст. жел. дор.
8 апреля 1856

Почт. штемпель получения:
Получено
1856
9 апр.

[1] В письме от 30 марта 1856 г. В. П. Боткин писал Некрасову: «Вот тебе новость: сегодня слышал я от одного приятеля Солдатенкова, что он формально передал права своего контракта с тобой Забелину, и, следовательно, Забелин будет издателем твоих стихотворений» («Голос Минувшего», 1916, IX, 189).

С. М. СОЛОВЬЕВ

Известный историк Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) был сотрудником «Современника» в 1847—1851 гг.

Письма Некрасова к Соловьеву в печати неизвестны, за исключением одного, от 20 декабря 1850 г., опубликованного Э. Герштейн в журнале «30 дней», 1938, I, 96—98.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (21.171/CXLVб18).

〈1〉

〈11 сентября 1847 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Извините, что я долго не отвечал на Ваше письмо; причина та, что я был поставлен им в затруднение. Обещанная статья вышла чрезвычайно огромна; первая часть еще не окончена и уже страшно велика, а вторая будет еще больше первой, а главное, статья вышла чисто ученая, следовательно, слишком сухая для Вашего журнала. Такими статьями я Вас угощать не намерен, а так как обещание дано, то я постараюсь доставить Вам одну или две других статьи, не такие обширные и более живые по предмету; срока я назначить не могу, а пошлю Вам, когда они будут готовы.

С истинным уважением имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Сергей Соловьев

11 сентября 〈1847 г.〉

〈2〉

〈9 ноября 1847 г.〉

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Я потому так долго не отвечал Вам, что изыскивал всевозможные средства удовлетворить Вашему желанию, перебирал все возможные темы, которые бы могли допустить такую быструю обработку — и не мог найти ничего подобного. Мне остается опять повторить Вам уверение, что обещание мое будет исполнено, но срока назначить не могу [1].

С искреннейшим уважением имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Сергей Соловьев

9 ноября 〈1847 г.〉

[1] В «Современнике» (1848, I—IV) была напечатана статья Соловьева «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых», откуда и датировка писем (ср. Некрасов, V, 109—110). Печатание этой работы было продолжено в «Совр.», 1849, I—III, XI—XII и 1850, I.

М. М. СТАСЮЛЕВИЧ

В 1874 г., будучи уже редактором-издателем «Вестника Европы», Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) предпринял издание «Русской Библиотеки» — сборников избранных произведений русских авторов. Первый сборник был посвящен А. С. Пушкину; доходы от его издания предназначались в помощь голодающим крестьянам Самарской губернии. К этому делу был привлечен и Некрасов. По плану Стасюлевича он и Некрасов должны были, взяв все расходы издания на себя, сразу же внести в пользу самарцев определенную сумму (видимо, 5 тысяч рублей) и лишь затем начать продажу книги. Этот план, с которым первоначально был согласен и Некрасов, был вызван неуверенностью, что публика быстро раскупит издание; задержка же в распродаже книги могла замедлить оказание помощи самарцам. Некрасов, однако, скоро увидел в предложенном плане неприемлемую для себя сторону. В этой связи он писал Стасюлевичу:

«Купить все издание Пушкина и сделаться его собственниками, вместо голодных самарцев, значит: 1) Предвосхитить у публики право покупать Пушкина в пользу самарцев. 2) Лишить издание самых надежных и достаточных покупщиков, т. е. всех тех, которые имеют полного Пушкина и которые купили бы наше издание ради самарцев. Зачем покупать, когда сумма уже внесена и дело находится в частных руках? 3) Лишить самарцев, может быть, изрядной суммы, ибо покупающие в пользу самарцев иногда давали бы и более назначенной цены. 4) Дать в благотворительном деле простор спекуляции и сделаться если не участниками ее, то наивными пособниками. Купив книгу у самарцев, книгопродавец посовестится — да может быть это не всегда удобно было бы и юридически — продавать ее выше объявленной цены, — или внесет излишек самарцам, а купив у нас, частных собственников, он может спекулировать ею как угодно, даже публикуя повышенную цену. Одним словом, приобрести все издание, как мы хотели, значит лишить издание его общественного значения и смысла...» (письмо от 28 февраля 1874 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». СПб., 1913, V, 65—66; Некрасов, V, 521—523).

Ответом на эти доводы Некрасова и является первое из публикуемых ниже писем Стасюлевича. Второе письмо связано с изданием VII выпуска «Русской Библиотеки», посвященного Некрасову.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 88).

‹1›

СПб., 28 февр‹аля› ‹18›74 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Я с Вами не совсем согласен, хотя и признаю в Ваших соображениях долю правды. Эту долю правды я и сам чувствовал, а потому — Вы заметили — в тексте не упомянул, кто именно вносит, а сказал просто: вносутся — мол. Кем? — «Русской Библиотекой»! А на более назойливые вопросы будем отвечать: «Что в имени тебе моем!» Заплати 75 копеек и получи книгу, которую тебе христопродавец, он же и книгопродавец, продал бы за 1 р. 50 копеек!

Книжки Русск‹ой› Библ‹иотеки› будут кредитными бумажками, которые мы выпускаем с целью, как говорят финансисты, антиципировать сбор. Точно таким же образом Экспедиция заготовления Госуд‹арственных› бумаг выпускает свою прозу, как мы теперь выпускаем стихи Пушкина. Смотрите на каждую нашу книжку, как на кредитку, которая представляет собою трехрублевый.

Одним словом, у общества мы не отнимаем права принять на 75 к. участие в добром деле, но показываем, 1) что мы знаем, что такое антиципация сбора, и 2) что мы уверены в доброкачественности выпущенной нами кредитной ценности.

М. М. СТАСЮЛЕВИЧ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР,
Ленинград

Вот почему позвольте мне остаться неисправимым и просить Вас о следующем, если мы доживем до этого «следующего»: я теперь антиципирую сбор с Пушкина; если это дело пойдет хорошо, то не соблазнитесь ли Вы после сделать то же с Лермонтовым [1] и антиципировать с него сбор. Впрочем, обо всем этом поговорим 9 марта, когда мы, я надеюсь, соберемся опять у Гаевского [2] на торжественный акт рождения и выхода в свет первого тома Р⟨усской⟩ Б⟨иблиотеки⟩; послезавтра, думаю, можно будет сдать его в руки повивальных бабок на 7 дней [3].

Весь Ваш М. Стасюлевич

[1] Как видно из предисловия к I т. «Русской Библиотеки», 4800 р. все же были внесены в фонд помощи голодающим по выходе книги в свет. Остается невыясненным, были ли внесены эти деньги одним Стасюлевичем или совместно с Некрасовым; на обложке издания нет указания на то, что книжка издана в пользу голодающих самарцев. Второй выпуск «Русской Библиотеки» был посвящен Лермонтову. Никаких данных о том, что Некрасов согласился «антиципировать» с него сбор, в нашем распоряжении не имеется. Надо думать, что Некрасов, оставаясь при тех соображениях, которые были изложены им в цитированном письме к Стасюлевичу, и на эту «антиципацию» не согласился.

[2] В. П. Гаевский также принимал близкое участие в организации издания «Русской Библиотеки».

[3] Под «повивальными бабками» Стасюлевич имеет в виду цензоров. Согласно действовавшему закону, на цензурный просмотр полагалось семь дней.

⟨2⟩

⟨11 января 1877 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

На прилагаемом листе я расписал Вам все в аккурат: если Вы что вычеркнете, то будете знать всякий раз, какую Вы этим открываете вакансию, т. е. сколько страниц из контрактного издания освобождаются для нового выбора. Потом я отвел Вам графу для определения года. Если

нельзя при каждом отдельном стихотворении, то определите вообще период всей первой книги. В других книгах я нашел почти везде годы [1].

Из внеконтрактной седьмой книги [2] взято около 2 листов; не мешало бы еще листика два прибавить, так, чтобы новый том «Русской Библиотеки» образовал бы до 20 листов.

В конце этой недели заеду сам к Вам, и Вы мне все объясните, чего не допишете на прилагаемом листе.

Ничего другого, кроме здоровья, не желаю в эту минуту.

Весь Ваш
М. Стасюлевич

11. I. <18>77 г.

Прилагаю Вам первые два листка пробных — не стесняйтесь ими нисколько. Впрочем, тут вещи отличные, и без них обойтись мудрено.

[1] Речь идет о VII выпуске «Русской Библиотеки», посвященном Некрасову и вышедшем в апреле 1877 г. В этом выпуске помещены биография Некрасова без подписи и ряд его стихотворений и поэм, расположенных в хронологическом порядке. Биография Некрасова в этом издании заканчивалась следующим примечанием: «Начало настоящего очерка, до оставления Н. А. Некрасовым университета, написано с его слов и было прочтено ему для фактической проверки; серьезная болезнь его уничтожила возможность воспользоваться его указаниями для последующих периодов...» (стр. XII). Через год, перепечатывая очерк в «Вестнике Европы», Стасюлевич сопроводил его более подробным комментарием. (См. перепечатку этого очерка и комментарий к нему в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 188—190).

Данное письмо служит лишним подтверждением того, что в подготовке издания больной Некрасов принимал самое близкое участие.

[2] С 1864 г. Некрасов, издавая свои стихотворения, разбивал их на «части» и прибавлял к последующим изданиям или переизданиям по одной и более «частей», Состав последнего прижизненного издания был таков: «Стихотворения Н. Некрасова». 1-я и 2-я части — издание 6-е, 3-я часть — издание 4-е, 4-я и 5-я части — издание 2-е, 6-я часть — издание 1-е, СПб., 1873—1874. Из материалов этого издания, которое Стасюлевич называет «контрактным», и должен был быть произведен, по первоначальному соглашению, отбор текстов для VII выпуска «Русской Библиотеки». Но это условие не было соблюдено. В издание Стасюлевича вошли также произведения из подготавливавшейся Некрасовым к печати, но не вышедшей при его жизни, очередной 7-й части его «Стихотворений». Несомненно, что именно эту «часть» Стасюлевич и именует в письме «внеконтрактной седьмой книгой». Ср. выше, на стр. 273, комментарии к записке А. А. Буткевич к П. А. Ефремову от 26 января 1877 г.

Е. СТЕПАНОВ

Курьезные письма одержимого стихотворческой страстью унтер-офицера и писца Ефрема Степанова любопытны как бытовые документы и, естественно, ни в каких пояснениях не нуждаются. Печатаются по автографам ИЛИ.

⟨1⟩

⟨12 июня 1868 г.⟩

Ваше Превосходительство
Николай Алексеевич!

Идя наперекор своему необразованию и тернистому житейскому пути, я, распаляемый непонятным огнем, пишу стихи. Первые стихи, сочиненные мною в течение нескольких лет, я напечатал в июле месяце прошлого года, и в чем не раскаиваюсь только потому, что увидел душевные свои чувства в печати. Не зная же положительно, что делать с сочиненными мною после того стихами, я осмеливаюсь представить их при сем особою посылкою к Вашему Превосходительству, на тот конец, не окажусь ли великим счастливцем найти в Вашем Превосходительстве истинного своего благодетеля на поэтическом поприще. Примите их, Ваше Превосходительство, и поступите с ними по впечатлению великой своей Души. В стихах Вы изволите увидеть всю мою душу как в зеркале. Напечатанную книгу для взгляда и с себя портрет я также представляю. Ответ мне от Вашего Превосходительства о ходе моих стихов будет для меня, как день Пасхи.

Унтер-офицер Ефрем Степанов

Июня 12 дня 1868 г. Одесса

⟨P. S.⟩ Нахожусь в продолжительном отпуску и служу писцом в Одесской Распорядительной Думе.

⟨2⟩

⟨22 июля 1868 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

12 истекшего июня я послал к Вам с благою целию свои стихи и не получил до сего времени никакого ответа; я уже, как Петр, стремившийся когда-то по волнам морским к Спасителю, начал колебаться верою, — и горько будет мне перенести данный случай, если только я стремлюсь к Вам, милостивый государь, как к своему благодетелю — ошибочно; хотя я верю, что долго ли коротко ли, но истинный небесный Спаситель, не давший утонуть Петру в волнах морских, выведет и меня из волн житейского суетного омута, в чем и подкрепляют меня надеждою вылившиеся из пылающих моих чувств неподдельною любовию следующие стихи:

В груди моей бушует сила
Огонь торжественный кипит.
И не страшит меня могила —
Господь в пути меня крепит.

Ему с слезами я молился
Открыть фонтан в моей груди,
И вот по чувству он разлился
И много счастья впереди.

Упьются им народы мира
И жажду будут утолять
И громка будет моя лира
И бога будет прославлять.

Ефрем Степанов

22 июля 1868 г. Одесса

⟨P. S.⟩ Служу в Распорядительной Думе.

*

Н. Н. СТРАХОВ

Философ-идеалист и литературный критик славянофильских изданий Николай Николаевич Страхов (1828—1896) являлся одним из наиболее последовательных и непримиримых противников революционно-демократического лагеря. Еще в качестве сотрудника журналов «почвеннического» направления — «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865), выходивших под редакцией Ф. М. Достоевского, Страхов, под псевдонимом Н. Косица, вел напряженную полемику с «Современником». Вся его последующая литературно-журнальная деятельность также была посвящена, в основном, борьбе с общественно-политическим, идейно-философским и литературно-художественным содержанием русской революционной демократии.

Вполне последовательно было поэтому враждебное отношение Страхова к Некрасову, хотя и не переходившее в отрицание его поэтического таланта. Считая Некрасова «изменником литературы», посылая свое напутственное «в добрый час» намерению Антоновича и Жуковского «растерзать» поэта, Страхов вместес тем признавался в 1870г.: «Некрасова я, однако, внимательно и усердно читаю». А когда Достоевский заявил однажды, что в России нет никакой другой литературы, кроме «помещичьей», которая уже «сказала все, что имела сказать», Страхов тут же откликнулся на такое утверждение словами: «А что же забыли Кольцова, Некрасова (великого..., но поэта)? А Ваш „Мертвый дом"? Это ли не народная литература? Значит, она, во всяком случае, сказалась уже, хотя ей, может быть, и предстоит бо̀льшее развитие» (Из писем Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому — «Шестидесятые годы». Сб. Института литературы Академии Наук СССР, под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера, М.—Л. 1940, 259, 262, 267, 274). Наиболее развернутое из своих высказываний о Некрасове Страхов дал в 1870 г. Он писал: «Некрасов есть первообраз наших обличительных поэтов, коих было и есть множество. Он всю жизнь обличал язвы нашего отечества, пороки и страдания чиновников, пустую и развратную жизнь офицеров, гнусности Невского проспекта, а главное — страдания простого народа во всех его многоразличных видах, начиная от бабы, которая

Завязавши подмышки передник,
Перетянет уродливо грудь
(ч. I, 27)

и до мужика, у которого

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках.
Вечно в воде по колена стоявшие
Ноги опухли, колтун в волосах
(ч. IV, 130)

В силу этого, Некрасов сам о себе говорит следующим образом:

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ,
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет...
. . . .
. . . .

...Этот поэт есть выразитель и покровитель направления, которое давно ославило себя крайностями и нелепостями, которое составляет истинную болезнь русского общества. Некрасов есть один из писателей, наиболее страдающих этой болезнью» («Некрасов и Полонский» — «Заря», 1870, IX, 127—164, перепечатано: Н. Страхов. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888, 137).

Человек уравновешенного характера, «один из трезвых между угорелыми», как говорил он сам о себе, Страхов, являясь идеологом реакции в борьбе с революционной демократией, не играл, однако, роли журнально-политического застрельщика в этой борьбе и не любил стоять на ее передовых боевых позициях. Это позволяло ему поддер-

живать внешне дружеские личные отношения с большинством своих идейно-политических противников. Так было и с Некрасовым. Как видно из публикуемого письма, Страхов считался с его авторитетом как писателя и редактора и относился к нему, в личном общении, с полным уважением. О неудачной попытке молодого Страхова поместить в 1850 г. в «Современнике» свою юношескую повесть «По утрам» см. сообщение А. Назаревского «Пометы Некрасова на рукописи Н. Н. Страхова» — «Лит. Наследство», т. 53—54.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 89).

⟨Петербург, 14 декабря 1874 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Если бы Вы прислали мне хоть пару оттисков Толстого [1], то и этим очень утешили бы меня. Усердно прошу Вас, нельзя ли чего-нибудь сделать.

Дм⟨итрий⟩ Ив⟨анович⟩ Стахеев очень плачется на судьбу, а я слушаю и чувствую себя виноватым. Я уговорил его обратиться в Отеч⟨ественные⟩ Записки; я сказал, что у него нет еще имени и потому ни в Р⟨усском⟩ Вестнике, ни в Вестнике Европы ему не будет удачи, но что Вы, Николай Алексеевич, сумеете оценить и неизвестного писателя, что Вы всегда отличались смелостью и уменьем выводить на сцену начинающих. Я думаю, что таковы Вы и до сих пор; одна беда — никак не можете прочитать его «Кота» и потому его не знаете [2].

Простите, что мешаюсь в чужие дела; у Вас могут быть свои соображения; мне только как постороннему зрителю жалко, что вещь вполне достойная чтения не печатается.

Сообщу Вам еще для сведения, что у Кускова [3] давно готов перевод Ромео и Джульетты, перевод далеко превосходящий прежние переводы той же драмы. Говорю — только для сведения, потому что хорошо понимаю, как тяжела такая вещь для журнала.

С истинным почтением остаюсь

Ваш покорнейший
Н. Страхов

1874 г. 14 дек⟨абря⟩ СПб.

[1] Речь идет об оттисках статьи Л. Н. Толстого — «О народном образовании», напечатанной в «О. З.» 1874, IX.

[2] Дмитрий Иванович Стахеев (1840—1919) — беллетрист и журналист из елабужских купцов. Был редактором «Нивы» (1876—1878), а 1896 г. (полгода) редактировал «Русский Вестник». Повесть Стахеева «Кот» напечатана в «Русском Вестнике» за 1876 г., № 9. В «О. З.» Некрасова произведений за подписью Стахеева не появлялось, но ему принадлежит очерк «Лесопромышленники», напечатанный в «О. З.», 1868, II, за подписью Елабугин. О Стахееве см. статью С—ва в «О. З.», 1881, II.

[3] Платон Александрович Кусков (1834—1909) — поэт и переводчик, его стихи впервые появились в «Современнике» за 1854 г., затем печатались в «Русском Слове», «Времени», «Светоче»; его перевод «Ромео и Джульетты» был напечатан в «Заре», 1870, X.

И. З. СУРИКОВ

«Крестьянский поэт» Иван Захарович Суриков (1841—1880) не был связан с Некрасовым ни лично, ни идейно. Перепевая иногда в своей лирике некрасовские мотивы, Суриков, однако, в своих сюжетных стихотворениях разменивает некрасовскую демократическую тематику на эмпирические зарисовки быта и почти никогда не поднимается до высоты художественных обобщений. Его субъективно-искреннее изображение «стона и скорби» народа лишено действенного гнева и почти никогда не выходит за пределы идейной ограниченности либерального народничества.

Следованием столь чуждым Некрасову принципам в поэзии и объясняется, несомненно, неудача сотрудничества Сурикова в «Отеч. Зап.», где было помещено всего лишь одно его стихотворение (см. примеч. к публикуемому письму).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 119).

А. А. КРАЕВСКОМУ

〈11 августа 1869 г.〉

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Много слышавши о Вашем добродушии от Алексея Николаевича Плещеева [1], который и посоветовал мне обратиться к Вам, я осмеливаюсь покорнейше Вас просить прилагаемое при сем письме стихотворение, если оно окажется по Вашему усмотрению годным, то поместите его в редактируемом Вами журнале «Отечественные Записки». Гонорария я за него не требую никакого, да позвольте мне прислать Вам еще несколько стихотворений на Ваше усмотрение, если Вас не затруднит, то удостойте меня Вашим милостивым ответом на это мое письмо по прилагаемому мною конверту с маркою и моим адресом [2].

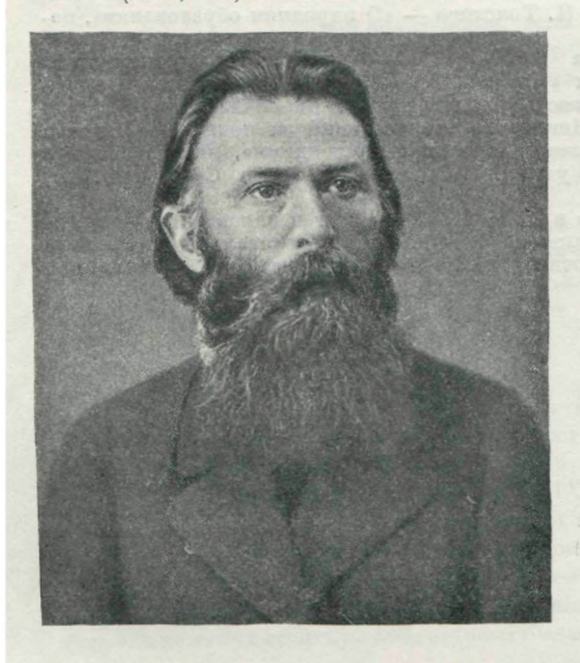
С истинным почитанием и совершенною преданностью покорнейшим Вашим слугою имею честь быть

Иван Захаров Суриков

1869. Августа 11 дня

[1] Суриков называл Плещеева своим «литературным крестным отцом». С помощью Плещеева в 1863 г. в журнале «Развлечение» появилось первое в печати стихотворение Сурикова.

[2] Стихотворения Сурикова в «О. З.» напечатаны не были. Значительно позднее в «О. З.» (1875, XII) появилось лишь одно стихотворение Сурикова «Работники».

И. З. СУРИКОВ
Фотография конца 1870-х гг.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН

Александр Васильевич *Сухово-Кобылин* (1817—1903) познакомился с Некрасовым весной 1856 г. Обстоятельства знакомства уясняются из не изданного еще полностью дневника Сухово-Кобылина, выписки из которого приводятся ниже [1].

Осенью 1855 г. Сухово-Кобылин закончил «Свадьбу Кречинского». Первое представление пьесы в Москве, на сцене Малого театра, состоялось 26 ноября 1855 г. Однако автор продолжал работу над текстом и только 16 января 1856 г. отметил в своем дневнике: «*Пиэссу кончил для печати*». 31 марта 1856 г. он записывает в дневнике: «Получил Современника. Метель Толстого — превосходная вещь. Художественная живость типов. Меня разобрало — пришлось еще пробежать комедию и отдаю немедленно в печать». Повидимому, именно тогда Сухово-Кобылин и принял решение предложить свою пьесу редакции «Современника». Приехав в апреле 1856 г. в Петербург в связи с предстоявшей премьерой «Свадьбы Кречинского» на сцене Александринского театра, Сухово-Кобылин спешит познакомиться с Некрасовым и сразу же начинает с ним переговоры о своей пьесе.

Вот относящиеся к этому записи в его дневнике:

«12-е ⟨апреля 1856⟩. ⟨...⟩ у Некрасова. Знакомство с ним. Худой, больной скрипящий человек — играл до 5 часов в карты. Встретил у него Толстого гр. Л., с которым прежде делал гимнастику. Он ⟨Некрасов⟩ просил меня прислать пиэссу».

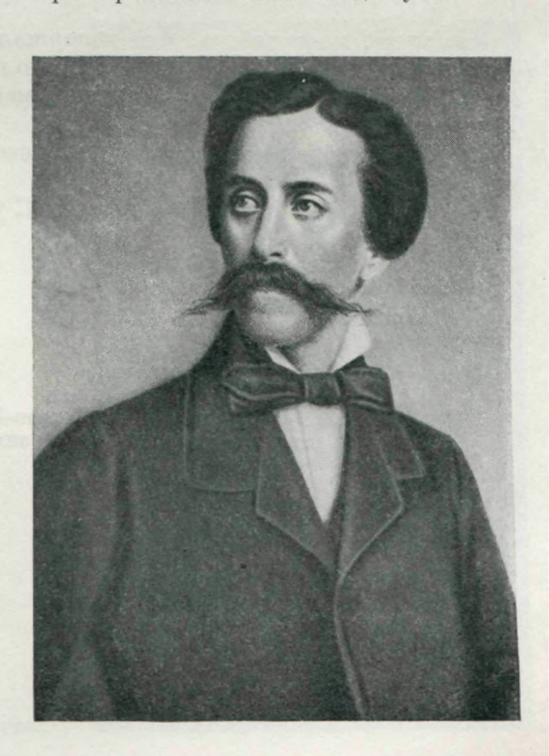
«13-е ⟨апреля 1856⟩. Визит к Федорову. К Борщеву, к Некрасову. Путаница страшная — все советуют итти к министру».

«14-е ⟨апреля 1856⟩. Был у Некрасова — он знакомит меня с Литтераторами: Анненковым, Толстым, Дружининым и пр. У него обед, я не остался обедать».

«15-е ⟨апреля 1856⟩. *Светлое воскресенье*. ⟨...⟩ у Некрасова. Он принимает пиэссу на следующих условиях: 500 экземпляров и 150 р⟨ублей⟩ сереб⟨ром⟩ дам. Я засмеялся: что мне делать с 150 р⟨ублями⟩ сереб⟨ром⟩. Условились 1000 экземпляров».

«18-е ⟨апреля 1856⟩. Отдал переписывать пиэссу».

«20-е ⟨апреля 1856⟩. ⟨...⟩ Я отправился к Некрасову и *отдал пиэссу в печать*, что было совершенно противно распоряжениям Anaïs. Обедал у Falmon.

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН
Портрет маслом неизвестного художника, 1850-е гг.
Литературный музей, Москва

Вечером играл у Anaïs в карты <...> Anaïs ругала меня без пощады за то, что не имею никакого характера и что меня уговорил-таки Некрасов отдать ему пиэссу — что это навредит ее представлению и т. д. На сердце и уме у меня была не пиэсса. Я ушел рано».

«23-е <апреля 1856>. Был в 3-м Отделении у цензора — пиэсса еще не приходила. У Некрасова, где познакомился с Панаевым».

«25-е <апреля 1856>. Последний день. Мне принесли 2-й экземпляр из Театра, но надо было исправить. Цензор Нордштрём — свидание с ним в 3-м Отделении. Ко мне пишет — у него на дому. Сверял пиэссу».

В этот же день, в среду 25 апреля, Сухово-Кобылин пишет Некрасову публикуемое ниже письмо, в котором извиняется за задержку рукописи пьесы.

Опасаясь, что опубликование «Свадьбы Кречинского» до премьеры повредит ее успеху в Александринском театре, он просит Некрасова выпустить, если возможно, майскую книжку «Современника» не раньше 7 мая, т. е. дня первого представления.

Некрасов выполнил просьбу Сухово-Кобылина: объявление о выходе майской книжки «Современника» появилось одновременно с первой рецензией на постановку «Свадьбы Кречинского» в «С.-Петербургских Ведомостях» 13 мая 1856 г.

3 мая Сухово-Кобылин опять встречается с Некрасовым и записывает в дневнике: «Виделся с Некрасовым и познакомился с Панаевым и Григоровичем».

«5-е <мая 1856>. Весь день опять с письмом, которое пора посылать, и репетицией пиэссы — ровно через два дня она выходит из печати. Я ходил сам в типографию. В эти замечательные дни скопилось все: письмо, репетиции и печатание пиэссы».

«11-е <мая 1856>. Был у Панаева. Он пишет рецензию на 1-е представление пиэссы. Разговор с ним о пиэссе и обо мне — я ему рассказал свою жизнь и странный ее роковой характер».

Через несколько дней Сухово-Кобылин покидает Петербург, вполне удовлетворенный своей поездкой: успехом пьесы на сцене, благополучным разрешением тяготевшего над ним уголовного дела и появлением «Свадьбы Кречинского» в «Современнике», где ей было отведено почетное место, вслед за повестью Л. Толстого «Два гусара».

Письмо печатается по автографу ИЛИ (21.130/CXLV515).

<25 апреля 1856 г.> [2]

Извините, пожалуйста, что задержал рукопись. Надо было сверить с тою, которая идет на сцену. Сейчас только кончил и возвращаю ее Вам, с просьбою, если возможно, выпустить майский № Современника не прежде 7 числа мая.

Примите уверение, Николай Алексеевич, в моем искреннейшем уважении

Александр Сухово-Кобылин

Середа

На обороте: Его высокородию
Николаю Алексеевичу
Некрасову
от Сухово-Кобылина. При сем рукопись

[1] Хранится в ЦГЛА. Фонд А. В. Сухово-Кобылина.
[2] Дата устанавливается по записи в дневнике Сухово-Кобылина.

И. Р. ТАРХАНОВ

Кн. Иван Романович Тарханов (1846—1908) — известный физиолог. В 1869 г., к которому относится письмо, он окончил С.-Петербургскую Медико-хирургическую академию, а в следующем году защитил докторскую диссертацию.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 23).

7 июля 1869 г.

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Условия, предложенные мне Вами по поводу моей статьи «Психолого-социальный этюд», а именно: 1) помещение ее в 5-й и 6-й кн‹ижках› жур‹нала› Отеч‹ественные› Зап‹иски› и 2) преждевременная выдача мне гонорария, — к великому моему удивлению на деле не выполняются редакцией. Последняя, в лице Григория Захаровича Елисеева, после отъезда Вашего за границу заявила мне, что Вы, передавая дело по редакции, не сделали никаких распоряжений как по отношению печатания статьи, так и выдачи мне гонорария при спросе. Не знают даже, где статья.

Так как вышеприведенные условия для меня чрезвычайно важны, в особенности в данное время, то покорнейше прошу Вас, милостивый государь, сделать зависящие от Вас распоряжения как для скорого отпечатания статьи, так и выдачи мне гонорария [1].

Остаюсь в совершенном почтении и уважении

Ваш, милостивый государь,
И. Тарханов

[1] В «О. З.» статья Тарханова напечатана не была. Елисеев, по совету которого автор и предпринял данное обращение, со своей стороны, писал Некрасову в Киссинген о статье Тарханова и проявленной им настойчивости, поддержанной запиской Н. С. Курочкина. См. выше, в письме Елисеева от 9 июля 1869 г.

И. Р. ТАРХАНОВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

С. Н. ТЕРПИГОРЕВ

В 1860 г. Некрасов прислал цензору Федору Ивановичу Рахманинову в подарок экземпляр своих стихотворений. Рахманинов отправил к поэту благодарственное письмо со своим юным племянником, студентом Петербургского университета, Сергеем Николаевичем Терпигоревым (1841—1895). Так завязалось первое знакомство Некрасова с писателем, составившим себе впоследствии литературное имя под псевдонимом Сергея Атавы (см. воспоминания Терпигорева — «Исторический Вестник», 1896, III).

В последующие годы Терпигорев встречался с Некрасовым и по литературно-журнальным делам и на охоте в окрестностях Петербурга. В «Отеч. Зап.» были помещены его очерки «В степи» (1869, XII; 1870, IV) и комедия «Слияние» (1870, VII).

Наиболее крупное произведение Атавы-Терпигорева, знаменитое «Оскудение» (приписывавшееся многими современниками Салтыкову-Щедрину, но в действительно-

С. Н. ТЕРПИГОРЕВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

сти лишь отредактированное сатириком), появилось в «Отеч. Зап.» уже после смерти Некрасова (1880, I—IV и VI—XII). Впоследствии Терпигорев, начавший свою литературную деятельность еще в 60-х годах в «Русском Слове», перешел в правый лагерь и примкнул к суворинскому «Новому Времени».

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 91).

⟨22 апреля 1868 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Михаил Павлович Розенгейм [1] по моей просьбе передал Вам мою комедию «Земная Расседина» [2], наполовину уже набранную для Отеч⟨ественных⟩ Записок. В свое время он меня известил об этом. Две недели тому назад, посланный мною на почту как-то ухитрился упасть с парома, на переправе, и утонул вместе со всем, что вез. По уверению почтмейстера, с ним было отправлено ко мне и несколько петерб⟨ургских⟩ писем. Может быть в числе их было и извещавшее меня о судьбе моей комедии. Так или нет, но Вы бы крайне меня обязали если бы известили, берете комедию или нет. Я очень хорошо знаю, что эти извещения не входят в число обязанностей редакций, но и не думаю, чтобы раз сделанное исключение могло Вас

особенно затруднить. Мой адрес: в Липецк Тамб⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩, Сергею Николаевичу Терпигореву.

Если берете и хотите печатать в майской книжке, то поторопитесь ответом, потому что я в таком случае нарочно приеду в Пет⟨ербург⟩ прочитать корректуры и сделать может быть нужные поправки и изменения. Еще раз: много обяжете ответом.

Примите уверения в моем совершенном уважении и преданности

22 апреля 1868 г. С. Терпигорев

СПИСОК ДВУХ ЭКСПРОМТОВ С АВТОГРАФИЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ НЕКРАСОВА

Список сделан рукою П. А. Ефремова

Институт литературы АН СССР, Ленинград

[1] Михаил Павлович Розенгейм (1820—1887) — поэт-сатирик, один из характернейших представителей либерального обличительства в поэзии 50—60-х гг., жестоко высмеянный Добролюбовым («Современник», 1858, XI, отд. «Новые книги», 69—95). В 1863—1865 гг. Розенгейм издавал сатирический журнал «Заноза», где напечатал анонимно два резко враждебных Некрасову памфлетных стихотворения: «Что думает редактор, когда ему не спится» (1863, № 24) и «Русский Ювенал» (1864, № 30).

[2] Комедия Терпигорева под заглавием «Земная расседина» неизвестна. Не является ли это первоначальным заглавием комедии Терпигорева «Слияние», напечатанной в «О. З.», 1870, VII?

В. А. ТИМИРЯЗЕВ

Родной брат знаменитого ученого, Василий Аркадьевич Тимирязев (1840—1912), с самого начала своей литературной работы попал в редакционную среду «Отеч. Зап.». Щедрин отдал в его распоряжение переводы иностранной беллетристики, и Тимирязев стал главным переводчиком журнала с западноевропейских языков, иногда помещая также анонимные (большею частью, компилятивные) статьи о переводимых им авторах. Тимирязеву же принадлежит неподписанная статья «Босния и Герцоговина во время восстания» («О. З.», 1876, VII).

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 92).

〈1〉

〈Между 6 и 22 января 1876 г.〉

Вот текст для Крошки Годж[1]:

«Придите ныне богатии, плачитеся и рыдайте; се мзда делателей, делавших нивы ваша, удержаная от вас вопиет; и вопиение жавших во уши господа Саваофа внидоша». Послание ап. Иакова, гл. 5.

В. Тимирязев

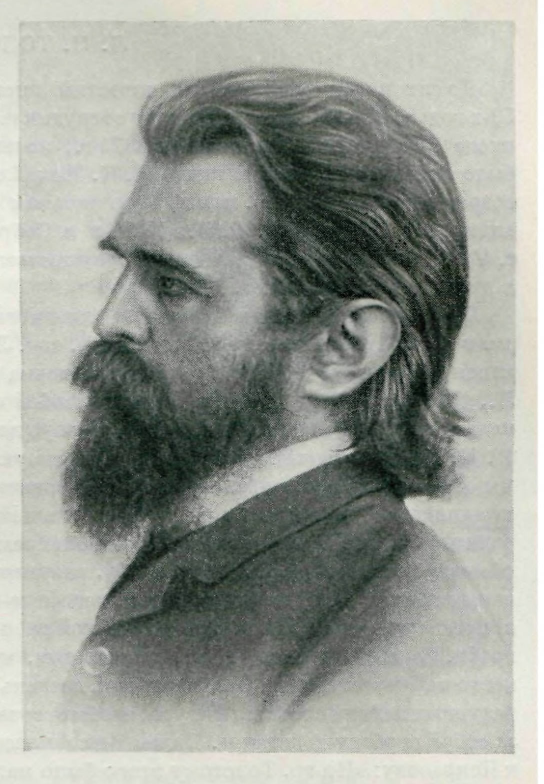
[1] «Крошка Годж» («Little Hodg», 1873) — рассказ Дженкинса (Jenkins, John Edward, 1838—1910). Приводимый Тимирязевым евангельский текст вставлен без всяких изменений в речь Самми Стедмана, одного из персонажей рассказа, появившегося в «О. З.» (1876, I, 38) под измененным заглавием «Мальчик с пальчик. Святочный рассказ».

Записка датируется на основании времени выхода «О. З.», 1876, I (22 января), с одной стороны, и сопоставления с письмом Некрасова к Тимирязеву от 6 января 1876 г.—с другой. В этом письме читаем: «Потрудитесь закончить поскорее перевод „Крошки Годж“. Я хочу пустить этот рассказ в 1 № — поэтому нужно как можно скорее» (Некрасов, V, 548 — без обозначения адресата и с неверной датой 1875 г.).

ОТМЕЛИ ЛЕВОГО БЕРЕГА ВОЛГИ ПРОТИВ БАБАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ, ГДЕ ЧАСТО ОХОТИЛСЯ НЕКРАСОВ

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

В. А. ТИМИРЯЗЕВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

⟨2⟩

Понедельник, 12 июля ⟨1876 г.⟩

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Мне сказали, что моя статья о романе мистрисс Фосет[1] будет помещена в августе, а так как я еду завтра в деревню, то просил бы Вас, если можно, сделать мне расчет за статью, под которую я уже получил 100 р., и ⟨за⟩ 3 листа «Конроя»[2], которые сданы на июльскую книжку. Я завтра зайду к Вам за деньгами около 1 часа. Кроме того, мне надо очень с Вами поговорить о новом романе Дженкинса[3] и об очень интересной книжке путевых впечатлений одного англичанина, посетившего Боснию и Герцоговину во время восстания и чрезвычайно сочувствующего славянам[4]. Надо бы составить об этом статейку, не теряя времени.

Преданный Вам
В. Тимирязев

1 Статья Тимирязева «„Джени Донкастер“ — роман мистрисс Фоусет» напечатана в «О. З»., 1876, IX—X. Впереди (IX, 205—212) идет вступительная статья об английском романе вообще и о миссис Фоусет (Millicent Garret Fawcet, 1847—1929), а затем автор передает содержание романа «Janet Doncaster» (1875) в сжатом неточном рассказе, «сохраняя, по возможности, красоты и лучшие места подлинника».

2 Роман Брет-Гарта (Francis Bret Harte, 1839—1902) «Габриэль Конрой» («Gabriel Conroy», 1876), переведенный, как это устанавливается настоящим письмом, Тимирязевым, печатался в «О. З.», 1876, I—IV, VI—VII, IX—XII.

3 Повидимому, речь идет о романе Дженкинса «Жизнь рабочих в английской Гвиане» («Littelnee Dilao, a Study of West Indian Life», 1877), перевод которого без подписи переводчика был напечатан в «О. З.», 1877, III—V.

4 Речь идет о книге Эванса (Sir Arthur John Evans, 1851—в 1933 был еще жив) «Trough Bosnia and the Herzogowina of fuat during the insurrection, august and september 1875». London, 1876. Обзор и изложение труда Эванса (сделанное Тимирязевым) напечатаны под заглавием «Босния и Герцоговина во время восстания» в «О. З.», 1876, VIII, 241—284.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

До сих пор в печати были известны письма Л. Н. Толстого к Некрасову 50-х годов, относящиеся к периоду сотрудничества Толстого в «Современнике». О переписке Толстого с Некрасовым в 1874 г., по поводу статьи «О народном образовании», было известно только по книге Н. К. Михайловского «Литературные воспоминания и современная смута» (ср. ниже) и по письмам Некрасова к Толстому, напечатанным в альманахе «Круг» (кн. 6, М., 1927) и в Собрании сочинений Некрасова (изд. 1930, т. V). Публикуемые письма вносят существенные дополнения в историю печатания статьи Толстого в «Отеч. Зап.».

После своих неудач в Московском комитете грамотности (январь — апрель 1874 г.; см. в томе XVII юбилейного Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, М., 1936) Толстой обратился с письмами к А. С. Суворину («Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, стр. 178) и к Некрасову с просьбой обратить внимание на его пререкания с педагогами. Об этом письме к Некрасову (до сих пор не найденном) рассказывает Н. К. Михайловский: «Граф выражал лестную для нашего журнала уверенность, что мы внесем надлежащий свет в эту педагогическую распрю. Письмо это, совершенно неожиданное, возбудило в редакции большой интерес. Собственно, Некрасов не особенно ценил спор о приемах преподавания грамоты в народных школах, но гр. Толстой обещал отплатить за услугу услугой, разумея свое сотрудничество по беллетристическому отделу. Плохая репутация философско-исторической части „Войны и мира" заставляла опасаться, что в педагогической распре мы окажемся, пожалуй, не на стороне графа. В конце концов, порешили на том, чтобы предложить гр. Толстому честь и место в „Отечественных Записках"; он, дескать, достаточно крупная и притом вне литературных партий стоящая фигура, чтобы отвечать самому за себя, а редакция оставляет за собой свободу действия». Далее Михайловский сообщает о втором письме Толстого к Некрасову: «Но гр. Толстому этого было мало. В новом письме к Некрасову он повторял уверенность, что у него с „Отечественными Записками" никаких разногласий быть не может, и, выражая готовность прислать статью по предмету спора, настаивал на том, чтобы наш журнал предварительно сам высказался. Я взял на себя труд познакомиться с делом» («Литературные воспоминания и современная смута», I, СПб., 1900, стр. 199—200).

Серия обнаруженных в архиве Некрасова писем Толстого подтверждает верность сообщенных Михайловским фактов и дополняет их некоторыми новыми деталями. Ср. публикацию Б. М. Эйхенбаума «Толстой после „Войны и мира"» (1870—1874) — «Лит. Наследство», т. 35—36, стр. 245—262.

Письма печатаются: 2-е, 3-е и 6-е — по автографам ИЛИ (Ф. 203, № 92), 5-е — по автографу Музея Л. Н. Толстого АН СССР (Рук. отд. № 6960 — впервые в № «Литерат. газеты» от 10 сент. 1838 г.), 1-е, 4-е, 7-е и 8-е — по копиям, поступившим от В. Е. Евгеньева-Максимова.

⟨1⟩

⟨Апрель 1874 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Не думаю, чтобы я стал печатать в журналах, и поэтому очень сожалею, что не могу исполнить Вашего желания [1]. Очень благодарю Вас за добрые воспоминания обо мне и прошу верить в совершенную искренность уважения, с которым имею честь быть

Ваш покорнейший слуга
Гр. Лев Толстой

[1] Письмо отвечает, вероятно, на просьбу Некрасова, чтобы Толстой дал в «О. З.» свой новый роман — «Анну Каренину». Толстой, действительно, собирался сначала издать свой роман сразу отдельной книгой (первые листы этого предполагавшегося издания имеются в ГПБ, в Ленинграде), но потом стал печатать свой роман в «Русском Вестнике». Письмо Некрасова, на которое отвечает Толстой, неизвестно. Надо полагать, что письмо Толстого написано в апреле 1874 г.

⟨2⟩

⟨15 августа 1874 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Педагогическая статья, о которой я писал Вам, у меня готова и я желаю напечатать ее в От⟨ечественных⟩ Зап⟨исках⟩. Если Вы желаете поместить ее в своем журнале, то она к Вашим услугам. Условия мои 150 р. за лист и помещение ее в осенних №-ах (в Сентябре или Октябре). Листов будет 5 или 6. Если Вы согласны, то напишите мне, и я пришлю ее в Петербург, где корректуры ее мне обещал держать Н. Н. Страхов.

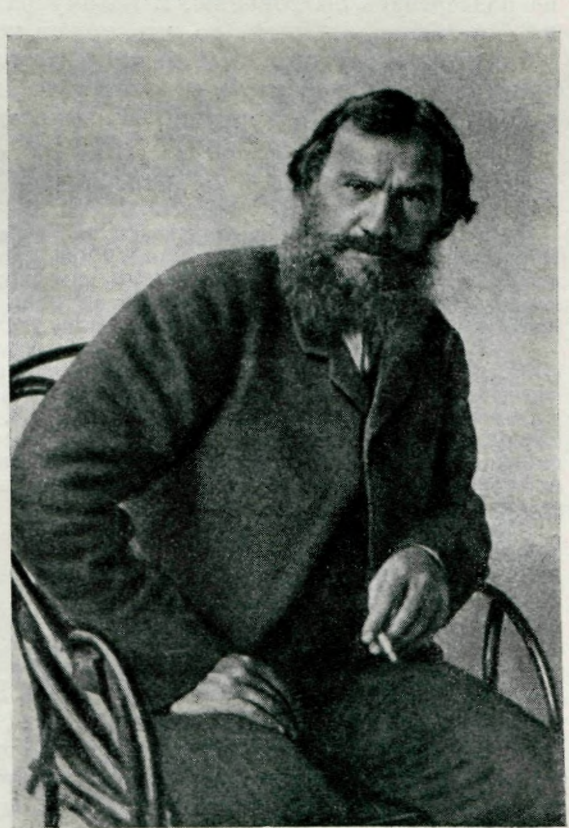
Очень благодарен Вам за Вашу готовность помочь мне в моей борьбе с педагогами. Я получил письма от Михайловского с требованиями материалов для его статьи, но не мог ему послать то, что нужно. Педагоги борются за существование и нет гадости, которой бы они побрезгали для достижения своей цели. Они лгали, выдумывали и теперь тот протокол заседания К⟨омитета⟩ Г⟨рамотности⟩, печатание которого было бы для них очень невыгодно, они умели так затянуть, что он до сих пор не вышел и едва ли выйдет.

Мне очень жалко только то, что если теперь От⟨ечественные⟩ Зап⟨иски⟩ возьмут мою сторону в этом споре, то это будет представляться поддержкою [убеж⟨дений⟩] взгляда сотрудника, а не мнением, ничем не вызванным, Редакции. Хотя я твердо уверен, что если бы Редакция обратила серьезное внимание на этот вопрос, то она стала бы на совершенно сходную со мной точку зрения [1].

В ожидании Вашего ответа остаюсь Ваш

покорный слуга
Граф Лев Толстой

15 августа ⟨1874 г.⟩

Л. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография 1874 г.
Музей Л. Н. Толстого, Москва

[1] Это, очевидно, то самое «новое письмо», о котором сообщает Михайловский. Оно написано 15 августа 1874 г. Заключительные слова Толстого о том, что редакция «стала бы на совершенно сходную со мной точку зрения» соответствуют словам Михайловского: «В новом письме к Некрасову он повторял уверенность, что у него с „О. З.“ никаких разногласий быть не может». Протоколы-стенограммы заседаний Комитета грамотности печатались в «Московских Епархиальных Ведомостях». Протокол заседания от 15 января 1874 г. появился в № 10 (3 марта), а протокол заседания от 13 апреля 1874 г. (о котором Толстой и пишет Некрасову) появился только в № 35 (конец августа). Извлечения из этих протоколов см. в т. XVII Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого (стр. 594—606).

<3>

<30 августа 1874 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Посылаю Вам мою статью и очень прошу Вас корректуры ее приказать пересылать Никол<аю> Николаевичу Страхову (Публичная Библиотека) и всякое изменение, сделанное им, принимать как бы мое. Я вставил в начале статьи, в выноске, краткое объяснение того обстоятельства, которое послужило ей поводом. Оно необходимо для понимания полемической части статьи. И я очень жалею, что мне не удалось сообщить г. Михайловскому протоколы заседаний. Я написал в Москву, чтобы эти протоколы выслали в Редакцию От<ечествен>ных Зап<исок>, как скоро они выйдут. Может быть они понадобятся, и г. Михайловский сделает из них употребление, чего бы я очень, очень желал. Я уверен, что Редакция От<еч.> Зап. не разойдется со мной во взгляде, который я излагаю в своей статье, и только желаю, чтобы публика хоть в самой малой доле признала ту важность, которую я приписываю этому делу. Боюсь тоже, чтобы вследствие того, как я слышал, царствующего теперь цензурного террора статья моя не подверглась бы гонению, и потому разрешаю Редакции вымарывать, но списавшись со мной, то, что может показаться опасным.

Несмотря на то, что я так давно разошелся с Современником, мне очень приятно теперь посылать в него свою статью, потому что связано с ним и с Вами очень много хороших молодых воспоминаний [1].

Ваш Л. Толстой

30 августа 1874 г.

[1] Письмо написано после получения от Некрасова ответа на предыдущее письмо. Некрасов писал: «Потрудитесь прислать Вашу статью, я напечатаю ее (может быть, если успеется) в 9 № От<ечественных> З<аписок>, а не то в 10-м, не позже. По 150 р. платить согласен (и при этом замечу, что за роман Ваш или повесть редакция может платить и дороже). Корректуру пошлю, к кому укажете» (Некрасов, V, 538—539).

Статья Толстого прошла через цензуру без изменений и сокращений и помещена в «О.З.», 1874, IX. Любопытно, что в последних строках письма Толстой вспоминает о своем сотрудничестве в «Совр.» 50-х годов и говорит об «О. З.», как о том же журнале: «...мне очень приятно теперь посылать в него», т.е. в «Современник». Однако в написанном почти одновременно (15 сентября 1874 г.) письме к П. Д. Голохвастову Толстой писал: «Что делать, журнала не гадкого нет, и Отеч<ественные> Зап<иски> гадки своей гадостью, и Р<усский> В<естник> своей, противоположной той гадости, а середины нет» («Лит. Наследство», т. 35—36, стр. 252).

<4>

<4 ноября 1874 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Очень рад, что статья моя понравилась Вам и вообще Редакции О<течественых З<аписок>. Соглашаясь с нею, я надеюсь, что Редакция захочет и сумеет защитить [это направление] этот взгляд на народное образование от тех [нападков] нападений, которые будут на него направлены со стороны тупоумия и чиновничества. И радуюсь тому, что Н. К. Михай-

Милостивый Государь
Николай Алексеевичъ!

Нужда въ 10 тысячахъ заставила меня отступить отъ моего намѣренія печатать мой романъ отдѣльной книгой. Я считалъ себя связаннымъ случайно даннымъ обѣщаніемъ Русскому Вѣстнику печатать у нихъ, если бы я вздумалъ печатать въ журналѣ и потому сдѣлалъ имъ предложеніе отдать 20 листовъ моего романа въ ихъ журналъ съ платою по 300 р. за листъ и выдачею мнѣ 10 тысячъ впередъ, съ обязательствомъ въ случаѣ если бы я не выдалъ въ продолженіи опредѣленнаго срока рукописи уплатить проценты, и съ правомъ печатать романъ отдѣльно по выходѣ послѣдней части въ журналѣ. Они стали торговаться и я очень радъ тому, что они освободили меня отъ своего обѣщанія. Однако теперь дѣлаю предложеніе вамъ, предупреждая, что я не отступлю отъ предлагаемыхъ условій ни на іоту и потому зная, что предлагаемыя мною условія тяжелы для журнала, я никакъ не удивлюсь, если вы ихъ не примете и что вашъ отказъ нисколько не помѣшаетъ продолженію тѣхъ хорошихъ отношеній въ которыхъ мы всегда были съ вами. — Романъ въ продолженіи будетъ содержать 40 листовъ. Печатаніе окончанія въ вашемъ журналѣ, или отдѣльно будетъ зависѣть отъ нашего дальнѣйшаго соглашенія.

Въ ожиданіи вашего отвѣта, остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ вашъ покорнѣйшій слуга

Гр. Левъ Толстой

8 Ноября

АВТОГРАФ ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО К НЕКРАСОВУ ОТ 8 НОЯБРЯ 1874 г.

Музей Л. Н. Толстого, Москва

ловский не оставил своего намерения высказаться по этому случаю. Если я могу быть ему полезен для справок и разъяснений, то я к его услугам[1].

С совершенным уважением и преданностью Ваш

Гр. Л. Толстой

4 ноября ‹1874 г.›

[1] Письмо является ответом на письмо Некрасова от 12 октября 1874 г., в котором он сообщал Толстому: «Статью Вашу я напечатал и, выждав несколько времени, пишу Вам, что все сотрудники отзываются о ней с сочувствием и единодушными похвалами. Публика петербургская не читает, а если читает, то молчит. Мне Ваша статья очень по душе, и я думаю, что дело народного образования, которым Вы занимаетесь, есть главное русское дело настоящего времени. Н. К. Михайловский еще не покинул желания высказаться в От‹ечественных› Зап‹исках› по вопросам педагогическим и сделает это, как только представится случай» (Некрасов, V, 541). В «О. З.», 1875, I, Михайловский действительно выступил в защиту Толстого, подвергавшегося ожесточенным нападкам со стороны профессиональных педагогов, но в «О. З.», 1875, V—VII, тот же Михайловский поместил обширную статью «Десница и шуйца Льва Толстого» (в «Записках профана»), подчеркивавшую ряд существеннейших разногласий в идеологических позициях Толстого и «О. З.».

‹5›

‹8 ноября 1874 г.›

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Нужда в 10 тысячах заставила меня отступить от моего намерения печатать мой роман отдельной книгой. Я считал себя связанным случайно данным обещанием Русскому Вестнику печатать у них, если бы я вздумал печатать в журнале, и потому сделал им предложение отдать 20 листов моего романа в их журнал, с платою по 500 р. за лист и выдачей мне 10 тысяч вперед, с обязательством, в случае, если бы я не выдал в продолжении определенного срока рукописи, уплатить эти деньги и с правом печатать роман отдельно по выходе последних частей в журнале. Они стали торговаться, и я очень рад был, что этим освободили меня от моего обещания. Делаю теперь то же предложение Вам, предуведомляя, что я не отступлю от предлагаемых условий и вместе с тем — зная, что предлагаемые мною условия тяжелы для журнала, я нисколько не удивлюсь, если Вы их не примете, и что Ваш отказ нисколько, надеюсь, не изменит тех хороших отношений, в которые мы вновь вступили с Вами. Роман, вероятно, будет состоять из 40 листов. Печатание окончания в Вашем журнале или отдельно будет зависеть от нашего дальнейшего соглашения.

В ожидании Вашего ответа, остаюсь с совершенным уважением Ваш покорный слуга

Гр. Лев Толстой[1]

8 ноября

[1] Письмо по каким-то причинам не было отправлено и осталось в бумагах Толстого. Однако Некрасов тем или иным путем (возможно через Страхова) все же получил от Толстого какое-то предложение относительно «Анны Карениной». Он писал 1 декабря 1874 г. А. Н. Островскому: «...На следующий год у нас есть: роман Достоевского, роман г-жи Крестовской, еще имею в виду Вашу работу и роман Л. Н. Толстого, который поманил нас этою надеждою» («Архив Островского...», стр. 309—310). Как известно, с января 1875 г. Толстой начал печатать «Анну Каренину» в «Русском Вестнике».

‹6›

‹2 апреля 1875 г.›

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я составляю отчет о ходе школьного дела на нынешнюю зиму в нашем Крапивенском уезде на тех основаниях, которые были изложены мною в напечатанной в Вашем журнале статье о Н‹ародном› О‹бразовании›. Некоторые соображения, наблюдения и выводы о ходе этого дела составят статью, по содержанию и величине подобную той, которая была у Вас напечатана.

Угодно ли Вам будет напечатать и эту статью на тех же условиях, как и первую?

Статья может быть готова к майской книжке От<ечественных> Зап<исок>. Относительно этой статьи, как относительно первой, в случае Вашего согласия напечатать ее — я просил бы Редакцию высказаться — не говорю благоприятно (это зависит от убеждений и взглядов), но сколь возможно серьезнее по вопросу, поднимаемому статьей. На-днях выйдет тоже новая, составленная мною для народных школ Азбука. Не говорю о том труде, который положен мною на эту 12-копеечную книжку; до отношения автора к своему делу никому нет дела. Но книжечка эта, по моему убеждению, составляет необходимость для дела народного образования и должна много помочь ему; и потому я бы был Вам очень обязан, если <бы> Вы содействовали тому, чтобы Азбука эта была рассмотрена компетентными и беспристрастными людьми и о ней бы было сказано серьезное слово, которого она заслуживает уж по тому значению, которое она может иметь, если она хороша.

В ожидании Вашего ответа с совершенным уважением и преданностью остаюсь Ваш покорный слуга

Гр. Лев Толстой [1]

2 апреля 1875 г.

[1] Письмо извещает Некрасова о новой педагогической статье, задуманной Толстым. Статья не была написана — сохранилось только два наброска к ней (Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, XVII, стр. 336 и 337). «Новая азбука» Толстого вышла в свет в первых числах июня 1875 г. На это письмо Некрасов отвечал 8 апреля 1875 г.: «Место для Вашей новой педагогической статьи будет отведено в майской книжке От<ечественных> З<аписок>. В свое время постараемся исполнить и то, что Вы желаете относительно изготовляемой Вами азбуки. Статью для майской книжки доставьте не позже 25—27 апреля» (Некрасов, V, 554—555).

<7>

<Вторая половина апреля 1875 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Статья моя никак не может поспеть к майской книжке О<течественных> З<аписок>. И потому, боясь, чтобы от этого не произошло расстройства в делах Редакции, спешу Вас о том уведомить [1].

С совершенным уважением и преданностью

Ваш покорный слуга
Гр. Лев Толстой

[1] Письмо написано, очевидно, во второй половине апреля 1875 г., когда Толстой увидел, что к назначенному Некрасовым сроку новая статья поспеть не может.

<8>

<Середина мая 1875 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Очень жалею, что не могу прислать еще мою статью. Я уведомлю Вас, когда она будет готова, если Вы всё желаете поместить ее. В Москве я как раз буду в 1-х числах июня и очень рад бы был повидаться с Вами. Первые числа значит между 2-м и 5-м. Надеюсь до свидания [1].

Ваш Л. Толстой

[1] Письмо написано, очевидно, в середине мая 1875 г. Слова «В Москве я как раз буду в 1-х числах июня» и т. д. связаны с тем, что Некрасов в это время собирался ехать в свое имение Карабиху и по дороге остановиться в Москве, о чем он, повидимому, и сообщил Толстому (ср. Ашукин, 461). Этим письмом, надо думать, и закончилась переписка Толстого с Некрасовым.

С. И. ТУРБИН

Сергей Иванович Турбин (1821—1884) — журналист и драматург; образование получил в Московском университете и в Николаевской военной академии. В «Современнике» за 1857 г. помещен ряд его интересных бытовых очерков — «Рассказы бывалого. Из воспоминаний старого артиллериста» (подп. «С. Т.»). В 1863—1865 гг. в «С.-Петербургских Ведомостях» печатались его путевые очерки по Сибири.

Большой популярностью пользовались его драматические сцены, которые долго держались в репертуаре театров.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (5060. XXVIб152).

<Иркутск, 25 марта 1863 г.>

Милостивый государь Николай Алексеевич.

В 1857 году в Вашем журнале были напечатаны 5 моих рассказов («Рассказы бывалого»), за которые покойный Иван Иванович <Панаев> обещал мне выдать деньги, что Вы можете видеть из прилагаемого при этом письма [1]. Это обещание было мне повторено при личном свидании в генваре 60-го года, но словами и кончилось.

Не буду объяснять Вам причины, вынудившей меня обратиться к Вам с этим письмом, — она очевидна.

Если Вы признаете мой труд заслуживающим вознаграждения, то потрудитесь выслать, сколько мне следует, и этим вполне обяжете глубоко Вас уважающего

С. Турбина

О личности моей можете получить сведения от А. Н. Островского. Адрес: В Иркутск, подполковнику Генерального Штаба Сергею Ивановичу Турбину.

25 марта, Иркутск

[1] К письму Турбина было приложено письмо И. И. Панаева от 10 октября 1857 г. с обещанием уплаты автору полистного гонорара. Письмо Турбина вместе с приложенным было переслано Некрасову в Карабиху, где он в это время находился. Некрасов письмом на имя Ипполита Александровича Панаева от 19 мая 1863 г. распорядился о выплате автору гонорара: «Рассказы Турбина, — писал Некрасов, — печатались, когда я был за границей, и я об отношениях редакции к нему ничего не знаю. Но из письма Панаева видно, что ему обещаны были деньги. Поэтому делать нечего! Разочти и пошли по 35 р. с. за лист, как тогда платили мы среднюю цену» (Некрасов, V, 389).

М. Н. ТУРУНОВ

Михаил Николаевич Турунов (1813—1890) — с 1857 г. старший чиновник III Отделения, начальник отдела перлюстрации («черного кабинета»), председатель С.-Петербургского цензурного комитета в 1864—1865 гг., член Совета Главн. управл. по делам печати с 1866 г., позднее сенатор, — был одним из тех представителей цензурно-полицейского аппарата самодержавия, отношения с которыми Некрасов умел использовать для предохранения своих журналов от угрожавших им репрессий.

В дневнике В. М. Лазаревского содержится прямое свидетельство, что Турунов не стеснялся брать у Некрасова за свое «невмешательство» в дела и работу демократического издания крупные суммы. Сообщая об этом, Лазаревский добавляет: «Турунов — порядочная скотина, но все-таки я не думал, что Некрасов просто платит ему, чтобы быть спокойным от III Отделения и от цензуры» («Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 477).

Письмо печатается по автографу собрания К. И. Чуковского (Москва).

Париж, $\frac{\langle 30 \text{ июля} \rangle}{11 \text{ августа}}$ 1869 г.

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

После $2^1/_2$ месячного лечения на Карлсбадских и Франценсбадских водах я, наконец, добрался до Парижа и думал найти Вас здесь, но, к моему искреннему сожалению, Вы оставили его, как я узнал от Ивана Александ-

р⟨овича⟩ Гончарова, только несколько дней тому назад. Очень, очень желал бы видеть Вас, но не знаю, как это устроить; думал взглянуть на Диэпп с его морскими купаньями, о которых понятия не имею, — но силы слабоваты и не позволяют делать больших поездок, быть может, Вы завернете от скуки водолечебной, но полагаю, что Париж Вам уже надоел. Во всяком случае, черкните несколько строк, — я живу в той же гостинице d'Orient, rue Neuve St. Augustin, 46, в которой живет и И. А. Гончаров, завтра отправляющийся в Тулонь[1].

Искренне преданный Вам М. Турунов —

[1] С Гончаровым Турунов был связан давним знакомством. См. в публикуемом выше письме Гончарова к Некрасову из Парижа от 30 июля (11 августа) 1869 г. об отношении Турунова к Некрасову.

А. М. УНКОВСКИЙ

Известный общественный деятель 60-х годов, впоследствии выдвинувшийся на поприще адвокатуры, Алексей Михайлович Унковский (1828—1893) был связан с Некрасовым на почве не столько совместной журнальной работы, сколько ближайшего знакомства и интимного приятельства. Некрасов, Унковский, Салтыков-Щедрин, В. П. Гаевский, А. Н. Ераков составляли в 70-е гг. тесный приятельский кружок. Они регулярно собирались друг у друга, но преимущественно на обедах и вечерах у Некрасова. Унковский и Некрасов поддерживали оживленную переписку, которая, без сомнения, представляла незаурядный интерес. К сожалению, она до нас не дошла. Надо думать, что Унковский взял у наследников поэта свои письма к Некрасову после его смерти, и они погибли вместе с письмами Некрасова к Унковскому (о гибели которых имеются достоверные сведения).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 93).

⟨6 декабря 1876 г.⟩

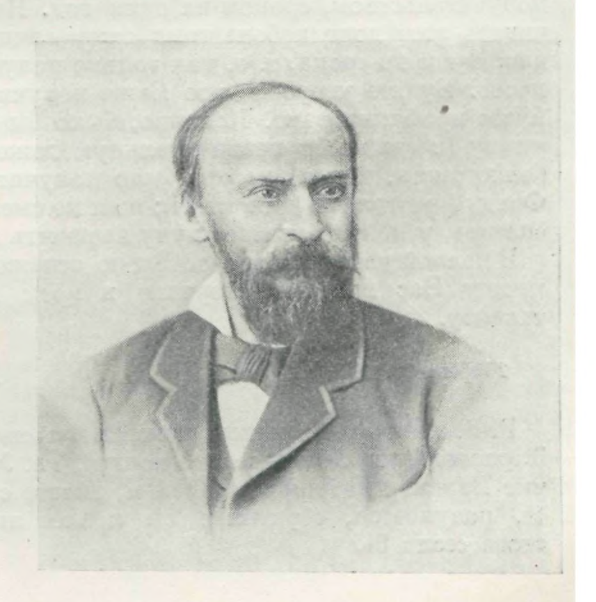
Сам бы пришел Вас поздравить, почтеннейший Николай Алексеевич, да простудился и чувствую со вчерашнего дня маленькую лихорадку, вследствие чего не решился вчера вечером выехать.

Поэтому поздравляю Вас письменно и желаю телесного здравия[1].

Преданный Вам А. Унковский

6 декабря 1876 г.

[1] Настоящее письмо содержит поздравление Некрасова со днем его именин — 6 декабря (по старому стилю). К концу 1876 г. болезнь Некрасова уже приняла чрезвычайно тяжелый оборот.

А. М. УНКОВСКИЙ
Фотография 1879 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

И. В. ФЕДОРОВ (ОМУЛЕВСКИЙ)

Иннокентий Васильевич Федоров (1836—1883), более известный под псевдонимом Омулевский, в 60-х годах печатал свои стихотворения в «Современнике», «Русском Слове», «Искре». Широкую известность Федоров-Омулевский приобрел в 1870 г., когда на страницах «Дела» появился его роман «Шаг за шагом», вышедший в следующем году отдельным изданием. Роман был положительно оценен демократической критикой. На него сочувственно откликнулись и «Отеч. Зап.» в анонимной рецензии Салтыкова-Щедрина: «Светлов, его взгляды, характер и деятельность („Шаг за шагом") — роман Ф. Омулевского» («О. З.», 1871, IV). Омулевский постоянно находился в стесненных материальных обстоятельствах. Они не изменились сколько-нибудь существенно и после успеха его романа (второе и третье издания романа были уничтожены цензурой до выпуска из типографии). В особенности ухудшилось его положение в 1874 г., когда его постигла серьезная болезнь глаз. В «Отеч. Зап.» произведения Омулевского не печатались.

Некрасову Омулевский посвятил свое стихотворение «Поэту» («Когда среди беседы шумной...»), напечатанное в «Живописном Обозрении», 1877, № 18.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 67).

⟨1⟩

⟨26 февраля 1874 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

В жизни людей — а в жизни поэтов еще чаще — бывают положения, когда, отстаивая право существования, не имеешь возможности сообразить, красиво или некрасиво движение утопающего человека, хватающегося за первую твердую опору. В таком именно положении я прямо обращаюсь к Вам, как поэт к поэту.

Разные непредвиденные обстоятельства совершенно запутали мои дела, так что я задолжал 200 руб. за квартиру у далеко не богатых людей и, кроме того, мне предстоят еще некоторые насущные затраты, чтоб выбиться из кризиса и твердо встать на своей дороге. Сумма в 300 руб. может окончательно выручить меня.

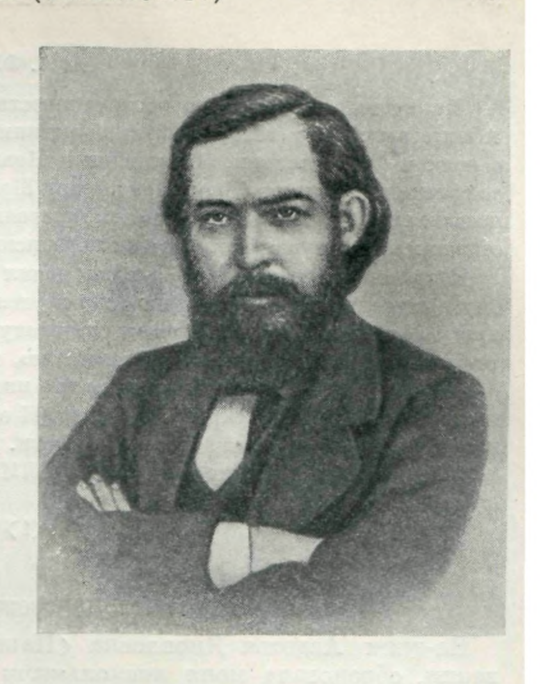
Не будете ли Вы столько обязательны, Николай Алексеевич, не похлопочете ли у Литературного Фонда о ссуде мне названной суммы, за Вашим поручительством, сроком на один год. Начиная с апреля, я могу выплачивать этот долг небольшими ежемесячными взносами или даже сразу внести его до срока, т. е. как только получится к тому малейшая возможность. Будьте уверены, что Ваше поручительство ни в каком случае не будет профанировано. Конечно, было бы несравненно лучше, если б эту сумму (в сущности незначительную даже и для такого посредственного беллетриста, как я) можно было получить иным путем, не прибегая к Фонду (что тяжело для меня); но я не смею и думать об этом, или, вернее сказать, у меня нехватает духу выразить мою мысль откровеннее [1].

В полной уверенности, что Вы не откажете мне в Вашем теплом участии, прошу Вас принять уверение в моем глубоком уважении к Вашему таланту.

Омулевский

26 февраля 1874 г.

P. S. Адрес мой: Иннокентию Васильевичу Федорову, по Фонтанке, дом Тарасова (где Долговое отделение), кв. № 147 (Попова). Письмо это вручит Вам моя добрая знакомая и, вместе с тем, моя квартирная хозяйка. Я, разумеется, обратился бы к Вам лично, если б не существовало этого «если б».

И. В. ФЕДОРОВ-ОМУЛЕВСКИЙ
Фотография 1870-х гг.
Литературный музей, Москва

На первой странице письма приписка рукою Некрасова: Послано 100 р.

27 фев⟨раля⟩.

[1] В 1874 г. Некрасов был товарищем председателя Комитета литературного фонда, что и объясняет обращение к нему. Помета Некрасова на письме свидетельствует, что он выслал Омулевскому 100 руб. из своих личных средств и вскоре посетил его на квартире (см. следующее письмо).

⟨2⟩

⟨Середина марта 1874 г.⟩[1]

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Будьте еще раз обязательны, сообщите мне по городской почте, к кому и куда я должен обратиться с просьбой к Ф о н д у. Когда Вы были у меня, я был слишком взволнован и не расслышал. Испытав бесполезно все зависящие от меня средства, я решился последовать Вашему совету. Надеюсь, что Вы не откажете мне в своей посильной поддержке и перед Комитетом Фонда. Простите, что отнимаю у Вас несколько минут.

Преданный Вам
О м у л е в с к и й

Адрес: Иннокент⟨ию⟩ Васильев⟨ичу⟩ Федорову, по Фонтанке, д. Тарасова, где Долговое отделение, кв. № 147 (Попова).

[1] Письмо датируется серединою марта 1874 г. на том основании, что сохранившееся ходатайство Омулевского в Литературный фонд помечено 18 марта 1874 г. (см. «Некрасовский сборник», 1918, 60). Некрасов оказал Омулевскому просимую поддержку. На заседании Комитета Литературного фонда, при обсуждении ходатайства Омулевского, Некрасов, как это видно из журнала заседания Комитета, заявил, что проситель действительно нуждается в пособии, права же его на помощь со стороны Общества несомненны. В результате было постановлено выдать Омулевскому 100 руб.

А. А. ФЕТ

Во время шестилетнего сотрудничества своего в «Современнике» Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) лишь редкими наездами бывал в Петербурге, то кочуя с полком по Эстляндии, Лифляндии и Новгородской губернии, то уезжая надолго за границу, то живя в Орловском имении Шеншиных. Выйдя в отставку в 1858 г., Фет поселился в Москве. Таким образом, постоянные сношения с «Современником» осуществлялись преимущественно путем переписки.

Некрасов исключительно высоко ценил поэзию Фета и в 50-е гг., с присущей ему решительностью и искренностью в оценках, неоднократно выражал это отношение к фетовским стихам в своих литературно-критических статьях (ср. напр. его отзывы, приведенные в «Лит. Наследстве», т. 49—50, стр. 71 и 250).

До сих пор были опубликованы три письма Фета к Некрасову (АСК, 215—219) и столько же писем Некрасова к Фету (Некрасов, V, 254, 322 и 324). Видимо, это лишь незначительная часть переписки.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Р. I, оп. 31, № 73).

⟨1⟩

⟨25 декабря 1855 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

На-днях Авдотья Яковлевна ⟨Панаева⟩, вспомнив о моем существовании, обрадовала меня несколькими приветливыми строками. Я тотчас же поблагодарил ее. Сегодня, желая записать свои преферансные ремизы, я стал искать клочка бумаги на столе и разорвал первый попавшийся мне пустой куверт. Смотрю — миниатюрная записка! Вот причина, по которой я не тотчас же Вам отвечал. Благодарю за привет — я ему обрадовался. По моему мнению, никаких недоразумений между нами быть не должно. Из-за чего?? На обороте посылаю Вам «Луну» [1], что же касается до «Дианы, Эндимиона и Сатира», то попрошу Вас прежде справиться через Тургенева, не была ли она напечатана в «От⟨ечественных⟩ Записках» или, по крайней мере, отдана в ту редакцию? [2] Что-то подобное мне мерещится. Можно сделать ералаш — нисколько того не желая. Если же я ошибаюсь, то с удовольствием вышлю ее.

Новые стихи и между прочим — милую элегию Овидия «На смерть попугая» [3] перешлю на рецензию к Тургеневу. Но мне, наконец, совестно обременять его. Я его и так замучил возней с моими стихами. Недаром, стихи и грехи — рифма. Трудно предвидеть сколько крови могут человеку испортить стихи. Жаль, что никак не могу вырваться в Петербург. Все, на что теперь нужны м⟨еся⟩цы, уяснилось бы и обделалось — при указании знатоков дела — в 2—3 дня. А теперь никак не придумаешь, как сделать лучше. Чем дальше в лес, тем больше дров. — Будьте здоровы и усердно поклонитесь Ивану Ивановичу ⟨Панаеву⟩.

* * *

Забудь меня, безумец исступленной!
Покоя не губи.
Я создана твоей душой влюбленной,
Ты призрак не люби.

———

О, верь и знай, мечтатель малодушной,
Что мучась и стеня,
Чем ближе ты к мечте твоей воздушной,
Тем дальше от меня.

———

Так над водой младенец, восхищенной
Луной, подъемля крик,

Бросается, — и с влаги возмущенной
Исчез серебристый лик.

Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам.
Луна плывет и светится высоко.
Она не здесь, а там.

Не знаю, куда поступил мой перевод из Гейне Прощанье[4]. Там я хотел бы исправить два стиха.

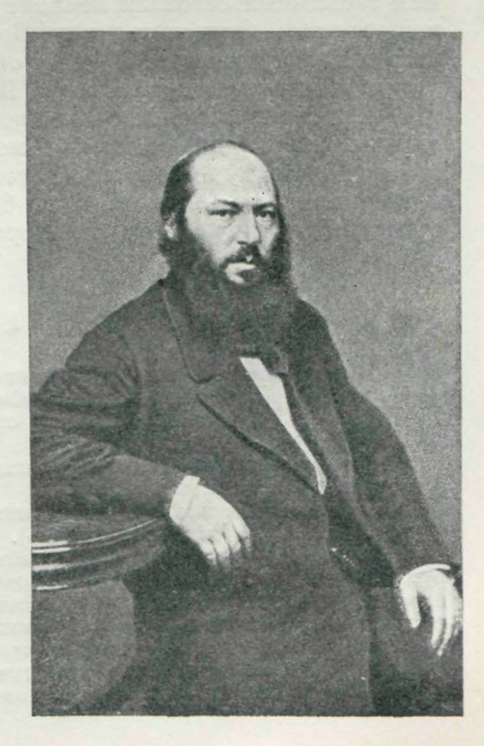
А. Фет

25-го декабря

Если казначей нашего полка Кошкуль[5] еще не был у Вас, то я попросил бы Вас послать отыскать его в Морском корпусе, на квартире у брата его — корпусного офицера тоже Кошкуля и приказать отдать ему, для доставления мне, те пистолеты, которые я оставил у Вас — если они исправлены.

Все револьверы — гадость, а эти бьют невероятно. И будьте так любезны уведомить меня, чтó я Вам должен. Если у Вас тот человек, которого я просил за ними присмотреть, то потрудитесь дать ему от моего имени 3 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩.

[1] В письмах к Некрасову Фет посылал и стихи для «Совр.»; так, в настоящем письме послано стихотворение «Забудь меня, безумец исступленной...» («Луна»), которое с письма и набиралось в типографии. Все письмо, кроме стихотворения, перечеркнуто красным карандашом, перед стихотворением тем же карандашом — повидимому, рукой Некрасова — сделана надпись: «Совр. № 1, Отд. 1-ое», а под стихотворением подписано: «А. Фет». Так как стихотворение помещено в первой книжке «Совр.» за 1856 год, — дата письма «25-го декабря» расшифровывается как 25 декабря 1855 г. Напечатанный в «Совр.» текст несколько расходится с окончательной редакцией стихотворения (см. А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений. Изд. Маркса, СПб., 1912, 123). Четвертый стих читается: «Ты грёзы не люби»; десятый стих: «Луной, подъемлет крик»; одиннадцатый: «Он бросился — и с влаги возмущенной»; кроме того, в 1, 5 и

А. А. ФЕТ
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

9 стихах окончания стихов на *«ой»* заменены окончанием на *«ый»*, а также изменена пунктуация.

[2] Стих. «Диана, Эндимион и Сатир» напечатано в «О. З.», 1856, X, отд. 1, 312 и в кн.: «Стихотворения А. А. Фета», М., 1863, I, 129.

[3] Стих. «На смерть попугая (Из Овидия)» впервые напечатано в кн. «Стихотворения А. А. Фета», СПб., 1856, 118—121.

[4] Имеется, очевидно, в виду стих. «Желтеет древесная зелень...», впервые напечатанное в издании стихотворений Фета 1856 г. (Изд. 1863, II, 383).

[5] Александр Карлович Кошкуль (правильно Коскуль) — штабс-ротмистр л. гв. уланского его в. полка, товарищ Фета по полку; брат его Василий Карлович (ум. 1857 г.) — лейтенант флота; был оставлен при офицерских классах Морского корпуса (Морской академии).

〈2〉

〈16/28 июля 1856 г. Карлсбад〉

Добрейший Николай Алексеич!

Вот уже несколько дней, как пью тоску из колодца, изображение которого Вы видите [1]. Кажется, еще долго мне ходить на водопой. Ну, что бы Вам, право, приехать ко мне. Комната у меня светлая и довольно большая и как нарочно на две постели. Жизнь здесь, т. е. не в Германии, а в Карлсбаде только, дешева до безумия. Более 2 целковых нет средств прожить в день. Вина пить нельзя, плодов есть — тоже — и мяса мало. Все кричат, что квартиры недоступно дороги. Я этого не нахожу, платя 60 к〈опеек〉 сер〈ебром〉 в сутки. Места кругом живописны и, будь Вы здесь, я бы таки потаскался с Вами, а одному ходить нет охоты. Поутру и без того ходишь часа 4, да и днем сходи пообедать за $^1/_2$ версты, да чай пить под липки туда же. Так что почти весь день таскаешься. Тем не менее, я строчу от скуки заметки, и о Берлине почти кончил [2]. Приезжайте, пожалуйста, и напишите, когда Вы будете.

Не прошу многого, зная, что это для Вас невозможно, а хотя пару слов. Буду тогда-то. Из Берлина Вы в 2 дня будете в Карлсбаде. Из Берлина прямо поезжайте в Дрезден. Но велите в гостинице берлинской, чтобы Вам засвидетельствовали паспорт у посланников тех стран, куда Вы намерены ехать. Стихов не пишу. Воображаю, сколько Вы настрочили со времени моего отъезда. Я — ни строки. Не постигаю тех людей, которые для удовольствия едут на воды. Впрочем, люди ездят и на Валаам.

К Авдотье Яковлевне 〈Панаевой〉 писал, но еще ответа нет. Во всяком случае, Вы увидите ее прежде меня. Напишите же, когда Вы намерены выехать и что Тургенев, седой гусь [3]. Папиросы приходят к концу, а здесь сигары и табак — адские. Если бы хотя совсем бросить гнусную привычку, а то пытка. Будьте здоровы и не забывайте предан〈ного〉 Вам

А. Фета

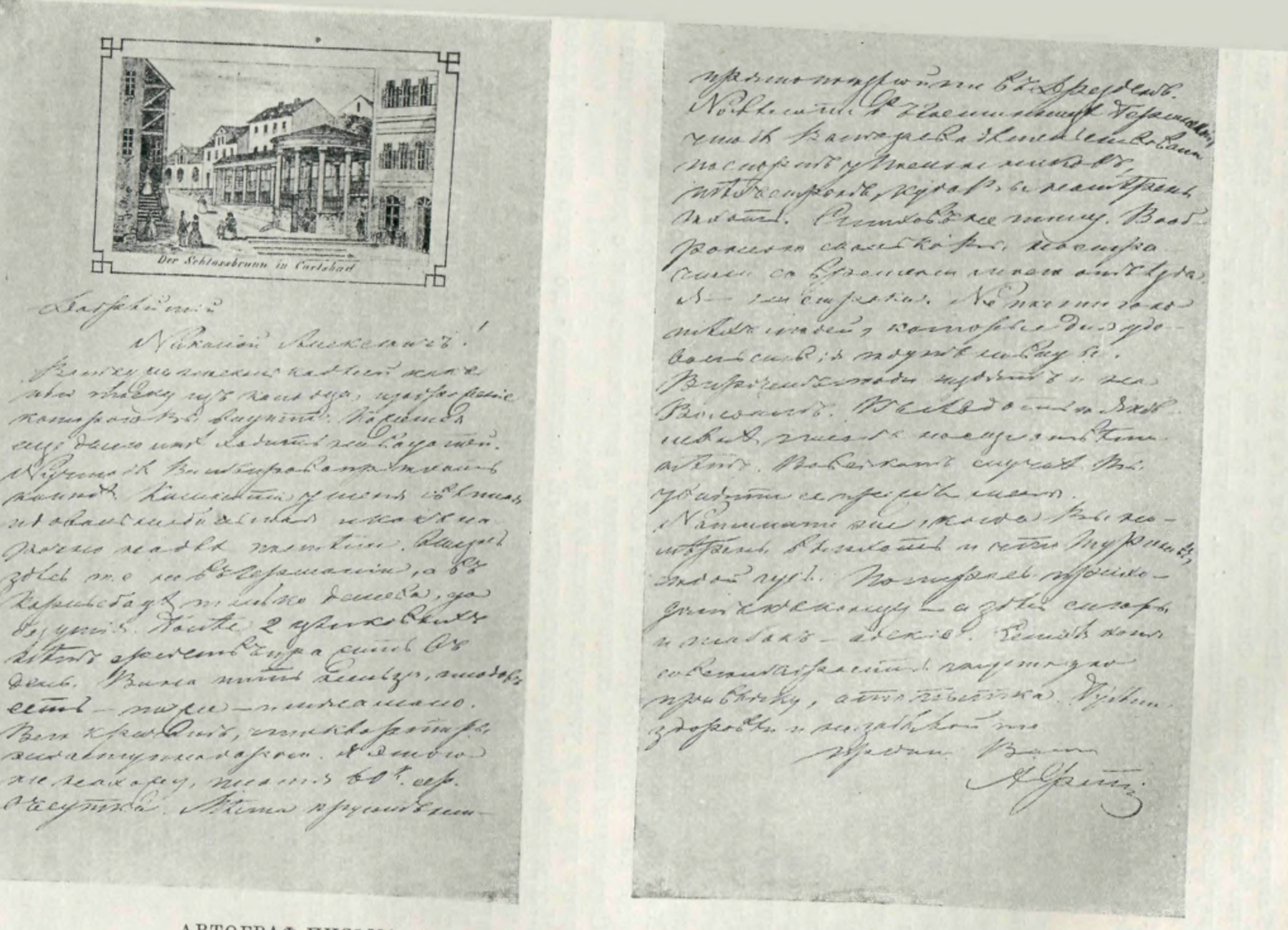
Адрес мой прост: M-r Foeth, à Carlsbad, en Bohême (poste restante) [4].

[1] Письмо написано на бумаге с виньеткой, изображающей карлсбадский вид с надписью: «Der Schlossbrunn in Carlsbad». В Карлсбаде Фет был в июле 1856 г., откуда и датировка письма. Ср. также ответное письмо Некрасова от 31 июля 1856 г. (Некрасов, V, 254).

[2] Путевые записки Фета напечатаны в «Совр.», 1856, XI и 1857, II и VII («Из-за границы. Путевые впечатления»).

[3] Это выражение повторено в упомянутом ответном письме Некрасова от 31 июля 1856 г. («Спросите его, седого гуся»).

[4] Слова «en Bohême (poste restante)» написаны карандашом, не Фетом. Той же рукой вставлена буква «l» в написанное Фетом «Carsbad». Значительно ниже, карандашом же, но, видимо, другой рукой, поставлены две цифры: «28» и «16». Они написаны не там, где ставится дата, и не так, как пишется двойная дата; все же соотношение цифр (разница на 12) заставляет думать, что это дата (28/16 июля 1856 г.), и тогда это, очевидно, дата отправления, а не получения письма; Некрасов не стал бы, находясь в Петербурге, ставить первой дату нового стиля.

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. А. ФЕТА К НЕКРАСОВУ ОТ 16/28 ИЮЛЯ 1856 г.

Страницы первая и последняя

Институт литературы АН СССР, Ленинград

И. И. ФИЛАРЕТОВ

Об авторе письма Иване Ивановиче Филаретове сведений нет. В печати известно еще одно письмо Филаретова, с той же датой 1 декабря 1855 г., что и публикуемое ниже, адресованное А. В. Дружинину («Письма к А. В. Дружинину». Ред. и коммент. П. С. Попова. В серии «Летописи» Гослитмузея, книга девятая, М., 1948, стр. 163).

Печатается по автографу ИЛИ (21.113/CXLVб11).

⟨Вышний-Волочек, 1 декабря 1855 г.⟩

Милостивый государь.

Быть может, Вас немножко озадачит мое неожиданное письмо. Письмо от неизвестного нам человека всегда немного озадачивает нас, а я Вам вовсе неизвестен.

Но давно, давно, с первого Вашего дебюта в нашей литературе, я полюбил Вас как человека дорогого, милого для каждого благородного русского сердца.

Пишу это не потому, чтобы мою любовь считал я наградою Вашего прекрасного таланта, а потому, что не человеческое дело — так глубоко сочувствовать благороднейшему направлению Вашей милой Музы, как сочувствую я, — и хранить гробовое, каменное молчание.

Не человеческое дело не откликнуться всей душой тому, кто так сильно влечет к себе и ум и сердце; а все Ваши стихотворения властительно уносили меня в прекрасный мир души Вашей.

Как не сказать братское слово любви и привета Тому, который так свято, так глубоко-христиански сочувствует всем скорбям человечества.

С каждым Вашим стихотворением я встречаюсь как с дорогим, милым сердцу другом и уношусь мыслью к Вам.

Последнее Ваше стихотворение «В больнице» [1] до того трогательное, до того проникнуто всечарующей любовью, что слезы невольные и сладкие текут, когда читаешь его.

Да, в Ваших стихотворениях для меня голос друга, звуки рая.

Примите же мою глубокую признательность за все прекрасные минуты, которые Вы мне подарили Вашими стихотворениями.

Да будет благословен Ваш путь, по которому Вы идете в нашей литературе, и да будет с Вами Ваша любящая, сочувствующая скорбям Муза долго, долго, если уже нет на земле ничего вечного.

Восторженный почитатель Вашего таланта

Иван Филаретов

1 ч⟨исла⟩ декабря 1855 г.
В⟨ышний⟩ Волочек

На конверте: В С. Петербурге
В Контору Редакции Современника
С передачей Издателю Современника
Николаю Васильевичу ⟨sic!⟩ Некрасову

[1] Стихотворение Некрасова «В больнице» впервые было напечатано в октябрьской книжке «Совр.» за 1855 г.

Н. И. ФИЛИМОНОВ

Николай Иванович Филимонов (ум. в 1870 г.) — драматический писатель. Успехом пользовались его водевили: оригинальный—«Молодая мачеха» и переводный с французского — «Мельничиха в Марли».

В биографической и мемуарной литературе о Некрасове имя Филимонова вовсе не упоминается, и нет поэтому возможности установить, когда и как произошло их знакомство, упрочившееся затем, судя по публикуемым письмам (обращение на «ты»), до близких дружеских отношений. Скорее всего, однако, знакомство произошло еще в 40-е годы, в пору близкого общения Некрасова с театрально-драматургическим ми-

ром Петербурга и собственной причастности к водевильной драматургии. Ярославский адрес Филимонова подсказывает и возможное дополнительное объяснение причины, поддерживавшей дальнейшее общение Некрасова с писателем-земляком, являвшимся, вероятно, частым гостем поэта во время его пребывания в Карабихе и в самом Ярославле.

Письма печатаются: 1-е — по автографу ЛБ (М.5765.71), 2-е—по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 94).

〈1〉

7 октября 1864 г.

Любезный друг
Николай Алексеевич,

К сожалению моему, я никак не мог к тебе попасть [1]. Очень благодарен тебе за прочтение моих пиэс и мнение твое о них [2]. Ну что же, прочитал ли ты последнюю комедию Ретрограды и что об них скажешь?

Если прочитал, то сделай одолжение, прикажи скатать в трубку и завязать покрепче обе тетради мои и передать их дворнику Вашего ярославского дома. Я буду к нему засылать. Также потрудись написать мне записочку, с твоим мнением о комедии и не годится ли она?

Прощай, мой друг, будь здоров; а главное мое желание, напиши еще такую же блестящую поэтическую картину, как Мороз [3], и вся читающая Россия скажет тебе большое спасибо.

Преданный тебе
Н. Филимонов

Потрудись также приписать адрес, если придется посылать выбранные тобою пиэсы в Петербург в контору или к тебе.

[1] В Карабиху, где вернувшийся из-за границы Некрасов провел сентябрь и большую часть октября 1864 г. (Ашукин, 298).

[2] О каких пьесах Филимонова идет речь — неизвестно.

[3] Поэма «Мороз, Красный нос», появившаяся в «Совр.», 1864, I, в марте того же года была напечатана в составе 3-й части «Стихотворений Н. Некрасова», СПб., изд. С. Звонарева.

〈2〉

〈30 декабря 1867 г.〉

Любезный друг
Николай Алексеевич,

Ты уже выручил меня из денежной беды однажды, за что я был тебе очень благодарен[1]; теперь же я нахожусь в гораздо худшем положении: болезнь заставила меня лечиться и издержать мои последние деньжонки; нога моя, как тебе известно, и прежде худо подвигалась, а теперь и совсем ходить перестала. Хорошо еще, что я удачно познакомился с доктором, который ничего не берет с меня за визиты; но при всем том, болезнь так расстроила меня, что я остался решительно без средств на некоторое время и вынужден опять тебя просить одолжить мне денег, сколько пожелаешь. Здесь их достать нет никакой возможности, хоть умирай. При болезни моей скука страшная, что для меня даже не было и праздников. Не откажи, любезный друг! Войди в мое положение и успокой старика, чем премного обяжешь преданного тебе

Н. Филимонова

30 декабря 1867 г.
Ярославль

Если ты не откажешь в просьбе моей, то адресуй письмо: в г. Ярославль Ник. Ив. Филимонову, во флигеле Хомутовского дома, что против д. Кокуева, в квартире Варвары Ивановны Михайловой.

Анне Алексеевне я приношу мое почтение.

[1] Об этой помощи, оказанной Некрасовым Филимонову, сведений нет.

М. А. ФИЛИППОВ

Михаил Авраамович Филиппов (1828—1886) — юрист, писатель и публицист. Обратил на себя внимание статьей «Взгляд на русское судоустройство» («Совр.», 1859, I—IV,VII—VIII) и обличительным романом «Полицмейстер Бубенчиков» (там же, X). В 1882—1883 гг. издавал журнал «Век».

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 95).

〈12 января 1862 г.〉

В Редакцию Современника

Обещанную мною журналу 2-ю часть моего сочинения — «Взгляд на русские гражданские законы» [1], — имею честь препроводить в редакцию в виде посылки и покорнейше прошу ее отпечатать это сочинение в одном номере. Причины тому следующие: 1) сочинение много потеряет при раздроблении, так как потеряется система, 2) мне необходимо отпечатать в

М. А. ФИЛИППОВ

Фотография 1870-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

нынешнем году и 3-ю часть; поэтому, если редакция растянет печатание, то я вынужден буду в другом журнале печатать последнюю часть.

Деньги, которые будут мне следовать за это сочинение, прошу редакцию употребить на следующие предметы: 1) зачесть меня подписчиком на Современник на 1862 г., 2) 25 руб. сер. употребить на памятник покойному Добролюбову; 3) остальные затем деньги выдать брату моему Осипу Авраамовичу[2]. Затем, поздравляя редакцию с новым годом, имею честь известить ее, что я лично прибуду в С. Петербург в конце февраля или в начале марта нынешнего года. С истинным почтением и глубочайшею преданностью имею честь быть Вашим, милостивые государи, покорнейшим слугою

М. Филиппов

12 января 1862 г. С. Окнино

[1] Первая часть работы Филиппова «Взгляд на русские гражданские законы» напечатана была в «Совр.», 1861, II—III; вторая — в «Совр.», 1862, III—IV.

[2] Биографические сведения об О. А. Филиппове отсутствуют.

В. Я. ФУКС

Член Совета Главного управления по делам печати Виктор Яковлевич Фукс (1829—1891) был одним из наиболее свирепых гонителей «Отеч. Зап.» в этом высшем органе политического контроля самодержавия над литературой. Не случайно именно он был назначен министром А. Е. Тимашевым «наблюдающим членом Совета» по «Отеч. Зап.» после того как его предшественнику в этой роли Ф. М. Толстому было предложено в ноябре 1871 г. подать в отставку «за слишком усердное заступничество журнала» («Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 487 и ниже в наст. томе, стр. 616).

Современники, соприкасавшиеся с Фуксом, единодушны в обрисовке морально-идейного облика этого человека. Ближайший коллега Фукса, упомянутый Ф. Толстой, определяет его как «ревнителя мрака». А. В. Никитенко, называя Фукса «агентом и соглядатаем Валуева», «законодателем и дипломатом из Фонарного переулка», писал о нем: «Мне сильнее и больнее всего гадил Фукс; гадил же он мне из мщения за то, что я не хотел печатать в газете статей его и его приятелей...» (А. Никитенко. Записки и дневники, I, 266—267).

Назначение Фукса «наблюдающим членом Совета» по «Отеч. Зап.», на которые он, по свидетельству Ф. Толстого, «сильно точил зубы», заставило Некрасова принять обычные меры предосторожности и попытаться «прикормить» и этого «зверя». Как это происходило, рассказывает в известной страничке своих воспоминаний П. М. Ковалевский. Он описывает здесь, как, зайдя однажды в послеобеденный час к Некрасову, был удивлен при виде следующей картины: «Маленький Фукс, тот самый Фукс, которого Салтыков, в качестве Щедрина, печатно называл Фуксенком, да еще с эпитетом „поганого", — закуривает сигару о сигару Михаила Евграфовича, уста в уста, и Михаил Евграфович хоть мрачно, но поддается этому иудину лобзанию сигар. „Прикармливаем зверя, — объяснил Некрасов Ковалевскому, — приставлен ходить за нами..."» (П. Ковалевский. Стихи и воспоминания. СПб., 1912, 289—290).

Публикуемая записка документирует, что в арсенале средств «прикармливания зверя» были не только специальные обеды, но и исполнение различных комиссий Фукса по устройству его протеже на те или иные места и должности.

Записка печатается по автографу собрания К. И. Чуковского (Москва).

Фридрихсгамский купеческий сын Василий Петрович Мельников, 28 лет, представляя два аттестата о своих занятиях и поведении, желал бы получить место при каком-либо из казенных учреждений.

Фридрихсгамский купеческий сын

В. Мельников

<28 ноября 1868 г.>

Покорнейшая просьба от В. Я. Фукса к Н. А. Некрасову поместить вышеименованного на какую-либо должность в редакции или конторе. Проситель человек честный, толковый и не лишенный образования.

В. Фукс

28 ноября 1868 г.

Я. Н. ХАНЫКОВ

Яков Николаевич Ханыков окончил юридический факультет Московского университета в 1858 г. Найти другие биографические сведения о нем и выяснить его литературную деятельность не удалось.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 96).

Флоренция, 17 янв⟨аря⟩ 1874 г.

Милостивый государь
господин Редактор.

Позвольте предложить Вам для помещения в Ваш журнал следующие критические статьи:

1) Герберт Спенсер и его система философии.

2) «Философия бессознательного» фон Гартмана и ее последователи (Патологический этюд современной Германской мысли) [1].

Я желал бы до высылки статей узнать [2], считает ли редакция Отечеств⟨енных⟩ Записок статьи такого содержания достаточно интересными для помещения в журнал? Без сомнения, утвердительный ответ на мой запрос не может иметь никакого обязательного значения, и если редакция по рассмотрении статей сочтет их неудобными к печати, то я буду просить только о возвращении рукописи.

Позвольте также узнать об условиях платы за критические статьи. Адрес мой: A Florence (Italie), Via Montebello, 56 (во Флоренцию).

Примите уверение в совершенном почтении, с которым остаюсь готовый к услугам

Я. Ханыков

Адрес: В Редакцию Отечеств⟨енных⟩ Записок
В С. Петербург

[1] Упоминаемые статьи в «О. З.» не появлялись.
[2] Ответ редакции на это письмо неизвестен.

М. К. ЦЕБРИКОВА

Начало литературной деятельности Марии Константиновны Цебриковой (1835—1917) относится к 1860 г., когда в «Русском Вестнике» (1860, V—VI), под инициалами А. Р., она напечатала повесть «Ошибка за ошибку». В «Отеч. Зап.» (1863, VIII) появился за теми же инициалами ее рассказ «Который лучше?»; затем ее статьи, посвященные педагогическим вопросам, печатались на страницах журнала «Детский сад». Литературную известность Цебрикова получила, когда в «Отеч. Зап.» (1868, VI) была напечатана под псевдонимом Николаева ее статья «Наши бабушки» (по поводу женских характеров в романе «Война и мир»). Вслед за этой статьей она напечатала в «Отеч. Зап.» 1869—1870 гг. ряд других, причем не меньшее внимание, чем русским авторам, Цебрикова уделяла авторам иностранным. Перечень критических и публицистических работ М. К. Цебриковой см.: Н. Н. Голицын. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889, 267—270. Перечень этот

М. К. ЦЕБРИКОВА
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

(в части, касающейся «О. З.») должен быть дополнен указаниями на следующие принадлежащие Цебриковой, но напечатанные без ее подписи статьи: «Беллетристы-фотографы» (1873, XI—XII), «Современная германская эпопея» (1874, IX—XI) и «Два мотива современной поэзии» (1876, V). Примечательно, что книжка Цебриковой для народного чтения — «Дедушка Егор», изданная в 1875 г. «чайковцами», была широко использована в 70-е годы при пропаганде среди крестьян и рабочих. Беллетристические произведения Цебриковой перечислены у М. В. Мезьер — «Русская словесность», II. СПб., 1902, 447.

Помимо писем, адресованных непосредственно Некрасову, печатается также одно письмо Цебриковой, адресованное, за отсутствием Некрасова в городе, замещавшему его А. М. Скабичевскому.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 98 и № 120).

‹1›

‹Конец 1873 г.›

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Я получила роман «Мишурный век»; очень интересно и живо, особенно со второй части. Много сократить неудобно, потому что растянутостей

нет, и множество лиц сменяются и все переплетено вместе. Можно повыкинуть узенькую мораль от лица автора. О рабочем вопросе и социальном, увы, ни слова, роман вовсе не тенденциозный, обрисована жажда наживы и продажность членов конгресса.

В будущий понедельник я доставлю конец «За свободу» или как там окрестили[2] и попрошу, если можно, за май и июнь. Сверх того мне нужно взять обратно рукопись «Neuf mois de Boutons».

Примите уверение моего уважения М. Цебрикова

[1] Имеется в виду роман Марка Твена «The Gilded Age, a Tale of Today» (1873), написанный им в сотрудничестве с Уорнером (Charles Dudley Warner). Перевод этого романа, сделанный Цебриковой, появился в приложении к «О. З.», 1874, V—X.

[2] Речь идет о романе Дж. Мак-Карти (Justin M'Carthy, 1830—1910) «Прекрасная саксонка» («Fair Saxon»). Работая над переводом романа, Цебрикова предложила, видимо, дать ему заглавие «За свободу», более точно передававшее основную идею произведения. Но такое заглавие было противоцензурно, и в редакции «О. З.» роман еще раз «перекрестили». Под названием «Потомок Тайронов» роман начал печататься в приложениях к «О. З.», начиная с 1874, I. Отсюда и предположительная датировка письма.

<2>

<Осень 1874 г. — не ранее сентября>

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

По части переводов особенно интересного не имеется. Изо всех отзывов я остановилась на трех: 1) «Карьера Мильдред» — повесть тенденциозная, из агитации женщин по выборному праву, в 1 части, значит не длинна [1]. 2) «Ненси» — роман новой писательницы Роды Браутон, рекомендуют за художественность нового женского типа [2]. 3) Рекомендуется еще Atheneum'ом [3] роман нового писателя Aldrich из американской жизни, но не тенденциозный [4]. Который выписать? или все? Тогда надо похлопотать, чтобы не задержали в цензуре.

В Fortnightly начата обещающая быть недурной повесть Мередита — Карьера Бьючемпа [5]. Начало о том, как юный лейтенант, защитник отечества, патриот в духе шовинизма, начинает додумываться, что лучше быть защитником народа. Но в Fortnightly Review помещается по одному с четвертью <листа> в книге, а иногда и менее и, вероятно, протянется целый год, начало повести в августе, так что начинать с января неудобно, тем более, что по началу одному судить нельзя, хотя Fortnightly R<eview> радикальный журнал. Рус<ский> перевод Никльби — московское безграмотное искажение [6], но в О<течественных> З<аписках> неудобно перевести этот роман: 500 стр. убористой печати Таухница формата, выйдет верных страниц 600 и протянется книжек 9 и надоест читателям, тем более, что в Никльби не затронуто никакого интересующего в наше время социального вопроса. Тогда уж лучше «Тяжелые времена» или «Большие надежды» [7], — короче и завязка интереснее: беглый каторжник воспитывает мальчика, который помог ему во время его бегства, и тот считает себя облагодетельствованным каким-нибудь лордом и узнает, что он всем обязан каторжнику. Мне показалось, что Михаил Евграфович <Салтыков> сомневается, справлюсь ли я с Диккенсом; можно просмотреть мой перевод Оливера Твиста [8] — первая половина моя, а этот роман, полный воровского языка и народного, один из наиболее трудных.

Дайте ответ, что выписывать, и примите уверения моего уважения

М. Цебрикова

[1] Кто автор повести «Карьера Мильдред» — установить не удалось.

[2] Рода Браутон (Broughton, 1840—1920) — английская писательница. Упоминаемый в письме Цебриковой роман ее «Nancy» вышел в 1873 г. (3 vls, Bensley and

Sons: см. «Atheneum», 1873, № 2402, 592—593) и принадлежал к числу наиболее популярных ее произведений. Рода Браутон принадлежит к числу романисток «для легкого чтения»; серьезного историко-литературного значения ее творчество не имеет. См. о ней: «Fortnightly Review», vol. CVIII, 262—278 и «The Times», 7 June 1920.

[3] См. лондонский журнал «Atheneum. Journal of English and Foreign Literature», 1873, № 2402, 595 (Novels of the Week).

[4] Томас Олдрич (Aldrich, 1836—1907) — американский поэт и писатель. Как романист Олдрич дебютировал романом «The Story of a bad Boy» (1869), который имел большой успех. В письме Цебриковой идет речь о сборнике его рассказов из американской жизни «Marjorie and other People», 1873.

[5] Роман Джорджа Мередита (Meredith, 1828—1909) «Карьера Бьючемпа» («Beauchamp's Career») был автором первоначально предназначен для «Cornhill Magazine», но редакция этого журнала отказалась печатать его как слишком «радикальное» произведение, и Мередит передал его в редакцию журнала «Fortnightly Review», где в сильно сокращенном и урезанном виде роман начал печататься, начиная с августовской книжки 1874 г. (см. Arundall Esdaile. A Chronological List of George Meredith's publications, 1849—1911, London, 1914). Перевод М. Цебриковой этого романа печатался в «О. З.», 1875, VI—XII, а в следующем году вышел отдельной книжкой. К этому же году (1876) относится полное английское издание этого романа.

Мередита русские читатели еще не знали; до «Карьеры Бьючемпа» у нас был переведен только один его роман «Эмилия в Англии» («Emilia in England», 1864) в «Совр.», 1865, II—V, VII—VIII.

[6] Роман Диккенса «Life and Adventures of Nicolas Nickleby» (1839), действительно, вышел в «безграмотном искажении» — «Жизнь и приключения английского джентльмена, мистера Николая Никльби». М., 1872.

[7] Речь идет о поздних романах Диккенса «Hard Times» (1854) и «Great Expectations» (1861).

[8] Ч. Диккенс. Оливер Твист. Пер. с англ. М. Цебриковой, СПб., 1875.

⟨3⟩

⟨1870-е годы⟩ [1]

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Я всегда так усердно желаю, чтобы нашего полка пишущих женщин прибывало, и потому прошу Вас поместить, если Вы найдете возможным, повесть г-жи Ковалевской [2]. Г-жа Ковалевская здесь проездом очень не надолго, и потому я очень прошу Вас дать ей ответ так скоро, как возможно. О содержании повести я не могу ничего сказать, потому что не видала ее.

Примите уверение моего совершенного уважения

М. Цебрикова

[1] Установить дату письма не удалось.

[2] Никакой повести за подписью Ковалевской в «О. З.» 1868—1878 гг. не появлялось.

⟨4⟩

А. М. СКАБИЧЕВСКОМУ

⟨Июнь 1873 г.⟩

Александр Михайлович.

Я уже писала Вам, но считаю не лишним повторить на случай весьма частой с моими письмами пропажи.

Гр⟨игорий⟩ Зах⟨арович⟩ писал, что статья «Беллетристы-фотографы» пойдет в июле или в августе. Я прошу в августе и отделить часть на сентябрьскую книжку, потому что конца мне нельзя теперь прислать [1]. Наброски и выписки по ошибке не были уложены, и без меня не найдут ничего.

Уважающая Вас М. Цебрикова

[1] Статья «Беллетристы-фотографы» была напечатана (анонимно) в «О. З.», 1873, XI и XII. Отсюда, в сопоставлении со словами «пойдет в июле», — датировка письма. Оно документально подтверждает авторство Цебриковой в отношении данной статьи.

Н. П. ШАЛИКОВА

Княжна Наталья Петровна Ш а л и к о в а (1815—1878) — свояченица М. Н. Каткова, писательница (псевдоним Е. Нарская), автор повестей и романов, напечатанных в «Современнике», «Русском Вестнике» (1856—1865), «Рассвете» (1860), «Беседе» (1871) и выходивших отдельными изданиями.

Письма печатаются по автографу ИЛИ (21.172/CXLVб18).

Москва, 10 февраля ⟨1856 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Вам, вероятно, известно, что я отважилась отдать на суд публики некоторые из моих произведений и что они были напечатаны в «Современнике»

Н. П. ШАЛИКОВА
Фотография с портрета 1840-х гг.
Театральный музей им. Бахрушина, Москва

под псевдонимом Е. Нарской. Удовольствие быть принятой в число сотрудников этого журнала было во мне так сильно, что я просила И. И. Панаева не затрудняться платою за мою первую повесть «П е р в о е з н а к о м с т в о с о с в е т о м». Я отдала ее ему б е з в о з м е з д н о. Не возражала я и тогда как ⟨!⟩ за вторую мою повесть («Елена») г. Панаев ничего не предложил мне. За третью же —«В с е к л у ч ш е м у», напечатанную в XII кн. Современника, сам Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ Панаев предложил мне двести пятьдесят рублей серебром и 25 оттисков. Я согласилась, оставив в стороне мелочные расчеты по числу листов *, и, чтоб облегчить

* В моей повести 7 листов.

пересылку денег, я просила его перевести эту небольшую сумму на И. В. Базунова. Но я до сих пор не получила от г. Панаева ни письма, ни денег, ни даже Современника на ‹18›56 год. Скажите, что мне делать? Что Вы мне посоветуете? Сознаюсь откровенно, что, несмотря на всю мою симпатию к Вашему журналу, я не имею возможности печатать бесплатно мои повести [1].

Извините, что, не зная Вас лично, я решаюсь обратиться к Вам с таким щекотливым объяснением: я так много придаю цены Вашему благородному, серьезному характеру, что эта уверенность отчасти извиняет мой поступок.

С искренним уважением пребуду навсегда готовая к услугам

Кн. Наталья Шаликова

Мой адрес: В редакцию Русского Вестника, княжне Наталии Петровне Шаликовой.

[1] В «Совр.» (1855, VI, X, XII) были напечатаны только три названные в письме произведения Н. П. Шаликовой. О повести «Всё к лучшему» Некрасов 17 сентября 1855 г. писал Тургеневу: «Получил огромную повесть Нарской — „Всё к лучшему"; читаю, начало хорошо» (Некрасов, V, 227). Чем окончился инцидент и был ли Шаликовой уплачен гонорар — неизвестно. За первую повесть, согласно обычаю, принятому в журналах того времени, гонорар автору не платился. См., напр., письмо к Толстому от 30 октября 1852 г., где Некрасов писал: «В лучших наших журналах издавна существует обычай не платить за первую повесть начинающему автору, которого журнал впервые рекомендует публике. Этому обычаю подверглись все доселе начавшие в „Современнике" свое литературное поприще, как-то: Гончаров, Дружинин, Авдеев и др. Этому же обычаю подверглись в свое время как мои, так и Панаева первые произведения» (Некрасов, V, 171).

Р. Р. ШТРАНДМАН

Роман Романович Штрандман — литератор 40—50-х годов, петрашевец. Принимал участие в составлении «Карманного словаря иностранных слов» Кириллова. Печатался в «Современнике» Некрасова и др. изданиях.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 101).

‹29 июля 1868 г.›

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Мысли путаются, слов не приберу, как и замолвить Вам о своем безысходном бедствии, после всех оказанных Вами одолжений [1]... злая нищета совершенно доконала меня!.. «За большим в нужде не гонятся, в непогоду не до плаванья»; так и я убедительнейше прошу о помощи в самом скромном размере, в видах множества бедняков, более меня достойных участия и сострадания.

Глубоко преданный, покорнейший Ваш слуга

Р. Штрандман

29 июля ‹1›868 г.

Больш‹ая› Морск‹ая›, у Исаакия, д. № 6—39, кв. № 37.

[1] Когда и какие одолжения были оказаны Некрасовым Штрандману—выяснить не удалось.

А. П. ЩАПОВ

Первый крупный труд историка-демократа Афанасия Прокофьевича Щапова (1830—1876) «Русский раскол старообрядства» вызвал критический отзыв «Современника» в анонимной статье «Что иногда открывается в либеральных фразах» (1859, IX). Автором отзыва был Антонович, но статью его читал и правил Добролюбов, которому принадлежат, в частности, заглавие статьи и ее начало (см.: Перв. полн. собр. соч. Добролюбова, под ред. М. Лемке, III. СПб., 1911, стлб. 609 сн.). Щапов, со своей стороны, был убежден, что автором статьи был Добролюбов. Критика «Современника» была в основном направлена на непоследовательности и противоречия, допущенные в этой работе Щаповым, в котором, однако, редакция сразу же почувствовала человека своего лагеря, демократа. Рецензия «Современника» произвела сильное впечатление на Щапова, заставив его «глубже вдуматься во внутреннюю жизнь раскола» и побудив «заниматься более строгим и осмотрительным образом» (Аристов. А. П. Щапов. СПб., 1883, 46).

Прошло два года, и явно обозначившийся сдвиг Щапова влево не остался незамеченным руководящим кружком «Современника». Когда состоялось высочайшее повеление о ссылке Щапова в монастырь, за его речь на панихиде по крестьянам, убитым во время восстания в с. Бездна, Чернышевский принял самое активное участие в агитации в защиту Щапова. Но все же сближения между Щаповым и группой «Современника» не произошло. Попытка Чернышевского (1862 г.) путем личной беседы со Щаповым добиться с ним соглашения по ряду принципиальных вопросов, — потерпела неудачу.

Со времени перехода «Отеч. Зап.» в руки Некрасова Щапов стал деятельным сотрудником нового журнала, хотя этому, в известной мере, не могла не препятствовать дальность расстояния (Щапов проживал в это время в Иркутске). В период с 1870 по 1874 г. он напечатал в «Отеч. Зап.» следующие работы: «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа» (1870, III, IV, XII), «О развитии высших человеческих чувств» (1872, X), «Развитие человеческой способности питания» (1873, I) и «Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества» (1873, III, VII; 1874, V, VI).

Когда скончалась жена Щапова, Ольга Ивановна (р. Жемчужникова, ум. 13. III. 1874), человек, которого он безгранично любил, свое «Воспоминание» о ней он направил именно в редакцию «О. З.». Какое значение он придавал этому «Воспоминанию», можно видеть как из особого предисловия к нему: «Завещеваю это воспоминание... непременно напечатать, как только будет возможно» («О. З.», 1876, V, 186), так и из заключительных слов самого «Воспоминания»: «Уничтожьте все мои сочинения, отнимите мою жизнь, бросьте в огонь или в воду все, что я написал и напечатал в русской литературе, только умоляю, заклинаю всех будущих людей, какие будут жить на месте нынешней Сибири и России, — сохраните эти мои строки о женщине Ольге Ивановне Щаповой» (там же, 187). «Несмотря на все наше желание, — замечает в той же статье, где приведены эти строки, ее анонимный автор, Г. З. Елисеев,— мы не могли этого сделать» — и ссылается на «независящие причины». Только в 1906 г., когда издательство П. В. Пирожкова предприняло издание трехтомного собрания сочинений Щапова, оказалось возможным включить в него и «Воспоминание» (Сочинения А. П. Щапова, СПб., 1906, II, 1—30).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 102).

〈26 июня 1873 г.〉

В редакцию «Отечественных Записок»

С величайшим огорчением сейчас услышал я, что в апрельской книжке «Дела» Благосветлов напечатал какой-то отрывок из моей статьи. Это возмутительно нечестный поступок с его стороны. Дело вот в чем. В ноябре или декабре 1871 года я послал в «Дело» статью «Общественное миросозерцание и социальное положение женщин в России до Петра Великого» (до XVIII в., в византийский период). Статья эта, по известию из редакции

«Дела», тогда не пропущена была цензурой (в 1871 г.) и так с тех пор и валялась в редакции; я считал ее погибшею для печати, а потом даже и не желал, чтоб она была напечатана, так как в ней кое-что нужно было изменить. Но вот она, сверх всякого чаяния, напечатана Благосветловым, и не знаю еще, в каком виде: «Дела» не имел пока в руках [1]. Правда, Благосветлов в январе нынешнего года спрашивал меня, не соглашусь ли я напечатать статью с такими выбросками или изменениями, какие он найдет нужными, чтобы статью сделать цензурною. Я теперь жалею, что на письмо Благосветлова ничего не ответил. Я вполне уверен был, что без изъявления моего согласия он ни в каком случае не решится переделывать или изменять и печатать мою статью, не пропущенную прежде цензурой.

Так как статья, напечатанная в «Деле», давно уже, еще в 1871 году, извлечена мною из того же большого моего очерка истории русского общества,

А. П. ЩАПОВ
Фотография 1870-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

из которого извлечение печаталось ныне и в Отеч<ественных> Записках,— то не это ли обстоятельство и причиной тому, что в Отеч. Зап. вдруг прекратилось печатанье моих статей [2]. Извещаю редакцию, что Благосветлов, без всякого согласия с моей стороны, совершенно неожиданно для меня напечатал в «Деле» мою статью, которую я вовсе не желал бы печатать и даже считал несуществующею. Я раскрою все дело, и новый бесчестный и оскорбительный поступок Благосветлова обличу гласно [3]. Мало того, что он прежде остался нечестным относительно моих работ в «Русском Слове» и в «Деле», он еще и теперь хочет повредить мне — прервать мое участие в Отечеств. Записках, которое для меня стало единственным утешением в Сибири.

А. Щапов

26 июня 1873 г.

[1] Статья Щапова под заглавием «Положение женщины в России по допетровскому воззрению» была напечатана в «Деле», 1873, IV.

[2] Большая статья Щапова «Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества» начала печататься с 1873 г. в «О. З.» (1873, II, III), а затем печатание ее приостановилось. Возможно, что Щапов прав в своих догадках, что причиною приостановки печатания в «О. З.» его статьи было появление другой, близкой по теме статьи в «Деле». Так или иначе, но печатание возобновилось, и конец статьи появился в «О. З.», 1873, VII и 1874, V и VI.

[3] Этого намерения Щапов не привел в исполнение.

Н. А. ЮРЕНЕВ

Нил Александрович Юренев (1841—умер после 1913 г.) — экономист. По окончании гимназии в Торопце Юренев в 1859—1863 гг. состоял вольнослушателем Петербургского университета. С 1865 г. жил за границей. В 1877 г., совместно с А. Х. Христофоровым, начал издавать в Женеве русский журнал «Общее дело» и состоял одним из ближайших сотрудников его во все время его существования, т. е. до 1889 г.

Позднее писал в русской легальной прессе по экономическим и финансовым вопросам. Этим ограничиваются биографические сведения о Юреневе, которыми мы располагаем.

В «Отеч. Зап.» никаких статей за подписью Юренева не появлялось.

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 103).

15/3 июля 1871 г. Дрезден

Предлагая Редакции Отечественных Записок прилагаемую статью для напечатания, я позволю себе сделать при этом некоторые замечания.

Статья эта заимствована мною из указанного в заголовке сочинения Карла Маркса и, за немногими исключениями, составляет перевод одного из отделов книги (стр. 699—745). Она представляет род введения к двум следующим статьям, имеющим предметом — положение рабочих классов (фабричного и земледельческого) и движения рабочего законодательства в Англии и, отчасти, в других странах Зап. Европы [1]. (Причем, кроме Маркса, мною взяты во внимание некоторые другие авторы, точно так же, как и приобретенные лично сведения по рабочему вопросу в Германии). В заключение я полагаю сделать общий вывод по отношению к России, а именно: указать на взаимные отношения двух, в ней одновременно действующих, но по своей природе несовместимых и друг другу глубоко враждебных элементов капиталистического производства и общинного землевладения. Обе статьи займут место от 4—5 печ. листов.

Н. А. ЮРЕНЕВ

Фотография 1860-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

МОРОЗЪ,
КРАСНЫЙ НОСЪ.
ПОЭМА
Н. НЕКРАСОВА.

Цѣна 15 коп.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА.

I

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба —
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
Да уголъ рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ И ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПОЭМЫ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС» ИЗДАНИЯ 1870 г.
Иллюстрации И. Панова

Вместе с тем я решаюсь обратиться к Редакции с просьбой, — если предлагаемая статья окажется удобной для напечатания, известить меня об этом письменно, чтобы этим дать мне возможность заблаговременно приготовить две следующие статьи. Зная, что подобные извещения в России не в обычае, я, однако, рассчитываю, что Редакция на этот раз быть может найдет возможным сделать исключение из правила: живя постоянно за границей, я последнее время утратил все связи с Петербургом, и наведение справок через третье лицо соединено для меня с огромными затруднениями.

Нил Юренев

Адрес: Dresden, Grünestrasse, 14 A III. Nil Jureneff (Нилу Александровичу Юреневу).

[1] Речь идет о «Капитале» Карла Маркса. Страницы указаны по первому немецкому изданию: Karl Marx. Das Kapital, Bd. I. Hamburg, 1867. Они содержат раздел 6-й главы: «Die s. g. ursprüngliche Accumulation».

Перевод в «О. З.» не появлялся. Возможно, что редакция отклонила предложение Юренева (если, конечно, тут не сыграли роль цензурные причины) потому, что не могла не знать о предстоявшем выходе в свет полного русского перевода 1-го тома «Капитала» Маркса. Перевод этот, сделанный Н. Ф. Даниельсоном, вышел из печати 27 марта (8 апреля) 1872 г.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894) — известный сибирский «областник», публицист, общественный деятель и путешественник—исследователь Сибири. В мае 1865 г. он был арестован вместе с Г. П. Потаниным, С. С. Шашковым и др. по обвинению в попытке «отделения Сибири от России и образования республики подобно Соединенным Штатам». Три года он просидел в Омском остроге, после чего в 1868 г. был сослан в г. Шенкурск. Оттуда Ядринцев, литературная деятельность которого началась в 1862 г. сперва в «Искре», а затем в журналах «Неделя» и «Дело», предложил Некрасову свою новую рукопись, представлявшую дневник, веденный автором во время следования по этапу в 1868 г. из Сибири в Архангельскую губернию. Рукопись эта под заглавием «История одного странствия» (псевдоним Н. Семилуженский) была напечатана в «Отеч. Зап.», 1871, XII. Она вошла впоследствии в его книгу «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб., 1872).

В 1874 г. Ядринцев приехал из ссылки в Петербург. «Я не имел никакого обеспечения, — рассказывает он в своей автобиографии, — явился раз к Некрасову в „Отечественные Записки", но встретил вежливый, но сухой прием. Мне предлагали принести статьи для образца, а между тем я написал уже книгу, которая произвела свое действие. Даже Елисеев, редактор „Отечественных Записок", не знал моей книги о Сибири» (см.: М. Лемке. Ник. Мих. Ядринцев. СПб., 1904, 90). Однако через два года после этого Салтыков писал Некрасову 19 января 1876 г.: «Почему Ядринцев не участвует у нас? Я в „Вестнике Европы" читал его статью („Положение ссыльных в Сибири"), очень хорошая. Право, ничего не стоит заручиться: все-таки материал живой» (Н. Щедрин. Полн. собр. соч., XVIII, 334). После этого в «Отеч. Зап.» (1876, VIII и XII) были помещены статьи Ядринцева: «Современная мания к путешествиям» (без подписи) и «Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири (Исследование о сибирской кабале, монополии и мироедстве)».

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 104).

⟨10 июня 1871 г.⟩

Милостивый государь, Николай Александрович ⟨sic!⟩

Извините, что с этою почтою я осмеливаюсь послать на Ваше имя мою рукопись и попросить взглянуть на нее хоть мельком. Это я делаю потому, что в Вас я надеюсь встретить наиболее справедливую оценку моего труда, а во-вторых, я надеюсь на Ваше заступничество пред редакцией «Отечественных Записок», которая может слишком строго отнестись к моим простым запискам.

Дело идет, милостивый государь, о моих наблюдениях, вынесенных мною горьким опытом в течение последних лет. С 1863 г. по выходе из университета предо мной внезапно вследствие различных случайностей развернулось обширное поле для наблюдений и поверки разных теоретических убеждений. Я попал в среду простого народа и три года находился в больших тюрьмах между сотнями ссыльного, каторжного и несчастного народа. Когда-то Помяловский хотел разделить для молодых писателей предметы наблюдений, я вспомнил это и занялся арестантами. Часть моих записок я помещал в журнале «Дело» [1], но, благодаря цензуре и переделкам, совершенно не узнавал их. В «Неделе» я поместил два очерка: «Шпионы и палачи» [2]. Из моих материалов я желал бы познакомить теперь с моим дневником, веденным в 1868 г. по этапному тракту. Я прошел пешком более половины России: с Нижнего, чрез Кострому, Вологду на Архангельск. Прежде этого я испытал поездку по вновь реформированному сибирскому тракту. Я заносил прямо ⟨все⟩, что поражало меня, и те размышления, которые вызывала жизнь. Я предпочел это оставить в виде безыскусственного дневника. Я взглянул на центральную Россию, которую я ранее не видал, впечатление было новое, я проходил помещичьи губернии с земством, был в больших замках [3] в Перми, в Нижнем, в Костроме и т. д. На дороге сталкивался с разнообразными личностями, видел новые порядки

Н. М. ЯДРИНЦЕВ
Фотография 1887 г.
Музей революции СССР, Москва

и старые учреждения. При моем способе путешествия можно было видеть подкладку жизни и обратную сторону медали. Пришлось испытать на собственной шкуре то, что испытывает простой человек ежедневно. Можно было видеть Россию так, как она есть. Вы увидите из моего дневника, что приходилось испытывать бенгальские тюрьмы в 60 верстах от Нижнего, вблизи земства. Мы видели ужасное обращение с людьми этапных начальников, грубость жандармов, своеволие солдатчины. Среди «просвещенной» России, на дороге между скачущими земскими чиновниками, около мировых учреждений, на дороге, где ездят разукрашенные коляски, в сердце России совершается сцена самосуда в русском вкусе и т. д.

Я вынес то грустное размышление, что наши нравы остались те же и при реформах и что эти нравы старых деятелей, которым вверяется реформа, надорвут всякие улучшения. Вот мысль, которую я старался выяснить. Посылая статью в «Отечественные Записки», я желал, чтобы статья вышла без цензурных искажений. Все ее недостатки я, однако, предоставляю поправить Вам и поместить в том виде, как Вы найдете удобным. На долгую обработку материала я не мог обратить много времени, занятый поденной работой и обыденными нуждами в ссылке.

Я надеюсь, милостивый государь, на Ваше внимание и полагаю, что Вы найдете некоторые наблюдения любопытными. Перед началом дневника я помещаю письмо о происхождении самого дневника. Письмо это можете помещать или не помещать — все равно.

Ежели месяца два я не получу ответа от редакции, о котором не смею, однако, и просить, и вообще увижу, что статья не появится долго в «Отеч<ественных> Записках», я обращусь, может быть, за рукописью. Однако я надеюсь, что труд мой не будет потерян. Примите, милостивый государь, чувство моего уважения к Вам и не лишите своего внимания.

Н. Ядринцев

Шенкурск, Арханг. губ.
1871 года 10 июня

Адрес для редакции: Николаю Михайлову Ядринцеву, в Шенкурске.

[1] См. журнал «Дело»: 1868, V, IX, X; 1869, V, VIII, IX; 1870, I, V, X, XII; 1871, I, II.

[2] «Шпионы и палачи» («Неделя», 1870, XXIII, XXIV).

[3] Тюремных.

М. А. ЯЗЫКОВ

Михаил Александрович Языков (1811—1885), школьный товарищ И. И. Панаева, был близок к кружку сотрудников «Современника» и «Отеч. Зап.» и, не будучи сам писателем, пользовался известностью в литературном мире как «приятный и веселый собеседник, остряк и каламбурист». Белинский, по словам И. И. Панаева, высоко ценил в Языкове «кротость его характера, мягкость сердца, бесконечную преданность его друзьям и отсутствие эгоизма, доходившее до пренебрежения собственных выгод» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. «Academia», Л., 1928, стр. 409).

В конце 50-х годов Языков служил на имп. стекольном заводе, заведуя его мозаичной мастерской, а затем перешел на службу в департамент неокладных сборов и был управляющим питейно-акцизного управления в Туле (1862), затем в Калуге (1873) и в Новгороде (1877). (См. о нем заметку Б. Л. Модзалевского, опубликованную во «Временнике» Пушкинского Дома, 1914, 100—101).

В печати известно еще одно письмо М. А. Языкова к Некрасову от 18. XII. 1862 г. (См. «Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 6, М., 1940, 30—31).

Письмо печатается по автографу ИЛИ (Ф. 134, оп. 11, № 27).

〈Май — июнь 1863 г.〉

Посылаю Вам, любезнейший Николай Алексеевич, деньги, внесенные стариком Войтом,[1] который отправился домой с пустыми карманами, вследствие чего он очень удобно временно может называться пустовойтовым*. Очень рад я, что удалось мне выручить Ваши деньги, хотя, признаюсь, получение второй половины было трудновато, и не употреби в этот раз я некоторые административные стратагемы, то дело затянулось бы.

От всей души желаю Вам провести лето в Вашем ярославском уголку[3] хорошо и благополучно и прошу не забывать искренне преданного

М. Языкова

P. S. В Туле все тихо. По губернии до сих пор никаких шаек не появлялось, — кроме разве тех банных шаек **, которыми окачиваются живущие здесь поляки, что и признано нашим местным начальством для края безопасным. — Не могу не выразить моего восхищения за Страду.[4]

Вам следует доставить 2187 рублей, вычтено: 175 с Вашего любезного позволения и оставлено 8 р. на пересылку — 2004 руб.

[1] Упоминаемое в письме имя Войта встречается у Некрасова в черновиках сатиры «Крещенские морозы» (1865):

За игрой у полковника Войта
Вдруг Попов, прокурор, заморгал.

Судя по этому, надо предположить, что долг Войта Некрасову — карточный. Установить с полной достоверностью личность «старика Войта», представляет затруднение, однако в этом отношении могут быть высказаны некоторые догадки. В «Тульском родословце» В. Н. Чернопятова, в ч. 3-й, показан род Войтов (стр. 30). Из приведенных там данных видно, что в 1856 г. внесен в Тульскую родословную книгу вместе с семьей лекарь надворный советник Николай Карлович Войт (р. 1806—ум.?), у которого были сыновья Николай Николаевич (1832—1890) и Дмитрий Николаевич (р. 1833). На основании современных адрес-календарей устанавливается, что старший из них был майором, занимал должность старшего столоначальника Московского окружного интендантского управления и был главным смотрителем московских интендантских складов; младший в чине коллежского секретаря состоял чиновником особых поруче-

* В пику Лангевичу.[2]
** Это для «Свистка».

М. А. ЯЗЫКОВ
Фотография 1850-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

ний при Тульской казенной палате. Вряд ли будет особой натяжкой предположение, что Николай Карлович Войт («старик Войт»), владевший между прочим в Тульской губ. 1170 душами, вынужден был расплачиваться за карточный долг старшего сына («полковника Войта» в стихотворении Некрасова), а «административная стратагема» Языкова, занимавшего в Туле видное место начальника питейно-акцизного управления, это было давление на Дм. Ник. Войта для понуждения отца к скорейшей уплате долга брата.

[2] Содержащаяся в письме Языкова игра слов о Пустовойтове в связи с фамилией Лангевича и дальнейшим упоминанием о шайках и поляках в Туле имеет следующее объяснение.

Марион Лангевич (1827—1887) — диктатор во время польского восстания 1863 г., бывший офицер прусской артиллерии и профессор польской военной школы в Париже, основанной Лихославским. В 1862 г. он завел сношения с революционным польским центральным комитетом в Варшаве, тайно пробрался в Польшу, собрал 10-тысячный повстанческий отряд, а 10 марта 1863 г. объявил себя диктатором. После разгрома отряда русскими войсками 17 и 18 марта Лангевич перешел на австрийскую территорию, где был интернирован. Освобожденный в 1865 г. он поселился в Швейцарии, а в 1867 г. поступил на турецкую службу, покинув которую, жил затем во Франции и умер в Лилле в больнице. В качестве адъютанта при Лангевиче была русская девушка — Анна Феофиловна Пустовойтова, дочь генерал-майора, женатого на польке. Под влиянием семьи матери, дочь, ставшая ревностной польской патриоткой, бежала в отряд Лангевича. В марте 1863 г., после разгрома отряда, Пустовойтова скрылась за границу, жила потом в Париже и вышла замуж за доктора Левенгардта.

[3] Около 19 мая 1863 г. Некрасов выехал из Петербурга в только что перед этим купленное им у Голицыных ярославское имение Карабиху (Ашукин, 284).

[4] Стихотворение Некрасова «В полном разгаре страда деревенская» было напечатано под заглавием «Страда» в «Совр.», 1863, IV.

А. Н. ЯКОБИ

Александра Николаевна Я к о б и, рожд. Сусоколова (1842—1918), «русская гарибальдийка», известная детская писательница (псевдоним — А. Т о л и в е р о в а) и общественная деятельница, познакомилась с Некрасовым весной 1867 г. в Риме. Она жила здесь вместе со своим вторым мужем, художником В. И. Якоби (1836—1902), находившимся в Италии по командировке Академии художеств.

Горячо сочувствуя гарибальдийскому движению, Якоби ухаживала за ранеными гарибальдийцами (в их числе за известным Артуром Бенни), доставленными в римские госпитали после поражения Гарибальди у Ментаны, производила в их пользу сборы пожертвований среди русской колонии и знакомых иностранцев, снабжала пленных питанием и одеждой. Вскоре она знакомится с видным деятелем гарибальдийского движения и писателем Луиджи Кастелляццо, а через него, позднее, и с самим Гарибальди. (См. об этом в ее воспоминаниях: 1. «Между гарибальдийцами. Воспоминания русской». — «Неделя», 1870, №№ 22—24; 2. «Джузеппе Гарибальди».— «Италии. Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине», СПб., 1909, 21; 3. «На Капрере у Гарибальди». — «Исторический Вестник», 1882, VIII; 4. «На Капрере» — «Игрушечка», 1883, XII—XIII. Ср. также: Н. В. Ш е л г у н о в. Воспоминания. М.—П., 1923, 85—86, где дается несколько романтизированный рассказ о встречах Якоби с Кастелляццо). В архиве Якоби хранятся два письма к ней Гарибальди и фотографии с его надписями.

По возвращении в Петербург Якоби читала (неофициально) лекции о гарибальдийцах, пользовавшиеся большим успехом (см. Н. С. Л е с к о в. Рассказы кстати. Дама и Фефела, гл. IV) и устраивала сборы в их пользу. «Я должен был участвовать,— пишет П. Д. Боборыкин, — в одном литературном у т р е, данном в клубе художников с какой-то таинственной анонимной целью, под которой крылся сбор в пользу ни более ни менее, как гарибальдийцев. Устраивала красивая тогда дама, очень известная в литературных и артистических кружках, которую тогда все называли «M-me Якоби». От нее я узнал подробности о болезни и смерти бедного А. И. Бенни, взятого в плен папскими солдатами. Она ухаживала за ним, в римском госпитале, где он и скончался». (Н е и з д. — ЦГЛА. Фонд П. Д. Боборыкина. Рукопись воспоминаний «За полвека», 6, лл. 252—256).

Неизданный дневник Якоби (хранится у ее дочери, В. С. Чоглоковой) содержит ряд записей, непосредственно относящихся к ее знакомству с Некрасовым в Риме. Приводим эти записи (они датированы новым стилем):

«15 ⟨мая 1867 г.⟩ ⟨...⟩ получила записочку от Солдатенкова, он рекомендует нам Некрасова ⟨...⟩ Вечером в Hôtel d'Europe познакомились с Некрасовым».

«16 ⟨мая⟩. Утром с своим доктором приехал Некрасов. Он несимпатичен, носит в себе печать какой-то внутренней тревоги».

«17 ⟨мая⟩. Пошли завтракать с Некрасовым к Nassari; он не один: с ним приехали, кроме доктора, француженка, на которую он променял Панаеву, да его сестра Буткевич. После завтрака поехали в Ватикан; француженка коверкалась, насилу шла по лестнице, говоря, что не может ходить. В 6 часов поехали на Vill'у Panpholia. Каждый раз как я ее вижу, она все более и более наводит на меня скуку. С Vill'ы Panpholia поехали обедать к Spilmann'у, оттуда меня с Володей ⟨маленький сын Якоби⟩ завезла домой m-me Буткевич. Некрасов подарил мне на память свое сочинение».

«18 ⟨мая⟩. Пошла утром к Некрасову, они все уехали с Валерием ⟨В. И. Якоби⟩ что-то осматривать, а я с француженкой поехала смотреть Villa Medici. Они меня уговаривали ехать с ними в Неаполь, я совсем готова, только Валерий принимает все эти вещи как-то со злобой, с неудовольствием. Вечером зашла к m-me Альфераки; она заболела, бедная, лежит в постели с горловой болью. От нее пошла снова к Некрасовым, я бы наверное уехала завтра с ними, если бы не задержал паспорт. Сегодня мы с ними простились».

«24 ⟨мая⟩. Сегодня вечером вернулся из Неаполя Некрасов, прислал мне деревянный нож из Sorrento».

«25 ⟨мая⟩. Некрасов, доктор и m-me Буткевич приехали ко мне; мне нездоровится, но так как они завтра едут, я решила выдти. Вместе с ними обедала. Вечером читала Некрасову свой рассказ, и он нашел его очень хорошо написанным, прочувствованным, но заметил один недостаток, что у меня старик и дочь его слишком много плачут и жалуются на свое горе, мало нося печали об общем деле. Я подарила Буткевич камею (голову медузы), она мне платье, цветы и пудру».

«26 ⟨мая⟩. Была целый день с Некрасовыми, ездила вечером их проводить на железную дорогу, он обещал мне поместить мою работу, сам надарил много книг, обещал писать» (А. Н. Я к о б и. Дневник № 7. Рим, 1867, лл. 23—29).

А. Н. ЯКОБИ
Акварель В. П. Верещагина, Рим, 1867 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Сам Некрасов в письме к Краевскому от 25 октября 1867 г. следующим образом отозвался о своем знакомстве с Якоби, а также о присланной ею статье о гарибальдийском восстании: «Хотите ли печатать эту и подобные корреспонденции из Рима? По-моему, это чрезвычайно интересно. Получил вчера, а послано из Рима 28 окт. н. с. Будучи нынче весной в Риме, я познакомился с художником Якоби. Это рука его жены. И он и она люди умные и развитые. Если это Вам не пригодно — то возвратите с к о р е й» (Н е к р а с о в, V, 431).

Из писем Некрасова к А. Н. Якоби известны два: ранее напечатанное (Н е к р а с о в, V, 609) и одно, публикуемое выше, в настоящем издании.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, оп. 2, № 105).

<1>

Рим, 1867, 14 октября
Адрес: Via Condotti
Caffe Greco

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Вот уже три недели, как я в Риме. По всей вероятности, письмо мое из Castellamare не было получено Вами. Это и понятно: я вместо 38 поставила 30 на Вашем адресе. Мне бы хотелось хоть одну строчку, одно слово получить от Вас об участи моей рукописи, потому именно, что Ваше слово имеет для меня очень важное значение. Может быть, я многого требую. Но Ваше внимание, Ваше участие позволяют мне писать Вам [1]. Я, как Вам может быть известно (если письмо мое получено), в бытность мою в Неаполе, Соренто и других городах осматривала народные школы и приюты, сделала еще кой-какие этюды, руководствуясь встречами с соотечественниками, но, по правде сказать, не разработала всего этого от страха потерять время, не принеся пользы себе и отрываясь от других занятий, т. е. хозяйственных, которые, правда, не приносят материальной пользы, но зато и не оставляют в бездействии. Ваше одно слово об участи рукописи определит мое положение, т. е., как я уже писала, или пробудит меня к постоянной работе или навсегда убьет во мне всякое желание пробовать себя на этом поприще [2]. Теперь несколько слов о Риме, о его настоящем положении. Возбужденность умов заметна во всем, т. е. в постоянных стычках с зуавами между торговым классом, который закрывает все, когда упомянутые приходят покупать. Полное пренебрежение к попам, заявляемое при встречах в публичных местах, которые день ото дня менее посещаются ими. Приготовление трехцветных материй в большом количестве, мягкость папы в отношении к итальянскому правительству. Наконец, натиски гарибальдийцев, которые, завладев разными местечками, энергично подвигаются к Риму. 16 или 17, как и пророчествуют, будет день торжества?? Я хотя плохо верю в чудеса, но повсеместное эхо сбивает меня на их сторону. Что касается до римлян, я положительно уверена, судя по адресам, подаваемым папе: «Seguitate de combattere et a vincere e noi, terminata la lutta ansio si vi aspettiamo reduci in questa grande Roma per copriri di fiori, per abbraeciari, e per gridare al vostro passagio: Viva Pio IX Papa e Re!»*

И таких героев много. Подтверждается: арестом Гарибальди, на севере было более юга волнений, здесь же молчание. Будь что будет, хотелось бы быть свидетельницей освобождения Рима [3].

Извините, Николай Алексеевич, за мое длинное и томительное письмо. Потрудитесь передать наше почтение Селине Александровне, Анне Алексеевне и Петру Ивановичу [4]. Муж мой нижайше Вам кланяется. Деньги сто ф<ранков> переданы давно уже Верещагину [5]. Буду ждать Вашего ответа и Вашей карточки, которую Вы мне обещали. С истинным почтением

Уважающая Вас Алек. Якоби

[1] Дальнейшая судьба рассказа, посланного Якоби Некрасову, неизвестна. В своем дневнике Якоби записывает: «7 июля <1867 г.>. Дни идут в постоянных занятиях, а ответа от Некрасова нет. Дрожу за свое будущее. Господи, помоги мне... Если же удастся, о какое счастье ждет меня...» «1 августа <1867 г.>. Читала, писать нехватает сил. Не знаю, какой будет результат моего рассказа. Если ничего не сделает Некрасов, никто ничего не сделает...» «28 октября <1867 г.>. Отправила письмо к Некрасову, что-то будет...» (А. Н. Якоби. Дневник № 7, лл. 117, 122, 128).

---

* *Перевод*: «Продолжайте сражаться и побеждать, а мы нетерпеливо ожидаем, по окончании борьбы, вашего возвращения в этот великий Рим, чтобы осыпать вас цветами, обнять вас и воскликнуть на вашем пути: „Да здравствует Пий IX, папа и король"».

[2] По совету К. Т. Солдатенкова, Якоби предприняла изучение постановки образовательного дела в итальянских народных школах. В дневнике ее сохранился ряд относящихся сюда записей. Своими впечатлениями она делилась и с Некрасовым. 19 июля 1867 г. она записывает в дневнике: «Выехали рано в 5 часов. В Неаполе были в 8... Пошла осматривать протестантскую школу, которую содержали богатые протестанты для пропаганды. Оказалось, дети в ней большею частью католики. (Писала Некрасову). Грязно содержится, отсюда поехали в католическую» (там же, 132).

[3] Настоящее письмо, как и помещаемое ниже, от 28 октября 1867 г., относится к периоду последнего выступления Гарибальди в борьбе за объединение Италии. В сентябре 1867 г., после женевского «Конгресса мира», на котором Гарибальди обратился с призывом об уничтожении папской власти в Риме, он был, по требованию

СЕМЬЯ ЯКОБИ

В. И. (с сыном Владимиром на руках), П. И. и А. Н. Якоби

Фотография 1860-х гг.

Собрание В. С. Чоглоковой, Москва

французского правительства, поддерживавшего папский престол, арестован и отправлен на остров Капреру. Но продвижение гарибальдийских отрядов, вторгшихся в папскую область, продолжалось. 21 октября Гарибальди бежал с Капреры, стал во главе своих войск и подошел к стенам Рима. В ответ на это Наполеон III приказал перебросить французские войска из Тулона в Рим, и 3 ноября, в сражении при Ментане, гарибальдийцы были разбиты, их отряды рассеяны, а сам Гарибальди был взят в плен.

[4] Селина (Александровна) Лефрен-Потчер — артистка Михайловского (французского) театра; Анна Алексеевна Буткевич — сестра Некрасова; Петр Иванович Сезеневский — врач, сопровождавший Некрасова в поездке.

[5] Василий Петрович Верещагин (1835—1909) — исторический живописец и портретист. 1863—1868 гг. провел в заграничной командировке, преимущественно в Риме. К его работам этого периода относится, в частности, написанная в Риме известная картина его «Свидание заключенного с семьей», законченная в 1868 г., и портрет А. Н. Якоби 1867 г., воспроизводимый в настоящем издании.

<2>

Рим, 1867, 28 октября

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Посылаю Вам кое-какие заметки о настоящем положении Рима. Вы бы меня весьма обязали, если бы поместили в какую-нибудь газету (конечно, если Вы найдете в них интерес)[1]. За верность фактов я Вам ручаюсь. Извините, что письмо посылаю не франкированное, думаю так вернее дойдет. Покорнейше прошу не осудить за смелость. Это беспокойство было разрешено Вами. Если возможно тотчас по получении ответить мне, могу ли я выслать отчет и остальных дней? Потом желательно бы было знать, получили ли Вы мои два письма. Потрудитесь передать наши нижайшие поклоны Анне Алексеевне, Селине Александровне и Петру Ивановичу. До свиданья, крепко жму Вашу руку, остаюсь готовая к услугам

Александра Якоби

Caffe greco Via Condotti.

Я, как Римский работник, ищу работы, но не нахожу. Что сталось с рукописью?

[1] Корреспонденция Якоби, пересланная Некрасовым Краевскому при цитированном выше письме от 25 октября 1867 г., была последним напечатана в его газете: «Из Рима, 26 октября. Случайная корреспонденция „Голоса"», без подписи.—«Голос», № 298, от 28 октября 1867, стр. 3. Дневник Якоби содержит описание ряда эпизодов гарибальдийского восстания 1867 г. Записи ее представляют несомненный интерес как непосредственное свидетельство очевидца.

<3>

Рим, 1868, 27 мая

Я положительно не могу понять, добрейший и многоуважаемый Николай Алексеевич, что значит Ваше долгое молчание. Послала Вам статью о «Карнавале», перевод «Бегство Гарибальди с Капреры» [1]. Никакого ответа. Здоровы ли Вы? Получили ли все это, будьте добры уведомить. А также что-нибудь и насчет рассказа. Не думаете ли приехать снова за границу? Мы с 1 июля переезжаем в Соренто. Там Валерий будет оканчивать свои две картины [2]. В Риме теперь тишина. Недавно умер кардинал Andrea [3]; говорят, у него нашли много интересных заметок о папском правительстве, и мне хотели принести, чтобы сделать с них перевод, только мне кажется, что мои статьи никуда не годятся. Поэтому я более их и не фабрикую. Извините меня, мой добрейший, что я беспокою Вас. Но мне бы хотелось знать, какой вышел результат. Потрудитесь передать наши поклоны Вашим семейным. Валерий Вам низко кланяется.

Уважающая Вас Александра Якоби

[1] Судьба рукописей Якоби неизвестна. В письме от 25 октября 1867 г. (см. выше) Некрасов пишет Краевскому лишь об одной рукописи. Остальные, очевидно, не были им получены. Не исключено, что они были задержаны «черным кабинетом» III Отделения. Молчание Некрасова, чьи письма тоже могли быть задержаны, очень волновало и огорчало Якоби. В своем дневнике она записывает: «4 ноября 1867 г. Ответа от Некрасова нет как нет». И в другой записи: «С 14 ноября по 15 января я постоянно почти была в госпитале или S. Onofrio или S. Agata. Это время было самое тяжелое. Писала статьи, одна была напечатана в „Голосе". Про другие ни слова не слышно. Некрасов верно только пообещал» (А. Н. Якоби, Дневник № 7, лл. 185, 190).

[2] Одна из этих картин Валерия Ивановича называлась: «Кардиналу Гизу показывают голову адмирала Колиньи, убитого в Варфоломеевскую ночь 1572 г.». За нее художник получил звание академика и продление заграничной командировки.

[3] Джироламо д'Андреа (1812—1868) — кардинал; получил европейскую известность своими выступлениями против папской власти, за которые в декабре 1867 г. был лишен кардинальского достоинства. Перед смертью принес покаяние и вернулся в Рим.

<4>

4 марта <1873 г.>

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Могу ли я к Вам приехать за стихотворением[1]. Мне бы очень хотелось кроме картинки приложить Ваш портрет. Если Вы не против этого, то нет ли у Вас хорошего портрета?

Поклонитесь Анне Алексеевне. Прошу Вас, Николай Алексеевич, напишите, когда я могу приехать?

Искренне Вас уважающая

Александра Якоби

2-я линия, № д. 3, к. 9.

ОКРЕСТНОСТИ РИМА

Картина маслом И. П. Похитонова, 1880-е гг.

Картинная галлерея, г. Горький

Полонский привез мне свое стихотворение и просил Вам очень кланяться[2]. Получила снова письмо от Зайцева[3]; он просит Вас спросить, почему ему не высылают О<течественные> <Записки>, за которые он просил вычесть из его гонорара. Напишите мне также, что ему ответить.

[1] Речь идет о стихотворении Некрасова для издаваемого Якоби сборника «Нашим детям». (Ср. письмо Некрасова к Якоби от 25 февраля 1873 г., напечатанное в Соч., V, 609 без годовой даты и с ошибочным обращением). Некрасов прислал в сборник стихотворение «Накануне светлого праздника», датированное в рукописи 20 марта 1873 г.; это служит основанием и для датировки нашего письма. Может быть, оттого, что стихотворение было прислано поздно (ценз. разр. сборника — 27 марта 1873 г.), иллюстраций к нему в сборнике нет, так же как и портрета Некрасова.

[2] Я. П. Полонский дал в сборник стихотворение «Мишенька», напечатанное с тремя иллюстрациями М. А. Зичи.

[3] Варфоломей Александрович Зайцев. О его сотрудничестве в «О. З.» см. в настоящей публикации его письма к Некрасову. В. А. Зайцев находился в родстве с Якоби (его сестра была женой брата В. И. Якоби — эмигранта Павла Ивановича Якоби).

П. И. ЯКУШКИН

В середине 40-х годов студент математического факультета Московского университета Павел Иванович Я к у ш к и н (1820—1872) бросил университет и пошел странствовать по Руси, собирая произведения народной поэзии и отправляя их Киреевскому.

После смерти Киреевского (в 1856 г.) Якушкин предполагал, что ему по праву будет предоставлено редактирование Собрания Киреевского. Такова была и воля последнего. Однако наследники предоставили это дело Бессонову. Возмущенный Якушкин приехал в Петербург и напечатал свой сборник в «Отеч. Зап.» Краевского. В Петербурге он сблизился с литературными кругами, в частности, стал постоянным гостем Некрасова и помещал свои очерки в «Современнике».

Известно, какую роль в творчестве самого Некрасова сыграл фольклор, произведения которого он сам старался собирать во время своих охотничьих экскурсий. Естественно, что он не мог не симпатизировать деятельности Якушкина как собирателя песен. Кроме того, Некрасов ценил Якушкина за его наблюдательность. Очерки Якушкина были подлинными снимками с натуры, и шестидесятникам, жаждавшим знать «правду о народе», они давали большой и ценный материал. Поэтому Некрасов охотно предоставлял сочинениям Якушкина место на страницах сперва «Современника», а затем — «Отеч. Зап.». В «Современнике» Якушкин поместил свои «Путевые письма» (1861, VI, VIII; 1864, XI, XII), которые впоследствии печатались и в «Отеч. Зап.», 1868—1871 гг.

Печатаемые письма Якушкина присланы из разных мест его ссылки. Уже само по себе своеобразное, хотя и без политических целей «хождение Якушкина в народ» не могло не навлечь подозрения. Якушкин подвергался несколько раз задержанию и даже был арестован в Пскове в 1859 г. Его протестующее по этому поводу письмо в редакцию журнала «Русская Беседа» причинило новые неприятности властям, так как вызвало в печати ряд откликов, превратившихся, по существу, в подлинную кампанию протеста против полицейского произвола.

В 1865 г. он уехал с Боборыкиным на нижегородскую ярмарку; здесь, по распоряжению III Отделения, за Якушкиным была установлена слежка. Столкновение Якушкина в ресторане с Перфильевым, служившим адъютантом у жандармского полковника Коптева, послужило поводом к вызову Якушкина в III Отделение, после чего его выслали на родину к матери в с. Сабурово Орловской губ., откуда прислано первое его письмо к Некрасову. Через некоторое время Якушкин стал хлопотать о переводе из Орловской губ. и был направлен в Астраханскую губ. в Красный Яр и Енотаевск.

Измученный разными административными притеснениями, Якушкин снова просил о переводе его в другое место. В 1871 г. ему разрешили перебраться в Бузулук Самарской губ.; приехав в Самару, он заболел, слег в больницу и умер там в январе 1872 года.

Во время ссылки Якушкина Некрасов оказывал ему материальную поддержку. Эта поддержка была вызвана не просто состраданием к сосланному сотруднику, а чувством уважения к его работе, признательностью за его плодотворную литературно-общественную деятельность.

Образ Якушкина послужил Некрасову прототипом для создания одного из персонажей поэмы «Кому на Руси жить хорошо», — Павлуши Веретенникова.

Письма печатаются по автографам ИЛИ (Ф. 202, № 106 и Ф. 203, №№ 94 и 111).

‹1›

21 августа 1867, Сабурово

До-нельзя рад, дорогой Николай Алексеевич, что Вы опять беретесь за издательство: вы соберете около себя людей, с которыми не стыдно будет работать [1].

Недели через две я пришлю Вам: 1) Н а у к а м и ю н о ш е й п и т а ю т и 2) У ч е н о е о б щ е с т в о. А пока возьмите у И. С. Акса-

П. И. ЯКУШКИН
Фотография 1860-х гг.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

кова Путевые письма и у Чаева Жалостную комедию [2].

Я не хотел Вам говорить о деньгах, Вы сами начали разговор*, а потому прошу Вас дать деньги Агафье Ивановне Островской [4] и попросите ее прислать швейную машину Наталье Егоровне Скуридиной на Покровскую станцию Орловской губ.

Дай бог Вам счастия. Павел Якушкин

[1] Узнав, что «О. З.» переходят в руки Некрасова, Якушкин поспешил обеспечить себе работу в этом журнале и предложил ему статьи под заглавием: «Науками юношей питают» и «Ученое общество». Весьма вероятно, что первая из них — это очерк, помещенный в «О. З.» (1868, I) под другим заглавием: «Чисти зубы, а то мужиком назовут», — в нем говорится о народном образовании в деревне и о бюрократическом произволе.

[2] «Путевые письма», оставленные Якушкиным у И. С. Аксакова, были впоследствии напечатаны в «О. З.», 1868, X. Что же касается «Жалостной комедии», находившейся у драматурга Николая Александровича Чаева, то она не была напечатана и вообще, повидимому, пропала. По этому же поводу Якушкин писал 16 марта 1868 г. из Орла Марии Александровне Маркович: «Год тому назад я послал в Москву, надписав Николаю Александр<овичу> Чаеву или Степану Дмитр<иевичу> Кожухову, в Почтамт, статью; после просил Островского взять ее и передать Некрасову. Писал я, писал Некрасову об этой статье, а он письмах в четырех об ней ни слова». Возможно, что это была статья о «Жалостной комедии» (об Адаме и Еве), помещенной во II томе «Летописей русской литературы и древностей», издаваемых под редакцией Н. С. Тихонравова. В «Летописях» принимал участие и Якушкин, поместив здесь сказку о Николае угоднике и несколько народных песен.

[3] Очерки «Небывальщина» и «Бунты на Руси» были напечатаны еще в «Совр.» в 1865—1866 гг.

[4] Агафья Ивановна Островская — первая жена Александра Николаевича Островского, умершая еще весной 1867 г. Посылая это письмо из Сабурова, Якушкин не знал о смерти Агафьи Ивановны.

---

* За Небывальщину и Бунты на Руси я не получал денег [3].

⟨2⟩

Орел, 27 февраля 1868 г.

Уведомьте, пожалуйста, многоуважаемый Николай Алексеевич, получили ли Вы мою статью от Островского *Жалостная комедия*? Об *Путевых письмах* Аксаков производит следствие: я послал ему, а он, как их разыщет, пришлет Вам.

Деньги 50 р. и 1-й № От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩ получил, за которые до-нельзя благодарен. Присылайте, пожалуйста, Отечеств. Записки мне в Орел, как-нибудь с Вами рассчитаемся [1].

Душой Вам преданный Павел *Якушкин*

[1] См. примеч. к предыдущему письму.

⟨3⟩

Астрахань, 9 июля 1868 г.

Посылаю вам, господа редакция, неконченную статью; конец вы получите со следующей почтой. Она написана, но я для себя ее переписываю, — боюсь пропадет [1].

Я к вам с самым слезным прошением: пришлите мне в Астрахань по телеграфу через Астраханскую банковую контору сто рублей. Ежели Некрасов в С. П⟨етер⟩бурге, он непременно это сделает и без всяких пояснений; ежели же его нет, то я вам должен сказать, что мне деньги крайне нужны, и я ближе месяца из П⟨етер⟩бурга от вас по почте не получу: в Астрахани получен № 6-й От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩, а я получил только № 3-й.

Я болен, в Красном Яру лекаря нет, и губернатор Дегай [2], не позволяя мне лечиться в Астрахани на квартире, дозволил лечь в астраханскую больницу, откуда я вам и пишу, а больничное лечение мне помочь много не может: мне надо движение, как вы знаете.

Ежели вы не можете этого сделать, то перешлите в Совр⟨еменное⟩ Обозр⟨ение⟩ с этими же условиями: тогда вам пришлю другую статью.

Похлопочите, друзи и братия!

Павел *Якушкин*

[Пришлите пожалуйста Суворина книжку (для девочки 14 лет) и еще не знаю как называется изданную нашими барынями, где помещена: *Как у Васьки Волчка вор украл гусака* Толстого; эта книжка издана, кажется, Сувориной и не помню фамилии другой, напечатана у Неклюдова [3].]

[1] «Незаконченная статья», повидимому, одно из «Путевых писем», напечатанное в «О. З.», 1868, X.

[2] Александр Павлович *Дегай* (1822—1886) был астраханским гражданским губернатором (1861—1868); впоследствии — сенатор.

[3] Книжка Суворина — «Русские замечательные люди. Патриарх Никон» (издана впоследствии в «Дешевой библиотеке», № 225). Другая книжка — «Для чтения», составленная Е. Лихачевой и А. Сувориной (СПб., 1866). Словами «Как у Васьки Волчка вор украл гусака» начинается одна из серединных строф помещенного здесь стихотворения гр. А. К. Толстого «У приказных ворот».

⟨4⟩

Астрахань, 16 июля 1868 г.

Посылаю Вам конец письма, скоро пришлю и другое об Астрахани и Красном Яру. Пожалуйста, пришлите поскорее Отеч⟨ественные⟩ Зап⟨иски⟩. Я получил по сю пору только 3-й №; не отослали ли в *Красноярск*? Ежели найдете невозможным прислать через Астраханскую банковую контору мне сто руб., телеграфируйте мне в Астрахань в больницу и уведомьте — получили ли и когда мои статьи.

Павел *Якушкин*

Скажите Марку Вовчку, что я к ней писал, получила ли она мое письмо; ежели получила — грех ей не отвечать [1].

Сейчас я получил от губернатора статью с требованием помарок, на что, разумеется, я не согласился: цензура и в С. П⟨етер⟩бурге есть; поэтому и начало и конец получите разом.

[1] Вероятно, речь идет о том же письме Якушкина к М. А. Маркович из Орла от 16 марта 1868 г., о котором упомянуто выше.

⟨5⟩

16 сент⟨ября⟩ 1868 г. Красный Яр
(Астрах⟨анской⟩ губ.)

Как хотите, Николай Алексеевич, выручайте: мне необходимо нужны 100 руб. Ежели можно, пришлите по телеграфу через банк.

Я послал Вам статью, да дурак Рыжков [1] остановил ее; не знаю, послал ли он Вам ее. Статья называется: П у т е в ы е п и с ь м а. Живу почти Христа ради.

Ваш Павел Я к у ш к и н

[1] Василий Егорович Р ы ж к о в — надворный советник, правитель канцелярии Астраханского губернатора.

⟨6⟩

24 сент⟨ября 1868 г.⟩.
Красный Яр (Астр⟨аханской⟩ губ.)

Я Вам послал, дорогой мой Николай Алексеевич, П у т е в ы е п и с ь м а, получили ли Вы их? Правитель губернской канцелярии задержал статью и не получили Вы ее. Денег нет ни копейки, сейчас беру у исправника 10 руб.; пожалуйста, пришлите 100 руб. Статья моя, по моему расчету, стоит более 100 руб. Ваши Записки я получил один только 3-й №. Не забывайте меня.

Павел Я к у ш к и н

⟨7⟩

Красный Яр (Астрах⟨анской⟩ губ.),
14 сент⟨ября⟩ 1869 г.

Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, начало статьи, конец пришлю непременно через неделю. Об Астрахани я послать не могу: не знаю на чем остановился в прошлогодней статье — П у т е в ы е п и с ь м а; а потому начал Кр⟨асным⟩ Яром. Пришлите, пожалуйста, От⟨ечественные⟩ Зап⟨иски⟩ за прошлый год. Ей-богу, сочтемся. Да Христом-богом прошу пришлите мне до напечатания сто рублей; в моей статье будет листа три; в этом отрывке более листа, поэтому я имею надежду скоро с Вами расплатиться [1].

Весь Ваш Павел Я к у ш к и н

[1] Новые «Путевые письма» Якушкина были напечатаны в «О. З.», 1870, I.

⟨8⟩

Красный Яр (Астр⟨аханской⟩ губ.),
5 ноября ⟨1869 г.⟩

Спасибо Вам за Ваше доброе письмо, Николай Алексеевич. О себе писать, кроме дурного, нечего; статья должна быть подписана (из Красного Яра) Матвей Иванов [1].

Ваш всегда Павел Я к у ш к и н

Напечатайте в Отеч⟨ественных⟩ Запис⟨ках⟩.

[1] Статья «Путевые письма», однако, напечатана в «О. З.» за подписью Якушкина.

<9>

20 августа 1871 г. Енотаевск

Дорогой мой родной Николай Алексеевич.

Дела вот какого рода:

1) В с. Никольском был мужицкий бунт — с острогами, требованиями военной команды для усмирения, с назначением особой комиссии для открытия зачинщиков, подстрекателей и т. п.[1]. Комиссия под председательством Петра Ивановича Шестоперова [2] (который Вам передаст эту цивулу) открыла, что бунта буквально не было, все рапорты фальшивые и ложные. Я написал об этом в С. П. Б. Ведомости, и просил, ежели Корш не хочет эту статью печатать, передать Вам; после я писал Золотареву — ответа нет. Написал я об этом же и гр. С. Г. Строганову [3], но как мои письма идут через полицию, то, вероятно, и письмо не дошло. Об этом я спрашиваю Анциферова [4], и ежели Шестоперову не будет времени, то Вы получите ответ. К Анциферову письмо прилагаю.

2) Деньги 50 руб. за последнюю ст<атью> [5], посланную из Красного Яра, получил студент Филиппов, отец его живет в Петр<о>павл<овской> крепости, Статский или Действительный Статский Советник по Горной части; и вот по какому случаю: брат его, студент Михайло Николаевич, сослан в Красный Яр за мошенничество, как я после узнал; этому барину я поручил отправить статью, не поручая получать денег, и он такую штуку выкинул; кто виноват, предоставляю судить Вам.

Мне разрешен скоро будет, как мне объявил губернатор, выезд в Тверь [6], а как я выеду богу да Вам известно — денег не то что ни копейки, а рублей около 30 с минусом (—).

Адрес Анциферова:

Е<го> в<ысоко>б<лагородию> Николаю Николаев<ичу> Анциферову в д. гр. Строганова.

Всей душой Ваш Павел Якушкин

[1] Бунт в с. Никольском Астраханской губ. описан Якушкиным во втором очерке «Бунты на Руси» (Сочинения П. И. Якушкина, изд. Вл. Михневича, СПб., 1884, 59—76). Очерк не был помещен ни в «О. З.», ни в «С.-Петербургских Ведомостях».

[2] Петр Иванович Шестоперов — енотаевский судебный следователь.

[3] С графом Сергеем Григорьевичем Строгановым Якушкин был знаком, по некоторым сведениям, еще в бытность свою студентом Московского университета, когда Строганов был попечителем Московского учебного округа. Затем в Петербурге Якушкин нередко заходил к Строганову. Согласно воспоминаниям Н. С. Лескова, Строганов «по некоторым верным слухам, имел самые серьезные намерения пособить Якушкину в средствах для его исследований», но из этого ничего не вышло, вероятно, из-за неделовитости и денежной щепетильности Якушкина (Сочинения П. И. Якушкина, СПб., 1884, стр. LVI). О личном знакомстве Якушкина с гр. Строгановым вспоминает также П. Д. Боборыкин (там же, стр. LXXX).

[4] Николай Николаевич Анциферов — повидимому, секретарь гр. Строганова.

[5] Последняя статья из Красного Яра это «Путевые письма», помещенные в «О. З.», 1871, XII. Желая, повидимому, избежать просмотра статьи местными властями, Якушкин передал ее проживавшему в Красном Яре студенту М. Н. Филиппову, чтобы он переслал ее в Петербург своему брату, а тот уже снес ее в редакцию «О. З.». Статья была таким образом доставлена, но полученный за нее гонорар был присвоен кем-то из братьев Филипповых.

[6] Якушкину было разрешено выехать не в Тверь, а в Бузулук Самарской губ.

Ф. М. ТОЛСТОЙ И ЕГО ПИСЬМА К НЕКРАСОВУ

Статья и публикация Корнея Чуковского

I

Феофил (или Теофил) Матвеевич Толстой (1807—1881) смолоду вращался в великосветском обществе. Там высоко ценили его как певца, композитора, актера и рассказчика[1]. В мемуарах и письмах, относящихся к 20—30-м годам, мы довольно часто встречаем такие упоминания о нем:

«У него очень приятный дар!— столько души в пении, отличный музыкант», — писала о нем Анна Шереметева[2]. «У него замечательный талант, и он сочинил очень хорошие вещи!»,— сообщал о нем известный почт-директор А. Я. Булгаков[3]. «Пение мое составляло тогда неизбежную модную принадлежность», — вспоминал впоследствии он сам в одной из своих мемуарных заметок[4].

Он принадлежал тогда к небольшому кружку светских знакомых Глинки. Глинка, вспоминая те годы, писал о Феофиле Толстом, что голос у него был «симпатичный» и что он «чрезвычайно мило пел тенором»[5].

Композитором Феофил Толстой был весьма плодовитым. С 1827 г. по 1838 г. им написано, по его же подсчету, до 280 разных романсов[6].

В аристократических домах Петербурга он считался своим человеком, ибо происходил из старинной, родовитой семьи (родной внук М.И.Кутузова), воспитывался в пажеском корпусе и обладал многочисленной родней в придворной и великосветской среде.

«Сестра его у великой княгини Елены Павловны фрейлиной», — пишет о нем тот же Булгаков. «Брат его Иван Матвеевич, — вспоминает композитор Ю. Арнольд, — был одним из любимцев государя-императора». А он сам, — по словам Арнольда, — «оказался одним из немногих, которые удостаивались счастья быть приглашаемыми на вечеринки государыни императрицы Александры Федоровны»[7].

Словом, знатность, талант и придворные связи — все было к услугам Феофила Толстого. Едва ли можно было в те времена сомневаться, что он без особых усилий сделает большую карьеру, — тем более, что честолюбие (вернее, тщеславие) было свойственно ему в огромных размерах. Недаром он выбрал себе псевдоним «Ростислав», то-есть, как он сам объяснял: «рости, слава!». Недаром, позднее, в 50-х годах, его литературные недруги даже в печати называли его «искатель известности»[8]. Кроме романсов, опер, кантат, ораторий, он писал и повести, и романы, и драмы, и фельетоны, и критические статьи, и комедии, — и, если судить по журналистике 50-х и 60-х годов, в конце концов ему удалось добиться кое-какой популярности. Его имя постоянно мелькает в тогдашних газетно-журнальных статьях. А если обратиться к переписке его современников, можно найти его имя и в письмах Глинки, и в письмах Некрасова, Гончарова, Лескова, Анненкова, А. К. Толстого, Балакирева, Мусоргского, Бородина, Цезаря Кюи, Даргомыжского. Некрасов в своей сатире «Газетная» (1865) называет его имя, как общеизвестное, в ряду других популярных имен:

... Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.

В то время не требовалось никаких комментариев, объясняющих читателю, что это за «просто Толстой». Все знали, что это — «Ростислав Феофилыч», — как назвал его в одном из своих фельетонов престарелый Барон Брамбеус...[9]

В. В. Стасов писал о нем в позднейшей статье: «Ныне совершенно забытый, а в 40-х — 50-х годах очень известный музыкальный критик...»[10]

Но известность у него была незавидная.

Изучая письма и мемуары его современников, мы вскоре наталкиваемся на одно обстоятельство, которое кажется нам удивительным — по крайней мере, на первых порах: почему-то все эти люди, которых мы сейчас перечислили, говорят о нем в полупрезрительном или откровенно издевательском тоне, словно дело идет о таком человеке, которого нельзя уважать. Самое имя его Феофил почему-то каждый из них превращает в фамильярно-обидную кличку, и, как бы ни были разнообразны эти клички, они единодушно свидетельствуют о всеобщем неуважении к нему.

Так, Владимир Стасов называет его в своей переписке Фифия[11]. Мусоргский называет его то Фифила, то Фиф[12]. Бородин дает ему такие же прозвища[13]. Барон Розен называет его Филька[14]. Серов, по примеру Сенковского, зовет его в своем журнале Феофилыч, и даже для пущей обиды делает имя его нарицательным, указывая, например, что и в иностранных музыкальных кругах тоже имеются свои «феофилычи» [15]. В близкой Некрасову литературной среде его принято называть Феофилкой [16].

Кажется, даже Фаддея Булгарина не награждали за всю его жизнь таким количеством презрительных кличек.

Даже громкий и высокопарный его псевдоним Р о с т и с л а в был переиначен самым оскорбительным образом. По словам Н. С. Лескова, некий князь Б., повстречав Ростислава, обратился к нему с дружеским упреком, без всякого желания обидеть его: «И что тебе, скажи, за охота подписывать свои статьи Б р а н д ы х л ы с т?» [17]

Нужно сильно не уважать человека, чтобы предположить, что он может присвоить себе такое шутовское прозвание.

Над ним издевались не только в статьях, разговорах и письмах. Мусоргский заклеймил его в музыке, выведя его в своем знаменитом «Райке». «Это до того уморительно, — писал В. В. Стасов о шарже великого мастера, — что всякий раз мы просто за животы держались, катаясь со смеху... Всего смешнее Фиф-Ростислав, который поет неимоверные глупости на тему пошлейшего вальсика... Выходит карикатура великолепная» [18].

Эта карикатура шельмует Ф. Толстого главным образом как музыкального критика, ибо как певец и как композитор, он успел потерпеть полное фиаско гораздо раньше. Глинка в одном из писем назвал его произведения «канителью» [19]. Его опера «Il Birichino di Parigi» провалилась после первой же постановки на сцене, а его романсы, которые в 30-х годах так высоко ценились и в Зимнем дворце и в аристократических салонах обеих столиц, уже через несколько лет были всеми пренебрежены и забыты. Граф М. Д. Бутурлин в своих «Записках» сообщает о «меломане» Феофиле Толстом, что он уже к 1845 г. «покинул сколачивание прежних своих русских романсиков (правду сказать, не особенно даровитых)»[20]. Оказалось, что музыка его, хорошо приспособленная для интимных вечеров у княгини Голицыной, у графини Клейнмихель, у императрицы Александры Федоровны, вне этого круга не имела никакого значения.

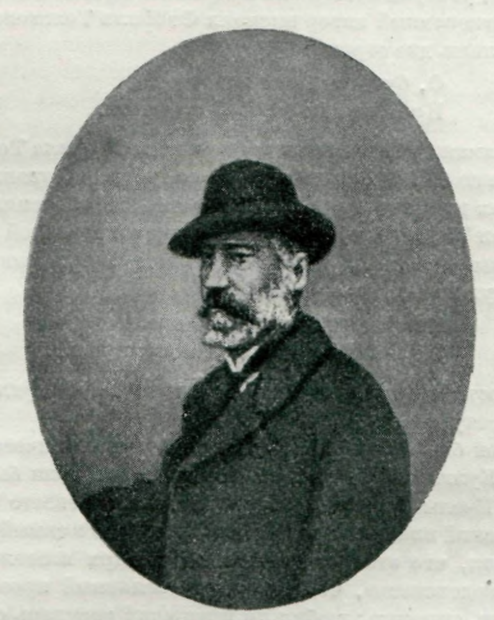
Уже в 1852 г. он элегически писал о себе: «Я человек, которому мало или вовсе ничего не удается. Несколько лет я был музыкантом, написал и напечатал более полутораста романсов, из которых не более дюжины приняты под покровительство почтеннейшей публики... Остальные <...> преданы вечному забвению... Что было делать? Куда деваться?»

Тогда-то он и решил посвятить себя писательской деятельности: сделался беллетристом, публицистом и критиком. На этом поприще он усердно работал без малого сорок лет, но и здесь не добился хотя бы малой доли того уважения, какое, казалось бы, подобало ему, как литературному труженику: так и остался до конца своих дней Феофилкой. Вскоре, благодаря своим связям, он выхлопотал себе (уже будучи в звании

гофмейстера) высокое назначение по цензурному ведомству: сделался членом Совета Главного управления по делам печати и проявил в этой области столь же неутомимую деятельность; однако и здесь, как мы ниже увидим, потерпел решительный крах и был не без позора уволен в отставку.

В одном из своих писем И. А. Гончаров, заговорив о бесталанных дилетантах, прибавил, что все они «погибают в пучине... если только не лезут напролом, как Феофил Толстой: он и композитор, и романист, задорный самолюбец, а в сущности ничтожество, умеющий протекцией своей добиться только печальной известности образцового неудачника»[21].

Гончаров был давним знакомым и сослуживцем Феофила Толстого, и его отзыв вполне выражает то мнение, которое прочно сложилось о Феофиле Толстом в тогдашних литературных и музыкальных кругах.

Ф. М. ТОЛСТОЙ
С фотографии 1870-х гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

Это суровое мнение кажется нам не вполне объективным. Нельзя объяснять неудачи Феофила Толстого бездарностью. Всякий, кто прочтет хотя бы два томика его «Сочинений», вышедшие в середине 60-х годов, должен будет притти к заключению, что это был вполне профессиональный писатель, достаточно умело владевший пером. Таланта в нем почти незаметно, но он был не хуже других середняков-беллетристов, и то презрительное отношение к нему, о котором мы сейчас говорили, объясняется отнюдь не бедностью его дарований, а одной особенностью его душевного склада. Эта особенность была присуща не ему одному, но и многим его современникам, принадлежавшим к той же социальной формации. Только у него она выражена наиболее рельефно и является, так сказать, главной основой его поведения. Необходимо познакомиться с этой типической чертой его личности, так как без нее непонятны ни его своеобразные отношения с Некрасовым, являющиеся темой настоящей статьи, ни та странная роль, которую сыграл он в цензурной истории русской передовой журналистики 60-х годов.

Наиболее наглядно это свойство Феофила Толстого сказалось в его необыкновенном поступке с его однофамильцем — поэтом Алексеем Толстым. В 1868 г. Алексей Толстой закончил свою известную трагедию «Царь Федор Иоаннович». Феофилу Толстому трагедия пришлась по душе. Он прочитал ее в рукописи и выразил автору свое восхи-

щение. Вообще, к его драматургии он относился восторженно, что явствует хотя бы из следующих стихов Алексея Толстого:

В твоем письме, о Феофил,
(Мне даже стыдно перед миром),
Меня, проказник, ты сравнил
Чуть-чуть не с царственным Шекспиром[22].

Алексею Толстому, естественно, хотелось увидеть свою пьесу на сцене. Он представил «Царя Федора Иоанновича» в цензуру. Казалось, пьесе посчастливилось: на том заседании, где происходило ее обсуждение, председательствовал ее горячий поклонник — Феофил Матвеевич Толстой. Как у председателя, у него было два голоса, но, к великому изумлению автора, оба голоса он подал п р о т и в пьесы и горячо настаивал на ее запрещении, утверждая, что она подрывает престиж монархической власти! Пьесу запретили. Разгневанный автор высмеял Феофила Толстого в ядовитых стихах, из которых мы знаем лишь две строки:

О, будь ты мене голосист,
Но боле сам с собой согласен.

Здесь высказана самая суть психического склада Феофила Толстого: он, действительно, почти никогда не был согласен с собою, со своим собственным мнением. В свое оправдание он написал драматургу большое письмо, где объяснял ему, что в качестве литератора он, Феофил Толстой, в восторге от его замечательной пьесы, но в качестве цензора счел себя вынужденным наложить на нее запрещение. Алексей Толстой ответил ему с добродушным презрением:

Как государственный орел,
Ты лишь двуглав, а не двуличен[23].

Такая двойственность мнений и чувств была присуща Феофилу Толстому на всем протяжении его литературной работы.

С одной стороны, он был обскурант, охранитель крепостнического строя. Ввел его в литературу Фаддей Булгарин, и он в течение долгого времени был сотрудником булгаринской «Северной Пчелы» [24]. В этой полуофициальной газете он поместил, между прочим, свой патетический плач над гробом Николая I, где в самый разгар севастопольской катастрофы писал, что этот «чадолюбивый монарх возвел Россию на высшую степень славы и благоденствия», что он — «достославный преемник Петра» и что, «если, взывая к России, спросить: любил ли почивший государь своих подданных? — вся Россия сольется в один восторженный благодарственный, утвердительный клик»[25].

В качестве булгаринского публициста и критика он в свое время преследовал произведения писателей натуральной школы — Некрасова, Тургенева за их «простонародную» тематику. Разбирая оперу Глинки об Иване Сусанине, он особенно хвалил ее за то, что в ней Сусанин не говорит по-крестьянски: «К счастью, в то время, когда М. И. Глинка писал дивную свою оперу, учение реалистов не было еще в большом ходу, а то, чего доброго, и его уговорили бы заставить Сусанина выражаться по-мужицки и говорить: «таперича», «энтого», «мужик он ражий»[26].

Встречая в повестях и стихах деревенскую речь, Феофил Толстой в своих статейках называл ее «мужицкой», «кучерской» и «кабацкой» и требовал, чтобы современная ему беллетристика изображала только «высшее общество»,—или, как он выражался, общество «порядочных людей».

Вскоре после того, как Александра Осиповна Смирнова ввела в свою гостиную Писемского, и Писемский, артистически воспроизводивший крестьянскую речь, стал читать у нее свои народные очерки, к ней, по рассказу Анненкова, явился возмущенный Ростислав и стал выговаривать ей, что она ввела Писемского «в хорошее общество». «И что она потворствует разврату в литературе, по которому уже Писемскому дают 120 рублей серебром за лист. Это ужасно! И что смотрит начальство!»

Когда наступили 60-е годы, Феофил Толстой в той же самой «Северной Пчеле» принялся сражаться с «нигилистами». В 1863 г., когда Чернышевский был узником Петропавловской крепости, Ростислав выступил против его только что напечатанного романа «Что делать?», заявляя, что это произведение безнравственное, «безобразное

и по мысли и по исполнению» и что нет такой «порядочной женщины», которая решилась бы прочесть этот роман, ибо его автор, по словам Ростислава, «вводит читательниц в среду пьяных женщин, уличных потаскушек и всякого отребья рода человеческого» и «с видимым наслаждением погружается в отвратительную грязь». Эта мракобесная инсинуация заканчивалась в истинно булгаринском стиле — подсчетом того гонорара, который был уплачен Некрасовым автору романа «Что делать?»[27].

Одновременно с этим Феофил Толстой написал и попытался поставить на сцене столь же клеветническую пьесу «Нигилисты в домашнем быту (из романа г. Чернышевского „Что делать?“)». В этом пасквиле он изобразил нигилистов такими чудовищами, что даже царская цензура (испугавшись скандала) запретила ее постановку[28].

Конечно, «Современник» Некрасова не мог не дать сурового отпора многочисленным антинигилистическим выходкам Феофила Толстого. В начале того же 1863 г., в первой книге журнала, появилась статья Щедрина (за подписью Н. Гурин), где выведен некий «любезный старик», в котором нетрудно узнать «Феофилку», ибо, по словам Щедрина, этот «любезный старик» когда-то пописывал в «Северной Пчеле» и недавно послал в другую газету (такого же направления, что и булгаринский орган) статейку под названием «Нечто о нигилистах или новая проделка наших агитаторов». Статья Щедрина называлась «Московские письма». Она представляла собою рецензию на одну пьесу Феофила Толстого, шедшую в Малом театре. Комментаторы Щедрина не отметили, что и в предисловии к этой рецензии, где как будто говорится о другом человеке, Щедрин разоблачает и бичует того же Феофила Толстого как ничтожного канцеляриста-бюрократа, не имеющего ни малейшего права называться писателем. Даже Щедрину не всегда удавалось шельмовать своих врагов с такой сокрушительной силой [29].

Некрасов напечатал статью Щедрина в «Современнике» без всяких оговорок и смягчений. Можно не сомневаться, что он был с нею вполне солидарен. Что общего могло быть у Некрасова с этим публицистом булгаринской школы?

Но тут-то и обнаружилась величайшая странность: оказалось, что Феофила Толстого всю жизнь тянуло к этому враждебному лагерю, что он всячески стремился подладиться и к Салтыкову-Щедрину и к Некрасову, писал им длиннейшие письма, где нередко высказывал чувства «любви» и «привязанности». В тот же день, когда в некрасовском «Современнике» появилась убийственная для Феофила Толстого статья Щедрина, он написал Некрасову большое письмо, где, среди горьких упреков и жалоб, не преминул сообщить, что хотя в некрасовском журнале и ругают его, он все же, несмотря ни на что, любит поэзию Некрасова; что ему «прискорбно видеть упорное недоброжелательство» со стороны человека, к произведениям которого он, Феофил Толстой, «чувствует непреодолимое влечение». «Драгоценнейший для русского сердца из современных поэтов», — таково было его обращение к Некрасову в одном из писем 1869 г. И тут же выражал он восторг перед «чудными картинами» природы в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Иногда его восторг изливался в стихах: прочитав только что напечатанного «Дедушку Мазая и зайцев», он в одном из своих писем обратился к Некрасову с такими стихами:

Зайчики твои, Некрасов,
Лучше лакомых бекасов;
Читая их, я умилился —
И даже, ужас! прослезился!

К Щедрину у него были такие же чувства. По крайней мере уже после того, как Щедрин отозвался о нем в «Современнике» с таким уничтожающим презрением, Феофил Толстой писал Некрасову о великом сатирике: «знаменитый родоначальник изобличительной литературы — остроумнейший публицист; слово его прорезывает покровы общественной жизни, как алмаз режет стекло. Выводимые им типы схвачены верно и выставлены беспощадно на позор во всей наготе и во всем безобразии».

И тут же сравнивал Щедрина с Микель Анджело.

Конечно, Щедрин и Некрасов нимало не обольщались его дифирамбами. Для Щедрина он так и остался до конца своих дней «Феофилкой», а Некрасов, как видно из

публикуемых писем, даже не всегда отвечал ему на его назойливые письма и редко допускал его к себе. «Три раза был я у Вас, — читаем в одном из писем Феофила Толстого к Некрасову,— и каждый раз просил сказать Вам, что очень желательно с Вами повидаться. Но увы! Ни ответа, ни привета от Вас».

Этот влиятельный цензурный чиновник, гофмейстер двора его величества, очень хорошо понимал, что Некрасов — его политический враг. «Вы, — писал он Некрасову, — полный властелин демократического царства, именующегося „Отечественными Записками"». Он знал, что в этом «демократическом царстве» ему нет и не может быть места. И все же готов был вынести любые обиды, лишь бы удостоиться чести напечататься в некрасовском журнале. Ради этой чести он не брезгал ничем, и сам, не стесняясь, рассказывал о тех неблаговидных путях, при помощи которых ему удавалось протискивать свои произведения в «Современник». Одну его повесть еще в начале 50-х годов принял в журнал слабовольный И. И. Панаев. Но повесть была до такой степени чужда направлению журнала, что редакция (очевидно, в лице Некрасова) отказалась печатать ее окончание. Тогда Феофил Толстой обратился с жалобой к начальству, к возглавлявшему цензуру попечителю учебного округа Мусину-Пушкину, и тот, по словам Феофила Толстого, сделал Панаеву такое внушение:

«В кои-то веки в вашем журнале появилась повесть, написанная порядочным человеком, в которой нет ни мужиков, ни кабаков. Все порядочные люди, и даже дамы <!> читают ее с удовольствием, а вы прекращаете ее на самом интересном месте. Чтобы в следующей книжке было бы напечатано продолжение!» [30]

После такого «разноса», как выражается Ф. М. Толстой, Панаеву, конечно, пришлось покориться. «Белоперчаточная повесть из великосветского быта» была напечатана при помощи административных воздействий на страницах передового журнала, в противовес «мужицким» стихотворениям Некрасова, тургеневским «Запискам охотника», рассказам и повестям Григоровича.

И прочие свои произведения Ф. Толстой, как мы ниже увидим, навязывал журналам Некрасова подобными же административными мерами, используя для этого и служебное свое положение, и свои бюрократические связи.

Но, спрашивается, отчего же ему, этому заядлому врагу «нигилистов», литературному крестнику Фаддея Булгарина, считавшему «порядочными людьми» главным образом «безличную сволочь салонов», отчего же ему так страстно хотелось участвовать в тех революционно-демократических органах, где к нему относились с таким откровенным презрением? Почему он так раболепно заискивал перед Щедриным и Некрасовым?

II

Все это и многое другое объясняется зыбкостью его социальной позиции. Он до конца своей жизни так и не нашел себе места ни в одной из тех общественных групп, где ему приходилось вращаться. Не нужно забывать, что при всей своей знатности, он принадлежал к числу обнищалых дворян, которых в тогдашней Российской империи с каждым годом становилось все больше. Кроме казенного жалования и скудной платы за газетные статьи, он, в сущности, не имел ничего.

Если бы в молодости он пошел по стопам своего удачливого брата Ивана Матвеевича и избрал дворцовую карьеру, жизнь его сложилась бы совсем по-другому. Иван Матвеевич, усердный служака, в конце концов получил от расположенных к нему императоров — и звание графа, и должность министра, и умер в безмятежном довольстве. А Феофила Матвеевича рано соблазнила другая карьера — влиятельного представителя прессы. Он сделал ставку не столько на благосклонность салонных друзей, сколько на «покровительство почтеннейшей публики», как любил он выражаться в своих мемуарных заметках. А так как «почтеннейшая публика» оценила его не слишком высоко, он должен был поддерживать свое существование мелкой литературной поденщиной, что, конечно, не могло не унизить его в глазах феодального круга, к которому он принадлежал по рождению. Пусть его статьи зачастую отражали в себе вкусы и воззрения этого круга, но уже то обстоятельство, что он писал свои статьи как цеховой журналист, делало его отщепенцем среди высокопоставленной знати.

Благодушный князь Б., приписавший Феофилу Толстому смехотворный псевдоним «Брандыхлыст», отчетливо выразил то высокомерное отношение к нему, с которым должны были относиться к его «свободной профессии» твердолобые представители сановного барства.

В глазах передовых литераторов он был царский чиновник, охранитель ненавистного строя, а в глазах царедворцев и вообще людей великосветского круга — изменник своему классу, чужак. Отсюда неустойчивость и противоречивая двойственность социального его поведения. Отсюда его частые измены себе самому. Оттого-то и могло произойти, что в качестве цензора запрещал он те самые книги, которые приводили его в восторг как писателя. Оттого-то в его сочинениях можно найти столько противоречивых высказываний об одном и том же предмете. Недаром А.С.Суворин в одном

ЗДАНИЕ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ УЛИЦЕ (В ПЕТЕРБУРГЕ), В КОТОРОМ С 1868 г. ПОМЕЩАЛОСЬ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Первый подъезд от театра (справа) — канцелярия Главного управления, второй — главноуправляющего

Фотография 1910-х гг.

из своих фельетонов предложил заменить общепринятое изречение «непостоянен, как ветер» фразою: «непостоянен, как Ростислав».

Хуже всего было то, что Феофил Толстой никак не хотел примириться со своей неприкаянностью, с шаткостью своей социальной позиции. Он метался между обоими лагерями, стараясь угодить то одному, то другому, и так как не находил признания ни в одном, ни в другом, пытался поправить дело жалкими и явно безнадежными способами: чуть не во всякой своей статейке, по всякому случайному поводу, он громко рекламировал себя. Получив, например, частное письмо одного из видных ценителей музыки, полное любезных комплиментов, купленных ценою самой неумеренной лести, он не задумался напечатать это частное письмо целиком в брошюре, посвященной творчеству М. И. Глинки [31]. Да и вся брошюра наполнена таким самохвальством, что, — как указал композитор Серов в одной из своих тогдашних рецензий, — автор пользуется именем Глинки лишь для того, чтобы «заставить толковать о себе, придать себе имя» и проч. «Заметьте, — продолжает Серов, — что Ростислав несколько раз извиняется, что он будто бы против воли принужден занимать публику

своею личностью, но <...> это не больше, как маска скромности. Из-под этой личины слишком ясно высказывается желание именно о себе-то и поговорить <...> вместе с именем М. И. Глинки выставить свой псевдоним...»[32]

Как и всякий неудачник, он видел повсюду злобные козни врагов, которые, будто бы, нарочно замалчивают все его заслуги и достоинства. Именно в противовес этим козням он и возвеличивал себя самого в собственных газетно-журнальных статьях[33], и, хотя все эти заботы о славе приводили его к пущему бесславию, он даже не считал для себя унизительным выпрашивать у рецензентов хвалебные отзывы. Когда, например, в Малом театре шла его драма «Пасынок», он не постеснялся обратиться к А. В. Дружинину с просьбой сказать о ней доброе слово в одной из газетных статей.

«Больно, — говорил он в письме, — что труды остаются незамеченными теми людьми, которые могли бы их оценить... А между тем здешние господа <то-есть петербургские критики.—*К. Ч.*> ни гугу — как будто не их дело»[34].

От этих саморекламных хлопот еще больше росло всеобщее неуважение к нему. Даже в тоне его писем к одному и тому же лицу отражалась неустойчивость его душевного склада. Так, в своих письмах к Некрасову он то подобострастен, то дерзок, то игрив и развязен, то официален и чопорен.

III

Шаткость его мнений была так велика, что в 1859 г. он, поддавшись могучему влиянию эпохи, круто метнулся влево и даже написал оппозиционный роман («Болезни воли»), где как бы отрекся от своего вчерашнего дня. Читая этот роман, было трудно поверить, что он написан тем самым пером, которое столько лет находилось на службе у реакционного лагеря. Тогда же им была написана повесть «Ольга», где он подверг критике нравы того высшего света, которому служил столько лет.

Когда эти обличительные произведения вышли отдельным изданием (уже в конце 1866 г.), их, к удивлению многих, сочувственно приветствовал Д. И. Писарев. В двух книжках журнала «Дело» Писарев напечатал большую статью, где без обиняков заявил, что в произведениях Феофила Толстого сказались и «честная сознательная любовь к людям», и «верный взгляд на отношения людей». С особым сочувствием Писарев отнесся к той повести, о которой мы сейчас говорили, — за то, что в ней наглядно показаны развращенность, скудоумие, пошлость так называемой золотой молодежи. Еще более высокое мнение высказал критик о романе Феофила Толстого «Болезни воли». Такой роман, по убеждению Писарева, мог написать только «даровитый и мыслящий автор», ибо роман ударяет не по каким-нибудь случайным и легко устранимым частностям тогдашнего строя, а по самым главным его основаниям, выставляя на всеобщий позор ту неискоренимую лживость, которой проникнуты все отношения людей в буржуазно-крепостническом обществе. «Ложь губит Россию! Ложь опутала, как паутиной, все сословия!» — восклицает герой романа, правдолюбец Григорий Пронский, фанатичный враг лицемерия, убедившийся на собственной шкуре, что в тогдашних социальных условиях невозможно прожить ни единого дня, не прибегая к самой бессовестной лжи. Люди упрятывают смелого поборника правды в сумасшедший дом за решетку, ибо ни одному правдолюбцу нет и не может быть места в их лицемерном быту. Правда, автор пытается выдать эту вариацию герценовского «Доктора Крупова» за невинный психиатрический очерк, не имеющий отношения к политике, но Писарев дает ему свое толкование и для того, чтобы сильнее подчеркнуть политическую направленность романа, прибегает к такому намеку:

«Если бы, — говорит он,— сам Добролюбов прочитал „Болезни воли“, то легко может быть, что он по поводу этого романа написал бы одну из лучших своих критических статей».

А так как Добролюбов, анализируя произведения того или иного писателя, пользовался ими для пропаганды своих революционных идей о необходимости уничтожения современного строя, указание Писарева нельзя не понять в том смысле, что роман Феофила Толстого дал бы великому критику богатый материал для такой пропаганды. И когда Писарев, подводя итоги своей обширной статье, заключает, что этот роман есть «умное и добросовестно обдуманное произведение», это значит на его языке,

что оно заключает в себе достаточно сильный протест против тогдашней действительности [35].

«Болезни воли» произвели впечатление протеста не только на Д. И. Писарева. Много лет спустя Вера Фигнер в своей автобиографии писала, что этот роман сыграл немаловажную роль в ее революционном развитии [36].

Конечно, и Вера Фигнер, и Писарев истолковали это произведение по-своему, внеся в него немало таких чувств и мыслей, которые в нем отсутствуют. Но все же в литературной летописи 60-х годов останется тот примечательный факт, что даже цензор, даже охранитель основ крепостнической самодержавной империи, под могучим воздействием революционной ситуации тех лет,— пусть на самое короткое время, — отстранился от того, чему так долго служил, и заявил себя приверженцем тех самых идей, которые преследовал в течение всей своей жизни.

Характерно, что статья Писарева не встретила в тогдашней журналистике отклика. Слишком уж неприглядная была у Феофила Толстого репутация в литературных кругах. Только что выпущенный из каземата Петропавловской крепости, Писарев мог и не знать всех подробностей его литературной и служебной карьеры. Но в глазах рецензентов и критиков, более близко знакомых с общественной физиономией Феофила Толстого, эта деятельность была так одиозна, что даже те произведения, которые были столь сочувственно отмечены Писаревым, не изменили в передовой журналистике враждебного отношения к ней. По более позднему свидетельству Феофила Толстого, «пресса обошла повесть ⟨„Болезни воли“⟩ презрительным молчанием, и, когда один из молодых критиков ⟨т. е. Писарев⟩ вздумал отозваться о ней благоприятно ⟨...⟩, его обзывали и подлецом, и изменником, и подкупленным предателем» [37].

Это последнее заявление, конечно, представляет собою сплошную фантастику. Хотя литературное влияние Писарева было в ту пору уже на ущербе, но его нравственный авторитет попрежнему стоял на такой высоте, что ему не могла повредить даже хвалебная статья о Феофиле Толстом. Но несомненно и то, что с этой статьею никак не могли согласиться читатели, которые хоть отдаленно представляли себе подлинную биографию Феофила Толстого. Во время писания статьи Писарев, разумеется, не знал, что в качестве цензора за год до этого автор «Болезней воли» в официальной бумаге объявил его крайне опасным писателем, в произведениях которого нельзя не увидеть зловредных «социалистических и коммунистических тенденций». Отзыв этот относится к 1-му тому собрания сочинений Д. И. Писарева. Гофмейстер Ф. М. Толстой предупреждал цензуру, что «если в последующих частях ⟨своего собрания сочинений⟩ автор ⟨т. е. Писарев⟩ продолжать будет проводить зловредные учения, то в совокупности это составит достаточный материал для арестования книги и для предания автора суду» [38].

Одной из характернейших черт 60-х годов явилось именно то обстоятельство, что в качестве охранителей престижа государственной власти возникли в большом изобилии такие двойственные, зыбкие, шаткие люди. Их можно было встретить во всех областях государственного управления той эпохи. С каждым годом теряя свой исторический смысл, полицейско-самодержавный режим все меньше привлекал к себе нелицеприятных и преданных слуг. Возникла особая порода чиновников, ретиво исполнявших свои служебные функции и в то же время вполне сознававших всю постыдность и бессмысленность своего поведения. В одной из тогдашних сатир Некрасов отметил, что даже те жандармы и гвардейцы, которые врывались с обыском в чужие квартиры для ареста государственных преступников, в своих откровенных беседах высказывали резко оппозиционные взгляды. Некрасов изобразил молодого «администратора» (т. е. жандарма), который, явившись ночью в квартиру к одному писателю, стал тут же щеголять перед ним своими либеральными взглядами:

Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот вожделенный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,

В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой

и т. д., и т. д., и т. д. Это было массовым явлением в то время. По словам Некрасова, даже посадив человека в тюрьму, тюремщик охотно заводил с заключенным такие оппозиционные речи. Тот же литератор, уже очутившись в тюрьме, говорит в некрасовских стихах:

В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной [39]
Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный свыше мер,
Два дня беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет [40]...

У каждого из подобных людей их сознание находилось в противоречии с их действиями. Пускай их либерализм сводился к пустой болтовне, к «плетению басенок» — все же прежней цельности у них уже не было, так как не было твердой уверенности, что служат они правому делу. Одно мнение существовало у них для начальства, другое для самих себя.

Это двоедушие проникло даже в цензурное ведомство и, как мы ниже увидим, сильно помешало правительству в его борьбе с прогрессивной печатью.

Цензурные деятели предыдущего царствования — Бутурлины, Бируковы, Фрейганги ненавидели то, с чем боролись. А при Александре II появилась целая фаланга таких цензоров, которые, говоря фигурально, поклонялись тому, что сжигали, ибо многие из них сознавали, что, в сущности, они защищают обреченный на гибель и несправедливый режим. Это очень точно сформулировано в одном из новейших исследований, где по поводу самодержавия 50-х и 60-х годов говорится: «Его государственный аппарат не являлся в эту пору идейно и организационно целостным орудием власти, не был вполне верной и надежной опорой трону, которому служил. Элементы недовольства, критики и скептицизма, а рядом с этим беспринципность, лживость перед начальством, склонность к коррупции всех видов и форм существовали во всех звеньях и прослойках царской бюрократии, свидетельствуя уже для этой эпохи о далеко зашедшем разложении исторически умиравшего русского абсолютизма»[41].

Словом, многие из царских чиновников в государственном аппарате Александра II были в большей или меньшей степени «не согласны с собою», и в своих докладах и рапортах заявляли одно, а в частных разговорах — другое. Их ближайшим предком был цензор А. В. Никитенко, который, по словам современника, постоянно повторял в разговорах «все те же жалобы на свое положение, на раздвоенность этого положения», на «ненормальность существующего порядка вещей и обязанность служить этому порядку». Об известном дневнике Никитенко тот же мемуарист замечает, что там было много таких дерзких высказываний, которые, в качестве цензора, сам Никитенко «никогда не пропустил бы ни в какой книге» [42].

К началу шестидесятых годов количество таких «раздвоенных» цензоров увеличилось. Иные из них, как, например, цензор В. Н. Бекетов, не скрывали своих симпатий к радикальным писателям, произведения которых им приходилось черкать и кромсать. Другие, как, например, В. М. Лазаревский, циничный службист, презирали свое ремесло, называли его подлым и гнусным и все же дослуживались, благодаря ему, до высоких чинов и делались большими сановниками. Третьи, как Феофил Толстой, жаждали услужить и одной и другой стороне, — и «Отечественным Запискам» Некрасова и министру внутренних дел Тимашеву. Четвертые, как, например, Федор Еленев (Скалдин) совмещали писание правдивых и неприкрашенных очерков о бедственном положении народа после крестьянской реформы — с должностью чиновника царской цензуры. Но как бы ни были различны эти люди, их объединяло одно: служа самодержавно-полицейскому строю, они, наряду с этим, по разным причинам, вольно или невольно, содействовали тем сокрушительным силам, которые исподволь разрушали его.

Эта их двойственность была умело использована великим стратегом журнального дела Некрасовым в интересах революционно-демократического лагеря. Только теперь, когда опубликованы, наконец, материалы, осветившие его деловые отношения с некоторыми из руководителей царской цензуры, перед нами вскрывается, да и то далеко не вполне, его сложная и гибкая тактика по использованию агентов государственной власти для защиты созданных им демократических органов. Тактика эта в достаточной степени выяснена в той статье, которую мы выше процитировали. Имеющимися у нас письмами Феофила Толстого к Некрасову, до сих пор не бывшими в печати, вполне подтверждаются основные тезисы этой статьи. Письма получены нами от покойного академика А. Ф. Кони. Очевидно, их было значительно больше, но

«КОМПОЗИТОР В ГОРЕ». КАРИКАТУРА НА Ф. М. ТОЛСТОГО
Рисунок Н. А. Степанова. «Музыкальный альбом», 1848 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

многие из них до нас не дошли. Однако и теми, что находятся в наших руках, устанавливается с достаточной ясностью, каков был характер услуг, оказывавшихся Феофилом Толстым журналистике левого лагеря, и какова была плата за эти услуги. Чтобы сделать Феофила Толстого своим тайным помощником, который, сам того не подозревая, служил бы интересам революционной печати, Некрасов умело использовал и его жажду литературной известности, и неустойчивость его убеждений, и отсутствие у него денежных средств, и его неутоленное тщеславие.

К находящимся у нас неизданным материалам мы привлекли те немногие письма Феофила Толстого к Некрасову, которые уже были опубликованы в «Архиве села Карабихи», но весьма неисправно. Эти письма печатаются по автографам рукописного отделения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

IV

Первое упоминание о Феофиле Толстом в эпистолярном наследии Некрасова относится к 1856 г. Некрасов сообщал И. С. Тургеневу из Петербурга в Спасское:

«Видел в клубе Теофила Толстого, который болтал, что записки твои на-днях будут доложены государю, что их непременно дозволят» [43].

Дело шло о «Записках охотника» и о разрешении напечатать их отдельною книгою. Самое слово «болтал» показывает, как неуважительно относился Некрасов к информации Феофила Толстого да и к нему самому.

Еще сильнее это неуважение сказалось в 1863 г., когда Некрасов напечатал в своем «Современнике» ту язвительную статью Щедрина, о которой было сказано выше.

Статья появилась в первой (сдвоенной — №№ 1—2) книге журнала за 1863 г. под заглавием «Московские письма». В статье Щедрин описывал свои впечатления от пьесы Феофила Толстого «Пасынок», которая ставилась тогда в Малом театре. Печатью правого лагеря эта пьеса была оценена положительно [44], — тем суровее отнесся к ней Щедрин.

«Совестно за пьесу, — писал он, — совестно за театр, совестно за автора, совестно за актеров, совестно за зрителей... Словно вдруг перенесся в дом умалишенных и слушаешь, как один из них уверяет, что он дух долины, а другой ему возражает: врешь, ты не дух долины, потому что я сын фараона!»

Кроме того, Щедрин указал, что трактуемый в пьесе юридический казус невозможен в реальной действительности.

Статья была подписана Н. Гурин [45], но, конечно, Феофилу Толстому было достоверно известно, что ее автор — Щедрин.

Прочитав эту статью, Феофил Толстой под свежим впечатлением отправил Некрасову такое письмо:

<1>

<Не раньше 5 февраля 1863 г.>

Злоба, зависть, невежество и недобросовестность — вот отличительные черты статьи, помещенной в «Современнике» за подписью какого-то Гурина. Что подобного рода голодные тараканы <могли> расплодиться в нашей журналистике — это понятно. Теснота, неопрятность, или вообще родовое русское неряшество — порождают всякого рода насекомых. Но непонятно, как может мало-мальски уважающая себя редакция не запастись, по крайней мере, персидским порошком, если из лени или из экономии она не хочет приступить к более энергическим средствам для истребления отвратительных паразитов.

Относиться недоброжелательно к людям чуждого нам кружка, пожалуй, еще можно, но взводить на них клевету и небылицы — не дозволено. Говорить, например, что автор непрошенно помогает правительству и усердно ему подслуживается, оттого что из пьесы его сочинения ярко выказывается несостоятельность негласного судопроизводства — просто бессовестно.

После этого и фонарь, освещающий улицу, непрошенно навязывает свои услуги прохожему. — После этого и обер-обличитель Щедрин ничто больше как полицейский чиновник.

Что какой-то Гурин, критикуя пьесу, все переврал и ничего не понял, тут нет ничего удивительного; от тараканьего его разума и ожидать более нельзя было; но неведением законов никто отзываться не может. — Так, например, тупоумный рецензент говорит в выноске: «Мы недоумеваем и пр.». В чем же состоит его недоумение? В том, каким образом имение родовое, принадлежащее Бурцевой, вышедшей по смерти первого мужа за Оловянникова, может перейти по случаю политической смерти сына — ко внуку или к родному племяннику Бурцева — будь тот Оловянников, или Серебрянников — это уж чистое невежество. В той же выноске рецензент удивляется, каким образом могли передать в пожизненное владение мужа родовое имение, тогда как у н и х (у кого у них? у них потому, что пасынок Оловянникова — не сын его) был прямой наследник. Подобная передача делалась сплошь да рядом и при предшествовавшем царствовании — а с 1862 года право передачи в пожизненное владение, помимо прямого наследника, узаконено окончательно.

Я не стану опровергать всех нелепостей жалкого Вашего сотрудника, но укажу только на одно место, очевидно доказывающее как нелогичность его, так и недобросовестность.

Он говорит, что автор «Пасынка» есть вместе с тем автор *двух повестей*, из которых одна была напечатана в «Современнике», а другая *произвела впечатление* в «Русском Вестнике». Засим он утверждает, что публика *игнорирует* эти повести потому, что никто их не читал — и что все экземпляры «Современника» и «Р⟨усского⟩ В⟨естника⟩», в которых они были напечатаны, *затеряны*... Во-первых, это явная ложь; а во-вторых, почему же он знает, что повесть, помещенная в «Р⟨усском⟩ В⟨естнике⟩», произвела впечатление, если никто ее не читал. Горестно, почтеннейший Николай Алексеевич, что заползают в Ваш журнал подобные тараканы; честных врагов я не боюсь, это народ хороший, с ним и побороться весело, но отвратительно иметь дело с ядовитым шипеньем пресмыкающихся, которые вместо честного слова изрыгают на вас смердящую слюну.—Но что еще прискорбнее, это видеть упорное недоброжелательство со стороны человека, к произведениям которого чувствуешь непреодолимое влечение. — Если бы я издавал журнал, то Вы могли бы найти в нем нередко честную критику на многие из Ваших стихотворений, но уж, конечно, я не принял бы никогда статьи, направленной против Вашей личности и написанной желчью. Не желаю Вам испытать когда-либо неприятное это чувство.

Ф. Толстой

Две повести Феофила Толстого, которые упоминаются в этом письме, — 1) «Три возраста. Дневник, наблюдения и воспоминания музыканта-литератора» («Совр.», 1853, X—XII) и 2) «Болезни воли» («Русский Вестник», 1859, IX—X)[46].

Дата письма определяется датой выхода в свет той двойной книги «Современника», где напечатана статья Щедрина, — 5 февраля 1863 г.

Следующие два письма Феофила Толстого к Некрасову, имеющиеся в нашем собрании, относятся к 1866 г. Первое письмо, собственно записка, помечено в подлиннике «3 марта»:

⟨2⟩

⟨3 марта 1866 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Потрудитесь побывать у меня завтра, в пятницу в 12 часов; мне нужно сообщить Вам кое-что.

Ф. Толстой

3 марта

4 марта приходилось на пятницу в 1866 г., отсюда и наша датировка записки. Возможно, что она связана с вышедшей накануне третьей (мартовской) книжкой «Современника», в которой были напечатаны некрасовские «Песни о свободном слове».

Второе письмо относится к такому важному событию, как правительственное запрещение «Современника» по постановлению Комиссии кн. Гагарина.

Заведующий конторой журнала С. В. Звонарев, несомненно по инструкции Некрасова, обратился тогда к Ф. М. Толстому за советами и точными сведениями. После напрасных попыток защитить этот журнал в Комиссии, Феофил Толстой написал (должно быть по внушению Некрасова) министру внутренних дел П. А. Валуеву большое письмо, где говорил, что он «почитает священным долгом формально заявить» его превосходительству, что «вредное и предосудительное направление этого издания в настоящее время изменилось совершенно, что прекращение «Современника» вконец разоряет неповинное семейство Панаева и что статьи и набор каждого № стоят около 20 000 рублей», то-есть открыто выступил не обвинителем, но адвокатом Некрасова [47]. Об этом он и сообщает Некрасову в печатаемом ниже письме.

⟨3⟩

3 июня 1866 г.

Все, что было возможно сделать для отвращения постигшего Вас несчастия, — было сделано. — Готовность Ваша покориться требованиям Совета — формально заявлена, на безупречное содержание 4 и 5-го №№ указано и даже заявлено, что «Совр⟨еменник⟩» не составляет исключительную Вашу собственность — и что прекращение издания повлечет за собой разорение наследников Панаева. — Но к сожалению — ничего нельзя было сделать!

Высочайшее повеление положительно прекращает издание, и даже нельзя было отстоять 5-ю книгу, в которой нет ни задоринки.— Удар нанесен Клубным Вашим приятелем*, в честь которого написаны стихи.

По моему мнению, Вы могли бы подать прошение на высочайшее имя, изложив Вашу готовность и пр. и пр. — но послужит ли это делу? — не знаю.

От души скорблю.

Ф. Т.

Хотя хлопоты Ф. М. Толстого не увенчались (да и не могли увенчаться) успехом, все же он проявил в этом деле немалую готовность услужить и помочь. Некрасов, видимо, не остался в долгу. Это мы заключаем из того, что на обложке и титуле тех двух томиков «Сочинений» Ф. М. Толстого, о которых было сказано выше, имеется такая помета:

Издание С. В. Звонарева. СПБ. 1866.
Типография К. Вульфа
Литейный проспект, № 60.

Заведывавший одно время конторой журнала «Современник» книгопродавец С. В. Звонарев, как известно, занимался издательской деятельностью под непосредственным руководством Некрасова и с его финансовой поддержкой. Без санкции поэта Звонарев вообще не издавал ничего. Это видно даже из публикуемых писем Феофила Толстого. По поводу одного романа протежируемого им автора, он пишет Некрасову: «Если Вы не желаете даже и того, чтобы роман печатался у Звонарева, то и это можно уладить иначе» [48].

Словом, за все свои хлопоты Ф. М. Толстой вскоре получил воздаяние.

К концу 1867 г. поэту удалось путем невероятных усилий осуществить почти невозможное в тогдашних условиях дело: воссоздать через год после закрытия «Современника» новую трибуну для революционно-демократической партии — взять в свои руки «Отеч. Зап.» Краевского. В интересах этого дела Некрасову понадобилось возобновить и закрепить все свои цензурные связи, — между прочим и с Феофилом Толстым. 23 декабря 1867 г., то-есть за несколько дней до выхода 1-й книжки своего нового журнала, он написал Ф. М. Толстому такое письмо:

«Вы совершенно правы, многоуважаемый Теофил Матвеевич, меня бы стоило обругать. Мне *и должно и желательно и нужно* побывать у Вас, что, наконец, и исполню **завтра** же часу в 1-м» и т. д.[49].

Письмо дружелюбное; в нем Некрасов выражает сожаление по поводу болезни Феофила Толстого, уверяет его, что смотрит на их отношения более как на товарищеские, чем официальные, и т. д. Иная тактика была в те времена невозможна, и едва ли хоть одна книжка «Отеч. Зап.» могла бы появиться в печати, если бы Некрасов не заводил с ненавистными ему цензорами подобных отношений и связей. Но, конечно, Феофилу Толстому, жаждавшему писательской деятельности, было недостаточно одних изъявлений приязни. Ему требовалась более высокая плата: он хотел сотрудничать в журнале Некрасова. Некрасов был вынужден пригласить его в «Отеч. Зап.» в качестве музыкально-театрального критика. Ф. М. Толстой обязался за это всячески охранять

* М. Н. Муравьевым-Виленским.

АВТОГРАФ ПИСЬМА Ф. М. ТОЛСТОГО К НЕКРАСОВУ ОТ 3 ИЮНЯ 1866 г.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

новый журнал в Совете Главного управления по делам печати, а также ежемесячно подвергать его внутренней домашней цензуре, еще до напечатания книжки.

Возможно, что Некрасов посоветовал Феофилу Толстому принять на себя обязанности официально наблюдающего за «Отеч. Зап.» члена Совета (каждый журнал был прикреплен к определенному члену Совета), что должно было придавать его мнениям о журнале, заявленным на заседании, бо́льшую авторитетность. Однако, если судить по выступлениям Толстого в Совете, относящимся к 1868 г., создается впечатление, что защищать «Отеч. Зап.» он стал не сразу, а лишь с конца года, что, однако, могло быть конспиративным приемом для прикрытия установленной им неофициальной связи с редакцией некрасовского журнала [50].

К своим обязанностям в качестве домашнего цензора Ф. М. Толстой приступил тотчас же, что явствует из следующей его записки к Некрасову по поводу некрасовского стихотворения «Суд»:

⟨4⟩

⟨Декабрь 1867 г.⟩

Но тот блаженней, у кого
Родных нет ровно никого.

Два эти стиха, конечно, не противоцензурны, но они отзываются принципами того учения, за которое «Соврем⟨енник⟩» был запрещен: мне кажется, что следует, и в особенности на первых порах, не возбуждать подобного сближения.

⟨Без подписи⟩

В данном случае Ф. М. Толстой не угадал тогдашних установок начальства, ибо противоцензурными оказались не только две строки, приведенные в этом письме, но и все прочие стихи поэмы «Суд». Поэму пришлось вырезать из 1-й книги «Отеч. Зап.» за 1868 г.

Нет сомнения, что печатаемая нами записка Феофила Толстого — одна из очень многих такого же рода. Очевидно, он просматривал весь материал, предназначенный для первой и второй книг «Отеч. Зап.» за 1868 г. Это была большая работа, и вскоре он потребовал за нее добавочной «платы»: предложил напечатать в «Отечественных Записках» роман из великосветского быта «Недоразумение», сочиненный близким ему человеком и, кажется, даже родственником. Некрасов, очевидно, ответил ему (в недошедшем до нас письме), что роман не соответствует программе журнала, но что он все же условно принимает его и платит автору аванс в счет гонорара (об этом свидетельствует упоминание о возвращаемой Ф. Толстым расписке) и, сверх того, предлагает автору уплатить неустойку в случае ненапечатания романа в течение года, что, конечно, было замаскированной взяткой. Ф. М. Толстой ответил Некрасову следующим письмом:

⟨5⟩

⟨28 февраля 1868 г.⟩

Все понимаю и каждое побуждение умею ценить по достоинству!

Вы опасаетесь, чтобы от «Недоразумения» не повеяло аристократическим духом, несмотря на совершенное в нем отсутствие какой-либо тенденциозности по части барства. — Вы желаете предварительно потверже укрепить возрожденные «Отечественные Записки» на основаниях бывшего «Современника», т. е. на демократических началах. — С Вашей стороны это совершенно рационально; только, по моему мнению, опасения Ваши напрасны. — Поэтически-описательная болтовня «Недоразумения», с примесью психического анализа, заинтересует, это не подлежит сомнению, салонную публику; но ведь суть журнала в настоящее время не может ограничиться одною беллетристикою.

Те, которые заинтересуются легким чтением, волей-неволей просмотрят и прочие отделы журнала и таким образом ознакомятся, может быть, с новыми для них воззрениями.

Я твердо уверен, что у Вас нет и в помышлении проповедывать о необходимости какого-либо крутого переворота, но каждому из нас желательно,

чтобы совершилось наконец полное слияние между всеми образованными людьми возлюбленного нашего отечества, без различия каст и каких-либо званий. Вот почему желательно было бы видеть на страницах перерожденного журнала, хоть изредка и в беллетристической только части, отголосок и той партии, которая кажется Вам зараженною тлетворным духом замкнутой касты. Поверьте, что со временем все угловатости сгладятся и желаемое сближение состоится — если этому способствовать будут наши серьезные журнальные органы.

Прилагаю при сем расписку автора «Недоразумения», присовокупив, что он соглашается на предлагаемую Вами неустойку в случае ненапечатания романа его в течение сего года.

Весь Ваш Ф. Т.

28 ф‹евраля› 1868 г.

Чрезвычайно характерна высказанная в этом письме уверенность Феофила Толстого, что у Некрасова нет и в помышлении (!) проповедывать необходимость какого-либо крутого поворота и что гармоническое слияние всех враждующих сословий, «каст и званий» является его заветной мечтой. Эта маниловская утопия о том, что в ближайшем же будущем классовая борьба прекратится и будет заменена идиллической дружбой крестьян с помещиками, рабочих с хозяевами, графов и князей с разночинцами, была очень распространена в либеральствующих бюрократических сферах. Цензура не раз предъявляла к Некрасову требования, чтобы он содействовал этому вожделенному слиянию сословий. В настоящем томе «Литературного Наследства» печатается письмо цензора П. Капниста к Некрасову, где он выражает ему свою радость по поводу того, что Некрасов в поэме «Русские женщины» способствует (!) примирению высшей аристократии с народом (!?) (см. выше).

Феофил Толстой до такой степени не понимал и не знал истинных убеждений Некрасова, что он, как мы видим, надеялся привлечь симпатии поэта к роману из жизни великосветских салонов *именно этой утопией о дружественном слиянии враждующих классов*!

Уже то, что Ф. М. Толстой счел возможным обращаться к Некрасову *с такой* аргументацией, свидетельствует, как плохо представляли себе подлинные убеждения поэта даже наиболее ответственные чиновники цензурного ведомства — непосредственные проводники литературной политики самодержавия. И, конечно, Некрасов не стремился к тому, чтобы правильно ориентировать их.

Повесть, о которой говорится в письме, была подписана псевдонимом Данкевич. В «Опыте словаря псевдонимов русских писателей» В. Карцова и М. Мазаева (СПб., 1891) указано, что Данкевич — это псевдоним Е. Толстого. Возможно, что этот псевдоним произошел от названия деревни Данковки, принадлежавшей многочисленным братьям и сестрам Феофила Толстого. В позднейшей рецензии на повесть Данкевича М. Е. Салтыков-Щедрин указал, что ее автор «впервые вступает на литературное поприще», и отрицательно отнесся к ее содержанию [51]. Очевидно, Некрасов в письме к Ф. Толстому продолжал утверждать, что она не соответствует программе «Отечественных Записок». Это вызвало в высшей степени агрессивную отповедь Феофила Толстого. В письме, которое мы печатаем ниже, он без всяких обиняков объявил, что «Отеч. Зап.» Некрасова — «вместилище грязных вод», и что «благовонная» великосветская повесть может хоть отчасти спасти их от грязи. В качестве одного из особенно «зловонных потоков» он указывал на прекрасный рассказ Г. И. Успенского «Остановка» [52].

‹6›

‹6 июля 1868 г.›

Я держусь того мнения, что «Литература», в обширном значении слова, должна принимать в свои недра, на подобие океана, все возможные источники, реки и потоки.

Какого бы цвета, вкуса и запаха они ни были, притоки эти, сливаясь с чистыми, могучими, благотворными водами беспредельного океана, утрачивают первобытный свой характер и в общем и целом представляют

то величественное зрелище, пред которым каждый мыслящий смертный во веки веков будет приходить в восторг.

Что в море купаться,
Что Данта читать:
Стихи его тверды и полны,
Как моря упругие волны.
(Шевырев)

Но если литературу вообще можно уподобить океану, то подразделения ее (как-то изящная словесность и пр. и пр.) по справедливости можно назвать бассейнами. — Вообразите себе, какое неприятное зрелище и зловонное вместе представит бассейн, в который беспрестанно будут вливаться грязные потоки из подземных клоаков!

Прочитывая произведения гг. Решетникова и Глеба Успенского, меня обуял страх! Я опасаюсь, чтобы и Ваш журнальный бассейн не соделался бы вместилищем подземных, грязных вод. — Возьмем, например, очерк, озаглавленный «Остановка». — Неужели это можно назвать «изящной словесностью»? Что хотел воспроизвести талантливый автор? Грязь, неурядицу, тупоумие — и всякого рода мерзости русского общества. Разведите все это литературной водицей — и получите, конечно, грязные, мутные воды, которые придадут бассейну вовсе непривлекательный вид. Говорят, что самобичевание вещь полезная, что это полирует кровь. Может быть! — но самооплевание, во всяком случае, производит только отвращение и более ничего.

Про Гоголя Вы сказали весьма поэтично: «... и как любил он ненавидя». Но Успенский ни до любви, ни до ненависти не дорос. — Гоголь бичевал любя, с улыбкой на устах; Успенский со злости плюется.

Поверьте, почтеннейший Николай Алексеевич, что пора освежить бассейн изящной словесности Вашего журнала чистою струею — иначе он загниет и будет издавать зловредный запах. — Оставьте для других отделов этнографические и другого рода изыскания, будьте строги к неурядицам, карайте пороки и больших и малых, но в отделе изящной словесности дайте вздохнуть, дайте душе и воображению хоть несколько окрылиться. Человек, хоть и млекопитающееся животное, но ведь он не пресмыкающееся. — Считать вшей на голове — право, дело не беллетриста, а физиолога или, пожалуй, этнографа.

Вот Вам искренний совет человека с развитым изящным вкусом (Вы сами неоднократно признавали за мною это качество). Поверьте, что полезнее послушать совета подобного человека, чем людей, хоть и умных и может быть практичных, но лишенных художественного гвоздя в голове.

Ф. Т.

6 июля 1868 г.
Царское ⟨Село⟩

Вот какие уроки «эстетики» приходилось выслушивать гениальному поэту, стоявшему во главе революционно-демократического отряда русской литературы, от мелкого писаки «Феофилки» лишь потому, что тот был чиновником цензурного ведомства!

Следующее письмо Феофила Толстого свидетельствует, что, хлопоча о Данкевиче, Ростислав не забывал и других своих родственников.

⟨7⟩

⟨17 июля 1868 г.⟩

Письмо это вручит Вам племянник мой Михаил Хитрово — молодой поэт, на произведения которого Вы обратили уже внимание прошлой зимой.

Примите его радушно и по достоинству.

Ваш Ф. Толстой

17-го июля 1868 г.

P.S. Когда же начнете печатать «Недоразумение»?

Следующее письмо Феофила Толстого посвящено анонимной статье М. Е. Салтыкова-Щедрина «Литература и общество» из цикла «Признаки времени» (в отд. изд. и в собр. соч. — «Литературное положение»), предназначенной к напечатанию в августовской книге «Отеч. Зап.» за 1868 г.

В этой статье говорилось о гонении на передовую печать после каракозовских дней, главным организатором которого был М. Н. Муравьев-Виленский («Вешатель»).

Вспоминая это недавнее прошлое, Щедрин, между прочим, писал: «Еще вчера он ⟨литератор радикального лагеря⟩ был чем-то вроде баловня фортуны, еще вчера около него теснился кружок людей, громко заявлявших о сочувствии, и вот достаточно одной минуты, чтобы поставить его в то нормальное одиночество, из которого, при известных условиях жизни, ему не надлежало и выходить. Эту минуту вы можете не только предугадать, но даже почти осязать. *Она идет на вас в образе доносительно-прожорливой щуки, при виде которой, подобно брызгам, брызнут во все стороны резвящиеся вкупе пискари*».

Нетрудно было догадаться, что образ прожорливой щуки был подсказан Щедрину деятельностью М. Н. Муравьева-Виленского, тем более, что в первоначальном тексте

По Высочайшему повелѣнію, объявленному министру внутреннихъ дѣлъ предсѣдателемъ комитета министровъ, 28-го минувшаго мая, журналы «Современникъ» и «Русское Слово», вслѣдствіе доказаннаго съ давняго времени вреднаго ихъ направленія, прекращены.

СООБЩЕНИЕ О ЗАКРЫТИИ «СОВРЕМЕННИКА»
«Северная Почта» № 118 от 3/15 июня 1866 г.

статьи этот образ, как мы видим из письма Феофила Толстого, был обрисован еще более отчетливо.

Феофил Толстой в своем письме к Некрасову указывает, что намек на Муравьева слишком ясен и что нужно уничтожить или ослабить его. Следуя этому совету, редакция «Отеч. Зап.» вычеркнула какую-то часть текста, следовавшего за цитированной фразой, т. е. те строки, которые Ф. Толстой передает словами: «и сцена наполняется клянущимися, отплевывающимися и пр. и пр.». Таким образом, лишь из письма Феофила Толстого мы узнаем теперь о существовании этой купюры.

Другая купюра относилась к заключительному абзацу статьи. Там администраторы муравьевского типа и все их соратники именуются «ходячими крашеными гробами». Теперь выясняется, что у Щедрина было сказано: «ходячие крашеные гробы, *величающие себя столпами мира*»[53].

⟨8⟩

⟨4 августа 1868 г.⟩

Статья «Признаки времени», вышедшая без сомнения из-под пера знаменитого автора «Губер⟨нских⟩ Очерков», — неминуемо должна будет подлежать *обсуждению Совета*, если она появится в настоящем ее виде.

Бестолковая, прожорливая щука, при виде которой брызгают во все стороны резвящиеся вкупе пискари и сцена наполняется клянущимися, отплевывающимися и пр. и пр., не может же быть «Весть» или подобные ей соглядатаи.

Надеюсь, что Вы не причисляете нас к разряду крашеных гробов, величающих себя столпами мира, — но, тем не менее, я должен Вам сказать, что по невежеству своему я нахожу тон статьи весьма задорным.

Цель этой записки заключается в том, чтобы Вас предупредить.

Да не будет осуждения, что на Вас напали из-за угла. Как порешит Совет, я не знаю, но еще раз повторяю, что если статья появится без изменений, т. е. со щуками и пр<очим>, то заявить ее будет необходимо.

Ф.

4 ав<густа>

Характерно, что, ради конспирации, Феофил Толстой не подписывал полным именем тех своих писем, где он выступал как негласный советник Некрасова.

К этому времени ему стало известно, что М. Е. Салтыков-Щедрин намерен сильно сократить навязываемую «Отеч. Зап.» повесть, — и поспешил заявить свой протест, возвеличивая при этом и себя и свой эстетический вкус.

<9>

<7 августа 1868 г.>

Неужели Вы полагаете, что достаточно быть весьма умным человеком, для того, чтобы иметь вполне развитый художественный инстинкт, т. е. иметь, как говаривал Соллогуб, «художественный гвоздь в голове»?

Знаменитый родоначальник изобличительной литературы — остроумнейший публицист, слово его прорезывает покровы общественной жизни, как алмаз режет стекло. — Выводимые им типы схвачены верно и выставлены беспощадно на позор во всей наготе и во всем их безобразии. — Но на палитре Щедрина находятся только одни яркие краски, но нет тех нежных оттенков, которые необходимы для изображения женских типов. — Микель Анджело никогда не писал мадон, а Carlo Dolce почти исключительно упражнялся в этом жанре. От типов Щедрина разит или водкой или падчули, что, конечно, должно заглушать нежный запах Violette de Parme или mousseline. Вот почему я полагаю, что почтеннейший Ваш сотрудник, несмотря на проницательнейший его ум и громадный талант публициста, не может безапелляционно резать, кромсать и кольми паче изменять произведение, написанное в чисто художественном духе, без малейшей примеси какой-либо политической или социальной тенденциозности.

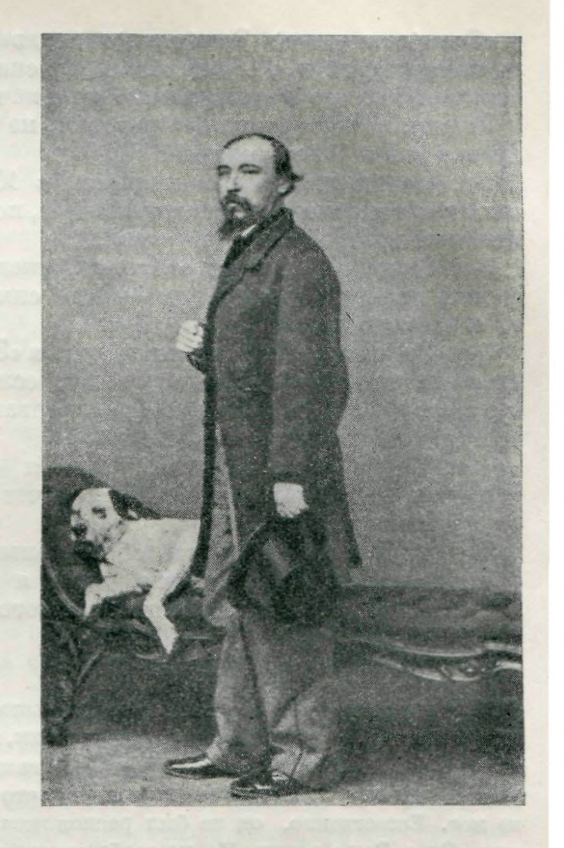
«Недоразумение» (а не «Недоумение», как Вы пишете) по кисти принадлежит к разряду картин à la Carlo Dolce, а не Микель Анджело. — Впрочем, автор соглашается на сокращения, но не иначе как под непосредственным его наблюдением. Для этого потрудитесь прислать оригинал, с отметкою предполагаемых сокращений, и автор и Ваш покорный слуга пересмотрим отметки и на полях заявим или протест или согласие.

Роман вполне окончен — и окончен удовлетворительно, т. е. с достаточною последовательностью; в конце недели я пришлю рукопись (остальных глав), но с условием возвратить мне ее для переписки, потому что я желаю оставить у себя подлинную рукопись и предоставить в печать копию. Ожидаю оригинал с отметками. — Вы можете доставить его в Главное управление, а я распоряжусь, чтобы его прислали ко мне.

Ваш Ф. Т.

7 а<вгуста>

P. S. Постарайтесь изготовить ту часть рукописи, которую предназначаете к печати в 9-м №, к субботе утром и пришлите ее в управление, потому что курьер должен быть у меня по часовому поезду. С ним я отправлю окончание р<укописи> к Вам.

НЕКРАСОВ
Фотография М. Тулинова, 1861 г.
Институт литературы АН СССР, Ленинград

Характерно, что, приставая к Некрасову, как говорится, с ножом к горлу и, в сущности, принуждая его к печатанию «Недоразумения», Феофил Толстой в то же время уверяет поэта (а может быть и себя самого), будто отношения между ними совершенно свободные.

⟨10⟩

⟨8 августа 1868 г.⟩

Убедительно прошу Вас еще раз отбросить мысль, что я навязываю Вам рекомендуемый мною роман нового начинающего автора. — Если Ваши сторонники, т. е. литературный Ваш кружок, хоть мало-мальски не желает, чтобы это произведение печаталось на страницах «Отечественных Записок», то откажите прямо, откровенно и без малейшего зазрения. — Честью Вам клянусь, что это меня нисколько не обидит! — Уговаривая Вас напечатать означенный роман, я преследовал только давно взлелеянную мною мысль, а именно: слияние различных литературных элементов.

Мне хотелось влить в бурные, несколько красноватые волны Вашего журнала струю свежей беловатой водицы. — Я очень хорошо знаю, что «Недоразумение» — произведение далеко не образцовое, но в нем отражается какая-то задушевная, юношеская свежесть, которая, по моему мнению, не только не повредит, но даже освежит несколько мрачный и, признаться сказать, довольно безотрадный фон строгого Вашего журнала. — Следовательно, прошу Вас, не стесняйтесь и действуйте по крайнему Вашему уразумению. — За сим, если Вы окончательно решитесь принять «Недоразумение», то я Вам откровенно объясню как причину, по которой я желал бы предпочтительно напечатать его в «От⟨ечественных⟩ З⟨аписках⟩», а не в «Русском Вестнике», так и окончательные условия автора.

«Отеч<ественные> Зап<иски>» издаваясь здесь, мы можем наблюдать за корректурой и с обоюдного согласия делать надлежащие поправки и сокращения, что весьма важно для начинающего автора.

За сим, вот непременные условия, на которых я передам Вам рекомендуемое мною произведение:

1-е. Печатание романа начнется с 10-й книжки и по возможности не слишком гомеопатическими приемами, потому что нет ничего досадней, как крайнее раздробление рассказа.

2-е. Сокращения и исправления, указанные г. Салтыковым до напечатания, прошу заявлять нам — и за сим присылать корректуру (третью, т. е. последнюю).

3-е. За часть, напечатанную уже в «Записках для Чтения», гонорарий не полагается, но взамен прошу, если возможно, приказать сделать *триста* (300) отдельных брошюрованных оттисков. — Кроме бумаги, это ничего не будет Вам стоить.

4-е. За ту часть романа, которая находится еще в рукописи, Вы уплатите по мере и окончании напечатания по пятидесяти рублей (50 р.) за печатанный лист.

Прошу Вас не замедлить обстоятельным и окончательным ответом на все вышеизложенные пункты, дабы я мог, не теряя времени, принять надлежащие меры для окончания этого дела.

Ф. Т.

8 ав<густа>

Как видно из письма, начало романа было уже напечатано в журнале «Записки для Чтения». То был эфемерный журнальчик, издававшийся литератором-предпринимателем К. В. Трубниковым при его же газете «Биржевые Ведомости». Окончание романа в ту пору не было еще дописано, так что судить обо всем произведении Некрасов не мог. Естественно, он не был расположен печатать этот враждебный направлению «Отеч. Зап.» роман. Но по соображениям тактического порядка Некрасов, для поддержания деловых отношений с Феофилом Толстым, затягивал дело, не давал определенного ответа и продолжал с величайшим терпением выдерживать атаки Феофила Толстого, которые становились всё яростнее. В сущности же, не могло быть и речи о том, чтобы «Отеч. Зап.» стали перепечатывать из мелких журнальчиков чуждые их направлению повести. Очевидно, 8 или 9 августа 1868 г. Некрасов уведомил Феофила Толстого, что он окончательно решил не печатать «Недоразумение» Данкевича.

Феофил Толстой ответил ему следующим письмом:

<11>

<После 9 августа 1868 г.>

Я хотел Вас предупредить, что в прошлом «Сов<ременном> обозрении» проскочили весьма неудачные фразы по поводу распоряжений княгини Гагариной, как-то: Испанские ветры, розовое масло и *не хочу мараться в этой грязи* и т. д.

Суть от этого не выигрывает, и от этого журнал получает колорит *задорный*, которого избегать следует.

Сожалею, что Вы *отклоняете* произведение, которое несравненно поэтичнее и обдуманнее, чем большинство печатаемых Вами «Решетниковых и Успенских». — Впрочем, о вкусах не спорят, и если «Недоразумение» (ныне совершенно оконченное и могу сказать *блистательно* оконченное) Вам в тягость, то <я> пошлю его к г. Каткову.

Если Вам угодно повидаться со мною в Царском, то я живу в Малой улице, в доме Саженова и всегда готов принять Вас с удовольствием.

Ф. Т.

В первых строках этого письма заключается отклик на «Современные заметки» Н. А. Демерта, помещенные в июльской книге «Отеч. Зап.» за 1868 г. Заметки эти были направлены против кн. Е. В. Гагариной, жены Архангельского губернатора, которую усердно прославляли местные «Губернские ведомости» за ее показную благотворительность. В одном из номеров этого казенного органа было сказано, что «благодаря материальной и нежной заботливости ее сиятельства приняты благодетельные меры для устранения самых причин бедности ‹...› Гуманное и экономическое значение проекта ее сиятельства вероятно оценит каждый, кто не настолько эгоистичен, чтобы смотреть равнодушно на поднятие уровня благосостояния ‹!› рабочего класса». Между тем в Архангельской губернии в то время был страшный голод, и «ее сиятельство» принимала все меры, чтобы задушить частную инициативу тех лиц, которые пытались помочь голодающим. Указывая на это, автор «Современных заметок» писал по поводу тех дифирамбов, которые расточались жене губернатора:

«Чтобы писать, как пишет редактор „Архангельских губернских ведомостей", для этого необходимо предварительно перо обмакнуть в розовое масло, бумагу обмазать медом и засыпать фиалками. Но, чтобы не мараться, лучше это дело оставить совсем».

На эти-то «задорные» строки Н. А. Демерта и указывает Ф. М. Толстой в первой части своего письма.

К тому времени, очевидно, обнаружилось, что начало «Недоразумения», напечатанное в «Записках для Чтения», было навязано этому журналу Феофилом Толстым при помощи такого же маневра, какой он применял и по отношению к Некрасову. Очевидно, Некрасов в своем письме от 8 или 9 августа намекнул на эти неблагоприятные слухи, причем сослался на мнение своих ближайших товарищей (Щедрина и Елисеева).

Тогда Феофил Толстой, — как это всегда бывало с ним в таких случаях, — принял вид оскорбленной невинности и обратился с сердитым письмом — на этот раз не к Некрасову, а к владельцу «Отеч. Зап.» А. А. Краевскому, обвиняя Некрасова в нарушении редакторской этики, а М. Е. Салтыкова и Г. З. Елисеева — в нежелании пустить в свою среду чужака-конкурента (!) и прозрачно намекая при этом, что ими якобы руководил в данном случае корыстный (!) расчет.

Но хотя Толстой адресовался к Краевскому, он, несомненно, знал, что письмо его прочтет и Некрасов. Из того обстоятельства, что это письмо обнаружено в архиве Некрасова, мы заключаем, что так и случилось: очевидно, Краевский тогда же передал его поэту, который и приобщил его к прочим письмам Феофила Толстого.

‹12›

‹После 9 августа 1868 г.›

Я ожидал, что сотрудники новой редакции «О‹течественных› З‹аписок›» окрысятся противу напечатания в их журнале произведения, лишенного всякой тенденциозности и не пропитанного грязным реализмом; но никак не ожидал, почитая их людьми честными, чтобы они снизошли до клеветы, для того, чтобы отделаться от произведения, не подходящего под их камертон.

На что это они намекают, говоря про «Биржевые Ведомости»? Неужели есть довольно подлые люди — для того, чтобы заподозрить меня в насилии?

Трубников наотрез отказался печатать продолжение романа, несмотря на условие, а разве я сделал какое-либо ему зло или даже прекратил мои с ним сношения? — Напротив, я постоянно старался быть ему полезным. — Что же касается до Некрасова, то я торжественно утверждаю, что я нисколько и не думал навязывать ему роман «Недоразумение» и признаюсь никак не могу себе объяснить, что могло послужить поводом к отмене объявленного уж мне и принятого мною решения не печатать роман в «От‹ечественных› Записках».

Некрасов, как честный человек, должен Вам засвидетельствовать, что я совершенно хладнокровно принял это решение и тотчас предложил роман Каткову.

Тут произошло что-то для меня необъяснимое. Я получил однажды записку от Николая Алексеевича, в которой он меня уведомляет, что по *изменившимся* обстоятельствам он желает оставить роман за собою и в тот же день я получил самый приветливый ответ из Москвы. — Я послал подлинное письмо Каткова Некрасову, прося его убедительно не стесняться данным им обещанием и разрешить мне отправить рукопись в Москву, но Николай Алексеевич настоятельно потребовал оставить рукопись за ним. — Вот точное и правдивое сказание о ходе этого дела. Я понимаю, что кружок писателей, кормящихся «От<ечественными> Записк<ами>», не хочет допустить в свои ряды не одношерстного им писателя — это *борьба за существование*, но непонятно, что Некрасов не раскусил своих сотрудников и не догадался, прежде чем вступить со мной в переговоры, до какой крайности может дойти злоба этих людей.

После категорического письма Николая Алексеевича, изображающего такими мрачными красками могущие произойти последствия от напечатания в «От<ечественных> Зап<исках>» известного романа, мне остается только попросить немедленно возвратить рукопись и считать это дело поконченным.

Что же касается до задатка, то автор возвратит его при получении им денег от редакции, в которой напечатается роман.

Весь Ваш Ф. *Толстой*

P. S. Письмо Некрасова возвращаю.

Очевидно, Некрасов, не желая ссориться с влиятельным цензором, попытался в специально написанном с этой целью письме смягчить причиненную тому неприятность. Это явствует из следующего ответа Феофила Толстого:

<13>

<После 9 августа 1868 г.>

Верю, что если бы дело вполне зависело от Вас лично, то ничего неприятного для моей личности не было бы, а потому, как мне ни горестна вся эта мрачная *историйка*, мои отношения лично к Вам не изменятся.

Рукопись я пошлю в Москву — и по получении ответа уведомлю Вас о последствиях.

Ф.

Следующее письмо Ф. Толстого связано с очередной, девятой, книгой «Отеч. Зап.» за 1868 г. Имея в виду предстоящее рассмотрение книги на заседании Совета Главного управления по делам печати и желая заранее узнать возможные результаты этого рассмотрения, Некрасов обратился к Феофилу Толстому с просьбой «высказать откровенно» его впечатление от книги. Опасения Некрасова имели достаточно оснований и, как мы увидим, в значительной мере оправдались.

Ф. Толстой признал эту книгу «вредной». Особенно опасной показалась ему щедринская сатира: очерк «Легковесные» (из цикла «Признаки времени» — без подписи) и два фельетона из цикла «Письма о провинции» (четвертое и пятое — за подписью: Н. Гурин). В этих трех статьях наступившая послекаракозовская эпоха характеризовалась как торжество «легковесных шелопаев», занявших все командные посты государственного управления в атмосфере усилившейся крепостнической реакции. Как совершенно правильно угадал Ф. М. Толстой, под «фразистыми каплунами» Щедрин разумел либеральствующих администраторов предыдущей эпохи (типа «Виляевых», т. е. подобных министру внутренних дел

П. А. Валуеву, который незадолго до того был уволен в отставку), под «историографами» — губернаторов прежнего времени и т. д.

Традиции «Современника» воскресли, по мнению Ф. М. Толстого, также и в статье А. М. Скабичевского «Русское недомыслие», где тургеневскому роману «Отцы и дети» было дано такое же толкование, какое на страницах «Современника» в 1862 г. давал ему критик М. А. Антонович. Ф. М. Толстой очень верно выражает в своем письме отношение цензурных властей к М. А. Антоновичу, называя его страшнопамятным: теперь нам известно, что, когда Некрасов хлопотал о реорганизации «Отеч. Зап.», ему было предъявлено требование не допускать в редакцию Антоновича и даже не печатать его статей. Но на смену «страшнопамятному» Антоновичу пришел Скабичевский, повторивший в своей статье те же упреки Тургеневу, с какими обращался к нему Антонович в своем знаменитом памфлете «Асмодей нашего времени».

Словом, в девятой книге Ф. М. Толстой не без злорадства нашел достаточно материала для характеристики «политической неблагонадежности» редакции «Отеч. Зап.». Прочитав эту девятую книгу, он решил на ближайшем же заседании Совета выступить с заявлением о том, что редакция «Отеч. Зап.» продолжает преступную деятельность «Современника», закрытого по распоряжению царя.

Об этом своем выступлении он и предупреждает Некрасова:

〈14〉

〈8—10 сентября 1868 г.〉

Пусть грозный наш сатирик причислит и меня к категории легковесных или пожалуй даже к категории фофанов, но я все-таки по данному мною Вам обещанию обязан высказать откровенно впечатление, произведенное на меня 9 № «От〈ечественных〉 Зап〈исок〉».

Получив только вчера вечером новую книжку, я еще не успел прочитать ее от доски до доски, но уже вкусил достаточное количество сочной этой пищи, дабы не сомневаться, что она изготовлена наилучшими Вателями* бывшего «Современника».

Достопочтеннейший сатирик Щедрин выступает в этом № во всеоружии прежней иносказательной и ядовитой своей речи, а Скабичевский сильно отзывается страшнопамятным Антоновичем.

Статьи под заглавием «Легковесные» и «Письма из провинции» (очевидно, одного и того же пера) напоминают бывшую междустрочную подцензурную литературу, когда под именем Смокгольского барона и некоего Карла Ивановича подразумевались совсем другие личности.

Не нужно большой проницательности, чтобы догадаться, что под эпитетом фразистые каплуны подразумеваются Виляевы, сошедшие с политической арены, — и следов〈ательно〉 «легковесные фофаны и губ〈ернские〉 историографы» суть не что иное, как новейшие административные и политические деятели... Отговориться тем, что тут речь идет о пустозвонах бомонда и всякого рода безвредных шелопаях невозможно — потому, что автор сам называет их «современными властителями наших дум» и приписывает им громадное, неотразимое, так сказать, значение, выражающееся реакционным восклицанием: поддавай! натягивай! подбирай! Ведь не излеровские же шелопаи придумали подобный лозунг? О подобной выходке пустоголовых и говорить бы не стоило. Следовательно желчный сатирик бьет именно на то, чтобы читатели уразумели, что все руководители общественного и государственного строя суть не что иное, как «легковесные и фофаны». — Подобное обобщение по меньшей мере несправедливо и, по моему крайнему уразумению, не совместно с достоинством политической прессы наших времен. — Как ни ограничено еще печатное слово, но все же закон

* Примеч. ред.: Ватель — знаменитый французский повар XVIII в.

6-го апреля предоставляет право обсуждать и законоположения и правительственные распоряжения — и вследствие этого, не прибегая к иносказательным памфлетам, писатель может указать с пользой и на злоупотребления и на недостаток законоположений.

Я не предлагаю Вам сделать какое-либо изменение в статьях Щедрина-Гурина — это ни к чему не поведет — и не предлагаю Вам исключить их вовсе — так как это будет чувствительно издательскому Вашему сердцу; но я по долгу совести должен Вас предупредить, что статьи эти будут заявлены Совету и внесутся в послужной список Вашего журнала. Сколько я понимаю дело, это еще не подаст повода к каким-либо карательным мероприятиям, но, вероятно, отсрочит на долгое время разрешение единоличной самостоятельной Вашей редакции.

Относительно статей Скабичевского скажу Вам, что эти статьи дельные, но преждевременны. Вы слишком поторопились. — Вам следовало бы упрочить гражданское Ваше положение и доказать на деле, что основные принципы «Современника» были превратно истолкованы, и тогда уж приняться за реабилитацию новейших деятелей. Статья же «Русское недомыслие» сразу высоко подымает прежнее знамя «Современника», спущенное по высочайшему повелению, и гордо и с презрением отзывается о всех людях, не разделяющих воззрения людей, заподозренных в неблагонамеренности. — Повторяю, что это преждевременно и — в настоящем положении дела — блистательная диалектика возмужалого Антоновича, т. е. Скабичевского, поведет только к неблагоприятным для Вашего журнала заключениям.

Я высказал Вам свое воззрение, а там как угодно — и что бог даст!

〈Без подписи〉

В письме чувствуются следы озлобления, вызванного отказом Некрасова напечатать роман Данкевича. Отметим раньше всего указание Ф. Толстого на то, что, напечатав в своем журнале такое количество «ядовитых» статей, Некрасов уже не может рассчитывать на его поддержку в деле освобождения «Отеч. Зап.» от обременительной опеки Краевского. Зная, как упорно добивался Некрасов, чтобы ему разрешили единолично редактировать этот журнал, Феофил Толстой предупреждает его, что все его хлопоты по этому делу будут теперь безуспешны.

Как известно, Феофил Толстой не ограничился одними угрозами. На очередном заседании Совета (17 сентября 1868 г.) он сделал официальное заявление по поводу девятой книги, в котором обвинил журнал в «тесном сродстве с прекращенным по высочайшему повелению „Современником“», т. е. раскрыл политическое направление нового некрасовского издания, определив его как орган революционной партии.

Должно быть, именно о таких поступках Феофила Толстого Щедрин говорил: «Феофилка гадит!», а Елисеев не без брезгливости повторял поговорку: «Бог не выдаст, Феофилка не съест!»

Доносительное выступление Ф. Толстого в Совете (оно повторяло в расширенном виде содержание вышеприведенного письма его к Некрасову) завершилось, однако, совсем не вытекавшими из него практическими предложениями.

В заключительной части своего заявления Ф. Толстой, в полном противоречии с только что сформулированными им обвинениями, предлагал «на этот раз ограничиться словесным внушением ответственному редактору, с объяснением ему вышеуказанных соображений». Более того, он закончил свое выступление такими словами, призванными отвести от редакции им же занесенный удар: «Зная по опыту, как внимательны гг. Краевский и Некрасов к делаемым им указаниям наблюдающим членом, — я убежден, что означенное внушение принесет желаемый плод и удержит редакцию „Отеч. Зап.“ от дальнейших уклонений» [54].

Однако «дальнейшие уклонения» продолжались. Продолжалась и двурушническая деятельность Ф. Толстого.

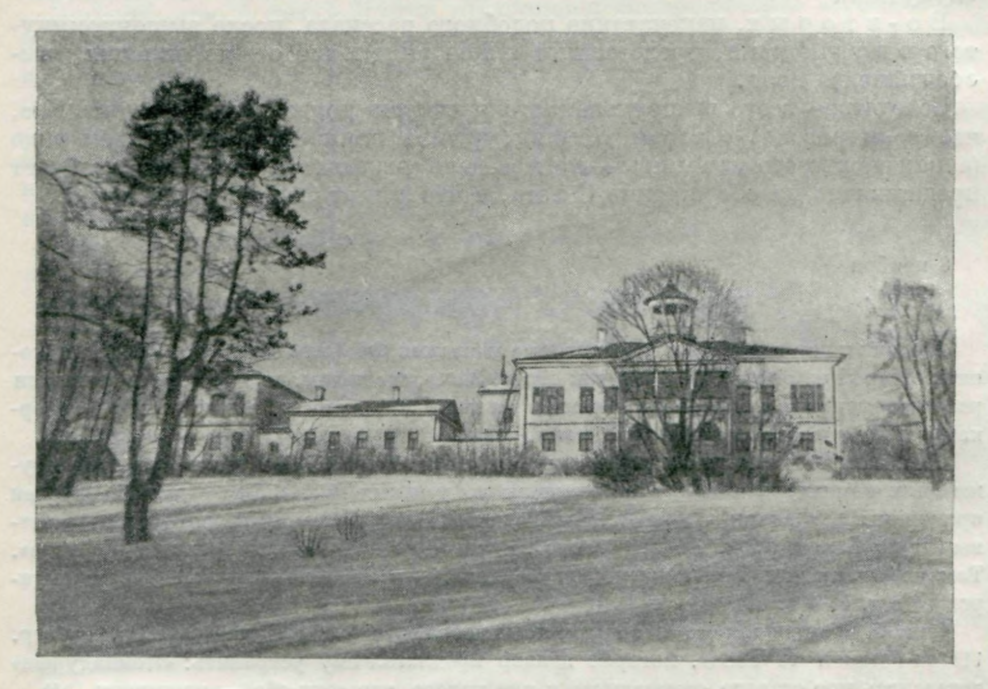
Его следующее письмо целиком посвящено разбору «Старой помпадурши» Щедрина, предназначенной для напечатания в ноябрьской книге «Отеч. Зап.» за 1868 г. Щедринская сатира вновь привлекла неодобрительное внимание Ф. Толстого.

⟨15⟩

⟨8 ноября 1868 г.⟩

«Старая Помпадурша» погрешает тем, во-первых, что это есть не что иное, как памфлет, написанный с целью осмеять, уязвить и опозорить личности, весьма хорошо известные в той местности, которую хотел описать автор (чуть ли не Рязанскую губер⟨нию⟩).

Во-вторых, юмористический рассказ этот тем более неудобен, что из числа лиц, опозоренных в нем, выставлены на показ два начальника

ДОМ НЕКРАСОВА В КАРАБИХЕ
Фотография А. В. Попова, 1935 г.

губернии, под смешным названием помпадуров, и для того, чтобы было ясно как день, что это губернаторы, а не какие-либо ⟨другие⟩ высокопоставленные и влиятельные губернские личности,—автор окружил их всеми губернаторскими атрибутами, как-то полицмейстером, чиновниками особых поручений и пр. и пр. и даже назвал Губернским правлением место их служения.

Это заставляет меня предполагать, что ответственный редактор «Отечес⟨твенных⟩ Записок» de jure, т. е. по закону, не сообщил Вам сущность недавно сделанного по В⟨едомству⟩ п⟨ечати⟩ внушения всем редакторам периодических изданий.

Сущность этого внушения заключалась в приглашении гг. редакторов соблюдать в отзывах о высших административных лицах, поставленных во главе управления доверием Г⟨осударя⟩ И⟨мператора⟩, крайнюю осмотрительность. — Нет сомнения, что к категории означенных лиц принадлежат губернаторы, так как они назначаются именными указами и боль-

шей частью (в особенности из военных) личною инициативою Е⟨го⟩ В⟨еличества⟩.

Следов⟨ательно⟩ рассказ «Старая Помпадурша» представляет двойное нарушение: *во-первых*, противу ст. 10-й IV отдела закона 5-го апреля, равно как и противу 11-й ст⟨атьи⟩ того же отдела, в которых сказано между прочим, что виновные подвергаются таким-то взысканиям (ст⟨атья⟩ 10) за всякое оглашение такого обстоятельства, которое может повредить *чести, достоинству или доброму имени* должностного лица, а на стр⟨анице⟩ 117 рассказа сказано, что второй помпадур был женат и имеет детей, следо⟨вательно⟩ прелюбодействовал, имел любовницу; а в 11-й ст⟨атье⟩ указаны взыскания за всякий оскорбительный отзыв, заключающий в себе злословие или брань. (Кроме смешного прозвища помпадур, на стр⟨анице⟩ 115 сказано, что оба губернатора были глупушки).

Во-вторых, напечатание подобного рассказа, после вышеупомянутого *внушения*, представляет явное уклонение от исполнения выс⟨очайшей⟩ воли.

Вследствие всего вышеуказанного я считаю долгом предупредить Вас, что если рассказ «Старая Помпад⟨урша⟩» появится в настоящем виде (а как можно его изменить — не мое дело указывать), то статья эта будет представлена на обсуждение Совета, а что решит Совет — я не знаю.

⟨Без подписи⟩

8 ноября
1868 г.

Щедрин принял к сведению некоторые указания Феофила Толстого. Сверяя рукопись «Старой помпадурши» с текстом «Отеч. Зап.», мы видим, что на всем протяжении рассказа сатириком тщательно убраны *прямые* намеки на то, что помпадур — губернатор и что дело происходило в Рязани.

Так, «Олег рязанский» заменен «князем Олегом» (стр. 109), и все должности окружающих помпадура чиновников снижены до уездных масштабов: становой заменен приказным, исправник — квартальным, а кое-где и подьячим, полицеймейстер — частным приставом и проч. Вместо «глаза целого *края*» — «глаза целого *города*». Там, где в рукописи было сказано: «в губернии», — в журнале напечатано: «в командировке» и т. д. и т. п.

Однако Щедрин далеко не во всем последовал советам Феофила Толстого. На стр. 115 он оставил те слова, которые цензор предлагал ему устранить: «Помпадурша» догадалась про старого «помпадура» и про нового, что «они оба — глупушки...»[54].

Следующие три письма Феофила Толстого посвящены его заметкам о музыке, которые Некрасов был вынужден помещать время от времени в «Отеч. Зап.». Они печатались без подписи автора: в ноябре 1868 г. — «Русская опера», в декабре — «Музыкальное обозрение», в январе 1869 г. — «Петербургские театры». Нельзя сказать, чтобы редакция журнала относилась с большим уважением к этим принудительным статьям. Она сокращала и правила их, стараясь хоть немного вытравить из них тот специфический дух, который был присущ фельетонным статьям Ростислава. Но, несмотря на все ее усилия, статьи эти плохо вязались с общим тоном «Отеч. Зап.». Так, например, в статье «Русская опера» Ф. М. Толстой по своей старой привычке рекламирует себя самого, сообщая читателям, что в газете «Голос» «господин Ростислав» дал совершенно верную оценку оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин», а в «Музыкальном обозрении», рассуждая о трех артистках, исполнявших заглавную роль в оперетке «Прекрасная Елена», отмечает с меланхолическим вздохом, что «тип русской кокотки еще не выработался, чему причиной сильная конкуренция на этом поприще иностранок — главным образом француженок и немок»[55]. Все это было в таком вопиющем противоречии с традициями обоих журналов Некрасова, что только крайней необходимостью поддержания деловых связей с влиятельным цензором можно объяснить появление столь неподходящих статей на страницах «Отеч. Зап.». Некрасов переделывал и урезывал эти

статьи, пытаясь придать им хотя бы нейтральный характер, что всякий раз вызывало бурные протесты со стороны Феофила Толстого, на которые, как явствует из публикуемых писем, Некрасов не обращал никакого внимания.

<16>

<Декабрь 1868 г.>

Кто-то поусердствовал над «Музыкальным обозрением» и поусердствовал, признаться сказать, весьма неудачно.

Так, например: выключена характеристика действия на непривычных слушателей крепчайшей, т. е. немецкой, музыки — отчего вся пикантность сравнения пропала. В характеристике немецкой Елены выкинута главная черта немецкой женщины: полнейшая бесцеремонность глаз на глаз и цирлих манирлихкейт при людях.

Наконец, про болезнь Лукки пропущено: «непрошенные ласки нашего Мороз красный Нос» и след<овательно> ничего почти не сказано, тогда как в «Современных Заметках» указано для подробностей о болезни на «Музыкальное Обозрение».

Для чего это делается? Не могу понять: если для сокращения числа строк — то лучше это делать по взаимному соглашению — потому что автор многими строками может всегда пожертвовать — но никогда не исказит главного, т. е. самую суть.

Ныне же посняты блестки — и этим дело в конец изгажено — по необъяснимому капризу.

Я говорю это для Вашей же пользы — а по мне все равно.

Ф. Т.

P. S. Я только успел пробежать «Обозрение» — увидим, что будет далее.

Следующие два письма вновь посвящены его «жалобам на редакторское «самоуправство» Некрасова. В первом из них он, юродствуя, уничижительно пишет о себе в третьем лице как о малоизвестном и скромном «поставщике „Отеч. Зап.“ по отделу музыкальных обозрений».

<17>

<29 января 1869 г.>

Драгоценнейший для русского сердца из современных поэтов и многоуважаемый Николай Алексеевич!

Поставщик «Отеч<ественных> Записок» по отделу музыкальных обозрений, не дерзая обратиться прямо к Вам, по случаю скромного его литературного положения и личной малоизвестности, просит меня изложить Вам нижеследующие, шопотом высказанные сетования.

По настоящее время он (т. е. обозреватель) поставил Вам три статьи. Первая прошла благополучно; вторая искажена совершенно и как будто с умыслом; в третьей сделаны исключения и вкралась такая опечатка (оставленная без поправки вопреки Вашему обещанию), что нельзя понять мысль злополучного обозревателя (а именно, вместо «настало веяние национальности», напечатано «настали всякие национальности»).

Поставщик Ваш поручил мне почтительнейше доложить Вам, что он поставлен в совершеннейший тупик сделанными в третьей статье исключениями. По его крайнему убеждению, в статьях, предназначенных для «Отеч<ественных> Записок», могут подлежать исключению только такого рода воззрения и фразы, которые прямо идут вразрез с основными принципами этого периодического издания. Так, например, следовало бы исключить, если бы сотруднику Вашему вздумалось бы восхвалять кре-

постничество или порицать выборное начало или утверждать, что только *белая дворянская кость* может производить на свет людей даровитых.

В Вашем журнале есть также тенденция, проявившаяся с некоторых пор, а именно: крайнее *презрение*, доходящее почти до ненависти ко всему русскому, вероятно оправдываемое знаменитым Вашим изречением о Гоголе:

И как любил он — ненавидя.

Но это не есть основной принцип, а напускное и, надеюсь, преходящее воззрение, — а между тем по милости этого воззрения Вы исключили целую тираду в три полулистика, начинающуюся словами: «Пока русское общество в полном своем составе не проникнется до мозгу костей чувством собственного национального достоинства, до тех пор русское искусство останется в принижении». Засим выпущено все описание, как несчастные наши хористы, прозубрив немецкого «Лоэнгрина», ходили повеся голову, и как они встрепенулись, услыхав знакомые русские мелодии, и какую горячую овацию устроили они чеху Направнику на репетиции[57]. Все это написано было не без умысла, но как наглядное доказательство, что действительно в некоторых слоях русского общества настало вновь *веяние* национальности.

Исключение это сделано, я полагаю, вследствие вышеупомянутого *напускного* воззрения и в таком случае имеется еще некоторый резон. Но, спрашивается, по какому поводу вычеркнуто (на стр. 22 рукописи) известие о том, что Берлиоз был выписан в Петер<бург> иждивением Елены Павловны[58] и что Даргомыжского кружок оказал ему самую утонченную, сочувственную внимательность? — Отчего (на стр. 29) исключено замечание о странном способе утешения Минина и далее о несообразности разглагольствования крестьян, в то время, как беззащитный незнакомец подвергается нападению разбойников.

Зачем исключено сказанное на счет ситуации в девичьем хоре 3-го действия (стр. 31) и пр. и пр.

Вы говорите, что «*обозрение*» — не повесть, а потому и нечего стесняться помарками. Но повесть можно скрасить и слогом, и описанием, и занимательнейшими похождениями, а здесь все дело в сгруппировании фактов, в уменьи распределить их, в кой-каких *штрихах*, придающих фактам некоторую рельефность.

Забудьте на минуту, что Вы — Юпитер Громовержец или полный властелин демократического царства, именующегося «От<ечест>венными Зап<исками>», и поставьте себя на место *малоизвестного* писателя.

Как бы Вас покоробило, если бы вздумалось кому-либо исключить из Вашей поэмы троекратно повторяемые одиннадцать стихов:

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику и пр. и пр.

Стихи эти повторяются три раза: в экспозиции, во время драки и при встрече с попом. — Усердному *вычеркивателю* могло бы показаться это повторение излишним, а между тем это не что иное, как усиление *аккорда* и развитие гармонии, т. е. прием, употребляемый во всех художественных музыкальных произведениях, что необходимо и в поэме, так как поэтическая форма, известная под названием поэмы, есть нечто среднее между музыкой и словом. *В поэме* сочетается *гармония звуков с мыслью*; и если нечуткий человек выкинет из нее хоть одну строку, то он может, и не догадываясь о том, нарушить весь гармонический строй.

Весьма может быть, что суровым реалистам покажется излишнею чудная картина на стр. 214 — «Мужики спросили попа — поп отвечал, чего же больше! скажут вероятно реалисты, а тут какие-то тучи повисли до земли, да с золотыми нитками развешены мотки». На их вкус — оно, пожалуй, что и излишне, да для нас-то, чутких людей, это уж крайне обидно было бы...

Вообще непонятно, как это есть люди, которые решаются обходиться так без церемонии с трудом, с мыслью и самым достоинством другого человека. А тут есть еще какие-то Разгуляевы, осмеливающиеся

ИЗДАНІЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВОЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.

ПИРЪ НА ВЕСЬ МІР

СОЧИНЕНІЕ

Н. НЕКРАСОВА.

(Глава изъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо“, вырѣза
цензурой изъ ноябрской книжки „Отечественныхъ Запи
за 1876 г.; дополнена по рукописи автора).

цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1879.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

„Земля и Воля“ № 4 — — — 25 коп.
„ „ „ № 5 — — — 25 „
Прибавленіе къ № 4 „З. и В.“ — — 10 „
Листокъ „З. и В.“ № 1 — — — — 5 „
„ „ „ „ № 2—3 — — — — 10 „
Записка м. ю. Палена (по поводу измѣненія подсудности дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ). 1878 г. — — — — 5 коп.
Отчеты о засѣданіяхъ особ. прис. правит. сената по Большому процессу. 1878. (брошюрованные экземпляры). — — — — — — — — 3 руб.
Докладъ комисіи совѣта С.-П.-Б. Унив. по поводу Записки орд. проф. А. С. Фаминцына. 1879 г. 10 к.
Рѣчь Петра Алексѣева 1878 г. — — 5 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 3
и
ЗА-ЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ
къ русскому обществу отъ политическихъ каторжниковъ.
(второе изданіе.)

ВСКОРѢ ВЫЙДЕТЪ
„ОТЪ РЕАЛИСТОВЪ КЪ ОБЩЕСТВУ“.

Петербургская Вольная Тип. 16 декабря 1879.

НЕЛЕГАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМЫ «ПИР НА ВЕСЬ МИР», 1879 г.
Обложка книги (первая и последняя страницы)
Центральный исторический архив, Москва

провозглашать, что какие-то власть имущие лица употребляют во зло официальное свое положение для того чтобы навязывать журналистам свои произведения. — Да в западной журналистике и с грошевыми сотрудниками так бесцеремонно не обходятся, как у нас с людьми наторелыми!

Поставщик обозрений поручил мне поблагодарить Вас за своевременное уведомление о непотребности статьи к февральской книжке — впрочем, он не намеревался приступить к писанию, не получив от Вас нового формального заявления, что в статьях его не будут вычеркивать того, что нейдет прямо вразрез с основными (вышеизложенными) принципами издаваемого Вами журнала.

Весь Ваш Ф. Т.

29 янва<ря> 1869 г.

Некрасов, видимо, сразу же написал Ф. Толстому, и тот ответил на это неизвестное нам письмо:

<18>

<Февраль, 1869 г.>

Оказывается, что я решительно не умею выяснить свою мысль — или Вы не хотите меня понять.

В статьях, представляемых в Ваш журнал, Вы имеете полное право вычеркивать то, что идет вразрез с основными принципами журнала, но я восстаю только против произвольных исключений без обоюдного согласия.

Часто можно пожертвовать целыми страницами и крепко держаться за одно слово; и мне кажется, что когда автор под рукою, то подобное соглашение не представляет ни малейшего затруднения.

Я знаю, что Вы не нуждаетесь в моем писании, но зачем же нам расставаться, если так легко устроить дело ко взаимному соглашению. — О Даргомыжском писать теперь мне некогда, и я напоминаю Вам только, что не худо было бы, говоря о театрах, сказать несколько слов о понесенной утрате русским музыкальным миром [59].

Во всяком случае, остаюсь душевно преданный и любящий Вас

Ф. Т.

P. S. Кстати: куда девалась рукопись известного Вам романа? Звонарев брался печатать на свой страх и на известных условиях, на которые автор соглашался. — За чем же дело?

Но долго выдерживать один и тот же стиль в отношениях к людям он никогда не мог, именно в силу шаткости своей психологии, и в следующем же письме его укоризненный и жалобный тон сменяется развязно-игривым.

<19>

<Начало лета 1869 г.>

Я не понимаю, «какая кошка пробежала между нами», любезнейший и драгоценнейший Николай Алексеевич!

Три раза был я у Вас — и каждый раз просил сказать Вам, что очень желательно с Вами повидаться. — Но увы! Ни ответа, ни привета нет от Вас!

Чем тебя я огорчила,
Ты скажи мне, ангел мой!

Я уже собирался положить эти стихи на новую музыку и препроводить к Вам вместо послания, но сообразил, что, вероятно, никто из Ваших сотрудников не занимается презренною музыкою и не сумеет пропеть гениального моего сочинения.

Вот зачем я так настойчиво посещал Вас. Помимо удовольствия повидаться с Вами и перекинуться словечком — другим, я хотел узнать, что такое приключилось с известной Вам рукописью.

Птенец мой беспокоится. Авторское его самолюбие жестоко страдает. Первый труд дорог авторскому сердцу, и жаль видеть огорчение (притом совершенно напрасное) молодого человека.

Куда же в самом деле могла деваться рукопись?

Звонарев хотел печатать ее на свой страх, след<овательно>, Вы ничем себя не компрометируете, — и наконец — если Вы не желаете даже и того, чтобы роман печатали у Звонарева, — то и это можно уладить иначе — след<овательно>, за чем же дело?

Ваш Ф. Толстой

Очевидно, после вторичного и окончательного отказа Некрасова напечатать повесть «Недоразумение» в «Отеч. Зап.» Ф. Толстой, вопреки своему заявлению, что он считает это дело «поконченным» (см. выше письмо 12), вновь обратился к Некрасову, прося его посодействовать напечатанию рукописи хотя бы у С. В. Звонарева. Не здесь ли объяснение развязно-приятельского тона, которым проникнуто это письмо?

Некрасов, по всем вероятиям, счел себя вынужденным согласиться на просьбу Феофила Толстого и даже предложил уплатить автору ту неустойку из собственных средств, которую предлагал раньше (см. письмо 5). Кроме того, он, видимо, выразил готовность взять на себя половинную долю расходов по изданию этой книги. Обо всем этом свидетельствует следующая недатированная записка Феофила Толстого:

⟨20⟩

⟨Начало лета 1869 г.⟩

Неустойку я почитаю излишней по изложенным причинам, никому при этом, равно и расходы пополам не могу принять на том же основании.

На прочее согласен. Подпись ⟨?⟩ и условия будут подписаны когда угодно.

⟨Без подписи⟩

1869 год оказался периодом наиболее близких деловых отношений Феофила Толстого с Некрасовым, когда он действительно мог притязать на некоторое благорасположение поэта, так как именно с этого времени окончательно сделался его послушным агентом по охране «Отеч. Зап.» от всяких цензурных напастей. Из месяца в месяц на всех заседаниях Совета он выступает защитником каждой книги журнала, в качестве официально приставленного к нему наблюдателя.

Когда, например, цензор Н. В. Лебедев возбудил вопрос о судебном преследовании октябрьской книги журнала, где Г. З. Елисеев в обширной статье требовал хотя бы частичного освобождения печати от цензурного гнета, Феофил Толстой заявил в своем отзыве:

«... Непоследовательные разглагольствования автора означенной статьи никакого вреда принести не могут»[60].

В 1869 г. он не только не повторяет своих прошлогодних указаний на преемственную связь обновленных «Отеч. Зап.» со с т р а ш н о п а м я т н ы м «Современником», но, напротив, указывает, вопреки очевидности, что связь эта уже порвалась: «В отзывах моих за прошлый год ⟨...⟩ я находил, что в „Отечественных Записках" начинало в то время проглядывать тесное их родство с бывшим „Современником". В текущем году сатирический тон ⟨...⟩ уступил место более сдержанному направлению»[61].

Здесь было сознательное искажение истины, так как именно в 1869 г. «Отеч. Зап.» стали гораздо смелее в пропаганде революционных идей, — и можно не сомневаться, что это дезориентирующее власти показание в пользу журнала было дано Феофилом Толстым по внушению Некрасова и Щедрина.

С тем же неослабным усердием исполнял он в 1869 г. и обязанности домашнего цензора «Отеч. Зап.», просматривая корректуры каждой книги и заранее предупреждая редакцию о необходимости изъять или ослабить наиболее опасные места печатавшихся там произведений.

Возможно, что именно об октябрьской книге «Отеч. Зап.» за 1869 г. идет речь в следующем письме Феофила Толстого:

⟨21⟩

⟨17 сентября 1869? г.⟩

Драгоценнейший Николай Алексеевич!

Чудес совершать я не могу и рассмотреть в с ю книгу в несколько часов не в состоянии.

К тому же сегодня день имянинниц Веры и прочих, и я буду порхать.

Впрочем, надеюсь, что все обойдется благополучно.

Ф. Т.

Так как Веры по православному календарю бывали именинницами 17 сентября, мы датируем письмо этим днем, оставляя годовую дату под вопросом.

Иногда для прикрытия своей двойной игры Ф. Толстой выступал в Совете с выпадами против той или иной слишком «задорной» статьи, напечатанной в «Отеч. Зап.», но тут же сообщал по секрету тем, против кого выступал: «Есть повод надеяться, что заявление мое не поведет к каким-либо карательным мерам».

При этом он старался услужить не только Некрасову и Щедрину, но и владельцу «Отеч. Зап.» А. А. Краевскому, который, отдав свой журнал в аренду революционно-демократической «партии», старался, по мере возможности, обезопасить его при помощи неофициальных сношений с влиятельными представителями охранительных ведомств, в том числе и с Феофилом Толстым.

За все эти немаловажные услуги Феофил Толстой получил возможность печатать свои заметки о музыке в двух наиболее влиятельных органах: в «Отеч. Зап.» и в газете А. А. Краевского «Голос» [62].

Очевидно, типография А. А. Краевского, где печатались «Отеч. Зап.», стала посылать Феофилу Толстому оттиски корректурных листов по мере накопления материала. Он внимательно прочитывал листы и сообщал Некрасову о каждой странице, которая могла вызвать неудовольствие цензурного ведомства. Прочтя, например, февральскую книгу «Отеч. Зап.» за 1870 г., он послал Некрасову такое письмо:

⟨22⟩

⟨Февраль 1870 г.⟩

Типография продолжает потчевать меня *началами* без *конца*. Так читать и просматривать решительно нельзя. — Общего смысла не уследишь. — Вот и сегодня прислали окончание «Наших обществ⟨енных⟩ дел», а начало я просматривал третьего дни. — Как тут упомнить связь?!

Ваш сотрудник по части обществ⟨енных⟩ дел человек умный, но уж больно задорный. На стр⟨анице⟩ 371 он провозглашает, например: за то, что дашь оплеуху, всегда можно рассчитывать *на повышение* и что получив затрещину по лысине, можно занимать какую хочешь должность, хоть *предводительскую*. Скажите на милость, что же тут за прелесть? Ведь это вздор, который может только повредить серьезному журналу. Стоит ли рассчитывать на улыбку дюжины дураков!

Советую Вам перечитать внимательно статью о Герцене. — Тут столько *скрежета зубовного* и такое *прозрачное поклонение* перед авторитетом *великого человека*, что навряд ли это пройдет даром «От⟨ечественным⟩ Зап⟨искам⟩».

Прошу Вас возвратить мне помеченные карандашом листы, иначе мне придется все перечитывать от доски до доски, а Вы согласитесь, что это труд излишний.

Ф. Т.

В этом письме Толстой привлекает внимание Некрасова к двум местам ежемесячной хроники Демерта «Наши общественные дела», где под рубрикой «Судьи — драчуны и самодуры» было, между прочим, напечатано следующее: «оставаться на службе неудобно лишь тому из дерущихся, который получил пощечину, а тот, кто сам задает другим оплеухи, всегда может рассчитывать на повышение».

Против этой-то фразы и ополчился Ф. Толстой. Но Некрасов не принял во внимание его указаний: она полностью сохранилась в журнале [63].

Второе указание было более серьезно, — и редакция «Отеч. Зап.» не могла не считаться с ним. В той же общественной хронике Демерт попытался отметить недавнюю кончину Герцена. Либеральная и реакционно-охранительная печать откликнулась на это событие рядом статей, пытавшихся опорочить и снизить политическое значение великого революционера. Газеты изобразили его неплохим беллетристом, зря истратившим свое дарование на бесплодные революционные бредни. Против этих пошлых некрологов и выступил в своем февральском обозрении Демерт. Очевидно, вначале это вы-

ступление было гораздо более резким, о чем свидетельствует типографская внешность статьи: страницы 375 и 376 напечатаны разгонистее, чем все остальные — в них сделаны какие-то купюры, должно быть те самые, на которые указывал Ф. Толстой в вышеприведенном письме. «Преклонение перед авторитетом великого человека» было очень густо затушевано; осталась лишь такая концовка: «Каждый мыслящий и не боящийся высказать правду человек очень хорошо знает, что покойный Герцен представляет собой не только замечательного беллетриста, но просто исторический факт, которого впоследствии обойти будет невозможно»[64].

В том же месяце Некрасов просил Феофила Толстого высказаться о знаменитом предисловии Бомарше к комедии «Безумный день или Женитьба Фигаро», которую

УЛИЦА ДЕРЕВНИ ВЕЖИ, БЫВШЕЙ МИСКОВСКОЙ ВОЛОСТИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГДЕ НАХОДИЛСЯ ДОМ «ДЕДУШКИ МАЗАЯ»

Справа место, где стоял дом

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

редакция «Отеч. Зап.» намеревалась напечатать в новом переводе. Это предислови вполне соответствовало направлению «Отеч. Зап.», тем более, что в нем заключались беспощадные выпады против цензоров и царедворцев.

Феофил Толстой решил вопрос о печатании предисловия в отрицательном смысле, причем попытался прикрыть свое цензурное veto в высшей степени лицемерными доводами: будто всякий читатель «Отеч. Зап.» был обязан читать по-французски и знать Бомарше наизусть!

⟨23⟩

⟨12 февраля 1870 г.⟩

По личному моему убеждению, в предисловии Бомарше нет ничего не только противного законоположениям 6-го Апр⟨еля⟩, но даже и д р е в н е - п р о т и в о ц е н з у р н о г о. В литературно-историческом отношении предисловие это, конечно, представляет некоторый интерес, но в чисто литературном, мне кажется, — никакого. Автор, к о м м е н т и р у ю щ и й и восхваляющий собственное произведение, не может, по моему мнению, убедить в превосходстве своего творения. Это позволительно взбалмошному Ал⟨ександру⟩ Дюма, но недостойно автора «Женитьбы

Фигаро». След<овательно> навряд ли полезно будет воспроизведение в настоящее время на русском языке означенного предисловия, написанного, как говорят французы, «après» и объясняющие и оправдывающие <sic!> гениальное произведение, давно *понятое* всеми и каждым.

Впрочем, если Вы полагаете полезным напечатать в новом переводе комедию Бомарше, то для полноты издания предисловие это не излишне; но вот вопрос: своевременна ли подобная публикация? и уместна ли она будет при настоящих обстоятельствах и в Вашем журнале?

Я бы решил этот вопрос в отрицательном смысле, и вот по каким причинам.

Во-первых: каждый русский читатель, мало-мальски образованный и знающий французский язык, знает «Женитьбу Фигаро» наизусть не хуже «Горя от ума» — и следовательно, в переводе не нуждается.— *Во-вторых*: передать в точности, *без изменений* все тонкости речи Бомарше на русском языке — нет никакой возможности. — *В-третьих*: немыслимо выпустить что-либо из комедии, а между тем, при *деликатном* положении Вашего журнала, *тирада* насчет цензуры навряд ли будет удобна.

Все это представляю я на Ваше благоусмотрение, — для меня же лично весь интерес сосредоточен теперь на продолжении *поэмы* «*Кому вольготно* жить на Руси».

Примите уверение в совершенном почтении и пр<еданности>

Ф. Толстой

12 ф<евраля 1870 г.>

Особенно много усилий пришлось потратить Феофилу Толстому для спасения октябрьской книги журнала за 1870 г., так как сам начальник Главного управления по делам печати свиты е. в. генерал-майор М. Р. Шидловский нашел в этой книге несколько «вредных» статей и вознамерился объявить «Отеч. Зап.» предостережение. По этому поводу Феофил Толстой писал Некрасову:

<24>

<23 октября 1870 г.>

Сегодня по представлению Ц<ензурного> Комитета, сделанному на основании *грозного требования* известного Вам лица, будет решена участь 10 № «От<ечественных> Записок».

Вчера я проработал весь день, стараясь логически доказать несправедливость нареканий. — Что-то бог даст!

Заезжайте ко мне завтра, — но *как честного человека прошу Вас* никому не говорить о настоящем извещении — ни Краевскому, ни Елисееву, ни Салтыкову.

Вы можете испортить все дело...

<Без подписи>

«Известное лицо»—М. Р. Шидловский. Дата письма устанавливается на основании того обстоятельства, что в Совете Главного управления по делам печати обсуждение десятой книги «Отеч. Зап.» за 1870 г. происходило 23 октября.

Можно поверить Феофилу Толстому, что он действительно «проработал весь день», готовя защитительную речь.

Цензурный комитет счел особенно вредными четыре произведения, напечатанные в октябрьской книге: 1) «Очерки умственного развития нашего общества 1825—1860» А. М. Скабичевского, где в подзаголовке было указано, что в одной из дальнейших глав будет дана характеристика Герцена; 2) статью Н. К. Михайловского — «Вольтер-человек и Вольтер-мыслитель»; 3) «Соловьи», стихотворение Н. А. Некрасова и 4) «Наши общественные дела» Н. А. Демерта.

Этим-то четырем произведениям и посвятил Ф. Толстой свое выступление в Совете. По поводу некрасовских «Соловьев» он сказал, что «не находит решительно ничего

предосудительного» в них и что «ставить в вину поэту, что он приурочивает привольные рощицы, в которых нет для птиц ни сетей, ни силков, к таким идеальным местностям, в которых не было бы ни податей, ни рекрутчины,—значило бы налагать тяжелую руку на поэзию вообще»[65].

Про статью Михайловского выразился, что она «неуловима для судебного преследования», про статью Скабичевского — что она «не может служить поводом для предостережения» и т. д., и в заключение указал (опять-таки в интересах Некрасова), что направление журнала было бы гораздо умереннее <!>, если бы поэт был утвержден правительством в качестве ответственного редактора.

Как известно, Некрасов уже два с половиною года добивался именно этого утверждения.

В конце концов книга журнала была спасена.

Следующее письмо Феофила Толстого мы датируем 1871 г., так как оно написано по поводу стихотворения Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы», напечатанного в январской книге 1871 г.

<25>

<Январь 1871 г.>

Зайчики твои, Некрасов,
Лучше лакомых бекасов;
Читая их, я умилился —
И даже, ужас! прослезился!

Это может быть глупо, — но, увы! несмотря на постыдные мои старческие лета — я впечатлителен, как ребенок.

Малейшее проявление таланта, малейший запах поэзии подмывают меня как одного из Ваших зайчиков в водополье.

Может и невозможно то, что Вы рассказываете, но оторопелые Ваши зайчики так картинны, и добродушие дедушки Мазая — так трогательно, что я ощущаю непреодолимую потребность поблагодарить Вас от души.

Христос с Вами и да избавит он Вас от предостережений и других напастей.

<Без подписи>

Прошло несколько месяцев, и Ф. Толстой стал снова навязывать «Отеч. Зап.» чуждый им литературный материал: повесть «Светские люди» протежируемого им молодого автора Бутенева.

Как видно из печатаемого ниже письма, он начал с того, что заставил поэта выслушать несколько отрывков предлагаемой повести. Некрасов, особенно сильно нуждавшийся в то время в административной поддержке Ф. Толстого, был, очевидно, вынужден сказать о прочитанном несколько одобрительных слов и даже обещать, что он напечатает повесть в журнале. Вскоре после этого поэт уехал в Карабиху (писать первую часть «Русских женщин») и там получил от Феофила Толстого такое письмо:

<26>

<14 июля 1871 г.>

Я поджидал Вас в наши болота около 15-го текущего месяца, но узнал от А. А. Краевского, что Вы не будете сюда прежде начала августа.

Это меня сильно сконфузило и вот почему.

Повесть, о которой я говорил Вам и из которой я прочел Вам несколько отрывков, заслуживших Ваше одобрение, приведена к концу, и молодой автор надеялся сдать ее в редакцию до 1-го августа. Я же со своей стороны, зная Вашу обязательность, заверил его, что Вы без малейшего препятствия, получив оконченную рукопись, не откажетесь уплатить ему вперед причитающийся гонорарий по расчету.

Вследствие этого заверения он <т. е. автор> предположил предпринять в начале августа весьма интересное путешествие во внутрь Персии

при содействии и при руководстве одного из своих товарищей и приятелей, находящегося ныне в Тегеране при нашем посольстве.

Располагая значительными официальными сведениями по мало известной этой стране, вышеупомянутый приятель автора так хорошо ознакомит его с Персией, что наш молодой автор надеется написать об этом путешествии если не целую книгу, то по крайней мере ряд весьма интересных статей, которые, конечно, будут приняты редакцией «О<течественных> З<аписок>» с удовольствием.

Откладывать это путешествие было бы весьма прискорбно, потому что подобного случая в другой раз может и не представится. Вот почему я решился обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным поручить кому-либо выдать *под мою расписку тысячу рублей* авансу за предполагаемую к печати повесть. По приблизительному расчету повесть займет около 17 листов; предполагая, что к сокращению (на котором при свидании с Вами мы согласились) подойдут до трех листов — останется на чистоту 14, т. е. на сумму 1050.

Если Вы сделаете это одолжение для молодого моего *протеже*, то во всяком случае я ручаюсь Вам за исправность доставки рукописи, которую, по договору, желал бы вручить только лично Вам — по известным уже Вам соображениям.

Ручаюсь также, что продолжение повести не только не слабее, но значительно интереснее и лучше, чем читанные Вам отрывки.

С нетерпением ожидаю Вашего ответа.

Весь Ваш Ф. *Толстой*

14 июля
Царское Село

Адрес: в Царское Село, в Магазинной улице, дом Долговой.

Не получая от Некрасова ответа, Ф. Толстой отправил в Карабиху второе письмо, где пытался привлечь сочувствие Некрасова к повести тем, что эта повесть имеет якобы демократический оттенок, вполне соответствующий <!> направлению «Отеч. Зап.».

<27>

<21 июля 1871 г.>

Неделю тому назад, я писал Вам, что *известная Вам повесть* окончена, и просил Вас изыскать способ препроводить тысячу руб., так как молодой автор намерен в начале августа предпринять весьма интересное путешествие *в голодающую Персию*, при условиях и при обстановке, которые в другой раз и не встретятся, возможно.

Письмо это я имел, впрочем, неосторожность поручить милейшему нашему Андрею Алекс., который, по свойственному ему себялюбию, мало обращает внимания на исполнение поручений даже и тех людей, которые постоянно оказывают ему всяческую предупредительность.

След<овательно>, весьма может быть, что письмо это и не дошло до Вас, потому что я убежден, что Вы человек другого закала — и не оставили бы моего письма без ответа.

Настоящее мое послание я посылаю прямо в Ярославль (в Карабиху) и ожидаю Вашего ответа.

Вы неоднократно убеждались на деле, что художественный *чух* и литературный такт развиты у меня как нельзя больше. — Вы это говорили мне неоднократно. — Так поверьте мне и на этот раз. — Повесть, которую Вы приняли «buona fida», только на веру, вышла действительно весьма удачна. — В ней мастерски очертаны такие личности, которые еще не появлялись в современной литературе.

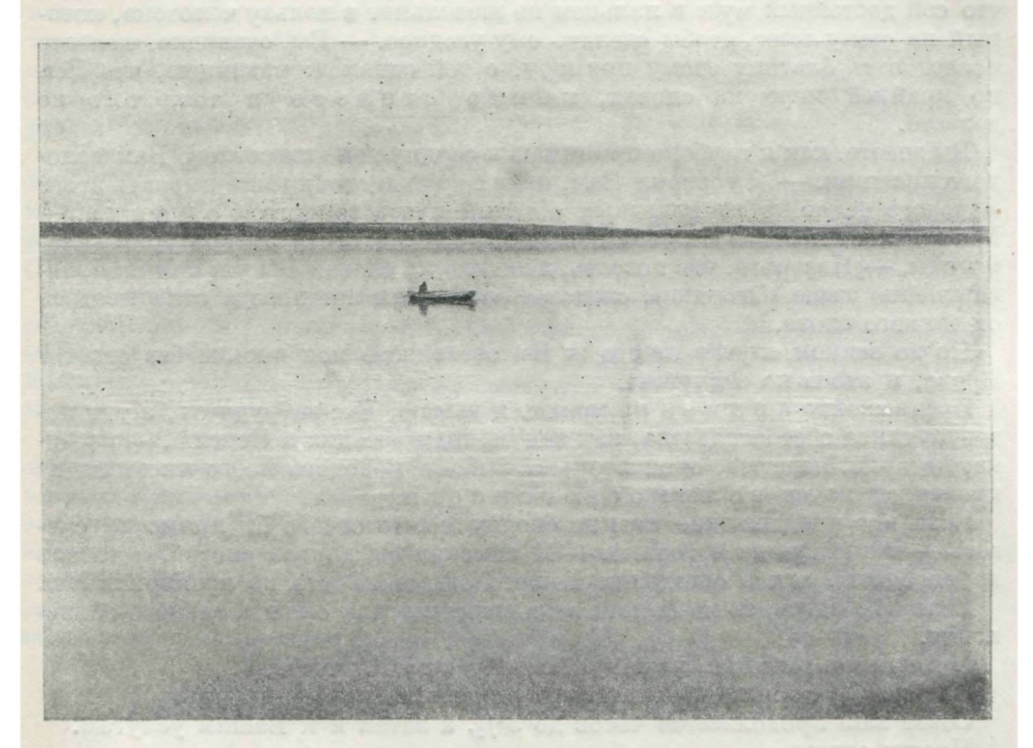
Это не те *светские люди*, которых выставлял Соллогуб, Панаев и tutti quanti. — Нет! — это люди нашего времени, т. е. люди, которые

волею неволею окрасились демократической краснотою, как окрашивается кусок белой материи, полежавший долго в одном сундуке бок о бок с куском красной материи.

Самая суть, т. е. у́ток материи, остается та же, но отлив другой.

Это придает большую пика́нтность этой повести. — Все эти люди чуют, что происходит что-то такое вокруг них, чего прежде не бывало.

Они не прочь потолковать о материях важных, не прочь умилиться пред несчастными, бедностью и необразованностью меньшей братии, но первоначальный у́ток остается все тот же, и при малейшем дуновении прежней светской жизни их так и относит в сторону. — Для этого доста-

ВОЛГА ПРОТИВ БАБАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ. МЕСТА, УПОМЯНУТЫЕ В СТИХОТВОРЕНИЯХ «НА ВОЛГЕ» И «ГОРЕ СТАРОГО НАУМА»

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

точно смазливого, но непременно элегантного, личика, салонного сборища, страусовского вальса и тому подобного.

Для того чтобы описать это как следует, нужно было проникнуться до мозга костей духом салонной жизни — и разочароваться до глубины души, убедившись пустошью подобной жизни.

К тому же в этой повести есть столько местного колорита, что невозможно сомневаться, что она написана здесь, а не в каком-нибудь Баден-Бадене.

Вследствие всего вышесказанного, я смело скажу, что Вы будете раскаиваться, если эта повесть не попадет в «От⟨ечественные⟩ Записки».

Ф. Толстой

21 июля

Адрес: в Царское Село, в Магазинной улице, дом Долговой.

На оба последние письма (от 14 и 21 июля) Некрасов ничего не ответил. Через несколько дней Ф. Толстой обратился к нему с новым письмом, где, в качестве нового довода в пользу печатания «Светских людей», указал на... необходимость вырвать их автора «из холодных объятий пустозвонного бомонда», — как будто «Отеч. Зап.» издавались Некрасовым для такой благотворительной цели!

<28>

<27 июля 1871 г.>

Два письма мои Вы оставили без всякого ответа. — Из этого следует заключить, что Вы, почтеннейший Николай Алексеевич, человек одного закала с госп<оди>ном Вашим Андреем Первозванным[66]. — Известно, что сей достойный муж и пальцем не шевельнет в пользу человека, который на стену лезет, чтобы сделать ему угодное. — Вы, очевидно, желаете последовать благому этому примеру, с той однакож разницею, что Вы, по крайней мере на словах, мягко стелете и тоже того не делаете.

Вы знаете, как я глубоко принимаю к сердцу дело известного Вам молодого писателя. — Я говорил Вам, каких трудов стоило мне вырвать этого молодого человека из холодных объятий пустозвонного бомонда. — Мне удалось достигнуть этой цели поощрением его к литературным занятиям. — Поверьте, что повесть, которую на словах Вы уж приняли, несравненно выше «Огонька», следовательно, Вам нет повода отказываться от данного слова.

Но во всяком случае отчего ж Вы оставляете мои письма без ответа? Право, я этого не заслужил.

Предложение аванса не может, я думаю, Вас затруднить, а тут подошло такое обстоятельство, как задуманная поездка в Персию, — поездка, которая, надеюсь, окончательно выбьет молодого моего писателя из противной колеи великосветскости.

Если мое предложение Вам не сподручно, то отчего бы прямо не сказать — «не могу» да и только. — Я изыскал бы другой способ, а теперь время бежит, а я в ожидании Вашего ответа ничего не предпринимаю.

Если Вы здесь, то назначьте мне свидание для окончательного объяснения.

Сегодня я в городе и, пожалуй, останусь до $6^1/_2$ часов.

Только бы с Вами повидаться и покончить на чем-нибудь.

Совет наш продолжится часов до $3^1/_2$, а затем я к Вашим услугам.

Прошу ответа,

весь В<аш>

Ф. Толстой

27 июля[67]

Свидание с Некрасовым, которого добивался в этом письме Ф. Толстой, не могло состояться, так как поэт все еще находился в деревне, где усиленно работал над «Русскими женщинами».

«Совет», о котором говорит в конце своего письма Ф. Толстой, — Совет Главного управления по делам печати.

За две недели до того, как было написано это письмо, с Феофилом Толстым приключилось одно небольшое событие, которое, как потом оказалось, сыграло печальную роль в его служебной и литературной карьере.

Началось это событие с того, что тогдашний начальник Главного управления по делам печати Михаил Романович Шидловский уехал за границу в отпуск и, пока он не вернулся из отпуска, Ф. Толстой был поставлен во главе управления и, по его собственным словам, оказался «калифом на час». Конечно, издатель газеты «Голос» Краевский поспешил воспользоваться этой временной властью своего ближайшего сотрудника и выхлопотал у него одну немаловажную льготу, которая в журнальных кругах

вызвала всеобщую зависть: благодаря Феофилу Толстому, газета «Голос» получила возможность печатать отчеты о происходившем тогда «нечаевском деле» на целые сутки раньше, чем некоторые другие газеты, что, конечно, принесло Краевскому немалую прибыль. Эта привилегия до такой степени возмутила редактора «Биржевых Ведомостей» Трубникова, что он напечатал в своей газете передовую статью, открыто обличавшую Феофила Толстого в корыстном покровительстве «Голосу». «Пост г. Шидловского, — писал в этой статье Трубников, — заняла временно личность, в мире литературном довольно хорошо известная, в качестве сотрудника одной из петербургских ежедневных газет и еще более имевшая случаев приобрести известность в мире музыкальном под псевдонимом Ростислава...» Дальше, прикрываясь вопросительной формой, автор выступает против Ф. Толстого с таким обвинением: «Не перейдет ли желаемая общая близость известного лица к литературе в одностороннее покровительство которому-нибудь одному из ее органов <то есть «Голосу»> и удобно ли вообще в одно и то же время занимать пост управляющего делами печати и считаться сотрудником какой-либо газеты, то есть пользоваться от нее известными материальными благами?» [68].

Главное управление по делам печати тотчас же заставило редакцию «Биржевых Ведомостей» напечатать официальное опровержение этой статьи Трубникова [69]. Но тот не угомонился и на другой день выступил с новой передовицей (столь же обширных размеров), где полностью поддерживал свое обвинение «в кумовстве канцелярии <Главного управления по делам печати> с редактором известной газеты» [70].

Таким образом, вокруг имени Феофила Толстого разыгрался громкий скандал, и в скандал этот по его же вине оказалось втянутым и то учреждение, которое было временно доверено его руководству. Можно себе представить, как велика была ярость Шидловского, когда до него дошли сведения, что возглавлявшееся им учреждение, в его отсутствие, было скомпрометировано Ф. Толстым.

И, как нарочно, эта шумиха возникла в то самое время, когда Ф. Толстой, пользуясь служебным своим положением, собирался опять совершить точно такой же поступок: навязать Некрасову «Светских людей». Впрочем, разоблачения Трубникова нисколько не остановили Ф. Толстого. В самый разгар скандала он, как явствует из печатаемого ниже письма, настаивал на скорейшем напечатании «принудительной» повести. Но, конечно, разоблачения Трубникова побудили его к сугубой осторожности. Все письмо проникнуто боязнью, как бы кто не проведал о том, что он, Феофил Толстой, имеет касательство к напечатанию повести Бутенева.

<29>

<14 августа 1871 г.>

Путешественник мой отправился 7-го августа в Персию наблюдать за голодающими благодатного, но неблагоустроенного этого царства.

К пятистам ру<блям>, выданным Звонаревым, я снабдил его заимообразно таковою же суммою — на это не раскутишься.

Для соблюдения строгого инкогнито — деньги у Звонарева получены под расписку приятеля г. Бутенева.

Рукопись вполне оконченная находится у меня, и я вручу Вам ее из рук в руки. — Так как она переписана довольно четко, то Вы можете прочитать ее и означить карандашом те места, которые признаете необходимым исключить вовсе или сократить. Только, ради бога, не доверяйте этого дела никому постороннему, испортят ни за грош! Положитесь на мое артистическое чутье и политический такт. Повторяю, что по тенденциям повесть эта подходит под программу «От<ечественных> Зап<исок>». В ней нет только ничего возмутительно грубого, вроде «многострадательных» <sic!> Никитина, но пустота так называемых светских людей заклеймена беспощадно [71]. По обоюдному между мною и Вами соглашению, мы сократим то, что будет подлежать сокращению, не снимая колорита — и засим предоставьте наблюдение за корректурами кому угодно, — но с непремен-

ным условием: исправлять только орфографические опечатки и более ничего.

Корректур отнюдь ко мне не присылать, иначе в типографии тотчас протрубят об этом.

О многом нужно было бы с Вами переговорить, и я очень рад буду, если Вы сдержите обещание и приедете в Царское в понедельник; но в таком случае уведомьте телеграммою, в котором часу Вас ожидать, дабы я находился у себя дома.

Если желаете, я вышлю Вам карету — на всякий случай вот обстоятельный мой адрес: Магазинная улица, дом Долговой, третий дом по правую руку от Госпитальной.

Единственная дача в улице с палисадником.

До свидания — ожидаю телеграмму.

Ф. Толстой

14 августа

Конечно, «Феофилка» и прежде старался сохранять в тайне литературные взятки, которые он вымогал от редакции «Отеч. Зап.». Даже расписываясь в получении гонорара за свои собственные статейки о музыке, он отмечал, что гонорар предназначен для какого-то другого лица. Одна из подобных расписок находится в нашем собрании:

«Девяносто четыре рубля за статью, помещенную в Нояб⟨ьской⟩ книжке О⟨течественных⟩ З⟨аписок⟩ под названием Русская опера приняты мною для доставле⟨ния⟩ автору. Ф. Толстой. 17-го октября».

Но теперь, после разоблачительных статей Трубникова, он удвоил свою осторожность и принял меры, чтобы даже типография не заподозрила его особой заинтересованности в напечатании повести «Светские люди».

Характерно, что, вымогая у Некрасова и Краевского литературные взятки, навязывая им свои и чужие писания, которые они печатали лишь потому, что он был представителем власти, ведя политику двурушника, он пытался убедить и себя и других, при помощи всевозможных софизмов, что он — человек неподкупный, бескорыстно и даже самоотверженно служащий интересам родного слова.

«Должен признаться, что в литературном деле я разыгрываю роль Дон-Кихота», — писал он Краевскому в 1869 г. [72].

Теперь это «дон-кихотство» было выведено Трубниковым на чистую воду. Правда, Краевский сделал было слабую попытку, защищая свою газету от нападок «Биржевых Ведомостей», выгородить и Феофила Толстого: в ближайшем же номере «Голоса», в отделе столичной хроники один из фельетонистов газеты высмеял неудачника Трубникова, — причем, неизвестно на каком основании, сравнил его с нимфой Калипсо, державшей в плену Одиссея, — и в заключение прибавил двусмысленную и очень невнятную фразу: «Быть может именно тому обстоятельству, что ныне ⟨...⟩ пост начальника управления по делам печати временно занимает лицо, само потрудившееся на литературном поприще, русская печать обязана заботливостью об интересах газетных редакций» [73]...

Это возражение не отвечало на главный вопрос: почему же «заботливость» Феофила Толстого простиралась только на те из газетных редакций, где он получал гонорар?

Под влиянием всех этих пертурбаций, неудач и обид, связанных с разоблачениями Трубникова, Ф. Толстой написал Некрасову большое письмо, полное упреков и жалоб:

⟨30⟩

⟨23 августа 1871 г.⟩

Странную, как подумаешь, представляю я аномалию, или, вернее сказать, уродство в среде современного человечества!.. Люди, меня окружающие, заклятые эгоисты, а я из кожи лезу, чтобы угодить всем и каждому. — Из-за интересов родного печатного слова, я навлекаю на себя неприятности по службе: провожу ночи за чтением корректур, вовсе мне не

подлежащих, и стою горой за пишущую братию. И что же? Вдруг из-за угла бросается мне под ноги шавка-Трубников и лает на всю Россию, что я, из лицеприятия, из корыстных видов, злоупотребляю временно вверенной мне властью и следов⟨ательно⟩ поступаю бесчестно. Трубников категорически утверждает, что оставить во главе управления печати человека, близкого к делам литературным, — вредно!! И что же? повторяю я — литературный наш мир, которому очень хорошо известно, надо полагать, что я человек неподкупный и готовый всегда служить литературному делу, — оставляет нахальный поступок Трубникова без возражений. — Один только Андрей Первозванный

РАСПИСКА Ф. ТОЛСТОГО В ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГ ЗА СТАТЬЮ, ПОМЕЩЕННУЮ В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

напускает слегка на «Бир⟨жевые⟩ Вед⟨омости⟩» одного из своих фельетонистов и отделывается шуточками, в которых упоминает о Calypso...

Прочие же журналисты молчат и даже не удивляются, что «за оглашение позорящих обстоятельств для должностного лица», проступка, усмотренного (639 ст.) уложением о наказаниях, Трубников не привлечен к ответственности. — Скажи кто-либо про деятельность генерала Ш⟨идловского⟩ хоть половину того, что Трубников сказал про меня, да его в бараний рог согнули бы. Одного этого обстоятельства достаточно, казалось бы, чтобы привлечь ко мне сочувствие литературного нашего мира и доказать, что влиятельное участие в делах Главного управления человека, близкого к литературе, полезно, а не вредно, как утверждает Трубников. — Спрашивается: что же помешало журналистам нашим категорически опровергнуть ложь, клевету и дикое суждение Трубникова об интересующем всю литературу вопросе? Я вам скажу, что̀. Опасение, чтобы не осудили

журналистов в заискивании и в потворстве пред лицом, власть имущим. По этой же причине во времена оны набросились на Писарева за то, что он обратил внимание на мои повести, тогда как он чистосердечно признавал пользу психиатрических исследований при народившемся у нас гласном суде. — По этой же причине Ваши рецензенты не говорят обо мне ни слова, а пишут целые страницы в восхваление притонного писателя Глеба Успенского. Пьеса моя «Пасынок» унижается здешнею прессою до мерзости — тогда как она обходит все театры всероссийские — не только губернские, но и уездные *. Я печатно протестую противу искажения заглавий и противу произвольных наименований авторов (антрепренеры для пущей важности выставляют на афишах то имя графа Толстого — автора «Князя Серебряного», то имя Потехина), и наши журналы отмалчиваются и не обращают ни малейшего внимания на мои протесты. — Я печатаю в «Рус<ской> Старине» живые страницы из посмертных, можно сказать, моих записок, в которых, как в зеркале отражаются Глинкинская и Брюлловская эпохи.— В Москве читают эти «Записки» громогласно даже в клубах, а здесь (в журналах) о них ни гугу, за исключением ревуна Стасова, который руководил всею противу меня интригою во времена оны — и теперь, разумеется, обругал и меня и мои воспоминания. — Казалось: мне бы плюнуть и отвернуться при виде столь постоянного и упорного недоброжелательства, а я продолжаю усердствовать, потому что литература составляет плоть и кровь паскудного моего существа.

Давно я должен был бы убедиться, что люди, меня окружающие, отъявленные эгоисты — а я все надеюсь, авось и для меня что-нибудь да сделают.

Можете ли Вы, например, цитировать хоть один случай отказа с моей стороны? Не исполнял ли я постоянно Ваших желаний? А между тем Вы знаете, как я интересуюсь рукописью доставленной мною Вам повести. Вы знаете, как я дорожу Вашими воззрениями с точки зрения художественности и, несмотря на это, Вы не можете собраться с силами, чтобы прочитать необъемистую повесть и сказать мне откровенно Ваше о ней мнение.

Дело, кажется, не головоломное. В Вашу угоду я читал сотни корректур, читал их к сроку, по ночам и с сугубым вниманием, взвешивая каждое слово. Тут же Вам можно было бы не спеша и без малейшей неприятности удовлетворить мое желание. — Вы возразите, может быть, что Вам предстоит просмотреть корректуры повести.

Но мы условились, во-первых, что поправки и исключения должны быть сделаны в рукописи — след<овательно>, при наборе оставался бы, так сказать, только механический труд, т. е. выправка опечаток, что можете Вы доверить любому корректору. А, во-вторых: неужели я не заслужил, чтобы Вы сделали что-либо в личную угоду мне??!

Читая мои каракули, Вы будете проклинать меня, я знаю — но уж такова моя натура.

Если я не выльюсь, то неудовольствие ляжет мне камнем на душу, а теперь ничего.

Я высказался и за сим остаюсь все тот же любящий Вас и преданный Вам

Ф. Т.

23 авг<уста> 1871
Царское Село

---

* Последняя афиша 23 июля 1871. Коломен<ская> труппа актеров под управлением Г. Львова (без имени Автора, тогда как пьеса напечатана с полным моим именем). <Примечание Ф. М. Толстого>.

Словом, этот небескорыстный чиновник цензурного ведомства и в самом деле ощущал себя праведником, страдающим за свои добродетели.

В заключительной части письма вновь говорится о повести «Светские люди», рукопись которой Некрасов, как видно из ламентаций Феофила Толстого, еще не прочел.

Из следующего письма, написанного неделю спустя, мы убеждаемся, что поэт, в силу неизвестных нам причин, согласился напечатать в своем журнале навязанное ему Ф. Толстым произведение, «даже не познакомившись с ним основательно». Для того, чтобы привлечь к этому салонному произведению симпатии демократического читателя 70-х годов, Ф. Толстой предложил Некрасову свой проект небольшого предисловия к роману. Ниже мы воспроизводим этот в высшей степени наивный проект, которым Некрасов, конечно, не воспользовался.

Статья Скабичевского, о которой идет речь в письме, в свое время так и не увидела света. Статья эта представляла собой главу обширного труда, печатавшегося под заглавием «Очерки умственного развития нашего общества» во многих книжках «Отеч. Записок». Глава была посвящена Герцену. Несмотря на то, что Феофил Толстой считал возможным напечатать эту главу, она была вырезана цензурой, впоследствии погубила отдельное издание названного труда Скабичевского и лишь много позднее могла быть напечатана им.

⟨31⟩

⟨1 сентября 1871 г.⟩

Я давно послал к Евгению Александ⟨ровичу⟩ корректуру статьи Скабичевского и объяснительное письмо. — Удивляюсь, что он Вам ничего не сообщил.

Не зная, что Вы возвратились, я сегодня же спрашивал у него (по почте), сообщил ли он Вам для надлежащего сведения нашу переписку.

Дело в том, что Шид⟨ловский⟩ уверяет, что он *никому никаких* указаний насчет статьи не делал и что во всяком случае *арестует книжку*, если в ней будет хоть *одна строка*, лично принадлежащая перу *государственного преступника*.

Вот его слова. Что касается до меня, то я нахожу возможным напечатать статью с исключением в 5 форме выписки из Герцена и с исключением окончания, где упоминается о Герцене, как о политическом деятеле.

Это прискорбно, но необходимо.

При соблюдении мною указанного — книжку нельзя будет арестовать, потому что отдача под суд немыслима, а если Ш⟨идловский⟩ потребует предостережения, то это докажет только справедливость поговорки: «Ндраву моему не препятствуй».

Напрасно называете Вы предыдущие мои письма *строгими выговорами*. Это не что иное, как *ворчание* старика, сетующего на людскую несправедливость. — Я жалуюсь на отношение — несправедливое по моему мнению всей вообще журналистики ко мне, — но Вам лично, т. е. редак⟨тору⟩ «От⟨ечественных⟩ Записок», продолжателю покойного «Современника», и поступать иначе нельзя. Это я сознаю.

Если Вы решаетесь печатать «Светские люди», не ознакомившись с повестью основательно, пусть будет так. По крайнему моему убеждению, повесть эта не может повредить «От⟨ечественным⟩ Зап⟨искам⟩».

Но не признаете ли Вы полезным объяснить, по какому случаю печатаете в Вашем журнале повесть, трактующую о действиях *бомонда* нашего.

Я по этому случаю набросал несколько мыслей, которые предоставляю на Ваше благоусмотрение.

Дружески пожимаю Вам руку

Ф. Т.

1 с⟨ентября⟩

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ 31

⟨Проект предисловия к повести «Светские люди»⟩

В последнее время повести и романы из быта высшего сословия вышли у нас из моды. Причиною тому отчасти бесцветность той среды, которую величают великосветским обществом, и, главное, распространение образованности и просвещения в средних слоях нашего общества.

Число писателей, принадлежащих к средним слоям, увеличиваясь с каждым годом более и более, окончательно взяло перевес, и так как для изображения описываемой среды необходимо близкое с ней знакомство, то большая часть появляющихся ныне беллетристических произведений благоразумно обходят описания высшего круга нашего общества.

Мы недоумевали, печатать ли предлагаемую повесть «Светские люди». Появление ее в «Отечественных Записках» не принято ли будет за анахронизм? Но вдумавшись в содержание повести, мы решились ее напечатать и по следующим соображениям.

Во-первых, молодой автор этой повести, очевидно, коротко знаком с нравами, с обычаями, с приемами, с языком и обстановкой описываемого им кружка, что составляет уже неотъемлемое достоинство для беллетристического произведения. Во-вторых, он относится объективно и без малейшего пристрастия к «светским людям», выведенным им в рассказе, и, в-третьих, он сочувственно и сознательно относится в повести к эпизодическим личностям из простонародья и к средним классам. Следовательно, предлагаемая повесть не имеет той узкой односторонности, которою отличались прежние рассказы бытописателей нашего бомонда, и выказывает между прочим ex professio попытки этого кружка осмыслить жизнь и придать ей более серьезное значение в виду совершающегося поступательного движения русской мысли.

Перед тем как напечатать повесть «Светские люди», Некрасов прочитал ее в гранках и вычеркнул кое-какие места. Это вызвало следующие возражения со стороны Феофила Толстого:

⟨32⟩

⟨Сентябрь — октябрь 1871 г.⟩

Ссориться я с Вами не хочу, да и Вам, кажется, не следовало бы ссориться со мной. — Уступить я вынужден обстоятельствам, но остаюсь при своем мнении и не вижу тех ужасов, которые Вы усматриваете в бракуемой Вами сцене.

По крайней мере, сделайте связь как следует.

Вы исключили болтовню или балагурство ямщиков и оставили следующую фразу: «Обдумывая слова ямщика, Колосович» и пр.

Потом вдруг речь идет ни с того ни с сего (после черты): «Теплицы Громова», тогда как ни читатель, ни Колосович не знают, что катанье назначено в этих теплицах.

Я, конечно, доверяю Вашему вкусу в поэтических произведениях, но доверяю также и собственному своему ч у т ь ю, так к⟨ак⟩ исписал сотни стр⟨аниц⟩ прозы и перечитал в подлиннике всю Фран⟨цузскую⟩, Английскую, Немецк⟨ую⟩ и Итальянскую беллетристику.

Повторяю — делайте что угодно.

P. S. Ничего еще не знаю насчет нашего дела, но отрешение мое от наблюдения уже послал.

Постскриптум к этому письму означает, что, во избежание дальнейших кривотолков, связанных с разоблачениями Трубникова, Феофил Толстой (быть может, по совету Некрасова) обратился к начальнику цензурного ведомства с просьбой освободить его от официального наблюдения за «Отеч. Зап.».

Конечно, это заявление было чистейшей формальностью. Никто не помешал бы Феофилу Толстому продолжать свою тайную службу в качестве домашнего цензора того же журнала. Но дело обернулось куда хуже.

Началось с того, что 11 октября 1871 г. в Министерстве внутренних дел было получено секретное письмо шефа жандармов и начальника Третьего отделения Н. В. Мезенцова о восьмой (то-есть августовской) книге «Отеч. Зап.», где была напечатана статья эмигранта Варфоломея Зайцева «Очерки французской журналистики», восхваляющая «известных французских деятелей Демулена, Робеспьера и Дантона, а также Французскую революцию 1789 г.»[74]. Узнав об этом секретном письме (по всей вероятности, от В. М. Лазаревского), Некрасов обратился за помощью к Феофилу Толстому, причем, видимо, подсказал ему и те аргументы, которые он мог бы привести в защиту «злонамеренной» статьи.

Толстой выполнил инструкции Некрасова.

⟨33⟩

⟨Октябрь 1871 г.⟩

Я написал М⟨инистру⟩[75] подробное обстоятельное письмо, в котором изложены все обстоятельства почти в том же смысле, как они изложены Вами, даже присоединил к моему письму *Ваше письмо*, объяснив, что секретов в нашем Ведомстве быть не может, так как всякое слово и каждая мысль, выражаемые *по делам печати*, затрагивают интересы *интеллигенции* всей России.

Примером *несекретности* я указал на то, что газеты разгласили уже о запрещении пьесы Дюма.

В заключение я прошу *как особую для меня милость* отменить постановление большинства. Ответа еще не имею.

Что же касается до корректуры, то я вовсе с Вами не согласен.

Фальши тут нет никакой, да если бы и была, то беда не велика, и мало ли фальши, гораздо крупнейшей, появлялось в беллетристических произвед⟨ениях⟩, помещаемых на страницах «О⟨течественных⟩ Записок».

Колосович в этой сцене вовсе не смешон, — а это, напротив, глубокая психологическая черта. — Неужели Вы не знаете, что от всепоглощающей назойливой мысли человек может как бы одуреть и что в таком случае иногда решается расспрашивать об интересующем его предмете не только умного ямщика, но даже малого ребенка.

Плохие Вы психологи, господа — как подумаешь!

Впрочем, что бы Вы ни сокращали — ничем Вы не обезоружите неприязни и недоброжелательства тех людей, которые видят в литературе лишь Дарвиновский вопрос борьбы за существование.

Вследствие этого я напоминаю Вам, что Вы обязались честным словом и подпиской ничего не исключать без моего на то согласия и настоятельно прошу прислать мне корректуру всей второй части. — То, что будет подлежать выключке, я отмечу чернилами.

Не взыщите — я прошу Вас настоятельно, потому что и в первой части наделаны некоторые промахи противу психологии и эстетического чувства.

⟨Без подписи⟩

Во второй половине этого письма речь снова идет о повести «Светские люди». Алексей Колосович, главный герой этой повести, влюблен в благородную красивую девушку и хочет жениться на ней, но из-за козней своей бывшей любовницы гибнет от скоротечной чахотки. Повесть печаталась в октябрьской и ноябрьской книгах «Отеч. Зап.». Подписана она была псевдонимом: А. Чернолесов, за которым укрылся упомянутый выше «протеже» Ф. Толстого, молодой аристократ Бутенев (возможно, сын известного дипломата А. П. Бутенева). Характерно, что, видимо, в угоду направлению «Отеч.

Зап.» Колосович изображен небогатым помещиком, «сочувствующим» идеалам 60-х годов. Он увлекается делом народного образования и борется за демократический, независимый суд. Вместе с тем, вся повесть написана в бульварно-романтическом духе: «Глаза ее сверкнули, ноздри раздулись и по лицу разлилось выражение ядовитой радости и злорадного торжества. Она впилась своим взглядом в Колосовича. Она пожирала его глазами, она обдавала его с ног до головы леденящею струею смертельной ненависти». Стиль этот казался особенно диким в «Отеч. Зап.» на фоне реалистических повестей и рассказов Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Решетникова. Не трудно представить себе, с какой неохотой печатала редакция журнала эту «принудительную» повесть.

Впрочем, зависимость «Отеч. Зап.» от Феофила Толстого уже приходила к концу. Можно было не сомневаться, что после разоблачений Трубникова Министерство внутренних дел воспользуется первым предлогом, чтобы избавиться от скомпрометированного чиновника.

Предлог этот очень скоро нашелся.

В той же октябрьской книге «Отеч. Зап.», где печатались «Светские люди» Чернолесова (Бутенева), появилась известная сатира Некрасова «Недавнее время». В сатире были следующие «дерзкие» строки:

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... светел твой путь впереди!

Этими строками был весьма уязвлен тогдашний министр внутренних дел А. Е. Тимашев, ибо он состоял генерал-адъютантом, и вся его грудь была испещрена «украшениями». На свою беду Ф. Толстой принялся слишком рьяно защищать это стихотворение в Совете, не соображая, что тем самым наносит кровную обиду министру. В своей обширной речи он указал, между прочим, что слово генерал-адъютант вставлено сюда «для стиха» ⟨!⟩ и «для соблюдения местного колорита» ⟨?⟩ и что в политическом отношении сатира Некрасова является «совершенно невинной» ⟨?!⟩.

Это явно инспирированное выступление Феофила Толстого, так сказать, переполнило чашу.

24 октября 1871 г. министр внутренних дел написал на тех самых листах, на которых было изложено мнение «члена Совета Толстого» о «Недавнем времени» Некрасова:

«Прошу г. заведующего Главным управлением по делам печати объяснить господам членам Совета о совершенном неудобстве того способа наблюдения, которому были подвергаемы „Отеч. Зап.“, редакция которых, как мне известно, считает себя вполне огражденной от законной ответственности, так как статьи, ею помещенные, были предварительно одобрены членом Совета» [76].

После такой резолюции Феофилу Толстому оставалось одно — подать в отставку, после чего из влиятельного чиновника цензурного ведомства он сразу превратился в мелкую литературную сошку, лишенную каких бы то ни было перспектив и надежд. Ниже мы приводим письмо, в котором он извещает Некрасова о своем увольнении.

⟨34⟩

⟨20 ноября 1871 г.⟩

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Позвольте поблагодарить Вас за лестное Ваше ко мне внимание. — Ноябрьский № «О⟨течественных⟩ З⟨аписок⟩» вышел несколько дней тому назад, а нумера этого я еще не получил и, вероятно, не получу.

Позвольте припомнить при этом, что, во 1-х, Вы обещали 30 оттисков известной Вам повести, которые давно, вероятно, готовы, но оттисков этих я еще не получил.

Во 2-х, Вы говорили мне, что сохранили р у к о п и с ь, которую просил бы Вас возвратить.

Наконец, судя по оттискам прежде пересланным, следует автору повести около 120 р<ублей>, если не ошибаюсь, которые справедливо было бы ему выдать.

От службы по Г<лавному> У<правлению> я уволен, о чем не сожалею, так как я не мог быть при настоящих обстоятельствах полезен русскому слову.

Но глубоко сожалею о том горестном невнимании, которое оказывают мне те, для которых я наиболее трудился.

Примите уверения в сов<ершенном> почтении и преданности

Ф. Т.

20 н<оября>

На обороте последнего листа карандашом, рукою Некрасова, сделана следующая запись:

На Виш<ерскую?> ст<анцию?>
купцу Медведеву
пер<едать> Николаю Афанасьеву

Вскоре после того, как цензурное ведомство уволило Феофила Толстого в отставку, редакция газеты «Голос», где он очень усердно сотрудничал, сообщила ему, что отныне не нуждается в его фельетонах и что вообще весь музыкально-театральный отдел передается в ведение другого лица. Этим она подчеркнула, что печатала его статьи поневоле.

Освободился от него и Некрасов. Последняя статья Феофила Толстого о музыке появилась в декабрьской книге «Отеч. Зап.» (в сильно исправленном виде), и с той поры сотрудничество в этом журнале стало для него недоступно.

Такова обычная судьба человека, ведущего двойную игру. Чуть только его обличат как двурушника, оба лагеря изгоняют его — и тот, которому он изменял, и тот, которому он тайно служил. Это в порядке вещей, но характерно, что Ф. Толстой, продолжая настаивать на своем бескорыстии, изобразил себя невинною жертвою людской неблагодарности и злобы. Не желая признать, что печатание его статей в «Отеч. Зап.» было замаскированной взяткой, он обратился к Некрасову с новым письмом.

<35>

<22 декабря 1871 г.>

Я писал Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, что я не могу приняться за составление статьи для следующего № «О<течест>венных З<аписок>», не повидавшись с Вами или с г. Салтыковым.

Необходимо знать, что же, наконец, от меня требуется.

То, что исключено в последней моей статье, не имеет и тени полемического характера; тут заявлен только факт общеизвестный в нашем музыкальном мире и который и г н о р и р о в а т ь пишущему о музыкальных наших делах невозможно.

Тот же г. Салтыков пропустил в июне 1870 года статью чисто полемическую, в которой я изобличил непрошенное вмешательство Стасова в наши дела.

По какой же причине ныне переиначена моя мысль — это не спросясь и после просмотренной и подписанной мною корректуры?

Насильно мил не будешь — след<овательно>, если мои статьи Вам не по душе, то навязывать их не стану; но согласитесь, что при известных Вам обстоятельствах — это более, чем прискорбно.

Решайте как угодно, но для меня в р е м я д о р о г о, — и я прошу Вас объявить мне положительным образом: желаете ли Вы или нет моего

сотрудничества на прежних основаниях, т. е. с непременным условием не изменять в моих статьях то, что н е п р е д о с у д и т е л ь н о в цензурном отношении.

Таковых уклонений у меня и быть не может.

А. А. Краевский также желает спустить меня, повидимому. Что ж. Я так и ожидал. Лимон выжимают, а корку бросают.

Все это совершенно в духе нашего времени, но дело в том, что мне литературный труд необходим теперь и если ни Вам, ни «Голосу» я не пригоден, то мне нужно поскорее искать, где приютиться.

Примите уверения в соверш<енном> почтении и пр<едан>ности.

Ф. Т.

22 д<екабря> 1871 г.

На это письмо Некрасов ничего не ответил. Через несколько дней Ф. Толстой горько жаловался Краевскому: «Некрасов не обратил ни малейшего внимания на покорнейшую мою просьбу уведомить меня, что от меня требуется? Что мне дозволяется и что запрещается? Покорнейшая моя просьба была передана барином <Некрасовым> на обсуждение г. Салтыкова, и великий Щедрин, в воздаяние трудов, понесенных мною при злосчастном моем н а б л ю д е н и и за желчными его измышлениями, которые я выносил, можно сказать, на своих плечах, — оставил просьбу мою без ответа. Он достиг своей цели, потому что, не получая ответа и не удостоившись свидания ни с ним, ни с Щедриным, я должен считать себя отставленным от сотрудничества».

Обе отставки совпали, как причина и следствие. Только притворяясь бесконечно наивным, этот давний соратник Булгарина, враг Чернышевского, хулитель Решетникова и Глеба Успенского мог изображать дело так, будто он и вправду не догадывается, по какой единственной причине ему давали «приют» в журнале Щедрина и Некрасова...

Публикуемые письма по-новому освещают для нас кое-какие особенности той сложной и гибкой тактики, при помощи которой Некрасов проводил в подцензурную прессу идеи своей революционно-демократической «партии» и долгие годы сохранял ее печатные органы.

С необычайной полнотой и наглядностью они открывают нам в образе Феофила Толстого, каковы были те представители цензурного ведомства, с которыми Некрасову приходилось поневоле общаться в интересах своего великого дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русские достопамятные люди. Заметки и воспоминания по поводу труда Я. Н. Бантыш-Каменского „Словарь достопамятных людей“. (Из собрания С. Д. Полторацкого)». — «Русская Старина», 1892, VII, 30.

[2] Письмо А. С. Шереметевой к родителям. — «Архив села Михайловского», II, вып. 1, 39.

[3] Письмо А. Я. Булгакова к дочери—кн. О. А. Долгорукой от 25 сентября 1833 г.— «Русский Архив», 1906, II, 76—77.

[4] Ф. Т о л с т о й. По поводу записок М. И. Глинки. — «Русская Старина», 1871, IV—VI, 421—456.

[5] М. Г л и н к а. Записки. М.—Л., 1930, 80 и 89.

[6] «Знакомые». Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888, 29 и 103.

[7] Письмо А. Я. Булгакова к брату от 25 октября 1833 г. — «Русский Архив», 1892, I, 608—609. — Отец Феофила Толстого, М. Ф. Толстой, был женат на дочери Кутузова. — А. Ф. Л ь в о в. Записки. — «Русский Архив», 1884, III, 87.

[8] А. С е р о в. Несколько слов о брошюре Ростислава: «Подробный разбор оперы М. И. Глинки „Жизнь за царя“». — «Москвитянин», 1854, XXIII, 139—146.

[9] В. С т а с о в. Собр. соч. СПб., 1894, I, 799—800.

[10] Т а м ж е.

[11] Письмо В. В. Стасова к М. А. Балакиреву от 12 декабря 1868 г. «Переписка М. А. Балакирева со Стасовым». М.—Л. 1925, 260.

[12] Письмо М. П. Мусоргского к М. А. Балакиреву от 26 января 1867 г. — Мусоргский. Письма и документы. М.—Л., 1932, 539—540.

[13] Письмо А. П. Бородина к Е. С. Бородиной от 5 октября 1873 г. — Бородин. Письма, М., 1936, II, 50—51.

[14] П. Усов. Из моих воспоминаний. — «Исторический Вестник», 1882, I, 121—123.

[15] А. Серов. Парижские Феофилычи. — «Театральный и Музыкальный Вестник», 1860, IX.

[16] Б. Папковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия. — «Литературное Наследство», 49—50, М., 1946, 480.

[17] Н. Лесков. Геральдический туман. Заметки о родовых прозвищах. — «Исторический Вестник», 1886, VI, 600 (примеч.).

[18] Письмо В. В. Стасова к Е. Н. Пургольд. «Русская Мысль», 1910, VI, 176.— Текст «Райка» напечатан в книге: Мусоргский. Письма и документы. М.—Л.,1932, 164—165. См. также Н. Финдейзен, «Stabat Mater» А. Н. Серова. — «Русская Старина», 1893, IV, 82.

[19] Письмо М. И. Глинки к К. А. Булгакову от 23 июля 1855 г. — М. Глинка. Записки. СПб., 1883, 357.

[20] «Записки гр. М. Д. Бутурлина». — «Русский Архив», 1897, III, 526.

[21] Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Цертелеву от 16 сентября 1885 г. — И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, 332.

[22] «Русская Старина», 1887, VII, 144—145.

[23] Письмо А. К. Толстого к М. М. Стасюлевичу от 28 октября 1868 г. — «Стасюлевич и его современники», СПб., 1912, II, 316; письмо А. Н. Цертелева к М. М. Стасюлевичу. Там же, 402; А. Кондратьев, Граф А. К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912, 67—68 и мн. др.

[24] Ф. Т⟨олстой⟩. Коптитель неба. — «Русский Мир», 1874, № 273.

[25] Ростислав ⟨Ф. Толстой⟩. Ночь у гроба в бозе почившего блаженныя и вечныя памяти государя императора Николая I. — «Северная Пчела», 1855, II (была перепечатана во многих тогдашних газетах).

[26] Ростислав. Музыкальные беседы. — «Северная Пчела», 1854, 19 апреля, № 185.

[27] Ростислав. Лжемудрость героев Чернышевского. — «Северная Пчела», 1863, 27 мая, № 138. «Есть личности, — говорилось в статье, — неприкосновенные по их особенному положению» (это был явный намек на то, что Чернышевский арестован). Статья заканчивалась такими словами: «Говорят, что г. Чернышевский получил от редакции „Современника" четыре тысячи за свое образцовое произведение. Цифра почтенная и делающая честь как щедрости, так и разборчивости почтенной редакции. Но вот беда. Не раздобрел бы г. Чернышевский...»

[28] См. рукопись в Гос. библиотеке им. Ленина (36/151) «Нигилисты в домашнем быту. Драматические и философические очерки в 3 актах и 10 картинах с эпилогом. Соч. N... N... (Из романа г. Чернышевского „Что делать?")». На последней странице рукописи рукою Н. С. Лескова, против имени N... N... написано: Ф. М. Толстой. «Сценарио это, — пишет в самом конце Н. С. Лесков, — сочинено членом Главного правления ⟨sic!⟩ по делам печати Феофилом Матвеевичем Толстым и им мне подарено для подражания...»

[29] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., М., 1937, V, 121—132.

[30] Ф. Толстой. Коптитель неба. — «Русский Мир», 1874, № 276.

[31] Ростислав. Музыкальные беседы. — «Северная Пчела», 1854, № 134.

[32] А. Серов. Несколько строк о брошюре Ростислава... — «Москвитянин», 1854, XXIII, 139—146.

[33] См., например: Ф. Толстой. Воспоминания по поводу «Записок М. И. Глинки». — «Русская Старина», 1871, IV—VI, 421—456.

[34] Письмо Ф. М. Толстого к А. В. Дружинину от 6 января 1863 г. — «Письма к А. В. Дружинину». Изд. Гос. литературного музея. М., 1948, 313—314.

[35] К. Путилов (Писарев). Образованная толпа. — «Дело», 1867, III и IV (Собр. соч. Д. И. Писарева. СПб., 1894, VI).

[36] В. Фигнер. Запечатленный труд. М., 1929, I, 42.

[37] Ф. Т⟨олстой⟩. Коптитель неба. — «Русский Мир», 1874, № 276.

[38] В. Евгеньев-Максимов. Д. И. Писарев и охранители. — «Голос Минувшего», 1919, I—IV, 145—146.

[39] То-есть обыск, так как в 1866 г. М. Н. Муравьев стал привлекать к этой жандармской работе гвардейских офицеров.

[40] «Суд» (1867).

[41] Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 476.

[42] В. Зотов. Петербург в сороковых годах. — «Исторический Вестник», 1890, IV, 97—98.

[43] Некрасов V, 246. — Слова Феофила Толстого, действительно, оказались «болтовней»: «Записки охотника» были разрешены лишь в 1859 г.

[44] См., например, заметку: С. П. «Новая драма на московской сцене». — «Наше Время», 1862, 30 ноября, № 259.

[45] Н. Гурин. Московские письма. I. — «Совр.», 1863, I—II, 163—176.

[46] Комментатор сочинений Н. Щедрина ошибочно указывает в данном случае на повесть «Капитан Тольди», напечатанную в «Современнике» в 1851 г. (Н. Щедрин. Полное собр. соч. М., 1937,V, 451). «Капитан Тольди» — не оригинальная повесть, а перевод с французского.

[47] В. Евгеньев-Максимов. Последние годы «Современника». Л., 1929, 164—166.

[48] С. В. Звонарев был в то время служащим Некрасова. В 1864 и в 1869 гг. Некрасов издавал свои «Стихотворения» под фирмой «книгопродавца С. В. Звонарева». Книжный магазин Звонарева находился при конторе «Современника».

[49] Некрасов, V, 439.

[50] Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 479.

[51] Н. Щедрин. Полное собр. соч., М. 1937, VIII, 383.

[52] Глеб Успенский, Остановка. Рассказ проезжего. — «Отеч. Зап.», 1868, VII, 63—92.

[53] То же выражение встречается в первой редакции очерка «Легковесные»: «Мысль цепенеет при виде крашеных гробов, громко величающих себя столпами мира» (См. Н. Щедрин. Полное собр. соч., Л., 1935, VII, 503).

[54] Цитируем по книге: В. Евгеньев-Максимов. В тисках реакции. М.—Л., 1926, 30—32 (донесение Ф. Толстого опубликовано здесь в извлечениях). Пользуемся случаем указать на ошибочность комментария Н. В. Яковлева к одному из писем Щедрина к Некрасову от 21 марта 1868 г. (Н. Щедрин, Полное собр. соч. М.—Л. 1937, XVIII, 428). Предположение комментатора о том, что очерк «Легковесные» подвергся предварительному просмотру Ф. М. Толстого, опровергается публикуемым нами письмом этого последнего к Некрасову.

[55] Ср. текст «Старой помпадурши» в «Отеч. Зап.» (1868, XI) с текстом Полного собр. соч. Н. Щедрина (Л., 1934, IX).

[56] «Отеч. Зап.», 1868, XII, 343.

[57] В статье Ф. Толстого о петербургских театрах среди многих других заметок находился краткий отчет о новой опере Э. Направника «Нижегородцы».

[58] «В 1867 г., находясь в Париже, вел. кн. Елена Павловна пригласила Берлиоза для шести концертов Русского музыкального общества в Петербурге, предложив ему гонорар в 15 000 франков, обеспечивая, кроме того, все его расходы по поездке и пребыванию в столице. Концерты состоялись в сезон 1867—68 г.». — «Вестник Европы», 1881, X, 536—537.

[59] Речь идет о смерти А. С. Даргомыжского, последовавшей 5 января 1869 г.

[60] Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 482.

[61] Там же, 483.

[62] «Отеч. Зап.», 1869, I, III, VI.

[63] «Отеч. Зап.», 1870, II, 371.

[64] Там же.

[65] Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 462.

[66] «Андреем Первозванным», здесь и ниже, автор письма называет А. А. Краевского.

[67] Письмо это было опубликовано с неверною датою: «29 июля» (без года) в «Архиве села Карабихи» (М., 1916, 210—211). Та же неверная дата указана в сборнике «Рукописи Н. А. Некрасова», изданном Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина (М. 1939, 63). Между тем известно, что заседания Совета Главного управления по делам печати происходили по вторникам, а так как письмо Феофила Толстого написано в день одного из таких заседаний, мы читаем неразборчиво подписанную цифру под этим письмом не как девятку, а как семерку (ибо ближайший вторник был именно 27 июля).

[68] «Биржевые Ведомости», 1871, 16 июля, № 192.

[69] «Биржевые Ведомости», 1871, 18 июля, № 194.

[70] «Биржевые Ведомости», 1871, 19 июля, № 195.

[71] «Многострадальные», которым Ф. М. Толстой противопоставил повесть «Светские люди», — так были озаглавлены очерки Никитина из быта кантонистов, печатавшиеся в «Отеч. Зап.», 1871, VIII, IX и X. В очерках изображены зверские насилия, которым подвергались кантонисты в военных казармах.

[72] Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 480.

[73] «Голос», 1871, 12 июля, № 197 («Листок»), а также № 199 от 20 июля того же года.

[74] Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.—Л., 1935, 393.

[75] Министру внутренних дел — Александру Егоровичу Тимашеву.

[76] Автограф этой резолюции А. Е. Тимашева см.: «Литературное Наследство», 49—50. М., 1946, 473.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПИСАНИЕ ПИСЕМ К НЕКРАСОВУ В БУМАГАХ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД)

I. ПИСЬМА, ХРАНЯЩИЕСЯ В БИБЛИОТЕКЕ им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЛЕНИНГРАДЕ

Указатель А. Михайловой

1. Брыкалов, Ипатий

Письмо от 18 мая 1866 г. с просьбой исходатайствовать ему пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Глубокоуважаемый Николай Алексеевич! Страдая уже с полгода едва ли излечимою болезнею, я решился Вас беспокоить...» — 2 лл. 21,8×17,3 см. На втором листе, оставшемся чистым, — приписка Некрасова от 21 мая 1866 г. Начало: «Хроника Журбы вещь замечательная...» Пометы Комитета Литературного фонда: «№ 64. Журн. 31 мая, ст. 3»; «Получено 29 мая 1866»; «25 руб.».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, лл. 158—159.

Отрывок из письма Брыкалова напечатан в «Некрасовском сборнике», П., 1918, 65; приписка Некрасова (полностью, но с опущением даты) — там же, 66.

2. Его же

Письмо от 6 декабря 1867 г. из Мариинской больницы с просьбой о денежной помощи из средств Литературного фонда. Начало: «Искренне уважаемый Николай Алексеевич! Два месяца тому назад я находился во 2-м сухопутном госпитале...» — 2 лл. 25,6×20,5 см. С припиской Некрасова от 10 декабря 1867 г. Начало: «Имев уже однажды случай ходатайствовать у Общества за г. Брыкалова...» Пометы Комитета Литературного фонда: «№ 204, Ж. К. 11 дек. 1867, ст. 5»; «Получ. 11 декабря 1867»; «25 руб.».

Бумаги Лит. фонда, т. XVIII, лл. 890—891.

О письме Брыкалова — см. «Некрасовский сборник», 69. Приписка Некрасова напечатана полностью там же.

3. Верховский, Никандр Иванович

Письмо от декабря 1868 г. с просьбой исходатайствовать денежное пособие из средств Литературного фонда на покупку рекрутской квитанции для избавления брата от воинской повинности. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Я имею несчастие происходить из мещанского сословия...» — 2 лл. 20,8×13,2 см. В конце письма — приписка Некрасова о Н. Верховском: «Студент С.-Петербургского университета юридического факультета». Помета Комитета Литературного фонда: «Прилож. к № 329».

Приложение — письмо Н. А. Некрасова к А. П. Заблоцкому-Десятовскому от 16 декабря 1868 г. с просьбой помочь Верховскому.

Бумаги Лит. фонда, т. XIX, лл. 1087 и 1088—1089.

О письме Верховского — см. «Некрасовский сборник», 72—73. Письмо Некрасова напечатано полностью там же. Ср. в настоящем издании письмо Некрасова к Я. К. Гроту от 18 января 1870 г.

4. Глинка, Василий Сергеевич

Письмо от 10 марта 1864 г. с просьбой исходатайствовать ему пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Я теперь в Обуховской больнице...» — 2 лл. 27×21 см. Помета Комитета Литературного фонда: «К. № 13».

Бумаги Лит. фонда, т. XIV, лл. 61—62.

Напечатано в «Некрасовском сборнике», 64.

5. Его же

Письмо от 16 мая 1866 г. с просьбой исходатайствовать ему пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Я уже более трех лет без места...» — 1 л. 28×22 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «Получено 16 мая 1866»; «Отказать по прежним примерам».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, л. 123.

6. Делянов, Иван Давыдович

Письмо от 18 марта 1866 г. с разрешением на чтение Некрасовым на благотворительном вечере в пользу Литературного фонда «Песни о свободном слове», но с выпуском некоторых слов. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич. Я не нахожу препятствий к прочтению „Песни о свободном слове...“» — 1 л. 21×13 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «Вход. № 23»; «Журн. 21 марта, ст. 1».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, л. 47.

Напечатано (без приведения даты) в «Некрасовском сборнике», 57—58.

7. Захаров, Иван Дмитриевич

Письмо без даты ⟨1—3 апреля 1866 г.⟩ с просьбой исходатайствовать ему пособие из Литературного фонда на второе издание своих «Путевых записок». Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич. Вам, кажется, были известны Путевые записки художника Захарова...» — 1 л. 26,7 × 20,5 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «Получено 4 апреля 1866 г.»; «Вход. № 37»; «Журнал 4 апреля 1866 г., ст. 3».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, л. 64.

О письме Захарова — см. «Некрасовский сборник», 65.

8. Зиновьев, Василий Алексеевич

Письмо от 4 мая 1866 г. с просьбой исходатайствовать ему из средств Литературного фонда денежное пособие для ликвидации долгов, сделанных на лечение и похороны брата, литератора Ф. А. Зиновьева. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич. После тяжкой пятимесячной болезни брат мой, Федор Алексеевич Зиновьев, умер в усадьбе Обречье...» — 2 лл. 26,2×20 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «№ 56. Журн. К. 16 мая, ст. 4»; «Получ. 16 мая 1866»; «50 руб. на похороны. По удостов. Н. А. Некрасова умер».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, лл. 117—118.

9. Иванов, Андрей Максимович

Письмо от 13 октября 1868 г. с просьбой исходатайствовать ему пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Как ни совестно мне беспокоить Вас, а не могу миновать...» — 2 лл. 20,3×13 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «№ 265. Ж. К. 27 окт. 1868, ст. 5»; «Получ. 27 окт. 1868»; «Письмо к Некрасову».

Бумаги Лит. фонда, т. XIX, лл. 643 и 645.

Цитата из письма напечатана в «Некрасовском сборнике», 69.

10. Кошелев, Сергей Павлович

Письмо от 5/17 апреля 1866 г. с просьбой исходатайствовать ему пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Вы знаете, что я оставил Россию очень больной...» — 2 лл. 27,5×22,3 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «№ 65. Журн. 31 мая, ст. 5»; «Получ. 29 мая 1866»; «По невозможности удостовериться, отказать».

Приложение — свидетельство русского вице-консула Л. Ферраццини от 17 апреля 1866 г. о крайне стесненном положении просителя.

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, лл. 161—163.

О письме Колошина — см. «Некрасовский сборник», 66.

11. Курочкин, Василий Степанович

Письмо от 13 января 1866 г. с просьбой срочно исходатайствовать из средств Литературного фонда пособие тяжело больному Н. В. Иевлеву и его семье. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич, известный Вам карикатурист Н. В. Иевлев вот уже третий месяц болен чахоткою...» — 22 лл. 26,5×20,5 см. Второй лист письма, оставшийся чистым, заполнен характеристикой материального положения матери скончавшегося Иевлева; характеристика составлена одним из членов Комитета Литературного фонда. На письме Курочкина — пометы Комитета: «№ 106/2»; «В. О. Собрание»; «24 января 1866».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, лл. 30—31.

О письме Курочкина — см. «Некрасовский сборник», 65.

12. Минаева, Екатерина (жена поэта Д. Д. Минаева)

Письмо без даты <средина мая 1866 г.> с просьбой исходатайствовать ей пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Мой муж, как Вам известно, арестован теперь...» — 1 л. 20,8×13,2 см. Пометы: «Настоящее письмо передано мне распечатанным, за отъездом Н. А. Некрасова, г. Пятковским, который заявил, что г-жа Минаева живет на углу Гончарной и Полтавской улиц, в доме Воронина, квартира № 84. П. Пекарский. 23 мая 1866 года»; «В заседании Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 31 мая поручено навести справки члену Комитета, С. П. Щепкину. Секретарь К. Кавелин».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, л. 131.

Напечатано в «Некрасовском сборнике», 66.

13. Новоселов, Митрофан Николаевич

Письмо от 3 апреля 1864 г. с просьбой исходатайствовать ему пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Васильевич <sic!>! Нужда заставила меня обратиться к Вам...» — 2 лл. 35×22 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «23»; «Журн. 6 апр. и 18 мая, ст. 4 и 1»; «6 апреля 1864».

Бумаги Лит. фонда, т. XIII, лл. 84 и 88.

Цитаты из письма напечатаны в «Некрасовском сборнике», 64—65.

14. Его же

Письмо от 15 апреля 1866 г. с просьбой ходатайствовать о выдаче ему из средств Литературного фонда ссуды на поездку в некоторые местности России для ознакомления с их бытом и экономикой с тем, чтобы осветить их впоследствии в своих статьях, а также и на продолжение образования. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Пользуюсь случаем выразить Вам глубокую признательность за Ваше ходатайство перед Комитетом...» — 1 л. 35×21,5 см. Пометы Комитета Литературного фонда: «№ 47. Журн. К. 2-го мая, ст. 3»; «Получено 2 мая 1866»; «Отказать за недостатком ручательств в Комитете. (Сослаться на § Правил)».

Бумаги Лит. фонда, т. XVII, л. 103.

О письме Новоселова — см. «Некрасовский сборник», 65.

15. Перцов, Василий

Письмо от 6 декабря 1866 г. с просьбой исходатайствовать ему пособие из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич. Я воспитывался в Пермском военном училище...» — 2 лл. 26×21 см. Помета Некрасова: «Это письмо вручил мне сам г. Перцов, которого я тут в первый раз и видел. Н. Некрасов». Пометы Комитета Литературного фонда: «№ 8. Ж. К. 9 янв. 1867, ст. 9»; «Получено 1-го янв. 1867»; «На справки».

Бумаги Лит. фонда, т. XVIII, лл. 128—129.

О письме Перцова — см. «Некрасовский сборник», 67—68.

ПИСЬМА, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВЕ ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР (ПУШКИНСКОГО ДОМА)

Указатель М. Маловой

1. Глушицкий, Николай

Письмо от 4 ноября 1870 г. с просьбой об оказании посильной помощи из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! Крайняя бедность, неимение постоянных занятий, которые мало-мальски могли бы покрывать мои насущные нужды...» — 1 л. 27×21 см. Помета Комитета Литературного фонда: «335/9 н. 70».

Архив Лит. фонда. Приложения к журналам заседаний Комитета за 1870 г.

Не издано. Об этом письме см. записку Некрасова к Гаевскому. Некрасов, V, 477.

2. Его же

Письмо от 22 февраля 1871 г. с просьбой ходатайствовать о выдаче дополнительного пособия из средств Литературного фонда. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич! В октябре месяце прошлого года, с поданным на Ваше, Милостивый Государь, имя прошением, я обращался в Литературный фонд...» — 2 лл. 21×13 см. Помета Комитета Литературного фонда: «100/1 м. 71».

Архив Лит. фонда. Приложения к журналам заседаний Комитета за 1871 г.

Не издано.

3. Мясоедова, В.

Письмо от 15 марта 1876 г. с просьбой о содействии в получении пособия от Литературного фонда для дочери Н. Полевого. Начало: «Милостивый Государь Николай Степанович <sic!>. Письмо Вашей сестры дает мне право беспокоить Вас...» — 2 лл. 21×13 см. Помета Комитета Литературного фонда: «99/15 мар. 76. § 5а».

Архив Лит. фонда. Приложения к журналам заседаний Комитета за 1876 г.

Не издано.

4. Слепцов, Василий Алексеевич

Письмо от 12 апреля 1870 г. с просьбой исходатайствовать ему из Литературного фонда вспомоществование в виде ссуды на лечение. Начало: «Многоуважаемый Николай Алексеевич. Здоровье мое, как Вам известно, в настоящее время расстроено...» — 1 л. 20,5×13,5 см. Помета Комитета Литературного фонда: «№ 116/13 апр. 1870».

Архив Лит. фонда. Приложения к журналам заседаний Комитета за 1870 г.

Напечатано в «Некрасовском сборнике», 71 (с ошибочной датой «15 апреля»). Ср. в настоящем томе, 494.

5. Цебрикова, Мария Константиновна

Письмо от 8 октября 1875 г. с просьбой выхлопотать пособие из средств Литературного фонда для Соболевой. Начало: «Милостивый Государь Николай Алексеевич. Госпожа Соболева, писавшая и в «Современнике» под псевдонимом Самойлович...» — 2 лл. 11×13 см. Помета Комитета Литературного фонда: «№ 295/13 окт.». Справка. По справке В. П. Гаевского выдано 31 янв. 1871 г. 150 р. 28 окт. 1873 г. отказано в ссуде, а 13 ноября выдано 150 р.».

Архив Лит. фонда. Приложения к журналам заседаний Комитета за 1875 г.

Не издано.

6. Щукин, Николай Семенович

Письмо от 26 ноября 1870 г. с просьбой доложить собранию Комитета Литературного фонда о выдаче ему вспоможения. Начало: «Милостивый Государь Николай Иванович, <sic!> В конце минувшего года Общество для пособия литераторам выдало мне в пособие...» — 2 лл. 21,5×13,5 см. Помета Комитета Литературного фонда: «377/7 д. 70» и справка о прежних выдачах.

Архив Лит. фонда. Приложения к журналам заседаний Комитета за 1870 г.

Не издано.

БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К НЕКРАСОВУ

Составил Ю. Масанов

Библиография учитывает все известные публикации писем к Н. А. Некрасову в периодических изданиях, сборниках, собраниях сочинений писателей, а также письма к поэту, напечатанные в настоящем томе «Литературного Наследства». Письма, имеющие косвенное отношение к Некрасову и непосредственно ему не адресованные, в библиографию не вошли. Не учтены различные указания, имеющиеся в литературе, на недошедшие до нас письма к Некрасову, например, письма А. И. Герцена 1846 г. (Ашукин, с. 66, 69), Ю. Г. Жуковского (Ашукин, с. 345), Л. Н. Толстого (Ашукин, с. 180) и др.* Расположение материала — хронологическое, по датам написания писем. При распределении писем в хронологическом указателе приняты во внимание как документальные датировки (т. е. датировка писем самими корреспондентами), так и даты, установленные исследователями и комментаторами.

Для писем с уточненными при повторных публикациях датами принята последняя, более точная дата.

Библиографическая запись содержит дату написания письма, инициалы и фамилию корреспондента и указание источника, в котором письмо опубликовано.

По условиям объема работы не указывается место написания письма и не даются аннотации, раскрывающие содержание писем.

В приложении к хронологическому указателю, отражающему интенсивность переписки с поэтом в отдельные годы, дан алфавитный указатель корреспондентов. Здесь, после фамилии корреспондента, перечисляются номера, под которыми учтены его письма в хронологическом указателе, с одновременным раскрытием дат этих писем (в скобках).

При составлении настоящей работы был использован список источников для библиографии писем к Некрасову, составленный для редакции «Литературного Наследства» Л. М. Добровольским, В. М. Лавровым и С. А. Рейсером.

---

* Когда верстка листов тома была завершена, удалось обнаружить еще одно неизданное письмо, адресованное Некрасову, — письмо Н. П. Боткина от 14/2 октября 1866 г. из Парижа. Приводим текст документа по подлиннику Рукописного отдела Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (М. 3422, № 8):

Любезный Некрасов!

Рекомендую тебе подателя сего письма г. Пасхалова, которого ты видал у меня в Париже, как хорошего музыканта, композитора и хорошего человека.— Будь ему полезен насколько ты можешь и чем ты можешь.

Любящий тебя

Н. Боткин

14/2 октября 1866. Париж.

Mes compliments à Madame.

Кроме того, в публикацию «Литературного Наследства» не вошли четыре неизданных письма к Некрасову Селины Лефрен-Потчер (на ломаном русском языке), хранящиеся в ЦГЛА. Три письма относятся к 1869 г. (май, 28 июля и 13 сентября) и одно к лету 1865 или 1867 г.

Ред.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

АСК —	Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916.
Достоевский, Письма, т. I —	Достоевский, Ф. М. Письма. Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. Т. I. М.-Л., 1928.
Евгеньев, Н. А. Некрасов —	Евгеньев, В. Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов. М., 1914.
Евгеньев-Максимов, Некрасов и его современники —	Евгеньев-Максимов, В. Некрасов и его современники. М., 1930.
«Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940 —	Записки Отдела рукописей (Гос. б-ка СССР им. Ленина). Вып. VI. Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин. М.-Л., 1940.
«Из лит. наследия Ф. М. Решетникова» —	Из литературного наследия Ф. М. Решетникова. Л., 1932. (Акад. Наук СССР. Ин-т рус. лит-ры. «Лит. архив», вып. 1).
ЛН —	«Литературное Наследство».
Некрасов, Неизд. стихотворения —	Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при Росс. Акад. Наук. Пг., 1922.
«Некрасовский сборник» —	Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография. Под. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пг., 1918.
«Островский. Новые материалы» —	Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Под ред. М. Д. Беляева, Л., 1924. (Труды Пушкинского Дома Росс. Акад. Наук).
«Переписка Чернышевского» —	Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым. М.-Л., 1925.
Писемский. Письма —	Писемский, А. Ф. Письма. Подгот. текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.-Л., 1936. (Акад. Наук СССР. Ин-т литературы. Лит. архив).
Салтыков-Щедрин, Неизд. письма —	Салтыков-Щедрин, М. Е. Неизданные письма. (1844—1889). Ред. Н. В. Яковлева. М.-Л., 1932. (Памятники лит. и обществ. быта).
Салтыков-Щедрин, Письма —	Салтыков-Щедрин, М. Е. Письма. 1845—1889. С прил. писем к нему и др. материалов. Под ред. Н. В. Яковлева. Л., 1924. (Труды Пушкинского Дома при Росс. Акад. Наук).
Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч.—	Щедрин, Н. (Салтыков, М. Е.) Полное собрание сочинений. Т. XVIII. М., 1937. Т. XIX. М., 1939.
«Тургенев и круг „Современника“»—	Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861. М.-Л., 1930.
Толстой, Полн. собр. соч., т. 59—	Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова, т. 59. М.-Л., 1935.
Чернышевский, Лит. наследие, т. 2—	Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. 2. Письма. М.-Л., 1928.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К НЕКРАСОВУ

1840

1. Март, 12. И. И. Башмаков. — ЛН, т. 51-52, с. 109.

1844

2. Май, 24. А. В. Кульчицкий. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 15-18.

1847

3/4. Август, 22. В. П. Боткин <Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву>.—«Голос Минувшего», 1915, № 9, с. 50-51; ЛН, т. 51-52, с. 166-167.

5. Август (конец) — сентябрь (начало). Ф. М. Достоевский. —Достоевский, Письма, т. I, с. 110.

6. Сентябрь. Н. Х. Кетчер.— ЛН, т. 51-52, с. 312.

7. Сентябрь, 11. С. М. Соловьев. — Там же, с. 511.

8. Ноябрь, 9. С. М. Соловьев. — Там же, с. 511.

1849—1866

9. Март, 18. Е. Н. Ахматова. — Там же, с. 105-106.

1850

10. Июль, 13. И. И. Панаев. — «Голос Минувшего», 1915, № 9, с. 57-58.

11. Декабрь, 12. К. А. Некрасов. — ЛН, т. 51-52, с. 411-412.

1851

12. Февраль, 24. А. С. Некрасов. — АСК, с. 41-42.

13. Август, 1. К. А. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 42-43.

1852

14. Начало года. И. С. Тургенев. — «Тургенев и круг „Современника"», с. 116.

15. Январь, 18. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 31.

16. Январь, 23. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 31-33.

17. Весна. И. С. Тургенев. — «Тургенев и круг „Современника"», с. 116.

18. Март, 5. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 39.

19. Июль, 3. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 185-186; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 193-194.

20. Август, 12. А. Ф. Писемский. — АСК, с. 144-146; Писемский, Письма, с. 52-53.

21. Сентябрь, 15. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 186-187; Толстой, Полн. собр., соч., т. 59, с. 202-203.

22/23. Сентябрь, 23. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 39.

24. Октябрь, 28. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 116-117.

25. Ноябрь, 18. Л. Н. Толстой. — «Печать и Революция», 1928, № 6, с. 90-93; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 211-212.

26. Ноябрь, 18. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 117-118.

27. Ноябрь, 27. Л. Н. Толстой. —АСК, с. 187-189 (датир. началом ноября 1852 г.); Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 213-214.

28. Ноябрь, 28. А. Ф. Писемский. — АСК, с. 146-147; Писемский, Письма, с. 54.

29. Ноябрь, 29. Д. В. Григорович. — ЛН, т. 51-52, с. 224-226.

30. Декабрь, 16. И. С. Тургенев.— «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 118-119.

31/32. Декабрь, 26. Л. Н. Толстой.—АСК, с. 189-190; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 221-222.

1853

33. Март, 29. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 39-40.

34. Сентябрь, 17. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 200-201; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 246.

35. Октябрь, 16. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 30-31.

1853—1854

36. Осень. А. В. Дружинин. — ЛН, т. 51-52, с. 237.

1854

37. Январь, 29. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 37.
38. Март, 12. А. Ф. Писемский. — АСК, с. 147-148; Писемский, Письма, с. 64-65.
39. Март, 23. М. Х. Сенюткин. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 39-40.
40. Апрель, 15. А. Ф. Писемский.—АСК, с. 148-150; Писемский, Письма, с. 66-67.
41. Июнь, 27. А. А. Фет (Шеншин). — АСК, с. 215-217.
42. Октябрь, 7. А. Ф. Писемский.—АСК, с. 150-152; Писемский, Письма, с. 78-79.
43. Октябрь, 8. И. С. Тургенев. — «Тургенев и круг „Современника“», с. 117.
44. Октябрь, 15. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 119.
45. Октябрь, 22. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 120.
46. Октябрь, 29. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 120-121.
47. Ноябрь, 8. И. С. Тургенев. — «Тургенев и круг „Современника“», с. 118-119.
48. Декабрь, 19. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 201-202; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 286-287.

1855

49. Без даты. А. В. Дружинин.— АСК, с. 103-104 (без года); Ашукин, с. 154.
50. Без даты. Я. П. Полонский. — Некрасов, Неизданные стихотворения, с. 270-273.
51. Январь, 3-4. А. Н. Майков.—АСК, с. 130-131 (без года и даты); Ашукин, с. 135.
52. Январь, 11. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 190-193; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 296-297.
52а. Февраль, 14. В. Н. Бекетов.—АСК, с. 78; Ашукин, с. 136.
53. Февраль, 25. Н. Г. Чернышевский. — «Переписка Чернышевского», с. 17; Чернышевский, Лит. наследие, т. 2, с. 333.
54. Апрель, 29. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 31-32.
55. Апрель, 30. Л. Н. Толстой. — Панаев, И. И. Литературные воспоминания с прил. писем разных лиц. СПб., 1888, с. 414-415; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с.309.
56. Май, 21. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 32.
57. Июнь, 30. А. Я. Панаева. — ЛН, т. 53-54, с. 117-118.
57а. Июль, 8. А. Я. Панаева. — ЛН, т. 53-54, с. 118-119.
57б. Июль, 9. А. Я. Панаева.—ЛН, т. 53-54, с. 119.
58. Июль, 10. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 32-34.
59. Август. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 82-85.
60. Август, 19. А. В. Дружинин. «Тургенев и круг „Современника“», с. 230-232.
61. Август, 25. Д. В. Григорович. — «Некрасовский сборник», с. 99-100 (без года); Ашукин, с. 142.
62. Август, 27. Д. В. Григорович. — «Некрасовский сборник», с. 100-102 (без года); Ашукин, с. 142.
63. Сентябрь, 2. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 34.
64. Сентябрь, 3. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 172-174.
65. Сентябрь, 4. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 177-179.
66. Сентябрь, 11. В. П. Боткин. ⟨Приписка в след. письме Тургенева⟩. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 35.
67. Сентябрь, 11. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 35.
68. Сентябрь, 14. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 85-88.
69. Сентябрь, 19. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 88-90.
70. Сентябрь, 25. К. Т. Солдатенков. — ЛН, т. 51-52, с. 507.
71. Октябрь. Д. В. Григорович. — «Некрасовский сборник», с. 102-103 (без даты); Ашукин, с. 149.
72. Октябрь. Д. В. Григорович. — «Некрасовский сборник», с. 103-104 (без даты); Ашукин, с. 149.
73. Октябрь, 4. Н. П. Сокальский. — ЛН, т. 51-52, с. 499-501.

74. Октябрь, 6. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 179-180.

75. Октябрь, 6. А. Д. Галахов. — ЛН, т. 51-52, с. 192.

76. Октябрь, 8. И. А. Гончаров. — «Современник», 1912, кн. VI, с. 173.

77. Октябрь, 16. Н. П. Сокальский. — ЛН, т. 51-52, с. 501-503.

78. Ноябрь, 9. Н. П. Сокальский. — Там же, с. 503-504.

79. Ноябрь, 17. Н. П. Сокальский. — Там же, с. 504-506.

80. Ноябрь, 18. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 180-181.

81. Ноябрь, 24. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 174-175.

82. Ноябрь, 27. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 175-176.

83. Ноябрь, 29. М. В. Авдеев. — ЛН, т. 51-52, с. 86-87.

83а. Декабрь. Начало. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 40 (без даты); Ашукин, с. 150-151.

84. Декабрь, 1. И. И. Филаретов. — ЛН, т. 51-52, с. 540.

85. Декабрь, 7. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего» 1916, № 9, с. 176-177.

86. Декабрь, 8. Д. В. Григорович. — «Некрасовский сборник», с. 104-106.

87. Декабрь, до 12. И. А. Гончаров. — «Современник», 1912, кн. VI, с. 174 (без даты); Ашукин, с. 152.

88. Декабрь, 12. И. А. Гончаров. — «Современник», 1912, кн. VI, с. 174.

89. Декабрь, 25. А. А. Фет (Шеншин). — ЛН, т. 51-52, с. 536-537.

90. Декабрь, 26. А. Е. Надеждин. — Там же, с. 405-406.

91. Декабрь, 28. А. Ф. Писемский. — Писемский, Письма, с. 91.

92. Декабрь, 31. Л. Н. Толстой. — «Современник», 1913, № 8, с. 266; Толстой, Полн. собр. соч., т. 59, с. 336.

1855—1856

93. Без даты. 2 п. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 38; Ашукин, с. 261 (датир. записки Тургенева 1856-1858 гг. и 1846-1861 гг.).

1856

94. Без даты. И. А. Гончаров.—«Современник», 1912, кн. VI, с. 174.

95. Без даты. И. А. Гончаров.—«Современник», 1912, кн. VI, с. 175.

96. Без даты. И. А. Гончаров.—«Современник», 1912, кн. VI, с. 175; Ашукин, с. 175.

97. Без даты. Л. Н. Толстой.—«Современник», 1913, кн. VIII, с. 266.

98. Без даты. Л. Н. Толстой.—«Современник» 1913, кн. VIII, с. 267.

99. Без даты. Л. Н. Толстой.—«Современник», 1913, кн. I, с. 239-241.

100. Без даты. И. С. Тургенев.—«Тургенев круг „Современника"», с. 121.

101. Январь, 18. К. Т. Солдатенков. — ЛН, т. 51-52, с. 508.

102. Январь, 21. И. В. Базунов. — Там же, с. 107.

103. Январь, 30. И. А. Гончаров. — «Современник», 1912, кн. VI, с. 175.

104. Февраль, 10. Н. П. Шаликова. — ЛН, т. 51-52, с. 548-549.

104а. Март, 3. В. П. Боткин.—«Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 181-182.

105. Март, 20. К. Т. Солдатенков. — ЛН, т. 51-52, с. 508.

106. Март, 24. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 185-186.

107. Март, 25. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 186-188.

108. Март, 28. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 188-189.

109. Март, 30. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 189-190.

110. Апрель, 8. К. Т. Солдатенков. — «Голос Минувшего», 1916, № 9, с. 183-184; ЛН, т. 51-52, с. 509-510.

111. Апрель, 19. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 92-93.

112. Апрель, 19-20. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 92 (без даты); Ашукин, с. 159.

112а. Апрель, 25. А. В. Сухово-Кобылин. — ЛН, т. 51-52, с. 520.

113. Май, 6. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 35.

114. Май, 15. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 94-95.

115. Май, 22. А. В. Дружинин. — «Тургенев и круг „Современника"», с. 233-234.

116. Май, 25. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 36.

117. Июнь, 4. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 37.

118. Июнь, 12. Л. Н. Толстой. — «Современник», 1913, кн. VIII, с. 267-268.

119. Июнь, 23. В. И. Даль. — ЛН, т. 51-52, с. 232.

120. Июнь, 27. А. Н. Островский. — «Памяти Островского». Сб. статей, 1924, с. 70-71.

121. Июнь, 28. Н. В. Берг. — ЛН, т. 51-52, с. 113-114.

122. Июнь, 29. Л. Н. Толстой. — «Современник», 1913, кн. VIII, с. 268-269.

123. Июнь, 30. Н. В. Берг. — ЛН, т. 51-52, с. 116-118.

124. Первая половина года. И. С. Тургенев.— «Тургенев и круг „Современника"», с. 119-120 (1855—1856 гг.); Ашукин, с. 159.

125. Июль, 6. Н. В. Берг. — ЛН, т. 51-52, с. 120.

126. Июль, 10. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 5-6, с. 37.

127. Июль, 16(28). А. А. Фет (Шеншин). — ЛН, т. 51-52, с. 538.

128. Июль, 18. А. Н. Островский. — «Островский. Новые материалы», с. 204.

129. Июль, 24. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 95.

130. Июль, 25. П. В. Анненков. — ЛН, т. 51-52, с. 96-97.

131. Июль, 29. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 95-96.

132. Август, 1. А. Н. Островский. — «Островский. Новые материалы», с. 211.

133. Август, 2. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 96.

134. Сентябрь, 22. В. П. Боткин. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 97.

135. Сентябрь, 24. Н. Г. Чернышевский. — «Переписка Чернышевского», с. 17-27; Чернышевский, Лит. наследие, т. 2, с. 333-339.

136. Ноябрь, 5. Н. Г. Чернышевский — «Переписка Чернышевского», с. 27-38; Чернышевский, Лит. наследие, т. 2, с. 339-347.

137. Ноябрь, 22. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 35.

138/9. Декабрь. И. С. Тургенев. — «Звенья», вып. V, 1935, с. 262-264.

140. Декабрь, 5. Н. Г. Чернышевский. — «Переписка Чернышевского», с. 38-40; Чернышевский, Лит. наследие, т. 2, с. 347-348.

1856—1864

141. Март, 15. А. И. Кроненберг. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 32.

1857

142. Январь, 7. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 35.

143. Февраль, 7. Н. Г. Чернышевский. — «Переписка Чернышевского», с. 40-46; Чернышевский, Лит. наследие, т. 2, с. 349-352.

144. Февраль, 13. Н. Г. Чернышевский. — «Переписка Чернышевского», с. 46-49; Чернышевский, Лит. наследие, т. 2, с. 352-354.

145. Лето. А. С. Некрасов. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 38.

146. Июнь, 28 (июль, 10). А. И. Герцен.—Батуринский, В. П., А. И. Герцен, его друзья и знакомые. Т. I, СПб., 1904, с. 74-75, Герцен, А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. VIII, Пг., 1919, с. 549-551.

147. Июль, 8. М. Н. Лонгинов. — АСК, с. 124.

148/9. Июль, 14. К. А. Некрасов.— АСК, с. 64-66 (без года); Ашукин, с. 88 (датир. предположительно).

150. Июль, 21. Д. В. Григорович. — «Некрасовский сборник», с. 106-107.

151. Август, 3. А. С. Некрасов.—Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 38.

152. Август, 10. А. С. Некрасов. — АСК, с. 42-43.

153. Август, 12(24). И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 121-122.

154. Август, 27. А. С. Некрасов. — АСК, с. 43-44.

155. Сентябрь, 1(13). Л. Лихачев. — АСК, с. 121-122.

156. Сентябрь, 9(21). И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 122.

157. Сентябрь, 20. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 123.

158. Сентябрь, 24. А. С. Некрасов.— АСК, с. 44-45.

159. Сентябрь, 25. А. Н. Островский. — АСК, с. 136.

160. Октябрь, 2. А. Н. Островский. — АСК, с. 136-137.

161. Октябрь, 3. К. А. Некрасов. — АСК, с. 58-61.

162. Октябрь, 5. Д. В. Григорович. — АСК, с. 97-98 (без года); Ашукин, с. 62 (ошибочно датир. 1845 г.).

163. Октябрь, 11. В. М. Аничков. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 30.

164. Октябрь, 11. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 204-205 (без года); Ашукин, с. 197.

165. Октябрь, 12. М. В. Белинская. — АСК, с. 82-83.

166. Октябрь, 27. Д. В. Григорович.—АСК, с. 99-100 (без года); Ашукин, с. 197.

167/8. Октябрь, 29. К. А. Некрасов. — АСК, с. 67 (без года); Ашукин, с. 198.

169. Ноябрь, 11. А. С. Некрасов. — АСК, с. 46-47.

170. Ноябрь, середина м-ца. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 196; Ашукин, с. 198 (датир. по указ. М. А. Цявловского).

171. Ноябрь, 22 (декабрь, 4). И. С. Тургенев.— «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 123-124.

172. Ноябрь, 28. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 203-204 (без даты); Ашукин, с. 199 (датир. по указ. М. А. Цявловского).

173. Ноябрь, 29. А. А. Буткевич. — АСК, с. 68-70.

174. Декабрь, 2. А. Н. Островский. — АСК, с. 137.

175. Декабрь, 2. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 202 (без года); Ашукин, с. 199 (датир. по указ. М. А. Цявловского).

176. Декабрь, 18. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 193-194.

177. Декабрь, 25. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 195-196 (с датой 28 XII); Ашукин, с. 200 (датир. по указ. М. А. Цявловского).

178. Декабрь, 31. А. А. Буткевич. — АСК, с. 70-72.

1858

179. Без даты. М. Н. Лонгинов. — Некрасов, Неизданные стихотворения, с. 23.

180. Январь, 6. А. С. Некрасов. — АСК, с. 47-48.

181. Январь, 14. А. Н. Островский. — АСК, с. 138.

182. Январь, 18(30). И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 124-125.

183. Январь, 21. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 197-198.

184. Январь, 24. А. Н. Островский. — АСК, с. 138-139; «Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и др. из архива А. Н. Островского». М.-Л., 1932, с. 699.

185. Февраль, 8. К. А. Некрасов. — АСК, с. 61-63.

186. Февраль, 17. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 198-199.

187. Февраль, 26. Л. Н. Толстой. — АСК, с. 199-200.

188. Февраль, 27 (март, 11). Л. Лихачев. — АСК, с. 122-123.

189. Март, 1-3. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 125-126.

189а. Март 15-17. Л. Н. Толстой.—АСК, с. 203 (без года).

190. Март, 27 (апрель, 8). И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 126.

191. Апрель, 3. А. Н. Островский. — АСК, с. 139.

192. Май, 19. Неизвестный. — АСК, с. 226.

193. Август, 25. М. Н. Лонгинов. — АСК, с. 125-126.

194. Сентябрь, 17. И. С. Тургенев.—«Тургенев и круг „Современника"», с. 121-122.

195. Сентябрь, 18. А. С. Некрасов. — АСК, с. 48-49.

196. Сентябрь, после 19. А. С. Некрасов. — АСК, с. 49-51.

197. Сентябрь, 28. С. С. Громека. — ЛН, т. 51-52, с. 229-230.

198. Октябрь, 11. И. С. Тургенев. — «Некрасовский сборник», с. 95.

198а. Октябрь, 30. К. А. Некрасов.—АСК, с. 66 (без года); см. еще: ЛН, т. 51-52, с. 411.

199. Ноябрь, 3. М. Н. Катков. — АСК, с. 109-110.

200. Ноябрь-декабрь, после 9. И. С. Тургенев.—«Тургенев и круг „Современника"», с. 123.

201. Декабрь, 18. П. А. Радищев. — В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования, М.-П., 1923, с. 438; ЛН, т. 51-52, С. 477.

1858—1859

202. Без даты. И. С. Тургенев. — «И. С. Тургенев и его время». Сборник, под ред. Н. Бродского. М., 1923, с. 295-296; Ашукин, с. 212 (датир. концом 1858 г.).

1859

203. Без даты. Н. А. Добролюбов. — «Заветы», 1913, № 2, с. 80.
204. Без даты. Н. А. Добролюбов. — «Заветы», 1913, № 2, с. 80-81.
205. Начало года. И. С. Тургенев. — «Тургенев и круг „Современника"», с. 125; Ашукин, с. 212.
206. Январь, 5. П. В. Долгоруков. <Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву> — ЛН, т. 51-52, с. 233.
207. Февраль, 17. А. А. Фет (Шеншин). — АСК, с. 218.
208. Февраль, 26. П. А. Плетнев. <Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву>. — АСК, с. 269-270.
209/10. Март, 14. А. А. Фет (Шеншин). — АСК, с. 219.
211. Апрель, 4. П. А. Плетнев <Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву>. — АСК, с. 270-272.
212. Июль, 25. А. С. Некрасов. — АСК, с. 51-53.
213. Август, 19. М. Гарновский. — ЛН, т. 51-52, с. 193.
214. Август, 25. Я. П. Полонский. — «Временник Пушкинского Дома», 1913, с. 66.
215. Сентябрь, конец м-ца. С. Н. Палаузов.— «Заветы», 1913, № 2, с. 97 (без даты); Ашукин, с. 222.
215а. Октябрь, начало. С. Н. Палаузов. — «Заветы», 1913, № 2, с. 97.
216. Декабрь, 29 (январь, 10, 1860). Л. Ф. де Роберти. — ЛН, т. 51-52, с. 479.
217. Конец года. И. С. Тургенев. — «Рус. Мысль», 1902, кн. I, с. 126 (без даты); Ашукин, с. 222.

1859—1863

218. Без даты. А. В. Дружинин. — АСК, с. 104; Ашукин, с. 275.
219. Без даты. А. В. Дружинин. — АСК, с. 104; Ашукин, с. 291.

1860

220. Январь, начало. И. С. Тургенев.—«Тургенев и круг „Современника"», с. 126; Ашукин, с. 228.
221. Январь, 4. К. Д. Кавелин. — АСК, с. 107-108.
222. Январь, 6. Н. А. Добролюбов. — «Заветы», 1913, № 2, с. 79-80.
223. Январь, 10. В. Ф. Одоевский. — АСК, с. 132-135.
224. Февраль, 20. И. С. Тургенев. — «Голос Минувшего», 1916, № 10, с. 101.
225. Март, 30. Н. В. Гербель. — ЛН, т. 51-52, с. 196-197.
226. Май, 3. П. И. Пашино. — Там же, с. 433.
227. Июль, 8(20). Н. А. Добролюбов. — «Книга и Революция», 1921, № 2(14), с. 71.
228. Август, 7. А. А. Потехин. — ЛН, т. 51-52, с. 468.
229. Август, 23. Н. А. Добролюбов.— «Книга и Революция», 1921, № 2(14), с. 71-73.
230. Сентябрь, 3. Д. В. Григорович. — ЛН, т. 51-52, с. 227.
231. Ноябрь, 2. А. С. Некрасов. — АСК, с. 53-54.
232. Декабрь, 26. А. С. Некрасов. — АСК, с. 55-57; Ашукин, с. 239 (с датой 20 декабря?).

1861

233. Без даты. 4 п. А. А. Абаза. — АСК, с. 74-76 (№ 72, 73, 75 и 76. Без года); Ашукин, с. 261 (датир. предположительно).
234. Без даты. А. Н. Плещеев. — ЛН, т. 51-52, с. 437-438.
235. Январь, 4. А. А. Абаза. — АСК, с. 73 (без года); Ашукин, с. 242.
236. Январь, 6. А. А. Абаза. — АСК, с. 74 (без года); Ашукин, с. 242.
237. Март, 31. А. А. Абаза. — АСК, с. 75 (без года); Ашукин, с. 244.
238. Апрель. Ф. И. Рахманинов. — «Ист. Вестник», 1894, кн. III, с. 799-803.
239. Май, 27. М. Л. Михайлов. — Альманах «Круг», кн. 6, 1937, с. 221.
240. Август, 15. А. А. Абаза. — АСК, с. 73.
241. Октябрь, 14. В. Воейков. — АСК, с. 89.
242. Октябрь, 17. М. В. Авдеев. — ЛН, т. 51-52, с. 88.

243. Ноябрь, 6. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 319; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 163.

244. Ноябрь, 20. А. С. Некрасов. — АСК, с. 54-55.

245. Декабрь, 25. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 19; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 165; АСК, с. 176 (неверно датир. 1870 г.).

246. Конец года. А. Н. Плещеев. — «Вестник Европы», 1915, кн. IV, с. 151 (без даты); Ашукин, с. 254.

1862

247. Без даты. ⟨Не ранее 1862⟩. П. В. Анненков. — ЛН, т. 51-52, с. 97-98.

248. Без даты. Н. Г. Помяловский. — АСК, с. 158.

249. Январь, 3. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 28; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 165-166.

250. Январь, 12. М. А. Филиппов. ⟨В ред. «Современника»⟩. — ЛН, т.51-52, с. 542.

251. Февраль, 6. Н. П. Боткин. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 30.

252. Февраль, 12. И. В. Селиванов. — ЛН, т. 51-52, с. 484.

253. Февраль, 12. М. А. Языков. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 30-31.

254. Февраль, 21. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 29; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 166.

255. Февраль, 27. Н. К. Краббе. — ЛН, т. 51-52, с. 324.

256. Март, 2. Г. А. Щербатов. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 41.

257. Март, 19. Н. Г. Помяловский. — АСК, с. 158.

258. Апрель. Е. Н. Ахматова. — ЛН, т. 51-52, с. 106.

259. Апрель, 2. А. М. Иванов. — «Вестник Европы», 1915, кн. IV, с. 137.

260. Май, 17(29). Л. И. Мечников. ⟨В ред. «Современника»⟩. — ЛН, т. 51-52, с. 383-384.

261. Июнь, 19. Н. Г. Чернышевский. — «Переписка Чернышевского», с. 49-51; Чернышевский, Лит. наследие, т. 2, с. 354-356.

262. Август, 15. А. А. Потехин. — ЛН, т. 51-52, с. 468-469.

263. Август, 27. П. А. Плетнев. — Там же, с. 435.

264. Ноябрь, 3. Ф. М. Достоевский. — «Рус. Современник», 1924, № 1, с. 180-181; Достоевский, Письма, т. I, с. 312-313.

265. Декабрь, после 20. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма с. 32-33; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 175.

266. Декабрь, 29. М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 33-35; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 176-177.

267. Конец года. А. В. Дружинин. — ЛН, т. 51-52, с. 237-238.

1862—1863

268. Без даты. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 36; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 177.

1863

269. Февраль, не раньше 5. Ф. М. Толстой. — АСК, с. 231-233 (без даты, как письмо неизвестного); ЛН, т. 51-52, с. 580-581.

270. Февраль, 18. Н. Г. Помяловский.—ЛН, т. 51-52, с. 466.

271. Февраль, 25. В. Н. Бекетов. — АСК, с. 79 (без указ. года); Ашукин, с. 281.

272. Март, 8 н. ст. Л. И. Мечников. — ЛН, т. 51-52, с. 384.

273. Март, 25. С. И. Турбин. — Там же, с. 532.

274. Апрель, 3. Н. Г. Помяловский. — Там же, с. 466.

275. Май-июнь. М. А. Языков. — Там же, с. 556.

276. Июнь, 21. В. Н. Бекетов. — Там же, с. 110.

277. Июль, 5. И. И. Лажечников. — Там же, с. 354-355.

278. Июль, 24. И. А. Голышев. — Переписка И. А. Голышева... Владимир, 1898, с. 108-109; Ашукин, с. 286.

279. Август, 1. И. А. Голышев. — Переписка И. А. Голышева... Владимир, 1898, с. 108-109; Ашукин, с. 286.

280. Август, 15. И. А. Панаев. — ЛН, т. 51-52, с. 430.

281. Октябрь, 15. К. Веригин. — АСК, с. 228 (без года); Ашукин, с. 289.

1864

282/3. Январь, 1. Н. А. Благовещенский.—«Вестник Европы», 1915, кн. IV, с. 141; ЛН, т. 51-52, с. 124.

284. Февраль, 20, М. С. Волконский. — «Звезда», 1925, № 6(12), с. 270.

285. Март, 7. А. Н. Островский. — АСК, с. 139-140.

286. Март, 10. В. С. Глинка. — «Некрасовский сборник», с. 64; ЛН, т. 51-52, с. 623.

287. Апрель, 3. М. Н. Новоселов. — ЛН, т. 51-52, с. 625; Ашукин, с. 296 (невер. датир. 6 апреля).

288. Август, 4. Ф. Е. Мейер. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 37.

289. Август, 18. С. В. Звонарев. — АСК, с. 238-240; Ашукин, с. 298 (с неверной датой 12 августа).

290. Август, 21. С. В. Звонарев. — АСК, с. 240-241.

291. Август, 21. И. А. Панаев. — АСК, с. 142.

292. Август, 25. А. Ф. Головачев. — АСК, с. 95-96.

293. Август, 26. С. В. Звонарев. — АСК, с. 241-243.

294. Август, 26. К. А. Некрасов. — АСК, с. 63-64 (без года); Ашукин, с. 298.

295. Сентябрь, 22. А. И. Левитов. — «Вестник Европы», 1915, кн. IV, с. 141-142; ЛН, т. 51-52, с. 373-374.

296. Октябрь. А. Н. Островский. — «Островский. Новые материалы», с. 205.

297. Октябрь, 5. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 170-171; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 22-23; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 184-185. Ранее неверно датир. 1863 г. (указ. С. А. Макашина).

298. Октябрь, 7. Н. И. Филимонов. — АСК, с. 220; ЛН, т. 51-52, с. 541.

299. Ноябрь-декабрь. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 192.

300. Декабрь, 1. А. К. Шеллер-Михайлов. — «Вестник Европы», 1915, кн. IV, с. 142-143; «Голос Минувшего», 1915, № 9, с. 49.

1864—1865

301. Декабрь, 8, 1864 — январь, 6, 1865. П. В. Васильев. — ЛН, т. 51-52, с. 172.

1865

302. Без даты. В. Писарев (по поручению Д. И. Писарева). — «Современник», 1865, № 3, с. 218-220.

303. Январь, 10(22). П. А. Плетнев. — ЛН, т. 51-52, с. 436.

304. Март, начало. А. Н. Майков. — Там же, с. 375-376.

305. Март, 10. П. А. Дубовицкий. — Там же, с. 239.

306. Апрель, 8. М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 43-45; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 196-197.

307. Сентябрь, 2. Ф. М. Решетников. — «Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», с. 344-345.

1865—1866

308. Декабрь 1865 — январь 1866. А. Н. Плещеев. — ЛН, т. 51-52, с. 438-439.

1866

309. Январь, 13. В. С. Курочкин. — ЛН, т. 51-52, с. 624.

310. Февраль, 15. Ф. М. Решетников. — «Голос Минувшего», 1915, № 10, с. 49; «Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», с. 346-347.

311. Февраль, 24. Ф. Ф. Веселаго. — ЛН, т. 51-52, с. 188.

312. Март, 3. Ф. М. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 581.

313. Март, 18. И. Д. Делянов. — «Некрасовский сборник», с. 57-58; ЛН, т. 51-52, с. 624.

314. Март, 18. Д. Л. Михаловский. — ЛН, т. 51-52, с. 394-396.

315. Апрель. А. Н. Островский. — «Островский. Новые материалы», с. 205-206; Ашукин, с. 320.

316. Апрель. А. Н. Островский. — «Островский. Новые материалы», с. 206; Ашукин, с. 321.

317. Апрель, 1-3. И. Д. Захаров. — ЛН, т. 51-52, с. 624.

318. Апрель, 5(17). С. П. Колошин. — Там же, с. 624.

319. Апрель, 15. М. Н. Новоселов. — Там же, с. 625.

320. Апрель, 17. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 440-441.

321. Май, 4. В. А. Зиновьев. — Там же, с. 624.

322. Май, 16. В. С. Глинка. — Там же, с. 624.

323. Май, 18. И. Брыкалов.—«Некрасовский сборник», с. 65; ЛН, т. 51-52, с. 623.

324. Май, середина. Е. Минаева. — «Некрасовский сборник», с. 66; ЛН, т. 51-52, с. 625; Ашукин, с. 323 (датир. 23-31 мая).

325. Май, 20. Ф. М. Решетников — «Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», с. 348.

326. Июнь, 3. С. В. Звонарев. — АСК, с. 244-245 (с неверн. датой 3 июля); Ашукин, с. 323.

327. Июнь, 3. Ф. М. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 582.

328. Июнь, 14. А. А. Казаринов. — АСК, с. 229.

329. Июль, 5. Л. Дмитриев. — АСК, с. 101.

330. Июль, 10. С. В. Звонарев. — АСК, с. 245-247.

331. Июль, 11. В. Ф. Фермор. — АСК, с. 213-214.

332. Июль, середина м-ца. А. А. Буткевич. — АСК, с. 72 (без даты); Ашукин, с. 325.

333. Июль, 17. Неизвестный. — АСК, с. 233-235.

334. Июль, 17. А. Н. Островский. — АСК, с. 140-141.

335. Июль, 27. Таскиев (псевд. Сибиряк-Угрюмец).—«Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 40.

336. Август, 24. С. В. Звонарев. — АСК, с. 251-253.

337. Август, 27. А. Н. Пыпин. — АСК, с. 159-160.

338. Сентябрь. С. В. Звонарев. — АСК, с. 245-247; Ашукин, с. 329.

339. Сентябрь, 30. С. В. Звонарев. — АСК, с. 254.

340. Октябрь, 7. С. В. Звонарев. — АСК, с. 255-256.

340а. Октябрь 14(2). Н. П. Боткин. — ЛН, т. 51-52, с. 627.

341. Декабрь, 5(17). А. В. Плетнева. — ЛН, т. 51-52, с. 436.

342. Декабрь, 6. В. Перцов.—Там же, с. 625; Ашукин, с. 331 (с неверной датой 1 янв. 1867 г.).

1867

343. Март, 5. С. В. Звонарев. — АСК, с. 257.

344. Июль, 14(26). С. П. Колошин. — АСК, с. 224-225.

345. Июль, 20. Д. И. Писарев. — «Нива», 1918, № 27, с. 119.

346. Август, 3. В. А. Слепцов. — ЛН, т. 51-52, с. 493.

347. Август. 21. П. И. Якушкин. — Там же, с. 564-565.

348. Октябрь, 14. А. Н. Якоби. — Там же, с. 560.

349. Октябрь, 28. А. Н. Якоби. — Там же, с. 562.

350. Октябрь, 31. М. В. Авдеев. — Там же, с. 89.

351. Ноябрь, 8. В. Майков. — Там же, с. 378.

352. Ноябрь, 19. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 45-46; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 198.

353. Ноябрь, 26. М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 46-47; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 198-199.

354. Декабрь. В. А. Слепцов. — ЛН, т. 51-52, с. 494.

355. Декабрь. В. А. Слепцов. — Там же, с. 494.

356. Декабрь. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 584.

357. Декабрь, 3. Ф. М. Решетников. — «Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», с. 352-353.

358. Декабрь, 6. И. Брыкалов. — ЛН, т. 51-52, с. 623.

359. Декабрь, 6. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 47-48; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 199.

360. Декабрь, 8. А. Н. Плещеев. — ЛН, т. 51-52, с. 441.

361. Декабрь, 20. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 48; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 199-200.

362. Декабрь, 22. И. В. Павлов. — ЛН, т. 51-52, с. 426-427.

363. Декабрь, 22. Я. П. Полонский. — Некрасов, Неизд. стихотворения, с. 275-276.

364. Декабрь, 25. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 49; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 200-201.

365. Декабрь, 30. Д. Я. Колбасин. — «Рус. Записки», 1915, № 9, с. 179-180.

366. Декабрь, 30. Н. И. Филимонов—ЛН, т. 51-52, с. 541.

367. Конец года. П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 132-133.

1868

368. Без даты. А. А. Абаза. — Там же, с. 85.

369. Без даты. Д. К. Гирс. — «Рус. Богатство», 1918, № 1-3, с. 127.

370. Без даты. И. А. Гончаров. — «Красная Новь», 1928, № 1, с. 187-191.

371. Без даты. И. А. Гончаров. — «Минувшие Дни», 1927, № 1, с. 142-143; Ашукин, с. 349 (датир. весной 1868 г.).

372. Без даты. Г. З. Елисеев. — «Рус. Записки», 1916, № 1, с. 51-52.

373. Начало года. Г. З. Елисеев. — «Рус. Записки», 1916, № 1, с. 49-50; Ашукин, с. 340.

374. Без даты. А. Н. Пыпин. — «Звенья», вып. V, 1935, с. 503.

375. Январь, 3. Н. Д. Зайончковская. — ЛН, т. 51-52, с. 289.

376. Январь, 7(19). А. М. Жемчужников. — Там же, с. 274-275.

377. Январь, 7. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 441-442.

378. Январь, 9. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 49-50 Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 201.

379. Январь, 15. Н. К. Краббе. — ЛН, т. 51-52, с. 324.

380. Январь, 19. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 50; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 201.

381. Январь, 23. П. М. Ковалевский. — ЛН, т. 51-52, с. 314-315.

382. Январь, 26 (февраль, 7). А. М. Жемчужников. — Там же, с. 275-276.

383. Январь, 27. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 51; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 202.

384. Январь, 30. Г. З. Елисеев. — ЛН, т. 51-52, с. 244.

385. Январь, конец м-ца. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 243.

386. Февраль, начало. Д. К. Гирс. — Там же, с. 202.

387. Февраль, 1. Д. К. Гирс. — Там же, с. 200-202.

388. Февраль, 7. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 244.

389. Февраль, 9. А. И. Левитов. — Там же, с. 374.

390. Февраль, 12(24). А. М. Жемчужников. — Там же, с. 276.

391. Февраль, 18. Д. К. Гирс. — Там же, с. 203.

392. Февраль, 18. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 51; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 202.

393. Февраль, 20. Д. К. Гирс. — ЛН, т. 51-52, с. 203.

394. Февраль, 26. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 245.

395. Февраль, 27. Д. Д. Минаев. — Там же, с. 390.

396. Февраль, 27. П. И. Якушкин. — Там же, с. 566.

397. Февраль, 28. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 584-585.

398. Весна, А. А. Краевский. — Там же, с. 328; Ашукин, с. 346 (весна 1868 г.).

399/400. Март. Д. К. Гирс. — ЛН, т. 51-52, с. 203.

401. Март, начало. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 246.

402. Март, 2. А. А. Краевский. — Там же, с. 327-328.

403. Март, 4. М. Е. Салтыков-Щедрин, —Салтыков-Щедрин, Письма, с. 52; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 202.

404. Март, 6. Г. З. Елисеев. — ЛН, т. 51-52, с. 245-246.

405. Март, 14. Е. В. де Роберти. — Там же, с. 478.

406. Март, 21. М. Е. Салтыков-Щедрин.—«Печать и Революция», 1927, № 4, с. 53-54; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 203.

407. Март, 24. А. М. Жемчужников. — «Голос Минувшего», 1915, № 11, с. 82.

408. Март, 25. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 5, с. 54; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 203-204.

409. Март, 26. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 52; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 204.

410. Март, 29 (апрель, 10). А. М. Жемчужников.— «Голос Минувшего», 1915, № 11, с. 82; ЛН, т. 51-52, с. 277; см. еще № 414.

411. Конец марта — начало апреля. Д. К. Гирс. 2 п. — ЛН, т. 51-52, с. 204-206.

412. Конец марта — начало апреля. Д. К. Гирс. 2 п. — Там же, с. 206-209.

413. Апрель, начало. Д. К. Гирс. — Там же, с. 209.

414. Апрель 1(13). <Приписка в письме № 410> А. М. Жемчужников. — Там же, с. 277-278.

415. Апрель, 14. Д. К. Гирс. — Там же, с. 209.

416. Апрель, 22 (май, 4). А. М. Жемчужников. — Там же, с. 279.

417. Апрель, 22. С. Н. Терпигорев.—Там же, с. 522-523; Ашукин, с. 458 (с неверн. датир. 1875 г.).

418. Апрель, 25. Д. К. Ги́рс. — ЛН, т. 51-52, с. 210.

419. Апрель, 29. Д. Л. Мордовцев. — Там же, с. 401-402.

420. Апрель, конец. М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 53; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 204-205.

421. Май, 5. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 53-54; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 205.

422. Май, 9. А. А. Краевский. — ЛН, т. 51-52, с. 328.

423. Май, около 9. М. А. Маркович. — Там же, с. 382.

424. Май, 12. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 54-55; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 206.

425. Май, 19. Ф. М. Решетников. — «Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», с. 354-355.

426. Май, 23. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 55; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 206.

427. Май, 27. А. Н. Якоби. — ЛН, т. 51-52, с. 562.

428. Май, 28. Ф. Э. Ромер. <В ред. «Отеч. Зап.»> — Там же, с. 482.

429. Май-июнь. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 247.

430. Май (конец) или июнь (начало). П. И. Вейнберг. — Там же, с. 178.

431. Вторая половина года. М. В. Авдеев. — Там же, с. 90.

432. Июнь, 12. Е. Степанов. — Там же, с. 515.

433. Июль, 3. Д. Л. Мордовцев. — Там же, с. 403-404.

434. Июль, 5. Д. К. Гирс. — Там же, с. 210.

435. Июль, 6. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 585-586.

436. Июль, 9. П. И. Якушкин. — Там же, с. 566.

437. Июль, 16. П. И. Якушкин. — Там же, с. 566-567.

438. Июль, 17. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 586.

439. Июль, 20. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 442-443.

440. Июль, 22. Е. Степанов. — Там же, с. 515.

441. Июль, 29. Р. Р. Штрандман. — Там же, с. 549.

442. Август. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 592.

443. Август, 4. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 587-588.
444. Август, 5. Д. Л. Михаловский. — Там же, с. 396.
445. Август, 7. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 588.
446. Август, 8. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 589-590.
447. Август, после 9. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 590.
448. Август, после 9. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 591-592.
449. Сентябрь, 8-10. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 593-594.
450. Сентябрь, 16. П. И. Якушкин. — Там же, с. 567.
451. Сентябрь, 17. Н. К. Краббе. — Там же с. 324.
452. Сентябрь, 21. М. Е. Салтыков-Щедрин, — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 54-55; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 211.
453. Сентябрь, 24. П. И. Якушкин. — ЛН, т. 51-52, с. 567.
454. Сентябрь, 29. П. И. Вейнберг. — Там же, с. 179-180.
455. Сентябрь-октябрь. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 248.
456. Октябрь, 4. Н. К. Краббе. — Там же, с. 325.
457. Октябрь, 13. А. М. Иванов. — Там же, с. 624.
458. Октябрь, 14. Ф. М. Решетников.—«Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», с. 355-356.
459. Октябрь, 17. А. А. Краевский. — ЛН, т. 51-52, с. 329.
460. Октябрь, 21. Ф. Д. Нефедов. — Там же, с. 415-416.
461. Октябрь, 24. Д. К. Гирс. — Там же, с. 210.
462. Октябрь, 26. М. В. Авдеев. — Там же, с. 90.
463. Октябрь (конец) — ноябрь, начало.— Г. З. Елисеев. — Там же, с. 248-249.
464. Ноябрь, 1. Ф. М. Решетников. — «Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», с. 356-357.
465. Ноябрь, 8. Ф. М. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 595-596.
466. Ноябрь, 10. Д. К. Гирс. — Там же, с. 211-212.
467. Ноябрь, 14(26). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 133.
468. Ноябрь, 15(27). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 134.
469. Ноябрь, 28. В. Я. Фукс. — Там же, с. 543.
470. Декабрь. Н. И. Верховский. — Там же, с. 623.
471. Декабрь. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 597.
472. Конец года. Д. К. Гирс. — Там же, с. 213.

1868—1871

473. Без даты. 3 п. В. А. Слепцов.—Там же, с. 497.

1868—1872

474. Без даты. 3 п. В. Я. Фукс. — «Рус. Богатство», 1918, № 4-6, с. 66.

1869

475/76. Без даты. Н. К. Михайловский. — «Рус. Записки», 1915, № 9, с. 188-189; Евгеньев-Максимов, Н. А. Некрасов и его современники, с. 316-318.
477. Январь, 29. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 597-599.
478. Январь, 30. Ф. Д. Нефедов. — Там же, с. 416-417.
479. Февраль. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 600.
480. Февраль, 3. П. И. Вейнберг. — Там же, с. 180.
481. Февраль, 8. Н. К. Михайловский. — «Рус. Записки», 1915, № 9, с. 187-188; Евгеньев-Максимов, Н. А. Некрасов и его современники, с. 315-316.
482. Февраль, 27. П. И. Вейнберг. — ЛН, т. 51-52, с. 181-182.
483. Февраль, 29〈!〉 М. Я. Панаева. — Там же, с. 431-432.
484. Март, 24 (апрель, 5). А. М. Жемчужников. — Там же, с. 280-281.
485. Апрель, 5. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 56-57; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 211-212.
485а. Апрель, 6(18). А. М. Жемчужников. — ЛН, т. 51-52, с. 281-282.
486. Апрель, 18. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 57-58; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 213.

486а. Апрель, 17(29). А. М. Жемчужников.— ЛН, т. 51-52, с. 282.
487. Апрель, 20. Г. Яковлев. — «Некрасовский сборник», с. 108-109.
488. Апрель, 26 (май, 8). А. М. Жемчужников. — ЛН, т. 51-52, с. 282-283.
488а. Начало лета. Ф. М. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 600.
489. Май, 1. В. М. Лазаревский. — Там же, с. 357-358.
490. Май, 22. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 58-59; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 216-218.
491. Май, 24. А. Н. Ераков. — «Звезда», 1927, № 12, с. 128-129.
492. Май, 29. А. Н. Ераков. — «Звезда», 1927, № 12, с. 118.
493. Май, 29. В. М. Лазаревский. — ЛН, т. 51-52, с. 360-361.
494. Июнь, 9. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 56-59; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 218-219.
495. Июнь, 19. М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 59-60; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 219-220.
496. Июль, 7. И. Р. Тарханов. — ЛН, т. 51-52, с. 521.
497. Июль, 9. Г. З. Елисеев. — «Рус. Записки», 1916, № 1, с. 50, 61; Евгеньев-Максимов, Н. А. Некрасов и его современники, с. 293-294; ЛН, т. 51-52, с. 249-250.
498. Июль, 12. В. М. Лазаревский. — ЛН, т. 51-52, с. 364-365.
499. Июль, 25. А. Н. Ераков. — «Звезда», 1927, № 12, с. 130-131.
500. Июль, 30 (август, 11). И. А. Гончаров. — ЛН, т. 51-52, с. 220.
501. Июль, 30. В. М. Лазаревский. — Там же, с. 366.
502. Июль, 30 (август, 11). М. Н. Турунов. — Там же, с. 532-533.
503. Август, 6. В. М. Лазаревский. — Там же, с. 367-368.
504/05. Начало лета. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 601.
506. Сентябрь, 14. П. И. Якушкин. — Там же, с. 567.
507. Сентябрь, 17. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 601.
508. Сентябрь, 23. Д. Д. Минаев. — Там же, с. 391.
509. Октябрь, 11-12. А. Н. Ераков. — «Звезда», 1927, № 12, с. 132.
510. Ноябрь, 4. Н. К. Михайловский. — «Рус. Записки», 1915, № 9, с. 189-190; Евгеньев-Максимов, Н. А. Некрасов и его современники, с. 318-319.
511. Ноябрь, 5. П. И. Якушкин. — ЛН, т. 51-52, с. 567.
512. Ноябрь, 17. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 444.
513. Ноябрь, до 18. В. А. Крылов. — Там же, с. 339.
514. Ноябрь, 21. П. И. Вейнберг. — Там же, с. 182.
515. Ноябрь-декабрь. А. Н. Островский. — «Островский. Новые материалы», с. 208.
516. Декабрь, 1. А. Н. Плещеев. — ЛН, т. 51-52, с. 444-445.
517. Декабрь, 3. Ф. П. Еленев. — Там же, с. 240-241.
518. Декабрь, 20. Ф. М. Решетников. — «Из лит. наследия Ф. М. Решетникова», 360-361.
519. Декабрь. М. В. Авдеев. — ЛН, т. 51-52, с. 91.
520. Декабрь. Д. К. Гирс. — Там же, с. 213.
521. Конец года. 2 п. А. Н. Островский.—«Островский. Новые материалы», с. 206-207.

1869—1871

522. Ноябрь, 4. В. П. Буренин. — ЛН, т. 51-52, с. 169.

1860-е гг.

523. Без даты. И. С. Тургенев. — «Тургенев и круг „Современника"», с. 127.
524. Сентябрь, 7. В. М. Аничков. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 30.

1860-е гг. (конец) — 1870-е гг. (начало)

525. Без даты. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 60 Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 222.
526. Без даты. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 61; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 222.

1870

527. Без даты. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 61; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 222.

528. Январь, 5. М. В. Авдеев. — ЛН, т. 51-52, с. 91.

529. Январь, 24. Я. П. Полонский. — «Современник», 1915, № 3, с. 120-121; Некрасов, Неизд. стихотворения, с. 277-278.

530. Январь, 30. Я. П. Полонский. — «Современник», 1915, № 3, с. 122-123.

531. Февраль. Ф. М. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 602.

532. Февраль, 12. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 603-604.

533. Февраль, 18. Д. Л. Мордовцев. — Там же, с. 404.

534. Март, 8. Э. К. Ватсон. — Там же, с. 174.

535. Март, 10. Э. К. Ватсон. — Там же, с. 175.

536. Март, 16. А. А. Краевский. — Там же, с. 329-330.

537. Март, 25 (апрель, 6). А. М. Жемчужников.—«Современник», 1915, № 3, с. 125-126; ЛН, т. 51-52, с. 283-285.

538. Апрель, 12. В. А. Слепцов. — «Некрасовский сборник», с. 71 (с непр. датир. 15 апр.); ЛН, т. 51-52, с. 494, 626.

539/40. Апрель, 14. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 60; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 225.

541. Май, 4. И. А. Ковалевский. — ЛН, т. 51-52, с. 313.

542. Май, 25. Н. П. Вагнер. — Там же, с. 171-172.

543. Май, 28 (июнь, 9). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 135.

544. Май, 29. П. К. Меньков. — Там же, с. 382.

545. Июнь, 2. А. С. Пругавин. — Там же, с. 471-473.

546. Июнь, 10. М. Е. Салтыков-Щедрин.—АСК, с. 177-178; (с датой 10 июля); Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 226-227.

547. Июнь, 11. А. С. Пругавин.—ЛН, т. 51-52, с. 474.

548. Июнь, 14. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 178-179 (без года, с датой 14 июля); Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 227.

549. Июнь, 25 (июль, 7). П. Д. Боборыкин. — АСК, с. 236; ЛН, т. 51-52, с. 136.

550. Июнь, 27. В. В. Лесевич. — АСК, с. 120.

551. Июнь, 30. С. В. Звонарев. — АСК, с. 257-258.

552. Июль, 5. С. В. Звонарев. — АСК, с. 258-259.

553. Июль, 5(17). Н. К. Михайловский. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 37.

554. Июль, 6. А. П. Пятковский.—АСК, с. 160-161 (опубл. без указ. года и ошибочно как письмо А. Н. Пыпина); ЛН, т. 51-52, с. 475-476.

555. Июль, 12. В. М. Лазаревский.—«Зап. Отд. рукописей»,вып. VI, 1940, с. 33-34.

556. Июль, 14. А. Миллер. — АСК, с. 129.

557. Июль, 16. В. И. Водовозов. — АСК, с. 84-85.

558. Июль, 17. М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 31; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 228.

559. Июль, 19. С. В. Звонарев. — АСК, с. 259-260.

560. Июль, 23. Е. Л. Марков. — АСК, с. 127-128; ЛН, т. 51-52, с. 379-380.

561. Июль, 25. С. В. Звонарев. — АСК, с. 260-261.

562. Август, до 5. В. И. Водовозов. — АСК, с. 87-88.

563. Август, 2-8. В. И. Водовозов. — АСК, с. 85-86.

564. Август, 3. В. М. Лазаревский.—«Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 34.

565. Август, 5. С. В. Звонарев. — АСК, с. 261-263.

566. Август, 6. В. А. Слепцов.—АСК, с. 183-184 (без указ. года); ЛН, т. 51-52, с. 495.

567. Август, 13. В. И. Водовозов. — АСК, с. 86-87.

568. Август, 13. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 173-175; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 32-33; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 228-229.

569. Август, 30. Н. К. Краббе. — ЛН, т. 51-52, с. 325-326.

570. Сентябрь, 13. М. В. Авдеев. — Там же, с. 91.

571. Сентябрь, 24. Ю. Г. Короленко. — Там же, с. 322.
572. Сентябрь, 28. Н. К. Краббе. — Там же, с. 326.
573. Октябрь, 23. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 604.
574. Октябрь, 27. Д. Д. Минаев. — Там же, с. 391-392.
575. Ноябрь, 4. Н. Глушицкий. — Там же, с. 626.
576. Ноябрь, 24. В. П. Гаевский. — Там же, с. 189-190.
576а. Ноябрь, 26. Н. С. Щукин. — Там же, с. 626.
577. Декабрь, 10. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 445-446.
578. Декабрь, 12. Н. А. Благовещенский. — Там же, с. 124.

1870—1871

579. Без даты. М. Н. Цебрикова. — «Зап. Огд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 40.

1870—1874

580. Июнь, 22. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 172 (без года); Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 26; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 58.

1871

581. Без даты. Неизвестный. — АСК, с. 232 (без года); Ашукин, с. 395.
582. Январь. А. Н. Пыпин. — «Звенья», вып. V, 1935, с. 504.
583. Январь. Ф. М. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 605.
584. Февраль, 5. Г. И. Богров. — Там же, с. 163.
585. Февраль, 15. А. И. Пальм. — Там же, с. 429.
586. Февраль, 22. Н. Глушицкий. — Там же, с. 626.
587. Февраль, 23. Ф. С. Размахнин. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 38-39.
588. Февраль, конец м-ца. В. А. Слепцов. — ЛН, т. 51-52, с. 496.
588а. Март, 15. В. М. Лазаревский. — ЛН, т. 49-50, 1946, с. 499-500.
588б. Март, 17. В. М. Лазаревский. — Там же, с. 502.
589. Апрель, 7. Я. П. Полонский.—«Некрасов. Неизд. стихотворения», с. 279-283.
590. Апрель, 21. А. М. Скабичевский. — ЛН, т. 51-52, с. 489-490.
591. Май, 5. В. М. Лазаревский. — ЛН, т. 49-50, 1946, с. 504.
592. Июнь, 8. В. П. Гаевский. — АСК, с. 93.
593. Июнь, 10. Н. М. Ядринцев. — ЛН, т. 51-52, с. 554-555.
594. Июнь, 14. И. А. Кущевский. — АСК, с. 118-119; ЛН, т. 51-52, с. 350.
595. Июнь, 15. А. Н. Плещеев. — АСК, с. 156-157 (без года); ЛН, т.51-52, с. 446-447.
596. Июнь, 16. К. М. Воробьев. — АСК, с. 227-228.
597. Июнь, 18. Н. В. Холшевников. — АСК, с. 221-222.
598. Июнь, 25. Н. В. Холшевников. — АСК, с. 222-223.
599. Июнь, 27. П. Д. Боборыкин. — АСК, с. 237; ЛН, т. 51-52, с. 136-137.
600. Июль, 3(15). Н. А. Юренев. — ЛН, т. 51-52, с. 552-553.
601. Июль, 5. А. А. Краевский. — АСК, с. 113; ЛН, т. 51-52, с. 330.
602. Июль, 8. А. И. Левитов. — ЛН, т. 51-52, с. 374.
603. Июль, 14. Ф. М. Толстой. — АСК, с. 206-207 (без указ. года); ЛН, т. 51-52, с. 605-606.
604/06. Июль, 15. С. В. Звонарев. — АСК, с. 263-264.
607. Июль, 17. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 179-180; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 41; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 243.
608. Июль, 18. А. И. Предтеченский. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 38.
609. Июль, 19. А. А. Краевский. — АСК, с. 111-112; ЛН, т. 51-52, с. 331.
610. Июль, 21. Ф. М. Толстой.—АСК, с. 208-209 (без указ. года); ЛН, т. 51-52, с. 606-607.
611. Июль, 27. Ф. М. Толстой.—АСК, с. 210-211 (без года и с датой 29 июня); ЛН, т. 51-52, с. 608.

612. Июль, 31. Н. С. Курочкин. — ЛН, т. 51-52, с. 342-343.
613. Август, 14. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 609-610.
614. Август, 15. И. А. Кущевский. — Там же, с. 350.
615/17. Август, 17 или 18. А. А. Краевский. — ЛН, т. 51-52, с. 331-332.
618. Август, 20. П. И. Якушкин. — Там же, с. 568.
619. Август, 23. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 610-612.
620. Август, 29 (сентябрь, 10). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 137.
621. Сентябрь, 1. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 613.
622. Сентябрь, 11. В. А. Слепцов. — Там же, с. 496.
623. Вторая половина сентября. В. А. Слепцов. — Там же, с. 497.
624. Сентябрь, 17. И. А. Кущевский. — Там же, с. 351.
625. Сентябрь, 19. А. Г. Петров. — «Рус. Богатство», 1918, № 4-6, с. 58; ЛН, т. 51-52, с. 434.
626. Сентябрь, 27 (октябрь, 8). В. А. Зайцев.—ЛН, т. 51-52, с. 294.
627. Сентябрь, 27. И. А. Кущевский. — Там же, с. 351.
628. Сентябрь-октябрь. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 614.
629. Октябрь. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 615.
630. Октябрь, 22. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 252.
631. Ноябрь, 1. П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 138.
632. Ноябрь, 2. В. П. Бакланов. — Там же, с. 108.
633. Ноябрь, 20. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 616-617.
634. Ноябрь, 27. <В ред. «Отеч. Зап.»> В. С. Кротков. — Там же, с. 337-338.
635. Декабрь, 1. А. А. Краевский. — Там же, с. 332.
636. Декабрь, 19. Д. К. Гирс. — Там же, с. 214.
637. Декабрь, 22. Ф. М. Толстой. — Там же, с. 617-618.
638. Декабрь. Г. З. Елисеев. — Там же, с. 252-253.

1871—1872

639. Декабрь, 30. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 61; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 247.

1871—1876

640. Без даты. Катюль Мендес. — «Науч. бюллетень Ленингр. гос. ун-та», 1947, № 16-17, с. 81-84.

1872

641. Без даты. И. А. Гончаров. — «Красная Новь», 1928, № 1, с. 187-191.
642. Январь, 10(22) или 11(23) Н. С. Курочкин. — ЛН, т. 51-52, с. 344.
643. Январь, после 16. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 60; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 247.
644. Февраль, 1. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 60; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 247.
645. Февраль, 23. В. И. Немирович-Данченко. — ЛН, т. 51-52, с. 414.
646. Март. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 60; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 248.
647. Март, 3. Г. З. Елисеев. — «Рус. Записки», 1916, № 1, с. 54-55; Евгеньев-Максимов, Н. А. Некрасов и его современники, с. 286-287; ЛН, т. 51-52, с. 254.
648. Март, 14. Е. П. Елисеева.—Евгеньев-Максимов, Н. А. Некрасов и его современники, с. 303.
649. Март, конец — апрель, начало. В. П. Буренин. — ЛН, т. 51-52, с. 169-170.
650. Апрель, 24. И. А. Кущевский. — Там же, с. 352.
651. Май, без даты. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 447-449.
652. Май, конец м-ца. Г. Е. Благосветлов. — Там же, с. 127.
653. Июнь. П. А. Зузин. — АСК, с. 105.
654. Июнь, 7. Н. А. Благовещенский. — АСК, с. 80-81; ЛН, т. 51-52, с. 125.

655. Июнь, 10. М. С. Волконский. — «Звезда», 1925, № 6(12), с. 282-283.

656. Июнь, 18. В. М. Лазаревский.—«Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 35.

657. Июнь, 20. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 61-62; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 251-252.

658. Июнь, 23. Неизвестный. — АСК, с. 229.

659. Июнь, 24. В. П. Гаевский — АСК, с. 94.

660. Июнь, 25. С. В. Звонарев. — АСК, с. 265-266.

661. Июнь, 26. А. Н. Плещеев. — АСК, с. 153-154; ЛН, т. 51-52, с. 449-450.

662. Июнь, 29. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 168; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 44; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 253.

663. Июль, 3. Г. И. Богров. <В ред. «Отеч. Зап.»> — ЛН, т. 51-52, с. 163-164.

664. Июль, 3. Н. А. Зузин. — АСК, с. 106.

665. Июль, 5. М. Е. Салтыков-Щедрин.—АСК, с. 175-176; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 44-45; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 253-254.

666. Июль, 6. В. А. Шмейсер. — АСК, с. 227.

667. Июль, 9. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 176; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 45-46; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 254.

668. Июль, 10. А. Вышомирский. — АСК, с. 90-91.

669. Июль, 13. И. А. Кущевский. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 33. ЛН, т. 51—52, стр. 352.

670. Июль, до 15. В. М. Лазаревский. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 34-35.

671. Июль, 18. М. И. Успенский.—АСК, с. 212.

672. Июль, 19. Н. К. Краббе. — АСК, с. 111 (опубл. ошибочно как письмо А. А. Краевского с неверной датой 19 июня 1870 г.).

673. Июль, 22. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 173 (без указ. года); Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 46; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 259.

674. Июль, 26. Н. С. Курочкин. — АСК, с. 114-116; ЛН, т. 51-52, с. 345.

675. Июль, 26. А. Н. Плещеев. — АСК, с. 154-156; ЛН, т. 51-52, с. 450-451.

676. Июль, 27. В. А. Обручев. — ЛН, т. 51-52, с. 421-422.

677. Июль, 28. М. Е. Салтыков-Щедрин. — АСК, с. 169-170; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 46-47; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 259-260.

678. Август, 1. Н. С. Курочкин. — АСК, с. 116-117; ЛН, т. 51-52, с. 348.

679. Сентябрь, 5. Н. В. Берг. — ЛН, т. 51-52, с. 120.

680. Сентябрь, после 10. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 452-453.

681. Сентябрь, 20. М. Н. Островский. — Там же, с. 425.

682. Сентябрь, 22. А. Н. Островский. — «Вестник Европы», 1916, кн. X, с. 73.

683/4. Сентябрь, 28. Н. В. Берг. — ЛН, т. 51-52, с. 120-121.

685. Октябрь, 4. И. А. Кущевский. — Там же, с. 352.

686. Октябрь, 12. М. С. Волконский. — «Звезда», 1925, № 6(12), с. 283.

687. Октябрь, 17. Н. В. Берг. — ЛН, т. 51-52, с. 121.

688. Октябрь, 25. П. И. Вейнберг. — Там же, с. 183.

689. Октябрь, 27 (ноябрь, 8). В. А. Зайцев.—Там же, с. 295.

690. Октябрь, 30. М. С. Волконский —«Звезда», 1925, № 6 (12), с. 284.

691. Октябрь. А. Н. Плещеев. — ЛН, т. 51-52, с. 453-454.

692. Ноябрь, 27. А. Н. Пыпин. — «Звенья», вып. V, 1935, с. 505.

693. Декабрь, 2. П. И. Вейнберг. — ЛН, т. 51-52, с. 183.

694. Декабрь, 18(30). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 139-140.

695. Декабрь, 22. Д. Д. Минаев. — Там же, с. 392.

696. Декабрь, 24. А. М. Скабичевский. — «Некрасовский сборник», с. 9—10 (с купюрами и неверной датир. 1874 г.); ЛН, т. 51—52, с. 490-492.

697. Декабрь, 30. Н. А. Гернгросс. — Там же, с. 199.

1872—1877

698. Без даты. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 461.

1873

699. Без даты. А. Н. Островский. — «Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и др. из архива А. Н. Островского». М.-Л., 1932, с. 704.
700. Январь-февраль. Д. Д. Минаев. — ЛН, т. 51-52, с. 392.
701. Январь, 6(18). П. Д. Боборыкин. — ЛН, т. 51-52, с. 140.
702. Январь, 11. В. А. Обручев. — Там же, с. 422-424.
703. Январь, 26. П. И. Капнист. — «Красная Нива», 1928, № 1, ЛН, т. 51-52, с. 310.
704. Январь, 28. И. А. Гончаров. — Там же, с. 221.
705. Январь, 31. И. А. Гончаров. — «Огонек», 1927, № 51, с. 7; ЛН, т. 51-52, с. 222.
706. Январь-февраль. И. А. Рождественский. — ЛН, т. 51-52, с. 480-481.
707. Февраль, 7. И. А. Гончаров. — Там же, с. 223.
708. Февраль, 26. А. А. Краевский. — Там же, с. 332.
709. Март, 4. А. Н. Якоби. — Там же, с. 563.
710. Март, 8(20). П. В. Анненков. — «Огонек», 1927, № 51, с. 7; ЛН, т. 51-52, с. 98.
711. Март, 14(26). М. С. Волконский. — «Красная Нива», 1928, № 1, с. 8.
712. Март, 25. Н. В. Берг. — ЛН, т. 51-52, с. 122.
713. Март, 27. А. А. Краевский. — Там же, с. 334.
714. Март, 30. С. Величковская. — Там же, с. 186-187.
715. Апрель, 6(18). П. Д. Боборыкин. — Там, же, с. 140-141.
716. Апрель, 26(?). П. И. Капнист. — Там же, с. 311.
717. Апрель, 23 (май, 5). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 142.
718. Май, 27. Н. В. Берг. — Там же, с. 122.
719. Июнь, 26. А. М. Жемчужников. — Там же, с. 286.
720. Июнь, 26. А. П. Щапов. — Там же, с. 550-551.
721. Июль, 9. В. М. Лазаревский. — Там же, с. 369-370.
722. Июль, 23. А. Н. Плещеев. — ЛН, т. 51-52, с. 454-456.
723. Июль, 24. И. А. Голышев. — «Пламя», 1936, № 3, с. 21.
724. Июль, 27 (август, 8). П. Д. Боборыкин. — ЛН, т. 51-52, с. 142.
725. Июль, 27. В. М. Лазаревский. — Там же, с. 371-372.
726. Октябрь, 17. П. И. Вейнберг. — Там же, с. 183-184.
727. Октябрь, 21. В. А. Слепцов. — Там же, с. 498.
728. Ноябрь. П. И. Вейнберг. — Там же, с. 184-185.
729. Ноябрь, 3(15) <Телеграмма>. П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 144.
730. Декабрь. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 72; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 284.
731. Декабрь, 1. А. Н. Пыпин. — «Звенья», вып. V, 1935, с. 507.
732. Декабрь, 6. Н. К. Краббе. — ЛН, т. 51-52, с. 326.
733. Декабрь, 7. В. П. Мещерский. — Там же, с. 385-386.
734. Декабрь, 12. И. С. Аксаков. <В ред. «Отеч. Зап.»>. — Там же, с. 95.
735. Декабрь, 18. В. П. Мещерский. — Там же, с. 386, 388.
736. Конец года. А. Н. Пыпин. — «Звенья», вып. V, 1935, с. 506.
737. Конец года. М. К. Цебрикова. — ЛН, т. 51-52, с. 545-546.

1874

738. Без даты. И. А. Гончаров. — «Красная Новь», 1928, № 1, с. 187-191.
739. Без даты. Н. К. Михайловский. — «Рус. Записки», 1916, № 9, с. 196.
740. Без даты. В. В. Самойлов. — ЛН, т. 51-52, с. 483.
741. Без даты. Г. И. Успенский. — «Некрасовский сборник», с. 74.
742. Январь, 8(20). П. Д. Боборыкин. — ЛН, т. 51-52, с. 144, 146.
743. Январь, 17. Я. Н. Ханыков. — Там же, с. 544.
744. Январь, 25 (февраль, 6). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 146.
745. Январь, 30. Я. П. Полонский. — Некрасов, Неизд. стихотворения, с. 286-289.
746. Февраль, 1. А. В. Никитенко. — ЛН, т. 51-52, с. 418.
747. Февраль, 17 (март, 1). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 147.

748. Февраль, 24 (март, 8). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 147-148.
749. Февраль, 25. Е. Л. Марков. — Там же, с. 380.
750. Февраль, 26 (март, 10). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 148.
750а. Февраль, 26 (март, 10). П. Д. Боборыкин.—Там же, с. 148—149.
751. Февраль, 26. И. В. Федоров (Омулевский). — Там же, с. 534.
752. Февраль, 27. Я. П. Полонский.—Некрасов, Неизд. стихотворения, с. 289-293.
753. Февраль, 28. А. А. Краевский. — ЛН, т. 51-52, с. 334.
753а. Февраль, 28. М. М. Стасюлевич. — ЛН, т. 51-52, с. 512-513.
754. Февраль, 29<sic!>Я. П. Полонский.—Некрасов, Неизд. стихотворения, с. 293-296.
755. Март. П. А. Ефремов. — ЛН, т. 51-52, с. 262.
756. Март, 8. А. Н. Островский. — «Бирюч Петрогр. Гос. Акад. Театров». Пг., 1920, с. 196.
757. Март. 13. А. Н. Островский. — «Бирюч Петрогр. Гос. Акад. Театров». Пг., 1920, с. 197.
758. Март. 15. П. А. Ефремов. — ЛН, т. 51-52, с. 263-264.
759. Март, середина м-ца. И. В. Федоров (Омулевский). — Там же, с. 535.
760. Март, 17. П. А. Ефремов. — Там же, с. 264-265.
761. Март, не ранее 23 и не позже 31. А. Ф. Погосский. — Там же, с. 464.
762. Март, 23 (апрель, 4). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 149.
763. Март, 24. П. А. Ефремов. — Там, же, с. 265-266.
764. Март, 27. П. А. Ефремов. — Там же, с. 267.
765. Апрель. Л. Н. Толстой. — Там же, с. 526.
766. Апрель, 13. А. В. Никитенко. — Там же, с. 419-420.
767. Апрель, 17. А. М. Скабичевский.—Там же, с. 492.
768. После 18 апреля. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 72-73; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 285.
769. Апрель, 19 (май, 1). П. В. Анненков. — ЛН, т. 51-52, с. 100.
770. Апрель, 19 (май, 1). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 149-150.
771. Май, 20. Г. Е. Благосветлов. — Там же, с. 128.
772. Май, 30 (июнь, 11). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 150.
773. Июнь, 2. П. М. Ковалевский. — Там же, с. 315.
774. Июль, 9(21). А. Н. Ераков. — «Звезда», 1927, № 12, с. 134.
775. Июль, 25. Неизвестный.—АСК, с. 143 (без года, ошибочно опубл. с подписью И. И. Панаева); Ашукин, с. 445.
776. Август, 15. Л. Н. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 527.
777. Август, 30. Л. Н. Толстой. — Там же, с. 528.
777а. Осень, не ранее сентября. М. К. Цебрикова. — ЛН, т. 51-52, с. 546; Ашукин, с. 451. (датир. декабрем 1874 г.)
778. Сентябрь, 18. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 73; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 286.
779. Октябрь, 8. П. И. Боков. — ЛН, т. 51-52, с. 165.
780. Октябрь, 20. Ф. М. Достоевский. — «Некрасовский сборник», с. 96; Достоевский, Письма, т. III, с. 139-140.
781. Октябрь, 22. К. Д. Кавелин. — ЛН, т. 51-52, с. 307.
782. Ноябрь, 4. Л. Н. Толстой.—«Ленинградская правда», 1938, 8 янв., № 6 (6894), с. 3; перепеч. в ряде др. газет; ЛН, т. 51-52, с. 528-530.
783. Ноябрь, 8. Л. Н. Толстой. — «Лит. газета», 1938, 10 сент., № 50, с. 4; ЛН, т. 51-52, с. 530.
784. Ноябрь, 19. М. В. Авдеев. — ЛН, т. 51-52, с. 92.
785. Ноябрь, 24. П. А. Ефремов. — «Голос Минувшего», 1915, № 11, с. 90-91.
786. Декабрь, 14. Н. Н. Страхов. — ЛН, т. 51-52, с. 517.

1875

787. Без даты. А. Е. Розен. — АСК, с. 165-167; Ашукин, с. 462 (датир. июнь м-ц).
788. Начало года. Неизвестный («Архи-Квазимодо»). — ЛН, т. 51-52, с. 407.
789. Начало года. Неизвестный («Архи-Квазимодо»). — Там же, с. 408-409.

790. Первая половина года. М. В. Авдеев. — Там же, с. 92-94.

791. Январь, 7. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 73; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 286.

792. Январь-февраль. М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 74; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 286.

793. Февраль, 25. П. А. Гайдебуров. — ЛН, т. 51-52, с. 191.

794. Февраль-март. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 74; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 287.

795. Март, 26. Ф. М. Достоевский. — «Некрасовский сборник», с. 96-97; Достоевский, Письма, т. III, с. 162-163.

796. Март, 28. Н. И. Костомаров. — ЛН, т. 51-52, с. 323.

797. Март, 28 (апрель, 9). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 150-151.

798. Апрель, 2. Л. Н. Толстой. — Там же, с. 530-531.

799. Апрель, 15. Н. Н. Златовратский. — Там же, с. 300-302.

800. Апрель, вторая половина м-ца. Л. Н. Толстой. — Там же, с. 531.

801. Апрель, 27 (май, 9). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 152.

802. Апрель, 30 (май, 12) М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 78-79; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 291.

803. Май, 2(14). П. В. Анненков. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 187; ЛН, т. 51-52, с. 101.

804. Май, 5(17). П. Д. Боборыкин. — ЛН, т. 51-52, с. 152-153.

805. Май, середина м-ца. Л. Н. Толстой. — ЛН, т. 51-52, с. 531.

806. Май, 27 (июнь, 8). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 153-154.

807. Май, 28. А. Е. Розен. — АСК, с. 162-165.

808. До 2 июня. А. Н. Плещеев. — ЛН, т. 51-52, с. 457-458.

809. Июнь, 2. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 460.

810. Июнь, 15(27). М. Е. Салтыков-Щедрин.—АСК, с. 180-181; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 50; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 291-292.

811. Июнь, 25 (июль, 7). М. Е. Салтыков-Щедрин.—АСК, с. 181-182; Салтыков-Щедрин, Неизд. письма, с. 50-52; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 292-293.

812. Июль, 18. Г. И. Богров. — ЛН, т. 51-52, с. 164.

813. Июль, 21. А. Вышомирский. — АСК, с. 91-92.

814. Июль, 25 (август, 6). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 79-81; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 293-294.

815. Август, 3. В. А. Слепцов. — ЛН, т. 51-52, с. 498.

816. Август, 10(22). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 81-83; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 294-296.

817. Август, 15. Д. Л. Михаловский. — ЛН, т. 51-52, с. 398-399.

818. Август, 17(29). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 86-87; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 298.

819. Август, 18(30). Г. З. Елисеев. — «Рус. Записки», 1916, № 1, с. 62-63; ЛН, т. 51-52, с. 256-257.

820. Август, 19(31). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 87-88; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 299-300.

821. Август, 20 (сентябрь, 1). П. Д. Боборыкин. — ЛН, т. 51-52, с. 154-155.

822. Август, 23 (сентябрь, 4). М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с.88-89; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 300-301.

823. Август, 28 (сентябрь, 9). М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 89-91; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 301-302.

824. Сентябрь, 10. В.Р. Зотов. — ЛН, т. 51-52, с. 304.

825. Сентябрь, 16(28). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 179-180; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 303-304.

826. Сентябрь, 22. В. С. Кротков. — ЛН, т. 51-52, с. 338.

827. Сентябрь, 26 (октябрь, 8). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 96-97; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 307.

828. Октябрь 5(17). М. Е. Салтыков-Щедрин.— Салтыков-Щедрин, Письма, с. 97-98; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 311-312.

829. Октябрь, 8. Ф. А. Кони. — ЛН, т. 51-52, с. 320.

830. Октябрь, 8. М. К. Цебрикова. — Там же, с. 626.

831. Октябрь, 14(26). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 180-181; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 308-310.

832. Октябрь, 16(28). М. Е. Салтыков-Щедрин.—Салтыков-Щедрин, Письма, с. 101; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 314-315.

833. Октябрь, 17. В. И. Асташев. — ЛН, т. 51-52, с. 104.

834. Октябрь, 23 (ноябрь, 4). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 102-103; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 315-316.

835. Октябрь, 29 (ноябрь, 10). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 103-106; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 316-318.

836. Ноябрь, 3. М. В. Авдеев. — ЛН, т. 51-52, с. 94.

837. Ноябрь, 13. П. А. Ефремов.— ЛН, т. 51-52, с. 270.

838. Ноябрь, 14. Н. Н. Златовратский. — Там же, с. 302-303.

839. Ноябрь, 14(26). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 108-110; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 322-323.

840. Ноябрь, 24. П. А. Ефремов. — ЛН, т. 51-52, с. 271-272.

841. Ноябрь, 25 (декабрь, 7). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с.113-115; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 325-326.

842. Ноябрь, 30 (декабрь, 12). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 115-116; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 326-327.

843. Декабрь, 15. Н. Д. Зайончковская. — ЛН, т. 51-52, с. 289-290.

844. Декабрь, 19. Н. Д. Зайончковская. — Там же, с. 290.

845/46. Декабрь, после 26. М. В. Авдеев. — Там же, с. 94.

1875—1877

847. Без даты. А. Антонович. — Там же, с. 104.

1876

848. Без даты. Д. Д. Минаев. — Там же, с. 393.

849. Начало года. М. А. Веневитинов. — «Зап. Отд. рукописей», вып. VI, 1940, с. 31-32.

850. Начало года. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 186; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 65.

851. Январь, 2(14). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 181; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 329.

852. Январь, 7(19). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 117-119; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 333-334.

853. Январь, 10(22). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 181-182; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 331-332.

853а. Между 6 и 22 января. В. А. Тимирязев. — Там же, с. 524.

854. Январь, 25. П. И. Капнист. — «Красная Нива», 1928, № 1, с. 8.

855. Февраль, 9(21). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 120; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 339.

856. Февраль, 10(22). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 121; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 340.

857. Февраль, 12(24). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Красная газета» (веч. вып.), 1927, 11 июля, № 184 (1502), с. 4; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 338-339.

858. Февраль, 20 (март, 3). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 124-125; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 344-345.

859/60. Февраль, 25 (март, 8). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 126-127; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 345-346.

861. Март, 3. В. Д. и Н. Д. Давыдовы. — Там же, с. 231.

862. Март, 4(16). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с.127-129; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 347-349.

863. Март, 7(19). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 129; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 350.

864. Март, 12(24). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 132-133; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 354-355.

865. Март, 15. В. Мясоедова. — ЛН, т. 51-52, с. 626.

866. Апрель, 13(25). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 182-183; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 356.

867. Апрель, 18(30). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 183-184; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 358-359.

868. Апрель, 26 (май, 8). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 135-137; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 359-360.

869. Апрель, 27. Н. Н. Златовратский. — ЛН, т. 51-52, с. 303.

869а. Май, 6. А. А. Краевский. — ЛН, т. 51-52, с. 336.

870. Май, 15. В. А. Панаев. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 187-188.

871. Май, 15(27). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 184-185; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 360-362.

872. Май, 17 (29). М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 137-138; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 364-365.

873. Май, 18. Е. П. Иванова. — ЛН, т. 51-52, с. 306.

874. Май, 19. А. Малоземова. — Евгеньев, Н. А. Некрасов, с. 187-189.

875. Май, 22. П. И. Вейнберг. — ЛН, т. 51-52, с. 185.

876. Май, 23 (июнь, 4). М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Новый Мир», 1929, № 5, с. 185-186; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XVIII, с. 363-364.

877. Июнь, начало. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Печать и Революция», 1927, № 4, с. 61; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 65.

878. Июль, 9. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 139-140; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 66-67.

879. Июль, 10. Н. В. Гербель. — ЛН, т. 51-52, с. 197-198.

880. Июль, 12. В. А. Тимирязев. — Там же, с. 525.

881. Июль, середина. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 460.

882. Июль, 19. А. Н. Плещеев. — Там же, с. 460-461.

883. Август, 14. Н. В. Гербель. — Там же, с. 198.

884. Сентябрь, 3. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Книга и Революция», 1921, № 2(14), с. 74; Салтыков-Щедрин, Письма, с. 142-144; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 69-70.

885. Сентябрь, 11. М. Е. Салтыков-Щедрин. — Салтыков-Щедрин, Письма, с. 144-146; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 72-74.

886. Сентябрь, 12. А. А. Краевский. — ЛН, т. 51-52, с. 336.

887. Сентябрь, 21. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Книга и Революция», 1921, № 2(14), с. 75; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 74-75.

888. Сентябрь, 27. Г. З. Елисеев. — «Рус. Записки», 1916, № 1, с. 63-65; Евгеньев-Максимов, Н. А. Некрасов и его современники, с. 294-296; ЛН, т. 51-52, с. 257-258.

889. Октябрь, 11. А. А. Головачев. — ЛН, т. 51-52, с. 216-217.

890. Октябрь, 12. А. Н. Ераков. — «Звезда», 1927, № 12, с. 137-138.

891. Октябрь, 13. М. Е. Салтыков-Щедрин. — «Книга и Революция», 1921, № 2 (14), с. 75-76; Салтыков-Щедрин, Письма, с. 148-150; Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, с. 77-78.

892. Декабрь, 6. А. М. Унковский. — ЛН, т. 51-52, с. 533.

893. Декабрь, 9. Е. Я. Колбасин. — Там же, с. 316, 318.

1877

894. Январь, 11. М. М. Стасюлевич. — Там же, с. 513-514.

895. Август, 3(15). П. Д. Боборыкин. — Там же, с. 156.

1870-е гг.

896. Начало. Н. А. Долгинцева. — АСК, с. 230.
897. Октябрь, 23. П. П. Розанов. — ЛН, т. 51-52, с. 482.
898. Без даты. Н. К. Михайловский. — «Рус. Записки», 1915, № 9, с. 197.
899. Без даты. М. К. Цебрикова. — ЛН, т. 51-52, с. 547.

Без года

900. Без даты. Бартенев. — АСК, с. 77.
901. Без даты. Неизвестный. — АСК, с. 226.
902. Без даты. И. С. Тургенев. — «Тургенев и круг „Современника"», с. 127; Ашукин, с. 261 (датир. 1846-1861 гг.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КОРРЕСПОНДЕНТОВ НЕКРАСОВА

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТОМУ *

Составил Ю. Масанов

* В указатель включены личные имена, встречающиеся в тексте всех материалов настоящего тома, за исключением «Приложений».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТОМУ *

Составил Ю. Масанов

* В указатель включены личные имена, встречающиеся в тексте всех материалов настоящего тома, за исключением «Приложений».

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО НЕКРАСОВСКОГО ТОМА

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ НЕКРАСОВА

ПИСЬМА НЕКРАСОВА

Подготовка текста и примечания: И. Болотиной, Вас. Гиппиуса, К. Григорьяна, В. Евгеньева-Максимова, А. Иващенко, Л. Катанской, Ю. Красовского, В. Любимовой-Дороватовской, Н. Максимова, М. Маловой, В. Нейштадта, М. Панченко, С. Рейсера, А. Соболевой и И. Ямпольского.

Общая редакция и предисловие С. Рейсера.

Письма:

ПИСЬМА К НЕКРАСОВУ *

Публикация В. Евгеньева-Максимова. При участии: П. Беркова, Б. Бухштаба, К. Григорьяна, Л. Ланского, С. Макашина, А. Максимовича, А. Михайловой, М. Панченко, С. Рейсера, Б. Эйхенбаума и Натальи Эфрос.

Общая редакция и предисловие С. Макашина.

Письма:

* Помимо писем к Некрасову, в настоящий перечень входят также публикуемые в томе письма, адресованные в редакцию «Современника» и «Отеч. Зап.» и на имя соредакторов Некрасова по этим журналам.

В ТОМЕ 232 ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОДНА ВКЛАДКА НА ОТДЕЛЬНОМ ЛИСТЕ

В ТОМЕ 232 ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОДНА ВКЛАДКА НА ОТДЕЛЬНОМ ЛИСТЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

Технический редактор Г. Н. **Шевченко**
Корректор В. Г. **Богословский**

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18,
тел. К-3-46-68

РИСО АН СССР № 2914. А-01403. Издат. № 392.
Тип. заказ № 7771. Подп. к печ. 6/I 1949 г.
Формат бум. 70×108. Печ. л. 42$^{1}/_{2}$
Уч.-изд. л. 63. Тираж 10 000. Цена в пер. 45 руб.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.
Заказ № 6808.

